DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobranieso11tols

Книгоиздательство „Ясная Поляна“.

Tolstoi, Lev

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
сочиненій Графа Л. Н. Толстого
печатавшихся до сихъ поръ заграницею.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
(ВЫПУСКИ 1—10).

СОДЕРЖАНІЕ:

Возстановленіе ада.
Корней Васильевъ.
Воспитаніе дѣтей.
Къ политическимъ дѣятелямъ.
Новое жизнепониманіе.
Кающійся грѣшникъ.
Трудъ, смерть и болѣзнь.
Единственное средство.
Законъ.
Молитва.
Ягоды.
Требованія любви.
Смертная казнь.
Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ.
Зерно съ куриное яйцо.
Неужели такъ надо?
Стыдно.
Моя жизнь (автобіографія Л. Н. Толстого).
Исповѣдь.
Въ чемъ моя вѣра.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Спб. Коммерч. Типо-Литографія Виленчикъ, Литейный пр. 58.
1906.

891.73
T654 POL
t. 1

ПОЛНОЕ

собраніе сочиненій.

графа

Л. Н. Толстого.

печатавшихся до сихъ поръ

заграницею.

ЭЛЕКТРОПЕЧАТНЯ К. А. ЧЕТВЕРИКОВА. СПБ. КАРАВАННАЯ УЛ. 7.

Возстановленіе ада.

Это было въ то время, когда Христосъ открывалъ людямъ свое ученіе.

Ученіе это было такъ ясно, и слѣдовать ему было такъ легко, такъ очевидно избавляло оно людей отъ зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространенія.

Вельзевулъ, отецъ и повелитель всѣхъ дьяволовъ, былъ встревоженъ. Онъ ясно видѣлъ, что власть его надъ людьми кончится навсегда, если только Христосъ не отречется отъ своей проповѣди. Онъ былъ встревоженъ, но не унывалъ и подстрекалъ покорныхъ ему фарисеевъ и книжниковъ какъ можно сильнѣе оскорблять и мучить Христа, а ученикамъ Христа совѣтовалъ бѣжать и оставить его одного. Онъ надѣялся, что приговоръ къ позорной казни, поруганіе, оставленіе его всѣми учениками и, наконецъ, самыя страданія и казнь сдѣлаютъ то, что Христосъ въ послѣднюю минуту отречется отъ своего ученія. А отреченіе уничтожитъ всю силу ученія.

Дѣло рѣшалось на крестѣ. И когда Христосъ возгласилъ: „Боже мой, Боже мой, для чего ты меня оставилъ!“— Вельзевулъ возликовалъ. Онъ схватилъ приготовленныя для Христа оковы и, надѣвъ ихъ себѣ на ноги, прилаживалъ такъ, чтобы онѣ не могли быть расторгнуты, когда будутъ надѣты на Христа.

Но вдругъ послышались на крестѣ слова: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“. И вслѣдъ затѣмъ Христосъ возгласилъ: „совершилось!“ и испустилъ духъ.

Вельзевулъ понялъ, что все для него пропало. Онъ хотѣлъ снять со своихъ ногъ оковы и бѣжать, но не могъ двинуться съ мѣста. Оковы скипѣлись на немъ и держали его ноги. Онъ хотѣлъ подняться на крыльяхъ, но не могъ расправить ихъ. И Вельзевулъ видѣлъ, какъ Христосъ въ свѣтломъ сіяніи остановился во вратахъ ада, видѣлъ, какъ грѣшники отъ Адама и до Іуды вышли изъ ада, видѣлъ, какъ разбѣжались всѣ дьяволы, видѣлъ, какъ самыя стѣны ада беззвучно распались на всѣ четыре стороны. Онъ не могъ болѣе переносить этого и, пронзительно завизжавъ, провалился сквозь треснувшій полъ въ преисподнюю.

Прошло 100 лѣтъ, 200, 300 лѣтъ.

Вельзевулъ не считалъ времени. Вокругъ него былъ черный мракъ и мертвая тишина. Онъ лежалъ неподвижно и старался не думать о томъ, что было, и все таки думалъ и безсильно ненавидѣлъ виновника своей погибели.

Но вдругъ,—онъ не помнилъ и не зналъ, сколько сотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—онъ услыхалъ надъ собой звуки, похожіе на топотъ ногъ, стоны, крики, скрежетъ зубовный.

Вельзевулъ приподнялъ голову и сталъ прислушиваться.

Тому, чтобъ адъ могъ возстановиться послѣ побѣды Христа. Вельзевулъ не могъ вѣрить, а между тѣмъ, топотъ, стоны, крики и скрежетъ зубовъ становились все яснѣе и яснѣе.

Вельвевулъ поднялъ туловище, подобралъ подъ себя мохнатыя, съ отросшими копытами ноги (оковы, къ удивленію его, сами соскочили съ нихъ) и, затрепавъ свободно раскрывшимися крыльями, засвисталъ тѣмъ призывнымъ свистомъ, которымъ онъ въ прежнія времена призывалъ къ себѣ своихъ слугъ и помощниковъ.

Не успѣлъ онъ перевести дыханіе, какъ надъ головой его разверзлось отверстіе, блеснулъ красный огонь, и толпа дьяволовъ, давя другъ друга, высыпались изъ отверстія въ преисподнюю и, какъ вороны вокругъ падали, разсѣлись кругомъ Вельзевула.

Дьяволы были большіе и маленькіе, и толстые, и худые, и съ длинными, и съ короткими хвостами и острыми, прямыми и кривыми рогами.

Одинъ изъ дьяволовъ, въ накинутой на плечи пелеринкѣ, весь голый и глянцевито-черный, съ круглымъ безбородымъ; безусымъ лицомъ и огромнымъ, отвисшимъ животомъ, сидѣлъ на корточкахъ передъ самымъ лицомъ Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая, улыбался, равномѣрно, изъ стороны въ сторону помахивая длиннымъ тонкимъ хвостомъ.

— Что значитъ этотъ шумъ?—сказалъ Вельзевулъ, указывая наверхъ.—Что тамъ?

— Все то же, что было всегда,—отвѣчалъ глянцевитый дьяволъ въ перелинкѣ.

— Да развѣ есть грѣшники?—спросилъ Вельзевулъ.

— Много,—отвѣчалъ глянцевитый.

— А какъ же ученіе того, кого я не хочу называть?—спросилъ Вельзевулъ.

Дьяволъ въ пелеринкѣ оскалился такъ, что открылись его острыя зубы, и между всѣми дьяволами послышался сдержанный хохотъ.

— Ученіе это не мѣшаетъ намъ. Они не вѣрятъ въ него,—сказалъ дьяволъ въ перелинкѣ.

— Да вѣдь ученіе это явно спасаетъ ихъ отъ насъ, и онъ засвидѣтельствовалъ его своей смертью? — сказалъ Вельзевулъ.

— Я передѣлалъ его,—сказалъ дьяволъ въ перелинкѣ, быстро трепля хвостомъ по полу.

— Какъ передѣлалъ?

— Такъ передѣлалъ, что люди вѣрятъ не въ его ученіе, а въ мое, которое они называютъ его именемъ.

— Какъ ты сдѣлалъ это?—спросилъ Вельзевулъ.

— Сдѣлалось это само собою. Я только помогалъ.

— Разскажи коротко,—сказали Вельзевулъ.

Дьяволъ въ перелинкѣ, опустилъ голову, помолчалъ, какъ бы соображая, не торопясь, и потомъ началъ разсказывать

— Когда случилось то страшное дѣло, что адъ былъ разрушенъ, и отецъ, и повелитель нашъ удалился отъ насъ,— сказалъ онъ,—я пошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ проповѣдывалось то самое ученіе, которое чуть было не погубило насъ. Мнѣ хотѣлось увидать, какъ живутъ люди, исполняющіе его. И я увидалъ, что люди, жившіе по этому ученію, были совершенно счастливы и недоступны намъ. Они не сердились другъ на друга, не предавались женской прелести или не женились, или, женившись, имѣли одну жену, не имѣли имущества: все считали общимъ, не защищались отъ нападающихъ и платили добромъ за зло. И жизнь ихъ была такъ хороша, что другіе люди все болѣе и болѣе привлекались къ нимъ. Увидавъ это, я подумалъ, что все пропало и хотѣлъ уже уходить. Но тутъ случилось обстоятельство, само по себѣ ничтожное, но оно мнѣ показалось заслуживающимъ вниманія, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что надо всѣмъ обрѣзываться и не надо ѣсть идоложертвенное, а другіе считали, что это не нужно и что можно и не обрѣзываться, и ѣсть все. И я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ, что разногласіе это очень важно. и что ни той, ни другой сторонѣ никакъ не надо уступать, такъ какъ дѣло касается служенія Богу. И они повѣрили мнѣ, и споры ожесточились. И тѣ, и другіе стали сердиться другъ на друга, и тогда я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ, что они могутъ доказать истинность своего ученія чудесами. Какъ ни очевидно было, что чудеса не могутъ доказать истинности ученія, имъ такъ хотѣлось быть правыми, что они повѣрили мнѣ, и я устроилъ имъ чудеса. Устроить это было не трудно. Они всему вѣрили, что подтверждало ихъ желаніе однимъ быть въ истинѣ.

Одни говорили, что на нихъ сошли огненные языки, другіе говорили, что они видѣли самого умершаго учителя, и многое другое. Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали во имя того, кто назвалъ насъ лжецами, не хуже насъ, сами не замѣчая этого. Одни говорили про другихъ: ваши чудеса не настоящія, наши—настоящія. А тѣ говорили про этихъ: нѣтъ ваши — не настоящія, а наши — настоящія.

Дѣло шло хорошо, но я боялся, какъ бы они не увидали слишкомъ очевиднаго обмана, и тогда я выдумалъ „церковь“. И когда они повѣрили въ церковь я успокоился я понялъ, что мы спасены, и адъ возстановленъ.

— Что такое „церковь?“—строго спросилъ Вельзевулъ, не хотѣвши вѣрить тому, чтобы слуги его были умнѣе его.

— А церьковь это то, что, когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на Бога говорятъ: „Ей Богу правда то, что я говорю“,—это собственно и есть церковь, но только съ той особенностью, что люди, признавшіе себя церковью, увѣряются, что они уже не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость они не сказали, уже не могутъ отъ нея отречься. Дѣлается же церковь такъ: люди увѣряютъ себя и другихъ, что учитель ихъ, Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ людямъ законъ не былъ ложно перетолкованъ, избралъ особенныхъ людей, которые одни, или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могутъ правильно толковать Его ученіе. Такъ что люди, называющіе себя церквью, считаютъ, что они въ истинѣ не потому, что то, что они проповѣдуютъ, есть истина, а потому, что они считаютъ себя едиными законными преемниками учениковъ, ученики учениковъ и, наконецъ, учениковъ самаго учителя—Бога. Хотя и въ этомъ пріемѣ было то же неудобство, какъ и въ чудесахъ, а именно то, что люди одновременно могли утверждать каждый про себя, что они члены единой истинной церкви (что всегда и бывало),—но выгода этого пріема та, что, какъ скоро люди сказали про себя, что они церковь, и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они уже не могутъ отречься отъ того, что они сказали, какъ бы нелѣпо ни было сказанное, и что бы ни говорили другіе люди.

— Но отчего же церковь перетолковала ученіе въ нашу пользу?—сказалъ Вельзевулъ.

— А сдѣлали они это потому,—продолжалъ дьяволъ въ перелинкѣ,—что признавъ себя едиными толкователями закона Бога и убѣдивъ въ этомъ другихъ, люди эти сдѣлались высшими рѣшителями судьбы людей и потому получили высшую власть надъ ними. Получивъ же эту власть, они естественно возгордились и большею частью развратились и тѣмъ вызвали противъ себя негодованіе и вражду людей. Для борьбы же со своими врагами они, не имѣя другого орудія, кромѣ насилія, стали гнать, казнить, жечь всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ ихъ власти. Такъ что они самымъ своимъ положеніемъ были поставлены въ необходимость перетолковать ученіе въ такомъ смыслѣ, чтобы оно оправдывало и ихъ дурную жизнь, и тѣ жестокости, которыя они употребляли противъ своихъ враговъ. Они такъ и сдѣлали.

— Но вѣдь ученіе было такъ просто и ясно,—сказалъ Вельзевулъ, все еще не желая вѣрить тому, чтобы его слуги сдѣлали то, чего онъ не догадался сдѣлать,—что нельзя было перетолковать его. „Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой“,—какъ же перетолковать это?

— А на это они, по моему совѣту, употребляли разные способы,—сказалъ дьявомъ въ перелинкѣ.—У людей

есть сказка о томъ, какъ добрый волшебникъ, спасая человѣка отъ злого, превращаетъ его въ зернышко пшена, и какъ злой волшебникъ, превратившись въ пѣтуха, готовъ уже былъ склевать это зернышко, но добрый волшебникъ высыпалъ на зернышко мѣру зеренъ. И злой волшебникъ не могъ съѣсть всѣхъ зеренъ и не могъ найти то, какое ему было нужно. То же сдѣлали и они, по моему совѣту, съ ученіемъ того, кто училъ, что весь законъ въ томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы дѣлали тебѣ: они признали священнымъ изложеніемъ закона Бога 49 книгъ и въ этихъ книгахъ признали всякое слово произведеніемъ Бога, святого духа. Они высыпали на простую, понятную истину такую кучу мнимыхъ священныхъ истинъ, что стало невозможно ни принять ихъ всѣ, ни найти въ нихъ ту, которая нужна людямъ. Это ихъ первый способъ. Второй способъ, который они употребляли съ успѣхомъ болѣе тысячи лѣтъ, состоитъ въ томъ, что они просто убиваютъ, сжигаютъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ открыть истину. Теперь этотъ способъ выходитъ изъ употребленія, но они не бросаютъ его, и хотя и не сжигаютъ людей, пытающихся открыть истину, но такъ клевещутъ на нихъ, такъ отравляютъ имъ жизнь, что только очень рѣдкіе рѣшаются обличать ихъ. Это второй способъ. Третій же способъ—въ томъ, что, признавая себя церковью, слѣдовательно, непогрѣшимыми, они прямо учатъ, когда имъ это нужно, противоположному тому, что сказано въ писаніи, предоставляя своимъ ученикамъ самимъ, какъ они хотятъ и умѣютъ, выпутываться изъ этихъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, сказано въ писаніи: одинъ учитель у васъ Христосъ, и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйте наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ—Христосъ. А они говорятъ: мы одни отцы и мы одни наставники людей. Или сказано: если хочешь молиться, то молись одинъ втайнѣ, и Богъ услышитъ тебя, — а они учатъ, что надо молиться въ храмахъ всѣмъ вмѣстѣ, подъ пѣсни и музыку. Или сказано въ писаніи: не клянитесь никакъ, а они учатъ, что надо клясться въ безпрекословномъ повиновеніи властямъ, чего бы не требовали эти власти. Или сказано: не убій, а они учатъ, что можно и должно убивать на войнѣ и по суду,—закончилъ дьяволъ въ пелеринкѣ, закатилъ глаза и осклабился до самыхъ ушей.

— Это очень хорошо, — сказалъ Вельзевулъ и улыбнулся. И всѣ дьяволы разразились громкимъ хохотомъ.

— Неужели у васъ по-старому: блудники, грабители, убійцы?—уже весело спросилъ Вельзевулъ.

Дьяволы, тоже развеселившись, заговорили всѣ вдругъ, желая выказаться передъ Вельзевуломъ.

— Не по старому, а больше, чѣмъ прежде,—кричалъ одинъ.

— Блудники не помѣщаются въ прежнихъ отдѣленіяхъ,—визжалъ другой.

— Грабители теперешніе злѣе прежнихъ, — выкрикивалъ третій.

— Не наготовимся топлива для убійцъ,—ревѣлъ четвертый.

— Не говорите всѣ вдругъ, а пусть, отвѣчаетъ тотъ, кого я буду спрашивать. Кто завѣдываетъ блудомъ, — выходи и разскажи, какъ ты дѣлаешь это теперь съ учениками того, кто запретилъ перемѣнять женъ и сказалъ, что не должно глядѣть на женщину съ похотью. Кто завѣдуетъ блудомъ?

— Я. — отвѣчалъ, подползая на заду къ Вельзевулу, женоподобный, бурый дьяволъ съ обрюзгшимъ лицомъ и слюнявымъ, не переставая жующимъ, ртомъ.

Дьяволъ этотъ выползъ впередъ изъ ряда другихъ, сѣлъ на корточки, тклонилъ на бокъ голову и, просунувъ между ногъ хвостъ съ кисточкой, началъ, помахивая имъ, пѣвучимъ голосомъ говоритъ такъ:

— Дѣлаемъ мы это и по старому пріему, употребленному тобою, нашимъ отцомъ и повелителемъ, еще въ раю и предавшему въ нашу власть весь родъ человѣческій, и по новому церковному способу. По новому церковному способу мы дѣлаемъ такъ: мы увѣряемъ людей, что настоящій бракъ состоитъ не въ томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно состоитъ— въ соединеніи мужчины съ женщиной, а въ томъ, чтобы нарядиться въ самыя лучшія платья, пойти въ большое, устроенное для этого зданіе и тамъ, надѣвши на головы особенныя, приготовленныя для этого шапки, подъ звуки разныхъ пѣсенъ, обойти три раза вокругъ столика. Мы внушаемъ людямъ, что только это есть настоящій бракъ. И люди, увѣрившись въ этомъ, естественно считаютъ, что всякое, внѣ этихъ условій, соединеніе мужчины съ женщиной есть простое, ни къ чему ихъ не обязывающее удовольствіе, или удовлетвореніе гигіенической потребности, и потому, не стѣсняясь, предаются этому удовольствію.

Женоподобный дьяволъ склонилъ обрюзгшую голову на другую сторону и помолчалъ, какъ бы ожидая дѣйствія своихъ словъ на Вельзевула.

Вельзевулъ кивнулъ головой въ знакъ одобренія, и женоподобный дьяволъ продолжалъ такъ:

— Этимъ способомъ, не оставляя при этомъ и прежняго, употребленнаго въ раю способа запрещеннаго плода у любопытства, — продолжалъ онъ, очевидно желая польстить Вельзевулу,—мы достигаемъ самыхъ лучшихъ успѣховъ. Воображая себѣ, что они могутъ устроить себѣ честный церковный бракъ и послѣ соединенія со многими женщинами, люди переменяютъ сотни женъ и такъ при этомъ привыкаютъ къ распутству, что дѣлаютъ то же и послѣ церковнаго брака. Если же имъ покажутся почему-либо стѣснительными нѣкоторыя требованія, связанныя съ этимъ церковнымъ бракомъ, то они устраиваютъ такъ, что совершается второе хожденіе вокругъ столика, первое же считается недѣйствительнымъ.

Женоподобный дьяволъ замолчалъ и, утеревъ кончикомъ хвоста слюни, наполнявшія ему ротъ, склонилъ на другой бокъ голову и молча уставился на Вельзевула.

— Просто и хорошо,—сказалъ Вельзевулъ.—Одобряю. Кто завѣдуетъ грабителями?

— Я,—отвѣчалъ, выступая крупный дьяволъ съ большими кривыми рогами, съ усами, загнутыми кверху, и огромными, криво приставленными лапами.

Дьяволъ этотъ выползши, какъ и прежде, впередъ и, по военному обѣими лапами оправляя усы, дожидался вопроса.

— Тотъ, кто разрушилъ адъ,—сказалъ Вельзувелъ,—училъ людей жить, какъ птицы небесныя, и повелѣвалъ давать просящему и хотящему взять рубашку отдавать и кафтанъ, и сказалъ, что для того, чтобы спастись, надо раздать имѣніе. Какъ же вы вовлекаете въ грабежъ людей, которые слышали это?

— А мы дѣлаемъ это,—сказалъ дьяволъ съ усами, величественно откидывая назадъ голову,—точно такъ же, какъ дѣлалъ это нашъ отецъ и повелитель при избраніи Саула на царство. Точно такъ же, какъ это было внушено тогда, мы внушаемъ людямъ, что вмѣсто того, чтобы имъ перестать грабить другъ друга, имъ выгоднѣе позволить грабить себя одному человѣку, предоставивъ ему полную власть надъ собою. И эти-то люди и ихъ помощники, и помощники помощниковъ всѣ не переставая, спокойно и безобасно грабять народъ. При этомъ устанавливаютъ обыкновенно такіе законы и порядки, при которыхъ праздное меньшинство всегда можетъ безнаказанно грабить трудящееся большинство. Какъ видитъ нашъ отецъ и повелитель, въ сущности, способъ, употребляемый нами, есть старый способъ. Ново въ немъ только то, что мы сдѣлали этотъ способъ болѣе общимъ, болѣе скрытымъ, болѣе распростаненнымъ по пространству и времени, и болѣе прочнымъ. Болѣе общимъ мы сдѣлали этотъ способъ тѣмъ, что люди прежде подчинялись по своей волѣ тому, кого избирали, мы же сдѣлали такъ, что они теперь совершенно независимо отъ своего желанія подчиняются не тѣмъ, кого избираютъ, а кому попало. Болѣе скрытымъ мы сдѣлали этотъ способъ тѣмъ, что теперь уже ограбливаемые, благодаря устройству податей, особенно косвенныхъ, не видятъ своихъ грабителей. Болѣе распространенъ же по пространству этотъ способъ тѣмъ, что такъ называемые христіанскіе народы, не довольствуясь, грабежемъ своихъ грабятъ подъ разными самыми странными предлогами, преимущественно подъ предлогомъ распространенія христіанства, грабятъ и всѣ тѣ чуждые имъ народы, у которыхъ есть, что грабить. По времени же новый способъ этотъ болѣе распространенъ, чѣмъ прежде, благодаря устройству займовъ общественныхъ и государственныхъ: ограбляются теперь не одни живущіе, а и будущія поколѣнія. Способъ же этотъ болѣе прочнымъ мы сдѣлали тѣмъ, что главные грабители считаются лицами неприкосновен-

ными, и люди не рѣшаются противодѣйствовать имъ. Такъ, одно время, я, ради опыта, сажалъ одну за другую самыхъ гнусныхъ бабъ, глупыхъ, безграмотныхъ и распутныхъ и не имѣющихъ, по ихъ же законамъ, никакихъ правъ, послѣднюю же, не только распутницу, но преступницу, убившую мужа и законнаго наслѣдника. И люди не вырвали ей ноздри и не сѣкли кнутомъ, какъ они дѣлали это со всѣми мужеубійцами, но очень много лѣтъ рабски покорились ей, предоставляя ей и ея безчисленнымъ любовникамъ грабить не только ихъ имущество, но и свободу людей. Такъ что въ наше время грабежи явные, т. е. отнятіе силой кошелька, лошади, одежды, составляютъ едва-ли одну милліонную часть всѣхъ тѣхъ грабежей законныхъ, которые совершаются постоянно людьми, имѣющими возможность это дѣлать. Въ наше время грабежи безнаказанные, скрытые и вообще готовность къ грабежу установилась между людями такая, что главная цѣль жизни почти всѣхъ людей есть грабежъ, умѣряемый только борьбою грабителей между собой.

— Что же, это хорошо. — сказалъ, Вельзевулъ, — но убійства? Кто завѣдуетъ убійствами?

— Я.—отвѣчалъ, выступая изъ толпы, краснаго, кровяного цвѣта дьяволъ съ торчащими изо рта клыками, острыми рогами и поднятымъ кверху толстымъ, неподвижнымъ хвостомъ.

— Какъ же ты заставляешь быть убійцами учениковъ того, кто сказалъ, не воздавай зломъ за зло, люби враговъ Какъ же ты дѣлаешь убійцъ изъ этихъ людей?

— Дѣлаемъ мы это и по старому способу,—отвѣчалъ красный дьяволъ оглушающимъ, трещащимъ голосомъ,— возбуждая въ людяхъ корысть, задоръ, ненависть, месть, гордость, и также по старому способу внушаемъ учителямъ людей, что лучшее средство отучить людей отъ убійства состоитъ въ томъ, чтобы самимъ учителямъ публично убивать тѣхъ, которые убили. Этотъ способъ не только даетъ намъ убійцъ, сколько приготовляетъ ихъ для насъ. Большее же количество давало и даетъ намъ новое ученіе о непогрѣшимости церкви, о христіанскомъ бракѣ и о христіанскомъ равенствѣ. Ученіе о непогрѣшимости церкви давало намъ въ прежнее время самое большое количество убійцъ. Люди, признавшіе себя членами непогрѣшимой церкви, считали, что позволить ложнымъ толкователямъ ученія развращать людей, есть угодное Богу дѣло; и они убивали цѣлыя селенія и казнили, жгли сотни тысячъ людей. При этомъ смѣшно то, что тѣ, которые казнили и жгли людей, начинавшихъ понимать истинное ученіе, считали этихъ самыхъ опасныхъ для насъ людей нашими слугами, т. е. слугами дьяволовъ. Сами же казнившіе и жегшіе на кострахъ, дѣйствительно бывшіе нашими покорными слугами, считали себя святыми исполнителями воли Бога. Такъ это было въ старину; въ наше же время очень большое количество убійцъ даетъ намъ ученіе о христіанскомъ бракѣ и равенствѣ. Ученіе

о бракѣ даетъ намъ, во-первыхъ: убійства супруговъ другъ другомъ и матерями дѣтей. Мужья и жены убиваютъ другъ друга, когда имъ кажутся стѣснительными нѣкоторыя требованія закона и обычая церковнаго брака. Матери же убиваютъ дѣтей, большею частью, тогда, когда соединенія, отъ которыхъ произошли дѣти, не признаются бракомъ. Такія убійства совершаются постоянно и равномѣрно. Убійства же, вызванныя христіанскимъ ученіемъ о равенствѣ, совершаются періодически, но за то, когда совершаются, то совершаются въ очень большомъ количествѣ. По ученію этому людямъ внушается, что они всѣ равны передъ закономъ. Люди же ограбленные чувствуютъ, что это неправда. Они видятъ, что равенство это передъ закономъ состоитъ только въ томъ, что грабителямъ удобно продолжать грабить, имъ же это неудобно дѣлать, и они возмущаются и нападаютъ на своихъ грабителей. И тогда начинаются взаимныя убійства, которыя даютъ намъ сразу иногда десятки тысячъ убійцъ.

— Но убійства на войнѣ? Какъ вы приводите къ нимъ учениковъ того, кто призналъ людей сынами одного отца и велѣлъ любить враговъ?

Красный дьяволъ оскалился, выпустилъ изорта струю огня и дыма и радостно ударилъ себя по спинѣ толстымъ хвостомъ.

— Дѣлаемъ мы такъ: мы внушаемъ каждому народу, что онъ, этотъ народъ, есть самый лучшій изъ всѣхъ на свѣтѣ, „Deutschland über alles“ [1]). Франція, Англія, Россія—„über alles“, и что этому народу (имя рекъ) надо властвовать надъ всѣми другими. А такъ какъ всѣмъ народамъ мы внушали то-же самое, то они, постоянно чувствуя себя въ опасности отъ своихъ сосѣдей, всегда готовятся къ защитѣ и озлобляются другъ на друга. А чѣмъ больше готовится къ защитѣ одна сторона и озлобляется за это на своихъ сосѣдей, тѣмъ больше готовятся къ защитѣ всѣ остальныя и озлобляются другъ на друга. Такъ что теперь всѣ люди, принявшіе ученіе того, кто назвалъ насъ убійцами, всѣ постоянно и преимущественно заняты приготовленіемъ къ убійству и самыми убійствами.

— Что же, это остроумно,—сказалъ Вельзевулъ послѣ долгаго молчанія.—Но какъ же свободные отъ обмана ученые люди не увидали того, что церковь извратила ученія, и не возстановили его?

— А они не могутъ сдѣлать этого,—самоувѣреннымъ голосомъ сказалъ, выползая впередъ, матово-черный дьяволъ въ мантіи, съ плоскимъ покатымъ лбомъ, безмускульными членами и оттопыренными большими ушами.

— Почему? — строго спросилъ Вельзевулъ, недовольный самоувѣреннымъ тономъ дьявола въ мантіи.

Не смущаясь окрикомъ Вельзевула, дьяволъ въ мантіи, не торопясь, покойно усѣлся не на корточки, какъ другіе, а по восточному, скрестивъ безмускульныя ноги, и началъ говорить безъ запинки тихимъ, размѣреннымъ голосомъ:

---

[1]) Германія—выше всѣхъ.

— Не могутъ они дѣлать этого оттого, что я постоянно отвлекаю ихъ вниманіе отъ того, что они могутъ и что имъ нужно знать, и направляю его на то, что имъ не нужно знать и чего они никогда не узнаютъ.

— Какъ же ты сдѣлалъ это?

— Дѣлалъ и дѣлаю я различно по времени, — отвѣчалъ дьяволъ въ мантіи.—Въ старину я внушалъ людямъ, что самое важное для нихъ — это знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа, объ естествахъ его, о свойствѣ Бога и т. п. И они много и длинно разсуждали, доказывали, спорили, и сердились. И эти разсужденія такъ занимали ихъ, что они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить. А не думая о томъ, какъ имъ жить, имъ и не нужно было знать того, что говорилъ имъ ихъ учитель о жизни.

Потомъ, когда они ужъ такъ запутались въ этихъ разсужденіяхъ, что сами перестали понимать то, о чемъ говорили, я внушилъ однимъ, что самое важное для нихъ—это изучить и разъяснить все то, что написалъ человѣкъ по имени Аристотель, жившій тысячу лѣтъ тому назадъ въ Греціи; другимъ внушалъ, что самое важное для нихъ — это найти камень, посредствомъ котораго можно было бы дѣлать золото, и такой элексиръ, который излѣчивалъ бы отъ всѣхъ болѣзней и дѣлалъ людей безсмертными. И самые умные и ученые изъ нихъ всѣ свои умственныя силы направили на это.

Тѣмъ же, которые не интересовались этимъ, я внушилъ, что самое важное—это знать: земля ли вертится вокругъ солнца, или солнце вокругъ земли? И когда они узнали, что земля вертится, а не солнце, и опредѣлили, сколько милліоновъ верстъ отъ солнца до земли, то были очень рады и съ тѣхъ поръ еще усерднѣе изучаютъ до сихъ поръ разстояніе отъ звѣздъ, хотя и знаютъ, что конца этимъ разстояніямъ нѣтъ и не можетъ быть, и что самое число звѣздъ— безконечно, и что знать имъ это совсѣмъ не нужно. Кромѣ того, я внушилъ имъ еще и то, что имъ очень нужно знать, какъ произошли всѣ звѣри, всѣ червяки, всѣ растенія, всѣ безконечно малыя животныя. И хотя имъ это точно также совсѣмъ не нужно знать, и совершенно ясно, что узнать это невозможно, потому что животныхъ такъ же безконечно много, какъ и звѣздъ, они на эти и подобныя этимъ изслѣдованія явленій матеріальнаго міра направляютъ всѣ свои умственныя силы и очень удивляются тому, что чѣмъ больше они узнаютъ того, что имъ не нужно знать, тѣмъ больше остается неузнаннаго ими. И хотя очевидно, что по мѣрѣ ихъ изслѣдованія область того, что имъ остается узнать, становится все шире и шире, предметы изслѣдованія сложнѣе и сложнѣе, и самые пріобрѣтаемыя ими знанія неприложимѣе и неприложимѣе къ жизни, это нисколько не смущаетъ ихъ, и они, вполнѣ увѣренные въ важности своихъ занятій продолжаютъ изслѣдовать, проповѣдывать, писать и печатать, и переводить съ одного языка на другой всѣ

свои, большей частью, ни на что непригодныя изслѣдованія и разсужденія, а если изрѣдка и пригодныя, то только на потѣху меньшинства богатыхъ или на ухудшеніе положенія большинства бѣдныхъ.

Для того же, чтобы они никогда уже не догадывались, что единое нужное для нихъ—это установленіе законовъ жизни, которое указано въ ученіи Христа, я внушаю имъ, что закона духовной жизни они знать не могутъ, и что всякое религіозное ученіе въ томъ числѣ и ученіе Христа, есть заблужденіе и суевѣріе, а что узнать о томъ, какъ имъ надо жить, они могутъ изъ придуманной мною для нихъ науки, называемой соціологіей и состоящей въ изученіи того, какъ различно дурно жили прежніе люди. Такъ что вмѣсто того, чтобы имъ самимъ по ученію Христа, постараться жить лучше, они думаютъ, что имъ надо только научить жизнь прежнихъ людей; и что они изъ этого изученія выведутъ общіе законы жизни, и что для того, чтобы жить хорошо, имъ надо будетъ только сообразоваться въ своей жизни съ этими выдуманными ими законами.

Для того же, чтобы еще больше укрѣпить ихъ въ обманѣ, я внушаю имъ, что существуетъ нѣкоторая преемственность знаній, которая называется наукой, и что утвержденія этой науки непогрѣшимы.

А какъ только тѣ, которые считаются дѣятелями науки, увѣряются въ своей непогрѣшимости, такъ они естественно провозглашаютъ за несомнѣнныя истины самыя не только ненужныя, но и часто нелѣпыя глупости, отъ которыхъ они уже, разъ сказавши ихъ, не могутъ отречься.

Вотъ отъ этого-то я и говорю, что до тѣхъ поръ, пока я буду внушать имъ уваженіе, подобострастіе къ той наукѣ, которую выдумалъ я для нихъ,—они никогда не поймутъ того ученія, которое чуть было не погубило насъ.

— Очень хорошо! Благодарю,—сказалъ Вельзевулъ, и лицо его просіяло,—Вы стоите награды, и я достойно награжу васъ.

— А насъ вы забыли! закричали въ нѣсколько голосовъ остальные разношерстные, маленькіе, большіе, кривомногіе, толстые, худые дьяволы.

Вы что дѣлаете?—спросилъ Вельзевулъ.

— Я—дьяволъ техническихъ усовершенствованій.

— Я—раздѣленіе труда!

— Я—путей сообщенія!

— Я—книгопечатанія!

— Я—искусства!

— Я—медицины!

— Я—культуры!

— Я—воспитанія!

— Я—исправленія людей!

— Я—одурманиванія!

— Я—благотворительности!

— Я—соціализма!

— Я—феминизма!—закричали они всѣ вдругъ, тѣснялись впередъ передъ лицомъ Вельзевула.

— Говорите порознь и коротко, — закричалъ Вельзевулъ,—Ты!—обратился онъ къ дьяволу техническихъ усовершенствованій.—Что ты дѣлаешь?

— Я внушаю людямъ, что чѣмъ больше они сдѣлаютъ вещей и чѣмъ скорѣе они будутъ дѣлать ихъ, тѣмъ это будетъ для нихъ лучше. И люди, губя свои жизни для произведенія вещей, дѣлаютъ ихъ все больше и больше, несмотря на то, что вещи эти не нужны тѣмъ, которые заставляютъ ихъ дѣлать, и не доступны тѣмъ, которые ихъ дѣлаютъ.

— Хорошо! Ну, а ты?—обратился Вельзевулъ къ дьяволу раздѣленія труда.

— Я внушаю людямъ, что такъ какъ вещи дѣлать можно скорѣе машинами, чѣмъ людьми, то надо людей превратить въ машины, и они дѣлаютъ это, и люди, превращенные въ машины, ненавидятъ тѣхъ, которые сдѣлали это надъ ними.

— И это хорошо! Ты?—обратился Вельзевулъ къ дьяволу путей сообщенія.

— Я внушаю людямъ, что для ихъ блага имъ нужно какъ можно скорѣе переѣзжать съ мѣста на мѣсто. И люди, вмѣсто того, чтобы улучшать свою жизнь каждому на своихъ мѣстахъ, проводятъ ее большею частью въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Очень гордятся тѣмъ, что они въ часъ могутъ проѣхать 50 верстъ и больше.

Вельзевулъ похвалилъ и этого.

Выступилъ дьяволъ книгопечатанія. Его дѣло, какъ онъ объяснилъ, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно большему числу людей сообщить всѣ тѣ гадости и глупости, которыя дѣлаются и пишутся на свѣтѣ.

Дьяволъ искусства объяснилъ, что онъ подъ видомъ утѣшенія и возбужденія возвышенныхъ чувствъ въ людяхъ потворствуетъ ихъ порокамъ, изображая ихъ въ привлекательномъ видѣ.

Дьяволъ медицины объяснилъ, что его дѣло состоитъ въ томъ, чтобы внушать людямъ, что самое нужное для нихъ дѣло—это забота о своемъ тѣлѣ, а такъ какъ забота о своемъ тѣлѣ не имѣемъ конца, то люди, заботящіеся съ помощью медицины о своемъ тѣлѣ, не только забываютъ о жизни другихъ людей, но и о своей собственной.

Дьяволъ культуры объяснилъ, что внушаетъ людямъ то, что пользованіе всѣми тѣми дѣлами, которыми завѣдуютъ дьяволы техническихъ усовершенствованій, раздѣленія труда, путей сообщенія, книгопечатанія, искусства, медицины,—есть нѣчто вродѣ добродѣтели, и что человѣкъ, пользующійся всѣмъ этимъ, можетъ быть вполнѣ доволенъ собой и не стараться быть лучше.

Дьяволъ воспитанія объяснилъ, что онъ внушаетъ людямъ, что они могутъ, живя дурно и даже не зная того, въ чемъ состоитъ хорошая жизнь, учить дѣтей хорошей жизни

Дьяволъ исправленія людей объяснилъ, что онъ учитъ людей тому, что, будучи сами порочны, они могутъ исправлять порочныхъ людей.

Дьяволъ одурманиванія сказалъ, что онъ научаетъ людей тому, что вмѣсто того, чтобы избавиться отъ страданій, производимыхъ дурною жизнью, стараясь жить лучше,—имъ лучше забыться подъ вліяніемъ одуренія виномъ, опіумомъ, табакомъ, морфіемъ.

Дьяволъ благотворительности сказалъ, что онъ, внушая людямъ, то, что грабя пудами и давая ограбленнымъ золотниками, они добродѣтельны и не нуждаются въ усовершенствованіи,—онъ дѣлаетъ ихъ недоступными къ добру.

Дьяволъ соціализма хвастался тѣмъ, что во имя самаго высокаго общественнаго устройства жизни людей онъ возбуждаетъ вражду сословій.

Дьяволъ феминизма хвастался тѣмъ, что для еще болѣе усовершенствованнаго устройства жизни онъ, кромѣ вражды сословій, возбуждаетъ еще и вражду между полами.

— Я — комфортъ! Я — мода! кричали и пищали еще другіе дьяволы, подползая къ Вельзевулу.

— Неужели вы думаете, что я такъ старъ и глупъ, что не понимаю того, что какъ скоро ученіе о жизни ложно, то все, что могло быть вредно намъ, все становится намъ полезно, — закричалъ Вельзевулъ и громко расхохотался.—Довольно! Благодарю всѣхъ,—и, всплеснувъ крыльями, онъ вскочилъ на ноги. Дьяволы окружили Вельзевула. На одномъ концѣ сцѣпившихся дьяволовъ былъ дьяволъ въ перелинкѣ, на другомъ концѣ—дьяволъ въ мантіи. Дьяволы эти подали другъ другу лапы, и кругъ замкнулся.

И всѣ дьяволы, хохоча, визжа, свистя, начали, махая и трепля хвостами, кружиться и плясать вокругъ Вельзевула. Вельзевулъ же, расправивъ крылья и трепля ими, плясалъ въ серединѣ, высоко задирая ноги. Вверху же слышались крики, плачъ, стоны и скрежетъ зубовъ.

Дѣло о редакторѣ „Ясной Поляны" въ судебной палатѣ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, разсмотрѣвъ № 1 журнала „Ясна Поляна", вышедшаго въ свѣтъ въ Апрѣлѣ 1906 года и находя, что напечатанна въ этомъ номерѣ статья подъ заглавіемъ „Возстановленіе ада" заключаетъ в себѣ признаки преступленія, возбудилъ противъ редактора—издателя названнаг журнала, Василія Максимова, обвиненіе по ст. 128 угол. улож.

Изъ объявленія редактора издателя на обложкѣ № 1 журнала "Ясная Поляна" видно, что Василій Максимовъ поставилъ себѣ цѣлью выпустить въ свѣт 40 выпусковъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, печатавшихся до сихъ поръ за границею и что въ первомъ выпускѣ помѣщены полностью произведенія названнаго автора „Возстановленіе ада" и „Корней Васильевъ". Адресъ редакціи указанъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 65 по Лиговской улицѣ. Въ вышеупомянутой статьѣ: „Возстановленіе ада" повѣствуется, что послѣ того какъ Христосъ несмотря на испытываемыя на крестѣ страданія, не отрекся отъ своего ученія, Вельзевулъ повелитель дьяволовъ, понялъ, что для него все пропало и провалился въ преисподнюю, гдѣ пролежалъ неподвижно громадный промежутокъ времени, пока не услышалъ надъ собою звуки, похожіе на топотъ ногъ, стоны, крики и скрежетъ зубовный. Расправивъ тогда крылья, Вельзевулъ свистомъ призвалъ къ себѣ дьяволовъ и обратился къ нимъ за объясненіемъ слышаннаго имъ шума. Одинъ изъ дьяволовъ разъяснилъ Вельзевулу, что когда адъ былъ разрушенъ и онъ, Вельзевулъ, удалился отъ нихъ, дьяволы отправились въ тѣ мѣста, гдѣ проповѣдывалось Христово ученіе, и, воспользовавшись возникшимъ между людьми мелкимъ разногласіемъ, посѣяли вражду среду людей, жившихъ ранѣе по ученію Христа и пользовавшихся полнымъ счастіемъ. Дѣло, по словамъ дьявола, пошло хорошо, а чтобы люди не увидѣли слишкомъ очевиднаго обмана, для нихъ была выдумана „Церковь" и когда люди повѣрили въ нее, то адъ вновь былъ возстановился. Изумленный Вельзевулъ спрашиваетъ, неужели, несмотря на громадный успѣхъ, которымъ въ началѣ пользовалось ученіе Христа, все пошло по старому и остались блудники, грабители, убійцы. Дьяволы отвѣчаютъ утвердительно и, поочередно сообщаютъ какими способами имъ удалось поддержать среди людей преступленія. Такъ дьяволъ, завѣдывающій грабителями, разсказываетъ, что внушаетъ людямъ что, вмѣсто того, чтобы имъ перестать грабить другъ друга, имъ выгоднѣе позволять грабить себя одному человѣку, предоставивъ ему полную власть надъ собою. И эти то люди, и ихъ помощники, по словамъ дьявола, не переставая, спокойно безопасно грабятъ народъ; при этомъ они устанавливаютъ такіе законы и порядки при которыхъ праздное меньшинство всегда можетъ безнаказанно грабить трудящееся большинство. По мнѣнію дьявола, способъ этотъ старый и болѣе прочнымъ дьяволы сдѣлали его тѣмъ, что главные грабители считаются лицами не прикосновенными и люди не рѣшаются имъ противодѣйствовать. Заканчиваетъ дьяволъ свой разсказъ такими словами: „одно время, я, ради опыта, сажалъ одну за другою самыхъ гнусныхъ бабъ, глупыхъ, безграмотныхъ и распутныхъ и не имѣющихъ по ихъ же законамъ, никакихъ правъ, послѣднюю же, не только распутницу но и преступницу, убившую мужа и законнаго наслѣдника. И люди не вырвали ей ноздри и не сѣкли кнутомъ, какъ они дѣлали это совсѣми мужеубійцами, но очень много лѣтъ рабски покорялись ей, предоставляя ей и ея безчисленнымъ любовникамъ только грабить ихъ имущество, но и свободу людей".

На основаніи вышеизложеннаго Василій Алексѣевъ Максимовъ обвиняется въ томъ, что въ городѣ С.-Петербургѣ состоя редакторомъ—издателемъ журнала „Ясная Поляна", въ № 1 этого журнала, вышедшемъ въ свѣтъ въ началѣ Апрѣля 1906 года помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Возстановленіе ада", въ коей дерзостно порицается установленная законами основными Верховная власть.

Преступленіе это предусмотрѣнно ст. 128 угол. улож. и влечетъ за собою послѣдствія указанныя въ ст. 8 отд. VIII закона 24 Ноября 1905 года.

Вслѣдствіи этого и согласно 2 п. 1032 ст. уст. уг. суд. мѣщанинъ Василій Алексѣевъ Максимовъ подлежитъ суду С.-Петербургской Судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ 11 Апрѣля 1906 года въ городѣ С.-Петербургѣ.

Судебная палата 24 Августа оправдала **Максимова**.

Корней Васильевъ.

Корнею Васильеву было 54 года, когда онъ въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ деревню. Въ густыхъ курчавыхъ волосахъ его не было еще ни одного сѣдого волоса, и только въ черной бородѣ у скулъ пробивалась сѣдина. Лицо у него было гладкое, румяное, загривокъ широкій и крѣпкій, и все сильное тѣло обложилось жиромъ отъ сытой городской жизни.

Онъ 20 лѣтъ тому назадъ отбылъ военную службу и вернулся со службы съ деньгами. Сначала онъ завелъ лавку, потомъ оставилъ лавку и сталъ торговать скотиной. Ѣздилъ въ Черкасы за „товаромъ“ (скотиной) и пригонялъ въ Москву.

Въ селѣ Гаяхъ, въ его каменномъ, крытомъ желѣзомъ домѣ жила старуха мать, жена съ двумя дѣтьми (дѣвочка и мальчикъ), еще сирота племянникъ, нѣмой 15-лѣтній малый, и работникъ. Корней былъ два раза женатъ. Первая жена была слабая, больная женщина и умерла безъ дѣтей, и онъ уже не молодымъ вдовцомъ женился во второй разъ на здоровой, красивой дѣвушкѣ, дочери бѣдной вдовы изъ сосѣдней деревни. Дѣти были отъ второй жены.

Корней такъ выгодно продалъ послѣдній товаръ въ Москвѣ, что у него собралось около 3-хъ тысячъ денегъ. Узнавъ отъ земляка, что недалеко отъ его села выгодно продается у разорившагося помѣщика роща, онъ вздумалъ заняться еще и лѣсомъ. Онъ зналъ это дѣло и еще до службы жилъ помощникомъ приказчика у купца въ рощѣ.

На желѣзнодорожной станціи, съ которой сворачивали въ Гап, Корней встрѣтилъ земляка, гаевскаго кривого Кузьму. Кузьма къ каждому поѣзду выѣзжалъ изъ Гаевъ за сѣдоками, на своей парочкѣ плохенькихъ косматыхъ лошаденкахъ. Кузьма былъ бѣденъ и оттого не любилъ всѣхъ богатыхъ, а особенно не любилъ Корнея, Котораго звалъ Корнюшкой.

Корней, въ полушубкѣ и тулупѣ, съ чемоданчикомъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо станціи и выпятивъ брюхо, остановился, отдуваясь и оглядываясь. Было утро. Погода была тихая, пасмурная, съ легкимъ морозцемъ.

— Что же, не нашелъ сѣдоковъ, дядя Кузьма?—сказалъ онъ.— Свезешь, что ли?

— Что жъ, давай рублевку, свезу.

— Ну и семь гривенъ довольно.

— Брюхо наѣлъ, а 30 копеекъ у бѣднаго человѣка оттянуть хочешь.

— Ну, ладно, давай, что ль,—сказалъ Корней. И уложивъ маленькія санки въ чемоданъ и узелъ, онъ широко усѣлся на заднемъ мѣстѣ.

Кузьма остался на козлахъ.

— Ладно, трогай.

Выѣхали изъ ухабовъ у станціи на гладкую дорогу.

— Ну, а какъ у васъ, не у насъ, а у васъ въ деревнѣ?—спросилъ Корней.

— Да хорошаго мало.

— А что такъ? Моя старуха жива?

— Старуха-то жива. Надысь въ церкви была. Старуха-то твоя жива. Жива и молодая хозяйка твоя. Что ей дѣлается? Работника новаго взяла.

И Кузьма засмѣялся какъ-то чудно, какъ показалось Корнею.

— Какого работника? А Петра что?

— Петръ заболѣлъ. Взяла Евстигнея Бѣлаго изъ Каменки,—сказалъ Кузьма.—Изъ своей деревни, значитъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Корней.

Еще когда Корней сваталъ Марѳу, въ народѣ что-то бабы болтали про Евстигнея.

Такъ-то, Корней Васильевичъ,—сказалъ Кузьма.—Очень ужъ бабы нынче волю забрали.

— Что и говорить, — промолвилъ Корней. — А стара твоя сивая стала, прибавилъ онъ, желая прекратить разговоръ.

— Я и самъ не молодъ. По хозяину, — проговорилъ Кузьма въ отвѣтъ на слова Корнея, постегивая косматаго, кривоногаго мерина.

На полдорогѣ былъ постоялый дворъ. Корней велѣлъ остановиться и вошелъ въ домъ. Кузьма приворотилъ лошадь къ пустому корыту и оправлялъ шлею, не глядя на Корнея и ожидая, что онъ позоветъ его выпить.

— Заходи, что ль: дядя Кузьма,—сказалъ Корней, выходя на крыльцо,—выпьешь стаканчикъ.

— Ну что жъ, — отвѣчалъ Кузьма, дѣлая видъ, что не торопится.

Корней потребовалъ бутылку водки и поднесъ Кузьмѣ. Кузьма, не ѣвши съ утра, тотчасъ же захмелѣлъ. И какъ только захмелѣлъ, сталъ шопотомъ, приблизясь къ Корнею, разсказывать ему, что говорили въ деревнѣ. А говорили, что Марѳа, его жена, взяла въ работники своего прежняго полюбовника и живетъ съ нимъ.

— Мнѣ что же, мнѣ тебя жалко,—говорилъ запьянѣвшій Кузьма,—только не хорошо, народъ смѣется. Видно, грѣха не боится. Ну да погоди же ты, говорю. Дай срокъ Самъ пріѣдетъ. Такъ-то, братъ Корнѣй Васильевичъ!

Корнѣй молча слушалъ то, что говорилъ Кузьма, и густыя брови все ниже и ниже спускались надъ блестящими, черными, какъ уголь, глазами.

— Что жъ, пить будешь?—сказалъ онъ только, когда бутылка была выпита.—А нѣтъ, такъ и ѣдемъ.

Онъ расплатился съ хозяиномъ и вышелъ на улицу.

Домой онъ пріѣхалъ сумерками. Первый встрѣтилъ его тотъ самый Евстигней Бѣлый, про котораго онъ не могъ не думать всю дорогу. Корней поздоровался съ нимъ. Увидавъ худощавое, бѣлобрысое лицо заторопившагося Евстигнея, Корней только недоумѣнно покачалъ головой. „Навралъ, старый песъ,—подумалъ онъ на слова Кузьмы.—А кто ихъ знаетъ! Да ужъ я дознаюсь".

Кузьма стоялъ у лошади и подмигивалъ своимъ однимъ глазомъ на Евстигнея.

— У насъ, значитъ, живешь?—спросилъ Корней.

— Что жъ, надо гдѣ-нибудь работать, — отвѣчалъ Евстигней.

— Топлена горница-то?

— А то какъ же. Матвѣевна тамъ,—отвѣчалъ Евстигней.

Корней поднялся на крыльцо. Марѳа, услышавъ голоса, вышла въ сѣни и, увидавъ мужа, вспыхнула и торопливо и особенно ласково поздоровалась съ нимъ.

— А мы съ матушкой и ждать перестали, — сказала она и за Корнеемъ вошла въ горницу.

— Ну что, какъ живете безъ меня?

— Живемъ все по старому,—сказала она и, подхвативъ на руки двухлѣтнюю дочку, которая тянула ее за юбку и просила молока, большими, рѣшительными шагами вышла въ сѣни.

Корнеева мать съ такими же черными глазами, какъ у Корнея, волоча ноги въ валенкахъ, вошла въ горницу.

— Спасибо провѣдать пріѣхалъ,—сказала она, покачивая трясущейся головой.

Корней разсказалъ матери, по какому дѣлу заѣхалъ, и вспомнивъ про Кузьму, пошелъ вынести ему деньги. Только онъ отворилъ дверь въ сѣни, какъ прямо передъ собою увидалъ у двери на дворѣ Марѳу и Евстигнея. Они близко стояли другъ отъ друга, и она говорила что-то. Увидавъ Корнея, Евстигней шмыгнулъ во дворъ, А Марѳа подошла къ самовару, поправляя гудѣвшую надъ нимъ трубу.

Корней молча прошелъ мимо ея согнутой спины и, взявъ узелъ, позвалъ Кузьму пить чай въ большую избу. Передъ чаемъ Корней роздалъ московскіе гостинцы домашнимъ: матери шерстяной платокъ, Ѳедькѣ книжку съ картинками, нѣмому племяннику жилетку и женѣ ситцу на платье.

За чаемъ Корней сидѣлъ насупившись и молчалъ; только изрѣдка неохотно улыбался, глядя на нѣмого, который забавлялъ всѣхъ своей радостью. Онъ не могъ нарадоваться на жилетку. Онъ укладывалъ и развертывалъ ее, надѣвалъ ее и цѣловалъ свою руку, глядя на Корнея и улыбался.

Послѣ чая и ужина Корней тотчасъ же ушелъ въ горницу, гдѣ спалъ съ Марѳой и маленькой дочкой. Марфа оставалась въ большой избѣ убирать посуду. Корней си-

дѣлъ одинъ у стола, облокотившись на руку, и ждалъ. Злоба на жену все больше и больше ворочалась въ немъ. Онъ досталъ со стѣны счеты, вынулъ изъ кармана записную книжку и, чтобы развлечь мысли, сталъ считать. Онъ считалъ, поглядывая на дверь и прислушиваясь къ голосамъ въ большой избѣ.

Нѣсколько разъ онъ слышалъ, какъ отворялась дверь въ избу и кто-то выходилъ въ сѣни, но это все не была она. Наконецъ, послышались ея шаги, дернулась дверь, отлипла, и она, румяная, красивая, въ красномъ платкѣ, вошла съ дѣвочкой на рукахъ.

— Небось съ дороги-то уморился?—сказала она улыбаясь, какъ будто не замѣчая его угрюмаго вида.

Корней взглянулъ на нее, ничего не отвѣтилъ и сталъ опять считать, хотя считать уже нечего было.

— Ужъ не рано,—сказала она и, спустивъ съ рукъ дѣвочку, прошла за перегородку.

Онъ слышалъ, какъ она убирала постель и укладывала спать дочку.

„Люди смѣются, — вспомнилъ онъ слова Кузьмы. — Погоди же ты!“ подумалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе, и медленнымъ движеніемъ всталъ, положилъ обгрызокъ карандаша въ жилетный карманъ, повѣсилъ счеты на гвоздь и подошелъ къ двери перегородки. Она стояла лицомъ къ иконамъ и молилась. Онъ остановился, ожидая. Она долго крестилась, кланялась и шопотомъ говорила молитвы. Ему казалось, что она давно перечитала всѣ молитвы и нарочно по нѣскольку разъ повторяетъ ихъ. Но вотъ она положила земной поклонъ, выпрямилась, прошептала въ себя какія-то молитвенныя слова и повернулась къ нему лицомъ.

— А Агашка-то уже спитъ,—сказала она, указывая на дѣвочку, и, улыбаясь, сѣла на заскрипѣвшую кровать.

— Евстигней давно здѣсь?—сказалъ Корней, входя въ дверь.

Она спокойнымъ движеніемъ перекинула одну толстую косу черезъ плечо на грудь и начала быстрыми пальцами расплетать ее. Она прямо смотрѣла на него, и глаза ея смѣялись.

— Евстигней-то? а кто его знаетъ, — недѣли двѣ, али три.

— Ты живешь съ нимъ?—проговорилъ Корней.

Она выпустила изъ рукъ косу, но тотчасъ же поймала опять свои жесткіе густые волосы и опять стала плести.

— Чего не выдумаютъ? Живу съ Евстигнѣемъ? — сказала она, особенно звучно произнося слово Евстигней.— Выдумаютъ! Тебѣ кто сказалъ?

— Говори: правда, нѣтъ-ли?—сказалъ Корней и сжалъ въ кулаки засунутыя въ карманы могучія руки.

— Будетъ болтать пустое! Снять сапоги-то?

— Я тебя спрашиваю,—повторилъ онъ.

— Ишь добро какое, на Евстигнея польстилась! — сказала она.—И кто только навралъ тебѣ?

— Что ты съ нимъ въ сѣняхъ говорила?

— Что говорила! Говорила, — на бочку обручъ набить надо. Да ты что ко мнѣ присталъ?

— Я тебѣ велю: говори правду! Убью, сволочь поганая!

Онъ схватилъ ее за косу.

Она выдернула у него изъ рукъ косу, лицо ея скосилось отъ боли.

— Только на то тебя и взять, что драться. Что я отъ тебя хорошаго видѣла? Отъ такого житья не знаю, что сдѣлаешь?

— Что сдѣлаешь?—проговорилъ онъ, надвигаясь на нее.

— За что полкосы выдралъ? Во! Такъ шмотами и лѣзутъ. Что присталъ! И правда, что...

Она не договорила. Онъ схватилъ ее за руку, сдернулъ съ кровати и сталъ бить по головѣ, по бокамъ, по груди. Чѣмъ больше онъ билъ, тѣмъ больше разгоралась въ немъ злоба. Она кричала, защищалась, хотѣла уйти, но онъ не пускалъ ее. Дѣвочка проснулась и бросилась къ матери.

— Мамка!—ревѣла она.

Корней ухватилъ дѣвочку за руку, оторвалъ отъ матери и, какъ котенка, бросилъ въ уголъ. Дѣвочка визгнула, и нѣсколько секундъ ея не слышно было.

— Разбойникъ! Ребенка убилъ!—кричала Марѳа и хотѣла подняться къ дочери.

Но онъ опять схватилъ ее и такъ ударилъ въ грудь, что она упала навзничь и тоже перестала кричать. Только дѣвочка кричала отчаянно, не переводя духа.

Старуха, безъ платка, съ растрепанными сѣдыми волосами, съ трясущейся головой, шатаясь, вошла въ каморку и, не глядя ни на Корнея, ни на Марѳу, подошла къ внучкѣ, заливавшейся отчаянными слезами, и подняла ее.

Корней стоялъ, тяжело дыша и оглядываясь, какъ будто спросонья, не понимая, гдѣ онъ и кто тутъ съ нимъ.

Марѳа подняла голову и, стоная, вытирала окровавленное лицо рубахой.

— Злодѣй постылый! — проговорила она. — И живу съ Евстигнеемъ и жила! На, убей до смерти! И Агашка не твоя дочь; съ нимъ прижила, — быстро выговорила она и закрыла локтемъ лицо, ожидая удара.

Но Корней какъ будто ничего не понималъ и только сопѣлъ и оглядывался.

— Ты глянь, что съ дѣвочкой сдѣлалъ: руку вышибъ,— сказала старуха, показывая ему вывернутую висящую руку не переставая заливавшейся криками дѣвочки. Корней повернулся и молча вышелъ въ сѣни на крыльцо.

На дворѣ было все такъ же морозно и пасмурно. Снѣжинки инея падали ему на горѣвшія щеки и лобъ. Онъ сѣлъ на приступкѣ и ѣлъ горстями снѣгъ, собирая его на перилахъ. Изъ-за дверей слышно было, какъ стонала Марѳа и жалостно плакала дѣвочка; потомъ отворилась дверь въ сѣни, и онъ слышалъ, какъ мать съ дѣвочкой вышла изъ горницы и прошла черезъ сѣни въ большую избу. Онъ

всталъ и вошелъ въ горницу. Завернутая лампа горѣла малымъ свѣтомъ на столѣ. Изъ-за перегородки слышались усилившіеся, какъ только онъ вошелъ, стоны Марѳы. Онъ молча одѣлся, досталъ изъ-подъ лавки чемоданъ, уложилъ въ него свои вещи и завязалъ его веревкой.

— За что убилъ меня! За что? Что я тебѣ сдѣлала?— заговорила Марѳа жалостнымъ голосомъ. Корней, не отвѣчая, поднялъ чемоданъ и понесъ къ двери.—Каторжникъ, разбойникъ! Погоди жъ ты! Али на тебя суда нѣтъ?—совсѣмъ другимъ голосомъ злобно проговорила она.

Корней, не отвѣчая, толкнулъ дверь ногой и такъ сильно захлопнулъ ее, что задрожали стѣны.

Войдя въ большую избу, Корней разбудилъ нѣмого и велѣлъ ему запрягать лошадь. Нѣмой, не сразу проснувшись, удивленно вопросительно поглядывалъ на дядю и обѣими руками расчесывалъ голову. Понявъ, наконецъ, что отъ него требовали, онъ вскочилъ, надѣлъ валенки и рваный полушубокъ, взялъ фонарь и пошелъ на дворъ.

Ужъ было совсѣмъ свѣтло, когда Корней выѣхалъ съ нѣмымъ въ маленькихъ пошевняхъ за ворота и поѣхалъ назадъ по той же дорогѣ, по которой съ вечера пріѣхалъ съ Кузьмою.

Онъ пріѣхалъ на станцію за пять минутъ до отхода поѣзда. Нѣмой видѣлъ, какъ онъ бралъ билетъ, какъ взялъ чемоданъ и какъ сѣлъ въ вагонъ, кивнувъ ему головой, и какъ вагонъ укатился изъ вида.

У Марѳы, кромѣ побоевъ на лицѣ, были сломаны два ребра и разбита голова. Но сильная, здоровая, молодая женщина оправилась черезъ полгода такъ, что не осталось никакихъ слѣдовъ побоевъ. Дѣвочка же на вѣкъ осталась полукалѣкой. У нея были переломлены двѣ кости руки, и рука осталась кривая.

Про Корнея же съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ, никто ничего не зналъ; не знали, живъ ли онъ или умеръ.

Прошло 17 лѣтъ. Была глухая осень. Солнце ходило низко, и въ четвертомъ часу вечера уже смеркалось. Андреевское стадо возвращалось въ деревню. Пастухъ, отслуживъ срокъ, до заговѣнья ушелъ, и гоняли скотину очередныя бабы и ребята.

Стадо только-что вышло съ овсянаго жнивья на грязную, испещренную раздвоенно-копытными слѣдами, черноземную, изрытую колеями, большую грунтовую дорогу и съ неперестающимъ мычаніемъ и блеяніемъ подвигалось къ деревнѣ. По дорогѣ впереди стада шелъ въ потемнѣвшемъ отъ дождя, заплатанномъ зипунѣ, въ большой шапкѣ съ кожанымъ мѣшкомъ за сутуловатой спиной высокій старикъ съ сѣдой бородой и курчавыми сѣдыми волосами; только однѣ густыя брови были у него черныя. Онъ шелъ, тяжело двигая по грязи мокрыми и разбившимися, грубыми хохлацкими сапогами, и черезъ шагъ равномѣрно подпирался дубовой клюкой. Когда стадо догнало его, онъ, опершись на клюку, остановился. Гнавшая стадо молодайка, покрывшись съ го-

ловой дерюжкой, въ подтыканной юбкѣ и мужскихъ сапогахъ, перебѣгала быстрыми ногами то на ту, то на другую сторону дороги, подгоняя отстоящихъ овецъ и свиней. Поровнявшись со старикомъ, она остановилась, оглядывая его.

— Здорово, дѣдушка!—сказала она звучнымъ, нѣжнымъ, молодымъ голосомъ.

— Здорово, умница!—проговорилъ старикъ.

— Что же, ночевать, чтоль?

— Да видно такъ. Уморился, — хрипло проговорилъ старикъ.

— А ты, дѣдъ, къ десятскому не ходи, — ласково проговорила молодайка.—Иди прямо къ намъ, третья изба съ края. Странныхъ людей свекровь такъ пущаетъ.

— Третья изба. Зиновѣева значитъ?—сказалъ старикъ, какъ-то значительно поводя черными бровями.

— А ты знаешь развѣ?

— Бывалъ.

— Ты чего, Ѳедюшка, слюни распустилъ, — хромая-то вовсе отстала!—крикнула молодайка, указывая на ковылявшую позади стада трехногую овцу и, взмахнувъ правой рукой хворостиной и какъ-то странно снизу кривой лѣвой рукой перехвативъ дерюжину на головѣ, побѣжала назадъ за отставшей хромой черной овцой.

Старикъ былъ Корней, а молодайка была та самая Агашка, которой онъ выломалъ руку 17 лѣтъ тому назадъ. Она была выдана въ Андреевку, въ богатую семью, за 4 версты отъ Гаевъ.

Корней Васильевичъ изъ сильнаго, богатаго, гордаго человѣка сталъ тѣмъ, что онъ былъ теперь: старымъ побирушкой, у котораго ничего не было, кромѣ изношенной одежи на тѣлѣ, солдатскаго билета и двухъ рубахъ въ сумкѣ. Вся эта перемѣна сдѣлалась такъ понемногу, что онъ не могъ бы сказать, когда это началось и когда сдѣлалось. Одно, что онъ зналъ, въ чемъ былъ твердо увѣренъ, это то, что виною его несчастія была его злодѣйка жена. Ему странно и больно было вспоминать то, что онъ былъ прежде. И когда онъ вспоминалъ про это, онъ съ ненавистью вспоминалъ про ту, кого онъ считалъ причиной всего того дурного, что онъ испыталъ въ эти 17 лѣтъ.

Въ ту ночь, когда онъ избилъ жену, онъ поѣхалъ къ помѣщику, гдѣ продавалась роща. Рощи не удалось купить. Она была уже куплена, и онъ вернулся въ Москву и тамъ запилъ. Онъ и прежде пивалъ, но теперь пьянствовалъ безпросыпно двѣ недѣли и, когда опомнился, уѣхалъ на низъ за скотиной. Покупка была неудачная, и онъ понесъ убытокъ. Онъ поѣхалъ въ другой разъ. И вторая покупка не задалась. И черезъ годъ у него изъ трехъ тысячъ осталось 25 рублей, и пришлось наниматься къ хозяевамъ. Онъ прежде пилъ, а теперь сталъ выпивать все чаще и чаще.

Сначала онъ прожилъ годъ приказчикомъ у скотопромышленника, но дорогой запилъ, и купецъ прогналъ его. Потомъ онъ нашелъ по знакомству мѣсто торговца виномъ,

но и тутъ прожилъ не долго. Запутался въ рысчетахъ, и ему отказали. Домой ѣхать и стыдно было, и злоба брала. „Проживутъ и безъ меня. Можетъ, и мальчишка-то не мой“, думалъ онъ.

Все шло хуже и хуже. Безъ вина онъ не могъ жить. Сталъ ужъ не въ приказчики наниматься, а въ погонщики къ скотинѣ. Потомъ ужъ и въ эту должность не стали брать.

Чѣмъ хуже ему становилось, тѣмъ больше онъ обвинялъ ее, и тѣмъ больше разгоралась его злоба на нее.

Въ послѣдній разъ Корней нанялся въ погонщики къ скотинѣ къ незнакомому хозяину. Скотина заболѣла. Корней не былъ виноватъ, но хозяинъ разсердился и расчелъ и приказчика, и его. Наниматься некуда было, и Корней рѣшилъ идти странствовать. Состроилъ онъ себѣ сапоги, хорошую сумку, взялъ чаю, сахару, денегъ 8 рублей и пошелъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ ему не понравилось, и онъ пошелъ на Кавказъ, въ Новый Аѳонъ. Не доходя до Новаго Аѳона, его захватила лихорадка. Онъ вдругъ ослабѣлъ. Денегъ оставалось 1 р. 70 к., знакомыхъ никого не было, и онъ рѣшилъ идти домой къ сыну. „Можетъ, она и померла теперь, злодѣйка моя,—думалъ онъ.—А жива, то хоть передъ смертью выскажу ей все, чтобы знала она, мерзавка, что со мной сдѣлала“, думалъ онъ и пошелъ къ дому.

Лихорадка трепала его черезъ день. Онъ слабѣлъ все больше и больше, такъ что не могъ уходить болѣе 10, 15 верстъ въ день. Не доходя 200 верстъ до дому, деньги всѣ вышли и онъ шелъ уже Христовымъ именемъ и ночевалъ по отводу десятскаго. „Радуйся, до чего довела меня“, думалъ онъ про жену, и по старой привычкѣ старыя и слабыя руки сжимались въ кулаки. Но и бить некого было, да и силы въ кулакахъ ужъ не было.

Двѣ недѣли шелъ онъ эти двѣсти верстъ и совсѣмъ больной и слабый добрелъ до того мѣста въ четырехъ верстахъ отъ дома, гдѣ встрѣтился, не узнавъ ее и не бывъ узнанъ, съ той Агашкой, которая считалась, но не была его дочерью, и которой онъ выломалъ руку.

Онъ сдѣлалъ, какъ сказала ему Агаѳья. Дойдя до Зиновѣева двора, онъ попросился ночевать. Его пустили.

Войдя въ избу, онъ, какъ и всегда дѣлалъ, перекрестился на иконы и поздоровался съ хозяевами.

— Застылъ, дѣдъ. Иди, иди на печь!—сказала сморщенная веселая старушка-хозяйка, убиравшая у стола.

Мужъ Агаѳьи, молодавый мужикъ, сидѣлъ на лавкѣ у стола и заправлялъ лампу.

— И мокрый же ты, дѣдъ!—сказалъ онъ. — Да что станешь дѣлать! Сушись.

Корней раздѣлся, разулся, повѣсилъ противъ печи онучи и влѣзъ на печь.

Въ избу вошла и Агаѳья съ кувшиномъ. Она уже успѣла пригнать стадо и убралась со скотиной.

— А не бывалъ старикъ странный? — спросила она. — Я велѣла къ намъ заходить.

— А вотъ онъ, — сказалъ хозяинъ, указывая на печь, гдѣ, потирая мохнатыя костлявыя ноги, сидѣлъ Корней.

Къ чаю хозяева кликнули и Корнея. Онъ слѣзъ и сѣлъ на краю лавки. Ему подали чашку и кусокъ сахару.

Разговоръ шелъ про погоду, про уборку. Не дается въ руки хлѣбъ. У помѣщиковъ проросли копны въ полѣ. Только начнутъ возить, опять дождь. Мужички свезли. А у господъ такъ дуромъ прѣетъ. А мыша въ снопахъ—страсть.

Корней разсказалъ, что онъ видѣлъ по дорогѣ цѣлое поле, полное копенъ.

Молодайка налила ему пятую чашку жидкаго, чуть желтаго чаю и подала.

— Ничего. Пей, дѣдушка, на здоровье,—сказала она на его отказъ.

— Что же это рука у тебя не исправна? — спросилъ онъ у нея, осторожно принимая отъ нея полную чашку и пошевеливая бровями.

— Съ мальства еще сломали, — это ея отецъ нашу Агашу убить хотѣлъ,—сказала говорливая старушка свекровь.

— Съ чего же это? — спросилъ Корней. И глядя на лицо молодайки, ему вспомнился вдругъ Евстигней Бѣлый съ его голубыми глазами, и рука, державшая чашку, такъ задрожала, что онъ розлилъ половину чая, пока донесъ ее до стола.

— А такой былъ въ Гаяхъ у насъ, человѣкъ, отецъ ей, Корней Васильевымъ звали. Богатѣй былъ. Такъ возгордился на жену. Ее избилъ и ее вотъ испортилъ.

Корней молчалъ, взглядывая изъ-подъ не переставая шевелившихся черныхъ бровей то на хозяина, то на Агашу.

— За что же?—спросилъ онъ, откусывая сахаръ.

— Кто ихъ знаетъ! Про нашу сестру всякое взболтнутъ, а ты отвѣчай,—говорила старуха.—Изъ за работника что-то у нихъ вышло. Работникъ малый хорошій былъ изъ нашей деревни. Онъ и померъ у нихъ въ домѣ.

— Померъ?—переспросилъ Корней и откашлялся.

— Давно померъ. У нихъ мы и взяли молодайку. Жили хорошо. Первые на селѣ были, пока живъ былъ хозяинъ.

— А онъ что же?—спросилъ Корней.

— Тоже померъ, должно. Съ того раза пропалъ. Лѣтъ пятнадцать будетъ.

— Больше никакъ, мнѣ мамушка сказывала, меня она только кормить бросила.

— Что же, ты на него не обижаешься на то, что онъ руку,..—началъ было Корней и вдругъ захлюпалъ.

— Развѣ онъ чужой? Отецъ, вѣдь. Что жъ, еще пей съ холода. Налить, что ли?

Корней не отвѣчалъ и, всхлипывая, плакалъ.

— Чего же ты?

— Ничего, такъ. Спаси Христосъ.

И Корней дрожащими руками ухватился за столбикъ и за полати и полѣзъ большими худыми ногами на печь.

— Вишь ты! — сказала старушка сыну, подмигивая на старика.

На другой день Корней поднялся раньше всѣхъ. Онъ слѣзъ съ печи, размялъ высохшія подвертки: съ трудомъ обулъ заскорузлые сапоги и надѣлъ мѣшокъ.

— Что жъ, дѣдъ, позавтракалъ бы.—сказала старуха.

— Спаси Богъ! Пойду.

— Такъ вотъ возьми хоть лепешекъ вчерашнихъ. Я тебѣ въ мѣшокъ положу.

Корней поблагодарилъ и простился.

— Заходи, когда назадъ пойдешь, живы будемъ...

На дворѣ былъ тяжелый, осенній туманъ, закрывавшій все. Но Корней хорошо зналъ дорогу, зналъ всякій спускъ и подъемъ и всякій кустъ и всѣ ветлы по дорогѣ и направо и налѣво, хотя за 17 лѣтъ одни срубили и изъ старыхъ стали молодыя, а другія изъ молодыхъ стали старыя.

Деревня Гай была все та же, только построились съ краю новые дома, какихъ не было прежде.

И изъ деревянныхъ домовъ стали кирпичные. Его каменный домъ былъ такой же, только постарѣлъ. Крыша была давно не крашена, и на углѣ выбиты были кирпичи, и крыльцо покривилось.

Въ то время, какъ онъ подходилъ къ своему прежнему дому, изъ скрипучихъ воротъ вышла матка съ жеребенкомъ, старый меринъ чалый и третьякъ. Старый чалый былъ весь въ ту матку, которую Корней за годъ до своего ухода привелъ съ ярмарки.

„Должно, это тотъ самый, что у нея тогда въ брюхѣ былъ. Та же вислозадина и та же широкая грудь и косматыя ноги“, подумалъ онъ.

Лошадей гналъ поить черноглазый мальчишка въ новыхъ лапоткахъ. „Должно, внукъ, Ѳедькинъ сынъ, въ него черноглазый“,—подумалъ Корней.

Мальчикъ посмотрѣлъ на незнакомаго старика и побѣжалъ за игравшимъ по грязи стригуномъ. За мальчикомъ побѣжала собака, такая же черная, какъ прежній Волчекъ.

„Неужели Волчокъ?“—подумалъ онъ. И вспомнилъ, что тому было бы 20 лѣтъ.

Онъ подошелъ къ крыльцу и съ трудомъ вошелъ на тѣ ступеньки, на которыхъ онъ тогда сидѣлъ, глотая снѣгъ съ перилъ, и отворилъ дверь въ сѣни.

— Чего лѣзешь, не спросясь?—окликнулъ его женскій голосъ изъ избы. Онъ узналъ ея голосъ. И вотъ она сама, глухая, жилистая, морщинистая старуха, высунулась изъ двери. Корней ждалъ той молодой, красивой Марѳы, которая оскорбила его. Онъ ненавидѣлъ ее и хотѣлъ укорить, и вдругъ, вмѣсто нея, передъ нимъ была какая-то старуха.— Милостыни — такъ подъ окномъ проси, — пронзительнымъ, скрипучимъ голосомъ проговорила она.

— Я не милостыни.—сказалъ Корней.

— Такъ чего же ты! Чего еще?

Она вдругъ остановилась. И онъ по лицу увидалъ, что она узнала его.

— Мало ли васъ шляется. Ступай, ступай съ Богомъ!

Корней привалился спиной къ стѣнѣ и, упираясь на клюку, пристально смотрѣлъ на нее и съ удивленіемъ чувствовалъ, что у него не было въ душѣ той злобы на нее, которую онъ столько лѣтъ носилъ въ себѣ, но какая-то умиленная слабость вдругъ овладѣла имъ.

— Марѳа, помирать будемъ.

— Ступай, ступай съ Богомъ! — быстро и злобно говорила она.

— Больше ничего не скажешь?

— Нечего мнѣ говорить, — сказала она. — Ступай съ Богомъ, ступай, ступай! Много васъ, чертей, дармоѣдовъ шляется!

Она быстрыми шагами вернулась въ избу и захлопнула дверь.

— Чего жъ ругать то! — послышался мужской голосъ, и въ дверь вышелъ, съ топоромъ за поясомъ, черноватый мужикъ, такой же, какъ былъ Корней 40 лѣтъ тому назадъ, только поменьше и похудѣе, но съ такими же черными, блестящими глазами.

Это былъ тотъ самый Ѳедька, которому онъ 17 лѣтъ тому назадъ подарилъ книжку съ картинками. Это онъ упрекнулъ мать за то, что она не пожалѣла нищаго. Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ, и тоже съ топоромъ за поясомъ, нѣмой племянникъ. Теперь это былъ взрослый, съ рѣдкой бородкой, морщинистый, жилистый человѣкъ съ длинной шеей, рѣшительнымъ и внимательно пронизывающимъ взглядомъ. Оба мужика только позавтракали и шли въ лѣсъ.

— Сейчасъ, дѣдка, — сказалъ Ѳедоръ и указалъ нѣмому сначала на старика, а потомъ на горницу и показалъ рукой, какъ рѣжутъ хлѣбъ.

Ѳедоръ вышелъ на улицу, а нѣмой вернулся въ избу. Корней все стоялъ, опустивъ голову, прислонившись къ стѣнѣ и опираясь на клюку. Онъ чувствовалъ большую слабость и съ трудомъ удерживалъ рыданія. Нѣмой вышелъ изъ избы съ большимъ пахучимъ ломтемъ свѣжаго чернаго хлѣба и подалъ Корнею. Когда Корней, перекрестившись, принялъ хлѣбъ, нѣмой обратился къ двери въ избу, провелъ двумя руками по лицу и началъ дѣлать видъ, что плюетъ. Онъ выражалъ этимъ неодобреніе теткѣ. Вдругъ онъ замеръ и, разинувъ ротъ, уставился на Корнея, какъ будто узнавая. Корней не могъ больше удерживать слезы и, вытирая глаза, носъ и сѣдую бороду полою кафтана, отвернулся отъ нѣмого и вышелъ на крыльцо. Онъ испытывалъ какое-то особенное, умиленное, восторженное чувство смиренія, униженія передъ людьми, передъ нею, передъ сыномъ, передъ всѣми людьми, и чувство это и радостно и больно раздирало его душу.

Марѳа смотрѣла изъ окна и спокойно вздохнула только тогда, когда увидала, что старикъ скрылся за угломъ дома.

Когда Марѳа увѣрилась, что старикъ ушелъ, она сѣла за станъ и стала ткать. Она ударила разъ десятокъ бердомъ, но руки не шли. Она остановилась и стала думать и вспоминать, какимъ она сейчасъ видѣла Корнея: она знала, что это былъ онъ, — тотъ самый, который убивалъ ее и прежде любилъ ее, и ей было страшно за то, что она сейчасъ сдѣлала. Не то она сдѣлала, что надо было. А какъ же надо было обойтись съ нимъ? Вѣдь, онъ не сказалъ, что онъ Корней и что онъ домой пришелъ.

И она опять взялась за челнокъ и продолжала ткать до самаго вечера.

Корней съ трудомъ добрелъ къ вечеру до Андреевки и опять попросился ночевать къ Зиновьевымъ. Его приняли.

— Что жъ, дѣдъ, не пошелъ дальше?

— Не пошелъ, ослабъ. Видно назадъ пойду. Ночевать пустите?

— Мѣсто не пролежишь. Иди, сушись.

Всю ночь Корнея трепала лихорадка. Передъ утромъ онъ забылся, а когда проснулся, домашніе всѣ разошлись по своимъ дѣламъ, и въ избѣ оставалась одна Агаѳья.

Онъ лежалъ на хорахъ на сухомъ кафтанѣ, который ему подослала старуха.

Агаѳья вынимала хлѣбы изъ печи.

— Умница, — позвалъ онъ ее слабымъ голосомъ, — подойди ко мнѣ.

— Сейчасъ, дѣдъ, — отвѣчала она, высаживая хлѣбы. — Напиться, что ль? Кваску?

Онъ не отвѣчалъ.

Высадивъ послѣдній хлѣбъ, она подошла къ нему съ ковшикомъ кваса. Онъ не поворотился къ ней и не сталъ пить, а какъ лежалъ кверху лицомъ, такъ и сталъ говорить, не поворачиваясь.

— Гаша, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — время мое доспѣло. Я помирать хочу. Такъ вотъ ты прости меня, Христа ради.

— Богъ проститъ. Что жъ, ты мнѣ худого не дѣлалъ.

Онъ помолчалъ.

— А еще вотъ что, сходи ты, умница, къ матери, скажи ей... странникъ, молъ, скажи... вчерашній странникъ, скажи...

Онъ сталъ всхлипывать.

— А ты развѣ былъ у нашихъ?

— Былъ. Скажи, странникъ вчерашній... странникъ, скажи, — опять онъ остановился отъ рыданій и, наконецъ, собравшись съ силами, договорилъ: — попрощаться къ ней приходилъ, — сказалъ онъ и сталъ шарить у себя около груди.

— Скажу, дѣдъ, скажу! А ты чего ищешь? — сказала Агаѳья.

Старикъ, не отвѣчая, сморщившись отъ усилія, досталъ своей худой волосатой рукой бумагу изъ-за пазухи и подалъ ей.

— А это вотъ отдай, кто спроситъ. Билетъ мой солдатскій. Слава Богу, развязались всѣ грѣхи! — и лицо его сложилось въ торжественное выраженіе. Брови поднялись, глаза уставились въ потолокъ, и онъ затихъ.

— Свѣчку,—проговорилъ онъ, не шевеля губами.

Агаѳья поняла. Достала отъ иконъ обгорѣвшую восковую свѣчку, зажгла и подала ему. Онъ прихватилъ ее большимъ пальцемъ.

Агаѳья отошла убрать въ сундучекъ его билетъ, и когда подошла къ нему, свѣча валилась у него изъ руки, и остановившіеся глаза уже не видѣли, и грудь не дышала. Агаѳья перекрестилась, задула свѣчу, достала полотенце чистое и закрыла его лицо...

Во всю ночь эту Марѳа не могла заснуть и все думала о Корнеѣ. На утро она одѣла зипунъ, накрылась платкомъ, и пошла узнавать, гдѣ вчерашній старикъ. Очень скоро она узнала, что старикъ въ Андреевкѣ. Марѳа взяла изъ плетня палку и пошла въ Андреевку. Что дальше она шла, тѣмъ все страшнѣе и страшнѣе ей становилось. „Попрощаюся съ нимъ, возьмемъ домой, грѣхъ развяжемъ. Пускай хоть помретъ дома при сынѣ“, думала она.

Когда Марѳа стала подходить къ дочернему двору, она увидала большую толпу народа у избы Одни стояли въ сѣняхъ, другіе подъ окнами. Всѣ уже знали, что тотъ самый знаменитый богачъ Корней Васильевъ, который 40 лѣтъ тому назадъ гремѣлъ по округѣ, бѣднымъ странникомъ померъ въ домѣ дочери. Изба тоже была полна народа. Бабы перешептывались, вздыхали и охали.

Когда Марѳа вошла въ избу, и народъ разступился, пропуская ее, она подъ святыми увидала обмытое, убранное, прикрытое полотномъ мертвое тѣло, надъ которымъ грамотный Филиппъ Кононычъ, подражая дьячкамъ, читалъ нараспѣвъ славянскія слова псалтыря.

Ни простить, ни просить прощенія уже нельзя было. А по строгому, прекрасному старому лицу Корнея нельзя было понять, прощаетъ ли онъ или еще гнѣвается.

Воспитаніе дѣтей.

Въ основу всякаго воспитанія должно стать прежде всего то, что заброшено въ нашихъ школахъ: религіозное пониманіе жизни, и не столько въ формѣ преподаванія, сколько въ формѣ руководящаго начала своей воспитательной дѣятельности. Религіозное пониманіе жизни, которое, по-моему разумѣнію, можетъ и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболѣе кратко, будетъ такое: смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли того безконечнаго начала, котораго мы сознаемъ себя частью

воля же эта—въ соединеніи всего живого и прежде всего людей; въ братствѣ ихъ, въ служеніи другъ другу. Съ другого конца это же религіозное пониманіе жизни выразится такъ: дѣло жизни есть единеніе со всѣмъ живымъ—прежде всего, братство людей, служеніе другъ другу. И это такъ потому, что мы живы только въ той мѣрѣ, въ которой сознаемъ себя частью всего безконечнаго, законъ же безконечнаго есть это единеніе. Во всякомъ случаѣ, жизненное проявленіе религіознаго пониманія—единеніе всего, достигаемое любовью, есть, прежде всего, братство людей; оно практическій, центральный законъ жизни, и оно-то не должно быть поставлено въ основу воспитанія, и потому хорошо и должно быть развиваемо въ дѣлахъ все то, что ведетъ къ единенію, и подавляемо все, что ведетъ къ обратному. Дѣти находятся всегда—и тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе—въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первой степенью гипноза. И учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому ихъ состоянію. (Эта ихъ способность ко внушенію отдастъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, что и какъ мы внушаемъ имъ). Такъ что учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершающееся двояко: сознательно и безсознательно. Все, чему мы обучаемъ дѣтей—отъ молитвъ и басенъ до танцевъ, до музыки—все это сознательное внушеніе; все то, чему не зависимо отъ нашего желанія подражаютъ дѣти,—въ особенности въ нашей жизни, въ нашихъ поступкахъ, есть безсознательное внушеніе. Сознательное внушеніе—это обученіе, образованіе; безсознательное—это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смѣслѣ, или, какъ я назову, это просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія; второе же невольно, вслѣдствіе того, что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Люди, воспитатели или, самое обыкновенное, скрываютъ свою жизнь и вообще жизнь взрослыхъ отъ дѣтей, ставя ихъ въ исключительныя условія (корпуса, институты, пансіоны и т. п.), или переводятъ то, что должно происходить безсознательно, въ область сознательнаго: предписываютъ нравственныя жизненныя правила, при которыхъ необходимо прибавлять: fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais*). Отъ этого происходитъ то, что въ нашемъ обществѣ такъ несоотвѣтственно далеко ушло образованіе и такъ не только отстало, но совершенно отсутствуетъ истинное воспитаніе или просвѣщеніе. Если гдѣ оно и есть, то только въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ. А между тѣмъ изъ двухъ сторонъ воздѣйствія на дѣтей, безсознательнаго и сознательнаго, безъ всякаго сравненія важнѣе и для отдѣльныхъ личностей и для общества людей—первое, т.-е. безсознательное нравственное просвѣщеніе. Живетъ какая-нибудь семья rentier, землевладѣльца, чиновника, даже художника, писателя буржуазной жизнью, живетъ не пьян-

*) Дѣлай то, что я говорю, но не дѣлай того, что я дѣлаю.

ствуетъ, не распутничаетъ, но бранясь, не обижая людей и хочетъ дать нравственное воспитаніе дѣтямъ! но это такъ же невозможно, какъ невозможно выучить дѣтей новому языку, не говоря на этомъ языкѣ, и не показывая имъ книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ. Дѣти будутъ слушать правила о нравственности, объ уваженіи къ людямъ, но безсознательно будутъ не только подражать, но и усвоятъ себя, какъ правило, то что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другіе пачкать платье, горницы ѣсть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религіозную основу жизни—братство людей, то нельзя не видѣть, что люди, живущіе на деньги, отобранныя отъ другихъ и заставляющіе этихъ другихъ за эти деньги служить себѣ, живутъ безнравственной жизнью, и никакія проповѣди ихъ не избавятъ ихъ дѣтей отъ безсознательнаго внушенія, которое или останется въ нихъ на всю жизнь, извращая всѣ ихъ сужденія о явленіяхъ жизни, или съ великими усиліями и трудомъ будетъ послѣ многихъ страданій и ошибокъ, разрушено ими.

Итакъ, воспитаніе, безсознательное внушеніе, есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно, страшно сказать, чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что назвать хорошею жизнью?—спросятъ. Степеней хорошества безконечно много, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремленіе къ совершенствованію въ любви. Вотъ это самое, если есть въ воспитателяхъ и если этимъ заразятся дѣти, то воспитаніе будетъ не дурное.

Для того, чтобы воспитаніе дѣтей было успѣшно, надо, чтобы воспитывающіе люди, не переставая, воспитывали себя, помогали бы другъ другу все болѣе и болѣе осуществлять то, къ чему стремятся. Средствъ же для этого, кромѣ главнаго—внутренняго, работы каждаго человѣка надъ своей думой—можетъ быть очень много. Надо искать ихъ, обдумывать, прилагать, обсуждать... Все это намеки на одну сторону дѣла,—воспитаніе. Теперь объ образованіи. Объ образованіи я думаю вотъ что: наука, ученіе есть не что иное, какъ передачи того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда въ трехъ разныхъ направленіяхъ мысли,—думали: 1) философски? религіозно о значеніи своей жизни—религія и философія, 2) опытно, дѣлая выводы изъ извѣстнымъ образомъ обставленныхъ наблюденій,—естественныя науки: механика, физика, химія, физіологія, и 3) думали математически, дѣлая выводы изъ положеній своей мысли: математика и математическія науки. Всѣ эти три рода наукъ—настоящія науки. Нельзя поддѣлаться подъ знаніе ихъ, и можетъ быть полузнанія: знаешь или не знаешь. Всѣ эти три рода наукъ космополитичны, всѣ онѣ не только не разъединяютъ, но соединяютъ людей. Всѣ онѣ доступны всѣмъ людямъ и удовлетворяютъ критерію братства людей. Науки же юридическія и спеціально историческія суть не науки, или науки вредныя и должны быть

исключены. Но кромѣ того, что существуютъ три отрасли наукъ, существуютъ и три способа передачи этихъ знаній. (Пожалуйста, не думайте, что я подгоняю къ тремъ; мнѣ хотѣлось, что-бы было четыре и десять, но вышло по три).

Первый способъ передачи самый обычный: слова, но слова на разныхъ языкахъ, и потому является еще наука—языки, опять соотвѣтствующая критерію братства людей (можетъ-быть, нужно и преподаваніе эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способъ—это пластическое искуство, рисованіе или лѣпки,—наука о томъ, какъ для глаза передать то, что знаешь, другому. И третій способъ—музыка, пѣніе, — наука, какъ передать свое настроеніе, чувство.

Кромѣ этихъ 6 отраслей преподаванія, должна быть введена еще 7-ая: преподаваніе мастерства и опять соотвѣтствующее критерію братства, т.-е. такое, которое всѣмъ нужно: слесарное, столярное, плотничное, швейное.. Такъ что преподаваніе распадается на 7 предметовъ.

Какую часть времени употребить на каждое, кромѣ обязательнаго труда для *своего* обслуживанія, рѣшитъ склонность каждаго ученика.

Мнѣ представляется такъ: преподаватели для себя распредѣляютъ часы, но ученики вольны приходить или нѣтъ. Какъ ни странно это кажется намъ, такъ уродливо поставившимъ образованіе, полная свобода обученія, т.-е. чтобы ученикъ, ученица сами бы приходили учиться, когда хотятъ—есть conditio sine qua non*) всякаго плодотворнаго обученія, такъ же, какъ conditio sine qua non питанія есть то, чтобы питающемуся хотѣлось ѣсть. Разница только въ томъ, что матеріальныхъ дѣлахъ вредъ отступленія отъ свободы сейчасъ же проявляется, сейчасъ же будетъ рвота или разстройство желудка, въ духовныхъ же вредныя послѣдствія проявятся не такъ скоро, можетъ быть, черезъ года. Только при полной свободѣ можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ, а они, лучшіе ученики,—самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызыванія отвращенія къ предметамъ, которые, если бы преподавать въ свое время и свободно, были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой спеціальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія. А то я буду говорить ученику, что не надо въ жизни насилія, и надъ нимъ буду совершать самое тяжелое,—умственное насиліе. Знаю я, что это трудно, но что же дѣлать, когда поймешь, что всякое отступленіе отъ свободы губительно для самаго дѣла образованія. Да и не такъ трудно, когда твердо рѣшишься не дѣлать глупаго.

*) Необходимое условіе.

Новое жизнепониманіе.

I.

Какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ жить, не имѣя извѣстнаго представленія о смыслѣ своей жизни, и всегда хоть часто и безсознательно, соображаетъ свои поступки съ этимъ, придаваемымъ имъ своей жизни, смысломъ, такъ точно и совопокупности людей, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ—народы не могутъ не имѣть представленія о смыслѣ ихъ совокупной жизни и вытекающей изъ нея дѣятельности. И такъ отдѣльный человѣкъ, вступая въ новый возрастъ, неизбѣжно измѣняетъ свое пониманіе жизни, и взрослый человѣкъ видитъ смыслъ ея въ иномъ, чѣмъ ребенокъ, такъ точно и совокупность людей, народъ, неизбѣжно, соотвѣтственно возрасту своему, измѣняетъ свое пониманіе жизни и вытекающую изъ этого пониманія дѣятельность.

Различіе въ этомъ отношеніи отдѣльнаго человѣка отъ всего человѣчества состоитъ въ томъ, что тогда такъ отдѣльный человѣкъ въ опредѣленіи свойственнаго тому новому періоду жизни, въ который онъ вступаетъ, пониманія жизни и вытекающей изъ него дѣятельности пользуется указаніями прежде жившихъ его людей, пережившихъ уже тотъ возрастъ, въ который онъ вступаетъ, человѣчество не можетъ имѣть этихъ указаній, потому что оно все подвигается по неизслѣдованному еще пути, и не у кого спросить: какъ надо понимать жизнь и дѣйствовать въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя оно поступаетъ, и въ которыхъ еще никто никогда не жилъ.

А между тѣмъ, какъ человѣку женатому и съ дѣтьми невозможно продолжать пониматъ жизнь такъ же, какъ онъ понималъ ее, будучи ребенкомъ, такъ и человѣчеству нельзя уже, при совершившихся разнообразныхъ измѣненіяхъ: и густоты населенія, и утановившагося общенія между разными народами, и усовершенствованія способовъ борьбы съ природой, и накопленія знаній,—продолжать понимать жизнь попрежнему, а необходимо установить новое жизнепонима-

ніе, изъ котораго и вытекла бы и дѣятельность, соотвѣтствующая тому новому состоянію, въ которое оно вступило или вступаетъ.

На это-то требованіе и отвѣчаетъ особенная способность человѣчества выдѣлять изъ себя людей, дающихъ новый смыслъ всей жизни человѣческой,—смыслъ, изъ котораго вытекаетъ вся иная, чѣмъ прежняя, дѣятельность. Установленіе этого, свойственнаго человѣчеству въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя оно вступаетъ, жизнепониманія и вытекающей изъ него дѣятельности и есть то, что называется *религія*.

И потому религія, во-первыхъ, не есть, какъ это думаетъ наука, явленіе, когда-то сопутствовавшее развитію человѣчества, но потомъ пережитое имъ, а есть всегда присущее жизни человѣчества явленіе, и въ наше время столь же неизбѣжно присущее человѣчеству, какъ и во всякое другое время. Во-вторыхъ, религія всегда есть опредѣленіе дѣятельности будущаго, а не прошедшаго, и потому очевидно, что изслѣдованіе прошедшихъ явленій ни въ какомъ случаѣ не можетъ захватить сущность религіи.

Сущность всякаго религіознаго ученія—не въ желаніи символическаго выраженія силъ природы, не въ страхѣ передъ ними, не въ потребности къ чудесному и не во внѣшнихъ формахъ ея проявленія, какъ это думаютъ люди науки. Сущность религіи въ свойствѣ людей пророчески предвидѣть и указывать тотъ путь жизни, по которому должно идти человѣчество, въ иномъ, чѣмъ прежнее, опредѣленіи смысла жизни, изъ котораго вытекаетъ и иная, чѣмъ прежняя, вся будущая дѣятельность человѣчества.

Свойство это провидѣнія того пути, по которому должно идти человѣчество, въ большей или меньшей степени обще всѣмъ людямъ; но всегда во всѣ времена были люди, въ которыхъ это свойство проявлялось съ особенной силой, и люди это ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали всѣ люди, и устанавливали новое пониманіе жизни, изъ котораго вытекала иная, чѣмъ прежняя, дѣятельность, на многія сотни и тѣсячи лѣтъ.

Такихъ пониманій жизни мы знаемъ три: два уже пережитыхъ человѣчествомъ, и третье, которое мы теперь переживаемъ въ христіанствѣ. Пониманій такихъ три и только три, не потому что мы произвольно соединили различныя жизнепониманія въ эти три, а потому, что поступки всѣхъ людей имѣютъ всегда въ основѣ одно изъ этихъ трехъ жизнепониманій, потому что иначе, какъ только этими тремя способами, мы не можемъ понимать жизнь.

Три жизнепониманія эти слѣдующія: первое—личное или животное, второе — общественное или языческое, и третье—всемірное или божеское.

По первому жизнепониманію жизнь человѣка заключается въ одной его личности; цѣль его жизни—въ удо-

влетворенiи воли этой личности. По второму жизнепониманiю жизнь человѣка заключается не въ одной его личности, а въ совокупности и послѣдовательности личностей: въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ; цѣль жизни заключается въ удовлетворенiи воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманiю жизнь этой заключается и не въ своей личности, и не въ нашей строгой послѣдовательности личностей, а въ началѣ и источникѣ жизни—въ Богѣ.

Эти три жизнепониманiя служатъ основой всѣхъ существовавшихъ и существующихъ религiй.

Дикарь признаетъ жизнь только въ себѣ, въ своихъ личныхъ желанiяхъ. Благо его жизни сосредоточено въ немъ одномъ. Высшее благо для него есть наиполнѣйшее удовлетворенiе его похоти. Двигатель его жизни есть личное наслажденiе. Религiя его состоитъ въ умилостивленiи божества къ своей личности и въ поклоненiи воображаемымъ личностямъ боговъ, живущимъ только для личныхъ цѣлей.

Человѣкъ языческiй, общественный, признаетъ жизнь уже не въ одномъ себѣ, но въ совокупности личностей—въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ, и жертвуетъ для этихъ совокупностей своимъ личнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть слова. Религiя его состоитъ въ возвеличенiи главъ союзовъ: родоначальниковъ, предковъ, государей, и въ поклоненiи богамъ—исключительнымъ покровителямъ его семьи, его рода, народа, государства*).

Человѣкъ божескаго жизнепониманiя признаетъ жизнь уже не въ своей личности и не въ совокупности личностей (въ семьѣ, родѣ, народѣ, отечествѣ или государствѣ), а въ источникѣ вѣчной, неумирающей жизни—въ Богѣ; и для исполненiя воли Бога жертвуетъ и своимъ личнымъ, и семейнымъ, и общественнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть любовь. И религiя его поклоненiе дѣломъ и истиной началу всего—Богу.

Вся жизнь историческая человѣчества есть не что иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманiя личнаго, животнаго къ жизнепониманiю общественному, и отъ жизнепониманiя общественнаго къ жизнепониманiю божескому. Вся исторiя древнихъ народовъ, продолжавшаяся тысячелѣтiя и заканчивающаяся исторiей Рима, есть исторiя замѣны животнаго, личнаго жизнепониманiя обществен-

*) То, что на этомъ, обществомъ или языческомъ жизнепониманiи основываются столь разнообразные склады жизни, какъ жизнь племенная, семейная, родовая, государственная и даже теоретически представляемая позитивистами жизнь человѣчества, это не нарушаетъ единства этого жизнепониманiя. Всѣ эти разнообразныя формы жизни основаны на одномъ представленiи о томъ, что жизнь личности не есть достаточная цѣль жизни, что смыслъ жизни можетъ быть найденъ только въ совокупности личностей.

нымъ и государственнымъ. Вся исторія со времени императорскаго Рима и появленія христіанства есть переживаемая нами и теперь исторія замѣны государственнаго жизнепониманія божескимъ,

2.

Какъ человѣкъ общественнаго жизнепониманія говоритъ дикарю: опомнись, одумайся! Жизнь твоей личности не можетъ быть истинной жизнью, потому что жизнь эта бѣдственна и преходяща. Только жизнь совокупности и послѣдовательности личностей: племени, семьи, рода, государства, продолжается и живетъ, и потому человѣкъ долженъ жертвовать своей личностью для жизни семьи, государства. Точно то же: говоритъ христіанское ученіе человѣку жизнепониманія совокупнаго, общественнаго:—Покайтесь, т. е. одумайтесь, а то погибнете. Поймите, что эта плотская личная жизнь, нынѣ возникшая и завтра уничтожающаяся, ничѣмъ не можетъ быть обезпечена, что никакія внѣшнія мѣры, никакое устройство ея не можетъ придать ей твердости, разумности. Одумайтесь и поймите, что жизнь, которой вы живете, не есть настоящая жизнь;—жизнь семьи, жизнь общества, жизнь государства не спасетъ отъ погибели. Жизнь истинная, разумная возможна для человѣка только въ той мѣрѣ, въ которой онъ можетъ быть участникомъ не семьи или государства, но источника жизни, Отца; въ этой мѣрѣ, въ которой онъ можетъ слить свою жизнь съ жизнью Отца. Каково несомнѣнно жизнепониманіе христіанское, видное въ каждомъ изреченіи Евангелія.

3.

Ученіе общественнаго жизнепониманія руководятъ только требованіемъ точнаго исполненія правилъ или законовъ. Ученіе Христа руководитъ людьми указаніемъ имъ того безконечнаго совершенства Отца небеснаго, къ которому свойственно произвольно стремиться всякому человѣку, въ какой бы степени несовершенства онъ ни находился.

4.

Совершенство, указываемое христіанствомъ, — безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто; и Христосъ даетъ свое ученіе, имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному, безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей, и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности,

Христосъ учитъ не ангеловъ, но людей, живущихъ животной жизнью, движущихся ею. И вотъ, къ этой животной силѣ движенія Христосъ какъ бы прикладываетъ новую, другую силу сознанія божескаго совершенства, — направляетъ этимъ движеніе жизни по равнодѣйствующей изъ двухъ силъ.

Полагать, что жизнь человѣческая пойдетъ по направленію, указанному Христомъ, все равно, что полагать, что лодочникъ, перебивая быструю рѣку и направляя своей ходъ почти прямо противъ теченія, поплыветъ по этому направленію.

Христосъ признаетъ существованіе обѣихъ сторонъ параллелограмма, обѣихъ вѣчныхъ, неучтожимыхъ силъ, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка: силу животной природы и силу сознанія сыновности Богу. Не говоря о силѣ животной, которая, сама себя утверждая, остается всегда равна сама себѣ и находится внѣ власти человѣка, Христосъ говоритъ только о силѣ Божеской, призывая человѣка къ наибольшему сознанію ея, къ наибольшему освобожденію ея отъ того, что задерживаетъ ее, и къ доведенію ея до высшей степени напряженія.

Въ этомъ освобожденіи-увеличеніи этой силы и состоитъ, по ученію Христа, истинная жизнь человѣка. Истинная жизнь, по прежнимъ ученіямъ, состоитъ въ исполненіи правилъ, закона; по ученію Христа, она состоитъ въ наибольшемъ приближеніи къ указанному и сознаваемому каждымъ человѣкомъ въ себѣ божескому совершенству, въ большемъ и большемъ приближеніи къ сліянію своей воли съ волей Божіей, сліянію, къ которому стремится человѣкъ, и которое было бы уничтоженіемъ той жизни, какую мы знаемъ.

Божеское совершенство есть асимптома жизни человѣческой, къ которому она всегда стремится и приближается, и которое можетъ быть достигнуто ею только въ безконечности.

Ученіе христіанское кажется исключающимъ возможность жизни только тогда, когда люди указаніе идеала принимаютъ за правило. Только тогда представляются уничтожающими жизнь тѣ требованія, которыя предъявляются ученіемъ Христа. Требованія эти, напротивъ, одни даютъ возможность истинной жизни. Безъ этихъ требованій невозможна бы была истинная жизнь.

„Нельзя требовать слишкомъ многаго,—говорятъ обыкновенно люди, обсуживая требованія христіанскаго ученія,—нельзя требовать того, чтобы совсѣмъ не заботиться о будущемъ, какъ это сказано въ Евангеліи, но надо только не слишкомъ много заботиться; нельзя отдавать бѣднымъ всего, но надо отдавать извѣстную, опредѣленную часть; не надо стремиться къ дѣвственности, но надо избѣгать

разврата; не надо оставлять жену и дѣтей, но надо не имѣть къ нимъ слишкомъ большого пристрастія" и т. д.

Но говорить такъ—все равно, что говорить человѣку, переплывающему быструю рѣку и направляющему свой ходъ противъ теченія, что нельзя переплыть рѣку, направляясь противъ теченія, а что для того, чтобы переплыть ее, надо плыть по тому направленію, по которому онъ хочетъ идти.

Ученіе Христа тѣлъ отличается отъ прежнихъ ученій, что оно руководитъ людьми не внѣшними правилами, а внутреннимъ сознаніемъ возможности достиженія божескаго совершенства. И въ душѣ человѣка находятся неумѣренныя правила справедливости и филантропіи, а идеалъ полнаго, безконечнаго божескаго совершенства. Только стремленіе къ этому совершенству отклоняетъ направленіе жизни человѣка отъ животнаго состоянія къ божескому настолько, насколько это возможно въ этой жизни.

Для того, чтобы пристать къ тому мѣсту, къ которому хочешь, надо всѣми силами направлять ходъ гораздо выше.

Спустить требованія идеала, значитъ не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеалъ. Идеалъ, дѣйствующій на людей, есть невыдуманный кѣмъ-то идеалъ, но идеалъ, носимый въ душѣ каждымъ человѣкомъ. Только этотъ идеалъ полнаго безконечнаго совершенства дѣйствуетъ на людей и подвигаетъ ихъ къ дѣятельности. Умѣренное совершенство теряетъ свою силу воздѣйствія на души людей.

Ученіе Христа только тогда имѣетъ силу, когда оно требуетъ полнаго совершенства, т. е. сліянія божеской сущности, находящейся въ душѣ каждаго человѣка, съ волей Бога—соединенія сына съ Отцомъ. Только это освобожденіе сына Божія, живущаго въ каждомъ человѣкѣ, изъ животнаго и приближеніе его къ Отцу и составляетъ жизнь по ученію Христа.

Существованіе въ человѣкѣ животнаго, только животнаго, не есть жизнь человѣческая. Жизнь по одной волѣ Бога тоже не есть жизнь человѣческая. Жизнь человѣческая есть составная изъ жизни животной и жизни Божеской. И чѣмъ болѣе приближается эта составная къ жизни божеской, тѣмъ больше жизни.

Жизнь по христіанскому ученію есть движеніе къ божескому совершенству. Ни одно состояніе по этому ученію не можетъ быть выше или ниже другого. Всякое состояніе, по этому ученію, есть только извѣстная, сама по себѣ безразличная ступень къ недостижимому совершенству и потому—само по себѣ не составляетъ ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличеніе жизни, по этому ученію, есть только ускореніе движенія къ совершенству. И потому движеніе къ совершенству мытаря Закхея, блудницы, раз-

бойника на крестѣ—составляетъ высшую степень жизни, чѣмъ неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого ученія не можетъ быть правилъ, обязательныхъ для исполненія. Человѣкъ, стоящій на низшей ступени, подвигаясь къ совершенству, живетъ нравственнѣе, лучше, болѣе исполняетъ ученіе, чѣмъ человѣкъ, стоящій на гораздо болѣе высокой ступени нравственности, но не подвигающійся къ совершенству.

Въ этомъ-то смыслѣ заблудшая овца дороже Отцу незаблудшихся. Блудный сынъ, потерянная и опять найденная монета дороже тѣхъ, которыя не пропадали.

Исполненіе ученія — въ движеніи отъ себя къ Богу. Очевидно, что для такого исполненія ученія не можетъ быть опредѣленныхъ законовъ и правилъ. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны передъ этимъ ученіемъ: никакое исполненіе законовъ не составляетъ исполненія ученія; и потому для ученія этого нѣтъ и не можетъ быть обязательныхъ правилъ и законовъ.

Изъ этого коренного отличія ученія Христа отъ всѣхъ предшествующихъ ученій, основанныхъ на общественномъ жизнепониманіи, происходитъ и различіе заповѣдей общественныхъ отъ заповѣдей христіанскихъ. Заповѣди общественныя большей частью положительныя, предписывающія извѣстные поступки, оправдывающіе людей, дающіе имъ праведность. Заповѣди же христіанскія (заповѣдь любви не есть заповѣдь въ тѣсномъ смыслѣ слова, а выраженіе самой сущности ученія), пять заповѣдей нагорной проповѣди — всѣ отрицательныя и показываютъ только то, чего на извѣстной степени развитія человѣчества люди могутъ уже не дѣлать. Заповѣди эти суть какъ бы замѣтки на безконечномъ пути совершенства, къ которому идетъ человѣчество, той степени совершенства, которая возможна въ извѣстный періодъ развитія человѣчества.

Въ нагорной проповѣди выражены Христомъ и вѣчный идеалъ, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень его достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми.

Идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть зло ни на кого, не вызвать недоброжелательства ни въ комъ, любить всѣхъ, заповѣдь же, указывающая степень, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала, въ томъ, чтобы не оскорблять людей словомъ. И это составляетъ первую заповѣдь.

Идеалъ—полное цѣломудріе даже въ мысляхъ; — заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала—чистота брачной жизни, воздержаніе отъ блуда. И это составляетъ вторую заповѣдь.

Идеалъ—не заботиться о будущемъ, жить настоящимъ часомъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже

которой вполнѣ возможно не спускаться—не клясться, впередъ не обѣщать ничего людямъ. И это третья заповѣдь.

Идеалъ—никогда ни для какой цѣли не употреблять насилія:—заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться,—не платить зломъ за зло, терпѣть обиды, отдавать рубаху. И это четвертая заповѣдь

Идеалъ—любить враговъ, ненавидящихъ насъ,—заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться,—не дѣлать зла врагамъ, говорить о нихъ доброе, не дѣлать различія между ними и своими согражданами.

Всѣ эти заповѣди суть указанія того, чего на пути стремленія къ совершенству мы имѣемъ полную возможность уже не дѣлать,—того, надъ чѣмъ мы долны работать теперь,—того, что понемногу мы должны переводить въ область привычки, въ область безсознательнаго. Но заповѣди эти не только не составляютъ ученія и не исчерпываютъ его, но составляютъ только одну изъ безчисленныхъ ступеней его въ приближеніи къ совершенству.

За этими заповѣдями должны и будутъ слѣдовать высшія и высшія по пути совершенства, указываемаго ученіемъ.

5.

Христіанство признаетъ любовь и къ себѣ, и къ семьѣ, и къ народу, и къ человѣчеству, не только къ человѣчеству, но ко всему живому, ко всему существующему, признаетъ необходимость безконечнаго расширенія области любви; но предметъ этой любви оно находитъ не внѣ себя, не въ совокупности личностей: въ семьѣ, родѣ, государствѣ, человѣчествѣ, во всемъ внѣшнемъ мірѣ, но въ себѣ же, въ своей личности, но личности божеской, сущность которой есть та самая любовь, къ потребности расширенія которой приведена была личность животная, спасаясь отъ сознанія своей погибельности.

Различія христіанскаго ученія отъ прежнихъ—то, что прежнее ученіе общественное говорило: живи противно своей природѣ (подразумѣвая одну животную природу), подчиняй ее внѣшнему закону семьи, общества, государства: христіанство говоритъ: живи сообразно твоей природѣ (подразумѣвая божественную природу), не подчиняя ея ничему,—ни своей, ни чужой животной природѣ, и ты достигнешь того самаго, къ чему ты стремишься, подчиняя внѣшнимъ законамъ свою внѣшнюю природу.

Христіанское ученіе возвращаетъ человѣка къ первоначальному сознанію себя, но только не себя — животнаго у себя Бога, искры Божьей, себя—сына Божія, Бога такого же, какъ и Отецъ, но заключеннаго въ животную оболочка,

И сознаніе себя этимъ сыномъ Божьимъ, главное свойство котораго есть любовь, удовлетворяетъ и всѣмъ тѣмъ требованіямъ расширенія области любви, къ которой былъ приведенъ человѣкъ общественнаго жизнепониманія. Тамъ при всемъ большемъ и большемъ расширеніи области любви для спасенія личности любовь была необходимостью и пріурочивалась къ извѣстнымъ предметамъ: къ себѣ, семьѣ, обществу, человѣчеству; при христіанскомъ міровоззрѣніи любовь есть не необходимость и не пріурочивается ни къ чему, а есть существенное свойство души человѣка. Человѣкъ любитъ не потому, что ему выгодно любить того-то и тѣхъ-то, а потому, что любовь есть сущность его души,— потому что онъ не можетъ не любить.

Христіанское ученіе есть указаніе человѣку на то, что сущность его души есть любовь, что благо его получается не отъ того, что онъ будетъ любить того-то и то-то, а отъ того, что онъ будетъ любить начало всего — Бога, котораго онъ сознаетъ въ себѣ любовью, и потому будетъ любить всѣхъ и все.

6.

Люди, привыкшіе къ существующему порядку вещей, любящіе его, боящіеся измѣнить его, стараются понять ученіе, какъ собраніе откровеній и правилъ, которыя можно принять, неизмѣняя своей жизни, тогда какъ ученіе Христа не есть только ученіе о правилахъ, которымъ долженъ слѣдовать человѣкъ, но—выясненіе новаго смысла жизни, опредѣляющаго всю, совсѣмъ иную, чѣмъ прежняя, дѣятельность человѣчества въ тотъ періодъ, въ который оно вступаетъ.

Жизнь человѣческая движется, проходитъ, какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, возрасты, и каждый возрастъ имѣетъ соотвѣтствующее ему жизнепониманіе, и жизнепониманіе это неизбѣжно усваивается людьми. Тѣ люди, которые не усваиваютъ соотвѣтствующаго возрасту жизнепониманія сознательно, приводятся къ этому безсознательно. То, что происходитъ съ измѣненіемъ взглядовъ на жизнь отдѣльныхъ людей, то же происходитъ и съ измѣненіемъ взглядовъ на жизнь народовъ и всего человѣчества. Если человѣкъ семейный продолжаетъ руководиться въ своей дѣятельности ребяческимъ жизнепониманіемъ, то жизнь его сдѣлается такъ трудна ему, что онъ невольно будетъ искать иного жизнепониманія и охотно усвоитъ то, которое свойственно его возрасту.

То же происходитъ и теперь въ нашемъ человѣчествѣ при переходѣ, переживаемомъ нами, отъ языческаго жизнепониманія къ христіанскому. Общественный человѣкъ нашего времени приводится самою жизнью къ необходимости отречься отъ языческаго пониманія жизни, несвойственнаго

теперешнему возрасту человѣчества, и подчиниться требованіямъ христіанскаго ученія, истины котораго, какъ бы онѣ не были извращены и перетолкованы, все-таки извѣстны ему и однѣ представляютъ разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ онъ путается.

Если человѣку общественнаго жизнепониманія кажутся странными и даже опасными требованія христіанскаго ученія, то точно столь же странными, непонятными и опасными представлялись въ давнишнія времена дикарю требованія ученія общественнаго, когда еще онъ не вполнѣ понималъ ихъ и не могъ предвидѣть ихъ послѣдствій.

«Неразумно жертвовать своимъ спокойствіемъ или жизнью»,—говоритъ дикарь,—«чтобъ защищать что-то непонятное и неосязаемое, условное: семью, родъ, отечество, и, главное, опасно отдавать себя въ распоряженіе чуждой власти». Но прошло время для дикаря, когда съ одной стороны, онъ, хотя и смутно, но понялъ значеніе общественной жизни, значеніе главнаго двигателя ея—общественнаго одобренія или осужденія—славы; съ другой стороны, когда страданія его личной жизни стали такъ велики, что онъ не могъ уже продолжать вѣрить въ истинность своего прежняго пониманія жизни, и онъ принялъ ученіе общественное, государственное и подчинился ему.

Точно то же теперь совершается съ человѣкомъ общественнымъ, государственнымъ.

„Неразумно",—говоритъ человѣкъ общественный,—„жертвовать благомъ своимъ, своей семьи, своего отечества для исполненія требованій какого-то высшаго закона, требующаго отъ меня отреченія отъ самыхъ естественныхъ и добрыхъ чувствъ любви къ себѣ, къ своей семьѣ, къ родинѣ, къ отечеству, и, главное, опасно отвергать обезпеченіе жизни, даваемое государственнымъ устройствомъ".

Но приходитъ время, когда съ одной стороны—смутное сознаніе въ душѣ своей высшаго закона любви къ Богу и ближнему, съ другой—страданія, вытекающія изъ противорѣчій жизни, заставляютъ человѣка отречься отъ жизнепониманія общественнаго и усвоить новое,—предлагаемое ему, разрѣшающее всѣ противорѣчія и устраняющее страданія его жизни—жизнепониманіе христіанское. И время это пришло теперь.

Намъ пережившимъ тысячелѣтія назадъ уже переходъ отъ жизнепониманія животнаго, личнаго, къ жизнепониманію общественному, кажется, что тотъ переходъ былъ необходимъ и естественъ, а этотъ—тотъ, который мы переживаемъ теперь эти послѣднія 1800 лѣтъ,—и произволенъ, и неестественъ, и страшенъ. Но это намъ кажется только потому, что тотъ переходъ уже совершенъ, и дѣятельность его уже перешла въ безсознательную; теперешній переходъ еще не оконченъ, и мы сознательно должны совершить его.

Жизнепониманіе общественное входило въ сознаніе

людей вѣками, тысячелѣтіями, проходило черезъ разныя формы и теперь уже вошло для человѣчества въ область безсознательнаго, передаваемаго наслѣдственностью, воспитаніемъ и привычкой; и потому оно кажется намъ естественнымъ. Но 5000 лѣтъ тому назадъ оно казалось людямъ столь же неестественнымъ и страшнымъ, какъ имъ теперь кажется ученіе христіанское въ его настоящемъ смыслѣ.

Намъ кажется теперь, что требованія христіанскаго ученія о всеобщемъ братствѣ, безразличіи народностей, объ отсутствіи собственности, о столь кажущемся страннымъ непротивленіи злу насиліемъ—суть требованія невозможнаго. Но точно такими же казались тысячелѣтія тому назадъ, въ болѣе древнія времена, требованія не только государственныя, но семейныя, какъ напримѣръ: требованіе того, чтобы родители кормили дѣтей, молодые — старухъ, чтобы супруги были вѣрны другъ другу. Еще болѣе странными, даже безумными казались требованія государственныя: чтобы граждане подчинялись поставленной власти, платили подати, шли на войну для защиты отечества и т. д. Намъ теперь кажется, что всѣ такія требованія просты, понятны, естественны и не имѣютъ въ себѣ ничего мистическаго и даже страннаго; но пять или три тысячи лѣтъ тому назадъ эти требованія казались требованіями невозможнаго.

Жизнепониманіе общественное потому и служило основаніемъ религій, что въ то время, когда оно предъявлялось людямъ, оно казалось имъ вполнѣ непонятнымъ, мистическимъ и сверхъестественнымъ. Теперь, переживъ уже этотъ фазисъ жизни человѣчества, намъ понятны разумныя причины соединенія людей въ семьи, общества, государства; но въ древности требованія такого соединенія предъявлялись во имя сверхъестественнаго и подтверждались имъ.

Точно такъ же и теперь христіанское ученіе представляется людямъ общественнаго или языческаго міросозерцанія въ видѣ сверхъестественной религіи, тогда какъ въ дѣйствительности въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго, ни мистическаго, ни сверхъестественнаго; а оно есть только ученіе о жизни, соотвѣтствующее той степени развитія, тому возрасту, въ которомъ находится человѣчество и которое поэтому неизбѣжно должно быть принято имъ.

Придетъ время и приходитъ уже, когда христіанскія основы жизни равенства, братства людей, общности имуществъ, непротивленія злу насиліемъ—сдѣлаются столь же естественными и простыми, какими теперь намъ кажутся основы жизни семейной, общественной, государственной.

Ни человѣкъ, ни человѣчество не могутъ въ своемъ движеніи возвращаться назадъ. Жизнепониманіе общественное, семейное и государственное пережито людьми, и надо идти впередъ и усвоить слѣдующее высшее жизнепониманіе, что и совершается теперь.

Трудъ, смерть и болѣзнь [1]).

(Легенда).

Приложеніе къ № 9 „Свободнаго Слова". В. Г. Черткова.

Среди индѣйцевъ Южной Америки существуетъ слѣдующая легенда:

Богъ сотворилъ людей, говорятъ они, сначала такъ, что имъ не нужно было трудится, имъ не нужны были ни жилище, ни одежда, ни пища, и жили всѣ до ста лѣтъ и не знали никакихъ болѣзней.

Прошло нѣсколько времени, и когда Богъ посмотрѣлъ на то, какъ живутъ люди, онъ увидалъ, что вмѣсто того, чтобы радоваться на свою жизнь, они, заботясь каждый о себѣ, перессорились между собою и устроили себѣ такую жизнь, что не только не радуются, но клянутъ ее.

Тогда Богъ сказалъ: это оттого, что они живутъ врозь, каждый для себя. И для того, чтобы этого не было, Богъ сдѣлалъ такъ, чтобы людямъ стало невозможно жить безъ труда: они должны были, чтобы не страдать отъ голода и холода, строить себѣ жилища, копать землю, растить и собирать плоды и зерна.

— Трудъ соединитъ ихъ, — подумалъ Богъ; — нельзя одному рубить и таскать бревна и строить жилища, нельзя одному и приготовлять орудія, сѣять и собирать, и прясть и ткать, и шить одежду. Они должны будутъ понять, что чѣмъ дружнѣе они будутъ работать, тѣмъ больше сработаютъ, и тѣмъ лучше имъ будетъ жить, и это соединитъ ихъ.

Прошло еще нѣсколько времени, и Богъ опять пришелъ посмотрѣть, какъ живутъ люди.

Но люди жили еще хуже, чѣмъ прежде. Они трудились сообща — (нельзя было иначе), — но не всѣ вмѣстѣ, а всѣ разбились на небольшія кучки, и каждая кучка старалась отнять отъ другой ея работу, и всѣ они мѣшали другъ другу, тратили и время и силы на борьбу, и всѣмъ было дурно.

Увидѣвъ, что и это не хорошо, Богъ рѣшилъ сдѣлать

---

[1]) Эта легенда предназначалась авторомъ для сборника издававшагося въ пользу евреевъ, пострадавшихъ при Кишиневскомъ погромѣ. Она была запрещена цензурою для помѣщенія въ сборникѣ, но появилась заграницей въ переводахъ на иностранные языки. Впослѣдствіи съ этихъ переводовъ были сдѣланы обратные переводы на русскій языкъ, и въ такомъ, далекомъ отъ оригинала видѣ, легенда появилась въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ. Мы печатаемъ легенду по оригиналу, полученному отъ автора.

Ред. „Свободнаго Слова".

такъ, чтобы люди не знали часа своей смерти и могли бы умирать всякую минуту. И объявилъ имъ объ этомъ.

— Зная, что каждый изъ нихъ можетъ умереть каждую минуту,—думалъ Богъ,—не будутъ они изъ за заботы о жизни, которая всякую минуту можетъ прекратиться, злобиться другъ на друга и портить тѣ часы жизни, которые имъ предназначены.

Но вышло не такъ. Когда Богъ вернулся, чтобы посмотрѣть, какъ теперь живутъ люди, онъ увидалъ, что жизнь людей не улучшилась.

Люди болѣе сильные, чѣмъ другіе, пользуясь тѣмъ, что люди могутъ умирать во всякое время, покорили себѣ болѣе слабыхъ, убивая нѣкоторыхъ и угрожая остальнымъ смертью. И сложилась такая жизнь, что одни, сильные и ихъ наслѣдники, ничего не работали и тосковали отъ праздности. Слабые же работали черезъ силу и тосковали отъ того, что не имѣютъ отдыха. И тѣ и другіе боялись и ненавидѣли другъ друга И жизнь людей стала еще болѣе несчастной.

Увидѣвъ это, Богъ, чтобы исправить дѣло, рѣшилъ употребить послѣднее средство: онъ наслалъ на людей всякаго рода болѣзни. Богъ думалъ, что если всѣ люди будутъ подвержены болѣзнямъ, то они поймутъ, что здоровымъ надо жалѣть больныхъ и помогутъ имъ съ тѣмъ, чтобы, когда они будутъ больны, здоровые помогали бы имъ.

И опять Богъ оставилъ людей, но когда вернулся посмотрѣть, какъ они живутъ теперь съ тѣхъ поръ, какъ стали подвержены болѣзнямъ, жизнь людей стала еще хуже.

Тѣ самыя болѣзни, которыя, по мысли Бога, должны были соединить, еще болѣе разъединили ихъ. Люди тѣ, которые силою заставляли другихъ на себя работать, заставляли ихъ силою ходить за собою во время болѣзней, и потому сами не заботились о больныхъ. Тѣ же, которыхъ силою заставляли работать на другихъ и ходить за больными, были такъ измучены работою, что имъ некогда было ходить за своими больными, и они оставляли ихъ безъ помощи. Для того, чтобы видъ больныхъ не мѣшалъ удовольствіямъ богатыхъ, они устроили для больныхъ такіе дома, гдѣ больные страдали и мерли безъ участія жалѣющихъ ихъ людей, а на рукахъ наемныхъ людей, ходившихъ за больными не только безъ жалости, но съ отвращеніемъ. Кромѣ того, большую часть болѣзней люди признавали заразительными и, боясь заразиться, не только не сближались съ больными, но раздѣлялись даже тѣми, которые прикасались къ больнымъ.

Тогда Богъ сказалъ себѣ: если этимъ средствомъ нельзя довести людей до того, чтобы они понимали, въ чемъ ихъ счастіе, то пускай они сами доходятъ своими мученіями. И Богъ оставилъ людей однихъ.

И оставшись одни, люди долго жили, не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми. И только въ

самое послѣднее время стали нѣкоторые изъ нихъ понимать, что трудъ не долженъ быть пугаломъ для однихъ и принудительной каторгой для другихъ, а долженъ быть общимъ радостнымъ дѣломъ, соединяющихъ всѣхъ людей. Стали понимать, что въ виду ежечасно угрожающей каждому смерти, единственно разумное дѣло всякаго человѣка—въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно провести предназначенные каждому годы, мѣсяцы, часы или минуты. Стали понимать, что болѣзни не только не должны быть причиной раздѣленія, а напротивъ должны быть причиной любовнаго общенія между собою.

Кающійся грѣшникъ.

Жилъ на свѣтѣ человѣкъ семьдесятъ лѣтъ, и прожилъ онъ всю жизнь въ грѣхахъ. И заболѣлъ этотъ человѣкъ, и не каялся. И когда пришла смерть, въ послѣдній часъ заплакалъ онъ и сказалъ: „Господи! какъ разбойнику на крестѣ, прости мнѣ!“ Только успѣлъ сказать,—вышла душа. И возлюбила душа грѣшника Бога, и повѣрила въ милость Его, и пришла къ дверямъ рая.

И сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное,

И услыхалъ онъ голосъ изъ-за двери: „Какой человѣкъ стучится въ двери райскія, и какія дѣла совершилъ человѣкъ этотъ въ жизни своей?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и перечислилъ всѣ грѣшныя дѣла человѣка этого и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „Не могутъ грѣшники войти въ царство небесное. Отойди отсюда“.

И сказалъ человѣкъ: „Господи! голосъ твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю“.

И отвѣчалъ голосъ: „Я—Петръ апостолъ“.

И сказалъ грѣшникъ: „Пожалѣй меня, Петръ апостолъ, вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Не ты-ли былъ ученикъ, Христовъ, не ты-ли изъ самыхъ устъ Его слышалъ ученіе Его и видѣлъ примѣръ жизни Его? А вспомни, когда Онъ тосковалъ и скорбѣлъ душою, и три раза просилъ тебя не спать, а молиться, и ты спалъ, потому глаза твои отяжелѣли, и три раза Онъ засталъ тебя спящимъ. Такъ же и я“.

„А вспомни еще, какъ обѣщалъ Ему Самому до смерти не отречься отъ Него, и какъ ты три раза отрекся отъ Него, когда повели Его къ Каіаѳѣ. Такъ же и я

„И вспомни еще, какъ запѣлъ пѣтухъ, и ты вышелъ вонъ и заплакалъ горько? Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня“.

И затихъ голосъ за дверьми райскими.

И, постоявъ не долго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И послышался изъ-за дверей другой голосъ и сказалъ; „Кто человѣкъ этотъ? и какъ жилъ онъ на свѣтѣ?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и опять повторилъ всѣ худыя дѣла грѣшника и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „Отойди отсюда: не могутъ такіе грѣшники жить съ нами вмѣстѣ въ раю“.

И сказалъ грѣшникъ: „Господи! голосъ твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю“.

И сказалъ ему голосъ: „Я—царь и пророкъ Давидъ“.

И не отчаялся грѣшникъ, не отошелъ отъ двери рая и сталъ говорить: „Пожалѣй меня, царь Давидъ, и вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Богъ любилъ тебя и возвеличилъ предъ людьми. Все было у тебя—и царство, и слава, и богатство, и жены, и дѣти, а увидѣлъ ты съ крыши жену бѣднаго человѣка, и грѣхъ вошелъ въ тебя, и взялъ ты жену Урія и убилъ его самого мечемъ амонитянъ. Ты, богачъ, отнялъ у бѣднаго послѣднюю овечку и погубилъ его самого. То же дѣлалъ и я.

„И вспомни потомъ, какъ ты покаялся и говорилъ: „я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грѣхѣ своемъ“. Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня“.

И затихъ голосъ за дверьми.

И, постоявъ не долго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И послышался изъ-за дверей третій голосъ и сказалъ: „Кто человѣкъ этотъ? и какъ прожилъ онъ на свѣтѣ?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и въ третій разъ перечислилъ худыя дѣла человѣка и не назвалъ добрыхъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „Отойди отсюда: не могутъ грѣшники войти въ царство небесное“.

И отвѣчалъ грѣшникъ: „Голосъ твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю“.

И отвѣчалъ голосъ: „Я—Іоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Христа“.

И обрадовался грѣшникъ и сказалъ: „Теперь нельзя не впустить меня: Петръ и Давидъ впустятъ меня за то, что они знаютъ слабость человѣческую и милость Божію. А ты впустишь меня потому, что въ тебѣ любви много. Не ты-ли, Іоаннъ Богословъ, написалъ въ книгѣ своей,

что Богъ есть любовь и что кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога? Не ты-ли при старости говорилъ людямъ одно слово: „Братья, любите другъ друга!“ Какъ же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись отъ того, что сказалъ ты самъ, или полюби меня и впусти въ царство небесное“.

И отворились врата райскія, и обнялъ Іоаннъ кающагося грѣшника и впустилъ его въ царство небесное.

Къ политическимъ дѣятелямъ.

> The most fatal error that ever happened in the word was the separation of political and ethical science.
>
> *Shelley.*

> Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сдѣлана въ мірѣ, было отдѣленіе политической науки отъ нравственной.
>
> *Шелли.*

Въ обращеніи моемъ къ рабочему народу я высказалъ мысль о томъ, что для того, чтобы рабочимъ избавиться отъ своего угнетенія, имъ нужно самимъ перестать жить такъ, какъ они живутъ теперь, борясь съ ближними для своего личнаго блага, а жить по евангельскому правилу— „поступать съ другими такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой".

Это предлагаемое мною средство вызвало, какъ я и ожидалъ, одно и то же сужденіе, или скорѣе осужденіе отъ людей самыхъ противоположныхъ направленій.

„Утопія, непрактично. Дожидаться для избавленія людей, страдающихъ отъ угнетенія и насилія, чтобы они всѣ сдѣлались добродѣтельными, значитъ, признавая существующее зло, обрекать себя на бездѣйствіе".

И вотъ мнѣ захотѣлось сказать нѣсколько словъ о томъ, почему я считаю, что мысль эта не такъ практична, какъ это кажется, а, напротивъ, заслуживаетъ того, чтобы на нее было обращено вниманіе болѣе, чѣмъ на всѣ другія предлагаемыя учеными людьми средства для улучшенія общественнаго устройства,—сказать это тѣмъ людямъ, которые искренно, не на словахъ, а на дѣлѣ желаютъ служить ближнему.

Къ этимъ-то людямъ и обращаюсь теперь.

I.

Руководящіе дѣятельностью людей идеалы общественной жизни измѣняются, и, съ измѣненіемъ ихъ, измѣняется

и складъ жизни людей. Было время, когда идеаломъ общественной жизни была полная животная свобода, при которой, по мѣрѣ своей силы, одни люди въ прямомъ и переносномъ смыслѣ пожирали другихъ. Потомъ наступило время, когда общественнымъ идеаломъ стало могущество одного, и люди обоготворяли властителей и не только охотно, но восторженно покорялись имъ—Египетъ, Римъ: «Morituri te salutant» *). Потомъ сознанъ былъ людьми идеалъ такого устройства жизни, при которомъ власть признавалась уже не сама для себя, а для упорядоченія жизни людей. Попытками осуществленія такого идеала были одно время всемірная анархія, потомъ всемірная церковь, соединяющая различныя государства и руководящая ими, потомъ выступилъ идеалъ представительства, потомъ республики со всеобщей или безъ всеобщей подачи голосовъ. Теперь считаютъ, что идеалъ этотъ можетъ быть осуществленъ посредствомъ такого экономическаго устройства, при которомъ всѣ орудія труда перестанутъ быть частною собственностью, а будутъ достояніемъ всего народа.

Какъ ни различны всѣ эти идеалы, для проведенія ихъ въ жизни всегда предполагалась власть, т.-е. принудительная сила, заставляющая людей исполнять установленные законы. То же предполагается и теперь.

Предполагается, что осуществленіе наибольшаго блага всѣхъ достигается тѣмъ, что одни люди (по китайскому ученію самые добродѣтельные, по европейскому ученію—помазанники или избранники народа), получивъ власть, устанавливаютъ и поддерживаютъ такіе порядки, при которыхъ достигается наибольшая возможная обезпеченность гражданъ отъ взаимныхъ посягательствъ на трудъ, свободу и жизнь другъ друга. Не только люди, признающіе государственное устройство необходимымъ условіемъ жизни человѣческой, но и революціонеры и соціалисты, хотя считающіе существующее государственное устройство подлежащимъ измѣненію, признаютъ все-таки власть, т.-е. право и возможность однихъ людей принуждать другихъ исполнить установленные законы, необходимымъ условіемъ благоустройства общества.

Такъ это велось съ давнихъ временъ, ведется и до сихъ поръ. Но люди, принужденные силою подчиняться извѣстнымъ порядкамъ, не всегда считали эти порядки наилучшими и потому часто возмущались противъ властвующихъ, свергали ихъ и устанавливали на мѣсто прежнихъ

*) Во время владычества древняго Рима любимымъ общественнымъ зрѣлищемъ была драка борцовъ между собою или съ дикими звѣрями. Когда это происходило въ присутствіи императора, то борцы, или, какъ ихъ называли, „гладіаторы“, передъ началомъ зрѣлища торжественно приближались къ нему, восклицали: „ave Caesar! Morituri te salutant“, что значитъ: „Здравствуй Цезарь! Идущіе на смерть тебя привѣтствуютъ“.

свои новые порядки, которые, по ихъ мнѣнію, обезпечивали большее благо людей. Но такъ какъ люди, обладавшіе властью, всегда развращались этимъ обладаніемъ, и потому пользовались властью не столько для блага общаго, сколько для своего личнаго, то всегда новая власть была такая же, какъ и прежняя и часто еще болѣе несправедливая.

Такое это было, когда возставшіе противъ существующей власти одолѣвали ее. Когда же побѣда оставалась на сторонѣ существующей, то восторжествовавшая власть для огражденія себя всегда усиливала средства своей обороны и становилась еще болѣе стѣсняющей свободу своихъ гражданъ.

Такъ это было всегда и въ древности, и въ новое время, и такъ это съ особенной поучительностью происходило въ нашемъ европейскомъ мірѣ въ продолженіе всего XIX столѣтія. Въ первой половинѣ этого вѣка революціи были большею частью успѣшны, но новыя власти, замѣнившія старыя: Наполеонъ I, Карлъ X, Наполеонъ III,—не увеличили свободы гражданъ. Во второй же половинѣ, послѣ 1848 года, всѣ попытки революціи подавлялись правительствами; и, вслѣдствіе прежнихъ революцій и попытокъ новыхъ, правительства, обороняя себя все болѣе и болѣе, благодаря техническимъ изобрѣтеніямъ прошлаго столѣтія, давшимъ людямъ несуществовавшую прежде власть людей надъ природою и другъ надъ другомъ, усиливалили свою власть и довели ее къ концу прошлаго вѣка до такой степени, что борьба съ ними народа стала невозможною. Правительства захватили въ свои руки не только огромныя богатства, собираемыя ими съ народа, не только дисциплинированныя, искусно набираемыя войска, но и всѣ духовныя средства воздѣйствія на массы; руководство прессой, религіознымъ направленіемъ и, главное, воспитаніемъ. И средства эти такъ организованы и такъ могущественны, что съ 1848 года не было уже въ Европѣ ни одной успѣшной попытки революціи.

II.

Явленіе это совершенно новое и свойственное только нашему времени. Какъ ни могущественны были Неронъ Чингисъ-Ханъ, Карлъ Великій, они не могли подавлять возстанія на краяхъ своихъ владѣній, а тѣмъ болѣе не могли руководить духовною дѣятельностью своихъ подданныхъ: ихъ образованіемъ, воспитаніемъ, религіознымъ на-

правленіемъ. Теперь же всѣ средства для этого въ рукахъ правительствъ.

Не одинъ парижскій макадамъ *), замѣнившій булыжникъ мостовыхъ, сдѣлалъ невозможными баррикады во время революцій въ Парижѣ, такіе «макадамы" въ продолженіе послѣдней половины 10-го столѣтія появились во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія: тайная полиція, шпіонство, подкупы прессы, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, фотографіи, тюрьмы, крѣпости, огромныя богатства, воспитаніе молодыхъ поколѣній и, главное, войско—въ рукахъ правительства.

И все такъ организовано, что самые бездарные, глупые правители почти рефлективно, изъ чувства самосохраненія, никогда не допустятъ серьезныхъ подготовленій къ возстанію и всегда безъ всякаго усилія подавятъ тѣ слабыя попытки открытаго возстанія, которыя изрѣдка еще дѣлаютъ отсталые отъ времени революціонеры, только усиливая этими попытками власть правительствъ.

Единственное средство теперь одолѣнія правительства представляется въ томъ, что войско, составленное изъ людей народа, понявъ несправедливость, жестокость и вредъ для себя правительства, перестанетъ поддерживать его. Но и въ этомъ отношеніи правительства, зная, что главная сила ихъ въ войскѣ, такъ организовали его комплектованіе и дисциплину, что никакая пропаганда въ народѣ не можетъ вырвать войско изъ рукъ правительства. Ни одинъ человѣкъ, находящійся въ войскѣ и подвергшійся той гипнотизирующей муштровкѣ, которая называется дисциплиной, несмотря ни на какія политическія убѣжденія, находясь въ строю, не можетъ не повиноваться командѣ, такъ же, какъ не можетъ не мигнуть глазъ, на который направленъ ударъ. Двадцати же лѣтніе мальчики, которые набираются въ службу и воспитаны въ ложномъ, церковномъ или матеріалистическомъ и притомъ патріотическомъ духѣ, не могутъ отказаться отъ службы, какъ не могутъ не повиноваться дѣти, когда ихъ посылаютъ въ школу. Поступивъ же на службу, эти юноши, какихъ бы они ни были убѣжденій, благодаря вѣками выработанной искусной дисциплинѣ, въ одинъ годъ передѣлываются неизбѣжно въ покорныя орудія власти. Если и встрѣчаются рѣдкіе случаи—одинъ на десять тысячъ—отказовъ отъ военной службы, то это дѣлаютъ только такъ называемые сектанты, поступающіе такъ изъ религіозныхъ, не признаваемыхъ правительствами убѣжденій. Такъ что въ наше время въ европейскомъ мірѣ, если

*) До захвата власти Наполеонъ III, въ 1851 г., парижскія улицы большею частью мостились крупнымъ булыжникомъ, которымъ народу было удобно пользоваться во время возстаній для сооруженія баррикадъ противъ войскъ. Во избѣжаніе повторенія этого, улицы Парижа со времени Наполеона III, перестали такъ мостить, замѣнивъ булыжникъ плотно убитымъ пескомъ со щебнемъ,—такъ называемымъ „макадамомъ".

только правительство желаетъ удержать свою власть (а оно не можетъ не желать этого, потому что уничтоженіе власти влечетъ за собою погибель правителей), никакое серьезное возстаніе не можетъ организоваться, а если и организуется что-нибудь подобное, то оно всегда будетъ подавлено и не будетъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ погибели многихъ легкомысленныхъ людей и усиленія власти правительства. Этого могутъ не видѣть революціонеры, соціалисты, руководимые отсталыми преданіями и увлеченные борьбой, ставшей для нѣкоторыхъ опредѣленной профессіей, но не могутъ не видѣть всѣ люди, свободно смотрящіе на историческія событія.

Явленіе это совершенно новое, и потому и дѣятельность людей, желающихъ измѣнить существующій строй, должна сообразоваться съ этимъ новымъ въ европейскомъ мірѣ положеніемъ существующей власти.

III.

Шедшая въ продолженіе долгихъ вѣковъ борьба между властью и народомъ сначала приводила къ замѣнѣ одной власти другою, и этой другой еще третьей и т. д. Съ половины же прошлаго вѣка въ нашемъ европейскомъ мірѣ власть существующихъ правительствъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ нашего времени, обставилась такой защитой, что борьба съ нею силой стала невозможна. И по мѣрѣ того, какъ власть достигала все большей и большей степени силы, она все болѣе и болѣе обнаруживала свою несостоятельность: все болѣе и болѣе становилось очевиднымъ внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ понятіи благодѣтельной власти; становилось очевиднымъ, что власть для того, чтобы быть благодѣтельной, долженствующая быть въ рукахъ самыхъ лучшихъ людей, находилась всегда въ рукахъ худшихъ людей, такъ какъ лучшіе люди, по самому свойству власти, состоящему въ употребленіи насилія надъ ближнимъ, не могли желать власти и потому никогда не пріобрѣтали и не удерживали ея.

Противорѣчіе это такъ очевидно, что, казалось бы, всѣ люди всегда должны были видѣть его. А между тѣмъ торжественная обстановка власти, страхъ, возбуждаемый ею, и инерція преданія были такъ могущественны, что прошли вѣка, тысячелѣтія прежде, чѣмъ люди поняли свое заблужденіе. Только въ послѣднее время стали люди понимать, — несмотря на всю торжественность, которой всегда облекаетъ себя власть,—что сущность ея состоитъ въ томъ, чтобы угрожать людямъ лишеніемъ собственности, свободы,

жизни, и приводить эти угрозы въ исполненіе, и что поэтому люди, которые, какъ короли, императоры, министры, судьи и другіе, посвящаютъ свою жизнь этимъ дѣламъ безъ всякаго другого вывода, кромѣ желанія удержать свое выгодное положеніе, — не только не бываютъ лучшими, но всегда худшими людьми, а будучи таковыми, не могутъ своею властью содѣйствовать благу людей, а, напротивъ, всегда составляли и составляютъ одну изъ главныхъ причинъ общественныхъ бѣдствій человѣчества. И потому власть, прежде вызывавшая въ народѣ восторгъ и преданность, теперь въ большей и лучшей части людей вызываетъ не только равнодушіе, но часто презрѣніе и ненависть. Эта болѣе просвѣщенная часть людей понимаетъ теперь, что вся та торжественная обстановка, которою окружаетъ себя власть, есть ни что иное, какъ красная рубашка и плисовые штаны палача, выдѣляющіе его отъ другихъ острожниковъ за то, что онъ беретъ на себя самое безнравственное и отвратительное дѣло: казнить людей.

Сознавая же такое, все болѣе и болѣе распространяющееся въ народѣ, отношеніе къ себѣ, власть въ наше время уже не опирается на духовныя начала: помазанничество, избраніе народа, или святыхъ людей, а держится однимъ насиліемъ. Держась же на одномъ насиліи, власть, вслѣдствіе этого, еще болѣе теряетъ довѣріе народа. Теряя же довѣріе, она вынуждена прибѣгать къ все большему и большему захвату всѣхъ проявленій народной жизни, и вслѣдствіе этого захвата, вызываетъ еще большее недовольство собою.

IV.

Власть стала несокрушима и держится уже не духовными разумными основами помазанія, избранія, представительства, а держится одною силою. И вмѣстѣ съ этимъ народъ перестаетъ вѣрить во власть и уважать ее, и покоряется ей только потому, что нельзя иначе.

И вотъ съ половины прошедшаго столѣтія, съ того самаго времени, какъ власть въ одно и то же время стала несокрушима и потеряла свое оправданіе и свой престижъ *) въ народѣ, начинать среди людей проявляться ученіе о томъ, что свобода—не та фантастическая свобода, которую проповѣдуютъ сторонники насилія, утверждая, что человѣкъ, подъ страхомъ наказанія обязанный исполнять распоряженія другихъ людей, свободенъ, а та единая и истинная сво-

*) Престижъ—иностранное слово, по-русски приблизительно обозначающее: внушительность, обояніе.

бода, которая состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ можетъ жить и поступать по собственному разсужденію—платить или не платить подати, идти или не идти на службу, дружить или враждовать съ сосѣднимъ народомъ—,что такая настоящая свобода несовмѣстима съ какою-либо властью однихъ людей надъ другими.

По ученію этому, власть не есть, какъ это думали прежде, нѣчто божественное и величественное, не есть также необходимое условіе общественной жизни, а есть только послѣдствіе грубаго насилія однихъ людей надъ другими. Будетъ ли власть въ рукахъ Людовика XVI, или комитета общественнаго спасенія, директоріи или консульства, Наполеона, или Людовика XVIII, султана, президента, богдыхана или перваго министра, — вездѣ, гдѣ будетъ власть однихъ людей надъ другими, не будетъ свободы, а будетъ угнетеніе однихъ людей другими. И потому власть должна быть уничтожена.

Но какъ уничтожить ее? И какъ, уничтоживъ власть, устроить такъ, чтобы безъ власти люди не вернулись къ дикому состоянію грубаго насилія другъ надъ другомъ?

Всѣ анархисты, какъ называются проповѣдники этого ученія, совершенно согласно между собою отвѣчаютъ на первый вопросъ тѣмъ, что власть для того, чтобы быть дѣйствительно уничтоженной, должна быть уничтожена не силою, а сознаніемъ людей безполезности и вреда власти. На второй же вопросъ: какъ должно быть устроено общество безъ власти? - анархисты отвѣчаютъ различно.

Англичанинъ Годвинъ, жившій въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, и французъ Прудонъ, писавшій въ половинѣ прошлаго вѣка, на первый вопросъ отвѣчаютъ тѣмъ, что для уничтоженія власти достаточно сознанія людей о томъ, что *общее благо* (Годвинъ) и *справедливость* (Прудонъ) нарушаются властью; и что, если распространить въ народѣ убѣжденіе о томъ, что *общее благо* и *справедливость* могутъ быть осуществлены только при отсутствіи власти, то власть сама собой уничтожится.

На второй же вопросъ: какимъ образомъ обезпечится безъ власти благоустройство общества, и Годвинъ, и Прудонъ отвѣчаютъ тѣмъ, что люди, руководимые сознаніемъ *общаго блага* (по Годвину) и *справедливость* (по Прудону), естественно найдутъ наиболѣе разумныя, справедливыя и выгодныя для всѣхъ формы жизни.

Другіе же анархисты, какъ Бакунинъ и Кропоткинъ, хотя и признаютъ также средствомъ уничтоженія власти сознаніе массъ во вредѣ ея и въ несоотвѣтствіи ея съ прогрессомъ человѣчества, считаютъ, однако, возможной и даже нужной революцію, къ которой совѣтуютъ подготавливать людей. На второй же вопросъ отвѣчаютъ тѣмъ, что какъ скоро будетъ уничтожено государственное устройство и

собственность, то люди естественно сложатся въ разумныя, свободныя и выгодныя условія жизни.

Почти такъ же, какъ и другіе, отвѣчаютъ на вопросъ о средствахъ уничтоженія власти нѣмецъ Маркъ Штирнеръ и американскій писатель Теккеръ. Оба они полагаютъ, что если бы люди понимали, что личный интересъ каждаго человѣка служитъ совершенно достаточнымъ и законнымъ руководителемъ поступковъ людей. и что власть только препятствуетъ проявленію въ должной мѣрѣ этого руководящаго начала жизни людей,—то власть сама собою уничтожилась бы и вслѣдствіе неповиновенія, и, главное, какъ говоритъ Теккеръ, вслѣдствіе неучастія въ ней. Отвѣтъ же ихъ на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что люди, освобожденные отъ суевѣрія и необходимости власти, слѣдуя только личному интересу, сами собою сложатся въ наиболѣе правильныя и выгодныя для каждаго общественныя формы жизни.

Всѣ эти ученія совершенно правы въ томъ, что если власть должна быть уничтожена, то совершиться это можетъ никакъ не силою, такъ какъ власть, уничтожившая власть, останется властью, но совершиться это можетъ только уясненіемъ сознанія людей о томъ, что власть безполезна и вредна, и люди не должны ни повиноваться ей, ни участвовать въ ней. Истина эта неопровержима: власть можетъ быть уничтожена только разумнымъ сознаніемъ людей. Но въ чемъ должно состоять это сознаніе? Анархисты и полагаютъ, что это сознаніе можетъ быть основано на соображеніяхъ объ общемъ благѣ, справедливости, прогрессѣ или личномъ интересѣ людей. Но не говоря уже о томъ, что всѣ эти основы не согласны между собою, самыя опредѣленія того, въ чемъ состоитъ *общее благо*, *справедливость*, *прогрессъ* или *личный интересъ*, понимаются людьми безконечно разнообразно. Поэтому невозможно предполагать, чтобы люди, несогласные между собою и различно понимающіе тѣ основы. во имя которыхъ они противятся власти, могли бы уничтожить столь твердо установленную и искусно защищающую себя власть. Предположеніе же о томъ, что соображенія объ общемъ благѣ, справедливости, или законѣ прогресса могутъ быть достаточны для того, чтобы люди, освободившіеся отъ власти, не имѣющіе никакой причины для того, чтобы жертвовать своимъ личнымъ благомъ благу общему, сложились бы въ справедливыя, не нарушающія взаимную свободу условія.—еще болѣе неосновательно. Теорія же утилитарно-эгоистическая Макса Штирнера и Теккера, утверждающихъ, что слѣдованіемъ каждый своему личному интересу установить справедливыя отношенія между всѣми, не только произвольно, но и совершенно противоположно тому, что происходило и происходитъ въ дѣйствительности.

Такъ что справедливо признавая единственнымъ сред-

ствомъ уничтоженія власти духовное орудіе, ученіе анархизма, держась нерелигіознаго матеріалистическаго міровоззрѣнія, не имѣетъ этого духовнаго орудія и ограничивается предположеніями и мечтаніями, дающими возможность защитникамъ насилія, благодаря невѣрности предлагаемыхъ средствъ осуществленія ученія, отрицать истинныя основы его.

Духовное же орудіе—это есть только одно, давно извѣстное людямъ, всегда уничтожавшее власть и всегда дававшее людямъ, пользующимся этимъ орудіемъ, полную, ничѣмъ неотъемлемую свободу. Орудіе это есть только одно: такое религіозное пониманіе жизни, при которомъ человѣкъ считаетъ свою земную жизнь только частичнымъ проявленіемъ всей жизни, связываетъ свою жизнь съ безконечной жизнью и, признавая свое высшее благо въ исполненіи законовъ этой безконечной жизни, считаетъ для себя исполненіе этихъ законовъ болѣе обязательнымъ, чѣмъ исполненіе какихъ бы ни было человѣческихъ законовъ.

Только такое религіозное міровоззрѣніе, соединяя всѣхъ людей въ одинаковомъ пониманіи жизни, несовмѣстимомъ съ подчиненіемъ власти и участіемъ въ ней, дѣйствительно уничтожаетъ власть.

И только такое міровоззрѣніе дастъ возможность людямъ и безъ участія власти сложиться въ разумныя и справедливыя формы жизни.

И удивительное дѣло, что только послѣ того, какъ люди были приведены самою жизнью къ убѣжденію о томъ, что существующая власть несокрушима и въ наше время не можетъ быть разрушена силою, они поняли ту, до смѣшного очевидную, истину, что власть и все зло, производимое ею, суть только послѣдствія дурной жизни людей, и что поэтому для уничтоженія власти и зла, производимаго ею, нужна добрая жизнь людей.

Люди начинаютъ понимать это. Теперь же имъ предстоитъ понять еще и то, что для доброй жизни людей есть только одно средство: исповѣданіе и исполненіе религіознаго ученія, свойственнаго и понятнаго большинству людей.

Только посредствомъ исповѣданія и исполненія людьми такого религіознаго ученія люди могутъ достигнуть того идеала, который возникъ теперь въ ихъ сознаніи и къ которому они стремятся.

Всякія же другія-попытки уничтоженія власти и устроенія безъ власти доброй жизни людей есть только напрасная трата силъ и не приближаетъ, а только удаляетъ людей отъ той цѣли, къ которой они стремятся *).

*) См. мою статью о религіи.

V.

Вотъ это я и хотѣлъ сказать вамъ, искреннимъ людямъ, которые, не довольствуясь эгоистической жизнью, желаютъ отдать свои силы на служеніе братьямъ. Если вы принимаете участіе или хотите принимать участіе въ государственной дѣятельности и этимъ путемъ служить народу, то подумайте о томъ, что такое всякое правительство, держащееся властью? Поставивъ же себѣ этотъ вопросъ, вы не можете не видѣть, что нѣтъ ни одного правительства, которое не совершало бы, не готовилось бы совершать, не опиралось бы на насилія, грабительства, убійства.

Мало извѣстный американскій писатель Торо въ своемъ трактатѣ о томъ, почему человѣкъ обязанъ не повиноваться правительству, разсказываетъ, какъ онъ отказался заплатить американскому правительству одинъ долларъ подати, объясняя свой отказъ тѣмъ, что не хочетъ своимъ долларомъ участвовать въ дѣлахъ правительства, разрѣшающаго рабство негровъ. Развѣ не то же самое можетъ и долженъ чувствовать по отношенію своего правительства гражданинъ самаго передового государства Америки съ ея поступками на Кубѣ, Филиппинахъ, отношеніемъ къ неграмъ, изгнаніемъ китайцевъ, или—Англія съ ея опіумомъ, бурами, или Франціи—съ ея ужасами милитаризма?

И потому искренній человѣкъ, желающій служить людямъ, если только онъ серьезно далъ себѣ отчетъ о томъ, что такое всякое правительство, не можетъ участвовать въ немъ иначе, какъ только на основаніи правила, что цѣль оправдываетъ средства.

Но такая дѣятельность всегда была вредна, какъ тѣмъ, для кого она предпринималась, такъ и тѣмъ, кто отдавался ей.

Вѣдь, дѣло очень просто. Вы хотите, подчиняясь правительству, пользуясь его законами, отвоевать у него большую свободу и права народу. Но свобода и права народа въ обратномъ отношеніи съ властью правительства, вообще правящихъ классовъ. Чѣмъ больше будетъ свободы и правъ у народа, тѣмъ меньше будетъ власти и выгоды отъ нея у правительства. Правительства знаютъ это и, имѣя въ рукахъ власть, охотно допускаютъ всякаго рода либеральную болтовню и даже нѣкоторыя ничтожныя либеральныя мѣры, оправдывающія его власть, и тотчасъ же силою прекращаютъ такія либеральныя попользновенія, которыя угрожаютъ не только выгодамъ правителей, но самому ихъ существованію. Такъ что всѣ ваши усилія черезъ власть администраціи или черезъ парламенты служить народу, приведутъ васъ только къ тому, что вы своей дѣятельностью усилите власть правящихъ классовъ и будете, смотря по степени вашей искренности, безсознательно или созна-

тельно, участвовать въ ней. Такъ это для людей, желающихъ служить народу посредствомъ существующихъ государственныхъ учрежденій.

Если же вы принадлежите къ искреннимъ людямъ, желающимъ служить народу революціонно-соціалистической дѣятельностью, то, не говоря уже о недостаточности той цѣли матеріальнаго, никогда никого неудовлетворяющаго благосостоянія людей, къ которой вы стремитесь, подумайте и о тѣхъ средствахъ, которыя вы имѣете для достиженія ея. Средства эти, во-1-хъ, и главное, безнравственны, включая въ себѣ: ложь, обманъ, насиліе, убійства: во-2-хъ, средства эти ни въ какомъ случаѣ не достигаютъ цѣли. Сила и осторожность правительствъ, защищающихъ свое существованіе, такъ велики въ наше время, что никакія хитрости, обманы, жестокости—не только не свергнутъ, но не пошатнутъ ихъ. Всѣ попытки революцій теперь только даютъ новыя оправданія насилію правительствъ и увеличиваютъ ихъ могущество.

Но если и допустить невозможное, что революція въ наше время увѣнчалась бы успѣхомъ, то, во-1-хъ, почему думать, что противно тому, что постоянно совершалось, власть, разрушившая власть, увеличила бы свободу людей и стала бы болѣе благодѣтельной, чѣмъ та, которую она разрушила? Во-2-хъ, если бы было возможно противное здравому смыслу и опыту предположеніе, что власть, уничтожившая власть, дала бы свободу людямъ установить, какія они считаютъ наиболѣе полезными для себя условія жизни, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы люди, живущіе эгоистическою жизнью, установили между собой условія лучшія, чѣмъ прежнія.

Пускай королева дагомейцевъ издастъ самую либеральную конституцію и даже осуществитъ то, по мнѣнію соціалистовъ, спасающее людей отъ всѣхъ ихъ бѣдствій, обобществленіе орудій труда,—необходимо будетъ комунибудь имѣть власть для того, чтобы исполнялась конституція и орудія труда не были бы захвачены въ частныя руки. А какъ скоро люди эти будутъ дагомейцы, съ ихъ міровоззрѣніемъ, то очевидно, что, хотя и въ другой формѣ, но насиліе однихъ дагомейцевъ надъ другими будетъ такое же, какъ и безъ конституціи, и безъ обобществленія орудій труда. Прежде, чѣмъ осуществить соціалистическое устройство, надо, чтобы дагомейцы потеряли вкусъ къ кровавымъ жертвамъ. Точно то же нужно и для европейцевъ.

Для того, чтобы люди могли жить общею жизнью, не угнетая одни другихъ, нужны не учрежденія, поддерживаемыя силою, а такое нравственное состояніе людей, при которомъ люди, по внутреннему убѣжденію, а не по принужденію, поступали съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними. И такіе люди есть. Они есть въ религіозныхъ христіанскихъ общинахъ въ Америкѣ, въ

Россіи, въ Канадѣ, такіе люди, дѣйствительно, живя безъ законовъ, поддерживаемыхъ силой, живутъ общей жизнью, не угнетая другъ друга.

И потому разумная и свойственная нашему времени дѣятельность для людей нашего христіанскаго общества есть только одна: исповѣданіе и проповѣданіе словомъ и дѣломъ послѣдняго и высшаго, извѣстнаго намъ религіознаго ученія, ученія христіанскаго, не того христіанскаго ученія, которое, подчиняясь существующемму строю жизни, требуетъ отъ людей только исполненія внѣшнихъ обрядовъ или довольствуется вѣрою и проповѣдью въ спасеніе искупленіемъ, а того жизненнаго христіанства, неизбѣжнымъ условіемъ котораго есть неучастіе въ дѣлахъ правительства.

А если это такъ, то очевидно, что не на установленіе новыхъ формъ должна быть направлена дѣятельность людей, желающихъ служить ближнему, а на измѣненіе и совершенствованіе свойствъ, какъ своихъ, такъ и другихъ людей.

Люди, поступающіе противно этому, обыкновенно думаютъ, что одновременно могутъ совершенствоваться и формы жизни, и свойства, и мировоззрѣніе людей Но, думая такъ, люди дѣлаютъ обычную ошибку, принимая слѣдствіе за причину, а причину за слѣдствіе или сопутствующее явленіе

Измѣненіе свойствъ и мировоззрѣнія людей неизбѣжно влечетъ за собой измѣненіе тѣхъ формъ, въ которыхъ жили люди; измѣненію же формъ жизни не только не содѣйствуетъ измѣненіе свойствъ и міровоззрѣній людей, но болѣе всего препятствуетъ этому измѣненію, направляя на ложный путь вниманіе и дѣятельность людей. Измѣнять формы жизни, надѣясь этимъ средствомъ измѣнить свойства и міровоззрѣнія людей, все равно, что перекладывать на разные манеры сырыя дрова въ печи, расчитывая на то, что есть такое расположеніе сырыхъ дровъ, при которомъ они загорятся. Загорятся только сухія дрова, независимо отъ того, какъ они сложены.

Заблужденіе это такъ очевидно, что люди не могли бы поддаваться ему, если бы не было располагающей ихъ къ этому обману причины. Причина эта въ томъ, что измѣненіе свойствъ людей должно начинаться съ самого себя и требуетъ много борьбы и труда; измѣненіе же формъ жизни другихъ дѣлается легко, безъ внутренней работы надъ самимъ собой, и имѣетъ видъ очень важной, значительной дѣятельности.

Вотъ противъ этого-то заблужденія, источника величайшаго зла, я и предостерегаю васъ, людей, искренно желающихъ своею жизнью служить ближнему.

VI.

„Но мы не можемъ спокойно жить, занимаясь исповѣданіемъ и проповѣданіемъ христіанства, когда видимъ вокругъ насъ страдающихъ людей. Мы хотимъ дѣятельно служить имъ. Мы готовы отдать свой труды, даже свою жизнь для того“, — говорятъ люди съ болѣе или менѣе искреннимъ негодованіемъ.

Но почему вы знаете,—отвѣтилъ бы я этимъ людямъ,— что вы призваны служить людямъ именно тѣмъ способомъ, который кажется вамъ самымъ полезнымъ и дѣйствительнымъ? Вѣдь, то, что вы говорите, показываетъ только, что вами уже рѣшено, что служить человѣчеству нельзя христіанскою жизнью, а что настоящее служеніе есть только то служеніе политическою дѣятельностью, которое привлекаетъ васъ.

Но, вѣдь, политическіе дѣятели такъ же думаютъ и всѣ они враждебны между собою, и потому уже навѣрно не всѣ правы. Очень хорошо бы было, если бы каждый могъ служить людямъ, какъ ему нравится, но, вѣдь, этого нѣтъ, а существуетъ только одно средство служить людямъ и улучшать ихъ положеніе. И единственное средство это состоитъ въ исповѣданіи и исполненіи такого ученія изъ котораго вытекаетъ внутренняя работа совершенствованія самого себя. Самосовершенствованіе же истиннаго христіанина, всегда естественно живущаго среди людей и не удаляющагося отъ нихъ, состоитъ въ установленіи лучшихъ, болѣе и болѣе любовныхъ отношеній между собою и другими людьми. Установленіе же любовныхъ отношеній между людьми не можетъ не улучшать общаго положенія людей, хотя и форма этого улучшенія остается неизвѣстной человѣку.

Правда, что служа правительственной дѣятельностью, парламентской или революціонной, мы впередъ опредѣляемъ тѣ результаты, которыхъ хотимъ достигнуть, и при этомъ можемъ пользоваться всѣми преимуществами пріятной, роскошной жизни и пріобрѣсти блестящее положеніе, одобреніе людей и великую славу. Если же и приходится иногда пострадать участвующимъ въ такой дѣятельности, то это такая возможность страданій, которая, какъ и во всякой борьбѣ, выкупается возможностью успѣха. Въ военной дѣятельности еще болѣе возможны страданія и даже смерть, а между тѣмъ, обыкновенно, только самые малонравственные и эгоистическіе люди избираютъ ее.

Религіозная же дѣятельность, во-1-хъ, не показываетъ намъ тѣхъ результатовъ, которыхъ она достигаетъ; во-2-хъ, дѣятельность эта требуетъ отреченія отъ внѣшняго успѣха и не только не доставляетъ блестящаго положенія и славы, он а приводитъ людей къ самому низкому въ обществен-

номъ смыслѣ положенію, подвергаетъ ихъ не только презрѣнію и осужденію, но самымъ жестокимъ страданіямъ и смерти.

Такъ въ наше время общей воинской повинности религіозная дѣятельность заставляетъ каждаго человѣка, призываемаго къ служенію убійству, понести всѣ тѣ наказанія, которыми за отказъ отъ службы наказываетъ правительство. И потому религіозная дѣятельность трудна, но за то она одна даетъ человѣку сознаніе истинной свободы, увѣренность въ томъ, что онъ дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать.

И отъ этого дѣятельность эта одна истинно плодотворна, достигая, кромѣ своихъ высшихъ цѣлей, еще и попутно, самымъ естественнымъ и простымъ способомъ, тѣхъ результатовъ, къ которымъ такими искусственными путями стремятся общественные дѣятели.

Такъ что средство служенія людямъ есть только одно единственное, состоящее въ томъ, чтобы самому жить хорошею жизнью. И средство это не только не мечтательно, какъ думаютъ тѣ, которымъ оно невыгодно, но мечтательны всѣ другія средства, которыми руководители массъ увлекаютъ ихъ на ложный путь, сбивая ихъ съ единственнаго истиннаго.

VII.

„Но если это и такъ, то когда же это будетъ?"—говорятъ люди, желающіе какъ можно скорѣе увидать осуществленіе этого идеала.

Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы можно было сдѣлать этого очень скоро, сейчасъ же.

Было бы очень хорошо, если бы можно было скоро, сейчасъ возрастить лѣсъ. Но этого нельзя сдѣлать, надо ждать, пока сѣмена дадутъ ростки, потомъ листки, потомъ стебли и потомъ выростутъ въ деревья.

Можно натыкать вѣтки, и на короткое время это будетъ похоже на лѣсъ, но это будетъ только подобіе. То же самое и съ скорымъ благоустройствомъ общества людей. Можно устроить подобіе благоустройства, какъ и дѣлаютъ это правительства, но подобія эти только отдаляютъ возможность настоящаго благоустройства. Они отдаляютъ эту возможность, во-первыхъ, тѣмъ, что обманываютъ людей, показывая имъ видимость благоустройства тамъ, гдѣ нѣтъ; во-вторыхъ,—тѣмъ, что эти подобія благоустройства достигаются только властью, а власть развращаетъ людей, какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ, и потому дѣлаетъ менѣе возможнымъ истинное благоустройство.

И потому попытки стараго осуществленія идеала не

только не содѣйствуютъ, но болѣе всего препятствуютъ его дѣйствительному осуществленію.

Такъ что рѣшеніе вопроса о томъ, скоро или нескоро осуществится идеалъ человѣчества—благоустроенное общество безъ насилія,—зависитъ отъ того, скоро ли поймутъ искренно желающіе добра народу руководители массъ, что ничто столько не отдѣляетъ людей отъ осуществленія ихъ идеала, какъ то, что они дѣлаютъ теперь: именно поддержаніе старыхъ суевѣрій, или отрицаніе всякой религіи и направленіе дѣятельности народа на служеніе правительству, революціи, соціализму... Только бы поняли люди, искренно желающіе служить ближнему, всю тщету предлагаемыхъ государственниками и революціонерами средствъ устроенія блага людей; поняли бы, что одно единственное средство избавленія людей; отъ ихъ страданій — въ томъ, чтобы люди сами перестали жить эгоистичной языческой жизнью, а начали жить жизнью обще-человѣческой, христіанской и не признавали, какъ теперь, возможнымъ и законнымъ пользоваться насиліемъ надъ ближними и участвовать въ немъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей,— а, напротивъ, слѣдовали бы въ жизни основному и высшему закону поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой,—и очень быстро разрушились бы тѣ неразумныя и жестокія формы жизни, въ которыхъ мы живемъ теперь, и сложились бы новыя, свойственныя новому сознанію людей.

Только подумать о томъ, какія огромныя и прекрасныя духовныя силы тратятся теперь на служеніе отжившему свое время государству и защитѣ его отъ революціи, на невозможную борьбу съ государствомъ, сколько тратится на соціалистическія неосуществимыя мечтанія. И все только затѣмъ, чтобы не только отдалить, но сдѣлать невозможнымъ осуществленіе того блага, къ которому стремятся всѣ люди. Чтобы было, если бы всѣ люди, такъ безплодно и часто съ вредомъ для ближняго тратящіе свои силы, направили бы ихъ всѣ на то, что одно даетъ возможность доброй общественной жизни,—свое внутреннее совершенствованіе.

Сколько бы разъ успѣли построить изъ новаго прочнаго матеріала новый домъ, если бы всѣ тѣ усилія, которыя тратились и тратятся теперь на подпорки стараго дома, употреблены были рѣшительно и добросовѣстно на приготовленіе матеріала и постройку новаго дома, который, хотя очевидно и не могъ бы быть въ первое время такъ же роскошенъ и удобенъ для нѣкоторыхъ и избранныхъ, какъ былъ старый, былъ бы несомнѣнно прочнѣе и представлялъ бы полную возможность усовершенствованій, нужныхъ не для однихъ избранныхъ, но и для всѣхъ людей.

Такъ что все, что я сказалъ здѣсь, сводится къ той

самой простой, всѣмъ понятной и неопровержимой истинѣ, что для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые

Средство же воздѣйствія на добрую жизнь людей есть только одно: своя добрая жизнь. А потому и дѣятельность людей, желающихъ содѣйствовать установленію доброй жизни людей, можетъ и должна быть только во внутреннемъ совершенствованіи—въ исполненіи того, что выражено въ евангеліи словами: „будьте совершенны, какъ отецъ вашъ небесный.

Єдинственное средство.

Гр. Л. Н. Толстого.

И такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними, ибо въ этомъ законъ и пророки.

(Мѳ. VII, 12).

I.

Рабочаго народа во всемъ мірѣ больше милліарда, тысячи милліоновъ людей. Весь хлѣбъ, всѣ товары всего міра, все, чѣмъ живутъ и чѣмъ богаты люди, все это дѣлаетъ рабочій народъ. Но пользуются всѣмъ тѣмъ, что онъ производитъ, не онъ, а правительство и богачи. Рабочій же народъ живетъ въ постоянной нуждѣ, невѣжествѣ, неволѣ и презрѣніи у тѣхъ самыхъ, кого онъ одѣваетъ, кормитъ, обстраиваетъ и обслуживаетъ.

Земля отнята у него и считается собственностью тѣхъ, кто на ней не работаетъ; такъ что для того, чтобы кормиться съ нея, рабочій долженъ дѣлать все то, что отъ него требуютъ владѣльцы земли. Если же рабочій уходитъ съ земли и идетъ въ прислуги, на заводы, фабрики, то попадаетъ въ неволю къ богачамъ, у которыхъ долженъ всю жизнь по 10, 12 и 14 и больше часовъ работать чужую, однообразную, скучную и часто губительную для жизни работу. Если же онъ не съумѣетъ устроиться на землѣ или на чужой работѣ такъ, чтобы безъ нужды кормиться, то его не оставятъ въ покоѣ, а потребуютъ съ него подати и, кромѣ того, еще самого на 3, 4, 5 лѣтъ возьмутъ въ солдаты или заставятъ платить особыя подати на военное дѣло. Если же онъ захочетъ пользоваться землею, не платя за нее, или устроить стачку и захочетъ помѣшать другимъ рабочимъ занять его мѣсто, или откажется платить подати, то на него высылаютъ войска, ранятъ и убиваютъ его и силой заставляютъ работать и платить попрежнему.

Такъ что живутъ рабочіе люди во всемъ мірѣ не какъ люди, а какъ рабочій скотъ, котораго заставляютъ всю жизнь дѣлать то, что нужно не ему, а его угнетателямъ,

и даютъ ему за это пищи, одежды и отдыха только ровно столько, сколько нужно, чтобы онъ, не переставая, работалъ. Та же малая часть людей, которая властвуетъ надъ рабочимъ народомъ, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что производитъ народъ, живетъ въ праздности и безумной роскоши, безполезно и безнравственно тратя труды милліоновъ.

И такъ живутъ большинство людей во всемъ мірѣ, не въ одной Россіи, а и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Китаѣ, и въ Индіи, и въ Африкѣ—вездѣ. Кто виноватъ въ этомъ? И какъ поправить это? Одни говорятъ, что виноваты въ этомъ тѣ, кто, не работая, на землѣ, владѣютъ ею, и что надо отдать землю рабочему народу; другіе говорятъ, что виноваты въ этомъ богачи, владѣющіе орудіями труда, т.-е. фабриками и заводами, и что надо, чтобы фабрики и заводы были собственностью рабочихъ; третьи говорятъ, что виновато все устройство жизни и что надо совершенно измѣнить это устройство.

Правда ли это?

II.

Лѣтъ пять тому назадъ, во время коронаціи Николая II, въ Москвѣ народу было обѣщано даровое угощеніе виномъ, пивомъ и закусками. Народъ двинулся къ тому мѣсту, гдѣ раздавалось угощеніе и сдѣлалась давка. Переднихъ сбили съ ногъ задніе, а заднихъ давили еще задніе, и ни тѣ, ни другіе, не видя того, что дѣлалось впереди, толкали и давили другъ друга. Слабыхъ сбивали съ ногъ сильные, а потомъ и сами сильные задыхались отъ тѣсноты и духоты, падали, и ихъ топтали тѣ, которыхъ тѣснили сзади и которые не могли уже остановиться. И такъ до смерти задавили нѣсколько тысячъ человѣкъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ.

Когда все кончилось, начали люди разсуждать о томъ, кто былъ виноватъ въ этомъ. Одни говорили, что виновата полиція; другіе говорили, что виновны распорядители; третьи говорили, что виноваты устроившіе празднества. Всѣхъ винили, но только не самихъ себя. А казалось бы ясно, что были виноваты только тѣ люди, которые, изъ-за того, чтобы получить прежде другихъ горсть пряниковъ и кружку вина, лѣзли впередъ, не обращая вниманія на другихъ, толкали и давили ихъ.

Развѣ не то же самое съ рабочимъ народомъ? Рабочіе замучены, раздавлены, обращены въ рабство только потому, что изъ-за ничтожныхъ выгодъ они сами губятъ жизни свои и своихъ братьевъ. Рабочіе жалуются на землевладѣльцевъ, на правительство, на фабрикантовъ, на войска.

Но вѣдь землевладѣльцы пользуются землями, правительство собираетъ подати, фабриканты распоряжаются

рабочими, и войска подавляютъ стачки только потому, что сами рабочіе не только помогаютъ землевладѣльцамъ, правительству, фабрикантамъ, войскамъ, но сами дѣлаютъ все то, на что жалуются. Вѣдь если землевладѣлецъ можетъ пользоваться тысячами десятинъ земли, не обрабатывая ее самъ, то только потому, что рабочіе изъ-за своихъ выгодъ идутъ и работать къ нему, и служить у него сторожами, объѣздчиками, приказчиками. Точно также и подати собираются правительствомъ съ рабочихъ только потому, что сами рабочіе, льстясь на жалованье, собираемое съ нихъ же, идутъ въ старосты, старшины, сборщики, полицейскіе, таможенные, пограничную стражу, т. е. помогаютъ правительству дѣлать то, на что они жалуются. Жалуются еще рабочіе на то, что фабриканты убавляютъ плату и заставляютъ все больше и больше часовъ работать: но и это дѣлается только потому, что сами рабочіе сбиваютъ цѣны другъ у друга и, кромѣ того, нанимаются къ фабрикантамъ въ пріемщики, надсмотрщики, сторожа, старшіе рабочіе и обыскиваютъ, штрафуютъ и всячески, въ пользу своего хозяина, притѣсняютъ своего брата.

Жалуются, наконецъ, рабочіе на то, что на нихъ высылаютъ войска, если они хотятъ владѣть землею, которую считаютъ своею, не платятъ подати или устраиваютъ стачки.

Но вѣдь войска—это солдаты, а солдаты—это сами рабочіе, которые, кто изъ выгоды, а кто изъ страха, поступаютъ въ военную службу и даютъ противное и совѣсти, и признаваемому ими закону Бога клятвенное обѣщаніе убивать всѣхъ тѣхъ, кого велитъ имъ убивать начальство.

Такъ что всѣ бѣдствія рабочихъ производятъ они сами.

Стоитъ имъ только перестать помогать дѣйствіями противъ себя, и всѣ ихъ бѣдствія уничтожатся сами собой.

Отчего же они продолжаютъ дѣлать то, что губитъ ихъ?

III.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ сталъ извѣстенъ людямъ законъ Бога о томъ, что должно *поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой,* или, какъ онъ выраженъ у китайскаго мудреца Конфуція,—*не дѣлать другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.*

Законъ этотъ простъ, понятенъ всякому человѣку и, очевидно, даетъ наибольшее доступное людямъ благо. И потому казалось бы, что какъ только люди узнали этотъ законъ; имъ надо было сейчасъ же, насколько возможно, самимъ исполнять его и всѣ силы употреблять на то чтобы обучать этому закону и пріучать къ исполненію его молодыя поколѣнія.

Такъ поступать, казалось, должны бы были уже давно

всѣ люди, такъ какъ законъ этотъ почти одновременно былъ высказанъ и Конфуціемъ, и еврейскимъ мудрецомъ Галелеемъ, и Христомъ.

Въ особенности, казалось бы, должны были поступать такъ люди нашего христіанскаго міра, признающіе главнымъ божественнымъ откровеніемъ, то Евангеліе, въ которомъ прямо сказано, что въ этомъ законѣ весь законъ и пророки, т. е. все нужное людямъ ученіе.

А между тѣмъ прошло почти 2000 лѣтъ, и люди не только не исполняютъ этого закона и не учатъ ему дѣтей, но большею частью и сами не знаютъ его, а если и знаютъ, считаютъ его или ненужнымъ, или неисполнимымъ.

Сначала это кажется страннымъ, но когда подумаешь о томъ, какъ жили люди до открытія этого закона и какъ долго они жили такъ, и о томъ, какъ несогласенъ этотъ законъ съ сложившейся жизнью человѣчества, то начинаешь понимать, отъ чего это случилось.

Случилось это отъ того, что, пока люди не знали закона о томъ, что для блага всѣхъ каждому должно дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, каждый человѣкъ старался для своей выгоды забрать себѣ какъ можно больше власти надъ другими людьми. Забравъ же такую власть, каждый для того, чтобы безпрепятственно пользоваться ею, долженъ былъ, въ свою очередь, покоряться тѣмъ, которые были сильнѣе его, и помогать имъ. Эти же сильные должны были, въ свою очередь, покоряться тѣмъ, которые были сильнѣе ихъ, и помогали имъ.

Такъ что въ обществахъ, не знавшихъ закона о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою, всегда малое число людей властвовало надъ всѣми остальными.

И потому понятно, что когда законъ этотъ былъ открытъ людямъ, то властвующее надъ остальными малое число не только не пожелало для себя принять этотъ законъ, но и не могло желать, чтобы люди, надъ которыми оно властвовало, узнали и приняли его.

Малое число властвующихъ людей знало и знаетъ очень хорошо, что власть его держалась и держится только на томъ—, что всѣ тѣ, надъ кѣмъ оно властвовало, постоянно борются между собою, стараясь подчинить себѣ другъ друга. И потому употребило и всегда употребляетъ теперь всѣ зависящія отъ него средства, чтобы скрыть существованіе этого закона отъ подчиненныхъ.

Скрываютъ они этотъ законъ не тѣмъ, что отрицаютъ его, что и невозможно, такъ законъ ясенъ и простъ, — а тѣмъ, что выставляютъ сотни, тысячи другихъ законовъ, признавая ихъ болѣе важными и обязательными, чѣмъ законъ о дѣланіи другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Одни изъ этихъ людей жрецы—проповѣдуютъ сотни

церковныхъ догматовъ, обрядовъ, жертвоприношеній, молитвословій, не имѣющихъ ничего общаго съ закономъ о томъ, чтобы поступать съ другими такъ, какъ, хочешь, чтобы поступали съ тобой,—выдавая ихъ за самые важные законы Богъ, неисполненіе которыхъ влечетъ за собою вѣчную погибель.

Другіе—правители, усвоивъ придуманное жрецами ученіе и принимая его за законъ, устанавливаютъ на основаніи его уже прямо противоположныя закону взаимности государственныя постановленія и подъ угрозой наказанія требуютъ отъ всѣхъ людей исполненія ихъ.

Третьи, наконецъ,—ученые и богатые, не признавая ни Бога, ни какого-либо обязательнаго закона. Его, учатъ тому, что есть только наука и ея законы, которые они, ученые, открываютъ, а богатые знаютъ, и что для того, чтобы всѣмъ стало хорошо, нужно посредствомъ школъ, лекцій, театровъ, концертовъ, галлерей, собраній научиться той самой праздной жизни, которою живутъ ученые и богатые, и тогда будто бы само собою уничтожится все то зло, отъ котораго страдаютъ рабочіе.

И тѣ, и другіе, и третьи не отрицаютъ самаго закона, но выставляютъ рядомъ съ нимъ такое количество всякаго рода богословскихъ, государственныхъ и научныхъ законовъ, что среди нихъ не только становится незамѣтнымъ, но совершенно исчезаетъ тотъ простой, ясный и всѣмъ доступный законъ Бога, исполненіе котораго несомнѣнно избавляетъ большинство людей отъ ихъ страданій.

Вотъ отъ этого-то и произошло и происходитъ то удивительное дѣло, что рабочіе люди, задавленные правительствомъ и богачами, продолжаютъ поколѣніе за поколѣніями губить свои жизни и жизни своихъ братьевъ и, прибѣгая для облегченія своего положенія къ самымъ сложнымъ, хитрымъ и труднымъ средствамъ, какъ молитвы, жертвоприношенія, покорное исполненіе государственныхъ требованій, союзы, кассы, собранія, стачки, революціи,—не прибѣгаютъ только къ тому единственному средству—исполненію закона Бога, которое навѣрное избавляетъ ихъ отъ ихъ бѣдствій.

IV.

„Но неужели въ такомъ простомъ и короткомъ изреченіи о томъ, что людямъ надо поступать съ другими такъ какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, заключается весь законъ Бога и все руководство жизни человѣческой?“—скажутъ люди, привыкшіе къ сложности и запутанности богословскихъ, государственныхъ и научныхъ разсужденій.

Такимъ людямъ кажется, что законъ Бога и руководство жизни человѣческой должно выражаться въ простран-

ныхъ, сложныхъ теоріяхъ и потому не можетъ быть все выражено въ такомъ краткомъ и простомъ изреченіи.

Дѣйствительно, законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, очень коротокъ и простъ, но именно эта-то краткость и простота его и показываютъ то, что это законъ истинный, несомнѣнный, вѣчный и благой, законъ Бога, выработанный тысячелѣтней жизнью всего человѣчества, а не произведеніе одного человѣка или одного кружка людей, называющаго себя церковью, государствомъ или наукой.

Богословскія разсужденія о паденіи перваго человѣка объ его искупленіи, о второмъ пришествіи, или государственныя и научныя разсужденія о парламентахъ, верховной власти, о теоріи наказанія, собственности, цѣнности, о классификаціи наукъ, естественномъ подборѣ и т. п. могутъ быть очень остроумны и глубокомысленны, но всегда доступны только малому числу людей. Законъ же о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, доступенъ всѣмъ людямъ безъ различія породы, вѣры, образованія, даже возраста.

Кромѣ того, богословскія, государственныя, научныя разсужденія, считаясь истинной въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, считаются ложью въ другомъ мѣстѣ и въ другое время: законъ же о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, вездѣ, гдѣ только извѣстенъ, одинаково считается истинной и не можетъ перестать быть истинной для тѣхъ, кто разъ узналъ его.

Главное же различіе этого закона отъ всѣхъ другихъ и главное его преимущество то, что всѣ законы богословскіе, государственные, научные—не только не умиротворяютъ людей и не даютъ имъ блага, но часто именно они-то и производятъ величайшую вражду и страданія.

Законъ же о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, или не дѣлать другимъ, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, не можетъ произвести ничего кромѣ согласія и блага. И потому выводы изъ этого закона безконечно благодѣтельны и разнообразны, опредѣляя всевозможныя отношенія людей между собою и вездѣ замѣняя разногласіе и борьбу согласіемъ и взаимнымъ служеніемъ. Только бы люди, освободившись отъ обмановъ, скрывающихъ отъ нихъ этотъ законъ, признали бы обязательность его и стали разрабатывать всѣ примѣненія его къ жизни, и явилась бы, отсутствующая теперь, общая для всѣхъ людей и самая важная въ мірѣ наука о томъ, какъ должны разрѣшатся на основаніи этого закона всѣ столкновенія, какъ отдѣльныхъ людей между собою, такъ и отдѣльныхъ лицъ съ обществомъ. А была бы основана эта отсутствующая теперь наука, разрабатывалась бы она, и обучались бы ей всѣ взрослые и дѣти, какъ теперь они обучаются вреднымъ суевѣріямъ и часто безполезнымъ или вреднымъ

наукамъ, то измѣнилась бы и вся жизнь людей и въ томъ числѣ и тѣ тяжелыя условія жизни, и въ которыхъ живетъ теперь огромное большинство ихъ.

V.

Въ библейскомъ преданіи говорится, что Богъ далъ еще гораздо прежде закона о недѣланіи другимъ того, что не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали,—свой законъ людямъ.

Въ законѣ этомъ была заповѣдь; „не убій". Заповѣдь эта для своего времени была такъ же значительна и такъ же плодотворна, какъ и позднѣйшая заповѣдь о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, но съ нею случилось то же, что и съ этой позднѣйшей заповѣдью. Она не была прямо отвергнута людьми, но такъ же, какъ и позднѣйшая заповѣдь взаимности, затеряна среди другихъ правилъ и постановленій, признанныхъ одинаково или еще болѣе важными, чѣмъ законъ о ненарушимости жизни человѣческой. Если бы эта заповѣдь была одна, и Моисей, по преданію, принесъ бы на скрижаляхъ, какъ единый законъ Бога, только два слова „не убій", люди должны бы были признать ничѣмъ незамѣнимую обязанность исполненія этого закона. А признай только люди этотъ законъ главнымъ и единственнымъ закономъ Бога и строго исполняй его, хоть такъ же строго, какъ нѣкоторые исполняютъ теперь празднованіе субботы, почитаніе иконъ, причащеніе, неядѣніе свинины и т. п., то измѣнилась бы вся жизнь человѣческая, не были бы возможны ни войны, ни рабство, ни отнятіе земли богатыми отъ бѣдныхъ, ни обладаніе произведеніями труда многихъ, потому что все это держится только на возможности или на угрозѣ убійства.

Такъ бы было, если бы законъ „не убій" былъ признанъ единственнымъ закономъ Бога. Когда же, наравнѣ съ этимъ закономъ, были признаны столь же важными заповѣди о днѣ субботнемъ, о непроизнесеніи имени Бога и другія, то естественно возникли и еще новыя постановленія жрецовъ, признанныя также одинаково важными, и единый величайшій законъ Бога: „не убій", который измѣнялъ всю жизнь людей, потонулъ среди нихъ и сталъ не только не всегда обязательнымъ, но найдены были случаи, когда можно было поступать совершенно противно ему, такъ что законъ этотъ и до сего дня не получилъ свойственнаго ему значенія.

То же самое случилось и съ закономъ о томъ, чтобы поступать съ другими такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой.

Такъ что главное зло, отъ котораго страдаютъ люди уже давно не въ томъ, что они не знаютъ истиннаго закона Бога, а въ томъ, что люди, которымъ невыгодно знаніе и исполненіе истиннаго закона, будучи не въ силахъ

уничтожить или опровергнуть его, придумываютъ „постановленіе на постановленіе, правило на правило“, какъ говоритъ Исаія, и выдаютъ ихъ за столь же или еще болѣе обязательные законы чѣмъ истинные законы Бога. И потому единственное, что нужно теперь для избавленія людей отъ ихъ страданій, это то, чтобы они освободились отъ всѣхъ богословскихъ, государственныхъ и научныхъ разсужденій, выдаваемыхъ за обязательные законы жизни, и, освободившись, естественно признали для себя болѣе обязательнымъ, чѣмъ всѣ другіе постановленія и законы, тотъ истинный, вѣчный законъ Бога, который уже извѣстенъ имъ и даетъ не нѣкоторымъ только, но всѣмъ людямъ наибольшее возможное въ общественной жизни благо.

VI.

„Но“ — скажутъ нѣкоторые, — „какъ ни справедливъ самъ по себѣ законъ о томъ, чтобы дѣлать другимъ только то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, онъ не можетъ быть одинъ примѣненъ ко всѣмъ случаямъ жизни. Признай только люди этотъ законъ обязательнымъ всегда, безъ всякихъ исключеній, они должны будутъ признать недопустимымъ употребленіе всякаго насилія однихъ людей надъ другими, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не желаетъ того, чтобы надъ нимъ было произведено насиліе. А безъ насилія надъ нѣкоторыми людьми не можетъ быть обезпечена личность, не можетъ быть ограждена собственность, не можетъ быть защищено отечество, не можетъ быть поддержанъ существующій порядокъ“.

Богъ говоритъ людямъ: „для того, чтобы вамъ всѣмъ вездѣ и всегда было хорошо, исполняйте мой законъ о томъ, чтобы дѣлать другимъ то, что хотите, чтобы вамъ дѣлали“.

Люди же, устроившіе извѣстный порядокъ въ 1901 году въ Англіи, Германіи, Франціи, Россіи, — говорятъ; „какъ бы не было хуже отъ того, что мы станемъ исполнять законъ Бога, данный намъ для нашего блага“.

Законъ, составленный собраніемъ людей, какъ бы онъ ни былъ страненъ и какими бы плохими людьми онъ ни былъ составленъ, — мы принимаемъ и не боимся исполнять, а законъ, не только согласный съ разумомъ и совѣстью, но прямо выраженный въ книгѣ, которую мы признаемъ откровеніемъ Бога, мы боимся исполнять; какъ бы ни случилось отъ этого худого? не произошелъ бы безпорядокъ?

Развѣ не очевидно, что люди, говорящіе и думающіе такъ, говорятъ не о порядкѣ, а о томъ безпорядкѣ, въ которомъ они живутъ и который для нихъ выгоденъ.

Порядокъ по ихъ понятію — это такое положеніе, при которомъ они могутъ поѣдать жизнь другихъ людей; без-

порядокъ же—это то, когда поѣдаемые люди желаютъ, чтобы ихъ перестали ѣсть.

Такія разсужденія показываютъ только то, что люди малаго числа властвующихъ чувствуютъ большей частью безсознательно, что признаніе закона о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, и исполненіе его людьми не только разрушаетъ ихъ выгодное общественное положеніе, но и обличаетъ всю ихъ безнравственность и жестокость. Люди эти не могутъ разсуждать иначе.

Но рабочимъ, согнаннымъ съ земли, задавленнымъ податями, загнаннымъ на каторжную работу фабрикъ, передѣланнымъ въ рабовъ-солдатъ, которые мучаютъ самихъ себя и своихъ братьевъ, пора понять, что только вѣра въ законъ Бога и исполненіе его избавитъ ихъ отъ ихъ страданій.

Неисполненіе этого закона и все увеличивающіяся и увеличивающіяся отъ этого бѣдствія сами толкаютъ ихъ къ этому. Рабочимъ уже пора почувствовать, что спасеніе ихъ только въ этомъ, что стоитъ имъ только начать исполнять законъ взаимности, и положеніе ихъ тотчасъ же улучшится,—улучшится въ той мѣрѣ, въ которой будетъ увеличиваться число людей, поступающихъ съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступили съ ними.

И это не слова, не отвлеченныя разсужденія, какъ религіозныя, государственныя, соціалистическія, научныя теоріи, а дѣйствительное средство освобожденія.

Разсужденія и обѣщанія богословскія, государственныя и научныя сулятъ блага рабочимъ, одни на томъ свѣтѣ, другіе на этомъ, но въ далекомъ будущемъ, когда сгніютъ кости тѣхъ, которые живутъ и страдаютъ теперь; исполненіе жа закона о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, сейчасъ же несомнѣнно улучшаетъ положеніе рабочихъ.

Если бы всѣ рабочіе и не видѣли ясно того, что работами на земляхъ капиталистовъ и на ихъ фабрикахъ они даютъ капиталистамъ возможность пользоваться произведеніями труда своихъ братьевъ и потому нарушаютъ этимъ законъ взаимности, и если бы и видѣли, но по нуждѣ не имѣли бы силъ отказаться отъ такой работы, то все-таки воздержаніе отъ такихъ работъ, хотя и нѣкоторыхъ, затруднивъ капиталистовъ, улучшило бы сейчасъ же общее положеніе рабочихъ. Воздержаніе же отъ прямого участія въ дѣятельности капиталистовъ и правительства въ должностяхъ надсмотрщиковъ, приказчиковъ и другихъ, явно противныхъ закону взаимности, еще болѣе улучшило бы положеніе рабочихъ, если бы даже и не всѣ были въ силахъ воздержаться отъ такой дѣятельности. Отказъ же рабочихъ отъ участія въ войскахъ, имѣющихъ цѣлью убійство—поступокъ самый противный закону взаим-

ности,—въ послѣднее время все чаще и чаще направляемыхъ противъ рабочихъ, уже совершенно измѣнилъ бы къ лучшему все положеніе рабочихъ.

VII.

Законъ Бога не потому законъ Бога, что онъ, какъ всегда увѣряютъ жрецы про свои законы, чудеснымъ образомъ произнесенъ самимъ Богомъ, а потому, что онъ безошибочно и очевидно указываетъ людямъ на тотъ путь, идя по которому они навѣрное избавляются отъ своихъ страданій и навѣрное получаютъ наибольшее внутреннее—духовное и внѣшнее—тѣлесное благо и получаютъ не одни какіе либо избранные, а всѣ люди безъ всякаго исключенія.

Таковъ законъ Бога о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой. Онъ показываетъ людямъ, что, исполняя его, они навѣрное получаютъ внутреннее духовное благо сознанія съ волей Бога и увеличенія любви къ себѣ и въ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общественной жизни наибольшее доступное имъ вѣрное благо; отступая же отъ него, навѣрное ухудшаютъ свое положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всякому человѣку, не участвующему въ борьбѣ людей между собою, но наблюдающему жизнь извнѣ, очевидно, борющіеся между собою люди поступаютъ совершенно такъ же, какъ игроки, отдающіе свою вѣрную, хотя и небольшую собственность за очень сомнительную возможность ея увеличенія.

Улучшитъ ли свое положеніе рабочій, сбившій цѣну съ работы товарищей или пошедшій на службу богачамъ, или поступившій на военную службу,—такъ же сомнительно, какъ и то, что выиграетъ игрокъ, ставящій свою ставку.

Могутъ быть тысячи случайностей, по которымъ положеніе его останется такимъ же или станетъ еще хуже, чѣмъ было. То же, что его согласіе работать дешевле или готовность служить капиталистамъ и правительству ухудшитъ хотя немного положеніе всѣхъ рабочихъ и его вмѣстѣ съ другими, это уже несомнѣнно, такъ же несомнѣнно, какъ и то, что игрокъ навѣрное лишается той ставки, которой онъ рискуетъ.

Для человѣка, не участвующаго въ борьбѣ, но наблюдающаго жизнь, очевидно, что какъ въ азартныхъ играхъ, лоттереяхъ, биржѣ наживаются только содержатели игорныхъ домовъ, лоттерей, маклерскихъ конторъ, а разоряются всѣ играющіе, такъ и въ жизни наживаются только правительства, богачи, вообще угнетатели; всѣ же рабочіе, которые, въ надеждѣ улучшить свое положеніе, отступаютъ

отъ закона взаимности, только ухудшаютъ положеніе всѣхъ рабочихъ и потому и свое вмѣстѣ со всѣми.

Законъ Бога потому и законъ Бога, что онъ опредѣляетъ положеніе человѣка въ мірѣ, показывая ему то лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, находясь въ этомъ положеніи, какъ для своей духовной, такъ и для плотской жизни.

„И не заботьтесь"—говорится въ евангеліи въ объясненіе этого закона,—„и не говорите, что намъ ѣсть и что намъ пить и во что одѣться. Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите Царствія Божія и правды Его, и все это приложится вамъ". И это не слова, а разъясненіе истиннаго положенія человѣка въ мірѣ.

Если только человѣкъ дѣлаетъ то, чего хочетъ отъ него Богъ, исполняетъ Его законъ, то и Богъ сдѣлаетъ для него все, что ему нужно. Такъ что законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что ты хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, относится и къ Богу.

Для того, чтобы Онъ дѣлалъ для насъ то, что мы хотимъ, мы должны дѣлать для Него то, чего Онъ отъ насъ хочетъ. Онъ же хочетъ отъ насъ того, чтобы мы поступали съ другими такъ же, какъ бы мы желали, чтобы поступали съ нами.

Разница только въ томъ, что то, чего Онъ отъ насъ хочетъ, нужно не для Него, а для насъ же, давая намъ высшее доступное намъ благо.

VIII.

Рабочіе должны сами очиститься для того, чтобы правительства и богачи перестали поѣдать ихъ жизни.

Нечисть заводится только на грязномъ тѣлѣ и питается чужимъ тѣломъ только до тѣхъ поръ, пока оно нечисто. И потому для избавленія рабочихъ отъ ихъ бѣдствій есть только одно средство: очищеніе себя. Для очищенія же себя нужно освобожденіе отъ суевѣрій богословскихъ, государственныхъ и научныхъ и вѣра въ Бога и законъ Его.

Въ этомъ единственное средство избавленія.

А то встрѣчаешь или цивилизованнаго, или простого, малограмотнаго рабочаго. Оба полны негодованія противъ существующаго порядка вещей. Цивилизованный рабочій не вѣритъ въ Бога, ни въ законъ Его, но знаетъ Маркса, Лассаля, слѣдитъ за дѣятельностью Бебелей, Жоресовъ въ парламентахъ и произноситъ прекрасныя рѣчи о несправедливости захвата земли, орудій труда, передачи имущества по наслѣдству и т. п.

Необразованный же рабочій, хотя и не знаетъ теорій и вѣритъ въ Троицу, искупленіе и т. п., но также возмущенъ противъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ, и счи-

таетъ неправильнымъ все существующее устройство. А дайте этимъ рабочимъ, ученымъ и неученымъ, возможность улучшить свое положеніе тѣмъ, чтобы, производя какіе-либо предметы дешевле другихъ, хотя бы это и разоряло десятки, сотни, тысячи собратьевъ, или возможность поступить къ капиталисту на должность, дающую ему большое жалованье, или купить землю и самому завести заведеніе съ наемнымъ трудомъ, и 999 изъ тысячи, не задумываясь, сдѣлаютъ это и будутъ защищать свои земельныя права или права нанимателей, часто еще ретивѣе, чѣмъ прирожденные землевладѣльцы и капиталисты.

О томъ же, что ихъ участіе въ убійствѣ, т. е. въ военной службѣ, или въ податяхъ, назначенныхъ на содержаніе войскъ, есть поступокъ не только нравственно дурной, но и самый губительный для ихъ собратьевъ и для нихъ же,—тотъ самый, который составляетъ основу ихъ рабства,—объ этомъ никто изъ нихъ и не думаетъ, и всѣ или охотно даютъ подать на войско, или сами идутъ въ солдаты, считая такой поступокъ совершенно естественнымъ.

Развѣ возможно чтобы изъ такихъ людей сложилось общество иное, чѣмъ то, которое существуетъ теперь?

Рабочіе обвиняютъ въ своемъ положеніи жадность и жестокость землевладѣльцевъ, капиталистовъ, насильниковъ; но вѣдь всѣ, или почти всѣ рабочіе, безъ вѣры въ Бога и законъ Его, такіе же, только маленькіе, или неудавшіеся землевладѣльцы, капиталисты и насильники.

Деревенскій малый, нуждаясь въ заработкѣ, приходитъ въ городъ къ земляку, живущему кучеромъ у богатаго купца, и проситъ пристроить его на мѣсто, довольствуясь платой, меньшею обыкновенной. Деревенскій малый, готовъ поступить на мѣсто; придя на другой день утромъ, случайно слышалъ въ дворницкой жалобы старика, лишившагося мѣста и не знавшаго какъ прожить. Малому жалко старика, и онъ отказывается отъ мѣста, не желая сдѣлать другому человѣку то, чего онъ не желалъ, чтобы сдѣлали ему. Или крестьянинъ съ большой семьей поступаетъ на хорошо оплачиваемое мѣсто приказчика къ богатому и строгому помѣщику. Новый приказчикъ чувствуетъ свою семью обезпеченной, радъ мѣсту, но, вступивъ въ должность, ему тотчасъ приходится брать штрафы съ крестьянъ за упущенныя въ господскіе луга лошади, ловить бабъ, собирающихъ на топку сучья въ хозяйскомъ лѣсу, приходится уменьшать цѣны рабочихъ и заставлять ихъ работать изъ послѣднихъ силъ. И поступившій на должность приказчика чувствуетъ, что совѣсть его не позволяетъ ему заниматься этимъ дѣломъ, онъ отказывается и, несмотря на жалобы и укоры семьи, остается безъ мѣста и занимается другимъ дѣломъ, дающимъ ему гораздо меньше. Или еще солдатъ, котораго привели съ

ротой противъ бунтующихъ рабочихъ и велятъ стрѣлять въ нихъ; онъ отказывается повиноваться и несетъ за это жестокія мученія. Всѣ эти люди поступаютъ такъ потому, что то зло, которое они дѣлаютъ другимъ, видно имъ, и сердце ихъ прямо говоритъ имъ, что то, что они дѣлаютъ, противно закону Бога о томъ, чтобы не дѣлать другимъ, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Но вѣдь если рабочій сбиваетъ цѣну съ работы и не видитъ тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ зло, то зло, которое онъ этимъ дѣлаетъ своимъ братьямъ, отъ этого не меньше. И если рабочій переходитъ на сторону хозяевъ и не видитъ и не чувствуетъ того вреда, который онъ дѣлаетъ своимъ, то вредъ все-таки остается.

То же и съ человѣкомъ, поступающимъ въ военную службу и готовящимся, если это понадобится, убивать своихъ братьевъ. Если онъ не видитъ еще, поступая на службу, кого и какъ онъ будетъ убивать, учась стрѣлять и колоть, ему можно понять, что ему придется это дѣлать. И потому для того, чтобы рабочіе избавились отъ своего угнетенія и рабства, имъ надо воспитать въ себѣ религіозное чувство, запрещающее все то, что ухудшаетъ общее положеніе ихъ братьевъ, хотя бы это ухудшеніе было и не замѣтно имъ. Имъ надо религіозно воздерживаться, какъ воздерживаются теперь люди отъ ѣды свинины, отъ скоромнаго въ посты, отъ работы въ воскресенье и т. п., во-первыхъ, отъ работы у капиталистовъ, если онъ только можетъ прожить безъ этого; во-вторыхъ, отъ предложенія работы по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ она установилась; въ-третьихъ, отъ улучшенія своего положенія переходомъ на сторону капиталистовъ, служеніемъ имъ, и, въ-четвертыхъ, главное, отъ участія въ правительственномъ насиліи.

Только такимъ религіознымъ отношеніемъ въ формѣ своей дѣятельности могутъ освободиться рабочіе отъ своего порабощенія.

Если рабочій готовъ изъ выгоды или страха согласиться итти въ организованные убійцы, не чувствуя при этомъ угрызенія совѣсти, если онъ готовъ спокойно для увеличенія своего благосостоянія лишить заработка своего болѣе нуждающагося собрата или изъ-за жалованія перейти на сторону угнетателей, помогая имъ въ ихъ дѣятельности,—ему не на что жаловаться.

Каково бы ни было его положеніе, онъ самъ его дѣлаетъ и самъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ угнетеннымъ или угнетателемъ.

И это не можетъ быть иначе. Не вѣря въ Бога и законъ Его, человѣкъ не можетъ не желать получить для себя въ своей короткой жизни какъ можно больше блага, несмотря на то, какія это будетъ имѣть послѣдствія для другихъ. А какъ тольоко всѣ люди желаютъ каждый себѣ

какъ можно больше блага, несмотря на то, что будетъ отъ этого съ другими, то неизбѣжно, какіе бы ни вводились порядки, такіе люди всѣ сложатся въ кучу съ острымъ концомъ (конусомъ), вверху которой будутъ властвующіе, а внизу угнетенные.

IX.

Въ евангеліи говорится, что Христосъ жалѣлъ людей за то, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря.

Чтобы онъ почувствовалъ и сказалъ теперь, увидавъ людей не только изнуренными, и разсѣянными, какъ овцы безъ пастыря, но милліарды людей во всемъ мірѣ, поколѣнія за поколѣніями губящихъ самихъ себя въ скотской работѣ, въ одуреніи, невѣжествѣ, порокахъ, убивающихъ, мучающихъ другъ друга, несмотря на то, что средство избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдъ уже два тысячелѣтія тому назадъ дано имъ?

Ключъ, отпирающій замокъ той цѣпи, которою скованъ рабочій народъ, положенъ подлѣ него и ему стоитъ только взять ключъ, отпереть цѣпь и быть свободнымъ. Но рабочіе люди до сихъ поръ не дѣлаютъ этого, а либо, ничего не предпринимая, предаются унынію, либо рвутся, обламывая себѣ плечи, въ надеждѣ прямо оборвать неразрывающуюся цѣпь, или, что еще хуже, поступаютъ, какъ привязанное животное, когда оно бросается на того, кто хочетъ отвязать его, нападаютъ на тѣхъ, которые показываютъ ему на тотъ ключъ, которымъ отпирается замокъ его цѣпи.

Ключъ этотъ есть вѣра въ Бога и законъ Его.

Только когда люди откинутъ тѣ суевѣрія, въ которыхъ ихъ старательно воспитываютъ, повѣрятъ въ то, что законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, есть главный для нашего времени законъ Бога, повѣрятъ такъ, какъ вѣрятъ теперь въ празднованіе субботы, въ соблюденіе постовъ, необходимость богослуженій, причащеній, въ пятикратную молитву или въ исполненіе присяги и т. п., и, повѣривъ такъ, будутъ исполнять этотъ законъ прежде всѣхъ другихъ законовъ и постановленій,—только тогда уничтожится рабство и бѣдственное положеніе рабочихъ.

И потому рабочимъ самимъ надо прежде всего, не жалѣя старыхъ привычекъ и преданій и не боясь гоненій внѣшнихъ отъ церкви и государства и внутренней борьбы съ семейными, смѣло и рѣшительно освобождаться отъ ложной вѣры, въ которой ихъ воспитываютъ, больше и больше выяснять себѣ и другимъ, въ особенности молодымъ поколѣніямъ и дѣтямъ, сущность вѣры въ Бога и вытекающаго изъ него закона взаимности и по мѣрѣ силъ слѣдовать ему, хотя бы слѣдованіе ему и представляло временную невыгоду.

Такъ должны поступать сами рабочіе.

Люди же изъ властвующаго меньшинства, которые, пользуясь трудомъ рабочихъ, пріобрѣли всѣ выгоды образованія и потому могутъ ясно увидѣть обманы, въ которыхъ держатъ рабочихъ, если они точно хотятъ служить рабочимъ, должны прежде всего и своимъ примѣромъ, и проповѣдью стараться освобождать рабочихъ отъ тѣхъ религіозныхъ и государственныхъ обмановъ, въ которыхъ они запутаны, а не дѣлать того, что они дѣлаютъ теперь: оставляя, поддерживая и даже усиливая своимъ примѣромъ эти обманы, въ особенности—главные, религіозные, предлагать недѣйствительныя и даже вредныя лѣкарства, которыя не только не избавляютъ рабочихъ отъ ихъ бѣдствій, но только болѣе и болѣе ухудшаютъ ихъ положеніе.

Скоро ли, когда и гдѣ это осуществится, никто не можетъ сказать. Одно несомнѣнно, что только одно это средство можетъ освободить огромное большинство людей—всѣхъ рабочихъ—отъ ихъ униженій и страданій.

Другого средства нѣтъ и не можетъ быть.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна. 12 іюля 1901 года.

Свѣдѣнія о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ.

(Отъ Редакціи заграничнаго изданія).

Статья Л. Н. Толстого «Единственное Средство» тѣсно связана съ его недавнею болѣзнью, почти смертельною и отъ которой онъ оправился какъ бы чудеснымъ образомъ. Передъ самой болѣзнью она была написана; въ теченіе болѣзни исправлялась и обрабатывалась; и тотчасъ же послѣ выздоровленія была окончена и отослана для изданія. Слѣдовательно, условія, при которыхъ статья эта появилась, могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ того, до какой степени живо и горячо ея авторъ принимаетъ къ сердцу положеніе и интересы рабочаго народа. Находившись, какъ онъ самъ и всѣ окружавшіе его полагали, на смертномъ одрѣ, онъ душою не отрывался отъ тѣхъ милліоновъ обманываемыхъ и порабощаемыхъ рабочихъ людей, духовное и матеріальное благосостояніе которыхъ такъ занимало его всю его жизнь. Въ теченіе самыхъ послѣднихъ лѣтъ Левъ Николаевичъ посвятилъ особенно много своихъ лучшихъ душевныхъ силъ выясненію причинъ столь бѣдственнаго—повсемѣстно, во всѣхъ странахъ,—положенія рабочихъ массъ. По этому поводу онъ

написалъ цѣлый рядъ статей *), въ которыхъ разсматривалъ этотъ, не дававшій ему покоя, вопросъ со свойственными ему самостоятельностью и проникновеніемъ, бросая яркій свѣтъ то съ той, то съ другой стороны на различныя еще никѣмъ незамѣченныя или непонятые источники того общенароднаго бѣдствія, которому такъ много людей соболѣзнуютъ, а нѣкоторые стараются помочь, но часто, къ сожалѣнію, вмѣсто того, только еще хуже вредя дѣлу. Наконецъ, онъ указалъ въ вышеприведенной статьѣ на то средство, которое—послѣ долгаго, настойчиваго и самаго тщательнаго вникновенія въ этотъ вопросъ—онъ призналъ единственнымъ, могущимъ доставить рабочимъ дѣйствительную возможность высвободиться изъ ихъ бѣдственнаго положенія. И указаніе это при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно было дано, носитъ въ себѣ тѣмъ больше вѣсу, что оно явилось какъ бы послѣднимъ завѣщаніемъ людямъ-братьямъ со стороны человѣка, полагавшаго, что онъ навсегда покидаетъ здѣшнюю жизнь.

---

*) „Голодъ или не голодъ?“ „Рабство нашего времени“, „Гдѣ выходъ?“, „Неужели это такъ надо?“—№№ 12, 43, 44, 45 изданій „Свободнаго Слова“.

Зерно съ куриное яйцо.

Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку съ куриное яйцо, съ дорожкой по серединѣ и похоже на зерно. Увидалъ у ребятъ штуку проѣзжій, купилъ за пятакъ, повезъ въ городъ, продалъ царю за рѣдкость.

Позвалъ царь мудрецовъ, велѣлъ имъ узнать, что за штука такая—яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы—не могли отвѣта дать. Лежала эта штучка на окнѣ; влетѣла курица, стала клевать, проклевала дыру; всѣ и увидали, что—зерно. Пришли мудрецы, сказали царю: это зерно ржаное.

Удивился царь. Велѣлъ мудрецамъ узнать, гдѣ и когда это зерно родилось? Думали, думали мудрецы искали въ книгахъ,—ничего не нашли. Пришли къ царю, говорятъ: не можемъ дать отвѣта. Въ книгахъ ничего про это не написано; надо у мужиковъ спросить, не слыхалъ ли кто отъ стариковъ, когда и гдѣ такое зерно сѣяли?

Послалъ царь, велѣлъ къ себѣ стараго мужика привести. Разыскали старика стараго, привели къ царю. Пришелъ старикъ зеленый, беззубый, насилу вошелъ на двухъ костыляхъ.

Показалъ ему царь зерно, да не видитъ уже старикъ; кое-какъ половину разглядѣлъ, половину руками ощупалъ.

Сталъ его царь спрашивать: не знаешь ли, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого? Или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?

Глухъ былъ старикъ, насилу-насилу разслышалъ, насилу-насилу понялъ. Сталъ отвѣтъ держать; нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ хлѣба такого сѣвать не сѣвалъ, и жинать не жиналъ, покупывать не покупывалъ. Когда покупали хлѣбъ, все такое же зерно мелкое было, какъ и теперь. А надо, говоритъ, у моего батюшки спросить; можетъ, онъ слыхалъ, гдѣ такое зерно рожалось?

Послалъ царь за отцомъ старика, велѣлъ къ себѣ привести. Нашли и отца старикова, привели къ царю. Пришелъ старикъ старый на одномъ костылѣ. Сталъ ему царь зерно показывать. Старикъ еще видитъ глазами, хорошо разглядѣлъ. Сталъ царь его спрашивать: не знаешь ли, старичокъ, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого? Или на своемъ вѣку не не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?

Хоть и крѣпонекъ на ухо былъ старикъ, а разслышалъ лучше сына. «Нѣтъ—говоритъ,—на своемъ полѣ та-

кого зерна сѣвать не сѣвалъ и жинать не жиналъ. А покупать не покупывалъ, потому что на моемъ вѣку денегъ еще и въ заводѣ не было. Всѣ своимъ хлѣбомъ кормились, а по нуждѣ—другъ съ дружкой дѣлились. Не знаю я, гдѣ такое зерно родилось. Хоть и крупнѣе теперешняго и умолотнѣе наше зерно было, а такого видать не видалъ. Слыхалъ я отъ батюшки—въ его время хлѣбъ лучше противъ нашего раживался и умолотнѣй и крупнѣй былъ. Его спросить надо.

Послалъ царь за отцомъ стариковымъ. Нашли и дѣда; привели къ царю. Вошелъ старикъ къ царю безъ костылей; вошелъ легко,—глаза свѣтлые, слышитъ хорошо и говоритъ внятно. Показалъ царь зерно дѣду. Поглядѣлъ дѣдъ, повертѣлъ. „Давно—говоритъ, не видалъ я стариннаго хлѣбушка“. Откусилъ дѣдъ зерна, пожевалъ крупинку .

— Оно самое говоритъ.

—Скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? На своемъ полѣ не сѣвалъ ты такой хлѣбъ? Или на твоемъ вѣку, гдѣ у людей не покупывалъ ли?

И сказалъ старикъ: хлѣбъ такой на моемъ вѣку вездѣ раживался. Этимъ хлѣбомъ, говоритъ, я вѣкъ свой кормился и людей кормилъ.

И спросилъ царь: такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, покупалъ ли ты гдѣ такое зерно, или самъ на своемъ полѣ сѣялъ?

Усмѣхнулся старикъ.

— Въ мое время, говоритъ, и вздумать никто не могъ такого грѣха, чтобы хлѣбъ продавать, покупать. А про деньги и не знали; хлѣба у всѣхъ своего вволю было. Я самъ такой хлѣбъ сѣялъ и жалъ и молотилъ.

И спросилъ царь: такъ скажи мнѣ, дѣдушка, гдѣ ты такой хлѣбъ сѣялъ и гдѣ твое поле было?

И сказалъ дѣдъ: мое поле было—земля Божья. Гдѣ вспахалъ, тамъ и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своимъ только труды свои называли.

— Скажи же—говоритъ царь,—мнѣ еще два дѣла: одно дѣло,—отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дѣло,—отчего твой внукъ шелъ на 2-хъ костыляхъ, сынъ твой пришелъ на одномъ костылѣ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко, глаза у тебя свѣтлые, и зубы крѣпкіе, и рѣчь ясная и привѣтная? Отчего, скажи, дѣдушка, эти два дѣда старилися?

И сказалъ старикъ: оттого оба дѣда старилися, что перестали люди своими трудами жить,—на чужіе стали зарится. Въ старину не такъ жили: въ старину жили по Божьи; своимъ владѣли, чужимъ не корыствовались.

Неужели такъ надо?

Стоитъ среди полей обнесенный стѣною чугуннолитейный заводъ съ непереставая дымящимися огромными трубами, съ гремящими цѣпями, домнами, съ подъѣздной желѣзной дорогой и раскинутыми домиками завѣдующихъ и рабочихъ. На заводѣ этомъ и въ шахтахъ его, какъ муравьи, копаются рабочіе люди: одни на 100 аршинъ подъ землею, въ темныхъ, узкихъ, душныхъ, сырыхъ, постоянно угрожающихъ смертью проходахъ, съ утра до ночи или съ ночи до утра выбиваютъ руду; другіе въ темнотѣ, согнувшись подвозятъ эту руду или глину къ дудкѣ и везутъ назадъ пустые вагончики и опять наполняютъ ихъ и такъ работаютъ по двѣнадцати, четырнадцати часовъ въ день всю недѣлю.

Такъ работаютъ въ шахтахъ. На самой домнѣ работаютъ одни у печей при удушающей жарѣ, другіе у спуска растопленной руды и шлака. Третьи—машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники—въ мастерскихъ, также по двѣнадцати, четырнадцати часовъ всю недѣлю.

По воскресеньямъ всѣ эти люди получаютъ расчетъ, моются, а иногда и немытые, напиваются въ трактирахъ и кабакахъ, со всѣхъ сторонъ окружающіе заводъ и заманивающихъ рабочихъ,и съ ранняго утра въ понедѣльникъ опять становятся на ту же работу.

Тутъ же около завода мужики пашутъ на измученныхъ, захудалыхъ лошадяхъ чужое поле. Мужики эти встали на зарѣ, если они не провели ночь въ ночномъ, т.-е. не ночевали у болота,—единственное мѣсто, гдѣ они могутъ накормить лошадь,—встали они на зарѣ, пріѣхали домой, запрягли лошадь и, захватили краюху хлѣба, поѣхали пахать чужое поле.

Другіе же мужики тутъ же, недалеко отъ завода, сидятъ на шоссейной дорогѣ, пригородивъ себѣ изъ рогожи защиту, и бьютъ шоссейный камень. Ноги у этихъ людей забиты, руки въ мозоляхъ, все тѣло грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкія ихъ пропитаны известковой пылью.

Взявъ изъ неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми въ лапти и обмотанными ветошками ступнями ногъ, бьютъ по камню тяжелымъ молотомъ до тѣхъ поръ, пока камень разсядется; а когда разсядется, берутъ разбитые куски и бьютъ по нимъ до тѣхъ поръ, пока и эти не разобьются на мелкій щебень; и опять берутъ цѣлые камни и опять сначала... И такъ работаютъ эти люди отъ утренней лѣтней зари до ночи—15, 16 часовъ, отдыхая только часа два послѣ обѣда, и два раза, въ завтракъ и въ полдень, подкрѣпляютъ себя хлѣбомъ и водою.

И такъ живутъ всѣ эти люди и въ шахтахъ, и на за-

водѣ, и пахари, и каменнобойцы, съ молодыхъ лѣтъ и до старости; и такъ же живутъ въ непосильныхъ трудахъ ихъ жены и матери, наживая маточныя болѣзни: и такъ же живутъ ихъ отцы и дѣти, плохо накормленные, плохо одѣтые въ сверхсильной, губящей здоровье работѣ, съ утра и до вечера, съ молодости и до старости.

А вотъ мимо завода, мимо каменнобойцевъ, мимо пашущихъ мужиковъ, встрѣчая и обгоняя оборванныхъ мужчинъ и женщинъ съ котомками, бредущихъ изъ мѣста въ мѣсто и кормящихся Христовымъ именемъ, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной, гнѣдой четверней пятивершковыхъ коней, изъ которыхъ худшій стоитъ всего двора каждаго изъ любующихся на эту четверню мужиковъ. Въ коляскѣ сидятъ двѣ барышни, блестя яркими цвѣтами зонтиковъ и лентъ и перьевъ шляпъ, стоящихъ каждая дороже той лошади, на которой пашетъ мужикъ свое поле; на переднемъ мѣстѣ сидитъ блестящій на солнцѣ галунами и пуговицами офицеръ въ свѣжевымытомъ кителѣ; на козлахъ грузный кучеръ въ шелковыхъ синихъ рукавахъ рубахи и бархатной поддевкѣ. Онъ чуть не задавилъ богомолокъ и не сбилъ въ канаву проѣзжавшаго порожнемъ мужика, въ его испачканной рудой рубахѣ, трясущагося на телѣгѣ.

— А это не видишь? — говоритъ кучеръ, показывая кнутъ недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужикъ одной рукой дергаетъ за вожжу, а другой—испуганно снимаетъ шапку съ головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнцѣ никелированными частями машинъ, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смѣются, перегоняя и пугая крестящихся богомолокъ.

Стороной же отъ шоссе ѣдутъ два верховыхъ: мужчина на англійскомъ жеребцѣ и дама на иноходцѣ. Не говоря о цѣнѣ лошадей и сѣдлѣ, одна черная шляпа съ лиловымъ вуалемъ стоитъ два мѣсяца работы каменнобойцевъ, а за стикъ-хлыстъ модный англійскій заплачено столько, сколько получитъ въ недѣлю подземной работы тотъ малый, который идетъ довольный тѣмъ, что нанялся въ шахты, и сторонится, любуясь на гладкія фигуры лошадей и всадниковъ и на жирную, иноземную, огромную собаку въ дорогомъ ошейникѣ, бѣгущую съ высунутымъ языкомъ за ними.

Неподалеку за этой компаніей ѣдутъ на телѣгѣ улыбающаяся, съ завитыми кудряшками, нарядная дѣвица въ бѣломъ фартукѣ, и толстый румяный мужчина съ расчесанными бакенбардами, съ папироской въ зубахъ, что-то нашептывающій дѣвицѣ. Въ телѣгѣ видны самоваръ, узлы въ салфеткахъ мороженица.

Это—прислуга людей, ѣдущихъ въ коляскѣ, верхомъ и на велосипедахъ. Нынѣшній день не представляетъ для

нихъ ничего исключительнаго. Они живутъ такъ все лѣто и почти каждый день дѣлаютъ прогулки, а иногда, какъ нынче,—съ чаемъ, напитками и сладкими, съ тѣмъ, чтобы ѣсть и пить не въ одномъ и томъ же, а въ новомъ мѣстѣ.

Господа эти — три семьи, живущія въ деревнѣ и на дачѣ. Одна семья помѣщика — владѣльца 2.000 десятинъ земли, другая чиновника, получающаго 3.000 р. жалованья, третья—самая богатая семья—дѣти фабриканта.

Всѣ эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видомъ всей той нищеты и каторжнаго труда, которые окружаютъ ихъ. Они считаютъ, что все это такъ и должно быть. Занимаетъ ихъ совсѣмъ другое.

— Нѣтъ, это невозможно, — говоритъ дама верхомъ, оглядываясь на собаку, — я не могу видѣть этого. И она останавливаетъ коляску. Всѣ говорятъ вмѣстѣ по-французски, смѣются и сажаютъ собаку въ коляску, и ѣдутъ дальше, застилая облаками известковой пыли каменнобойцевъ и прохожихъ по дорогѣ.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули какъ существа изъ другого міра: а заводскіе, каменнобойцы, мужики-пахари продолжаютъ свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

„Живутъ же люди“,—думаютъ они, провожая глазами проѣхавшихъ. И еще мучительнѣе представляется имъ ихъ мучительное существованіе.

Неужели это такъ надо?

Смертная казнь.

(Изъ „Воскресенія“ *) Л. Н. Толстого.

— Въ тюрьмѣ, куда меня посадили, — разсказываетъ Крыльцовъ Нехлюдову (онъ сидѣлъ съ своей впалой грудью на высокихъ нарахъ, облокотившись на колѣни, и только изрѣдка взглядывалъ блестящими лихорадочными, прекрасными глазами на Нехлюдова), — въ тюрьмѣ этой не было особенной строгости; мы не только перестукивались, но и ходили по корридору, переговаривались, дѣлились провизіей табакомъ, а по вечерамъ даже пѣли хоромъ. У меня былъ голосъ хорошій. Да. Если-бы не мать — она очень убивалась,—мнѣ бы хорошо было въ тюрьмѣ, даже пріятно и очень интересно. Здѣсь я познакомился, между прочимъ съ знаменитымъ Петровымъ (онъ потомъ зарѣзался стекломъ въ крѣпости), и еще съ другими. Но я не былъ революціонеромъ. Познакомился я также съ двумя сосѣдями по камерѣ. Они попались въ одномъ и томъ же дѣлѣ съ польскими прокламаціями и судились за попытку освободиться отъ конвоя, когда ихъ вели на желѣзную дорогу.

*) Эта глава въ русской легальной печати появляется впервые

Одинъ былъ полякъ Лозинскій, другой—еврей, Розовскій—фамилія. Да, Розовскій этотъ былъ совсѣмъ мальчикъ. Онъ говорилъ, что ему семнадцать, но на видъ ему было лѣтъ пятнадцать. Худенькій, маленькій, съ блестящими черными глазами, живой и, какъ всѣ евреи, очень музыкаленъ. Голосъ у него еще ломался, но онъ прекрасно пѣлъ. Да. При мнѣ ихъ обоихъ водили на судъ. Утромъ отвели. Вечеромъ они вернулись и разсказали, что ихъ присудили къ смертной казни. Никто этого не ожидалъ. Такъ неважно было ихъ дѣло — они только пытались отбиться отъ конвоя и никого не ранили даже. И потому такъ неестественно, чтобы можно было такого ребенка, какъ Розовскій, казнить. И мы всѣ въ тюрьмѣ рѣшили, что это только, чтобы напугать, и что приговоръ не будетъ конфирмованъ. Поволновались сначала, а потомъ успокоились, и жизнь пошла по-старому. Да. Только разъ вечеромъ подходитъ къ моей двери сторожъ и таинственно сообщаетъ, что пришли плотники, ставятъ висѣлицу: я сначала не понялъ, — что такое? какая висѣлица? Но сторожъ старикъ былъ такъ взволнованъ, что, взглянувъ на него, я понялъ, что это для нашихъ двухъ. Я хотѣлъ постучать, переговориться съ товарищами, но боялся, какъ бы тѣ не услыхали. Товарищи тоже молчали. Очевидно всѣ знали. Въ корридорѣ и камерахъ весь вечеръ была мертвая тишина. Мы не перестукивались и не пѣли. Часовъ въ десять опять подошелъ ко мнѣ сторожъ и объявилъ, что палача привезли изъ Москвы. Сказалъ и отошелъ. Я сталъ его звать, чтобы вернулся. Вдругъ, слышу Розовскій изъ своей камеры черезъ корридоръ кричитъ мнѣ: „Что вы? Зачѣмъ вы его зовете?“ Я сказалъ ему что-то, что онъ табакъ мнѣ приносилъ, но онъ точно догадывался и сталъ спрашивать меня: отчего мы не пѣли? Отчего не перестукивались? Не помню, что я сказалъ ему, и поскорѣе отошелъ, чтобы не говорить съ нимъ. Да. Ужасная была ночь. Всю ночь прислушивался ко всѣмъ звукамъ. Вдругъ къ утру слышу—отворяютъ двери корридора и идутъ кто-то много. Первый прошелъ смотритель. Толстый былъ, казалось, самоувѣренный, рѣшительный человѣкъ. На немъ лица не было: блѣдный, понурый, точно испуганный. За нимъ помощникъ—нахмуренный, съ рѣшительнымъ видомъ; сзади караулъ. Прошли мимо моей двери и остановились передъ камерой рядомъ. И слышу—помощникъ какимъ-то страннымъ голосомъ кричитъ: „Лозинскій, вставайте, надѣвайте чистое бѣлье“. Да. Потомъ слышу, завизжала дверь, они прошли къ нему, потомъ слышу шаги Лозинскаго: онъ прошелъ въ противоположную сторону корридора. Мнѣ видно было только смотрителя. Стоитъ блѣдный и застегиваетъ и застегиваетъ пуговицу и пожимаетъ плечами. Да. Вдругъ, точно испугался чего, посторонился.

Это Лозинскій прошелъ мимо него и подошелъ къ

моей двери. Красивый былъ юноша, знаете, того хорошаго польскаго типа: широкій, прямой лобъ, съ шапкой бѣлокурыхъ вьющихся тонкихъ волосъ и прекрасные голубые глаза. Такой цвѣтущій, сочный, здоровый былъ юноша. Онъ остановился передъ моимъ окошечкомъ, такъ что мнѣ видно было все его лицо. Страшное, осунувшееся, сѣрое лицо. Крыльцовъ, папиросы есть?"

Я хотѣлъ подать ему, но помощникъ, точно боясь опоздать, выхватилъ свой портсигаръ и подалъ ему. Онъ взялъ одну папироску, помощникъ зажегъ ему спичку. Онъ сталъ курить и какъ-будто задумался. Потомъ точно вспомнилъ что-то и началъ говорить: „И жестоко, и несправедливо. Я никакого преступленія не сдѣлалъ. Я"...—въ бѣлой молодой шеѣ его, отъ которой я не могъ оторвать глазъ, что-то задрожало, и онъ остановился. Да. Въ это время слышу. Розовскій изъ корридора кричитъ что-то своимъ тонкимъ, еврейскимъ голосомъ. Лозинскій бросилъ окурокъ и отошелъ отъ двери. И въ окошечкѣ появился Розовскій. Дѣтское лицо его съ влажными черными глазами было красно и потно. На немъ было тоже чистое бѣлье, и штаны были слишкомъ широки, и онъ все подтягивалъ ихъ обѣими руками и весь дрожалъ. Онъ приблизилъ свое жалкое лицо къ моему окошечку; Анатолій Петровичъ, вѣдь правда, что докторъ прописалъ мнѣ грудной чай? Я нездоровъ, я выпью еще грудного чаю?" Никто не отвѣчалъ, и онъ вопросительно смотрѣлъ то на меня, то на смотрителя. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать—я такъ и не понялъ. Да. Вдругъ помощникъ сдѣлалъ строгое лицо и опять какимъ-то визгливымъ голосомъ закричалъ: „Что за шутки? Идемъ". Розовскій, очевидно, не въ силахъ былъ понять того, что его ожидало, и, какъ будто торопясь, пошелъ, почти побѣжалъ впереди всѣхъ по корридору. Но потомъ онъ уперся — я слышалъ его пронзительный голосъ и плачъ. Началась возня, топотъ ногъ, Онъ пронзительно визжалъ и плакалъ. Потомъ дальше и дальше — зазвенѣла дверь корридора, и все затихло... Да. Такъ и повѣсили. Веревками задушили обоихъ. Сторожъ, другой, видѣлъ и разсказывалъ мнѣ, что Лозинскій не противился, но Розовскій долго бился, такъ что его втащили на эшафотъ и силой вложили ему голову въ петлю. Да. Сторожъ этотъ былъ глуповатый малый. „Мнѣ говорили, баринъ, что страшно. А ничего не страшно. Какъ повисли они—только два раза такъ плечами, — показалъ, какъ судорожно поднялись и опустились плечи.—„Потомъ палачъ подернулъ, чтобы, значитъ, петли затянулись получше и шабашъ: и не дрогнули больше. Не страшно!" повторилъ Крыльцовъ слова сторожа и хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки разрыдался.

Долго послѣ этого онъ молчалъ, тяжело дыша и глотая подступившія къ горлу рыданія.

— Съ тѣхъ поръ я сдѣлался революціонеромъ. Да,— сказалъ онъ, успокоившись, и вкратцѣ досказалъ свою исторію.

Онъ принадлежалъ къ партіи народовольцевъ и былъ даже главою дезорганизаціонной группы, имѣвшей цѣлью терроризировать правительство такъ, чтобы оно само отказалось отъ власти и призвало въ народъ. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ то въ Петербургъ, то за границу, то въ Кіевъ, то въ Одессу, и вездѣ имѣлъ успѣхъ. Человѣкъ, на котораго онъ вполнѣ полагался, выдалъ его. Его арестовали, судили, продержали два года въ тюрьмѣ и приговорили къ смертной казни, замѣнивъ ее безсрочной каторгой.

Въ тюрьмѣ у него сдѣлалась чахотка, и теперь, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, ему осталось едва нѣсколько мѣсяцевъ жизни, и онъ зналъ это и не раскаявался въ томъ, что онъ дѣлалъ, а говорилъ, что еслибъ у него была другая жизнь, онъ употребилъ бы ее на то же самое — на разрушеніе того порядка вещей, при которомъ возможно было то, что онъ видѣлъ.

Исторія этого человѣка и сближеніе съ нимъ объяснили Нехлюдову многое изъ того, чего онъ не понималъ прежде.

Стыдно!

Въ 1820-хъ годахъ семеновскіе офицеры, цвѣтъ тогдашней молодежи, большей частью массоны и впослѣдствіи декабристы, рѣшили не употреблять въ своемъ полку тѣлеснаго наказанія, и несмотря на тогдашнія строгія требованія фронтовой службы, полкъ, и безъ употребленія тѣлеснаго наказанія, продолжалъ быть образцовымъ.

Одинъ изъ ротныхъ командировъ семеновскаго же полка, встрѣтясь разъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ, однимъ изъ лучшихъ людей своего, да и всякаго, времени, разсказалъ ему про одного изъ своихъ солдатъ; вора и пьяницу, говоря, что такого солдата ничѣмъ нельзя укротить, кромѣ розогъ. Сергѣй Муравьевъ не сошелся съ нимъ и предложилъ взять этого солдата въ свою роту.

Переводъ состоялся, и переведенный солдатъ въ первые же дни укралъ у товарища сапоги, пропилъ ихъ и набуянилъ. Сергѣй Ивановичъ собралъ роту и, вызвавъ передъ фронтъ солдата, сказалъ ему: „Ты знаешь, что у меня въ ротѣ не бьютъ и не сѣкутъ, и тебя я не буду наказывать. За сапоги, украденные тобой, я заплачу свои деньги, но прошу тебя, не для себя, а для тебя самого, подумать о своей жизни и измѣнить ее“. И, сдѣлавъ дружеское наставленіе солдату, Сергѣй Ивановичъ отпустилъ его.

Солдатъ опять напился и подрался. И опять не наказали его, но только уговаривали: „Еще больше повредишь

себѣ; если же ты исправишься, то тебѣ самому станетъ лучше. Поэтому прошу тебя больше не дѣлать такихъ вещей".

Солдатъ былъ такъ пораженъ этимъ новымъ для него обращеніемъ, что совершенно измѣнился и сталъ образцовымъ солдатомъ.

Разсказывавшій мнѣ это братъ Сергѣя Ивановича, Матвѣй Ивановичъ, считавшій такъ же, какъ его братъ и всѣ лучшіе люди его времени, тѣлесное наказаніе постыднымъ остаткомъ варварства, позорнымъ не столько для наказываемыхъ, сколько для наказывающихъ никогда не могъ удержаться отъ слезъ умиленія и восторга, когда говорилъ про это. И, слушая его, трудно было удержаться отъ того же.

Такъ смотрѣли на тѣлесное наказаніе образованные русскіе люди 75 лѣтъ тому назадъ. И вотъ прошло 75 л., и въ наше время внуки этихъ людей засѣдаютъ въ качествѣ земскихъ начальниковъ въ присутствіяхъ и спокойно обсуждаютъ вопросы о томъ, должно ли или не должно, и сколько ударовъ розгами должно дать такому и такому-то взрослому человѣку, часто отцу семейства, иногда дѣду.

Самые же передовые изъ этихъ внуковъ въ комитетахъ и земскихъ собраніяхъ составляютъ заявленія, адресы и прошенія о томъ, чтобы въ виду гигіеническихъ и педагогическихъ цѣлей, сѣчь не всѣхъ мужиковъ (людей крестьянскаго сословія), а только тѣхъ, которые не кончили курса въ народныхъ училищахъ.

Очевидно перемѣна въ средѣ такъ называемаго высшаго образованнаго сословія произошла огромная. Люди 20-хъ годовъ, считая тѣлесное наказаніе позорнымъ дѣйствіемъ для себя, съумѣли уничтожить его въ военной службѣ, гдѣ оно считалось необходимымъ; люди нашего времени спокойно примѣняютъ его не надъ солдатами, а надъ всѣми людьми одного изъ сословій русскаго народа, и осторожно, политично, въ комитетахъ и собраніяхъ, со всякими оговорками и обходами, подаютъ правительству адресы и прошенія о томъ, что наказаніе розгами не соотвѣтствуетъ требованіямъ гигіены и потому должно бы было быть ограничено, или что желательно бы было, чтобы сѣкли только тѣхъ крестьянъ, которые не кончили курса грамоты, или чтобы были уволены отъ сѣченія тѣ крестьяне, которые подходятъ подъ манифестъ по случаю бракосочетанія императора.

Очевидно совершилась страшная перемѣна въ средѣ такъ называемаго высшаго русскаго общества; и, что удивительнѣе всего,—что эта перемѣна совершилась именно тогда, когда въ томъ самомъ одномъ сословіи, которое считается необходимымъ подвергать отвратительному, грубому и глупому истязанію сѣченія, въ этомъ самомъ сословіи совершилась за эти 75 лѣтъ, а въ особенности за послѣд-

нія 35 лѣтъ со времени освобожденія, такая же огромная перемѣна, но только въ обратномъ направленіи.

Въ то время какъ высшіе правящіе классы такъ огрубѣли и нравственно понизились, что ввели въ законъ сѣченіе и спокойно разсуждаютъ о немъ, въ крестьянскомъ сословіи произошло такое повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня, что употребленіе для этого сословія тѣлеснаго наказанія представляется людямъ изъ этого сословія не только физической, но и нравственной пыткой.

Я слышалъ и читалъ про случаи самоубійства крестьянъ, приговоренныхъ къ розгамъ. И не могу не вѣрить этому; потому что самъ видѣлъ, какъ самый обыкновенный молодой крестьянинъ при одномъ упоминаніи на волостномъ судѣ о возможности совершенія надъ нимъ тѣлеснаго наказанія поблѣднѣлъ какъ полотно и лишился голоса; видѣлъ такъ же, какъ другой крестьянинъ 40 лѣтъ, приговоренный къ тѣлесному наказанію, заплакалъ когда на вопросъ мой о томъ, исполнено ли рѣшеніе суда, долженъ былъ отвѣтить, что оно уже исполнено.

Знаю я тоже, какъ знакомый мнѣ почтенный, пожилой крестьянинъ, приговоренный къ розгамъ за то, что онъ, какъ обыкновенно, поругался съ старостой, не обративъ вниманія на то, что староста былъ при знакѣ,—былъ приведенъ въ волостное правленіе и оттуда въ сарай, въ которомъ приводятся въ исполненіе наказанія. Пришелъ сторожъ съ розгами; крестьянину велѣно было раздѣться.

— Парметъ Ермилычъ, вѣдь у меня сынъ женатый,— дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ крестьянинъ, обращаясь къ старшинѣ.—Развѣ нельзя безъ этого? Вѣдь грѣхъ это.

— Начальство, Петровичъ, я бы радъ, что дѣлать?— отвѣчалъ смущенный старшина.

Петровичъ раздѣлся и легъ.

— Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ,—сказалъ онъ.

Какъ разсказывалъ мнѣ присутствовавшій писарь, у всѣхъ тряслись руки, и всѣ не смѣли смотрѣть въ глаза другъ другу, чувствуя, что они дѣлаютъ что-то ужасное. И вотъ этихъ-то людей считаютъ необходимымъ и вѣроятно полезнымъ для кого-то, какъ животныхъ,—да и животныхъ запрещаютъ истязать,—сѣчь розгами.

Для блага нашего христіанскаго и просвѣщеннаго государства необходимо подвергать нелѣпѣйшему, неприличнѣйшему и оскорбительнѣйшему наказанію не всѣхъ членовъ этого христіанскаго просвѣщеннаго государства, а только одно изъ его сословій, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное.

Высшее правительство огромнаго христіанскаго государства, 19 вѣковъ послѣ Христа, ничего не могло придумать болѣе полезнаго, умнаго и нравственнаго для противодѣйствія нарушеніямъ законовъ, какъ то, чтобы людей,

нарушавшихъ законы, взрослыхъ и иногда старыхъ людей, оголять, валить на полъ и бить прутьями по задницѣ *).

И люди нашего времени, считающіе себя самыми передовыми, внуки тѣхъ людей, которые 75 лѣтъ тому назадъ уничтожили тѣлесное наказаніе, теперь почтительнѣйше и совершенно серьезно просятъ господина министра и еще кого-то о томъ, чтобы поменьше сѣчь взрослыхъ людей русскаго народа, потому что доктора находятъ, что это нездорово,—не сѣчь тѣхъ, которые кончили курсъ, и избавить отъ сѣченія тѣхъ, которыхъ должны сѣчь вскорѣ послѣ бракосочетанія императора. Мудрое же правительство глубокомысленно молчитъ на такія легкомысленныя заявленія или даже воспрещаетъ ихъ.

Но развѣ можно объ этомъ просить? Развѣ можетъ быть объ этомъ вопросъ? Вѣдь есть поступки, совершаются ли они частными людьми или правительствами, про которые нельзя разсуждать хладнокровно, осуждая совершеніе этихъ поступковъ только при извѣстныхъ условіяхъ. И сѣченіе взрослыхъ людей одного изъ сословій русскаго народа въ наше время и среди нашего кроткаго и христіански просвѣщеннаго народа принадлежитъ къ такого рода поступкамъ. Нельзя для прекращенія такого преступленія всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ политично подъѣзжать къ правительству со стороны гигіены школьнаго образованія или манифеста. Про такія дѣла можно или совсѣмъ не говорить, или говорить по существу дѣла и всегда съ отвращеніемъ и ужасомъ. Вѣдь просить о томъ, чтобы не стегать по оголеннымъ ягодицамъ только тѣхъ изъ людей крестьянскаго сословія, которые выучились грамотѣ, все равно, что, если бы,—гдѣ существовало наказаніе прелюбодѣйной женѣ, состоящее въ томъ, чтобы, оголивъ эту женщину, водить ее по улицамъ, — просить о томъ, чтобы наказаніе это примѣнять только къ тѣмъ женщинамъ, которыя не умѣютъ вязать чулки или что-нибудь подобное.

Про такія дѣла нельзя „почтительнѣйше просить“ и „повергать къ стопамъ“ и т. п., такія дѣла можно и должно только обличать. Обличать же такія дѣла должно потому, что дѣла эти, когда имъ приданъ видъ законности, позорятъ всѣхъ насъ, живущихъ въ томъ государствѣ, въ которомъ дѣла эти совершаются. Вѣдь если сѣченіе крестьянъ законъ, то законъ этотъ сдѣланъ и для меня, для обезпеченія моего спокойствія и блага. А этого нельзя допустить.

Не хочу и не могу я признавать того закона, который

---

*) И почему именно этотъ глупый, дикій пріемъ причиненія боли, а не какой-нибудь другой: колоть иголками плечо или другое какое-либо мѣсто тѣла, сжимать въ тиски руки или ноги или еще что-нибудь подобное?

Примѣчаніе автора.

нарушаетъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, и не могу себя представить солидарнымъ съ тѣми, которые пишутъ и утверждаютъ такія преступленія подъ видомъ закона.

Если уже говорить про это безобразіе, то можно говорить только одно: то, что закона такого не можетъ быть, что никакіе указы, зерцалы, печати и высшія повелѣнія не сдѣлаютъ закона изъ преступленія, а что, напротивъ, облеченіе въ законную форму такого преступленія (какъ то, что взрослые люди одного, только одного лучшаго сословія могутъ по волѣ другого, худшаго сословія—дворянскаго и чиновничьяго—подвергаться неприличному, дикому, отвратительному наказанію), доказываетъ лучше всего, что тамъ, гдѣ такое мнимое узаконеніе преступленія возможно,—не существуетъ никакихъ законовъ, а только дикій произволъ грубой власти.

Если уже говорить про тѣлесное наказаніе, совершаемое только надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ, то надо не отстаивать правъ земскаго собранія или жаловаться на губернатора, опротестовавшаго ходатайство о несѣченіи грамотныхъ, министру, а на министра сенату, а на сенатъ еще далѣе, какъ это предлагаетъ тамбовское земство, а надо, не переставая кричать, вопить о томъ, что такое примѣненіе дикаго, переставшаго уже употребляться для дѣтей наказанія къ одному лучшему сословію русскихъ людей, есть позоръ для всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно, участвуютъ въ немъ.

Петровичъ, который легъ подъ розги, перекрестившись и сказавъ: „Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ“, простилъ своихъ мучителей и послѣ розогъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Одно, что произвело въ немъ совершенное надъ нимъ истязаніе,—это презрѣніе къ той власти, которая можетъ предписывать такія наказанія. Но на многихъ молодыхъ людей не только самое наказаніе, но часто одно признаніе того, что оно возможно, дѣйствуетъ, понижая ихъ нравственное чувство и возбуждая иногда отчаянность, иногда звѣрство. Но не тутъ еще главный вредъ этого безобразія. Главный вредъ—въ душевномъ состояніи тѣхъ людей, которые устанавливаютъ, разрѣшаютъ, предписываютъ это беззаконіе,—тѣхъ, которые пользуются имъ, какъ угрозой, и всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ убѣжденіи, что такое нарушеніе всякой справедливости и человѣчности необходимо для хорошей, правильной жизни. Какое страшное нравственное искалѣченіе должно происходить въ умахъ и сердцахъ такихъ людей, часто молодыхъ, которые, я самъ слыхалъ, съ видомъ глубокомысленной мудрости говорятъ, что мужика нельзя не сѣчь, и что для мужика это лучше.

Вотъ этихъ-то людей больше всего жалко за такое озвѣреніе, въ которое они впали и въ которомъ коснѣютъ.

И потому освобожденіе русскаго народа отъ развращающаго вліянія узаконеннаго преступленія, со всѣхъ сторонъ,—дѣло огромной важности. И освобожденіе это произойдетъ не тогда, когда будутъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія кончившіе курсъ, или еще какіе-нибудь изъ крестьянъ, или даже всѣ крестьяне, за исключеніемъ хотя бы одного, а только тогда, когда правящіе классы признаютъ свой грѣхъ и смиренно покаются въ немъ.

14 декабря 1895 г.

Письмо къ редактору англійской газеты.

Со времени появленія моей книги „Царство Божіе внутри васъ“ и статьи „Христіанство и патріотизмъ“ мнѣ часто приходится слышать и читать въ статьяхъ и письмахъ возраженія, не скажу противъ моихъ мыслей, но противъ лжетолкованія ихъ. Дѣлается это иногда сознательно, иногда же безсознательно только по непониманію духа христіанскаго ученія.

„Все это хорошо“, говорятъ мнѣ, „деспотизмъ, смертная казнь, вооруженіе всей Европы, угнетенное положеніе рабочихъ и войны, все это великія бѣдствія, и вы правы, осуждая существующій порядокъ, но какъ же быть безъ правительства?—Какое имѣемъ мы, люди съ ограниченнымъ пониманіемъ и разумомъ, какое имѣемъ мы право только потому, что это кажется намъ лучшимъ, уничтожить тотъ существующій порядокъ вещей, посредствомъ котораго предки наши достигли настоящей высокой степени цивилизаціи и всѣхъ ея благъ. Уничтожая государство, мы должны же что-нибудь поставить на его мѣсто? Если же нѣтъ, то какъ же рисковать тѣми страшными бѣдствіями, которыя неизбѣжно должны возникнуть, если бы государство было уничтожено?“

Но дѣло въ томъ, что христіанское ученіе, въ его истинномъ смыслѣ, никогда не предлагало и не предлагаетъ ничего разрушать, и не предлагаемъ и не предлагаетъ никакого новаго своего устройства, которое должно замѣнить прежнее. Христіанское ученіе тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ и религіозныхъ и общественныхъ ученій что оно даетъ благо людямъ не посредствомъ общихъ законовъ для жизни всѣхъ людей, но уясненіемъ каждому отдѣльному человѣку смысла его жизни, показывая ему, въ чемъ заключается зло и въ чемъ истинное благо его жизни. И этотъ смыслъ жизни, открываемый человѣку христіанскимъ ученіемъ, до такой степени ясенъ, убѣдителенъ и несомнѣненъ, что разъ человѣкъ понялъ его и потому позналъ то, въ чемъ зло и въ чемъ благо его жизни онъ уже никакъ не можетъ сознательно дѣлать то, въ чемъ онъ видитъ зло своей жизни, и не дѣлать того, въ чемъ онъ видитъ истинное благо ея, точно такъ же, какъ вода не можетъ не течь книзу, или растеніе не стремиться къ свѣту.

Смыслъ же жизни, открываемый христіанствомъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю того, отъ Кого мы пришли въ этотъ міръ и къ Кому придемъ, выходя изъ него. Такъ что зло нашей жизни только въ отступленіи отъ этой воли, и благо только въ исполненіи требованій этой воли, которыя такъ просты и такъ ясны, что ихъ такъ же невозможно не понимать, какъ и превратно перетолковывать. Если ты не можешь дѣлать другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, то, по крайней мѣрѣ не дѣлай другому, чего ты не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали: не хочешь, чтобы тебя заставляли работать на фабрикѣ, или въ рудникахъ по десяти часовъ кряду, не хочешь, чтоби дѣти твои были голодны, холодны, невѣжественны, не хочешь, чтобы у тебя отняли землю, на которой ты могъ бы кормиться, не хочешь, чтобы тебя запирали въ тюрьму, вѣшали за то, что ты по старости, соблазну или невѣжеству совершилъ незаконный поступокъ; не хочешь, чтобы тебя ранили, убивали на войнѣ, — не дѣлай всего этого другимъ.

Все это такъ просто, ясно и несомнѣнно, что малый ребенокъ не можетъ не понять этого, и никакой софистъ не можетъ опровергнуть.

Представимъ себѣ, что работникъ, находящійся весь во власти хозяина, преставленъ къ понятному и любимому имъ дѣлу. И вдругъ къ этому работнику, находящемуся въ полной власти хозяина, приходятъ люди,—которые, онъ знаетъ, находятся въ той же зависимости отъ хозяина, какъ и онъ, и которымъ поручено такое же какъ и ему, опредѣленное дѣло,—и люди эти, не исполняя сами порученнаго имъ хозяиномъ дѣла, требуютъ отъ работника, чтобы онъ дѣлалъ прямо обратное тому, что ему несомнѣнно и ясно безъ всякихъ исключеній предписано хозяиномъ. Что можетъ отвѣтить на такое требованіе всякій разумный работникъ?

Но это сравненіе далеко не выражаетъ того, что долженъ испытывать христіанинъ, къ которому обращаются съ требованіями участія въ угнетеніи, или отнятіи земли, казняхъ, войнахъ и т. п., съ которыми обращается къ намъ государственная власть, потому что какъ ни внушительны могли быть для работника приказанія хозяина, они никогда не сравняются съ тѣмъ несомнѣннымъ знаніемъ каждаго неизвращеннаго ложными ученіями человѣка о томъ, что онъ не долженъ дѣлать другимъ того, что онъ не хочетъ, чтобы ему дѣлали, а потому не долженъ принимать участія: въ насиліяхъ, наборахъ, казняхъ, убійствахъ своего ближняго, которые требуетъ отъ него его правительство. Такъ что вопросъ для христіанина не въ томъ, какъ его неумышленно, а иногда умышленно ставятъ сторонники государства: имѣетъ ли человѣкъ право разрушить существующій порядокъ и замѣнить его новымъ,—христіанинъ и не думаетъ объ

общемъ порядкѣ, предоставляя веденіе этого порядка Богу, твердо увѣренный въ томъ, что Богъ вложилъ въ нашъ разумъ и сердце свой законъ не для безпорядка, а для порядка и что отъ слѣдованія открытому намъ несомнѣнному закону Бога ничего, кромѣ хорошаго выйти не можетъ — вопросъ для всякаго не только христіанина, но и всякаго человѣка, — не въ томъ, какъ устроить по внѣшнему или по новому (никто изъ насъ не приставленъ къ рѣшенію этого вопроса), — рѣшенію же каждаго изъ насъ подлежитъ, и не произвольно, а неизбѣжно, вопросъ о томъ, какъ мнѣ поступить въ постоянно представляющемся мнѣ выборѣ; долженъ ли я противно своей совѣсти принять участіе въ правительствѣ, которое признаетъ право на земельную собственность людей, не работающихъ на ней, которое собираетъ подати съ бѣдныхъ для того, чтобы отдавать ихъ богатымъ, которое ссылаетъ въ ссылки и каторги и вѣшаетъ заблудшихъ людей, гонитъ на убійство солдатъ, развращаетъ опіумомъ и водкой народы и т. п., или согласно съ своей совѣстью не участвовать въ правительствѣ, дѣла котораго противны моему сознанію? А что изъ этого выйдетъ, какое будетъ отъ моего такого или иного поступка государство, этого я ничего не знаю и не то, что не хочу, но не могу знать.

Въ томъ-то и сила христіанскаго ученія, что оно изъ области вѣчныхъ сомнѣній и гаданій переводитъ вопросы жизни на почву несомнѣнности.

Но скажутъ: „мы тоже не отрицаемъ необходимости измѣненія существующаго порядка и желаемъ также исправить его, но желаемъ исправить не отказомъ отъ участія въ правительствѣ, въ судѣ, въ войскѣ, уничтоженіемъ государства, а, напротивъ, участіемъ въ правительствѣ, пріобрѣтеніемъ свободы, правъ, избраніемъ представителями истинныхъ друзей народа и враговъ войны и всякаго насилія“.

Все это было бы прекрасно, если бы содѣйствіе улучшенію формъ правленія совпадало бы съ цѣлью человѣческой жизни. Къ несчастью же, оно не только не совпадаетъ, но противорѣчитъ ей. Если жизнь человѣческая ограничивается этимъ міромъ, то цѣль ея гораздо ближе, чѣмъ постепенное усовершенствованіе правительства: она въ его личномъ благѣ; если же жизнь не кончается въ этомъ мірѣ, то она гораздо дальше: въ исполненіи воли Бога. Если она въ моемъ личномъ благѣ и жизнь кончается здѣсь, то какое мнѣ дѣло до будущаго медленнаго благоустройства государства, которое наступитъ когда-то и гдѣ-то, по всѣмъ вѣроятіямъ тогда когда меня не будетъ? Если же жизнь моя безсмертна, то цѣль благоустройства англійскаго, нѣмецкаго, русскаго или какого бы то ни было государства въ двадцатомъ столѣтіи слишкомъ мала для меня и никто не можетъ удовлетворить требованіямъ моей

безсмертной души. Цѣлью, достаточной для моей жизни, можетъ быть только или сейчасное мое благо, которое никакъ не совпадаетъ съ государственной дѣятельностью податей, судовъ, войнъ, или вѣчное спасеніе моей души, достигаемое только исполненіемъ воли Бога, а воля эта точно такъ же не совпадаетъ съ требованіями насилія, казней, войнъ, существующаго порядка.

И потому повторяю: вопросъ не только для христіанина, но и для каждаго человѣка нашего времени не въ томъ, какое общежитіе будетъ болѣе обезпечено: то ли, которое будетъ ограждаться ружьями. пушками, висѣлицами, или то, которое не будетъ ограждаться этими средствами? А вопросъ для каждаго человѣка только одинъ, и такой, отъ котораго уклониться нельзя: хочешь ли ты, существо разумное и доброе, нынче появившееся, а завтра могущее исчезнуть, — хочешь ли ты, если ты признаешь Бога, поступать противно закону и волѣ Его, зная что ты каждую минуту можешь вернуться къ Нему. или, если ты не признаешь Бога,—поступать противно тѣмъ свойствамъ разума и любви, которыми одними ты можешь руководиться въ жизни, зная, что, если ты ошибешься, ты никогда уже не будешь въ состояніи поправить свою ошибку.

И отвѣтъ на этотъ вопросъ для тѣхъ людей, для которыхъ онъ возникъ, можетъ быть только: нѣтъ, не могу, не хочу.

Говорятъ: „это разрушеніе правительства и уничтоженіе существующаго порядка“. Но если исполненіе воли Бога разрушаетъ существующій порядокъ, то развѣ это не есть несомнѣнное доказательство того, что существующій порядокъ противенъ волѣ Бога и долженъ быть разрушенъ?

15 декабря 1894 года.

Электропечатня К. А. Четверикова. СПБ. Караванная 7.

Ягоды.

Были жаркіе, безвѣтренные іюньскіе дни. Листъ въ лѣсу соченъ, густъ и зеленъ; только кое-гдѣ срываются пожелтѣвшіе березовые и липовые листы. Кусты шиповника осыпаны душистыми цвѣтами; въ лѣсныхъ лугахъ сплошной медовый клеверъ; рожь густая, рослая, темнѣетъ и волнуется, до половины налилась. Въ низахъ перекликаются коростели; въ овсахъ и ржахъ то хрипятъ, то щелкаютъ перепела; соловей въ лѣсахъ только изрѣдка сдѣлаетъ колено и замолкнетъ. Сухой жаръ печетъ. По дорогамъ лежитъ неподвижно на палецъ сухая пыль и поднимается густымъ облакомъ, уносимымъ то вправо, то влѣво случайнымъ, слабымъ дуновеніемъ.

Крестьяне додѣлываютъ постройки, возятъ навозъ. Скотина голодаетъ на высохшемъ пару, ожидая атавы. Коровы и телята зыкаются съ поднятыми крючковато хвостами, бѣгаютъ отъ пастуховъ со стойла. Ребята стерегутъ лошадей по дорогамъ и обрѣзамъ. Бабы таскаютъ изъ лѣсу мѣшки травы; дѣвки и дѣвочки въ перегонку другъ за другомъ ползаютъ между кустовъ по срубленному лѣсу, собирая ягоды, и носятъ продавать дачникамъ.

Дачники, въ разукрашенныхъ архитектурно вычурныхъ лѣтнихъ домикахъ, или гуляютъ подъ зонтиками въ легкихъ, чистыхъ, дорогихъ одеждахъ по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, или сидятъ въ тѣни деревъ, бесѣдокъ, украшенныхъ столиковъ, и, томясь отъ жары, пьютъ чай или прохладительные напитки.

У великолѣпной дачи Николая Семеновича съ башней, верандой, балкончиками, галлереями—все свѣженькое, новенькое, чистенькое—стоитъ ямская съ бубенцами тройка въ коляскѣ, привезшая изъ города за 15 „взадъ-назадъ", какъ говоритъ ямщикъ, петербургскаго барина.

Баринъ этотъ—извѣстный либеральный дѣятель, участвовавшій во всѣхъ комитетахъ, комиссіяхъ, подношеніяхъ, хитро составленныхъ, какъ будто вѣрноподданническихъ, а

въ сущности самыхъ либеральныхъ адресахъ. Онъ пріѣхалъ изъ города (въ которомъ онъ, какъ всегда страшно занятый человѣкъ, пробудетъ только сутки) къ своему другу, товарищу дѣтства и почти единомышленнику.

Они немного только расходятся въ способахъ примѣненія конституціонныхъ началъ. Петербуржецъ больше европеецъ, съ маленькимъ пристрастіемъ даже къ соціализму,— получаютъ очень большое жалованье по мѣстамъ, которыя онъ занимаетъ. Николай же Семеновичъ, — чисто русскій человѣкъ, православный, оттѣнками славянофильства, владѣетъ многими тысячами десятинъ земли.

Они пообѣдали въ саду обѣдомъ изъ 5 кушаній; отъ жару почти ничеге не ѣли, такъ что труды 40-рублеваго повара и его помощниковъ, особенно усердно работавшихъ для гостя, пропали почти даромъ. Покушали только ботвинью ледяную съ свѣжей бѣлорыбицей и разноцвѣтное мороженое въ красивой формѣ и разукрашенное разными сахарными волосами и бисквитами. Обѣдалъ гость, либеральный врачъ, учитель дѣтей студентъ—отчаянный соціалистъ-революціонеръ, — котораго Николай Семеновичъ умѣлъ держать въ уздѣ, Мари, жена Николая Семеновича, и трое дѣтей, изъ которыхъ меньшой только приходилъ къ пирожному.

Обѣдъ былъ немножко натянутъ, потому что Мари, сама очень нервная женщина, озабочена разстройствомъ желудка Гоги,—такъ (какъ водится у порядочныхъ людей) называли меньшого мальчика, Николая,—и еще отъ того, что какъ только начинался политическій разговоръ между гостями и Николаемъ Семеновичемъ, отчаянный студентъ, желая показать, что онъ ни передъ кѣмъ не стѣсняется высказывать свои убѣжденія, врывался въ разговоръ, и гость замолкалъ, Николай же Семеновичъ утишалъ революціонера.

Обѣдали въ 7 часовъ. Послѣ обѣда пріятели сидѣли на верандѣ, прохлаждаясь холоднымъ нарзаномъ со льдомъ и бѣлымъ виномъ, и бесѣдовали.

Разногласіе ихъ прежде всего выразилось въ вопросѣ о томъ, какіе должны быть выборы: двухстепенные или одностепенные, и они горячо начали было спорить, когда ихъ позвали къ чаю въ защищенную сѣтками отъ мухъ столовую. За чаемъ шелъ общій разговоръ съ Мари, которую разговоръ этотъ не могъ занимать, такъ какъ она вся была поглощена мыслью о признакахъ разстройства желудка Гоги. Разговоръ шелъ о живописи, и Мари до-

казывала, что въ декадентской живописи есть un je n'sais quoi, которое нельзя отрицать. Она въ эту минуту вовсе не думала о декадентской живописи, но говорила то, что говорила много разъ. Гостю уже совсѣмъ это было ненужно, но онъ слыхалъ, что говорятъ противъ декадетства, и онъ говорилъ все это такъ похоже, что никто не догадывался о томъ, что ему не было никакого дѣла до декадентства или недекадентства. Николай же Семеновичъ, глядя на жену, чувствовалъ, что она чѣмъ-то недовольна и что будетъ, пожалуй, какая-нибудь непріятность; кромѣ того, ему было очень скучно слушать то, что она говорила и что онъ слышалъ, какъ ему казалось, больше чѣмъ сто разъ.

Зажгли дорогія бронзовыя лампы и фонари на дворѣ. Дѣтей уложили спать, подвергнувъ больного Гогу лѣчебнымъ операціямъ.

Гость съ Николаемъ Семеновичемъ и докторомъ вышли на веранду. Лакей подалъ свѣчи съ колпаками и еще нарзану, и начался около 12 часовъ уже настоящій, оживленный разговоръ о томъ, какія должны были быть приняты государственныя мѣры въ настоящее, важное для Россіи время. Оба, не переставая, курили и разговаривали.

Снаружи, за воротами побрякивали бубенчики ямщицкихъ лошадей, стоявшихъ безъ корма, и то зѣвалъ, то хрипѣлъ сидѣвшій въ коляскѣ старикъ-ямщикъ, 20 лѣтъ жившій у одного хозяина и все свое жалованье, за исключеніемъ 3 или 5 рублей, которые онъ пропивалъ, отсылавшій домой брату. Когда же съ разныхъ дачъ стали перекликаться пѣтухи, и особенно громкій, тонкій въ сосѣдней дачѣ, ямщикъ усумнился, не забыли ли его, сошелъ съ коляски и вошелъ въ дачу. Онъ видѣлъ, что его сѣдокъ сидѣлъ и ѣлъ что-то и въ промежуткахъ что-то говорилъ. Онъ забоялся и пошелъ отыскивать лакея. Лакей, въ ливрейномъ пиджакѣ, сидя спалъ въ передней. Ямщикъ разбудилъ его. Лакей, бывшій дворовый, кормившій своей службой (служба была выгодная — 15 руб. жалованья и отъ господъ на чай иногда рублей на сто) свою большую семью — пять дѣвокъ и двухъ мальчишекъ, вскочилъ и, оправившись, и отряхнувшись пошелъ къ господамъ сказать, что ямщикъ безпокоится, проситъ отпустить.

Когда лакей вошелъ, споръ былъ въ самомъ разгарѣ. Подошедшій къ нимъ докторъ участвовалъ въ немъ.

— Немогу допустить, чтобы русскій народъ, — говорилъ гость, — долженъ бы былъ идти по какимъ-то инымъ путямъ

развитія. Прежде всего нужна свобода—свобода политическая—та свобода... какъ это всѣмъ извѣстно, наибольшая свобода... при соблюденіи наибольшихъ правъ другихъ людей.

Гость чувствовалъ, что онъ не могъ хорошенько вспомнить, какъ надо говорить.

— Это такъ,—отвѣчалъ Николай Семеновичъ, не слушая гостя и только желая высказать свою мысль, которая ему особенно нравилась.—Это такъ, но достигается это другимъ путемъ, не большинствомъ голосовъ, а всеобщимъ согласіемъ. Посмотрите на рѣшенія міра.

— Ахъ, этотъ міръ!..

— Нельзя отрицать,—сказалъ докторъ,—что у славянскихъ народовъ свой особенный взглядъ. Напримѣръ, польское право veto. Я не утверждаю, чтобы это было лучше...

— Позвольте, я доскажу всю мою мысль, — началъ Николай Семеновичъ.—Русскій народъ имѣетъ особенныя свойства. Свойства эти...

Но пришедшій съ заспанными глазами Иванъ въ своей ливреѣ прервалъ его.

— Ямщикъ безпокоится...

— Скажите ему (петербургскій гость всегда лакеемъ говорилъ вы и гордился этимъ), что я поѣду скоро, а за лишнее заплачу.

— Слушаю-съ.

Лакей ушелъ. И Николай Семеновичъ могъ досказать всю свою мысль. Но и гость и докторъ слышали ее 20 разъ (или по крайней мѣрѣ, имъ такъ казалось) и стали опровергать ее, особенно гость — примѣрами исторіи. Онъ отлично зналъ исторію.

Докторъ былъ на сторонѣ гостя и любовался его эрудиціей и былъ радъ случаю знакомства съ нимъ.

Разговоръ такъ затянулся, что было свѣтло за лѣсомъ на другой сторонѣ дорогѣ, и соловьи проснулись, но собесѣдники все курили и разговаривали, разговаривали и курили.

Можетъ-быть, разговоръ продолжался бы еще, но изъ двери вышла горничная.

Горничная эта была сирота, которая, чтобы кормиться, должна была поступить въ услуженіе. Сначала она жила у купцовъ, гдѣ приказчикъ соблазнилъ ее, и она родила. Ребенокъ ея умеръ, она поступила къ чиновнику, гдѣ сынъ гимназистъ не давалъ ей покоя; потомъ поступила помощницей горничной къ Николаю Семеновичу и считала себя счастливой,—ея не преслѣдовали больше господа своей

похотью и платили исправно жалованье. Она вошла доложить, что барыня зовутъ доктора и Николая Семеновича.

„Ну,—подумалъ Николай Семеновичъ,—вѣрно съ Гогой что-нибудь“.

— А что?—спросилъ онъ.

— Николай Николаевичъ что-то нездоровы, — сказала горничная. (Николай Николаевичъ, „они“,—это былъ одержимый поносомъ, объѣвшійся Гога).

— Ну и пора!—сказалъ гость.—Смотрите, какъ свѣтло, какъ мы засидѣлись!—сказалъ онъ, улыбаясь, какъ бы хваля себя и своихъ собесѣдниковъ за то, что они такъ долго и много говорили, и простился.

Иванъ долго бѣгалъ усталыми ногами за шляпой и зонтикомъ гостя, которые самъ гость засунулъ въ самыя неподходящія мѣста. Иванъ надѣялся получить на чай, но гость, всегда щедрый и никакъ не пожалѣвшій бы дать ему рубль, увлеченный разговоромъ, совсѣмъ забылъ про это и вспомнилъ только дорогой, что онъ ничего не далъ лакею. „Ну, нечего дѣлать!“

Ямщикъ влѣзъ на козлы, подобралъ вожжи, сѣлъ бочкомъ и тронулъ. Бубенчики зазвенѣли, и петербуржецъ, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, ѣхалъ и думалъ объ ограниченности и предвзятости мыслей своего пріятеля.

То же самое думалъ Николай Семеновичъ, не сразу пошедшій къ женѣ. „Ужасна эта петербургская ограниченная узость. Не могутъ они выйти изъ этого,“ думалъ онъ.

Къ женѣ онъ медлилъ входить, потому что отъ этого свиданія теперь не ожидалъ ничего хорошаго. Дѣло было въ ягодахъ. Мальчики вчера принесли ягоды. Николай Семеновичъ купилъ, не торговавшись, двѣ тарелки не совсѣмъ спѣлыхъ ягодъ. Дѣти прибѣжали, прося себѣ, и начали ѣсть прямо съ тарелки. Мари еще не выходила, и когда вышла и узнала, что Гогѣ дано было ягодъ, ужасно разсердилась, такъ какъ у него желудокъ уже былъ разстроенъ. Она стала упрекать мужа. Онъ ее. И вышелъ непріятный разговоръ, почти ссора. Къ вечеру точно Гога нехорошо сходилъ. Николай Семеновичъ думалъ, что этимъ кончится, но призывъ доктора обозначалъ, что дѣло призывъ доктора обозначалъ, что дѣло приняло дурной оборотъ.

Когда онъ вошелъ къ женѣ, она въ нестромъ шелковомъ халатѣ, который ей очень нравился, но о которомъ она теперь не думала, стояла въ дѣтской съ докторомъ надъ горшкомъ и свѣтила ему туда текущей свѣчкой.

Докторъ съ внимательнымъ видомъ, въ пенснэ смотрѣлъ туда палочкой ворочая вонючее содержимое.

— Да,—сказала она значительно.—Все эти проклятыя ягоды.

— Да отчего же ягоды?—робко сказалъ Николай Семеновичъ.

— Отчего ягоды? Ты вотъ накормилъ его, а я ночь не сплю, и ребенокъ умретъ.

— Ну, не умретъ,—улыбаясь, сказалъ докторъ:—маленькій пріемъ висмута и осторожность. Дадимъ сейчасъ.

— Онъ заснулъ,—сказала она.

— Ну, лучше не тревожить. Завтра я зайду.

— Пожалуйста.

Докторъ ушелъ, и Николай Семеновичъ остался одинъ и еще долго не могъ успокоить жену. Когда онъ заснулъ, было уже совсѣмъ свѣтло.

Въ сосѣдней деревнѣ въ это самое время возвращались изъ ночного мужики и ребята. Нѣкоторые были на одной, у нѣкоторыхъ были лошади въ поводу и позади бѣжали стригуны и двухлѣтки.

Тараска Рѣзуновъ, малый лѣтъ 12, въ полушубкѣ, но босой, въ картузѣ, на пѣгой кобылѣ съ мерипомъ въ поводу и такимъ же пѣгимъ какъ мать, стригуномъ, обогналъ всѣхъ и поскакалъ въ гору къ деревнѣ. Черная собака весело бѣжала впереди лошадей, оглядываясь на нихъ. Пѣгій сытый стригунъ сзади взбрыкивалъ то въ ту то въ другую сторону бѣлыми въ чулкахъ ногами. Тараска подъѣхалъ къ избѣ, привязалъ лошадей у воротъ и вошелъ въ сѣни.

— Эй вы, заспались!—закричалъ онъ на сестеръ и брата, спавшихъ въ сѣняхъ на дерюжкѣ.

Мать, спавшая рядомъ съ ними, встала уже доить корову.

Ольгушка вскочила, оправляя обѣими руками взлохмаченные свѣтлые волосы. Ѳедька же, спавшій съ ней, все еще лежалъ, уткнувшись головой въ шубу, и только потиралъ заскорузлой пяткой высунувшуюся изъ подъ кафтана стройную дѣтскую ножку.

Ребята съ вечера собирались за ягодами, и Тараска обѣщалъ разбудить сестру и малаго, какъ только вернется изъ ночного.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ ночномъ, сидя подъ кустомъ,

онъ падалъ отъ сна; теперь же разгулялся и рѣшилъ совсѣмъ не ложиться спать, а идти съ дѣвками за ягодами. Мать дала ему кружку молока. Ломоть хлѣба онъ самъ отрѣзалъ себѣ и усѣлся за столъ на высокой лавкѣ и сталъ ѣсть.

Когда онъ въ одной рубашкѣ и порткахъ, быстрыми шагами прокладывая отчетливые слѣды босыхъ ногъ по пыли, пошелъ по дорогѣ, по которой лежали уже нѣсколько такихъ же, однихъ побольше, другихъ поменьше, босыхъ слѣдовъ, съ четко отпечатанными пальчиками, дѣвки уже красными и бѣлыми пятнышками виднѣлись далеко впереди на темной зелени рощи. (Онѣ съ вечера приготовили себѣ горшочекъ и кружечку и, не завтракая и не запасшись хлѣбомъ, перекрестились раза два на передній уголъ и побѣжали на улицу). Тараска догналъ ихъ за большимъ лѣсомъ, только-что онѣ свернули съ дороги.

Роса лежала на травѣ, на кустахъ, даже на нижнихъ вѣтвяхъ деревъ. Голыя ножонки дѣвочекъ тотчасъ намокли и сначала захолодѣли, а потомъ разогрѣлись, ступая то по мягкой травѣ, то по неровностямъ сухой земли. Ягодное мѣсто было по сведенному лѣсу. Дѣвчонки вошли прежде въ прошлогоднюю вырубку. Молодая поросль только-что поднималась и между сочныхъ молодыхъ кустовъ выдавались мѣста съ невысокой травой, въ которой зрѣли и прятались розовато-бѣлыя еще и кое-гдѣ красныя ягоды.

Дѣвчонки, перегнувшись вдвое, ягодку за ягодкой выбирали своими маленькими загорѣлыми ручонками и клали какую похуже въ ротъ, какую получше въ кружку.

— Ольгушка, сюда иди! Тутъ бѣда сколько!

— Ну, вре! Ау!—перекликались онѣ, далеко не расходясь, когда заходили за кусты.

Тараска ушелъ отъ нихъ дальше за оврагъ въ прежде, за годъ, срубленный лѣсъ, на которомъ молодая поросль, особенно орѣховая и кленовая, была выше человѣческаго роста. Трава была сочнѣе и гуще, и когда попадались мѣста съ земляникой, ягоды были крупнѣе и сочнѣе подъ защитой травы.

— Грушка!

— Ась!

— А какъ волкъ?

— Ну, что жъ волкъ? Ты что жъ пужаешь. А я, небойсь, не боюсь,—говорила Грушка, и забывшись, она, думая о волкѣ, клала ягоду за ягодой, и самыя лучшія не въ кружку, а въ ротъ.

— А Тараска-то нашъ ушелъ за оврагъ.—Тараска! Ау!..

— Я-о!—отвѣчалъ Тараска изъ-за оврага.—Идите сюда.

— А и то пойдемъ, тамъ больше.

И дѣвчата полѣзли внизъ въ оврагъ, держась за кусты, и изъ оврага отвершками на другую сторону, и тутъ, на припекѣ солнца, сразу напали на полянку съ мелкой травой, сплошь усыпанную ягодами. Обѣ молчали и, не переставая, работали и руками и губами.

Вдругъ что-то шарахнулось, и среди тишины съ страшнымъ, какъ имъ показалось, грохотомъ затрещало по травѣ и кустамъ.

Грушка упала отъ страха и разсыпала до половины кружки набранныя ягоды.—Мамушка!—завизжала она и заплакала.

— Заяцъ, это заяцъ, Тараска! Заяцъ. Вонъ онъ!—кричала Ольгушка, указывая на сѣро-бурую спинку съ ушами, мелькавшую между кустовъ.—Ты чего?—обратилась Ольгушка къ Грушкѣ, когда заяцъ скрылся.

— Я думала, волкъ,—отвѣчала Грушка и вдругъ тотчасъ же послѣ ужаса и слезъ отчаянія расхохоталась.

— Вотъ дура-то!

— Страсть испугалась!—говорила Грушка, заливаясь звонкимъ какъ колокольчикъ, хохотомъ.

Подобрали ягоды и пошли дальше. Солнце уже взошло и свѣтлыми яркими пятнами и тѣнями расцвѣтило зелень и блестѣло въ капляхъ росы, о которую вымокли дѣвчонки теперь по самый поясъ.

Дѣвчата были уже почти на концѣ лѣса, все уходя дальше и дальше въ надеждѣ, что чѣмъ дальше, то больше будетъ ягодъ, когда въ разныхъ мѣстахъ пошли звонкія ауканіи дѣвокъ и бабъ, вышедшихъ позднѣе и также собиравшихъ ягоды. Въ завтракъ кружка и горшочекъ были уже наполовину полны, когда дѣвчата сошлись съ теткой Акулиной, тоже вышедшей по ягоды. За теткой Акулиной ковылялъ на толстыхъ, кривыхъ ножонкахъ крошечный толстопузый мальчикъ въ одной рубашонкѣ и безъ шапки.

— Увязался за мной,—сказала Акулина дѣвчатамъ, взявъ мальчика на руки.—И оставить не съ кѣмъ.

— А мы сейчасъ зайца здороваго выпугнули. Какъ затрещитъ—жуть!

— Вишь ты!—сказала Акулина и спустила опять съ рукъ малаго.

Переговорившись такъ, дѣвчонки разошлись съ Акулиной и продолжали свое дѣло.

— Знать, посидимъ теперича,—сказала Ольгушка, са-

дясь подъ густую тѣнь орѣховаго куста;—уморилась. Эхъ! хлѣбушка не взяли, поѣсть бы теперь.

— И мнѣ хочется,—сказала Грушка.

— Что это тетка Акулина кричитъ больно чего-то. Чуешь? Ау, тетка Акулина!

— Ольгушка-а!—отозвалась Акулина.

— Чаго?

— Малый не съ вами?—кричала Акулина изъ-за отвершка.

— Нѣту.

Но вотъ зашелестѣли кусты, изъ-за отвершка показалась сама тетка Акулина съ подобранной выше колѣнъ юбкой и съ кошелкой на рукѣ.

— Малаго не видали?

— Нѣту.

— Вотъ грѣхъ какой! Мишка-а!

— Мишка-а!

Никто не отозвался.

— Охъ, горюшко, заплутается онъ! Въ большой лѣсъ забредетъ.

Ольгушка вскочила и пошла съ Грушкой искать въ одну сторону, тетка Акулина въ другую. Не переставая, звонкими голосами онѣ кликали Мишку, но никто не откликался.

— Уморилась, — говорила Грушка, отставая, но Ольгушка не переставая аукалась и шла то вправо, то влѣво, оглядываясь по сторонамъ.

Акулининъ отчаянный голосъ слышался далеко къ большому лѣсу. Ольгушка уже хотѣла бросить искать и идти домой, когда въ одномъ сочномъ кустѣ, около пня липовой молодой поросли, она услыхала упорный и сердитый, отчаянный пискъ какой-то птицы, вѣроятно съ птенцами, чѣмъ то недовольной; птица, очевидно, чего то боялась и на что-то сердилась. Ольгушка оглянулась на кустъ, обросшій густой и высокой съ бѣлыми цвѣтами травой, и подъ самимъ имъ увидала синенькую, непохожую ни на какія лѣсныя травы, кучку. Она остановилась, приглядѣлась. Это былъ Мишка. И его-то боялась и на него сердилась птица.

Мишка лежалъ на толстомъ брюхѣ, подложивъ ручонки подъ голову, вытянувши пухлыя, кривыя ножонки, и сладко спалъ.

Ольгушка покликала мать и, разбудивши малаго, дала ему ягодъ.

И долго потомъ Ольгушка всѣмъ, кого встрѣчала, и

домъ матери, и отцу, и сосѣдямъ, разсказывала, какъ она искала и какъ нашла Акулининова малаго.

Солнце уже совсѣмъ вышло изъ-за лѣса и жарко пекло землю и все, что было на ней.

— Ольгушка, купаться!—пригласили Ольгу сошедшіяся съ ней дѣвочки. И всѣ большимъ хороводомъ пошли съ пѣснями къ рѣкѣ. Барахтаясь, визжа и болтая ногами, дѣвчата не замѣтили, какъ съ запада заходила черная низкая туча, какъ солнце стало скрываться и открываться, и какъ запахло цвѣтами и березовымъ листомъ, и стало погромыхивать. Не успѣли дѣвки одѣться, какъ пошелъ дождь и измочилъ ихъ до нитки.

Въ прилипшихъ къ тѣлу и потемнѣвшихъ рубашонкахъ дѣвчонки прибѣжали домой, поѣли и понесли на поле, гдѣ отецъ перепахивалъ картофель, обѣдать.

Когда онѣ вернулись и пообѣдали, рубашонки уже высохли. Перебравъ землянику и уложивъ ее въ чашки, онѣ понесли ее на дачу къ Николаю Семеновичу, гдѣ хорошо платили; но на этотъ разъ имъ отказали.

Мари, сидѣвшая подъ зонтикомъ въ большомъ креслѣ и томившаяся отъ жара, увидала дѣвочекъ съ ягодами и замахала на нихъ вѣеромъ.

— Не надо, не надо!

Но Валя, старшій, 12-лѣтній мальчикъ, отдыхавшій отъ переутомленія классической гимназіи и игравшій въ крокетъ съ сосѣдями, увидалъ ягоды, подбѣжалъ къ Ольгушкѣ и спросилъ:

— Сколько?

Она сказала:

— 30 копѣекъ.

— Много,—сказалъ онъ. Онъ потому сказалъ много, что такъ всегда говорили большіе.—Подожди, только зайди за уголъ, сказалъ онъ и побѣжалъ къ нянѣ.

Ольгушка съ Грушкой между тѣмъ любовались на зеркальный шаръ, въ которомъ виднѣлись какіе-то маленькіе дома, лѣса, сады. И этотъ шаръ и многое другое было для нихъ неудивительно, потому что онѣ ожидали всего самаго чудеснаго отъ таинственнаго и непонятнаго для нихъ міра людей-господъ.

Валя побѣжалъ къ нянѣ и сталъ просить у нея 30 копеекъ. Няня сказала, что довольно 20, и достала ему изъ сундучка деньги, и онъ, обходя отца, который только-что всталъ послѣ вчерашней тяжелой ночи, курилъ и читалъ

газеты, отдалъ двугривенный дѣвочкамъ и, пересыпавъ ягоды въ тарелку, напустился на нихъ.

Вернувшись домой, Ольгушка развязала зубами узелокъ въ платкѣ, въ которомъ былъ завязанъ двугривенный, и отдала его матери. Мать спрятала деньги и собрала бѣлье на рѣчку.

Тараска же, съ завтрака пропахивавшій съ отцомъ картофель, спалъ въ это время въ тѣни густого, темнаго дуба, тутъ же сидѣлъ и отецъ его, поглядывая на спутанную отпряженную лошадь, которая паслась на рубежѣ чужой земли и всякую минуту могло зайти въ овесъ или чужіе луга.

Все въ семьѣ Николая Семеновича было нынчѣ такъ, какъ обыкновенно. Все было исправно. Завтракъ изъ трехъ блюдъ былъ готовъ, мухи давно ѣли его, но никто не шелъ, потому что никому не хотѣлось ѣсть.

Николай Семеновичъ былъ доволенъ справедливостью своихъ сужденій, которая выяснилась изъ того, что онъ прочелъ нынче въ газетахъ. Мари была спокойна, потому что Гога сходилъ хорошо. Докторъ былъ доволенъ тѣмъ, что предложенныя имъ средства принесли пользу. Валя былъ доволенъ тѣмъ, что съѣлъ цѣлую тарелку земляники.

Л. Н. Толстой.

Требованія любви [1]).

Гр. Л. Н. Толстого [2]).

Представимъ себѣ людей, для полноты, мужчину и женщину,—мужа, жену, брата, сестру, отца, дочь, мать, сына,—богатаго класса, которые живо поняли грѣхи жизни роскошной и праздной среди нищеты и задавленности трудомъ народа, и ушли изъ города, отдали кому-нибудь, такъ или иначе избавились отъ своего излишка, оставили себѣ въ бумагахъ, скажемъ, 150 рублей въ годъ на двоихъ, даже ничего не оставили, а зарабатываютъ это какимъ-либо мастерствомъ,—положимъ рисованіе на фарфорѣ, переводы хорошихъ книгъ,—и живутъ въ деревнѣ, въ серединѣ русской деревни, нанявъ или купивъ себѣ избу и своими руками обрабатывая свой огородъ, садъ, ходя за пчелами и вмѣстѣ съ тѣмъ подавая помощь сельчанамъ медицинскую, насколько

---

[1]) Изъ листка «Свободнаго Слова» № 3, подъ ред. В. Черткова.
[2]) Изъ дневника,

они знаютъ, и образовательную,—учатъ дѣтей, пишутъ письма, прошенія и т. п.

Казалось бы, чего лучше такой жизни. Но жизнь эта будетъ адомъ или сдѣлается адомъ, если люди эти не будутъ лицемѣрить, лгать, если они будутъ искренни. Вѣдь если люди эти отказались отъ всѣхъ выгодъ и радостей, украшеній жизни, которыя имъ давали городъ и деньги, то сдѣлали они это только потому, что они признаютъ людей братьями равными передъ Отцомъ, не равными по способностямъ, достоинствамъ, если хотите, но равными въ своихъ правахъ на жизнь и все то, что она можетъ дать имъ.

Если возможно сомнѣніе о равенствѣ людей, когда мы ихъ разсматриваемъ взрослыми съ отдѣльнымъ прошедшимъ каждаго, то сомнѣнья этого уже не можетъ быть, когда мы видимъ дѣтей. Почему этотъ ребенокъ будетъ имѣть всѣ заботы, всю помощь знанія для своего физическаго и умственнаго развитія, а этотъ прелестный ребенокъ съ тѣми же и еще лучшими задатками сдѣлается рахитикомъ, вырожденнымъ, полукарликомъ отъ недостатка молока и останется безграмотнымъ, дикимъ, связаннымъ суевѣріями человѣкомъ,—только грубой рабочей силой?

Вѣдь если люди эти уѣхали изъ города и поселились жить, какъ они живутъ въ деревнѣ, то только потому, что они не на словахъ, но на дѣлѣ вѣрятъ въ братство людей и хотятъ, если не осуществить, то осуществлять его въ своей жизни. И эта то попытка осуществленія должна, если только они искренни,—должна привести ихъ въ ужасное безвыходное положеніе.

Съ своими съ дѣтства пріобрѣтенными привычками порядка, удобства, главное чистоты, они переѣхали въ деревню и, нанявъ или купивъ избу, очистили ее отъ насѣкомыхъ, можетъ быть даже сами оклеили ее бумажкой, привезли остатокъ мебели, не роскошной, а нужной: желѣзную кровать, шкапъ, письменный столикъ. И вотъ они живутъ. Сначала народъ дичится ихъ: ожидаетъ, какъ и отъ всѣхъ богатыхъ, насиліемъ огражденія своихъ преимуществъ, и потому не приступаетъ къ нимъ съ просьбами и требованіями. Но вотъ понемногу настроеніе новыхъ жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смѣлые, назойливые люди изъ народа опытомъ узнаютъ, что новые люди эти не отказываютъ, и можно поживиться около нихъ.

И вотъ начинаются заявленія всякаго рода требованій, которыя становятся все больше и больше.

Начинается какъ разсыпаніе и разравниваніе возвышаю-

щагося надъ общимъ уровнемъ зерна до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвышенія.

Начинаются не только выпрашиванія, но и естественныя требованія подѣлиться тѣмъ, что есть лишняго противъ другихъ; и не только требованія, но сами поселившіеся въ деревнѣ люди, всегда въ близкомъ общеніи съ народомъ, чувствуютъ неизбѣжную необходимость отдавать свой излишекъ тамъ, гдѣ есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуютъ необходимость отдавать свой излишекъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ останется то, что должно быть у всѣхъ, т. е. у средняго,—опредѣленія этого средняго,—того, что должно бы быть у всѣхъ,—нѣтъ никакого; и они не могутъ остановиться, потому что всегда вокругъ нихъ есть вопіющая нужда, а у нихъ излишекъ противъ этой нужды: казалось бы нужно удержать себѣ стаканъ молока; но у Матрены двое дѣтей, грудной, не находящій молока въ груди матери, двухъ-лѣтній, начинающій чахнуть. Казалось подушку и одѣяло можно удержать, чтобы заснуть въ привычныхъ условіяхъ послѣ трудового дня, но больной лежитъ на вшивомъ кафтанѣ и зябнетъ ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось можно бы удержать чай, пищу, но ее пришлось отдать странникамъ, ослабѣвшимъ и старымъ. Казалось можно бы удержать хоть чистоту въ домѣ, но пришли нищіе мальчики и ихъ оставили ночевать, и они напустили вшей, которыхъ они только что съ трудомъ вычесали, придя отъ больного.

Нельзя остановиться, и гдѣ остановиться?

Только тѣ, которые не знаютъ того чувства сознанія братства людей, вслѣдствіе котораго эти люди пріѣхали въ деревню, или которые такъ привыкли лгать, что и не замѣчаютъ разницы лжи отъ истины, скажутъ, что есть предѣлъ, на которомъ можно и должно остановиться. Въ томъ то и дѣло, что предѣла этого нѣтъ, что то чувство, во имя котораго дѣлается это дѣло, таково, что предѣла ему нѣтъ,—что если есть ему предѣлъ, то это значитъ только то, что этого чувства совсѣмъ не было, а было одно лицемѣріе.

Продолжаю себѣ представлять этихъ людей. Они цѣлый день работали, вернулись домой, кровати у нихъ уже нѣтъ, подушки нѣтъ, они спятъ на соломѣ, которую достали, и вотъ, поѣвъ хлѣба, легли спать; осень, идетъ дождь со снѣгомъ. Къ нимъ стучаться. Могутъ ли не отпереть? Входитъ человѣкъ мокрый и въ жару. Что дѣлать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нѣтъ. И

вотъ приходится или прогнать больного, или положить его, мокраго, на полъ, или отдать свою солому, и самому, потому что надо гдѣ нибудь спать, лечь съ нимъ. Но и этого мало: приходитъ человѣкъ, котораго вы знаете за пьяницу и развратника, которому вы нѣсколько разъ помогали, и который всякій разъ пропивалъ то, что вы ему давали,— приходитъ теперь съ дрожащими челюстями и проситъ дать ему 3 рубля, которые онъ укралъ и пропилъ и, которые если онъ не отдастъ, его посадятъ въ тюрьму. Вы говорите, что у васъ только и есть 4 рубля, и они вамъ необходимы завтра для уплаты. Тогда пришедшій говоритъ: „Да это значитъ только разговоры, а когда дошло до дѣла, то вы такъ же, какъ и всѣ: пускай погибаетъ тотъ, кого мы на словахъ называемъ братомъ, только бы мы были цѣлы".

Какъ тутъ поступить? Что сдѣлать? Положить лихорадочнаго больного на сыромъ полу, а самому лечь на сухое,— еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь съ нимъ: заразишься и вшами, и тифомъ. Дать просящему послѣдніе три рубля,—значитъ остаться завтра безъ хлѣба. Не дать—значитъ, какъ онъ и говоритъ: отречься отъ того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здѣсь, то почему не остановиться было раньше? Почему было помогать людямъ? Зачѣмъ отдавать состояніе, уходить изъ города? Гдѣ предѣлъ? Если есть предѣлъ тому дѣлу, которое ты дѣлаешь, то все дѣло не имѣетъ смысла, или имѣетъ только одинъ ужасный смыслъ лицемѣрія.

Какъ же тутъ быть? Что дѣлать? Не остановиться— значитъ погубить свою жизнь, завшивѣть, зачахнуть, умереть, и—безъ пользы какъ будто. Остановиться значитъ отречься отъ всего того, во имя чего дѣлалось то, что дѣлалось, во имя чего дѣлалось что-либо доброе. И отречься нельзя, потому что вѣдь это не выдумано мною или Христомъ, что мы братья и должны служить другъ другу; вѣдь это такъ, и нельзя вырвать это сознаніе изъ сердца человѣка, когда оно вошло въ него. Какъ же быть? Нѣтъ ли еще какого выхода?

И вотъ представимъ себѣ, что люди эти не испугавшись того положенія, въ которое ихъ ставила ихъ необходимость жертвы, приводящей къ неизбѣжной смерти, рѣшили, что ихъ положеніе происходитъ того, что средства, съ которыми они пришли на помощь народу, слишкомъ малы, и что этого не было бы, и они принесли бы большую пользу, если бы у нихъ было много денегъ. И вотъ представимъ себѣ, что люди эти нашли источники помощи, собрали

большія, огромныя суммы денегъ, и стали помогать. И не прошло бы недѣли, какъ случилось бы то же самое. Очень скоро всѣ средства, какъ велики они ни были, разлились бы въ тѣ углубленія, которыя образовала бѣдность, и положеніе осталось бы то же.

Но можетъ быть есть еще третій выходъ? И есть люди, которые говорятъ, что онъ есть и состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать просвѣщенію людей, и тогда уничтожится это неравенство.

Но выходъ этотъ слишкомъ очевидно лицемѣрный: нельзя просвѣщать населеніе, которое всякую минуту находится на краю погибели отъ голода. А, главное, неискренность людей, проповѣдующихъ этотъ выходъ, видна уже по тому, что не можетъ человѣкъ, стремящійся къ установленію равенства, хотя бы черезъ науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью.

Но есть еще четвертый выходъ: тотъ, чтобы содѣйствовать уничтоженію тѣхъ причинъ, которыя производятъ неравенство,—содѣйствовать уничтоженію насилія, производящаго его.

И выходъ этотъ не можетъ не прійти въ голову тѣмъ искреннимъ людямъ, которые будутъ пытаться въ жизни своей осуществлять свое сознаніе братства людей.

„Если мы не можемъ жить здѣсь, среди этихъ людей, въ деревнѣ“,—должны будутъ сказать тѣ люди, которыхъ я представляю себѣ,—„если мы поставлены въ такое ужасное положеніе, что мы не избѣжно должны зачахнуть, завшивѣть и умереть медленной смертью, или отказаться отъ единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходитъ отъ того, что у однихъ скоплены богатства, у другихъ нищета; неравенство же это происходитъ отъ насилія; и потому, такъ какъ основа всего—насиліе, то надо бороться противъ него“. Только уничтоженіе этого насилія и вытекающаго изъ него рабства можетъ сдѣлать возможнымъ такое служеніе людямъ, при которомъ не было бы неизбѣжности жертвы своей жизнью.

Но какъ уничтожить это насиліе? Гдѣ оно? Оно въ солдатѣ, въ полицейскомъ, въ старостѣ, въ замкѣ, который запираетъ мою дверь. Какъ же мнѣ бороться съ ними? Гдѣ, въ чемъ?

И вотъ тутъ то есть люди, всѣ живущіе насиліемъ и борящіеся съ насиліемъ и насиліемъ же борящіеся съ нимъ.

Но для человѣка искренняго это невозможно. Насиліемъ бороться съ насиліемъ значитъ ставить новое насиліе на

мѣсто стараго. Помогать просвѣщеніемъ основанномъ на насиліи, значитъ дѣлать то же самое. Собрать деньги, пріобрѣтенныя насиліемъ, и употреблять ихъ на помощь людей, обдѣленныхъ насиліемъ, значитъ насиліемъ лѣчить раны, произведенныя насиліемъ.

Даже въ томъ случаѣ, который я представляю себѣ: не пустить больного къ себѣ и на свою постель, и не дать 3 рубля, потому что я силой могу удержать ихъ,—есть тоже насиліе. И потому борьба съ насиліемъ не исключаетъ необходимости въ нашемъ обществѣ человѣку, желающему жить по братски, отдать свою жизнь, завшивѣть и умереть; но при этомъ,—борясь съ насиліемъ: борясь проповѣдью ненасилія, обличеніемъ насилія и главное, примѣромъ ненасилія и жертвы. Какъ ни страшно и ни трудно положеніе человѣка, живущаго христіанской жизнью среди жизни насилія, ему нѣтъ другого выхода, какъ борьба и жертва,—жертва до конца.

Надо видѣть ту пучину, которая раздѣляетъ завшивѣвшихъ, заморенныхъ милліоновъ людей отъ перекормленныхъ, въ кружевахъ другихъ людей; и чтобы заполнить ее, нужны жертвы, а не то лицемѣріе, которымъ мы теперь стараемся скрыть отъ себя глубину этой пропасти. Человѣкъ можетъ не найти въ себѣ силы броситься въ эту пропасть, но миновать ее нельзя ни одному человѣку, ищущему жизни. Можно не итти въ нее; но такъ и знать и говорить; а не обманывать себя, не лицемѣрить.

Да и нѣтъ, совсѣмъ не такъ страшна эта пучина. И если страшна, то страшнѣе тѣ ужасы, которые предстоятъ намъ на пути мірской жизни.

Вѣдь умереть отъ вшей, заразы, нужды, помогая людямъ и отдавая послѣднее, меньше шансовъ, чѣмъ умереть на маневрахъ, на войнѣ.

Вѣдь эти вши и черный хлѣбъ и нужда кажутся такъ страшны. Вѣдь дно нужды не глубоко, и мы часто,—какъ тотъ мальчикъ, который съ ужасомъ провисѣлъ цѣлую ночь на рукахъ въ колодцѣ, въ который онъ упалъ, — боимся воображаемой глубины и воды: подъ мальчикомъ на полъ аршина ниже было сухое дно.

Но не надо надѣяться на это дно, надо итти на смерть. Только та любовь—любовь, для которой нѣтъ конца жертвамъ—до самой смерти.

СПБ. Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейный пр. 58.

Молитва.

...Знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія...

Мѳ. VI, 8.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Этого не можетъ быть... Докторъ! Да развѣ ничего нельзя? Да что же вы молчите всѣ?!...

Такъ говорила молодая мать, выходя большими, рѣшительными шагами изъ дѣтской, гдѣ умиралъ отъ водянки въ головѣ ея первый и единственный трехлѣтній мальчикъ.

Тихо разговаривавшіе между собою мужъ и докторъ замолчали. Мужъ робко подошелъ къ ней, ласково коснулся рукой ея растрепанной головы и тяжело вздохнулъ. Докторъ стоялъ, опустивъ голову, своимъ молчаніемъ и неподвижностью показывая безнадежность положенія!

— Что жъ дѣлать!—сказалъ мужъ.—Что же дѣлать, милая...

— Ахъ, не говори, не говори!—вскрикнула она какъ будто злобно, укоризненно и быстро повернувшись, пошла назадъ въ дѣтскую.

Мужъ хотѣлъ удержать ее.

— Катя! не ходи...

Она, не отвѣчая, взглянула на него большими усталыми глазами и вернулась въ дѣтскую.

Мальчикъ лежалъ на рукѣ няни съ подложенной подъ голову бѣлой подушкой. Глаза его были открыты, но онъ не глядѣлъ ими. Изъ сжатаго ротика пузырилась пѣна. Няня съ строгимъ, торжественнымъ лицомъ смотрѣла куда-то мимо его лица и не пошевелилась при входѣ матери. Когда мать вплоть подошла къ ней и подсунула руку подъ подушку, чтобы перенять ребенка отъ няни, няня тихо сказала: „Отходитъ!“ и отстранилась отъ матери. Но мать не послушалась ее и ловкимъ, привычнымъ движеніемъ взяла мальчика себѣ на руки. Длинные вьющіеся волосы мальчика запутались. Она оправила ихъ и взглянула въ его лицо.

— Нѣтъ, не могу,—прошептала она и быстрымъ, но

осторожнымъ движеніемъ отдала его нянѣ и вышла изъ комнаты.

Ребенокъ болѣлъ вторую недѣлю. Все время болѣзни мать по нѣскольку разъ въ день переходила отъ отчаянія къ надеждѣ. Во все это время она спала едва ли полтора часа въ сутки. Все это время она, не переставая, по нѣскольку разъ въ день уходила въ свою спальню, становилась передъ большимъ образомъ Спасителя въ золотой ризѣ и молилась Богу о томъ, чтобы Онъ спасъ ея мальчика. Черноликій Спаситель держалъ въ маленькой черной рукѣ золоченую книгу, на которой черныо было написано: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ". Стоя предъ этимъ образомъ, она молилась, всѣ силы своей души вкладывая въ свою молитву. И хотя въ глубинѣ души и во время молитвы она чувствовала, что не сдвинетъ горы и что Богъ сдѣлаетъ не по ея, а по-Своему, она все-таки молилась, читала извѣстныя молитвы и свои, которыя она сочиняла и говорила вслухъ съ особеннымъ напряженіемъ.

Теперь когда она поняла, что онъ умеръ, она почувствовала, что въ головѣ ея что-то сдѣлалось, какъ будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя въ свою спальню, съ удивленіемъ оглянулась на всѣ свои вещи, какъ будто не узнавая мѣста. Потомъ легла на кровать и упала головой не на подушку, а на сложенный халатъ мужа, и потеряла сознаніе.

И вотъ во снѣ она видитъ, что ея Костя, здоровый, веселый, сидитъ съ своими кудрявыми волосами и тонкой, бѣлой шейкой на креслицѣ, болтаетъ пухлыми въ икрахъ ножками и, выпятивъ губки, старательно усаживаетъ куклу-мальчика на картонную лошадку безъ одной ноги и съ проткнутой спиной.

„Какъ хорошо, что онъ живъ,—думаетъ она.—И какъ жестоко то, что онъ умеръ. Зачѣмъ? Развѣ могъ Богъ, Которому я такъ молилась, допустить, чтобы онъ умеръ? Зачѣмъ это Богу? Развѣ онъ мѣшалъ кому-нибудь? Развѣ Богъ не знаетъ, что въ немъ вся моя жизнь, что я не могу жить безъ него? И вдругъ взять и измучить это несчастное, милое, невинное существо и разбить мою жизнь, и на всѣ мои мольбы отвѣчать тѣмъ, чтобы у него остановились глаза, чтобы онъ вытянулся, захолодѣлъ, закостенѣлъ". И она опять видитъ. Вотъ онъ идетъ. Такой маленькій, въ такія высокія двери идетъ, размахивая ручонками, какъ большіе ходятъ. И глядитъ, и улыбается... „Милый! И

его-то Богъ хотѣлъ измучить и уморить! Зачѣмъ же молиться Ему, если Онъ можетъ дѣлать такіе ужасы?"

„И вдругъ Матреша дѣвочка, помошница няни, начинаетъ что-то говорить очень странное. Мать знаетъ, что это Матреша, а вмѣстѣ съ тѣмъ она и Матреша и ангелъ. „А если она ангелъ, то отчего у нея нѣтъ за спиной крыльевъ?" думаетъ мать. Впрочемъ, она вспоминаетъ, что кто-то, — она не помнитъ кто, но кто-то, заслуживающій довѣрія,—говорилъ ей, что ангелы бываютъ теперь и безъ крыльевъ. И ангелъ Матреша говоритъ: „Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь. Ему никакъ нельзя всѣхъ слушать. Они часто о такомъ просятъ, что одному сдѣлаешь, другого обидишь. Вотъ сейчасъ. По всей Россіи молятся, да какіе люди! Самые первые архіереи, монахи въ соборахъ, въ церквахъ надъ мощами, всѣ молятся, чтобы Богъ далъ побѣды надъ японцами. А вѣдь это развѣ хорошее дѣло? И молиться объ этомъ но годится, да и угодить-то Ему никому нельзя. Японцы тоже молятся, чтобы Имъ побѣдить. А вѣдь Онъ одинъ у насъ Батюшка. Какъ же Ему быть?"

„— Какъ же Ему быть, барыня?—говоритъ Матреша.

„Да, это такъ. Это старое. Это еще Вольтеръ говорилъ. Всѣ это знаютъ и всѣ говорятъ. Я не объ этомъ. А отчего же Онъ не можетъ исполнить просьбу, когда я прошу не о вредномъ о чемъ-нибудь, а только о томъ, чтобы не уморить моего милаго мальчика. Я вѣдь безъ него жить не могу",— говоритъ мать и чувствуетъ, какъ онъ обнимаетъ ее за шею своими пухлыми ручонками, и она своимъ тѣломъ чувствуетъ его тепленькое тѣльце. „Хорошо что это не случилось", думаетъ она.

„— Да вѣдь не одно это, барыня,—пристаетъ Матреша, такъ же безтолково, какъ всегда,—вѣдь не одно это. Бываетъ, что и одинъ проситъ, да никакъ невозможно сдѣлать Ему того, что онъ хочетъ. Намъ это вполнѣ извѣстно.—Я то вѣдь знаю, потому что я докладываю,—говоритъ Матреша-ангелъ точно такимъ голосомъ, какимъ она вчера, когда барыня посылала ее къ барину, говорила нянѣ: „Я-то знаю, что баринъ дома, потому что я докладывала".

„— Сколько разъ приходилось докладывать,—говоритъ Матреша, что вотъ хорошій человѣкъ—изъ молодыхъ все больше—проситъ помочь ему, чтобы онъ дурныхъ дѣлъ не дѣлалъ, не пьянствовалъ, не распутничалъ, проситъ, чтобы изъ него, какъ занозу, вынули порокъ.

„Какъ однако хорошо говоритъ Матреша“, думаетъ барыня.

„— А Ему никакъ нельзя этого, потому каждому надо самому стараться. Только отъ старанія и польза бываетъ. Вы сами, барыня, давали мнѣ читать сказку о черной курицѣ. Тамъ разсказано, какъ мальчику черная курица дала за то, что онъ спасъ ее отъ смерти, волшебное конопляное зернышко, такое, что пока оно у него въ штанахъ въ карманѣ лежало, онъ не уча всѣ уроки зналъ, и какъ онъ отъ этого самаго зернышка совсѣмъ пересталъ учиться и память потерялъ. Нельзя Ему, Батюшкѣ, изъ людей вынимать зло. И имъ не просить объ этомъ надо, а самимъ вырывать, вымывать, вывертывать его изъ себя.

„Откуда она эти слова знаетъ“, думаетъ барыня и говоритъ:

„— Ты все-таки Матреша не отвѣчаешь мнѣ на вопросъ.

„— Дайте срокъ, все скажу,—говоритъ Матреша.—А то и такъ бываетъ: докладываю, что разорилась семья, но по своей винѣ, всѣ плачутъ, вмѣсто хорошихъ комнатъ живутъ въ углѣ, даже чаю нѣтъ, просятъ хоть какъ-нибудь помочь имъ. И тоже никакъ нельзя Ему сдѣлать по-ихнему, потому Онъ знаетъ, что это имъ же на пользу. Они не видятъ, а Онъ, Батюшка, знаетъ, что если бы они въ достаткѣ жили, они бы вдрызгъ избаловались.

„Это правда, думаетъ барыня. Но зачѣмъ же она такъ вульгарно выражается о Богѣ? „Вдрызгъ“... это совсѣмъ не хорошо. Непремѣнно скажу ей при случаѣ“.

„— Но я не про то спрашиваю, — повторяетъ опять мать.—Я спрашиваю: зачѣмъ за что хотѣлъ это твой Богъ взять у меня моего мальчика?—И мать видитъ передъ собой своего Костю живого и слушаетъ его, какъ колокольчикъ звонкій, дѣтскій, его особенный, милый смѣхъ.—Зачѣмъ они взяли его у меня? Если Богъ могъ это сдѣлать, то Онъ злой, дурной Богъ и совсѣмъ не надо Его и не хочу знать Его.

„И что же это такое: Матреша уже совсѣмъ не Матреша, а какое-то совсѣмъ другое, новое, странное неясное существо, и говоритъ это существо не устами вслухъ, а какимъ-то особеннымъ способомъ, прямо въ сердцѣ матери.

„— Жалкое ты, слѣпое и дерзкое, зазнавшееся созданіе‘—говоритъ это существо.—Ты видишь своего Костю, какимъ онъ былъ недѣлю тому назадъ съ своими крѣпенькими, упругими членами и длинными вьющимися волосами

и съ наивной, ласковой и осмысленной рѣчью. Но развѣ онъ всегда былъ такой? Было время, когда ты радовалась, что онъ выговариваетъ „мама“ и „баба“ и понимаетъ кто—кто; а еще прежде ты восхищалась тѣмъ, что онъ стоялъ дыбочки и, качаясь, перебѣгаетъ мягко ножками къ стулу, а еще прежде вы всѣ восхищались тѣмъ, что онъ, какъ звѣрекъ, ползаетъ по залѣ, а еще прежде радовались, что онъ узнаетъ, что держитъ безволосую головку съ дышащимъ темячкомъ, а еще прежде восхищались тѣмъ, что беретъ сосокъ и нажимаетъ его своими беззубыми деснами. А еще прежде радовались, что онъ весь красный и еще не отдѣленный отъ тебя, жалостно кричитъ, обновляя свои легкія. А еще прежде, за годъ, гдѣ былъ онъ, когда его совсѣмъ не было? Вы всѣ думаете, что вы стоите и что вамъ и тѣмъ, кого вы любите, слѣдуетъ всегда быть такими, какими они сейчасъ. Но вѣдь вы не стоите ни минуты, всѣ вы течете какъ рѣка, всѣ летите какъ камень книзу, къ смерти, которая, рано или поздно, ждетъ всѣхъ васъ. Какъ же ты не понимаешь, что если онъ изъ ничего сталъ тѣмъ, что онъ былъ, то онъ не остановился бы и ни минуты не оставался бы такимъ, какимъ былъ когда умеръ; а какъ изъ ничего сдѣлался сосункомъ, изъ сосунка сдѣлался ребенкомъ, такъ изъ ребенка сдѣлался бы мальчикомъ школьникомъ, юношей, молодымъ человѣкомъ, взрослымъ, старѣющимъ, старымъ. Ты вѣдь не знаешь, чѣмъ онъ былъ бы, если бы остался живъ. А я знаю,

„И вотъ мать видитъ въ отдѣльномъ, ярко освѣщенномъ электричествомъ, кабинетѣ ресторана (одинъ разъ мужъ возилъ ее въ ресторанъ), передъ столомъ съ остатками ужина видитъ одутловатаго, морщинистаго, съ подведенными кверху усами, противнаго, молодящагося старика. Онъ сидитъ, глубоко затонувъ въ мягкомъ диванѣ, и пьяными глазами жадно оглядываетъ развращенную, подкрашенную, съ оголенной бѣлой, толстой шеей женщину и пьянымъ языкомъ выкрикиваетъ, повторяя нѣсколько разъ неприличную шутку, очевидно довольный одобрительнымъ хохотомъ такой же другой, какъ онъ, пары.

„— Неправда, это не онъ, это не мой Костя! — вскрикиваетъ мать съ ужасомъ, глядя на гадкаго старика, который тѣмъ и ужасенъ, что что-то есть въ его взглядѣ, въ его губахъ, напоминающее особенное Костино. Хорошо, что это сонъ, думаетъ она. Костя настоящій вотъ онъ. И она

видитъ бѣленькаго, голенькаго, съ пухлыми грудками Костю. Какъ онъ сидитъ въ ваннѣ и, хохоча, болтаетъ ножепками, не только видитъ, но чувствуетъ, какъ вдругъ онъ охватываетъ ея обнаженную по локоть руку и цѣлуетъ, цѣлуетъ и подъ конецъ кусаетъ ее, не зная, что бы ему еще сдѣлать съ этой милой ему рукой.

„Да, вотъ это Костя, а не тотъ ужасный старикъ", — говоритъ она себѣ. И на этихъ словахъ просыпается и съ ужасомъ признаетъ дѣйствительность, отъ которой уже некуда проснуться.

Она идетъ въ дѣтскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. Съ восковымъ и утончившимся носикомъ, съ ямочками у ноздрей и приглаженными отъ лба волосиками, онъ лежитъ на какомъ-то возвышеніи. Вокругъ горятъ свѣчи и стоятъ на столикѣ въ головахъ бѣлые, лиловые и розовые гіацинты. Няня поднимается со стула и, поднявъ брови и вытянувъ губы, смотритъ на поднятое кверху каменно-неподвижное личико. Изъ другой двери навстрѣчу матери входитъ Матреша съ своимъ простымъ, добродушнымъ лицомъ и заплаканными глазами.

„Какъ же она мнѣ говорила, что нельзя огорчаться, а сама плакала",—думаетъ мать. И она переводитъ свой взглядъ на покойника. Въ первую минуту ее поражаетъ и отталкиваетъ ужасное сходство мертваго личика съ тѣмъ лицомъ старика, котораго она видѣла во снѣ, но она отгоняетъ эту мысль и, перекрестившись, притрогивается теплыми губами къ холодному, восковому лобику, потомъ цѣлуетъ сложенныя остывшія маленькія ручки и вдругъ запахъ гіацинтовъ какъ будто что-то новое говоритъ ей о томъ, что его нѣтъ и никогда больше не будетъ, и ее душатъ рыданія, и она еще разъ цѣлуетъ его въ лобъ и въ первый разъ она плачетъ. Она плачетъ, но плачетъ не безнадежными, но покорными, умиленными слезами. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знаетъ, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо

— Грѣхъ, матушка, плакать, — говоритъ няня и, подойдя къ маленькому покойнику, вытираетъ сложеннымъ платочкомъ слезы матери, оставшіеся на восковомъ лбу Кости.—Отъ слезъ его душенькѣ тяжело будетъ. Ему хорошо теперь. Ангельчикъ безгрѣшный. А живъ бы былъ, кто знаетъ, что бы было.

— Такъ, такъ, а все-таки больно, больно! — говоритъ мать.

Левъ Толстой.

Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ.

Жилъ Емельянъ у хозяина въ работникахъ. Идетъ разъ Емельянъ по лугу на работу, глядь, прыгаетъ передъ нимъ лягушка; чуть-чуть не наступилъ на нее. Перешегнулъ черезъ нее Емельянъ. Вдругъ слышитъ, кличитъ его кто-то сзади. Оглянулся Емельянъ, видитъ—стоитъ красавица дѣвица и говоритъ ему:

— Что ты, Емельянъ, не женишься?

— Какъ мнѣ, дѣвица милая, жениться? Я весь тутъ, нѣтъ у меня ничего, никто за меня не пойдетъ.

И говоритъ ему дѣвица:

— Возьми меня замужъ!

Полюбилась Емельяну дѣвица.

— Я,—говоритъ,—съ радостью, да гдѣ мы жить будемъ?

— Есть,—говоритъ дѣвица,—о чемъ думать! Только бы побольше работы, да спать поменьше,—а то вездѣ и одѣты, и сыты будемъ.

— Ну, что жъ,—говоритъ,—ладно. Женимся.

— Куда жъ пойдемъ?

— Пойдемъ въ городъ.

Пошелъ Емельянъ съ дѣвицей въ городъ. Свела его дѣвица въ домишко небольшой, на краю. Женились и стали жить.

Ѣхалъ разъ царь за городъ. Проѣзжаетъ мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотрѣть царя. Увидалъ ее царь, удивился: „гдѣ такая красавица родилась?“ Остановилъ царь коляску, подозвалъ жену Емельяна, сталъ ее спрашивать:

— Кто говоритъ,—ты?

— Мужика Емельяна жена,—говоритъ.

— Зачѣмъ ты,—говоритъ,—такая красавица, за мужика пошла? Тебѣ бы надо царицей быть.

— Благодарю,—говоритъ,—на ласковомъ словѣ. Мнѣ и за мужикомъ хорошо.

Поговорилъ съ ней царь и поѣхалъ дальше. Вернулся во дворецъ. Не идетъ у него изъ головы Емельянова жена. Всю ночь не спалъ, все думалъ онъ, какъ бы ему у Емельяна жену отнять. Не могъ придумать, какъ сдѣлать. Позвалъ своихъ слугъ, велѣлъ имъ придумать. И сказали слуги царскіе царю:

— Возьми ты,—говорятъ,—Емельяна къ себѣ во дворецъ въ работники. Мы его работой замучаемъ, жена вдовой остапется, тогда ее взять можно будетъ.

Сдѣлалъ такъ царь, послалъ за Емельяномъ, чтобы шелъ къ нему въ царскій дворецъ, въ дворники, и у него во дворцѣ съ женой жилъ.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говоритъ мужу:

— Что жъ,—говоритъ,—иди. День работай, а ночью ко мнѣ приходи.

Пошелъ Емельянъ. Приходилъ во дворецъ, царскій приказчикъ и спрашиваетъ его:

— Что жъ ты одинъ пришелъ безъ жены?

— Что жъ мнѣ,—говоритъ,—ее водить у нея домъ есть.

Задали Емельяну на царскомъ дворѣ работу такую, что двоимъ впору. Взялся Емельянъ за работу и не чаялъ кончить. Глядь, раньше вечера все кончилъ. Увидалъ приказчикъ, что кончилъ, задалъ ему на завтра вчетверо.

Пришелъ Емельянъ домой. А дома у него все выметено, прибрано, печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидитъ за столомъ, шьетъ, мужа ждетъ. Встрѣтила жена мужа: собрала ужинать, накормила, напоила; стала его про работу спрашивать.

— Да что,—говоритъ,—плохо: не по силамъ уроки задаютъ, замучаютъ они меня работой.

— А ты,—говоритъ,—не думай объ работѣ и назадъ не оглядывайся и впередъ не гляди, много ли сдѣлалъ и много ли осталось. Только работай. Все во время поспѣетъ.

Легъ спать Емельянъ. На утро опять пошелъ. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь, къ вечеру все готово, засвѣтло пришелъ домой ночевать.

Стали еще и еще набавлять работу Емельяну, и все къ сроку кончаетъ Емельянъ, ходитъ домой ночевать. Прошла недѣля. Видятъ слуги царскіе, что не могутъ они черной работой донять мужика; стали ему хитрыя работы задавать. И тѣмъ не могутъ донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу—что ни зададутъ,—все дѣлаетъ къ сроку Емельянъ, къ женѣ ночевать идетъ. Прошла другая недѣля. Позвалъ царь своихъ слугъ и говоритъ:

— Или я васъ задаромъ хлѣбомъ кормлю? Двѣ недѣли прошло, а все ничего я отъ васъ не вижу. Хотѣли вы Емельяна работой замучить, а я изъ окна вижу, какъ онъ каждый день идетъ домой, пѣсни поетъ. Или вы надо мной смѣяться вздумали?

Стали царскіе слуги оправдываться.

— Мы,—говорятъ, всѣми силами старались его сперва черной работой замучить, да ничѣмъ не возьмешь его. Всякое дѣло какъ метлою мететъ, и устали въ немъ нѣтъ. Стали мы ему хитрыя работы задавать, думали: у него ума не достанетъ; тоже не можемъ донять. Откуда что берется! До всего доходитъ, все дѣлаетъ. Не иначе, какъ-либо въ немъ самомъ, либо въ женѣ его—колдовство. Онъ намъ и самимъ надоѣлъ. Хотимъ мы теперь ему такое дѣло задать, чтобы нельзя было ему сдѣлать. Придумали мы ему велѣть въ одинъ день соборъ построить. Призови ты Емельяна и вели ему въ одинъ день противъ дворца соборъ построить. А не построитъ онъ, тогда можно ему за ослушаніе голову отрубить.

Послалъ царь за Емельяномъ.

— Ну,—говоритъ,—вотъ тебѣ мой приказъ: построй ты мнѣ новый соборъ на площади противъ дворца; чтобы къ завтраму къ вечеру готово было. Построишь,—я тебя награжу, а не построишь—казню.

Отслушалъ Емельянъ рѣчи царскія, повернулся, пошелъ домой. „Ну, думаетъ, пришелъ мой конецъ теперь". Пришелъ домой къ женѣ и говоритъ:

— Ну,—говоритъ,—собирайся, жена: бѣжать надо, куда попало, а то ни за что пропадемъ.

— Что жъ,—говоритъ,—такъ заробѣлъ, что бѣжать хочешь?

— Какъ же,—говоритъ,—не заробѣть? Велѣлъ мнѣ царь завтра въ одинъ день соборъ построить. А какъ не построю, грозится голову отрубить. Одно остается—бѣжать, пока время.

Не приняла жена этихъ рѣчей.

— У царя—говоритъ,—солдатъ много, повсюду поймаютъ. Отъ него не уйдешь. А пока сила есть, слушаться надо.

— Да какъ же слушаться, коли не по силамъ?

— И... батюшка! Не тужи, поужинай, да ложись, на утро вставай пораньше, все успѣешь.

Легъ спать Емельянъ. На утро разбудила его жена.

— Ступай,—говоритъ,—скорѣй достраивай соборъ: вотъ тебѣ гвозди и молотокъ; тамъ тебѣ на день работы осталось.

Пошелъ Емельянъ въ городъ, приходитъ,—точно, новый соборъ посередь площади стоитъ. Немного не копченъ. Сталъ додѣлывать Емельянъ, гдѣ надо; къ вечеру все исправилъ.

Проснулся царь, посмотрѣлъ изъ дворца, видитъ—соборъ стоитъ. Емельянъ похаживаетъ, кое-гдѣ гвозди приколачиваетъ. И не радъ царь собору, досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жены отнять.

Опять призываетъ царь своихъ слугъ.

— Исполнилъ,—говоритъ,—и эту задачу Емельянъ, не за что его казнить. Мала ему и эта задача. Надо что похитрѣй выдумать. Придумайте, а то я васъ прежде его расказню.

И придумали ему слуги, чтобы заказалъ онъ Емельяну рѣку сдѣлать, чтобы текла рѣка вокругъ дворца, а по ней бы корабли плавали. Призвалъ царь Емельяна, приказалъ ему новое дѣло.

— Если ты,—говоритъ,—въ одну ночь могъ соборъ построить, такъ можешь ты и это дѣло сдѣлать. Чтобы завтра было все по моему приказу готово. А не будетъ готово, голову отрублю.

Опечалился еще пуще Емельянъ, пришелъ къ женѣ сумрачный.

— Что,—говоритъ жена,—опечалился, или еще новое что царь заказалъ?

Разсказалъ ей Емельянъ.

— Надо,—говоритъ,—бѣжать.

А жена говоритъ:

— Не убѣжишь отъ солдатъ, вездѣ поймаютъ. Надо слушаться.

— Да какъ слушаться-то?

— И... батюшка,—говоритъ,—ни о чемъ не тужи. Поужинай, да спать ложись. А вставай пораньше, все будетъ къ порѣ.

Легъ Емельянъ спать. Поутру разбудила его жена.

— Иди,—говоритъ,—ко дворцу, все готово. Только у пристани, противъ дворца, бугорокъ остался; возьми заступъ, сравняй.

Пошелъ Емельянъ; приходитъ въ городъ; вокругъ дворца рѣка, корабли плаваютъ. Подошелъ Емельянъ къ пристани противъ дворца, видитъ—неровное мѣсто, сталъ ровнять.

Проснулся царь, видитъ—рѣка, гдѣ не было; по рѣкѣ корабли плаваютъ, и Емельянъ бугорокъ заступомъ ровняетъ. Ужаснулся царь; и не радъ онъ и рѣкѣ, и кораблямъ, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думаетъ себѣ: нѣтъ такой задачи, чтобы онъ не сдѣлалъ. Какъ теперь быть?

Призвалъ царь слугъ своихъ, сталъ съ ними думать.

— Придумайте,—говоритъ,—мнѣ такую задачу, чтобы не подъ силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумывали, все сдѣлалъ, и нельзя мнѣ у него жены отобрать.

— Думали, думали, придворные и придумали. Пришли къ царю и говорятъ:

— Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда,—не знай куда, и принеси того,—не знай чего. Тутъ ужъ ему нельзя будетъ отвертѣться. Куда бы онъ ни пошелъ, ты скажи, что онъ не туда пошелъ, куда надо: и чего бы онъ ни принесъ, ты скажи, что не то принесъ чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался царь.

— Это,—говоритъ,—вы умно придумали.

Послалъ царь за Емельяномъ и сказалъ ему:

— Поди туда,—не знай куда, принеси того,—не знай чего. А не принесешь, отрублю тебѣ голову.

Пришелъ Емельянъ къ женѣ и говоритъ, что царь сказалъ. Задумалась жена.

— Ну,—говоритъ,—на его голову научили царя. Теперь умно дѣлать надо. Посидѣла, подумала жена и стала говорить мужу:

— Итти тебѣ надо далеко, къ нашей бабушкѣ старинной, мужицкой, солдатской матери, надо ея милости просить. А получишь отъ нея штуку, иди прямо во дворецъ, и я тамъ буду. Теперь ужъ мнѣ ихъ рукъ не миновать. Они меня силой возьмутъ, да только не надолго. Если все сдѣлаешь, какъ бабушка велитъ, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретенце.

— Вотъ это,—говоритъ,—ей отдай. Поэтому она узнаетъ, что ты мой мужъ.

Показала жена ему дорогу. Пошелъ Емельянъ, вышелъ за городъ, видитъ—солдаты учатся. Постоялъ, посмотрѣлъ Емельянъ. Поучились солдаты, сѣли отдохнуть. Подошелъ къ нимъ Емельянъ и спрашиваетъ:

— Не знаете ли, братцы, гдѣ мнѣ итти туда,—не знай куда, и какъ принести того,—не знай чего?

Услыхали это солдаты и удивились.

— Кто,—говорятъ,—тебя послалъ искать?

— Царь,—говоритъ.

— Мы сами,—говорятъ,—вотъ съ самаго солдатства ходимъ туда,—не знай куда, да не можемъ дойти, и ищемъ того,—не знай чего, да не можемъ найти. Не можемъ тебѣ пособить.

Посидѣлъ Емельянъ съ солдатами, пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Въ лѣсу избушка. Въ избушкѣ старая старуха сидитъ, мужицкая, солдатская мать, кудельку прядетъ, сама плачетъ и пальцы не во рту слюнями, а въ глазахъ слезами мочитъ. Увидала старуха Емельяна, закричала на него:

— Чего пришелъ?

Подалъ ей Емельянъ веретенце и сказалъ, что его жена прислала. Сейчасъ помягчала старуха, стала спрашивать. И сталъ Емельянъ сказывать ей всю свою жизнь какъ онъ на дѣвицѣ женился, какъ перешелъ въ городъ жить, какъ его къ царю въ дворники взяли, какъ онъ во дворцѣ служилъ, какъ соборъ построилъ и рѣку съ кораблями сдѣлалъ и какъ ему теперь царь велѣлъ итти туда,—не знай куда, и принести того,—не знай чего.

Отслушала старуха и перестала плакать. Стала сама съ собою бормотать:

— Дошло, видно, время. Ну, ладно,—говоритъ,—садись, сынокъ, поѣшь.

Поѣлъ Емельянъ, и стала старуха ему говорить:

— Вотъ,—говоритъ,—тебѣ клубокъ. Покати ты его передъ собой и иди за нимъ, куда онъ катиться будетъ. Итти тебѣ будетъ далеко, до самаго моря. Придешь къ морю, увидишь городъ большой. Войди въ городъ, просись въ крайній дворъ ночевать. Тутъ ищи того, что тебѣ нужно.

— Какъ же, бабушка, я его узнаю.

— А когда увидишь то, чего лучше отца и матери слушаютъ, оно то и есть. Схвати и неси къ царю. Принесешь къ царю, онъ тебѣ скажетъ, что не то ты принесъ, что надо. А ты тогда скажи: „Коли не то, такъ разбить его надо, да ударь по штукѣ по этой, а потомъ снеси ее къ рѣкѣ, разбей и брось въ воду. Тогда и жену вернешь, и мои слезы осушишь.

Простился съ бабушкой Емельянъ, пошелъ, покатилъ кубокъ. Катилъ-катилъ, привелъ его клубокъ къ морю. У моря городъ большой. Съ краю высокій домъ. Попросился Емельянъ въ домъ ночевать. Пустили. Легъ спать. Утромъ рано проснулся,—слышитъ—отецъ поднялся, будитъ сына, посылаетъ дрова нарубить. И не слушается сынъ:

— Рано,—говоритъ,—еще, успѣю.

Слышитъ,—мать съ печки говоритъ:

— Иди, сынокъ, у отца кости болятъ. Развѣ ему самому итти?.. Пора.

Только почмокалъ губами сынъ и опять заснулъ. Только

заснулъ, вдругъ загремѣло, затрещало что-то на улицѣ. Вскочилъ сынъ, одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Вскочилъ и Емельянъ, побѣжалъ за нимъ смотрѣть, что такое это гремитъ и чего сынъ лучше отца, матери послушался.

Выбѣжалъ Емельянъ, видитъ—ходитъ по улицѣ человѣкъ, носитъ на пузѣ штуку круглую, бьетъ по ней палками. Она-то и гремитъ; ее-то сынъ и послушался. Подбѣжалъ Емельянъ, сталъ смотрѣть штуку. Видитъ: круглая, какъ кадушка, съ обоихъ боковъ кожей затянута. Сталъ онъ спрашивать:

— Какъ эта штука зовется?

— Барабанъ,—говорятъ.

— А что же онъ,—пустой?

— Пустой,—говорятъ.

Подивился Емельянъ и сталъ просить себѣ эту штуку. Не дали ему. Пересталъ Емельянъ просить, сталъ ходить за барабанщикомъ. Цѣлый день ходилъ и, когда легъ спать барабанщикъ, схватилъ у него Емельянъ барабанъ и убѣжалъ съ нимъ. Бѣжалъ-бѣжалъ, бѣжалъ-бѣжалъ, пришелъ домой въ свой городъ. Думалъ жену повидать, а ея ужъ нѣтъ. На другой день ее къ царю увели.

Пошелъ Емельянъ во дворецъ, велѣлъ о себѣ доложить: пришелъ, молъ, тотъ, кто ходилъ туда,—не знай куда, принесъ того,—не знай чего. Царю доложили. Велѣлъ царь Емельяну завтра прійти. Сталъ просить Емельянъ, чтобы опять доложили.

— Я,—говоритъ,—нынче пришелъ, принесъ, что велѣно, пусть ко мнѣ царь выйдетъ, а то я самъ войду.

Вышелъ царь.

— Гдѣ,—говоритъ,—ты былъ?

Емельянъ сказалъ.

— Не тамъ,—говоритъ.—А что принесъ?

Хотѣлъ показать Емельянъ, да не сталъ смотрѣть царь.

— Не то,—говоритъ.

— А не то,—говоритъ,—такъ разбить ее надо, и чортъ съ ней.

Вышелъ Емельянъ изъ дворца съ барабаномъ и ударилъ по немъ. Какъ ударилъ, собралось все войско царское къ Емельяну. Емельяну честь отдаютъ, отъ него приказа ждутъ. Сталъ на свое войско изъ окна царь кричать, чтобъ они не шли за Емельяномъ. Не слушаютъ царя, всѣ за Емельяномъ идутъ. Увидалъ это царь, велѣлъ къ Емельяну жену вывести и сталъ просить, чтобы онъ ему отдалъ барабанъ.

— Не могу,—говоритъ Емельянъ.—Мнѣ,—говоритъ,—его разбить велѣно и оскребки въ рѣку бросить.

Подошелъ Емельянъ съ барабаномъ къ рѣкѣ, и солдаты за нимъ пришли. Пробилъ Емельянъ у рѣки барабанъ, разломалъ въ щепки, бросилъ его въ рѣку и разбѣжались всѣ солдаты. А Емельянъ взялъ жену и повелъ къ себѣ въ домъ.

И съ тѣхъ поръ царь пересталъ его тревожить. И сталъ онъ жить-поживать, доброе—наживать, а худое—проживать.

ЗАКОНЪ.

Жизнь человѣческая начинается только съ проявленія разумнаго сознанія,—того самаго, которое открываетъ человѣку одновременно и свою жизнь, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, и жизнь другихъ личностей, и все неизбѣжно вытекающее изъ отношеній этихъ личностей, страданія и смерть,—то самое, что производитъ въ немъ отрицаніе блага жизни личной и противорѣчіе, которое, ему кажется, останавливаетъ его жизнь...

Человѣкъ, въ которомъ проснулось разумное сознаніе, но который вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ свою жизнь только какъ личную, находится въ томъ же мучительномъ состояніи, въ которомъ находилось бы животное, которое, признавъ своею жизнью движеніе вещества, не признавало бы своего закона личности, а только видѣло бы свою жизнь въ подчиненіи себя законамъ вещества, которые совершаются и безъ его усилія. Такое животное испытывало бы мучительное внутреннее противорѣчіе и раздвоеніе. Подчиняя себя однимъ законамъ вещества, оно видѣло бы свою жизнь въ томъ, чтобы лежать и дышать, но личность требовала бы отъ него другого: кормленія себя, продолженія рода, и тогда животному казалось бы что оно испытываетъ раздвоеніе и противорѣчіе. Жизнь, думало бы оно, въ томъ, чтобы подчиняться законамъ тяжести, т. е. не двигаться, лежать и подчиняться происходящимъ въ тѣлѣ химическимъ процессамъ, и вотъ я дѣлаю это, а еще надо двигаться, питаться размножаться.

Животное страдало бы и видѣло бы въ этомъ состояніи мучительное противорѣчіе и раздвоеніе. То же происходитъ и съ человѣкомъ, наученнымъ признавать низшій законъ своей жизни—животную личность—закономъ своей жизни. Высшій законъ жизни, законъ его разумнаго сознанія, тре-

буетъ отъ него другого; вся же окружающая жизнь и ложныя ученія удерживаютъ его въ обманчивомъ сознаніи, и онъ чувствуетъ противорѣчіе и раздвоеніе.

Для животнаго дѣятельность, имѣющая своей цѣлью не благо личности, а прямо противоположное этому благу, есть отрицаніе жизни, но для человѣка это какъ разъ наоборотъ. Дѣятельность человѣка, направленная на достиженіе только блага личности, есть полное отрицаніе жизни человѣческой.

Жизнь человѣческая представляется неразрывно связанной съ двумя видами существованія, которые она включаетъ въ себя: существованіе животныхъ и растеній (организмовъ) и существованіе вещества.

Жизнь свою истинную человѣкъ дѣлаетъ самъ, самъ проживаетъ ее; но въ тѣхъ двухъ видахъ существованія, связанныхъ съ его жизнью, человѣкъ не можетъ принимать участія. Тѣло и вещество, его составляющее, существуютъ сами собой.

Эти виды существованія представляются человѣку какъ бы предшествовавшими, прожитыми жизнями, включенными въ его жизнь,—какъ бы воспоминаніями о прежнихъ жизняхъ.

Въ истинной жизни человѣка эти два вида существованія представляютъ для него орудіе и матеріалъ его работы, но не самую работу его.

Животная личность есть не преграда, а средство, которымъ человѣкъ достигаетъ цѣли своего блага, животная личность для человѣка есть то орудіе, которымъ онъ работаетъ. Животная личность для человѣка—это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать, и, копая, тупить и точить, тратить а не хранить. Это талантъ, данный ему для прироста, а не для храненія. И кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее. И кто потеряетъ жизнь свою ради Меня, тотъ обрететъ ее.

Человѣку полезно изучать и матеріалъ и орудіе своей работы. Чѣмъ лучше онъ познаетъ ихъ, тѣмъ лучше онъ будетъ въ состояніи работать; но не можетъ и не долженъ человѣкъ смѣшивать матеріалъ и орудіе своей работы съ самой своей работой.

Жизнь человѣческую мы не можемъ понимать иначе, какъ подчиненіе животной личности закону разума.

Жизнь эта обнаруживается во времени и пространствѣ, но опредѣляется не временными и пространственными условіями, а только степенью подчиненія животной личности разуму.

Опредѣлять жизнь временными и пространственными условіями—это все равно, что опредѣлять высоту предмета его длиной и шириной.

Движеніе въ высоту предмета, движущагося вмѣстѣ съ тѣмъ и въ плоскости, будетъ точнымъ подобіемъ отношенія истинной жизни человѣческой къ жизни животной личности, или жизни истинной къ жизни временной и пространственной. Движеніе предмета кверху не зависитъ и не можетъ не увеличиваться, ни уменьшаться отъ его движенія въ плоскости.

Есть это движеніе въ высоту, это большее и большее подчиненіе разуму,—и между двумя силами, пространственной и временной, и одной, устанавливается отношеніе и совершается большее или меньшее движеніе по равнодѣйствующей, поднимающей существованіе человѣка въ область жизни.

Человѣкъ начинаетъ жить истинной жизнью, т. е. поднимается на нѣкоторую высоту надъ жизнью животной, и съ этой высоты видитъ призрачность своего животнаго существованія, неизбѣжно кончающагося смертью, видитъ, что существованіе его въ плоскости обрывается со всѣхъ сторонъ пропастями и, не признавая, что этотъ подъемъ въ высоту и есть сама жизнь, ужасается передъ тѣмъ, что онъ увидалъ съ высоты. Вмѣсто того, чтобы, признавъ своей жизнью силу, подпимающую его на высоту, идти по открывшемуся ему направленію, онъ ужасается передъ тѣмъ, что окрылось ему съ высоты, и нарочно спускается внизъ, ложится какъ можно ниже, чтобы не видать обрывовъ, открывающихся ему. Но сила разумнаго сознанія опять поднимаетъ его, опять онъ видитъ, опять ужасается и, чтобъ не видѣть, опять припадаетъ къ землѣ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ наконецъ, что для того, чтобы спастись отъ ужаса передъ увлекающимъ его движеніемъ погибельной жизни, ему надо понять, что его движеніе въ плоскости—его пространственное и временное существованіе—не есть его жизнь, а что жизнь его только въ движеніи въ высоту, что только въ подчиненіи его личности закону разума и заключается возможность жизни и блага. Ему надо понять, что у него есть крылья, подпимающія его надъ бездной, что, если бы не было этихъ крыльевъ, онъ никогда не поднимался бы въ высоту и не видалъ бы бездны. Ему надо повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда они влекутъ его.

СПБ. Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейный пр. 58.

МОЯ ЖИЗНЬ.

АВТОБІОГРАФІЯ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Я увѣренъ, что эта статья принесетъ больше пользы чѣмъ всѣ первыя 12 томовъ моихъ сочиненій.

Л. Н. Толстой.

„...Я много думалъ объ этомъ (автобіографіи) и вижу теперь, какъ тяжка необходимость избѣгнуть и Харибды,— прославленія себя и умолчанія обо всемъ дурномъ въ своей жизни —и Сциллы— цинической откровенности о всѣхъ своихъ невоздержностяхъ. Опиши я всю свою мерзость, глупость, развратъ искренно—вышла бы книга или брошюра, которая совратила бы многихъ. Люди скажутъ: „вотъ, какъ высоко ставили человѣка, и какой оказался негодяй; а намъ простымъ смертнымъ, и Богъ велѣлъ негодяйствовать... Право, когда я сталъ вспоминать всю свою жизнь и увидѣлъ всю ея глупость (именно такъ: глупость) и мерзость, я подумалъ: каковы-же другіе, если я, которымъ многіе тщеславятся, такъ мерзокъ, такъ глупъ? Можно бы, пожалуй, объяснить это тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Говорю все это вовсе не ради красоты стиля, а совершенно искренно. Я пережилъ все это“...

„...По поводу своей біографіи скажу вамъ, что мнѣ очень хотѣлось бы вамъ помочь и написать, по крайней мѣрѣ, главное. Я рѣшился написать, потому что понялъ, что было бы интересно и, можетъ быть, полезно показать людямъ всю мерзость своей жизни до моего духовнаго пробужденія и, безъ ложной скромности, всю ея благость (по крайней мѣрѣ, благость стремленій, которыя, по слабости моей, не всегда переходили въ дѣло) послѣ моего пробужденія. Въ этомъ смыслѣ мнѣ и хотѣлось написать. Условленное нами дѣленіе на періоды мнѣ очень помогаетъ и будитъ мои воспоминанія. Я положилъ себѣ приняться за это, какъ только кончу начатую раньше работу“...

I.

Мой другъ, П. Бирюковъ, задумавъ написать мою біографію для французскаго изданія всѣхъ моихъ сочиненій, и попросилъ меня сообщить нѣкоторыя біографическія подробности и разъясненія.

Чрезвычайно желая исполнить его просьбу, я принялся мысленно составлять свою біографію. Сначала совершенно для меня незамѣтно и самымъ естественнымъ путемъ мнѣ вспомнилось только хорошее, что было въ моей жизни. И къ этому хорошему прилегали, словно тѣни на картинѣ, темныя стороны, дурные поступки. Но размысливъ глубже о различныхъ событіяхъ своей жизни, я замѣтилъ, что такая біографія, не будучи совершенно лживой, не была. однако, искренней вслѣдствіе ложнаго освѣщенія, выставленія впередъ однѣхъ хорошихъ сторонъ и умалчиванія обо всемъ, что было дурного. А когда я задумалъ написать всю правду, ничего не скрывая изъ того, что было дурного въ моей жизни, я ужаснулся при мысли о томъ впечатлѣніи, какое произвела бы подобная біографія. Въ это самое время я заболѣлъ, и, вслѣдствіе усилившейся отъ болѣзни праздности, моя мысль безпрестанно возвращалась къ воспоминаніямъ, и эти воспоминанія были ужасны.

Я съ необыкновенной живостью испытывалъ то, что сказалъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Воспоминаніе“:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогна града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь,
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Я сдѣлалъ бы только одно измѣненіе въ послѣднемъ стихѣ: вмѣсто „печальныхъ“ я написалъ бы „постыдныхъ“.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я записалъ въ свой дневникъ:

„6-го января 1903 года“.

„Мнѣ приходится испытывать адскія страданія. Я вспомнилъ всю мерзость своей прошлой жизни, и эти воспоминанія не покидаютъ меня болѣе, отравляютъ мнѣ жизнь. Обыкновенно сожалѣютъ, что способность помнить не сохраняется у людей и послѣ смерти. Какое счастье, что это такъ. Какое страданіе помнить въ будущей жизни все, что мучило мою совѣсть, все зло, сдѣланное въ жизни бывшей. И если даже при этомъ помнятъ свое добро, то, все-таки придется помнить и свое зло. Какое счастье, что память исчезаетъ послѣ смерти и остается лишь совѣсть, совѣсть,—которая представляетъ собой какъ бы общій синтезъ всего хорошаго и всего дурного, какъ бы запутанное и сложное уравненіе, приведенное къ простѣйшему своему виду: X = положительному или отрицательному количеству, большему или меньшему.

Да, потеря памяти—великое благо. Нельзя помнить и жить радостно. А когда память исчезла, мы возвращаемся въ жизнь какъ бы съ чистой, бѣлой страницей, на которой снова можно написать и доброе, и злое.

Правда, вся моя жизнь не была сплошь дурной, и только періодъ въ 20 лѣтъ былъ такимъ. Правда, даже и въ этотъ періодъ моя жизнь не была сплошнымъ зломъ, какъ представлялось мнѣ во время болѣзни, и даже въ теченіе этого періода пробуждались во мнѣ влеченія къ добру, которыя, правда, не длились долго и быстро заглушались необузданными страстями.

Такъ или иначе, но эта работа моей мысли, особенно во время болѣзни, ясно показала мнѣ что біографія, написанная, какъ обыкновенно пишутся біографіи; съ умолчаніемъ о мерзости и преступности моей жизни, была бы ложью, и что, если хочешь написать біографію, то надо говорить всю правду. Только такая біографія, какъ бы мнѣ ни было стыдно писать ее, будетъ, дѣйствительно, интересна читателямъ.

Итакъ, вспоминая свою жизнь, т.-е. разсматривая ее съ точки зрѣнія сдѣланнаго мной добра и зла, я замѣтилъ что вся моя долгая жизнь дѣлится на четыре періода. Сначала—чудный, особенно въ сравненіи съ послѣдующимъ, періодъ, невинный, радостный, поэтическій, періодъ дѣт-

ства. Потомъ—ужасный періодъ, тянувшійся двадцать лѣтъ, періодъ грубаго растлѣнія, службы, честолюбиваго желанія почестей и, главное, дохода. Затѣмъ—восемнадцатилѣтній періодъ, отъ моей женитьбы до духовнаго моего воскресенія, періодъ, который, съ общепринятой точки зрѣнія, названъ былъ-бы нравственнымъ. Это значитъ, что въ продолженіе этихъ 18-ти лѣтъ я жилъ семейной жизнью, честной, правильной, не предаваясь никакимъ заклейменнымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ. Но всѣ мои интересы ограничивались эгоистическими заботами о семьѣ, объ увеличеніи моего состоянія, о литературныхъ успѣхахъ и всякаго рода удовольствіяхъ. Наконецъ,—четвертый періодъ, который продолжается двадцать лѣтъ, въ которомъ я живу теперь, въ теченіе котораго я надѣюсь умереть и во время котораго я увидѣлъ всю невыносимость прошлой моей жизни,—періодъ, котораго я не могу желать пережить, хотя бы ради тѣхъ привычекъ ко злу, которыя укоренились во мнѣ за предыдущіе періоды.

Исторію этихъ четырехъ періодовъ моей жизни я и предполагаю написать по всей правдѣ и справедливости, если Богъ дастъ, буду живъ и здоровъ. Думаю, что такая автобіографія, несмотря на свои крупные недостатки, была-бы людямъ полезнѣе, чѣмъ вся та художественная болтовня, которой наполнены двѣнадцать томовъ моихъ сочиненій и которой люди приписываютъ въ наше время незаслуженное вліяніе.

Теперь мнѣ хочется это сдѣлать. Я разскажу сначала о первомъ радостномъ періодѣ дѣтства, который меня особо привлекаетъ. Потомъ, какъ бы мнѣ стыдно ни было, разскажу, ничего не скрывая, объ ужасныхъ 20-ти годахъ слѣдующаго періода. Далѣе о третьемъ періодѣ, наименѣе, быть можетъ, интересномъ, и, наконецъ, о послѣднемъ, т. е. о періодѣ моего духовнаго подъема, который далъ мнѣ высшее, возможное при жизни, счастье и радостное спокойствіе предъ приближеніемъ смерти.

Чтобы не повторяться при описаніи дѣтства, я перечелъ мой очеркъ, носящій это заглавіе, и пожалѣлъ, что онъ написанъ. Онъ такъ плохъ, такъ мало искренъ, такъ нелитературенъ. Да онъ и не могъ быть другимъ. Во-первыхъ, потому, что я стремился написать исторію не своего дѣтства, а дѣтства своихъ товарищей; поэтому и вышла пестрая смѣсь событій изъ ихъ и моей дѣтской жизни. А во-вторыхъ, потому, что, когда я писалъ свои очерки, я не былъ совершенно независимъ отъ самой формы изложе-

нія; я находился подъ вліяніемъ двухъ писателей Стерна, съ его „Дневникомъ сентиментальнаго человѣка“, и Тэффера,—„Библіотека моего дяди“.

Теперь мнѣ особенно не нравятся двѣ послѣднія части: „Отрочество“ и „Юность“, въ которыхъ, помимо плохой смѣси истины и вымысла, чувствуется недостатокъ искренности, желаніе изобразить хорошимъ и значительнымъ что я считалъ тогда хорошимъ и значительнымъ—мои демократическія убѣжденія.

Я надѣюсь, что то, что я напишу теперь, будетъ лучше и, главное, полезнѣе другимъ.

II.

Моя бабушка, Пелагея Николаевна, была дочерью князя Николая Ивановича Горчакова, накопившаго большое состояніе. Насколько мнѣ представляется, это была женщина мало свѣдущая и не очень образованная. Какъ и всѣ въ то время, она говорила по-французски лучше, чѣмъ порусски. Сначала ее баловалъ отецъ, потомъ—мужъ, впослѣдствіи, на моихъ ужъ глазахъ,—сынъ. Сверхъ того, какъ старшая дочь въ семьѣ, она пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ Горчаковыхъ.

Мой дѣдъ, Илья Андреевичъ, тоже былъ по моему человѣкомъ ограниченнымъ, но кроткимъ, веселымъ, не только щедрымъ, но прямо расточительнымъ и, главное, очень довѣрчивымъ. Въ его „Полянахъ“, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, не переводились праздники, спектакли, балы, обѣды. Ко всему этому дѣдъ мой былъ страстнымъ игрокомъ, постоянно игравшимъ въ свой „ломберъ“ и никогда не выигрывавшимъ; онъ ссужалъ первому встрѣчному крупныя суммы денегъ, которыя никогда ему не возвращались. Дѣло кончилось разореніемъ, и дѣдъ мой, запутавшись въ долгахъ, вынужденъ былъ просить мѣста, что ему, при его связяхъ, удалось легко. Его назначили казанскимъ губернаторомъ.

Мнѣ разсказывали, что дѣдъ не бралъ взятокъ даже, съ откупщиковъ, что дѣлалось тогда повсюду, и сердился когда ему ихъ предлагали. Но потомъ мнѣ говорили, что бабушка, потихоньку отъ мужа, все-таки принимала взятки.

Послѣ смерти мужа и женитьбы сына, бабушка переѣхала къ моему отцу въ Ясную Поляну. Здѣсь я ее хорошо помню совсѣмъ уже старой женщиной.

Она страстно любила моего отца и насъ, своихъ вну-

чать. Она забавлялась нами. Тетокъ моихъ она любила, но мать мою, кажется, не очень, находя ее недостойной моего отца и ревнуя къ нему. Слугамъ она не казалась требовательной, потому что всѣ въ домѣ, чувствуя въ ней первое лицо, старались ей угодить. Зато передъ своей горничной, Гашей, она капризничала всячески; она изводила ее, говоря ей: „Вы моя милая“, требовала отъ нея того, чего не приказывала, и изводила ее на всѣ лады. И, странное дѣло, Гаша или Агафья Михайловна, такъ хорошо мнѣ знакомая, привыкла сама, подражая бабушкѣ, капризничать передъ своей дочерью, своимъ котомъ. И вообще, со всѣми, отъ кого она только могла требовать, Гаша была такъ-же капризна, какъ и бабушка.

Наиболѣе отдаленныя мои воспоминанія о бабушкѣ, передъ нашей поѣздкой въ Москву и житьемъ въ этомъ городѣ, сводятся къ тремъ, связаннымъ съ ея личностью впечатлѣніямъ. Первое изъ нихъ заключалось въ томъ, что бабушка мылась какимъ-то особеннымъ мыломъ, отъ котораго при этомъ вскакивали у нея между пальцевъ красивые мыльные пузыри, которые умѣла дѣлать, какъ мнѣ казалось, лишь она одна. Меня поспѣшно несли къ ней, когда она собиралась мыться: наше восхищеніе пузырями, очевидно, ее забавляло. Я вспоминаю ея бѣлый камзолъ, ея юбку, ея бѣлыя старческія руки и большіе пузыри, которые вспрыгивали на ея рукахъ, и ея лицо, бѣлое, довольное, улыбающееся.

Второе впечатлѣніе мое было вотъ какое. Лакей моего отца подсаживалъ подъ-руку бабушку въ желтый кабріолетъ, въ которомъ мы ѣхали съ нашимъ воспитателемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ въ рощу собирать орѣхи, которыхъ въ томъ году уродилось особенно много. Я помню чащу орѣшника, въ глубь которой, отстраняя и ломая вѣтки, лакеи Петруша и Матюша вводили желтый бабушкинъ кабріолетъ. Помню, какъ они преклоняли къ ней обремененныя гроздьями спѣлыхъ орѣховъ вѣтки, какъ бабушка сама собирала ихъ и укладывала въ мѣшокъ. А мы,—мы пригибали къ себѣ вѣтки съ другой стороны, и Ѳедоръ Ивановичъ поражалъ насъ своей силой, выбирая самыя толстыя. Мы обирали орѣхи отовсюду, но когда Ѳедоръ Ивановичъ отпускалъ вѣтку, и она медленно распрямлялась, мы всегда видили что на ней еще остались орѣхи, которыхъ мы не замѣтили. Я вспоминаю, какъ было жарко на прогалинѣ, какъ пріятно и свѣжо въ тѣни. Я вспоминаю. Я помню сильный запахъ листвы орѣшника, помню,

какъ щелкали со всѣхъ сторонъ орѣхи, разгрызываемые бывшими съ нами дворовыми дѣвушками, какъ мы не переставая и не уставая жевали свѣжія, бѣлыя орѣховыя ядрышки.

Мы клали орѣхи въ карманы, въ подолы, въ кабріолетъ. И бабушка принимала ихъ и поздравляла насъ.

Что было потомъ, по пріѣздѣ домой, я не помню. Вспоминаю только бабушку, орѣховую рощу, сильный запахъ орѣховой листвы, лакеевъ, желтый кабріолетъ, солнце,—и все это сливается въ одно радостное впечатлѣніе. И какъ мнѣ казалось, что мыльные пузыри могутъ быть только на рукахъ у бабушки, такъ кажется, что роща, орѣхи и солнце не могли бы существовать иначе, чѣмъ съ бабушкой въ желтомъ кабріолетѣ, которымъ правилъ Петруша и Матюша.

Но самое сильное изъ связанныхъ съ бабушкой на строеній, это—ночь, проведенная у нея въ спальнѣ, и Левъ Степанычъ.

Львомъ Степанычемъ звали слѣпого сказочника (когда я увидалъ его, онъ былъ уже старикомъ). Это былъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ крѣпостныхъ людей моего дѣда и былъ купленъ только для того, чтобы разсказывать сказки, и такъ какъ, благодаря свойственной слѣпымъ памяти, могъ повторить сказку слово въ слово, прослушавъ ее два раза.

Онъ жилъ гдѣ-то въ домѣ и цѣлый день его не было видно. А вечеромъ онъ подымался въ бабушкину спальню (она была расположена такъ низко, что туда попадали черезъ двѣ ступеньки) и садился на закраину низенькаго окна, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ ждалъ бабушку, которая дѣлала свой ночной туалетъ, не стѣсняясь присутствіемъ слѣпого.

Въ этотъ день, когда мнѣ выпало ночевать у бабушки, Левъ Степанычъ, съ бѣлыми глазами, въ поддевкѣ, уже сидѣлъ на закраинѣ окна и ѣлъ. Я не помню, ни раздѣвалась-ли бабушка въ этой комнатѣ или въ другой, ни какъ меня уложили въ постель,—я помню только моментъ когда потушили свѣчу, такъ что осталась лишь лампадка передъ золотыми иконами. Бабушка, та самая удивительная бабушка, которая дѣлала такіе необыкновенные мыльные пузыри, бѣлая, одѣтая въ бѣломъ, легла съ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ на бѣлыя простыни и облокотилась на подушки, а отъ окна шелъ правильный, однозвучный голосъ Льва Степаныча.

— Прикажите дальше?

— Разсказывай дальше.

— „Любезная сестрица“, сказала она, — продолжалъ Левъ Степанычъ своимъ, ласковымъ ровнымъ, старческимъ голосомъ:—... разскажите намъ одну изъ тѣхъ чудесныхъ сказокъ, которыя вы разсказываете такъ хорошо“. „Охотно“,—отвѣчала Шехерезада.—„Я разскажу вамъ еще болѣе замѣчательную исторію принца Камаральзамана, если будетъ угодно нашему повелителю“. Получивъ отъ султана позволеніе, Шехерезада начала такъ: „У одного могущественнаго царя былъ единственный сынъ“...

И, очевидно, слово въ слово по книгѣ, Левъ Степанычъ началъ исторію Камаральзамана. Я слушалъ и не понималъ, что онъ говоритъ,—до того я былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бабушки, которая была вся въ бѣломъ, и тѣнь которой шевелилась на стѣнѣ, и зрѣлищемъ старика съ бѣлыми глазами, которыхъ я не видалъ теперь, но которые остались въ моей памяти, сидящаго на окраинѣ окна и произносящаго медленнымъ голосомъ иностранныя слова, которыя казались мнѣ торжественными и падали такъ плавно одно послѣ другого во мракъ освѣщенной только трепетнымъ свѣтомъ лампадки спальни. Должно быть, я тотчасъ заснулъ, потому что я не помню ничего изъ того, что было сказано послѣ, и только утромъ вновь увидѣлъ и снова удивился мыльнымъ пузырямъ, которые дѣлала бабушка, умывая руки.

III.

Про своего дѣда съ материнской стороны я знаю, что, достигнувъ въ екатерининскія времена чина генералъ-аншефа, онъ сразу потерялъ свое положеніе, вслѣдствіе своего отказа жениться на племянницѣ и въ то же время любовницѣ Потемкина, Варенькѣ Энгельгардтъ. На предложеніе Потемкина онъ отвѣчалъ:

— Съ чего онъ взялъ, что я способенъ жениться на его б...

Этотъ отвѣтъ не только разбилъ его карьеру, но и стоилъ ему назначенія въ Архангельскъ губернаторомъ, гдѣ онъ оставался до воцаренія Павла. Женившись на княгинѣ Е. Д. Трубецкой, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Ясной Полянѣ.

Княгиня Екатерина Дмитріевна скончалась очень скоро оставивъ единственную дочь Марію. Съ этой глубоко любимой

дочкой и ея француженкой-воспитательницей дѣдъ мой прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1821 году. Этотъ мой дѣдъ слылъ за весьма строгаго господина, но я никогда не слышалъ разсказовъ ни объ его жестокости, ни даже объ обычныхъ во то время наказаніяхъ, и думаю, что они существовали, но почтительный восторгъ передъ его важностью и умомъ былъ слишкомъ великъ, что отъ дворовыхъ и отъ крестьянъ, которыхъ я часто распрашивалъ о немъ, я не слышалъ ничего кромѣ похвалъ его уму и заботамъ о своихъ крѣпостныхъ и огромной дворнѣ. Для дворовыхъ онъ построилъ очень красивыя помѣщенія и смотрѣлъ затѣмъ, чтобы они были не только сыты, но опрятно одѣты и веселы. По праздникамъ онъ устраивалъ для нихъ игры: качели, хороводы...

Какъ всякій образованный помѣщикъ въ его время, онъ особенно заботился о благѣ своихъ крестьянъ, которые тѣмъ болѣе благоденствовали, что, благодаря высокому положенію моего дѣда и почтенію, которое внушала полицейскимъ знатность его персоны, они были избавлены отъ прижимокъ губернскихъ властей.

Должно быть, у дѣда было хорошо развито эстетическое чувство, потому что всѣ его постройки были не только удобны и прочны, но и изящны, какъ и паркъ, который онъ велѣлъ разбить передъ домомъ. Вѣроятно, онъ также любилъ музыку, потому что организованный имъ для себя и моей матери оркестръ былъ хотя малъ, но хорошъ. Я засталъ еще въ тонелевой аллеѣ огромный, въ три обхвата вязъ, вокругъ котораго были сдѣланы скамьи и пюпитры для музыкантовъ. Утромъ прогуливаясь по этой аллеѣ, дѣдъ, слушалъ музыку. Онъ ненавидѣлъ охоту и любилъ цвѣты и тепличныя растенія.

Судьба самымъ страннымъ образомъ соединила его съ той самой Варенькой Энгельгардъ, на которой онъ отказался жениться и изъ за которой впалъ въ немилость. Эта Варенька вышла замужъ за князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, которому за это были даны чины и всякія награды. Съ нимъ и его семьей, а слѣдовательно и съ Варварой Васильевной, мой дѣдъ до такой степени сдружился, что мать моя съ дѣтства была невѣстой одного изъ двухъ сыновей Голицына, а старые князья, обмѣнялись семейными портретами (конечно, сдѣланными руками крѣпостныхъ живописцовъ копіями). Всѣ эти Голицынскіе портреты и до сихъ поръ находятся у насъ въ домѣ. Тутъ и князь Сергѣй Ѳедоровичъ въ андреевской лентѣ, и толстая, рыжая

Варвара Васильевна въ фрейлинскомъ нарядѣ. Однако, предположенный бракъ не состоялся: женихъ моей матери. Левъ Голицынъ, умеръ передъ свадьбой отъ тифозной лихорадки.

Тетка говорила мнѣ, что этого Голицына называли Львомъ, должно быть, по ошибкѣ, потому что у Сергѣя Ѳедоровича не было сына съ такимъ именемъ. Поэтому я думаю, что ничего похожаго на сватовство Голицына къ моей матери на самомъ дѣлѣ и не было. Значитъ, тотъ фактъ, что меня назвали Львомъ въ память жениха, не точенъ.

IV.

Я совсѣмъ не помню своей матери. Мнѣ было полтора года, когда она умерла. По странной случайности, ни одного ея портрета не осталось, и, несмотря на то, что я не могу представить ее себѣ во плоти, существомъ реальнымъ, я этимъ почти доволенъ, потому что представляю себѣ только ея духовный обликъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаю о ней только одно хорошее. И я думаю, что это происходитъ не потому единственно, что тѣ, которые говорили со мной о моей матери, хотѣли сказать мнѣ только одно хорошее, а потому, что въ ней дѣйствительно было много добра.

Впрочемъ, не только моя мать, но и всѣ тѣ, которые окружали меня въ дѣтствѣ, начиная съ моего отца и кончая кучеромъ, кажутся мнѣ какъ-то особенно добрыми. Должно быть, это потому, что мое чистое, любящее, дѣтское, сердце, словно ясный лучъ, искало и освѣщало въ людяхъ только хорошія качества, которыя у нихъ всегда есть.

И то, что всѣ эти люди казались мнѣ исключительно добрыми, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ видѣть въ нихъ одни лишь недостатки.

Мать моя не была красавицей. Для своего времени она была очень развита и образована. Кромѣ русскаго, который, въ противность тогдашнимъ обычаямъ, она знала и писала по русски очень хорошо, она владѣла французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ. Должно быть, у нея былъ художественный вкусъ, и на роялѣ она играла очень хорошо. Ея подруги говорили мнѣ, что она чудесно умѣла разсказывать сказки, сочиняя ихъ тутъ же по мѣрѣ разсказа. Но самымъ ея лучшимъ качествомъ, по отзывамъ слугъ, было то, что она сдерживала свой горячій характеръ.

Она вся дѣлалась красная, плакала даже,—разсказывала мнѣ ея горничная,—но никогда она не сказала грубаго слова. Она ихъ даже не знала.

У меня есть нѣсколько ея писемъ къ моему отцу и теткамъ и „кондуитный журналъ“ Николеньки, моего старшаго брата, которому было шесть лѣтъ, когда она умерла, и который, кажется, больше другихъ похожъ на нее. Въ нихъ обоихъ было то качество, которое мнѣ наиболѣе дорого, которое я угадываю въ своей матери и которое очень хорошо знаю въ своемъ братѣ: равнодушіе къ мнѣнію другихъ и скромность, доведенная до такой степени, что они старались скрывать свое превосходство надъ другими въ развитіи, образованіи и добрыхъ чувствахъ. Они точно стыдились этого своего превосходства, очень мнѣ хорошо знакомомъ по моему брату, о которомъ Тургеневъ съ большой справедливостью сказалъ, что у него, брата, нѣтъ тѣхъ недостатковъ, которые необходимы, чтобы стать великимъ писателемъ.

Я помню, какъ однажды на охотѣ очень глупый и очень дурной человѣкъ, адъютантъ-ли генералъ-губернатора, при мнѣ издѣвался надъ братомъ, и братъ мой, глядя на меня, весело улыбался, очевидно, находя во всемъ этомъ одно лишь глубокое удовольствіе.

Я замѣтилъ эту же самую черту и въ письмахъ своей матери. Нравственно она, навѣрное, была выше моего отца и своей семьи, кромѣ, можетъ быть, Татьяны Александровны Ергольской, съ которой я провелъ половину своей жизни и которая была замѣчательной по своимъ нравственнымъ качествамъ женщиной.

Сверхъ того у нихъ обоихъ, у матери и брата, была еще одна черта, которая объясняетъ, я думаю, ихъ равнодушіе къ людскимъ сужденіямъ: они никогда ни о комъ не говорили дурного, и въ этомъ я поручусь за своего брата, съ которымъ я прожилъ полъ-жизни. Наиболѣе неблагопріятное мнѣніе, которое складывалось у моего брата о человѣкѣ, выражалось у него хорошимъ настроеніемъ духа и веселой улыбкой, и тоже самое я видѣлъ въ письмахъ своей матери, тоже самое слышалъ отъ всѣхъ, которые ихъ обоихъ знали.

Въ „Житіи Святыхъ“ Димитрія Ростовскаго есть, одно мѣсто, которое меня всегда очень трогало. Это короткое описаніе жизни одного монаха, у котораго, какъ всѣ это знали, было много недостатковъ и котораго настоятель увидѣлъ во снѣ въ раю, среди святыхъ, на лучшемъ мѣстѣ.

Изумившись, старецъ спросилъ, какъ могъ этотъ грѣшникъ заслужить такую награду. И ему отвѣчали: „онъ никогда не осуждалъ“.

Если подобная награда существуетъ, то я думаю, что моя мать и братъ получили ее.

Еще одна черта, которая отличала мою мать отъ ея среды: это—откровенность и простота тона ея писемъ. Въ эту эпоху преувеличенное выраженіе своихъ чувствъ было въ модѣ; „несравненный“, „обожаемая“, „радость моей жизни“ были очень употребительными даже между родственниками эпитетами, и чѣмъ эти комплименты были пышнѣе, тѣмъ менѣе они были искренни.

Этотъ обычай отразился, хотя и умѣренно, на письмахъ моего отца. Онъ пишетъ: „Сладчайшій мой другъ, я думаю только о счастьи быть возлѣ тебя“...

Я сомнѣваюсь, чтобы это было совершенно искреннимъ. Тогда какъ моя мать писала всегда: „мой добрый другъ“.., и въ одномъ изъ писемъ: „Время кажется мнѣ долгимъ безъ тебя, хотя по правдѣ сказать, мы не очень веселимся въ твоемъ обществѣ, когда ты здѣсь“.

Наконецъ, подписывалась она постоянно: „Преданная тебѣ Марія“.

Въ дѣтствѣ моя мать жила, то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, съ такимъ остроумнымъ, гордымъ и богато одареннымъ человѣкомъ, каковъ былъ мой дѣдъ, Волконскій. Мнѣ говорили, что мать очень любила меня и называла „своимъ маленькимъ Веніаминомъ“.

Я думаю, что ея любовь къ умершему жениху, именно потому, что она кончилась смертью, была той поэтической любовью, которую молодыя дѣвушки испытываютъ только одинъ разъ въ жизни.

Ея бракъ съ моимъ отцомъ былъ устроенъ его и ея родителями. Она была богатой, не очень ужъ молодой сиротой; мой отецъ былъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, съ громкимъ именемъ и большими связями, но состояніе его было очень разстроено моимъ дѣдомъ Толстымъ (до такой степени, что отецъ былъ принужденъ отказаться отъ наслѣдства).

Я думаю, что моя мать любила моего отца, но любила его именно, какъ мужа и, главное, отца и ея дѣтей, а влюблена въ него не была. Истинной любовью, какъ я ее понимаю, мать любила трехъ лицъ: своего умершаго жениха; потомъ m-lle Enicienne, француженку, страстно подружившись съ ней, и дружба эта кончилась разочарованіемъ. Эта

г-жа Enicienne вышла замужъ за двоюроднаго брата моего отца, Михаила Александровича Волконскаго, дѣда нынѣшняго писателя. Вотъ что моя мать писала о своей дружбѣ съ этой молодой дѣвушкой: „Я уживаюсь очень хорошо съ ними обѣими, я занимаюсь музыкой, смѣюсь и дурю съ одной, а говорю чувствительныя вещи и осуждаю фривольный свѣтъ съ другой. Я любима до безумія ими обѣими, состою въ довѣріи у каждой, мирю ихъ, когда онѣ поссорятся, такъ какъ никогда не видно было болѣе придирчивой и взбалмошной дружбы, чѣмъ ихъ дружба: дутье, слезы, примиренія, клятвы и затѣмъ дружескіе восторги; въ концѣ концовъ, я, какъ въ зеркалѣ, вижу эту романтическую и экзальтированную дружбу, которая одушевляла и смущала мою жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я смотрю на нихъ съ неопредѣленнымъ чувствомъ и нѣсколько разъ завидовала ихъ иллюзіямъ, которыхъ у меня уже нѣтъ болѣе, но прелесть которыхъ мнѣ знакома; будемъ откровенны,— стоитъ-ли прочное реальное счастье зрѣлаго возраста прелестныхъ грезъ молодости, когда все прикрашивается всемогущимъ воображеніемъ. И по временамъ я улыбаюсь ихъ дѣтскости...

Самымъ сильнымъ и самымъ страстнымъ чувствомъ была въ моей матери любовь къ моему старшему брату, Коко. Она вела, по русски, запись его поведенія, заносила туда всѣ его поступки и читала это ему. Въ этомъ дневникѣ видны ея страстное желаніе сдѣлать все, чтобы какъ можно лучше воспитать Коко, и, въ тоже время, очень смутная идея о томъ, что надо сдѣлать, чтобы достигнуть этого. Такъ, напримѣръ, она стыдила его за то, что онъ черезчуръ чувствителенъ и плачетъ, когда видитъ страданіе животныхъ. По ея мнѣнію, человѣкъ не долженъ быть чувствительнымъ. Другой недостатокъ, который она старалась въ немъ исправить, это то, что онъ думалъ надъ самыми простыми вещами; и вмѣсто того, чтобы сказать „здравствуйте“ или „прощайте“, говорилъ бабушкѣ: „благодарю васъ“.

Другой великой любовью моей матери, про что говорила мнѣ тетка и что я такъ бы желалъ считать за вѣрное, была ея любовь ко мнѣ, замѣстившая ту, которая была у нея къ моему брату, который въ моментъ моего рожденія былъ отдѣленъ отъ матери и находился на рукахъ прислуги. У нея была потребность любить, и одна любовь замѣстила другую.

Таковъ тотъ духовный обликъ, который я создалъ себѣ изъ своей матери. Мнѣ казалось, что она была существомъ

до того высшимъ, до того чистымъ и до того нравственнымъ, что часто, будучи уже въ лѣтахъ, въ борьбѣ съ искушеніями, я молился ея душѣ, прося ее поддержать меня. И эта молитва всегда меня облегчала.

Жизнь матери въ семьѣ моего отца, насколько я могу судить по ея письмамъ, была очень хороша и очень счастлива.

Семья моего отца состояла изъ бабушки, ея дочери и моей тетки, графини Александры Ильиничны Остенъ-Сакенъ, съ ея воспитанницей Пашенькой, изъ другой тетки, которую мы такъ называли, хотя она была дальней родственницей, изъ Татьяны Александровны Ергольской, которая воспитывалась въ домѣ моего дѣда и всю свою жизнь прожила въ нашемъ домѣ, изъ моего отца и изъ воспитателя Федора Ивановича Росселя, котораго я описалъ довольно точно въ „Дѣтствѣ“.

Насъ было пятеро дѣтей: Николай, Сергѣй, Димитрій, я и сестра, Машенька, рожденіе которой стоило жизни моей матери.

Очень короткая (девять лѣтъ) брачная жизнь моей матери была очень счастлива. Это вѣчно заполненная жизнь скрашивалась любовью всѣхъ къ ней и ея ко всѣмъ.

Я не буду говорить о смутныхъ воспоминаніяхъ дѣтства, въ которыхъ трудно отличить дѣйствительность отъ фантазіи; я начну съ того, что помню совсѣмъ отчетливо, съ тѣхъ мѣстъ и лицъ, которые меня окружали съ первыхъ лѣтъ моей жизни.

Отецъ мой, не только по своему вліянію, но и благодаря моимъ чувствамъ къ нему, занимаетъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто среди этихъ лицъ. Еще очень юнымъ онъ остался единственнымъ сыномъ. Его младшій братъ Ленька, вслѣдствіе паденія еще въ дѣтствѣ, былъ горбатымъ и умеръ молодымъ. Въ 1812 г. мой отецъ 17 лѣтъ, несмотря на ужасъ, боязь и мольбы своихъ родителей, отправился въ армію. Въ это время князь Николай Ивановичъ Горчаковъ, близкій родственникъ моей бабушки, урожденной Горчаковой, командовалъ какимъ-то отрядомъ дѣйствующей арміи. Отецъ состоялъ при немъ адъютантомъ. Онъ участвовалъ въ кампаніи 1813—14 г. Въ 1814 году онъ былъ посланъ куда то въ Германію курьеромъ. Французы взяли его въ плѣнъ и онъ былъ освобожденъ только въ 1815 г., когда наши войска вступили въ Парижъ.

Въ 20 лѣтъ отецъ уже не былъ невиненъ. Еще до поступленія его на службу, когда ему было около 16 лѣтъ, родители, для его здоровья, какъ думали тогда, сблизили

его съ крѣпостной. Отъ этой связи родился сынъ Мишенька, котораго сдѣлали факторомъ и которому при жизни отца жилось хорошо; но потомъ онъ сбился съ пути и часто обращался къ намъ за помощью. Я помню странное чувство удивленія, которое испытывалъ, когда этотъ братъ, обреченный на нищенство, очень похожій на нашего отца (больше, чѣмъ мы всѣ), просилъ у насъ милостыню и оставался доволенъ 10 или 15 рублями, которые ему давали. Послѣ кампаніи, отецъ, разочарованный въ военной службѣ, какъ видно изъ его писемъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Казани, гдѣ мой дѣдушка былъ губернаторомъ и гдѣ также жила сестра моего отца, Пелагея Ильинишна, въ замужествѣ Ушакова.

Вскорѣ затѣмъ дѣдушка умеръ въ Казани и отецъ остался въ долгахъ, со старой матерью, привыкшей къ роскоши, съ сестрой и кузиной на рукахъ. Тогда-то его и женили на моей матушкѣ и онъ поселился въ Ясной Полянѣ, гдѣ послѣ девятилѣтней супружеской жизни овдовѣлъ и гдѣ уже на моей памяти жилъ съ нами.

Отецъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, сангвиникъ, очень живой, съ пріятнымъ лицомъ и всегда печальными глазами. Онъ занимался эксплоатаціей своихъ земель, хотя мало понималъ въ этомъ толку. Для своего времени у него было большое достоинство: онъ не только не былъ жестокимъ, но скорѣе слабымъ, такъ что при немъ никогда не было слышно о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Они, конечно, практиковались, такъ какъ въ эту эпоху трудно было администраціи не употреблять ихъ; но они были, вѣроятно, рѣдки, и мой отецъ принималъ въ нихъ такъ мало участія что мы, дѣти, никогда не имѣли случая объ этомъ слышать. Послѣ его смерти я узналъ, что эти наказанія существовали и у насъ.

Однажды, когда мы, дѣти, возвращались съ прогулки съ нашимъ воспитателемъ, мы встрѣтили около ограды нашего толстаго управляющаго Андрея Ильина и конюха Кузьму, женатаго, уже немолодого человѣка, который слѣдовалъ за нимъ съ печальнымъ, удивившимъ насъ всѣхъ видомъ. Кто-то изъ насъ спросилъ Андрея Ильина, куда онъ идетъ; онъ отвѣтилъ совершенно спокойно, что идетъ на гумно, чтобы наказать Кузьму. Я не могу передать, какое удручающее впечатлѣніе произвели на меня эти слова и кроткій, печальный видъ Кузьмы. Вечеромъ я разсказалъ это тетушкѣ Татьянѣ Александровнѣ, которая насъ воспитывала и которая такъ ненавидѣла тѣлесныя наказа-

нія, что никогда не допускала ихъ ни по отношенію къ намъ, ни даже по отношенію къ крѣпостнымъ, если могла вступиться. Она была возмущена тѣмъ, что я ей разсказалъ, и замѣтила мнѣ съ упрекомъ: „Почему вы его не остановили?“ Эти слова меня еще болѣе опечалили. Я совсѣмъ не думалъ, что мы можемъ вмѣшаться въ это дѣло, а между тѣмъ оказалось, что мы могли это сдѣлать. Но было уже поздно и ужасное наказаніе было исполнено.

Я возвращаюсь опять къ тому, что знаю о своемъ отцѣ, и къ тому, какъ я представляю себѣ теперь его жизнь. Его занятіями были—хозяйство и главнымъ образомъ процессы, которые ему приходилось вести со всѣми, приводя въ порядокъ дѣла моего дѣда. Эти процессы обязывали его къ частымъ отлучкамъ. Между прочимъ онъ также часто ѣздилъ на охоту; его главными участниками въ ней были: его другъ, старый, очень богатый холостякъ Кирѣевскій, Языковъ, Глѣбовъ и Исленевъ. У отца была, частая у тогдашнихъ помѣщиковъ, страсть къ нѣкоторымъ слугамъ. Его любимцами были два брата, Петруша и Матюша, оба добрые малые и хорошіе охотники. Дома кромѣ занятій хозяйствомъ и нами, онъ много читалъ. Онъ устраивалъ библіотеку, которая состояла изъ французскихъ сочиненій классиковъ, историческихъ сочиненій и трудовъ по естественной исторіи: Бюфона, Кювье. Тетка разскала мнѣ, что отецъ взялъ себѣ за правило не покупать новыхъ книгъ, не прочитавъ старыхъ. Не, смотря на то, что онъ много читалъ, мнѣ съ трудомъ вѣриться, чтобы онъ поглотилъ всѣ эти Исторіи Крестовыхъ походовъ и Папства, которыя покупалъ для своей библіотеки. Насколько я могу судить, у него не было способностей къ наукамъ, но онъ не отставалъ отъ образованныхъ людей своего времени.

СПБ. Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейный пр. 58.

ИСПОВѢДЬ

Графа Л. Н. ТОЛСТОГО

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ СОЧИНЕНІЮ

„ВЪ ЧЕМЪ МОЯ ВѢРА".

I.

Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. Меня учили ей и съ дѣтства, и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лѣтъ вышелъ со второго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что изъ того, чему меня учили.

Судя по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я никогда и не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, что исповѣдывали передо мной большіе, но довѣріе это было очень шатко.

Помню, что когда мнѣ было лѣтъ одиннадцать, одинъ мальчикъ, давно умершій, Володинька М., учившійся въ гимназіи, придя къ намъ на воскресенье, какъ послѣднюю новинку объявилъ намъ открытіе, сдѣланное въ гимназіи. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ и что все, чему насъ учатъ, однѣ выдумки (это было въ 1838 г.). Помню, какъ старшіе братья заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе какъ что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что когда старшій братъ мой Дмитрій, будучи въ университетѣ, вдругъ, съ свойственною его натурѣ страстностью, предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы всѣ, и даже старшіе не переставая поднимали его на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ Казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцовать, насмѣшливо уговаривалъ отказавшагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ

ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе о томъ что учить катихизисъ надо, ходить въ церковь надо, но слишкомъ серьезно всего этого принимать не слѣдуетъ. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера, и насмѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ же, какъ оно происходило и происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія. Оно, какъ мнѣ кажется, происходитъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ: люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, а всѣ живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣрованіемъ, но большею частью противоположныхъ имъ; вѣроученіе не участвуетъ въ жизни, и въ сношеніяхъ съ другими людьми никогда не приходится сталкиваться и въ собственной жизни самому никогда не приходится справляться съ нимъ: вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея. Если сталкиваешься съ нимъ, то какъ съ внѣшнимъ, не связаннымъ съ жизнью, явленіемъ.

По жизни человѣка, по дѣламъ его, какъ теперь, такъ и тогда, никакъ нельзя узнать, вѣрующій онъ или нѣтъ. Если есть различіе между явно исповѣдующимъ православіе и отрицающимъ его, то не въ пользу перваго. Какъ теперь, такъ и тогда явное признаніе и исповѣданіе православія большею частью встрѣчалось въ людяхъ тупыхъ, жестокихъ, безнравственныхъ и считающихъ себя очень важными. Умъ же, честность, прямота, добродушіе и нравственность большею частью встрѣчались въ людяхъ, признающихъ себя невѣрующими.

Въ школахъ учатъ катихизису и посылаютъ учениковъ въ церковь; отъ чиновниковъ требуютъ свидѣтельствъ въ бытіи у причастія. Но человѣкъ нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службѣ, и теперь, а въ старину еще больше, можетъ прожить десятки лѣтъ, не вспомнивъ ни разу о томъ, что онъ живетъ среди христіанъ и самъ считается исповѣдующимъ христіанскую православную вѣру.

Такъ что, какъ теперь такъ и прежде, принятое по довѣрію и поддержимое внѣшнимъ давленіемъ, понемногу таетъ подъ вліяніемъ знаній и опытовъ жизни, противоположныхъ вѣроученію, и человѣкъ очень часто долго живетъ, воображая, что въ немъ цѣло то вѣроученіе, которое сообщено было ему съ дѣтства, тогда какъ его давно уже нѣтъ и слѣда.

Мнѣ разсказывалъ С., умный и правдивый человѣкъ, какъ онъ пересталъ вѣрить. Лѣтъ 26-ти уже, онъ разъ на ночлегѣ во время охоты, по старой, съ дѣтства принятой привычкѣ, сталъ вечеромъ на молитву. Старшій братъ, бывшій съ нимъ на охотѣ, лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него. Когда С. кончилъ и сталъ ложиться, братъ его сказалъ ему: „А ты еще все дѣлаешь это?“

И больше ничего не сказали другъ другу. И. С. пересталъ съ этого дня становиться на молитву и ходить въ церковь. И вотъ тридцать лѣтъ не молится, не причащается и не ходитъ въ церковь. И не потому, чтобы онъ зналъ убѣжденія своего брата и присоединился бы къ нимъ, не потому, чтобы онъ рѣшилъ что-нибудь въ своей душѣ, а только потому, что слово это, сказанное братомъ, было какъ толчекъ пальцемъ въ стѣну, которая готова была упасть отъ собственной тяжести; слово это было указаніемъ на то, что тамъ, гдѣ онъ думалъ, что есть вѣра, давно уже пустое мѣсто, и что потому слова, которыя онъ говорилъ, и кресты, и поклоны, которые онъ кладетъ во время стоянія на молитвѣ, суть вполнѣ безсмысленныя дѣйствія. Сознавъ ихъ безсмысленность, онъ не могъ предолжать ихъ.

Такъ было и бываетъ, я думаю, съ огромнымъ большинствомъ людей. Я говорю о людяхъ нашего образованія, говорю о людяхъ, правдивыхъ съ самими собою, а не о тѣхъ, которые самый предметъ вѣры дѣлаютъ средствомъ для достиженія какихъ бы-то ни было временныхъ цѣлей. (Эти люди—самые коренные невѣрующіе, потому что если вѣра для нихъ—средство для достиженія какихъ-нибудь житейскихъ цѣлей, то это уже навѣрно не вѣра). Эти люди нашего образованія находятся въ томъ положеніи, что свѣтъ знанія и жизни растопилъ искуственное зданіе, и они или уже замѣтили это и освободили мѣсто, или еще не замѣтили этого.

Сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе изчезло во мнѣ такъ же, какъ и въ другихъ, съ тою только разницей, что такъ какъ я съ 15 лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16 лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ по собственному побужденію ходить въ церковь и говѣть. Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что я вѣрилъ, я никакъ бы не могъ сказать. Вѣрилъ я въ Бога, или, вѣрнѣе, я не отрицалъ Бога, но какого Бога, я не могъ бы сказать: не

отрицалъ я и Христа и его ученіе, но въ чемъ было его ученіе, я тоже не могъ бы сказать.

Теперь, вспоминая то время я вижу ясно, что вѣра моя— то, что кромѣ животныхъ инстинктовъ двигало моею жизнью— единственная истинная вѣра моя въ то время была вѣра въ совершенствованіе. Но въ чемъ было совершенствованіе и какая была цѣль его, я бы не могъ сказать. Я старался совершенствовать себя умственно,—я учился всему, чему могъ и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю,—составлять себѣ правила, которымъ старался слѣдовать; совершенствовалъ себѣ физически, всякими упражненіями, изощряя силу и ловкость и всякими лишеніями пріучая себя къ выносливости и терпѣнію. И все это я считалъ совершенствованіемъ. Началомъ всего было, разумѣется, нравственное совершенствованіе, но скоро оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т. е. желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собою или передъ Богомъ, а желаніемъ быть лучше передъ другими людьми. И очень скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ людей, т. е. славнѣе, важнѣе, богаче другихъ.

II.

Когда нибудь я разскажу исторію моей жизни, и трогательную, и поучительную въ эти десять лѣтъ моей молодости. Думаю, что многіе и многіе испытали то же. Я всей душой желалъ быть хорошимъ; но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказывать то, что составляло самыя задушевныя мои желанія, то, что я хочу быть нравственно-хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки: а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли.

Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, гордость, гнѣвъ, месть—все это уважалось.

Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожъ на большого и я чувствовалъ, что мною довольны. Добрая тетушка моя, чистѣйшее существо, съ которой я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы такъ для меня: какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиной: „rien ne forme un homme, comme une liaison avec une femme comme il faut“; еще другого счастья она желала мнѣ—чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя;

и самаго большаго счастья—того, чтобъ я женился на очень богатой дѣвушкѣ и чтобъ у меня, вслѣдствіе этой женитьбы, было какъ можно больше рабовъ.

Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить; проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ; казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣянія всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершалъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ.

Такъ я жилъ десять лѣтъ.

Въ это время я сталъ писать—изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, надо было скрывать хорошее и высказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя, составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого: меня хвалили.

Двадцати шести лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли какъ своего, льстили мнѣ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала.

Взглядъ на жизнь этихъ людей, моихъ товарищей по писанію, состоялъ въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы — художники, поэты. Наше призваніе—учить людей. Для того же, чтобы не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ; что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ, училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть, то, чему я училъ, было очень хорошо.

Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собой. Одни говорили: мы—самые хорошіе, и полезные учители—мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Кромѣ того было много между нами людей и не заботящихся о томъ, кто правъ, кто не правъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности нашей вѣры.

Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ—много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни,—но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые, или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость. Люди мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта обманъ.

Но странно то, что хотя всю эту ложь я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми—отъ чина художника, поэта, учителя—я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я—поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ.

Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему.

Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей (такихъ, впрочемъ, и теперь тысячи), мнѣ и жалко, и срамно,—возникаетъ именно то самое чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ.

Мы всѣ тогда были убѣждены, что намъ нужно гово-

рить и говорить, писать, печатать—какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи насъ, отрицая, ругая одинъ другого, всѣ печатали, писали, поучая другихъ. И не замѣчая того, что мы ничего не знаемъ, что на самый простой вопросъ жизни: что хорошо, что дурно,—мы не знаемъ что отвѣтить,—мы всѣ не слушая другъ друга, всѣ въ разъ говорили, иногда потакая другъ другу и восхваляя другъ друга, съ тѣмъ, чтобы и мнѣ потакали, и меня восхвалили, иногда же раздражаясь другъ противъ друга, точно такъ, какъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Тысячи работниковъ дни и ночи, изъ послѣднихъ силъ, работали, набирали, печатали милліоны словъ и почта развозила ихъ по всей Россіи, а мы все еще больше учили и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ.

Ужасно странно, но теперь мнѣ понятно. Настоящимъ задушевнымъ разсужденіемъ нашимъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другого не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки и газеты. Мы это и дѣлали. Но для того, чтобы намъ дѣлать столь безполезное дѣло и имѣть увѣренность, что мы — очень важные люди, намъ надо было еще разсужденіе, которое бы оправдывало нашу дѣятельность. И вотъ у насъ было придумано слѣдующее: все, что существуетъ, то разумно. Все же, что существуетъ, развивается. Развивается же все посредствомъ просвѣщенія Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ и платятъ деньги и насъ уважаютъ за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы—самые полезные и хорошіе люди. Разсужденіе это было бы очень хорошо, если бы мы всѣ были согласны; но такъ какъ на каждую мысль, высказываемую однимъ, являлась всегда мысль діаметрально противоположная, высказываемая другимъ, то должно бы было заставить насъ одуматься. Но мы этого не замѣчали: намъ платили деньги и люди нашей партіи насъ хвалили, стало быть мы, каждый изъ насъ, считали себя правыми.

Теперь мнѣ ясно, что разницы съ сумасшедшимъ домомъ никакой не было; тогда же я только смутно подозрѣвалъ это, и то только какъ и всѣ сумасшедшіе,—называлъ всѣхъ сумасшедшими кромѣ себя.

III.

Такъ я жилъ, предаваясь этому безумію еще шесть лѣтъ, до моей женитьбы. Въ это время я поѣхалъ за границу. Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и учеными европейскими людьми утвердили меня еще больше въ той вѣрѣ совершенствованія вообще, въ которой я жилъ, потому что ту же самую вѣру я нашелъ и у нихъ. Вѣра эта приняла во мнѣ ту обычную форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ „прогрессъ". Тогда мнѣ казалось, что этимъ словомъ выражается что-то. Я не понималъ еще того, что, мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая: жить сообразно съ прогрессомъ,—отвѣчаю совершенно то же, что отвѣтитъ человѣкъ, несомый въ лодкѣ по волнамъ и вѣтру, на главный и единственный для него вопросъ: „куда держаться",—если онъ, не отвѣчая на вопросъ, скажетъ: „насъ несетъ куда-то".

Тогда я не замѣчалъ этого. Только изрѣдка—не разумъ а чувство возмущалось противъ этого общаго въ наше время суевѣрія, которымъ люди заслоняютъ отъ себя свое непониманіе жизни. Такъ, въ бытность мою въ Парижѣ, видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидѣлъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ, что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мирѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что поэтому судья тому, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я своимъ сердцемъ. Другой случай сознанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человѣкъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимаю, зачѣмъ онъ жилъ и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ умираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія. Но это были только рѣдкіе случаи сомнѣнія, въ сущности же я продолжалъ жить, исповѣдуя только вѣру въ прогрессъ. Все развивается и я развиваюсь; а зачѣмъ это я развиваюсь; а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми, это видно

будетъ". Такъ бы я тогда долженъ былъ формулировать свою вѣру.

Вернувшись изъ-за границы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по серцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая мнѣ уже рѣзала глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессовъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ. Въ сущности же я вертѣлся все около одной и той же неразрѣшимой задачи, состоящей въ томъ, чтобъ учить не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понялъ, что нельзя учить, не зная чему учить, потому что я видѣлъ, что всѣ учатъ различному и спорами между собой скрываютъ только сами отъ себя свое незнаніе; здѣсь же съ крестьянскими дѣтьми я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы представить дѣтямъ учиться, чему они хотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я вилялъ, чтобы исполнить свою похоть—учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно. Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школой, я другой разъ поѣхалъ за границу, чтобы тамъ узнать, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому ничего не зная, умѣть учить другихъ.

И мнѣ казалось, что я этому выучился за границей, и вооруженный всей этой премудростью я въ годъ освобожденія крестьянъ вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника сталъ учить и необразованый народъ въ школахъ и образованныхъ людей въ журналѣ, который началъ издавать. Дѣло казалось шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я бы тогда же, можетъ быть, пришелъ къ тому отчаянію, къ которому и пришелъ въ пятнадцать лѣтъ, еслибъ у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасенье: эта была семейная жизнь.

Въ продолженіе года занимался посредничествомъ, школами и журналомъ, и такъ измучился отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посред-

ничеству, такъ смутно проявлялась дѣятельность моя въ школахъ, какъ противно мнѣ стало мое вліяніе въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ же—въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически; бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ, и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилась уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей бѣло какъ можно лучше.

Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ.

Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ, я все таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканіе за ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей.

Я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей, было какъ можно лучше. Такъ я жилъ, но пять лѣтъ тому назадъ со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило, и я продолжалъ жить по прежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинокими вопросами: зачѣмъ? Ну? а потомъ?

Сначала мнѣ показалось, что это такъ—безцѣльные, неумѣстные вопросы. Мнѣ казалось что это все извѣстно и что, если я когда и захочу заняться ихъ рѣшеніемъ, это не будетъ стоить мнѣ труда,—что теперь только мнѣ некогда этимъ заниматься, а когда вздумаю, тогда и найду отвѣты. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнѣе и настоятельнѣе требовались отвѣты, и какъ точки падая все на одно мѣсто, сплотились эти вопросы безъ отвѣтовъ, въ одно черное пятно.

Случилось то, что случается съ каждымъ заболѣвающимъ внутреннею болѣзнью. Сначало появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе растетъ и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принималъ за недомоганіе, есть то; что для него значительнѣе всего въ мирѣ, что это—смерть,

То же случилось и со мной. Я понялъ, что это—не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются всѣ тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. И я пытался освѣтить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, дѣтскими вопросами. Но только что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить, я тотчасъ же убѣдился, во-первыхъ, въ томъ, что это не дѣтскіе и глупые вопросы въ жизни, и, во-вторыхъ, въ томъ, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думалъ, разрѣшитъ ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю—зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать, я не могу жить. Средя моихъ мыслей о хозяйствѣ, которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи—300 головъ лошадей, а потомъ?“.. И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло“? Или, думая о той славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—ну, и чтожъ“!... И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ: надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтить, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ.

Я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить.

IV.

Жизнь моя остановилась. Я могъ дышать, ѣсть, пить, спать, и не могъ не дышать, не ѣсть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ я находилъ бы разумнымъ. Если

я желалъ чего, я впередъ зналъ, что удовлетворю или не удовлетворю мое желаніе, изъ этого ничего не выйдетъ. Если бы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать. Если есть у меня не желанія, но привычки желаній прежнихъ, въ пьяныя минуты, то я въ трезвыя минуты знаю, что это—обманъ, что нечего желать. Даже узнать истину я не могъ желать, потому что я догадывался, въ чемъ она состояла. Истина была то, что жизнь есть безсмыслица. Я будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ и пришелъ къ пропасти, я ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели. И остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти—полнаго уничтоженія.

Со мной сдѣлалось то, что я—здоровый, счастливый человѣкъ—почувствовалъ, что я не могу болѣе жить,—какая-то непреодолимая сила влекла меня къ тому, чтобъ какъ-нибудь избавиться отъ жизни. Нельзя сказать, чтобъ я хотѣлъ убить себя.

Сила, которой влекла меня прочь отъ жизни, была сильнѣе, полнѣе, общѣе хотѣнья. Это была сила, подобная прежнему стремленію жизни, только въ обратномъ отношеніи. Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни. Мысль о самоубійствѣ пришла мнѣ такъ же естественно, какъ прежде приходили мысли объ улучшеніи жизни. Мысль эта была такъ соблазнительна, что я долженъ былъ употреблять противъ себя хитрости, чтобы не привести ея слишкомъ поспѣшно въ исполненіе. Я не хотѣлъ торопиться только потому, что хотѣлось употребить всѣ усилія, чтобы распутаться, если не распутаюсь, то всегда успѣю. И вотъ тогда я счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни. Я самъ не зналъ, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь отъ нея, между тѣмъ, чего-то еще надѣялся отъ нея.

И это сдѣлалось со мной въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было то, что считается совершеннымъ счастьемъ: это было тогда, когда мнѣ не было пятидесяти лѣтъ. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошія дѣти и большое имѣніе, которое безъ труда съ моей стороны росло и увеличивалось. Я былъ уважаемъ близкими и знакомыми,

больше чѣмъ когда-нибудь прежде, былъ восхваляемъ чужими и могъ считать, что имя мое славно безъ особеннаго самообольщенія. При этомъ я не только не былъ помѣшанъ или духовно нездоровъ,—напротивъ, пользовался силой и духовной, и тѣлесной, какой я рѣдко встрѣчалъ въ своихъ сверстникахъ: тѣлесно я могъ работать на покосахъ не отставая отъ мужиковъ: умственно я могъ работать по восьми—десяти часовъ подрядъ, не испытывая отъ такого напряженія никакихъ послѣдствій. И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишить себя жизни.

Душевное состояніе это выражалось для меня такъ: жизнь моя есть какая-то, кѣмъ-то сыгранная надо мною, глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавалъ никакого „какого-то", который бы меня сотворилъ, эта форма представленія, что кто-то надо мной подшутилъ зло и глупо, произведя меня на свѣтъ, была самая естественная мнѣ форма представленія.

Невольно мнѣ представилось, что тамъ, гдѣ-то, есть кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я цѣлыя 30—40 лѣтъ жилъ, жилъ учась, развиваясь, возрастая тѣломъ и духомъ, и какъ я теперь, совсѣмъ окрѣпнувъ умомъ, дойдя до той вышины жизни, съ которой открывается вся она, какъ я дуракъ дуракомъ стою на этой вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, и не было и не будетъ. А ему смѣшно.

Но есть или нѣтъ этотъ кто нибудь, который смѣется надо мной, мнѣ отъ этого не легче. Я не могъ придать никакого разумнаго смысла ни одному поступку во всей моей жизни. Меня только удивляло то, какъ могъ, я не понимать этого въ самомъ началѣ. Все это такъ давно всѣмъ извѣстно. Не нынче — завтра придутъ болѣзни, смерть (и приходили уже) на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся—раньше, позднѣе, да меня-то не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать? Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить—вотъ что удивительно! можно жить только покуда пьянъ жизнью; а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это—только обманъ, и глупый обманъ! Вотъ именно, что ничего даже нѣтъ смѣшного и остроумнаго, а просто—жестоко и глупо.

Давно уже разсказана восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь

отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И, несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожранымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ все держится и видитъ, что двѣ мышки, одна черная, другая бѣлая, равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ ее. Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ. Такъ и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня и не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе. И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня; но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мышь день и ночь подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и медъ уже не сладокъ мнѣ. Я вижу одно—неизбежнаго дракона и мышей—и не могу отвратить отъ нихъ взоръ. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда.

Прежній обманъ радостной жизни, заглушавшій ужасъ дракона, уже не обманываетъ меня. Сколько ни говори мнѣ: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи,—я не могу дѣлать этого, потому что слишкомъ долго дѣлалъ это прежде. Теперь я не могу не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и вѣдущихъ меня къ смерти. Я вижу это одно, потому что это одно—истина. Остальное все ложь.

Тѣ двѣ капли меда, которыя дольше другихъ отводили мнѣ глаза отъ жестокой истины—любовь къ семьѣ и къ писательству, которое я называлъ искусствомъ,—уже не сладки мнѣ.

„Семья...“ говорилъ я себѣ:—но семья—жена, дѣти; они тоже люди. Они находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ и я: они или должны жить въ лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, беречь, растить и блестить ихъ? Для того же отчаянія, которое во мнѣ или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу

скрывать отъ нихъ истины,—всякій шагъ въ познаніи ведетъ ихъ къ этой истинѣ.—А истина—смерть.

„Искусство, поэзія“... Долго подъ вліяніемъ успѣха похвалы людской я увѣрялъ себя, что это — дѣло, которое должно дѣлать, несмотря на то, что придетъ смерть, которая уничтожитъ все—и мои дѣла и память о нихъ; но скоро я увидалъ, что и это—обманъ. Мнѣ было ясно, что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ жизни. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, какъ же я могу заманивать другихъ. Пока я не жилъ своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своихъ волнахъ, пока я вѣрилъ, что жизнь имѣетъ смыслъ, хотя я не умѣю выразить его,—отраженія жизни всякаго рода въ поэзіи и искусствахъ доставляли мнѣ радость, мнѣ весело было смотрѣть на жизнь въ это зеркальце искусства; но когда я сталъ отыскивать смыслъ жизни, когда я почувствовалъ необходимость самому жить,—зеркальце это стало мнѣ или ненужно, излишне и смѣшно, или мучительно. Мнѣ нельзя уже было утѣшаться тѣмъ, что я въ зеркальцѣ вижу: что положеніе мое глупо и отчаянно. Хорошо мнѣ было радоваться, когда въ глубинѣ души я вѣрилъ, что жизнь моя имѣетъ смыслъ. Тогда эта игра свѣтовъ—комическаго трагическаго, трогательнаго, прекраснаго, ужаснаго въ жизни—потѣшала меня. Но когда я зналъ, что жизнь безсмысленна и ужасна,—игра въ зеркальце не могла уже забавлять меня. Никакая сладость меда не могла быть сладка мнѣ, когда я видѣлъ дракона и мышей, подтачивающихъ мою опору.

Но и этого мало. Если бъ я просто понялъ, что жизнь не имѣетъ смысла, я спокойно бы могъ знать это. могъ бы знать, что это мой удѣлъ. Но я не могъ успокоиться на этомъ. Если бъ я былъ какъ человѣкъ живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что нѣтъ выхода, я бы могъ жить; но я былъ какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, на котораго нашелъ ужасъ оттого, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу,—зная, что всякій шагъ его еще болѣе путаетъ его,—и не можетъ не метаться.

Вотъ что было ужасно. И чтобъ избавиться отъ этого ужаса, я хотѣлъ убить себя. Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня,—зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самаго положенія, но не могъ терпѣливо ожидать конца. Какъ не убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что нибудь и все кончится, я не могъ терпѣливо ожидать конца. Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе, поско-

рѣе избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это-то чувство сильнѣе всего влекло меня къ самоубійству.

V.

„Но можетъ быть я просмотрѣлъ что нибудь, не понялъ чего нибудь?—нѣсколько разъ говорилъ я себѣ.—Не можетъ же быть, чтобъ это состояніе отчаянія было свойственно людямъ“. И я искалъ объясненія на мои вопросы во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣли люди. И я мучительно и долго искалъ, и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи,—искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенія,—и ничего не нашелъ.

Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ, и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно также ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе—безсмыслица жизни, есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку.

Я искалъ вездѣ и, благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что по связямъ своимъ съ міромъ ученымъ, мнѣ были доступны самые ученые всѣхъ разнообразныхъ отраслей знанія, не отказывавшіе открывать мнѣ всѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и въ бесѣдахъ,—я узналъ все то, что на вопросъ жизни отвѣчаетъ знаніе.

Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другого не отвѣчаетъ на вопросы жизни, какъ то, что оно отвѣчаетъ. Долго мнѣ казалось, вслушиваясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, что я чего нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества; но дѣло было для меня не шуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои—одни законные вопросы, служащіе основой всякаго знанія, и что виноватъ не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы.

Вопросъ мой—тотъ, который въ пятьдесятъ лѣтъ привелъ меня къ мысли о самоубійствѣ, былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца,—тотъ вопросъ, безъ кото-

раго жизнь невозможна, такъ я и испыталъ это на дѣлѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ: „что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни?"

Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: „зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?" Еще иначе выразить вопросъ можно такъ: „есть ли въ моей жизни смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной предстоящею мнѣ смертью?"

На этотъ-то одинъ и тотъ же, различно выраженный вопросъ, я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи. И я нашелъ, что по отношенію къ этому вопросу всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противоположныя полусферы, на двухъ противуположныхъ концахъ которыхъ находятся два полюса, одинъ—отрицательный, другой положительный; но что ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы жизни.

Одинъ рядъ знаній какъ бы и не признаетъ вопроса но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои независимо поставленные вопросы: это—рядъ знаній опытныхъ и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика; другой рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это—рядъ знаній умозрительныхъ и на крайней ихъ точкѣ—метафизика.

Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ математическія и естественныя науки привлекли меня, и пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса пока, вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельно разрѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, которые даетъ знаніе.

То, въ области опытной, я говорилъ себѣ: „Все развивается, дефферентируется идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты—часть цѣлаго. Познавъ, насколько возможно, цѣлое и познавъ законъ развитія, ты познаешь и свое мѣсто въ этомъ цѣломъ, и самаго себя". Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Это было то самое время, когда я самъ усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укрѣплялись, память обогощалась, способность мышленія и пониманія увеличивалась, я росъ и развивался, и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе и вопроса моей жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ

прекратился,—я почувствовалъ что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ,—и я увидалъ, что этотъ законъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло быть: а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору жизни. Я строже отнесся къ опредѣленію этого закона; и мнѣ ясно стало, что законовъ безконечнаго развитія не можетъ быть; ясно стало, что сказать: въ безконечномъ пространствѣ и времени все развивается, совершенствуется, усложняется, дифференцируется,—что значитъ ничего не сказать. Все это—слова безъ значенія, ибо въ безконечномъ нѣтъ ни сложнаго, ни простого ни переда, ни зада, ни лучшаго, ни худшаго.

Главное же то, что вопросъ мой личный: что я такое съ моими желаніями?—остается уже совсѣмъ безъ отвѣта. И я понялъ, что знанія эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знанія обратно пропорціонально ихъ приложимости къ вопросамъ жизни: чѣмъ менѣе они приложимы къ вопросамъ жизни, тѣмъ они точнѣе и яснѣе, чѣмъ болѣе они пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни, тѣмъ болѣе они становятся не ясными и непривлекательными. Если обратиться къ той отрасли этихъ явленій, которыя пытаются давать рѣшенія на вопросы жизни—къ физіологіи, психологіи, біологіи, соціологіи, то тутъ встрѣчаешь поражающую бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ неоправданную притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ вопросовъ и безпрестанныя противорѣчія одного мыслителя съ другими и даже съ самимъ собою. Если обратиться къ отрасли знаній не занимающихся разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, но отвѣчающихъ на свои научные спеціальные вопросы, то восхищаешься силой человѣческаго ума, но знаешь впередъ, что отвѣтовъ на вопросы жизни нѣтъ. Эти знанія прямо игнорируютъ вопросъ жизни. Они говорятъ: „на то, что мы такое и зачѣмъ ты живешь, мы не имѣемъ отвѣтовъ и этимъ не занимаемся: а вотъ, если тебѣ нужно знать законы свѣта, химическихъ соединеній, законы развитія организмовъ, если тебѣ нужно законы тѣлъ, ихъ формъ и отношеніе чиселъ и величинъ, если тебѣ нужно знать законы своего ума, то на все это у насъ есть ясные, точные и несомнѣнные отвѣты“.

Вообще отношеніе наукъ опытныхъ къ вопросу жизни можетъ быть выражено такъ: Вопросъ: Зачѣмъ я живу?—Отвѣтъ: Въ безконечно-большомъ пространствѣ, въ безконечно-долгое время, безконечно малыя частицы видоизмѣ-

няются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь.

То, въ области умозрительной, я говорилъ себѣ: „все человѣчество живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, формахъ государственности. Идеалы эти становятся все выше и выше, человѣчество идетъ къ высшему благу. Я—часть человѣчества, и потому призваніе мое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества". И я во время слабоумія своего удовлетворялся этимъ; но какъ скоро ясно возсталъ во мнѣ вопросъ жизни, вся эта теорія мгновенно рушилась. Не говоря о той недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдаютъ выводы, сдѣланныя изъ ученія малой части человѣчества, за общіе выводы; не говоря о взаимной противорѣчности разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія о томъ, въ чемъ состоятъ идеалы,—странность, чтобы не сказать глупость, этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобъ, отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: „что я такое", или „зачѣмъ я живу", или: „что мнѣ дѣлать",—человѣкъ долженъ прежде разрѣшить вопросъ: „что такое жизнь всего неизвѣстнаго ему человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени. Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя.

Долженъ сознаться, было время, когда я вѣрилъ этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшіе мои прихоти, и я старался придумать такую теорію, по которой я могъ бы смотрѣть на свои прихоти какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро возсталъ въ моей душѣ вопросъ жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ тотчасъ же разлетѣлся прахомъ. И я понялъ, что какъ въ наукахъ опытныхъ есть настоящія науки и полунауки, пытающіеся давать отвѣты на неподлежащіе имъ вопросы, такъ и въ этой области я понялъ, что есть цѣлый рядъ самыхъ распространенныхъ знаній, старающихся отвѣчать на неподлежащіе вопросы. Полунауки этой области—науки юридическія, соціально-историческія—пытаются разрѣшать вопросы человѣка тѣмъ, что онѣ, мнимо,

каждая по своему, разрѣшаютъ вопросъ жизни всего человѣчества.

Но какъ въ области опытныхъ знаній человѣкъ искренно спрашивающій, какъ мнѣ жить, не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ, и тогда ты поймешь свою жизнь,—точно также не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ,—изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать и малой части котораго мы не знаемъ, и тогда ты поймешь свою жизнь. И точно также какъ въ полунаукахъ опытныхъ, и эти полунауки тѣмъ болѣе, исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противорѣчій, чѣмъ далѣе они уклоняются отъ самихъ задачъ. Задача опытной науки есть причинная послѣдовательность матеріальныхъ явленій. Стоитъ опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной причинѣ и—получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознаніе безпричинной сущности жизни. Стоитъ ввести изслѣдованіе причинныхъ явленій, какъ явленія соціальныя, историческія, и получается чепуха.

Опытная наука тогда только имѣетъ положительное значеніе и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она не вводитъ въ свои изслѣдованія конечной причины. И, наоборотъ, умозрительная наука—тогда только наука и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она устраняетъ совершенно вопросы о послѣдовательности причинныхъ явленій и разсматриваетъ человѣка только по отношенію къ конечной причинѣ. Такова въ этой области наука, составляющая полюсъ области, метафизика или философія. Наука эта ясно ставитъ вопросъ: что такое я и весь міръ? и зачѣмъ я и зачѣмъ весь міръ? И съ тѣхъ поръ какъ она есть, она отвѣчаетъ всегда одинаково. Идеи ли, субстанцію ли, духъ ли, волю ли называетъ философъ сущностью жизни, находящейся во мнѣ и во всемъ существующемъ философъ говоритъ одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачѣмъ она, онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. Я спрашиваю: зачѣмъ быть этой сущности? Что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?... И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ. И если она—истинная философія, то вся ея работа только въ томъ и состоитъ, чтобъ ясно поставить этотъ вопросъ. И если она твердо держится своей задачи, то она и не можетъ отвѣчать на вопросъ:

что такое я и весь міръ иначе какъ—„все и ничто", а на вопросъ: зачѣмъ?—„не знаю".

Такъ что, какъ ни верти тѣми умозрительными отвѣтами философіи, я никакъ не получу ничего похожаго на отвѣтъ,—и не потому, что какъ въ области ясной, опытной, отвѣтъ относится не до моего вопроса, а потому, что тутъ, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопросъ, отвѣта нѣтъ, а вмѣсто отвѣта получается тотъ же вопросъ, только въ усложненной формѣ.

VI.

Въ поискахъ за отвѣтами на вопросъ жизни я испыталъ совершенно тоже чувство, которое испытываетъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ.

Вышелъ на поляну, влѣзъ на дерево и увидалъ ясно безпредѣльныя пространства, но увидалъ, что дома тамъ нѣтъ и не можетъ быть: пошелъ въ чащу, во мракъ и увидалъ мракъ, и тоже нѣтъ и нѣтъ дома.

Такъ я блуждалъ въ этомъ лѣсу знаній человѣческихъ между просвѣтомъ знаній математическихъ и опытныхъ, открывавшихъ мнѣ ясные горизонты, но такіе, по направленію которыхъ не могло быть дома, и между мракомъ умозрительныхъ знаній, гдѣ я погружался, тѣмъ въ большій мракъ, чѣмъ дальше подвигался и убѣдился наконецъ въ томъ, что выхода нѣтъ и не можетъ быть.

Отдаваясь свѣтлой сторонѣ знаній, я понималъ, что я только отвожу себѣ глаза отъ вопроса. Какъ ни заманчивы, ясны были горизонты, открывшіеся мнѣ какъ ни заманчиво было погружаться въ безконечность этихъ знаній, я понималъ уже, что онѣ, эти знанія, тѣмъ болѣе ясны, чѣмъ менѣе онѣ мнѣ нужны, чѣмъ менѣе отвѣчаютъ на вопросъ.

Ну, я знаю,—говорилъ я себѣ,—все то, что такъ упорно желаетъ знать наука, а отвѣта на вопросъ о смыслѣ моей жизни на этомъ пути нѣтъ. Въ умозрительной же области я понималъ, что, несмотря на то, или именно потому, что цѣль знанія была прямо направлена на отвѣтъ моему вопросу, отвѣта нѣтъ иного, какъ тотъ, который я самъ далъ себѣ: какой смыслъ моей жизни?—Никакого. Или: что выйдетъ изъ моей жизни?—Ничего. Или: зачѣмъ существуетъ все то, что существуетъ, и зачѣмъ я существую?—Затѣмъ, что существуетъ.

Спрашивая у одной стороны человѣческихъ знаній, я получалъ безчисленное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ,

о чемъ я не спрашивалъ: о химическомъ составѣ звѣздъ, о движенія солнца къ созвѣздію Геркулеса, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формахъ безконечно-малыхъ, невѣсомыхъ частицъ эфира; но отвѣтъ въ этой области знаній на мой вопросъ: въ чемъ смыслъ моей жизни, —былъ одинъ: ты то, что ты называешь твоей жизнью;—ты временное, случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ себѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продолжится нѣкоторое время; потомъ взаимодѣйствіе этихъ частицъ прекратится--и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты—случайно слѣпившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣетъ. Прѣніе это комочекъ называетъ своею жизнью. Комочекъ разскочится—и кончается прѣніе, и всѣ вопросы. Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній, и ничего другого не можетъ сказать, если она только строго слѣдуетъ своимъ основамъ.

При такомъ отвѣтѣ оказывается, что отвѣтъ отвѣчаетъ не на вопросъ. Мнѣ нужно знать смыслъ моей жизни, а то, что она есть частица безконечнаго, не только не придаетъ ей смысла, но уничтожаетъ всякій возможный смыслъ.

Тѣ же неясныя сдѣлки, которыя дѣлаетъ эта сторона опытнаго, точнаго знанія съ умозрѣніемъ, при которыхъ говорится что смыслъ жизни состоитъ въ развитіи и содѣйствіи этому развитію, по неточности и неясности своей не могутъ считаться отвѣтами.

Другая сторона знанія—умозрительная, когда она строго держится своихъ основъ, прямо отвѣчая на вопросъ, вездѣ и во всѣ вѣка отвѣчаетъ и отвѣчала одно и тоже: міръ есть что-то безконечное и непонятное. Жизнь человѣческая есть непостижимая часть этого непостижамаго „всего". Опять я исключаю всѣ тѣ сдѣлки между умозрительными и опытными знаніями, которыя составляютъ весь баластъ полунаукъ, такъ называемыхъ юридическихъ, политическихъ, историческихъ. Въ эти науки опять также неправильно вводятся понятія, развитія, совершенствованія съ тою только разницей, что тамъ,—развитіе всего, а здѣсь — жизни людей. Неправильность одна и та же: развитіе, совершенствованіе въ безконечномъ не можетъ имѣть ни цѣли, ни направленія, и по отношенію къ моему вопросу ничего не отвѣчаетъ.

Тамъ же, гдѣ умозрительное знаніе точно, именно въ истинной философіи, не въ той, которую Шопенгауеръ назы-

ваетъ профессорской философіей, служащей только къ тому, чтобы распредѣлить всѣ существующія явленія по новымъ философскимъ графамъ и назвать ихъ новыми именами,— тамъ, гдѣ философъ не опускаетъ изъ виду существеннаго вопроса, отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же,— отвѣтъ данный Сократомъ, Шопенгауеромъ, Соломономъ, Буддой.

„Мы приблизимся къ истинѣ только настолько, насколько мы удалимся отъ жизни,—говоритъ Сократъ, готовясь къ смерти. — Зачѣмъ, любящіе истину, стремимся къ смерти?—Затѣмъ, чтобъ освободиться отъ тѣла и отъ всего зла, вытекающаго изъ жизни тѣла. Если такъ, то какъ же намъ не радоваться, когда смерть приходитъ къ намъ?

Мудрецъ всю жизнь ищетъ смерти, и потому смерть не страшна ему".

А вотъ, что говоритъ Шопенгауеръ:

„Познавши внутреннюю сущность міра, какъ волю, и во всѣхъ явленіяхъ, отъ безсознательнаго стремленія темныхъ силъ природы до полной сознаніемъ дѣятельности человѣка, признавши только предметность этой воли, мы никакъ не избѣжимъ того слѣдствія, что вмѣстѣ съ свободнымъ отрицаніемъ, самоуничтоженіемъ воли исчезнутъ и всѣ тѣ явленія, то постоянное стремленіе и влеченіе безъ цѣли и отдыха на всѣхъ ступеняхъ предметности, въ которомъ и чрезъ которое состоитъ міръ, исчезнетъ разнообразіе послѣдовательныхъ формъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ формой всѣ ея явленія съ своими общими формами, пространствомъ и временемъ, а наконецъ и послѣдняя основная его форма— субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли, нѣтъ представленія, нѣтъ и міра. Передъ нами, конечно остается только ничто. Но то что противится этому переходу въ ничтожество, наша природа, есть вѣдь только эта самая воля къ существованію (wille zum Leben), составляющая насъ самихъ, какъ и нашъ міръ. Что мы такъ страшимся ничтожества, или что то же, такъ хотимъ жить—означаетъ только, что мы сами ничто иное, какъ это хотѣніе—жизнь и ничего не знаемъ, кромѣ него. Поэтому то, что останется по совершенномъ уничтоженіи воли для насъ, которые еще полны волей, есть, конечно ничто; но, и наоборотъ, для тѣхъ, въ которыхъ воля обратилась и отреклась отъ себя, для нихъ этотъ нашъ столь реальный міръ, со всѣми его солнцами и млечными путями, есть ничто".

Суета суетъ,— говоритъ Соломонъ,— суета суетъ—все суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, кото-

рыми трудится онъ подъ солнцемъ? Родъ переходитъ и родъ проходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто о чемъ говорятъ: "смотри, вотъ это новое"; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ. Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и тамъ, что будетъ, не останется памяти о тѣхъ, которые будутъ послѣ. Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ. И предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобъ они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и, вотъ, все суета и томленіе духа... Говорилъ я въ сердцѣ моемъ такъ: вотъ я возвеличился, пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость, и познать безуміе и глупость; узналъ, что это—томленіе духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія умножаетъ скорбь.

„Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай, испытаю я себя веселіемъ, и наслажусь добромъ; но и это—суета. О смѣхѣ сказалъ я: глупость,—а о веселіи: что оно дѣлаетъ? Вздумалъ я въ сердцѣ своемъ услаждать виномъ тѣло мое и, между тѣмъ какъ сердце мое руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколѣ не увижу, что хорошо для сыновъ человѣческихъ, что должны были бы они дѣлать подъ небомъ въ немногіе дни своей жизни. Я предпринялъ большія дѣла, построилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовыя деревья: сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей, произращающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ: и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ, и, вотъ, все—суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ

солнцемъ. И оглянулся я, чтобы взглянуть на мудрость и безуміе и глупость. Но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ своемъ: и меня постигнетъ та же участь, какая и глупаго;—къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ моемъ, что и это—суета. Потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто, и увы, мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ! И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все—суета и томленіе духа. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. Ибо что будетъ имѣть человѣкъ отъ всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится онъ подъ солнцемъ? Потому что всѣ дни его — скорьби и его труды — безпокойство; даже и ночью сердце его не знаетъ покоя. И это—суета. Не во власти человѣка и то благо, чтобъ ѣсть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего.

„Всему и всѣмъ одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, честному и нечестному, приносящему жертву и неприносящему жертвы: какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику; какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ, что одна участь всѣмъ и сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и безуміе въ сердце ихъ, въ жизни ихъ, а послѣ того они отходятъ къ умершимъ. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, такъ какъ и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые незнаютъ ничего, и уже нѣтъ имъ воздаянія, потому что и память о нихъ предана забвенію; и любовь ихъ, и ненависть ихъ, и ревность ихъ, уже исчезли, и нѣтъ имъ болѣе чести во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ“.

Такъ говоритъ Соломонъ, или тотъ, кто писалъ эти слова.

А вотъ что говоритъ индійская мудрость:

Сакія-Муни, молодой, счастливый царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, старость, смерть, идетъ на гулянья и видитъ страшнаго старика, беззубаго и слюняваго. Царевичъ, отъ котораго до сихъ поръ скрыта была старость, удивляется и выспрашиваетъ возницу, что это такое и отчего этотъ человѣкъ пришелъ въ такое жалкое, отвратительное и безобразное состояніе. И когда онъ узнаетъ, что это общая участь всѣхъ людей, что ему, молодому царевичу,

неизбѣжно предстоитъ то же самое, онъ не можетъ уже ѣхать гулять и приказываетъ вернуться, чтобъ обмануть это. И онъ запирается одинъ и обдумываетъ. И, вѣроятно, придумываетъ себѣ какое-нибудь утѣшеніе, потому что опять веселый и счастливый выѣзжаетъ на гулянье. Но въ этотъ разъ ему встрѣчается больной. Онъ видитъ измозженнаго, посинѣвшаго, трясущагося человѣка, съ помутившимися глазами. Царевичъ, отъ котораго скрыты были болѣзни, останавливается и спрашиваетъ, что это такое. И когда онъ узнаетъ, что это—болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, и что онъ самъ, здоровый и счастливый царевичъ, завтра можетъ заболѣть также, онъ опять не имѣетъ духа веселиться, приказываетъ вернуться и опять ищетъ успокоенія, и, вѣроятно, находитъ его, потому что въ третій разъ ѣдетъ гулять; но въ третій разъ онъ видитъ еще новое зрѣлище, онъ видитъ, что несутъ что-то. „Что это"?—Мертвый человѣкъ. — „Что значитъ мертвый" — спрашиваетъ царевичъ. Ему говорятъ, что сдѣлаться мертвымъ, значитъ сдѣлаться тѣмъ, что сдѣлался этотъ человѣкъ. Царевичъ подходитъ къ мертвому, открываетъ и смотритъ на него.—Что же будетъ съ нимъ дальше?—спрашиваетъ царевичъ. Ему говорятъ, что его закопаютъ въ землю.—„Зачѣмъ?"—Затѣмъ, что онъ уже навѣрно не будетъ больше никогда живой, а только будетъ отъ него смрадъ и черви. — И это удѣлъ всѣхъ людей? И со мною то же будетъ? Меня закопаютъ и отъ меня будетъ смрадъ и меня съѣдятъ черви?"—Да.—„Назадъ! Я не ѣду гулять и никогда не поѣду больше".

И Сакія-Муни не могъ найти утѣшенія въ жизни и онъ рѣшилъ, что жизнь—величайшее зло, и всѣ силы души употребилъ на то, чтобъ освободиться отъ нея и освободить другихъ. И освободить такъ, чтобъ и послѣ смерти жизнь не возобновлялась какъ-нибудь, чтобъ уничтожить жизнь совсѣмъ въ корнѣ. Это говоритъ вся индійская мудрость.

Такъ вотъ тѣ прямые отвѣты, которые даетъ мудрость человѣческая, когда онъ отвѣчаетъ прямо на вопросъ жизни.

„Жизнь тѣла есть зло и ложь. И потому уничтоженіе этой жизни тѣла есть благо, и потому мы должны желать его". говоритъ Сократъ.

„Жизнь есть то, чего не должно быть,—зло, и переходъ въ ничто есть единственное благо жизни", говоритъ Шопенгауеръ.

„Все въ мірѣ—и глупость и мудрость и богатство и нищета, и веселіе и горе—все суета и пустяки. Человѣкъ

умретъ и ничего не останется. И это глупо", говоритъ Соломонъ.

„Жить съ сознаніемъ неизбѣжности страданія, ослабленія, старости и смерти нельзя,—надо освободить себя отъ жизни отъ всякой возможности жизни", говоритъ Будда.

И то, что сказали эти сильные умы, говорили, думали и чувствовали милліоны милліоновъ людей подобныхъ имъ. И думаю, и чувствую и я.

Такъ что блужданіе мое въ знаніяхъ не только не вывело меня изъ моего отчаянія, но только усилило его. Одно знаніе не отвѣтило на вопросы жизни, другое же знаніе отвѣтило прямо, подтверждая мое отчаяніе и указывая, что то, къ чему я пришелъ, не есть плодъ моего заблужденія, болѣзненнаго состоянія ума,—напротивъ, оно подтвердило мнѣ то, что я думалъ вѣрно и сошелся съ выводами сильнѣйшихъ умовъ и человѣчества.

Обманывать себя нечего. Все—суета. Счастливъ, кто не родился,—смерть лучше жизни; надо избавиться отъ нея.

VII.

Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни, надѣясь въ людяхъ, окружающихъ меня, найти его, и я сталъ наблюдать людей—такихъ же, какъ я, какъ они живутъ, вокругъ меня и какъ они относятся къ этому вопросу, приведшему меня къ очтаянію.

И вотъ, что я нашелъ у людей, находящихся въ одномъ со мною положеніи по образованію и образу жизни.

Я нашелъ, что для людей моего круга есть четыре выхода изъ этого ужаснаго положенія, въ которомъ мы всѣ находимся.

Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и безсмыслица. Люди этого разряда — большею частью женщины или очень молодые, или очень тупые люди—еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауеру, Соломону, Буддѣ. Они невидятъ ни дракона, ожидающаго ихъ, ни мышей, подтачивающихъ кусты, за которые они держатся и лижутъ капли меду. Но они лижутъ эти капли меда только до времени: лишь что-нибудь обратитъ ихъ вниманіе на дракона и мышей и конецъ ихъ лизанью. Отъ нихъ мнѣ нечему научиться,—нельзя перестать знать того, что знаешь.

Второй выходъ это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ

въ томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамѣсть тѣми благами, какія есть, несмотря ни на дракона, ни на мышей, а лизать медъ самымъ лучшимъ образомъ, особенно если его накопилось много. Соломонъ выражаетъ этотъ выходъ такъ:

„И похвалилъ я веселье, потому что нѣтъ лучшаго для человѣка подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться: это сопровождаетъ его въ трудахъ во дни жизни его, которые далъ ему Богъ подъ солнцемъ.

„И такъ, иди, ѣшь съ весельемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое... Наслаждайся жизнью съ женщиною, которую любишь, во всѣ дни суеты жизни твоей, во всѣ суетные дни твои, потому что это—доля твоя въ жизни и трудахъ твоихъ, какими ты трудишься подъ солнцемъ... Все, что можетъ рука твоя по силамъ дѣлать, дѣлай, потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости".

Такъ придерживаютъ въ себѣ возможность жизни большинство людей нашего круга. Условія, въ которыхъ они находятся, дѣлаютъ то, что благъ у нихъ больше, чѣмъ золъ, а нравственная тупость даетъ имъ возможность забывать, что выгода ихъ положенія случайна, что всѣмъ нельзя имѣть 1000 женщинъ и дворцовъ, какъ Соломонъ, что за каждаго человѣка съ 1000 женъ есть 1000 людей безъ женъ и на каждый дворецъ есть 1000 людей, въ потѣ строящихъ его, и что та случайность, которая нынче сдѣлала меня Соломономъ, завтра можетъ сдѣлать меня рабомъ Соломона. Тупость же воображенія этихъ людей даетъ имъ возможность забывать про то, что не дало покоя Буддѣ—неизбѣжность болѣзни, старости и смерти, которая не нынче—завтра разрушитъ всѣ эти удовольствія.

Такъ думаютъ и чувствуютъ большинство людей нашего времени и образа жизни. То, что нѣкоторые изъ этихъ людей утверждаютъ, что тупость ихъ мысли и воображенія есть философія, которую они называютъ позитивной, не выдѣляетъ на мой взглядъ этихъ людей изъ разряда тѣхъ которые, чтобы не видать вопроса, лижутъ медъ. И этимъ людямъ я не могъ подражать: не имѣя ихъ тупости воображенія, я не могъ ее искусственно произвести въ себѣ. Я не могъ, какъ не можетъ всякій живой человѣкъ, оторвать глазъ отъ мышей и дракона, когда онъ разъ увидалъ ихъ.

Третій выходъ есть выходъ силы и энергіи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ, что жизнь есть зло и без-

смыслица, уничтожить ее. Такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди. Понявъ всю глупость шутки, какая надъ ними сыграна, и понявъ, что блага умершихъ паче благъ живыхъ и что лучше всего не быть, они такъ и поступаютъ и кончаютъ сразу эту глупую шутку, блага есть средства: петля на шею, вода, ножь, чтобы имъ проткнуть сердце, поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ. И людей изъ нашего круга, поступающихъ такъ, становится все больше и больше. И поступаютъ такъ люди большею частью въ самый лучшій періодъ жизни, когда силы души находятся въ самомъ расцвѣтѣ, а уничтожающихъ человѣческихъ разумъ привычекъ еще усвоено мало.

Я видѣлъ, что это самый достойный выходъ, и хотѣлъ поступить такъ.

Четвертый выходъ есть выходъ слабости. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы понимая зло и безсмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная впередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Люди этого разбора знаютъ, что смерть лучше жизни, но, не имѣя силъ поступить разумно, поскорѣе кончить обманъ и убить себя, чего-то какъ-будто ждутъ. Это есть выходъ слабости, ибо если я знаю лучше и оно въ моей власти, почему не отдаться лучшему?... Я находился въ этомъ разрядѣ.

Такъ люди моего разбора четырьмя путями спасяются отъ ужаснаго противорѣчія. Сколько я ни напрягалъ своего умственнаго вниманія, кромѣ этихъ четырехъ выходовъ я не видалъ еще иного. Одинъ выходъ: не понимать того, что жизнь есть безсмыслица, суета и зло, и что лучше не жить. Я не могъ не знать этого, и когда разъ узналъ, не могъ закрыть на это глаза. Другой выходъ—пользоваться жизнью такою, какая есть, не думая о будущемъ. И этого не могъ сдѣлать. Я, какъ Сакія-Муни, не могъ ѣхать на охоту, когда зналъ, что есть старость, страданія, смерть. Воображеніе у меня было слишкомъ живо. Кромѣ того, я не могъ радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновеніе наслажденіе на мою долю. Третій выходъ: понявъ, что жизнь есть зло и глупость, прекратить, убить себя—я понялъ это, но почему-это все еще не убивалъ себя. Четвертый выходъ—жить въ положеніи Соломона, Шопенгауера—знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надо мною шутка, и всетаки жить, умываться, одѣваться, обѣдать, говорить и даже книжки писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался въ этомъ положеніи.

Оно было такое: я, мой разумъ—признали, что жизнь

неразумна. Если нѣтъ высшаго разума (а его нѣтъ и ничто доказать его не можетъ), то разумъ есть творецъ жизни для меня. Не было бы разума, не было бы для меня и жизни. Какъ же этотъ разумъ отрицаетъ жизнь, а онъ самъ творецъ жизни? Или, съ другой стороны: если бы не было жизни, не было бы и моего разума—стало быть разумъ есть сынъ жизни. Жизнь есть все. Разумъ есть плодъ жизни, и разумъ этотъ отрицаетъ самую жизнь. Я чувствовалъ, что тутъ что-то неладно.

Жизнь есть безсмысленное зло, это несомнѣнно—говорилъ я себѣ.—Но я жилъ, живу еще, и жило и живетъ все человѣчество. Какъ же такъ? Зачѣмъ же оно живетъ, когда можетъ не жить? Что-жъ, я одинъ съ Шопенгауеромъ такъ уменъ, что понялъ безсмысленность и зло жизни?

Разсужденіе о тщетѣ жизни не такъ хитро и его дѣлаютъ давно и всѣ самые простые люди, а жили они и живутъ. Что-жъ, они то всѣ живутъ и никогда не думаютъ сомнѣваться въ разумности жизни?

Мое знаніе, подтверждаемое мудростью мудрецовъ, открыло мнѣ, что все на свѣтѣ—органическое и неорганическое—все необыкновенно умно устроено, только мое одно положеніе глупо. А эти дураки—огромныя массы простыхъ людей—ничего не знаютъ на счетъ того, какъ все органическое и неорганическое устроено на свѣтѣ, а живутъ и имъ кажется, что жизнь очень разумно устроена!...

И мнѣ приходило въ голову: а что, какъ я чего нибудь еще не знаю? Вѣдь точно такъ поступаетъ незнаніе. Незнаніе вѣдь всегда это самое говоритъ. Когда оно не знаетъ чего нибудь, оно говоритъ, что глупо то, чего оно не знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ выходитъ такъ, что есть человѣчество цѣлое, которое жило и живетъ, какъ будто понимая смыслъ своей жизни, ибо не понимая его оно не могло бы жить, а я говорю, что вся эта жизнь есть безсмыслица, и не могу жить.

Никто не мѣшаетъ намъ отрицать жизнь самоубійствомъ. Но тогда и убей себя и—не будешъ разсуждать. Не нравится тебѣ жизнь, убей себя. А живешь и не можешь понять смысла жизни, тогда прекрати ее, а не вертись въ этой жизни, разсказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни. Пришелъ въ веселую компанію, всѣмъ очень хорошо, всѣ знаютъ, что они дѣлаютъ, а тебѣ скучно и противно, такъ уйди.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что же такое мы, убѣжденные въ необходимости самоубійства и не рѣшающіеся совер-

шить его, какъ не самые слабые, непослѣдовательные, и говоря попросту, глупые люди, носящіеся со своей глупостью, какъ дуракъ съ писанной торбой?

Вѣдь наша мудрость, какъ ни несомнѣнно вѣрна она, не дала намъ знанія смысла нашей жизни. Все же человѣчество, дѣлающее жизнь, милліоны— не сомнѣваются въ смыслѣ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ давнихъ, давнихъ поръ, какъ есть жизнь, о которой я что нибудь да знаю, жили люди, зная то разсужденіе о тщетѣ жизни, которое мнѣ показало ея безсмыслицу, и все таки жили, придавая ей какой-то смыслъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась какая-нибудь жизнь людей, у нихъ уже былъ этотъ смыслъ жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мнѣ и около меня,—все и плотское, и неплотское, все это—плодъ ихъ знанія жизни. Тѣ самыя орудія мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее,—все это не мной, а ими сдѣлано. Самъ я родился, воспитался, выросъ, благодаря имъ. Они выкопали желѣзо, научили рубить лѣсъ, приручили коровъ, лошадей, научили сѣять, научили жить вмѣстѣ, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то—ихъ произведеніе, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, ихъ мыслями и словами—доказалъ имъ, что они—безсмыслица! Тутъ что-то не такъ, говорилъ я себѣ.—„Гдѣ нибудь я ошибся". Но въ чемъ была ошибка, я никакъ не могъ найти.

VIII.

Всѣ эти сомнѣнія, которыя я теперь въ состояніи высказать болѣе или менѣе связно, тогда я не могъ бы высказать. Тогда я только чувствовалъ, что какъ ни логически неизбѣжны были мои, подтверждаемые величайшими мыслителями, выводы о тщетѣ жизни, въ нихъ было что-то неладно. Въ самомъ ли разсужденіи, въ постановкѣ ли вопроса, я не зналъ,—я чувствовалъ только, что убѣдительность разумная была совершенная, но что ея было мало. Всѣ эти выводы не могли убѣдить меня такъ, чтобъ я сдѣлалъ то, что вытекало изъ моихъ разсужденій, т. е. чтобъ я убилъ себя. И я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ, и не убилъ себя. Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать

вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила разумъ. Эта сила заставила меня обратить вниманіе на то, что я съ сотнями подобныхъ мнѣ людей не есть все человѣчество, что жизни человѣчества я еще не знаю.

Оглядывая тѣсный кружокъ сверстныхъ мнѣ людей, я видѣлъ только людей, не понимавшихъ вопроса, понимавшихъ и заглушившихъ вопросъ пьянствомъ жизни, понявшихъ и прекращавшихъ жизнь и понявшихъ и по слабости дожадавшихъ отчаянную жизнь. И я не видалъ иныхъ. Мнѣ казалось, что тотъ тѣсный кружокъ ученыхъ, богатыхъ и досужихъ людей, къ которому я принадлежалъ, составляетъ все человѣчество, а что тѣ милліарды жившихъ и живыхъ это—такъ, какіе то скоты, не люди.

Какъ ни странно, ни неимовѣрно-непонятно кажется мнѣ теперь то, какъ могъ я, разсуждая про жизнь, просмотрѣть окружавшихъ меня со всѣхъ сторонъ, жизнь человѣчества, какъ я могъ до такой степени смѣшно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломоновъ и Шопенгауеровъ есть настоящая нормальная жизнь, а жизнь милліардовъ есть не стоющее вниманія обстоятельство,—какъ ни странно это мнѣ теперь, я вижу, что это было такъ. Въ заблужденіи гордости своего ума, мнѣ такъ казалось несомнѣннымъ, что мы съ Соломономъ и Шопенгауеромъ поставили вопросъ такъ вѣрно и истинно, что другого ничего быть не можетъ,—такъ несомнѣнно казалось, что всѣ эти милліарды принадлежатъ къ тѣмъ, которые еще не дошли до постиженія всей глубины вопроса, что я искалъ смысла своей жизни и ни разу не подумалъ: „да какой же смыслъ придаютъ ей и придавали всѣ милліарды, жившіе и живущіе на свѣтѣ?“

Я долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, особенно свойственномъ не на словахъ, но на дѣлѣ намъ—самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ. Но благодаря ли моей какой то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидать, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, или благодаря искренности моего убѣжденія въ томъ, что я ничего не могу знать, какъ, то, что самое лучшее, что я могу сдѣлать—это повѣситься,—я чуялъ, что если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. И я огля-

нулся на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ, не ученыхъ и не богатыхъ людей и увидалъ совершенно другое. Я увидалъ, что всѣ эти милліарды жившихъ и живущихъ людей, всѣ, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ къ моему дѣленію, что признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенной ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать же ихъ неразумно доживающими безсмысленную жизнь могу еще меньше, такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывается, что у всего человѣчества есть какое-то непризнаваемое и презираемое мною знаніе смысла жизни. Выходило то, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь, смыслъ же придаваемый жизни милліардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ-то презрѣнномъ ложномъ знаніи.

Разумное знаніе въ лицѣ ученыхъ и мудрыхъ отрицаетъ смыслъ жизни, а огромныя массы людей, все человѣчество — признаютъ этотъ смыслъ въ неразумномъ знаніи. И это неразумное знаніе есть вѣра, та самая, которую я не могъ не откинуть. Это Богъ и я, это твореніе въ 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу принять, пока и не сошелъ съ ума.

Положеніе мое было ужасно. Я зналъ, что я ничего не найду на пути разумнаго знанія, кромѣ отрицанія жизни, а тамъ въ вѣрѣ—ничего, кромѣ отрицанія разума, которое еще невозможнѣе, чѣмъ отрицаніе жизни. По разумному знанію выходило такъ, что жизнь есть зло и люди знаютъ это,—отъ людей зависитъ не жить, а они жили и живутъ, и самъ я жилъ, хотя и зналъ уже давно то, что жизнь безсмысленна и есть зло. По вѣрѣ выходило, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, я долженъ отречься отъ разума, того самаго, для котораго нуженъ смыслъ.

XIX.

Выходило противорѣчіе, изъ котораго было только два выхода: или то, что я называлъ разумнымъ, не было такъ разумно, какъ я думалъ: или то, что мнѣ казалось неразумно, не было такъ неразумно, какъ я думалъ. И я сталъ провѣрять ходъ разсужденій моего разумнаго знанія.

Провѣряя ходъ разсужденія разумнаго знанія, я нашелъ его совершенно правильнымъ. Выводъ о томъ, что жизнь есть ничто, былъ не избѣженъ; но я увидалъ ошибку. Ошибка была въ томъ, что я мыслилъ несоотвѣтственно поставленному мною вопросу. Вопросъ былъ тотъ: зачѣмъ мнѣ жить, т. е., что выйдетъ настоящаго, не уничтожающагося изъ моей призрачной, уничтожающейся жизни,—какой смыслъ имѣетъ мое конечное существованіе въ этомъ безконечномъ мірѣ? И чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я изучалъ жизнь.

Рѣшенія всѣхъ возможныхъ вопросовъ жизни, очевидно, не могли удовлетворять меня, потому что мой вопросъ, какъ онъ ни простъ кажется сначала, включаетъ въ себѣ требованіе объясненія конечнаго безконечнымъ и наоборотъ.

Я спрашивалъ: какое внѣвременное, внѣпричинное, внѣпространственное значеніе моей жизни?—А отвѣчалъ я на вопросъ: какое временное, причинное и пространственное значеніе моей жизни?... Вышло то, что послѣ долгаго труда мысли я отвѣтилъ: никакого.

Въ разсужденіяхъ моихъ, я постоянно приравнивалъ, да и не могъ поступить иначе, конечное къ конечному и безконечное къ безконечному, а потому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила, вещество есть вещество, воля есть воля, безконечность есть безконечность. ничего есть ничего—и дальше ничего не могло выйдти.

Было что-то подобное тому, что бываетъ въ математикѣ, когда, думая рѣшать уравненіе, рѣшаешь тождество. Ходъ размышленія правиленъ, но въ результатѣ получается отвѣтъ: а=а, или х=х, или о=о. Тоже самое случилось и съ моимъ разсужденіемъ по отношенію къ вопросу о значеніи моей жизни. Отвѣты, даваемые всею наукой на этотъ вопросъ—только тождества.

И дѣйствительно, строго разумное знаніе, которое, какъ этотъ сдѣлалъ Декартъ, начинаетъ съ полнаго сомнѣнія во всемъ, откидываетъ всякое допущенное на вѣру знаніе и строитъ все вновь на законахъ разума и опыта—и не можетъ дать иного отвѣта на вопросъ жизни, какъ тотъ самый, который и я получилъ,—отвѣтъ неопредѣленный. Мнѣ только показалось сначала, что знаніе дало положительный отвѣтъ—отвѣтъ Шопенгауера: жизнь не имѣетъ смысла, она есть зло; но разобравъ дѣло, я понялъ, что отвѣтъ не положительный, что мое чувство только выразило его такъ. Отвѣтъ же строго выраженный, какъ онъ и выраженъ и у браминовъ, и у Соломона, и у Шопенгауера, есть только отвѣтъ неопредѣленный, или тождество о=о, жизнь есть ни-

что. Такъ что, знаніе философское ничего не отрицаетъ, а только отвѣчаетъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ имъ, для него рѣшеніе остается неопредѣленнымъ.

Понявъ это, я понялъ, что нельзя было искать въ разумномъ знаніи отвѣта на мой вопросъ и что отвѣтъ, даваемый разумнымъ знаніемъ, есть только указаніе на то, что отвѣтъ можетъ быть полученъ только при иной постановкѣ вопроса, только тогда, когда въ разсужденіе будетъ введенъ вопросъ отношенія конечнаго къ безконечному. Я понялъ и то, что какъ ни неразумны и уродливы отвѣты, даваемые вѣрою; они имѣютъ то преимущество, что вводятъ въ каждый отвѣтъ отношеніе конечнаго къ безконечному, безъ котораго не можетъ быть отвѣта.

Какъ я ни поставлю вопросъ: какъ мнѣ жить,—отвѣтъ: по закону Божію. Что выйдетъ изъ настоящей моей жизни? —Вѣчныя мученія или вѣчное блаженство. Какой смыслъ, не уничтожаемый смертью?—Соединеніе съ безконечнымъ Богомъ, рай.

Такъ что, кромѣ разумнаго знанія, которое мнѣ прежде предстявлялось единственнымъ, я было неизбѣжно приведенъ къ признанію того, что у всего живущаго человѣчества есть еще какое-то другое знаніе неразумное—вѣра, дающая возможность жить.

Вся неразумность вѣры оставалась для меня та же, какъ и прежде, но я не могъ не признать того, что она одна даетъ человѣчеству отвѣты на вопросы жизни и вслѣдствіе того возможность жизни.

Разумное знаніе привело меня къ признанію того, что жизнь безсмысленна,—жизнь моя остановилась и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человѣчество, я увидалъ, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. На себя оглянулся: я жилъ пока, зналъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ смыслъ жизни и возможность жизни давала вѣра.

Оглянувшись дальше на людей другихъ странъ, на современныхъ мнѣ и на отжившихъ, я увидалъ одно и то же, Гдѣ жизнь, тамъ вѣра, съ тѣхъ поръ, какъ есть человѣчество, даетъ возможность жить и главныя черты вѣры вездѣ и всегда одни и тѣ же.

Какіе бы и кому бы ни давала отвѣты, какая бы то ни была вѣра, всякій отвѣтъ вѣры конечному существованію человѣка придаетъ смыслъ безконечнаго,—смыслъ, не уничтожаемый страданіями, лишеніями и смертью. Значитъ—въ одной вѣрѣ можно найти смыслъ и возможность жизни. Что

же такое эта вѣра? И я понялъ, что вѣра не есть только обличеніе вещей невидимыхъ и т. д., не есть откровеніе это есть только описаніе одного изъ признаковъ вѣры), не есть отношеніе человѣка къ Богу (надо опредѣлить вѣру, а потомъ Бога, а не черезъ Бога опредѣлять вѣру), не есть только согласіе съ тѣмъ, что сказали человѣку, какъ чаще всего понимается вѣра,— вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ во что-нибудь да вѣритъ. Если бы онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы не жилъ. Если онъ не видитъ и не понимаетъ призрачности конечности онъ вѣритъ въ это конечное; если онъ понимаетъ призрачность конечнаго, онъ долженъ вѣрить въ безконечное. Безъ вѣры нельзя жить.

И я вспомнилъ весь ходъ своей внутренней работы и ужаснулся. Теперь мнѣ было ясно, что для того, чтобы человѣкъ могъ жить, ему нужно или не видѣть безконечнаго, или имѣть такое объясненіе смысла жизни, при которомъ конечное приравнивалось бы безконечному. Такое объясненіе у меня было, но оно мнѣ было не нужно, пока я вѣрилъ въ конечное, и я сталъ разумомъ провѣрять его. И передъ свѣтомъ разума все прежнее разъясненіе разлетѣлось прахомъ; но пришло время, когда я пересталъ вѣрить въ конечное. И тогда я сталъ на разумныхъ основаніяхъ строить изъ того, что я зналъ, такое объясненіе, которое дало бы смыслъ жизни; но ничего не построилось. Вмѣстѣ съ лучшими умами человѣчества я пришелъ къ тому, что о=о, и очень удивился, что получилъ такое рѣшеніе, тогда какъ ничего иного и не могло выйти.

Что я дѣлалъ, когда искалъ отвѣта въ знаніяхъ опытныхъ?—Я хотѣлъ узнать, зачѣмъ я живу, и для того изучалъ все то, что внѣ меня. Ясно, что я могъ узнать многое, но ничего изъ того, что мнѣ нужно.

Что я дѣлалъ, когда искалъ отвѣта въ знаніяхъ философскихъ? Я изучалъ мысли тѣхъ существъ, которыя находились въ томъ же самомъ положеніи, какъ и я, которыя не имѣли отвѣта на вопросъ: зачѣмъ я живу. Ясно, что я ничего не могъ узнать иначе какъ то, что я самъ зналъ, что ничего знать нельзя.

Что такое я?—Часть безконечнаго. Вѣдь уже въ этихъ двухъ словахъ лежитъ вся задача.

Неужели этотъ вопросъ только со вчерашняго дня сдѣлало себѣ человѣчество? И неужели никто до меня не зада-

валъ себѣ этого вопроса,—вопроса такого простого, просящагося на языкъ каждому умному дитяти?

Вѣдь этотъ вопросъ былъ поставленъ съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, и съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, понятно, что для рѣшенія этого вопроса одинаково недостаточно приравнивать конечное къ конечному, и съ тѣхъ поръ, какъ люди есть, отысканы отношенія конечнаго къ безконечному и выражены.

Всѣ эти понятія, при которыхъ приравнивается конечное къ безконечному и получается смыслъ жизни, понятія бога, свободы, добра мы подвергаемъ логическому изслѣдованію. И эти понятія не выдерживаютъ критики разума.

Если бы не было такъ ужасно, было бы смѣшно, съ какою гордостью и самодовольствомъ мы, какъ дѣти, разбираемъ часы, вынимаемъ пружину, дѣлаемъ изъ нея игрушку и потомъ удивляемся, что часы перестаютъ итти.

Нужно и дорого разрѣшеніе противорѣчія конечнаго съ безконечнымъ и отвѣтъ на вопросъ жизни такой, при которомъ возможна жизнь. И это единственное разрѣшеніе, которое мы находимъ вездѣ, всегда и у всѣхъ народовъ,—разрѣшеніе, вынесенное изъ времени, въ которомъ теряется для насъ жизнь людей, разрѣшеніе столь трудное, что мы ничего подобнаго сдѣлать не можемъ,—это-то разрѣшеніе мы легкомысленно разрушаемъ съ тѣмъ, чтобы поставить опять тотъ вопросъ, который присущъ всякому и на который у насъ нѣтъ отвѣта.

Понятіе безконечнаго бога, божественности души, связи дѣлъ людскихъ съ богомъ, единства, сущности души; человѣческаго понятія нравственнаго добра и зла—суть понятія, выработанныя въ скрывающейся безконечности мысли человѣческой, суть тѣ понятія, безъ которыхъ не было бы жизни и меня самаго, а я отринувъ всю эту работу всего человѣчества, хочу все самъ сдѣлать по новому и по своему.

Я не такъ думалъ тогда, но зародыши этихъ мыслей уже были во мнѣ. Я понималъ, 1) что мое положеніе съ Шопенгауеромъ и Соломономъ, не смотря на нашу мудрость, глупо: мы понимаемъ, что жизнь есть зло, и все-таки живемъ. Это явно глупо, потому что, если жизнь глупа,—а я такъ люблю все разумное,—то надо уничтожить жизнь и некому будетъ отрицать ее. 2) Я понималъ, что всѣ наши разсужденія вертятся въ заколдованномъ кругѣ, какъ колесо, не цѣпляющееся за шестерню. Сколько бы и какъ бы хорошо мы ни разсуждали, мы не можемъ получить от-

вѣта на вопросъ и всегда будетъ о=о, и что потому путь нашъ, вѣроятно, ошибоченъ. 3) Я начиналъ понимать, что въ отвѣтахъ, даваемыхъ вѣрою, хранится, глубочайшая мудрость человѣчества, и что я не имѣлъ права отрицать ихъ на основаніи разума, и что главные отвѣты эти одни отвѣчаютъ на вопросъ жизни.

X.

Я понималъ это, но отъ этого мнѣ было не легче.

Я готовъ былъ принять теперь всякую вѣру, только бы она не требовала отъ меня прямого отрицанія разума, которое было бы ложью. И я изучалъ и буддизмъ, и магометанство по книгамъ, и болѣе всего христіанство и по книгамъ, и по живымъ людямъ, окружавшимъ меня.

Я естественно обратился прежде всего къ вѣрующимъ людямъ моего круга, къ людямъ ученымъ, къ православнымъ богословамъ, къ монахамъ-старцамъ, къ православнымъ богословамъ новаго оттѣнка и даже къ такъ называемымъ новымъ христіанамъ, исповѣдующимъ спасеніе вѣрою въ искупленіе. И я ухватился за этихъ вѣрующихъ и допрашивалъ ихъ о томъ, какъ они вѣрятъ и въ чемъ видятъ смыслъ жизни.

Не смотря на то, что я дѣлалъ всевозможныя уступки, избѣгалъ всякихъ споровъ, я не могъ принять вѣры этихъ людей,—я видѣлъ, что то, что выдавали они за вѣру, не было объясненіе, а затемненіе смысла жизни, и что сами они утверждали свою вѣру не для того, чтобъ отвѣтить на тотъ вопросъ жизни, который привелъ меня къ вѣрѣ, а для какихъ-то другихъ, чуждыхъ мнѣ цѣлей.

Помню мучительное чувство ужаса возвращенія къ прежнему отчаянію послѣ надежды, которую я испытывалъ много и много разъ въ сношеніяхъ съ этими людьми.

Чѣмъ больше, подробнѣе они излагали мнѣ свои вѣроученія, тѣмъ яснѣе я видѣлъ ихъ заблужденіе и потерю моей надежды найти въ ихъ вѣрѣ объясненія смысла жизни.

Не то, что въ изложеніи своего вѣроученія они примѣшивали къ всегда бывшимъ мнѣ близкими христіанскимъ истинамъ еще много ненужныхъ и неразумныхъ вещей,— не это оттолкнуло меня; но меня оттолкнуло то, что жизнь этихъ людей была та же, какъ и моя, съ тою только разницей, что она не соотвѣтствовала тѣмъ самымъ началамъ, которыя они излагали въ своемъ вѣроученіи. Я ясно чув-

ствовалъ, что они обманываютъ себя, и что у нихъ также, какъ у меня, нѣтъ другого смысла жизни какъ того, чтобы жить, пока живется, и брать все, что можетъ взять рука. Я видѣлъ это потому, что если-бъ у нихъ былъ тотъ смыслъ, при которомъ уничтожается страхъ лишеній, страданій и смерти, то они бы не боялись ихъ. А они, эти вѣрующіе нашего круга, точно такъ же, какъ и я, жили въ достаткѣ и избыткѣ, старались увеличить или сохранить его, боялись лишеній, страданій смерти, и такъ- же какъ и я и всѣ мы, невѣрующіе, жили—удовлетворяя похотямъ, жили такъ же дурно, если не хуже, чѣмъ невѣрующіе.

Никакія разсужденія не могли убѣдить меня въ истинности ихъ вѣры. Только такія дѣйствія, которыя бы показывали, что у нихъ есть смыслъ жизни такой, при которомъ страшныя мнѣ нищета, болѣзнь, смерть—не страшны имъ, могли бы убѣдить меня. А такихъ дѣйствій я не видѣлъ между этими разнообразными вѣрующими нашего круга. Я видѣлъ такія дѣйствія, напротивъ, между людьми нашего круга самыми невѣрующими, но никогда между такъ называемыми вѣрующими нашего круга.

И я понялъ, что вѣра этихъ людей—не та вѣра, которой я искалъ, что ихъ вѣра есть не вѣра, а только одно изъ эпикурейскихъ утѣшеній жизни. Я понялъ, что вѣра эта годится, можетъ быть, хоть не для утѣшенія, а для нѣкотораго разсѣянія раскаивающемуся Соломону на смертномъ одрѣ, но она не можетъ годиться для огромнаго большинства человѣчества, которое признано не потѣшиться, пользуясь трудами другихъ, а творить жизнь. Для того, чтобы все человѣчество могло жить, для того, чтобъ оно продолжало жизнь, придавая ей смыслъ,—у нихъ, у этихъ милліардовъ, должно быть другое, настоящее знаніе вѣры. Вѣдь не то, что мы съ Соломономъ и Шопенгауеромъ не убили себя, не это убѣдило меня въ существованіи вѣры, а то, что жили эти милліарды и живутъ и насъ съ Соломонами вынесли въ своихъ волнахъ жизни.

И я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, съ странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вѣроученіе этихъ людей изъ народа было тоже христіанское, какъ вѣроученіе мнимо-вѣрующихъ, изъ нашего круга. Къ истинамъ христіанскимъ примѣшано было тоже очень много суевѣрій, но разница была въ томъ, что суевѣрія вѣрующихъ нашего круга были совсѣмъ не нужны имъ, не вязались съ ихъ жизнью, были только своего рода эпикурейскою потѣхой; суевѣрія же вѣ-

рующихъ изъ трудового народа были до такой степени связаны съ ихъ жизнью, что нельзя было себѣ представить ихъ жизни безъ этихъ суевѣрій,—они были необходимымъ условіемъ этой жизни. Вся жизнь вѣрующихъ нашего круга была противорѣчіемъ ихъ вѣрѣ, а вся жизнь людей вѣрующихъ и трудящихся была подтвержденіемъ того смысла жизни, которой давало знаніе вѣры. И я сталъ вглядываться въ жизнь и вѣрованія этихъ людей. и чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался, что у нихъ есть настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ и она одна даетъ имъ смыслъ и возможность жизни. Въ противоположность того, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры и гдѣ изъ 1000 едва ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва ли одинъ невѣрующій на тысячу. Въ противоположность того, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью, я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходила въ тяжеломъ трудѣ и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишенія и страданія, эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія, противленія, а съ спокойною и твердою увѣренностью въ томъ, что все это должно быть и не можетъ быть иначе, что все это—добро. Въ противоположность тому, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти, и страдаютъ съ спокойствіемъ и даже часто съ радостью. Въ противоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія, есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ кругѣ,—смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое рѣдкое исключеніе среди народа. И такихъ людей, лишенныхъ всего того, что для насъ съ Соломономъ есть единственное благо жизни, и испытывающихъ при этомъ величайшее счастье, многое множество. Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ, понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, трехъ, десять, а сотни, тысячи, милліоны. И всѣ они безконечно различные по своему нраву, уму образованію, положенію, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти,

спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро.

И я полюбилъ этихъ людей. Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, живыхъ людей и жизни умершихъ людей про которыхъ я читалъ и слышалъ, тѣмъ больше я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ года два и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусства—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ придаваемый этой жизни есть истина и я принялъ его.

XI.

И вспомнивъ то, какъ тѣ же самыя вѣрованія отталкивали меня и казались безсмысленными, когда ихъ исповѣдывали люди, жившіе противно этимъ вѣрованіямъ и какъ эти же самыя вѣрованія привлекли меня и показались мнѣ разумными, когда я видѣлъ, что люди живутъ ими,—я понялъ, почему я тогда откинулъ эти вѣрованія и почему нашелъ, ихъ безсмысленными тогда, а теперь принялъ ихъ и нашелъ полными смысла. Я понялъ, что я заблудился, и какъ я заблудился. Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслилъ, сколько оттого, что я жилъ дурно. Я понялъ, что истину закрыло отъ меня не столько заблужденіе моей мысли, сколько самая жизнь моя въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства, удовлетворенія похотямъ, въ которыхъ я провелъ ее. Я понялъ, что мой вопросъ о томъ, что есть моя жизнь, и отвѣтъ: зло,—былъ совершенно правиленъ. Неправильно было только то, что отвѣтъ, относящійся только ко мнѣ, я отнесъ къ жизни вообще я спросилъ себя, что такое моя жизнь и получилъ отвѣтъ: зло и безсмыслица. И точно, моя жизнь—жизнь потворства, похоти—была безсмысленна и зла и потому отвѣтъ: „жизнь зла и безсмыслена“—относился только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще. Я понялъ ту истину, впослѣдствіи найденную мною въ евангеліи, что

люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому, что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличить дѣла его. Я понялъ, что для того, чтобы понять смыслъ жизни, надо, прежде всего, чтобы жизнь была не безсмысленна и эта, а потомъ уже—разумъ для того, чтобы понять ее. Я понялъ, почему я такъ долго ходилъ около такой очевидной истины и что если думать и говорить о жизни человѣчества, то надо говорить и думать о жизни человѣчества, а не о жизни нѣсколькихъ паразитовъ жизни. Истина эта была всегда истина, какъ 2×2=4, но я не признавалъ ее, потому что признакъ 2×2=4, я уже долженъ былъ признать то, что я не хорошъ. А чувствовать себя хорошимъ для меня было важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ 2×2=4. Я полюбилъ хорошихъ людей, возненавидѣлъ себя, и я призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно стало.

Что, если бы палачъ, проводящій жизнь въ пыткахъ и отсѣченія головъ, или мертвый пьяница, или сумасшедшій, засѣвшій на всю жизнь въ теплую комнату, огадившій эту свою комнату и воображающій, что онъ погибнетъ, если выйдетъ изъ нея,—что если-бъ онъ спросилъ себя: что такое жизнь?—Очевидно, онъ не могъ бы получить на вопросъ: что такое жизнь?—другого отвѣта какъ тотъ, что жизнь есть величайшее зло, и отвѣтъ сумасшедшаго былъ бы совершенно правиленъ, но для него только. Что, какъ я такой же сумасшедшій? Что, какъ мы всѣ, богатые досужіе люди, такіе же сумасшедшіе?..

И я понялъ, что мы дѣйствительно такіе сумасшедшіе. Я-то ужъ навѣрное былъ такой сумасшедшій. И въ самомъ дѣлѣ, птица существуетъ такъ, что она должна летать, собирать пищу, строить гнѣздо, и когда я вижу, что птица дѣлаетъ это, я радуюсь ея радостью. Коза, заяцъ, волкъ, существуютъ такъ, что они должны кормиться, множиться, кормить свои семьи, и когда они дѣлаютъ это, у меня есть твердое сознаніе, что они счастливы и жизнь ихъ разумна. Что же долженъ дѣлать человѣкъ?—Онъ долженъ точно также добывать жизнь, какъ и животныя, но съ тою только разницей, что онъ погибнетъ, добывая ее одинъ,—ему надо добывать ее не для себя, а для всѣхъ. И когда онъ дѣлаетъ это, у меня есть твердое сознаніе, что онъ счастливъ и жизнь его разумна. Что же я дѣлалъ во всю мою тридцатилѣтнюю сознательную жизнь?—Я не только не добывалъ жизни для всѣхъ, а я для себя не добывалъ ее. Я жилъ паразитомъ, и спросивъ себя, зачѣмъ я живу,—

получилъ отвѣтъ: ни зачѣмъ. Если смыслъ человѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее, то какъ же я, тридцать лѣтъ занимавшійся тѣмъ, чтобы не добывать жизни, а губить ее въ себѣ и другихъ, могъ получить другой отвѣтъ, какъ тотъ, что жизнь моя есть безсмыслица и зло?.. Она и была безсмыслица и зло.

Жизнь міра совершается по чьей-то волѣ,—кто-то этою жизнью всего міра и нашими жизнями дѣлаетъ свое какое-то дѣло. Чтобъ имѣть надежду понять смыслъ этой воли, надо прежде всего исполнять ее, дѣлать то, чего отъ насъ хотятъ. А если я не буду дѣлать то, чего хотятъ отъ меня, то не пойму никогда и того, чего хотятъ отъ меня, а ужъ тѣмъ менѣе— чего хотятъ отъ всѣхъ насъ и отъ всего міра.

Если голаго, голоднаго нищаго взяли съ перекрестка, привели въ крытое мѣсто прекраснаго заведенія, накормили, напоили и заставили двигать вверхъ и внизъ какую-то палку то очевидно, что прежде, чѣмъ разбирать, зачѣмъ его взяли, зачѣмъ двигать палкой, разумно ли устройство всего заведенія, —нищему прежде всего нужно двигать палкой. Если онъ будетъ двигать палкой, тогда онъ пойметъ, что палка эта движетъ насосъ, что насосъ накачиваетъ воду, что вода идетъ по грядкамъ; тогда его выведутъ изъ крытаго колодца и поставятъ на другое дѣло и онъ будетъ собирать плоды и войдетъ въ радость господина своего, и, переходя отъ низшаго дѣла къ высшему, все дальше и дальше понимая устройство всего заведенія и участвуя въ немъ, никогда и непридумаетъ спрашивать, зачѣмъ онъ здѣсь, и ужъ никакъ не станетъ упрекать хозяина.

Такъ и не упрекаютъ хозяина тѣ, которые дѣлаютъ его волю, люди простые, рабочіе, неученые,—тѣ, которыхъ мы считали скотами; а мы вотъ, мудрецы, ѣсть ѣдимъ все хозяйское, а дѣлать не дѣлаемъ того, чего отъ насъ хочетъ хозяинъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлать, сѣли въ кружокъ и разсуждаемъ: „зачѣмъ это двигать палкой? Вѣдь это глупо“. Вотъ и додумались. Додумались до того, что хозяинъ глупъ, или его нѣтъ, а мы умны, только чувствуемъ, что никуда не годимся и надо намъ какъ-нибудь самимъ отъ себя избивиться.

XII.

Сознаніе ошибки разумнаго знанія помогло мнѣ освободиться отъ соблазна празднаго умствованія. Убѣжденіе въ томъ, что знаніе истины можно найти только жизнью, побу-

дило меня усомниться въ правильности моей жизни; но спасло меня только то, что я успѣлъ вырваться изъ своей исключительности и увидать жизнь настоящую простого рабочаго народа и понять, что это только есть настоящая жизнь. Я понялъ, что если хочу понять жизнь и смыслъ ея, мнѣ надо жить не жизнью паразита, а настоящею жизнью, и принявъ тотъ смыслъ, который придаетъ ей настоящее человѣчество, слившись съ этой жизнью, провѣрить его.

Въ это же время со мной случилось слѣдующее. Во все продолженіе этого года, когда я почти всякую минуту спрашивалъ себя: не кончить ли петлей или пулей,—во все это время, рядомъ съ тѣми ходами мыслей и наблюденій, о которыхъ я говорилъ, сердце мое томилось мучительнымъ чувствомъ. Чувство это я не могу назвать иначе, какъ исканіемъ бога.

Я говорю, что это исканіе бога было не разсужденіе, но чувство, потому что это исканіе вытекало не изъ моего хода мыслей,—оно было даже прямо противоположно имъ,—но оно вытекало изъ сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь.

Но опять и опять съ разныхъ другихъ сторонъ я приходилъ къ тому же признанію того, что не могъ же я безъ всякаго повода, причины и смысла явиться на свѣтъ, что не могу я быть такимъ выпавшимъ изъ гнѣзда птенцомъ, какимъ я себя чувствовалъ. Пускай я, выпавшій птенецъ, лежу на спинѣ, пищу въ высокой травѣ, но я пищу оттого, что знаю, что меня въ себѣ выносила мать, высиживала, грѣла, кормила, любила. Гдѣ она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросилъ? Не могу я скрыть отъ себя, что любя родилъ меня кто-то. Кто же этотъ кто-то?—Опять богъ.

Онъ знаетъ и видитъ мои исканія, отчаяніе, борьбу. „Онъ есть", говорилъ я себѣ. И стоило мнѣ на мгновеніе признать это, какъ тотчасъ же жизнь поднималась во мнѣ и я чувствовалъ и возможность, и радость бытія. Но опять отъ признанія существованія бога я переходилъ къ отысканію отношенія къ нему, и опять мнѣ представлялся тотъ богъ нашъ творецъ въ трехъ лицахъ, прославшій сына-искупителя. И опять этотъ отдѣльный отъ міра, отъ меня, богъ, какъ льдина таялъ, таялъ на моихъ глазахъ, и опять ничего не оставалось, и опять изсыхалъ источникъ жизни; я приходилъ въ отчаяніе и чувствовалъ, что мнѣ ничего сдѣ-

лать другого, какъ убить себя. И, что было хуже всего, я чувствовалъ, что и этого я не могу сдѣлать.

Не два, не три раза, а десятки, сотни разъ приходилъ я въ эти положенія то радости и оживленія, то опять отчаянія и сознанія невозможности жизни.

Помню, это было раннею весной, я одинъ былъ въ лѣсу, прислушиваясь къ звукамъ лѣса. Я прислушивался и думалъ все объ одномъ, какъ я постоянно думалъ все объ одномъ и томъ же эти послѣдніе три года. Я опять искалъ бога.

„Хорошо, нѣтъ никакого бога,—говорилъ я себѣ,—нѣтъ такого, который бы былъ не мое представленіе, но дѣйствительность такая же, какъ вся моя жизнь,—нѣтъ такого. И ничто, никакія чудеса не могутъ доказать такого, потому что чудеса будутъ мое представленіе, да еще неразумное.

„Но понятіе мое о богѣ, о томъ, котораго я ищу?—спрашивалъ я себя.—Понятіе-то откуда взялось? И опять при этой мысли во мнѣ поднялись радостныя волны жизни. Все вокругъ меня ожило, получило смыслъ. Но радость моя продолжалась не долго. Умъ продолжалъ свою работу.

„Понятіе бога—не богъ,—сказалъ я себѣ. — Понятіе есть то, что происходитъ во мнѣ, понятіе о богѣ есть то, что происходитъ во мнѣ, понятіе о богѣ есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить въ себѣ. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, безъ чего бы не могла быть жизнь". И опять все стало умирать вокругъ меня и во мнѣ, и мнѣ опять захотѣлось убить себя.

Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я напомнилъ себѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о богѣ, и я живу: стоитъ забывать, не вѣрить въ него, и я умираю.

Что же такое эти оживленія и умиранія? вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе бога, вѣдь я бы ужъ давно убилъ себя, еслибъ у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я вижу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу еще?—вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ. Онъ—то, безъ чего нельзя жить. Знать бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

Живи, отыскивая бога, и тогда не будетъ жизни безъ бога. И сильнѣе чѣмъ когда-нибудь все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня.

И я спасся отъ самоубійства. Когда и какъ совершился

во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ бы сказать. Какъ незамѣтно, постепенно уничтожалась во мнѣ сила жизни и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. И странно, что сила жизни, которая, возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая,—та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни.

Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому. Я вернулся къ вѣрѣ въ ту волю, которая произвѣла меня и чего-то хочетъ отъ меня: я вернулся къ тому, что главная и единственная цѣль моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е. жить согласнѣе съ этой волей: я вернулся къ тому, что выраженіе этой воли я могу найти въ томъ, что въ скрывающейся отъ меня дали выработало для руководства своего все человѣчество, т. е. я вернулся къ вѣрѣ въ бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передавшее смыслъ жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято безсознательно, теперь же я зналъ, что безъ этого я не могу жить.

Со мной случилось какъ будто вотъ что: я не помню, какъ меня посадили въ лодку, оттолкнули отъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ берега, указали направленіе къ другому берегу, дали въ неопытныя руки весла и оставали одного. Я работалъ, какъ умѣлъ, веслами и плылъ: но чѣмъ дальше я выплывалъ на середину, тѣмъ быстрѣе становилось теченіе, относившее меня прочь отъ цѣли, и тѣмъ чаще и чаще мнѣ встрѣчались пловцы, такіе же, какъ я, уносимые теченіемъ. Были одинокіе пловцы, продолжавшіе грести, были пловцы, побросавшіе весла, были большія лодки, огромные корабли, полные народомъ; они бились съ теченіемъ, другіе—отдавались ему: И чѣмъ дальше я плылъ, тѣмъ больше, глядя на направленія внизъ, по потоку всѣхъ плывущихъ я забывалъ данное мнѣ правленіе. На самой серединѣ потока, въ теснотѣ лодокъ и кораблей, несущихся внизъ, я уже совсѣмъ потерялъ направленіе и бросилъ весла. Со всѣхъ сторонъ съ веселіемъ и ликованьемъ вокругъ меня неслись на парусахъ и на веслахъ пловцы внизъ по теченію, увѣряя меня и другъ друга, что и не можетъ быть другого направленія. И я повѣрилъ имъ и поплылъ съ ними. И меня далеко отнесло, такъ далеко, что я услыхалъ шумъ пороговъ, въ которыхъ я долженъ былъ разбиться, и увидалъ лодки, разбившіяся въ нихъ, я опомнился. Долго я не могъ понять, что со мной случилось.

Я видѣлъ передъ собой одну погибель, къ которой я бѣжалъ и которой боялся, нигдѣ не видѣлъ спасенія и не зналъ, что мнѣ дѣлать; но, оглянувшись назадъ, я увидѣлъ безчисленныя лодки, которыя, не переставая, упорно перебивали теченіе, вспомнилъ о берегѣ, о веслахъ и направленіи, и сталъ выгребать назадъ вверхъ по теченію и къ берегу.

Берегъ это былъ богъ, направленіе это было преданіе, весла это было данная мнѣ свобода выгрестись къ берегу— соединиться съ богомъ.

XIII.

Итакъ, сила жизни возобновилась во мнѣ и я опять началъ жить.

Я отрекся отъ жизни нашего круга, признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ жизни, а жизнь простого трудящагося народа,—того, который дѣлаетъ жизнь и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей. Простой трудовой народъ вокругъ меня былъ русскій народъ, и я обратился къ нему и тому смыслу, который онъ придаетъ жизни. Смыслъ этотъ, если его можно выразить, былъ слѣдующій. Всякій человѣкъ произошелъ на этотъ свѣтъ по волѣ бога. И богъ такъ сотворилъ человѣка, что всякій человѣкъ можетъ погубить свою душу или спасти ее. Задача человѣка въ жизни—спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ. Смыслъ этотъ народъ черпаетъ изъ всего вѣроученія, переданнаго и передаваемаго ему пастырями и преданіями, живущими въ народѣ. Смыслъ этотъ былъ мнѣ ясенъ и близокъ моему сердцу. Но съ этимъ смысломъ народной вѣры неразрывно связано у нашего нераскольничьяго люда, среди котораго я жилъ, много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимымъ: таинства, церковныя службы, посты, поклоненіе мощамъ и иконамъ. Отдѣлить одно отъ другого народъ не можетъ, не могъ и я. Какъ ни странно мнѣ было многое изъ того, что входило въ вѣру народа, я принялъ все, ходилъ къ службамъ, становился утромъ и вечеромъ на молитву, постился, говѣлъ и первое время разумъ мой

не противился ничему. То самое, что прежде казалось мнѣ невозможнымъ, теперь не возбуждало во мнѣ противленія.

Отношеніе мое къ вѣрѣ теперь и тогда было совершенно различное. Прежде сама жизнь казалась мнѣ исполненной смысла и вѣра представлялась произвольнымъ утвержденіемъ какихъ-то совершенно ненужныхъ мнѣ неразумныхъ и не связанныхъ съ жизнью положеній. Я спросилъ себя тогда, какой смыслъ имѣютъ эти положенія, и убѣдившись что они имѣютъ его, откинулъ ихъ. Теперь же, напротивъ, я твердо зналъ, что жизнь моя не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого смысла, и положенія вѣры не только не представлялись мнѣ ненужными, но я несомнѣннымъ опытомъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что только эти положенія вѣры даетъ смыслъ жизни. Прежде я смотрѣлъ на нихъ, какъ на совершенно ненужную тараборскую грамоту; теперь же, если я не понималъ ихъ, то зналъ, что въ нихъ смыслъ, и говорилъ себѣ, что надо учиться понимать ихъ. Я дѣлалъ слѣдующее разсужденіе, я говорилъ себѣ: знаніе вѣры вытекаетъ, какъ все человѣчество съ его разумомъ изъ, таинственнаго начала. Это начало есть богъ, начало и тѣла человѣческаго, и его разума. Какъ преемственно отъ бога дошло до меня мое тѣло, какъ дошли до меня мой разумъ и мое постигновеніе жизни, и потому всѣ тѣ ступени развитія этого постигновенія жизни не могутъ быть ложны. Все то, то что истинно вѣрятъ люди, должно быть истина; она можетъ быть различно выражаема, но ложью она не можетъ быть, и потому если она мнѣ представляется ложью, то это значитъ только то, что я не понимаю ее. Кромѣ того, я говорилъ себѣ; сущность всякой вѣры состоитъ въ томъ, что она придаетъ жизни такой смыслъ, который не уничтожается смертью. Естественно, что для того, чтобы вѣра могла отвѣчать на вопросъ умирающаго въ роскоши царя, замученнаго работами старика раба, несмышленнаго ребенка, мудраго старца, полуумной старушки, молодой счастливой женщины, мятущагося страстями юноши, всѣхъ людей при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни и образованія,— естественно, если есть одинъ отвѣтъ, отвѣчающій на вѣчный одинъ вопросъ жизни: „зачѣмъ я живу, что выйдетъ изъ моей жизни,“—то отвѣтъ этотъ, хотя единый по существу своему, долженъ быть безконечно разнообразенъ въ своихъ проявленіяхъ, чѣмъ единѣе, тѣмъ истиннѣе, глубже этотъ отвѣтъ, тѣмъ, естественно, страннѣе и уродливѣе онъ долженъ являться въ своихъ попыткахъ выраженія, сообразно образованію и положенію каждаго. Но разсужденія эти.

оправдывавшія для меня странность обрядовой стороны вѣры, были все-таки недостаточны для того, чтобъ я самъ въ томъ единственномъ для меня дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, позволилъ бы себѣ дѣлать поступки, въ которыхъ бы я сомнѣвался. Я желалъ всѣми силами души быть въ состояніи слиться съ народомъ, исполняя обрядовую сторону его вѣру; но я не могъ этого сдѣлать. Я чувствовалъ, что я лгалъ бы передъ собой, насмѣялся бы надъ тѣмъ, что для меня свято, еслибъ я дѣлалъ это. Но тутъ мнѣ на помощь явились наши русскія богословскія сочиненія.

По объясненію этихъ богослововъ основной догматъ вѣры есть непогрѣшимая церковь. Изъ признанія этого догмата вытекаетъ, какъ необходимое послѣдствіе, истинность всего исповѣдуемаго церковью. Церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, соединенныхъ любовью и потому имѣющихъ истинное знаніе, сдѣлалась основой моей вѣры. Я говорилъ себѣ, что божеская истина не можетъ быть доступна одному человѣку,—она открывается только всей совокупности людей, соединенныхъ любовью. Для того, чтобы постигнуть истину, надо не раздѣляться; а для того, чтобы не раздѣляться, надо любить и примириться съ тѣмъ, съ чѣмъ не согласенъ. Истина откроется любви, и потому, если ты не подчиняешься обрядамъ церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь ты лишаешься возможности познать истину. Я не видалъ тогда софизма, находившагося въ этомъ разсужденіи. Я не видалъ тогда того, что единое въ любви можетъ дать величайшую любовь, но никакъ не божественную истину, выраженную опредѣленными словами въ Никейскомъ Символѣ, не видалъ и того, что любви никакъ не можемъ сдѣлать извѣстное выраженіе истины обязательнымъ для единенія. Я не видалъ тогда ошибки этого разсужденія и, благодаря ему, получилъ возможность принять и исполнять всѣ обряды православной церкви, не понимая большую часть ихъ. Я старался тогда всѣми силами души избѣгать всякихъ разсужденій, противорѣчій, и пытался объяснять, сколько возможно разумно, тѣ положенія церковныхъ, съ которыми я сталкивался.

Исполняя обряды церкви, я смирялъ свой разумъ и подчинялъ себя тому преданію, которое имѣло все человѣчество. Я соединился съ предками моими, съ любимыми мною—отцомъ, матерью, дѣдами, бабками. Они и всѣ прежніе вѣрили и жили и меня произвели. Я соединился и со всѣми милліонами уважаемыхъ мною людей изъ народа. Кромѣ того, самыя дѣйствія эти не имѣли въ себѣ ничего дурного (дурныя я считалъ потворство похотямъ). Вставая

рано къ церковной службѣ, я зналъ, что дѣлалъ хорошо, уже только потому, что, для смиренія своей гордости ума. для сближенія съ моими предками и современниками, для того, чтобы. во имя исканія смысла жизни я жертвовалъ своимъ тѣлеснымъ спокойствіемъ. Тоже было при говѣніи, при ежедневномъ чтеніи молитвъ съ поклонами, тоже при соблюденіи всѣхъ постовъ. Какъ ни ничтожны были эти жертвы, эти жертвы были во имя хорошаго. Я говѣлъ, постился, соблюдалъ временныя молитвы дома и въ церкви Въ слушаніи службы церковной я вникалъ въ каждое слово и придавалъ имъ смыслъ, когда могъ. Въ обѣднѣ самыя важныя слова для меня были: „возлюбимъ другъ друга да единомысліемъ“ Дальнѣйшія слова „едино исповѣдуемъ отца и сына и святого духа“—я пропускалъ, потому что не могъ понять ихъ.

XIV.

Я продолжалъ точно также исполнять обряды церкви и все еще вѣрилъ, что въ томъ вѣроученіи, которому я слѣдовалъ, была истина, и со мною происходило то, что теперь мнѣ ясно, но тогда казалось страннымъ.

Слушалъ я разговоръ безграмотнаго мужика, странника, о богѣ, о вѣрѣ, о жизни, о спасеніи, и знаніе вѣры открывалось мнѣ. Сближался я съ народомъ, слушая сужденія его о жизни, и вѣрѣ, и я все больше и больше понималъ истину. То же было со мною при чтеніи Четьи-Минеи и Прологовъ: это стало любимымъ моимъ чтеніемъ. Исключая чудеса, смотря на нихъ, какъ на фабулу, выражающую мысль, чтеніе это открывала мнѣ смыслъ жизни. Тамъ были житія Макарія великаго, Іоасафа царевича (исторія Будды), тамъ были слова Іоанна Златоуста, слова о путникѣ въ колодцѣ, о монахѣ, нашедшемъ золото, о Петрѣ мытарѣ; тамъ—исторія мучениковъ, всѣхъ заявлявшихъ одно, что смерть не исключаетъ жизни; тамъ—исторія о спасшихся безграмотныхъ, глупыхъ и не знающихъ ничего объ ученіяхъ церкви.

Но стоило мнѣ сойтись съ учеными вѣрующими, или взять ихъ книги, какое-то сомнѣніе въ себѣ, недовольство, озлобленіе снова возникли во мнѣ, и я чувствовалъ, что я чѣмъ больше вникаю въ ихъ рѣчи, тѣмъ больше отдаляюсь отъ истины и иду къ пропасти.

XV.

Сколько разъ я завидовалъ мужикамъ за ихъ безграмотность и неученость. Изъ тѣхъ положеній вѣры, изъ которыхъ для меня выходили явныя безсмыслицы, для нихъ не выходило ни чего ложнаго; они могли принимать ихъ и могли вѣрить въ истину,—въ ту истину, въ которую и я

вѣрилъ. Только для меня, несчастнаго, ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена съ ложью и что я не могъ принять ее въ такомъ видѣ.

Такъ я жилъ года три и первое время, когда я, какъ оглашенный, только понемногу пріобщался къ истинѣ, только руководимый чутьемъ шелъ туда, гдѣ мнѣ казалось свѣтлѣе, эти столкновенія менѣе поражали меня. Когда я не понимал чего-нибудь, я говорилъ себѣ: „я виноватъ, я дуренъ". Но чѣмъ больше я сталъ проникаться тѣми истинами, которымъ я учился, чѣмъ больше они становились основой жизни, тѣмъ тяжелѣе, разительнѣе стали эти столкновенія и тѣмъ рѣзче становилась эта черта, которая есть между тѣмъ, чего я не понимаю, потому что не умѣю понимать, и тѣмъ, чего нельзя понять иначе, какъ солгавъ передъ самимъ собою.

Несмотря на эти сомнѣнія и страданія я еще держался православія. Но явились вопросы жизни, которые надо было разрѣшить, и тутъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ церковью— противны самымъ основамъ той вѣры, которою я жилъ— окончательно заставило меня отречься отъ возможности общенія съ православіемъ. Вопросы эти были, во-первыхъ, отношеніе церкви православной къ другимъ церквамъ—къ католичеству и къ такъ называемымъ раскольникамъ. Въ это время вслѣдствіе моего интереса къ вѣрѣ я сближался съ вѣрующими разныхъ исповѣданій: католиками, протестантами, старообрядцами, молоканами и др. И много я встрѣчалъ изъ нихъ людей нравственно высокихъ и истинно вѣрующихъ. Я желалъ быть братомъ этихъ людей. И что же?—То ученіе, которое обѣщало мнѣ соединить всѣхъ единою вѣрою и любовью, это самое ученіе въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей сказало мнѣ, что это все люди находящіеся во лжи, что то, что даетъ имъ силу жизни, есть искушеніе дьявола, что мы одни въ обладаніи единой возможной истины. И я увидалъ, что всѣхъ не исповѣдующихъ одинаково съ ними вѣру православные считаютъ еретиками точь-въ-точь такъ же, какъ католики и другіе считаютъ православіе еретичествомъ: я увидалъ, что ко всѣмъ не исповѣдующимъ внѣшними символами и словами свою вѣру такъ же, какъ православіе,—православіе хотя и пытается скрыть это, относится враждебно, какъ оно и должно быть, во-первыхъ, потому, что утвержденіе о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ чловѣкъ другому, и во-вторыхъ, потому, что человѣкъ, любящій дѣтей и братьевъ своихъ, не можетъ не относиться враждебно къ людямъ, желающимъ

обратить его дѣтей и братьевъ въ вѣру ложную. И враждебность эта усиливается по мѣрѣ большаго знанія вѣроученія. И мнѣ, полагавшему истину въ единеніи любви, невольно бросилось въ глаза то, что самое вѣроученіе разрушаетъ то, что оно должно произвести.

Соблазнъ этотъ до такой степени очевиденъ, до такой степени намъ, образованнымъ людямъ, жившимъ въ странахъ, гдѣ исповѣдуются разныя вѣры, и выдавшимъ то презрительное, самоувѣренное, непоколебимое отрицаніе, съ которымъ относится католикъ къ православному и протестанту, православный къ католику и протестанту и протестантъ къ обоимъ, и такое же отношеніе старообрядца-пашковца, шекера, и всѣхъ вѣръ, что самая очевидность соблазна въ первое время озадачиваетъ. Говоришь себѣ: да не можетъ же быть, чтобъ это было такъ просто и все таки люди не видали бы того, что если два утвержденія другъ друга отрицаютъ, то ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, какою должна быть вѣра. Что-нибудь тутъ есть. Есть какое-нибудь объясненіе,—я и думалъ, что есть, и отыскивалъ это объясненіе, и читалъ, что могъ, по этому предмету, и совѣтывался со всѣми, съ кѣмъ могъ. И не получалъ никакого объясненія, кромѣ того же самаго, по которому сумскіе гусары считаютъ, что первый полкъ въ мірѣ сумскій гусарскій, а желтые уланы считаютъ, что первый полкъ въ мірѣ—это желтые уланы. Духовныя лица всѣхъ разныхъ исповѣданій, лучшіе представители изъ нихъ, ничего не сказали мнѣ, какъ только то, что они вѣрятъ, что они въ истинѣ, а тѣ въ заблужденіи, и что все, что они могутъ, это молиться о нихъ. Я ѣздилъ къ архимандритамъ, архіереямъ, старцамъ, схимникамъ и спрашивалъ, и никто никакой попытки не съумѣлъ объяснить мнѣ этотъ соблазнъ. Одинъ только изъ нихъ разъяснилъ мнѣ все, но разъяснилъ все такъ, что я ужъ больше ни у кого не спрашивалъ.

Я говорилъ о томъ, что для всякаго невѣрующаго, обращающагося къ вѣрѣ (а подлежитъ этому обращенію все наше молодое поколѣніе), этотъ вопросъ представляется первымъ: почему истина не въ лютеранствѣ, не въ католицизмѣ, а въ православіи. Его учатъ въ гимназіи и ему нельзя не знать, какъ этого не знаетъ мужикъ, что протестантъ, католикъ такъ же точно утверждаютъ единую истинность своей вѣры. Истерическія доказательства, подбираемыя каждымъ исповѣданіемъ въ свою сторону, недостаточны. Нельзя ли,—говорилъ я, выше понимать ученіе, такъ, чтобы съ высоты ученія исчезли бы различія, какъ они исчезаютъ для истинно вѣрующаго? Нельзя ли пути

дальше по тому пути, по которому мы идемъ съ старообрядцами? Они утверждали, что крестъ, аллилуія и хожденіе вокругъ алтаря у насъ другіе. Мы сказали: вы вѣрите въ Никейскій Символъ, въ семь таинствъ и мы вѣримъ. Давайте же держаться этого, а въ остальномъ дѣлайте, какъ хотите. Мы соединились съ ними тѣмъ, что поставили существенное въ вѣрѣ выше несущественнаго. Теперь съ католиками нельзя ли сказать вы вѣрите въ то-то и то-то, въ главное, а по отношенію Filioque и папы дѣлайте какъ хотите. Нельзя ли того же сказать и протестантамъ, соединившись съ ними въ главномъ? Собесѣдникъ мой согласился съ моею мыслью, но сказалъ мнѣ, что такія уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ, и произведутъ расколъ, а признаніе духовной власти—блюсти во всей чистотѣ греко-россійскую православную вѣру, переданную ей отъ предковъ.

И я все понялъ. Я ищу вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей. И исполняя эти человѣческія дѣла, они исполняютъ ихъ по-человѣчески. Сколько бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи о заблудшихъ братьяхъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола всевышняго,—для исполненія человѣческихъ дѣлъ можно насиліе и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться. Если для исповѣданія считаютъ себя въ истинѣ, а другъ друга во лжи. то, желая привлечь братьевъ къ истинѣ, они будутъ проповѣдывать свое ученіе. А если ложное ученіе проповѣдуется неопытнымъ сынамъ церкви, находящейся въ истинѣ, то церковь эта не можетъ ни сжечь книги, ни удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ея. Что же дѣлать съ тѣмъ горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія вѣры, сектантомъ, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ. соблазняетъ сыновъ церкви? Что же съ нимъ дѣлать, какъ не отрубить ему голову, или не запереть его? При Алексеѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т. е. по времени прилагали тоже высшую мѣру, — наказанія, въ наше время прилагаютъ тоже высшую мѣру,—запираютъ въ одиночное заключеніе.

XVI.

И я пересталъ сомнѣваться, а убѣдился вполнѣ, что въ томъ знаніи вѣры, къ которому я присоединился, не все истина. Прежде я бы сказалъ, что все вѣроученіе—ложно, но теперь нельзя было этого сказать. Весь народъ имѣлъ знаніе истины, это было несомнѣнно, потому что иначе онъ бы не жилъ. Кромѣ того, это знаніе истины уже мнѣ было

доступно, я уже жилъ имъ и чувствовалъ всю его правду; но въ этомъ же знаніи была и ложь. И въ этомъ я не могъ сомнѣваться. И все то, что прежде отталкивало меня, теперь живо предстало предо мною. Хоть я и видѣлъ то, что во всемъ народѣ меньше было той примѣси оттолкнувшей меня лжи, чѣмъ въ представителяхъ церкви,—я все таки видѣлъ, что и въ вѣрованіяхъ народа ложь примѣшана была къ истинѣ.

Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь и истина переданы тѣмъ, что называютъ церковью. И ложь и истина заключается въ преданіи, въ такъ называемомъ, священномъ преданіи и писаніи.

И волей-неволей я приведенъ къ изученію, изслѣдованію этого писанія,—изслѣдованію, котораго я такъ боялся до сихъ поръ.

И я обратился къ изученію того самаго богословія, котораго я когда-то съ такимъ презрѣніемъ откинулъ, какъ не нужное. Тогда оно казалось мнѣ рядомъ ненужныхъ безсмыслицъ, тогда со всѣхъ сторонъ окружали меня явленія жизни, казавшіяся мнѣ ясными и исполненными смысла, теперь же я бы и радъ откинуть то, что не лѣзетъ въ здоровую голову, но дѣваться некуда. На этомъ вѣроученіи зиждется, или, по крайней мѣрѣ, неразрывно связано съ нимъ, то единое знаніе смысла жизни, которое открывалось мнѣ. Какъ ни кажется оно мнѣ дико на мой старый, твердый умъ, это—одна надежда спасенія. Надо осторожно, внимательно разсмотрѣть его, для того, чтобы понять его,—даже и не то, что понять, какъ я понимаю положеніе науки: я этого не ищу и не могу искать, зная особенность знанія вѣры. Я не могу искать объясненія всего. Я знаю, что объясненіе всего должно скрываться, какъ начало всего, въ безконечности. Но я хочу понять такъ, чтобы быть приведеннымъ къ неизбѣжно-необъяснимому: я хочу, чтобы все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требованія моего ума неправильны (они правильны и внѣ ихъ я ничего понять не могу), но потому, что я вижу предѣлы своего ума. Я хочу понять такъ, чтобы всякое необъяснимое положеніе представлялось мнѣ какъ необходимость разума же; а не какъ обязательство повѣрить.

Что въ ученіи есть истина, это мнѣ несомнѣнно; но несомнѣнно и то, что въ немъ есть ложь, и я долженъ найти истину и ложь, отдѣлить одно отъ другого. И вотъ я приступаю къ этому. Что я нашелъ въ этомъ ученіи ложнаго, что я нашелъ истиннаго и къ какимъ выводамъ я пришелъ, составляетъ слѣдующія части сочиненія, которое,

если оно того стоитъ и нужно кому нибудь, вѣроятно, будетъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь напечатано.

1879 г.

Это было написано мною года три тому назадъ.

Теперь, пересматривая это, возвращаясь къ тому ходу мысли и къ тѣмъ чувствамъ, которые были во мнѣ, когда я все это переживалъ, я на-дняхъ увидалъ сонъ. Сонъ это выразилъ для меня въ сжатомъ образѣ все то, что я пережилъ и описалъ и потому думаю, что и для тѣхъ, которые поняли меня описаніе это освѣжитъ, уяснитъ и соберетъ въ одно все то, что такъ длинно разсказано на этихъ страницахъ. Вотъ этотъ сонъ: Вижу я, что лежу на постели. И мнѣ ни хорошо ни дурно, я лежу на спинѣ. Но я начинаю думать о томъ, хорошо ли мнѣ лежать; и что-то, мнѣ кажется, неловко ногамъ, коротко ли, не ровно ли, неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаю обдумывать, какъ и на чемъ я лежу, что мнѣ до тѣхъ поръ не приходило въ голову. И наблюдая свою постель, я вижу, что лежу на плетеныхъ веревочкахъ-помочахъ, прикрѣпленныхъ къ бочинамъ кровати. Ступни мои лежатъ на одной такой помочи, голени—на другой,—ногамъ неловко. Я почему-то знаю, что помочи эти можно передвигать. И движеніемъ ногъ отталкиваю крайнюю помочу подъ ногами, мнѣ кажется, что такъ будто покойнѣе. Но я оттолкнулъ ее слишкомъ далеко, хочу захватить ее ногами, но съ этимъ движеніемъ выскальзываетъ изъ подъ голеней и другая помоча, и ноги мои свѣшиваются. Я дѣлаю движеніе всѣмъ тѣломъ, чтобы справиться вполнѣ увѣренный, что я сейчасъ устроюсь; но съ этимъ движеніемъ выскальзываютъ и перемѣщаются подо мной еще и другія помочи и я вижу, что дѣло совсѣмъ портится: весь низъ моего тѣла спускается и виситъ, ноги не достаютъ до земли. Я держусь только верхомъ спины и мнѣ становится не только неловко, но отчего-то жутко. Тутъ только я спрашиваю себя то, что прежде мнѣ и не приходило въ голову. Я спрашиваю себя: гдѣ я и на чемъ я лежу? И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу внизъ, туда, куда свисло мое тѣло и куда я чувствую, что долженъ упасть сейчасъ. Я гляжу внизъ и не вѣрю своимъ глазамъ. Не то что я на высотѣ, подобной высотѣ высочайшей башни или горы, а я на такой высотѣ, какую я не могъ никогда вообразить себѣ.

Я не могу даже разобрать—вижу ли я что-нибудь тамъ внизу въ той бездонной пропасти, надъ которой я вишу и куда меня тянетъ. Сердце сжимается и я испытываю ужасъ.

Смотрѣть туда ужасно. Если я буду смотрѣть туда и чувствую, что я сейчасъ соскользну съ послѣдней помочи и погибну. Я не смотрю. Но не смотрѣть еще хуже: потому что я думаю о томъ, что будетъ со мной сейчасъ, когда я сорвусь съ послѣдней помочи. И я чувствую, что отъ ужаса я теряю послѣднюю державу и медленно скольжу по спинѣ ниже и ниже. Еще мгновенье и я оторвусь. И тогда приходитъ мнѣ мысль: не можетъ это быть правда. Это сонъ. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же дѣлать, что же дѣлать? — спрашиваю я себя и взглядываю вверхъ. Кверху тоже бездна. Я смотрю въ эту бездну неба и стараюсь забыть о безднѣ внизу и дѣйствительно я забываю. Безконечность внизу отталкиваетъ меня и ужасаетъ, безконечность вверху притягиваетъ и утверждаетъ меня. Я также вишу на послѣднихъ, не выскочившихъ еще изъ-подъ меня помочахъ надъ пропастью, я знаю, что я вишу, но я смотрю только вверхъ и страхъ мой пропадаетъ. Какъ это бываетъ во снѣ, какой-то голосъ говоритъ: зачѣмъ это! это оно! И я гляжу все дальше и дальше въ безконечность вверхъ и чувствую, что я успокаиваясь, помню все, что было, и вспоминаю, какъ это все случилось: какъ я шевелилъ ногами, какъ я повисъ, какъ я ужаснулся и какъ я спасся отъ ужаса тѣмъ, что сталъ глядѣть вверхъ. И спрашиваю себя: ну, а теперь, что я все также? И я нестолько оглядываюсь, сколько всѣмъ тѣломъ своимъ испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. И вижу, что я уже не вишу и не падаю, а держусь крѣпко. Я спрашиваю себя, какъ я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, подъ серединой моего тѣла одна помоча, и что глядя вверхъ, я лежу на ней, въ самомъ устойчивомъ равновѣсіи, что она одна и держала прежде. И тутъ, какъ это бываетъ во снѣ, мнѣ представляется тотъ механизмъ, посредствомъ котораго я держусь, очень естественнымъ, понятнымъ и несомнѣннымъ, несмотря на то, что на яву этотъ механизмъ не имѣетъ никакого смысла. Я во снѣ даже удивлялся, какъ я не понималъ этого раньше, оказывается, что въ головахъ у меня стоитъ столбъ и твердость этого столба не подлежитъ никакому сомнѣнію, несмотря на то, что стоять этому тонкому столбу не на чемъ. Потому отъ столба проведена петля, какъ то очень хитро и вмѣстѣ просто, и если лежишь на этой петлѣ серединой тѣла и смотришь вверхъ, то даже и вопроса не можетъ быть о паденіи. Все это мнѣ было ясно: и я былъ радъ и спокоенъ. И какъ будто кто-мнѣ говоритъ, смотри же запомни. И я проснулся.

Въ чемъ моя вѣра?

Графа Л. Н. Толстого [1]).

Я, прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ, и, за исключеніемъ 14—15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. не соціалистомъ и революціонеромъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а нигилистомъ въ смыслѣ отсутствія всякой вѣры.

Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа,—и жизнь моя вдругъ перемѣнилась: мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось. То, что прежде хотѣлось мнѣ хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. Со мной случилось то, что случается съ человѣкомъ, который вышелъ за дѣломъ, и вдругъ дорогой рѣшилъ, что дѣло это ему совсѣмъ не нужно,—и повернулъ домой. И все, что было справа,—стало слѣва, и все, что было слѣва,—стало справа: прежнее желаніе — быть какъ можно дальше отъ дома—перемѣнилось на желаніе быть какъ можно ближе отъ него. Направленіе моей жизни—желанія мои стали другія: и доброе и злое перемѣнилось мѣстами. Все это произошло оттого, что я понялъ ученіе Христа не такъ, какъ я понималъ его прежде.

Я не толковать хочу ученіе Христа, а хочу только разсказать, какъ я понялъ то, что есть самого простого, яснаго

---

[1]) Ко второму изданію (которое мы перепечатываемъ) сочиненія Гр. Л. Н. Толстого «Въ чемъ моя вѣра» издателями предпосланы слѣдующія строки:

«Обращаемъ вниманіе читателей, мало еще знакомыхъ съ писаніями Л. Н. Толстого, на то что его сочиненіе «Въ чемъ моя вѣра?» было написано 20 лѣтъ тому назадъ, въ первый періодъ изслѣдованія авторомъ религіозныхъ и этическихъ вопросовъ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, онъ неустанно продолжалъ и продолжаетъ выяснять свои взгляды въ цѣломъ рядѣ произведеній; и потому для того, чтобы получить всестороннее и полное представленіе о его жизнепониманіи, необходимо, не ограничиваясь этой книгой, ознакомиться съ содержаніемъ всѣхъ его послѣдующихъ и въ особенности новѣйшихъ трудовъ».

А. и В. Чертковы.

«Christchurch
іюль 1902 г.»

понятнаго и несомнѣннаго, обращеннаго ко всѣмъ людямъ въ ученіе Христа, и какъ то, что я понялъ, перевернуло мою душу и дало мнѣ спокойствіе и счастіе.

Я не толковать хочу ученіе Христа, а только одного хотѣлъ бы: запретить толковать его.

Всѣ христіанскія церкви всего признавали, что всѣ люди, не равные по своей учености и уму,—умные и глупые,—равны передъ Богомъ, что всѣмъ доступна божеская истина. Христосъ сказалъ даже, что воля Бога въ томъ, что немудрымъ открывается то, что скрыто отъ мудрыхъ.

Не всѣ могутъ быть посвящены въ глубочайшія тайны догматики, гомилетики, патристики, литургики, герменевтики, апологетики и др., но всѣ могутъ и должны понять то, что Христосъ говорилъ всѣмъ милліонамъ простыхъ, немудрыхъ, жившихъ и живущихъ людей. Такъ вотъ, того самого, что Христосъ сказалъ всѣмъ этимъ простымъ людямъ, не имѣвшимъ еще возможности обращаться за разъясненіями его ученія къ Павлу, Клименту, Златоусту и другимъ, этого самого я не понималъ прежде, а теперь понялъ; и это самое хочу сказать всѣмъ.

Разбойникъ на крестѣ повѣрилъ въ Христа и спасся. Неужели было бы дурно и для кого-нибудь вредно, если бы разбойникъ не умеръ на крестѣ, а сошелъ бы съ него и разсказалъ людямъ, какъ онъ повѣрилъ въ Христа?

Я также, какъ разбойникъ на крестѣ, повѣрилъ ученію Христа и спасся. И это недалекое сравненіе, а самое близкое выраженіе того душевнаго состоянія отчаянія и ужаса передъ жизнью и смертью, въ которомъ я находился прежде, и того состоянія спокойствія и счастія, въ которомъ я нахожусь теперь.

Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живетъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ, зналъ, что я несчастливъ и страдаю, и что вокругъ меня люди такъ же несчастливы и страдаютъ, и не видалъ никакого выхода, кромѣ смерти, изъ этого положенія. Я такъ же, какъ разбойникъ къ кресту, былъ пригвожденъ какой-то силой къ этой жизни страданій и зла. И какъ разбойника ожидалъ страшный мракъ смерти послѣ безсмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же,

Во всемъ этомъ я былъ совершенно подобенъ разбойнику, но различіе мое отъ разбойника было въ томъ, что онъ умиралъ уже, а я еще жилъ. Разбойникъ могъ повѣрить тому, что спасеніе его будетъ тамъ, за гробомъ, а я

не могъ повѣрить этому, потому что кромѣ жизни за гробомъ, мнѣ предстояла еще и жизнь здѣсь. А я не понималъ этой жизни. Она мнѣ казалась ужасною. И вдругъ я услыхалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и, вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастье жизни, ненарушимыя смертью.

Неужели для кого-нибудь можетъ быть видно, если я разскажу, какъ это сдѣлалось со мной?

I.

О томъ, почему я прежде не понималъ ученія Христа, и какъ и почему я понялъ его, я написалъ два большихъ сочиненія: Критику Догматическаго Богословія и новый переводъ и соединеніе четырехъ Евангелій съ объясненіями. Въ сочиненіяхъ этихъ я методически, шагъ за шагомъ, стараюсь разобрать все то, что скрываетъ отъ людей истину и стихъ за стихомъ вновь перевожу, сличаю и соединяю четыре Евангелія.

Работа эта продолжается уже шестой годъ. Каждый годъ, каждый мѣсяцъ я нахожу новыя и новыя уясненія и подтвержденіе основной мысли, исправляю вкравшіяся въ мою работу, отъ поспѣшности и увлеченія, ошибки, исправляю ихъ и дополняю, то что сдѣлано. Жизнь моя, которой остается уже не много, вѣроятно, кончится раньше этой работы. Но я увѣренъ, что работа эта нужна, и потому дѣлаю, пока живъ, что могу.

Такова моя продолжительная внѣшняя работа надъ богословіемъ, Евангеліями. Но внутренняя работа моя, та про которую я хочу разсказать здѣсь, была не такая. Это не было методическое изслѣдованіе богословія и текстовъ Евангелій, а это было мгновеніе устраненіе всего того, что скрывало самый смыслъ ученія и мгновенное озареніе свѣтомъ истины. Это было событіе, подобное тому, которое бы случилось съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора; когда бы вдругъ по одному наибольшему куску онъ догадался, что эта совсѣмъ другая статуя; и, начавъ возстановлять новую, вмѣсто прежней безсвязности кусковъ, на каждомъ обломкѣ, всѣми изгибами излома сходящимся съ другими и составляющемъ одно цѣлое,—увидалъ бы подтвержденіе своей мысли. Это самое случилось со мной. И вотъ это-то я хочу разсказать.

Я хочу разсказать, какъ я нашелъ тотъ ключъ къ пониманію ученія Христа, который мнѣ открылъ истину съ ясностью и убѣдительностью, исключающими сомнѣніе.

Открытіе это сдѣлано было мною такъ: съ тѣхъ первыхъ поръ дѣтства почти, когда я сталъ для себя читать Евангелія, во всемъ Евангеліи трогало и умиляло меня больше всего то ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло. Такова и оставалась для меня всегда сущность христіанскаго ученія, то, что я сердцемъ любилъ въ немъ, то, во имя чего я послѣ отчаянія, невѣрія, призналъ истиннымъ тотъ смыселъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ и во имя чего я подчинилъ себя тѣмъ же вѣрованіямъ, которыя исповѣдуетъ этотъ народъ, т. е. православной церкви. Но, подчинивъ себя церкви, я скоро замѣтилъ, что я не найду въ ученіи церкви подтвержденія, уясненія тѣхъ началъ христіанства, которыя казались для меня главными; я замѣтилъ, что это дорогая мнѣ сущность христіанства не составляетъ главнаго въ ученіи церкви. Я замѣтилъ, что то, что представлялась мнѣ важнѣйшимъ въ ученіи Христа, не признается церьковью самымъ важнымъ. Самымъ важнымъ церковью признается другое. Сначала я не приписывалъ значенія этой особенности церковнаго ученія. „Ну, что жъ,—думалъ я,—церковь, кромѣ того же смысла любви, смиренія и самоотверженія, признаетъ еще и этотъ смыслъ догматическій и внѣшній. Смыселъ этотъ чуждъ мнѣ, даже отталкиваетъ меня, но вреднаго тутъ ничего нѣтъ". Но чѣмъ дальше я продолжалъ жить, покоряясь ученію церкви, тѣмъ замѣтнѣе становилась мнѣ, что эта особенность ученія церкви не такъ безразлична, какъ она мнѣ показалась сначала. Оттолкнули меня отъ церкви: и странности догматовъ церкви, и признаніе, и одобреніе церковью гоненій, казней войнъ и взаимное отрицаніе другъ друга разными исповѣданіями; но подорвало мое довѣріе къ ней именно это равнодушіе къ тому, что мнѣ казалось сущьностью ученія Христа и, напротивъ, пристрастіе къ тому, что я считалъ несущественнымъ. Мнѣ чувствовалось, что тутъ что-то не такъ. Но что было не такъ, я никакъ не могъ найти; не могъ найти, потому что ученіе церкви не только не отрицало того что казалось мнѣ главнымъ въ ученіи Христа, но вполнѣ признавало это, но признавало какъ-то такъ, что это главное въ ученіи Христа становилось не на первое мѣсто. Я не могъ упрекнуть церковь въ томъ, что она отрицала суще-

ственное, но признавала церковь это существенное такъ, что оно не удовлетворяло меня. Церковь не давала мнѣ того, чего я ожидалъ отъ нея.

Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви только потому, что созналъ невозможность жизни безъ вѣры, безъ знанія того, что хорошо и что дурно помимо моихъ животныхъ инстинктовъ. Знаніе это я думалъ найти въ христіанствѣ. Но христіанство, какъ оно представлялось мнѣ тогда, было только извѣстное настроеніе—очень неопредѣленное, изъ котораго не вытекали ясныя и обязательныя правила жизни. И за этими правилами я обратился къ церкви, Но церковь давала мнѣ такія правила, которыя нисколько не приближала меня къ дорогому мнѣ христіанскому настроенію, а скорѣе удаляли отъ него. И я не могъ итти за нею. Мнѣ были нужна и дорога жизнь, основанная на христіанскихъ истинахъ; а церковь мнѣ давала правила жизни, вовсе чуждыя дорогимъ мнѣ истинамъ. Правила, даваемыя церковью о вѣрѣ въ догматы, о соблюденіи таинствъ, постовъ, молитвъ, мнѣ были не нужны, а правилъ, основанныхъ на христіанскихъ истинахъ, не было. Мало того, церковныя правила ослабляли, иногда прямо уничтожали то христіанское настроеніе, которое одно давало смыслъ моей жизни. Смущало меня больше всего то, что все зло людское—осужденіе частныхъ людей, осужденіе цѣлыхъ народовъ, осужденіе другихъ вѣръ, и вытекавшія изъ такихъ осужденій, казни, войны—все это оправдывалось церковью. Ученіе Христа о смиреніи, неосужденіи, прощеніи обидъ, о самоотверженіи и любви на словахъ возвеличивалось церковью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ одобрялось на дѣлѣ то, что было несовмѣстимо съ этимъ ученіемъ.

Неужели ученіе Христа было таково, что противорѣчія эти должны были существовать? Я не могъ повѣрить этому. Кромѣ того, мнѣ всегда казалось удивительнымъ то, что, насколько я зналъ Евангеліе, тѣ мѣста, на которыхъ основывались опредѣленныя правила церкви о догматахъ, были мѣста самыя неясныя, тѣ же мѣста изъ которыхъ вытекало исполненіе ученія, были самыя опредѣленныя и ясныя. А, между тѣмъ, догматы и вытекающія изъ нихъ обязанности христіанина опредѣлялись церковью самымъ яснымъ отчетливымъ образомъ; объ исполненіи же ученія говорилось въ самыхъ неясныхъ, туманныхъ, мистическихъ выраженіяхъ. Неужели этого хотѣлъ Христосъ, преподавая свое ученіе? Разрѣшеніе моихъ сомнѣній я могъ найти только въ Евангеліяхъ. И я читалъ и перечитывалъ ихъ. Изъ всѣхъ Евангелій, какъ что-то особенное, всегда выдѣлялась для меня

нагорная проповѣдь. И ее-то я читалъ чаще всего. Нигдѣ, кромѣ какъ въ этомъ мѣстѣ, Христосъ не говоритъ съ такою торжественностью, нигдѣ онъ не даетъ такъ много нравственныхъ, ясныхъ, понятныхъ, прямо отзывающихся въ сердцѣ каждаго правилъ, нигдѣ онъ не говоритъ къ большей толпѣ всякихъ простыхъ людей. Если были ясныя, опредѣленныя христіанскія правила, то онѣ должны быть выражены тутъ. Въ этихъ трехъ главахъ Матоея я искалъ разъясненія моихъ недоумѣній. Много и много я разъ перечитывалъ нагорную проповѣдь и всякій разъ испытывалъ одно и то же: восторгъ и умиленіе при чтеніи этихъ стиховъ о подставленіи щеки, отдачѣ рубахи, примиреніи со всѣми, любви къ врагамъ, и то же чувство неудовлетворенности. Слова Бога, обращенныя ко всѣмъ, были не ясны. Поставлено было слишкомъ невозможное стреченіе отъ всего, уничтожавшее самую жизнь, какъ я понималъ ее, и потому отреченіе отъ всего, казалось мнѣ, не могло быть непремѣннымъ условіемъ спасенія. А какъ скоро это не было непремѣннымъ условіемъ спасенія, то не было ничего опредѣленнаго и яснаго. Я читалъ не одну нагорную проповѣдь, я читалъ всѣ Евангелія, всѣ богословскія комментаріи на нихъ. Богословскія объясненія о томъ, что изреченія на горной проповѣди суть указанія того совершенства, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, но что падшій человѣкъ весь въ грѣхѣ и своими силами не можетъ достигнуть этого совершенства, что спасеніе человѣка въ вѣрѣ, молитвѣ и благодати—объясненія эти не удовлетворяли меня.

Я не соглашался съ этимъ, потому что мнѣ всегда казалось страннымъ, для чего Христосъ, впередъ зная, что исполненіе его ученія невозможно однѣми силами человѣка, далъ такія ясныя и прекрасныя правила, относящіяся прямо къ каждому отдѣльному человѣку? Читая эти правила, мнѣ всегда казалось, что они относятся прямо ко мнѣ, отъ меня одного требуютъ исполненія.

Читая эти правила, на меня находила всегда радостная увѣренность, что я могу сейчасъ, съ этого часа, сдѣлать все это. И я хотѣлъ и пытался сдѣлать это; но какъ только я испытывалъ борьбу при исполненіи, я невольно вспоминалъ ученіе церкви о томъ, что человѣкъ слабъ и не можетъ сдѣлать самъ этого, и ослабѣвалъ.

Мнѣ говорили: надо вѣрить и молиться.

Но я чувствовалъ, что я мало вѣрю, и потому не могу молиться. Мнѣ говорили, что надо молиться, чтобы Богъ

далъ вѣру, ту вѣру, которая даетъ ту молитву и т. д., до безконечности.

Но и разумъ и опытъ показывали мнѣ, что средство это не дѣйствительно. Мнѣ все казалось, что дѣйствительны могутъ быть только мои усилія исполнять ученіе Христа.

И вотъ, послѣ многихъ многихъ тщетныхъ изысканій, изученій того, что было писано объ этомъ въ доказательство божественности этого ученія и въ доказательство небожественности его, послѣ многихъ сомнѣній и страданій, я остался опять одинъ съ своимъ сердцемъ и съ таинственной книгою передъ собой. Я не могъ дать ей того смысла, который давали другіе, и не могъ придать иного, и не могъ отказаться отъ нея. И только извѣрившись одинаково и во всѣ толкованія ученой критики, и во всѣ толкованія ученаго богословія, и откинувъ ихъ всѣ, по слову Христа: если не примите меня, какъ дѣти, не войдете въ царствіе божіе... я понялъ вдругъ то, чего не понималъ прежде. Я понялъ не тѣмъ, что я какъ нибудь искусно, глубокомысленно переставлялъ, сличалъ, перетолковывалъ; напротивъ, все открылось мнѣ тѣмъ, что я забылъ всѣ толкованія. Мѣсто, которое было для меня ключемъ всего, было мѣсто изъ V гл. Мѳ. ст. 39.—„Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу". Я вдругъ, въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И тотчасъ—не то, что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала предо мной во всемъ ея значеніи. „Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противтесь злу". Слова эти вдругъ показались мнѣ совершенно новыми, какъ будто я никогда не читалъ ихъ прежде.

Прежде, читая это мѣсто, я всегда по какому-то странному затмѣнію пропускалъ слова: *а я говорю: не противьтесь злу*. Точно какъ будто словъ этихъ совсѣмъ не было, или они не имѣли никакого опредѣленнаго значенія.

Впослѣдствіи, въ бесѣдахъ моихъ со многими и многими христіанами, знавшими Евангеліе, мнѣ часто случалось замѣчать относительно этихъ словъ тоже затменіе. Словъ этихъ никто не помнилъ, и часто, при разговорахъ объ этомъ мѣстѣ, христіане брали Евангеліе, чтобы провѣрить, есть ли тамъ эти слова. Также и я пропускалъ эти слова, и начиналъ понимать только со слѣдующихъ словъ: „И кто ударитъ тебя въ правую щеку... подставь лѣвую..." и т. д. И всегда эти слова представлялись мнѣ требованіемъ стра-

даній, лишеній, не свойственныхъ человѣческой природѣ. Слова эти умиляли меня, мнѣ чувствовалось, что было бы прекрасно исполнить ихъ. Но мнѣ чувствовалось тоже и то, что я никогда не буду въ силахъ исполнить ихъ, только для того, чтобы страдать. Я говорилъ себѣ: ну хорошо, я подставлю щеку,—меня другой разъ прибьютъ; я отдамъ,—у меня отнимутъ все. У меня не будетъ жизни. А мнѣ дана жизнь, зачѣмъ же я лишусь ея. Этого не можетъ требовать Христосъ. Прежде я говорилъ это себѣ, предполагая, что Христосъ этими словами восхваляетъ страданія и лишенія, и, восхваляя ихъ, говоритъ преувеличенно и потому не точно и не ясно, но теперь, когда я понялъ слово о непротивленіи злому, мнѣ стало ясно, что Христосъ ничего не преувеличиваетъ и не требуетъ никакихъ страданій для страданій, а только очень опредѣленно и ясно говоритъ то, что говоритъ. Онъ говоритъ: „не противтесь злому, и дѣлая такъ, впередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивъ васъ по одной щекѣ и не встрѣтивъ отпора, ударятъ и по другой; отнявъ рубаху, отнимутъ и кафтанъ: воспользовавшись вашей работой, заставятъ еще работать; будутъ брать безъ отдачи... И вотъ, если это такъ будетъ, то вы все-таки не противтесь злому. Тѣмъ, которые будутъ васъ бить и обижать, все-таки дѣлайте добро". И когда я понялъ эти слова такъ, какъ они сказаны, такъ сейчасъ-же все, что было темно, стало ясно, и что казалось преувеличенно, стало вполнѣ точно. Я понялъ въ первый разъ, что центръ тяжести всей мысли въ словахъ: „не противься злому", а что послѣдующее есть только разъясненіе перваго положенія. Я понялъ, что Христосъ нисколько не велитъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ для того, чтобы страсть, а велитъ не противиться злому и говоритъ, что при этомъ придется, можетъ быть и страдать. Точно такъ же, какъ отецъ, отправляющій своего сына въ далекое путешествіе, не приказываетъ сыну—не досыпать ночей, не доѣдать, мокнуть и зябнуть, если онъ скажетъ ему: „ты иди дорогой, и если придется тебѣ и мокнуть и зябнуть, ты все-таки, иди". Христосъ не говоритъ: подставляйте щеки, страдайте, а онъ говоритъ: не противьтесь злому, и, чтобы съ вами ни было, не противьтесь злу. Слова эти: *не противьтесь злу или злому*, понятыя въ ихъ прямомъ значеніи, были для меня истинно ключемъ, открывшимъ мнѣ все. И мнѣ стало удивительно, какъ могъ я такъ навыворотъ понимать ясныя, опредѣленныя слова. Вамъ сказано: зубъ за зубъ, а я говорю: не

противьтесь злу или злому, и что бы съ тобой ни дѣлали злые терпи, отдавай, но не противься злу или злымъ. Что же можетъ быть яснѣе, понятнѣе и несомнѣннѣе этого? И стоило мнѣ понять эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, и тотчасъ же во всемъ ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но во всѣхъ Евангеліяхъ, все, что было запутано, стало, понятно, что было противорѣчиво, стало согласно; и, главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось въ одно цѣлое и, несомнѣнно подтверждало одно другое, какъ куски разбитой статуи, составленые такъ, какъ они должны быть. Въ этой проповѣди и во всѣхъ Евангеліяхъ со всѣхъ сторонъ подтверждалось то же ученіе о непротивленіи злу.

Въ этой проповѣди, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, вездѣ Христосъ представляетъ себѣ своихъ учениковъ, т. е. людей, исполняющихъ правило о непротивленіи злу, не иначе, какъ подставляющихъ щеку и отдающихъ кафтанъ, какъ гонимыхъ; побиваемыхъ и нищихъ.

Вездѣ много разъ Христосъ говоритъ, что тотъ, кто не взялъ крестъ, кто не отрекся отъ всего, тотъ не можетъ быть его ученикомъ, т. е. кто не готовъ на всѣ послѣдствія, вытекающія изъ исполненія правила о непротивленіи злу. Ученикамъ Христосъ говоритъ: будьте нищіе, будьте готовы, не противясь злу, принять гоненія, страданія и смерть. Самъ готовится на страданія и смерть, не противясь злымъ, и отгоняетъ отъ себя Петра, жалѣющаго объ этомъ, и самъ умираетъ, запрещая противиться злу и не измѣняя своему ученію.

Всѣ первые ученики его исполняютъ это правило непротивленія злу и всю жизнь проводятъ въ нищетѣ, гоненіяхъ, и никогда не воздаютъ зломъ за зло.

Стало быть Христосъ говоритъ то, что говоритъ. Можно утверждать, что всегдашнее исполненіе этого правила очень трудно, можно не соглашаться съ тѣмъ, что каждый человѣкъ будетъ блаженъ, исполняя это правило, можно сказать, что это глупо, какъ говорятъ невѣрующіе, что Христосъ былъ мечтатель, идеалистъ, который высказывалъ неисполнимыя правила, которымъ и слѣдовали по глупости его ученики, но ни какъ нельзя не признавать, что Христосъ сказалъ очень ясно и опредѣлено то самое, что хотѣлъ сказать: имѣнно, что человѣкъ, по его ученію, долженъ не противиться злу и что потому тотъ, кто принялъ его ученіе, не можетъ противиться злу. А, между тѣмъ, ни

вѣрующіе, ни невѣрующіе не понимаютъ такого простого, яснаго значенія словъ Христа.

II.

Когда я понялъ, что слова не противься злому, значатъ не противься злому, все мое прежнее представленіе о смыслѣ ученія Христа вдругъ измѣнилось и я ужаснулся предъ тѣмъ, не то что непониманіемъ, а какимъ то страннымъ пониманіемъ ученія, въ которомъ я находился доснихъ поръ. Я зналъ, мы всѣ знаемъ, что смыслъ христіанскаго ученія заключается въ любви къ людямъ. Сказать — подставить щеку, любить враговъ—это значитъ выразить сущность христіанства. Я зналъ это съ дѣтства, но отчего же я не понималъ этихъ простыхъ словъ просто, а искалъ въ нихъ какой-то иносказательный смыслъ? Не противься злому, значитъ, не противься злому никогда, т. е. никогда не дѣлай насилія, т. е. такого поступка, который всегда противуположенъ любви. И если тебя при этомъ обидятъ, то перенеси обиду и все таки не дѣлай насилія надъ другимъ. Онъ сказалъ такъ ясно и просто, какъ нельзя сказать яснѣе. Какъ же я, вѣруя, или стараясь вѣрить, что тотъ, кто сказалъ это—Богъ, говорилъ, что исполнить это своими силами невозможно. Хозяинъ скажетъ мнѣ: поди, наруби дровъ, а я скажу: я своими силами не могу исполнить этого. Говоря это, я говорю одно изъ двухъ: или то, что я не вѣрю тому, что говоритъ хозяинъ, или то, что я не хочу дѣлать того, что велитъ хозяинъ. Про заповѣдь Бога, которую онъ далъ намъ для исполненія, про которую онъ сказалъ: кто исполнитъ и научитъ такъ, тотъ большимъ наречется и т. д. про которую онъ сказалъ, что только тѣ, которые исполняютъ, тѣ получаютъ жизнь, заповѣдь, которую онъ самъ исполнилъ и которую выразилъ такъ ясно, просто, что въ смыслѣ ея не можетъ быть сомнѣнія, про эту-то заповѣдь я, никогда не попытавшись даже исполнить ее, говорилъ: исполненіе ея невозможно однѣми моими силами, а нужна сверхъестественная помощь.

Богъ сошелъ на землю, чтобы дать спасеніе людямъ. Спасеніе состоитъ въ томъ, что второе лицо Троицы, Богъ-Сынъ, пострадалъ за людей, искупилъ передъ Отцомъ грѣхъ ихъ и далъ людямъ церковь, въ которой хранится благодать, передающаяся вѣрующимъ; но кромѣ всего этого, этотъ Богъ-Сынъ далъ людямъ и ученіе и примѣръ жизни для спасенія. Какъ же я говорилъ, что правила жизни, выра-

женныя имъ просто и ясно для всѣхъ, такъ трудно исполнять, что даже невозможно безъ сверхъестественной помощи? Онъ не только не сказалъ этого, онъ опредѣленно сказалъ: непремѣнно исполняйте, а кто не исполнитъ, тотъ не войдетъ въ царство божіе. И онъ никогда не говорилъ, что исполненіе трудно, онъ, напротивъ сказалъ: „иго мое благо, и бремя мое легко". Іоаннъ, его евангелистъ, сказалъ: „заповѣди Его не тяжки". Какъ же это я говорилъ, что то, что Богъ велѣлъ исполнять, то, исполненіе чего онъ такъ точно опредѣлилъ, и сказалъ, что исполнять это легко, то, что онъ самъ исполнилъ какъ человѣкъ, и что исполняли первые послѣдователи его,—какъ же это я говорилъ, что исполнять это такъ трудно, что даже невозможно безъ сверхъестественной помощи? Если бы человѣкъ всѣ усилія своего ума положилъ на то, чтобы уничтожить какой-нибудь данный законъ, что дѣйствительнѣе, для уничтоженія этого закона, могъ бы сказать этотъ человѣкъ, какъ не то, что законъ этотъ по существу неисполнимъ, и что мысль самого законодателя о своемъ законѣ такова, что законъ этотъ неисполнимъ, а что для исполненія его нужна сверхъестественная помощь? А это самое я думалъ по отношенію къ заповѣди о непротивленіи злу. И я сталъ вспоминать, какъ и когда вошла мнѣ въ голову эта странная мысль о томъ, что законъ Христа божественъ, но исполнять его нельзя. И разобравъ свое прошедшее, я понялъ, что мысль эта никогда не была передана мнѣ во всей ея наготѣ (она бы оттолкнула меня), но что я незамѣтно для себя, всосалъ ее съ молокомъ матери съ самаго перваго дѣтства, и вся послѣдующая жизнь моя только укрѣпляла во мнѣ это странное заблужденіе.

Съ дѣтства меня учили тому, Что Христосъ-Богъ и ученіе его божественно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня учили уважать тѣ учрежденія, которыя насиліемъ обезпечиваютъ мою безопасность отъ злого, учили меня почитать эти учрежденія священными. Меня учили противостоять злому и внушали, что унизительно и постыдно покоряться злому и терпѣть отъ него, и похвально противиться ему. Меня учили судить и казнить. Потому меня учили воевать, т. е. убійствомъ противодѣйствовать злымъ, и воинство, котораго я былъ членомъ, называли христолюбивымъ воинствомъ: и дѣятельность эту освящали христіанскимъ благословеніемъ. Кромѣ того, съ дѣтства и до возмужалости меня учили уважать то, что прямо противорѣчитъ закону Христа: дать отпоръ обидчику, отмстить насиліемъ за оскорбленіе личное.

семейной, народное; все это не только не отрицали, но мнѣ, внушали, что все это прекрасно и не противно закону Христа.

Все меня окружающее, спокойствіе, безопастность моя и семьи, моя собственность, все построено было на законѣ отвергнутомъ Христомъ. на законѣ: зубъ за зубъ.

Церковные учителя учили тому, что ученіе Христа божественно, но исполненіе его невозможно по слабости людской и только благодать Христа можетъ содѣйствовать его исполненію. Свѣтскіе учители и все устройство жизни уже прямо признавали неисполнимость, мечтательность ученія Христа и рѣчами и дѣлами учили тому, что противно этому ученію. Это признаніе неисполнимости ученія Бога до такой степени по-немножку, незамѣтно всосалась въ меня и стало привычно мнѣ, и до такой степени оно совпадало съ моими похотями, что я никогда не замѣчалъ прежде того противорѣчія, въ которомъ я находился. Я не видалъ того, что невозможно въ одно и то же время исповѣдывать Христа-Бога, основа ученія котораго есть непротивленіе злому, и сознательно и спокойно работать для учрежденія собственности, судовъ, государства, воинства, учреждать жизнь, противную ученію Христа, и молиться этому Христу о томъ, чтобы между нами исполнялся законъ непротивленія злому и прощенія. Мнѣ не приходило еще въ голову то, что теперь такъ ясно: что гораздо бы проще было устраивать и учреждать жизнь по закону Христа, а молиться ужъ о томъ, чтобы были суды, казни, войны, если они такъ нужны для нашего блага.

И я понялъ, откуда возникло мое заблужденіе. Оно возникло изъ исповѣданія Христа на словахъ и отрицанія его на дѣлѣ.

Положеніе о непротивленіи злому есть положеніе, связующее все ученіе въ одно цѣлое, но только тогда, когда оно не есть изреченіе, а есть правило, обязательное для исполненія, когда оно есть законъ.

Оно есть точно ключъ; отпирающій все. но только тогда, когда ключъ этотъ просунуть до замка. Признаніе этого положенія за изреченіе, невозможное къ исполненію безъ сверхъестественной помощи, есть уничтоженіе всего ученія. Какими же, какъ не возможнымъ, можетъ представляться людямъ толченіе, изъ котораго вынуто основное, связующее все положеніе? Невѣрующимъ же оно даже прямо представляется глупымъ и не можетъ представиться инымъ.

Поставить машину, затопить паровикъ, пустить въ ходъ.

но не надѣть передаточнаго ремня—это самое сдѣлано съ ученіемъ Христа, когда стали учить, что можно быть христіаниномъ, не исполняя положенія о непротивленіи злому.

Я недавно съ еврейскимъ раввиномъ читалъ V главу Матѳея. Почти при всякомъ изреченіи раввинъ говорилъ: это есть въ библіи, это есть въ талмудѣ и указывалъ мнѣ въ библіи и талмудѣ весьма близкія изреченія къ изреченіямъ нагорной проповѣди. Но когда мы дошли до стиха о непротивленіи злому, онъ не сказалъ: и это есть въ талмудѣ, а только спросилъ меня съ усмѣшкой:—И христіане исполняютъ это? подставляютъ другую щеку?—Мнѣ нечего было отвѣчать, тѣмъ болѣе, что я зналъ, что въ это самое время христіане не только не подставляли щеки, но били евреевъ по подставленной щекѣ. Но мнѣ интересно было знать, есть ли что-нибудь подобное въ библіи или талмудѣ, и я спросилъ его объ этомъ.—Онъ сказалъ:—нѣтъ, этого нѣтъ, но вы скажите, исполняютъ ли христіане этотъ законъ? Вопросомъ этимъ онъ говорилъ мнѣ, что присутствіе такого правила въ христіанскомъ законѣ, которое не только никѣмъ не исполняется, но которое сами христіане признаютъ неисполнимымъ, есть признаніе неразумности и ненужности этого правила. И я не могъ ничего отвѣчать ему.

Теперь, понявъ прямой смыслъ ученія, я вижу ясно то странное противорѣчіе съ самимъ собой, въ которомъ я находился. Признавъ Христа Богомъ и ученіе его божественнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроивъ свою жизнь противно этому ученію, что же оставалось, какъ непризнавать ученіе неисполнимымъ? На словахъ я призналъ ученіе Христа священнымъ, на дѣлѣ я исповѣдывалъ совсѣмъ не христіанское ученіе, и признавалъ и поклонялся учрежденіямъ не христіанскимъ, со всѣхъ сторонъ обнимающимъ мою жизнь.

Весь ветхій завѣтъ говоритъ, что несчастія народа Іудейскаго происходили отъ того, что онъ вѣрилъ въ ложныхъ боговъ, но не въ истиннаго Бога. Самуилъ, въ первой книгѣ, въ главахъ 8-й и 12-й, обвиняетъ народъ въ томъ, что ко всѣмъ прежнимъ своимъ отступленіямъ отъ Бога онъ прибавилъ еще новое: на мѣсто Бога, который былъ ихъ царемъ, поставилъ человѣка-царя, который, по ихъ мнѣнію, спасетъ ихъ. Не вѣрьте въ „тогу“, въ пустое, говоритъ Самуилъ народу, XII, 12 стихъ. Онъ не поможетъ вамъ и не спаетъ васъ, потому что оно „тогу“ пустое. Чтобы не погибнуть вамъ съ царемъ вашимъ, держитесь одного Бога.

Вотъ вѣра въ эти „тогу“, въ эти пустые кумиры и заслоняютъ отъ меня истину. На дорогѣ къ ней, заграждая ея свѣтъ, стояли предо мной тѣ „тогу“, отъ которыхъ я не въ силахъ былъ отречься.

На дняхъ я шелъ въ Боровицкія ворота: въ воротахъ сидѣлъ старикъ, нищій-калѣка, обвязанный по ушамъ ветошкой. Я вынулъ кошелекъ, чтобы дать ему что-нибудь. Въ это время изъ горы изъ Кремля выбѣжалъ бравый, молодой, румяный малый, гренадеръ въ казенномъ тулупѣ. Нищій увидавъ солдата, испуганно вскочилъ и въ прихрамку побѣжалъ внизъ, къ Александровскому саду. Гренадеръ было погнался за нимъ, но не догнавъ, остановился и сталъ ругать нищаго за то, что онъ не слушалъ запрещенія и садился въ воротахъ. Я подождалъ гренадера въ воротахъ. Когда онъ поровнялся съ мной, я спросилъ его: знаетъ ли онъ грамотѣ.

— Знаю, а что?—Евангеліе читалъ?—Читалъ. А читалъ „и кто накормитъ голоднаго...“ Я сказалъ ему это мѣсто. Онъ зналъ его и выслушалъ. И я видѣлъ, что онъ смущенъ. Два прохожіе остановились, слушая. Гренадеру, видно, больно было чувствовать, что онъ, отлично исполняя свою обязанность,—гоняя народъ оттуда, откуда велѣно гонять,—вдругъ оказался не правъ. Онъ былъ смущенъ и, видимо, искалъ отговорки. Вдругъ, въ умныхъ черныхъ глазахъ его блеснулъ свѣтъ, онъ повернулся ко мнѣ бокомъ, какъ бы уходя.—А воинскій уставъ читалъ?—спросилъ онъ. Я сказалъ, что не читалъ.—Такъ и не говори,—сказалъ гренадеръ, тряхнувъ побѣдоносно головой и запахнувъ тулупъ, молодецки пошелъ къ своему мѣсту.

Это былъ единственный человѣкъ во всей моей жизни, строго, логически разрѣшившій тотъ вѣчный вопросъ, который при нашемъ общественномъ строѣ стоялъ предо мной и стоитъ передъ каждымъ человѣкомъ, называющимъ себя христіаниномъ.

III.

Напрасно говорятъ, что ученіе христіанское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ. Это только смѣлое и голословное утвержденіе самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ. Хорошо, я не буду противиться злому, подставляю щеку, какъ честный человѣкъ,

говорю я себѣ, но идетъ непріятель, или угнетаютъ народы, и меня призываютъ участвовать въ борьбѣ со злыми — идти убивать ихъ. И мнѣ неизбѣжно рѣшить вопросъ: въ чемъ служеніе Богу и въ чемъ служеніе „тогу". Итти ли на войну или не итти? Я—мужикъ, меня выбираютъ въ старшины, судьи, въ присяжные, заставляютъ присягать, судить, наказывать,—что мнѣ дѣлать? опять я долженъ выбирать между закономъ Бога и закономъ человѣческимъ. Я—монахъ, живу въ монастырѣ, мужики отняли нашъ покосъ, меня посылаютъ участвовать въ борьбѣ со злыми—просить въ судѣ па мужиковъ. Опять я долженъ выбрать. Ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти отъ рѣшенія этого вопроса. Я не говорю уже о нашемъ сословіи, дѣятельность котораго почти вся состоитъ въ противленіи злымъ: военные, судейскіе, администраторы, но нѣтъ того частнаго, самаго скромнаго человѣка, которому бы не предстояло это рѣшеніе между служеніемъ Богу, исполненіемъ его заповѣдей, или служеніемъ „тогу" государственнымъ учрежденіямъ. Личная моя жизнь переплетена съ общей государственной, а государственная требуетъ отъ меня нехристіанской дѣятельности, прямо противной заповѣди Христа. Теперь съ общей воинской повинностью и участіемъ всѣхъ въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ, дилемма эта съ поразительной рѣзкостью поставлена передъ всѣми. Всякій человѣкъ долженъ взять орудіе убійства; ружье, ножъ, и если не убить, то зарядить ружье и отточить ножъ, т. е. быть готовымъ на убійство. Каждый гражданинъ долженъ придти въ судъ и быть участникомъ суда и наказаній, т. е. каждый долженъ отречься отъ заповѣди Христа непротивленія злому не словомъ только, но дѣломъ.

Вопросъ гренадера: Евангеліе или воинскій уставъ? Законъ Божій или законъ человѣческій? — теперь стоитъ и при Самуилѣ стоялъ передъ человѣчествомъ. Онъ стоялъ и передъ самимъ Христомъ и передъ учениками его. Стоитъ и передъ тѣми, которые теперь хотятъ быть христіанами, стоялъ и предо мной.

Законъ Христа, съ его ученіемъ любви, смиренія, самоотверженія, всегда и прежде трогалъ мое сердце и привлекалъ меня къ себѣ. Но со всѣхъ сторонъ, въ исторіи, въ современной, окружающей меня, и въ моей жизни я видѣлъ законъ противоположный, противный моему сердцу, моей совѣсти, моему разуму, но потакающій моимъ животнымъ инстинктамъ. Я чувствовалъ, что прими я законъ Христа,—

я останусь одинъ, и мнѣ можетъ быть плохо, мнѣ придется быть гонимымъ и плачущимъ, то самое, что сказалъ Христосъ. Прими законъ человѣческій—меня всѣ одобрятъ, я буду спокоенъ, обезпеченъ, и къ моимъ услугамъ всѣ изощренія ума, чтобы успокоить мою совѣсть. Я буду смѣяться и веселиться, то самое, что сказалъ Христосъ. Я чувствовалъ это, и потому не только не углублялся въ значеніе закона Христа, но старался понять его такъ, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ жить моей животной жизнью. А понять его такъ нельзя было, и потому я вовсе не понималъ его.

Въ этомъ непониманіи я доходилъ до теперь удивительнаго мнѣ, затмѣнія. Для образца такого затмѣнія приведу мое прежнее пониманіе словъ: Не судите, и не будете судимы (Мѳ. VII, 1). Не судите, и не будете судимы — не осуждайте и не будете осуждены (Луки VI, 37). Мнѣ такъ несомнѣнно казалось священнымъ, не нарушающимъ закона Бога учрежденіе судовъ, въ которыхъ я участвовалъ и которые ограждали мною собственность и безопасность, что никогда и въ голову не приходило, чтобы это изреченіе могло значить что-нибудь другое какъ то, чтобы на словахъ не осуждать ближняго. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы Христосъ въ этихъ словахъ могъ говорить про суды: про земскій судъ, про уголовную палату, про окружные и мировые суды и всякіе сенаты и департаменты. Только когда я понялъ въ прямомъ значеніи слова и непротивленіи злому, только тогда мнѣ представился вопросъ о томъ, какъ относится Христосъ ко всѣмъ этимъ судамъ и департаментамъ. И понявъ, что онъ долженъ отрицать ихъ, я спросилъ себя: Да не значитъ ли это не только не судите ближняго на словахъ, но и не осуждайте судомъ—не судите ближнихъ своими человѣческими учрежденіями.

У Луки, гл. VI, съ 37 по 49, слова эти сказаны тотчасъ послѣ ученія о непротивленіи злому и о воздаяніи добромъ за зло. Тотчасъ—послѣ словъ: будьте милосердны, какъ Отецъ вашъ на небѣ,—сказано: не судите, и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены. Не значитъ ли это, кромѣ осужденія ближняго, и то, чтобы не учреждать судовъ и не судить въ нихъ ближнихъ? спросилъ я себя теперь. И стоило мнѣ только поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы и сердце и здравый смыслъ тотчасъ же отвѣтили мнѣ утвердительно.

Я знаю, какъ такое пониманіе этихъ словъ поражаетъ сначала. Меня оно тоже поразило. Чтобы показать, какъ

я далекъ былъ отъ такого пониманія, признаюсь въ стыдной глупости. Уже послѣ того, какъ я сталъ вѣрующимъ и читалъ Евангеліе, какъ божественную книгу, я, при встрѣчѣ съ моими пріятелями: прокурорами, судьями, въ видѣ игривой шутки, говорилъ имъ: а вы все судите, а сказано: не судите и не судимы будете. Я такъ былъ увѣренъ, что слова эти не могутъ значить ничего другого, какъ только запрещеніе злословія, что не понималъ того страшнаго кощунства, которое я дѣлалъ, говоря это. Я до того дошелъ, что увѣрившись въ томъ, что ясныя слова эти значатъ не то, что значатъ, въ шутку говорилъ ихъ въ ихъ настоящемъ значеніи.

Разскажу подробно, какъ уничтожилось во мнѣ всякое сомнѣніе о томъ, что слова эти не могутъ быть понимаемы иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ запрещаетъ всякія человѣческія учрежденія судовъ, и словами этими ничего не могъ сказать другого.

Первое что поразило меня, когда я понялъ заповѣдь о непротивленіи злому въ ея прямомъ значеніи, было то, что суды человѣческіе не только не сходятся съ нею, но прямо противны ей, противны и смыслу всего ученія, и что потому Христосъ, если подумалъ о судахъ, то доженъ былъ отрицать ихъ.

Христосъ говоритъ: *не противься злому*. Цѣль судовъ—противиться злому. Христосъ предписываетъ: *дѣлать добро за зло*. Суды воздаютъ зломъ за зло. Христосъ говоритъ: *Не разбирать добрыхъ и злыхъ*. Суды только то и дѣаютъ, что этотъ разборъ. Христосъ говоритъ: *Прощать всѣмъ. Прощать не разъ, не семь разъ, а безъ конца. Любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ*. Суды не прощаютъ, а наказываютъ, дѣлаютъ не добро, а зло тѣмъ, которыхъ они называютъ врагами общества, такъ что по смыслу выходило, что Христосъ долженъ былъ запрещать суды. Но можетъ быть, думалъ я, Христосъ не имѣлъ дѣла съ человѣческими судами и не думалъ о нихъ. Но вижу, что этого нельзя предположить: Христосъ со дня рожденія и до смерти сталкивался съ судами Ирода, Синедріона и первосвященниковъ. И дѣйствительно, вижу, что Христосъ много разъ прямо говоритъ про суды, какъ про зло. Ученикамъ онъ говоритъ, что ихъ будутъ судить, и говоритъ, какъ имъ держаться на судѣ. Про себя говорилъ, что его засудятъ, и самъ показываетъ, какъ надо относиться къ суду человѣческому. Стало быть, Христосъ думалъ о тѣхъ судахъ человѣческихъ, которые должны были

засудить его и его учениковъ и засуждавшіе и засуждающіе милліоны людей, Христосъ видѣлъ это зло и прямо указывалъ на него.. При исполненіи приговора суда надъ блудницей, онъ прямо отрицаетъ судъ и показываетъ, что человѣку нельзя судить, потому что онъ самъ виноватый. И эту же самую мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ, говоря, что засореннымъ глазомъ нельзя видѣть сора въ глазу другого, что слѣпой не можетъ водить слѣпого. Объясняетъ даже то, что происходитъ отъ такого заблужденія. Ученикъ станетъ такой же, какъ учитель.

Но, можетъ быть, и высказавъ это по отношенію къ суду блудницы и указавъ притчей о спицѣ на общую слабость человѣческую, онъ, все-таки не запрещаетъ обращеніе къ человѣческому правосудію, въ виду защиты отъ злыхъ: но вижу, что этого никакъ нельзя допустить.

Въ нагорной проповѣди, обращаясь ко всѣмъ, онъ говоритъ: и если кто хочетъ *высудить* у тебя рубаху, отдай и кафтанъ. Стало быть, онъ всѣмъ запрещаетъ судиться.

Но, можетъ быть, Христосъ говоритъ только о личномъ отношеніи каждаго человѣка къ судамъ, но не отрицаетъ самаго правосудія и допускаетъ въ христіанскомъ обществѣ людей, которые судятъ другихъ въ установленныхъ учрежденіяхъ? Но вижу, что и этого нельзя предложить Христосъ въ молитвѣ своей всѣмъ людямъ безъ исключенія велитъ прощать другимъ, чтобы и имъ были прощены ихъ вины. И повторяетъ эту мысль много разъ. Стало быть, всякій человѣкъ и на молитвѣ и прежде, чѣмъ принести даръ, долженъ всѣмъ простить. Какъ же можетъ судить и приговаривать по суду человѣкъ, который по исповѣдуемой имъ вѣрѣ, долженъ всѣмъ всегда прощать? и потому вижу, что, по ученію Христа, христіанскій наказывающій судья быть не можетъ.

Но, можетъ быть, по той связи, въ которой находятся съ другими, слова *не судите и не осуждайте*, видно, что въ этомъ мѣстѣ Христосъ, говоря: *не судите*, не думалъ о судахъ человѣческихъ? Но этого тоже нѣтъ; напротивъ, ясно по связи рѣчи, что, говоря: не судите, Христосъ говоритъ именно о судахъ, учрежденіяхъ: но Матѳею и Лукѣ, передъ тѣмъ, чтобы сказать не судите, онъ говоритъ не противьтесь злому, терпите зло, дѣлайте добро всѣмъ. А передъ этимъ повторяетъ, по Матѳею, слова уголовнаго еврейскаго закона: око за око, зубъ за зубъ. И послѣ этой ссылки на уголовный законъ, говоритъ: а вы дѣлайте не такъ, не противьтесь злому, и потомъ уже го-

воритъ: не судите. Стало быть Христосъ говоритъ именно про уголовный законъ человѣческій, и его-то и отрицаетъ словами: не судите.

Кромѣ того, по Лукѣ, онъ говоритъ не только не судите, но не судите и не осуждайте. Для чего-нибудь да прибавлено же это слово, имѣющее почти то же значеніе. Прибавка этого слова можетъ имѣть только одну цѣль: выясненіе значенія, въ которомъ должно пониматься первое слово.

Если бы онъ хотѣлъ сказать: не осуждайте *ближняго*, то онъ бы прибавилъ это слово, но онъ прибавляетъ слово, переводимое по русски—не осуждайте. И послѣ этого говоритъ: и не будете осуждены, всѣмъ прощайте, и будете прощены.

Но, можетъ быть, все-таки, Христосъ не думалъ про суды, говоря это, и я свою мысль нахожу въ его словахъ, имѣющихъ другое значеніе.

Справляюсь съ тѣмъ, какъ первые ученики Христа, апостолы, смотрѣли на суды человѣческіе, признавали ли, одобряли ли ихъ?

Въ главѣ IV, отъ 1 — 11, апостолъ Яковъ говоритъ: *Не злословьте другъ друга, братія, кто злословитъ брата и судитъ брата своего, тотъ злословитъ законъ и судитъ законъ; а если законъ судитъ то ты не исполнитель закона, а судья.—Единъ законодатель и судья, который можетъ спасти и погубить — а ты кто, который судить другого?*

Слово переданное словомъ „злословить", есть слово КАТАЛАЛЕА. Безъ справки съ лексикономъ можно видѣть, что слово это должно значить „обвинять". И то самое оно и значитъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, справившись съ лексикономъ. Переведено: *кто злословитъ брата, тотъ злословитъ законъ.* И невольно представляется вопросъ: почему? Сколько бы я не злословилъ брата, я не злословлю законъ, но если я обвиняю и сужу судомъ брата, то очевидно, что я этимъ самымъ обвиняю законъ Христа, т. е. я считаю законъ Христа недостаточнымъ и обвиняю и сужу законъ. Тогда ясно, что я уже не исполняю его законъ, а самъ судья. Судья же говоритъ, Христосъ,—тотъ, который можетъ спасти. А какъ же я, не будучи въ состояніи спасти, буду судьей, буду наказывать.

Все это мѣсто говоритъ о судѣ человѣческомъ и отрицаетъ его. Все посланіе это проникнуто тою же мыслью. Въ томъ же посланіи Іакова (гл. II, 1 — 13) говорится:

1) Братія мои! вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа прославленнаго да будетъ безъ лицепріятія. 2) Ибо если войдетъ въ собраніе вашъ человѣкъ съ золотымъ перстнемъ на рукѣ, въ богатой одеждѣ, войдетъ же и нищій въ худомъ платьѣ: 3) и вы, смотря на одѣтаго въ богатую одежду, скажете ему: тебѣ прилично стать здѣсь; а нищему скажите: ты стань тамъ, или садись здѣсь, при ногахъ моихъ; 4) то не разрозниваетесь ли вы между собой и не представляете ли *въ себѣ судей съ злыми помышленіями*? 5) Послушайте, братіи мои возлюбленные, не нищихъ ли міра сего Богъ избралъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія, которое обѣщалъ. Онъ любящимъ Его? 6) А вы презрѣли нищаго! Не богатые ли притѣсняютъ васъ *и не они ли влекутъ васъ въ суды?* 7) Не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь? 8) Если вы исполняете царскій законъ по Писанію,—возлюби ближняго твоего, какъ самого себя (Лев. 19, 18) хорошо поступаете. 9) Но если смотрите на лица, то грѣхъ дѣлаете и передъ закономъ оказываетесь преступниками. 10) Ибо кто сохранитъ весь законъ и въ одномъ чемъ-нибудь согрѣшитъ, тотъ становится виновенъ во всемъ. 11) Ибо тотъ же, кто сказалъ: не прелюбодѣйствуй, сказалъ: не убей. Посему, если ты не сдѣлаешь прелюбодѣянія, но убьешь, то ты все преступникъ закона (Второз. 22: 22. Лев. 18: 17—25). 12) Говорите и послушайте какъ люди, которые должны быть судимы по закону свободы. 13) Ибо судъ безъ помилованія тому, кто не дѣлаетъ милости: милость торжествуетъ надъ судомъ. Послѣднія слова—милость торжествуетъ надъ судомъ—переводились, и часто такъ: *милость превозносится на судѣ*, и приводились такъ въ томъ смыслѣ, что судъ христіанскій можетъ быть, но что онъ долженъ быть милостивъ.

Іаковъ увѣщаетъ братьевъ не дѣлать различія между людьми. Если вы дѣлаете различіе, то вы ДІАСКРИВЕТЕ, разрозниваетесь, какъ на судѣ судьи съ злыми помышленіями. Вы разсудили, что нищій,—хуже. А напротивъ, хуже—богатый. Онъ и угнетаетъ васъ, и тащитъ въ судъ. Если вы живете по закону любви къ ближнему, по закону милосердія (который, въ отличіе отъ другого, Іаковъ называетъ царскимъ), то это хорошо. Но если смотрите на лица, дѣлаете различіе между людьми, то дѣлаетесь преступниками закона милосердія. И имѣя, вѣроятно, въ виду примѣръ блудницы, которую привели къ Христу, чтобы по закону побить ее камнями, или вообще преступленіе прелюбодѣянія,

Іаковъ говоритъ, что тотъ, кто казнить смертью блудницу будетъ виновенъ въ убійствѣ и нарушитъ законъ вѣчный. Потому что тотъ же вѣчный законъ запрещаетъ и блудъ и убійство. Онъ говоритъ: *И поступайте, какъ люди судимые закономъ свободы.* Потому, что нѣтъ милости тому, кто самъ безъ милости, *а потому милость уничтожаетъ судъ.*

Какъ же еще сказать это яснѣе, опредѣленнѣе: запрещается всякое различіе между людьми, всякій судъ о томъ, что этотъ хорошъ, а этотъ дуренъ, указывается прямо на судъ человѣческій, который несомнѣнно дуренъ, и показывается, что судъ этотъ самъ преступенъ, казня за преступленія, и что потому судъ самъ собою уничтожается закономъ Бога— милосердіемъ.

Читаю посланіе апостола Павла, пострадавшаго отъ судовъ, и въ первый же главѣ къ римлянамъ читаю увѣщеваніе, которое дѣлаетъ апостолъ римлянамъ за всѣ ихъ пороки и заблужденія, и въ томъ числѣ за ихъ суды. 32) Они хотя и знаютъ праведный судъ божій (т. е., что дѣлающіе таковыя дѣла достойны смерти), однако, не только сами ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ.

Глава I. 1) *И такъ, неизвинителенъ ты, человѣкъ, кто бы ты ни былъ судящій другого; ибо тѣмъ же (судомъ), которымъ судишь другого, осуждаешь себя; потому что, судя другого, ты дѣлаешь тоже.* 2) А мы знаемъ что праведенъ судъ божій на дѣлающихъ таковыя дѣла. 3) Неужели думаешь ты, человѣкъ, избѣжать суда божія, осуждая дѣлающихъ таковыя дѣла и (самъ) дѣлая то же. 4) Или ты пренебрегаешь богатствомъ благодати Его и кротости и долготерпѣнія, не помышляя, что благость божія ведетъ тебя къ покаянію?

Апостолъ Павелъ говоритъ: они зная праведный судъ Бога, сами дѣлаютъ несправедливо и научаютъ такъ дѣлать другихъ и потому нельзя оправдать человѣка который судитъ.

Такое отношеніе къ судамъ я нахожу въ посланіяхъ апостоловъ, въ жизни же ихъ, какъ мы всѣ знаемъ, суды человѣческіе представлялись имъ тѣмъ зломъ и соблазномъ, которое надо сносить съ твердостью воли божіей.

Возстановивъ въ своемъ воображеніи положеніе первыхъ христіанъ среди язычниковъ, каждый хорошо пойметъ, что защищать суды гонимыхъ человѣческими судами христіанамъ не могло приходить въ голову. Только при случаѣ они могли коснуться этого зла, отрицая основы его, какъ они и дѣлаютъ это.

Справляюсь съ учителями церкви первыхъ вѣковъ и вижу, что учители первыхъ вѣковъ всѣ всегда опредѣляли свое ученіе, отличающее ихъ отъ другихъ, тѣмъ, что они никого ни къ чему не присуждаютъ, никого не судятъ (Аѳинагоръ, Оригенъ), не казнятъ, а только переносятъ мученія, налагаемыя на нихъ судами человѣческими. Всѣ мученики дѣломъ исповѣдывали то же. Вижу, что все христіанство до Константина никогда иначе не смотрѣло на суды, какъ на зло которое надо терпѣливо переносить, но что никогда и въ голову ни одному христіанину того времени не могло прійти той мысли, чтобы христіанинъ могъ участвовать въ судѣ.

Вижу, что слова Христа: *не судите и не осуждайте*, были поняты его учениками такъ же, какъ я ихъ понялъ теперь въ ихъ прямомъ значеніи: не судите въ судахъ, не участвуйте въ нихъ.

Все, несомнѣнно, подтверждало мое убѣжденіе, что слова не судите и не осуждайте—значитъ не судите въ судахъ: но толкованіе о томъ, что будто это значитъ не злословить ближняго, до такой степени общепринято и до такой степени смѣло и самоувѣренно, суды процвѣтаютъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, опираясь уже на церковь, что я долго сомнѣвался въ справедливости моего пониманія. Если всѣ люди могли толковать такъ и учреждать христіанскіе суды, то, вѣроятно, имѣли же они какое-нибудь основаніе, и что нибудь ты не понимаешь,—говорилъ я себѣ. Должны же быть тѣ основанія, по которымъ слова эти понимаются, какъ злословіе и должны же быть основанія, на которыхъ учреждаются христіанскіе суды.

И я обратился къ толкованіямъ церкви. Во всѣхъ этихъ толкованіяхъ, съ пятаго вѣка, я нашелъ, что слова эти принято понимать какъ осужденіе на словахъ ближняго, т. е. какъ злословіе. И такъ какъ слова эти принято понимать только какъ осужденіе на словахъ ближняго, то является затрудненіе: какъ не осуждать? Зло нельзя не осуждать. И потому всѣ толкованія вертятся на томъ, что можно и чего нельзя осуждать. Говорится о томъ, что для служителей церкви это нельзя понимать, какъ запрещеніе судить, что сами апостолы судили (Златоустъ и Феофилактъ). Говорится о томъ, что, вѣроятно, этими словами Христосъ указываетъ на іудеевъ, которые обвиняли ближнихъ въ малыхъ грѣхахъ, а сами дѣлали большіе.

Но нигдѣ ни слова не говорится о человѣческихъ учрежденіяхъ, судахъ, о томъ, въ какомъ отношеніи нахо-

дятся суды эти къ этому запрещенію осуждать. Запрещаетъ ли ихъ Христосъ или допускаетъ?

На этотъ естественный вопросъ нѣтъ никакого отвѣта, какъ будто уже слишкомъ очевидно то, что какъ скоро христіанинъ сѣлъ на судейское мѣсто, то тогда онъ не только можетъ осуждать ближняго, но и казнить его.

Справляюсь у греческихъ, католическихъ, протестантскихъ писателей и писателей тюбингенской школы и школы исторической. Всѣми даже самыми свободномыслящими толкователями слова эти понимаются какъ запрещеніе злословить. Но почему слова эти, противно всему ученію Христа, понимаются такъ узко, что въ запрещеніи судить не входитъ запрещеніе судовъ; почему предполагается, что Христосъ, запрещая осужденіе ближняго, невольно сорвавшееся съ языка, какъ дурное дѣло, такое же осужденіе, совершаемое сознательное и связанное съ причиненіемъ насилія надъ осужденнымъ не считаетъ дурнымъ дѣломъ и не запрещаетъ,—на это нѣтъ отвѣта; и ни малѣйшаго намека о томъ, чтобы можно было подъ осужденіемъ разумѣть и то осужденіе, которое происходитъ на судахъ и отъ котораго страдаютъ милліоны. Мало того, по случаю этихъ словъ: не судите и не осуждайте, этотъ-то самый жестокій пріемъ судейскаго осужденія старательно обходится и даже выгораживется. Богословы-толкователи упоминаютъ о томъ, что въ христіанскихъ государствахъ суды должны быть и не противны закону Христа.

Замѣтивъ это, я уже усомнился въ искренности этихъ толкованій, и обратился къ самому переводу словъ: „судить и осуждать", къ тому, съ чего слѣдовало бы начать.

Въ подлинникѣ слова эти Κρίνω и Καταδικάξω. Невѣрный переводъ слова Καταδικάξω въ посланіи Іакова, переведенный словомъ злословить, подтверждалъ мое сомнѣніе въ вѣрности перевода.

Справляюсь, какъ переводятся въ Евангеліяхъ слова Κρίνω и Καταδικάξω на разные языки, и нахожу, что въ Вульгатѣ слово осуждать переведено Condamnare; также и по французски: по славянски—осуждайте; у Лютера переведено Veradmmen—проклинать.

Различіе этихъ переводовъ еще усиливаетъ мои сомнѣнія. И я задаю себѣ вопросъ: что значитъ и могутъ значить греческое слово Κρίνω, употребленное въ обоихъ Евангеліяхъ, и слово Καταδικάζω, употребленное у Луки—Евангелиста, писавшаго, по мнѣнію знатоковъ, на довольно хорошемъ греческомъ языкѣ. Какъ переведетъ эти слова чело-

вѣкъ, ничего не знающій объ ученіи евангельскомъ и его толкованіяхъ и имѣющій передъ собою одно это изрѣченіе?

Справляюсь съ общимъ лексикономъ и нахожу, что слово Κρίνω имѣетъ много различныхъ значеній, и въ томъ числѣ весьма употребительное значеніе—приговаривать по суду, казнить даже. но никогда не имѣетъ значенія злословить. Справляюсь съ лексикономъ Новаго Завѣта и нахожу, что слово это въ новомъ завѣтѣ часто употребляется въ смыслѣ: приговаривать по суду. Иногда употребляется въ смыслѣ отбирать, но никогда въ смыслѣ злословить. И такъ вижу, что слово Κρίνω можно перевести различно, но что переводъ такой, при которомъ оно получаетъ значеніе—злословить, есть самый далекій и неожиданный.

Справляюсь о словѣ Καταδικάζω. присоединенномъ къ слову Κρίνω имѣющему много значеній очевидно для того. чтобы опредѣлить то значеніе, въ которомъ именно понимается писателемъ и первое слово. Справляюсь о словѣ Καταδικάζω въ общемъ лексиконѣ и нахожу. *что слово это никогда не имѣетъ никакого другого знанія, какъ только приговаривать по суду къ наказаніямъ и казнить.* Справляюсь съ лексикономъ Новаго Завѣта и нахожу, что слово это употреблено въ посланіи Іоанна, гл. V, ст. 6, гдѣ сказано: Вы осудили и убили праведнаго. Слово *осудили*, то самое слово Καταδικάζω употреблено по отношенію къ Христу. котораго засудили. *И иначе, въ другомъ смыслѣ, это слово никогда не употребляется ни во всемъ Новомъ Завѣтѣ и ни въ какомъ греческомъ языкѣ.*

Что же это такое? До чего я объюродивѣлъ! Я и каждый изъ насъ, живущій въ нашемъ обществѣ, если только призадумывался надъ участью людей, ужасался передъ тѣми страданіями и тѣмъ зломъ, которое вноситъ въ жизнь людей уголовные законы человѣческіе—зло и для судимыхъ и для судящихъ: отъ казней Чингисъ-хана и казней революціи до казней нашихъ дней.

Всякій человѣкъ съ сердцемъ не миновалъ того впечатлѣнія ужаса и сомнѣнія въ добрѣ, при разсказѣ даже, не говорю, при видѣ казни людей такими же людми: шпицрутеновъ на смерть гильотины, висѣлицы.

СПБ Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейн. пр., 58.

Безплатное приложеніе къ журналу „Ясная Поляна“

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

сочиненій Графа Л. Н. ТОЛСТОГО

ПЕЧАТАВШИХСЯ ДО СИХЪ ПОРЪ ЗАГРАНИЦЕЮ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Выпуски 11—20).

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ чемъ моя вѣра.
Богъ одинъ у всѣхъ.
За что?
По поводу трансваальской войны.
Мысль о Богѣ.
Ученіе 12 апостоловъ.
Экзекуція.
О самоубійствѣ.
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ.
Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность.
Въ казематѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія К. А. Четверикова. Караванная, 7.
1906.

Въ чемъ моя вѣра?

(продолженіе).

Въ Евангеліи, каждое слово котораго мы считаемъ священнымъ, прямо и ясно сказано: у васъ былъ уголовный законъ—зубъ за зубъ, а я даю вамъ новый: *Не противьтесь злому*; всѣ исполняйте эту заповѣдь: не дѣлайте зла за зло, а дѣлайте всегда и всѣмъ добро, всѣхъ прощайте.

И далѣе прямо сказано: *Не судите* и чтобы невозможно было недоразумѣніе о значеніи словъ, которыя сказаны, прибавлено: *не приговаривайте по суду къ наказаніямъ.*

Сердце мое говоритъ ясно, внятно: не казните; наука говоритъ: не казните; чѣмъ больше казните — больше зла! разумъ говоритъ: не казните; зломъ нельзя пресѣчь зла. Слово Бога, въ которое я вѣрю, говоритъ то-же. И я, читая все ученіе, читая слова; *не судите, и не будете судимы, не осуждайте. и не будете осуждены, прощайше и будете прощены*, признаю, что это слово Бога, и говорю, что это значитъ то, что не надо заниматься сплетнями и злословіемъ, и продолжаю считать суды христіанскимъ учрежденіемъ и себя судьей и христіаниномъ.

И я ужаснулся предъ той грубостью обмана, въ которомъ я находился.

IV.

Я понялъ теперь, что говоритъ Христосъ, когда онъ говоритъ: вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противься злому, а терпи его.—Христосъ говоритъ: вамъ внушено, вы привыкли считать хорошимъ и разумнымъ то, чтобы силой отстаиваться отъ зла и вырывать глазъ за глазъ, учреждать уголовные суды, полицію, войско, отстаиваться отъ враговъ; а я говорю: не дѣлайте насилія, не участвуйте въ насиліи, не дѣлайте зла никому, даже тѣмъ, которыхъ вы называете врагами.

Я понялъ теперь, что въ положеніи о непротивленіи злому Христосъ говоритъ не только, что выйдетъ непосредственно для каждаго отъ непротивленія злому, но онъ,—въ противоположеніе той основѣ, которою жило при немъ по Моисею, по римскому праву, и теперь по разнымъ кодексамъ живетъ человѣчество,—ставитъ положеніе непротивленія злому, которое, по его ученію, должно быть основой совмѣстной жизни людей и должно избавить человѣчество отъ зла, наносимаго имъ самому себѣ. Онъ говоритъ: вы думаете, что ваши законы исправляютъ зло,—

они только увеличиваютъ его. Одинъ есть путь пресѣченія зла—дѣланіе добра за зло всѣмъ безъ всякаго различія. Вы тысячи лѣтъ пробовали ту основу, попробуйте мою обратную.

Удивительное дѣло! Въ послѣднее время мнѣ часто случалось говорить съ самыми различными людьми объ этомъ законѣ Христа — непротивленія злому. Рѣдко, но я встрѣчалъ людей, соглашавшихся со мною. Но два рода людей никогда, даже въ принципѣ, не допускаютъ прямого пониманія этого закона и горячо отстаиваютъ справедливость противленія злому. Это люди двухъ крайнихъ полюсовъ: христіане патріоты-консерваторы, признающіе свою церковь истинною, и атеисты-революціонеры. Ни тѣ, ни другіе не хотятъ отказаться отъ права насиліемъ противиться тому, что они считаютъ зломъ. И самые умные, ученые люди изъ нихъ, никакъ не хотятъ видѣть той простой, очевидной истины, что если допустить, что одинъ человѣкъ можетъ насиліемъ противиться тому, что онъ считаетъ зломъ, то точно такъ же другой можетъ насиліемъ противиться тому, что этотъ другой считаетъ зломъ.

Недавно у меня была въ рукахъ поучительная въ этомъ отношеніи переписка православнаго славянофила съ христіаниномъ-революціонеромъ. Одинъ отстаивалъ насиліе войны во имя угнетенныхъ братьевъ-славянъ, другой—насиліе революціи во имя угнетенныхъ братьевъ, русскихъ мужиковъ, оба требуютъ насилія и оба опираются на ученіе Христа.

Всѣ на самые различные лады понимаютъ ученіе Христа, но только не въ томъ прямомъ, простомъ смыслѣ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ его словъ.

Мы устроили всю свою жизнь на тѣхъ самыхъ основахъ, которыя онъ отрицаетъ, не хотимъ понять его ученія въ его простомъ и прямомъ смыслѣ и увѣряемъ себя и другихъ, или что мы исповѣдуемъ его ученіе, или что ученіе его намъ не годится. Такъ называемые вѣрующіе вѣрятъ, что Христосъ—Богъ, второе лицо Троицы, сошедшее на землю для того, чтобы дать людямъ примѣръ жизни, и исполняютъ сложнѣйшія дѣла, нужныя для совершенія таинствъ, для постройки церквей, для посылки миссіонеровъ, учрежденія пастырей, управленія паствой, исправленія вѣры, но одно маленькое обстоятельство они забываютъ—дѣлать то, что онъ сказалъ. Невѣрующіе всячески пробуютъ устроить свою жизнь, но только не по закону Христа, впередъ рѣшивъ, что этотъ законъ не годится. Попытаться же сдѣлать то, что онъ говоритъ, этого никто не хочетъ. Но мало того, прежде чѣмъ даже попытаться дѣлать это, и вѣрующіе, и невѣрующіе впередъ рѣшаютъ, что это невозможно.

Онъ говоритъ просто, ясно: тотъ законъ противленія злому насиліемъ, который вы положили въ основу своей жизни, ложенъ и противоестественъ; и даетъ другую осно-

ву—непротивленія,—которая, по его ученію, одна можетъ избавить человѣчество отъ зла. Онъ говоритъ: вы думаете, что ваши законы насилія исправляютъ зло; они только увеличиваютъ его. Вы тысячи лѣтъ пытались уничтожить зло зломъ, и не уничтожили, а увеличили его. Дѣлайте то, что я говорю и дѣлаю, и узнаете правда ли это.

И не только говоритъ, но самъ всею своею жизнью и смертью исполняетъ свое ученіе о непротивленіи злому.

Вѣрующіе все это слушаютъ, читаютъ въ церквахъ, называя это божественными словами, его называютъ Богомъ, но говорятъ: все это очень хорошо, но это невозможно при нашемъ устройствѣ жизни,—это разстроитъ всю нашу жизнь, а мы къ ней привыкли и любимъ ее. И потому мы вѣримъ во все это въ томъ только смыслѣ, что это есть идеалъ, къ которому должно стремиться человѣчество,—идеалъ, который достигается молитвою и вѣрою въ таинства, въ искупленіе и въ воскресеніе изъ мертвыхъ. Другіе же, невѣрующіе, свободные толкователи ученія Христа, историки религій,—Штраусы, Ренаны и другіе, усвоивъ вполнѣ церковное толкованіе о томъ, что ученіе Христа не имѣетъ никакого прямого приложенія къ жизни, а есть мечтательное ученіе, утѣшающее слабоумныхъ людей, пресерьезно говорятъ о томъ, что ученіе Христа годно было для проповѣданія дикимъ обитателямъ захолустьевъ Галилеи, но намъ, съ нашей культурой, оно представляется только милою мечтою „du charmant docteur“, какъ говоритъ Ренанъ. По ихъ мнѣнію Христосъ не могъ подняться до высоты пониманія всей мудрости нашей цивилизаціи и культуры. Если бы онъ стоялъ на той же высотѣ образованія, на которой стоятъ эти ученые люди, онъ не говорилъ бы такихъ милыхъ пустяковъ: о птицахъ небесныхъ, о подставленіи щеки и заботѣ о нынѣшнемъ днѣ. Ученые историки эти судятъ о христіанствѣ по тому христіанству, которое они видятъ въ нашемъ обществѣ. По христіанству же нашего общества и времени признается истинной и священной наша жизнь съ ея устройствомъ: тюремъ, одиночнаго заключенія, альказаровъ, фабрикъ, журналовъ, барделей и парламентовъ, и изъ ученія Христа берется только то, что не нарушаетъ этой жизни. А такъ какъ ученіе Христа отрицаетъ всю эту жизнь, то изъ ученія Христа не берется ничего, кромѣ словъ. Ученые историки видятъ это и, не имѣя нужды скрывать это, какъ скрываютъ это мнимо вѣрующіе, это-го лишенное всякаго содержанія ученіе Христа и подвергаютъ глубокомысленной критикѣ и весьма основательно опровергаютъ, и доказываютъ, что въ христіанствѣ никогда ничего и не было, кромѣ мечтательныхъ идей.

Казалось бы, прежде чѣмъ судить объ ученіи Христа, надо понять, въ чемъ оно состоитъ. И чтобы рѣшать: разумно ли его ученіе или нѣтъ, надо, прежде всего, при-

знавать, что онъ говорилъ то, что говорилъ: а этого-то мы и не дѣлаемъ: ни церковные, ни вольнодумные толкователи. И очень хорошо знаемъ, почему мы этого не дѣлаемъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что ученіе Христа всегда обнимало и обнимаетъ, отрицая ихъ, всѣ тѣ заблужденія людскія, тѣ „тогу", пустые идолы, которые мы, назвавъ ихъ церковью, государствомъ, культурою, наукой, искусствомъ, цивилизаціей, думаемъ выгородить изъ ряда заблужденій. Но Христосъ противъ нихъ-то и говоритъ, не выгораживая никакихъ „тогу".

Не только Христосъ, но всѣ пророки еврейскіе—Іоаннъ-Креститель, всѣ истинные мудрецы міра объ этой-то самой церкви, объ этомъ самомъ государствѣ, объ этой самой культурѣ, цивилизаціи и говорятъ, называя ихъ зломъ и погибелью людей.

Положимъ, строитель скажетъ жителю: вашъ домъ дуренъ, его надо весь перестроить. А потомъ будетъ говорить подробности о томъ, какія бревна, какъ срубить и куда положить. Житель пропуститъ мимо ушей слова о томъ, что домъ дуренъ и надо его перестроить, и будетъ съ притворнымъ уваженіемъ слушать слова строителя о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ и размѣщеніи въ домѣ. Очевидно всѣ совѣты строителя будутъ казаться непригодными, а неуважающій строителя будетъ прямо называть эти совѣты глупыми. Это самое совершается такъ точно по отношенію къ ученію Христа.

Не найдя лучшаго сравненія, я употребилъ это. И вспомнилъ, что Христосъ, преподавая свое ученіе, употребилъ это самое сравненіе. Онъ сказалъ: я разрушу вашъ храмъ и въ три дня построю новый. И за это самое его распяли. И за это самое и теперь распинаютъ его ученіе.

Наименьшее, что можно требовать отъ людей, судящихъ о чьемъ-нибудь ученіи, это то, чтобы судили объ ученіи учителя такъ, какъ онъ самъ понималъ его. А онъ понималъ свое ученіе не какъ какой-то далекій идеалъ человѣчества, исполненіе котораго невозможно, не какъ мечтательныя поэтическія фантазіи, которыми онъ плѣнялъ простодушныхъ жителей Галилеи; онъ понималъ свое ученіе какъ дѣло, такое дѣло, которое спасетъ человѣчество. И онъ не мечталъ на крестѣ, а кричалъ, и умеръ за свое ученіе, и такъ же умирали и умрутъ еще много людей. Нельзя говорить про такое ученіе, что оно мечта.

Всякое ученіе истины—мечта для заблудшихъ. Мы до того дошли, что есть много людей (и я былъ въ числѣ ихъ), которые говорятъ, что ученіе это мечтательно, потому что оно несвойственно природѣ человѣка подставить другую щеку, когда его ударятъ по одной, несвойственно отдать свое чужому, несвойственно работать не на себя, а на другого. Человѣку свойственно, говорятъ, отстаивать свою безопасность, безопасность своей семьи, собственность,

другими словами—человѣку свойственно бороться за свое существованіе. Ученый правовѣдъ научно доказываетъ, что самая священная обязанность человѣка есть отстаиваніе своего права, т. е. борьба.

Но стоитъ на минуту отрѣшиться отъ той мысли, что устройство, которое существуетъ и сдѣлано людьми, есть наилучшее, священное устройство жизни, чтобы возраженіе это о томъ, что ученіе Христа несвойственно природѣ человѣка, тотчасъ же обратилось противъ возражателей. Кто будетъ спорить о томъ, что не то, что мучить или убивать человѣка, но мучить собаку, убить курицу и теленка противно и мучительно природѣ человѣка. (Я знаю людей, живущихъ земледѣльческимъ трудомъ, которые перестали ѣсть мясо только потому, что имъ приходилось самимъ убивать своихъ животныхъ). А, между тѣмъ, все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человѣка пріобрѣтается страданіями другихъ людей, которыя противны природѣ человѣка. Все устройство нашей жизни, весь сложный механизмъ нашихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью насиліе, свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени насиліе противно природѣ человѣка. Ни одинъ судья не рѣшится задушить веревкой того, кого онъ приговорилъ къ смерти по своему правосудію. Ни одинъ начальникъ не рѣшится взять мужика изъ плачущей семьи и запереть его въ острогъ. Ни одинъ генералъ или солдатъ безъ дисциплины, присяги и войны не убьетъ не только сотни турокъ или нѣмцевъ и не разорить ихъ деревень, но не рѣшится ранить ни одного человѣка. Все это дѣлается только благодаря той сложнѣйшей машинѣ государственной и общественной, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы разбивать отвѣтственность совершаемыхъ злодѣйствъ такъ, чтобы никто не чувствовалъ противуестественности этихъ поступковъ. Одни пишутъ законы; другіе прилагаютъ ихъ; третьи муштруютъ людей, воспитывая въ нихъ привычки дисциплины, т. е. безсмысленнаго и безотвѣтнаго повиновенія; четвертые - эти самые вымуштрованные люди—дѣлаютъ всякаго рода насилія, даже убиваютъ людей, не зная зачѣмъ и для чего. Но стоитъ человѣку хоть на минуту мысленно освободиться отъ этои сѣти устройства мірского, въ которой онъ запутался, чтобы понять, что ему несвойственно.

Не будемъ только утверждать, что привычное зло которымъ мы пользуемся, есть неизмѣнная божественная истина, и тогда ясно, что естественно и свойственно человѣку: насиліе или законъ Христа? Знать ли, что спокойствіе и безопасность моя и семьи моей, всѣ мои радости и веселья покупаются нищетой, развратомъ и стаданіями милліоновъ, — ежегодными висѣлицами, сотнями тысячъ страдающихъ узниковъ и милліоновъ оторванныхъ отъ семей и одуренныхъ дисциплиной солдатъ, городовыхъ и

урядниковъ, которые оберегаютъ мои потѣхи заряженными на голодныхъ людей пистолетами; покупать ли каждый сладкій кусокъ, который я кладу въ свой ротъ, или ротъ моихъ дѣтей, всѣмъ тѣмъ страданіемъ человѣчества, которое неизбѣжно для пріобрѣтенія этихъ кусковъ;—или знать, что какой ни есть кусокъ—мой кусокъ, только тогда когда онъ никому не нуженъ и никто изъ-за него не страдаетъ.

Стоитъ только понять разъ, что это такъ, что всякая радость моя, всякая минута спокойствія при нашемъ устройствѣ жизни покупается лишеніями и страданіями тысячъ, удерживаемыхъ насиліемъ; стоитъ разъ понять это, чтобы понять, что свойственно всей природѣ человѣка, т. е. не одной животной, но и разумной, и животной природѣ человѣка; стоитъ только понять законъ Христа во всемъ его значеніи, со всѣми его послѣдствіями, для того, чтобы понять, что не ученіе Христа несвойственно человѣческой природѣ, но все оно только въ томъ и состоитъ, чтобы откинуть несвойственное человѣческой природѣ мечтательное ученіе людей о противленіи злу, дѣлающее ихъ жизнь несчастною.

Ученіе Христа о непротивленіи злому—мечта! А то, что жизнь людей, въ душу которыхъ вложена жалость и любовь другъ къ другу, проходила и теперь проходитъ для однихъ въ устройствѣ костровъ, кнутовъ, колесованій, плетей, рванья ноздрей, пытокъ, кандаловъ, каторгъ, висѣлицъ, разстрѣливаній, одиночныхъ заключеній, острогов для женщинъ и дѣтей, въ устройствѣ побоищъ десятками тысячъ на войнѣ, въ устройствѣ періодическихъ революцій и пугачевщинъ, а жизнь другихъ—въ томъ, чтобы исполнять всѣ эти ужасы, а третьихъ—въ томъ, чтобы избѣгать этихъ страданій и отплачивать за нихъ,—такая жизнь не мечта!

Стоитъ понять ученіе Христа, чтобы понять, что міръ, не тотъ, который данъ Богомъ для радости человѣка, а тотъ міръ, который учрежденъ людьми для погибели ихъ, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная, бредъ сумасшедшаго, отъ котораго стоитъ только разъ проснуться, чтобы уже никогда не возвращаться къ этому страшному сновидѣнію.

Богъ сошелъ на землю; Сынъ Бога—одно лицо Святой Троицы, вочеловѣчился, искупилъ грѣхъ Адама; Богъ этотъ, насъ пріучили такъ думать, долженъ былъ сказать что нибудь таинственно мистическое, такое, что трудно понять, что можно понять только помощью вѣры и благодати, и вдругъ слова Бога такъ просты, такъ ясны, такъ разумны. Богъ говоритъ просто: не дѣлайте другъ другу зла,—не будетъ зла. Неужели такъ просто откровеніе Бога? Неужели только это сказалъ Богъ! Намъ кажется, что мы это все знаемъ: это такъ просто.

Илья пророкъ, убѣгая отъ людей, скрылся въ пещерѣ, и ему было откровеніе, что Богъ явится ему у входа пе-

щеры. Сдѣлалась буря—ломались деревья. Илья подумалъ, что это Богъ, и посмотрѣлъ, но Бога не было. Потомъ началась гроза; громъ и молніи были страшные. Илья вышелъ посмотрѣть,—нѣтъ ли Бога, но Бога не было. Потомъ сдѣлалось землетрясеніе: огонь шелъ изъ земли, трескались скалы, валились горы. Илья посмотрѣлъ, но Бога не было. Потомъ стало тихо, и легкій вѣтерокъ пахнулъ съ освѣженныхъ полей. Илья посмотрѣлъ,—и Богъ былъ тутъ. Таковы и эти простыя Слова Бога: не противься злому.

Они очень просты, но въ нихъ выраженъ законъ Бога и человѣка, единственный и вѣчный. Законъ этотъ до такой степени вѣченъ, что если и есть въ исторической жизни движеніе впередъ къ устраненію зла, то только благодаря тѣмъ людямъ, которые такъ поняли ученіе Христа и которыя переносили зло, а не сопротивлялись ему насиліемъ. Движеніе къ добру человѣчества совершается не мучителями, а мучениками. Какъ огонь не тушитъ огня, такъ зло не можетъ потушить зла. Только добро, встрѣчая зло и не заражаясь имъ, побѣждаетъ зло. То, что это такъ, есть въ мірѣ души человѣка такой же непреложный законъ, какъ законъ Галилея, но болѣе непреложный, болѣе ясный и полный. Люди могутъ отступать отъ него, скрывая его отъ другихъ, но; все-таки, движеніе впередъ человѣчества къ благу можетъ совершаться только на этомъ пути. Всякій ходъ впередъ сдѣланъ только во имя непротивленія злу. И ученикъ Христа можетъ увѣреннѣе, чѣмъ Галилей, въ виду всѣхъ возможныхъ соблазновъ и угрозъ, утверждать: „И все-таки, не насиліемъ, а добромъ только вы уничтожите зло“. И если медленно это движеніе, то только благодаря тому, что ясность, простота, разумность, неизбѣжность и обязательность ученія Христа,—скрыты отъ большинства людей самымъ хитрымъ и опаснымъ образомъ, скрыты подъ чужимъ ученіемъ, ложно называемымъ его ученіемъ.

V.

Все подтверждало вѣрность открывшагося мнѣ смысла ученія Христа. Но долго я не могъ привыкнуть къ той странной мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона милліардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь на изученіе этого закона, теперь мнѣ пришлось, какъ что-то новое, открывать законъ Христа. Но какъ ни странно это было, это было такъ, ученіе Христа о непротивленіи злу возстало предо мной: какъ что то совершенно новое, о чемъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. И я спросилъ себя: отчего это могло произойти? У меня должно было быть какое нибудь ложное представленіе о значеніи ученія Христа для того,

чтобы я могъ такъ не понять его. И ложное представленіе это было.

Приступая къ ученію Евангелія, я не находился въ томъ положеніи человѣка, который, никогда ничего не слыхавъ объ ученіи Христа, вдругъ, въ первый разъ услыхалъ его; а во мнѣ была уже готова цѣлая теорія о томъ, какъ я долженъ понимать его. Христосъ не представлялся мнѣ пророкомъ, который открываетъ мнѣ божескій законъ, а онъ представлялся мнѣ дополнителемъ и разъяснителемъ уже извѣстнаго мнѣ несомнѣннаго закона Бога. Я имѣлъ уже цѣлое, опредѣленное и очень сложное ученіе о Богѣ, о сотвореніи міра и человѣка и о заповѣдяхъ ея, данныхъ людямъ черезъ Моисея.

Въ Евангеліяхъ я встрѣтилъ слова: „вамъ сказано: око за око, и зубъ за зубъ; а я говорю вамъ: не противьтесь злому". Слова: „око за око, и зубъ за зубъ",— была заповѣдь Моисея. Слова: „я говорю: не противься злу, или злому",—была новая заповѣдь, которая отрицала первую.

Если бы я просто относился къ ученію Христа, безъ той богословской теоріи, которая съ молокомъ матери была всосана мною, я бы просто понялъ простой смыслъ словъ Христа. Я бы понялъ, что Христосъ отрицаетъ старый законъ и даетъ свой новый законъ. Но мнѣ было внушено, что Христосъ не отрицаетъ законъ Моисея, а напротивъ, утверждаетъ его весь до малѣйшей черты и іоты, и восполняетъ его. Стихи 17—18, V гл. Мѳ., въ которыхъ утверждается это, всегда, при прежнихъ чтеніяхъ моихъ Евангелій, поражали меня своей неясностью и вызывали сомнѣнія. На сколько я зналъ тогда Ветхій, Завѣтъ, въ особенности послѣднія книги Моисея, въ которыхъ изложены такія мелочныя, безсмысленныя и часто жестокія правила, при каждомъ изъ которыхъ говорится: „и Богъ сказалъ Моисею", мнѣ казалось страннымъ, чтобы Христосъ могъ утвердить весь этотъ законъ. и непонятно, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. Но я оставлялъ тогда вопросъ, не рѣшая его. Я принималъ на вѣру то съ дѣтства внушенное мнѣ толкованіе, что оба закона эти суть произведенія Святаго Духа, что законы эти соглашаются, то Христосъ утверждаетъ законъ Моисея и дополняетъ его и восполняетъ.

Какъ происходитъ это восполненіе, какъ разрѣшаются тѣ противорѣчія, которыя бросаются въ глаза въ самомъ Евангеліи и въ этихъ стихахъ и въ словахъ: „а я говорю", я никогда не давалъ себѣ яснаго отчета. Теперь же, признавъ простой и прямой смыслъ ученія Христа, я понялъ, что два закона эти противуположны и что не можетъ быть рѣчи о соглашеніи ихъ или восполненіи одного другимъ, что необходимо принять одинъ изъ двухъ, и что толкованіе стиховъ 17—18 V гл. Матѳ., и прежде поражавшихъ меня своею неясностью, должно быть невѣрно.

И вновь прочтя эти стихи, тѣ самые, которые каза-

лись мнѣ всегда такъ неясны, я былъ пораженъ тѣмъ простымъ и яснымъ смысломъ этихъ стиховъ, который вдругъ открылся мнѣ.

Смыслъ этотъ открылся мнѣ не оттого, что я что нибудь придумывалъ, переставлялъ, а только оттого, что я откинулъ то искусственное толкованіе, которое присоединялось къ этому мѣсту.

Христосъ говоритъ (Мѳ. V, 17—18): „Не думайте, чтобы я пришелъ нарушить законъ или (ученіе) пророковъ; я не нарушить пришелъ, но исполнить. Потому, что вѣрно говорю вамъ, скорѣе упадетъ небо и земля, чѣмъ выпадетъ одна малѣйшая іота или черта (частица) закона, пока не исполнится все“.

И 20-й стихъ прибавляетъ: „Ибо если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, не войдете въ царство небесное“.

Христосъ говоритъ: я не пришелъ нарушить вѣчный законъ, для исполненія котораго написаны ваши книги и пророчества, но пришелъ научить исполнять вѣчный законъ; но я говорю не про вашъ тотъ законъ, который называютъ закономъ Бога ваши учителя-фарисеи, и про тотъ законъ вѣчный, который менѣе, чѣмъ небо и земли, подлежитъ измѣненію.

Я выражаю ту же мысль другими словами только для того, чтобы оторвать мысль отъ обычнаго ложнаго пониманія. Не будь этого ложнаго пониманія, то нельзя точнѣе и лучше выразить эту мысль, чѣмъ какъ она выражена въ этихъ стихахъ.

Толкованіе, что Христосъ не отрицаетъ законъ, основано на томъ, что слову законъ въ этомъ мѣстѣ, благодаря сравненію съ іотой писаннаго закона, безъ всякаго основанія и противно смыслу словъ, приписано значеніе писаннаго закона,—вмѣсто закона вѣчнаго. Но Христосъ говоритъ не о писанномъ законѣ. Если бы Христосъ въ этомъ мѣстѣ говорилъ о законѣ писанномъ, то онъ употребилъ бы обычное выраженіе: законъ и пророки, то самое, которое онъ всегда и употребляетъ, говоря о писанномъ законѣ; но онъ употребляетъ совсѣмъ другое выраженіе: *законъ и пророки*. Если бы Христосъ говорилъ о законѣ писанномъ, то онъ и въ слѣдующемъ стихѣ, составляющемъ продолженіе мысли, употребилъ бы слово: „*законъ или пророки*, а не слово законъ безъ прибавленія, какъ оно стоитъ въ этомъ стихѣ. Но, мало того, Христосъ употребляетъ то же выраженіе по Евангелію Луки въ такой связи, что значеніе это становится уже несомнѣннымъ. У Луки XVI, 15, Христосъ говоритъ фарисеямъ, полагавшимъ праведность въ писанномъ законѣ. Онъ говоритъ: „вы оправдываете сами себя передъ людьми, но Богъ знаетъ ваши сердца; что у людей высоко, то мерзость передъ Богомъ“. 16: „Законъ и пророки до Іоанна, а съ тѣхъ поръ

царство божіе благовѣтствуется, и всякій своимъ усиліемъ входитъ въ него". И тутъ-то, вслѣдъ за этимъ ст. 17, онъ говоритъ: „Легче небу и земли прейти, чѣмъ изъ закона выпасть одной черточкѣ". Словами: „законъ и пророки до Іоанна" Христосъ упраздняетъ законъ писанный. Словами: „легче небу и земли прейти, чѣмъ изъ *закона* выпасть черточкѣ", онъ утверждаетъ законъ вѣчный, Въ первыхъ словахъ онъ говоритъ: *законъ и пророки*, т. е. писанный законъ; во вторыхъ онъ говоритъ просто: *законъ*, слѣдовательно законъ вѣчный. Стало быть, ясно, что здѣсь противополагается законъ вѣчный закону писанному *), и что точно то-же противоположеніе дѣлается и въ контекстѣ Матѳея, гдѣ законъ вѣчный опредѣляется словами: *законъ или пророки*.

Замѣчательна исторія текста стиховъ 17 и 18 по варіантамъ. Въ большинствѣ списковъ стоитъ только слово „законъ" безъ прибавленія „пророки". При такомъ чтеніи уже не можетъ быть перетолкованія о томъ, что это значитъ законъ писанный. Въ другихъ же спискахъ, въ Тишендорфовскомъ и въ каноническомъ стоитъ прибавка—„пророки", но не съ союзомъ „и", а съ союзомъ „или, *законъ или пророки*, что точно также исключаетъ смыслъ вѣчнаго закона.

Въ нѣкоторыхъ же спискахъ, не принятыхъ церковью, стоитъ прибавка „пророки" съ союзомъ „и", а не „или", и въ тѣхъ же спискахъ, при повтореніи слова законъ прибавляется опять: „и пророки". Такъ что смыслъ всему изреченію при этой передѣлкѣ придается такой, что Христосъ говоритъ только о писанномъ законѣ.

Эти варіанты даютъ исторію толкованій этого мѣста. Смыслъ одинъ ясный тотъ, что Христосъ такъ же, какъ и по Лукѣ, говоритъ о законѣ вѣчномъ; но въ числѣ списателей Евангелій находятся такіе, которымъ желательно признать обязательность писаннаго закона Моисеева, и эти списатели присоединяютъ къ слову законъ прибавку,— „и пророки"—и измѣняютъ смыслъ.

Другіе христіане, не признающіе книгъ Моисея, или исключаютъ вставку, или замѣняютъ слово: „и" ! „καὶ" словомъ „или"—„ἢ".—И съ этимъ „или" это мѣсто вхо-

*) Мало этого, какъ бы для того, чтобы ужъ не было никакого сомнѣнія о томъ, про какой законъ онъ говоритъ, онъ тотчасъ же, въ связи съ этимъ, приводитъ примѣръ, самый рѣзкій примѣръ отрицанія закона Моисеева—закономъ вѣчнымъ, тѣмъ, изъ котораго не можетъ выпасть ни одна черточка; онъ, приводя самое рѣзкое противорѣчіе закону Моисея, которое есть въ Евангеліи, говоритъ Лук. XVI, 18: „всякій, кто отпускаетъ жену и жениться на другой, прелюбодѣйствуетъ", т. е. въ писанномъ законѣ позволено разводиться, а по вѣчному—это грѣхъ.

дитъ въ канонъ. Но, на не смотря не неясность и несомнѣнностьтекста въ томъ видѣ, въ которомъ онъ вошелъ въ канонъ, каноническіе толкователи продолжаютъ толковать его въ томъ духѣ, въ которомъ были сдѣланы не вошедшія въ текстъ измѣненія. Мѣсто это подвергается безчисленнымъ толкованіямъ, тѣмъ болѣе удаляющимся отъ его прямого значенія, чѣмъ менѣе толкующій согласенъ съ самымъ прямымъ, простымъ смысломъ ученія Христа, и большинство толкователей удерживаютъ апокриѳическій смыслъ, тотъ самый, который отвергнутъ текстомъ.

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что въ этихъ стихахъ Христосъ говоритъ только о вѣчномъ законѣ, стоитъ вникнуть въ значеніе того слова, которое подало поводъ лже-толкованіямъ. По-русски — законъ, по-гречески νόμος по еврейски—тора, какъ по-русски, по-гречески и по-еврейски имѣютъ два главныя значенія: одно—самый законъ безъ отношенія къ его выраженію; другое понятіе есть писанное выраженіе того, что извѣстные люди считаютъ закономъ. Различіе этихъ двухъ значеній существуетъ и во всѣхъ языкахъ.

По-гречески въ посланіяхъ Павла различіе это даже опредѣляется иногда употребленіемъ члена. Безъ члена Павелъ употребляетъ это слово большею частью въ смыслѣ писаннаго закона, съ членомъ—въ смыслѣ вѣчнаго закона Бога.

У древнихъ евреевъ, у пророковъ, у Исаіи — слово законъ, тора, всегда употребляется въ смыслѣ вѣчнаго, единаго, невыраженнаго откровенія—наученія Бога. И то же слово — законъ — тора у Ездры въ первый разъ и въ позднѣйшее время, во время Талмуда, стало употребляться въ смыслѣ писанныхъ пяти книгъ Моисея, надъ которыми и пишется общее заглавіе—тора, такъ же, какъ у насъ употребляется слово Библія; но съ тѣмъ различіемъ, что у насъ есть слово, чтобы различать между понятіями — Библіи и закона Бога, а у евреевъ одно и то же слово означаетъ оба понятія.

И потому Христосъ, употребляя слово законъ—„тора", употребляетъ его, то утверждая его, какъ Исаія и другіе пророки въ смыслѣ закона Бога, который вѣченъ, то отрицая его въ смыслѣ писаннаго закона пяти книгъ. Но для различія, когда онъ отрицая его, употребляетъ это слово въ смыслѣ писаннаго закона, онъ прибавляетъ всегда слово: „и пророки", или слово: „вашъ", присоединяя его къ слову законъ.

Когда онъ говоритъ: „не дѣлай того другому, что не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, въ этомъ одномъ—весь *законъ и пророки*", онъ говоритъ о писанномъ законѣ. Онъ говоритъ, что весь писанный законъ можетъ быть сведенъ къ одному этому выраженію вѣчнаго закона, и этими словами упраздняетъ писанный законъ.

Когда онъ говоритъ (Лук. XVI, 16): „законъ и пророки до Іоанна Крестителя“, онъ говоритъ о писанномъ законѣ и словами этими отрицаетъ его обязательность.

Когда онъ говоритъ (Іоан. VII, 19): но далъ ли вамъ *Моисей закона*, и никто не исполняетъ его, или (Іоан. VIII, 16): не сказано ли въ законѣ *вашемъ*; или: слово, написанное въ законѣ *ихъ* (Іоан. XV, 25).—онъ говоритъ о писанномъ законѣ, о томъ законѣ, который онъ отрицаетъ, о томъ законѣ, который его самого присуждаетъ къ смерти. (Іоан. XIX, 7): Іудеи отвѣчали ему: мы имѣемъ законъ, *и по закону нашему онъ долженъ умереть* Очевидно, что этотъ законъ Іудеевъ тотъ, по которому казнили, не есть тотъ законъ, которому училъ Христосъ. Но когда Христосъ говоритъ: я не нарушить пришелъ законъ, но научить васъ исполнять его, потому что ничто не можетъ измѣниться въ законѣ, а все должно исполниться,—онъ говоритъ не о законѣ писанномъ, а о законѣ божественномъ, вѣчномъ, и утверждаетъ его.

Но положимъ, что все это формальныя доказательства; положимъ, что я старательно подобралъ контексты, варіанты, старательно скрылъ все то, что было противъ моего толкованія; положимъ, что толкованія церкви очень ясны и убѣдительны, и что Христосъ, дѣйствительно не нарушалъ закона Моисея, а оставилъ его во всей силѣ. Положимъ, что это такъ. Но тогда чему же училъ Христосъ?

По толкованіямъ церкви онъ училъ тому, что онъ второе лицо Троицы, Сынъ Бога Отца, пришелъ на землю и искупилъ своею смертью грѣхъ Адама. Но всякій, читавшій Евангеліе, знаетъ, что Христосъ въ Евангеліяхъ или ничего, или очень сомнительно говоритъ про это. Но положимъ, что мы не умѣемъ читать, и тамъ говорится про это. Во всякомъ случаѣ, указаніе Христа на то, что онъ есть второе лицо Троицы и искупляетъ грѣхи человѣчества, занимаетъ самую малую и неясную часть Евангелія. Въ чемъ же все остальное содержаніе ученія Христа? Нельзя отрицать, и всѣ христіане всегда признавали это, что главное содержаніе ученія Христа есть ученіе о жизни людей: какъ надо жить людямъ между собою.

Признавъ, что Христосъ училъ новому образу жизни, надо представить себѣ какихъ нибудь опредѣленныхъ людей, среди которыхъ онъ училъ.

Представимъ себѣ русскихъ, или англичанъ, или китайцевъ, или индусовъ, или даже дикихъ и островатъ, и мы увидимъ, что у всякаго народа всегда есть свои правила жизни, свой законъ жизни; и что потому, если учитель учитъ новому закону жизни, то онъ этимъ самымъ ученіемъ разрушаетъ прежній законъ жизни; не разрушая его, онъ не можетъ учить. Такъ это будетъ въ Англіи, въ Китаѣ и у насъ. Учитель неизбѣжно будетъ разрушать

наши законы, которые мы считаемъ дорогими и почти священными; но среди насъ еще можетъ случиться то, что проповѣдникъ. уча насъ новой жизни, будетъ разрушать только наши законы гражданскіе, государственные, наши обычаи, но не будетъ касаться законовъ, которые мы считаемъ божественными, хотя это и трудно предположить. Но среди еврейскаго народа, у котораго былъ только одинъ законъ, — весь божественный и обнимавшій всю жизнь со всѣми мельчайшими подробностями, среди такого народа, что могъ проповѣдывать проповѣдникъ, впередъ объявившій, что весь законъ народа, среди котораго онъ проповѣдуетъ, ненарушимъ? Но, положимъ, и это не доказательство. Пусть тѣ, которые толкуютъ слова Христа такъ, что онъ утверждалъ весь законъ Моисея, пусть они объяснятъ себѣ: кого же во всю свою дѣятельность обличалъ Христосъ, противъ кого возставалъ, называя ихъ фарисеями, законниками, книжниками.

Кто не принялъ ученія Христа и распялъ его съ своими первосвященниками? Если Христосъ признавалъ законъ Моисея, то гдѣ же были тѣ настоящіе исполнители этого закона, которыхъ бы ободрялъ за это Христосъ? Неужели ни одного не было?

Фарисеи, намъ говорятъ, была секта. Евреи не говорятъ этого. Они говорятъ: фарисеи—истинные исполнители закона. Но положимъ, эта секта. Саддукеи тоже секта. Гдѣ же были не секты, а настоящіе?

По Евангелію Іоанна всѣ они—враги Христа, прямо называются іудеи. И они не согласны съ ученіемъ Христа и противны ему только потому, что они іудеи. Но въ Евангеліяхъ не одни фарисеи и саддукеи выставляются врагами Христа; врагами Христа называются и законники, тѣ самые, которые блюдутъ законъ Моисея, книжники, тѣ самые, которые читаютъ законъ, старѣйшины, тѣ самые, которые считаются всегда представителями мудрости народной.

Христосъ говоритъ: я не праведныхъ пришелъ призывать къ покаянію, къ перемѣнѣ жизни μετανοία, но грѣшныхъ. — Гдѣ же, какіе же были эти праведные? Неужели одинъ Никодимъ? Но и Никодимъ представленъ намъ добрымъ человѣкомъ, но заблудшимъ. Мы такъ привыкли къ тому, по меньшей мѣрѣ странному, толкованію, что фарисеи и какіе-то злые іудеи распяли Христа, что тотъ простой вопросъ о томъ, гдѣ же были тѣ не фарисеи и не злые, а настоящіе іудеи, держащіе законъ, и не приходитъ намъ въ голову. Стоитъ задать этотъ вопросъ, чтобы все стало совершенно ясно. Христосъ—будь онъ Богъ, или человѣкъ—принесъ свое ученіе въ міръ среди народа, державшагося закона, опредѣлявшаго всю жизнь людей и называвшагося закономъ Бога. Какъ могъ отнестись къ этому закону Христосъ?

Всякій пророкъ—учитель вѣры, открывая людямъ законъ Бога, всегда встрѣчаетъ между людьми уже то, что эти люди считаютъ закономъ Бога, и не можетъ избѣжать двоякаго употребленія слова законъ, означающаго то, что эти люди считаютъ ложно закономъ Бога, *вашъ законъ*, и то, что есть истинный, вѣчный законъ Бога. Но мало того, что не можетъ избѣжать двоякаго употребленія этого слова проповѣдникъ часто не хочетъ избѣжать его и умышленно соединяетъ оба понятія, указывая на то, что въ томъ ложномъ въ его совокупности законѣ, который исповѣдуетъ тѣ, которыхъ онъ обращаетъ,—что и въ этомъ законѣ есть истины вѣчныя. И всякій проповѣдникъ эти-то законы, обращаемые въ истины, и беретъ за основу своей проповѣди. То самое дѣлаетъ и Христосъ среди евреевъ, у которыхъ и тотъ, и другой законъ называется однимъ словомъ *тора*. Христосъ по отношенію къ закону Моисея, и еще болѣе къ пророкамъ, въ особенности Исаіи, слова котораго онъ постоянно приводитъ, признаетъ, что въ еврейскомъ законѣ и пророкахъ есть истины вѣчныя, божескія, сходящіяся съ вѣчнымъ закономъ, и ихъ то, какъ изреченіе—люби Бога и ближняго, — беретъ за основаніе своего ученія.

Христосъ много разъ выражаетъ эту самую мысль (Лук. X, 26). Онъ говоритъ: въ законѣ что написано? *Какъ читаешь?*—И въ законѣ можно найти вѣчную истину, если умѣешь читать . И онъ указываетъ не разъ на то, что заповѣдь ихъ закона о любви къ Богу и ближнему есть заповѣдь закона вѣчнаго (Матѳ. XIII, 52). Христосъ послѣ всѣхъ тѣхъ притчъ, которыми онъ объясняетъ ученикамъ значеніе своего ученія, въ концѣ всего, какъ относящееся ко всему предшествующему, говоритъ: поэтому то всякій книжникъ, т. е. грамотный, наученный истинѣ, подобенъ хозяину, который беретъ изъ своего сокровища (вмѣстѣ, безразлично) и старое, и новое.

Св. Ириней, а за нимъ и вся церковь точно такъ и понимаютъ эти слова, но совершенно произвольно и нарушая тѣмъ смыслъ рѣчи, приписываютъ этимъ словамъ значеніе того, что все старое священно. Смыслъ ясный тотъ, что кому нужно доброе, тотъ беретъ не одно новое, но и старое, и что потому, что оно старое, его нельзя отбрасывать. Христосъ этими словами говоритъ, что онъ не отрицаетъ того, что въ древнемъ законѣ вѣчно. Но когда ему говорятъ о всемъ законѣ или формахъ его, — онъ говоритъ, — что нельзя вливать вино новое въ мѣхи старые. Христосъ не можетъ утверждать весь законъ, но онъ не можетъ также и отрицать весь законъ и пророковъ, тотъ законъ, въ которомъ сказано: люби ближняго, какъ самого себя, и тѣхъ пророковъ, словами которыхъ онъ часто высказываетъ свои мысли. И вотъ, вмѣсто этого простого и яснаго пониманія самыхъ простыхъ словъ, какъ они ска-

заны, и какъ они подтверждаются всѣмъ ученіемъ Христа, подставляется туманное толкованіе, вводящее противорѣчіе туда, гдѣ его нѣтъ, и тѣмъ уничтожающее значеніе ученія, сводящее его на слова и возстановляющее на дѣлѣ ученіе Моисея во всей его дикой жестокости.

По всѣмъ церковнымъ толкованіямъ, особенно съ пятаго вѣка, Христосъ, не нарушалъ писанный законъ, а утверждалъ его. Но какъ онъ утверждалъ его? Какъ можетъ быть соединенъ законъ Христа съ закономъ Моисея? на это нѣтъ никакого отвѣта. Во всѣхъ толкованіяхъ дѣлается игра словъ, и говорится о томъ, что Христосъ исполнилъ *законъ Моисея тѣмъ*, что на немъ исполнились пророчества, и о томъ, что Христосъ *черезъ насъ*, черезъ вѣру людей въ себя, исполнилъ законъ. Единственный же существенный для каждаго вѣрующаго вопросъ о томъ, какъ соединить два противорѣчивые закона, опредѣляющіе жизнь людей, остается даже безъ попытки разрѣшенія. И противорѣчіе между тѣмъ стихомъ, въ которомъ говорится, что Христосъ не разрушаетъ законъ, и стихомъ, гдѣ говорится: вамъ сказано... а я говорю вамъ.., и между всѣмъ духомъ ученія Моисея съ ученіемъ Христа остается во всей силѣ.

Всякій, интересующійся этимъ вопромъ, пусть самъ просмотритъ церковныя толкованія этого мѣста, начинак отъ Іоанна Златоуста и до нашего времени. Только прочтя эти длинныя толкованія, онъ ясно убѣдится, что тутъ не только нѣтъ разрѣшенія противорѣчія, но есть искусственно внесенное противорѣчіе тамъ, гдѣ его не было.

Невозможныя попытки соединенія несоединимаго ясно показываютъ, что соединеніе это не есть ошибка мысли, а что соединеніе имѣетъ ясную и опредѣленную цѣль,—что оно нужно. И даже видно, зачѣмъ оно нужно.

Вотъ, что говоритъ Іоаннъ Златоустъ, возражая тѣмъ, которые отвергаютъ законъ Моисея (толкованіе на Евангеліе Матѳея І. З., т. І, стр. 320, 321).

„Далѣе, испытывая древній законъ, въ коемъ повелѣвается исторгать око за око и зубъ за зубъ, тотчасъ возражаютъ: какъ можетъ быть благимъ тотъ, который говоритъ сіе? Что же мы на сіе скажемъ? *То, что это, напротивъ, есть величайшій знакъ человѣколюбія божія.* Не для того Онъ поставилъ сей законъ, чтобы мы исторгали глаза одинъ у другого, но чтобы, опасаясь потерпѣть сіе зло отъ другихъ, не причиняли и имъ онаго. Подобно тому какъ угрожая погибелью Ниневитянамъ, Онъ не хотѣлъ ихъ погубить (ибо если бы онъ хотѣлъ сего, то надлежало бы ему молчать; но хотѣлъ только симъ страхомъ сдѣлать ихъ лучшими, оставить гнѣвъ свой. Такъ и тѣмъ, кои такъ дерзки, что готовы выколоть у другихъ глаза, опредѣлилъ наказаніе съ тою цѣлью, что если они по доброй волѣ не захотятъ удержаться отъ сей жестокости, то, по крайней

мѣрѣ, страхъ препятствовалъ бы имъ отнимать зрѣніе у ближнихъ. Если бы это была жестокость, то жестокостью было бы и то, что запрещается убійство, возбраняется прелюбодѣяніе. Но такъ говорить могутъ сумасшедшіе, дошедшіе до послѣдней степени безумія. А я только страшусь назвать сіи постановленія жестокими, то *противное онымъ почелъ бы беззаконнымъ*, судя по здравому человѣческому смыслу. Ты говоришь, что Богъ жестокъ потому, что повелѣлъ исторгать око за око; а я скажу, что когда бы онъ не далъ такого повелѣнія, тогда бы справедливѣе многіе могли бы почесть Его такимъ, какимъ ты его называешь". Іоаннъ Златоустъ прямо признаетъ законъ зубъ за зубъ закономъ божественнымъ и *противное закону зубъ за зубъ*, т. е. ученіе Христа о непротивленіи злу — дѣломъ беззаконнымъ.

(Стр. 322, 323): „Положимъ, что весь законъ уничтоженъ", далѣе говоритъ Іоаннъ Златоустъ,—„и никто не страшится опредѣленнаго онымъ наказанія, что всѣмъ порочнымъ позволено безъ всякаго страха жить по своимъ склонностямъ, и прелюбодѣямъ, и убійцамъ, и ворамъ, и клятвопреступникамъ: не извратится ли тогда все, не наполнятся ли безчисленными злодѣяніями, убійствами города, торжища, дома, земля, море и вся вселенная? Это всякому очевидно. Если и при существованіи законовъ, при страхѣ и угрозахъ, злыя намѣренія едва удерживаются, то когда бы отнята была и сія преграда, что тогда препятствовало бы людямъ рѣшиться на зло? Какія бѣдствія не вторглись бы тогда въ жизнь человѣческую? Не только то есть жестокость, когда злымъ позволяютъ дѣлать, что хотятъ, но и то, когда человѣка, не учинившаго никакой несправедливости, оставляютъ страдать невинно безъ всякой защиты. Скажи мнѣ, если бы кто нибудь, собравъ отвсюду злыхъ людей и вооруживши ихъ мечами, приказалъ имъ ходить по всему городу и убивать всѣхъ встрѣчающихся,—можетъ ли быть что нибудь безчеловѣчнѣе сего? Напротивъ, если бы кто нибудь другой этихъ вооруженныхъ людей связалъ и силою заключилъ ихъ въ темницу, а тѣхъ, которымъ угражала смерть, похитилъ бы изъ рукъ беззаконниковъ оныхъ можетъ ли что нибудь быть человѣколюбивѣе сего?"

Іоаннъ Златоустъ не говоритъ: чѣмъ будетъ руководствоваться кто-нибудь другой въ опредѣленіи злыхъ? Что, если онъ самъ злой и будетъ сажать въ темницу добрыхъ?

„Теперь приложи сіи примѣры и къ закону: Повелѣвающій исторгать око за око, налагаетъ сей страхъ, какъ нѣкія крѣпкія узы, на души порочныхъ и уподобляется человѣку, связавшему оныхъ вооруженныхъ, а кто не опредѣлилъ бы никакого наказанія преступникамъ, тотъ вооружилъ бы ихъ безстрашіемъ, и былъ бы подобенъ

человѣку, который роздалъ злодѣямъ мечи и разослалъ ихъ по всему городу".

Если Іоаннъ Златоустъ признаетъ законъ Христа, то онъ долженъ сказать: кто же будетъ исторгать глаза и зубы и сажать въ темницу? Если бы повелѣвающій исторгать око за око, т. е. Богъ самъ бы исторгалъ, то тутъ не было бы противорѣчія, а то это надо дѣлать людямъ, а людямъ этимъ Сынъ Богъ сказалъ, что этого не надо дѣлать. Богъ сказалъ: исторгать зубы, а Сынъ сказалъ: не исторгать,—надо признать одно изъ двухъ. и Іоаннъ Златоустъ и за нимъ вся церковь признаетъ повелѣніе Бога-Отца, т. е. Моисея, и отрицаетъ повелѣніе Сына т. е. Христа, котораго ученіе будто бы исповѣдуетъ. Христосъ отвергаетъ законъ Моисея, даетъ свой. Для человѣка, вѣрующаго Христу, нѣтъ никакого противорѣчія.

Онъ и не обращаетъ никакого вниманія на законъ Моисея, а вѣруетъ въ законъ Христа и исполняетъ его. Для человѣка, вѣрующаго закону Моисея, тоже нѣтъ никакого противорѣчія. Евреи признаютъ слова Христа пустыми и вѣрятъ закону Моисея. Противорѣчіе является только для тѣхъ, которые хотятъ жить по закону Моисея, а увѣряютъ себя и другихъ, что они вѣрятъ закону Христа—для тѣхъ, которыхъ Христосъ называетъ лицемѣрами, порожденіями ехидны.

Вмѣсто того, чтобы признать одно изъ двухъ: законъ Моисея или Христа, признается, что оба божественно-истинны.

Но когда вопросъ касается дѣла самой жизни, то прямо отрицается законъ Христа и признается законъ Моисея.

Въ этомъ ложномъ толкованіи, если вникнуть въ значеніе его, страшная, ужасная драма борьбы зла и тьмы съ благомъ и свѣтомъ.

Среди еврейскаго народа, запутаннаго безчисленными внѣшними правилами, наложенными на него левитами подъ видомъ божескихъ законовъ, предъ каждымъ изъ которыхъ стоитъ изреченіе: „и Богъ сказалъ Моисею",—является Христосъ. Не только отношенія человѣка къ Богу, его жертвы, праздники, посты,—отношенія человѣка къ человѣку, народныя, гражданскія, семейныя отношенія, всѣ подробности личной жизни: обрѣзаніе, омовеніе себя и чашъ, одежды,—все это опредѣлено до послѣднихъ мелочей и все признано повелѣніемъ Бога, закономъ Бога. Что же можетъ сдѣлать, не говорю Христосъ-Богъ, но пророкъ но самый обыкновенный учитель, уча такой народъ, не нарушая тотъ законъ, который уже опредѣлилъ все до малѣйшихъ подробностей? Христосъ такъ же, какъ и всѣ пророки, беретъ изъ того, что люди считаютъ закономъ Бога, то, что есть точно законъ Бога, беретъ основы, откидываетъ все остальное, и съ этими основами связываетъ

свое откровеніе вѣчнаго закона. Нѣтъ нужды уничтожать все, но неизбѣжно нарушается тотъ законъ, который считается одинаково обязательнымъ во всемъ. Христосъ дѣлаетъ это, и его упрекаютъ въ нарушеніи того, что считается закономъ Бога, и за это самое его казнятъ. Но ученіе его остается у его учениковъ и переходитъ въ другую среду и въ вѣка. Но въ другой средѣ вѣками наростаютъ опять на это новое ученіе такія же наслоенія толкованія, объясненія, опять подстановка человѣческихъ низменныхъ измышленій на мѣсто божескаго откровенія; вмѣсто „и Богъ сказалъ Моисею" говорится: „изволился намъ и Св. Духу". И опять буква покрываетъ духъ. И что болѣе всего поразительно—это то, что ученіе Христа связывается со всей той „тора" въ смыслѣ писаннаго закона, который онъ не могъ не отрицать. Эта тора признается произведеніемъ откровенія его духа истины, т. е. Св. Духа, и онъ самъ оказывается въ тенетахъ своего откровенія. И все ученіе его сводится на ничто.

Такъ вотъ отчего послѣ 1800 лѣтъ со мной случилась такая странная вещь, что мнѣ пришлось открывать смыслъ ученія Христа, какъ что-то новое.

Мнѣ не открывать пришлось, а мнѣ пришлось дѣлать то самое, что дѣлали и дѣлаютъ всѣ люди, ищущіе Бога и законъ Его: находитъ то, что есть вѣчный законъ Бога, среди всего того, что люди называютъ этимъ именемъ.

VI.

И вотъ, когда я понялъ законъ Христа, какъ законъ Христа, а не законъ Моисея и Христа, и понялъ то положеніе этого закона, которое прямо отрицаетъ законъ Моисея, такъ всѣ Евангелія, вмѣсто прежней неясности, разбросанности, противорѣчій, слились для меня въ одно неразрывное цѣлое, и среди ихъ выдѣлилась сущность всего ученія, выраженная въ простыхъ, ясныхъ и доступныхъ каждому пяти заповѣдяхъ Христа (Мѳ. V, 21—48), о которыхъ я ничего не зналъ до сихъ поръ. Во всѣхъ Евангеліяхъ говорится о заповѣдяхъ Христа и объ исполненіи ихъ.

Всѣ богословы говорятъ о заповѣдяхъ Христа, но какія эти *заповѣди*, я не зналъ прежде. Мнѣ казалось, что заповѣдь Христа состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, какъ самого себя. И я не видѣлъ, что это есть заповѣдь древнихъ (Второз. и Лев.). Слова (Мѳ. V, 19)—кто нарушитъ одну изъ *заповѣдей сихъ* малѣйшихъ и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ,—я относилъ къ заповѣдямъ Моисея. А то, что новыя заповѣди Христа ясно и опредѣленно выражены въ стихахъ V гл. Мѳ. отъ 21—48, никогда не приходило мнѣ въ голову. Я не видѣлъ того, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ

Христосъ говоритъ: „вамъ сказано, а я говорю вамъ“, выражены новыя опредѣленныя заповѣди Христа, и именно, по числу ссылокъ на древній законъ (считая двѣ ссылки о прелюбодѣяніи за одну), пять новыхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ заповѣдей Христа.

Про блаженства и про число ихъ я слыхалъ и встрѣчалъ перечисленіе и объясненіе въ преподаваніи закона Божія; но о заповѣдяхъ Христа я никогда ничего не слыхалъ. Я, къ удивленію моему, долженъ былъ открывать ихъ.

И вотъ какъ я открывалъ ихъ: Матѳ. V, 21—26, сказано: „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Ис. 20, 13). А я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего на прасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему „рака“—подлежитъ синедріону, а кто скажетъ „безумный“, подлежитъ геенне огненной (23). И такъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и пойди прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой. Мирись съ соперникомъ твоимъ скорѣе, пока ты еще на пути съ нимъ, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судьѣ, а судья не отдалъ бы тебя слугѣ, и не ввергли бы тебя въ темницу. Истинно говорю: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта“.

Когда я понялъ заповѣдь о непротивленіи злу, мнѣ представилось, что стихи эти о гнѣвѣ должны имѣть такое же ясное, приложимое къ жизни значеніе, какъ и заповѣдь о непротивленіи злому. Значеніе, которое я приписывалъ прежде этимъ словамъ, было то, что всякій долженъ всегда избѣгать гнѣва противъ людей, не долженъ никогда говорить бранныхъ словъ и долженъ жить въ мирѣ со всѣми безъ всякаго исключенія; но въ текстѣ стояло слово, исключающее этотъ смыслъ. Сказано: не гнѣвайся *напрасно*, такъ что изъ словъ этихъ не выходило предписанія безусловнаго мира. Слово это смущало меня. И за разъясненіемъ моихъ сомнѣній я обратился къ толкованіямъ богослововъ; и, къ удивленію моему, нашелъ что толкованія отцовъ преимущественно направлены на разъясненіе того, когда гнѣвъ извинителенъ и когда неизвинителенъ. Всѣ толкователи церкви, особенно напирая на значеніе слова: *напрасно*, объясняютъ это мѣсто такъ, что не надо оскорблять невинно людей, не надо говорить бранныхъ словъ, но что гнѣвъ не всегда несправедливъ, и въ подтвержденіе своего толкованія, приводятъ примѣры гнѣва апостоловъ и святыхъ.

И я не могъ не признать, что объясненіе того, что гнѣвъ, по ихъ выраженію, по слову божію не воспрещается, хотя и противное всему смыслу Евангелія, послѣдовательно

и имѣетъ основаніе въ словѣ *напрасно*, стоящемъ въ 22 стихѣ. Слово это измѣняло смыслъ всего изреченія.

Не гнѣвайся *напрасно*. Христосъ велитъ прощать всѣмъ, прощать безъ конца; самъ прощаетъ и запрещаетъ Петру гнѣваться на Малха, всегда Петръ защищаетъ своего ведомаго на распятіе учителя, казалось бы, не напрасно. И тотъ же Христосъ говоритъ въ поученіе всѣмъ людямъ: не гнѣвайся *напрасно*, и тѣмъ самымъ позволяетъ гнѣваться подѣломъ, не напрасно. Христосъ проповѣдуетъ миръ всѣмъ простымъ людямъ, и вдругъ, какъ бы оговариваясь въ томъ что это не относится до всѣхъ случаевъ, а есть случаи, когда можно гнѣваться на брата—вставляетъ слово „напрасно". Въ толкованіяхъ объясняется, что бываетъ гнѣвъ благовременный? Но кто же судья тому, говорилъ я, когда гнѣвъ благовременный? Я не видалъ еще людей гнѣвающихся, которые бы считали, что гнѣвъ ихъ неблаговременный. Всѣ считаютъ, что гнѣвъ ихъ законенъ и полезенъ. Слово это разрушало весь смыслъ стиха. Но слово это стояло въ священномъ писаніи, и я не могъ выкинуть его. А слово это было подобно тому, какъ если бы къ изреченію: *люби ближняго*— было прибавлено: *люби хорошаго ближняго* или: *того ближняго, который тебѣ нравится*.

Все значеніе мѣста разрушалось для меня словомъ «напрасно». Стихи о томъ, что прежде, чѣмъ молиться, надо помириться съ тѣмъ, кто имѣетъ что противъ тебя, которые безъ слова «напрасно» имѣли бы прямой, обязательный смыслъ, получили тоже смыслъ, условный.

Мнѣ представлялось, что Христосъ долженъ былъ запрещать всякій гнѣвъ, всякое недоброжелательство; и для того, чтобы его не было, предписываетъ каждому: прежде чѣмъ итти приносить жертву, т. е. прежде чѣмъ становиться въ общеніе съ Богомъ, нужно вспомнить, нѣтъ ли человѣка, который сердится на тебя. И если есть такой напрасно то пойти и помириться, а потомъ уже приносить жертву или молиться. Такъ мнѣ казалось, но по толкованіямъ выходило, что это мѣсто надо понимать условно.

По всѣмъ толкованіямъ объясняется такъ, что надо стараться помириться со всѣми; но если этого нельзя сдѣлать по испорченности людей, которые во враждѣ съ тобою, то надо помириться въ душѣ—въ мысляхъ; и тогда вражда другихъ противъ тебя не помѣшаетъ тебѣ молиться Кромѣ того, слова: кто скажетъ рака и безумный, тотъ страшно виновенъ, всегда казались мнѣ странными и неясными. Если запрещается ругаться, то почему избраны примѣры такихъ слабыхъ, почти неругательныхъ словъ? И потомъ, за что такая страшная угроза тому, у кого сорвется такое слабое ругательство, какъ рака, т. е. ничтожный? Все это было неясно.

Мнѣ чувствовалось, что тутъ происходитъ такое же непониманіе, какъ при словахъ: не судите: я чувствовалъ,

что какъ и въ томъ толкованіи, какъ и здѣсь изъ простого, важнаго, опредѣленнаго, исполнимаго, все переходитъ въ область туманную и безразличную. Я чувствовалъ, что Христосъ не могъ такъ понимать слова: поди и помирись съ нимъ, какъ они толкуются: „помирись въ мысляхъ". Что значитъ: помирись въ мысляхъ? Я думалъ, что Христосъ говоритъ то, что онъ высказывалъ словами пророка: не жертвы хочу, но милости, т. е. любви къ людямъ. И потому, если хочешь угодить Богу, то прежде, чѣмъ молиться утромъ и вечеромъ у обѣдни и всенощной, вспомни—кто на тебя сердитъ; и поди устрой такъ, чтобы не былъ онъ сердитъ на тебя, а послѣ уже молись, если хочешь. А то *„въ мысляхъ"*. Я чувствовалъ, что все толкованіе, разрушавшее прямой и ясный для меня смыслъ, зиждилось на словѣ: *„напрасно"*. Если бы выкинуть его, смыслъ выходилъ бы ясный: но противъ моего пониманія были всѣ толкователи, противъ него было каноническое Евангеліе со словомъ *напрасно*. Отступи я въ этомъ, я могу отступить въ другомъ по своему произволу; другіе могутъ сдѣлать то же. Все дѣло въ одномъ словѣ. Не будь этого слова-все было бы ясно. И я дѣлаю попытку объяснить какъ-нибудь филологически это слово *„напрасно"* такъ, чтобы оно не нарушало смысла всего. Справляюсь съ лексиконами: общимъ, и вижу, что слово это по-гречески — значитъ тоже и: безъ цѣли, необдуманно; пытаюсь дать такое значеніе, которое бы не нарушало смысла, но прибавленіе слова, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, который приданъ ему. Справляюсь съ лексикономъ—значеніе слова то самое, которое придано ему здѣсь. Справляюсь съ контекстомъ—слово употреблено въ Евангеліи только одинъ разъ, именно здѣсь. Въ посланіяхъ употребляется нѣсколько разъ. Въ посланіи Коринѳ. I. 15, 2, употребляется именно въ этомъ смыслѣ. Стало быть, нѣтъ возможности объяснить иначе, и надо признать, что Христосъ сказалъ: *не гнѣвайтесь напрасно*. Я долженъ сознаться, что для меня признать, что Христосъ могъ въ этомъ мѣстѣ сказать такія неясныя слова, давая возможность понимать ихъ такъ, что отъ нихъ ничего не оставалось, для меня признать это было бы тоже, что отречься отъ всего Евангелія. Остается послѣдняя надежда: во всѣхъ ли спискахъ стоитъ это слово? Справляюсь съ варіантами. Справляюсь по Грисбаху, у котораго означены всѣ варіанты, т. е. какъ, въ какихъ спискахъ и у какихъ отцовъ употреблялось выраженіе. Справляюсь, и меня сразу приводитъ въ восторгъ то, что въ этомъ мѣстѣ есть выноски, есть варіанты. Смотрю—варіанты всѣ относятся къ слову *напрасно*. Большинство списковъ Евангелій и цитатъ отцовъ не имѣютъ вовсе слова *напрасно*. Стало быть, большинство понимало, какъ и я. Справляюсь съ Тишендорфъ,—въ спискѣ самомъ древнемъ,—слова этого нѣтъ вовсе. Смотрю въ переводъ Лютера, изъ котораго я

бы могъ узнать это самымъ короткимъ путемъ.—тоже нѣтъ этого слова.

То самое слово, которое нарушало весь смыслъ ученія Христа, слово это—прибавка еще въ V-мъ вѣкѣ, не вошедшая въ лучшіе списки Евангелія.

Нашелся человѣкъ, который вставилъ это слово, и находились люди, которые одобряли эту вставку и объясняли ее.

Христосъ не могъ сказать и не сказалъ этого ужаснаго слова, и тотъ первый, простой, прямой смыслъ всего мѣста, который поразилъ меня и выражаетъ всякаго, есть истинный.

Но мало того, стоитъ мнѣ понять, что слова Христа запрещаютъ всегда всякій гнѣвъ, противъ кого бо то ни было, чтобы смущавшее меня прежде запрещеніе говорить кому-нибудь слово *рака* и *безумный* получило бы тоже другой смыслъ, чѣмъ тотъ, что Христосъ запрещаетъ бранныя слова. Страшное непереведенное еврейское слово *рака* дало мнѣ этотъ смыслъ. Рака значитъ растоптанный, уничтоженный, несуществующій; слово *рака* очень употребительное, значитъ исключеніе, *только не*. Рака значитъ человѣкъ, котораго не слѣдуетъ считать за человѣка. Во множественномъ числѣ слово *рекимъ* употреблено въ книгѣ Судей IX. 4, гдѣ оно значитъ пропащіе. Такъ вотъ этого слова Христосъ не велитъ говорить ни о какомъ человѣкѣ. Такъ же какъ не велитъ ни о комъ говорить другое слово *безумный*, какъ и *рака*, мнимо освобождающее насъ отъ человѣческихъ обязанностей къ ближнему. Мы гнѣваемся, дѣлаемъ зло людямъ и, чтобы оправдать себя, говоримъ, что тотъ, на кого мы гнѣваемся, пропащій или безумный человѣкъ. И вотъ, этихъ-то двухъ словъ не велитъ Христосъ говорить о людяхъ и людямъ. Христосъ не велитъ гнѣваться ни на кого, и не оправдывать свой гнѣвъ тѣмъ, чтобы признавать другого пропащимъ или безумнымъ

И вотъ, вмѣсто туманныхъ, подлежащихъ толкованіямъ и произволу, неопредѣленныхъ и неважныхъ выраженій открылась мнѣ съ стиха 21 по 28 простая, ясная и опредѣленная первая заповѣдь Христа: живи въ мирѣ со всѣми людьми, никогда своего гнѣва на людей не считай справедливымъ. Ни одного, никакого человѣка не считай и не называй пропащимъ или безумнымъ, ст. 22. И не только своего гнѣва не напраснымъ, но чужого гнѣва на себя не признавай напраснымъ, и потому: если есть человѣкъ, который сердится на тебя, хоть и напрасно, то, прежде чѣмъ молиться, поди и уничтожъ это враждебное чувство, ст. 23 24. Впередъ старайся уничтожить вражду между собою и людьми, чтобы вражда не разгорѣлась и не погубила тебя, ст. 25, 26.

Вслѣдъ за 1-ю заповѣдью, съ такою же ясностью, от-

крылась мнѣ и 2-я, начинающаяся также ссылкой на древній законъ. Матѳ. V, 27—30, сказано: «Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй (Исх. XX, 14, 28). А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (29). Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его, брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену (30). И если правая рука твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену».

Матѳ. V, 31—32. „Сказано также, что если кто разведется съ женой своей, пусть дастъ ей разводную (Втор. XXIV, 1, 32). А я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею, кромѣ вины прелюбодѣянія, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать, и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ“.

Значеніе этихъ словъ представилось мнѣ такое: человѣкъ не долженъ допускать даже мысли о томъ, что онъ можетъ соединиться съ другой женщиной, кромѣ какъ съ тою, съ которой онъ разъ уже соединился, и никогда не можетъ, какъ это было по закону Моисея, перемѣнить эту женщину на другую.

Какъ въ первой заповѣди противъ гнѣва данъ совѣтъ тушить этотъ гнѣвъ въ началѣ, совѣтъ, разъясненный сравненіемъ съ человѣкомъ, ведомыхъ къ судьѣ, такъ и здѣсь Христосъ говоритъ, что блудъ происходитъ оттого, что женщины и мужчины смотрятъ другъ на друга, какъ на предметъ похоти. Чтобы этого не было, надо устранить все то, что можетъ вызывать похоть. Избѣгать всего того, что возбуждаетъ похоть, и, соединившись съ женою, ни подъ какимъ предлогомъ не покидать ее: потому что покиданіе женъ и производитъ развратъ. Покинутыя жены соблазняютъ другихъ мужчинъ и вносятъ развратъ въ міръ.

Мудрость этой заповѣди поразила меня. Все зло между людьми, вытекающее изъ половыхъ сношеній, устранялось ею. Люди, зная, что потѣха половыхъ сношеній ведетъ къ раздору, избѣгая всего того, что вызываетъ похоть, и, зная, что законъ человѣка—жить парами, соединяются попарно, не нарушая ни въ какомъ случаѣ этого союза, и все зло раздора изъ-за половыхъ сношеній уничтожается тѣмъ, что нѣтъ мужчинъ и женщинъ одинокихъ, лишенныхъ брачной жизни.

Но поражавшія меня всегда при чтеніи нагорной проповѣди слова; *кромѣ вины прелюбодѣянія*, понимаемыя такъ, что человѣкъ можетъ разводиться съ женою, въ случаѣ ея прелюбодѣянія, поразила меня теперь еще больше.

Не говоря ужъ о томъ, что было что-то недостойное въ самой той же формѣ, въ которой была выражена эта

мысль, о томъ, что рядомъ съ глубочайшими, по своему значенію, истинами проповѣди, точно примѣчаніе къ статьѣ свода законовъ, стояло это странное исключеніе изъ общаго правила, самое исключеніе это противорѣчило основной мысли.

Справляюсь съ толкователями, и всѣ (Іоаннъ Златоустъ ст. 365 и другіе), даже ученые богословы-критики, какъ Reuss, признаютъ, что слова эти означаютъ то, что Христосъ разрѣшаетъ разводъ въ случаѣ прелюбодѣянія жены, и что въ XIX главѣ, въ рѣчи Христа, запрещающей разводъ, слова: если не за прелюбодѣяніе, означаютъ то же. Читаю, перечитываю стихъ 32, и кажется мнѣ, что это не можетъ значить разрѣшеніе развода. Чтобы провѣрить себя, я справлюсь съ контекстами, и нахожу въ Евангеліи Матѳея XIX, Мр. X, Лук. XVI, въ первомъ посланіи Павла Коринѳянамъ разъясненіе того же ученія неразрывности брака безъ всякаго исключенія.

У Луки XVI, 18, сказано: Всякій, разводящійся съ женою своею и женящійся на другой, прелюбодѣйствуетъ: и всякій, женящійся на разведенной съ мужемъ, прелюбодѣйствуетъ.

У марка X, 4—12, сказано также безъ всякаго исключенія: „по жестокосердію вашему онъ написалъ вамъ заповѣдь сію. Въ началѣ же сотворенія мужа и жену сотворилъ ихъ Богъ. Посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ—одна плоть, такъ что они уже не двое, а одна плоть. И такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ. Опять о томъ же спросили его въ домѣ ученики его. Онъ сказалъ имъ: кто разведется съ женою своею и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ отъ нея. И если жена разведется съ мужемъ своимъ и выйдетъ за другого, прелюбодѣйствуетъ"

То же самое сказано у Матѳея, глава XIX, 4—9.

Въ посланіи Павла 1 Коринѳ. VII, съ 1 по 12 развита подробно мысль предупрежденія разврата тѣмъ, чтобы каждый мужъ и жена, соединившись, не покидалъ бы другъ друга, удовлетворяли бы другъ друга въ половомъ отношеніи; и также прямо сказано, что одинъ изъ супруговъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ покидать другого для сношеній съ другимъ или другою.

По Марку, Лукѣ и по посланію Павла не позволено разводиться. По смыслу толкованія о томъ, что мужъ и жена—единое тѣло, соединенное Богомъ, толкованія повтореннаго въ двухъ Евангеліяхъ, не позволено разводиться. По смыслу всего Ученія Христа, предписывающаго всѣмъ прощать, не исключая изъ этого падшую жену, не позволено разводиться. По смыслу всего мѣста, объясняющаго то, что отпущеніе жены производитъ развратъ, тѣмъ болѣе развратной—не позволено.

На чемъ же основано толкованіе, разводъ допускается

въ случаѣ прелюбодѣянія жены? На тѣхъ словахъ 32-го стиха V-й главы, которыя такъ странно поразили меня. Эти самыя слова толкуются всѣми такъ, что Христосъ разрѣшаетъ разводъ въ случаѣ прелюбодѣянія жены, и эти самыя слова и въ XIX главѣ повторяются многими списками Евангелій и многими отцами вмѣсто словъ: *если не за прелюбодѣяніе*.

И я опять сталъ читать эти слова, но очень долго не могъ понять ихъ. Я видѣлъ, что тутъ должна быть ошибка перевода и толкованія, но въ чемъ она была— я долго не могъ найти. Ошибка была очевидна. Противуполагая свою заповѣдь заповѣди Моисея, по которой всякій мужъ можетъ отпустить ее и дать ей разводную, Христосъ говоритъ: *я говорю вамъ, кто разведется съ женой, кромѣ вины прелюбодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать*. Въ словахъ этихъ нѣтъ никакого противоположенія и даже нѣтъ никакого опредѣленія того, что можно или нельзя развиться. Сказано только, что отпущеніе жены подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать.

И вдругъ при этомъ сдѣлано исключеніе о женѣ, виновной въ прелюбодѣяніи. Исключеніе это, относящееся до виновной въ прелюбодѣяніи жены, когда дѣло идетъ о мужѣ, вообще странно и неожиданно, но въ этомъ мѣстѣ просто глупо, потому что оно уничтожаетъ и тотъ сомнительный смыслъ, который былъ въ этихъ словахъ. Сказано, что отпущеніе жены заставляетъ ее прелюбодѣйствовать, и предписывается отпускать жену, виновную въ прелюбодѣяніи, какъ будто виновная въ прелюбодѣяніи жена не будетъ прелюбодѣйствовать.

Но мало этого, когда я разобралъ внимательнѣе это мѣсто, я увидалъ, что оно не имѣетъ даже грамматическаго смысла. Сказано: *кто разведется съ женою своею, кромѣ вины прелюбодѣянія, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать*; и предложеніе кончено. Говорится о мужѣ, о томъ, что онъ, отпуская жену, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать. Къ чему же сказано тутъ, *кромѣ вины прелюбодѣянія жены*? Вѣдь, если бы было сказано, что мужъ, разводящійся съ женой, кромѣ какъ за ея прелюбодѣяніе, прелюбодѣйствуетъ, тогда бы предложеніе было правильно. А то къ подлежащему мужъ, который разводится, нѣтъ другого сказуемаго, какъ *подаетъ поводъ*. Какъ же къ этому сказуемому отнести: кромѣ вины прелюбодѣянія", было бы прибавлено слово *жены* или *ея*, чего нѣтъ, то и тогда бы эти слова не могли относиться къ сказуемому: *подаетъ поводъ*. Слова эти, по принятому толкованію, относятся къ сказуемому: кто *разводится*; но кто *разводится* есть не главное сказуемое; главное сказуемое— подаетъ поводъ. Къ чему же тутъ: *кромѣ вины прелюбодѣянія?* И при винѣ прелюбодѣянія и безъ вины прелюбодѣянія мужъ, разводясь, одинаково *подаетъ поводъ*. Вѣдь выраженіе такое же, какъ слѣдующее: тотъ, кто лишитъ прощи-

танія своего сына, кромѣ вины жестокости, подаетъ ему поводъ быть жестокимъ. Выраженіе это, очевидно, не можетъ имѣть того смысла, что отецъ можетъ лишить пропитанія своего сына, если сынъ жестокъ. Если оно имѣетъ смыслъ, то только тотъ, что отецъ, лишающій сына пропитанія, кромѣ своей вины жестокости, заставляетъ и сына быть жестокимъ. Точно также и евангельское выраженіе имѣло бы смыслъ, если бы вмѣсто *вины прелюбодѣянія*, стояло бы: вины сладострастія, распутства или чего-нибудь подобнаго, выражающаго не поступокъ, а свойство.

И я спросилъ себя: да не сказано ли здѣсь просто, что тотъ, кто разводится съ женою, кромѣ того, что самъ виновенъ въ распутствѣ (такъ какъ каждый разводится только для того, чтобы взять другую), подаетъ поводъ и женѣ прелюбодѣйствовать. Если въ текстѣ слово прелюбодѣяніе выражено такими словами, что оно можетъ значить и распутство, то смыслъ ясенъ.

И повторилось то же, что такъ часто въ такихъ случаяхъ повторялось со мной. Текстъ подтвердилъ мое соображеніе, такъ что уже не могло быть сомнѣнія.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при чтеніи текста, было то, что слово πορνεία, переведенное тѣмъ же словомъ прелюбодѣяніе, какъ и слово μοιχᾶσθαι—совершенно другое слово. Но можетъ быть эти синонимы, или въ Евангеліяхъ употребляются одно за другое? Справляюсь со всѣми лексиконами—общимъ и евангельскимъ, и вижу, что слово πορνεία, соотвѣтствующее еврейскому— זנות, латинскому—fornicatio, нѣмецкому,—Hurerei, русскому—распутство—имѣетъ самое опредѣленное значеніе и никогда ни по какимъ лексиконамъ не значило и не можетъ значить поступка прелюбодѣянія, adultère Ehebruch, какъ оно переводится. Оно значитъ порочное состояніе или свойство, а никакъ не поступокъ, и не можетъ быть переведено прелюбодѣяніемъ. Мало того, вижу, что слово: прелюбодѣяніе, прелюбодѣйствовать — вездѣ въ Евангеліяхъ и даже въ этихъ стихахъ обозначается другимъ словомъ—μοιχεω. И стоило мнѣ только исправить этотъ, очевидно умышленно, неправильный переводъ, чтобы смыслъ, придаваемый толкователями этому мѣсту и контексту XIX главы, сталъ совершенно невозможенъ, и чтобы тотъ смыслъ, при которомъ слово πορνεία относится къ мужу, сталъ бы несомнѣненъ.

Переводъ, который сдѣлаетъ всякій, знающій по-гречески, будетъ слѣдующій: παρεκτὸς—кромѣ, λόγου—вины, πορνείας —распутства, ποιεῖ заставляетъ, αὐτήν—ее, μοιχᾶσθαι —прелюбодѣйствовать, и выходитъ слово въ слово: тотъ, кто разводится съ женою, кромѣ вины распутства, заставляетъ ее прелюбодѣйствовать.

Тотъ же смыслъ получается и въ XIX главѣ. Стоитъ только поправить невѣрный переводъ и слова πορνεία и предлога переведеннаго *за*, и, вмѣсто „прелюбодѣянія“, поставить слово „распутства“, и вмѣсто за, поставить—*по* или *для*, чтобы было ясно, что слова: ἐπί εἰ μὴ ἐπί πορνείᾳ не могутъ относиться къ женѣ. И какъ слова παρεκτὸς λόγου πορνείας не могутъ ничего значить другого, какъ: „кромѣ вины распутства мужа“, такъ и слова εἰμὴ ἐπί πορνείᾳ стоящія въ XIX главѣ, не могутъ относиться ни къ чему иному, какъ къ распутству мужа. Сказано— εἰ μὴ ἐπί πορνείᾳ—слово въ слово: если не по распутству, не для распутства. И смыслъ выходитъ тотъ, что Христосъ, отвѣчая въ этомъ мѣстѣ на мысль фарисеевъ, которые думали, что если человѣкъ оставилъ свою жену не для того, чтобы распутничать, а чтобы жить брачно съ другою, то онъ не прелюбодѣйствуетъ.— Христосъ на это говоритъ, что оставлены жены, т. е. прекращеніе сношеній съ нею, если и не распутству, а для брачнаго соединенія съ другою, все-таки прелюбодѣяніе. И выходитъ смыслъ простой, согласный со всѣмъ ученіемъ, съ тѣми словами, въ связи съ которыми онъ находится и съ грамматикой и съ логикой.

И этотъ-то простой, ясный смыслъ, вытекающій изъ самыхъ словъ и изъ всего ученія, мнѣ надо было открывать съ величайшимъ трудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите эти слова по-нѣмецки, по-французски, гдѣ прямо сказано pour cause d'infidèlité или à moins que cela ne soit pour cause d'infidèlité, и догадайтесь, что это значитъ совсѣмъ другое. Слово πορεκτός по всѣмъ лексиконамъ значущее excepté, ausgenommen, кромѣ, переводится цѣлымъ предложеніемъ, à moins que cela ne soit. Слово πορνείας переводится infidèlité, Ehebruch, прелюбодѣяніе. И вотъ, на этомъ умышленномъ искаженіи текста зиждется толкованіе, нарушающее и нравственный, и религіозный, и грамматическій, и логическій смыслъ словъ Христа.

И опять для меня подтвердилась та ужасная и радостная истина, что смыслъ ученія Христа и простъ, и ясенъ, что положенія его важны, опредѣленны, но что толкованія его, основанныя на желаніи оправдать существующее зло, такъ затемнили его, что надо съ усиліемъ открывать его. Мнѣ стало ясно, что если бы Евангелія были открыты на половину сожженныя или стертыя, было бы легче возстановить ихъ смыслъ, чѣмъ теперь, когда по нимъ прошли недобросовѣстныя толкованія, имѣющія прямою цѣлью извратить и скрыть смыслъ ученія. Въ этомъ случаѣ очевиднѣе еще, чѣмъ въ прежнемъ, какъ самая частная цѣль оправдать разводъ какого-нибудь Іоанна Грознаго послужила поводомъ къ затемненію всего ученія о бракѣ.

Стоитъ отбросить толкованія, и, вмѣсто туманнаго и неопредѣленнаго, является опредѣленная и ясная вторая заповѣдь Христа.

Не дѣлай себѣ потѣху изъ похоти половыхъ сношеній; всякій человѣкъ, если онъ не скопецъ, т.-е. нуждается въ половыхъ сношеніяхъ, пусть имѣетъ жену, а жена мужа, и мужъ имѣй *одну жену*, и жена имѣй одного мужа, и ни подъ какимъ предлогомъ не нарушайте плотскаго союза другъ съ другомъ.

Тотчасъ же непосредственно послѣ второй заповѣди приводится опять ссылка на древній законъ, и излагается третья заповѣдь. Мѳ. V, 33—37. „Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои (Лев. XIX, 12. Второз. XXIII, 21). А я говорю вамъ: не клянись вовсе; ни небомъ, потому что оно престолъ божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому, что онъ городъ великаго царя; ни головою своею не клянись, потому, что ни одного волоса не можешь сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ того, то отъ лукаваго".

Мѣсто это при прежнихъ чтеніяхъ моихъ всегда смущало меня. Оно смущало меня не своей неясностью, какъ мѣсто о разводѣ, не противорѣчіями съ другими мѣстами, какъ разрѣшеніе ненапраснаго гнѣва, не трудностью исполненія, какъ мѣсто о подставленіи щеки; оно смущало меня, напротивъ, своей ясностью, простотою и легкостью. Рядомъ съ правилами, глубина и значеніе которыхъ ужасали и умиляли меня, вдругъ стояло такое ненужное мнѣ, пустое, легкое и не имѣющее никакихъ ни для меня, ни для другихъ послѣдствій, правило. Я и такъ не клялся ни Іерусалимомъ, ни Богомъ, ничѣмъ, и мнѣ это никакого труда не стоило; и, кромѣ того, мнѣ казалось, что буду ли или не буду я клясться, это не можетъ имѣть ни для кого никакой важности. И, желая найти объясненіе этого, своей легкостью смущавшаго меня, правила, я обратился къ толкователямъ. Въ этомъ случаѣ толкователи помогли мнѣ.

Всѣ толкователи видятъ въ этихъ словахъ подтвержденіе 3-ей заповѣди Моисея—не клясться именемъ божіимъ. Они объясняютъ эти слова такъ, что Христосъ, какъ и Моисей, запрещаетъ произносить имя Бога всуе. Но кромѣ этого, толкователи еще объясняютъ и то, что это правило Христа не клясться—не всегда обязательно и никакъ не относится къ той присягѣ, которую каждый гражданинъ даетъ предержащей власти. И подбираются тексты священнаго писанія не для того, чтобы подтвердить прямой смыслъ предписанія Христа, а для того, чтобы доказать то, что можно и должно не исполнять его.

Говорится, что Христосъ самъ утвердилъ клятву на

судѣ, когда на слова первосвященника: „заклинаю тебя Богомъ живымъ“, отвѣчалъ: ты сказалъ; говорится, что апостолъ Павелъ призываетъ Бога во свидѣтельство истины словъ своихъ, что есть, очевидно, та же клятва; говорится что клятвы были предписаны закономъ Моисея, но Господь не отмѣнилъ этихъ клятвъ; говорится, что отмѣняются только клятвы пустыя, фарисейски-лицемѣрныя.

И понявъ смыслъ и цѣль этихъ объясненій я понялъ, что предписаніе Христа о клятвѣ совсѣмъ не такъ ничтожно, легко и незначительно, какъ оно мнѣ казалось, когда я въ числѣ клятвъ, запрещенныхъ Христомъ, не считалъ государственную присягу.

И я спросилъ себя: да не сказано ли тутъ то, что запрещается и та присяга, которую такъ старательно выгораживаютъ церковные толкователи? Не запрещена ли тутъ присяга, та самая присяга, безъ которой невозможно раздѣленіе людей на государства, безъ которой невозможно военное сословіе? Солдаты—это тѣ люди, которые дѣлаютъ всѣ насилія, и они называютъ себя—„*присяга*“. Если бы я поговорилъ съ гренадеромъ о томъ, какъ онъ разрѣшаетъ противорѣчіе между Евангеліемъ и воинскимъ уставомъ, онъ бы сказалъ мнѣ, что онъ присягалъ, т. е. клялся на Евангеліи. Такіе отвѣты давали мнѣ всѣ военные. Клятва эта также нужна для образованія того страшнаго зла, которое производятъ насиліе и войны, такъ что во Франціи, гдѣ отрицается христіанство, все-таки, держатся присяги. Вѣдь, если бы Христосъ не сказалъ этого, не сказалъ—не присягайте никому, то онъ долженъ бы былъ сказать это. Онъ пришелъ уничтожить зло, а не уничтожилъ онъ присягу, какое огромное зло остается еще на свѣтѣ. Можетъ быть, скажутъ, что во времена Христа зло это было незамѣтно. Но это неправда; Эпиктетъ, Сенека говорили про то, чтобы не присягать никому; въ законахъ *Ману* есть это правило. Отчего я скажу, что Христосъ не видалъ этого зла? И скажу тогда, когда онъ сказалъ это прямо, ясно и даже подробно.

Онъ сказалъ: *не клянись во все*. Выраженіе это такъ же просто, ясно и несомнѣнно, такъ слова; не судите и не присуждайте, и такъ же мало подвергается перетолкованіямъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ прибавлено что все, что потребуется отъ тебя сверхъ отвѣта *да* и *нѣтъ*, все это отъ начала зла.

Вѣдь, если ученіе Христа въ томъ, чтобы исполнять всегда волю Бога, то какъ же человѣкъ можетъ клясться, что онъ будетъ исполнять волю человѣка? Воля Бога можетъ не совпасть съ волею человѣка. И даже въ этомъ самомъ мѣстѣ Христосъ это самое и говоритъ. Онъ говоритъ: не клянись головою, потому, что не только голова твоя, но и каждый волосъ на ней во власти Бога. То же говорится и въ посланіи Якова.

Въ посланіи своемъ, въ концѣ его, какъ бы въ заключеніе всего, апостолъ Яковъ говоритъ (ст. 12, гл. V): *прежде же всего, братія мои, не клянитесь ни небомъ, ни землею, ни другою какою клятвою, но да будетъ у васъ: да, да и нѣтъ, нѣтъ, дабы вамъ не подпасть осужденію.* Апастолъ прямо говоритъ, почему не слѣдуетъ клясться: клятва сама по себѣ кажется не преступною, но отъ нея подпадаютъ осужденію, и потому *не клянитесь никакъ.* Какъ еще яснѣе сказать то, что сказано и Христомъ, и апостоломъ?

Но я былъ такъ запутанъ, что съ удивленіемъ долго спрашивалъ себя: неужели это значитъ то, что значитъ? Какъ же мы всѣ присягаемъ на Евангеліи? Это не можетъ быть.

Но я уже прочелъ толкованія и видѣлъ, какъ это невозможное было сдѣлано.

Что при объясненіяхъ словъ: не судите, не гнѣвайтесь ни на кого, не разрывайте союзъ мужа съ женою, то же и здѣсь. Мы установили свои порядки, любимъ ихъ и хотимъ считать ихъ священными. Приходитъ Христосъ, котораго мы считаемъ Богомъ, и говоритъ, что эти-то наши порядки не хороши. Мы его считаемъ Богомъ, и не хотимъ отказаться отъ нашихъ порядковъ. Что же намъ дѣлать? Гдѣ можно, вставить слово—„*напрасно*", и на нѣтъ свести правило противъ гнѣва: гдѣ можно, какъ самые безсовѣстные крючкосуды, такъ перетолковывать смыслъ статьи закона, чтобы выходило обратное: вмѣсто—никогда не разводится съ женою, вышло бы то, что можно разводиться. А гдѣ ужъ никакъ нельзя перетолковать, какъ въ словахъ: *не судите и не присуждайте, не клянитесь вовсе*, смѣло, прямо дѣйствовать противно ученію, утверждая, что мы ему слѣдуемъ. И въ самомъ дѣлѣ, главная помѣха тому, чтобы понять то, что Евангеліе запрещаетъ всякую клятву и тѣмъ болѣе присягу, есть то, что псевдо-христіанскіе учители съ необычайной смѣлостью на самомъ Евангеліи, самимъ Евангеліемъ заставляютъ клясться людей, т. е. дѣлать противное Евангелію.

Какъ придетъ въ голову человѣку, котораго заставляютъ клясться крестомъ и Евангеліемъ, что крестъ оттого и святъ, что на немъ распяли того, кто запрещаетъ клясться, и что присягающій, можетъ быть, цѣлуетъ какъ святыню, то самое мѣсто, гдѣ ясно и опредѣленно сказано: *не клянитесь никакъ.*

Но меня уже не смущала эта смѣлость. Я ясно видѣлъ, что въ ст. 33 по 37 была выражена ясно, опредѣленная исполнимая третья заповѣдь: не присягай никогда ни кому ни въ чемъ. Всякая присяга вымогается отъ людей для зла. Вслѣдъ за этой третьей заповѣдью приводится 4-ая ссылка, и излагается 4-ая заповѣдь. Мѳ. V, 38—42. Лук. гл. 6. 29, 30. Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противиться злому. Но

кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему другую. И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудитъ тебя идти съ нимъ на одно поприще, иди съ нимъ на два. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

О томъ, какое прямое, опредѣленное значеніе имѣютъ эти слова; и какъ мы не имѣемъ никакого основанія перетолковывать ихъ иносказательно, я говорилъ уже. Толкованія этихъ словъ, начиная отъ Іоанна Златоуста и до насъ, по истинѣ удивительны. Слова эти всѣмъ нравятся, и всѣ дѣлаютъ, по случаю этихъ словъ, всякаго рода глубокомысленныя соображенія, за исключеніемъ одного: что слова эти имѣютъ тотъ самый смыслъ, который они имѣютъ. Церковные толкователи, нисколько не стѣсняясь авторитетомъ того, кого они признаютъ Богомъ, преспокойно ограничиваютъ значеніе его словъ. Они говорятъ: „само собой разумѣется, что всѣ эти заповѣди о терпѣніи обидъ, объ отреченіи отъ возмездія, какъ направленныя собственно противъ іудейской любомстительности, не исключаютъ не только общественныхъ мѣръ къ ограниченію зла *и наказанію дѣлающихъ зло*, но и частныхъ, личныхъ усилій и заботъ каждаго человѣка о ненарушимости правды, о вразумленіи обидчиковъ, о прекращеніи для злонамѣренныхъ возможности вредить другимъ; ибо иначе самые духовные законы Спасителя по-іудейски обратились бы только въ букву, могущую послужить къ успѣхамъ зла и подавленію добродѣтели. Любовь христіанина должна быть подобно любви божіей, но любовь божія ограничиваетъ и *наказываетъ зло* только въ той мѣрѣ, въ какой оно остается болѣе или менѣе безвреднымъ для славы божіей и для спасенія ближняго: въ противномъ случаѣ, должно ограничивать и наказывать зло, что особенно возлагается на начальство. (Толковое Евангеліе Архиманд. Михаила, все основанное на толкованіи святыхъ отцовъ). Ученые и свободомыслящіе христіане также не стѣсняются смысломъ словъ Христа и поправляютъ его. Они говорятъ, что это очень возвышенныя изреченія, но лишенныя всякой возможности приложенія къ жизни, ибо приложеніе къ жизни правила непротивленія злу уничтожаетъ весь тотъ порядокъ жизни, который мы такъ хорошо устроили; это говорятъ Ренанъ, Штраусъ и всѣ вольнодумные толкователи.

Но стоитъ отнестись къ словамъ Христа только такъ, какъ мы относимся къ словамъ перваго встрѣчнаго человѣка, который съ нами говоритъ, т. е. предполагая, что онъ говоритъ то, что говоритъ, чтобы тотчасъ же устранилась необходимость всякихъ глубокомысленныхъ соображеній. Христосъ говоритъ: я нахожу, что способъ обезпеченія вашей жизни очень глупъ и дуренъ. Я вамъ предлагаю совсѣмъ другой слѣдующій. И онъ говоритъ свои

слова отъ ст. 38 по 42. Казалось бы, что прежде чѣмъ поправлять эти слова, надо понять ихъ. А вотъ этого-то никто не хочетъ сдѣлать, впередъ рѣшая, что порядокъ, въ которомъ мы живемъ и который нарушается этими словами, есть священный законъ человѣчества.

Я не считалъ нашу жизнь ни хорошею, ни священною, и потому понялъ эту заповѣдь прежде другихъ. И когда я понялъ слова эти такъ, какъ они сказаны, меня поразила ихъ истинность, точность и ясность: Христосъ говоритъ: вы зломъ хотите уничтожить зло. Это неразумно. Чтобы не было зла, не дѣлайте зла. И потомъ Христосъ перечисляетъ всѣ случаи, въ которыхъ мы привыкли дѣлать зло, и говоритъ, что въ этихъ случаяхъ не надо его дѣлать.

Эта четвертая заповѣдь Христа была первая заповѣдь, которую я понялъ, и которая открыла мнѣ смыслъ всѣхъ остальныхъ. Четвертая простая, ясная, исполнимая заповѣдь говоритъ: никогда силой не противься злому, насиліемъ не отвѣчай на насиліе: бьютъ тебя — терпи, отнимаютъ—отдай, заставляютъ работать—работай, хотятъ взять у тебя то, что мы считаемъ своимъ— отдавай.

И вслѣдъ за этой 4-й заповѣдью слѣдуетъ 5-ая ссылка и 5-ая заповѣдь Матѳ. V, 43—48. „Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего (Лев. XIX, 17. 18). А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гоняющихъ васъ. 45. Да будете сынами отца вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, 46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? 47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и *язычники*? 48. И такъ, будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный„.

Стихи эти прежде представлялись мнѣ разъясненіемъ, дополненіемъ и усиленіемъ, скажу даже преувеличеніемъ словъ о непротивленіи злу. Но найдя простой, приложимый: опредѣленный смыслъ каждаго мѣста, начинающагося съ ссылки на древній законъ, я предчуствовалъ такой же и въ этомъ. Послѣ каждой ссылки была изложена заповѣдь, и каждый стихъ заповѣди имѣлъ значеніе и не могъ быть выкинутъ, и здѣсь должно было быть то же.

Послѣднія слова, повторенныя у Луки, о томъ, что Богъ не дѣлаетъ различія между людьми и даетъ благо всѣмъ, и что потому и вы должны быть таковы же, какъ Богъ: не дѣлать различія между людьми, и должны не такъ дѣлать, какъ язычники, а должны всѣхъ любить и всѣмъ дѣлать добро одинаково—эти слова были ясны, они представлялись мнѣ подтвержденіемъ и объясненіемъ какого-то

яснаго правила, но въ чемъ было это правило—я долго не могъ понять.

Любить враговъ? это было что-то невозможное. Это было одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которыя нельзя иначе смотрѣть, какъ на указаніе недостижимаго нравственнаго идеала. Это было слишкомъ много или ничего. Можно не вредить своему врагу, но любить—нельзя. Не могъ Христосъ предписывать невозможное. Кромѣ того, въ самыхъ первыхъ словахъ, въ ссылкѣ на законъ древнихъ: «вамъ сказано: *ненавидь врага*», было что-то сомнительное. Въ прежнихъ мѣстахъ Христосъ приводитъ дѣйствительныя, подлинныя слова закона Моисея: но здѣсь онъ приводилъ слова, которыя никогда не были сказаны. Онъ какъ будто клевещетъ на законъ.

Толкованія, какъ и въ прежнихъ моихъ сомнѣніяхъ, ничего не разъяснили мнѣ. Во всѣхъ толкованіяхъ признается, что словъ: «вамъ сказано: ненавидь врага»—нѣтъ въ законѣ Моисея, но объясненія этого невѣрно приведеннаго мѣста изъ закона нигдѣ не дается. Говорится о томъ какъ трудно любить враговъ—злыхъ людей, и большею частью дѣлаются поправки къ словамъ Христа; говорится. что незьзя любить враговъ, а можно не желать и не дѣлать имъ зла. Между прочимъ внушается, что можно и должно обличать, т. е. противится врагамъ; говорится о разныхъ степеняхъ достиженія этой добродѣтели, такъ что по толкованіямъ церкви конечный выводъ тотъ, что Христосъ неизвѣстно зачѣмъ неправильно привелъ слова изъ закона Моисея и наговорилъ много прекрасныхъ, но собственно пустыхъ и неприложимыхъ словъ.

Мнѣ казалось, что это не можетъ быть такъ. Тутъ долженъ быть ясный и опредѣленный смыслъ, такой же, какъ и въ первыхъ четырехъ заповѣдяхъ. И для того чтобы понять этотъ смыслъ, я прежде всего постарался понять значеніе словъ невѣрной ссылки на законъ: «вамъ сказано: *ненавидь враговъ*». Недаромъ же Христосъ при каждомъ правилѣ приводитъ слова закона: не убей, не прелюбодѣйствуй и т. д. и этимъ словомъ противополагаетъ свое ученіе. Не понявъ того, что онъ разумѣлъ подъ словами приводимаго имъ закона нельзя понять того, что онъ предписываетъ. Въ толкованіяхъ прямо говорится (да и нельзя этого не сказать), что онъ проводитъ такія слова, которыхъ не было въ законѣ, но не объясняется, почему онъ это дѣлаетъ, и что значитъ эта невѣрная ссылка. Мнѣ казалось, что прежде всего надо объяснить, что могъ разумѣть Христосъ приводя слова, которыхъ не было въ законѣ. И я спросилъ себя: что же могутъ знать слова, невѣрно приведенныя Христомъ изъ закона? Во всѣхъ прежнихъ ссылкахъ Христа на законъ приводится только одно постановленіе древняго закона, какъ: не убей, не прелюбодѣйствуй, держи клятвы, зубъ за зубъ... и по случаю этого одного приводи-

маго постановленія излагается соотвѣтствующее ему ученіе. Здѣсь же приводятся два постановленія, противополагающіяся другъ другу: вамъ сказано—люби ближняго и ненавидь врага, такъ что очевидно—основой новаго закона должно быть самое различіе между двумя постановленіями древняго закона относительно ближняго и врага. И чтобы яснѣе въ чемъ было это различіе, я спросилъ себя: что значитъ слово «ближній» и слово врагъ на евангельскомъ языкѣ? И, справившись съ лексиконами и контекстами библіи, я убѣдился, что „ближній" на языкѣ еврея всегда означаетъ только еврея. Такое опредѣленіе ближняго дается и въ Евангеліи притчей о самарянинѣ. По понятію еврея законника, спрашивающаго—кто ближній? самарянинъ не могъ быть ближнимъ. Такое же опредѣленіе ближняго дается и въ Дѣяніяхъ VII, 27. Ближній на евангельскомъ языкѣ значитъ: землякъ, человѣкъ, принадлежащій къ одной народности. И потому, предполагая, что противоположеніе, которое выставляетъ Христосъ въ этомъ мѣстѣ, приводя слова закона: вамъ сказано; люби ближняго и ненавидь врага, состоитъ въ противоположеніи между землякомъ и чужеземцемъ, спрашиваю себя, что такое врагъ по понятіямъ іудеевъ, нахожу подтвержденіе своего предположенія. Слово „врагъ" употребляется въ Евангеліяхъ почти всегда въ смыслѣ враговъ не личныхъ но общихъ, народныхъ (Лук. I, 71—74 Мѳ. XXII, 44, Марк. XII, 36, Лук. XX, 43. и др.). Единственное число, въ которомъ употреблено слово „врагъ" въ этихъ стихахъ въ выраженіи *ненавидь врага*—показываетъ мнѣ, что здѣсь идетъ рѣчь о врагѣ народа. Единственное число означаетъ совокупность вражескаго народа, Въ ветхомъ завѣтѣ понятіе вражескаго народа всегда выражается единственнымъ числомъ,

И какъ только я понялъ это, такъ тотчасъ же устранилось то затрудненіе; зачѣмъ и какимъ образомъ могъ Христосъ, всякій разъ приводя подлинныя слова закона, здѣсь вдругъ привести слова, которыя не были сказаны. Стоитъ только понимать слово врагъ въ смыслѣ врага народнаго и—ближняго въ смыслѣ земляка, чтобы затрудненія этого вовсе не было. Христосъ говоритъ о томъ какъ по закону Моисея предписано евреямъ обращаться съ врагомъ народнымъ. Всѣ тѣ разбросанныя по разнымъ книгамъ писанія мѣста, въ которыхъ предписывается и угнетать, и убивать, и истреблять другіе народы. Христосъ соединяетъ въ одно выраженіе: ненавидѣть—дѣлать зло врагу. И онъ говоритъ: вамъ сказано, что надо любить своихъ и ненавидѣть врага народнаго; а я говорю вамъ: надо любить всѣхъ безъ различія той народност, къ которой они принадлежатъ. И какъ только я понялъ эти слова такъ, какъ тотчасъ устранилось и другое главное затрудненіе: какъ понимать слова: любите враговъ вашихъ. Нельзя любить личныхъ враговъ. Но людей вражескаго народа можно лю-

бить точно такъ же, какъ и своихъ. И для меня стало очевиднымъ, что Христосъ говоритъ о томъ, что всѣ люди пріучены считать своими ближними людей своего народа, а чужіе народы считать врагами, и что онъ не велитъ дѣлать,Онъ говоритъ: по закону Моисея сдѣлано различіе между евреемъ и не евреемъ—врагомъ народнымъ, а я говорю вамъ; не надо дѣлать этого различія. И точно, и по Матѳею, и по Лукѣ вслѣдъ за этимъ правиломъ онъ говоритъ, что для Бога всѣ равны на всѣхъ свѣтитъ одно солнце, на всѣхъ падаетъ дождь; Богъ не дѣлаетъ различія между народами и всѣмъ дѣлаетъ равное добро: то же должны дѣлать и люди для всѣхъ людей безъ различія ихъ народностей, а не такъ какъ *язычники*, раздѣляющіе себя на разные народы.

Такъ что опять съ разныхъ сторонъ подтвердилось для меня простое, важное, ясное и приложимое пониманіе словъ Христа. Опять вмѣсто изреченія туманнаго и неопредѣленнаго любомудрія выяснилось ясное, опредѣленное и важное и исполнимое правило: не дѣлать различія между своимъ и чужимъ народомъ и не дѣлать всего того, что вытекаетъ изъ этого различія, не враждовать съ чужими народами, не воевать, не участвовать въ войнахъ, не вооружаться для войны, а ко всѣмъ людямъ, какой бы они народности не были, относиться такъ же, какъ мы относимся къ своимъ.

Все это было такъ просто, такъ ясно, что мнѣ было удивительно, какъ могъ я сразу не понять этого?

Причина моего непониманія была таже, что и причина непониманія запрещенія судовъ и клятвы. Очень трудно понять, что тѣ суды, которые открываются христіанскими молебствіями, благословляются тѣми которые считаютъ себя блюстителями закона Христа, что эти-то самые суды несовмѣстимы съ исповѣданіемъ Христа и прямо противны ему. Еще трудѣе догадатся, что та самая клятва, къ которой приводятъ всѣхъ людей блюстители закона Христа, прямо запрещена этимъ закономъ, но догадаться, что то, что въ нашей жизни считается не только необходимымъ и естественнымъ, но самымъ прекраснымъ и доблестнымъ—любовь къ отечеству, защита, возвеличеніе его борьба съ врагомъ и т. п.—суть не только преступленіе закона Христа, но явное отреченіе отъ него, догадаться, что это такъ—ужасно трудно. Жизнь наша до такой степени удалилась отъ ученія Христа, что самое удаленіе это становится теперь главной помѣхой пониманія его. Мы такъ пропустили мимо ушей и забыли все то, что онъ сказалъ намъ о нашей жизни о томъ, что не только убивать, но гнѣваться нельзя на другого человѣка, что нельзя защищаться, а надо подставлять щеку, что надо любить враговъ,—что намъ теперь, привыкшихъ называть людей, посвятившихъ свою жизнь убійству,—христолюбивымъ воинствомъ, привыкшимъ слу-

шать молитвы, обращенныя къ Христу о побѣдѣ надъ врагами, славу и гордость свою полагающимъ въ убійствѣ, возведшихъ въ нѣкотораго рода святыню символъ убійства, шпагу, такъ что человѣкъ безъ этого символа,—безъ ножа,—это осрамленный человѣкъ, что намъ теперь кажется, что Христосъ не запретилъ войны, что если бы онъ запрещалъ, онъ бы сказалъ это яснѣе.

Мы забываемъ то, что Христосъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы люди, вѣрующіе въ его ученіе смиренія, любви и всеобщаго братства, спокойно и сознательно могли бы учреждать убійство братьевъ.

Христосъ не могъ себѣ представить этого, и потому онъ не могъ христіанину запрещать войну, какъ не можетъ отецъ, дающій наставленіе своему сыну о томъ, какъ надо жить честно, не обижая никого и отдавая свое другимъ, запрещать ему рѣзать людей на большой дорогѣ.

То, чтобы нужно было христіанину запрещать убійство, называемое войною, не могъ себѣ представить и ни одинъ апостолъ и ни одинъ ученикъ Христа первыхъ вѣковъ христіанства. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Оригенъ въ своемъ отвѣтѣ Цельзію. Глава 63.

Онъ говоритъ: „Цельзій увѣщеваетъ насъ помогать всѣми нашими силами государю, участвовать въ его законныхъ трудахъ, вооружаться за него, служить подъ его знаменами, если нужно, „водить въ сраженіяхъ его войска". На это надо отвѣтить, что мы при случаѣ подаемъ помощь царямъ, но, такъ сказать, божественную помощь, потому что мы облечены бронею Бога. Этимъ поведеніемъ мы подчиняемся голосу апостола: „Умоляю васъ прежде всего,—говоритъ онъ,—молиться, просить и благодарить за всѣхъ людей, за царей и за высокихъ въ почестяхъ". Такъ что чѣмъ набожнѣе, тѣмъ полезнѣе бываетъ человѣкъ для царей, и польза его болѣе дѣйствительна, чѣмъ польза солдата, который, завербовавшись подъ знамена царя, побиваетъ столько враговъ, сколько можетъ. Кромѣ того людямъ, которые, не зная вашей вѣры, требуютъ отъ насъ того, чтобы мы рѣзали людей, мы можемъ еще отвѣчать, то, что и ваши жрецы не оскверняютъ своихъ рукъ, чтобы вашъ Богъ принялъ ихъ жертвы: То же и мы".

И, кончая эту главу объясненіемъ того, что христіане приносятъ пользу своею мирною жизнью болѣе, чѣмъ солдаты, Оригенъ говоритъ: „И такъ, мы воюемъ лучше, чѣмъ кто-нибудь за спасеніе императора. Правда, *что мы не служимъ подъ его знаменами. Мы и не станемъ служить, еслибы даже онъ принуждалъ насъ къ этому*".

Такъ относились къ войнѣ христіане первыхъ вѣковъ, и такъ говорили ихъ учители, обращаясь къ сильнымъ міра, и говорили такъ въ то время, когда сотнями и тысячами гибли мученики за исповѣданіе Христовой вѣры.

А теперь? Теперь и вопроса нѣтъ о томъ, можетъ

ли христіанинъ участвовать въ войнахъ. Всѣ молодые люди, воспитываемые въ церковномъ законѣ, называемомъ христіанскимъ, каждую осень, когда настанетъ срокъ, идутъ въ воинскія присутствія и съ помощью церковныхъ пастырей отрекаются отъ закона Христа. Только недавно нашелся одинъ крестьянинъ, который на основаніи Евангелія отказался отъ военной службы. Учители церкви внушали крестьянину его заблужденіе, но такъ какъ крестьянинъ повѣрилъ не имъ, но Христу, то его посадили въ тюрьму и продержали до тѣхъ поръ, пока онъ не отрекся отъ Христа. И все это дѣлается послѣ того, какъ намъ, христіанамъ, 1800 лѣтъ тому назадъ объявлена нашимъ Богомъ заповѣдь вполнѣ ясная и опредѣленная: „не считай людей другихъ народовъ своими врагами, а считай всѣхъ людей братьями и ко всѣмъ относись такъ же, какъ ты относишься къ людямъ своего народа, и потому не только не убивай тѣхъ, которыхъ называешь своими врагами, но люби ихъ и дѣлай имъ добро".

И понявъ такимъ образомъ эти столь простыя, опредѣленныя, не подверженныя никакимъ перетолкованіямъ заповѣди Христа, я спросилъ себя: что бы было, еслибы христіанскій міръ повѣрилъ въ эти заповѣди не въ томъ смыслѣ, что ихъ нужно пѣть или читать для умилостивленія Бога, а что ихъ нужно исполнять для счастія людей? Что бы было, еслибы люди повѣрили обязательности этихъ заповѣдей хоть такъ же твердо, какъ они повѣрили тому, что надо каждый день молиться, каждое воскресенье ходить въ церковь, каждую пятницу ѣсть постное и каждый годъ говѣть? Что бы было, еслибы люди повѣрили въ эти заповѣди хоть такъ же, какъ они вѣрятъ въ церковныя требованія? И я представилъ себѣ все христіанское общество, живущее и воспитывающее молодыя поколѣнія въ этихъ заповѣдяхъ. Я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ съ дѣтства словомъ и примѣромъ внушается не то, что внушается теперь, что человѣкъ долженъ соблюдать свое достоинство, отстаивать передъ другими свои права (чего нельзя иначе сдѣлать, какъ унижая и оскорбляя другихъ), а внушается то, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ и не можетъ быть ниже или выше другого; что ниже и позорнѣе всѣхъ только тотъ, который хочетъ стать выше другихъ; что нѣтъ болѣе унизительнаго для человѣка состоянія, какъ состояніе гнѣва противъ другого человѣка; что кажущееся мнѣ ничтожество или безуміе человѣка не можетъ оправдать мой гнѣвъ противъ него и мой раздоръ съ нимъ. Вмѣсто всего устройства нашей жизни отъ витрины магазиновъ до театровъ, романовъ и женскихъ нарядовъ, вызывающихъ плотскую похоть, я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ внушается словомъ и дѣломъ, что увеселеніе себя похотливыми книгами,

театрами и балами есть самое подлое увеселеніе, что всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлью украшеніе тѣла или выставленіе его, есть самый низкій и отвратительный поступокъ. Вмѣсто устройства нашей жизни, при которой считается необходимымъ и хорошимъ, чтобы молодой человѣкъ распутничалъ до женитьбы, вмѣсто того, чтобы жизнь, разлучающую супруговъ, считать самой естественной, вмѣсто узаконенія сословія женщинъ, служащихъ разврату, вмѣсто допусканія и благословленія развода, вмѣсто всего этого я представилъ себѣ, что намъ дѣломъ и словомъ внушается, что одинокое безбрачное состояніе человѣка, созрѣвшаго для половыхъ сношеній и не отрекшагося отъ нихъ, есть уродство и позоръ, что покиданіе человѣкомъ той, съ какой онъ сошелся, перемѣна ея для другой, есть не только такой же неестественный поступокъ, какъ кровосмѣшеніе, но есть и жестокій, безчеловѣчный поступокъ.— Вмѣсто того, чтобы вся жизнь наша была установлена на насиліи, чтобы каждая радость наша добывалась и ограждалась насиліемъ; вмѣсто того; чтобы каждый изъ насъ былъ наказываемымъ или наказывающимъ съ дѣтства и до глубокой старости,—я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ внушается словомъ и дѣломъ, что месть есть самое низкое животное чувство, что насиліе есть не только позорный поступокъ, но поступокъ, лишающій человѣка истиннаго счастья, что радость жизни есть только та, которую не нужно ограждать насиліемъ, что высшее уваженіе заслуживаетъ не тотъ, кто отнимаетъ или удерживаетъ свое отъ другихъ, и кому служатъ другіе, а тотъ, кто больше отдаетъ свое и больше служитъ другимъ. Вмѣсто того, чтобы считать прекраснымъ и законнымъ то, чтобы всякій присягалъ и отдавалъ все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, т. е. всю свою жизнь въ волю самъ не зная кого, я представилъ себѣ, что всѣмъ внушается то, что разумная воля человѣка есть та высшая святыня, которую человѣкъ никому не можетъ отдать, и что обѣщаться съ клятвой кому-нибудь въ чемъ-нибудь есть отреченіе отъ своего разумнаго существа, есть поруганіе самой высшей святыни. Я представилъ себѣ, что вмѣсто тѣхъ народныхъ ненавистей, которыя подъ видомъ любви къ отечеству внушаются намъ, вмѣсто тѣхъ восхваленій убійства—войнъ, которыя съ дѣтства представляются намъ какъ самые доблестные поступки, я представилъ себѣ, что намъ внушается ужасъ и презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ дѣятельностямъ— государственнымъ, дипломатическимъ, военнымъ, которыя служатъ раздѣленію людей, что намъ внушается то, что признаніе какихъ бы то ни было государствъ, особенныхъ законовъ, границъ, земель—есть признакъ самаго дикаго невѣжества, что воевать, т. е. убивать чужихъ, незнакомыхъ людей безъ всякаго повода, есть самое ужасное злодѣйство, до котораго можетъ дойти только заблудшій

и развращенный человѣкъ, упавшій до степени животнаго. Я представилъ себѣ, что всѣ люди повѣрили въ это, и спросилъ себя: что бы тогда было?

Прежде я спрашивалъ себя, что будетъ изъ исполненія ученія Христа, какъ я понималъ его, и невольно отвѣчалъ себѣ: ничего. Мы всѣ будемъ молиться, пользоваться благодатью таинствъ, вѣрить въ искупленіе и спасеніе наше и всего міра Христомъ, и все-таки спасеніе это произойдетъ не отъ насъ; а оттого, что придетъ время конца міра. Христосъ придетъ въ свой срокъ во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ, и установится царство Бога независимо отъ нашей жизни. Теперь же ученіе Христа, какъ оно представилось мнѣ, имѣло еще и другое значеніе: установленіе царства Бога на землѣ зависѣло и отъ насъ. Исполненіе ученія Христа, выраженнаго въ пяти заповѣдяхъ, устанавливало это царство Божіе. Царство Бога на землѣ есть миръ всѣхъ людей между собою. Миръ между людьми есть высшее доступное на землѣ благо людей. Такъ представлялось царство Бога всѣмъ пророкамъ еврейскимъ. И такъ оно представлялось и представляется всякому сердцу человѣческому. Всѣ пророчества обѣщаютъ миръ людямъ.

Все ученіе Христа состоитъ въ томъ, чтобы дать царство Бога—миръ людямъ. Въ нагорной проповѣди, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, въ посланіи учениковъ, во всѣхъ поученіяхъ своихъ онъ говоритъ только о томъ, что раздѣляетъ людей и мѣшаетъ имъ быть въ мирѣ и войти въ царство Бога. Всѣ притчи суть только описанія того, что есть царство Бога и что только любя братьевъ и будучи въ мирѣ съ ними можно войти въ него. Іоаннъ Креститель, предшественникъ Христа, говоритъ, что приблизилось царство Бога и что Іисусъ Христосъ даетъ его міру.

Христосъ говоритъ, что принесъ миръ на землю. Іоан. XIV. 27. „Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ, не такъ, какъ міръ даетъ, я даю вамъ. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается“.

И вотъ, эти пять заповѣдей его дѣйствительно даютъ этотъ миръ людямъ. Всѣ пять заповѣдей имѣютъ только одну эту цѣль мира между людьми. Стоитъ людямъ повѣрить ученію Христа и исполнять его, и миръ будетъ на землѣ, и миръ де такой, какой устраивается людьми, временный, случайный, частный, но миръ общій, ненарушимый, вѣчный.

Первая заповѣдь говоритъ: Будь въ мирѣ со всѣми, не позволяй себѣ считать другого человѣка ничтожнымъ или безумнымъ (Мѳ. V. 22). Если нарушенъ миръ, то всѣ силы употребляй на то, чтобы возстановить его. Служеніе Богу есть уничтоженіе вражды (Мѳ. V. 23—24). Мирись при малѣйшемъ раздорѣ, чтобы потерять истинной жизни.

Ученіе Христа о томъ, какъ должны жить люди, божественно хорошо и даетъ благо людямъ, но людямъ трудно исполнять его. Мы такъ часто повторяемъ и слышимъ это, что намъ не бросается въ глаза то противорѣчіе, которое находится въ этихъ словахъ.

Человѣческой природѣ свойственно дѣлать то, что лучше. И всякое ученіе о жизни людей есть только ученіе о томъ, что лучше для людей. Если людямъ показано, что имъ лучше дѣлать, то какъ же они могутъ говорить, что они желаютъ дѣлать то, что лучше, но не могутъ? Люди не могутъ дѣлать только то, что хуже, а не могутъ не дѣлать того, что лучше.

Разумная дѣятельность человѣка съ тѣхъ поръ, какъ есть человѣкъ, направлена къ тому, чтобы найти, что лучше изъ тѣхъ противорѣчій, которыми наполнена жизнь и отдѣльнаго человѣка, и всѣхъ людей вмѣстѣ.

Люди дерутся за землю, за предметы, которые имъ нужны, и потомъ доходятъ до того, что дѣлятъ все и называютъ это собственностью: они находятъ, что хотя и трудно учредить это, но такъ лучше, и держатся собственности; люди дерутся за женъ, бросаютъ дѣтей, потомъ находятъ, что лучше, чтобы у каждаго была своя семья, и, хотя очень трудно питать семью, люди держатся собственности, семьи и многаго другого. И какъ только люди нашли, что такъ лучше, то какъ бы это трудно ни было, такъ и дѣлаютъ. Что же такое значитъ, что мы говоримъ: ученіе Христа прекрасно, жизнь по ученію Христа лучше, чѣмъ та, которою мы живемъ; но мы не можемъ жить такъ, чтобы было лучше, потому что это „трудно“.

Если это слово „трудно“ понимать такъ, что трудно жертвовать мгновеннымъ удовлетвореніемъ своей похоти большему благу, то почему же мы не говоримъ, что трудно пахать для того, чтобы былъ хлѣбъ, сажать яблони, чтобы были яблоки? То, что надо переносить трудности для достиженія большаго блага — это знаетъ всякое существо, одаренное первымъ зачаткомъ разума. И вдругъ оказывается, что мы говоримъ, что ученіе Христа прекрасно, но что оно неисполнимо, потому что трудно. Трудно же потому, что, слѣдуя ему, мы должны лишаться того, чего мы прежде не лишались. Мы какъ будто никогда не слыхали того, что выгоднѣе иногда потерпѣть и лишиться, чѣмъ ничего не терпѣть и удовлетворять всегда свою похоть.

Человѣкъ можетъ быть животнымъ, и никто не станетъ упрекать его въ томъ: но человѣкъ не можетъ разсуждать о томъ, что онъ хочетъ быть животнымъ. Какъ только онъ разсуждаетъ, то онъ сознаетъ себя разумнымъ и, сознавая себя разумнымъ, онъ не можетъ не признавать того, что разумно, и того, что неразумно. Разумъ ничего не приказываетъ; онъ только освѣщаетъ.

Въ этой заповѣди сказано все; но Христосъ предвидитъ соблазны міра, нарушающіе миръ между людьми, и даетъ вторую заповѣдь противъ соблазна половыхъ отношеній, нарушающаго миръ. Не смотри на красоту плотскую, какъ на потѣху: впередъ избѣгай этого соблазна (28—30); бери мужъ одну жену, и жена одного мужа, и не покидайте другъ друга ни подъ какимъ предлогомъ (32). Другой соблазнъ—это клятвы, вводящія людей въ грѣхъ. Знай впередъ, что это зло, и не давай никакихъ обѣтовъ (34—37). Третій соблазнъ—это месть, называющаяся человѣческимъ правосудіемъ; не мсти и не отговаривайся тѣмъ, что тебя обидятъ—неси обиды, а не дѣлай зла за зло (38—42). Четвертый соблазнъ—это различіе народовъ—вражда племенъ и государствъ. Знай, что всѣ люди—братья и сыны одного Бога, и не нарушай мира ни съ кѣмъ во имя народныхъ цѣлей (43—48). Не исполнятъ люди одну изъ этихъ заповѣдей—миръ будетъ нарушенъ. Исполнятъ люди всѣ заповѣди, и царство мира будетъ на землѣ. Заповѣди исключаютъ все зло изъ жизни людей.

При исполненіи этихъ заповѣдей жизнь людей будетъ то, чего ищетъ и желаетъ всякое сердце человѣческое. Всѣ люди будутъ братья. и всякій будетъ всегда въ мирѣ съ другими, наслаждаясь всѣми благами міра тотъ срокъ жизни, который удѣленъ ему Богомъ. Перекуютъ люди мечи на орала и копья на серпы. Будетъ то царство Бога. царство мира, которое обѣщали всѣ пророки, и которое близилось при Іоаннѣ Крестителѣ, и которое возвѣщалъ и возвѣстилъ Христосъ, говоря словами Исаіи: „Духъ Господень на мнѣ, ибо онъ помазалъ меня благовѣствовать нищимъ и послалъ меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу. Проповѣдывать лѣто Господне благопріятное (Лук. IV, 18—19. Исаіи 61. 1—2).

Заповѣди мира, данныя Христомъ, простыя, ясныя, предвидящія всѣ случаи раздора и предотвращающія его, открываютъ это царство Бога на землѣ. Стало быть, Христосъ точно Мессія. Онъ исполнилъ обѣщанное. Мы только не исполняемъ того, чего вѣчно желали всѣ люди, того, о чемъ мы молились и молимся.

VII.

Отчего же люди не дѣлаютъ того, что Христосъ сказалъ имъ и что даетъ имъ высшее доступное человѣку благо, чего они вѣчно желали и желаютъ? И со всѣхъ сторонъ я слышу одинъ, разными словами выражаемый, одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Ученіе Христа очень хорошо и правда, что при исполненіи его установилось бы царство Бога на землѣ, но оно трудно и потому неисполнимо“.

Я въ темнотѣ избилъ руки и колѣна, отыскивая дверь. Вошелъ человѣкъ со свѣтомъ, и я увидалъ дверь. Я не могу уже биться въ стѣну, когда я вижу дверь, и еще менѣе могу утверждать, что я вижу дверь, нахожу, что лучше пройти въ дверь, но что это трудно, и потому я хочу продолжать биться колѣнками объ стѣну.

Въ этомъ удивительномъ разсужденіи: христіанское ученіе хорошо и даетъ благо міру; но люди слабы, люди дурны, и хотятъ дѣлать лучше, а дѣлаютъ хуже, и потому не могутъ дѣлать лучше — есть очевидное недоразумѣніе.

Тутъ, очевидно, не ошибка разсужденія, а что-нибудь другое. Тутъ должно быть какое-нибудь ложное представленіе. Только ложное представленіе о томъ, что есть то, чего нѣтъ, и нѣтъ того, что есть, можетъ привести людей къ такому странному отрицанію исполнимости того, что по ихъ признанію даетъ имъ благо.

Ложное представленіе, приведшее къ этому, есть то, что называется догматическою христіанскою вѣрой,—тою самою, которой съ дѣтства учатъ всѣхъ исповѣдающихъ церковную христіанскую вѣру по разнымъ православнымъ, католическимъ и протестантскимъ катехизисамъ.

Вѣра эта по опредѣленію же вѣрующихъ есть признаніе существующимъ того, что кажется (это сказано у Павла и повторяется во всѣхъ богословіяхъ и катехизисахъ, какъ лучшее опредѣленіе вѣры). И вотъ это-то признаніе существующимъ того, что кажется, и привело людей къ такому странному утвержденію того, что ученіе Христа хорошо для людей, но не годится для людей.

Ученіе этой вѣры въ самомъ точномъ его выраженіи такое: личный Богъ, существующій вѣчно, одинъ въ трехъ лицахъ, вдругъ вздумалъ сотворить міръ духовъ. Богъ благой сотворилъ этотъ міръ духовъ для ихъ блага; но случилось, что одинъ изъ духовъ сдѣлался самъ злымъ и потому несчастнымъ. Прошло много времени, и Богъ сотворилъ другой міръ, вещественный, и человѣка тоже для его блага. Богъ сотворитъ человѣка блаженнымъ, безсмертнымъ и безгрѣшнымъ. Блаженство человѣка состояло въ пользованіи благомъ жизни безъ труда; безсмертіе его состояло въ томъ, что онъ всегда долженъ былъ такъ жить, безгрѣшность его состояла въ томъ, что онъ не зналъ зла.

Человѣкъ этотъ въ раю былъ соблазненъ тѣмъ духомъ перваго творенія, который самъ собою сдѣлался злымъ, и человѣкъ съ тѣхъ поръ палъ, и стали рождаться такіе же падшіе люди, и съ тѣхъ поръ люди стали работать, болѣть, страдать умирать, бороться тѣлесно и духовно, т. е. воображаемый человѣкъ сдѣлался дѣйствительнымъ, такимъ, какимъ мы его знаемъ и котораго не можемъ и не имѣемъ права и основанія вообразить себѣ инымъ. Состояніе человѣка трудящагося, страдающаго, избирающаго

добро и избѣгающаго зла и умирающаго, то, которое есть и помимо котораго мы не можемъ себѣ ничего представить, по ученію этой вѣры не есть настоящее положеніе человѣка, а есть несвойственное ему, случайное, временное положеніе.

Несмотря на то, что состояніе это продолжалось для всѣхъ людей по этому ученію отъ изгнанія Адама изъ рая, т. е. отъ начала міра до рожденія Христа, и точно такъ же продолжается и послѣ для всѣхъ людей, вѣрующіе должны воображать, что это есть только случайное, временное состояніе. По этому ученію сынъ Бога—самъ Богъ, второе лицо Троицы, посланъ Богомъ на землю въ образѣ человѣка затѣмъ, чтобы спасти людей отъ этого несвойственнаго имъ случайнаго, временнаго состоянія, снять съ нихъ всѣ проклятія, наложенныя на нихъ тѣмъ же Богомъ за грѣхъ Адама, и возстановить ихъ въ ихъ прежнемъ естественномъ состояніи блаженства, т. е. безболѣзненности, безсмертія, безгрѣшности и праздности. Второе лицо Троицы, Христосъ, по этому ученію тѣмъ, что люди его казнили, этимъ самымъ искупилъ грѣхъ Адама и прекратилъ это неестественное состояніе человѣка, продолжавшееся отъ начала міра. И съ тѣхъ поръ человѣкъ, повѣрившій въ Христа, сталъ опять такимъ же, какимъ онъ былъ въ раю, т. е. безсмертнымъ, неболѣющимъ, безгрѣшнымъ и празднымъ.

На той части осуществленія искупленія, вслѣдствіе которой послѣ Христа земля для вѣрующихъ уже стала рождать вездѣ безъ труда, болѣзни прекратились, и чада стали родиться у матерей безъ страданій,—ученіе это не очень останавливается, потому что тѣмъ, которымъ тяжело работать и больно страдать, какъ бы они ни вѣрили, трудно внушить, что не трудно работать и не больно страдать. Но та часть ученія, по которой смерти и грѣха уже нѣтъ, утверждается съ особенной силой.

Утверждается, что мертвые продолжаютъ быть живы. И такъ какъ мертвые никакъ не могутъ ни подтвердить того, что они умерли, ни того, что они живы, такъ же, какъ камень не можетъ подвердить того, что онъ можетъ или не можетъ говорить, то это отсутствіе отрицанія принимается за доказательство, и утверждается, что люди, которые умерли, не умерли. И еще съ большей торжественностью и увѣренностью утверждается то, что послѣ Христа вѣрою въ него человѣкъ освобождается отъ грѣха, т. е. что человѣку послѣ Христа не нужно уже разумомъ освѣщать свою жизнь и избирать то, что для него лучше. Ему нужно вѣрить только, что Христосъ искупилъ его отъ грѣха, и тогда онъ всегда безгрѣшенъ, т. е. совершенно хорошъ. По этому ученію люди должны воображать, что въ нихъ разумъ безсиленъ и что потому-то они и безгрѣшны, т. е. не могутъ ошибаться

Истинно вѣрующій долженъ вообразить, что со времени Христа земля родитъ безъ труда. дѣти родятся безмукъ, болѣзней нѣтъ, смерти нѣтъ и грѣха, т. е. ошибокъ нѣтъ. т. е. нѣтъ того, что есть, и что есть то, чего нѣтъ.ъ

Такъ говоритъ строго-логическая богословская теорія.

Ученіе это самое по себѣ кажется невинно. Но отступленіе отъ истины никогда не бываетъ невинно и влечетъ за собой свои послѣдствія, и тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ значительнѣе тотъ предметъ, о которомъ говорится неправда. Здѣсь же предметъ, о которомъ говорится неправда, есть вся жизнь человѣческая.

То, что по этому ученію называется истинною жизнью, есть жизнь личная, блаженная, безгрѣшная и вѣчная, т. е. такая, какую никто никогда не зналъ и которой нѣтъ. Жизнь же та, которая есть, которую мы одну знаемъ, которою мы живемъ, которою жило и живетъ все человѣчество, есть по этому ученію жизнь падшая. дурная, есть только образчикъ той хорошей жизни, которая намъ слѣдуетъ.

Та борьба между стремленіемъ къ жизни животной и жизни разумной, которая лежитъ въ душѣ каждаго человѣка и составляетъ сущность жизни каждаго, по этому ученію совершенно устраняется. Борьба эта переносится въ событіе, совершившееся въ раю съ Адамомъ при сотвореніи міра. И вопросъ о томъ: ѣсть ли мнѣ или не ѣсть тѣ яблоки, которые соблазняютъ меня,— не существуетъ для человѣка по этому ученію. Вопросъ этотъ разъ навсегда рѣшенъ въ раю Адамомъ въ отрицательномъ смыслѣ. Адамъ за меня согрѣшилъ, т. е. ошибся. и всѣ люди, всѣ мы безвозвратно пали, и всѣ наши усилія жить разумно— безполезны и даже безбожны. Я дуренъ непоправимо, и долженъ знать это. И спасеніе мое не въ томъ, что я разумомъ могу освѣтить свою жизнь и, узнавъ хорошее и дурное, дѣлать то. что лучше. Нѣтъ, Адамъ разъ навсегда за меня сдѣлалъ дурно, и Христосъ разъ навсегда поправилъ это дурное, сдѣланное Адамомъ. и потому я долженъ, какъ зритель, сокрушаться о паденіи Адама и радоваться о спасеніи Христомъ.

Вся же та любовь къ добру у истинѣ, которая лежитъ въ душѣ человѣка, всѣ усилія его освѣтить разумомъ явленія жизни, вся моя духовная жизнь—все это не только не важно по этому ученію, но это есть прелесть или гордость.

Жизнь, какая есть здѣсь на землѣ, со всѣми ея радостями. красотами, со всею борьбой разума противъ тьмы,— жизнь всѣхъ людей, жившихъ до меня. вся моя жизнь съ моей внутренней борьбой и побѣдами разума есть жизнь не истинная. а жизнь павшая, безнадежно испорченная: жизнь же истинная, безгрѣшная—въ вѣрѣ, т. е. въ воображеніи, т. е. въ сумасшествіи.

Пусть человѣкъ, отрѣшившись отъ привычки, взятой съ дѣтства допускать все это, постарается взглянуть просто, прямо на это ученіе, пусть онъ перенесется мыслью въ свѣжаго человѣка, воспитаннаго внѣ этого ученія, представить себѣ, какимъ покажется это ученіе такому человѣку? Вѣдь это полное сумашествіе!

И какъ ни страшно и ни странно это думать, я не могъ не признать этого, потому что это одно объясняло мнѣ то удивительное, противорѣчивое, безсмысленное возраженіе, которое я слышу со всѣхъ сторонъ противъ исполнимости ученія Христа: *оно хорошо и даетъ счастье людямъ, но люди не могутъ исполнять его.*

Только представленіе существующимъ того, что не существуетъ, и не существующимъ того, что существуетъ, могло привести къ этому удивительному противорѣчію. И такое ложное представленіе я нашелъ въ проповѣдываемой 1500 лѣтъ псевдо-христіанской вѣрѣ.

Но возраженіе противъ ученія Христа о томъ, что оно хорошо, но неисполнимо, дѣлаютъ не одни вѣрующіе, его дѣлаютъ и невѣрующіе, такіе люди, которые не вѣрятъ или думаютъ, что не вѣрятъ въ догматъ грѣхопаденія и искупленія. Возраженіе противъ ученія Христа, состоящее въ его неисполнимости, дѣлаютъ люди науки, философы, вообще люди образованные и считающіе себя совершенно свободными отъ всякихъ суевѣрій, они не вѣрятъ или думаютъ, что не вѣрятъ ни во что, и потому считаютъ себя свободными отъ суевѣрія грѣхопаденія и искупленія. И мнѣ такъ казалось это сначала. Мнѣ тоже казалось, что эти ученые люди имѣютъ другія основанія для отрицанія исполнимости ученія Христа. Но, вникнувъ глубже въ основы ихъ отрицанія, я убѣдился, что у невѣрующихъ то же ложное представленіе о томъ, что наша жизнь не есть то что есть, а то, что имъ кажется, и что представленіе это зиждется на той основѣ, какъ и представленіе вѣрующихъ. Признающіе себя невѣрующими, правда, не вѣруютъ ни въ Бога, ни въ Христа, ни въ Адама; но въ основное ложное представленіе о правахъ человѣка на блаженную жизнь, на которомъ зиждется все,—въ него они вѣруютъ такъ же и еще тверже, чѣмъ богословы.

Какъ ни храбрись привилегированная наука съ философіей, увѣряя, что она рѣшительница и руководительница умовъ,—она не руководительница, а слуга. Міросозерцаніе всегда дано ей готовое религіей. Религія открываетъ смыслъ жизни людей, а наука прилагаетъ этотъ смыслъ къ различнымъ сторонамъ жизни. И потому, если религія даетъ ложный смыслъ жизни, то наука, воспитанная на этомъ религіозномъ міросозерцаніи, будетъ съ разныхъ сторонъ прикладывать этотъ ложный смыслъ къ жизни людей. Вотъ это то и случилось съ нашею европейско-христіанскою наукой и философіей.

Церковное ученіе дало основной смыслъ жизни людей въ томъ, что человѣкъ имѣетъ право на блаженную жизнь, и что блаженство это достигается не усиліями человѣка, а чѣмъ-то внѣшнимъ, и это міросозерцаніе и стало основой всей нашей науки и философіи.

Религія, наука, общественное мнѣніе, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что дурна та жизнь, которую мы ведемъ: но что ученіе о томъ, какъ самимъ стараться быть лучше и этимъ сдѣлать самую жизнь лучше—ученіе это неисполнимо.

Ученіе Христа въ смыслѣ улучшенія жизни людей своими разумными силами неисполнимо потому, что Адамъ палъ, и міръ лежитъ во злѣ, говоритъ религія.

Ученіе это неисполнимо потому, что жизнь человѣческая совершается по извѣстнымъ, независимымъ отъ воли человѣка законамъ,—говоритъ наша философія. Философія и вся наука только другими словами говоритъ совершенно то же, что говоритъ религія догматовъ первороднаго грѣха и искупленія.

Въ ученіи искупленія—два основныя положенія на которыя все опирается: 1) законная жизнь человѣческая есть жизнь блаженная, жизнь же мірская здѣсь есть жизнь дурная, непоправимая усиліями человѣка, и 2) спасеніе отъ этой жизни—въ вѣрѣ.

Эти два положенія стали основой міросозерцанія и вѣрующихъ и невѣрующихъ нашего псевдо-христіанскаго общества. Изъ второго положенія вытекла церковь съ ея учрежденіями. Изъ перваго вытекаетъ наше общественное мнѣніе и наши философскія и политическія теоріи

Всѣ философскія и политическія теоріи, оправдывающія существующій порядокъ, гегельянизмъ и его дѣти зиждутся на этомъ положеніи. Пессимизмъ, требующій отъ жизни того, что она не можетъ дать, и потому отрицающій жизнь, вытекаетъ изъ него же.

Матеріализмъ съ его удивительнымъ восторженнымъ утвержденіемъ, что человѣкъ есть процессъ и больше ничего, есть законное дѣтище этого ученія, признавшаго, что жизнь здѣшняя есть жизнь падшая. Спиритизмъ съ его учеными послѣдователями есть лучшее доказательство того, что научное и философское воззрѣніе не свободно, а основано на религіозномъ ученіи о блаженной вѣчной жизни, свойственной человѣку.

Извращеніе смысла жизни извратило всю разумную дѣятельность человѣка. Догматъ паденія и искупленія человѣка заслонилъ отъ людей самую важную и законную область дѣятельности человѣка и исключилъ изъ своей области знанія человѣческаго знаніе того, что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы ему самому быть счастливѣе и лучше. Наука и философія, воображая, что они дѣйствуютъ враждебно псевдо-христіанству, гордясь этимъ, только ра-

ботаютъ на него. Наука и философія трантуютъ обо всемъ, о чемъ хотите, но только не о томъ, какъ человѣку самому быть и жить лучше. То, что называется этикой—нравственнымъ ученіемъ, совершенно исчезло въ нашемъ псевдохристіанскомъ обществѣ.

И вѣрующіе, и невѣрующіе одинаково не спрашиваютъ себя о томъ, какъ надо жить и какъ употребить тотъ разумъ, который данъ намъ, а спрашиваютъ себя: отчего жизнь наша людская не такая, какою мы себѣ ее вообразили, и когда она сдѣлается такою, какой имъ хочется?

Только благодаря этому ложному ученію, всосавшемуся въ плоть и кровь нашихъ поколѣній, могло случиться то удивительное явленіе, что человѣкъ точно выплюнулъ то яблоко познанія добра и зла, которое онъ, по преданію, съѣлъ въ раю, и, забывъ то, что вся исторія человѣка только въ томъ, чтобы разрѣшать противорѣчія разумной и животной природы, сталъ употреблять свой разумъ на то, чтобы находить законы историчекіе одной своей животной природы.

Религіозныя и философскія ученія всѣхъ народовъ за исключеніемъ философскихъ ученій псевдо-христіанскаго міра, всѣ, которыя мы знаемъ: іудаизмъ, конфуціанство, буддизмъ, браманизмъ, греческая мудрость,—всѣ ученія имѣютъ цѣлью устройство жизни людской и уясненіе людямъ того, какъ каждый долженъ стремиться къ тому чтобы быть и жить лучше. Все конфуціанство—въ личномъ совершенствованіи, іудизмъ—въ личномъ слѣдованіи каждаго завѣту съ Богомъ, буддизмъ—въ ученіи о томъ, какъ каждому спастись отъ зла жизни. Сократъ училъ личному совершенствованію во имя разума, стоики разумную свободу признаютъ единой основой истинной жизни.

Вся разумная дѣятельность человѣка не могла не быть и всегда была въ одномъ—въ освѣщеніи разумомъ стремленія къ благу. Свобода воли,—говоритъ наша философія,—есть иллюзія, и очень гордится смѣлостью этого утвержденія. Но свобода воли есть не только иллюзія—но есть слово, не имѣющее никакого значенія. Это слово, выдуманное богословами и криминалистами, и опровергать это слово—бороться съ мельницами. Но разумъ, тотъ, который освѣщаетъ нашу жизнь и заставляетъ насъ измѣнять наши поступки, есть не иллюзія, и его-то ужъ никакъ нельзя отрицать. Слѣдованіе разуму для достиженія блага—въ этомъ было всегда ученіе всѣхъ истинныхъ учителей человѣчества, и въ этомъ все ученіе Христа, и его-то, т.-е разумъ, отрицать разумомъ уже никакъ нельзя.

Ученіе Христа есть ученіе о сынѣ человѣческомъ, общемъ всѣмъ людямъ, т.-е. объ общемъ всѣмъ людямъ стремленіи къ благу, объ общемъ всѣмъ людямъ разумѣ, освѣщающемъ человѣка въ этомъ стремленіи. (Доказывать, что сынъ человѣческій значитъ сынъ человѣческій совер-

шенно излишне. Для того, чтобы подъ сыномъ человѣческимъ разумѣть что-нибудь другое, а не то, что значатъ слова, надо доказать то, что Христосъ умышленно употреблялъ для обозначенія того, что онъ хотѣлъ сказать, слова, имѣющія совсѣмъ другое значеніе. Но если даже, какъ это хочетъ церковь, сынъ человѣческій значитъ сынъ Божій, то и тогда сынъ человѣческій значитъ тоже человѣкъ по своей сущности, потому что сынами божьими Христосъ называетъ всѣхъ людей).

Ученіе Христа о сынѣ человѣческомъ — сынѣ Бога, составляющее основу всѣхъ Евангелій, яснѣе всего выражено въ его бесѣдѣ съ Никодимомъ. Каждый человѣкъ, — говоритъ онъ, — кромѣ сознанія своей плотской личной жизни, происшедшей отъ мужского отца въ утробѣ плотской матери, не можетъ не сознавать свое рожденіе свыше (Іоан. III, 5, 6, 7). То, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ свободнымъ — это-то и есть то, что рождено отъ безконечнаго, отъ того, что мы называемъ Богомъ (11—14). Это-то рожденное отъ Бога, этого сына Бога въ человѣкѣ, мы должны возвысить въ себѣ для того, чтобы получить жизнь истинную (14—17). Сынъ человѣческій есть сынъ Бога однородный (а не единородный). Тотъ, кто возвыситъ въ себѣ этого сына Бога надъ всѣмъ остальнымъ, кто повѣритъ, что жизнь только въ немъ, тотъ не будетъ въ раздѣленіи съ жизнью. Раздѣленіе съ жизнью происходитъ только отъ того, что люди не вѣрятъ въ свѣтъ, который есть въ нихъ (18—21). (Тотъ свѣтъ, о которомъ сказано въ Евангеліи Іоанна, что въ немъ жизнь, и что жизнь есть свѣтъ людей).

Христосъ училъ тому, чтобы надъ всѣмъ возвысить сына человѣческаго, который есть сынъ Бога и свѣтъ людей. Онъ говоритъ: Когда возвысите (вознесете, возвеличите) сына человѣческаго, вы узнаете, что я ничего не говорю отъ себя лично. Іоан. XII, 32, 44, 49. Евреи не понимаютъ его ученія и спрашиваютъ: кто этотъ сынъ человѣческій, котораго надо возвысить? Іоан. XII, 34. И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ: Іоан. XII, 35. „Еще на малое время свѣтъ *въ васъ* *) есть. Ходите, пока есть свѣтъ, чтобы тьма не объяла васъ. Тотъ, кто ходитъ во тьмѣ, не знаетъ, куда идетъ“. На вопросъ, что значитъ: возвысить сына человѣческаго, Христосъ отвѣчаетъ: жить въ томъ свѣтѣ, который есть въ людяхъ.

Сынъ человѣческій, по отвѣту Христа, — это свѣтъ, въ которомъ люди должны ходить, пока есть свѣтъ въ нихъ.

---

*) Во всѣхъ церковныхъ переводахъ: въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ умышленно ложный переводъ: вмѣсто словъ *въ васъ*, вездѣ гдѣ встрѣчаются эти слова, стоитъ: *съ вами*.

Лука XI, 35. Смотри, не сдѣлался ли свѣтъ, находящійся въ тебѣ, тьмою?

Мѳ. VI, 23. Если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?—говоритъ онъ, поучая всѣхъ людей.

Прежде и послѣ Христа люди говорили то же самое: то, что въ человѣкѣ живетъ божественный свѣтъ, сошедшій съ неба, и свѣтъ этотъ есть разумъ,—и что ему одному надо служить и въ немъ одномъ искать благо. Это говорили и учители браминовъ, и пророки еврейскіе, и Конфуцій, и Сократъ, и Маркъ Аврелій, и Эпиктетъ, и всѣ истинные мудрецы, не составители философскихъ теорій, а тѣ люди, которые искали истины для блага своего и всѣхъ людей **).

И вдругъ мы по догмату искупленія признали, что объ этомъ-то свѣтѣ въ человѣкѣ говорить и думать вовсе и не нужно. Надо думать, говорятъ вѣрующіе, о томъ, какое естество у какого лица Троицы, какія таинства надо и не надо совершать, потому что спасеніе людей произойдетъ не отъ нашихъ усилій, а отъ Троицы и отъ правильнаго совершенія таинствъ. Надо думать, говорятъ невѣрующіе, о томъ, по какимъ законамъ совершаетъ движенія безконечно малая частица матеріи въ безконечномъ пространствѣ въ безконечное время; но о томъ, чего для его блага требуетъ разумъ человѣка, объ этомъ думать не надо, потому что улучшеніе состоянія человѣка произойдетъ не отъ него, а отъ общихъ законовъ, которые мы откроемъ.

Я убѣжденъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ исторія такъ-называемой научной дѣятельности нашихъ прославляемыхъ послѣднихъ вѣковъ европейскаго человѣчества будетъ составлять неистощимый предметъ смѣха и жалости будущихъ поколѣній. Нѣсколько вѣковъ ученые люди западной малой части большого материка находились въ повальномъ сумасшествіи, воображая, что имъ принадлежитъ вѣчная блаженная жизнь, и занимались всякаго рода элукубраціями о томъ, какъ, по какимъ законамъ наступитъ для нихъ эта жизнь; сами же ничего не дѣлали и не думали никогда ничего о томъ, какъ сдѣлать эту свою жизнь

**) Маркъ Аврелій говоритъ: «Почитай то, что могущественнѣе всего въ мірѣ, то, что пользуется всѣмъ и всѣмъ управляетъ. Почитай тоже то, что могущественно въ тебѣ. Оно подобно первому, потому что онъ пользуется тѣмъ, что есть въ тебѣ, и управляетъ твоей жизнью».

Эпиктетъ говоритъ: „Богъ посѣялъ сѣмя свое не только въ моего отца и дѣда, но и во всѣ существа, живущія на землѣ, въ особенности въ разумныя, потому что они одни входятъ въ сношеніе съ Богомъ черезъ разумъ, которымъ они соединены съ нимъ“.

Въ книгѣ Конфуція сказано: „Законъ великой науки въ томъ, чтобы развивать и возстановлять начало свѣта разума, которое мы получили съ неба“. Это положеніе повторяется нѣсколько разъ и служитъ основой ученія Конфуція.

лучше. И что будетъ представляться еще трогательнѣе будущему историку—это то, что онъ найдетъ, что у людей этихъ былъ учитель, ясно, опредѣленно указавшій имъ, что имъ должно дѣлать, чтобы жить счастливѣе, и что слова этого учителя были объяснены одними такъ, что онъ на облакахъ придетъ все устроитъ, а другими такъ, что слова этого учителя прекрасны, но неисполнимы, потому что жизнь человѣческая не такая, какую бы мы хотѣли, и потому не стоитъ ею заниматься, а разумъ человѣческій долженъ быть направленъ на изученіе законовъ этой жизни безъ всякаго отношенія ко благу человѣка.

Церковь говоритъ: ученіе Христа неисполнимо потому, что жизнь здѣшняя есть образчикъ жизни настоящей; она хороша быть не можетъ, она вся есть зло. Наилучшее средство прожить эту жизнь состоитъ въ томъ, чтобы презирать ее и жить вѣрою, т.-е. воображеніемъ въ жизнь будущую, блаженную, вѣчную; а здѣсь жить, какъ живется, и молиться.

Философія, наука, общественное мнѣніе говорятъ: ученіе Христа неисполнимо потому, что жизнь человѣка зависитъ не отъ того свѣта разума, которымъ онъ можетъ освѣтить самую эту жизнь, а отъ общихъ законовъ, и потому не надо освѣщать эту жизнь разумомъ и жить согласно съ нимъ, а надо жить, какъ живется, твердо вѣруя, что по законамъ прогресса историческаго, соціологическаго и другимъ послѣ того, какъ мы очень долго будемъ жить дурно, наша жизнь сдѣлается сама собой очень хорошей.

Приходятъ люди во дворъ, находятъ въ этомъ дворѣ все, что нужно для ихъ жизни: домъ со всею утварью, амбары, полные хлѣбомъ, погреба, подвалы со всѣми запасами: на дворѣ—орудія земледѣльческія, снасть, сбруя, лошади, готовы, овцы, полное хозяйство—все, что нужно для довольной жизни. Люди съ разныхъ сторонъ приходятъ въ этотъ дворъ и начинаютъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что они находятъ тутъ, каждый только для себя, не думая ничего оставлять ни тѣмъ, которые теперь съ ними въ домѣ, ни тѣмъ, которые придутъ послѣ. Каждый хочетъ все для себя. Каждый торопится воспользоваться, чѣмъ можетъ, и начинается истребленіе всего — борьба, драка за предметы обладанія: корову молочную, нестриженныхъ овецъ, годныхъ бьютъ на мясо; станками и телѣгами топятъ печи, дерутся за молоко, за зерно, проливаютъ и просыпаютъ и губятъ больше, чѣмъ пользуются. Никто спокойно не съѣстъ куска, ѣстъ и огрызается; приходитъ сильнѣйшій и отнимаетъ, а у того отнимаетъ другой.

Намучившись, избитые, голодные люди уходятъ изъ двора. Опять хозяинъ приготовляетъ все во дворѣ такъ, чтобы люди могли спокойно жить въ немъ. Опять дворъ—

полная чаша, опять приходятъ прохожіе, и опять свалка, драка, все идетъ тунью, и опять измученные, избитые и озлобленные люди выходятъ вонъ, ругаясь и злобясь и на товарищей, и на хозяина, что онъ плохо и мало заготовилъ. Опять добрый хозяинъ учреждаетъ дворъ такъ, чтобы могли жить въ немъ люди, и опять то же, и опять, и опять, и опять. И вотъ въ одинъ изъ новыхъ приходовъ людей находится учитель, который говоритъ другимъ: братцы! мы не то дѣлаемъ. Смотрите, сколько добра во дворѣ, какъ все хозяйственно устроено! На всѣхъ насъ хватитъ и останется тѣмъ, которые послѣ насъ придутъ, только давайте съ умомъ жить. Не будемъ другъ у дружки отнимать, а будемъ помогать другъ другу. Станемъ сѣять, пахать, скотину водить, и всѣмъ хорошо будетъ жить. И вотъ случилось, что кое-кто понялъ, что говорилъ учитель, и стали эти понявшіе такъ дѣлать: перестали драться, отнимать другъ у дружки и стали работать. Но остальные, которые или не слыхали рѣчей учителя или и слышали, да не вѣрили имъ, не дѣлали по словамъ человѣка, а по прежнему дрались и губили хозяйское добро и уходили. Приходили другіе, и было то же самое. Тѣ, которые послушали учителя, говорили все свое: не деритесь, не губите хозяйское добро, вамъ лучше будетъ. Дѣлайте, какъ сказалъ учитель. Но все еще было много такихъ, которые не слыхали и не вѣрили, и дѣло шло долго все по старому. Все это понятно и такъ точно могло быть, пока люди не вѣрили тому, что говорилъ учитель. Но вотъ, разсказываютъ, что пришло время, всѣ услыхали во дворѣ слова учителя, всѣ приняли ихъ, всѣ, мало что поняли, всѣ признали, что это самъ Богъ говоритъ черезъ учителя, что и учитель-то былъ самъ Богъ, и всѣ повѣрили, какъ въ святыню, въ каждое слово учителя. Но разсказываютъ, что будто послѣ этого, вмѣсто того, чтобы всѣмъ жить по словамъ учителя, вышло то, что послѣ этого ужъ никто не сталъ удерживаться отъ свалки, и пошли бузовать другъ друга, и стали всѣ говорить, что теперь-то мы вѣрно знаемъ, что такъ надо и что иначе нельзя.

Что же это такое значитъ? Вѣдь скотина—и та сладится, какъ ей такъ кормъ есть, чтобы не сбивать его даромъ, а люди узнали, какъ надо лучше жить, повѣрили, что самъ Богъ велѣлъ имъ такъ жить, и живутъ еще хуже, потому что, говорятъ, нельзя жить иначе. Что-нибудь другое вообразили себѣ эти люди. Ну, что же могли вообразить себѣ эти люди во дворѣ, чтобы, повѣривъ словамъ учителя, продолжать жить по прежнему, отнимать другъ у друга, драться, губить добро и себя? А вотъ что: Учитель сказалъ имъ: ваша жизнь въ этомъ дворѣ дурная, живите лучше, и ваша жизнь будетъ хорошая, а они вообразили, что учитель осудилъ всякую жизнь въ этомъ дворѣ и обѣщалъ имъ другую хорошую жизнь не на этомъ

дворѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И они рѣшили, что этотъ *дворъ постоялый* и что не стоитъ стараться жить въ немъ хорошо, а что надо только заботиться о томъ, какъ бы не прозѣвать ту обѣщанную хорошую жизнь въ другомъ мѣстѣ. Только этимъ можно объяснить странное поведеніе во дворѣ тѣхъ людей, которые вѣрятъ, что учитель былъ Богъ, и тѣхъ, которые считаютъ его умнымъ человѣкомъ и слова его справедливыми, но продолжаютъ жить по старому, противно совѣтамъ учителя.

Люди все слышали, все поняли, но только пропустили мимо ушей то, что учитель говорилъ только о томъ, что людямъ надо дѣлать свое счастье самимъ здѣсь, на томъ дворѣ, на которомъ они сошлись, а вообразили себѣ, что это дворъ постоялый, а тамъ гдѣ-то будетъ настоящій. И вотъ отъ этого вышло то удивительное разсужденіе, что слова учителя очень прекрасны и даже слова Бога, но исполнять ихъ теперь трудно.

Только бы люди перестали себя губить и ожидать, что кто-то придетъ и поможетъ имъ: Христосъ на облакахъ съ трубнымъ гласомъ, или историческій законъ, или законъ диференціаціи и интеграціи силъ. Никто не поможетъ, коли сами себѣ не поможемъ. А самимъ и помогать нечего. Только не ждать ничего ни съ неба, ни съ земли, а самимъ перестать губить себя.

VIII.

Но положимъ, что ученіе Христа даетъ блаженство міру, положимъ, что оно разумно, и человѣкъ на основаніи разума не имѣетъ права отрекаться отъ него; но что дѣлать одному среди міра людей, неисполняющихъ законъ Христа? Если бы всѣ люди вдругъ согласились исполнять ученіе Христа, тогда бы исполненіе его было возможно. Но нельзя идти одному человѣку противъ всего міра. „Если я одинъ среди міра людей, неисполняющихъ ученіе Христа“, говорятъ обыкновенно, «стану исполнять его, буду отдавать то, что имѣю, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы идти присягать и воевать, меня оберутъ, и если я не умру съ голода, меня изобьютъ до смерти, и если не изобьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь».

Возраженіе это основано на томъ же недоразумѣніи, на которомъ основывается и возраженіе о неисполнимости ученія Христа.

Такъ говорятъ обыкновенно, и такъ думалъ и я, пока не освободился вполнѣ отъ церковнаго ученія и потому не понималъ ученія Христа о жизни во всемъ его значеніи.

Христосъ предлагаетъ свое ученіе о жизни, какъ спа-

сеніе отъ той губительной жизни, которою живутъ люди, не слѣдуя его ученію, и вдругъ я говорю, что я бы и радъ послѣдовать его ученію, да мнѣ жалко погубить свою жизнь. Христосъ учитъ спасенію отъ погибельной жизни, а я жалѣю эту погибельную жизнь. Стало быть я считаю эту свою жизнь вовсе не погибельной, считаю эту жизнь чѣмъ-то дѣйствительнымъ, мнѣ принадлежащимъ и хорошимъ. Въ этомъ-то признаніи своей той мірской, личной жизни за что-то дѣйствительное, мнѣ принадлежащее и лежитъ недоразумѣніе, препятствующее пониманію ученія Христа. Христосъ знаетъ это заблужденіе людей, по которому они эту свою личную жизнь считаютъ за что-то дѣйствительное и себѣ принадлежащее, и цѣлымъ рядомъ проповѣдей и притчъ показываютъ имъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ правъ на жизнь, нѣтъ никакой жизни до тѣхъ поръ, пока они не пріобрѣтутъ истинной жизни, отрекшись отъ призрака жизни, того, что они называютъ своей жизнью.

Для того, чтобы понять ученіе Христа о спасеніи жизни, надо прежде всего понять то, что говорили всѣ пророки, что говорилъ Соломонъ, что говорилъ Будда, что говорили всѣ мудрецы міра о личной жизни человѣка. Можно, по выраженію Паскаля, не думать объ этомъ, нести передъ собой ширмочки, которыя бы скрывали отъ взгляда ту пропасть смерти, къ которой мы всѣ бѣжимъ,—но стоитъ подумать о томъ, что такое одинокая личная жизнь человѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что вся жизнь эта, если она есть только личная жизнь, не имѣетъ для каждаго отдѣльнаго человѣка не только никакого смысла, но что она есть злая насмѣшка надъ сердцемъ, надъ разумомъ человѣка и надъ всѣмъ тѣмъ, что есть хорошаго въ человѣкѣ. И потому, чтобы понять ученіе Христа, надо прежде всего опомниться, одуматься, надо, чтобы въ насъ совершилась μετανοῖα δόξα, то самое, что, проповѣдуя свое ученіе, говоритъ предшественникъ Христа—Іоаннъ такимъ же, какъ мы, запутаннымъ людямъ. Онъ говорилъ: „прежде всего покайтесь, т. е. одумайтесь, а то всѣ погибнете". Онъ говоритъ: „Топоръ уже лежитъ подлѣ дерева, чтобы срубить его. Смерть и погибель тутъ, подлѣ каждаго. Не забывайте этого, одумайтесь". И Христосъ, начиная свою проповѣдь, говоритъ то же. „Одумайтесь, а то всѣ погибнете".

Лука XIII, 1—5. Христу разсказали о погибели Галилеянъ, убитыхъ Пилатомъ. И онъ говоритъ: „думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете. Или думаете, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете".

Еслибы онъ жилъ въ наше время въ Россіи, онъ сказалъ бы: развѣ вы думаете, что сгорѣвшіе въ бердичевскомъ циркѣ или погибшіе на кукуевской насыпи были виновнѣе другихъ?—всѣ такъ же погибнете, если не одумаетесь, если не найдете въ своей жизни того, что не погибаетъ. Смерть задавленныхъ башней, сгорѣвшихъ въ циркѣ ужасаетъ васъ, но, вѣдь, ваша смерть, столь же ужасная и столь-же неизбѣжная, стоитъ такъ же передъ вами. И вы напрасно стараетесь забыть ее. Когда она придетъ неожиданная, она будетъ еще ужаснѣе.

Онъ говоритъ: Лука XII, 45—57. Когда вы видите облако, поднимающееся съ запада, тотчасъ говорите: дождь будетъ; и бываетъ такъ. И когда дуетъ южный вѣтеръ, говорите: зной будетъ: и бываетъ. Лицемѣры! лицо земли и неба распознавать умѣете, какъ же времени сего не узнаете? Зачѣмъ же вы и по самимъ себѣ не судите, чему быть должно?

Вѣдь вы по примѣтамъ узнаете впередъ погоду, какъ же вы не видите, что съ вами быть должно? Убѣгай отъ опасности, оберегай свою жизнь сколько хочешь, и все-таки не Пилатъ убьетъ, такъ башня задавитъ, а не Пилатъ и не башня, то умрешь въ постели и въ страданіяхъ еще злѣйшихъ.

Сдѣлайте простой разсчетъ, какъ дѣлаютъ люди мірскіе, когда они что-нибудь затѣваютъ: башню строятъ, или идутъ на войну, или строятъ заводъ. Они затѣваютъ и трудятся надъ тѣмъ, что должно имѣть разумный конецъ.

Лука XIV, 28—31. Ибо кто изъ васъ, желая построить башню, не сядетъ прежде и не вычислитъ издержекъ, имѣетъ ли онъ, что нужно для совершенія ея (29), дабы, когда положитъ основаніе и не возможетъ совершить, всѣ видящіе не стали бы смѣяться надъ нимъ (30), говоря: этотъ человѣкъ началъ строить и не могъ окончить? (31). Или какой царь, идя на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противостать идущему на него съ двадцатью тысячами?

Развѣ не безсмысленно трудиться надъ тѣмъ, что, сколько бы ты ни старался, никогда не будетъ закончено. Всегда смерть придетъ раньше, чѣмъ будетъ окончена башня твоего мірского счастья. И если ты впередъ знаешь, что, сколько не борись со смертью, не ты, а она поборетъ тебя, такъ не лучше ли ужъ и не бороться съ нею и не класть свою душу въ то, что погибаетъ навѣрно, а поискать такого дѣла, которое не разрушилось бы неизбѣжною смертью?

Лука XII, 22—27. И сказалъ ученикамъ своимъ: посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться (23). Душа больше

пищи и тѣло—одежды (24). Посмотрите на вороновъ: они не сѣютъ, не жнутъ; нѣтъ у нихъ ни хранилищъ, ни житницъ, и Богъ питаетъ ихъ; сколько же вы лучше ихъ? (25). Да кто же изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? (26). И такъ, если и малѣйшаго сдѣлать не можете, что заботитесь о прочемъ? (27). Посмотрите на лиліи, какъ онѣ растутъ: не заботятся, не прядутъ; но, говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ.

Сколько не заботьтесь о тѣлѣ и пищѣ, никто не можетъ прибавить себѣ жизни на одинъ часъ *). Такъ развѣ не безсмысленно заботиться о томъ, чего вы не можете сдѣлать?

Вы знаете очень хорошо, что жизнь ваша кончится смертью, а вы заботитесь о томъ, чтобы обезпечить свою жизнь имѣніемъ. Жизнь не можетъ обезпечиться имѣніемъ. Поймите, что это смѣшной обманъ, которымъ вы сами себя обманываете.

Не можетъ быть смысла жизни, говоритъ Христосъ, въ томъ, чѣмъ мы владѣемъ и что мы пріобрѣтаемъ, въ томъ, что не мы сами; онъ долженъ быть въ чемъ-нибудь иномъ.

Онъ говоритъ (Лука XII, 16—21): жизнь человѣка при всемъ избыткѣ его не зависитъ отъ его имѣнія (16). У одного богатаго человѣка,—говоритъ онъ,—былъ хорошій урожай въ полѣ (17) и онъ разсуждалъ самъ съ собой: что мнѣ дѣлать? Некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ (18). И сказалъ, вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и сберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое (19). И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись (20). Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? (21). Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровище для себя, а не въ Бога богатѣетъ.

Смерть всегда всякое мгновеніе стоитъ надъ вами. И потому (Лука XII, 35, 36, 38, 39, 40): Да будетъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи (36). И вы будьте подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего съ брака, дабы, когда прійдетъ и постучитъ тотчасъ отворитъ ему (38). И если придетъ во вторую стражу, и въ третью стражу прійдетъ и найдетъ ихъ такъ, то блаженны рабы тѣ (39). Вы знаете, что, еслибы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ прійдетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой (40). Будьте же и вы готовы, ибо въ который часъ не думаете прійдетъ сынъ человѣческій.

---

*) Слова эти невѣрно переведены: слово ἡλικία— возрастъ, время жизни. И потому все выраженіе значитъ: не можете прибавить саеу жизни.

Притча о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, завершеніе вѣка и страшный судъ, всѣ эти мѣста, по мнѣнію всѣхъ толкователей, кромѣ другого значенія конца міра, имѣютъ значеніе: всегда, всякій часъ предстоящей человѣку смерти.

Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно—смерть. И эта смерть разрушаетъ все то, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Если есть жизнь разумная, то она должна быть какая-нибудь другая, т. е. такая, цѣль которой не въ жизни для себя въ будущемъ. Чтобы жить разумно, надо жить такъ, чтобы смерть не могла разрушить жизни.

(Лука X, 41). „Марѳа! Марѳа! хлопочешь и заботишься о многомъ, а одно только нужно".

Всѣ тѣ безчисленныя дѣла, которыя мы дѣлаемъ для себя въ будущемъ, не нужны для насъ: все это обманъ, которымъ мы сами обманываемъ себя. Нужно только одно.

Со дня рожденія положеніе человѣка таково, что его ждетъ неизбѣжная погибель, т. е. безсмысленная жизнь и безсмысленная смерть, если онъ не найдетъ этого, чего-то одного, которое нужно для истинной жизни. Это то одно, дающее истинную жизнь, Христосъ открываетъ людямъ. Онъ не выдумываетъ это, не обѣщаетъ дать это по своей божеской власти, онъ только показываетъ людямъ, что вмѣстѣ съ той личной жизнью, которая есть несомнѣнный обманъ, должно быть то, что есть истина, а не обманъ.

Притчей о виноградаряхъ (Мѳ. XXI, 33—42) Христосъ разъясняетъ этотъ источникъ заблужденія людей, скрывающаго отъ нихъ эту истину и заставляющаго ихъ принимать призракъ жизни, свою личную жизнь, за жизнь истинную.

Люди, живя въ хозяйскомъ обработанномъ саду, вообразили себѣ, что они собственники этого сада. И изъ этого ложнаго представленія вытекаетъ рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ этихъ людей, кончающійся ихъ изгнаніемъ, исключеніемъ изъ жизни; точно такъ же мы вообразили себѣ, что жизнь каждаго изъ насъ есть наша личная собственность, что мы имѣемъ право на нее и можемъ пользоваться ею, какъ хотимъ, ни предъ кѣмъ не имѣя никакихъ обязательствъ. И для насъ, вообразившихъ себѣ это, неизбѣженъ такой же рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ и несчастій и такое же исключеніе изъ жизни. И какъ виноградарямъ кажется, что чѣмъ злѣе они будутъ, тѣмъ лучше обезпечатъ себя,—убьютъ пословъ и хозяйскаго сына,—такъ и намъ кажется, что чѣмъ злѣе мы будемъ, тѣмъ будемъ обезпеченнѣе.

Какъ неизбѣжно кончается съ виноградарями тѣмъ, что ихъ, никому не дающихъ плодовъ сада, изгоняетъ

хозяинъ, такъ точно кончается и съ людьми, вообразившими себѣ, что жизнь личная есть настоящая жизнь. Смерть изгоняетъ ихъ изъ жизни, замѣняя ихъ новыми; но не въ наказаніе, а только потому, что люди эти не поняли жизни. Какъ обитатели сада или забыли или не хотѣли знать того, что имъ переданъ садъ окопанный, огороженный, съ вырытымъ колодцемъ, и что кто-нибудь да поработалъ на нихъ и потому ждетъ и отъ нихъ работы, такъ точно и люди, живущіе личной жизнью, забыли или хотятъ забыть все то, что сдѣлано для нихъ прежде ихъ рожденія и дѣлается во все время ихъ жизни, и что поэтому ожидается отъ нихъ: они хотятъ забыть то, что всѣ блага жизни, которыми они пользуются, даны и даются и потому должны быть передаваемы и отдаваемы.

Эта поправка взгляда на жизнь, это εὕξαν τὴν есть краеугольный камень ученія Христа, какъ онъ и сказалъ въ концѣ этой притчи. По ученію Христа, какъ виноградари, живя въ саду, не ими обработанномъ, должны понимать и чувствовать, что они въ неоплатномъ долгу передъ хозяиномъ, такъ точно и люди должны понимать и чувствовать, что, со дня рожденія и до смерти, они всегда въ неоплатномъ долгу передъ кѣмъ-то, передъ жившими до нихъ и теперь живущими и имѣющими жить, и передъ тѣмъ, что было и есть и будетъ началомъ всего. Они должны понимать, что всякимъ часомъ своей жизни, во время которой они не прекращаютъ этой жизни, они утверждаютъ это обязательство, и что потому человѣкъ, живущій для себя и отрицающій это обязательство, связывающее его съ жизнью и началомъ ея, самъ лишаетъ себя жизни, долженъ понимать, что, живя такъ, онъ, желая сохранить свою жизнь, губитъ ее,—то самое, что много разъ повторяетъ Христосъ.

Жизнь истинная есть только та, которая продолжаетъ жизнь прошедшую, содѣйствуетъ благу жизни современной и благу жизни будущей.

Чтобы быть участникомъ въ этой жизни, человѣкъ долженъ отречься отъ своей воли для исполненія воли Отца жизни, давшаго ее сыну человѣческому.

Іоаннъ VIII, 35. Рабъ, дѣлающій свою волю, а не волю хозяина, не живетъ вѣчно въ домѣ хозяина; только сынъ, исполняющій волю Отца, только тотъ живетъ вѣчно,—говоритъ Христосъ ту же мысль въ другомъ мѣстѣ.

Воля же Отца есть жизнь не отдѣльнаго человѣка, а единаго сына человѣческаго, живущаго въ людяхъ, и потому человѣкъ сохраняетъ жизнь только тогда, когда онъ на жизнь свою смотритъ, какъ на залогъ, какъ на талантъ, данный ему Отцемъ для того, чтобы служить жизни всѣхъ, когда онъ живетъ не для себя, а для сына человѣческаго.

Матѳ, XXV, 14, 46, Хозяинъ далъ рабамъ своимъ каждому по части имѣнія своего и, ничего не сказавъ имъ,

оставилъ ихъ однихъ, Одни рабы, хотя и не слыхали приказанія хозяина о томъ, какъ употребить часть имѣнія господина, поняли, что имѣніе не ихъ а хозяйское, и что имѣніе должно расти, и работали для хозяина. И рабы, которые работали для хозяина, стали участниками жизни хозяина, а не работавшіе лишены того, что было дано имъ.

Жизнь сына человѣческаго дана всѣмъ людямъ, и имъ не сказано, зачѣмъ она дана имъ. Одни люди понимаютъ, что жизнь не ихъ собственность, а дана имъ, какъ даръ, и должна служить жизни сына человѣческаго, и живутъ такъ. Другіе, подъ предлогомъ непониманія цѣли жизни, не служатъ жизни. И люди, служащіе жизни, сливаются съ источникомъ жизни; не служащія жизни, лишаются ея. И вотъ со стиха 31 по 46 Христосъ говоритъ о томъ, въ чемъ состоитъ служеніе сыну человѣческому и въ чемъ награда этого служенія. Сынъ человѣческій, по выраженію Христа, какъ царь (34), скажетъ: «Придите благословенные, Отца, наслѣдуйте царство за то, что вы поили, кормили, одѣвали, принимали, утѣшали меня, потому что я все тотъ же одинъ и въ васъ, и въ малыхъ сихъ, которыхъ вы жалѣли и которымъ дѣлали добро. Вы жили жизнью не личной, а жизнью сына человѣческаго и потому вы имѣете жизнь вѣчную».

Только этой вѣчной жизни учитъ Христосъ по всѣмъ Евангеліямъ, и какъ ни странно это сказать про Христа, который лично воскресъ и обѣщалъ всѣхъ воскресить, никогда Христосъ не только ни однимъ словомъ не утверждалъ личное воскресеніе и безсмертіе личности за гробомъ, но и тому возстановленію мертвыхъ въ царствѣ Мессіи, которое основали фарисеи, придавалъ значеніе, исключающее представленіе о личномъ воскресеніи.

Саддукеи оспаривали возстановленіе мертвыхъ. Фарисеи признавали его такъ же, какъ признаютъ его теперь правовѣрные евреи

Возстановленіе мертвыхъ (а не воскресеніе, какъ не правильно переводится это слово), по вѣрованіямъ евреевъ, совершится при наступленіи вѣка Мессіи и установленіи царства Бога не землѣ. И вотъ Христосъ, встрѣчаясь съ этимъ вѣрованіемъ временнаго, мѣснаго и плотскаго воскресенія, отрицаетъ его и на мѣсто его ставитъ свое ученіе о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ.

Когда Саддукеи, не признающіе востановленія мертвыхъ, спрашиваютъ Христа, предполагая, что онъ раздѣляетъ понятіе фарисеевъ, „чья будетъ жена семи братьевъ?“ онъ ясно и опредѣленно отвѣчаетъ о томъ и о другомъ.

Онъ говоритъ: Мѳ. XXII, 29—32. Мр. XII, 24—27. Лк. XX, 34—38: Вы заблуждаетесь, не понимая писанія и силу божію. И, отвергая представленіе фарисеевъ, онъ говоритъ: Возстановленіе изъ мертвыхъ бываетъ не плотское и не личное. Тѣ, которые достигнутъ возстановленія изъ мерт-

выхъ, дѣлаются сынами Бога и живутъ, какъ ангелы (сила Бога), на небѣ (т. е. съ Богомъ), и вопросовъ личныхъ, чья жена, для нихъ не можетъ быть, потому что они соединясь съ Богомъ, перестаютъ быть личностями. Что же касается того, что есть востановленіе мертвыхъ», говоритъ онъ, возражая саддукеямъ, признающимъ одну земную жизнь и ничего кромѣ плотской земной жизни, «то развѣ вы не читали того что сказано Богомъ? Въ писаніи сказано, что Богъ при купинѣ сказалъ Моисею: Я,—Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова. Если Богъ сказалъ Моисею, что онъ Богъ Іакова, то Іаковъ не умеръ для Бога, потому что Богъ есть Богъ только живыхъ, а не мертвыхъ. *Для Бога всѣ живы.* И потому, если есть живой Богъ, то и живъ тотъ человѣкъ, который сталъ въ общеніе съ вѣчно живымъ Богомъ».

Противъ фарисеевъ Христосъ говоритъ, что возстановленіе жизни не можетъ быть плотское и личное. Противъ саддукеевъ онъ говоритъ, что кромѣ личной и временной жизни есть еще жизнь въ общеніи съ Богомъ.

Христосъ, отрицая личное, плотское воскресеніе, признаетъ востановленіе жизни въ томъ, что человѣкъ жизнь свою переносить въ Бога. Христосъ учитъ спасенію отъ жизни личной и полагаетъ это спасеніе въ возвеличеніи сына человѣческаго и жизни въ Богѣ. Связывая это свое ученіе съ ученіемъ евреевъ о пришествіи Мессіи, онъ говоритъ евреямъ о востановленіи сына человѣческаго изъ мертвыхъ, разумѣя подъ этимъ не плотское и личное возстановленіе изъ мертвыхъ, а пробужденіе жизни въ Богѣ. О плотскомъ же личномъ воскресеніи онъ никогда не говорилъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что Христосъ никогда не проповѣдывалъ воскресенія людей, служатъ тѣ единственныя два мѣста, которыя приводятся богословами въ подтвержденіе его ученія о воскресеніи. Эти два мѣста слѣдующія: Мѳ. XXV, 31—46 и Іоанна,— 28. 29. Въ первомъ говорится о пришествіи, т. е. возстановленіи, возвеличеніи сына человѣческаго (точно такъ же, какъ это говорится у Мѳ. X, 23) и потомъ величіе и власть сына человѣческаго сравниваются съ царемъ. Во второмъ мѣстѣ говорится о возстановленіи истинной жизни здѣсь на землѣ, какъ это и выражено въ предшествующемъ 24 стихѣ.

Стоитъ вдуматься въ смыслъ ученія Христа о жизни вѣчной въ Богѣ, стоитъ возстановить въ своемъ воображеніи ученіе еврейскихъ пророковъ, чтобы понять, что если бы Христосъ хотѣлъ проповѣдывать ученіе о воскресеніи мертвыхъ, которое тогда только начинало входить въ Талмудъ и было предметомъ спора, то онъ ясно и определенно высказалъ бы свое ученіе; онъ же, наоборотъ, не только не сдѣлалъ этого, но даже отвергъ его, и во всѣхъ Евангеліяхъ нельзя найти ни одного мѣста, которое бы подтверждало это ученіе. А два приведенныя выше мѣста означаютъ совсѣмъ другое.

О своемъ же личномъ воскресеніи, какъ это ни покажется страннымъ всѣмъ, кто не изучалъ самъ Евангелія *Христосъ никогда нигдѣ не говоритъ*. Если какъ учатъ богословы, основа вѣры Христовой—въ томъ, что Христосъ воскресъ, то казалось бы меньшее, чего можно желать,—это то, чтобы Христосъ, зная, что онъ воскреснетъ, и что въ этомъ будетъ состоять главный догматъ вѣры въ него, хотя бы одинъ разъ опредѣлено и ясно сказалъ это. Но онъ не только не сказалъ этого опредѣленно и ясно, но ни разу по всѣмъ каноническимъ Евангеліямъ даже не упомянулъ объ этомъ. Ученіе Христа—въ томъ, чтобы возвысить сына человѣческаго, т. е. сущность жизни человѣка—признать себя сыномъ Бога. Въ самомъ себѣ Христосъ олицетворяетъ человѣка, признавшаго свою сыновность Богу: Мѳ. XVI, 13-20. Онъ спрашиваетъ у учениковъ: что про него—*сына человѣческаго*—толкуютъ люди? Ученики говорятъ, что одни считаютъ его за чудесно воскресшаго Іоанна или за пророка, за Илію, пришедшаго съ неба, Ну, а вы какъ понимаете меня?—спрашиваетъ онъ. И Петръ, понимая Христа такъ же, какъ онъ самъ понималъ себя, отвѣчаетъ: ты—Мессія, сынъ Бога живого. И Христосъ говоритъ: не плоть и кровь открыли тебѣ это, а Отецъ нашъ небесный, т. е. ты понялъ это не потому, что ты повѣрилъ человѣческимъ толкованіямъ, а потому, что ты, сознавъ себя сыномъ Бога, понялъ меня. И объяснивъ Петру, что на этой сыновности Богу зиждется истинная вѣра, Христосъ говоритъ другимъ ученикамъ (-О), чтобы они не говорили впередъ, что именно онъ, Іисусъ—Мессія.

И послѣ этого Христосъ говоритъ: что, несмотря на то, что его будутъ мучить и убьютъ, сынъ, человѣческій сознавшій себя сыномъ Бога, все-таки будетъ возстановленъ и восторжествуетъ надъ всѣмъ. И эти-то слова толкуются, какъ предсказаніе о его воскресеніи.

Іоан. II, 19, 22. Мѳ. XII. 40. Лук. XI, 30. Мѳ. XVI, 4, 21. Мр. VIII, 31. Лук. IX, 22 Мѳ. XVII, 23 МрIX, 31, Мѳ. XX, 19, Мр. X. 34. Лук, X. 34, Лук. XVIII. 33. Мѳ. XXVI. 32. Мр. XVI, 28. Вотъ всѣ 14 мѣстъ, которыя понимаются такъ, что Христосъ предсказывалъ свое воскресеніе. Въ трехъ изъ этихъ мѣстъ говорится о Іонѣ во чревѣ китовѣ, и въ одномъ о востановленіи храма. Въ остальныхъ же десяти мѣстахъ говорится о томъ что сынъ человѣческій не можетъ быть уничтоженъ; но нигдѣ ни однимъ словомъ не говорится о воскресеніи Іисуса Христа.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ въ подлинкѣ нѣтъ даже слова „*воскресеніе*". Дайте человѣку, незнающему богословскихъ толкованій, но знающему по-гречески, перевести всѣ эти мѣста, и никогда никто не переведетъ ихъ такъ, какъ они переведены. Въ подлинникѣ въ этихъ мѣстахъ стоятъ разныя слова: одно ἀνίστημί, другое ἐγείρω. Одно изъ этихъ словъ значитъ: „возстановить"; другое значитъ „будить" и

въ медіумѣ „проснутся“, «встать». Но ни то, ни другое никогда ни въ какомъ случаѣ не можетъ значить: „воскеснуть„. Для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что греческія слова эти и соотвѣтствующее имъ еврейское *кумъ* не могутъ значить „воскреснуть“ стоитъ только сличить тѣ мѣста Евангелія гдѣ употребляются эти слова, и употребляются они множество разъ и ни разу не переведены словомъ: „воскреснуть“, «auferstehen», «ressniciter»; нѣтъ ни на греческомъ, ни на еврейскомъ языкѣ, какъ не было и соотвѣтствующаго имъ понятія. Чтобы на греческомъ и на еврейскомъ языкѣ выразить понятіе о воскресеніи, нужна перифраза, нужно сказать: «сталъ» или «проснулся» изъ мертвыхъ. Такъ, въ Евангеліи говорится: Мѳ. XIV, 2, про то, что Иродъ полагалъ, что Іоанъ Креститель «воскресъ» и тамъ сказано «проснулся изъ мертвыхъ». Такъ и въ Ев. XVI, 31, говорится въ притчѣ о Лазарѣ про то, что еслибы кто и воскресъ, то и воскресшему не повѣрили бы и сказано: «встать бы изъ мертвыхъ». Тамъ же, гдѣ къ словамъ «встать проснуться» не прибавлено словъ: *изъ мертвыхъ*, слова «встать» и «проснуться» никогда не значили и не могутъ значить «воскреснуть», А, говоря о себѣ, Христосъ ни разу во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя приводятся въ доказательство предсказаній его о „воскресеніи“, ни одного разу не употребляетъ словъ: «изъ мертвыхъ».

Наше понятіе о воскресеніи до такой степени чуждо понятію евреевъ о жизни, что нельзя себѣ представить даже, какъ могъ бы говорить Христосъ евреямъ о воскресеніи и вѣчной, личной, свойственной каждому человѣку жизни. Понятіе о будущей личной жизни пришло къ намъ не изъ, еврейскаго ученія и не изъ ученія Христа. Оно вошло въ церковное ученіе совершенно со стороны. Какъ ни странно это покажется, но нельзя не сказать, что вѣрованіе въ будущую личную жизнь есть очень низменное и грубое представленіе, основанное на смѣшеніи сна со смертью и свойственное всѣмъ дикимъ народомъ, и что еврейское ученіе, не говоря уже о христіанскомъ, стояло неизмѣримо выше его. Мы же такъ увѣрены въ томъ, что это суевѣріе есть что-то очень возвышенное, что пресерьезно доказываемъ преимущество нашего ученія передъ другими именно тѣмъ, что мы держимся этого суевѣрія, а другіе, какъ китайцы и индусы, не держатся его. Это доказываютъ не только богословы, но и вольнодумные ученые историки религій—Тиле, Максъ Мюллеръ и др.; классифицируя религіи, они признаютъ, что тѣ изъ нихъ, которыя раздѣляютъ это суевѣріе, выше тѣхъ, которыя его не раздѣляютъ. Вольнодумный Шопенгауеръ прямо называетъ еврейскую религію самой пакостной (niederträchtigste) изъ всѣхъ религій за то, что въ ней и понятія нѣтъ (keine Idee) о безсмертіи души. Дѣйствительно, въ еврейской религіи ни понятія ни слова такого не было. Жизнь вѣчная

по еврейски—«*хайе-ойломъ*». *Ойломъ* значитъ безконечное, во времени непоколебимое. *Ойломъ* значитъ тоже: міръ—космосъ. Жизнь вообще, и тѣмъ болѣе жизнь вѣчная *хайе-ойломъ*, по ученію евреевъ, есть свойство одного Бога. Богъ есть Богъ жизни, Богъ живой, Человѣкъ, по понятію евреевъ, всегда смертенъ, только Богъ есть всегда живой. Въ Пятикнижіи два раза употреблены слова „жизнь вѣчная". Одинъ разъ во Второзаконіи 169—173, другой разъ въ книгѣ Бытія. Во Второзаконіи гл. XXXII, 39, 40, Богъ говоритъ: поймите, что это Я—Я, Что нѣтъ Бога кромѣ Меня. Я живлю, Я умерщвляю, Я бью, Я исцѣляю; и отъ Меня никто не освобождается; Я поднимаю руку до неба и говорю: *Я вижу вѣчно*. Въ другой разъ: въ книгѣ Бытія III, 22. Богъ говоритъ: вотъ человѣкъ съѣлъ плода отъ древа познанія добра и зла и сталъ такимъ, какъ мы (однимъ изъ насъ); какъ бы онъ не протянулъ руки и не взялъ съ древа жизни и не съѣлъ и не сталъ бы *жить вѣчно*. Эти два единственные случая употребленія словъ: *жизнь вѣчная* въ Пятикнижіи и во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ (за исключеніемъ одной главы апокрифическаго Даніила) ясно опредѣляютъ понятіе евреевъ о жизни вообще и жизни вѣчной. Жизнь сама по себѣ, по понятію евреевъ, вѣчна, и такова она въ Богѣ; человѣкъ же всегда смертенъ, таково его свойство.

Нигдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ не сказано того, чему учатъ насъ въ священныхъ исторіяхъ — что Богъ вдунулъ въ человѣка *душу безсмертную*, или того, что первый человѣкъ до грѣха былъ безсмертенъ. Богъ сотворилъ, по первому сказанію книги Бытія, ст. 26, I гл., человѣка точно такъ же, какъ и животныхъ, точно такъ же мужеской и женскій полъ, и точно такъ же велѣлъ и плодиться, и множиться. Какъ о животныхъ не сказано, что они безсмертны, точно такъ же не сказано этого и о человѣкѣ. Во второй главѣ говорится о томъ, какъ человѣкъ позналъ добро и зло. Но о жизни сказано прямо, что Богъ выгналъ человѣка изъ рая и загородилъ ему путь къ древу жизни. Человѣкъ такъ и не вкусилъ плода древа жизни, онъ такъ и не получилъ *хайе-ойломъ*, т. е. жизни вѣчной, и остался смертенъ.

По ученію евреевъ человѣкъ есть человѣкъ точно такой, какой онъ есть, т. е. смертный. Жизнь есть въ немъ только какъ жизнь, продолжающаяся изъ рода въ родъ въ народѣ. Одинъ только народъ, по ученію евреевъ, имѣетъ въ себѣ возможность жизни. Когда Богъ говоритъ: будете жить и не умрете, то онъ говоритъ это народу. Вдунутая Богомъ въ человѣка жизнь есть смертная для каждаго отдѣльнаго человѣка; но жизнь эта продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе, если люди исполняютъ завѣтъ съ Богомъ, т. е. условія, положенныя для этого Богомъ.

Изложивъ всѣ законы и сказавъ, что законы эти не на небѣ, а въ сердцахъ ихъ, Моисей говоритъ во Второ-

зак. XXX, 15: „Вотъ нынѣ я кладу передъ вами благо и жизнь, смерть и зло, увѣщевая васъ любить Бога и идти по Его путямъ, Исполняя Его законъ, съ тѣмъ, чтобы вы удержали жизнь“. И въ ст. 19: „Беру въ свидѣтели противъ васъ небо и землю. Вотъ *жизнь* и *смерть*, благословеніе и проклятіе я кладу передъ вами. Изберите же жизнь съ тѣмъ, чтобы жить вамъ и потомству вашему, любя Бога, повинуясь Ему и прилѣплятясь къ Нему, потому что отъ Него ваша жизнь и продолженіе ея“.

Главное различіе между нашимъ понятіемъ о жизни человѣческой и понятіемъ евреевъ состоитъ въ томъ, что, по нашимъ понятіямъ, наша смертная жизнь, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію, не настоящая жизнь, а жизнь падшая, почему-то временно испорченная; а по понятію евреевъ, эта жизнь есть самая настоящая, есть высшее благо, данное человѣку подъ условіемъ исполненія воли Бога. Съ нашей точки зрѣнія переходъ этой падшей жизни отъ поколѣнія къ поколѣніямъ есть продолженіе проклятія. Съ точки зрѣнія евреевъ это есть высшее благо, котораго можетъ достигнуть человѣкъ, и то только исполняя волю Бога.

Вотъ на этомъ-то понятіи о жизни и основываетъ Христосъ свое ученіе о жизни истинной или вѣчной, которую онъ противополагаетъ жизни личной и смертной. Изслѣдуйте писанія, говоритъ Христосъ евреямъ (Іоан. V, 39), ибо вы черезъ нихъ думаете имѣть жизнь вѣчную.

Юноша спрашиваетъ Христа (Мѳ. XIX, 16): какъ войти въ жизнь вѣчную? Христосъ отвѣчая ему на вопросъ о жизни вѣчной, говоритъ: если хочешь войти въ *жизнь* (онъ не говоритъ жизнь вѣчную,—а просто жизнь), соблюди заповѣди. То же говоритъ законнику: такъ поступай и будешь жить (Лук. X, 28), и тоже говоритъ—жить, просто, не прибавляя—жить вѣчно. Христосъ въ обоихъ случаяхъ опредѣляетъ, что должно разумѣть подъ словами: жизнь вѣчная; когда онъ употребляетъ ихъ, то говоритъ евреямъ то же самое, что сказано много разъ въ законѣ ихъ, а именно: исполненіе воли Бога есть жизнь вѣчная.

Христосъ въ противоположность жизни временной, частной, личной учитъ той вѣчной жизни, котарую по Второзаконію Богъ обѣщалъ Израилю, но только съ той разницею, что, по понятію евреевъ, жизнь вѣчная продолжалась только въ избранномъ народѣ израильскомъ и для пріобрѣтенія этой жизни нужно было соблюдать исключительные законы Бога для Израиля, а по ученію Христа, жизнь вѣчная продолжается въ сынѣ человѣческомъ, и для сохраненія ея нужно соблюдать законы Христа, выражающіе волю Бога для всего человѣчества.

Христосъ противополагаетъ личной жизни не загробную жизнь, а жизнь общую, связанную съ жизнью настоя-

щей, прошедшей и будущей всего человѣчества жизнь сына человѣческаго.

Спасеніе жизни личной отъ смерти, по ученію евреевъ, было исполненіемъ воли Бога, выраженной въ законѣ Моисея по его заповѣдямъ. Только при этомъ условіи жизнь евреевъ не погибала, а переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію въ избранномъ Богомъ народѣ. Спасеніе жизни личной отъ смерти по ученію Христа есть то же самое исполненіе воли Бога, выраженное въ заповѣдяхъ Христа. Только при этомъ условіи, по ученію Христа жизнь личная не погибаетъ, а становится вѣчною непоколебимо въ сынѣ человѣческомъ. Разница только въ томъ, что служеніе Богу Моисея служеніе Богу одного народа, а служеніе Отцу Христа есть служеніе Богу всѣхъ людей. Продолженіе жизни въ поколѣніяхъ одного народа было сомнительно потому, что могъ исчезнуть самъ народъ, и потому еще, что продолженіе это зависѣло отъ плотскаго потомства. Продолженіе жизни, по ученію Христа, несомнѣнно потому, что жизнь, по его ученію, переносится въ сына человѣческаго, живущаго по волѣ Отца.

Но положимъ, что слова Христа о страшномъ судѣ и совершеніи вѣка и другія слова изъ Евангелія Іоанна имѣютъ значеніе обѣщанія загробной жизни для душъ умершихъ людей, все-таки несомнѣнно и то, что ученіе его о свѣтѣ жизни, о царствѣ Бога, имѣетъ и то доступное его слушателямъ и намъ теперь значеніе, что жизнь истинная есть только жизнь сына человѣческаго по волѣ Отца. Этѣмъ легче допустить, что ученіе о жизни истинной по волѣ Отца жизнь включаетъ въ себя понятіе о безсмертіи и жизни за гробомъ.

Можетъ быть справедливѣе предложить, что человѣка послѣ этой мірской жизни, пережитой для исполненія его личной воли, все-таки ожидаетъ вѣчная личная жизнь въ раю со всевозможными радостями; можетъ быть это справедливѣе, но думать, что это такъ, стараться вѣрить въ то, что за добрыя дѣла я буду награжденъ вѣчнымъ блаженствомъ, а за дурныя вѣчными муками,—думать такъ не содѣйствовать пониманію ученія Христа; думать такъ значитъ, напротивъ, лишать ученіе Христа самой главной его основы.

Все ученіе Христа въ томъ, чтобы ученики его понявъ призрачность личной жизни, отреклись отъ нея и переносили ее въ жизнь всего человѣчества, въ жизнь сына человѣческаго. Ученіе же о безсмертіи личной души не только не призываетъ къ отреченію отъ своей личной жизни, но на вѣки закрѣпляетъ эту личность.

По понятіямъ евреевъ, китайцевъ, индусовъ и всѣхъ людей міра, не вѣрующихъ въ догматъ паденія человѣка и искупленія его, жизнь есть жизнь, какъ она есть. Человѣкъ совокупляется, рождаетъ дѣтей, воспитываетъ ихъ,

старѣется и умираетъ. Дѣти его выростаютъ и продолжаютъ его жизнь, которая, не прерываясь, ведется отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, точно такъ же, какъ ведется все въ мірѣ существующее: камни, земля. металлы, растенія, звѣри, свѣтила и все въ мірѣ. Жизнь есть жизнь, и ею надо воспользоваться какъ можно лучше· Жить для себя одного неразумно. И потому, съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, они отыскиваютъ для жизни цѣли внѣ себя: живутъ для своего ребенка, для семьи, для народа, для человѣчества, для всего, что не умираетъ съ личной жизнью.

Наоборотъ, по ученію нашей церкви, жизнь человѣческая, какъ высшее благо, извѣстное намъ, предоставляется только частицей той жизни, которая на время удержана отъ насъ. Наша жизнь, по нашему понятію, не есть жизнь такая, какую Богъ хотѣлъ и долженъ былъ намъ дать, а жизнь наша есть испорченная, дурная падшая жизнь, „образчикъ“ жизни, насмѣшка надъ настоящей, надъ тою, которую почему-то мы воображаемъ, что Богъ долженъ былъ дать намъ. Главная задача нашей жизни по этому представленію не въ томъ, чтобы прожить ту данную намъ смертную жизнь такъ, какъ хочетъ податель жизни, не въ томъ чтобы сдѣлать ее вѣчною въ поколѣніяхъ людей, какъ евреи учатъ, или вліяніемъ ея съ волею Отца. какъ училъ Христосъ, а въ томъ, чтобы увѣрить себя, что послѣ этой жизни начнется настоящая.

Христосъ не говоритъ про эту нашу мнимую жизнь, которую Богъ долженъ былъ дать; но не далъ почему-то людямъ. Теорія грѣхопаденія Адама и вѣчной жизни въ раю и безсмертной души, вдунутой Богомъ въ Адама, была неизвѣстна Христу, и онъ не упоминалъ про нее и ни однимъ словомъ не намекнулъ на существованіе ея.

Христосъ говоритъ о жизни, какая она есть и какая будетъ всегда. Мы же говоримъ о той жизни, которую мы себѣ вообразили и которой никогда не было; какъ же намъ понять ученіе Христа?

Христосъ и не могъ представить себѣ такого страннаго понятія у своихъ учениковъ. Онъ предполагаетъ, что всѣ люди понимаютъ неизбѣжность погибели личной жизни, и открываетъ жизнь не погибающую. Онъ даетъ благо тѣмъ, которые во злѣ но тѣмъ, которые увѣрились, что они имѣютъ гораздо больше того, что даетъ Христосъ, ученіе его ничего не можетъ дать. Я буду усовѣщевать человѣка. чтобы онъ работалъ, увѣряя его, что онъ за то получитъ одежду и пищу, и вдругъ этотъ человѣкъ увѣрится, что онъ и такъ милліонеръ; очевидно, что онъ не приметъ моихъ увѣщаній. Это самое происходитъ и съ ученіемъ Христа. Что мнѣ еще зарабатывать, когда я и такъ могу быть богачемъ? Что мнѣ стараться прожить эту жизнь по божьи, когда я увѣренъ, что и безъ того я буду вѣчно лично жить?

Насъ учатъ, что Христосъ спасъ людей тѣмъ, что онъ—второе лицо Троицы, что онъ—Богъ и вочеловѣчился и, принявъ на себя грѣхъ Адама и всѣхъ людей, искупилъ грѣхъ людей предъ первымъ лицомъ Троицы и установилъ для нашего спасенія церковь и таинства. Вѣруя въ это, мы спасаемся и получаемъ вѣчную личную жизнь за гробомъ. Но нельзя же отрицать и того, что онъ спасъ и спасаетъ людей еще и тѣмъ, что, указавъ имъ на ихъ неизбѣжную погибель, онъ по словамъ своимъ: *Я есть путь, жизнь и истина*, далъ намъ истинный путь жизни, взаменъ того ложнаго пути жизни личной, по которому мы шли прежде.

Если могутъ найтись люди, которые усомнятся въ загробной жизни и спасеніи, основанномъ на искупленіи, то въ спасеніи людей, всѣхъ и каждаго отдѣльно, черезъ указаніе неизбѣжной погибели личной жизни и истиннаго пути спасенія въ сліяніи своей воли съ волею Отца, не можетъ быть сомнѣнія. Пусть всякій разумный человѣкъ спроситъ себя: что такое его жизнь и смерть? И пусть придастъ этой жизни и смерти какой-нибудь другой смыслъ, кромѣ того, который указалъ Христосъ.

Всякое осмысливаніе личной жизни, если она не основывается на отреченіи отъ себя для служенія людямъ, человѣчеству—сыну человѣческому, есть призракъ, разлетающійся при первомъ прикосновеніи разума. Въ томъ, что моя личная жизнь погибаетъ, а жизнь всего міра по волѣ Отца не погибаетъ, и что одно только сліяніе съ ней даетъ мнѣ возможность спасенія, въ этомъ я ужъ не могу усомниться. Но это такъ мало въ сравненіи съ тѣми возвышенными религіозными вѣрованіями въ будущую жизнь! Хоть мало, но вѣрно.

Я заблудился въ снѣжную мятель. Одинъ увѣряетъ меня, и ему такъ кажется, что вотъ они—огоньки, вотъ и деревня; но это только такъ кажется и ему, и мнѣ, потому что намъ этого хочется, а ужъ мы ходили на эти огоньки, и ихъ не оказалось. А другой пошелъ по снѣгу: походилъ, вышелъ на дорогу и кричитъ намъ: „никуда не ѣздите, огоньки у васъ въ глазахъ, вездѣ заблудитесь и пропадете, а вотъ крѣпкая дорога, и я стою на ней, она выведетъ насъ“. Это очень мало. Когда мы вѣрили огонькамъ, мелькавшимъ въ нашихъ ошалѣлыхъ глазахъ, была уже вотъ-вотъ и деревня, и теплая изба и спасеніе, и отдыхъ, а тутъ только крѣпкая дорога. Но если послушаемся перваго, навѣрно замерзнемъ, а если послушаемся второго, навѣрно выѣдемъ.

И такъ что же я долженъ дѣлать, если я одинъ понялъ ученіе Христа и повѣрилъ въ него, одинъ среди не понимающихъ и не исполняющихъ его?

Что мнѣ дѣлать? Жить, какъ всѣ, или жить по ученію Христа? Я понялъ ученіе Христа въ его заповѣдяхъ,

и вижу, что исполненіе ихъ даетъ блаженство и мнѣ, и всѣмъ людямъ міра. Я понялъ, что исполненіе этихъ заповѣдей есть воля того начала всего, отъ котораго произошла и моя жизнь.

Я понялъ кромѣ того, что чтобы я не видѣлъ, я неизбѣжно погибну безсмысленною жизнью и смертью со всѣмъ, окружающимъ меня, если я не буду исполнять этой воли Отца, и что только въ исполненіи ея единственная возможность спасенія.

Дѣлая, какъ всѣ, я навѣрно противодѣйствую благу всѣхъ людей, навѣрно дѣлаю противное волѣ Отца жизни, навѣрно лишаю себя единственной возможности улучшить свое отчаянное положеніе. Дѣлая то, чему Христосъ учитъ меня, я продолжаю то, что дѣлали люди до меня: я содѣйствую благу всѣхъ людей, теперь живущихъ, и тѣхъ, которые будутъ жить послѣ меня, дѣлаю то, что хочетъ отъ меня тотъ, кто произвелъ меня, и дѣлаю то, что одно можетъ спасти меня.

Горитъ циркъ въ Бердичевѣ; всѣ жмутся и душатъ другъ друга, напирая на дверь, которая отворяется внутрь. Является спаситель и говоритъ: „отступите отъ двери, вернитесь назадъ; чѣмъ больше вы напираете, тѣмъ меньше надежды спасенія. Вернитесь, и вы найдете выходъ и спасетесь“. Многіе ли, одинъ ли я услыхалъ это и повѣрилъ, все равно; но услыхавши и повѣривши, что же я могъ сдѣлать, какъ не то, чтобы пойти назадъ и звать всѣхъ на голосъ спасителя? Задушатъ, задавятъ, убьютъ меня, можетъ быть; но спасеніе для меня все-таки лишь въ томъ, чтобы идти туда, гдѣ единственный выходъ. И я не могу не идти туда. Спаситель долженъ быть точно спаситель, т.-е. точно спасать. И спасеніе Христа есть точно спасеніе. Онъ явился, сказалъ—и человѣчество спасено.

Циркъ горитъ часъ, и надо спѣшить, и люди могутъ не успѣть спастись. Но міръ горитъ ужъ 1800 лѣтъ, горитъ съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ сказалъ: я огонь низвелъ на землю; и какъ томлюсь, пока онъ не разгорится,—и будетъ горѣть, пока не спасутся люди. Не затѣмъ ли и люди, не затѣмъ ли и горитъ, чтобы люди имѣли блаженство спасенія?

И, понявъ это, я понялъ и повѣрилъ, что Іисусъ не только Мессія, Христосъ, но что онъ точно и спаситель міра.

Я знаю, что выхода другого нѣтъ ни для меня, ни для всѣхъ тѣхъ, которые вмѣстѣ со мной мучаются въ этой жизни. Я знаю, что всѣмъ, и мнѣ съ ними вмѣстѣ, нѣтъ другого спасенія, какъ исполнять тѣ заповѣди Христа, которыя даютъ высшее доступное моему пониманію благо всего человѣчества.

Больше ли у меня будетъ непріятностей, раньше ли я умру, исполняя ученіе Христа, мнѣ не страшно. Это мо-

жетъ быть страшно тому, кто не видитъ, какъ безсмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думаетъ, что онъ не умретъ. Но я знаю, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья есть величайшая глупость, и что послѣ этой глупой жизни я непремѣнно только глупо умру. И потому мнѣ совсѣмъ не можетъ быть страшно. Я умру также, какъ и всѣ, такъ же, какъ и неисполняющіе ученіе; но жизнь моя и смерть будутъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ,—а этому-то и училъ Христосъ.

IX.

Исполняй всѣ люди ученіе Христа, и было бы царство Бога не землѣ; исполняй я одинъ—я сдѣлаю самое лучшее для всѣхъ и для себя. Безъ исполненія ученія Христа нѣтъ спасенія.

„Но гдѣ взять вѣры для того, чтобы исполнять его, всегда слѣдовать ему и никогда не отрекаться отъ него? Вѣрую, господи, помоги моему невѣрію“.

Ученики просили Христа утвердить въ нихъ вѣру. „Хочу дѣлать хорошее, а дѣлаю дурное“, говоритъ апостолъ Павелъ.

„Трудно спастись“, такъ говорятъ и думаютъ обыкновенно.

Человѣкъ тонетъ и проситъ о спасеніи. Ему подаютъ веревку, которая одна можетъ спасти его, а утопающій человѣкъ говоритъ: утвердите во мнѣ вѣру, что веревка эта спасетъ меня. Вѣрю, говоритъ человѣкъ, что веревка спасетъ меня, но помоги моему невѣрію.

Что это значитъ? Если человѣкъ не хватается за то, что спасаетъ его, то это значитъ только то, что человѣкъ не понялъ своего положенія.

Какъ можетъ христіанинъ, исповѣдующій божественность Христа и его ученія, какъ бы онъ не понималъ его, говорить, что онъ хочетъ вѣрить и не можетъ. Самъ Богъ, придя на землю, сказалъ: вамъ предстоятъ вѣчныя мученія, огонь, вѣчная тьма кромѣшная, и вотъ спасенье вамъ— въ моемъ ученіи и исполненіи его. Не можетъ такой христіанинъ не вѣрить въ предлагаемое спасенье, не исполнять его и говоритъ: „помоги моему невѣрію“.

Для того, чтобы человѣкъ могъ сказать это, надо не только не вѣрить въ свою погибель, но надо вѣрить въ то, что онъ не погибнетъ.

Дѣти попрыгали съ корабля въ воду. Ихъ еще держитъ теченіе, ненамокшее платье и слабыя ихъ движенія, и они не понимаютъ своей погибели. Сверху изъ убѣгающаго корабля выкинута имъ веревка. Имъ говорятъ, что они навѣрно погибнутъ, умоляютъ ихъ съ корабля (притчи: о женщинѣ, нашедшей полушку, о пастухѣ, нашедшемъ пропавшую

овцу, объ ужинѣ, о блудномъ сынѣ, говорятъ только про это), но дѣти не вѣрятъ. Они не вѣрятъ не веревкѣ, а тому, что они погибаютъ. Такія же легкомысленныя дѣти, какъ и они, увѣрили ихъ, что они всегда, когда и уйдетъ корабль, будутъ весело купаться. Дѣти не вѣрятъ въ то, что скоро платье ихъ намокнетъ, рученки намахаются, что они станутъ задыхаться, захлебнутся и пойдутъ ко дну. Въ это они не вѣрятъ, и только потому не вѣрятъ въ веревку спасенія.

Какъ дѣти, упавшія съ корабля, увѣрились въ томъ, что они не погибнутъ, и оттого не берутся за веревку, такъ точно и люди, исповѣдующіе безсмертіе душъ, увѣрились въ томъ, что они не погибнутъ, и оттого не исполняютъ ученіе Христа—Бога. Они не вѣрятъ въ то, во что нельзя не вѣрить, только потому, что они вѣрятъ въ то, во что нельзя вѣрить.

И вотъ они взываютъ къ кому-то: «Утверди въ насъ вѣру въ то, что мы не погибнемъ».

Но этого невозможно сдѣлать. Для того, чтобы у нихъ была вѣра въ то, что они не погибнутъ, имъ надо перестать дѣлать то, что ихъ губитъ, и начать дѣлать то, что ихъ спасаетъ—имъ надо взяться за веревку спасенья. А они не хотятъ этого сдѣлать, а хотятъ увѣриться въ томъ, что они не погибнутъ, несмотря на то, что на ихъ глазахъ одинъ за другимъ гибнутъ ихъ товарищи. И это-то желаніе свое увѣриться въ томъ, чего нѣтъ, они называютъ вѣрой. Понятно, что имъ всегда мало вѣры и хочется имѣть больше.

Когда я понялъ ученіе Христа, только тогда я понялъ такъ же, что то, что люди эти называютъ вѣрой, не есть вѣра, и что эту-то самую ложную вѣру и отвергаетъ апостолъ Іаковъ въ своемъ посланіи. (Посланіе это долго не принималось церковью и, когда было принято, подверглось нѣкоторымъ извращеніямъ: нѣкоторыя слова выкидываются, нѣкоторыя переставляются или переводятся произвольно. Я оставляю принятый переводъ, исправляя только неточности по Тишендорфскому тексту).

II, 14. «Что въ томъ пользы, братія мои, говоритъ Яковъ, если человѣкъ *полагаетъ*, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Не можетъ вѣра спасти его. 15. Если, напримѣръ, братъ или сестра ходятъ голые, и нѣтъ у нихъ дневного пропитанія. 16. И скажетъ имъ кто-нибудь изъ васъ: идите съ Богомъ, грѣйтесь и питайтесь, и вы не дадите имъ того, что нужно для ихъ тѣла, что въ томъ пользы? 17. Такъ-то и вѣра, если отъ нея нѣтъ дѣлъ, мертва сама по себѣ. 18. И всякій можетъ сказать: у тебя вѣра, а у меня дѣла, покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ, а я покажу тебѣ дѣлами моими мою вѣру. 19. Ты вѣришь, что Богъ одинъ—хорошо! и бѣсы вѣрятъ и трепещутъ. 20. Хочешь ли узнать, пустой человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва?

21. Авраамъ, отецъ нашъ, не дѣлами ли сталъ праведенъ, положивъ сына своего Исаака на жертвенникъ? 22. Видишь, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, а дѣлами совершилась вѣра? 24. Видите, что дѣлами становится праведнымъ человѣкъ, а не вѣрою только. 26. Потому что такъ же, какъ тѣло безъ души мертво, такъ вѣра безъ дѣлъ мертва».

Іаковъ говоритъ, что единственный признакъ вѣры— дѣла, вытекающія изъ нея, и что потому вѣра, изъ которой не вытекаютъ дѣла, есть только слова, которыми, какъ не накормишь никого, такъ и не сдѣлаешь себя праведнымъ и не спасешься. И потому вѣра, изъ которой не вытекаютъ дѣла, не есть вѣра. Это только желаніе вѣрить во что-нибудь, это только ошибочное утвержденіе на словахъ, что я вѣрю въ то, во что я не вѣрю.

Вѣра, по этому опредѣленію, есть то, что содѣйствуетъ дѣламъ, а дѣло то, что совершаетъ вѣру, т.-е то, что дѣлаетъ вѣру вѣрою.

Іудей говорилъ Христу (Іоан. VI, 30): „Какое же Ты дашь знаменіе, что мы увидѣли и повѣрили Тебѣ? Что Ты дѣлаешь?“

Это же говорили ему, когда онъ былъ на крестѣ. Марк. XV, 32. „Пусть сойдетъ теперь съ креста, чтобы мы видѣли, и увѣруемъ“.

Мѳ. XXVII, 42. Другихъ спасалъ, а Себя Самого не можетъ спасти! Если Онъ Царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста, и увѣруемъ въ Него“.

И на такое требованіе усиленія вѣры Христосъ отвѣчаетъ имъ, что желаніе ихъ напрасно и что ничѣмъ нельзя заставить ихъ вѣрить тому, во что они не вѣрятъ (Лук. XXII, 67). Онъ говоритъ: „Если скажу вамъ, вы не повѣрите (Іоан. X, 25). Я сказалъ вамъ, и не вѣрите. 26. Вы не вѣрите, ибо вы не изъ овецъ Моихъ, какъ Я сказалъ вамъ“.

Іудеи требуетъ того же, что требуютъ церковные христіане, чего-нибудь такого, что заставило бы ихъ внѣшнимъ образомъ повѣрить въ ученіе Христа. И онъ отвѣчаетъ имъ, что это невозможно, и объясняетъ имъ, почему невозможно. Онъ говоритъ, что они не могутъ вѣрить потому, что они не изъ овецъ его, т.-е не слѣдуютъ тому пути жизни, который онъ показалъ овцамъ своимъ. Онъ объясняетъ (Іоан. V, 44) въ чемъ различіе его овецъ и другихъ, объясняетъ, почему одни вѣрятъ, а другіе нѣтъ, и на чемъ зиждется вѣра. «Какъ вы можете вѣровать, говоритъ онъ, когда другъ отъ друга принимаете δόξαν ученіе *), а то ученіе, которое отъ единаго Бога, того не ищете».

*) δόξα, какъ и во многихъ мѣстахъ, совершенно неправильно переводится словомъ: слово: δόξα отъ δοκέω, значитъ воззрѣніе, сужденіе, ученіе.

Чтобы вѣрить, говоритъ Христосъ, надо искать то ученіе, которое отъ одного только Бога. Говорящій отъ себя ищетъ свое личное ученіе, а кто ищетъ ученіе пославшаго его, тотъ истиненъ, и нѣтъ неправды въ немъ (Іоан. VII, 18).

Ученіе о жизни (докса) есть основа вѣры.

Поступки всѣ вытекаютъ изъ вѣры. Вѣры же всѣ вытекаютъ изъ (докса) того смысла, который мы приписываемъ жизни. Поступковъ можетъ быть безчисленное количество, вѣръ тоже очень много; но ученій о жизни (докса) есть только два: одно изъ нихъ отрицаетъ, а другое признаетъ Христосъ. Одно ученіе—то, которое отрицаетъ Христосъ, состоитъ въ томъ, что личная жизнь есть что-то дѣйствительно существующее и принадлежащее человѣку. Это то ученіе, котораго держалось и держится большинство людей и изъ котораго вытекаютъ всѣ разнообразныя вѣры людей міра и всѣ ихъ поступки. Другое ученіе—то, которое проповѣдывали всѣ пророки и Христосъ, именно: что жизнь наша личная получаетъ смыслъ только въ исполненіи воли Бога.

Если человѣкъ имѣетъ ту докса, что важнѣе всего его личность, то онъ будетъ считать, что его личное благо есть самое главное и желательное въ жизни и, смотря по тому, въ чемъ онъ будетъ полагать это благо—въ пріобрѣтеніи ли имѣнья, въ знатности ли, въ славѣ, въ удовлетвореніи ли похоти и пр., у него будетъ соотвѣтственная этому взгляду вѣра, и всѣ поступки его будутъ всегда сообразны съ нею.

Если докса человѣка — другая, если онъ понимаетъ жизнь такъ, что смыслъ ея только въ исполненіи воли Бога, какъ понималъ это Авраамъ и какъ училъ этому Христосъ, то, смотря потому, въ чемъ онъ будетъ полагать волю Бога, у него будетъ и соотвѣтствующая этому взгляду вѣра, и всѣ поступки его будутъ всегда сообразны съ нею.

Вотъ почему и не могутъ вѣрующіе въ благо личной жизни повѣрить въ ученіе Христа. И всѣ усилія ихъ повѣрить этому всегда останутся тщетны. Чтобы повѣрить—имъ надо измѣнить свой взглядъ на жизнь. А пока они не измѣнили его, дѣла ихъ будутъ всегда совпадать съ ихъ вѣрой, а не съ ихъ желаніями и словами.

Желаніе вѣрить въ ученіе Христа тѣхъ, которые просили у него знаменій, и нашихъ вѣрующихъ не совпадаетъ и не можетъ совпадать съ ихъ жизнью, какъ бы они ни старались объ этомъ. Они могутъ молиться Христу—Богу, причащаться, дѣлать дѣла чоловѣколюбія, строить церкви, обращать другихъ; они все это и дѣлаютъ, но не могутъ дѣлать дѣлъ Христа потому, что дѣла эти вытекаютъ изъ вѣры, основанной на совсѣмъ другомъ ученіи (докса), чѣмъ то, которое они признаютъ. Они не могутъ принести въ жертву единственнаго сына, какъ это сдѣлалъ Авраамъ,

между тѣмъ какъ Авраамъ не могъ даже задуматься надъ тѣмъ, принести или не принести своего сына въ жертву Богу, тому Богу, который одинъ давалъ смыслъ и благо его жизни. И точно такъ же Христосъ и ученики его не могли не отдавать своей жизни другимъ, потому что въ этомъ одномъ были смыслъ и благо ихъ жизни. Изъ этого-то непониманія сущности вѣры и вытекаетъ то странное желаніе людей—сдѣлать такъ, чтобы повѣрить въ то, что жить по ученію Христа лучше, тогда какъ всѣми силами души, согласно съ вѣрой въ благо личной жизни, имъ хочется жить противно этому ученію.

Основа вѣры есть смыслъ жизни, изъ котораго вытекаетъ оцѣнка того, что важно и хорошо въ жизни, и того, что не важно и дурно. Оцѣнка всѣхъ явленій жизни есть вѣра. И какъ теперь люди, имѣя вѣру, основанную на своемъ ученіи, никакъ не могутъ согласовать ее съ вѣрою, вытекающей изъ ученія Христа, такъ не могли этого сдѣлать и ученики его. И это недоразумѣніе много разъ рѣзко и ясно выражено въ Евангеліи. Ученики Христа много разъ просили его утвердить ихъ вѣру въ то, что онъ говорилъ: Мѳ. XX, 20—28 и Марк. X, 35—45. По обоимъ Евангеліямъ, послѣ слова, страшнаго для каждаго вѣрующаго въ личную жизнь и полагающаго благо въ богатствѣ міра, послѣ словъ о томъ, что богатый не войдетъ въ царство Бога, послѣ еще болѣе страшныхъ для людей, вѣрующихъ только въ личную жизнь, словъ о томъ, что кто не оставитъ всего въ жизни своей ради ученія Христа, тотъ не спасется,—Петръ спрашиваетъ: что будетъ намъ, послѣдовавшимъ за тобой и оставившимъ все? Потомъ, по Марку, Іаковъ и Іоаннъ сами, а по Матѳею ихъ мать, просятъ его, чтобы онъ сдѣлалъ такъ, чтобы они сѣли по обѣимъ сторонамъ его, когда онъ будетъ въ славѣ. Они просятъ, чтобы онъ утвердилъ ихъ вѣру обѣщаніемъ награды. На вопросъ Петра Іисусъ отвѣчалъ притчей о нанятыхъ въ разное время работникахъ (Мѳ. XX, 1—16); на вопросъ же Іакова онъ говоритъ: вы сами не знаете, чего хотите, т.-е. вы просите невозможнаго. Вы не понимаете ученія. Ученіе — въ отреченіи отъ личной жизни, а вы просите личной славы, личной награды. Пить чашу (провести жизнь) вы можете такую же, какъ и я, но сѣсть справа и слѣва отъ меня, т.-е. быть равными мнѣ, этого никто не можетъ сдѣлать. И тутъ Христосъ говоритъ: только въ мірской жизни сильные міра пользуются и радуются славой и властью личной жизни; но вы, ученики мои, должны знать, что смыслъ жизни человѣческой не въ личномъ счастьѣ, а въ служеніи всѣмъ, въ униженіи передъ всѣми. Человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы ему служили, а затѣмъ, чтобы самому служить и отдавать свою личную жизнь, какъ выкупъ за всѣхъ. Христосъ на требованіе учениковъ, показавшее ему все непониманіе ими его ученія, не приказываетъ имъ вѣрить, т.-е. измѣнить ту оцѣнку благъ и золъ жизни которая

вытекаетъ изъ ихъ ученія (онъ знаетъ, что это невозможно), а разъясняетъ имъ тотъ смыслъ жизни, на которомъ зиждется вѣра, т-е. истинная оцѣнка того, что хорошо и дурно, важно и не важно.

На вопросъ Петра: (Мр. X, 28) что намъ будетъ, какая награда за наши жертвы? Христосъ отвѣчаетъ притчей о работникахъ, нанятыхъ въ разное время и получившихъ одинаковую награду. Христосъ разъясняетъ Петру его непониманіе ученія, отъ котораго и зависитъ отсутствіе его вѣры. Христосъ говоритъ: только въ жизни личной и безсмысленной дорого и важно вознагражденіе за работу по мѣрѣ работы. Вѣра въ вознагражденіе за работу по мѣрѣ работы вытекаетъ изъ ученія о личной жизни. Вѣра эта зиждется на предположеніи о правахъ, которыя мы будто имѣемъ на что-то; но правъ человѣкъ ни на что не имѣетъ и не можетъ имѣть; онъ только имѣетъ обязательства за благо, данное ему, и потому ему нельзя считаться ни съ кѣмъ. Отдавъ всю свою жизнь, онъ все-таки не можетъ отдать того, что ему дано и потому хозяинъ не можетъ быть несправедливъ къ нему. Если же человѣкъ заявляетъ права на свою жизнь, считается съ началомъ всего, съ тѣмъ, что дало ему жизнь, то этимъ онъ только показываетъ, что онъ не понимаетъ смысла жизни.

Люди, получивъ счастье, требуютъ еще чего-то. Люди эти стояли на базарѣ праздные и несчастные — не жили. Хозяинъ взялъ ихъ и далъ высшее счастье жизни—трудъ. Они приняли милость хозяина и потомъ остались недовольны. Они недовольны потому, что у нихъ нѣтъ яснаго сознанія своего положенія. Они пришли на работу со своимъ ложнымъ ученіемъ о томъ, что они имѣютъ право на свою жизнь и на свой трудъ, и что поэтому ихъ трудъ долженъ быть вознагражденъ. Они не понимаютъ того, что этотъ трудъ есть самое высшее благо, которое дано имъ и за которое имъ надо только стараться возвратить такое же благо, а нельзя требовать вознагражденія. И потому люди, имѣющіе такое же, какъ эти работники, превратное понятіе о жизни, не могутъ имѣть правильной и истинной вѣры.

Притча о хозяинѣ и работникѣ, пришедшимъ съ поля сказанная въ отвѣтъ на прямую просьбу учениковъ утвердить, умножить въ нихъ вѣру, еще яснѣе опредѣляетъ основу той вѣры, которой учитъ Христосъ.

(Луки XVII, 3—10). На слова Христовы, что надо брату прощать не разъ, а семъ разъ семьдесять, ученики, ужасаясь трудности исполненія этого правила, говорятъ: да но... надо вѣрить, чтобъ исполнять это; утверди же, умножь въ насъ вѣру; какъ прежде они спрашивали: что имъ за это будетъ? такъ и теперь спрашиваютъ о томъ же самомъ что говорятъ всѣ такъ называемые христіане. Хочу вѣрить но не могу; утверди въ насъ мѣру въ то, что веревка спасенія спасетъ насъ. Они говорятъ: сдѣлай такъ, чтобы

мы вѣрили,- то самое. что говорили ему Іудеи, требуя отъ него чудесъ. Чудесами или обѣщаніями наградъ сдѣлай такъ, чтобы мы вѣрили своему спасенію.

Ученики говорятъ такъ, какъ мы говоримъ: хорошо бы было сдѣлать такъ, чтобы намъ, живя той жизнью одинокой, своевольной, которой мы живемъ, вѣрить еще, что, если мы будемъ исполнять ученіе Бога, намъ будетъ еще лучше. Мы всѣ предъявляемъ это противное всему смыслу ученія Христа требованіе и удивляемся, что никакъ не можемъ повѣрить. И на это-то самое коренное недоразумѣніе, бывшее тогда, какъ и теперь, онъ отвѣчаетъ притчей, въ которой показываетъ, что есть истинная вѣра. Вѣра не можетъ произойти отъ довѣрія къ тому, что онъ скажетъ: вѣра происходитъ только отъ сознанія своего положенія. Вѣра зиждется только на разумномъ сознаніи того, что лучше дѣлать, находясь въ извѣстномъ положеніи. показываетъ, что нельзя возбудить въ другихъ людяхъ эту вѣру обѣщаніемъ наградъ и угрозой наказанія, что это будетъ довѣріе очень слабое, которое разрушится при первомъ искаженіи, что та вѣра, которая горы сдвигаетъ, та, которую ничто поколебать не можетъ, зиждется на сознаніи неизбѣжной погибели и того единственнаго спасенія, которое возможно въ этомъ положеніи.

Для того, чтобы имѣть вѣру, не нужно никакихъ обѣщаній наградъ. Нужно понять, единственное спасеніе отъ неизбѣжной погибели жизни есть жизнь общая въ волѣ хозяина. Всякій, понявшій это, не будетъ искать утвержденія, а будетъ спасаться безъ всякихъ увѣщаній.

На просьбу учениковъ утвердить въ нихъ вѣру, Христосъ говоритъ: когда хозяинъ придетъ съ работникомъ съ поля, то не велитъ ему сейчасъ обѣдать, а велитъ убрать скотину и служить, а потомъ ужъ работникъ садится за столъ и обѣдаетъ. Работникъ все это дѣлаетъ и не считаетъ себя обиженнымъ, и не хвалится и не требуетъ благодарности или награды, а знаетъ, что это такъ должно быть, и что онъ дѣлаетъ только то, что нужно, что это есть необходимое условіе службы и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное благо его жизни. Такъ и вы, говоритъ Христосъ, когда сдѣлаете все, что вамъ велѣно, считайте, что вы сдѣлали только то, что должны были дѣлать. Кто пойметъ свое отношеніе къ хозяину, тотъ пойметъ, что, только покоряясь волѣ хозяина, онъ можетъ имѣть жизнь, и будетъ знать, въ чемъ его благо, и будетъ имѣть вѣру, для которой не будетъ ничего невозможнаго. Вотъ этой-то вѣрѣ и учитъ Христосъ. Вѣра по ученію Христа, зиждется на разумномъ сознаніи смысла своей жизни.

Основа вѣры. по ученію Христа, есть свѣтъ.

Іоан. I, 9—12. Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ. 10. Въ мірѣ былъ, и міръ произошелъ черезъ Него, и міръ Его

не позналъ. II. Пришелъ къ своему, и свои Его не приняли. 12. А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами божіими. Іоан. III, 19—21. Судъ же *) состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы. 20. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. 21. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ богѣ содѣланы.

Для того, кто понялъ ученіе Христа, не можетъ быть вопроса объ утвержденіи вѣры. Вѣра, по ученію Христа, зиждется на свѣтѣ, истинѣ. Христосъ нигдѣ не призываетъ къ вѣрѣ въ себя; онъ призываетъ только къ вѣрѣ въ истину.

Іоан, VIII, 40. Онъ говоритъ Іудеямъ: Вы ищете убить Меня, человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую слышалъ отъ Бога.

46. Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ? Если же Я говорю истину, почему вы не вѣрите Мнѣ? Іоан. XVIII, 37. Онъ говоритъ: Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. Всякій, кто отъ истины, слушаетъ голоса Моего.

Іоан. XIV, 6. «Онъ говоритъ: Я—путь, и истина, и жизнь»,

„Отецъ, говоритъ онъ ученикамъ въ той же главѣ (16), дастъ вамъ другого утѣшителя и тотъ будетъ съ вами во вѣкъ. Утѣшитель этотъ: духъ истины, котораго міръ не видитъ и не знаетъ, а вы знаете, потому что онъ при васъ будетъ“.

Онъ говоритъ, что все его ученіе, это онъ самъ есть истина.

Ученіе Христа есть ученіе объ истинѣ, И потому вѣра Христа не есть довѣріе во что-нибудь, касающееся Іисуса, но знаніе истины. Въ ученіе Христа нельзя увѣрить никого, нельзя подкупать ничѣмъ къ исполненію его. Кто понимаетъ ученіе Христа, у того и будетъ вѣра въ него, потому что ученіе это—истина. А кто знаетъ истину, нужную для его блага, тотъ не можетъ не вѣрить въ нее. и потому человѣкъ, понявшій, что онъ истинно тонетъ, не можетъ не взяться за веревку спасенія. И вопросъ, выражающій только непониманіе ученія Іисуса Христа.

X.

Мы говоримъ: „трудно жить по ученію Христа!“ Да какъ же не трудно, когда мы сами старательно всей жизнью нашей скрываемъ отъ себя наше положеніе и старательно

*) Судъ—κρίσις—значитъ не судъ, а раздѣленіе.

утверждаемъ въ себѣ довѣріе къ тому, что наше положеніе совсѣмъ не то, какое есть, а совершенно другое. И это-то довѣріе, назвавъ его вѣрою, мы возводимъ въ что-то священное и всѣми средствами—насиліемъ, дѣйствіемъ на чувства, угрозами, лестью, обманомъ—заманиваемъ къ этому ложному довѣрію. Въ этомъ требованіи довѣрія къ невозможному и неразумному мы доходимъ до того, что самую неразумность того, къ чему мы требуемъ довѣрія, считаемъ признакомъ истинности. Нашелся человѣкъ христіанинъ, который сказалъ: credo quia absurdum, и другіе христіане съ восторгомъ повторяютъ это, предполагая, что нелѣпость есть самое лучшее средство для наученія людей истинѣ. Недавно въ разговорѣ со мной одинъ ученый и умный человѣкъ сказалъ мнѣ, что христіанское ученіе, какъ нравственное ученіе о жизни, не важно. „Все это, сказалъ онъ мнѣ, можно найти у стоиковъ, у браминовъ, въ Талмудѣ. Сущность христіанскаго ученія не въ этомъ, а въ теозофическомъ ученіи, выраженномъ въ догматахъ". То есть, не то дорого въ христіанскомъ ученіи, что вѣчно и общечеловѣчно, что нужно для жизни и разумно, а важно и дорого въ христіанствѣ то, что совершенно непонятно и потому ненужно, и то, во имя чего побиты милліоны людей.

Мы составили себѣ ни на чемъ, кромѣ какъ на нашей злости и личныхъ похотяхъ, основанное ложное представленіе о нашей жизни и о жизни міра; и вѣру въ это ложное представленіе, связанное внѣшнимъ образомъ съ ученіемъ Христа, считаемъ самымъ нужнымъ и важнымъ для жизни. Не будь этого вѣками поддерживаемаго людьми довѣрія ко лжи, ложь нашего представленія о жизни и истина ученія Христа обнаружились бы давно.

Ужасно сказать (но мнѣ иногда кажется): не будь вовсе ученія Христа съ церковнымъ ученіемъ, выросшимъ на немъ, то тѣ, которые теперь называются христіанами, были бы гораздо ближе къ ученію Христа, т. е. къ разумному ученію о благѣ жизни, чѣмъ они теперь. Для нихъ не были бы закрыты нравственныя ученія пророковъ всего человѣчества. У нихъ были бы свои маленькіе проповѣдники истины, и они вѣрили бы имъ. Но теперь вся истина открыта, и вся истина эта показалась такъ страшна тѣмъ, чьи дѣла были злы, что они перетолковали ее въ ложь, и люди потеряли довѣріе къ истинѣ. Въ нашемъ европейскомъ обществѣ на заявленіе Христа—что онъ пришелъ въ міръ для того, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, и что потому всякій, кто отъ истины, слышитъ его, на эти слова всѣ давно уже отвѣчали себѣ словами Пилата: *что есть Истина?* Эти слова, выражающія такую грустную и глубокую иронію надъ однимъ римляниномъ, мы приняли взаправду и сдѣлали ихъ своей вѣрою. Всѣ въ нашемъ мірѣ живутъ не только безъ истины, не только безъ желанія узнать ее, но съ твердой увѣренностью, что

изъ всѣхъ праздныхъ занятій самое праздное есть исканіе истины, опредѣляющей жизнь человѣческую.

Ученіе о жизни—то, что у всѣхъ народовъ до нашего европейскаго общества всегда считалось самымъ важнымъ, то, про что Христосъ говорилъ, что оно единое на потребу—это-то одно исключено изъ нашей жизни и всей дѣятельности человѣческой. Этимъ занимается учрежденіе, которое называется церковью, и въ которое никто, даже составляющіе это учрежденіе, давно уже не вѣритъ.

Единственное окно для свѣта, къ которому обращены глаза всѣхъ мыслящихъ, страдающихъ, заслонено. На вопросъ: что я, что мнѣ дѣлать, нельзя ли мнѣ облегчить жизнь мою по ученію того Бога, который, по вашимъ словамъ, пришелъ спасти васъ? мнѣ отвѣчаютъ: исполняй предписаніе властей и вѣрь церкви. Но отчего же такъ дурно мы живемъ въ этомъ мірѣ? спрашиваетъ отчаянный голосъ; зачѣмъ все это зло, неужели нельзя мнѣ своей жизнью не участвовать въ этомъ злѣ? Неужели нельзя облегчить это зло? Отвѣчаютъ: нельзя. Желаніе твое прожить жизнь хорошо и помочь въ этомъ другимъ—есть гордость, *прелесть*. Одно, что можно-это спасти себя, свою душу для будущей жизни. Если же не хочешь участвовать въ злѣ міра, то уйди изъ него. Путь этотъ открытъ каждому, говоритъ ученіе церкви, но знай, что, избирая этотъ путь, ты долженъ уже не участвовать въ жизни міра, а перестать жить и медленно самъ убивать себя. Есть только два пути, говорятъ намъ наши учители: вѣрить и повиноваться намъ властямъ и участвовать въ томъ злѣ, которое мы учредили, или уйти изъ міра и идти въ монастырь, не спать и не ѣсть или на столбѣ гноить свою плоть, сгибаться и разгибаться и ничего не дѣлать для людей; или признать ученіе Христа неисполнимымъ и потому признать освященную религіей беззаконность жизни; или отречься отъ жизни, что равносильно медленному самоубійству.

Какъ ни удивительно кажется понявшему ученіе Христа то заблужденіе, по которому признается, что ученіе Христа очень хорошо для людей, но неисполнимо; но заблужденіе, по которому признается, что человѣкъ, желающій не на словахъ, а на дѣлѣ исполнять ученіе Христа, долженъ уйти изъ міра,—еще удивительнѣе.

Заблужденіе—что человѣку лучше удалиться отъ міра, чѣмъ подвергаться искушеніямъ міра, есть старое заблужденіе, давно извѣстное евреямъ, но совершенно чуждое не только духу христіанства, но и іудаизму. Противъ этого-то заблужденія задолго еще до Христа написана повѣсть о пророкѣ Іонѣ, столь любимая и часто приводимая Христомъ. Мысль повѣсти отъ начала до конца одна: Іона пророкъ хочетъ быть одинъ праведнымъ и удаляется отъ развращенныхъ людей. Но Богъ показываетъ ему, что онъ—пророкъ, что онъ затѣмъ только и нуженъ,

чтобы сообщить заблудшимъ людямъ свое знаніе истины, а потому онъ не убѣгать долженъ отъ заблудшихъ людей, а жить въ общеніи съ ними. Іона брезгаетъ развращенными ниневитянами и убѣгаетъ отъ нихъ. Но какъ ни убѣгаетъ Іона отъ своего назначенія, Богъ приводитъ его черезъ кита къ ниневитянамъ, и дѣлается то, чего хочетъ Богъ, т. е. ниневитяне принимаютъ черезъ Іону ученіе Бога,—и жизнь ихъ дѣлается лучше. Но Іона не только не радуется тому, что онъ орудіе воли божіей, но досадуетъ. ревнуетъ Бога къ ниневитянамъ,—ему хотѣлось бы одному быть разумнымъ и хорошимъ. Онъ удаляется въ пустыню, плачется на свою судьбу и упрекаетъ Бога. И тогда надъ Іоной выростаетъ въ одну ночь тыква, защищающая его отъ солнца, а въ другую ночь червь съѣдаетъ эту тыкву. Іона еще отчаяннѣе упрекаетъ Бога за то, что дорогая ему тыква пропала. Тогда Богъ говоритъ ему: тебѣ жалко тыквы, которую ты называешь своей, она въ одну ночь выросла и въ одну ночь пропала. а Мнѣ развѣ не жалко было огромнаго народа, который погибалъ, живя, какъ животныя, не умѣя отличить правой руки отъ лѣвой! Твое знаніе истины на то только и нужно было, чтобы передать его тѣмъ, которые не имѣли его.

Христосъ зналъ эту повѣсть и часто приводилъ ее, но кромѣ того въ Евангеліяхъ разсказано, какъ самъ Христосъ послѣ посѣщенія удалившагося въ пустыню Іоанна Крестителя, передъ началомъ своей проповѣди, подпалъ тому же искушенію и какъ онъ былъ отведенъ діаволомъ (обманомъ) въ пустыню для искушенія, и какъ онъ побѣдилъ обманъ этотъ и въ силѣ духа вернулся въ Галилею, и какъ съ тѣхъ поръ, уже не гнушаясь никакими развратными людьми, провелъ жизнь среди мытарей, фарисеевъ и грѣшниковъ, научая ихъ истинѣ *).

По церковному же ученію Христосъ-Богочеловѣкъ далъ намъ примѣръ жизни. Всю извѣстную намъ жизнь свою Христосъ проводитъ въ самомъ водоворотѣ жизни: съ мытарями, блудницами, въ Іерусалимѣ, съ фарисеями. Главныя заповѣди Христа—любовь къ ближнему и пропо-

*) Лк. IV, 1, 2. Христосъ отведенъ въ пустыню обманомъ, чтобы тамъ быть искушаемымъ. Мѳ. IV 3, 4. Обманъ говоритъ Христу, что онъ не сынъ Бога, если не можетъ изъ камней сдѣлать хлѣбы. Христосъ говоритъ: Я могу жить безъ хлѣба, я живъ тѣмъ, что вдунуто въ меня Богомъ. Тогда обманъ говоритъ: если ты живъ тѣмъ, что вдунуто въ тебя Богомъ, то бросься съ высоты; ты убьешь плоть, но духъ, вдунутый въ тебя Богомъ, не погибнетъ.—Христосъ отвѣчаетъ: жизнь моя во плоти есть воля Бога. Убить свою плоть значитъ идти противъ воли Бога—искушать Бога. Мѳ. IV, 8—11. Тогда обманъ говоритъ: если такъ, то служи плоти, какъ всѣ люди, и плоть вознаградитъ тебя. Христосъ отвѣчаетъ: Я безсиленъ надъ плотью, жизнь моя въ духѣ: но уничтожить плоть я не могу, потому что духъ вложенъ въ мою плоть волею Бога, и потому, живя во плоти, я могу служить только отцу своему, Богу. И Христосъ идетъ изъ пустыни въ міръ.

вѣданіе другимъ его ученія. И то, и другое требуетъ постояннаго общенія съ міромъ. И вдругъ изъ этого дѣляется тотъ выводъ, что по ученію Христа надо уйти отъ всѣхъ, ни съ кѣмъ не имѣть никакого дѣла и стать на столбъ. Чтобы слѣдовать примѣру Христа, оказывается, что надо дѣлать совершенно обратное тому, чему онъ училъ, и тому, что онъ дѣлалъ.

Ученіе Христа, по церковнымъ толкованіямъ, представляется, какъ для мірскихъ людей, такъ и для монашествующихъ, не ученіемъ о жизни—какъ сдѣлать ее лучше для себя и для другихъ—а ученіемъ о томъ, во что надо вѣрить свѣтскимъ людямъ, чтобы, живя дурно, все-таки спастись на томъ свѣтѣ, а для монашествующихъ—тѣмъ, какъ для себя сдѣлать эту жизнь еще хуже, чѣмъ она есть.

Но Христосъ учитъ не этому.

Христосъ учитъ истинѣ, и если истина отвлеченная есть истина, то она будетъ истиною и въ дѣйствительности. Если жизнь въ Богѣ есть единая жизнь истинная, блаженная сама въ себѣ, то она истина, блаженна здѣсь на землѣ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ жизни. Еслибы жизнь здѣсь не подтверждала ученія Христа о жизни, то это ученіе было бы неистинно.

Христосъ не призываетъ къ худшему отъ лучшаго, а, напротивъ,—къ лучшему отъ худшаго. Онъ жалѣетъ людей, которые ему представляются какъ растерянныя, погибающія безъ пастуха овцы, и обѣщаетъ имъ пастуха и хорошее пастбище. Онъ говоритъ, что ученики его будутъ гонимы за его ученіе и должны терпѣть и переносить гоненія міра съ твердостью. Но онъ не говоритъ, что слѣдуя его ученію, они будутъ терпѣть больше, чѣмъ слѣдуя ученію міра; напротивъ, онъ говоритъ, что тѣ, которые будутъ слѣдовать ученію міра, тѣ будутъ несчастны, а тѣ, которые будутъ слѣдовать его ученію тѣ будутъ блаженны.

Христосъ учитъ не спасенію вѣрою, или аскетизму, т. е. обману воображенія, или самовольнымъ мученіямъ въ этой жизни: но онъ учитъ жизни такой, при которой, кромѣ спасенія отъ погибели личной жизни, еще и здѣсь, въ этомъ мірѣ, меньше страданій и больше радостей, чѣмъ при жизни личной.

Христосъ, открывая свое ученіе, говоритъ людямъ, что, исполняя его ученіе даже среди неисполняющихъ, они не будутъ отъ этого несчастливѣе, чѣмъ прежде, но, напротивъ, будутъ счастливѣе, чѣмъ тѣ, которые не будутъ исполнять этого. Христосъ говоритъ, что есть вѣрный мірской разсчетъ не заботиться о жизни міра.

„И началъ Петръ говорить Ему: вотъ, мы оставили все и послѣдовали за Тобою. Что намъ будетъ? Іисусъ сказалъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто

оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради Меня и Евангелія и не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ болѣе домовъ, и братьевъ и сестеръ, и отцовъ, и матерей, и дѣтей, и земель а въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной". Мѳ. XIX, 27, 29; Мр. X, 28—30; Луки XVIII, 28—30.

Христосъ, правда, упоминаетъ, что тѣмъ, которые послушаютъ его, предстоятъ гоненія отъ тѣхъ которые непослушаютъ его; но онъ не говоритъ, чтобы ученики что-нибудь потеряли отъ этого. Напротивъ, онъ говоритъ, что ученики его будутъ имѣть здѣсь, въ мірѣ этомъ, больше радостей, чѣмъ неученики.

Что Христосъ говоритъ и думаетъ это, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія и по ясности его словъ, и по слыслу всего ученія, и по тому, какъ жилъ онъ, и потому, какъ жили его ученики. Но правда ли это?

Разбирая отвлеченный вопросъ о томъ, чье положеніе будетъ лучше: учениковъ Христа или учениковъ міра, нельзя не видѣть, что положеніе учениковъ Христа, дѣлая всѣмъ добро, не будутъ возбуждать ненависти въ людяхъ. Ученики Христа, не дѣлая никому зла, могутъ быть гонимы только злыми людьми; ученики же міра должны быть гонимы всѣми, такъ какъ законъ жизни учениковъ міра есть законъ борьбы, т. е. гоненіе другъ друга. Случайности же въ страданіи—тѣ же, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, съ тою только разницей, что ученики Христа будутъ готовы къ нимъ, а ученики міра всѣ силы души будутъ употреблять на то, чтобы избѣжать ихъ и что ученики Христа, страдая, будутъ думать, что ихъ страданія нужны для міра, а ученики міра, страдая, не будутъ знать зачѣмъ они страдаютъ. Разсуждая отвлеченно, положеніе учениковъ Христа должно быть выгоднѣе положенія учениковъ міра. Но такъ ли оно на дѣлѣ?

Чтобы провѣрить это, пусть всякій вспомнитъ всѣ тяжелыя минуты своей жизни, всѣ тѣлесныя и душевныя страданія, которыя онъ перенесъ и переноситъ, и спроситъ себя: во имя чего онъ переноситъ всѣ эти несчастія: во имя ученія міра или Христа? Пусть всякій искренній человѣкъ вспомнитъ хорошенько всю свою жизнь и онъ увидитъ, что никогда, ни одного раза онъ не пострадалъ отъ исполненія ученія Христа, но большинство несчастій его жизни произошли только оттого, что онъ, въ противность своему влеченію, слѣдовалъ связывавшему его ученію міра.

Въ своей исключительно счастливой въ мірскомъ смыслѣ жизни я наберу страданій, понесенныхъ мною во имя ученій міра, столько, что ихъ достало бы на хорошаго мученика во имя Христа. Всѣ самыя тяжелыя минуты моей жизни, начиная отъ студенческаго пьянства и разврата до дуэлей, войны и до того нездоровья и тѣхъ неестественныхъ и

мучительныхъ условій жизни, въ которыхъ я живу теперь,— все это есть мучительство во имя ученія міра.

Да, и я говорю про свою еще исключительно счастливую въ мірскомъ смыслѣ жизнь. А сколько мучениковъ, пострадавшихъ и теперь страдающихъ за ученіе міра страданіями, которыхъ я не могу даже живо представить себѣ!

Мы не видимъ всей трудности и опасности исполненія ученія міра только потому, что мы считаемъ, что все, что мы переносимъ для него, необходимо.

Мы увѣрились въ томъ, что всѣ тѣ несчастія, которыя мы сами себѣ дѣлаемъ, суть необходимыя условія нашей жизни, и потому не можемъ понять, что Христосъ учитъ именно тому, какъ намъ избавится отъ нашихъ несчастій и жить счастливо.

Чтобы жить въ состояніи обсудить вопросъ о томъ, какая жизнь счастливѣе, намъ надо хоть мысленно отрѣшиться отъ этого ложнаго представленія и безъ предвзятой мысли оглянуться на себя и вокругъ себя.

Пройдите по большой толпѣ людей, особенно городскихъ, и взглядитесь въ эти истомленныя, тревожныя, больныя лица, и потомъ вспомните свою жизнь и жизнь людей, подробности которой намъ удалось узнать; вспомните всѣ тѣ насильственныя смерти, всѣ тѣ самоубійства, о которыхъ вамъ довелось слышать, и спросите: во имя чего всѣ эти страданія, смерти и отчаянія, приводящія къ самоубійствамъ? И вы увидите, какъ ни странно это кажется сначала, что девять десятыхъ страданій людей несутся ими во имя ученія міра, что всѣ эти страданія не нужны и могли бы не быть, что большинство людей—мученики ученія міра.

На-дняхъ, въ осеннее дождливое воскресенье, я проѣхалъ по конкѣ черезъ базаръ Сухаревой башни. На протяженіи полуверсты карета раздвигала сплошную толпу людей, тотчасъ же сдвигавшуюся сзади. Съ утра до вечера эти тысячи людей, изъ которыхъ большинство голодные и оборванные, толкутся здѣсь въ грязи, ругая и обманывая и ненавидя другъ друга. То же происходитъ на всѣхъ базарахъ Москвы. Вечеръ люди эти проведутъ въ кабакахъ и трактирахъ. Ночь—въ своихъ углахъ и конурахъ. Воскресеніе—это лучшій день ихъ недѣли. Съ понедѣльника въ своихъ зараженныхъ конурахъ они опять возьмутся за постылую работу,

Вдумайтесь въ жизнь всѣхъ этихъ людей, въ то положеніе, которое они оставили, чтобы избрать то, въ которое они сами себя поставили, и вдумайтесь въ тотъ неустанный трудъ, который вольно несутъ эти люди,— мужчины и женщины,—и вы увидите, что это—истинные мученики.

Всѣ эти люди побросали дома, поля, отцовъ, братьевъ, часто женъ и дѣтей—отреклись отъ всего, даже отъ самой

жизни, и пришли въ городъ для того, чтобы пріобрѣсти то, что по ученію міра считается для каждаго изъ нихъ необходимымъ. И всѣ они, не говоря уже о тѣхъ десяткахъ тысячъ несчастныхъ людей, потерявшихъ все и перебирающихся требухой и водкой въ почлежныхъ домахъ,—всѣ, начиная отъ фабричнаго, извозчика, швеи, проститутки до богача-купца и министра и ихъ женъ, всѣ несутъ самую тяжелую и неестественную жизнь и все-таки не пріобрѣли того, что считается для нихъ нужнымъ по ученію міра.

Поищите между этими людьми и найдите отъ бѣдняка до богача—такого человѣка, которому бы хватало того, что онъ зарабатываетъ, на то, что онъ считаетъ нужнымъ, необходимымъ по ученію міра, и вы увидите, что не найдете и одного на тысячу. Всякій бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы пріобрѣсть то, что не нужно для него, не требуется отъ него ученіемъ міра и отсутствіе чего составляетъ его несчастіе. И какъ только онъ пріобрѣтетъ то, что требуется, отъ него потребуется еще другое и еще другое и такъ безъ конца идетъ эта Сизифова работа, губящая жизни людей. Возьмите лѣстницу состояній отъ людей, проживающихъ въ годъ триста рублей до пятидесяти тысячъ, и вы рѣдко найдете человѣка, который бы не былъ измученъ, истомленъ работой для пріобрѣтенія 400, когда у него 300, и 500, когда у него 400, и такъ безъ конца. И нѣтъ ни одного, который бы, имѣя 500, добровольно перешелъ на жизнь того, у котораго 400. Если и есть такіе примѣры, то и этотъ переходъ онъ дѣлаетъ не для того, чтобы облегчить свою жизнь, а для того, чтобы собрать деньги и спрятать. Всѣмъ нужно еще и еще отягчать трудомъ свою и такъ уже отягченную жизнь и душу свою безъ остатка отдать ученію міра. Нынче пріобрѣлъ поддевку и калоши, завтра—часы съ цѣпочкой, послѣ завтра—квартиру съ диваномъ и лампой, послѣ—ковры въ гостинную и бархотныя одежды, послѣ—домъ, рысаковъ, картины въ золотыхъ рамахъ, послѣ—заболѣлъ отъ непосильнаго труда и умеръ. Другой продолжаетъ ту же работу и также отдаетъ жизнь тому же Молоху, также умираетъ и также самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлалъ все это. Но можетъ быть, сама эта жизнь, во время которой человѣкъ дѣлаетъ все это, сама въ себѣ счастлива.

Прикиньте эту жизнь на мѣрку того, что всегда всѣ люди называли счастьемъ, и вы увидите, что эта жизнь ужасно несчастлива. Въ самомъ дѣлѣ, какія главныя условія земного счастья—такія, о которыхъ никто спорить не будетъ?

Одно изъ первыхъ и всѣми признаваемыхъ условій счастія есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человѣка съ природой, т. е. жизнь подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ солнца, при свѣжемъ воздухѣ; общеніе съ землей, растеніями, животными. Всегда всѣ люди считали

лишеніе этого большимъ несчастьемъ. Заключенные въ тюрьмахъ сильнѣе всего чувствуютъ это лишеніе. Посмотрите же на жизнь людей живущихъ по ученію міра: чѣмъ большаго они достигли успѣха по ученію міра, тѣмъ больше они лишены этого условія счастья: чѣмъ выше то мірское счастье, котораго они достигли, тѣмъ меньше они видятъ свѣтъ солнца, поля и лѣса, дикихъ и домашнихъ животныхъ. Многіе изъ нихъ—почти всѣ женщины доживаютъ до старости, разъ или два въ жизни увидавъ восходъ солнца и утро, и никогда не видавъ полей и лѣсовъ не иначе, какъ изъ коляски или изъ вагона, и не только не посѣявъ и не посадивъ чего-нибудь, не вскормивъ и не воспитавъ коровы, лошади, курицы, но не имѣя даже понятія о томъ, какъ родятся, растутъ и живутъ животныя. Люди эти видятъ только ткани, камни, дерево, обдѣланныя людскимъ трудомъ, и то не при свѣтѣ солнца, а при искуственномъ свѣтѣ; слышатъ они только звуки машинъ, экипажей, пушекъ, музыкальныхъ инструментовъ, обоняютъ они спиртовые духи и табачный дымъ; подъ ногами и руками у нихъ только ткани, камень и дерево; ѣдятъ они по слабости своихъ желудковъ большой частью несвѣжее и вонючее. Переѣзды ихъ съ мѣста на мѣсто не спасаютъ отъ этого лишенія. Они ѣдутъ въ закрытыхъ ящикахъ. И въ деревнѣ и за границей, куда они уѣзжаютъ, у нихъ тѣ же ткани и дерево подъ ногами, тѣ же гардины, скрывающія отъ нихъ свѣтъ солнца, тѣ же лакеи, кучера, дворники, не допускающіе ихъ до общенія съ землей, растеніями и животными. Гдѣ бы они ни были, они лишены какъ заключенные, этого условія счастія. Какъ заключенные утѣшаются травкою, выросшей на тюремномъ дворѣ, паукомъ, мышью, такъ и эти люди утѣшаются иногда чахлыми, комнатными растеніями, попугаемъ, собачкой, обезьяной которыхъ все-таки ростятъ не они сами.

Другое несомнѣнное условіе счастья есть трудъ, во-первыхъ, любимый и свободный трудъ, во-вторыхъ, трудъ физическій, дающій аппетитъ и крѣпкій успокаивающій сонъ. Опять, чѣмъ большаго по своему, счастья достигли люди по ученію міра, тѣмъ больше они лишены и этого другого условія счастья. Всѣ счастливцы міра—сановники и богачи, или, какъ заключенные, вовсе лишены труда и безуспѣшно борятся съ болѣзнями, происходящими отъ отсутствія физическаго труда, и еще болѣе безуспѣшно со скукой, одолѣвающей ихъ (я говорю безуспѣшно, потому, что работа только тогда радостна, когда она несомнѣнно нужна, а имъ ничего не нужне), или работаютъ ненавистную имъ работу, какъ банкиры, прокуроры, губернаторы, министры и ихъ жены, устраивающія гостинныя, посуды, наряды себѣ и дѣтямъ (Я говорю ненавистную потому, что никогда еще не встрѣтилъ изъ нихъ человѣка, который хвалилъ бы свою работу и дѣлалъ бы ее хоть съ такимъ

же удовольствіемъ, съ какимъ дворникъ счищаетъ снѣгъ передъ домомъ). Всѣ эти счастливцы или лишены работы, или приставлены къ нелюбимой работѣ, т.-е. находятся въ томъ положеніи, въ которомъ находятся каторжные.

Третье несомнѣнное условіе счастья — есть семья И опять, чѣмъ дальше ушли люди въ мірскомъ успѣхѣ, тѣмъ меньше имъ доступно это счастье. Большинство — прелюбодѣи и со знательно отказываются отъ радостей семьи, подчиняясь только ея неудобствамъ. Если же они и не прелюбодѣи, то дѣти для нихъ не радость, а обуза и они сами себя лишаютъ ихъ, стараясь всякими, иногда самыми мучительными средствами сдѣлать совокупленіе безплоднымъ. Если у нихъ есть дѣти, они лишены радости общенія съ ними. Они по своимъ законамъ должны отдавать ихъ чужимъ, большей частью совсѣмъ чужимъ, сначала иностранцамъ, а потомъ казеннымъ воспитателямъ, такъ что отъ семьи имѣютъ только горе — дѣтей, которыя съ молоду становятся такъ же несчастны, какъ родители, и которыя по отношенію къ родителямъ имѣютъ одно чувство—желаніе ихъ смерти для того, чтобы наслѣдовать имъ *). Они не заперты въ тюрьмѣ, но послѣдствія ихъ жизни по отношенію къ семьѣ мучительнѣе того лишенія семьи, которому подвергаются заключенные.

Четвертое условіе счастья есть свободное, любовное общеніе со всѣми разнообразными людьми міра. И опять, чѣмъ высшей ступени достигли люди въ мірѣ, тѣмъ больше они лишены этого главнаго условія счастья. Чѣмъ выше-тѣмъ уже, тѣснѣе тотъ кружокъ людей, съ которыми возможно общеніе, и тѣмъ ниже по своему умственному и нравственному развитію тѣ нѣсколько людей, составляющихъ этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Для мужика и его жены открыто общеніе со всѣмъ міромъ людей, и если одинъ милліонъ людей не хочетъ общаться съ нимъ, у него остается 80 милліоновъ такихъ же, какъ онъ, рабочихъ людей, съ которыми онъ отъ Архангельска до Астрахани, не дожидаясь визита и представленія, тотчасъ же входитъ въ самое близкое братское общеніе. Для чиновника съ его женой есть сотни людей равныхъ ему, но высшіе не допускаютъ его до себя, а низшіе всѣ отрѣзаны отъ него. Для свѣтскаго богатаго человѣка

---

*) Очень удивительно то оправданіе такой жизни, которое часто слышишь отъ родителей. „Мнѣ ничего ненужно, говоритъ родитель, мнѣ жизнь эта тяжела, но, любя дѣтей, я дѣлаю это для нихъ“. То есть, я несомнѣнно опытомъ знаю, что наша жизнь несчастлива, и потому . . . . я воспитываю дѣтей такъ, чтобы они были такъ же несчастливы, какъ и я. И для этого я по своей любви къ нимъ привожу ихъ въ полный физическихъ и нравственныхъ заразъ городъ, отдаю ихъ въ руки чужихъ людей, имѣющихъ въ воспитаніи одну корыстную цѣль, и физически, и нравственно, и умственно старательно порчу своихъ дѣтей. И это-то разсужденіе должно служить оправданіемъ неразумной жизни самихъ родителей!

и его жены десятки свѣтскихъ семей. Остальное все отрѣзано отъ нихъ. Для министра и богача и ихъ семей—есть одинъ десятокъ такихъ же важныхъ или богатыхъ людей, какъ они. Для императоровъ и королей кружокъ дѣлается еще менѣе.—Развѣ это не тюремное заключеніе, при которомъ для заключеннаго возможно общеніе только съ двумя-тремя тюремщиками!

Наконецъ, пятое условіе счастья есть здоровье и безболѣзненная смерть. И опять, чѣмъ выше люди на общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе они лишены этого условія счастья. Возьмите средняго богача и его жену и средняго крестьянина и его жену, не смотря на весь голодъ и непомѣрный трудъ, который, не по своей винѣ, но по жестокости людей, несетъ крестьянство, и сравните ихъ. И вы увидите, что чѣмъ ниже, тѣмъ здоровѣе, и чѣмъ выше, тѣмъ болѣзненнѣе мужчины и женщины.

Переберите въ своей памяти тѣхъ богачей и ихъ женъ, которыхъ вы знаете и знали, и вы увидите, что большинство больные. Изъ нихъ здоровый человѣкъ, не лѣчащійся постоянно или періодически лѣтомъ—такое же исключеніе, какъ больной въ рабочемъ сословіи, Всѣ эти счастливцы безъ исключенія начинаютъ онанизмомъ, сдѣлавшимся въ ихъ быту естественнымъ условіемъ развитія; всѣ беззубые, всѣ сѣдые или плѣшивые бываютъ въ тѣ года, когда рабочій человѣкъ начинаетъ входить въ силу. Почти всѣ одержимы нервными, желудочными или половыми болѣзнями отъ объяденія, пьянства, разврата и леченія, и тѣ, которые не умираютъ молодыми, половину жизни своей проводятъ въ леченіи, въ прыскиваніи морфина или обрюзгшими колѣками, неспособными жить своими средствами, но могущими жить только какъ паразиты или тѣ муравьи, которыхъ кормятъ ихъ рабы. Переберите ихъ смерти: кто застрѣлился, кто сгнилъ отъ сифилиса, кто старикомъ умеръ отъ конфортатива, кто молодымъ умеръ отъ сѣченія, которому онъ самъ подвергъ себя для возбужденія; кого живого съѣли вши, кого черви, кто объѣлся, кто отъ морфина, кто отъ искусственнаго выкидыша. Одинъ за другимъ они гибнутъ во имя ученія міра. И толпы лѣзутъ за ними, и, какъ мученики, ищутъ страданій и гибели.

Одна жизнь за другою бросается подъ колесницу этого бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая эти жизни, и новыя, и новыя жертвы со стономи, и воплями, и проклятіями валятся подъ нее!

Исполненіе ученія Христа трудно. Христосъ говоритъ; кто хочетъ слѣдовать мнѣ, тотъ оставь домъ, поля, братьевъ и иди за мной, Богомъ, и тотъ получитъ въ мірѣ этомъ во сто разъ больше домовъ, полей, братьевъ и сверхъ того жизнь вѣчную. И никто не идетъ. А въ ученіи міра сказано: брось домъ, поля, братьевъ, уйди изъ деревни въ гнилой городъ, живи всю свою жизнь баньщикомъ голымъ,

въ пару намыливая чужія спины, или гостинодворцемъ, всю жизнь считая чужія копѣйки въ подвалѣ, или прокуроромъ, всю жизнь свою проводя въ судѣ и надъ бумагами, занимаясь тѣмъ, чтобы ухудшить участь несчастныхъ, или министромъ, всю жизнь впопыхахъ подписывая ненужныя бумаги, или полководцемъ, всю жизнь убивая людей,—живи этой безобразной жизнью, кончающейся всегда мучительной смертью, и ты ничего не получишь въ мірѣ этомъ и не получишь никакой вѣчной жизни. И всѣ пошли. Христосъ сказалъ: возьми крестъ и иди за мной, то-есть неси покорно ту судьбу, которая выпала тебѣ, и повинуйся мнѣ, Богу, и никто не идетъ. Но первый потерянный, никуда, какъ на убійство, не годный человѣкъ въ эполетахъ, которому это взбредетъ въ голову, скажетъ: возьми не крестъ, а ранецъ и ружье и иди за мной на всякія мученія и на вѣрную смерть,—и всѣ идутъ.

Побросавъ семьи родителей, женъ, дѣтей, одѣвшись въ шутовскія одежды и подчинивъ себя власти перваго встрѣчнаго человѣка, высшаго чиномъ, холодные, голодные, измученные непосильными переходами, они идутъ куда-то, какъ стадо быковъ на бойню; но они не быки, а люди. Они не могутъ не знать, что ихъ гонятъ на бойню; съ неразрѣшимымъ вопросомъ—зачѣмъ? и съ отчаяніемъ въ сердцѣ идутъ они и мрутъ отъ холода, голода и заразительныхъ болѣзней до тѣхъ поръ, пока ихъ не поставятъ подъ пули и ядра и не велятъ имъ самимъ убивать неизвѣстныхъ имъ людей. Они бьютъ и ихъ бьютъ. И никто изъ бьющихъ не знаетъ, за что и зачѣмъ. Турки жарятъ ихъ живыхъ на огнѣ, кожу сдираютъ, разрываютъ внутренности. И завтра опять свиснетъ кто-нибудь и опять всѣ пойдутъ на страшныя страданія, на смерть и на очевидное зло. И никто не находитъ, что это трудно. Не только тѣ, которые страдаютъ, но и отцы, и матери не находятъ, что это трудно. Они даже сами совѣтуютъ дѣтямъ идти. Имъ кажется, что это не только такъ надо и что нельзя иначе, но что это даже хорошо и нравственно.

Можно бы повѣрить, что исполненіе ученія Христа трудно и страшно и мучительно, если бы исполненіе ученія міра было очень легко и безопасно и пріятно. Но вѣдь ученіе міра много труднѣе, опаснѣе и мучительнѣе исполненіе ученія Христа.

Были когда-то, говорятъ, мученики Христа, но это было исключеніе; ихъ насчитываютъ у насъ 380 тысячъ—вольныхъ и невольныхъ за 1800 лѣтъ; но сочтите мучениковъ міра—и на одного мученика Христа придется 1000 мучениковъ ученія міра, которыхъ страданія во 100 разъ ужаснѣе. Однихъ убитыхъ на войнахъ нынѣшняго столѣтія насчитываютъ тридцать милліоновъ человѣкъ.

Вѣдь это все мученики ученія міра, которымъ стоило бы не то что слѣдовать ученію Христа, а только слѣдо-

вать ученію міра, и они избавились бы отъ страданія и смерти.

Стоитъ человѣку только сдѣлать то, что ему хочется—отказаться отъ того, чтобы идти на войну,—и его послали бы копать канавы, и не измучили бы въ Севастополѣ и Плевнѣ. Стоитъ человѣку только не вѣрить ученію міра, что нужно надѣть калоши и цѣпочку и имѣть ненужную ему гостинную, и что нужно дѣлать всѣ тѣ глупости, которыхъ требуетъ отъ него ученіе міра, и онъ не будетъ знать непосильной работы и страданій и вѣчной заботы и труда безъ отдыха и цѣли; не будетъ лишенъ общенія съ природой, не будетъ лишенъ любимаго труда, семьи, здоровья и не погибнетъ безсмысленно мучительной смертью.

Не мученикомъ надо быть во имя Христа, не этому учитъ Христосъ. Онъ учитъ тому, чтобы перестать мучить себя во имя ложнаго ученія міра.

Ученіе Христа имѣетъ глубокій метафизическій смыслъ; ученіе Христа имѣетъ общечеловѣческій смыслъ; ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Этотъ смыслъ можно выразить такъ: Христосъ учитъ людей не дѣлать глупостей. Въ этомъ состоитъ самый простой, всѣмъ доступный смыслъ ученія Христа.

Христосъ говоритъ: не сердись, не считай никого ниже себя,—это глупо. Будешь сердиться, обижать людей,—тебѣ же будетъ хуже. Христосъ говоритъ еще: не бѣгай за всѣми женщинами, а сойдись съ одной и живи,—тебѣ будетъ лучше. Еще онъ говоритъ: не обѣщайся никому ни въ чемъ, а то тебя заставятъ дѣлать глупости и злодѣйства. Еще говоритъ: за зло не плати зломъ; а то зло вернется на тебя еще злѣе, чѣмъ прежде, какъ подвѣшенная колода надъ медомъ, которая убиваетъ медвѣдя. И еще говоритъ: не считай людей чужими только потому, что они живутъ въ другой землѣ и говорятъ другимъ языкомъ. Если будешь считать ихъ врагами, и они будутъ считать тебя врагомъ,—тебѣ же будетъ хуже. Итакъ, не дѣлай всѣхъ этихъ глупостей, и тебѣ будетъ лучше.

„Да“,—говорятъ на это,—„но міръ такъ устроенъ, что противиться его устройству еще мучительнѣе, чѣмъ жить согласно съ нимъ. Откажись человѣкъ отъ военной службы, и его посадятъ въ крѣпость, разстрѣляютъ, можетъ быть. Не обезпечивай человѣкъ свою жизнь пріобрѣтеніемъ того, что нужно ему и семьѣ, онъ и семья его умрутъ съ голоду“.—Такъ говорятъ люди, стараясь защитить устройство міра, но сами они думаютъ такъ. Они говорятъ такъ только потому, что имъ нельзя отрицать справедливости ученія Христа, которому они будто бы вѣрятъ, и имъ надо оправдаться какъ-нибудь въ томъ, что они не исполняютъ этого ученія. Но они не только не думаютъ этого, но никогда даже вовсе не думали объ этомъ. Они вѣрятъ ученію міра

и только пользуются отговоркой, которой ихъ научила церковь—что, исполняя ученіе Христа, надо много страдать и потому никогда даже не пробовали исполнять ученіе Христа. Мы видимъ безчисленныя страданія, которыя несутъ люди во имя ученія міра, но страданій изъ-за ученія Христа мы въ наше время никогда уже не видимъ. Тридцать милліоновъ погибло за ученіе міра на войнахъ; тысячи милліоновъ погибло въ мучительной жизни изъ-за ученія міра, но не только милліоновъ, даже тысячъ, даже десятковъ, даже ни одного человѣка я не знаю, который бы погибъ смертью или мучительной жизнью съ голода или холода изъ-за ученія Христа. Это только смѣшная отговорка, доказывающая, до какой степени неизвѣстно намъ ученіе Христа. Мало того, что мы не раздѣляемъ его, но мы никогда даже серьезно не принимали его. Церковь потрудилась растолковать намъ ученіе Христа такъ, что онъ представляется не ученіемъ о жизни, а пугаломъ.

Христосъ призываетъ людей къ ключу воды, которая тутъ, подлѣ нихъ. Люди томятся жаждой, ѣдятъ грязь, пьютъ кровь другъ друга, но учители ихъ сказали имъ, что они погибнутъ, если пойдутъ къ тому ключу, къ которому призываетъ Христосъ. И люди вѣрятъ имъ, мучаются и мрутъ отъ жажды въ двухъ шагахъ отъ воды, не смѣя подойти къ ней. Но стоитъ только повѣрить Христу, что онъ принесъ благо на землю, повѣрить, что онъ даетъ намъ, жаждущимъ, ключъ воды живой, и придти къ нему, чтобы увидать, какъ коваренъ обманъ церкви и какъ безумны наши страданія тогда, когда спасеніе наше такъ близко. Стоитъ прямо и просто принять ученіе Христа, чтобы ясенъ былъ тотъ ужасный обманъ, въ которомъ живемъ всѣ мы и живетъ каждый изъ насъ.

Поколѣнія за поколѣніями мы трудимся надъ обезпеченіемъ своей жизни посредствомъ насилія и упроченія свой собственности. Счастье нашей жизни представляется намъ въ наибольшей власти и наибольшей собственности. Мы такъ привыкли къ этому, что ученіе Христа о томъ, что счастье человѣка не можетъ зависѣть отъ власти и имѣнья, что богатый не можетъ быть счастливъ, представляется намъ требованіемъ жертвы во имя будущихъ благъ. Христосъ же и не думаетъ призывать насъ къ жертвѣ; онъ, напротивъ, учитъ насъ не дѣлать того, что хуже, а дѣлать то, что лучше для насъ здѣсь, въ этой жизни. Христосъ, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности такъ же, какъ, любя людей, учатъ ихъ воздержанію отъ драки и пьянства. Онъ говоритъ, что, живя безъ отпора другимъ и безъ собственности, люди будутъ счастливѣе, и своимъ примѣромъ жизни подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что человѣкъ, живущій по его ученію, долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ

разсчитывать ни на одинъ часъ своей жизни. И намъ кажется это страннымъ требованіемъ какихъ-то жертвъ; а это только утвержденіе тѣхъ условій, въ которыхъ всегда неизбѣжно живетъ всякій человѣкъ. Ученикъ Христа долженъ быть готовъ во всякую минуту на страданія и смерть. Но ученикъ міра развѣ не въ томъ же положеніи. Мы такъ привыкли къ нашему обману, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни: наши войска, крѣпости, наши запасы, наши одежды, наши леченія, все наше имущество, наши деньги,—кажется намъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, серьезно обезпечивающимъ нашу жизнь. Мы забываемъ то, что очевидно каждому, что случилось съ тѣмъ, который задумалъ построить житницы, чтобы обезпечить себя надолго: онъ умеръ въ ту же ночь. Вѣдь все, что мы дѣлаемъ для обезпеченія нашей жизни, совершенно то же, что дѣлаетъ страусъ, останавливаясь и пряча голову, чтобы не видать, какъ его убиваютъ. Мы дѣлаемъ хуже страуса: чтобы сомнительно обезпечить нашу сомнительную жизнь въ сомнительномъ будущемъ, мы навѣрно губимъ нашу вѣрную жизнь въ вѣрномъ настоящемъ.

Обманъ состоитъ въ ложномъ убѣжденіи, что жизнь наша можетъ быть обезпечена нашей борьбой съ другими людьми. Мы такъ привыкли къ этому обману мнимаго обезпеченія своей жизни и своей собственности, что и не замѣчаемъ всего, что мы теряемъ изъ-за него. А теряемъ мы все—всю жизнь. Вся жизнь поглощается заботой объ этомъ обезпеченіи жизни, приготовленіемъ къ ней, такъ что жизни совсѣмъ не остается.

Вѣдь стоитъ на минуту отрѣшиться отъ своей привычки и взглянуть на нашу жизнь со стороны, чтобы увидѣть, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ совсѣмъ не для того, чтобы обезпечить нашу жизнь, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ, забывать о томъ, что жизнь никогда не обезпечена и не можетъ быть обезпена. Но мало того, что мы обманываемъ себя и губимъ свою настоящую жизнь для воображаемой, мы въ этомъ стремленіи къ обезпеченію чаще всего губимъ то самое, что мы хотимъ обезпечить. Французы вооружаются, чтобы обезпечить свою жизнь въ 70-мъ году, и отъ этого обезпеченія гибнутъ сотни тысячъ французовъ; то же дѣлаютъ всѣ вооружающіеся народы. Богачъ обезпечиваетъ свою жизнь тѣмъ, что у него есть деньги, а самыя деньги привлекаютъ разбойника, который убиваетъ его. Мнительный человѣкъ обезпечиваетъ свою жизнь леченіемъ, и самое леченіе медленно убиваетъ его, если не убиваетъ его, то навѣрно лишаетъ его жизни, какъ того разслабленнаго, который не жилъ 38 лѣтъ, а дожидался ангела у купели.

Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить, а надо всегда всякую минуту быть готовымъ умереть, несом-

нѣнно лучше, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь, лучше тѣмъ, что неизбѣжность смерти и необезпеченность жизни остаются тѣ же при ученіи міра и при ученіи Христа, но самая жизнь, по ученію Христа, не поглашается уже вся безъ остатка празднымъ занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а становится свободной и можетъ быть отдано единой свойственной ей цѣли—благу себѣ и людямъ. Ученикъ Христа будетъ бѣденъ. Да, т. е. онъ будетъ пользоваться всегда всѣми тѣми благами, которыя ему далъ Богъ. Онъ не будетъ губить свою жизнь. Мы назвали словомъ, выражающимъ бѣду—бѣдность, то, что есть счастье; но само дѣло не измѣнилось отъ этого. Бѣденъ это значитъ онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ, и что сдѣлать, чтобъ, сходить на часъ, а будетъ три раза въ день голоденъ, не будетъ ворочатся на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ безсонницы, а будетъ спать; будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людми, а главное не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать: не будетъ бояться того, что съ нимъ будетъ. Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ же; какъ и всѣ (судя по тому, какъ болѣютъ и умираютъ бѣдные,—лучше, чѣмъ богатые), но жить онъ будетъ несомнѣнно счастливѣе. Быть бѣднымъ, быть нищимъ, быть бродягой (πτωχός значитъ бродяга), это то самое, чему училъ Христосъ; то самое безъ чего нельзя войти въ царство Бога, безъ чего нельзя быть счастливымъ здѣсь на землѣ,

„Но никто небудетъ кормить тебя, и ты умрешь съ голоду“, говорятъ на это. На возраженіе о томъ что человѣкъ, живя по ученію Христа, умретъ съ голоду, Хвистосъ отвѣтилъ однимъ короткимъ изреченіемъ (тѣмъ самымъ, которое толкуется такъ, что оно оправдываетъ праздность духовенства (Мѳ. X, 10; Лук. X. 7).

Онъ сказалъ: «Не берите ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви но посоха; ибо *трудящійся достоинъ* пропитанія». «Въ домѣ же томъ оставайтесь, ѣшьте, и пейте, что у нихъ есть; ибо *трудящійся достоинъ* награды за труды свои».

Трудящійся достоинъ ἄξιος слово въ слово значитъ: можетъ и долженъ имѣть пропитаніе. Это очень короткое изреченіе; но для того, кто пойметъ его такъ, какъ понималъ его Христосъ, уже не можетъ быть разсужденія о томъ что человѣкъ, не имѣющій собственности, умретъ съ голоду. Для того, чтобы понять это слово въ его настоящемъ значеніи, надо прежде всего отрѣшиться совершенно отъ сдѣлавшагося, вслѣдствіе догмата искупленія, столь привычнымъ намъ представленія о томъ, что блаженство

человѣка есть праздность. Надо возстановить то свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ предстовленіе о томъ, что необходимое условіе счастья человѣка есть не праздность, а трудъ; что человѣкъ не можетъ не работать. что ему скучно, тяжело, трудно не работать; какъ скучно, трудно ни работать муравью, лошади и всякому животному. Надо забыть наше дикое суевѣріе о томъ, что положеніе человѣка, имѣющаго неразмѣнный рубль, т. е. казенное мѣсто, или право на землю, или билеты съ купонами, которые даютъ ему возможность ничего не дѣлать,—есть естественное счастливое состояніе. Надо возстановить въ своемъ представленіи тотъ взглядъ на трудъ, который имѣютъ на него всѣ неиспорченые люди, и который имѣлъ Христосъ, говоря, чтъ трудящійся достоинъ пропитанія. Христосъ не могъ себѣ представить людей, которые бы смотрѣли на работу, какъ на проклятіе, и потому не могъ и представить себѣ человѣка; неработающаго или желающаго не работать. Онъ всегда подразумѣваетъ, что ученикъ его работаетъ. И потому говоритъ: Если человѣкъ работаетъ, то работа кормитъ его. И если работу этого человѣка беретъ себѣ другой человѣкъ, то другой человѣкъ и будетъ кормить того, кто работаетъ, именно потому, что пользуется его работой. И потому трудящійся всегда будетъ имѣть пропитаніе. Собственности онъ не будетъ имѣть, о пропитаніи же не можетъ быть и рѣчи.

Разница между ученіемъ Христа и ученіемъ нашего міра о трудѣ—въ томъ, что по ученію міра работа есть особенная заслуга человѣка, въ которой онъ считается съ другими и предполагаетъ, что имѣетъ право на тѣмъ большее пропитаніе, чѣмъ больше его работа. по ученію же Христа работа—трудъ есть необходимое условіе жизни человѣка, а пропитаніе есть неизбѣжное послѣдствіе его. Работа производитъ пищу, пища производитъ работу—это вѣчный кругъ: одно—слѣдствіе и причина другого. Какъ бы золъ ни былъ хозяинъ, онъ будетъ кормить работника, такъ же какъ будетъ кормить ту лошадь, которая работаетъ на него, бтдетъ кормить такъ чтобы работникъ могъ сработать какъ можно больше, т. е. будетъ содѣйствовать тому самому, что составляетъ благо человѣка.

„Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою въ выкупъ за многихъ“. По ученію Христа каждый отдѣльный человѣкъ независимо отъ того, каковъ міръ, будетъ имѣть наилучшую жизнь. если онъ пойметъ свое призваніе—не требовать труда отъ другихъ, а самому всю жизнь свою полагать на трудъ для другихъ, жизнь свою отдавать, какъ выкупъ за многихъ. Человѣкъ, поступающій такъ, говоритъ Христосъ. достоинъ пропитанія, т. е. не можетъ не получить его. Словами: человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на другихъ, Христосъ

устанавливаетъ ту основу, которая, несомнѣнно, обезпечиваетъ матеріальное существованіе человѣка, а словами: трудящійся достоинъ пропитанія, Христосъ устраняетъ то столь обыкновенное возраженіе противъ возможности исполненія ученія, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ, исполняющій ученіе Христа среди неисполняющихъ, погибнетъ отъ голода и холода. Христосъ показываетъ, что человѣкъ обезпечиваетъ свое пропитаніе не тѣмъ, что онъ будетъ отбирать его отъ другихъ, а тѣмъ что онъ сдѣлается полезенъ, нуженъ для другихъ. Чѣмъ онъ нужнѣе для другихъ, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ его существованіе.

При теперешнемъ устройствѣ міра люди, не исполняющіе законовъ Христа, но трудящіеся для ближняго, не имѣя собственности, не умираютъ отъ голода. Какъ же возражать противъ ученія Христа, что исполняющіе его ученіе, т. е. трудящіеся для ближняго умрутъ отъ голода? Человѣкъ не можетъ умереть отъ голода, когда есть хлѣбъ у богатаго. Въ Россіи въ каждую данную минуту есть всегда милліоны людей, живущихъ безъ всякой собственности, только трудомъ своимъ.

Среди язычниковъ христіанинъ будетъ точно такъ же обезпеченъ, какъ и среди христіанъ. Онъ работаетъ на другихъ, слѣдовательно онъ нуженъ имъ, и потому его будутъ кормить. Собаку, которая нужна и ту кормятъ и берегутъ; какъ же не кормить и не беречь человѣка, который всѣмъ нуженъ?

Но больной человѣкъ, человѣкъ съ семействомъ, съ дѣтьми нуженъ, не можетъ работать,—и его перестанутъ кормить, скажутъ тѣ, которымъ непремѣнно хочется доказать справедливость звѣрской жизни. Они скажутъ это, они и говорятъ это, и сами не видятъ того, что они сами, говорящіе это, и желали бы поступить такъ, да не могутъ и поступаютъ совсѣмъ иначе. Эти самые люди, тѣ, которые не признаютъ приложимости ученія Христа,—исполняютъ его. Они не перестаютъ кормить овцу, быка, собаку, которая заболѣетъ. Они даже старую лошадь не убиваютъ, а даютъ ей по силамъ работу; они кормятъ семейство, ягнятъ, поросятъ, щенятъ, ожидая отъ нихъ пользы; такъ какъ же они не будутъ кормить нужнаго человѣка, когда онъ заболѣетъ, и какъ же они не найдутъ посильной работы старому и малому, и какъ же не станутъ выращивать людей, которые будутъ на нихъ еще работать?

Они ни только будутъ дѣлать это, но они это самое и дѣлаютъ. Девять десятыхъ людей—черный народъ—выкармливается одной десятой нечерныхъ, а богатыхъ и сильныхъ людей, какъ рабочій скотъ. И какъ ни темно то заблужденіе, въ которомъ живетъ эта одна десятая, какъ ни презираетъ она остальныхъ $^{9}/_{10}$ людей, эта одна десятая сильныхъ никогда не отнимаетъ у $^{9}/_{10}$ нужнаго пропитанія, хотя и можетъ это сдѣлать. Она не отнимаетъ у чернаго

народа нужнаго для того, чтобы онъ плодился и работалъ на нихъ. Въ послѣднее время эта 1/10 сознательно работаетъ на то, чтобы 9/10 кормились правильно т, е, могли бы выставлять какъ можно больше работы, и на то, чтобы плодились и выкармливались новые рабочіе. Муравьи и тѣ плодятъ и воспитываютъ своихъ двойныхъ коровокъ. такъ какъ же людямъ не дѣлать того же: плодить тѣхъ. которые на нихъ работаютъ? Рабочіе нужны. И тѣ, которые пользуются работой, всегда будутъ очень озабочены тѣмъ, чтобы эти рабочіе не переводились.

Возраженіе противъ исполнимости ученія Христа, состоящее въ томъ. что если я не буду пріобрѣтать для себя и удерживать пріобрѣтенное, то никто не станетъ кормить мою семью, справедливо но только по отношенію къ праздным, безполезнымъ и потому вреднымъ людямъ, каково большинство нашего богатаго сословія. Праздныхъ людей никто воспитывать не станетъ, кромѣ безумныхъ родителей, потому что праздные люди никому, даже самимъ себѣ не нужны; но людей-работниковъ даже самые злые люди будутъ кормить и воспитывать. Телятъ воспитываютъ, а человѣкъ есть рабочее животное, болѣе полѣзное, чѣмъ быкъ, какъ оно цѣнилось всегда на базарѣ рабовъ. Вотъ почему дѣти никогда не могутъ остаться безъ призрѣнія.

Человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы на него работали. а чтобы самому работать на другихъ. Кто будетъ трудится, того будутъ кормить.

Это—истины, подтверждаемыя жизнью всего міра.

До сихъ поръ, всегда и вездѣ. гдѣ человѣкъ трудился, онъ получалъ пропитаніе, какъ всякая лошадь получала кормъ. И такое пропитаніе получалъ трудящійся невольно. неохотно, ибо трудящійся желалъ одного—избавиться отъ труда, пріобрѣсти какъ можно больше и сѣсть на шею того, кто у него сидитъ на шеѣ. Такой невольно, неохотно трудящійся. завистникъ и злой работникъ не оставался безъ пропитанія и оказывался счастливѣе даже того, который не трудился и жилъ чужими трудами. Насколько же счастливѣе будетъ тотъ трудящійся по ученію Христа, котораго цѣль будетъ состоять въ томъ, чтобы сработать какъ можно меньше? И насколько еще будетъ счастливѣе его положеніе, когда вокругъ него еще будетъ хоть нѣсколько, а можетъ быть и много такихъ же, какъ онъ, людей, которые будутъ служить ему.

Ученіе Христа о трудѣ и плодахъ его выражено въ разсказѣ о насыщеніи 5 и 7 тысячъ двумя рыбами и пятью хлѣбами. Человѣчество будетъ имѣть высшее доступное ему благо на землѣ, когда люди не будутъ стараться поглотить и потребить все каждый для себя, но когда они будутъ дѣлать, какъ научилъ ихъ Христосъ на берегу моря.

Надо было накормить тысячи людей. Ученикъ Христа

сказалъ ему что видѣлъ у одного человѣка нѣсколько рыбъ; у учениковъ тоже было нѣсколько хлѣбовъ. Іисусъ понялъ, что у людей, пришедшихъ издалека, у нѣкоторыхъ есть съ собой пища, а у нѣкоторыхъ нѣтъ. (То, что у многихъ были съ собою запасы, доказываетъ уже то, что во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ сказано, что по окончаніи ѣды остатки собраны были въ 12 корзинъ. Если бы ни у кого, кромѣ какъ у мальчика, ничего не было, то и не могло бы быть 12 корзинъ въ полѣ). Если бы Христосъ не сдѣлалъ того, что онъ сдѣлалъ, т. е. чудо насыщенія тысячи народа пятью хлѣбами: то было бы то, что происходитъ теперь въ мірѣ. Тѣ у которыхъ были запасы, съѣли бы то, что у нихъ было, съѣли бы все и черезъ силу даже, чтобы иначе не оставалось. Скупые, можетъ быть, унесли бы домой свои остатки. Тѣ, у которыхъ ничего не было, остались бы голодными, съ злобной завистью смотрѣли бы на ядущихъ, а можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ утащили бы у запасливыхъ и произошли бы ссоры и драки, и одни пошли бы домой пресыщенные, другіе голодные и сердитые; было бы то же самое, что происходитъ въ нашей жизни.

Но Христосъ зналъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать (какъ и сказано въ Евангеліи); онъ велѣлъ всѣмъ сѣсть кругомъ и научилъ учениковъ предлагать другимъ то, что у нихъ было, и говоритъ другимъ, чтобы они дѣлали то же. И тогда вышло то, что, когда всѣ тѣ, у которыхъ были запасы, сдѣлали то же, что ученики Христа, т. е. свое предлагали другимъ, то всѣ ѣли въ мѣру, и когда обошли кругъ, то досталось и тѣмъ, которые не ѣли сначала. И всѣ насытились, и осталось еще много хлѣба, такъ много что собрали 12 корзинъ.

Христосъ училъ людей, что такъ сознательно они должны поступать въ жизни потому, что таковъ законъ человѣка и всего человѣчества. И трудъ же даетъ благо человѣку. И потому удержаніе отъ другихъ людей плодовъ своего или чужаго труда препятствуютъ благу человѣка. Отдаванію своего труда другимъ содѣйствуетъ благу человѣка.

«Если люди не будутъ отнимать одинъ у другого, то они будутъ умирать съ голоду», говоримъ мы. Казалось бы надо сказать обратное: если люди будутъ силой отнимать одинъ отъ другого, то будутъ люди, которые умрутъ съ голоду, какъ оно и есть.

Вѣдь всякій человѣкъ какъ бы онъ ни жилъ,—по ученію-ли Христа или по ученію міра,—онъ живъ только трудомъ другихъ людей. Другіе люди и уберегли его, и вспоили, и вскормили его, и берегутъ, и поятъ, и кормятъ Но по ученію міра человѣкъ насиліемъ и угрозой заставляетъ другихъ людей продолжать кормить себя и свою семью. По ученію Христа человѣкъ точно также убереженъ, вскормленъ и вспоенъ другими людьми; но для того, чтобы

другіе люди продолжали беречь, поить и кормить его, онъ никого къ этому не принуждаетъ, а самъ старается служить другимъ, быть какъ можно полезнѣе всѣмъ, и тѣмъ становится нужнымъ для всѣхъ. Люди міра всегда будутъ желать перестать кормить ненужнаго имъ человѣка, насиліемъ заставляющаго ихъ кормить себя и при первой возможности не только перестаютъ кормить, но и убиваютъ его, какъ ненужнаго. Но всегда всѣ люди, какъ бы злы они ни были, будутъ старательно кормить и беречь работающаго на нихъ.

Какъ же вѣрнѣе, разумнѣе и радостнѣе жить: по ученію міра или по ученію Христа?

XI.

Ученіе Христа устанавливаетъ царство Бога на землѣ. Несправедливо то, чтобы исполненіе этого ученія было трудно; оно не только не трудно, но неизбѣжно для человѣка, узнавшаго его. Ученіе это даетъ единственное возможное спасеніе отъ неизбѣжно предстоящей погибели личной жизни. Наконецъ, исполненіе этого ученія не только не призываетъ къ страданіямъ и лишеніямъ въ этой жизни, но избавляетъ отъ девяти десятыхъ страданій, которыя мы несемъ во имя ученія міра.

И, понявъ это, я спросилъ себя: отчего же я до сихъ поръ не исполнялъ этого ученія, дающаго мнѣ благо, спасеніе и радость, а исполнялъ совсѣмъ другое,—то, что дѣлало меня несчастнымъ? И отвѣтъ могъ быть и быть только одинъ: я не зналъ истины, она была скрыта отъ меня.

Когда мнѣ открылся въ первый разъ смыслъ Христова ученія, я ни какъ не думалъ, что разясненіе этого смысла приведетъ меня къ отрицанію ученія церкви. Мнѣ казалось только, что церковь не дошла до тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ ученія Христа, но я никакъ не думалъ, что новый открывшійся мнѣ смыслъ ученія Христа и выводы изъ него разъединятъ меня съ ученіемъ церкви. Я боялся этого. И потому во время своихъ изслѣдованій я не только не отыскивалъ ошибки церковнаго ученія напротивъ, умышленно закрывалъ глаза на тѣ положенія, которыя мнѣ казались неясными и странными, но не противорѣчили тому, что я считалъ сущностью христіанскаго ученія.

Но чѣмъ дальше я шелъ въ изученіи Евангелій, чѣмъ яснѣе открывался мнѣ смыслъ ученія Христа, тѣмъ неизбѣжнѣе становился для меня выборъ: ученіе Христа, разумное, ясное, согласное съ моею совѣстью и дающее мнѣ спасеніе,—или ученіе прямо противоположное, несогласное съ моимъ разумомъ и совѣстью и не дающее мнѣ ничего кромѣ сознанія погибели вмѣстѣ съ другими. И я не могъ не откидывать одно за другимъ положенія церкви, я

дѣлалъ это нехотя, съ борьбой, съ желаніемъ смягчить сколько возможно мое разногласіе съ церковію, не отдѣлаться отъ нея, не лишиться самой радостной поддержки въ вѣрѣ—общенія со многими. Но когда я кончилъ свою работу, я увидалъ, что какъ я ни старался удержать хоть что-нибудь отъ ученія церкви, отъ него ничего не осталось. Мало того, что ничего не осталось, я убѣдился въ томъ, что и не могло ничего остаться.

Уже при окончаніи моей работы случилось слѣдующее: мальчикъ, сынъ мой, разсказалъ мнѣ, что между двумя совсѣмъ необразованными, еле грамотными людьми, служащими у насъ, шелъ споръ по случаю статьи какой-то духовной книжки, въ которой сказано, что не грѣхъ убивать людей преступниковъ и убивать на войнѣ. Я не потому, что бы это могло быть напечатано, и попросилъ показать книжку. Книжечка, вызвавшая споръ, называется „Толковый Молитвенникъ". Изд. третье (восьмой десятокъ тысячъ). Москва. 1879 г. На страницѣ 163-ей этой книжки сказано:

„Какая шестая заповѣдь Божія?—Не убій. Не убій—не убивай.—Что Богъ запрещаетъ этою заповѣдью?—Запрещаетъ убивать, т. е. лишать жизни человѣка.—Грѣхъ ли наказывать по закону преступника смертью и убивать непріятеля на войнѣ?—Не грѣхъ. Преступника лишаютъ жизни, чтобы прекратить великое зло, которое онъ дѣлаетъ; непріятеля убиваютъ на войнѣ, потому что на войнѣ сражаются за государя и отечество". И этими словами ограничивается объясненіе того, почему отмѣняется заповѣдь Бога. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ,

Спорящіе спросили моего мнѣнія о своемъ спорѣ. Я сказалъ тому, который признавалъ справедливость напечатаннаго, что объясненіе неправильно.

„Какъ же такъ печатаютъ неправильно противъ закона?" спросилъ онъ. Я ничего не могъ ему отвѣтить. Я оставилъ книгу и просмотрѣлъ ее всю. Книга содержитъ: 1) 31 молитву съ поученіями о колѣнопреклоненіяхъ и сложеніи перстовъ; 2) объясненіе символа вѣры; 3) ничѣмъ не объясненныя выписки изъ 5-й главы Матѳея, почему-то названныя заповѣдями для поученія блаженства; 4) десять заповѣдей Моисея съ объясненіями, большею частью упраздняющими ихъ; и 5) тропари на праздники.

Какъ я говорилъ, я не только старался избѣгать осужденія церковной вѣры, а старался видѣть ее съ самой хорошей стороны и потому не отыскивалъ ея слабостей и, хорошо зная ея академическую литературу, я былъ совершенно незнакомъ съ ея учительной литературой. Распространенный въ такомъ огромномъ количествѣ экземпляровъ еще въ 1879 г. молитвенникъ, вызывающій сомнѣнія самыхъ простыхъ людей, поразилъ меня.

Я не могъ вѣрить, чтобы чисто языческое, не имѣю-

щее ничего христіанскго содержаніе молитвенника было сознательно распространяемое въ народѣ церковью ученіе. Чтобы провѣрить это, я купилъ всѣ изданныя синодомъ или „съ благословенія“ его книги, содержащія краткія изложенія церковной вѣры для дѣтей и народа, и перечиталъ ихъ.

Содержаніе ихъ было для меня почти новое. Въ то время, когда я учился закону Божію, этого еще не было. Не было, сколько мнѣ помнится, заповѣдей блаженствъ, не было и ученія о томъ, что убивать *не грѣхъ*. Во всѣхъ старыхъ русскихъ катехизисахъ его нѣтъ. Нѣтъ ни въ катехизисѣ Петра Могилы, ни въ катехизисахъ Платона, ни въ катехизисѣ Бѣлякова; нѣтъ и въ краткихъ католическихъ катехизисахъ. Нововведеніе это сдѣлано Филаретомъ, составившимъ также катехизисъ для военнаго сословія. Толковый молитвенникъ составленъ по этому катехизису. Основная книга есть пространный *христіанскій* катехизисъ православной церкви для употребленія *всѣхъ* православныхъ *христіанъ*, изданный по высочайшему его императорскаго величества повѣленію.

Книга раздѣлена на три части: о вѣрѣ, о надеждѣ и любви. Въ первой—разборъ Никейскаго Символа вѣры. Во второя—разборъ молитвы Господней и 8-ми стиховъ 5 гл. Мѳ., составляющихъ вступленіе къ нагорной проповѣди и почему-то названныхъ заповѣдями для полученія блаженства. (Въ обѣихъ частяхъ этихъ трактуется о догматахъ церкви, молитвахъ и таинствахъ, но нѣтъ никакого ученія о жизни). Въ 3-й части излагаются обязанности христіанина. Въ этой части, названной: „о любви“, излагаются не заповѣди Христа, а 10 заповѣдей Моисея, и заповѣди Моисея излагаются какъ будто только для того, чтобы научить людей не исполнять ихъ и поступать противно имъ. Послѣ каждой заповѣди—оговорка, уничтожающая заповѣдь. По случаю 1-й заповѣди, повелѣвающей почитать одного Бога, катехизисъ научаетъ почитать ангеловъ и святыхъ, не говоря уже о матери Бога и трехъ лицахъ Бога (Простр. катех. стр. 107—108). По случаю второй заповѣди—не сотворять кумира—катехизисъ научаетъ поклоненію иконамъ (стр. 108). По случаю 3-й заповѣди—не клясться напрасно—катехизисъ научаетъ людей клясться по всякому требованію *законной* власти (стр. 111). По слуаю 4-й заповѣди о празднованіи субботы—катехизисъ научаетъ праздновать не субботу, а воскресенье и 13 праздниковъ большихъ и множество малыхъ и поститься всѣ посты, среды и пятницы (стр, 112—115). По случаю 5-й заповѣди—„почитать отца и мать—катехизисъ научаетъ почитать государя, отечество, пастырей духовныхъ, *начальствующихъ въ разныхъ отношеніяхъ*“ (sic); и о почитаніи начальствующихъ—три страницы съ перечисленіемъ всѣхъ сортовъ начальствующихъ: „начальствующіе въ училищахъ,

начальники гражданскіе, судьи, начальники военные, господа (sic) *въ отношеніи къ тѣмъ, которые имъ служатъ и которыми они владѣютъ*" (sic) (стр. 116—119). Я цитирую изъ катехизиса изданія 1864 г. Двадцать лѣтъ прошло съ уничтоженія рабства, и никто не позаботился даже выкинуть ту фразу, которая по случаю повелѣнія Бога почитать родителей была вписана въ катехизисъ для поддержанія и оправданія рабства.

По случаю 6-й заповѣди—не убій—люди съ первыхъ же строкъ научаются убивать.

В.—Что запрещается 6-й заповѣдью?

О.—Убійство или отнятіе жизни у ближняго какимъ бы то ни было образомъ.

В.—Всякое ли отнятіе жизни есть законопреступное убійство?

О.—Не есть беззаконное убійство, когда отнимаютъ жизнь *по должности*, какъ то:

1) когда преступника *наказываютъ* смертью по правосудію.

2) когда убиваютъ непріятеля *на войнѣ* за государя и отечество (курсивы въ подлинникѣ). И дальше:

В.—Какія случаи относиться могутъ къ законопреступному убійству?

О.—... когда кто *укрываетъ или освобождаетъ* убійцу.

И это печетается и насильно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и подъ страхомъ угрозъ и наказаній внушается всѣмъ русскимъ людямъ подъ видомъ христіанскаго ученія. Этому учатъ весь русскій народъ. Этому учатъ всѣхъ невинныхъ ангеловъ-дѣтей, тѣхъ дѣтей, которыхъ Христосъ проситъ не отгонять отъ себя, потому что ихъ есть царствіе Божіе,—тѣхъ дѣтей, на которыхъ намъ надо быть похожими, чтобы войти въ царство Бога, похожими тѣмъ, чтобы не знать этого,—тѣхъ дѣтей, ограждая которыхъ, Христосъ сказалъ: горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ. И этихъ-то дѣтей насильно учатъ этому, говоря имъ, что это единственный священный законъ Бога.

Это не прокламаціи, которыя распространяются тайно, подъ страхомъ каторги, а это прокламаціи, несогласіе съ которыми называется каторгой. Я теперь пишу это, и мнѣ жутко только за то, что я позволяю себѣ сказать, что нельзя отмѣнять главную заповѣдь Бога, написанную во всѣхъ законахъ и во всѣхъ сердцахъ ничего не объясняющими словами: *по должности, за государя и отечество*, и что не должно учить этому людей.

Да, сдѣлалось то, о чемъ Христосъ предупреждалъ людей (Лк. XI, 33—36 и Мѳ. VI, 23), говоря: смотрите, не сдѣлался бы свѣтъ, находящійся въ васъ, тьмою. Если свѣтъ, который есть въ тебѣ, сталъ тьмою, то какова же тьма?

Свѣтъ, находящійся въ насъ, сталъ тьмою. И тьма, въ которой мы живемъ, стала ужасна.

„Горе вамъ“, сказалъ Христосъ, „горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, за то, что заперли вы отъ людей царство небесное. Сами не вошли и не даете другимъ войти въ него. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, за то, что поѣдаете домы вдовъ и на виду молитесь подолгу. За это вы еще больше виноваты. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, за то, что обходите моря и земли, чтобы обращать въ свою вѣру, а когда обратите, то сдѣлаете обращеннаго хуже, чѣмъ онъ былъ. Горе вамъ, вожаки слѣпые!

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророковъ, украшаете памятники праведниковъ. И вы полагаете, что если бы вы жили въ тѣ дни, какъ замучены были пророки, то вы не были участниками въ ихъ крови? Такъ вы сами свидѣтельствуете противъ себя о томъ, что вы такіе же, какъ тѣ, которые били пророковъ. Дополняйте же мѣру, начатую подобными вамъ. И вотъ пошлю вамъ пророковъ мудрыхъ и книжниковъ; иныхъ вы убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ вашихъ собраніяхъ и будете высылать изъ города въ городъ. И да падетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ отъ Авеля.

„Всякая хула (клевета) прощается людямъ, но не можетъ быть прощена клевета на святой духъ“.

Вѣдь все это точно вчера написано противъ тѣхъ людей, которые теперь уже не обходятъ моря и земли, клевеща на святой духъ и приводя людей къ вѣрѣ, дѣлающей этихъ людей худшими, но прямо насиліемъ заставляютъ ихъ принимать эту вѣру и преслѣдуютъ и губятъ всѣхъ тѣхъ пророковъ и праведныхъ, которые пытаются разрушить ихъ обманъ.

И я убѣдился, что церковное ученіе, несмотря на то, что оно назвало себя христіанскимъ, есть та самая, тьма, противъ которой боролся Христосъ и велѣлъ бороться своимъ ученикамъ.

Ученіе Христа, какъ и всякое религіозное ученіе заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: 1) ученіе о жизни людей— о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ—этическое и 2) объясненіе, почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе—метафизическое ученіе. Одно есть слѣдствіе и вмѣстѣ причина другого. Человѣкъ долженъ жить такъ потому, что таково, его назначеніе, или: назначеніе человѣка таково, и потому онъ долженъ жить такъ, Эти двѣ стороны всякаго ученія находятся во всѣхъ религіяхъ міра. Такова религія Браминовъ, Конфуція.

Будды, Моисея, такова же религія Христа. Она учитъ жизни, какъ жить, и даетъ объясненіе почему именно надо такъ жить. Но какъ было со всѣми ученіями: браманизмомъ, іуданзмомъ, буддизмомъ, такъ было и съ ученіемъ Христа. Люди отступаютъ отъ ученія о жизни, и изъ числа людей являются такіе, которые берутся оправдать это отступленіе. Люди эти, садящіеся, по выраженію Христа, на сѣдалище Моисея, разъясняютъ метафизическую сторону ученія такъ, что этическія требованія ученія становятся необязательными и замѣняются внѣшнимъ богопочитаніемъ—обрядами. Это явленіе обще всѣмъ религіямъ, но никогда, мнѣ кажется, это явленіе не выразилось съ такою рѣзкостью, какъ въ христіанствѣ. Оно выразилось особенно рѣзко потому, что ученіе Христа есть самое высшее ученіе; а самое высшее оно потому, что метафизики и этика ученія Христа до такой степени неразрывно связаны и опредѣляются одна другою, что отдѣлить одну отъ другой нельзя, не лишивъ все ученіе его смысла, и еще потому, что Христово ученіе есть уже само по себѣ протестантизмъ, т. е. отрицаніе не только обрядныхъ постановленій іудаизма, но и всякаго внѣшняго богопочитанія. И потому въ христіанствѣ разрывъ этотъ долженъ былъ уже совершенно извратить ученіе и лишить его всякаго смысла. Такъ оно и было. Разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни начался съ проповѣди Павла, не знавшаго этическаго ученія, выраженнаго въ Евангеліи Матѳея, и проповѣдывавшаго чуждую Христу метафизическо-кабалистическую теорію, и совершился этотъ разрывъ окончательно во время Константина, когда найдено было возможнымъ весь языческій строй жизни, не измѣняя его, облечь въ христіанскія одежды и потому признать христіанскимъ.

Со времени Константина, язычника изъ язычниковъ, котораго церковь за всѣ его преступленія и пороки причисляетъ къ лику христіанскихъ святыхъ, начинаются соборы, и центръ тяжести христіанства переносится на одну метафизическую сторону ученія. И это метафизическое ученіе съ сопутствующими ему обрядами, все болѣе и болѣе отклоняясь отъ основного смысла своего, доходитъ до того, до чего оно дошло теперь: до ученія, которое объясняетъ самыя недоступныя разуму человѣческому тайны жизни небесной, даетъ сложнѣйшіе обряды богослужебные, но не даетъ *никакого* религіознаго ученія о жизни земной.

Всѣ религіи, кромѣ церковно христіанской, требуютъ отъ исповѣдующихъ ихъ, кромѣ обрядовъ, исполненія еще извѣстныхъ хорошихъ поступковъ и воздержанія отъ дурныхъ. Іуданзмъ требуетъ обрѣзанія, соблюденія субботы, милостыни, юбилейнаго года и еще многаго другого. Магометанство требуетъ обрѣзанія, ежедневной пятикратной молитвы, десятины бѣднымъ, поклоненія гробу пророка и

многаго другого. Тоже и всѣ другія религіи. Хороши ли, дурны ли эти требованія, но это требованія поступковъ. Только псевдо-христіанство не требуетъ ничего. Нѣтъ ничего. что бы обязательно долженъ былъ дѣлать христіанинъ и отъ чего онъ долженъ бы былъ обязательно воздерживаться, если не считать постовъ и молитвъ, самою церковью признаваемыхъ необязательными. Все, что нужно для псевдо-христіанина—это таинства. Но таинство не дѣлаетъ самъ вѣрующій, а надъ нимъ его производятъ другіе. Псевдо-христіанинъ ничего не обязанъ дѣлать и ни отъ чего не обязанъ воздерживаться для того, чтобы спастись. но надъ нимъ церковью совершается все, что для него нужно: его и окрестятъ, и помажутъ, и причастятъ, и особоруютъ, и исповѣдаютъ, даже глухою исповѣдью. и помолятся за него—и онъ спасенъ. Христіанская церковь со временъ Константина не требовала никакихъ поступковъ отъ своихъ членовъ. Она даже не заявляла никакихъ требованій воздержанія отъ чего бы то ни было. Христіанская церковъ признала и освятила все то, что было въ языческомъ мірѣ. Она признала и освятила и разводъ, и рабство, и суды, и всѣ тѣ власти, которыя были, и войны, и казни, и требовала при крещеніи только словеснаго, и то только сначала, отреченія отъ зла; но потомъ при крещеніи младенцевъ перестали требовать даже и этого,

Церковь, на словахъ признавая ученіе Христа, въ жизни прямо отрицала его.

Вмѣсто того, чтобы руководить міромъ въ его жизни, церковь въ угоду міру перетолковала метафизическое ученіе Христа такъ, что изъ него не вытекало никакихъ требованій для жизни, такъ что не мѣшало людямъ жить такъ, какъ они жили. Церковь разъ уступила міру, а разъ уступивъ міру, она пошла за нимъ. Міръ дѣлалъ все, что хотѣлъ, предоставляя церкви, какъ она умѣетъ, поспѣвать за нимъ въ своихъ объясненіяхъ смысла жизни. Міръ учреждалъ свою во всемъ противную ученію Христа жизнь, а церковь придумывала иносказанія, по которымъ бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живутъ согласно съ нимъ. И кончилось тѣмъ, что міръ сталъ жить жизнію, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что въ этомъ-то и состоитъ ученіе Христа.

Но пришло время, и свѣтъ истиннаго ученія Христа, которое было въ Евангеліяхъ, не смотря на то, что церковь, чувствуя свою неправду, старалась скрывать его (запрещая переводы Библіи)—пришло время, и свѣтъ этотъ черезъ такъ называемыхъ сектантовъ, даже черезъ вольнодумцевъ міра проникъ въ народъ, и невѣрность ученія церкви стала очевидна людямъ, и они стали измѣнять свою

прежнюю, оправданную церковью жизнь на основаніи этого помимо церкви дошедшаго до нихъ ученія Христа.

Такъ, сами люди помимо церкви уничтожили рабство, оправдываемое церковью, религіозныя казни, уничтожили освященную церковью, власть императоровъ, папъ и теперь начали стоящее на очереди уничтоженіе собственности и государствъ. И церковь ничего не отстаивала и теперь не можетъ отстаивать, потому что уничтоженіе этихъ неправдъ жизни происходило и происходитъ на основаніи того самаго христіанскаго ученія, которое проповѣдывала и проповѣдуетъ церковь, хотя и стараясь извратить его.

Ученіе о жизни людей эмансипировалось отъ церкви и установилось независимо отъ нея.

У церкви остались объясненія, но объясненіе чего? Метафизическое объясненіе ученія имѣетъ значеніе, когда есть то ученіе жизни, которое оно объясняетъ. Но у церкви не осталось никакого ученія о жизни. У ней было только объясненіе той жизни, которую она когда-то учреждала и которой уже нѣтъ. Если остались еще у церкви объясненія той жизни, которая была когда-то прежде, какъ объясненія катехизиса о томъ, что по должности должно убивать, то никто уже не вѣритъ въ это. И у церкви ничего не осталось кромѣ храмовъ, иконъ, парчи и словъ.

Церковъ пронесла свѣтъ христіанскаго ученія о жизни черезъ 18 вѣковъ и, желая скрыть его въ своихъ одеждахъ, сама сожглась на этомъ свѣтѣ. Міръ съ своимъ устройствомъ, освященнымъ церковью, отбросилъ церковь во имя тѣхъ самыхъ основъ христіанства, которыя нехотя принесла церковь, и живетъ безъ нея. Фактъ этотъ совершился, и скрывать его уже невозможно. Все, что точно живетъ, а не уныло злобится, не живя, а только мѣшая жить другимъ, все живое въ нашемъ европейскомъ мірѣ отпало отъ церкви и всякихъ церквей и живетъ своею жизнію независимо отъ церкви. И пусть не говорятъ, что это такъ въ гнилой западной Европѣ; наша Россія своими милліонами раціоналистовъ—христіанъ, образованныхъ и необразованныхъ, отбросившихъ церковное ученіе, безспорно доказываетъ, что она, въ смыслѣ отпаденія отъ церкви, слава Богу, гораздо гнилѣе Европы.

Все живое—независимо отъ церкви.

Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, но только не на церкви

Войны, отношенія государствъ устанавливаются на принципѣ народности, равновѣсія, на чемъ хотите, только не на церковныхъ началахъ.

Государственныя учрежденія прямо игнорируютъ церковь; мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна.

Наука не только не содѣйствуетъ ученію церкви, но нечаянно, невольно въ своемъ развитіи всегда враждебна церкви.

Искусство, прежде служившее одной церкви, теперь все ушло изъ нея.

Мало того, что жизнь вся эмансипировалась отъ церкви, жизнь эта не имѣетъ другого отношенія къ церкви, кромѣ презрѣнія, пока церковь не вмѣшивается въ дѣла жизни, ничего, кромѣ ненависти, какъ только церковь пытается напомнить ей свои прежнія права. Если еще существуетъ та форма, которую мы называемъ церковью, то только потому, что люди боятся разбить сосудъ, въ которомъ было когда-то драгоцѣнное содержимое; только этимъ можно объяснить существованіе въ нашъ вѣкъ католичества, православія и разныхъ протестанскихъ церквей.

Всѣ церкви—католическая, православная и протестантская похожи на караульщиковъ, которые заботливо караулятъ плѣнника, тогда какъ плѣнникъ уже давно ушелъ и ходитъ среди караульщиковъ и даже воюетъ съ ними. Все то, чѣмъ истинно живетъ теперь міръ: соціализмъ, коммунизмъ, политико-экономическія теоріи, утилитаризмъ, свобода и равенство людей и сословій и женщинъ, всѣ нравственныя понятія людей, святость труда, святость разума, науки, искусства, все, что ворочаетъ міромъ и представляется церкви враждебнымъ,—все это части того ученія, которое, сама того не зная, принесла съ скрываемымъ ею ученіемъ Христа та же церковь.

Въ наше время жизнь міра идетъ своимъ ходомъ, совершенно независимо отъ ученія церкви. Ученіе это осталось такъ далеко назади, что люди міра не слышатъ уже голосовъ учителей церкви. Да и слушать нечего, потому что церковь только даетъ объясненія того устройства жизни, изъ котораго уже выросъ міръ и котораго или вовсе уже нѣтъ, или которое неудержимо разрушается.

Люди плыли въ лодкѣ и гребли, а кормщикъ правилъ. Люди ввѣрились кормщику, и кормщикъ правилъ хорошо; но пришло время, что хорошаго кормщика замѣнилъ другой, который не правилъ. Лодка пошла скоро и легко. Сначала не замѣчали того, что новый кормщикъ не правитъ, и только радовались тому, что лодка шла легко. Но потомъ, убѣдившись, что новый кормщикъ ненуженъ, они стали смѣяться надъ нимъ—и прогнали его.

Все бы это ничего, но горе въ томъ, что люди подъ вліяніемъ досады на безполезнаго кормщика забыли, что безъ кормщика не знаешь, куда плывешь. Это самое случилось съ нашимъ христіанскимъ обществомъ. Церковь не правитъ, и легко плыть, и мы далеко уплыли, и всѣ успѣхи знаній, которыми такъ гордится нашъ 19-й вѣкъ, это—только то, что мы плывемъ безъ руля. Мы плывемъ, не зная куда. Мы живемъ и дѣлаемъ эту свою жизнь и рѣ-

шительно не знаемъ, зачѣмъ. А нельзя плыть и грести, не зная, куда плывешь, и нельзя жить и дѣлать свою жизнь, не зная зачѣмъ?

Вѣдь если бы люди ничего сами не дѣлали, а были поставлены внѣшней силою въ то положеніе, въ которомъ они находятся, они бы могли на вопросъ: зачѣмъ вы въ такомъ положеніи? совершенно разумно отвѣтить: мы не знаемъ, но мы очутились въ такомъ положеніи и находимся въ немъ. Но люди дѣлаютъ свое положеніе сами для себя, для другихъ и въ особенности для своихъ дѣтей, и потому на вопросы: зачѣмъ вы собираете и сами собирались въ милліоны войскъ, которыми вы убиваете и увѣчите другъ друга; затѣмъ вы тратили и тратите страшныя силы людскія, выражающіяся милліардами, на постройку ненужныхъ и вредныхъ вамъ городовъ; зачѣмъ вы устраиваете свои игрушечные суды и посылаете людей, которыхъ считаете преступными, изъ Франціи въ Каенну, изъ Россіи въ Сибирь, изъ Англіи въ Австралію, когда вы сами знаете, что это безсмысленно; зачѣмъ вы оставляете любимое вами земледѣліе и трудитесь на фабрикахъ и заводахъ, которые вы сами не любите; зачѣмъ воспитываете дѣтей такъ, чтобы они продолжали эту неодобряемую вами жизнь; зачѣмъ вы все это дѣлаете? На это вы не можете не отвѣтить. Если бы все это были пріятныя дѣла, которыя бы вы любили, вы и тогда должны бы были сказать, зачѣмъ вы это дѣлаете съ усиліемъ и ропотомъ, то нельзя же вамъ не думать о томъ, зачѣмъ мы это дѣлаемъ. Безъ отвѣта на этотъ вопросъ люди никогда не жили и не могутъ жить. И отвѣтъ всегда былъ у людей.

Іудей жилъ такъ, какъ онъ жилъ, т.-е. воевалъ, казнилъ людей, строилъ храмъ, устраивалъ всю свою жизнь такъ, а не иначе, потому, что все это было предписано въ законѣ, по убѣжденію его, сошедшемъ отъ самого Бога. То же самое для индійца, китайца, то же самое было для римлянина, то же самое и для магометанина: то же самое было и для христіанина за 100 лѣтъ тому назадъ; то же самое и теперь для невѣжественной толпы христіанъ. На вопросы эти невѣжественный христіанинъ теперь отвѣчаетъ такъ: солдатчина, войны, суды, казни, все это существуетъ по закону Бога, передаваемому намъ церковью. Здѣшній міръ есть падшій міръ. Все зло, которое существуетъ, существуетъ по волѣ Бога, какъ наказаніе за грѣхи міра, и потому исправлять это зло мы не можемъ. Мы можемъ только спасать свою душу вѣрою, таинствами, молитвами и покорностію волѣ Божіей, передаваемой намъ церковью. Церковь же учитъ насъ, что каждый христіанинъ долженъ безпрекословно повиноваться царямъ, помазанникамъ Божіимъ, и поставленнымъ отъ нихъ начальникамъ, ограждать насиліемъ свою и чужую собственность,

воевать, казнить и переносить казни по волѣ Богомъ поставленныхъ властей.

Хороши ли, дурны ли эти объясненія, но они объясняли для вѣрующаго христіанина, какъ для іудея, буддиста и магометанина, всѣ особенности жизни, и человѣкъ не отрекался отъ разума, живя по закону, который не признавалъ за божественный Но теперь пришло время, что въ эти объясненія вѣрятъ только самые невѣжественные люди и число такихъ людей съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ все уменьшается. Остановить это движеніе нѣтъ никакой возможности. Всѣ люди неудержимо идутъ за тѣми, которые идутъ впереди, и всѣ придутъ туда, гдѣ стоятъ передовые. Передовые же стоятъ надъ пропастью. Передовые находятся въ ужасномъ положеніи: они дѣлаютъ жизнь для себя, готовятъ жизнь для всѣхъ тѣхъ, которые идутъ за ними, и находятся въ совершенномъ невѣдѣніи того, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Ни одинъ цивилизованный передовой человѣкъ теперь не въ состояніи дать отвѣтъ на прямой вопросъ: зачѣмъ ты живешь тою жизнію, которою ты живешь? Зачѣмъ дѣлаешь все то, что ты дѣлаешь? Я пробовалъ спрашивать объ этомъ и спрашивалъ у сотенъ людей и никогда не получалъ прямого отвѣта. Всегда вмѣсто прямого отвѣта на личный вопросъ: зачѣмъ ты такъ живешь и такъ дѣлаешь,—всегда я получалъ отвѣтъ не на мой вопросъ, а на вопросъ, котораго я не дѣлалъ.

Вѣрующій католикъ, протестантъ, православный на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ такъ, какъ онъ живетъ, т.-е. противно тому ученію Христа-Бога, которое онъ исповѣдуетъ, всегда вмѣсто прямого отвѣта начинаетъ говорить о плачевномъ состояніи безвѣрія нынѣшнаго поколѣнія, о злыхъ людяхъ, производящихъ безвѣріе, и о значеніи и будущности истинной церкви. Но почему онъ самъ не дѣлаетъ того, что велитъ ему его вѣра, онъ не отвѣчаетъ. Вмѣсто отвѣта о себѣ, онъ говоритъ объ общемъ состояніи человѣчества и о церкви, словно его собственная жизнь не имѣетъ для него никакого значенія, а онъ занятъ только спасеніемъ всего человѣчества и тѣмъ, что онъ называетъ церковью.

Философъ, какого бы онъ не былъ толка—идеалистъ, спиритуалистъ, пессимистъ, позитивистъ, на вопросъ: зачѣмъ онъ живетъ такъ, какъ онъ живетъ, т.-е. несогласно съ своимъ философскимъ ученіемъ—всегда вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ заговоритъ о прогрессѣ человѣчества, о томъ историческомъ законѣ этого прогресса, который онъ нашелъ, и по которому человѣчество стремится къ благу. Но онъ никогда прямо не отвѣтитъ на вопросъ, почему онъ самъ въ своей жизни не дѣлаетъ того, что считаетъ разумнымъ? Философъ, такъ же какъ и вѣрующій, какъ

будто озабоченъ не своею личной жизнію, а только наблюденіемъ надъ общими законами человѣчества.

Средній человѣкъ, огромное большинство полувѣрующихъ, полуневѣрующихъ цивилизованныхъ людей, тѣхъ, которые всегда безъ исключенія жалуются на свою жизнь и на устройство нашей жизни и предвидятъ погибель всему, этотъ средній человѣкъ на вопросъ: зачѣмъ онъ самъ живетъ этою осуждаемою имъ жизнію и ничего не дѣлаетъ, чтобы улучшить ее,—всегда вмѣсто прямого отвѣта начнетъ говорить не о себѣ, а о чемъ-нибудь общемъ: о правосудіи, о торговлѣ, о государствѣ, о цивилизаціи. Если онъ городовой или прокуроръ, онъ скажетъ: „а какъ же пойдетъ государственное дѣло, если я, чтобы улучшить свою жизнь, перестану участвовать въ немъ?“ „А какъ же торговля?“ скажетъ онъ, если онъ торговый человѣкъ. „А какъ же цивилизація, если я для улучшенія своей жизни не буду содѣйствовать ей?“ Онъ скажетъ всегда такъ, какъ будто задача его жизни состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать то благо, къ котому онъ всегда стремится, а въ томъ, чтобы служить государству, торговлѣ, цивилизаціи. Средній человѣкъ отвѣчаетъ точь-въ-точь тоже, что и вѣрующій, и философъ. Онъ на мѣсто личнаго вопроса подставляетъ общій, и подставляетъ его и вѣрующій, и философъ, и средній человѣкъ потому, что у него нѣтъ никакого отвѣта на личный вопросъ жизни, потому, что у него нѣтъ никакого настоящаго ученія о жизни. И ему совѣстно.

Ему совѣстно потому, что онъ чувствуетъ себя въ унизительномъ положеніи человѣка, не имѣющаго никакого ученія о жизни, тогда какъ человѣкъ никогда не жилъ и не можетъ жить безъ ученія о жизни. Только въ нашемъ христіанскомъ мірѣ на мѣсто ученія о жизни и объясненія, почему жизнь должна быть такая, а не иная, т.-е. на мѣсто религіи подставилось одно объясненіе того, почему жизнь должна быть такою, какою она была когда-то прежде, и религіей стало называться то, что никому ни на что не нужно; а сама жизнь стала независима отъ всякаго ученія, то-есть безъ всякаго опредѣленія.

Мало того; какъ всегда бываетъ, наука признала именно это случайное, уродливое положеніе нашего общества за законъ всего человѣчества. Ученые—Тиле, Спенсеръ и другіе пресерьезно трактуютъ о религіи, разумѣя подъ нею метафизическія ученія о началѣ всего и не подозрѣвая того, что говорятъ не о всей религіи, а только о части ея.

Отсюда произошло то удивительное явленіе, что въ нашъ вѣкъ мы видимъ людей умныхъ и ученыхъ, пренаивно увѣренныхъ, что они свободны отъ всякой религіи только потому, что не признаютъ тѣхъ метафизическихъ объясненій начала всего, которыя когда-то и для кого-то объясняли жизнь. Имъ не приходитъ въ голову, что имъ надо

же жить какъ-нибудь и что они живутъ же какъ-нибудь и что именно то, на основаніи чего они живутъ такъ, а не иначе, и есть ихъ религія. Люди эти воображаютъ, что у нихъ есть очень возвышенныя убѣжденія и нѣтъ никакой вѣры. Но каковы бы ни были ихъ разговоры, у нихъ есть вѣра, если они только совершаютъ какіе-нибудь разумные поступки, потому что разумные поступки всегда опредѣляются вѣрою. Поступки же этихъ людей опредѣляются только вѣрою, что надо дѣлать всегда только то, что велятъ. Религія людей, не признающихъ религіи, есть религія покорности всему тому, что дѣлаетъ сильное большинство, т.-е., короче, религія повиновенія существующей власти.

Можно жить по ученію міра, т.-е. животною жизнію, не признавая ничего выше и обязательнѣе предписаній существующей власти. Но кто живетъ такъ, не можетъ же утверждать, что живетъ разумно. Прежде, чѣмъ утверждать, что мы живемъ разумно, надо отвѣтить на вопросъ: какое ученіе о жизни мы считаемъ разумнымъ? А у насъ, несчастныхъ, не только нѣтъ никакого такого ученія, но потеряно даже сознаніе въ необходимости какого-нибудь разумнаго ученія о жизни.

Спросите у людей нашего времени, вѣрующихъ или невѣрующихъ: какому ученію они слѣдуютъ въ жизни? Они должны будутъ сознаться, что они слѣдуютъ одному ученію—законамъ, которые пишутъ чиновники II-го отдѣленія или законодательныя собранія и приводитъ въ исполненіе—полиція. Это—единственное ученіе, которое признаютъ наши европейскіе люди. Они знаютъ, что ученіе это не отъ неба, не отъ пророковъ и не отъ мудрыхъ людей; они постоянно осуждаютъ постановленія этихъ чиновниковъ или законодательныхъ собраній, но все-таки признаютъ это ученіе и повинуются исполнителямъ его—полиціи, повинуются безспорно въ самыхъ страшныхъ требованіяхъ ея. Написали чиновники или собранія, что всякій молодой человѣкъ долженъ быть готовъ на поруганіе, смерть и на убійство другихъ, и всѣ отцы и матери, выростившіе сыновей, повинуются такому закону, написанному вчера продажнымъ чиновникомъ и завтра могущему быть измѣненнымъ.

Понятіе о законѣ, несомнѣнно разумномъ и по внутреннему сознанію обязательномъ для всѣхъ, до такой степени утрачено въ нашемъ обществѣ, что существованіе у еврейскаго народа закона, опредѣлявшаго всю жизнь ихъ, такого закона, который былъ бы обязателенъ не по принужденію, а по внутреннему сознанію каждаго, считается исключительнымъ свойствомъ одного еврейскаго народа. Что евреи повиновались только тому, что они считали въ глубинѣ души несомнѣнной истиной, полученной прямо отъ Бога, т.-е. тому, что было согласно съ ихъ совѣстью, счи-

тается особенностью евреевъ. Нормальнымъ же состояніемъ, свойственнымъ образованному человѣку, считается то, чтобы повиноваться тому, что завѣдомо пишется презираемыми людьми и приводится въ исполненіе городовымъ съ пистолетомъ; тому, что каждымъ или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ этихъ людей считается неправильнымъ, т.-е. противнымъ ихъ совѣсти.

Тщетно искалъ я въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ какихъ-нибудь ясно выраженныхъ нравственныхъ основъ для жизни. Ихъ нѣтъ. Нѣтъ даже сознанія, что онѣ нужны. Есть даже странное убѣжденіе, что онѣ нужны, что религія есть только извѣстныя слова о будущей жизни, о Богѣ, извѣстные обряды, очень полезные для спасенія души по мнѣнію однихъ и ни на что не нужные по мнѣнію другихъ, а что жизнь идетъ сама собою и что для нея не нужно никакихъ основъ и правилъ; нужно только дѣлать то, что велятъ. Изъ того, что составляетъ сущность вѣры, т.-е. ученіе о жизни и объясненіе смысла ея,—первое считается неважнымъ и не принадлежащимъ къ вѣрѣ, а второе, т.-е. объясненіе когда-то бывшей жизни или разсужденія и гаданія объ историческомъ ходѣ жизни, считается самымъ важнымъ и серьезнымъ. Во всемъ, что составляетъ жизнь человѣка, въ томъ, какъ жить, идти ли убивать людей или не идти, идти ли судить людей или не идти, воспитывать ли своихъ дѣтей такъ или иначе,—люди нашего міра отдаются безспорно другимъ людямъ, которые точно такъ же, какъ и они сами, не знаютъ, зачѣмъ они живутъ и живутъ и заставляютъ жить другихъ такъ, а не иначе.

И такую-то жизнь люди считаютъ разумной и не стыдятся ея!

Раздвоеніе между объясненіемъ вѣры, которое названо вѣрою, и самою вѣрою, которая названа общественною, государственною жизнію, дошло теперь до послѣдней степени, и все цивилизованное большинство людей осталось для жизни съ одной вѣрой въ городового и урядника.

Положеніе это было бы ужасно, если бы оно вполнѣ было таково. Но, къ счастію, и въ наше время есть люди, лучшіе люди нашего времени, которые не довольствуются такою вѣрою и имѣютъ свою вѣру въ то, какъ должны жить люди.

Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, невѣрующими людьми, а между тѣмъ это единственные вѣрующіе люди нашего времени и не только вѣрующіе вообще, но вѣрующіе именно въ ученіе Христа, если не во все ученіе, то хотя въ малую часть его.

Люди эти часто вовсе не знаютъ ученія Христа, не понимаютъ, такъ же, какъ и враги ихъ, главной основы Христовой вѣры—непротивленія злу, часто даже ненавидятъ Христа; но вся ихъ вѣра въ то, какова должна быть жизнь, почерпнута изъ ученія Христа. Какъ бы ни гнали

этихъ людей, какъ бы ни клеветали на нихъ, но это единственные люди, не покоряющіеся безропотно всему, что велятъ, и потому—это единственные люди нашего міра, живущіе не животною, а разумною жизнію, —единственные вѣрующіе люди.

Нить, связующая міръ съ церковью, дававшей смыслъ міру, становилась все слабѣе и слабѣе по мѣрѣ того, какъ содержаніе, соки жизни все болѣе и болѣе переливались въ міръ. И теперь, когда соки всѣ переливались, связующая нить стала лишь помѣхой.

Это таинственный процессъ рожденія; и вотъ онъ совершается въ нашихъ глазахъ. Въ одно и то же время обрывается послѣдняя связь съ церковью и устанавливается самостоятельный процессъ жизни.

Ученіе церкви съ ея догматами, соборами, іерархіей, несомнѣнно связано съ ученіемъ Христа. Связь эта столь же очевидна, какъ и связь новорожденнаго плода съ утробой матери. Но какъ пуповина и мѣсто дѣлаются послѣ рожденія ненужными кусками мяса, которые, изъ уваженія къ тому, что хранилось въ нихъ, надо бережно зарыть въ землю, такъ и церковь сдѣлалась ненужнымъ, отжившимъ органомъ, который только изъ уваженія къ тому, чѣмъ она была прежде, надо спрятать, куда-нибудь подальше.. Какъ только установилось дыханіе и кровообращеніе,—связь, бывшая прежде источникомъ питанія, стала помѣхою. И безумны усилія удержать эту связь и заставить вышедшаго на свѣтъ ребенка питаться черезъ пуповину, а не черезъ ротъ и легкія.

Но освобожденіе дѣтеныша изъ утробы матери не есть еще жизнь. Жизнь дѣтеныша зависитъ отъ установленія новой связи питанія съ матерью. То же должно совершиться и съ нашимъ христіанскимъ міромъ. Ученіе Христа выносило нашъ міръ и родило его. Церьковь—одинъ изъ органовъ ученія Христа—сдѣлало свое дѣло и стала ненужна, стала помѣхой. Міръ не можетъ руководиться церковью, но и освобожденіе міра отъ церкви еще не есть жизнь. Жизнь его поступить тогда, когда онъ сознаетъ свое безсиліе и почувствуетъ необходимость новаго питанія. И вотъ это должно наступить въ нашемъ христіанскомъ мірѣ, онъ долженъ закричать отъ сознанія своей безпомощности, только сознаніе своей безпомощности, сознаніе невозможности всякаго другого питанія, кромѣ молока матери, приведетъ его къ нагрубшей отъ молока груди матери.

Съ нашимъ столь внѣшне-самоувѣреннымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ, а въ глубинѣ сознанія испуганнымъ и растеряннымъ европейскимъ міромъ происходитъ то же, что бываетъ съ только-что родившимся дѣтенышемъ: онъ

мечется, суется, кричитъ, толкается, точно сердится, и не можетъ понять, что ему дѣлать. Онъ чувствуетъ, что источникъ прежняго питанія его изсякъ, но не знаетъ еще, гдѣ искать новый.

Только что родившійся ягненокъ глазами, и ушами водитъ, и хвостомъ трясетъ, и прыгаетъ, и брыкается. Намъ кажется по его рѣшительности, что онъ все знаетъ а онъ бѣдный, ничего не знаетъ. Вся эта рѣшительность и энергія—плодъ соковъ матери, передача которыхъ только-что прекратилась и не можетъ уже возобновиться. Онъ—въ блаженномъ и вмѣстѣ въ отчаянномъ положеніи. Онъ полонъ свѣжести и силы: но онъ пропалъ, если не возьмется за соски матери.

То же самое происходитъ и съ нашимъ европейскимъ міромъ. Посмотрите, какая сложная, какъ будто разумная, какая, энергическая жизнь кипитъ въ европейскомъ мірѣ. Какъ будто всѣ эти люди знаютъ все, что они дѣлаютъ и зачѣмъ они все это дѣлаютъ. Посмотрите, какъ рѣшительно, молодо, бодро люди нашего міра дѣлаютъ все, что дѣлаютъ. Искусства, науки, промышленность, общественная, государственная дѣятельность,—все полно жизни. Но все это живо только потому, что питалось недавно еще соками матери черезъ пуповину. Была церковь, которая проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра. Каждое явленіе міра питалось имъ и росло, и выросло. Но церковь сдѣлала свое дѣло и отсохла. Всѣ органы міра живутъ; источникъ ихъ прежняго питанія прекратился, новаго же они еще не нашли; и они ищутъ его вездѣ, только не у матери, отъ которой они только что освободились. Они, какъ ягненокъ, пользуются еще прежней пищей, но не пришли еще къ тому, чтобы понять, что эта пища только у матери, но только иначе, чѣмъ прежде, можетъ быть передана имъ.

Дѣло, которое предстоитъ теперь міру, состоитъ въ томъ, чтобы понять, что процессъ прежняго безсознательнаго питанія пережитъ и что необходимъ новый, сознательный процессъ питанія.

Этотъ новый процессъ состоитъ въ томъ, чтобы сознательно принять тѣ истины христіанскаго ученія, которыя прежде безсознательно вливались въ человѣчество черезъ органъ церкви и которыми теперь живо еще человѣчество. Люди должны вновь поднять тотъ свѣтъ, которымъ они жили, но который скрытъ былъ отъ нихъ, и высоко поставить его передъ собою и людьми, и сознательно жить этимъ свѣтомъ.

Ученіе Христа, какъ религія, опредѣляющая жизнь и дающая объясненіе жизни людей, стоитъ теперь такъ же, какъ оно 1800 лѣтъ тому назадъ стояло передъ міромъ. Но прежде у міра были объясненія церкви, которыя, заслоняя отъ него ученіе, все-таки казались ему достаточными для его старой жизни; а теперь настало время,

что церковь отжила, и міръ не имѣетъ никакихъ объясненій своей новой жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, а почему и не можетъ теперь не принять ученія Христа.

Христосъ прежде всего учитъ тому, чтобы люди вѣрили въ свѣтъ, пока свѣтъ еще въ нихъ. Христосъ учитъ тому, чтобы люди выше всего ставили этотъ свѣтъ разума, чтобы жили сообразно съ нимъ, не дѣлали бы того, что они сами считаютъ неразумнымъ. Считаете неразумнымъ идти убивать турокъ или нѣмцемъ—не ходите; считаете неразумнымъ насиліемъ отбирать трудъ бѣдныхъ людей для того, чтобы надѣвать цилиндръ и затягиваться въ корсетъ или сооружать затрудняющую васъ гостинную — не дѣлайте этого; считаете неразумнымъ развращенныхъ праздностью и вреднымъ сообществомъ сажать въ остроги, т. е. въ самое вредное сообщество и самую полную праздность — не дѣлайте этого; считаете неразумнымъ жить въ зараженномъ городскомъ воздухѣ, когда можете жить на чистомъ; считаете неразумнымъ учить дѣтей прежде и больше всего грамматикамъ мертвыхъ языковъ,—не дѣлайте этого. Не дѣлайте только того, что дѣлаетъ теперь весь нашъ европейскій міръ: жить и не считать разумной свою жизнь, дѣлать и не считать разумными свои дѣла, не вѣрить въ свой разумъ, жить несогласно съ нимъ.

Ученіе Христа есть свѣтъ. Свѣтъ считать, и тьма не обнимаетъ его. Нельзя не принимать свѣта, когда онъ свѣтитъ. Съ нимъ нельзя спорить, нельзя съ нимъ не соглашаться. Съ ученіемъ Христа нельзя не согласиться потому что оно обнимаетъ всѣ заблужденія, въ которыхъ живутъ люди, и не сталкивается съ ними, и, какъ эфиръ, про которой говорятъ физики, проникаетъ всѣхъ ихъ. Ученіе Христа одинаково неизбѣжно для каждаго человѣка нашего міра, въ какомъ бы онъ ни былъ состояніи. Ученіе Христа не можетъ быть не принято людьми не потому, что нельзя отрицать то метафизическое объясненіе жизни, которое оно даетъ (отрицать все можно). но потому, что только оно одно даетъ тѣ правила жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить человѣчество, не жилъ и не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, если онъ хочетъ жить, какъ человѣкъ, т. е. разумною жизнью.

Сила ученія Христа не въ его объясненіи смысла жизни, а въ томъ, что вытекаетъ изъ него—въ ученіи о жизни. Метафизическое ученіе Христа не новое. Это все одно и то же ученіе человѣчества, которое написано въ сердцахъ людей и которое проповѣдывали всѣ истинные мудрецы міра. Во сила ученія Христа въ приложеніи этого метафизическаго ученія къ жизни.

Метафизическая основа древняго ученія евреевъ и Христа одна и та же: любовь къ Богу и ближнему. Но для приложенія этого ученія къ жизни по Моисею, какъ пони-

мали его евреи, требовалось исполненіе 613 заповѣдей, часто безсмысленныхъ, жестокихъ, и такихъ, которыя всѣ основывались на авторитетѣ писанія. По закону Христа ученіе о жизни, вытекающее изъ той же метафизической основы, выражено въ пяти заповѣдяхъ, разумныхъ, благихъ и носящихъ въ самихъ себѣ свой смыслъ и свое оправданіе и обнимающихъ всю жизнь людей.

Ученіе Христа не можетъ не быть принято тѣми вѣрующими іудеями, буддистами, магометанами и другими, которые усумнились бы въ истинности своего закона; еще менѣе оно можетъ не быть принято людьми нашего христіанскаго міра, которые не имѣютъ теперь никакого нравственнаго закона.

Ученіе Христа не споритъ съ людьми нашего міра о ихъ міросозерцаніи; оно впередъ соглашается съ нимъ и, включая его въ себя, даетъ имъ то, чего у нихъ нѣтъ, что имъ необходимо и чего они ищутъ: оно даетъ имъ путь жизни и при томъ не новый, а давно знакомый и родной имъ всѣмъ.

Вы—вѣрующій христіанинъ какого бы то ни было толка или исповѣданія. Вы вѣрите въ сотвореніе міра, въ Троицу, въ паденіе и искупленіе человѣка, въ таинства, въ молитвы и церковь. Христово ученіе не только не споритъ съ вами, но вполнѣ соглашается съ вашимъ міросозерцаніемъ; оно только даетъ вамъ то, чего у васъ нѣтъ. Сохраняя вашу теперешнюю вѣру, вы чувствуете, что жизнь міра и жизнь ваша исполнена зла, и вы не знаете, какъ избѣжать его. Ученіе Христа (обязательное для васъ, потому что оно есть ученіе вашего Бога) даетъ вамъ простыя, исполнимыя правила жизни, которыя избавятъ и васъ. Вѣрьте въ воскресеніе, въ рай, въ адъ, въ папу, въ церковь, въ таинства, въ искупленіе, молитесь, какъ это требуется по вашей вѣрѣ, говѣйте, пойте псалмы—все это не мѣшаетъ вамъ исполнять то, что открыто Христомъ для вашего блага: не сердитесь, не блудите, не клянитесь, не защищайтесь насиліемъ, не воюйте.

Можетъ случиться, что вы не исполните какого-нибудь изъ этихъ правилъ, и увлечетесь и нарушите одно изъ нихъ такъ же, какъ вы нарушаете теперь въ минуту увлеченія правила вашей вѣры, правила закона гражданскаго или законовъ приличія. Такъ же вы отступите, можетъ быть, въ минуты увлеченія и отъ правилъ Христа; но въ спокойныя минуты не дѣлайте того, что вы теперь дѣлаете,—устраивайте жизнь не такую, при которой трудно не сердиться, не блудить, не клясться, не защищаться, не воевать, а такую, при которой трудно бы было это дѣлать. Вы не можете не признать этого, потому что Богъ велѣлъ вамъ это.

Вы—невѣрующій философъ, какого бы то ни было толка. Вы говорите, что все происходитъ въ мірѣ по закону кото-

рый вы открыли. Христово ученіе не споритъ съ вами и признаетъ вполнѣ открытый вами законъ. Но вѣдь помимо этого вашего закона, по которому черезъ тысячелѣтія настанетъ то благо, которое вы желаете и приготовили для человѣчества, есть еще ваша личная жизнь, которую вы можете прожить или согласно съ разумомъ или противъ него; а для этой-то вашей личной жизни у васъ теперь и нѣтъ никакихъ правилъ кромѣ тѣхъ, которыя пишутся неуважаемыми вами людьми и приводятся въ исполненіе полицейскими. Ученіе Христа даетъ вамъ такія правила, которыя навѣрно сходятся съ вашимъ закономъ, потому что вашъ законъ альтруизма или единой воли есть ни что иное, какъ другая перифраза того же ученія Христа.

Вы—средній человѣкъ, полувѣрующій, полуневѣрующій, не имѣющій времени углубляться въ смыслъ человѣческой жизни; и у васъ нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія, вы дѣлаете то, что дѣлаютъ всѣ. Христово ученіе не споритъ съ вами. Оно говоритъ: хорошо, вы неспособны разсуждать повѣрить истинности преподаваемаго вамъ ученія, вамъ легче поступать заурядъ со всѣми; но какъ бы скромны вы ни были, вы всетаки чувствуете въ себѣ того внутренняго судью, который иногда одобряетъ ваши поступки, согласные со всѣми, иногда одобряетъ ихъ. Какъ бы ни скромна была ваша доля, вамъ пригодится все таки задумываться и спрашивать себя: такъ ли мнѣ поступить, какъ всѣ, или по своему? Въ такихъ именно случаяхъ, т. е. когда вамъ представится надобность рѣшить такой вопросъ, правила Христа и предстанутъ предъ вами во всей своей силѣ. И правила эти навѣрно дадутъ вамъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, потому что они обнимаютъ всю вашу жизнь, и они отвѣтятъ вамъ согласно съ вашимъ разумомъ и вашей совѣстью. Если вы ближе къ вѣрѣ, чѣмъ къ невѣрію, то, вы поступая такимъ образомъ, вы поступаете по волѣ Бога; если вы ближе къ свободомыслію, то вы, поступая такъ, поступаете по самымъ разумнымъ правиламъ, какія существуютъ въ мірѣ, въ чемъ вы сами убѣдитесь, потому что правила Христа сами въ себѣ несутъ свой смыслъ и свое оправданіе.

Христосъ сказалъ (Іоан. XII, 31): „нынѣ *судъ міру сему*; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ“.

Онъ сказалъ еще (Іоан. XVI, 33): „сіе сказалъ я вамъ, чтобы вы имѣли во мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: *я побѣдилъ міръ*“.

И дѣйствительно, міръ, т. е, зло мѣра побѣждено.

Если существуетъ еще міръ зла, то онъ существуетъ только какъ нѣчто мертвое, онъ живетъ только по инерціи; въ немъ нѣтъ уже основъ жизни. Его нѣтъ для вѣрующаго въ заповѣди Христа. Онъ побѣжденъ въ разумномъ сознаніи сына человѣческаго. Разбѣжавшійся поѣздъ еще бѣжитъ по прямому направленію, но вся разумная

работа на немъ уже дѣлается давно для обратнаго направленія.

Ибо все рожденное отъ Бога побѣждаетъ міръ. *И побѣда, которою побѣжденъ міръ, есть вѣра ваша* (1-е посланіе Іоанна V, 1).

Вѣра, побѣждающая міръ, есть вѣра въ ученіе Христа.

XII.

Я вѣрю въ ученіе Христа, и вотъ въ чемъ моя вѣра.

Я вѣрю, что благо мое возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа.

Я вѣрю, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно.

Я вѣрю, что и до тѣхъ поръ, пока ученіе это не исполняется, что еслибы я былъ даже одинъ среди всѣхъ неисполняющихъ, мнѣ все-таки ничего другого нельзя дѣлать для спасенія своей жизни отъ неизбѣжной погибели, какъ исполнять это ученіе, какъ ничего другого нельзя дѣлать тому, кто въ горящемъ домѣ нашелъ дверь спасенія.

Я вѣрю, что жизнь моя по ученію міра была мучительна и что только жизнь по ученію Христа даетъ мнѣ въ этомъ мірѣ то благо, которое предназначилъ мнѣ отецъ жизни.

Я вѣрю, что ученіе это даетъ благо всему человѣчеству, спасаетъ меня отъ неизбѣжной погибели и даетъ мнѣ здѣсь наибольшее благо. А потому я не могу не исполнять его.

Законъ данъ чарезъ Моисея, а благо и истина—черезъ Іисуса Христа (Іоан. I, 17). Ученіе Христа есть благо и истина. Прежде, не зная истины, я не зналъ и блага. Принимая зло за благо, я впадалъ во зло, сомнѣвался въ законности моего стремленія ко благу. Теперь же я понялъ и повѣрилъ, что благо, къ которому я стремлюсь, есть воля отца, есть самая законная сущность моей жизни.

Христосъ сказалъ мнѣ: живи для блага, только не вѣрь тѣмъ ловушкамъ—соблазнамъ σκάνδαλοζ, которые, заманивая тебя подобіемъ блага, лишаютъ этого блага и уловляютъ во зло. Благо твое есть твое единство со всѣми людьми, зло есть нарушеніе единства сына человѣческаго. Не лишай себя самъ того блага, которое дано тебѣ.

Христосъ показалъ мнѣ, что единство сына человѣческаго, любовь людей между собой не есть, какъ мнѣ прежде казалось, цѣль, къ которой должны стремиться люди, но что это единство, эта любовь людей между собой есть ихъ естественное состояніе, то, въ которомъ живутъ всегда всѣ люди до тѣхъ поръ, пока состояніе это не нарушается обманомъ, заблужденіемъ, соблазнами.

Но Христосъ не только показалъ мнѣ это, но онъ ясно, безъ возможности ошибки перечислилъ мнѣ въ своихъ заповѣдяхъ всѣ до одного соблазны, лишавшіе меня этого

естественнаго состоянія единства, любви и блага и уловлявшіе меня во зло. Заповѣди Христа даютъ мнѣ средство спасенія отъ соблазновъ, лишавшихъ меня моего блага, и потому я не могу не вѣрить въ эти заповѣди.

Мнѣ дано благо жизни, а я самъ губилъ его. Христосъ показалъ мнѣ своими заповѣдями тѣ соблазны, которыми я гублю свое благо, а потому я и не могу дѣлать того, что губитъ мое благо. Въ этомъ, и въ этомъ одномъ вся моя вѣра.

Христосъ показалъ мнѣ, что первый соблазнъ, губящій мое благо, есть моя вражда съ людьми, мой гнѣвъ на нихъ. Я не могу не вѣрить въ это и потому не могу уже сознательно враждовать съ другими людьми, не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, радоваться на свой гнѣвъ, гордиться имъ, разжигать, оправдывать его признаніемъ себя важнымъ и умнымъ, а другихъ людей ничтожными—потерянными и безумными; не могу уже теперь при первомъ напоминованіи о томъ, что я поддаюсь гнѣву, не признавать себя одного виновнымъ и не искать примиренія съ тѣми, кто враждуетъ со мною.

Но этого мало. Если я знаю теперь, что гнѣвъ мой есть неестественное, вредное для меня болѣзненное состояніе, то я знаю еще, какой соблазнъ приводилъ меня въ него. Этотъ соблазнъ состоялъ въ томъ, что я отдѣлялъ себя отъ другихъ людей, признавая только нѣкоторыхъ изъ нихъ равными себѣ, а всѣхъ остальныхъ—ничтожными, не людьми ῥακά или глупыми и необразованными (безумными). Я вижу теперь, что это отдѣленіе себя отъ людей и признаніе другихъ за „рака“ и безумныхъ было главной причиной моей вражды съ людьми. Вспоминая свою прежнюю жизнь, я вижу теперь, что я никогда не позволялъ разгораться своему враждебному чувству на тѣхъ людей, которыхъ считалъ выше себя, и никогда не оскорблялъ ихъ; но зато—малѣйшій непріятный для меня поступокъ человѣка, котораго я считалъ ниже себя, вызывалъ мой гнѣвъ на него и оскорбленіе, и чѣмъ выше я считалъ себя передъ такимъ человѣкомъ, тѣмъ легче я оскорблялъ его; иногда даже одна воображаемая мною низкость положенія человѣка уже вызывала съ моей стороны оскорбленіе ему. Теперь же я понимаю, что выше другихъ людей будетъ стоять тотъ только, кто унизитъ себя передъ другими, кто будетъ всѣмъ слугою. Я понимаю теперь, почему то, что высоко передъ людьми, есть мерзость передъ Богомъ, и почему горе богатымъ и прославляемымъ, и почему блаженны нищіе и униженные. Только теперь я понимаю это и вѣрю въ это, и вѣра эта измѣнила всю мою оцѣнку хорошаго и высокаго, дурного и низкаго въ жизни. Все, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ—почести, слава, образованіе, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки пищи, одежды, внѣшнихъ пріе-

мовъ—все это стало для меня дурнымъ и низкимъ.—мужичество, неизвѣстность, бѣдность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, пріемовъ—все это стало для меня хорошимъ и высокимъ. А потому, если и теперь, зная все это, я могу въ минуту забвенія отдаться гнѣву и оскорбить брата, то въ спокойномъ состояніи я не могу уже служить тому соблазну, который, возвышая меня надъ людьми, лишалъ меня моего истиннаго блага—единства и любви, какъ не можетъ человѣкъ устраивать самъ для себя ловушку, въ которую онъ попалъ прежде и которая чуть не погубила его. Теперь я не могу содѣйствовать ничему тому, что внѣшне возвышаетъ меня надъ людьми, отдѣляетъ отъ нихъ, не могу, какъ я прежде это дѣлалъ, признавать ни за собой, ни за другими никакихъ званій, чиновъ и наименованій кромѣ званія и имени человѣка; не могу искать славы и похвалы; не могу искать такихъ званій, которыя отдѣляли бы меня отъ другихъ, не могу не стараться избавиться отъ своего богатства, отдѣляющаго меня отъ людей, не могу въ жизни своей, въ обстановкѣ ея, въ пищѣ, въ одеждѣ, во внѣшнихъ пріемахъ не искать всего того, что не разъединяетъ меня, а соединяетъ съ большинствомъ людей.

Христосъ показалъ мнѣ, что другой соблазнъ, губящій мое благо, есть блудная похоть, т. е. похоть къ другой женщинѣ, а не той, съ которой я сошолся. Я не могу не вѣрить въ это и потому не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, признавать блудную похоть естественнымъ и возвышеннымъ свойствомъ человѣка; не могу оправдывать ее передъ собою моею любовью къ красотѣ, влюбленностію или недостатками своей жены; не могу уже при первомъ напоминаніи о томъ, что поддаюсь блудной похоти, не признавать себя въ болѣзненномъ и неестественномъ состояніи и не искать всякихъ средствъ, которыя могли бы избавить меня отъ этого зла.

Но, зная теперь, что блудная похоть есть зло для меня, я знаю еще и тотъ соблазнъ, который вводилъ меня прежде въ него, и потому не могу уже служить ему. Я знаю теперь, что главная причина не въ томъ, что люди не могутъ воздержаться отъ блуда, но въ томъ, что большинство мужчинъ и женщинъ оставлено тѣми, съ которыми они сошлись сначала. Я знаю теперь, что всякое оставленіе мужчины или женщины, которые сошлись въ первый разъ, и есть тотъ самый разводъ, который Христосъ запрещаетъ людямъ потому, что оставленные первыми супругами мужья и жены вносятъ весь развратъ въ міръ. Вспоминая то, что меня вводило въ блудъ, я вижу теперь, что кромѣ того дикаго воспитанія, при которомъ и физически, и умственно разжигалась во мнѣ блудная похоть и оправдывалась всѣми изощреніями ума, главный соблазнъ, уловлявшій меня заключается въ оставле-

вленіи мною той женщины, съ которой я сошелся сначала, и въ состояніи оставленныхъ женщинъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ меня. Я вижу теперь, что главная сила соблазна была не въ моей похоти, а въ неудовлетворенности похоти моей и тѣхъ оставленныхъ женщинъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружали меня. Я понимаю теперь слова Христа. Богъ сотворилъ въ началѣ человѣка—мужчиной и женщиной, такъ, чтобы два были одно, и что поэтому человѣкъ не можетъ и не долженъ разъединять то, что соединилъ Богъ. Я понимаю теперь, что единобрачіе есть естественный законъ человѣчества, которыя не можетъ быть нарушаемъ. Я понимаю теперь вполнѣ слова о томъ, что кто разводится съ женою, т. е. съ женщиной, съ которой онъ сошелся сначала, для другой, заставляетъ ее распутничать и вноситъ самъ противъ себя новое зло въ міръ. Я вѣрю въ это, и вѣра эта измѣняетъ всю мою прежнюю оцѣнку хорошаго и высокаго, дурного и низкаго въ жизни. То, что прежде мнѣ казалось самымъ хорошимъ—утонченная, изящная жизнь, страстная и поэтическая любовь, восхваляемая всѣми поэтами и художниками,—все это представилось мнѣ: трудовая, скудная, грубая жизнь, умѣряющая похоть; высокимъ и важнымъ представилось мнѣ не столько человѣческое учрежденіе брака, накладывающее внѣшнюю печать законности на извѣстное соединеніе мужчины и женщины, которое, разъ совершившись, не можетъ быть нарушено безъ нарушенія воли Бога. Если я и теперь могу въ минуту забвенія подпасть блудной похоти, то не могу уже, зная тотъ соблазнъ, который вводилъ меня въ это зло, служить ему, какъ я дѣлалъ это прежде. Я не могу желать и искать физической праздности и жирной жизни, разжигавшей во мнѣ чрезмѣрную похоть; не могу искать тѣхъ разжигающихъ любовную потѣхъ—романовъ, стиховъ, музыки, театровъ, баловъ, которые прежде представлялись мнѣ не только не вредными, но очень высокими увеселеніями; не могу оставлять своей жены, зная, что оставленіе ея есть первая ловушка для меня, для нея и для другихъ; не могу содѣйствовать, праздной и жирной жизни другихъ людей, не могу участвовать и устраивать тѣхъ похотливыхъ увеселеній—романовъ, театровъ, оперъ, баловъ и т. п.,—которыя служатъ ловушкой для меня и другихъ людей; не могу поощрять безбрачное житье людей зрѣлыхъ для брака; не могу содѣйствовать разлукѣ мужей съ женами; не могу дѣлать различія между совокупленіями, называемыми браками и не называемыми такъ; не могу не считать священнымъ и обязательнымъ только то брачное соединеніе, въ которомъ разъ находится человѣкъ.

Христосъ открылъ мнѣ, что третій соблазнъ, губящій мое благо, есть соблазнъ клятвы. Я не могу не вѣрить въ это и потому не могу уже, какъ я дѣлалъ это прежде,

самъ клясться кому-нибудь и въ чемъ-нибудь и не могу уже какъ я дѣлалъ „но прежде, оправдывать себя въ своей клятвѣ тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного для людей, что всѣ дѣлаютъ это, что это все нужно для государства, что мнѣ или другимъ будетъ хуже, если я откажусь отъ этого требованія. Я знаю теперь, что это есть зло для меня и для людей, и не могу дѣлать его.

Но мало того; что я знаю это; я знаю теперь и тотъ соблазнъ, который уловлялъ меня въ это зло, и немогу уже служить ему. Я знаю что тотъ соблазнъ состоитъ въ томъ, что именемъ Бога освящается обманъ. Обманъ же состоитъ въ томъ, что люди впередъ обѣщаются повиноваться тому, что велитъ человѣкъ и люди, тогда какъ человѣкъ не можетъ никогда повиноваться никому, кромѣ Бога. Я знаю теперь, что самое страшное по своимъ послѣдствіямъ зло міра—убійство на войнахъ, заключенія, казни, истязанія людей совершаются только благодаря этому соблазну, во имя котораго снимается отвѣтственность съ людей, совершающихъ зло. Вспоминая теперь многое и многое зло, которое заставляло меня осуждать и не любить людей, я вижу теперь, что все оно было вызвано присягой—признаніемъ необходимости подчинить себя воли другихъ людей. Я понимаю теперь значеніе словъ: все, что сверхъ простого утвержденія или отрицанія—«да и «нѣтъ», все, что сверхъ этого, всякое обѣщаніе, даваемое впередъ, есть зло. Понимая это, вѣрю, что клятва губитъ благо мое и другихъ людей; и вѣра эта измѣняетъ мою оцѣнку хорошаго и дурного, высокаго и низкаго. Все то что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ—обязательство вѣрности правительству подтверждаемое присягой, вымоганіе этой присяги отъ людей и всѣ поступки, противные совѣсти совершаемые во имя этой присяги—все это представилось теперь мнѣ и дурнымъ и низкимъ. И потому я не могу уже теперь отступить отъ заповѣди Христа, запрещающей клятву; не могу уже клясться другому, ни заставлять клясться другихъ, ни содѣйствовать тому, чтобы люди клялись и заставляли клясться другихъ людей и считали бы клятву или важною и нужною, или хотя бы не вредною, какъ это думаютъ многіе.

Христосъ открылъ мнѣ, что четвертый соблазнъ, лишающій меня моего блага, есть противленіе злу насиліемъ другихъ людей. Я не могу не вѣрить, что это есть зло для меня и для другихъ людей. и потому не могу сознательно дѣлать его и не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, оправдывать это зло тѣмъ, что оно нужно для защиты меня и другихъ людей, для защиты собственности моей и другихъ людей; не могу уже при первомъ напоминаніи о томъ, что я дѣлаю насиліе отъ него и не прекратить его.

Но мало того, что я знаю это. я знаю теперь и тотъ соблазнъ, который вводитъ меня въ это зло. Я знаю теперь,

что соблазнъ этотъ состоитъ въ заблужденіи о томъ, что жизнь моя можетъ быть обезпечена защитой себя и своей собственности отъ другихъ людей. Я знаю теперь, что большая доля зла людей происходитъ оттого, что они вмѣсто того, чтобы отдавать свой трудъ другимъ, не только не отдаютъ его, но сами лишаютъ себя всякаго труда и насиліемъ отбираютъ трудъ другихъ. Вспоминая теперь все то зло, которое я дѣлалъ себѣ и людямъ, и все зло, которое дѣлали другіе, я вижу, что большая доля зла происходитъ оттого, что мы считали возможнымъ защитой обезпечить и улучшить свою жизнь. Я понимаю теперь также слова: человѣкъ рожденъ не для того, чтобы но него работали, но чтобы самому работать на другихъ, и значеніе словъ: трудящійся достоинъ пропитанія. Я вѣрю теперь въ то, что благо мое и людей возможно только тогда когда каждый будетъ трудиться не для себя, а для другого, и не только не будетъ отстаивать отъ другого свой трудъ, но будетъ отдавать его каждому, кому онъ нуженъ. Вѣра эта измѣнила мою оцѣнку хорошаго, дурного и низкаго. Все, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ—богатство, собственность всякаго рода, честь, сознаніе собственнаго достоинства, права,—все это стало теперь дурно и низко, все же, что казалось мнѣ дурнымъ и низкимъ—работа на другихъ, бѣдность, униженіе, отреченіе отъ всякой собственности и всякихъ правъ—стало хорошо и высоко въ моихъ глазахъ. Если теперь я и могу въ минуту забвенія увлечься насиліемъ для защиты себя и другихъ или своей или чужой собственности, то я не могу уже спокойно и сознательно служить тому соблазну, который губитъ меня и людей, я не могу пріобрѣтать собственности; не могу употреблять какого бы то ни было человѣка, за исключеніемъ ребенка, и только для избавленія его отъ предстоящаго ему тотчасъ же зла; не могу участвовать ни въ какой дѣятельности власти, имѣющей цѣлью огражденіе людей и ихъ собственности насиліемъ; не могу быть ни судьей, ни участникомъ въ судѣ, ни начальникомъ, ни участникомъ въ какомъ-нибудь начальствѣ; не могу содѣйствовать и тому, чтобы другіе участвовали въ судахъ и начальствахъ.

Христосъ открылъ мнѣ, что пятый соблазнъ, лишающій меня моего блага, есть раздѣленіе, которое мы дѣлаемъ между своими и чужими народами. Я не могу не вѣрить въ это и потому, если въ минуту забвенія и можетъ подняться во мнѣ враждебное чувство къ человѣку другого народа, то я не могу уже въ спокойную минуту не признавать это чувство ложнымъ, не могу оправдывать себя, какъ я прежде дѣлалъ это, признаніемъ преимущества своего народа надъ другими, заблужденіями, жестокостью или варварствомъ другого народа; не могу при первомъ напоминаніи о томъ не стараться быть болѣе дружелюб-

нымъ къ человѣку чужого народа, чѣмъ къ соотечественнику.

Но мало того, что я знаю теперь, что раздѣленіе мое съ другими народами есть зло, губящее мое благо, я знаю и тотъ соблазнъ, который вводилъ меня въ это зло, и не могу уже, какъ я дѣлалъ это прежде, сознательно и спокойно служить ему. Я знаю, что соблазнъ этотъ состоитъ въ заблужденіи о томъ, что благо мое связано только съ благомъ людей моего народа, а не съ благомъ всѣхъ людей міра. Я знаю теперь, что единство мое съ другими людьми не можетъ быть нарушено чертою границы и распоряженіями правительствъ о принадлежности моей къ такому или другому народу. Я знаю теперь, что всѣ люди вездѣ равны и братья. Вспоминая теперь все зло, которое я дѣлалъ, испыталъ и видѣлъ вслѣдствіе вражды народовъ, мнѣ ясно, что причиной всего былъ грубый обманъ, называемый патріотизмомъ и любовью къ отечеству. Вспоминая свое воспитаніе, я вижу теперь, что чувства вражды къ другимъ народамъ, чувства отдѣленія себя отъ нихъ никогда не было во мнѣ, что всѣ эти злыя чувства были искусственно привиты мнѣ безумнымъ воспитаніемъ. Я понимаю теперь значеніе словъ: творите добро врагамъ, дѣлайте имъ то же, что и своимъ. Вы всѣ дѣти одного Отца, и будьте такъ же, какъ и Отецъ, т.-е. не дѣлайте раздѣленія между своимъ народомъ и другими, со всѣми будьте одинаковы. Я понимаю теперь, что благо возможно для меня только при признаніи моего единства со всѣми людьми міра безъ всякаго исключенія. Я вѣрю въ это. И вѣра эта измѣнила всю мою оцѣнку хорошаго и дурного, высокаго и низкаго. То, что мнѣ представлялось хорошимъ и высокимъ — любовь къ отечеству, къ своему народу, къ своему государству, служеніе имъ въ ущербъ блага другихъ людей, военные подвиги людей,—все это мнѣ показалось отвратительнымъ и жалкимъ. То, что мнѣ представлялось дурнымъ и позорнымъ: отреченіе отъ отечества, космополитизмъ,—показалось мнѣ, напротивъ, хорошимъ и высокимъ. Если я и могу теперь въ минуту забвенія содѣйствовать больше русскому, чѣмъ чужому, желать успѣха русскому государству или народу, то не могу я уже въ спокойную минуту служить тому соблазну, который губитъ меня и людей. Не могу признавать никакихъ государствъ или народовъ, не могу участвовать ни въ какихъ спорахъ между народами и государствами, ни писаніями, ни тѣмъ болѣе службой какому-нибудь государству. Я не могу участвовать во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя основаны на различіи государствъ— ни въ таможняхъ и сборахъ пошлинъ, ни въ приготовленіи снарядовъ или оружія, ни въ какой-либо дѣятельности для вооруженія, ни въ военной службѣ, ни тѣмъ болѣе въ самой войнѣ съ другими народами—и не могу содѣйствовать людямъ, чтобы они дѣлали это.

Я понялъ, въ чемъ мое благо, вѣрю въ это и потому не могу дѣлать того, что несомнѣнно лишаетъ меня моего блага.

Но мало того, что я вѣрю въ то, что я долженъ жить такъ, я вѣрю, что если жить такъ, то жизнь моя получитъ для меня единственно-возможный разумный, радостный и не уничтожаемый смертью смыслъ.

Я вѣрю, что разумная жизнь—свѣтъ мой на то только и данъ мнѣ, чтобы освѣтить передъ человѣками не словами, но добрыми дѣлами, чтобы люди прославляли Отца. (Мѳ. V, 16). Я вѣрю, что моя жизнь и знаніе истины есть талантъ, данный мнѣ для работы на него, что этотъ талантъ есть огонь, который только тогда огонь, когда онъ горитъ. Я вѣрю, что я—Ниневія по отношенію къ другимъ Іонамъ, отъ которыхъ я узналъ и узнаю истину, но что и я Іона по отношенію къ другимъ Ниневитянамъ, которымъ я долженъ передать истину. Я вѣрю, что единственный смыслъ моей жизни—въ томъ, чтобы жить въ томъ свѣтѣ, который есть во мнѣ, и не ставить его подъ спудомъ, но высоко держать его передъ людьми такъ, чтобы люди видѣли его. И вѣра эта придаетъ мнѣ новую силу при исполненіи ученія Христа и уничтожаетъ всѣ тѣ препятствія, которыя прежде стояли передо мной.

То самое, что прежде подрывало во мнѣ истинность и исполнимость ученія Христа, то, что отталкивало меня отъ него—возможность лишеній, страданій и смерти отъ людей, не знающихъ ученія Христа, — это самое теперь подтвердило для меня истинность ученія и привлекло къ нему.

Христосъ сказалъ: когда возвысите сына человѣческаго, всѣ привлечетесь ко мнѣ, и я почувствовалъ, что неудержимо привлеченъ къ нему. Онъ сказалъ еще: истина освободитъ васъ, и я почувствовалъ себя совершенно свободнымъ.

Придетъ войной непріятель или просто злые люди нападутъ на меня, думалъ я прежде, и если я не буду защищаться, они оберутъ насъ, осрамятъ, измучаютъ и убьютъ меня и моихъ близкихъ, и мнѣ казалось это страшнымъ. Но теперь все, смущавшее меня прежде, показалось мнѣ радостнымъ и подтвердило истину. Я знаю теперь, что и непріятели и такъ называемые злодѣи и разбойники всѣ—люди, точно такіе сыны человѣческіе, какъ и я, такъ же любятъ добро и ненавидятъ зло, такъ же живутъ наканунѣ смерти и такъ же, какъ я, ищутъ спасенія и найдутъ его только въ ученіи Христа. Всякое зло, которое они сдѣлаютъ мнѣ, будетъ зломъ для нихъ же, и потому они должны дѣлать мнѣ добро. Если же истина неизвѣстна имъ и они дѣлаетъ зло, считая его благомъ, то я знаю истину только для того, чтобы показать ее тѣмъ, которыя не знаютъ ея.

Показать же ее имъ я не могу иначе, какъ отреченіемъ отъ участія въ злѣ, исповѣданіемъ истины на дѣлѣ.

Придутъ непріятели: нѣмцы, турки, дикари, и если вы не будете воевать, они перебьютъ васъ. Это неправда. Если бы было общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, никакіе непріятели—ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе — не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ, нѣмцемъ, туркомъ и дикаремъ. Если христіане находятся среди общества нехристіанскаго, защищающаго себя войною, и христіанинъ призывается къ участію въ войнѣ, то тутъ-то и является для христіанина возможность помочь людямъ, не знающимъ истины. Христіанинъ для того только и знаетъ истину, чтобы свидѣтельствовать о ней передъ тѣми, которые не знаютъ ея. Свидѣтельствовать же онъ можетъ не иначе, какъ дѣломъ. Дѣло же его есть отреченіе отъ войны и дѣланіе добра людямъ безъ различія такъ называемыхъ враговъ и своихъ.

Но не непріятели, а свои же злые люди нападутъ на семью христіанина и, если онъ не будетъ защищаться, оберутъ, измучаютъ и убьютъ его и его близкихъ. Это опять несправедливо. Если всѣ члены семьи—христіане и потому полагаютъ свою жизнь въ служеніи другимъ, то не найдется такого безумнаго человѣка, который лишилъ бы пропитанія или убилъ тѣхъ людей, которые служатъ ему. Миклуха-Маклай поселился среди самыхъ звѣрскихъ, какъ говорили, дикихъ и его не только не убили, но полюбили его, покорились ему только потому, что онъ не боялся ихъ, ничего не требовалъ отъ нихъ и дѣлалъ имъ добро. Если же христіанинъ живетъ среди нехристіанской семьи и близкихъ, защищающихъ себя и свою собственность насиліемъ, и христіанинъ призывается къ участію въ этой защитѣ, то этотъ призывъ и есть для христіанина призывъ къ исполненію своего дѣла жизни. Христіанинъ только для того и знаетъ истину, чтобы показать ее другимъ и болѣе всего близкимъ ему, связаннымъ съ нимъ семейными и дружескими связями людямъ, а показать истину христіанинъ не можетъ иначе, какъ не впадая въ то заблужденіе, въ которое впали другіе, не становясь на сторону ни нападающихъ, ни защищающихъ, а отдавая все другимъ, жизнью своей показывая, что ему ничего не нужно, кромѣ исполненія воли Бога, и ничего не страшно, кромѣ отступленія отъ нея.

Но правительство не можетъ допустить того, чтобы членъ общества не признавалъ основъ государственнаго порядка и уклонился отъ исполненія обязанностей всѣхъ гражданъ. Правительство потребуетъ отъ христіанина присяги, участія въ судѣ, военной службѣ и за отказъ под-

вергнетъ его наказанію, ссылкѣ, заключенію, даже казни. И опять-таки это требованіе правительства будетъ для христіанина только призывомъ его къ исполненію своего дѣла жизни. Для христіанина требованіе правительства есть требованіе людей, не знающихъ истины. И потому христіанинъ, знающій ее, не можетъ не свидѣтельствовать о ней передъ людьми, не знающими ея. Насиліе, заключеніе, казни, которымъ подвергается вслѣдствіе этого христіанинъ, даютъ ему возможность свидѣтельствовать не словами, а дѣломъ. Всякое насиліе: война, грабежъ, казни происходятъ не вслѣдствіе неразумныхъ силъ природы, но производятся людьми заблудшими и лишенными знанія истины. И потому чѣмъ больше зла дѣлаютъ эти люди христіанину, тѣмъ болѣе они далеки отъ истины, тѣмъ несчастнѣе они и тѣмъ нужнѣе имъ знаніе истины. Передать же знаніе истины людямъ христіанинъ не можетъ иначе, какъ воздержаніемъ отъ того заблужденія, въ которомъ находятся люди, дѣлающіе ему зло, воздаяніемъ добра за зло. И въ этомъ одномъ все дѣло жизни христіанина и весь смыслъ ея, не уничтожаемый смертью.

Люди, связанные другъ съ другомъ обманомъ, составляютъ изъ себя какъ бы сплоченную массу. Сплоченность этой массы и есть зло міра. Вся разумная дѣятельность человѣчества направлена на разрушеніе этого сцѣпленія обмана.

Всѣ революціи суть попытки насильственнаго разбиванія этой массы. Людямъ представляется, что если они разобьютъ эту массу, то она перестанетъ быть массой, и они бьютъ по ней; но, стараясь разбить ее, они только куютъ ее; сцѣпленіе частицъ не уничтожится, пока внутренняя сила не сообщится частицамъ массы и не заставитъ ихъ отдѣляться отъ нея.

Сила сцѣпленія людей есть ложь, обманъ. Сила, освобождающая каждую частицу людского сцѣпленія, есть истина. Истина же передается людямъ только дѣлами истины.

Только дѣла истины, внося свѣтъ въ сознаніе каждаго человѣка, разрушаютъ сцѣпленія обмана, отрываютъ одного за другимъ людей отъ массы, связанной между собой сцѣпленіемъ обмана.

И вотъ уже 1800 лѣтъ дѣлается это дѣло.

Съ тѣхъ поръ, какъ заповѣди Христа поставлены передъ человѣчествомъ, началась эта работа, и не кончится она до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено все, какъ и сказалъ Христосъ (Мѳ. V, 18).

Церковь, составлявшаяся изъ тѣхъ, которые думали соединить людей во едино тѣмъ, что они съ заклинаніями утверждали про себя, что они во истинѣ, давно уже умерла. Но церковь, составленная изъ людей не обѣщаніями, не помазаніемъ, а дѣлами истины и блага, соединенными во-

едино—эта церковь всегда жила и будетъ жить. Церковь эта, какъ прежде, такъ и теперь, составляется не изъ людей, взывающихъ: Господи, Господи! и творящихъ беззаконіе (Мѳ. VII, 21, 22), но изъ людей слушающихъ слова сіи исполняющихъ ихъ.

Люди этой церкви знаютъ, что жизнь ихъ есть благо, если они не нарушаютъ единства сына человѣческаго, и что благо это нарушается только неисполненіемъ заповѣдей Христа. И потому люди этой церкви не могутъ не исполнять этихъ заповѣдей и не учить другихъ исполненію ихъ.

Мало ли, много ли теперь такихъ людей, но эта та церковь, которую ничто не можетъ одолѣть, и та, къ которой присоединятся всѣ люди.

Не бойся, малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство (Лк. XII, 42).

Москва, 22 января 1884 г.

Богъ одинъ у всѣхъ.

Была въ индійскомъ городѣ Суратѣ кофейная. И сходились туда изъ разныхъ земель проѣзжіе и иностранцы и часто бесѣдовали.

Зашелъ туда разъ персидскій ученый богословъ, Онъ всю жизнь изучалъ сущность Божества и читалъ и писалъ о томъ книги. Долго думалъ, читалъ и писалъ онъ о Богѣ, зашелъ у него умъ за разумъ, спуталось у него все въ головѣ, и дошелъ онъ до того, что пересталъ вѣрить въ Бога.

Узналъ про это царь и изгналъ его изъ персидскаго царства.

Такъ-то, всю жизнь разсуждая о первой причинѣ, запутался несчастный богословъ и, вмѣсто того, чтобы понять, что у него уже не стало разума, сталъ думать, что не стало больше высшаго разума, управляющаго міромъ.

Былъ у этого богослова рабъ африканецъ, ходившій за нимъ повсюду. Когда богословъ вошелъ въ кофейную, африканецъ остался на дворѣ, за дверью, и сѣлъ на камень на припекѣ солнца; онъ сидѣлъ и отгонялъ отъ себя мухъ. А самъ богословъ легъ на диванъ въ кофейной и велѣлъ подать себѣ чашку опіума. Когда онъ выпилъ чашку, и опіумъ началъ ресшевеливать его мозгъ. онъ обратился къ своему рабу.

—Что, рабъ презрѣнный,—сказалъ богословъ.—скажи мнѣ, какъ ты думаешь: есть Богъ или нѣтъ?

—Разумѣется, есть!—сказалъ рабъ и тотчасъ досталъ изъ-за пояса маленькаго деревяннаго идола,—Вотъ,—ска-

залъ рабъ,—вотъ тотъ богъ, который меня хранитъ съ тѣхъ поръ. какъ я живу на свѣтѣ. Богъ этотъ сдѣланъ изъ сука того самаго священнаго дерева, которому поклоняются всѣ въ нашей странѣ.

Услыхали этотъ разговоръ между богословомъ и рабомъ бывшіе въ кофейной и удивились.

Удивительнымъ показался имъ вопросъ господина и еще болѣе удивительнымъ отвѣтъ раба.

Одинъ браминъ: слышавшій слова раба, обратился къ нему и сказалъ:

— Несчастный безумецъ! Развѣ можно думать, чтобы Богъ могъ находится за поясомъ у человѣка? Богъ есть одинъ—Брама. И этотъ Брама больше всего міра, потому что Онъ сотворилъ весь міръ. Брама есть единый, великій Богъ, тотъ Богъ, которому построены храмы на берегахъ рѣки Гангеса, тотъ Богъ, которому служатъ его единственные жрецы—браминьі. Одни эти жрецы знаютъ истиннаго Бога. Прошло уже двадцать тысячъ лѣтъ, и сколько ни было переворотовъ въ мірѣ, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что Брама, единый, истинный Богъ, покровительствуетъ имъ.

Такъ сказалъ браминъ, думая убѣдить всѣхъ; но бывшій тутъ же еврейскій мѣняла возразилъ ему.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Храмъ истиннаго Бога не въ Индіи!.. И Богъ покровительствуетъ не кастѣ браминовъ! Истинный Богъ есть Богъ не браминовъ, а Богъ Авраама. Исаака и Іакова. И покровительствуетъ истинный Богъ только одному Своему народу израильскому. Богъ съ начала міра, не переставая, любилъ, и любитъ одинъ нашъ народъ. И если теперь и разсѣянъ нашъ народъ на землѣ, то это только испытаніе, а Богъ, какъ и обѣщалъ, соберетъ опять народъ Свой въ Іерусалимъ, съ тѣмъ, чтобы, возстановить чудо древности, Іерусалимскій храмъ, поставить израиля владыкой надъ всѣми народами.

Такъ сказалъ еврей и заплакалъ. Онъ хотѣлъ продолжать рѣчь, но бывшій тутъ итальянецъ перебилъ его.

— Неправду вы говорите,—сказалъ итальянецъ еврею. Вы приписывете Богу несправедливость. Богъ не можетъ любить одинъ народъ больше другихъ. Напротивъ, если Онъ даже и покровительствовалъ прежде израилю, то вотъ уже 1800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богъ разгнѣвался и въ знакъ Своего гнѣва прекратилъ существованіе его и разсѣялъ этотъ народъ по землѣ, такъ что вѣра эта не только не распространяется, но только кое-гдѣ остается. Богъ не оказываетъ предпочтенія никакому народу, а призываетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ спастись, въ лоно-единой римско-коталической церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія.

Такъ сказалъ итальянецъ. Но бывшій тутъ протестант-

скій пасторъ, поблѣднѣвъ, отвѣчалъ католическому миссіонеру:

— Какъ можете вы говорить, что спасеніе возможно только въ нашемъ исповѣданіи? Знайте же, что спасены будутъ только тѣ, которые, по Евангелію, будутъ служить Богу въ духѣ и истинѣ по закону Іисуса.

Тогда турокъ, служащій въ суратской таможнѣ, который тутъ же сидѣлъ, куря трубку, съ важнымъ видомъ обратился къ обоимъ христіанамъ,

— Напрасно вы такъ увѣрены въ истинѣ своей римской вѣры.—сказалъ онъ.—Ваша вѣра уже около шести лѣтъ тому назадъ замѣнена истинною вѣрою Магомета. И, какъ вы сами видите, истинная вѣра Магомета все больше и больше распространяется и въ Европѣ, и въ Азіи, и даже въ просвѣщенномъ Китаѣ. Вы сами признаете, что евреи отвержены Богомъ, и доказательствомъ тому приводите то, что евреи въ уничиженіи, и вѣра ихъ не распространяется.

Признайте же истинность вѣры Магомета, потому что она находится въ величіи и постоянно распространяется. Спасутся только вѣрующіе въ послѣдняго пророка, Магомета. И то только послѣдователи Омара, а не Али, такъ какъ послѣдователи Али—невѣрные,

При этихъ словахъ персидскій богословъ, принадлежащій къ сектѣ Али, хотѣлъ возразить. Но въ кофейной въ это время поднялся великій споръ между всѣми бывшими тутъ иностранцами разныхъ вѣръ и исповеданій. Были тутъ христіане абиссинскіе, индійскіе ламы, измаилиты и огнепоклонники,

Всѣ спорили о сущности Бога и о томъ. какъ нужно почитать его. Каждый утверждалъ что только въ его странѣ знаютъ истиннаго Бога и знаютъ, какъ надо почитать Его.

Всѣ спорили кричали, Одинъ только бывшій тутъ китаецъ ученикъ Конфуція, сидѣлъ смирно въ углу кофейной и не вступалъ въ споръ. Онъ пилъ чай, слушалъ, что говорили, но самъ молчалъ.

Турокъ, замѣтивъ его среди спора, обратился къ нему и сказалъ:

— Поддержи хоть ты меня, добрый китаецъ, Ты молчишь, но ты могъ бы сказать кое-что въ мою пользу. Я знаю, что у васъ въ Китаѣ вводятся теперь разныя вѣры: Ваши торговцы не разъ говорили мнѣ, что ваши китайцы изъ всѣхъ другихъ вѣръ считаютъ магометанскую самой лучшей и охотно принимаютъ ее. Поддержи же мои слова и скажи что ты думаешь объ истинномъ Богѣ и Его пророкѣ.

— Да, да, скажи, что ты думаешь.—обратились къ нему и другіе.

Китаецъ, ученикъ Конфуція, закрылъ глаза, подумалъ и потомъ, открывъ ихъ, выпросталъ руки изъ широкихъ

рукавовъ своей одежды, сложилъ ихъ на груди и заговорилъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—мнѣ кажется, что самолюбіе людей болѣе всего другого мѣшаетъ ихъ согласію въ дѣлѣ вѣры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вамъ это примѣромъ.

Я выѣхалъ изъ Китая въ Суратъ на англійскомъ пароходѣ, обошедшемъ вокругъ свѣта. По пути мы пристали къ восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. Въ полдень мы сошли на землю и сѣли на берегу моря въ тѣни какосовыхъ пальмъ, недалеко отъ деревни жителей острова. Насъ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ различныхъ земель.

Пока мы сидѣли, къ намъ подошелъ слѣпой.

Человѣкъ этотъ ослѣпъ, какъ мы узнали послѣ, отъ того, что слишкомъ долго и упорно смотрѣлъ на солнце, потому что захотѣлъ понять, что такое солце. Онъ хотѣлъ это узнать, чтобы завладѣть свѣтомъ солнца.

Бился онъ долго, пускалъ въ дѣло всѣ науки: хотѣлось ему захватить нѣсколько лучей солнца, поймать ихъ и закупорить въ бутылку.

Долго онъ бился и все смотрѣлъ на солнце и ничего не могъ сдѣлать, а сдѣлалось съ ними только то что отъ солнца у него заболѣли глаза, и онъ ослѣпъ.

Тогда онъ сказалъ себѣ:

— Свѣтъ солнечный не жидкость, потому что еслибъ онъ былъ жидкостью, то можно было бы переливать его, и онъ колебался бы отъ вѣтра, какъ вода. Свѣтъ солнечный тоже не огонь, потому что, еслибъ это былъ огонь, онъ бы тухъ въ водѣ. Свѣтъ тоже не духъ, потому что онъ виденъ, и не тѣло, потому что нельзя имъ двигать. А такъ какъ свѣтъ солнечный ни жидкость, ни огонь, ни духъ, ни тѣло, то свѣтъ солнечный—ничто.

Такъ онъ разсудилъ, и въ одно время отъ того, что все смотрѣлъ на солнце и все думалъ о немъ, потерялъ и зрѣніе и разумъ.

Когда же онъ сталъ совсѣмъ слѣпъ, тогда уже совершенно увѣрился въ томъ, что солнца нѣтъ.

Съ этимъ слѣпцомъ подошелъ и его рабъ. Онъ посадилъ своего господина въ тѣнь кокосоваго дерева, поднялъ съ земли кокосовый орѣхъ и сталъ изъ него дѣлать ночникъ. Онъ сдѣлалъ свѣтильню изъ волокна кокосоваго, выжалъ изъ орѣха масло въ скорлупу и обмакнулъ въ него свѣтильню.

Пока рабъ дѣлалъ свой ночникъ, слѣпой, вздохнувъ, сказалъ ему:

— Ну, что, рабъ, правду я тебѣ сказалъ: что нѣтъ

солнца? Видишь, какъ темно. А говорятъ—солнце... Да и что такое солнце?

— А не знаю я, что такоо солнце,—сказалъ рабъ.— Мнѣ нѣтъ до него дѣла. А вотъ свѣтъ знаю. Вотъ я сдѣлаю ночникъ: и мнѣ будетъ, и тебѣ могу имъ службу оказать и все найти въ своемъ шалашѣ.

И рабъ взялъ въ руку свою скорлупу.—Вотъ, говоритъ, мое солнце.

Тутъ же сидѣлъ хромой съ костылемъ. Онъ услыхалъ это и засмѣялся.

— Ты, видно, отъ рожденія слѣпъ,—сказалъ онъ слѣпому,—что не знаешь, что такое солнце. Я тебѣ скажу, что оно такое: солнце—огненный шаръ, и шаръ этотъ каждый вечеръ садится въ горахъ нашего острова; это мы всѣ видимъ, и ты бы видѣлъ, если бы былъ зрячій.

Рыбакъ, сидѣвшій тутъ же, услыхалъ эти слова и сказалъ хромому:

— И видно же, что ты нигдѣ не былъ дальше твоего острова. Если бы ты былъ не хромъ да поѣздилъ бы по морю, ты бы зналъ, что солнце садится не въ горяхъ нашего острова, а какъ выходитъ изъ моря, такъ вечеромъ опять и садится въ море, Я говорю вѣрно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услыхалъ это индіецъ.

— Удивляюсь,—сказалъ онъ,—какъ можетъ умный человѣкъ говорить такія глупости. Развѣ возможно, чтобы огненный шаръ спускался въ воду и не потухалъ? Солнце вовсе не огненный шаръ, а солнце—божество, это божество называется Дэва. Божество это ѣздитъ на колесницѣ по небу вокругъ золотой горы Сперувя.

Бываетъ, что злые змѣи Рагу и Кету нападаютъ на Дэва и проглатываютъ его, и тогда дѣлается темно. Но жрецы наши молятся о томъ, чтобы божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такіе невѣжественные люди, какъ вы, никогда не ѣздившіе дальше своего острова, могутъ воображать, что солнце свѣтитъ только на ихъ островѣ.

Тогда заговорилъ бывшій тутъ же хозяинъ египетскаго судна.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—и это неправда: солнце не божество и не ходитъ только вокругъ Индіи и ея золотой горы. Я много плавалъ и по Черному морю, и по берегамъ Аравіи, былъ и на Мадагаскарѣ, и на Филиппинскихъ островахъ,—солнце освѣщаетъ всѣ земли, а не одну Индію; оно не ходитъ кругомъ одной горы, но оно встаетъ у береговъ Японіи, и потому и острова тѣ называются Японъ, то-есть на ихъ языкѣ—рожденіе солнца, и садится оно далеко-далеко на западѣ, за островами Англіи. Я это хорошо знаю, потому что и самъ видѣлъ много и слышалъ много отъ дѣда. А дѣдъ мой плавалъ до самыхъ краевъ моря.

Онъ хотѣлъ еще говорить, но англійскій матросъ нашего корабля перебилъ его.

— Нѣтъ земли, кромѣ Англіи,—сказалъ онъ,—гдѣ бы лучше знали о томъ, какъ ходитъ солнце. Солнце, мы всѣ это знаемъ въ Англіи, нигдѣ не встаетъ и нигдѣ не ложится. А оно ходитъ безпрестанно вокругъ земли. Мы это хорошо знаемъ, потому что сами вотъ только-что обошли вокругъ земли и нигдѣ не натолкнулись на солнце. Вездѣ оно такъ же, какъ здѣсь, утромъ показывается и вечеромъ скрывается.

И англичанинъ взялъ палку, начертилъ на пескѣ кругъ и сталъ толковать, какъ ходитъ солнце по небу вокругъ земли. Но онъ не сумѣлъ растолковать хорошо и, показавъ на кормчаго своего корабля, сказалъ:

— Онъ, впрочемъ, болѣе меня ученъ и лучше вамъ все это растолкуетъ.

Кормчій былъ человѣкъ разумный и слушалъ разговоръ молча, пока его не спросили. Но теперь, когда всѣ обратились къ нему, онъ началъ говорить и сказалъ:

— Всѣ вы обманываете другъ друга и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокругъ земли, а земля вертится вокругъ солнца, и сама еще вертится, поворачивая къ солнцу въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и Японію, и Филиппинскіе острова, и Суматру, на которой мы сидимъ, и Африку, и Европу, и Азію, и множество еще другихъ земель. Солнце свѣтитъ не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многихъ такихъ же планетъ, какъ и земля. Все это каждый изъ васъ могъ бы понять, если бы смотрѣлъ вверхъ на небо, а не себѣ подъ ноги, и не думалъ бы, что солнце свѣтитъ только для одного него или для одной его родины.

Такъ сказалъ мудрый кормчій, много ѣздившій по свѣту и много смотрѣвшій вверхъ на небо.

— Да, заблужденія и несогласія людей въ вѣрѣ—отъ самолюбія,—продолжалъ китаецъ, ученикъ Конфуція.—Что съ солнцемъ, то же и съ Богомъ. Каждому человѣку хочется, чтобы у него былъ свой особенный Богъ или, по крайней мѣрѣ, Богъ его родной земли. Каждый народъ хочетъ заключить въ своемъ храмѣ Того, Кого не можетъ объять весь міръ.

И можетъ-ли какой храмъ сравниться съ тѣмъ, который Самъ Богъ построилъ для того, чтобы соединить въ немъ всѣхъ людей въ одно исповѣданіе и одну вѣру?

Всѣ человѣческіе храмы сдѣланы по образцу этого храма—міра Божія. Во всѣхъ храмахъ есть купели, есть своды, свѣтильники, образа, надписи, книги законовъ, жертвы, алтари и жрицы. Въ какомъ же храмѣ есть такая купель, какъ океанъ, такой сводъ, какъ сводъ небесный, такіе свѣтильники, каковы солнце, луна и звѣзды, такіе образа, ка-

ковы живые, любящіе, помогающіе другъ другу люди? Гдѣ надписи о благости Бога, столь же понятныя, какъ тѣ благодѣянія, которыя повсюду разсѣяны Богомъ для счастія людей? Гдѣ такая книга закона, столь ясная каждому, какъ та, которая написана въ его сердцѣ? Гдѣ жертвы, подобныя тѣмъ жертвамъ самоотреченія, которыя любящіе люди приносятъ своимъ ближнимъ? И гдѣ алтарь, подобный сердцу добраго человѣка, на которомъ Самъ Богъ принимаетъ жертву?

Чѣмъ выше будетъ понимать человѣкъ Бога, тѣмъ лучше онъ будетъ знать Его. А чѣмъ лучше будетъ знать онъ Бога, тѣмъ больше будетъ приближаться къ Нему, подражать Его благости, милосердію и любви къ людямъ.

И потому пусть тотъ, который видитъ весь свѣтъ солнца, наполняющій міръ, пусть тотъ не осуждаетъ и не презираетъ того суевѣрнаго человѣка, который въ своемъ идолѣ видитъ только одинъ лучъ того же свѣта, пусть не презираетъ и того невѣрующаго, который ослѣпъ и вовсе не видитъ свѣта.

Такъ сказалъ китаецъ, ученикъ Конфуція, и всѣ бывшіе въ кофейной замолчали и не спорили больше о томъ, чья вѣра лучше.

За что?

Въ 1830 году, весною, къ пану Ячевскому въ его родовое имѣніе Рожанку пріѣхалъ единственный сынъ его умершаго друга, молодой Іосуфъ Мигурскій. Ячевскій былъ 65-ти-лѣтній широколобый, широкоплечій, широкогрудый старикъ, съ длинными бѣлыми усами на кирпично-красномъ лицѣ, патріотъ временъ второго раздѣла Польши. Онъ юношей вмѣстѣ съ Мигурскимъ-отцомъ служилъ подъ знаменами Костюшки и всѣми силами своей патріотической души ненавидѣлъ апокалипсическую, какъ онъ называлъ ее, Екатерину II и измѣнника, мерзкаго ея любовника, Понятовскаго, и также вѣрилъ въ возстановленіе Рѣчи Посполитой, какъ вѣрилъ ночью, что къ утру опять взойдетъ солнце. Въ 1812 году онъ командовалъ полкомъ въ войскахъ Наполеона, котораго онъ обожалъ. Погибель Наполеона огорчила его, но онъ не отчаивался въ возстановленіи, хотя и искалѣченнаго, но все-таки царства Польскаго. Открытіе сейма въ Варшавѣ Александромъ I оживили его надежды, но священный союзъ, реакція во всей Европѣ, самодурство Константина отдаляло осуществленіе завѣтнаго желанія. Съ 1825 года Ячевскій поселился въ деревнѣ и безвыѣздно жилъ въ своей Рожанкѣ, занимая время хозяйствомъ, охотой и чтеніемъ газетъ и писемъ, посредствомъ которыхъ онъ все-таки горячо сдѣдилъ за политическими событіями въ своемъ отечествѣ. Онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на бѣдной, красивой шляхтенкѣ, и бракъ этотъ былъ несчастливъ. Онъ не любилъ и не уважалъ этой своей второй жены, тяготился ею, дурно, грубо обращался съ нею, какъ будто вымещая на ней свою ошибку второго брака. Дѣтей отъ второй жены не было. Отъ первой же было двѣ дочери: старшая, Ванда, величавая красавица, знавшая цѣну своей красотѣ и скучавшая въ деревнѣ, и меньшая, Альбина, любимица отца, живая, костлявая дѣвочка, съ вьющимися бѣлокурыми волосами и широко, какъ у отца, разставленными большими блестящими сѣрыми глазами.

Альбинѣ было 15 лѣтъ, когда пріѣхалъ Іосифъ Мигурскій. Мигурскій и прежде студентомъ бывалъ у Ячевскихъ въ Вильнѣ, гдѣ они жили по зимамъ, и ухаживалъ за Вандой, теперь же въ первый разъ уже вполнѣ взрослымъ, свободнымъ человѣкомъ пріѣхалъ къ нимъ въ деревню. Пріѣздъ молодого Мигурскаго былъ пріятенъ всѣмъ жителямъ Рожанки. Старику Іозё Мигурскій былъ пріятенъ

тѣмъ, что напоминалъ ему друга его отца въ то время, какъ они были молоды, и тѣмъ, что съ жаромъ и самыми розовыми надеждами разсказывалъ о революціонномъ броженіи не только въ Польшѣ, но и за границей, откуда онъ только-что пріѣхалъ.

Пани Ячевской Мигурскій былъ пріятенъ тѣмъ, что при гостяхъ старикъ Ячевскій сдерживался и не бранилъ ее за все, какъ обыкновенно. Вандѣ онъ былъ пріятенъ потому, что она была увѣрена, что Мигурскій пріѣхалъ для нея и намѣревался ей сдѣлать предложеніе; она готовилась дать ему согласіе, но намѣревалась, какъ она сама съ собой говорила: lui tenir la dragée haute. Альбина была рада тому, что всѣ были рады. Не одна Ванда была увѣрена въ томъ, что Мигурскій пріѣхалъ съ намѣреніемъ сдѣлать ей предложеніе. Это думали всѣ въ домѣ, отъ старика Ячевскаго до няни Лудвики, хотя никто и не говорилъ этого.

И это была правда. Мигурскій пріѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но, пробывъ недѣлю, онъ, чѣмъ-то смущенный и разстроенный, уѣхалъ, не сдѣлавъ предложенія. Всѣ были удивлены этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ, и никто, кромѣ Альбины, не понималъ его причины. Альбина знала, что причиной этого страннаго отъѣзда была она.

Во все время пребыванія его въ Рожанкѣ она замѣчала, что Мигурскій былъ особенно возбужденъ и веселъ только съ нею. Онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ, шутилъ съ ней, дразнилъ ее, но она женскимъ чутьемъ чуяла, что въ этомъ обращеніи его съ ней было не отношеніе взрослаго къ ребенку, а мужчины къ женщинѣ. Она видѣла это въ томъ любящемъ взглядѣ и ласковой улыбкѣ, съ которыми онъ встрѣчалъ ее, когда она входила въ комнату, и провожалъ, когда она выходила. Она не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое это было, но это его отношеніе къ ней веселило ее, и она невольно старалась дѣлать то, что нравилось ему. Нравилось же ему все, что она бы ни дѣлала. И потому она въ его присутствіи съ особеннымъ возбужденіемъ дѣлала все, что дѣлала. Ему нравилось, какъ она наперегонки бѣгала съ прекраснымъ хортымъ (борзая собака), прыгавшимъ на нее и лизавшимъ ее въ раскраснѣвшееся сіяющее лицо; нравилось, какъ она при малѣйшемъ поводѣ заливалась заразительно звонкимъ смѣхомъ; нравилось, какъ она, продолжая весело смѣяться, глазами принимала серьезный видъ при скучной проповѣди ксендза; нравилось, какъ съ необыкновенной вѣрностью и комизмомъ представляла, то старую няню, то пьянаго сосѣда, то его самого, Мигурскаго, мгновенно переходя отъ изображенія одного къ изображенію другого. Нравилось, главное, ея восторженная жизнерадостность. Точно какъ будто она только-что сейчасъ узнала вполнѣ всю прелесть жизни и спѣшила воспользоваться ею. Ему нравилась эта особен-

ная ея жизнерадостность, а жизнерадостность эта возбуждалась и усиливалась именно тѣмъ, что она знала, что эта жизнерадостность восхищаетъ его. И потому одна Альбина знала, почему Мигурскій, пріѣхавшій, чтобы сдѣлать предложеніе Вандѣ, уѣхалъ, не сдѣлавъ его. Хотя она никому не рѣшилась бы сказать это, не говорила этого ясно и сама себѣ, она въ глубинѣ души знала, что онъ хотѣлъ полюбить сестру, а полюбилъ ее, Альбину. Альбина очень удивлялась этому, считая себя вполнѣ ничтожной въ сравненіи съ умной, образованной, красавицей Вандой, но не могла не знать, что это такъ, и не могла не радоваться этому, потому что сама всѣми силами своей души полюбила Мигурскаго, полюбила такъ, какъ любятъ только въ первый разъ и только одинъ разъ въ жизни.

Въ концѣ лѣта газеты принесли извѣстіе о парижской революціи. Вслѣдъ за этимъ стали приходить извѣстія о готовящихся безпорядкахъ въ Варшавѣ. Ячевскій со страхомъ и надеждой ожидалъ съ каждой почтой извѣстія объ убійствѣ Константина и началѣ революціи. Наконецъ, въ ноябрѣ получились въ Рожанкѣ сначала вѣсть о нападеніи на бельведеръ, о бѣгствѣ Константина Павловича, потомъ о томъ, что сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенной польскаго престола, что Хлопицкій объявленъ диктаторомъ, и польскій народъ опять свободенъ. Возстаніе не дошло еще до Рожанки, но всѣ обитатели ея слѣдили за ходомъ его, ожидали его у себя и готовились къ нему. Старикъ Ячевскій переписывался со старымъ знакомымъ, однимъ изъ главарей возстанія, принималъ таинственныхъ евреевъ-факторовъ, не по хозяйственнымъ, а по революціоннымъ дѣламъ, и готовился присоединиться къ возстанію, когда настанетъ время. Пани Ячевская, не только какъ всегда, но еще болѣе, чѣмъ всегда, заботилась о матеріальныхъ удобствахъ мужа и, какъ всегда, этимъ самымъ все больше и больше раздражала его. Ванда отослала свои брильянты подругѣ въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги отдать въ революціонный комитетъ. Альбина интересовалась только тѣмъ, что дѣлаетъ Мигурскій. Черезъ отца она узнала, что онъ поступилъ въ отрядъ Дверницкаго, и старалась узнать все то, что касалось этого отряда. Мигурскій писалъ два раза: одинъ разъ извѣщалъ о томъ, что онъ поступилъ въ войско, другой разъ, въ половинѣ февраля, писалъ восторженное письмо о побѣдѣ поляковъ при Стогекѣ, гдѣ взяли 6 русскихъ орудій и плѣнныхъ.

Zwyclestwo Polaków i kleska Moskali Wiwat!"—заканчивалъ онъ письмо. Альбина была въ восторгѣ. Она разсматривала карту, разсчитывала, гдѣ и когда должны быть окончательно побѣждены москали, и блѣднѣла, и дрожала, когда отецъ медленно распечатывалъ привезенные съ почты пакеты. Одинъ разъ мачеха, зайдя въ ея комнату, застала

ее передъ зеркаломъ въ панталонахъ и конфедераткѣ. Альбина готовилась въ мужскомъ платьѣ бѣжать изъ дома, чтобы присоединиться къ польскому войску. Мачеха сказала отцу. Отецъ призвалъ дочь къ себѣ и, скрывая свое сочувствіе ей, даже восхищеніе передъ ней, сдѣлалъ ей строгій выговоръ, требуя, чтобы она выбросила изъ головы глупыя мысли объ участіи въ войнѣ. „У женщины есть другое дѣло: любить и тѣшить тѣхъ, которые жертвуютъ собой за отчизну",—сказалъ онъ ей. Теперь она нужна ему, составляя его радость и утѣшеніе, а придетъ время. она также нужна будетъ мужу. Онъ зналъ, чѣмъ подѣйствовать на нее. Онъ намекнулъ ей на то, что онъ одинокъ и несчастенъ. Она прижалась къ нему лицомъ, скрывая слезы, которыя все-таки намочили рукавъ его халата, и обѣщала ему ничего не предпринимать безъ его согласія.

Только люди, испытавшіе то, что испытали поляки послѣ раздѣла Польши и подчиненія одной части ея власти ненавистныхъ москалей, могутъ понять тотъ восторгъ, который испытывали поляки въ 1830 и 1831 году, когда послѣ прежнихъ несчастныхъ попытокъ освобожденія новая надежда освобожденія казалась осуществимой. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишкомъ несоразмѣрны, и революція была опять задавлена. Опять безсмысленно повинующіеся десятки тысячъ русскихъ людей были пригнаны въ Польшу и подъ начальствомъ то Дибича. то Паскевича и высшаго распорядителя Николая I, сами не зная зачѣмъ они дѣлаютъ это, пропитавъ землю кровью своей и своихъ же братьевъ поляковъ, задавили ихъ и отдали опять во власть слабыхъ и ничтожныхъ людей. не желающихъ ни свободы, ни подавленія поляковъ, а только одного: удовлетворенія своего корыстолюбія и ребяческаго тщеславія.

Варшава была взята, отдѣльные отряды разбиты. Сотни. тысячи людей были разстрѣляны, забиты палками, сосланы. Въ числѣ сосланныхъ былъ и молодой Мигурскій. Имѣніе его было конфисковано, а самъ онъ опредѣленъ солдатомъ въ линейный баталіонъ въ Уральскъ.

Ячевскіе жили зиму 1832 года въ Вильнѣ для здоровья старика, послѣ 31 года страдавшаго болѣзнью сердца. Здѣсь пришло къ нимъ письмо отъ Мигурскаго изъ крѣпости. Онъ писалъ, что какъ ни тяжело для него было то. что онъ перенесъ и что предстоитъ ему, онъ радъ тому, что ему пришлось пострадать за отчизну, что онъ не отчаивается въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое онъ отдалъ часть своей жизни и готовъ отдать остатокъ ея, и что если бы завтра явилась новая возможность, онъ поступилъ бы такъ же. Читая письмо вслухъ, старикъ зарыдалъ на этомъ мѣстѣ и долго не могъ продолжать. Въ остальной части письма, которую вслухъ прочла Ванда. Мигурскій писалъ, что *какіе бы ни были его планы и мечты* въ тотъ послѣд-

ній его пріѣздъ, который останется вѣчно самой свѣтлой точкой во всей жизни, онъ теперь и не можетъ и не хочетъ говорить про нихъ.

Ванда и Альбина поняли каждая по своему значеніе этихъ словъ, но никому не объяснили того, какъ онѣ ихъ поняли. Въ концѣ письма Мигурскій посылалъ привѣтствіе всѣмъ и, между прочимъ, съ тѣмъ же игривымъ тономъ, съ которымъ онъ обращался съ Альбиной во время своего пріѣзда, обращался къ ней и въ письмѣ, спрашивая ее, такъ-ли же она быстро бѣгаетъ, перегоняя собакъ, и такъ-ли хорошо передразниваетъ всѣхъ. Онъ желалъ здоровья старику, успѣха въ хозяйственныхъ дѣлахъ матери, достойнаго мужа Вандѣ и продолженія той же жизнерадостности Альбинѣ.

Здоровье старика Ячевскаго шло все хуже и хуже, и въ 1833 году вся семья переѣхала за границу. Ванда встрѣтила въ Баденѣ богатаго польскаго эмигранта и вышла за него замужъ. Болѣзнь старика быстро ухудшалась, и въ началѣ 1838 года онъ умеръ за границей на рукахъ Альбины. Жену онъ не допускалъ ходить за собой, и до послѣдней минуты не могъ простить ей той ошибки, которую сдѣлалъ, женившись на ней. Пани Ячевская вернулась съ Альбиной въ деревню. Главный интересъ въ жизни Альбины былъ Мигурскій. Въ ея глазахъ это былъ величайшій герой и мученикъ, служенію которому она рѣшила посвятить свою жизнь. Еще до отъѣзда за границу она начала переписываться съ нимъ. Сначала по порученію отца, потомъ отъ себя. Послѣ смерти отца она, вернувшись въ Россію, продолжала переписываться съ нимъ и, когда ей минуло 18 лѣтъ, объявила мачехѣ, что она рѣшила ѣхать въ Уральскъ къ Мигурскому съ тѣмъ, чтобы выйти тамъ за него замужъ. Мачеха стала упрекать Мигурскаго за то, что онъ эгоистически хочетъ обезпечить свое тяжелое положеніе тѣмъ, чтобы, увлекши богатую дѣвушку, заставить ее раздѣлить его несчастье. Альбина разсердилась и объявила мачехѣ, что только она одна можетъ приписывать такія подлыя мысли человѣку, пожертвовавшему всѣмъ для своего народа, что Мигурскій, напротивъ, отказывался отъ той помощи, которую она предлагала ему, и что она безповоротно рѣшила ѣхать къ нему и выйти за него замужъ, если онъ только захочетъ дать ей это счастье. Альбина была совершеннолѣтняя, и деньги у нея были—тѣ 300,000 златыхъ, которые покойникъ дядя оставилъ двумъ племянницамъ. Такъ что ничего не могло задержать ее.

Въ ноябрѣ 1833 года Альбина простилась съ домашними, какъ на смерть, со слезами провожавшими ее въ дальній, невѣдомый край варварской Московіи, сѣла съ старой преданной няней Людвикой, которую она брала съ собой, въ отцовскій, вновь исправленный для дальней дороги возокъ и пустилась въ дальнюю дорогу.

Мигурскій жилъ не въ казармахъ, а на своей отдѣльной квартирѣ. Николай Павловичъ требовалъ, чтобы разжалованные поляки не только несли всю тяжесть суровой солдатской жизни, но и терпѣли всѣ тѣ униженія, которымъ подвергались въ это время рядовые солдаты; но большинство тѣхъ простыхъ людей, которые должны были исполнять эти его распоряженія, понимали всю тяжесть положенія этихъ разжалованныхъ и, несмотря на опасность неисполненія его воли, гдѣ могли, не исполняли ее. Полуграмотный, выслужившійся изъ солдатъ командиръ того баталіона, въ который былъ зачисленъ Мигурскій, понималъ положеніе бывшаго богатаго, образованнаго молодого человѣка, лишившагося всего, жалѣлъ его и уважалъ и дѣлалъ ему всякаго рода послабленія. И Мигурскій не могъ не оцѣнить добродушія подполковника съ бѣлыми бакенбардами на одутловатомъ солдатскомъ лицѣ и, чтобы отплатить ему, согласился учить его сыновей, готовящихся въ корпусъ, математикѣ и французскому языку.

Жизнь Мигурскаго въ Уральскѣ, тянувшаяся уже седьмой мѣсяцъ, была не только однообразная, унылая и скучная, но и тяжелая. Знакомствъ, кромѣ баталіоннаго командира, съ которымъ онъ старался держаться какъ можно дальше, у него былъ только одинъ сосланный полякъ, мало образованный и пронырливый, непріятный человѣкъ, занимавшійся здѣсь торговлей рыбой. Главная же тяжесть жизни Мигурскаго состояла въ томъ, что ему трудно было привыкать къ нуждѣ. Средствъ у него послѣ конфискаціи его имущества не было никакихъ, и онъ перебивался продажей золотыхъ вещей, которыя у него остались.

Единственная и большая радость его жизни послѣ его ссылки была переписка съ Альбиной, поэтическое, милое представленіе о которой со времени посѣщенія имъ Рожанки осталось у него въ душѣ и становилось теперь въ изгнаніи все прекраснѣе и прекраснѣе. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ она, между прочимъ, спрашивала его, что значатъ слова его давнишняго письма: „какія бы ни были мои желанія и мечты“. Онъ отвѣчалъ ей, что теперь онъ можетъ признаться ей, что мечты его были о томъ, чтобы назвать ее своей женой. Она отвѣтила ему, что любитъ его. Онъ отвѣтилъ, что лучше бы она не писала этого, потому что ужасно думать о томъ, что могло бы быть и теперь невозможно. Она отвѣтила, что это не только возможно, но что это непремѣнно будетъ. Онъ отвѣчалъ ей, что не можетъ принять ея жертву, что въ теперешнемъ положеніи его это невозможно. Вскорѣ послѣ своего этого письма онъ получилъ повѣстку на 2,000 золотыхъ. По штемпелю конверта и почерку онъ узналъ, что это было прислано отъ Альбины, и вспомнилъ, что въ одномъ изъ первыхъ писемъ онъ въ шуточномъ тонѣ описывалъ ей то удовольствіе, которое онъ испытываетъ теперь, уроками зарабаты-

вая все, что ему нужно—денегъ на чай, табакъ и даже книги. Переложивъ деньги въ другой конвертъ, онъ отослалъ ихъ назадъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ ее не портить ихъ святыхъ отношеній деньгами. У него всего было довольно,—писалъ онъ,—и онъ вполнѣ счастливъ, зная, что имѣетъ такого друга, какъ она. На этомъ остановилась ихъ переписка.

Въ ноябрѣ Мигурскій сидѣлъ у подполковника, давая урокъ мальчикамъ, когда послышался звукъ приближающагося почтоваго колокольца, и заскрипѣли по морозному снѣгу полозья саней и остановились у подъѣзда. Дѣти вскочили, чтобы узнать, кто пріѣхалъ. Мигурскій остался въ комнатѣ, глядя на дверь и ожидая возвращенія дѣтей, но въ дверь вошла сама подполковница.

— Я къ вамъ, „панъ“, какія-то барыни пріѣхали, васъ спрашиваютъ,—сказала она.—Должно, съ вашей стороны похоже полячки.

Если бы Мигурскаго спросили: считаетъ ли онъ возможнымъ пріѣздъ къ нему Альбины, онъ бы сказалъ, что это немыслимо; въ глубинѣ же души онъ ждалъ ее. Кровь прилила ему къ сердцу, и онъ, задыхаясь, выбѣжалъ въ переднюю. Въ передней развязывала платокъ на головѣ толстая, рябая женщина. Другая женщина входила въ дверь квартиры полковника. Услыхавъ за собой шаги, она обернулась. Изъ-подъ капора сіяли жизнерадостные, широко разставленные, блестящіе глаза съ заиндевѣвшими рѣсницами Альбины. Онъ остолбенѣлъ и не зналъ, какъ встѣтить ее, какъ здороваться. „Юзе“!—вскрикнула она, называя его такъ, какъ называлъ его отецъ, и какъ сама съ собой она называла его, обхватила руками его шею, прильнула къ его лицу своимъ зардѣвшимся холоднымъ лицомъ и засмѣялась и заплакала.

Узнавъ, кто такая Альбина и зачѣмъ она пріѣхала, добрая полковница приняла ее и помѣстила до свадьбы у себя.

VI.

Добродушный подполковникъ выхлопоталъ разрѣшеніе высшаго начальства. Изъ Оренбурга выписали ксендза и обвѣнчали Мигурскихъ. Жена батальоннаго командира была посаженной матерью, одинъ изъ учениковъ несъ образъ, а Бржозовскій, сосланный полякъ, былъ шаферомъ.

Альбина, какъ ни странно это можетъ казаться, страстно любила своего мужа, но совсѣмъ не знала его. Она теперь только знакомилась съ нимъ. Само собою разумѣется что она нашла въ живомъ человѣкѣ съ плотью и кровью много такого обыденнаго и непоэтическаго, чего не было въ томъ образѣ, который она носила и растила въ своемъ воображеніи. Но зато, именно потому, что это былъ чело-

вѣкъ съ плотью и кровью, она нашла въ немъ много такого простого, хорошаго, чего не было въ томъ отвлеченномъ образѣ. Она слышала отъ знакомыхъ и друзей про его храбрость на войнѣ и знала про его мужество при потерѣ состоянія и свободы и представляла себѣ его героемъ, всегда живущимъ возвышенной, геройской жизнью; въ дѣйствительности же со своей необыкновенной физической силой и храбростью онъ оказался кроткимъ, смирнымъ простымъ человѣкомъ, съ добродушными шутками, съ той самой дѣтской улыбкой чувственнаго рта, окруженнаго бѣлокурой бородкой и усами, которая прельстила ее еще въ Рожанкѣ, и съ неугасимой трубкой, которая была ей особенно тяжела во время беременности.

Миргурскій тоже только теперь узналъ Альбину, и въ Альбинѣ въ первый разъ узналъ женщину. По тѣмъ женщинамъ, которыхъ онъ зналъ до женитьбы, онъ не могъ знать женщинъ. И то, что онъ узналъ въ Альбинѣ, какъ женщинѣ вообще, удивило его скорѣе могло бы разочаровать его въ женщинѣ вообще, если бы онъ не чувствовалъ къ Альбинѣ, какъ къ Альбинѣ, особенно нѣжнаго и благодарнаго чувства. Къ Альбинѣ, какъ женщинѣ вообще, онъ чувствовалъ ласковое, нѣсколько ироническое снисхожденіе, къ Альбинѣ же, какъ къ Альбинѣ, не только нѣжную любовь, но и восхищеніе, сознаніе неоплатнаго долга за ея жертву, давшую ему незаслуженное счастье.

Мигурскіе были счастливы любовью. Направивъ всю силу своей любви другъ на друга, они испытывали среди чужихъ людей чувство двухъ заблудившихся зимой замерзающихъ отогрѣвающихъ другъ друга. Радостной жизни Мигурскихъ содѣйствовало и участіе въ ихъ жизни рабски самоотверженно преданной своей панюсѣ добродушно ворчливой, комической, влюбляющейся во всѣхъ мужчинъ няни Лудвики. Мигурскіе были счастливы и дѣтьми. Черезъ годъ родился мальчикъ. Черезъ полтора года дѣвочка. Мальчикъ былъ повтореніе матери: тѣ же глаза и та же рѣзвость и грація. Дѣвочка была здоровый, красивый звѣрекъ.

Несчастны же Мигурскіе были удаленіемъ отъ родины и, главное, тяжестью своего непріятно униженнаго положенія. Особенно страдала за это униженіе Альбина. Онъ ея Юзе, герой, идеалъ человѣка, долженъ былъ вытягиваться передъ всякимъ офицеромъ, дѣлать ружейные пріемы, ходить въ караулъ и безропотно повиноваться.

Кромѣ того, извѣстія изъ Польши получались самыя тяжелыя. Почти всѣ близкіе родные, друзья были или сосланы или, лишившись всего, бѣжали за границу. Для самихъ же Мигурскихъ не предвидѣлось какого-либо конца этому положенію. Всѣ попытки ходатайствовать о прощеніи или хотя бы объ улучшеніи положенія, о производствѣ въ офицеры, не достигали цѣли. Николай Павловичъ дѣ-

лалъ смотры, парады, ученія, ходилъ по маскарадамъ, заигрывалъ съ масками, скакалъ безъ надобности по Россіи изъ Чугуева въ Новороссійскъ, Петербурга и Москву, пугая народъ и загоняя лошадей, и когда какой-нибудь смѣльчакъ рѣшался докладывать прося смягченія участи сосланныхъ декабристовъ или поляковъ, страдающихъ изъ-за той любви къ отечеству, которыя имъ же восхвалялась, онъ выпячивалъ грудь, останавливалъ на чемъ попало свои оловянные глаза и говорилъ: „Пускай служатъ. Рано",—какъ будто онъ зналъ, когда будетъ не рано, и когда будетъ время. И всѣ приближенные: генералы, камергеры и ихъ жены, кормившіеся около него, умилялись передъ необычайной прозорливостью и мудростью этого великаго человѣка.

Въ общемъ, все-таки въ жизни Мигурскихъ было болѣе счастья, чѣмъ несчастья.

Такъ прожили они пять лѣтъ. Но вдругъ обрушилось на нихъ неожиданное, страшное горе. Заболѣла сначала дѣвочка, черезъ два дня заболѣлъ мальчикъ, горѣлъ три дня и безъ помощи врача (никого нельзя было найти) на четвертый день умеръ. Черезъ два дня послѣ него умерла и дѣвочка.

Альбина не утопилась въ Уралѣ только потому, что не могла безъ ужаса представить себѣ положенія мужа при извѣстіи объ ея самоубійствѣ. Но жить ей было трудно. Всегда прежде дѣятельная и заботливая, она теперь, предоставивъ всѣ свои заботы Людвикѣ, сидѣла часами безъ дѣла, молча глядя на то, что попадалось подъ глаза, а то вдрухъ вскакивала и убѣгала въ свою коморку и тамъ, не отвѣчая на утѣшенія мужа и Людвики, тихо плакала, только качая головой, прося ихъ уйти и оставивъ ее одну.

Лѣтомъ она уходила на могилу дѣтей и тамъ сидѣла раздирая себѣ сердце воспоминаніями о томъ, что было и что могло бы быть. Особенно мучила ее мысль о томъ, что дѣти могли бы остаться живы, если бы они жили въ городѣ, гдѣ могла бы быть подана медицинская помощь. „За что? за что?—думала она.—И Юзе и я мы ничего ни отъ кого не хотимъ, кромѣ того, чтобы ему жить такъ, какъ онъ родился и жили его дѣды и прадѣды, а мнѣ—только чтобы жить съ нимъ, любить его, любить моихъ крошекъ, воспитывать ихъ".

„И вдругъ его мучаютъ, ссылаютъ, а у меня отнимаютъ то, что мнѣ дороже свѣта. Зачѣмъ? за что?" задавала она этотъ вопросъ людямъ и Богу. И не могла представить себѣ возможности какого-нибудь отвѣта. А безъ этого отвѣта не было жизни, и жизнь ея остановилась. Бѣдная жизнь въ изгнаніи, которую она прежде умѣла украшать своимъ женскимъ вкусомъ и изяществомъ, стала теперь невыносима не только ей, но и Мигурскому, страдавшему за нее и не знавшему, чѣмъ помочь ей.

VII.

Въ это самое тяжелое для Мигурскихъ время прибылъ въ Уральскъ полякъ Росоловскій, замѣшанный въ грандіозномъ планѣ возмущенія и побѣга, устроеннаго въ то время въ Сибири сосланнымъ ксендзомъ Сироцинскимъ.

Росоловскій, такъ же, какъ и Мигурскій, такъ же, какъ и тысячи людей, наказанныхъ ссылкой въ Сибирь за то, что они хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ родились—поляками, былъ замѣшенъ въ этомъ дѣлѣ, наказанъ за это розгами и отданъ въ солдаты того же батальона, гдѣ былъ Мигурскій. Росоловскій, худой человѣкъ съ впалыми щеками и нахмуреннымъ лбомъ.

Въ первый же вечеръ своего пребыванія Росоловскій, сидя за чаемъ у Мигурскихъ, сталъ естественно, разсказывать своимъ медленнымъ, спокойнымъ басомъ про то дѣло, за которое онъ такъ жестоко пострадалъ. Дѣло состояло въ томъ, что Сироцинскій организовалъ по всей Сибири тайное общество, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы съ помощью поляковъ, зачисленныхъ въ казачьи и линейные полки, взбунтовать солдатъ и каторжныхъ, поднять поселенцевъ, захватить въ Омскѣ артиллерію и всѣхъ освободить.

— Да развѣ это было возможно?—спросилъ Мигурскій.

— Очень возможно, все было готово,—сказалъ Росоловскій, мрачно хмурясь, и медленно, спокойно разсказалъ весь планъ освобожденія и всѣ принятыя мѣры для успѣха дѣла и въ случаѣ неуспѣха для спасенія заговорщиковъ. Успѣхъ былъ вѣрный, если бы не измѣнили два злодѣя. Сироцинскій, по словамъ Росоловскаго, былъ человѣкъ геніальный и великой душевной силы. Онъ и умеръ героемъ и мученикомъ. И Росоловскій ровнымъ, спокойнымъ басомъ сталъ разсказывать подробности казни, на которой, по приказанію начальства, онъ долженъ былъ присутствовать вмѣстѣ со всѣми судившимися по этому дѣлу.

— Два батальона солдатъ стояли въ два ряда, длинной улицей. У каждаго солдата въ рукѣ была гибкая палка, такой высочайше утвержденной толщины, чтобы три только могли входить въ дуло ружья. Первымъ повели доктора Шакальскаго. Два солдата вели его, и тѣ которые были съ палками, били его по оголенной спинѣ, когда онъ ровнялся съ ними. Я видѣлъ это только тогда, когда онъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. То я слышалъ только дробь барабана, но потомъ, когда становился слышенъ свистъ палокъ и звукъ ударовъ по тѣлу, я зналъ, что онъ шелъ, вздрагивая и поворачивая голову то въ ту, то въ другую сторону. И разъ, когда его проводили мимо насъ я слышалъ, какъ русскій говорилъ солдатамъ: „Не бейте больно, пожалѣйте". Но они все били, и

когда его провели мимо меня второй разъ, онъ уже не шелъ самъ, а его тащили. Страшно было смотрѣть на его спину. Я зажмурился. Онъ упалъ, и его унесли. Потомъ повели второго, потомъ третьяго, потомъ четвертаго. Всѣ падали, всѣхъ уносили, однихъ замертво, другихъ еле живыми, и мы все должны стоять и смотрѣть. Продолжалось это шесть часовъ—онъ ранняго утра и до двухъ часовъ пополудни. Послѣдняго повели самого Сироцинскаго. Я давно не видалъ его и не узналъ бы, такъ онъ постарѣлъ. Все въ морщинахъ, бритое лицо его было блѣдно-зеленоватое. Тѣло обнаженное было худое, желтое, ребра такъ и выступали надъ втянутымъ животомъ. Онъ шелъ такъ же, какъ и всѣ, при каждомъ ударѣ вздрагивая и вздергивая голову, но не стоналъ и громко читалъ молитву: „Miserere mei Deus secundam magnam misericordiam tuam".

— Я самъ слышалъ,—быстро прохрипѣлъ Росоловскій и, закрывъ ротъ, засопѣлъ носомъ.

Людвика, сидѣвшая у окна, рыдала, закрывъ лицо платкомъ.

— Охота вамъ расписывать! Звѣри—звѣри и есть!—вскрикнулъ Мигурскій и, бросивъ трубку, вскочилъ со стула и быстрыми шагами ушелъ въ темную спальню. Альбина сидѣла, какъ окаменѣлая, уставивъ глаза въ темный уголъ.

VIII.

На другой день Мигурскій, придя домой съ ученія, былъ удивленъ и обрадованъ видомъ жены, которая, какъ въ старину, легкими шагами, съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила его и повела въ спальню.

— Ну, Юзе, слушай.

— Слушаю. Что?

— Я всю ночь думала о томъ, что разсказалъ Росоловскій. И я рѣшилась: я не могу жить такъ, не могу жить тутъ. Не могу! Я умру, но не останусь здѣсь.

— Да что же дѣлать?

— Бѣжать.

— Бѣжать? Какъ?

— Я все обдумала. Слушай,—и она разсказала ему тотъ планъ, который она придумала сегодня ночью. Планъ былъ такой. Онъ, Мигурскій, уйдетъ изъ дома вечеромъ и оставитъ на берегу Урала свою шинель и на шинели письмо, въ которомъ напишетъ, что лишаетъ себя жизни. Поймутъ, что онъ утопился. Будутъ искать, потомъ будутъ посылать бумаги. А онъ спрячется. Она такъ спрячетъ его, что никто не найдетъ. Можно будетъ прожить такъ хоть мѣсяцъ. А когда все уляжется, они убѣгутъ.

Затѣя ея въ первую минуту показалась Мигурскому неисполнимой, но къ концу дня, когда она съ такой страс-

тью и увѣренностью убѣждала его, онъ сталъ соглашаться съ нею. Кромѣ того, онъ былъ склоненъ согласиться еще и потому, что наказаніе за неудавшійся побѣгъ, такое же наказаніе, какъ то, про которой разсказывалъ Росоловскій, падало на него, Мигурскаго, успѣхъ же освобождалъ ее, а онъ видѣлъ, какъ послѣ смерти дѣтей тяжела ей была жизнь здѣсь.

Росоловскій и Лудвика были посвящены въ ихъ замыселъ, и послѣ долгихъ совѣщаній, измѣненій, поправокъ, планъ побѣга былъ выработанъ. Сначала хотѣли сдѣлать такъ, чтобы Мигурскій послѣ того, какъ онъ будетъ признанъ утонувшимъ, бѣжалъ бы одинъ, пѣшкомъ. Альбина же выйдетъ въ экипажѣ и въ условномъ мѣстѣ встрѣтитъ его. Такой былъ первый планъ. Но потомъ, когда Росоловскій разсказалъ про всѣ не удавшіяся попытки побѣговъ послѣднихъ пяти лѣтъ въ Сибири (за все время убѣжалъ и спасся только одинъ счастивецъ), Альбина предложила другой планъ, тотъ, чтобы Юзе, спрятанный въ экипажѣ, ѣхалъ бы съ нею и Лудвикой до Саратова. Въ Саратовѣ же ему, переодѣтому, итти внизъ по берегу Волги и въ условномъ мѣстѣ сѣсть въ лодку, которую она найметъ въ Саратовѣ и въ которой поплыветъ вмѣстѣ съ Альбиной внизъ по Волгѣ до Астрахани и черезъ Каспійское море въ Персію. Планъ этотъ былъ одобренъ всѣми и главнымъ устроителемъ Росоловскимъ, но представлялось трудность устройства такого помѣщенія въ экипажѣ, которое не обратило бы вниманія начальства и, между тѣмъ, могло бы вмѣстить въ себя человѣка. Когда же Альбина, послѣ поѣздки на могилу дѣтей, сказала Росоловскому, какъ ей больно оставлять прахъ дѣтей на чужой сторонѣ, онъ подумавъ, сказалъ:

— Просите начальство о разрѣшеніи взять съ собой гробы дѣтей, вамъ разрѣшатъ.

— Нѣтъ, я не хочу, не могу этого!—сказала Альбина.

— Просите. Въ этомъ все. Мы не возьмемъ гробовъ, а для нихъ сдѣлаемъ большой ящикъ и въ ящикъ положимъ Юзефа.

Въ первую минуту Альбина отвергла это предложеніе, такъ ей непріятно было связывать образъ съ воспоминаніемъ о дѣтяхъ, но когда Мигурскій весело одобрилъ этотъ проектъ, она согласилась.

Такъ что окончательный планъ выработался такой: Мирурскій сдѣлаетъ все то, что должно убѣдить начальника, что онъ утонулся. Когда смерть его будетъ признана Альбина подастъ прошеніе о томъ, чтобы ей послѣ смерти, мужа разрѣшено было вернуться на родину и взять съ собой и прахъ дѣтей. Когда же ей дадутъ и это разрѣшеніе, будетъ сдѣлано подобіе того, что могилы раскопаны и гробы взяты, но гробы оставятъ на мѣстахъ, а вмѣсто дѣтскихъ гробовъ въ приготовленномъ для этого ящикѣ по-

мѣстится Мигурскій. Ящикъ поставятъ въ тарантасъ и такъ доѣдутъ до Саратова. Отъ Саратова они сядутъ на лодку. Въ лодкѣ Юзе выйдетъ изъ ящика, и они поплывутъ до Каспійскаго моря, а тамъ — Персія или Турція и свобода.

IX.

Прежде всего Мигурскіе купили тарантасъ подъ предлогомъ отправленія Лудвика на родину. Потомъ началось устройство въ тарантасѣ такого ящика, въ которомъ, не задохнувшись, можно было бы хотя и скорчившись, лежать и изъ котораго можно было бы скоро и не замѣтно выходить и опять влезать. Втроемъ, Альбина, Росоловскій и самъ Мигурскій, придумывали и прилаживали ящикъ. Въ особенности важна была помощь Росоловскаго, который былъ хорошій столяръ. Ящикъ былъ сдѣланъ такъ, что, утвержденный на дрожинахъ позади кузова, онъ плотно приходился къ кузову, и стѣнка, приходившаяся къ кузову, отваливалась такъ, что человѣкъ, вынувъ стѣнку, могъ лежать частью въ ящикѣ, частью на днѣ тарантаса. Кромѣ того, въ ящикѣ были провернуты дыры для воздуха и съ верху и съ боковъ ящикъ долженъ былъ быть покрытъ рогожей и увязанъ веревками. Входить и выходить изъ него можно было черезъ тарантасъ, въ которомъ было сдѣлано сидѣнье.

Когда тарантасъ и ящикъ были готовы, еще до исчезновенія мужа. Альбина, чтобы приготовить начальство, пошла къ полковнику и заявила, что мужъ ея впалъ въ меланхолію и покушался на самоубійство, и она боится за него и проситъ на время отпустить его. Способность ея къ драматическому искусству пригодилась ей. Выражаемое ею безпокойство и страхъ за мужа были такъ естественны, что полковникъ былъ тронутъ и обѣщалъ сдѣлать ей, что можетъ. Послѣ этого Мигурскій сочинилъ письмо, которое должно было быть найдено за обшлагомъ его шинели на берегу Урала, и въ условленный день, вечеромъ, онъ пошелъ къ Уралу, дождался темноты, положилъ на берегу одежду, шинель съ письмомъ и тайно вернулся домой. На чердакѣ, запирающемся замкомъ, было приготовлено для него мѣсто. Ночью Альбина послала Лудвику къ полковнику заявить о мужѣ, что онъ, выйдя изъ дома 20 часовъ назадъ, не возвращался. Утромъ ей принесли письмо мужа, и она съ выраженіемъ сильнаго отчаянія, въ слезахъ, отнесла его полковнику.

Черезъ недѣлю Альбина подала прошеніе объ отъѣздѣ на родину. Горе, выражаемое Мигурской, поражало всѣхъ видѣвшихъ ее. Всѣ жалѣли несчастную мать и жену. Когда отъѣздъ ея былъ разрѣшенъ, она подала другое

прошеніе о позволеніи откопать трупы дѣтей и взять ихъ съ собой.

Начальство подивилось на эту сантиметальность но разрѣшило и это.

На другой день послѣ полученія и этого разрѣшенія, вечеромъ, Росоловскій съ Альбиной и Лудвикой, въ наемной телѣгѣ, съ ящикомъ, въ которой должны были быть вложены гробы дѣтей, пріѣхало на кладбищъ, къ могилѣ дѣтей. Альбина, опустившись на колѣни у могилъ дѣтей, помолилась и скоро встала, отерла слезы, и обращаясь къ Росоловскому, сказала:

— Дѣлайте то, что надо, а я не могу,—и отошла въ сторону.

Росоловскій съ Лудвикой сдвинули нагробный камень и вскопали лопатой верхнія части могилы, такъ что могила имѣла видъ раскопанной. Когда все было сдѣлано, они крикнули Альбину и съ ящикомъ, наполненнымъ землей, вернулись домой.

Наступилъ назначенный день отъѣзда. Росоловскій радовался успѣху доведеннаго почти до конца предпріятія. Лудвика напекла на дорогу печеній и пирожковъ и, приговаривая свою любиму поговоркую „Iak mame kocham“, говорила, что у ней сердце разрывается отъ страха и радости. Мигурскій радовался и своему освобожденію съ чердака, на которомъ онъ просидѣлъ больше мѣсяца, и больше всего—оживленіе и жизнерадостности Альбины. Она какъ будто забыла все прежнее горе и всѣ опасности, и какъ въ дѣвичье время, прибѣгая къ нему на чердакъ, сіяла восторженной радостью.

Въ три часа утра пришелъ казакъ-провожатый и привелъ ямщика съ тройкой лошадей. Альбина съ Лудвикой и собачкой сѣли въ тарантасъ на подушки, покрытыя ковромъ. Казакъ и ямщикъ сѣли на козлы. Мигурскій, одѣтый въ крестьянское платье, лежалъ въ кузовѣ тарантаса.

Выѣхали изъ города, и добрая тройка понесла тарантасъ по гладкой, какъ камень, убитой дорогѣ, между безконечной, непаханной, поросшей прошлогоднимъ серебристымъ ковылемъ степью.

X.

Сердце замирало въ груди Альбины отъ надежды и восторга. Желая подѣлится своими чувствами, она изрѣдка, чуть улыбаясь, указывала Лудвикѣ головой и на широкую спину казака, то на дно тарантаса. Лудвика съ значительнымъ видомъ неподвижно смотрѣла передъ собой и только чуть-чуть морщила губы. День былъ ясный. Со всѣхъ сторонъ растилалась безграничная пустынная степь, блестящая серебристымъ ковылемъ на косыхъ лучахъ утреннаго солнца. Только то съ той, то съ другой стороны желтой дороги,

по которой, какъ по асфальту, гулко звучали некованныя, быстрыя ноги бакарскихъ коней, виднѣлись бугорки насыпанной земли сусликовъ; на заду сидѣлъ сторожевой звѣрекъ, предупреждающій объ опасности пронзительнымъ свистомъ, и скрывался въ нору. Рѣдко встрѣчались проѣзжіе: обозы казаковъ съ пшеницей или конный башкиръ, съ которымъ казакъ бойко перекидывался татарскими словами. На всѣхъ станціяхъ лошади были свѣжія, сытыя, и полтинники на водку, которыя давала Альбина, дѣлали то, что ямщики гнали,—какъ они говорили,—по-фельдъегерски, вскочь всю дорогу.

На первой же станціи, въ то время, какъ прежній ямщикъ увелъ, а новый не привелъ еще лошадей, и казакъ вошелъ во дворъ, Альбина, перегнувшись, спросила мужа, какъ онъ себя чувствуетъ, не нужно-ли ему чего?

— Превосходно, спокойно. Ничего не нужно. Легко пролежу хоть двое сутокъ.

Къ вечеру пріѣхали въ большое село Дергачи. Для того, чтобы мужъ могъ расправить члены и освѣжиться, Альбина остановилась не на почтовомъ, а на постояломъ дворѣ и тотчасъ же, дала деньги казаку, послала его купить ей молока и яицъ. Тарантасъ стоялъ подъ навѣсомъ. на дворѣ было темно и, поставивъ Лудвику караулить казака, Альбина выпустила мужа, накормила его,, и до возвращенія казака онъ опять влѣзъ въ свое потайное мѣсто. Послали опять за лошадьми и поѣхали дальше. Альбина чувствовала все большій и большій подъемъ духа и не могла удержать своего восторга и веселости. Говорить ей было больше не съ кѣмъ, какъ съ Лудвикой, казакомъ и Трезоркой, и она забавлялась ими. Лудвика, несмотря на свою некрасивость, при всякомъ отношеніи съ мужчиной тотчасъ же подозрѣвавшая въ этомъ мужчинѣ любовные на нее виды, подозрѣвала теперь это самое по отношенію къ здоровенному, добродушному казаку-уральцу, съ необыкновенно ясными и добрыми голубыми глазами, который провожалъ ихъ и который былъ особенно пріятенъ обѣимъ женщинамъ своей простотой и добродушной ловкостью. Кромѣ Трезорки, на котораго Альбина грозилась, не позволяя ему нюхать подъ сидѣньемъ, она теперь забавлялась Лудвикой и ея комическимъ кокетствомъ съ неподозрѣвающимъ приписываемыя ему намѣренія, добродушно улыбающимся на все, что ему говорили, казакомъ. Альбина, возбужденная и опасностью, и начинающимъ осуществляться успѣхомъ дѣла, и степнымъ воздухомъ, испытывала давно неиспытанное ею чувство дѣтскаго восторга и веселья. Мигурскій слышалъ ея веселый говоръ и тоже, несмотря на скрываемую имъ физическую тяжесть своего положенія (особенно жарко ему было, и жажда его мучила), забывая о себѣ, радовался на ея радость.

Къ вечеру второго для стало виднѣться что-то въ

туманѣ. Это былъ Саратовъ и Волга. Казакъ своими степными глазами видѣлъ и Волгу, и мачту, и указывалъ ихъ Лудвикѣ. Лудвика говорила, что видѣла тоже. Но Альбина ничего не могла разобрать и только нарочно громко, чтобы слышалъ мужъ, говорила:

— Саратовъ, Волга, — какъ будто разговаривая съ Трезоромъ, разсказывала мужу Альбина все то, что она видѣла.

XI.

Не въѣзжая въ Саратовъ, Альбина остановилась на лѣвой сторонѣ Волги, въ слободѣ Покровской, противъ самаго города. Здѣсь она надѣялась въ продолженіи ночи успѣть переговорить съ мужемъ и даже вывести его изъ ящика. Но казакъ во всю короткую, весеннюю ночь не отходилъ отъ тарантаса, сидѣлъ подлѣ него въ стоявшей подъ навѣсомъ пустой телѣгѣ. Лудвика, по распоряженію Альбины, сидѣла въ тарантасѣ и, будучи вполнѣ увѣрена, что казакъ ради нея не отходитъ отъ тарантаса, мигала, смѣялась и закрывала свое рябое лицо платкомъ. Но Альбина не видѣла ужъ въ этомъ ничего веселаго и все больше и больше тревожилась, не понимая, для чего казакъ такъ неотлучно держался около тарантаса.

Нѣсколько разъ въ короткую ночь съ зарей, сливающейся съ зарей, Альбина выходила изъ горницы постоялаго двора, мимо вонючей галлереи, на заднее крыльцо. Казакъ все не спалъ и, спустивъ ноги, сидѣлъ на стоявшей подлѣ тарантаса пустой телѣгѣ. Только передъ разсвѣтомъ, когда пѣтухи уже проснулись и перекликались со двора на дворъ, Альбина, сойдя внизъ, нашла время переговорить съ мужемъ. Казакъ храпѣлъ, развалившись на телѣгѣ. Она осторожно подошла къ тарантасу и толкнула ящикъ.

— Юзе!—Отвѣта не было.—Юзе, Юзе!—съ испугомъ громче проговорила она.

— Что ты, это?—сонным голосомъ проговорилъ Мигурскій изъ ящика.

— Что ты не отвѣчалъ?

— Спалъ,—проговорилъ онъ, и она по звуку голоса узнала, что онъ улыбался.—Что же, выходить?—спросилъ онъ.

— Нельзя, казакъ тутъ,—и, сказавъ это, она взглянула на казака, спящаго въ телѣгѣ.

И, удивительное дѣло, казакъ храпѣлъ, но глаза его, добрые, голубые глаза, были открыты. Онъ смотрѣлъ на нее и только, встрѣтившись съ ней взглядомъ, закрылъ глаза.

„Показалось мнѣ, или точно онъ не спалъ?“ спросила

себя Альбина. „Вѣрно подумалось“, подумала она и опять обернулась къ ящику.

— Потерпи еще не много,—сказала она.—Поѣсть хочешь?

— Нѣтъ. Курить хочу.

Альбина опять взглянула на казака.

Онъ спалъ.

„Да, это показалось мнѣ“, подумала она.

— Я теперь поѣду къ губернатору.

— Ну, часъ добрый...

И Альбина, доставъ изъ чемодана платье, пошла въ горницу одѣваться.

Переодѣвшись въ свое лучшее вдовье платье, Альбина переѣхала Волгу. На набережной она взяла извозчика и поѣхала къ губернатору. Губернаторъ принялъ ее. Хорошенькая, улыбающаяся вдова-полька, прекрасно говорящая по-французски, очень направилась молодящемуся старику губернатору. Онъ все разрѣшилъ ей и просилъ ее пріѣхать еще завтра къ нему, чтобы получить отъ него приказъ къ городничему въ Царыцинъ. Радуясь и успѣху своего ходатайства, и по тому дѣйствію ея привлекательности, которое она видѣла въ манерѣ губернатора, Альбина, счастливая и полная надеждъ, возвращалась подъ гору по немощенной улицѣ на долгушкѣ къ пристани. Солнце взошло уже выше лѣса и косыми лучами играло и на рябящей водѣ огромнаго розлива. Справа и слѣва по горѣ виднѣлись, какъ бѣлыя облака, облитыя пахучимъ цвѣтомъ яблони. Лѣсъ мачтъ виднѣлся у берега, и паруса бѣлѣли по играющему на солнцѣ рябящему отъ вѣтерка разливу. На пристани, разговорившись съ извозчикомъ, Альбина спросила, можно ли нанять лодку до Астрахани, и десятки шумливыхъ, веселыхъ лодочниковъ предложили ей свои услуги и лодки. Она сговорилась съ однимъ изъ лодочниковъ, больше другихъ понравившимся ей, и пошла смотрѣть его лодку косовушку, стоявшую въ тѣснотѣ другихъ лодокъ у пристани. На лодкѣ была устанавливающаяся небольшая мачта съ парусомъ, такъ что можно было итти вѣтромъ. Въ случаѣ безвѣтрія были весла и два здоровые, веселыя бурлаки-ребца, сидѣвшіе на солнцѣ въ лодкѣ. Веселый, добродушный лоцманъ совѣтовалъ не оставлять тарантаса, а, снявъ съ него колеса, поставить на лодку, „Какъ разъ уставится, и вамъ покойнѣе сидѣть будетъ. Дастъ Богъ погодку, дней въ пятокъ до Астрахани добѣжимъ“,

Альбина сторговалась съ лодочникомъ и велѣла ему притти въ Покровскую слободу, на Логиновъ постоялый дворъ, чтобы посмотрѣть тарантасъ и получить задатокъ. Все удавалось лучше, чѣмъ она ожидала. Въ самомъ восторженно-счастливомъ состояніи Альбина переѣхала Волгу и, разочтясь съ извозчикомъ, направилась къ постоялому двору.

XII.

Казакъ Данило Лифановъ былъ изъ Стрѣлецкаго Умета на общемъ сырту. Ему было 34 года, и онъ отслуживалъ послѣдній мѣсяцъ своего срока казацкой службы. У него въ семьѣ былъ старикъ 90-лѣтній дѣдъ, помнящій еще Пугачева, два брата, сноха старшаго брата, за старую вѣру сосланнаго въ каторгу въ Сибирь, жена, двѣ дочери и два сына. Отецъ его былъ убитъ на войнѣ съ французами. Онъ былъ старшимъ въ домѣ. У нихъ во дворѣ было 16 коней, два кабана быковъ и было распахано и засѣяно пшеницей своей вольной земли 15 сотенниковъ. Онъ, Данило, служилъ въ Оренбургѣ, въ Казани и теперь кончилъ срокъ Онъ твердо держался старой вѣры, не курилъ, не пилъ и не ѣлъ изъ одной посуды съ мірскими и также строго держался присяги. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ былъ медлительно твердо обстоятеленъ, и на то, что ему поручено было дѣлать отъ начальства, употреблялъ все свое вниманіе и не забывалъ ни на минуту, пока не исполнилъ всего, какъ онъ понималъ, своего назначенія. Теперь ему вѣлено было проводить до Саратова двухъ полячекъ съ гробами такъ, чтобы надъ ними дорогой ничего худого, не сдѣлали, и въ Саратовѣ честь честью сдать ихъ начальству. Такъ онъ и доставилъ ихъ до Саратова и съ собачкой, и со всѣми съ гробами ихними. Бабы были смирныя, ласковыя, хоть и полячки, а ничего худого не дѣлали. Но тутъ, въ Покровской слободѣ, ввечеру, онъ, проходя мимо тарантаса, увидалъ, что собаченка впрыгнула въ тарантасъ и тамъ стала визжать и хвостомъ махать, и изъ-подъ сидѣнія тарантаса ему послышался чей-то голосъ. Одна изъ полячекъ, старая, увидавъ собаченку въ тарантасѣ, испугалась чего-то схватила собаченку и унесла.

„Что-то тутъ есть“, подумалъ казакъ и сталъ примѣчать. Когда молодая полячка вышла ночью къ тарантасу, онъ притворился, что спитъ, и явственно услыхалъ мужской голосъ изъ ящика. Рано утромъ онъ пошелъ въ [illegible] лицію и заявилъ о томъ, что полячки, какія ему поручены, не добромъ ѣдутъ, а вмѣсто мертвыхъ везутъ какого-то живого человѣка въ ящикѣ.

Когда Альбина въ своемъ восторженно веселомъ настроеніи, увѣренная въ томъ, что теперь все кончено, и они черезъ нѣсколько дней будутъ свободны, подошла къ постоялому двору, она съ удивленіемъ увидала у воротъ щегольскую пару съ пристяжкой не отлетѣ и двухъ казаковъ. Въ воротахъ толпился народъ, заглядывая во дворъ.

Она была такъ полна надежды и энергіи, что ей и въ голову не пришла мысль о томъ, что эта пара и толпившійся народъ имѣютъ отношеніе къ ней... Она вошла во дворъ и, въ одно и то же время взглянувъ подъ тотъ навѣсъ, гдѣ стоялъ ея тарантасъ, увидѣла, что народъ тол-

пится именно около ея тарантаса, и въ то же мгновеніе услыхала отчаянный лай Трезорки. Случилось то самое ужасное, что только могло случиться. Передъ тарантасомъ, блестя своимъ чистымъ мундиромъ, съ сіяющими на солнцѣ пуговицами и полупогонами и лаковыми сапогами, стоялъ осанистый съ черными бакенбардами человѣкъ и говорилъ что-то громко, хриплымъ, повелительнымъ голосомъ. Передъ нимъ между двумя солдатами въ крестьянскомъ нарядѣ съ сѣномъ въ спутанныхъ волосахъ стоялъ ея Юзе и, какъ бы недоумѣвая о томъ, что вокругъ него дѣлалось, поднималъ и опускалъ свои могучія плечи. Трезорка, не зная того, что онъ былъ причиной всего несчастья, ощетинившись, озлобленно лаялъ на полицеймейстера. Увидавъ Альбину, Мигурскій вздрогнулъ, хотѣлъ подойти къ ней, но солдаты удержали его.

— Ничего, Альбина, ничего!—проговорилъ Мигурскій, улыбаясь своей кроткой улыбкой.

— А вотъ и барынька сама!—проговорилъ полицеймейстеръ.—Пожалуйте сюда. Гробы нашихъ младенцевъ, а?—сказалъ онъ, подмигивая на Мигурскаго.

Альбина не отвѣчала и только, схватившись за грудь, раскрывъ ротъ, съ ужасомъ смотрѣла на мужа.

Какъ это бываетъ въ предсмертныя и вообще рѣшительныя въ жизни минуты, она въ одно мгновеніе перечувствовала и передумала бездну чувствъ и мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ не понимала еще не вѣрила своему несчастью. Первое чувство было знакомо ей давно—чувство оскорбленной гордости при видѣ ея героя мужа, униженнаго передъ тѣми грубыми, дикими людьми, которые держали его теперь въ своей власти. „Какъ смѣютъ они держать его, этого лучшаго изъ всѣхъ людей, въ своей власти?“ Другое чувство, одновременно съ этимъ охватившимъ ее, было дознаніе совершившагося несчастья. Сознаніе же несчастья вызвало въ ней воспоминаніе о главномъ несчастьѣ ея жизни—о смерти дѣтей, И сейчасъ же возникъ вопросъ: за что отняты дѣти? Вопросъ же, за что отняты дѣти? вызвалъ вопросъ: за что теперь гибнетъ, мучается любимый, лучшій изъ людей, ея мужъ? И тутъ же она вспомнила о томъ, какое ждетъ его позорное наказаніе, и то, что она, она одна виновата въ этомъ.

— Кто онъ вамъ? Мужъ онъ вамъ?—повторилъ полицеймейстеръ.

— За что, за что?—вскрикнула она и, закатившись истерическимъ хохотомъ, упала на снятый теперь съ козелъ и стоявшій у тарантаса ящикъ. Вся трясущаяся отъ рыданій, съ залитыми слезами лицомъ, Лудвика подошла къ ней.

— Паненька, милая паненька! Якъ Бога кохамъ, ничего не будетъ, ничего! —говорила она, безсмысленно водя по ней руками.

На Мигурскаго надѣли наручники и повели со двора. Увидавъ это, Альбина побѣжала за нимъ.

— Прости, прости меня!—говорила она.—Все я! Я одна виновата!

— Тамъ разберутъ, кто виноватъ. И до васъ дѣло дойдетъ,—сказалъ полицеймейстеръ и рукою отстранилъ ее.

Мигурскаго повели къ переправѣ, и Альбина, сама не зная, зачѣмъ она дѣлала это, шла за нимъ и не слышала уговаривающую ее Лудвику.

Казакъ Данило Лифановъ во все это время стоялъ у колесъ тарантаса и мрачно взглядывалъ то на полицеймейстера, то на Альбину, то себѣ на ноги.

Когда Мигурскаго увели, оставшійся одинъ Трезорка, махая хвостикомъ, сталъ ласкаться къ нему. Онъ привыкъ къ нему во время дороги. Казакъ вдругъ отслонился отъ тарантаса, сорвалъ съ себя шапку, швырнулъ ее изо всѣхъ силъ наземь, откинулъ ногой отъ себя Трезорку и пошелъ въ харчевню. Въ харчевнѣ онъ потребовалъ водки и пилъ день и ночь, пропилъ все, что было у него и на немъ, и только на другую ночь, проснувшись въ канавѣ, пересталъ думать о мучившемъ его вопросѣ: хорошо ли онъ сдѣлалъ, донеся начальству о полячкиномъ мужѣ въ ящикѣ.

Мигурскаго судили и приговорили за побѣгъ къ прогнанію сквозь 1000. Его родные и Ванда, имѣвшая связи въ Петербургѣ, выхлопотали ему смягченіе наказанія и его сослали на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Альбина поѣхала за нимъ.

Николай же Павловичъ радовался тому, что задавилъ гидру революціи не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ, и гордился тѣмъ, что онъ не нарушилъ завѣтовъ русскаго самодержавія и для блага русскаго народа удержалъ Польшу во власти Россіи. И люди въ звѣздахъ, въ золоченыхъ мундирахъ такъ восхваляли его за это, что онъ искренно вѣрилъ, что онъ великій человѣкъ и что жизнь его была великимъ благомъ для человѣчества и особенно для русскихъ людей, на развращеніе и одуреніе которыхъ были безсознательно направлены всѣ его силы.

По поводу трансваальской войны.

. . . Съ удовольствіемъ отвѣчаю вамъ, потому что брошюры ваши написаны очень хорошо и искренно, за исключеніемъ 3-ей. . . Эта брошюра слаба не потому, что слишкомъ рѣзска, не потому, что недостаточно ясно выставляетъ отталкивающія черты одного изъ самыхъ отвра-

тительныхъ, если не комическихъ, представителей императорства—Вильгельма II.

Но какъ ни хорошо написаны ваши статьи, я по существу не согласенъ съ ними: не то, что не согласенъ, но не могу осуждать того, что вы осуждаете.

Если два человѣка, напившись пьяны въ трактирѣ, подерутся за картами, я никакъ не рѣшусь осуждать одного изъ нихъ, какъ бы убѣдительны ни были доводы другого. Причина безобразныхъ поступковъ того или другого лежитъ никакъ не въ справедливости одного изъ нихъ, а въ томъ, что вмѣсто того, чтобы спокойно трудится или отдыхать, они нашли нужнымъ пить вино и играть въ карты въ трактирѣ. Точно такъ же когда мнѣ говорятъ, что въ какой бы то ни было разгорѣвшейся войнѣ исключительно виновата одна сторона, я никогда не могу согласится съ этимъ. Можно признатъ, что одна изъ сторонъ поступаетъ болѣе дурно но разборка о томъ, которая поступаетъ хуже, никакъ не объяснить даже самой ближайшей причины того, почему происходитъ такое страшное, жестокое и безчеловѣчное явленіе, какъ война.

Причины эти для всякаго человѣка, который не закрываетъ глазъ, совершенно очевидны, какъ теперь въ трансваальской войнѣ, такъ и во всѣхъ войнахъ, которыя были въ послѣднее время. Причинъ этихъ три: первая—неравное распредѣленіе имуществъ, т. е. ограбленіе одними людьми другихъ, вторая—существованіе военнаго сословія, т. е. людей воспитанныхъ и предназначеныхъ для убійства, и третья—ложное, большею частью сознательно обманное религіозное ученіе, въ которомъ насильственно воспитываются молодыя поколѣнія.

И потому я думаю, что не только безполезно, но и вредно видѣть причину воинъ въ Чембарлэнахъ, въ Вильгельмахъ и т. п., скрывая этимъ отъ себя дѣйствительныя причины, которыя гораздо ближе, и въ которыхъ мы сами участвуемъ. На Чембарлэновъ и Вильгельмовъ мы можемъ только сердиться и бранить ихъ; но наше сердце и брань только испортятъ намъ кровь, но не измѣнять хода вещей: Чемберлэны и Вильгельмы суть слѣпыя орудія силъ, лежащихъ далеко позади ихъ. Они поступаютъ такъ, какъ должны поступать и какъ не могутъ поступать иначе. Вся исторія есть рядъ точно такихъ же поступковъ всѣхъ политическихъ людей, какъ трансваальская война, и потому сердиться на нихъ и осуждать ихъ совершенно безполезно и даже невозможно, когда видишь истинныя причины ихъ дѣятельности и когда чувствуешь, что ты самъ виновникъ той или другой ихъ дѣятельности, смотря по тому, какъ ты относишься къ тремъ основнымъ причинамъ, о которыхъ я упомянулъ.

До тѣхъ поръ, пока мы будемъ пользоваться исключительными богатствами въ то время, какъ массы народа

задавлены трудомъ, всегда будутъ войны за рынки, за золотые пріиски и т. п., которые намъ нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство. Тѣмъ болѣе не избѣжны будутъ войны до тѣхъ поръ, пока мы будемъ участвовать въ военномъ сословіи, допускать его существованіе—не бороться всѣми силами противъ него. Мы сами или служимъ въ военномъ сословіи, или признаемъ его не только необходимымъ, но похвальнымъ, и потомъ, когда возникаетъ война, осуждаемъ въ ней какого-нибудъ Чемберлэна и т. п. Главное же будетъ война до тѣхъ поръ, пока мы будемъ не только проповѣдывать, но безъ негодованіяи возмущенія допускать имъ то извращеніе, христіанства, которое называется церковнымъ христіанскимъ обществомъ и при которомъ возможно христолюбивое воинство благословеніе пушекъ и признаніе войны дѣломъ христе-справедливымъ. Мы учимъ этой религіи *нашихъ дѣтей*, сами исповѣдуемъ ее и потомъ говоримъ одни, что Чемберлэнъ, а другіе, что Крюгеръ виноватъ въ томъ, что люди убиваютъ другъ друга.

Вотъ поэтому-то я и не согласенъ съ вами и не могу упрекать слѣпыя орудія невѣжества и зла, а вижу причину въ такихъ явленіяхъ, въ которыхъ я самъ могу содѣйствовать уменьшенію или увеличенію зла. Содѣйствовать братскому уравненію имуществъ, пользоваться въ наименьшей мѣрѣ тѣми преимуществами, которыя выпали на мою долю; не участвовать ни съ какой стороны въ военномъ дѣлѣ, разрушать тотъ гипнозъ, посредствомъ котораго люди, превращаясь въ наемныхъ убійцъ, думаютъ, что они дѣлаютъ благое дѣло, служа въ военной службѣ; и, главное, исповѣдывать разумное христіанское ученіе, всѣми силами стараясь разрушать тотъ жестокій обманъ ложнаго христіанства, въ которомъ насильно воспитываются молодыя поколѣнія,—въ этомъ троякомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, заключается обязанность всякаго человѣка, желающаго послужить добру и справедливо возмущеннаго той ужасной войной, которая возмутила васъ.

Паскаль.

Ни одна страсть не удерживаетъ людей такъ долго въ своей власти; не скрываетъ такъ прочно, иногда до самаго конца, тщету временной мірской жизни, и ни одна не отдаляетъ такъ людей отъ пониманія смысла человѣческой жизни и ея истиннаго блага, какъ страсть славы людской, въ какой бы формѣ она ни проявлялась: мелочнаго тщеславія честолюбія, славолюбія.

Всякая похоть носитъ въ себѣ свое наказаніе, и стра-

данія, которыя сопутствуютъ ея удовлетворенію, обличаютъ ея ничтожество. Кромѣ того, всякая похоть ослабѣваетъ съ годами, славолюбіе же съ годами все больше и больше разгорается. Главное же то, что забота о славѣ людской всегда соединяется съ мыслью о служеніи людямъ, и человѣку легко обманываться, когда онъ ищетъ одобренія людей, что онъ живетъ не для себя, а для блага тѣхъ людей, одобренія которыхъ онъ добивается. И потому это самая коварная и опасная страсть и труднѣе всѣхъ другихъ искореняемая. Освобождаются отъ этой страсти только люди съ большими душевными силами.

Большія душевныя силы даютъ этимъ людямъ возможность быстро достигнуть большой славы, и эти же душевныя силы даютъ имъ возможность увидать ничтожество ея.

Такимъ человѣкомъ былъ Паскаль. Такимъ же былъ близкій намъ русскій человѣкъ Гоголь (я думаю, что я по Гоголю понялъ Паскаля). И тотъ и другой, хотя съ совсѣмъ различными свойствами и совершенно различнымъ складомъ и размѣромъ ума, пережили одно и то же.

Оба очень скоро достигли той славы, которой страстно желали; оба, достигнувъ ея, тотчасъ же поняли всю тщету того, что казалось имъ самымъ высокимъ, самымъ драгоцѣннымъ въ мірѣ благомъ. И оба ужаснулись тому соблазну, во власти котораго находились. Они всѣ силы души положили на то, чтобы показать людямъ весь ужасъ того блужденія, изъ котораго они только что вышли, и чѣмъ, сильнѣе было разочарованіе, тѣмъ настоятельнѣе представлялась имъ необходимость такой цѣли, такого назначенія жизни, которое ничѣмъ не могло бы быть нарушено.

Въ этомъ причина того страстнаго отношенія къ вѣрѣ, какъ нашего Гоголя, такъ и Паскаля; въ этомъ же и причина пренебреженія ихъ ко всему сдѣланному ими прежде. Вѣдь все это дѣлалось для славы. А слава прошла, и въ ней ничего не было, кромѣ обмана, стало-быть, не нужно и ничтожно было все то, что дѣлалось для ея пріобрѣтенія. Важно только одно: то, чего не было, что было заслонено мірскими желаніями славы. Важно и нужно было одно: та вѣра, которая даетъ смыслъ преходящей жизни и твердое направленіе всей ея дѣятельности. И это сознаніе необходимости вѣры и невозможности жить безъ нея такъ поражаетъ такихъ людей, что они не могутъ не удивляться на то, какъ могли они сами, какъ могутъ вообще люди жить безъ вѣры, объясняющей имъ смыслъ ихъ жизни и ожидающей ихъ смерти. И сознавъ это, такіе люди всѣ силы своего ума и души направляютъ на то, чтобы спасти людей отъ того ужаснаго заблужденія, изъ котораго они только-что вышли, и показать имъ, что безъ вѣры нельзя жить, что только вѣра спасаетъ, стараются вырвать изъ рукъ людей тотъ экранъ, который, какъ говоритъ Паскаль, люди держатъ передъ собою въ то время, какъ бѣгутъ въ пропасть.

Такимъ человѣкомъ былъ Паскаль, и въ этомъ его великая, неоцѣнимая и далеко неоцѣненная заслуга.

Паскаль родился въ Клермонтѣ въ 1623 году. Отецъ его былъ извѣстный математикъ. Мальчикъ, какъ и всѣ дѣти, подражая отцу съ перваго дѣтства, занялся математикой, и у него обнаружились необыкновенныя способности. Отецъ, не желая преждевременно развивать ребенка, не давалъ ему математическихъ книгъ; но мальчикъ, слушая разговоры отца съ его знакомыми математиками, самъ сталъ вновь выдумывать геометрію. Отецъ, увидавъ эти необыкновенныя для ребенка работы, былъ такъ пораженъ, что пришелъ въ восхищеніе, расплакался отъ умиленія и съ тѣхъ поръ сталъ преподавать сыну математику. Мальчикъ скоро не только усвоилъ то, что открылъ ему отецъ, но сталъ дѣлать самостоятельныя открытія въ области математики. Успѣхи его обратили на себя вниманіе не только близкихъ, но и ученыхъ, и Паскаль очень молодымъ пріобрѣлъ извѣстность замѣчательнаго математика. Слава выдающагося, несмотря на молодые годы, ученаго, поощряла его къ занятіямъ, большія способности давали ему возможность увеличивать славу, и Паскаль все свое время и силы посвятилъ научнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ. Но здоровье его съ дѣтства было слабое. Усиленныя же занятія еще болѣе ослабили его, и въ юношескомъ возрастѣ онъ тяжело заболѣлъ. Послѣ болѣзни онъ, по просьбѣ отца, сократилъ свои занятія до двухъ часовъ въ день, свободное же время употреблялъ на чтеніе философскихъ сочиненій.

Онъ прочелъ Эпиктета, Декарта и опыты Монтеня. Книга Монтеня особенно поразила его,— она возмутила его своимъ скептицизмомъ и равнодушіемъ къ религіи. Паскаль всегда былъ религіозенъ и по-дѣтски вѣрилъ тому католическому ученію, въ которомъ былъ воспитанъ. Книга Монтеня, вызвавъ въ немъ сомнѣнія, заставила его задуматься надъ вопросами вѣры, въ особенности же о томъ, насколько необходима вѣра для разумной жизни человѣка, и онъ сталъ еще строже къ себѣ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей и, кромѣ философскихъ сочиненій, сталъ читать книги религіознаго содержанія. Въ числѣ этихъ книгъ ему попадалась книга голландскаго теолога Янсена „Преобразованія внутренняго человѣка“.

Въ книгѣ этой было разсужденіе о томъ, что, кромѣ похоти плоти, есть еще и похоть духа, состоящая въ удовлетвореніи человѣческой пытливости, въ основѣ которой лежитъ то же, что и во всякой похоти, эгоизмъ и самолюбіе, и что такая утонченная похоть болѣе всего другого удаляетъ человѣка отъ Бога. Книга эта сильно поразила Паскаля. Съ свойственной великимъ душамъ правдивостью, онъ почувствовалъ истинность этого разсужденія по отношенію къ себѣ и, несмотря на то, что отказаться отъ за-

нятій наукой и отъ связанной съ ними славы было для него великимъ лишеніемъ, или именно потому, что это было для него великимъ лишеніемъ, онъ рѣшилъ оставить соблазнявшія его занятія наукой и всѣ силы свои направить на разъясненія для себя и для другихъ тѣхъ вопросовъ вѣры, которые все сильнѣе и сильнѣе занимали его.

Ничего не извѣстно объ отношеніи Паскаля къ женщинамъ и какое вліяніе имѣли на его жизнь соблазны женской любви. Біографы его, на основаніи его небольшого сочиненія „Discours sur les passions de l'amour", въ которомъ онъ говоритъ, что величайшее счастье, доступное человѣку—любовь. есть чувство чистое, духовное и должно служить источникомъ всего возвышеннаго и благороднаго, дѣлаютъ заключеніе, что Паскаль въ своей молодости былъ влюбленъ въ женщину, стоявшую выше его по положенію и не отвѣчающую его любви. Во всякомъ случаѣ, если и была такая любовь, она не имѣла никакихъ послѣдствій для жизни Паскаля. Главные интересы его молодой жизни заключались въ борьбѣ между его стремленіями къ занятіямъ наукой и къ славѣ, которую они давали ему, и познаніемъ пустоты, ничтожества этихъ занятій и зловредности соблазна, славолюбія и желанія всѣ свои силы посвятить только служенію Богу.

Такъ, уже въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ рѣшилъ отказаться отъ занятій наукой, ему случилось прочесть изслѣдованія Торичелли о пустотѣ. Чувствуя, что вопросъ этотъ рѣшается невѣрно и что возможно болѣе точное опредѣленіе, Паскаль не могъ удержаться отъ желанія провѣрить эти опыты. Провѣряя же ихъ, онъ сдѣлалъ свои знаменитыя открытія о тяжести воздуха. Открытіе это обратило на него вниманіе всего ученаго міра. Ему писали, его посѣщали ученые и восхваляли его. И борьба съ соблазнами славы людской стала еще труднѣе.

Для борьбы этой Паскаль носилъ на тѣлѣ поясъ съ гвоздями, обращенными къ тѣлу, и всякія разъ, какъ ему казалось, что при чтеніи или выслушиваніи себѣ похвалъ въ немъ поднималось чувство честолюбія, гордости, онъ прижималъ поясъ локтемъ къ боку, гвозди кололи его тѣло. и онъ вспоминалъ весь тотъ ходъ мыслей и чувствъ, которыя отвлекали его отъ соблазна славы.

Въ 1651 году съ Паскалемъ случилось событіе, казалось бы, неважное, но сильно поразившее его и имѣвшее большое вліяніе на его душевное состояніе. На мосту Пельи онъ упалъ изъ экипажа и былъ на волоскѣ отъ смерти. Въ это же время умеръ отецъ Паскаля. Это двойное напоминаніе о смерти заставило Паскаля еще болѣе, чѣмъ прежде, углубиться въ вопросы жизни и смерти.

Религіозное настроеніе все болѣе и болѣе захватывало жизнь Паскаля, такъ что въ 1655 году онъ совершенно удалился отъ міра. Онъ переѣхалъ въ Янсенистскую общи-

ну Поръ-Рояля и сталъ жить тамъ жизнью почти монашеской, обдумывая и приготовляя, то большое сочиненіе, въ которомъ онъ хотѣлъ показать, во-первыхъ, необходимость религіи для разумной жизни людской, и, во-вторхъ, истинность той религіи, которую онъ самъ исповѣдывалъ. Но и здѣсь соблазны славы людской не оставили Паскаля.

Янсенистская община Поръ-Рояля, въ которой жилъ Паскаль, вызвала къ себѣ враждебность могущественнаго ордена іезуитовъ, и происки езуитовъ сдѣлали то, что существовавшія при Поръ-Роялѣ школы мужская и женская были закрыты, и самому монастырю Поръ-Рояля угрожала опасность быть закрытымъ.

Живя среди янсенистовъ и раздѣляя ихъ ученіе, Паскаль не могъ оставаться равнодушнымъ къ положенію своихъ единовѣрцевъ и, увлекшись такъ споромъ съ іезуитами, написалъ въ защиту янсенистовъ книгу, которую онъ назвалъ „Письмами провинціала". Въ сочиненіи этомъ Паскаль не столько оправдывалъ и защищалъ ученіе янсенистовъ, сколько осуждалъ враговъ ихъ—іезуитовъ, обличая безнравственность ихъ ученія. Книга имѣла большой успѣхъ, но слава эта уже не могла соблазнить Паскаля.

Вся жизнь его была уже неперестающимъ служеніемъ Богу.

Онъ установилъ себѣ правила жизни и строго слѣдовалъ имъ, не уклоняясь отъ нихъ ни по лѣни, ни по болѣзни. Бѣдность онъ считалъ основаніемъ добродѣтели. „Въ бѣдности и нищетѣ,—говорилъ онъ,—не только нѣтъ зла, но въ нихъ наше благо. Христосъ былъ бѣденъ и нищъ и не имѣлъ, гдѣ главу преклонить". Отдавая все, что могъ, бѣднымъ, Паскаль жилъ такъ, что у него было лишь необходимое; онъ обходился, по возможности, безъ прислуги, допуская ее только, когда онъ по болѣзни не могъ двигаться. Жилище его было самое простое, какъ и пища и одежда. Онъ самъ убиралъ свои комнаты и приносилъ себѣ обѣдъ.

Болѣзнь его все усиливалась, и онъ не переставалъ страдать, но страданія свои онъ переносилъ не только съ терпѣніемъ, удивлявшимъ его близкихъ, но даже съ радостью и благодарностью. „Не жалѣйте,—говорилъ онъ тѣмъ, которые соболѣзновали его положенію,—болѣзнь есть естественное состояніе христіанина, потому что въ этомъ положеніи христіанинъ бываетъ такимъ, какимъ долженъ быть всегда. Онъ пріучаетъ къ лишенію всякихъ благъ и чувственныхъ удовольствій, пріучаетъ удерживаться отъ страстей, которыя всю жизнь обуреваютъ человѣка, быть безъ честолюбія, безъ жадности, быть всегда въ ожиданіи смерти".

Та роскошь, которой пытались окружить его любящіе его родные, тяготила его. Онъ просилъ сестру перевести

его въ больницу для неизлѣчимыхъ бѣдныхъ, чтобы провести съ ними послѣдніе дни своей жизни, но сестра не не исполнила его желанія, и онъ умеръ у себя.

Послѣдніе часы онъ былъ безъ сознанія. Только передъ самымъ концомъ онъ приподнялся съ постели и съ яснымъ и радостнымъ выраженіемъ сказалъ: „Не оставь меня, Господи“. Это были его послѣдніе слова.

Онъ скончался 19 августа 1662 года.

Человѣку для его блага нужно двѣ вѣры: одно—вѣрить, что *есть* объясеніе смысла жизни, а другое—*найти* это наилучшее объясненіе жизни.

Паскаль сдѣлалъ, какъ никто, первое дѣло. Судьба, Богъ не далъ ему сдѣлать второго.

Какъ человѣкъ, умирающій отъ жажды, набрасывается на ту воду, которая есть передъ нимъ, не разбирая ея качества, такъ Паскаль, не разбирая качества того католицизма, въ которомъ онъ воспитанъ, видѣлъ въ немъ истину и спасеніе людей. Довольно, что вода, довольно, что вѣра!

Само собою разумѣется, что никто не имѣетъ права гадать о томъ, что могло бы быть, но нельзя себѣ представить геніальнаго, правдиваго передъ самимъ собою Паскаля, вѣрующаго въ католичество. Онъ не успѣлъ подвергнуть его той силѣ мысли, которую онъ направилъ на доказательство необходимости вѣры, и потому въ душѣ его догматическій католицизмъ остался цѣлымъ. Онъ, не трогая его, опирался на него. Опирался на то, что было и есть въ немъ истиннаго. Онъ взялъ изъ него напряженную работу самосовершенствованія, борьбу съ соблазнами, отвращеніе къ богатству и твердую вѣру въ милосерднаго Бога, Которому онъ отдавалъ, умирая, свою душу

Онъ умеръ, сдѣлавъ только одну часть работы,—не додѣлавъ, даже не начавъ дѣлать другую. Но отъ того, что не сдѣлана эта вторая часть работы, не менѣе драгоцѣнна первая: удивительная книга „Мыслей“, собранная изъ разрозненныхъ клочковъ бумаги, на которыхъ больной, умирающій Паскаль записывалъ свои мысли. Удивительная судьба этой книги.

Является пророческая книга,— толпа стоитъ въ недоумѣніи, пораженная силой пророческаго слова, встревожена, хочетъ понять, уяснить, узнать, что дѣлать.

И вотъ приходитъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, какъ говорилъ Паскаль, думаютъ, что знаютъ, и поэтому мутятъ міръ; приходятъ эти люди и говорятъ: „Тутъ нечего понимать, уяснять, все это очень просто. Этотъ Паскаль (то же самое съ Гоголемъ), какъ вы видите, вѣрилъ въ Троицу, въ причастіе; ясно, что онъ былъ больной, ненормальный и потому по своей слабости и болѣзни все пони

малъ навыворотъ. Лучшее доказательство этого то, что онъ отвергъ, отрекся даже отъ того хорошаго, что самъ сдѣлалъ и что намъ нравится (потому, что мы это понимаемъ) и приписывалъ большую важность совершенно безполезнымъ „мистическимъ“ разсужденіямъ о судьбѣ человѣка, о будущей жизни. Поэтому надо брать изъ него не то, что онъ самъ считалъ важнымъ, а то, что мы можемъ понять и что намъ нравится“.

И толпа рада: то она не понимала, ей надо было усиліе, чтобы подняться до той высоты, на которую ее хотѣлъ поднять Паскаль, а тутъ все совершенно просто. Паскаль открылъ законъ, по которому дѣлаютъ насосы. Насосы очень полезны, и это очень хорошо; а все, что онъ тамъ говоритъ о Богѣ, безсмертіи, все это пустяки, потому что онъ вѣрилъ въ Троицу, библію. Намъ не нужно усилій, чтобы подниматься до него; напротивъ, мы съ высоты своей ненормальности можемъ покровительственно и снисходительно признавать его заслуги, несмотря на его ненормальности.

Паскаль показываетъ людямъ, что люди безъ религіи или животные или сумасшедшіе, тыкаетъ ихъ носомъ въ ихъ безобразіе и безуміе, показываетъ имъ, что никакая наука не можетъ замѣнить религію. Но Паскаль вѣрилъ въ Бога, въ Троицу, въ библію, и потому для нихъ дѣло рѣшенное, что и то, что онъ имъ говорилъ о безуміи ихъ жизни и тщетѣ науки—неправда. Та самая наука, та самая суета жизни, то самое безуміе, которое такъ неотразимо выяснено имъ, это самая суета, эта самая наука, это самое безуміе они считаютъ настоящей жизнью, истинной, а разсужденія Паскаля считаютъ плодомъ его болѣзненной ненормальности. Имъ нельзя не признать силы мысли и слова этого человѣка, и они причисляютъ его къ классикамъ, но содержаніе его книги не нужно имъ. Имъ кажется, что они стоятъ неизмѣримо выше того высшаго духовнаго состоянія религіознаго сознанія, до котораго только можетъ достигнуть человѣкъ и на которой стоитъ Паскаль, и потому значеніе удивительной книги безнадежно скрыто отъ нихъ.

Да, ничто такъ не зловредно, не пагубно для истиннаго прогресса человѣчества, какъ эти ловко обставленныя всякаго рода современными украшеніями разсужденія людей qui croyent savoir (думаютъ, что знаютъ) и которыя, по мнѣнію Паскаля, bouleversent le monde (мутятъ міръ).

Но свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ, и есть люди, которые, не раздѣляя вѣры Паскаля въ католичество, но понимая то, что онъ, несмотря на свой великій умъ, могъ вѣрить въ католичество, предпочитая вѣрить въ него, чѣмъ ни во что не вѣрить, понимаютъ и значеніе его удивительной книги, неотразимо доказывающей людямъ необходимость вѣры, невозможность человѣческой жизни безъ вѣры, т.-е.

безъ опредѣленнаго, твердаго отношенія человѣка какъ міру и началу его.

И понявъ, это, люди не могутъ не найти и тѣхъ, соотвѣтствующихъ степени ихъ нравственнаго и умственнаго развитія, отвѣтовъ вѣры на вопросы, поставленные Паскалемъ.

Въ этомъ его великая заслуга.

Л. Н. Толстой.

Для чего люди одурманиваются?

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно слѣпое, чувственное и другое—зрячее, духовное. Слѣпое, животное существо ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее, духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее существо это можно сравнить съ стрѣлкою компаса, указывающею однимъ концомъ на Nord, другимъ на противоположной Süd и прикрытою по своему протяженію пластинкою. При чемъ стрѣлка до тѣхъ поръ не видна изъ-подъ пластинки, пока то, что несетъ на себѣ компасъ, двигается по направленію стрѣлки. Но какъ скоро то, что несетъ компасъ, отклоняется отъ указываемаго стрѣлкою направленія, такъ стрѣлка выступаетъ изъ-подъ пластинки и становится видной.

Точно такъ же зрячее, духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчіи мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ, противоположнымъ, на зло, и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусомъ, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движенію направленіе, соотвѣтствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ея отклоненіе, такъ точно и всякій человѣкъ,

почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животною дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ея въ согласіе съ совѣстью, или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ этихъ двухъ дѣятельностей: 1) приведенія своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманіе къ тому, что онъ освѣщаетъ; для второго—для скрытія отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти: внутренній состоитъ въ затемнѣніи самой совѣсти.

Какъ можетъ человѣкъ скрыть отъ своего зрѣнія находящійся предъ нимъ предметъ двумя способами: внѣшнимъ отвлеченіемъ зрѣнія къ другимъ, болѣе поражающимъ предметамъ, и засореніемъ глазъ, такъ точно и указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ—отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ—засореніемъ самаго органа вниманія. Для людей съ тупымъ, ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполнѣ достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чуткихъ средствъ этихъ часто недостаточно.

Внѣшніе способы не вполнѣ отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти: сознаніе это мѣшаетъ жить: и люди, чтобъ имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемнѣнія самой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованіямъ совѣсти. Повернуть жизнь сообразно этимъ требованіямъ—нѣтъ силъ.

Развлеченія, которыя бы отвлекали отъ сознанія этого разлада, недостаточны, или они пріѣлись. И вотъ для того, чтобы быть въ состояніи продолжать жить, несмотря на указанія совѣсти о неправильности жизни, люди отравляютъ, не время прекращая его дѣятельность, тотъ органъ, черезъ который проявляются указанія совѣсти, такъ же какъ человѣкъ, умышленно засорившій глаза, скрылъ бы отъ себя то, что онъ не хотѣлъ бы видѣть.

Л. Толстой.

Мысли о Богѣ.

Богъ для меня—это то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремленіи къ чему и состоитъ моя жизнь, и который поэтому и *есть* для меня; но есть непремѣнно такой, что я Его понять, назвать не могу. Если бы я Его понялъ, я бы дошелъ до Него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Но, что кажется противорѣчіемъ, я Его понять и назвать не могу, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаю Его;—знаю направленіе къ Нему, и даже изъ всѣхъ моихъ знаній это самое достовѣрное.

Не знаю Его, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда страшно, когда я безъ Него, а только тогда не страшно, когда я съ Нимъ. Еще страннѣе то, что знать Его больше и лучше, чѣмъ я Его знаю теперь, мнѣ теперь въ моей теперешней жизни, и не нужно. Приблизиться мнѣ къ Нему можно и хочется, и въ этомъ моя жизнь, но приближеніе нисколько не увеличиваетъ и не можетъ увеличить моего знанія.

Всякая попытка воображенія о томъ, что я познаю Его (напр., что Онъ творецъ, или милосердъ, или что-нибудь подобное), удаляетъ меня отъ Него и прекращаетъ мое приближеніе къ Нему.

Еще страннѣе то, что любить по настоящему, т. е. больше себя и больше всего, я могу только Его одного: только въ этой любви нѣтъ никакой остановки, никакого умаленія (напротивъ, все прибавленіе), нѣтъ никакой чувственности, нѣтъ вліяній, угодливости, нѣтъ страха, нѣтъ самодовольства. Все, что хорошо, любишь только черезъ эту любовь, такъ что выходитъ еще то, что любишь, а слѣдовательно живешь только черезъ Него и Имъ.

Ну, вотъ такъ я думаю, чувствую скорѣе. Прибавить надо только то, что мѣстоимѣніе *онъ* уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога „Онъ", какъ-то умаляетъ Его.

* * *

Къ опредѣленію Бога для меня надо еще прибавить опредѣленіе М. Арнольда, которое я всегда подразумѣвалъ, какъ одну, и главную, сторону, съ которой представляется намъ Богъ. (М. Арнольдъ свое опредѣленіе выводитъ отъ пророковъ ветхаго завѣта, и дѣйствительно, оно до Христа достаточно полно). Богъ—это вѣчное, безконеч-

ное, внѣ насъ сущее, ведущее насъ, требующее отъ насъ праведности. Можно сказать: законъ жизни человѣческій— воля Бога по отношенію къ той части жизни людей, которая въ ихъ власти. Я говорю, что это опредѣленіе достаточно было до Христа, но Христосъ открылъ намъ то, что исполненіе этого закона, кромѣ своей внѣшней обязанности для разума человѣческаго, имѣетъ еще другое, болѣе простое, захватывающее все существо человѣка, внутреннее побужденіе—именно, любовь. Любовь не къ женѣ ребенку, отечеству и т. п., а любовь къ Богу (Богъ есть любовь), любовь любви,—то самое чувство доброты, умиленія, радость жизни, которая и есть свойственная человѣку блаженная, истинная жизнь, не знающая смерти.

* * *

Бога знаешь не столько разумомъ, даже не сердцемъ, но по чувствуемой полной зависимости отъ Него, вродѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Онъ не знаетъ, кто его держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ; но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ,—любитъ его.

* * *

Я прежде видѣлъ явленія жизни, не думая о томъ, откуда эти явленія, и почему я вижу ихъ.

Я потомъ понялъ, что все, что я вижу, происходитъ отъ свѣта, который есть разумѣніе. И я такъ обрадовался, что свелъ все къ одному, что совершенно удовлетворился признаніемъ одного разумѣнія началомъ всего.

Но потомъ я увидалъ, что разумѣніе есть свѣтъ, доходящій до меня черезъ какое-то матовое стекло. Свѣтъ я вижу, но то, что даетъ этотъ свѣтъ, я не знаю, но знаю, что оно есть.

Это — то, что есть источникъ свѣта, освѣщающаго меня, которое я не зная, но существованіе котораго знаю, есть Богъ.

* * *

Удивительно, какъ могъ я не видѣть прежде той несомнѣнной истины, что за этимъ міромъ и нашей жизнью въ немъ есть Кто-то, Что-то, знающее, для чего существуетъ этотъ міръ, и мы въ немъ, какъ въ кипяткѣ пузыри, вскакиваемъ, лопаемся и исчезаемъ.

* * *

Ты говоришь: нельзя понять, что Богъ сидѣлъ-сидѣлъ гдѣ-то вѣчность и вдругъ вздумалъ: „дай, сотворю міръ", и сталъ творить, приговаривая: „хорошо".

Правда, нельзя понять намъ съ тобою, когда мы ничего не спрашиваемъ, и намъ вдругъ говорятъ это.

Но скажи, можно-ли понять то, что все, что есть, было и не имѣло начала? Нельзя!

И ты говоришь, что всему есть начало, и даже, ходя отъ начала къ началу, ты дошелъ далеко, и

раженіямъ и догадкамъ дошелъ до начала не за семь тысячъ лѣтъ, а гораздо дальше. И тамъ ты видишь не только образованіе земли и живого на ней, но образованіе солнца и еще дальше... Но какъ ни далеко ты зашелъ, ты признаешь, что начало началъ такъ же далеко и недоступно. Но ты все-таки ищешь начала началъ; на него обращенъ твой взоръ, отъ него, ты говоришь, возникло все.

Ну, вотъ, это самое, не часть, а начало началъ, это самое я и называю Богомъ.

Стало быть, когда я говорю Богъ, ты не можешь не понимать меня и осуждать меня. Мы оба его не знаемъ, потому что одинаково вѣримъ, и никто не можетъ требовать отъ насъ пониманія Бога такого, какъ онъ—въ книгѣ Бытія.

Намъ надо отказаться отъ того, чѣмъ мы понимаемъ отъ нашего ума, чтобы понимать его такимъ. Точно такъ же никто не можетъ требовать отъ Моисея, чтобы онъ понималъ небеса, солнце и звѣзды больше земли. Отвѣтъ же Моисея на вопросъ: откуда мы взялись? тотъ же самый, какой далъ и ты: „Отъ начала началъ отъ Бога“.

Но, скажешь ты, это начало началъ все еще далеко не то, что разумѣютъ подъ словомъ Богъ. Подъ словомъ этимъ разумѣютъ существо, заботящееся о людяхъ. Говорятъ, что онъ пальцемъ написалъ законъ, являлся въ купинѣ, прислалъ сына и т. д.; этого всего нѣтъ въ разумномъ понятіи начала.

И я согласенъ на такія слова. Въ началѣ началъ нѣтъ того Бога.

Но какъ непонятенъ тебѣ Богъ живой, жалѣющій, любящій и гнѣвающійся на людей, такъ же непонятно для ума человѣческаго, что такое онъ самъ, что такое его жизнь?

Скажи мнѣ, что такое жизнь, и я скажу, что такое Богъ живой.

Ты говоришь: „жизнь есть сознаніе, ложное, своей свободы и удовлетворенія своихъ потребностей и выбора между ними“.

Но откуда взялась эта жизнь?

Ты говоришь: „она развилась изъ низшихъ организмовъ“.

Но низшіе организмы несли уже въ себѣ сознаніе это, и откуда взялись низшіе?

Ты говоришь: „отъ безконечнаго начала“. Я называю это Богомъ.

Я говорю: „Сознаніе моей жизни, сознаніе свободы есть Богъ; но и это не весь Богъ“.

Кромѣ того, что я есть, что я живъ, стремлюсь къ удовлетворенію своихъ потребностей, сознаю свободу выбора, я имѣю еще разумъ, руководящій меня въ этомъ выборѣ.

Откуда разумъ? Разумъ этотъ ищетъ начала, разумъ этотъ борется съ самимъ человѣкомъ покоряетъ его самого, укращаетъ его похоти, ставитъ ему законы; а законы не что иное, какъ борьба, одолѣніе похоти. Скажи мнѣ: „откуда этотъ разумъ человѣка, устанавливающій законы, противные побужденіямъ плоти?“

Ты говоришь: „Законы эти отъ человѣка“

Но разумъ человѣка откуда?

„Отъ развитія живого“.

А живое отъ неживого? Но и въ неживомъ они были, эти зародыши. Въ оторвавшихся частяхъ вертящагося солнца уже были зародыши разума. А въ солнцѣ и тѣхъ звѣздахъ, отъ которыхъ оторвалось солнце?

Если есть разумъ и онъ произошелъ отъ развитія, то начало его также скрывается въ безконечности.

Вотъ это-то начало началъ разума и есть тоже Богъ.

И какъ у тебя, такъ и у меня, всѣ тѣ же понятія начала существуютъ—тѣ, что начало жизни и начало разума сливаются въ одно.

Ты указываешь только на ходъ твоей мысли, а я называю все Богомъ; но называю потому, что мнѣ нужно назвать какъ-нибудь то, на что ты только указываешь, и что раздробляется у тебя на три пути мысли.

* * *

Я часто встрѣчаю людей, не признающихъ никакого Бога, кромѣ того, котораго мы признаемъ сами въ себѣ. И я удивлялся. Богъ во мнѣ. Но Богъ безконечное начало; какъ же, зачѣмъ Онъ очутился во мнѣ? Нельзя не спросить себя объ этомъ; а какъ только спросишь, то надо признать причину внѣшнюю. Отчего же люди не нуждаются въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ? Отъ того, что отвѣтъ на этотъ вопросъ для нихъ въ реальности существующаго міра. По Моисею или по Дарвину все равно. И потому для понятія о внѣшнемъ Богѣ нужно понять, что дѣйствительно реально только впечатлѣніе нашихъ чувствъ, т. е. мы сами, наше духовное *я*.

* * *

Что такое Богъ? Зачѣмъ Богъ?

Богъ—это неограниченное все то, что я знаю въ себѣ ограниченнымъ: я—тѣло ограниченное, Богъ—тѣло безконечное; я—существо, жившее 63 года, Богъ—существо, живущее вѣчно; я—существо, мыслящее въ предѣлахъ моего пониманія, Богъ—существо, мыслящее безпредѣльно; я—существо, любящее иногда немного, Богъ—существо, любящее всегда безконечно. Я—часть. Онъ—все. Я себя не могу иначе понимать, какъ частью Его.

* * *

Когда неразрѣшенный вопросъ тебя мучаетъ, то чувствуешь себя больнымъ членомъ какого-то всего здороваго

тѣла,—чувствуешь себя больнымъ зубомъ здороваго тѣла и просишь все тѣло помочь одному члену.

Тѣло все—Богъ; членъ—я.

* * *

Одно изъ самыхъ путающихъ всѣ наши метафизическія понятія суевѣріе есть суевѣріе о томъ, что міръ сотворенъ, что онъ произошелъ изъ ничего, и что есть Богъ творящій.

Въ сущности, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога творца и никакой нужды (китайцы и индійцы не знаютъ этого понятія), а между тѣмъ Богъ творецъ и промыслитель не можетъ совмѣститься съ христіанскимъ Богомъ—отцомъ, Богомъ—духомъ, Богомъ, частица котораго живетъ во мнѣ, составляетъ мою жизнь, и проявить и вызвать которую составляетъ смыслъ моей жизни,—Богомъ—любовью.

Богъ творецъ равнодушенъ и допускаетъ страданіе и зло. Богъ духъ избавляетъ отъ страданія и зла и есть всегда совершенное благо. Бога творца—нѣтъ. Есть *я*, познающій данными мнѣ орудіями чувствъ міръ и знающій внутренно своего отца Бога. Онъ начало меня духовнаго. А міръ внѣшній есть только мой предѣлъ.

* * *

Часто люди, пораженные горемъ отъ смерти любимаго существа, говорятъ о злѣ, которое причиняетъ Богъ людямъ. И говоря и думая такъ, люди воображаютъ, что они вѣрятъ въ Бога и молятся Ему.

Богъ дѣлаетъ зло. А если Богъ дѣлаетъ зло, то Онъ не добрый, не любовь; а если Онъ не добрый, то Его нѣтъ.

Происходитъ это отъ того, что люди такъ увѣрятся въ томъ, что то, что они дѣлаютъ дурно, не только хорошо, но превосходно (какъ они увѣряютъ, что любить (чрезмѣрно) своихъ дѣтей прекрасно), что, когда они испытываютъ то зло, которое есть только послѣдствіе ихъ ошибокъ—грѣховъ, они обвиняютъ не себя, но Бога. И потому въ глубинѣ души признаютъ Бога злымъ, т. е. отрицаютъ Его, и потому не получаютъ отъ Него утѣшенія.

* * *

Слѣдуетъ дѣлать то, что дѣлаютъ духоборы,—кланяться въ ноги всякому человѣку, помня, что въ немъ Богъ. Если нельзя тѣломъ, то духомъ.

* * *

Познаніе, чувствованіе Бога, живущаго во мнѣ и дѣйствующаго черезъ меня, не можетъ быть ощущаемо всегда.

Есть дѣятельности, которымъ надо отдаться вполнѣ, безраздѣльно, не думая ни о чемъ, кромѣ какъ объ этомъ дѣлѣ. Думать же при этомъ о Богѣ невозможно—развлекаетъ и не нужно.

Нужно жить просто, безъ усилія, отдаваясь своему

влеченію; но такъ только является внутреннее сомнѣніе, борьба, уныніе, страхъ, недоброжелательство, такъ тотчасъ, сознавая въ себѣ свое духовное существо, сознавая свою связь съ Богомъ, переноситься изъ области плотской въ область духа, и не для того, чтобы уйти отъ дѣла жизни, а, напротивъ, для того, чтобы зарядиться силами для совершенія его; для того, чтобы побѣдить, одолѣть препятствіе. Какъ птица,—двигаться впередъ на ногахъ, сложивъ крылья; но какъ скоро препятствіе, такъ раскрыть крылья и взлетѣть. И все легко, и все тяжелое исчезнетъ.

* * *

Что происходитъ отъ того, что человѣкъ признаетъ своимъ *я* не свое отдѣльное существо, а Бога, живущаго въ немъ?

Во первыхъ, то, что, сознательно не желая своему отдѣльному существу блага, такой человѣкъ не будетъ или менѣе напряженно будетъ отнимать его у другихъ; во-вторыхъ, то, что, признавъ своимъ *я* Бога, желающаго блага всему существующему, этого же будетъ желать и человѣкъ.

* * *

Молитва обращается къ личному Богу не потому, что Богъ личенъ—(я даже знаю навѣрное, что Онъ не личенъ, потому что личность есть ограниченность, а Богъ безпредѣленъ),—а потому что *я* личное существо. У меня зеленое стеклышко на глазу, и я все вижу зеленымъ; не могу не видѣть міръ зеленымъ, хотя и знаю, что онъ не таковъ.

* * *

Со мной вотъ что случилось: сталъ я отвлеченнѣе и отвлеченнѣе думать о вопросахъ жизни: о томъ, въ чемъ она, къ чему стремиться, что такое любовь, и все больше и больше удалялся не только отъ понятія ветхозавѣтнаго Бога-творца, но и отъ понятія Отца, того разуменія благого начала своей жизни и меня; и дьяволъ уловилъ меня: мнѣ стало приходить въ голову, что можно,—что особенно важно для единенія съ китайцами, конфуціанцами и буддистами и нашими безбожниками, агностиками,—совсѣмъ обойти это понятіе. Думалъ я, что можно удовольствоваться однимъ понятіемъ и признаніемъ того Бога, который есть во мнѣ, не признавая Бога въ самомъ себѣ.—Того, который вложилъ въ меня частицу себя. И—удивительное дѣло—мнѣ вдругъ стало становиться скучно, уныло, страшно. Я не зналъ, отчего это, но почувствовалъ, что вдругъ страшно духовно упалъ, лишился всякой радости и энергіи духовной,

И тутъ только я догадался, что это произошло отъ того, что я ушелъ отъ Бога. И я сталъ думать—странно сказать—сталъ гадать, есть ли Богъ или нѣтъ Его, и какъ будто вновь нашелъ Его, и такъ мнѣ радостно стало, и такая твердая увѣренность стала въ Немъ и въ томъ, что мнѣ можно и должно общаться съ Нимъ, и что Онъ слы-

шитъ меня, и такая радость сдѣлалась, что всѣ эти послѣдніе дни я испытываю то чувство, что мнѣ что-то очень хорошо, и я спрашиваю себя: отчего это мнѣ такъ весело? Да, Богъ есть Богъ, и мнѣ ни тревожиться, ни бояться нечего, а можно только радоваться.

Боюсь, что пройдетъ это чувство, притупится, но теперь очень радостно. Точно какъ былъ на волоскѣ отъ того, чтобы потерять, даже думалъ, что потерялъ самое дорогое существо, и не потерялъ его, а только узналъ его безцѣнную цѣну. Надѣюсь, что, если это и пройдетъ, пройдетъ самое восторженное чувство, но останется много вновь пріобрѣтеннаго.

Можетъ быть, это то, что нѣкоторые называютъ живымъ Богомъ; если это—это, то я очень виноватъ передъ ними, когда не соглашался съ ними и оспаривалъ ихъ.

Главное въ этомъ чувствѣ—сознаніе полной обезпеченности, сознаніе того, что Онъ есть. Онъ благъ. Онъ меня знаетъ, и я весь окруженъ Имъ, отъ Него пришелъ, къ Нему иду, составляю часть Его, дѣтище Его: все, что кажется дурнымъ, кажется такимъ только потому, что я вѣрю себѣ, а не Ему, и изъ жизни этой, въ которой такъ легче дѣлать Его волю, потому что воля эта вмѣстѣ и моя, я никуда не могу упасть, какъ только въ Него, а въ Немъ полная радость и благо.

Все, что я напишу, не выразитъ того, что я чувствовалъ. Больно что-нибудь физически или нравственно,—умираетъ сынъ, погибаетъ то, что я люблю, самъ я ничего уже не могу сдѣлать, страданія ждутъ меня; и вдругъ вспомнишь, а Богъ, и все станетъ хорошо, и весело, и ясно...

* * *

Нѣтъ ни одного вѣрующаго человѣка, на котораго бы не находили минуты сомнѣнія, сомнѣнія въ существованіи Бога. И эти сомнѣнія не вредны; напротивъ, они ведутъ къ высшему пониманію Бога.

Тотъ Богъ, котораго зналъ, сталъ привыченъ, и не вѣришь больше въ Него. Вѣришь вполнѣ въ Бога только тогда, когда Онъ вновь открывается тебѣ. А открывается Онъ тебѣ съ новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его.

* * *

Много думалъ о Богѣ, о сущности своей жизни, и, казалось, только сомнѣвался и въ томъ, и въ другомъ, и провѣрялъ свои доводы, и потомъ, недавно, разъ просто захотѣлось опереться на вѣру въ Бога и въ неистребимость своей души, и, къ удивленію моему, почувствовалъ такую твердую, спокойную увѣренность, которую никогда прежде не чувствовалъ. Такъ что всѣ сомнѣнія и провѣрки очевидно, не только не ослабили, но въ огромной степени утвердили вѣру.

* * *

Къ Богу никогда не надо ходить нарочно:

къ Богу, стану жить по-богови. Жилъ по-дьяволоски, дай поживу по-Божьи, попробую, авось не бѣда"... Это бѣда, и большая. Къ Богу, вродѣ того, какъ жениться, надо итти только тогда, когда и радъ бы не пойти, и радъ бы не жениться, да не могу... И потому всякому не то, что скажу: иди въ соблазны нарочно; а тому, кто такъ поставитъ вопросъ: „а что, не прогадаю ли, если пойду не къ чорту, а къ Богу?" закричу во все горло: „Иди, иди къ чорту, непремѣнно къ черту". Въ сто разъ лучше обжечься хорошенько на чертѣ, чѣмъ стоять на распутьи или лицемѣрно итти къ Богу.

* * *

Читалъ Herbert Spencer'a отвѣтъ Balfur'y: исповѣданіе агностицизма, какъ они теперь называютъ атеизмъ.

Я говорю, что агностицизмъ, хотя и хочетъ быть чѣмъ-то особеннымъ отъ атеизма, выставляя впередъ мнимую невозможность знать, но въ сущности то же, что атеизмъ, потому что корень всего есть непризнаніе Бога.

Такъ читалъ Herbert Spenser'a, который говоритъ: „не то, что *желаю* откинуть вѣрованіе въ Бога... но я *долженъ* сдѣлать это. Самообманъ есть только другая альтернатива". „Нѣтъ никакого удовольствія", говоритъ онъ, „въ сознаніи себя безконечно малымъ прыщикомъ на планетѣ, которая сама есть такая же безконечно малая песчинка въ сравненіи with the totality of things. (Я бы спросилъ у него, что онъ разумѣетъ подъ totality of things?). Не представляетъ никакого утѣшенія то, что поражающія васъ неисцѣлимыя страданія происходятъ отъ слѣпыхъ силъ, которыя такъ же безучастно и случайно разрушаютъ нынче червячка, завтра цѣлые міры, и созерцаніе вселенной безъ понятнаго начала и конца и безъ понятной намъ разумной цѣли не доставляетъ никакого удовольствія. Желаніе понять значеніе всего этого не менѣе сильно въ агностикѣ, какъ и въ другихъ, но, не находя объясненія этому, онъ не довольствуетъ тѣмъ, которое ему предлагаютъ".

Совершенно то же самое говорилъ мнѣ третьяго дня X. „Происходитъ какое-то коловращеніе, и среди этого безконечнаго по времени и пространству коловращенія явилось *я*, и живу, исчезаю.—это несомнѣнно. Все же остальное, т. е. представленіе о какомъ то разумномъ существѣ, отъ котораго я произошелъ и для достиженія цѣли котораго я существую вмѣстѣ со всѣмъ, что существуетъ, представленіе такое есть самообманъ

Два различныя и противоположныя эти міровоззрѣнія надо представить такъ:

Одни, агностики, говорятъ: я вижу себя, рожденное отъ своихъ родителей существо, такъ же, какъ и всѣ другія окружающія меня живыя существа, живущія въ извѣстныхъ, подлежащихъ моему изслѣдованію и изученію условіяхъ, и изучаю себя и другія существа, какъ живыя, такъ

и неживыя, и тѣ условія, въ которыхъ они находятся; и, сообразно съ этимъ изученіемъ, устанавливаю свою жизнь. Вопросы о происхожденіи я изслѣдую точно такъ же, и наблюденіемъ, и опытомъ достигаю все большаго и большаго знанія. Вопросъ же о томъ, откуда произошелъ весь этотъ міръ, зачѣмъ онъ существуетъ, и я существую въ немъ, я оставляю неотвѣченнымъ, такъ какъ не вижу возможности такъ же опредѣленно, ясно и доказательно отвѣчать на него, какъ я отвѣчаю на вопросы объ условіяхъ существующаго въ мірѣ. И потому отвѣтъ на этотъ вопросъ, состоящій въ томъ, что существуетъ якобы разумное существо. Богъ, отъ котораго я произошелъ (обыкновенно говорится: „отъ котораго произошелъ міръ", подразумѣвая подъ этимъ происхожденіемъ сотвореніе міра, чего не утверждаетъ христіанское ученіе), и которое для извѣстной своей цѣли опредѣлило законъ моей жизни,—этихъ отвѣтовъ на вопросъ я не признаю, какъ не имѣющихъ той ясности и доказательности, которыя имѣютъ научные отвѣты на вопросы о причинахъ и условіяхъ различныхъ жизненныхъ явленій. Такъ говоритъ агностикъ, и, не допуская возможности какого-либо другого знанія, кромѣ того, которое пріобрѣтается наблюденіемъ и разсужденіями надъ этими наблюденіями, онъ, если и не правъ, то совершенно логично-послѣдователенъ.

Христіанинъ же, признающій Бога человѣка, говоритъ: Я сознаю себя живущимъ только потому, что я сознаю себя разумнымъ; сознавая себя разумнымъ, я не могу не признать того, что жизнь моя и всего существующаго должна быть такъ же разумна. Для того же, чтобъ быть разумной, она должна имѣть цѣль. Цѣль же этой жизни должна быть внѣ меня,—въ томъ существѣ, для котораго я и все существо это есть, и я долженъ въ жизни исполнять законъ (волю) его. Вопросы же о томъ, каково это существо, которое требуетъ отъ меня исполненія своего закона, и когда возникла эта разумная жизнь во мнѣ, и какъ она возникаетъ въ другихъ существахъ во времени и пространствѣ, т. е, что такое Богъ: личный или безличный, какъ Онъ сотворилъ и сотворилъ ли Онъ міръ, и когда во мнѣ возникла душа, въ какомъ возрастѣ, и какъ она возникаетъ въ другихъ, и откуда она взялась и куда идетъ, и въ какомъ мѣстѣ тѣла живетъ,—всѣ эти вопросы я долженъ оставить неотвѣченными, потому что знаю впередъ, что въ области наблюденія и разсужденія надъ ними я никогда не приду къ окончательному отвѣту, такъ какъ все скроется во времени и пространствѣ. По этому самому я не признаю даваемыхъ наукой отвѣтовъ о томъ, какъ зачался міръ: солнца, земли,—какъ зачинается душа и въ какой части головного мозга она находится.

Въ первомъ случаѣ, агностикъ, признавая себя только животнымъ существомъ и потому признавая только то, что

подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, не признаетъ духовнаго начала и примиряется съ нарушающей требованія разума безсмышленностью своего существованія. Во второмъ случаѣ, христіанинъ, признавая себя только разумнымъ существомъ и потому признавая только то, что соотвѣтствуетъ требованіямъ разума, не признаетъ дѣйствительности данныхъ внѣшняго опыта-и потому считаетъ данныя эти фантастическими и ошибочными.

Оба одинаково правы. Но разница, и существенная, между ними въ томъ, что по первому міровоззрѣнію все въ мірѣ строго научно, логично и разумно, за исключеніемъ самой жизни человѣка и всего міра, не имѣющихъ никакого смысла; и потому изъ такого міровоззрѣнія,—несмотря на всѣ попытки противнаго,—вытекаетъ очень много интересныхъ и забавныхъ соображеній, но не вытекаетъ ничего нужнаго для руководства въ жизни: тогда какъ по второму міровоззрѣнію жизнь человѣка и всего міра получаетъ опредѣленный и разумный смыслъ и самое прямое, простое и доступное всѣмъ приложеніе къ жизни, при чемъ не нарушается и возможность научныхъ изслѣдованій, которыя ставятся при этомъ на свойственное имъ мѣсто.

* * *

Ничто не доказываетъ лучше существованіе Бога, какъ попытки эволюціонистовъ признавать нравственность и вывести ее изъ борьбы.

Что она изъ борьбы вытекать не можетъ,—очевидно; и между тѣмъ они чувствуютъ, что безъ нея нельзя, и признаютъ ее и стараются вывести ее изъ своихъ положеній, хотя выводить ее изъ теоріи эволюціонизма столь же или еще болѣе странно и нелогично, чѣмъ выводить изъ предписаній, данныхъ еврейскимъ Богомъ на Синаѣ. Ошибка ихъ, состоящая въ томъ, что они отрицаютъ сознаніе своего духовнаго *я*, какъ произведенія Бога, частицы Его, безъ котораго не можетъ быть разумнаго міросозерцанія, заставляетъ ихъ допускать неоправданное и даже противорѣчивое таинственное, т. е., въ видѣ нравственности, того самаго Бога, котораго они исключили изъ своего міросозерцанія.

Третьяго дня французъ говорилъ мнѣ вопросительно, что не достаточно ли будетъ для обоснованія нравственности: доброты и красоты, т. е. опять тотъ же Богъ, котораго они, по той болѣзни душевной, которой они одержимы, боятся назвать.

* * *

Говорятъ: Бога надо понимать, какъ личность. Въ этомъ большое недоразумѣніе: личность есть ограниченіе. Человѣкъ чувствуетъ себя личностью только потому, что онъ соприкасается съ другими личностями. Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ бы не былъ личность. Эти два понятія взаимно опредѣляются: внѣшній міръ, другія существа

и личность. Не было бы міра другихъ существъ, человѣкъ не чувствовалъ (не признавалъ) бы себя личностью, онъ не признавалъ бы существованія другихъ существъ. И потому человѣкъ среди міра немыслимъ иначе, какъ, личность. Но какъ же про Бога сказать, что Онъ личность, что Богъ личный. Въ этомъ корень антропоморфизма. Про Бога можно сказать только то, что говорилъ Моисей, Магометъ,—что Онъ одинъ; и то одинъ не въ томъ смыслѣ, что нѣтъ другого или другихъ боговъ,—по отношенію къ Богу не можетъ быть понятія числа, и потому нельзя даже сказать про Бога, что Онъ одинъ (1—въ значеніи числа), а въ томъ смыслѣ, что Онъ одноцентрененъ, что Онъ не понятіе, а существо,—то, что православные называютъ живымъ Богомъ въ противоположность Богу пантеистическому, т.-е. высшее существо духовное, живущее во всемъ. Онъ одинъ въ томъ смыслѣ, что Онъ есть, какъ существо, къ которому можно обращаться, т.-е. не то, что молиться,—что есть отношеніе между мною, ограниченнымъ, личностью, и Богомъ непостижимымъ, но существующимъ. Главная непостижимость для насъ Бога состоитъ именно въ томъ, что мы знаемъ Его, какъ существо единое,—не можемъ иначе знать Его,—и между тѣмъ единое существо,—заполняющее собою все, мы не можемъ понять. Если Богъ не одинъ, то Онъ расплывается, Его нѣтъ. Если же Онъ одинъ, то мы невольно представляемъ Его себѣ въ видѣ личности, и тогда Онъ уже не высшее существо, не все. А между тѣмъ для того, чтобы знать Бога и опираться на Него, нужно понимать Его, наполняющимъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ.

* * *

Міръ—таковъ, какимъ мы его видимъ, только въ томъ случаѣ, если не существуетъ иначе устроенныхъ, одаренныхъ иными чувствами, чѣмъ наши, существъ. Если же мы видимъ не только возможность, но необходимость существованія существъ иныхъ, одаренныхъ иными, чѣмъ наши, чувствами, то міръ ни въ какомъ случаѣ не таковъ только, какимъ мы его видимъ.

Наше представленіе міра показываетъ только наше отношеніе къ міру, точно такъ же, какъ зрительная картина, которую мы составляемъ себѣ отъ того, что мы видимъ до горизонта, никакъ не представляетъ дѣйствительнаго опредѣленія видимыхъ вещей. Другія чувства: слуха, обонянія, главное осязанія, провѣряя наши зрительныя впечатлѣнія, даютъ намъ болѣе опредѣленное понятіе о видимыхъ вещахъ; но то, что мы знаемъ, какъ широкое, толстое, твердое или мягкое, и какъ звучатъ или пахнутъ видимыя нами вещи, не доказываетъ того, что мы знаемъ вполнѣ эти вещи, и что новое чувство (сверхъ пяти), если бы было дано намъ, не открыло бы намъ, что наше составленное по пяти чувствамъ понятіе о вещахъ такъ же

обманчиво, какъ и то понятіе плоскости и уменьшенія въ отдаленіи предметовъ, которое давало намъ одно зрѣніе.

Я вижу въ зеркалѣ человѣка, слышу его голосъ и вполнѣ увѣренъ, что это настоящій человѣкъ; но подхожу, хочу взять его за руку и ощупываю стекло зеркала и вижу свой обманъ. То же должно происходить съ умирающимъ человѣкомъ: нарождается новое чувство, которое открываетъ ему (съ его новаго чувства и даваемаго имъ новаго знанія) обманъ признанія собой своего тѣла и всего того, что черезъ посредство чувствъ этого тѣла признавалось существующимъ.

Такъ что міръ навѣрное не таковъ, какимъ мы его познаемъ: будутъ другія орудія познанія, и будетъ другой міръ. Но какъ бы ни измѣнилось то, что мы считаемъ міромъ,—наше отношеніе къ міру—одно, несомнѣнно, такое, какимъ мы познаемъ его, и всегда неизмѣнное: это *то, что познаетъ*. И познаетъ не только во мнѣ, но и во всемъ, что познаетъ. Это познающее одно вездѣ и во всемъ и въ самомъ себѣ. Это Богъ, и та почему-то ограниченная частица Бога, которая составляетъ наше дѣйствительное *я*.

Но что же такое этотъ Богъ, т.-е. вѣчное, безконечное, всемогущее, сдѣлавшееся смертнымъ, ограниченнымъ, слабымъ? Зачѣмъ Богъ раздѣлился самъ въ себѣ?—Не знаю, но знаю, что это есть, что въ этомъ жизнь. Все, что мы знаемъ, есть не что иное, какъ міръ, есть познаніе этихъ дѣленій. Наше познаніе міра (то, что мы называемъ матеріей въ пространствѣ и времени), это—соприкасаніе предѣловъ нашего Божества съ другими его дѣленіями. Рожденіе и смерть суть переходы отъ одного дѣленія къ другому.

Самый строгій и послѣдовательный агностикъ, хочетъ онъ или не хочетъ этого, признаетъ Бога. Онъ не можетъ не признавать того, что, во-первыхъ, въ существованіи его самого и всего міра какой-то недоступный ему смыслъ; а, во-вторыхъ, что есть законъ его жизни,—законъ, которому онъ можетъ подчиняться, или отъ котораго можетъ уклоняться. Вотъ это-то признаніе высшаго, недоступнаго человѣку, но неизбѣжно существующаго высшаго смысла жизни и закона своей жизни и есть Богъ и его воля.

И такое признаніе Бога гораздо тверже признанія Бога—творца, троицы, искупителя, промыслителя и т. п. Вѣрить такъ, значитъ прокопать бутъ до камня, до материка и на немъ строить домъ.

* * *

Люди знаютъ двухъ Боговъ: одного, котораго они хотятъ заставить служить себѣ, молитвами требуя отъ него исполненія своихъ желаній, и другого Бога, такого, которому мы должны служить, къ исполненію воли котораго должны быть направлены всѣ наши желанія.

Все, что я знаю, я знаю потому, что есть Богъ, и я

знаю Его. Только на этомъ можно основаться твердо и въ отношеніяхъ къ людямъ и къ себѣ, и къ внѣземной и внѣвременной жизни. Я не только не нахожу этого мистичнымъ, но нахожу, что противоположный взглядъ есть мистицизмъ, а что это одна самая понятная и всѣмъ доступная реальность.

Природа, говорятъ, экономна своими силами,—при наименьшемъ усиліи достигаетъ наибольшихъ результатовъ. Такъ же и Богъ. Для того, чтобы установить въ мірѣ Царствіе Божіе, единеніе, служеніе другъ другу и уничтожить вражду, Богу не нужно дѣлать это самому. Онъ вложилъ въ человѣка свой разумъ, освобождающій въ человѣкѣ любовь, и все, чего онъ хочетъ, будетъ сдѣлано человѣкомъ. Богъ дѣлаетъ свое дѣло черезъ насъ. А времени для Бога нѣтъ, или есть безконечное. Вложивъ въ человѣка разумную любовь, Онъ уже все сдѣлалъ.

Для чего Онъ сдѣлалъ это такъ, черезъ человѣка, а не самъ? Вопросъ глупый и такой, который никогда не пришелъ бы въ голову, если бы мы всѣ не были испорчены нелѣпыми суевѣріями творенія міра Богомъ.

* * *

Несомнѣнно, что дѣлается что-то въ этомъ мірѣ, и дѣлается всѣми живыми существами, и дѣлается мною, моей жизнью. Иначе, для чего бы было это солнце, эти весны, зимы, и, главное, для чего эта трехлѣтняя, бѣснующаяся отъ избытка жизни дѣвочка, и эта выживающая изъ ума старуха и сумасшедшій. Эти отдѣльныя существа, очевидно, не имѣющія для меня смысла, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ энергично живущія, такъ хранящія свою жизнь, въ которыхъ такъ крѣпко завинчена жизнь,—эти существа болѣе всего меня убѣждаютъ, что они нужны для какого-то дѣла, разумнаго, добраго, но недоступнаго мнѣ.

* * *

Какъ-то молясь Богу, мнѣ стало ясно то, что Богъ есть точно реальное существо, любовь,—есть то все, что я однимъ краюшкомъ захватываю и ощущаю въ формѣ любви. И—не чувство, не отвлеченность, а реальное существо; и я ощутилъ Его.

Любить значитъ желать того, чего желаетъ любимый предметъ. Желаютъ предметы любви противоположнаго, и потому любить можно то, что желаетъ одного и того же. Желаетъ одного и того же—Богъ.

Любовь къ Богу значитъ желать того, чего желаетъ Богъ. Желаетъ же Онъ блага всему.

„Братья, будемъ любить другъ друга. Любящій рожденъ отъ Бога и узнаетъ Бога, потому что (сказано: Богъ есть любовь, надо же сказать) любовь есть Богъ“. Впрочемъ, и Богъ есть любовь, т.-е Бога мы знаемъ только въ видѣ любви, и любовь есть Богъ, т.-е. что если мы любимъ, то мы не Боги, а Богъ.

Да, любовь есть Богъ. И полюби, полюби того, кто дѣлалъ тебѣ больно, кого ты осуждалъ, не любилъ, и все то, что скрывало отъ тебя его душу, исчезнетъ, и ты, какъ сквозь свѣтлую воду, на днѣ увидишь божественную сущность его любви, и тебѣ не нужно и нельзя будетъ прощать его, тебѣ нужно будетъ прощать только себя за то, что ты не любилъ Бога въ томъ, въ комъ Онъ былъ, и изъ-за своей нелюбви не видалъ Его.

Любовь есть проявленіе въ себѣ (сознаніе) Бога и потому стремленіе выйти изъ себя, освободиться, жить Божеской жизнью. Стремленіе же это вызываетъ Бога, т.-е. любовь въ другихъ.

Главная мысль моя въ томъ, что любовь вызываетъ любовь въ другихъ;—Богъ, проснувшійся въ тебѣ, вызываетъ пробужденіе того же Бога и въ другихъ.

* * *

Ѣхалъ верхомъ изъ Тулы и думалъ о томъ, что я часть Его, извѣстнымъ образомъ отдѣленная отъ другихъ такихъ частей. А Онъ—все. Отецъ. И почувствовалъ любовь къ Нему. Теперь, особенно теперь не могу не только возстановить, но вспомнить это чувство. А было такъ радостно, что я сказалъ себѣ: вотъ думалъ, что я не узнаю уже новаго, а вотъ узналъ удивительное, блаженное новое чувство, именно чувство.

Нынче, лежа въ постели, думалъ о любви къ Богу... (хотѣлось бы сказать: любовь Бога, т.-е. любовь божеская)—что первая и главная заповѣдь есть любовь божеская, а другая, подобная ей и вытекающая изъ нея,—особенно вытекающая—есть любовь къ ближнему.

Желаніе блага не есть Богъ, а только одно изъ проявленій Его,—одна изъ сторонъ, съ которыхъ мы видимъ Бога. Богъ во мнѣ проявляется желаніемъ блага.

Богъ, заключенный въ человѣкѣ, сначала стремится освободиться тѣмъ, чтобы расширить, увеличить то существо въ которомъ Онъ находится; потомъ, осмотрѣвъ непредвидѣнные предѣлы этого существа, стремится освободиться тѣмъ, чтобы выйти изъ этого существа и обнять собой другія существа.

Разумное существо не вмѣщается въ жизни личности, и какъ скоро оно разумно, такъ стремится выйти изъ нея.

Христіанское ученіе открываетъ человѣку то, что сущность его жизни есть не его отдѣльное существо, а Богъ, заключенный въ этомъ существѣ, Богъ же этотъ сознается человѣкомъ, разумомъ и любовью.

Желаніе блага себѣ, любовь къ себѣ могла существовать въ человѣкѣ только до тѣхъ поръ, пока не проснулся въ немъ разумъ. Когда только проснулся разумъ, такъ ясно стало человѣку, что желаніе блага себѣ, отдѣльному существу,—тщетно, потому что благо неосуществимо для

отдѣльнаго и смертнаго существа. Какъ только появился разумъ, такъ стало возможно только одно желаніе блага,— желаніе блага всему: потому что при желаніи блага всему нѣтъ борьбы, а единеніе, и нѣтъ смерти, а передача жизни.

Богъ не есть любовь, но въ живыхъ, неразумныхъ существахъ проявляется любовью къ себѣ, въ живыхъ существахъ разумныхъ — любовью ко всему существующему.

Что вы унываете? Вы чего-то много ждете. Ждете, мнѣ кажется, Бога въ громѣ и бурѣ, а не въ тишинѣ. Самое лучшее то, что „некуда податься", какъ вы говорите. Въ этомъ виднѣе, ощутительнѣе всего рука божія.

Вы говорите, что я какъ будто не признаю Бога. Тутъ недоразумѣніе. Я ничего не признаю, кромѣ Бога.

Я, кажется, писалъ, да и говорилъ вамъ мое опредѣленіе Бога, которое я бы далъ теперь на вопросъ, что такое Богъ? Богъ это то все, безконечное все, чего я сознаю себя частью. И потому все во мнѣ граничитъ Богомъ, и я чувствую Его во всемъ. И это вовсе не фраза, а это то, чѣмъ я живу.

О томъ, что вы говорите о разумѣніи и о Богѣ, я не то, что согласенъ, но думаю такъ же, какъ и вы. Я не говорю согласенъ, потому что, говоря объ этихъ предметахъ, трудно бываетъ ихъ точно выразить, и слово можетъ выразить лишнее или недосказать, и потому нельзя никогда признать извѣсную формулировку совершенно соотвѣтствующею своему пониманію. Я чувствую только, что мы думаетъ и чувствуемъ въ одинаковомъ направленіи, и это меня очень радуетъ. О предметахъ этихъ нельзя не думать, но каждый невольно думаетъ по своему; формулировать же ихъ, какъ это дѣлали въ символахъ вѣры, не только безполезно, но можетъ быть опасно. Формуливать можно и должно выводы, приложимые къ жизни, какъ это дѣлалъ Моисей: „не убей", Христосъ: „не противься злому". Но повторяю, что думаю въ томъ же направленіи и совершенно согласенъ, что мѣра разумѣнія дается по мѣрѣ чистоты, смиренія и любви.

Будемъ стараться сказать то, что мы знаемъ; нужное, радостное намъ и несомнѣнное, и Богъ (тотъ самый, котораго вы думаете, что надо обходить) намъ поможетъ. Называя Его, я признаю свою недостаточность, стараюсь—я, слабое, частное вмѣстилище Его, раскрывъ себя, ту часть себя, которая принимаетъ Его, чтобы Онъ вошелъ въ меня, насколько я могу и годенъ принять Его. Главное же, Онъ мнѣ нуженъ для того, чтобы выразить то, куда я иду и къ кому приду. Въ этой разнообразной жизни здѣшней я могу не чувствовать Его, обходиться безъ этой формы мысли и выраженія, но при переходѣ изъ прежней жизни въ эту и изъ этой въ иную я не могу не назвать Имъ того, откуда

я пришелъ и къ кому иду, потому что это есть самый близкій къ истинному смыслу дѣла способъ выраженія: отъ Бога къ Богу; изъ внѣвременнаго и внѣпространственнаго и въ такое же.

Что я здѣсь, брошенный среди міра этого? Къ кому обращусь? У кого буду искать отвѣта?

У людей? Они не знаютъ, они смѣются, не хотятъ знать,—говорятъ: „Это пустяки. Не думай объ этомъ. Вотъ міръ и его сласти.—Живи!"

Но они не обманутъ меня. Я знаю, что они не вѣрятъ въ то, что говорятъ. Они такъ же, какъ и я, мучаются и страдаютъ страхомъ передъ смертью, передъ самимъ собою и передъ тобою, Господи, котораго они не хотятъ назвать.

И я не называлъ тебя долго, и долго дѣлалъ то же, что они. Я знаю этотъ обманъ и, какъ онъ гнететъ сердце, и какъ страшенъ огонь отчаянія, таящійся въ сердце не называющаго тебя. Сколько не заливай его, онъ сожжетъ внутренность ихъ, какъ сжигалъ меня.

Но, Господи, я назвалъ тебя, и страданія мои кончились. Отчаяніе мое прошло.

Я проклинаю свои слабости, я ищу твоего пути, но я не отчаиваюсь, я чувствую близость твою, чувствую помощь, когда я иду по путямъ твоимъ, и прощеніе, когда отступаю отъ нихъ.

Путь твой ясенъ и простъ. Иго твое благо и бремя твое легко, но я долго блуждалъ внѣ путей твоихъ, долго въ мерзости юности моей я, гордясь, скинулъ всякое бремя, выпрягся изъ всякаго ига и отучилъ себя отъ хожденія по путямъ своимъ. И мнѣ тяжело и твое иго, и твое бремя, хотя знаю, что оно благо и легко.

Господи, прости заблужденіе юности моей и помоги мнѣ такъ же радостно нести, какъ радостно я принимаю иго твое.

Сейчасъ, оставшись одинъ послѣ занятій, спрашивалъ себя, что мнѣ дѣлать, и не имѣлъ никакого личнаго желанія (кромѣ тѣлесныхъ потребностей, поднимающихся только, когда ѣсть, пить хочется), такъ ясно почувствовалъ радость сознанія воли Бога, что мнѣ ничего не нужно и не хочется, какъ дѣлать то, что онъ хочетъ.

Чувство это возникло вслѣдствіе вопроса, который я самъ себѣ создалъ, оставшись одинъ въ тишинѣ: кто я? зачѣмъ я? И такъ ясно отвѣтилось само собой: кто бы и что бы я ни былъ, я кѣмъ-то посланъ что-то дѣлать. Ну, и давай это дѣлать. И такъ радостно, хорошо почувствовалъ свое сліяніе съ волей Бога.

Это второе мое живое чувство Бога. То я почувствовалъ прямо любовь къ Богу. Теперь не могу вспомнить, какъ это было; помню только, что это было радостное чувство.

О, какое счастье—уединеніе! Нынче такъ хорошо чувствуешь Бога.

Ученіе 12-ти апостоловъ.

„Ученіе 12-ти апостоловъ“ есть древняя рукопись найденная недавно въ старинномъ сборникѣ. Эта рукопись извѣстна была древнимъ отцамъ церкви—Афанасію, Евсевію и др., которые знали ее и упоминали о ней въ своихъ писаніяхъ, но сама рукопись была затеряна.

Въ 1883 году митрополитъ греческій Бріеній, живущій въ Константинополѣ, открылъ это „ученіе въ старинной рукописи и напечаталъ ее.

Ученіе это есть самое древнее изложеніе проповѣдей Іисуса Христа. Оно было написано тогда, когда еще были живы люди, слышавшіе самого Христа.

Ученіе это раздѣляется на двѣ части: одна старинная, отъ 1 до 6 главы, а другая, послѣ приписанная, отъ 6 до послѣдней главы. Послѣднія главы касаются устройства жизни учениковъ Христа; въ первыхъ же пяти главахъ записано ученіе Христа людямъ, то самое, которое записано въ 5, 6 и 8 главахъ Евенгелія Матѳея, то, которое Христосъ говорилъ съ горы всѣмъ простымъ людямъ для того, чтобы они узнали это ученіе и могли спастись имъ. Это ученіе есть та самая благая вѣсть, которую Христосъ завѣщалъ ученикамъ проповѣдывать народамъ, та самая, про которую онъ сказалъ ученикамъ (Мр. 16, 15): идите и проповѣдуйте благую вѣсть всей твари.

Ученіе Господа, преподанное народомъ 12-ью апостолами.

Есть два пути: путь жизни и путь смерти. И разница великая между этими двумя путями. Путь жизни такой:

Во-первыхъ, люби Бога, создавшаго тебя,

Во-вторыхъ, ближняго своего, какъ самого себя и потому не дѣлай другому всего того, чего не хочешь чтобы тебѣ сдѣлали.

Ученіе этихъ словъ такое.

1.

Первая заповѣдь ученія: люби Бога, создавшаго тебя.

Благословляйте преклоняющихъ васъ, молитеся за враговъ вашихъ, за нападающихъ на васъ и поститесь за тѣхъ,

которые обижаютъ васъ, потому что—то не добро, чтобы любить только тѣхъ, которые любятъ васъ. То же дѣлаютъ и язычники. Они любятъ своихъ и ненавидятъ враговъ, и потому, у нихъ есть враги. Вы же любите ненавидящимъ васъ, и тогда не будетъ у васъ враговъ.

Берегитесь тѣлесныхъ и мирскихъ побужденій.

Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую, и будешь совершенъ. Если кто принудитъ тебя пройти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ. Если кто возьметъ у тебя кафтанъ твой, отдай и рубаху. Если кто взялъ у тебя твое, не выворачивай назадъ, потому что этого нельзя дѣлать. А всякому просящему у тебя дай и нетребуй назадъ, потому что Отецъ хочетъ, чтобы у каждаго было то свое, которое Онъ далъ всѣмъ людямъ. Блаженъ тотъ, кто по заповѣди даетъ: тотъ правъ; но горе тому, кто беретъ, по тому что правъ только тотъ, кто беретъ по нуждѣ; тотъ же кто беретъ безъ нужды, долженъ дать отчетъ, почему и для чего онъ взялъ. Кто поймалъ въ сѣти маммона, тотъ будетъ мучимъ за то, что онъ сдѣлалъ, и не высвободится изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не отдастъ послѣднее. Объ этомъ то сказано: пусть милосердіе твое выходитъ потомъ изъ рукъ твоихъ, покуда ты еще и не знаешь, кому ты дашь.

2.

Вторая заповѣдь ученія: люби ближняго, какъ самого себя, т. е. не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы съ тобою сдѣлали.

Не убивай, не прелюбодѣйствуй, не оскверняй дѣтей, не распутничай, не крадь, не колдуй, не отравляй, не умерщвляй младенца въ утробѣ матери и рожденнаго не убивай, не желай имѣть того, что у ближняго твоего, не клянись, не лжесвидѣтельствуй, не сквернословь, не скверномысли, не будь двумысленъ, ни двуязыченъ—двуязычіе есть сѣть смерти. Чтобы твое слово было ни лживо, ни пусто, но всегда полно дѣла; не будь ни алчнымъ, ни хищнымъ, ни лицемѣромъ, ни угрюмымъ, ни гордымъ. Не держи зла на ближняго своего, не ненавидь никакого человѣка, но однихъ обличай, за другихъ молись, а иныхъ люби болѣе души своей.

3.

Соблазны, ведущіе на путь смерти.

Чадо мое! Избѣгай всякаго зла и всего того, что похоже на него. Не входи въ гнѣвъ, гнѣвъ ведетъ къ убійству; не входи въ задоръ, въ споры, въ горячность—отъ всего этого бываютъ убійства. Чадо мое! Избѣгай похоти, похоть ведетъ къ распутству; не сквернословь и не озирайся на то, чего тебѣ не нужно видѣть; это ведетъ къ прелюбодѣяніямъ. Чадо мое! Не ворожи, потому что это ведетъ къ идолопоклонству; не волхвуй, не чернокнижничай, не дѣ-

лай заговоровъ и не присутствуй при подобныхъ дѣлахъ, потому что это идолопоклонство. Чадо мое! Не будь обманщикомъ, потому что обманъ приводитъ къ воровству; не будъ корыстолюбивъ и тщеславенъ; и это доводитъ до воровства. Чадо мое! Не будь недовольнымъ, недовольство ведетъ къ ругательству; не будь самодовольнымъ и осуждающимъ, потому что и это ведетъ къ ругательству; будь кротокъ, потому что кроткіе наслѣдуютъ землю; будь терпѣливъ, милостивъ и незлобивъ, и смиренъ, и добръ, и со страхомъ при всякомъ случаѣ вспоминай слова эти, которыя ты слышалъ. Не возвышай самъ себя и не допускай самоувѣренности въ сердце свое. Сердце твое, чтобъ не лежало къ высокимъ и сильнымъ, но пусть прилѣпляется оно къ праведнымъ и смиреннымъ. Все же это случается съ тобою, принимай, какъ благо, зная, что безъ Бога ничего не бываетъ.

4.

Руководство на пути жизни.

Чадо мое! И днемъ и ночью вспоминай того, кто учитъ тебя слову Божію, и почитай его какъ Господа, потому что Господь тамъ откуда ты узналъ про него. Всегда отыскивай святыхъ людей и общайся съ ними, чтобы въ словахъ ихъ находить успокоеніе душѣ своей. Не желай раздѣленія ихъ по правдѣ и не взирай на лица, уличай ихъ въ грѣхахъ. Не двоедушничай и не говори: можно такъ, можно и этакъ. Не протягивай руки, когда приходится давать. То, что ты заработалъ руками своими, давай, какъ выкупъ за грѣхи свои. Не раздумывай давать и, когда далъ, не жалѣй, потому что ты узнаешь, въ чемъ лучшая награда за добро твое. Не отворачивайся отъ нуждающагося, но пусть все то, что есть у тебя, будетъ общимъ съ братомъ твоимъ, и не называй ничего своей собственностью, потому что, если то, что безсмертно, все у васъ общее, то тѣмъ и не должно быть общимъ между вами все тлѣнное. Не переставай руководить сына своего или дочь свою, но отъ юности учи ихъ страху Божію. Не повелѣвай рабу или служанкѣ. Они вѣруютъ тому же Богу, какъ ты. А то какъ бы отъ огорченія они не перестали бы бояться того Бога, который надъ вами обоими, потому что приходится повелѣвать не по лицамъ, а тому кого назначилъ Духъ. Вы же, рабы, повинуйтесь господамъ нашимъ *),

*) Въ напечатанномъ изданіи греческаго митрополита постановлено δούφν въ самой же рукописи стоитъ κκσω Поправка, сдѣланная митрополитомъ, лишаетъ изреченіе смысла. Въ началѣ главы сказано, что тотъ кто учитъ слову Божію, тотъ и Господинъ, что господство есть только господство истины: и потому ученіе говоритъ господамъ, чтобы они не повелѣвали рабамъ, такъ какъ повелѣвать можетъ только тотъ, кого уготовилъ Духъ; а рабамъ говоритъ, что повиноваться они должны только господству духа: и потому—господамъ *нашимъ*,—тѣмъ которыя учатъ слову Божію.

какъ образу Божію въ почтеніи и страхѣ. Ненавидь всякое лицемѣріе и все, что не угодно Богу. Не оставляй заповѣдей Господа, но храни тѣ, которыя получилъ, ничего не прибавляя и не откидывая. Среди вѣрующихъ кайся въ грѣхахъ своихъ и не думай молиться, пока у тебя есть зло на сердцѣ. Таковъ путь жизни.

5.

Путь смерти.

Путь же смерти такой: прежде всего онъ бѣдственень и полонъ мерзостей. Убійства, прелюбодѣянія, похоти распутство, воровство, идолопоклонство, колдовство, отравленіе, грабежи, обманы, лицемѣріе, двоедушіе, хитрость, гордость, злоба, самоувѣренность, алчность, сквернословіе, зависть, дерзость, высокоуміе, тщеславіе, гонители добрыхъ, ненавистники истины, любители лжи, не признающіе награды за праведность, не прилѣпляющіеся къ добру и не знающіе правильнаго осужденія, тѣ, которые заботятся и хлопочутъ не о добромъ, а зломъ, не знающіе кротости и терпѣнія, любители пустяковъ, искатели мірскихъ наградъ, не желающіе нищаго, не трудящіеся для учрежденнаго, не знающіе того, кто создалъ ихъ самихъ, убійцы и соблазнители дѣтей, погубители образа Божія, отвращающіеся, отъ нуждающагося и домучивающіе трудомъ измученнаго, утѣшители богатыхъ и беззаконные судьи бѣдныхъ,— кругомъ и во всемъ грѣшники. Берегитесь, чада мои такихъ людей!

6.

Посильное исполненіе ученія.

Смотри, чтобы кто-нибудь не сбилъ тебя съ этого пути ученія. Берегись того, кто будетъ сбивать тебя съ этого пути, такъ какъ онъ учитъ не по-Божьи, потому что, если ты можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ, а если не можешь, то дѣлай то, что можешь, и въ пищѣ понести то, что можешь; только воздерживайся отъ идолопоклонства, потому что это есть служеніе богамъ мертвымъ.

7.

Объ омовеніи.

Что же касается до омовенія, то омывайте такъ: напередъ скажите тому, кого омываете, все то, что тутъ сказано, и потомъ омывайте во имя Отца и Сына и Святаго Духа въ водѣ проточной. Если же не имѣешь воды проточной, то омывай въ другой водѣ; если же не можешь въ холодной, то омывай въ теплой; если нѣтъ ни той, ни другой, облей три раза водой голову, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Передъ омовеніемъ же пусть постится тотъ, котораго будутъ омывать, и другіе, если могутъ. Тому же, кого омывать будешь, прикажи поститься за день или за два.

8.

О постѣ и молитвѣ.

Посты же ваши да не будутъ въ одинъ день съ лицемѣрами, а они постятся въ понедѣльникъ и четвергъ. Вы же поститесь въ среду и пятницу.

И не молитесь, какъ лицемѣры, но какъ повелѣлъ Господь въ благовѣствованіи своемъ. Молитесь такъ: Отецъ нашъ, тотъ, что на небѣ! Да будетъ свято Твое имя! Да наступитъ царство Твое! Да совершится желаніе Твое, какъ на небѣ такъ и на землѣ. Дай намъ пищу, достаточную на день, и прости намъ то, въ чемъ, мы виноваты предъ Тобою, такъ какъ и мы прощаемъ тѣмъ, кто виноватъ передъ нами: и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ зла, потому что Твоя сила, и слава во вѣки. Такъ молитесь три раза въ день.

9.

Молитва предъ пищей и питьемъ.

Что же касается до благодарности за пищу, то прежде пищи благодарите такъ, сперва о питьѣ: благодаримъ Тебя Отецъ нашъ, за святой виноградъ Давида, отрока Твоего, который Ты открылъ намъ чрезъ Іисуса, отрока Твоего, Тебѣ слава во вѣки. А объ ѣдѣ благодарите такъ: благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за жизнь и разумъ, которые Ты открылъ намъ чрезъ Іисуса, отрока Твоего, Тебѣ слава во вѣки! Какъ этотъ преломленный хлѣбъ былъ разсѣянъ въ зернахъ на холмахъ и соединенъ во едино, такъ да соберутся избранные Твои съ концовъ земли въ царство Твое, потому что Твоя есть слава и сила, чрезъ Іисуса Христа во вѣки!

Но пусть никто не ѣстъ и не пьетъ отъ вашей трапезы, кромѣ омытыхъ во имя Господне, потому что объ этомъ то сказалъ Господь: „не давайте святыни псамъ“.

10.

Молитва послѣ пищи и питья.

Послѣ того, какъ насытились, благодарите такъ: Благодаримъ Тебя, святой Отецъ, за святое Твое имя, которое Ты вселилъ въ сердцахъ нашихъ, и за разумъ и вѣру, и безсмертіе, которое ты открылъ намъ чрезъ Іисуса, отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки. Ты, Владыко вседержитель, сотворилъ все ради имени Твоего; пищу же и питье Ты далъ людямъ въ наслажденіе, дабы они благодарили Тебя, а намъ пожалуй духовную пищу и питье, и жизнь вѣчную черезъ отрока Твоего. Прежде всего благодаримъ Тебя потому, что Ты всемогущъ. Тебѣ слава во вѣки. Помни, Господи избранныхъ Твоихъ, чтобы избавить ихъ отъ всякаго зла и сдѣлать ихъ совершенными въ любви Твоей. И собери ихъ отъ четырехъ вѣтровъ священными въ царство Твое, которое Ты уготовилъ имъ, потому что

Твоя есть сила и слава во вѣки. Да царствуетъ милосердіе и любовь, и да погибнетъ устройство міра сего. Осанна сыну Давидову! Кто святъ, да приступитъ, кто же не святъ, тотъ пусть покается. Маромъ аѳа! Аминь.

Пророкамъ же прикажите благодарить, какъ хотятъ.

11.

Объ апостолахъ.

Если кто, пришедши къ вамъ, станетъ учить васъ тому, что сказано передъ этимъ, того примите. Если же самъ учитель сбился и учитъ такому ученію, чтобы разрѣшать отъ того, что здѣсь сказано, того не слушайте. Если же онъ учитъ тому, чтобы еще увеличить праведность и знаніе Господа, то примите его, какъ Господа.

Относительно же апостоловъ и пророковъ по постановленію благовѣствованія поступайте такъ: всякаго апостола, приходящаго къ вамъ, примите, какъ Господа. Но онъ пусть не остается у васъ долѣе одного дня; по нуждѣ же можетъ пробыть и другой день; но если онъ пробудетъ три дня, онъ лжепророкъ. Апостолъ, когда идетъ въ путь, не долженъ ничего брать, кромѣ хлѣба до начлега; если же онъ проситъ денегъ, онъ лжепророкъ. Всякаго пророка, говорящаго духовное, не допытывайте и не пересуживайте: потому что всякій грѣхъ прощается, но этотъ грѣхъ не простится. Хотя не всякій, говорящій о духовномъ, есть истинный пророкъ, но тотъ, кто имѣетъ обычай Господа. По обычаю узнается лжепророкъ отъ пророка. Всякій пророкъ учреждающій трапезу духовную и не вкушайся отъ нея, — лжепророкъ. Каждый пророкъ, поучающій истинѣ, не дѣлающій того, чему учитъ;—лжепророкъ. Всякій же пророкъ испытанный, истинный, поступающій по мірскому ученію избранныхъ, дѣлающій еще что-либо сверхъ этого и не учащій всѣхъ дѣлать то же, не долженъ быть судимъ вами, потому что онъ имѣетъ судъ у Бога. Такъ поступали и древніе пророки. Если кто, говоря о духовномъ, скажетъ: дай мнѣ денегъ или другого чего-либо, не слушайте его; но если онъ скажетъ: давайте нуждающимся, то его нельзя осудить.

12.

О странникахъ.

Всякій, приходящій во имя Господне, долженъ быть принятъ; но послѣ этого обсудите и познайте его, потому что вы должны различать правое и ложное. Если приходящій—странникъ, то помогите ему, сколько можете: но онъ пусть не останется у васъ долѣе двухъ или трехъ дней, если это нужно. Но если онъ ремесленникъ и желаетъ поселиться у васъ, то пусть работаетъ и ѣстъ. Если же онъ не знаетъ ремесла, то позаботьтесь о немъ по вашему усмотрѣнію такъ чтобы христіанинъ не жилъ среди

васъ праздно. А если онъ не желаетъ такъ поступать, то онъ христопродавецъ. Берегитесь такихъ.

13.

О пророкахъ.

Всякій истинный пророкъ, если хочетъ поселиться у васъ достоинъ своего пропитанія. Истинный учитель, какъ всякій работникъ, достоинъ своего пропитанія. Поэтому, взявши каждый начатокъ изъ точила и гумна, а также воловъ и овецъ, дай пророкамъ, ибо они ваши первосвященники. Но если не имѣете пророка, то дайте нищимъ. Если ты приготовилъ пищу, то взявши начатокъ, отдай его по заповѣди; точно такъ же, если ты откроешь сосудъ вина или елея, то взявши начатокъ, отдай пророкамъ. Или изъ денегъ, или одежды, или какого имѣнія, какъ тебѣ покажется, отдай по заповѣди *).

14.

О собраніяхъ.

Въ день Господень, собравшись вмѣстѣ, ѣшьте и благодарите, исповѣдавши прежде грѣхи свои, дабы чиста была ваша жертва. Тотъ кто, въ ссорѣ съ товарищемъ своимъ, тотъ пусть не сходится съ вами до тѣхъ поръ, пока не примирится съ нимъ, что бы не осквернена была жертва ваша; ибо такъ сказалъ Господь: на всякомъ мѣстѣ и во всякое время должно приносить мнѣ жертву чистую, ибо я царь великій, говоритъ Господь, и мое имя чудно у народовъ.

15.

О соблюденіи порядка въ общинѣ.

Поставляйте себѣ надзирателей и служителей, достойныхъ Господа, мужей кроткихъ и не сребролюбивыхъ, праведныхъ и испытанныхъ, потому что они исполняютъ для васъ служеніе пророковъ и учителей Господа. Поэтому не пренебрегайте ими; ибо они должны почитаться вами вмѣстѣ съ пророками и учителями. Обличайте другъ друга не во гнѣвѣ, но въ мирѣ, какъ это сказано въ благовѣствованіи, и со всякимъ, кто дурно поступилъ съ ближнимъ своимъ, пусть никто не говоритъ. И не услышитъ онъ слова отъ васъ, пока не покается. Молитвы же ваши, милостыни и всѣ дѣла творите такъ, какъ сказано въ благовѣствованіи Господа нашего.

---

*) Эта глава, вѣроятно, приписана впослѣдствіи, ибо она противорѣчитъ сказанному въ 12-ой главѣ.

16

Ожиданіе пришествія Господа.

Не засыпайте въ жизни своей, чтобы свѣтильники ваши не были потушены и чресла не были распоясаны, но будьте готовыми, ибо вы не знаете часа, въ который приходитъ Господь нашъ. Часто сходитесь вмѣстѣ, заботясь о томъ, что нужно душамъ вашимъ, потому что все время вѣры вашей не попользуетъ вамъ, если не будете совершенны въ послѣдній часъ, почему что въ послѣдніе дни умножаться лжепророки и губители, и овцы превратятся въ волковъ, и любовь превратится въ ненависть. Потому что, когда возрастаетъ беззаконіе, возненавидятъ другъ друга и будутъ гнать, предавать, и тогда явится искуситель міра, какъ Сынъ Божій, и сотворитъ знаменія и чудеса; и земля будетъ предана въ руки его, и сотворитъ беззаконія, какихъ нигдѣ не было отъ вѣка. Тогда тварь человѣческая пойдетъ въ огонь испытанія, и соблазнятся многіе и погибнутъ; но пребывшіе въ вѣрѣ своей будутъ спасены отъ проклятія его. И тогда явятся знаменія истины: во-первыхъ, знаменіе отверзтія неба, потомъ знаменіе звука трубнаго и третье—воскресеніе мертвыхъ. Однако же, это не все, но какъ сказано: „прійдетъ Господь и всѣ святые съ нимъ". Тогда увидитъ міръ Господа, грядущаго на облакахъ небесныхъ.

Въ этомъ древнемъ ученіи сказано все то, что нужно каждому человѣку для познанія истины Христовой и спасенія души своей.

Ученіе это не длинно и не мудрено, и всякій можетъ прочесть его, и всякій можетъ понять его, и всякій можетъ исполнить его. Христосъ сказалъ (Лк. 10. 21): славлю Тебя, Отче, Господь неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ. Сказано еще (Мѳ. 11. 28—30): придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко. Еще сказано (Іоан. 7. 37): кто жаждетъ, иди ко мнѣ и пей.

И вотъ оно, то ученіе, которое открыто младенцамъ, то благое иго и легкое бремя, къ которому онъ призываетъ насъ, тотъ ключъ воды живой, къ которому всякій можетъ прійти. Это то самое ученіе, которое проповѣдано Христомъ на горѣ и записано въ 5-ой, 6-ой и 7-ой главахъ Матѳея и называется обыкновенно нагорной проповѣдью. Все, что нужно для спасенія своей души, есть въ этомъ ученіи, и милліоны и милліоны христіанъ спаслись и спасаются и весь міръ спасается имъ.

Христосъ сказалъ: я есмь путь, и истина, и жизнь. Онъ сказалъ еще (Мѳ. 7. 13, 14): входите тѣсными вратами; широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими; но тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ его.

И ученіе начинается съ того, что Христосъ показываетъ среди всѣхъ широкихъ путей, ведущихъ въ погибель, единый узкій путь истины, ведущій къ жизни.

Узкій путь истины, ведущій въ жизни, въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго.

Широкій путь—путь лжи, ведущій къ смерти, это—всѣ тѣ пути, по которымъ идутъ люди безъ любви къ Богу и ближнему.

Путь жизни—въ двухъ заповѣдяхъ: въ любви къ Богу и ближнему.

Въ первой главѣ говорится о первой заповѣди, о любви къ Богу. Любовь къ Богу—въ любви ко всѣмъ людямъ, какъ и сказано въ другомъ мѣстѣ, что Богъ есть любовь. Она заключается въ томъ, чтобы любить не однихъ своихъ близкихъ, но и тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ, любить и любящихъ, и ненавидящихъ насъ; и потому не только не брать отъ людей ничего, кромѣ того, въ чемъ мы имѣемъ нужду, но и отдавать другимъ людямъ все, что мы имѣемъ и весь трудъ свой, не зная даже для кого мы трудились. Это есть ученіе первой заповѣди—любви къ Богу.

Во второй главѣ говорится о второй заповѣди — о любви къ ближнему, о которой сказано въ другомъ мѣстѣ, что она подобна первой. Любовь къ ближнему заключается въ томъ, чтобы не дѣлать ближнему того, чего себѣ не хочешь. Не убивать, не безчестить дѣтей и женщинъ, не воровать, не ругать, не лгать, не отнимать и не удерживать отъ другихъ никакого имущества, и потому однихъ, заблудшихъ, увѣщевать, за другихъ, слабыхъ, молиться, а третьихъ, добрыхъ, любить больше, чѣмъ душу свою. Это есть ученіе второй заповѣди о любви къ ближнему.

Въ третьей главѣ говорится о соблазнахъ. Соблазны заключаются въ тѣхъ дѣлахъ, которыя ведутъ къ грѣхамъ противъ любви къ Богу и ближнему. Грѣховъ этихъ перечислено пять: убійство, развратъ, идолопоклонство, воровство, ругательства; и указываются тѣ соблазны, которые ведутъ къ грѣхамъ этимъ. Гнѣвъ, задоръ, споръ—ведутъ къ убійствамъ; исканіе наслажденій, сквернословіе, созерцаніе чужихъ грѣховъ—ведутъ къ распутству; гаданія, вызыванія духовъ, праздное мудрованіе—ведутъ къ идолопоклонству; ложь, зависть, корысть, тщесловіе—ведутъ къ воровству; самоувѣренность, недовольство и гордость—ведутъ къ ругательствамъ. Это—ученіе о соблазнахъ.

Въ четвертой главѣ говорится о томъ, чѣмъ можетъ подкрѣпить себя человѣкъ на пути жизни. И средствъ

для подкрѣпленія человѣка на пути жизни перечислено пять; вниманіе къ слову Божію, общеніе со святыми, мирное житіе съ людьми, отреченіе отъ собственности и непризнаніе надъ собою и надъ другими никакой другой власти, кровѣ той, которую даетъ духъ истины. Это—ученіе о подкрѣпленіи силъ на пути жизни.

Въ пятой главы говорится о томъ мірѣ людей, которые живутъ внѣ заповѣдей Бога и идутъ по пути смерти. Люди эти страдаютъ, мучаютъ другихъ и всѣ идутъ къ смерти. Это—ученіе о томъ, что ждетъ человѣка на пути смерти.

Остальныя 11 главъ говорятъ о подробностяхъ устройства христіанской общины. Но уже въ этихъ пяти первыхъ главахъ изложено все ученіе, нужное для спасенія души каждаго человѣка. Ученіе этихъ пяти главъ просто и понятно.

Христосъ показываетъ намъ путь спасенія и путь погибели, и, кромѣ того, указываетъ то, чего мы не должны дѣлать, и то, что должны дѣлать, чтобы намъ легко было итти по пути его. Христосъ, давая намъ направленіе пути, указываетъ намъ на тѣ обманы, которые могутъ сбить насъ съ него, и, кромѣ того, научаетъ насъ тому, что можетъ поддержать насъ. Онъ поступаетъ съ нами, какъ поступилъ бы добрый отецъ, посылая сына своего въ дорогу. Прежде всего отецъ сказалъ бы сыну: итти тебѣ надо прямо по дорогѣ, ведущей туда, гдѣ тебѣ будетъ хорошо; но если не будешь итти прямо по дорогѣ, то пропадешь. И вотъ, чтобы тебѣ не сбиваться съ нее, днемъ иди на солнце, а ночью—на звѣзду, которую я указываю тебѣ. Но отецъ не удовольствовался этимъ, онъ любитъ сына и боится, чтобы онъ не сбился, и потому еще сказалъ ему; когда будешь итти, придетъ тебѣ одна повертка направо. не поварачивай по ней: потомъ придетъ перекрестокъ, иди по средней; потомъ придетъ повертка влѣво, не ходи по ней: потомъ придутъ развилки, иди по лѣвой. Такъ отецъ разсказалъ сыну впередъ всю дорогу. Но мало и этого, отецъ еще далъ сыну посохъ и суму, чтобы онъ могъ опираться и питаться дорогой, и тогда только отправилъ его.

То же и съ нами сдѣлалъ Христосъ. Онъ прежде всего показалъ намъ тотъ путь; который приведетъ насъ, какъ солнце,—любовь къ Богу и—какъ звѣзда—любовь къ ближнему, и велѣлъ намъ держаться на нихъ; потомъ подробно показалъ намъ всѣ тѣ повертки, которыя могутъ сбить насъ. Онъ сказалъ: придетъ гнѣвъ, задоръ, остановись и одумайся, это одна изъ повертокъ, которая можетъ увести тебя съ пути жизни, не ходи по ней, а иди прямо. Придетъ похоть, это—другая повертка, опять одумайся и не иди по ложному пути. Придетъ тщеславіе, корысть, знай, что и это ложные пути.

Но мало и этого. Христосъ, кромѣ этихъ указаній, даетъ намъ и подкрѣпленіе на пути нашемъ, даетъ намъ хлѣбъ и посохъ на дорогу. Онъ учитъ насъ тому, что можетъ поддержать насъ на пути нашемъ, даетъ намъ пищу и опору въ словѣ Божьемъ, въ общеніи со святыми, въ установленіи мира между людьми, въ отреченіи отъ собственности, въ освобожденіи отъ всякаго господства, кромѣ господства истины.

Христосъ зналъ нашу слабость и сдѣлалъ все для того, чтобы мы съ нашей слабостью могли итти по пути его. Ученіе его таково, что понимая его, намъ нельзя отговариваться своею слабостью. Если мы вѣримъ тому, что всѣ пути, помимо пути Христова, ведутъ къ смерти, намъ уже нельзя говорить, что мы желали бы итти по пути жизни, но не можемъ итти по немъ; не можемъ и отговариваться незнаніемъ пути; все что нужно намъ для того, чтобы не сбиваться съ пути и итти по немъ, дано намъ. И если мы скажемъ, что мы слабы и не можемъ итти за Христомъ, то Христосъ отвѣтитъ намъ: да я для слабости-то вашей и указалъ вамъ впередъ всѣ тѣ повертки, которыя могутъ сбить васъ, и научилъ васъ, какъ поступать, и для слабости вашей далъ вамъ въ дорогу все то, что можетъ подкрѣпить васъ. Что же вы не останавливаетесь тамъ, гдѣ я сказалъ вамъ останавливаться и вспоминать мои слова? Что же вы не берете съ собою въ дорогу все то, что я сказалъ вамъ, что оно подкрѣпитъ васъ?

Что скажетъ отецъ тому сыну, котораго онъ направилъ въ путь, снабдивъ его и указаніями, и пищей, когда найдетъ сына своего заблудшимъ совсѣмъ въ другой сторонѣ? Онъ навѣрное пожалѣетъ его и опять выведетъ на дорогу, и опять дастъ указанія, какъ итти; и опять тѣ же самыя, потому что другихъ нѣтъ: но онъ не будетъ слушать отговорокъ сына о томъ. что онъ заблудился потому, что ему трудно было помнить всѣ указанія данныя для пути, потому что человѣку, котораго одно дѣло итти, не можетъ быть трудно помнить о томъ, куда онъ идетъ. Если же онъ говоритъ, что забылъ, куда онъ идетъ, и все-таки идетъ, то онъ лицемѣръ или безумный. И мы лицемѣры или безумные, если говоримъ, что вѣримъ Христу, и не идемъ по пути Его.

Христосъ показалъ намъ путь освобожденія отъ смерти и ждетъ насъ на пути этомъ. И если мы вѣримъ ему, то мы пойдемъ по немъ. А если пойдемъ по немъ, то, какъ и сказалъ онъ намъ, узнаемъ, что иго его благо и бремя легко, и выйдемъ на путь жизни и придемъ къ нему.

Экзекуція [1]).

Въ обычное время въ острогѣ просвистѣли по корридорамъ свистки надзирателей; гремя желѣзомъ, отворились двери корридоровъ и камеръ; зашлепали босыя ноги и каблуки котовъ, по корридорамъ прошли парашечники, наполняя воздухъ отвратительною вонью; умылись, одѣлись арестанты и арестантки и вышли по корридорамъ на повѣрку, а послѣ повѣрки пошли за кипяткомъ для чая.

За чаемъ въ этотъ день по всѣмъ камерамъ острога шли оживленные разговоры о томъ, что въ этотъ день должны были быть наказаны розгами два арестанта. Одинъ изъ этихъ арестантовъ былъ хорошо образованный молодой человѣкъ, приказчикъ Васильевъ, убившій свою любовницу въ припадкѣ ревности. Его любили товарищи по камерѣ за его веселость, щедрость и твердость въ отношеніяхъ съ начальствомъ. Онъ зналъ законы и требовалъ исполненія ихъ. За это начальство не любило его. Три недѣли тому назадъ надзиратель ударилъ парашечника за то, что тотъ облилъ его новый мундиръ щами. Васильевъ вступился за парашечника, говоря, что нѣтъ закона бить арестантовъ.—„Я тебѣ покажу законъ",—сказалъ надзиратель и изругалъ Васильева. Васильевъ отвѣтилъ тѣмъ же. Надзиратель хотѣлъ ударить, но Васильевъ схватилъ его за руки, подержалъ такъ минуты три, повернулъ и вытолкнулъ изъ двери. Надзиратель пожаловался, и смотритель велѣлъ посадить Васильева въ карцеръ.

Карцеры были рядъ темныхъ чулановъ, запиравшихся снаружи запорами. Въ темномъ, холодномъ карцерѣ не было ни кровати, ни стола, ни стула, такъ что посаженный сидѣлъ или лежалъ на грязномъ полу, гдѣ черезъ него и на него бѣгали крысы, которыхъ въ карцерѣ было очень много, и которыя были такъ смѣлы, что въ темнотѣ нельзя было уберечь хлѣба. Онѣ съѣдали хлѣбъ изъ-подъ рукъ у посаженныхъ и даже нападали на самихъ посаженныхъ, если они переставали шевелиться. Васильевъ сказалъ, что не пойдетъ въ карцеръ, потому что не виноватъ. Его повели силой. Онъ сталъ отбиваться, и двое арестантовъ помогли ему вырваться отъ надзирателей. Собрались надзиратели и,

[1]) Варіанты 46-й главы I ч. романа „Воскресеніе".

между прочимъ, знаменитый своею силою Петровъ. Арестантовъ смяли и втолкнули въ карцеры. Губернатору тотчасъ же было донесено о томъ, что случилось нѣчто похожее на бунтъ. И отъ того самаго губернатора, который, сжимая пухлый бѣлый кулакъ съ бирюзовымъ кольцомъ, говорилъ, что нужна заботливость и твердая власть, была получена съ прекраснымъ росчеркомъ подписанная бумага, въ которой предписывалось дать главнымъ двумъ виновникамъ—Васильеву и бродягѣ Непомнящему—по 30 розогъ. И вотъ, тотчасъ же послѣ чая, два арестанта эти были приведены въ свободную въ это время женскую посѣтительскую, предназначенную для исполненія приговора.

Еще съ вечера это было извѣстно всѣмъ обитателямъ острога, и по камерамъ шли оживленные разговоры о предстоящемъ наказаніи.

— Чего же стоите? Ложись.

Бродяга спустилъ штаны, они упали, онъ выступилъ изъ нихъ и изъ котовъ, и самъ подошелъ къ скамьѣ. Надзиратели подхватили его подъ руки и положили на скамейку. Ноги арестанта спускались съ обѣихъ сторонъ скамейки. Одинъ надзиратель поднялъ ноги вверхъ и легъ на нихъ, другіе два ухватили арестанта за руки и прижимали къ скамьѣ, четвертый поднялъ рубаху до самыхъ кострецовъ, оголивъ выдающіяся изъ-подъ желтой кожи ребра, жолобъ станового хребта и поясницу съ выгибомъ и твердыя, мускулистыя ляжки кривыхъ ногъ. Петровъ, широкій въ груди и плечахъ, мускулистый надзиратель, выбравъ одинъ изъ приготовленныхъ пучковъ, поплевалъ въ руки и, крѣпко сжимая связанные комли березовыхъ прутьевъ, со свистомъ взмахивая, сталъ ударять ими по обнаженному тѣлу. При каждомъ ударѣ бродяга гукалъ и встряхивался, удерживаемый насѣвшими на него надзирателями. Васильевъ, блѣдный, стоялъ, изрѣдка вскидывая глазами на то, что было передъ нимъ, и опять опуская ихъ. На желтомъ заду бродяги уже выступили пересѣкающіяся линіи кровоподтековъ, и гуканье его переходило уже въ стоны.

Но Петровъ, которому подбили глазъ въ той дракѣ, когда вели Васильева въ карцеръ, отплачивалъ свою обиду, ударяя такъ, что концы розогъ отлетали, и на желтыхъ ягодицахъ и бедрахъ бродяги стала мазаться красная кровь.

Когда бродягу пустили, и онъ, дрожа нижнею челюстью, обтирая полою рубахи кровь, сталъ подтягивать шнурокъ посконныхъ штановъ, старшій надзиратель взялся за халатъ Васильева.

— Снимай,—сказалъ онъ.

Васильевъ какъ будто улыбнулся, оскаливъ изъ-за черной бородки свои бѣлые зубы, и все умное энергическое лицо его исказилось. Онъ, разрывая шнурки одежды,

скинулъ ее и легъ, заголивъ свои красивыя, тонкія, прямыя, мускулистыя ноги.

— Нѣтъ на васъ...—проговорилъ онъ начало какой-то фразы и вдругъ оборвалъ, стиснувъ зубы и готовясь къ удару.

Петровъ бросилъ отрепанныя розги, взялъ изъ приготовленныхъ на окнѣ розогъ новый пукъ, и началось новое истязаніе. Съ первыхъ же ударовъ Васильевъ закричалъ.

— Охъ!.. О!—и сталъ биться такъ, что надзиратели, спустившись на колѣни, повисли на его плечахъ и покраснѣли отъ усилій.

— Тридцать,—сказалъ смотритель, когда было еще 26.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, 26.

— Тридцать, тридцать,—морщась, дергая бородку сказалъ смотритель.

Васильевъ не всталъ, когда его пустили.

— Ну, вставай,—сказалъ одинъ изъ надзирателей и поднялъ его.

Васильевъ поднялся, но зашатался и упалъ бы, если бы его не поддержали надзиратели. Онъ тяжело и коротко дышалъ. Блѣдныя губы его тряслись, издавая странный звукъ, похожій на тотъ, которымъ забавляютъ дѣтей, играя губами.

Колѣнки его дрожали и стукались одна о другую.

— Будешь надзирателей въ морду бить?—проговорилъ Петровъ, бросая розги и стараясь подбодрить и оправдать себя, но на душѣ у него было нехорошо, и онъ, отворотивъ назадъ на волосатыя руки отвороченные рукава мундира и отеревъ грязнымъ носовымъ платкомъ выступившій на лбу потъ, вышелъ изъ посѣтительской.

— Въ больницу,—сказалъ смотритель и, морщась и откашливаясь, точно онъ проглотилъ что-нибудь горькое и ядовитое, сѣлъ на подоконникъ и закурилъ папиросу.

„Пойти домой?“—подумалъ онъ, но вспомнилъ слышанные уже третій день и все утро нынче быстрые переборы венгерскихъ танцевъ въ аранжировкѣ Листа, и на душѣ у него стало еще мрачнѣе. Въ это время ему доложили о Нехлюдовѣ.—„И чего ему нужно?“—подумалъ смотритель и, тяжело вздыхая вышелъ въ сѣни.

О самоубійствѣ.

Вопросъ о томъ, имѣетъ ли, вообще, человѣкъ, право убить себя—неправильно поставленъ. О правѣ не можетъ быть рѣчи. Если можетъ, то имѣетъ право. Я думаю, что возможность убить себя есть спасательный клапанъ. При этой возможности человѣкъ не имѣетъ права (вотъ тутъ умѣстно выраженіе: имѣть право) говорить, что ему невыносимо жить. Невозможно жить—такъ убьешь себя и поэтому некому будетъ говорить о невыносимости жизни. Человѣку дана возможность убить себя, и потому онъ можетъ (имѣетъ право) убивать себя и, не переставая, пользуется этимъ правомъ, убивая себя на дуэляхъ, на войнѣ, развратомъ, водкой, табакомъ, опіумомъ и т. д. Вопросъ можетъ быть только о томъ, разумно-ли и нравственно-ли (разумное и нравственное всегда совпадаетъ) убить себя?

Нѣтъ—неразумно, такъ же неразумно, какъ—срѣзать побѣги растенія, которое хочешь уничтожить: оно не погибнетъ, а только станетъ расти неправильно.

Жизнь не истребима,—она внѣ времени и пространства, и потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, прекратить ея проявленіе въ этомъ мірѣ. А прекративъ ее въ этомъ мірѣ, я, во первыхъ, не знаю, будетъ ли проявленіе въ другомъ мірѣ болѣе мнѣ пріятно, а, во вторыхъ, лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего *я* все то, что оно могло пріобрѣсти въ этомъ мірѣ. Кромѣ того, и главное, это неразумно потому, что, прекращая свою жизнь,—изъ-за того, что она мнѣ кажется непріятной,—я тѣмъ показываю, что имѣю превратное понятіе о назначеніи своей жизни, предполагая, что назначеніе ея есть мое удовольствіе, тогда какъ назначеніе ея есть съ одной стороны личное совершенствованіе, съ другой—служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнью міра. Этимъ же самоубійство и безнравственно: человѣку дана жизнь вся и возможность жить до естественной смерти, только подъ условіемъ его служенія жизни міра, а онъ, воспользовавшись жизнью на столько, на сколько она была ему пріятна, отказывается отъ служенія ею міру, какъ скоро она ему непріятна; тогда какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, это служеніе начиналось именно съ того времени, когда жизнь показалась непріятной. Всякая работа представляется сначала непріятной.

Въ Оптиной пустыни въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличемъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Доктора говорили, что онъ долженъ былъ сильно страдать, но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно, крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространилось на міръ отъ этого лишеннаго всякой возможности дѣятельности человѣка. Навѣрное этотъ человѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи и тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру.

Пока есть жизнь въ человѣкѣ, онъ можетъ совершенствоваться и служить міру. Но служить міру онъ можетъ, только совершенствуясь, а совершенствоваться — только служа міру.

О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ.

I.

. . . Вы спрашиваете—въ чемъ заключается мое христіанское вѣроисповѣданіе?

Вы читали «*Краткое Изложеніе Евангелія*» и потому знаете, какъ я понимаю Христа.

Если же вы желаете знать, въ чемъ я вижу главный смыслъ ученія, то, по-моему, главный смыслъ ученія Христа, который я бы желалъ передать всѣмъ людямъ, въ которомъ желалъ бы, чтобы воспитывались всѣ дѣти,—состоитъ въ томъ, что *человѣкъ пришелъ въ міръ не по своей волѣ, а по волѣ Того, кто его послалъ въ міръ.* Для того же, чтобы человѣкъ зналъ то, чего отъ него хочетъ Тотъ, кто его послалъ въ міръ.—Онъ вложилъ въ него разумъ, посредствомъ котораго человѣкъ всегда, если онъ хочетъ этого, можетъ знать волю Бога, т.-е. то, чего хочетъ отъ него Тотъ, кто послалъ его въ міръ.

Фарисеи и книжники нашего времени всегда говорятъ, что не надо вѣрить разуму, потому что онъ обманетъ, а надо вѣрить имъ, и они не обманутъ. Но они говорятъ неправду. Если вѣрить людямъ и, какъ сказано въ Евангеліи, преданіямъ человѣческимъ, то мы всѣ располземся въ разныя стороны, какъ слѣпые щенята, и возненавидимъ другъ друга, какъ это и происходитъ теперь: христіанинъ-церковникъ ненавидитъ магометанина, магометанинъ христіанина, и самые христіане ненавидятъ другъ друга: православный католика, старовѣра, старовѣръ православнаго и т. д. Если же мы будемъ держаться того, что говоритъ намъ разумъ, то всѣ соединимся, потому что разумъ у всѣхъ одинъ, и только разумъ соединяетъ людей и не мѣшаетъ проявленію свойственной людямъ любви другъ къ другу.

Разумъ соединяетъ не только людей, одновременно живущихъ, но соединяетъ насъ и съ людьми, жившими до насъ за тысячи лѣтъ, и съ тѣми, которые будутъ жить послѣ насъ. Такъ, мы пользуемся всѣмъ тѣмъ, что произвелъ разумъ и Исаіи, и Христа, и Будды, и Сократа, и Конфуція, и всѣхъ людей, жившихъ до насъ и вѣровавшихъ разуму и служившихъ ему. Поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобы поступали съ тобой; не мсти

людямъ, дѣлающимъ тебѣ зло, а плати добромъ за зло; будь воздерженъ, цѣломудренъ; не только не убивай людей, но не гнѣвайся на нихъ; соблюдай миръ со всѣми, и многое другое;—все это произведенія разума и все это проповѣдывалось одинаково и буддистами, и конфуціанами, и христіанами, и таоистами, и мудрецами греческими и египетскими, проповѣдуется и всѣми добрыми людьми нашего времени, и всѣ въ этомъ согласны.

И потому, повторяю, главный смыслъ христіанскаго ученія, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что выражено въ Евангеліи въ притчѣ о виноградаряхъ, которымъ былъ данъ въ пользованіе садъ, за который они должны были платить хозяину, а они вообразили, что садъ ихъ собственный, и въ притчѣ о талантахъ. Смыслъ—въ томъ, что люди должны исполнять волю Того, кто ихъ послалъ въ жизнь, воля же эта въ томъ, чтобы люди, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, были совершенны, какъ ихъ Отецъ небесный, т.-е. приближались, сколько могутъ, къ этому высшему совершенству.

То, что въ этомъ только воля Бога, показываетъ намъ тоже разумъ и такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора и сомнѣнія. Всякій, подумавшій объ этомъ человѣкъ, не можетъ не видѣть, что во всѣхъ дѣлахъ жизни человѣкъ можетъ встрѣчать препятствія, и только въ одномъ дѣлѣ нѣтъ человѣку препятствій—въ томъ, чтобы совершенствоваться, очищать свою душу отъ зла и дѣлать добро всеми живущему. Не прекращаетъ и не нарушаетъ, не мѣшаетъ этому дѣлу и смерть, прекращающая, нарушающая и лишающая смысла всякое другое, мірское дѣло. Не прещаетъ и не нарушаетъ этого дѣла смерть потому, что человѣкъ, исполняющій волю Того, кто его послалъ, зная, что исполняемое имъ дѣло нужно хозяину, спокойно исполняетъ ее здѣсь до тѣхъ поръ, пока у него есть силы исполнять ее, и знаетъ, что смерть не уничтожаетъ ни его самого, ни его отношенія къ хозяину, а что и тамъ, хоть и въ совершенно другой формѣ, онъ будетъ въ той же зависимости отъ хозяина и будетъ имѣть ту же радость все большаго и большаго участія въ жизни и дѣлѣ хозяина, т.-е. Бога.

Такъ я понимаю ученіе Христа и такъ бы желалъ, чтобы понимали его всѣ и такъ бы воспитывались дѣти, чтобы они не вѣрили на слово тому, что имъ говорятъ о Богѣ и о жизни,—чтобы вѣрили тому, чѣму вѣрятъ, не потому, что это выдается за изреченія пророковъ или Христа, а потому, что это говоритъ имъ ихъ разумъ. Разумъ старше и достовѣрнѣе всѣхъ писаній и преданій, онъ былъ уже тогда, когда не было никакихъ преданій и писаній, и онъ данъ каждому изъ насъ прямо отъ Бога.

Слова Евангелія о томъ, что всѣ грѣхи простятся, но только не хула на святого духа, по моему мнѣнію, отно-

сятся прямо къ утвержденію того, что разуму не надо вѣрить. Дѣйствительно, если не вѣрить разуму, данному намъ отъ Бога, то кому же вѣрить? Неужели тѣмъ людямъ, которые хотятъ заставить насъ вѣрить тому, что несогласно съ разумомъ, даннымъ отъ Бога...

II.

. . . Вы спрашиваете—что можетъ дать человѣку слабому и испорченному, развращенному, какъ всѣ мы, среди окружающихъ его со всѣхъ сторонъ соблазновъ, что можетъ дать такому человѣку силу жить христіанской жизнью?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать, и прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я спрошу,—что собственно онъ означаетъ? Мы такъ привыкли къ этому вопросу, что онъ кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, а между тѣмъ, вопросъ этотъ не только не естественнен и непонятенъ, но чрезвычайно удивителенъ и страненъ для всякаго разумнаго человѣка, не воспитаннаго въ суевѣріяхъ церковной вѣры.

Почему кузнецъ, кующій желѣзо, или пахарь, пашущій поле, не спрашиваетъ о томъ, откуда онъ возьметъ силы для исполненія предпринятаго дѣла, а дѣлаетъ его по мѣрѣ силъ своихъ; ошибается и старается поправить сдѣланную ошибку: устаетъ—останавливается, оставляетъ на время работу, отдыхаетъ и опять берется за нее? Развѣ не въ томъ же самомъ положеніи всякій рабъ Божій, старающійся жить христіанской жизнью—исполнять сознанную имъ волю Бога? Точно также такой человѣкъ, если онъ искрененъ, будетъ по мѣрѣ силъ жить христіанской жизнью, исполнять волю Бога и, если будетъ поправляться, и будетъ уставать, и отдыхать, и опять браться за то же дѣло своей жизни: приближаться по мѣрѣ силъ къ тому совершенству Отца небеснаго, которое указано ему.

Вопросъ о томъ, гдѣ взять силы для христіанской жизни, показываетъ только то, что людей кто-то увѣрилъ въ томъ, что есть какія-то особенныя средства, посредствомъ которыхъ люди безъ своего ежечаснаго усилія борьбы, паденій, раскаянія, подъемовъ и опять паденій, и опять подъемовъ, могутъ получить нужныя имъ силы для хорошей, святой жизни. Это-то суевѣріе, что человѣкъ не собственными, медленными усиліями приближается къ совершенству, а можетъ сразу очиститься и стать святымъ, есть одно изъ самыхъ ужасныхъ и зловредныхъ заблужденій, и оно-то усиленно проповѣдуется всѣми церковными вѣрами. Одни увѣряютъ своихъ учениковъ, что посредствомъ таинствъ: крещенія, исповѣди, причастія—человѣкъ освобождается отъ грѣховъ; другіе утверждаютъ, что отъ грѣховъ освобождаетъ вѣра въ искупленіе, въ то, что Христосъ-Богъ своей кровью очистилъ насъ. И тѣ, и другіе

учатъ, что кромѣ того очищаетъ насъ молитва просительная къ Богу о томъ, чтобы онъ простилъ намъ наши грѣхи и сдѣлалъ насъ хорошими, а не мы бы сами постарались стать лучшими.

Суевѣріе это очень вредно потому, что заключаетъ въ себѣ обманъ.

Обманъ, во-первыхъ, въ томъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться совсѣмъ чистымъ, святымъ, тогда какъ для живого человѣка это невозможно. Человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ и безгрѣшнимъ, онъ можетъ только *болѣе или менѣе* приближаться къ совершенству, полагая въ этомъ приближеніи весь смыслъ своей жизни. (Я даже думаю, что жизнь послѣ смерти будетъ состоять, хотя и въ совершенно другомъ видѣ, но опять только въ приближеніи къ совершенству). Въ этомъ личномъ усиліи къ совершенству весь смыслъ и радость жизни. И потому, если бы совершенство достигалось внѣшними средствами, мы бы были лишены самой сущности жизни.

Обманъ, во-вторыхъ, въ томъ, что силы человѣка отвлекаются отъ того, что ему нужно дѣлать,—работать надъ собой,—и направляются на то, чего не нужно дѣлать. Полагаться на то, что таинства, или вѣра въ искупленіе, или молитва будутъ содѣйствовать нашему совершенствованію, все равно, что кузнецу, когда у него въ рукахъ желѣзо и молотъ, и есть наковался, и горно разожжено, придумывать,—помимо того, чтобы бить молотомъ по желѣзу,—средство ковать его или просить Бога о томъ, чтобы Онъ далъ ему силы работать.

Просить Бога и придумывать средства, какъ совершенствоваться, можно бы было только тогда, когда бы намъ были поставлены какія-либо преграды для этого дѣла, и мы сами не имѣли бы для этого силъ. Въ дѣлѣ совершенствованія, или христіанской жизни, или исполненія воли Бога, Богъ не требуетъ отъ насъ того, чего мы не можемъ дѣлать, а напротивъ, онъ заботился о томъ, чтобы дать намъ все, что намъ нужно для исполненія Его воли.

Мы здѣсь въ этомъ мірѣ, какъ на постояломъ дворѣ, въ которомъ хозяинъ устроилъ все, что намъ, путешественникамъ, точно нужно, и самъ ушелъ, оставивъ наставленіе, какъ намъ вести себя въ этомъ временномъ пріютѣ. Все, что намъ нужно, у насъ подъ руками; такъ какія же намъ еще придумывать средства и о чемъ просить? Только бы исполнить то, что намъ предписано. Такъ и въ нашемъ духовномъ мірѣ — все нужное дано намъ, и дѣло только за нами.

Понятно, что, если мы хотимъ быть сразу святыми, или чувствовать себя оправданными и, кромѣ того, еще богатыми,—хотимъ, чтобы наши друзья и мы сами не болѣли и не умирали, чтобы у насъ были всегда хорошіе урожаи, и чтобы враги наши были уничтожены,—то намъ тоже надо

просить обо всемъ этомъ Бога, какъ просятъ объ этомъ въ нашихъ церквахъ. Но, вѣдь, Богъ ничего этого не предназначалъ намъ. Онъ не только не предписалъ намъ быть праведными и безгрѣшными, но, напротивъ, далъ намъ жизнь, смыслъ которой только въ томъ, чтобы мы сами освобождались отъ своихъ грѣховъ и приближались къ Нему; и не предназначилъ насъ быть богатыми, безболѣзненными и безсмертными, а далъ намъ испытанія: бѣдность, болѣзни, смерть друзей и свою, именно затѣмъ, чтобы научить полагать свою жизнь не въ богатствѣ, здоровьѣ и этой временной жизни, а въ служеніи Ему; и далъ намъ враговъ не затѣмъ, чтобы мы желали ихъ погибели, а затѣмъ, чтобы мы научились уничтожать враговъ любовью; далъ намъ такой законъ, при которомъ намъ всегда хорошо, если мы исполняемъ его. Такъ что придумывать какія-то особенныя средства спасенія и просить Бога намъ не о чемъ. Все, что намъ нужно, дано намъ, если мы только слѣдуемъ указаніямъ и нашей совѣсти, и Бога, выраженнымъ въ Евангеліи.

Въ-третьихъ, обманъ въ томъ, и особенно этимъ вреденъ, что люди, повѣрившіе въ то, что они своими силами не могутъ исполнять волю Бога и жить хорошо,—перестаютъ работать надъ собою и не только перестаютъ работать, но теряютъ возможность совершенствоваться. Стоитъ человѣку увѣриться, что онъ не можетъ сдѣлать того, что ему нужно дѣлать, и у него опустятся руки, и онъ дѣйствительно будетъ не въ состояніи сдѣлать нужное. Стоитъ увѣриться, что человѣкъ боленъ, и онъ станетъ боленъ. Порченые отъ того кричатъ, что они вѣрятъ, что они порченные. Пьющіе запоемъ отъ того не исправляются, что увѣрены, что они не могутъ воздержаться. Нѣтъ болѣе безнравственнаго и вреднаго ученія, какъ то, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами.

Это разсужденіе о томъ, что для доброй христіанской жизни недостаточно своихъ усилій, а необходима какая-то внѣшняя сила, совершенно подобно тому, по которому (о чемъ я писалъ вамъ въ первомъ письмѣ) недостаточно разума для познанія истины, а необходимы внѣшнія несомнѣнныя доказательства. Тамъ впередъ предполагается, что есть что-то такое, что можетъ дать человѣку силы жить христіанскою жизнью и исполнять волю Бога; тутъ же впередъ предполагается, что есть что-то такое, по чему человѣкъ можетъ навѣрное узнать, что то, что ему говорится, есть несомнѣнная истина. Предполагается, что существуетъ какое-то средство познать истину помимо личнаго усилія разума, и—истину полную, совершенную. Но, вѣдь, это такъ же невозможно, какъ увидать свѣтъ безъ глазъ. Истина есть то, что познается усиліями, и ничѣмъ другимъ познаваться не можетъ. И истина, познаваемая разумомъ человѣческимъ, никогда совершенною быть не можетъ, а только

болѣе или менѣе приближается къ совершенной истинѣ. Такъ что истина можетъ быть высшей, доступной въ данное время человѣку, истиной, но никогда не можетъ быть совершенной на всѣ времена, несомнѣнной истиной. Никакое положеніе не можетъ быть такой совершенной на всѣ времена истиной уже по тому одному, что жизнь, какъ всего человѣчества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка вся проходитъ и даже состоитъ въ достиженіи все болѣе и болѣе совершенной истины.

Превратное и нелѣпое понятіе о томъ, что человѣческій разумъ своими усиліями не можетъ приближаться къ истинѣ, происходитъ отъ такого же ужаснаго суевѣрія какъ и то, по которому человѣкъ не можетъ безъ помощи извнѣ приближаться къ исполненію воли Бога. Сущность этого суевѣрія въ томъ, что полная совершенная истина, будто бы, открыта самимъ Богомъ: для евреевъ она открыта на горѣ Синаѣ, а потомъ разными пророками; для христіанъ она открыта Христомъ, апостолами, соборами, церковью; для браминовъ открыта въ Ведахъ; для буддистовъ въ Трипитакѣ; для магометанъ въ Коранѣ. Суевѣріе это ужасно во-первыхъ, потому что оно извращаетъ самое понятіе объ истинѣ; во-вторыхъ, потому что, разъ признавъ за несомнѣнную истину всѣ тѣ нелѣпости и гадости, которыя приняты за откровеніе Бога въ писаніяхъ, приходится еще болѣе извращать здравый смыслъ, чтобы оправдать всѣ эти гадости и глупости; а въ-третьихъ, потому, что, признавъ источникомъ истины непогрѣшимое внѣшнее откровеніе, человѣкъ перестаетъ вѣрить единственному средству познанія истины—усиліямъ своего разума. Человѣкъ, поступающій такъ, дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы человѣкъ, отыскивающій путь, если бы онъ вмѣсто того, чтобы дѣлать все возможныя усилія для узнанія пути, закрылъ бы глаза и отдался руководству того человѣка, который первый взялся бы проводить его.

Говорятъ: какъ же вѣрить разуму, когда мы видимъ что люди, руководимые разумомъ, ошибаются? Люди, руководимые разумомъ—протестанты, расходятся на безчисленное количество вѣръ, и даже одинъ и тотъ же человѣкъ довѣряясь своему разуму, переходитъ отъ одного ученія къ другому. Стало быть, говорятъ, разумъ можетъ ошибаться и нельзя довѣрять ему.

Почему же? Когда человѣкъ вѣрилъ въ одно что-нибудь, и разумъ его не указывалъ ему ничего болѣе истиннаго, онъ познавалъ высшую для него истину и былъ правъ, признавая ее. Точно такъ же онъ былъ правъ, познавъ еще болѣе высокую или чистую истину. То, выше, яснѣе, истиннѣй чего человѣкъ не можетъ видѣть и представить себѣ,—то для него и есть истина.

Очень можетъ быть, что было бы очень хорошо и желательно, чтобы люди всѣ сразу познали бы одну и ту же

совершенную истину (хотя, если бы это было, то жизнь прекратилась бы); но если и допустить, что это было бы желательно, то, вѣдь, не все дѣлается такъ, какъ мы желаемъ. Очень можетъ быть, желательно неразумнымъ людямъ, чтобы люди не болѣли, или чтобы средство, которое лѣчило бы отъ всѣхъ болѣзней, или чтобы всѣ люди говорили на одномъ языкѣ; но, вѣдь, это не сдѣлается отъ того, что мы вообразимъ, что всѣ люди вылѣчиваются отъ нашего лѣкарства, или всѣ говорятъ и понимаютъ по русски. Если мы вообразимъ это, то только самимъ себѣ сдѣлаемъ хуже, когда воображаемъ, что вся полная и вѣчная истина открыта намъ въ писаніи, преданіи, или церкви. Воображать это еще можно было при началѣ христіанства, когда единая вѣра казалась возможною; но въ наше время, когда рядомъ съ нами мы можемъ видѣть людей разнообразнѣйшихъ вѣроученій, которые всѣ воображаютъ, что истина полная и вѣчная открыта имъ, а не намъ,—воображать себѣ, что мы именно, родившіеся въ своей вѣрѣ, обладаемъ полной истиной, какъ это воображаютъ буддисты, магометане, католики, таоссисты и другіе,—особенно глупо. Особенно же вредно такое ложное воображеніе потому, что оно болѣе всего другого разъединяетъ людей. Люди должны бы все болѣе и болѣе соединяться, какъ учитъ Христосъ, и какъ это указываетъ намъ нашъ разумъ и сердце, а такія ученія объ откровеніяхъ болѣе всего разъединяютъ людей.

Кромѣ того, надо понять и то, что если человѣкъ вѣритъ въ откровеніе, то и тогда онъ вѣритъ только потому, что разумъ его сказалъ ему, что надо вѣрить въ такое или такое откровеніе—въ магометанское, буддійское или христіанское. Хотимъ мы этого или не хотимъ, помимо разума никакая истина не можетъ войти въ душу человѣка. Разумъ все равно, что въ грохотъ или сито, которое прилажено къ молотилкѣ и вѣялкѣ такъ, что зерно нельзя получить иначе, какъ черезъ этотъ грохотъ. Можетъ быть, сквозь грохотъ проходилъ и проходитъ соръ, но другого средства получить зерно—нѣтъ. Если же мы вообразимъ, что у насъ можетъ быть чистое зерно безъ просѣвки, то мы обманемъ сами себя и будемъ питаться соромъ вмѣсто хлѣба, какъ это и происходитъ съ церковниками.

Такъ что не надо воображать, что все дѣлается, какъ мы хотѣли бы, а надо понимать, что все дѣлается такъ, какъ установлено Богомъ. А установлена Богомъ жизнь человѣческая такъ, что люди не могутъ познать всей истины, а постоянно приближаются къ ней и, познавая яснѣе и яснѣе единую истину,—все болѣе и болѣе сближаются между собою.

Вы еще спрашиваете мое сужденіе о личности Христа, считаю-ли я Его Богомъ; о его рожденіи, о загробной

жизни, о томъ, кого я разумѣю подъ фарисеями и книжниками, и о причащеніи.

Христа я считаю такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ мы, считать же его Богомъ—считаю величайшимъ кощунствомъ и явнымъ доказательствомъ язычества. Признать Христа—Богомъ—есть отреченіе отъ Бога.

Христа я считаю человѣкомъ, но его ученіе почитаю божескимъ настолько, насколько оно выражаетъ божескія истины. Я не знаю выше ученія. Оно дало мнѣ жизнь, и я стараюсь, сколько могу, слѣдовать ему.

О рожденіи Христа ничего не знаю, да и не нуждаюсь знать.

О загробной жизни мы знаемъ, что она есть, что жизнь не кончается смертью; о томъ же, какая будетъ та жизнь, намъ знать не дано, потому что и не нужно намъ.

Подъ фарисеями я разумѣю преимущественно духовенство, подъ книжниками—разумѣю ученыхъ, не вѣрующихъ въ Бога.

Насчетъ яденія тѣла и питія крови—думаю, что мѣсто это въ Евангеліи самое неважное и означаетъ или усвоеніе ученія, или воспоминаніе, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не имѣетъ важности и ни въ какомъ случаѣ не значитъ то, что подразумѣваютъ церковные изувѣры. Я, какъ умѣлъ, изложилъ мое пониманіе этого мѣста въ *„краткомъ изложеніи Евангелія“*.

III.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я писалъ о безполезности молитвы, какъ для осуществленія нашихъ желаній по отношенію событій внѣшняго міра, точно такъ же и для внутренняго міра—для своего усовершенствованія. Боюсь, что по моей винѣ вы не такъ поймете меня, какъ бы я хотѣлъ, и потому добавлю здѣсь кое-что объ этомъ предметѣ—именно о молитвѣ.

О внѣшнихъ событіяхъ: о томъ, чтобы пошелъ дождь, или былъ живъ любимый мною человѣкъ, или я былъ здоровъ и не умеръ,—нельзя молиться потому, что эти событія происходятъ по законамъ, установленнымъ Богомъ разъ навсегда, и такъ, что если мы поступаемъ какъ должно, то они всегда благодѣтельны для насъ. Все равно, какъ если бы добрый человѣкъ построилъ мнѣ домъ съ крѣпкими стѣнами и крышей, защищающими меня, а я бы по прихоти своей желалъ расширить или перемѣнить положеніе стѣнъ и просилъ бы объ этомъ.

О внутреннемъ же своемъ совершенствованіи нельзя молиться потому, что намъ дано все то, что нужно для нашего совершенствованія, и прибавлять къ этому ничего не нужно и нельзя.

Но то, что просительная молитва не имѣетъ смысла

не значитъ того, что нельзя и не нужно молиться. Напротивъ, я считаю, что невозможно жить хорошо безъ молитвы, и что молитва есть необходимое условіе и доброй, и спокойной, и счастливой жизни. Въ Евангеліи указано, какъ должно молиться, и въ чемъ должна состоять молитва.

Въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божія, духъ Божій, каждый человѣкъ есть сынъ Божій. Молитва состоитъ въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, отъ всего, что можетъ развлекать мои чувства (магометане прекрасно дѣлаютъ, когда, входя въ мечетъ или начиная молиться, закрываютъ пальцами глаза и уши), вызвать въ себѣ божеское начало. Самое лучшее для этого то, чему учитъ Христосъ: войти одному въ клѣть и затвориться, т.-е. молиться въ полномъ уединеніи, будетъ-ли оно въ клѣти, въ лѣсу или въ полѣ. Молитва въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, внѣшняго, вызвать въ себѣ божественную часть своей души, перенестись въ нее, посредствомъ нея вступить въ общеніе съ Тѣмъ, Кого она есть частица, сознать себя рабомъ Бога и провѣрить свою душу, свои поступки, свои желанія по требованіямъ не внѣшнихъ условій міра, а этой божественной части души.

И такая молитва бываетъ не праздное умиленіе и возбужденіе, которое производятъ молитвы общественныя съ ихъ пѣніемъ, картинами, освѣщеніями и проповѣдями, а всегда помогаетъ жизни, измѣняя и направляя ее. Такая молитва есть исповѣдь, повѣрка прежнихъ и указаніе направленія будущихъ поступковъ. Положимъ, меня оскорбили, и я питаю недоброжелательство къ человѣку и желаю ему зла, или не желаю сдѣлать ему то добро, которое могу; или я потерялъ имущество, или любимаго человѣка; или живу, поступая несогласно со своей вѣрой. Если я не молюсь по настоящему, а продолжаю жить въ разсѣяніи, я не избавлюсь отъ того мучительнаго чувства недоброжелательства къ оскорбителю; точно такъ же потеря имущества или любимаго человѣка будетъ отравлять мнѣ жизнь; и, собираясь поступить не такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть, я буду тревоженъ. Но если я самъ съ собой и съ Богомъ провѣрю себя—все измѣнится, я обвиню себя, а не врага, и буду искать случая сдѣлать ему добро; потери свои я приму, какъ испытаніе, и буду стараться съ покорностью переносить ихъ—и въ томъ найду утѣшеніе; и въ поступкахъ своихъ разберусь: не буду, какъ прежде, скрывать отъ себя то несоотвѣтствіе моей жизни съ моей вѣрой, а буду, каясь, стараться привести ихъ къ единству, и въ этомъ стараніи найду успокоеніе и радость.

Но вы спросите: въ чемъ же должна состоять молитва?

Христосъ далъ намъ образецъ молитвы въ «*Отче*

нашъ», и молитва эта,—напоминая намъ сущность нашей жизни, состоящую въ томъ, чтобы быть въ волѣ Отца и исполнять ее, и самые обычные грѣхи наши: осужденіе и непрощеніе братьевъ, и главныя опасности нашей жизни, искушенія,—до сихъ поръ остается лучшей молитвой и самой полной изъ всѣхъ, какія я знаю.

Но, кромѣ этой молитвы, истинная, уединенная молитва состоитъ еще изъ всего того, что въ словахъ другихъ мудрыхъ и святыхъ людей, или въ своихъ собственныхъ, возвращаетъ нашу душу къ сознанію своего божескаго начала, къ болѣе живому и ясному выраженію требованій своей совѣсти, т.-е. божеской природы.

Молитва есть повѣрка по высшимъ требованіямъ души своихъ прошедшихъ и настоящихъ поступковъ.

Такъ что молитву, уединенную и возстанавливающую божественность души, я не только не отрицаю, но считаю необходимымъ условіемъ жизни духовной, т.-е. истинной. Отрицаю я молитву просительную и молитву общественную, кощунственную — съ пѣніемъ, образами, свѣчами и даже представленіями.

Я часто удивляюсь, какимъ образомъ можетъ существовать эта общественная и просительная молитва среди людей, называющихъ себя христіанами, когда Христосъ прямо и положительно сказалъ, что молиться должно уединенно и что просить ни о чемъ не нужно, потому что „прежде чѣмъ откроешь ротъ, Отецъ вашъ знаетъ, что вамъ нужно“.

Про себя я вамъ скажу,—вовсе не думая о томъ, что это для всѣхъ хорошо и такъ нужно всѣмъ дѣлать,—что я уже давно взялъ привычку молиться каждый день поутру въ уединеніи. И эта моя ежедневная молитва такова:

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое. И послѣ этого я прибавлю изъ Евангелія Іоанна: Имя Твое есть любовь, Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Бога никто не видитъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ друга, то Онъ пребываетъ въ насъ, и любовь Его въ насъ совершилась. Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ. Братья, будемъ любить другъ друга, любовь отъ Бога, и любящій каждый отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

Да пріидетъ царствіе Твое. И я прибавлю: ищите царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Царствіе Божіе внутри васъ есть.

Да будетъ воля Твоя, яко же на небеси, такъ и на земли. И при этомъ спрашиваю себя: точно ли я вѣрю въ то, что я въ Богѣ и Богъ во мнѣ? И вѣрю ли я въ то, что жизнь моя въ томъ, чтобы увеличивать въ себѣ любовь? Спраши-

ваю себя: помню ли то, что я нынче живъ, а завтра померъ? Правда ли то, что я не хочу жить для похоти личной и для славы людской, а только для исполненія воли Бога? И прибавляю слова Христа изъ трехъ Евангелій: не моя воля да будетъ, но Твоя, и не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь, и не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ Ты хочешь.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Прибавлю: пища моя въ томъ, чтобы творить волю пославшаго меня и сотворить волю Его. Отвергнись отъ себя, возьми крестъ свой на каждый день и слѣдуй за мной. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, яко кротокъ, смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо иго мое благо и бремя мое легко.

И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ. Прибавляю: и не проститъ вамъ Отецъ вашъ прегрѣшеній вашихъ, если каждый изъ васъ не проститъ брату своему всѣхъ прегрѣшеній его.

И не введи насъ во искушеніе. Прибавляю: берегись искушеній—похоти, тщеславія, нелюбви, объяденія, блуда, славы людской. Но твори милостыни передъ людьми, но чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая. И не надеженъ для царствіѣ Божія взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ. Радуйся тому, что тебя ругаютъ и срамятъ.

Но избави насъ отъ лукаваго. Прибавляю: берегись зла, выходящаго изъ сердца: злые помыслы, убійства (всякое недоброжелательство къ человѣку), кражи (пользованія тѣмъ, что не заработалъ), любодѣянія, прелюбодѣянія (хотя и мысленно) лжесвидѣтельства, хуленія.

Заключаю молитву опять словами Евангелія Іоанна: *И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ брата своего. Не любящій брата своего не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ.*

Такъ я молюсь каждый день, примѣняя къ своимъ дѣламъ и своему душевному состоянію слова этой молитвы. Иногда болѣе задушевно, иногда менѣе.

Но, кромѣ этой молитвы, я молюсь еще, когда одинъ самъ съ собой,—читая мысли мудрыхъ и святыхъ людей, не однихъ христіанъ и не однихъ древнихъ, и думаю, отыскивая передъ Богомъ то дурное, что есть въ моемъ сердцѣ, и стараюсь вырвать его.

Стараюсь также молиться и въ жизни, когда я съ людьми, и меня захватываютъ страсти. Вотъ тутъ я стараюсь вспомнить то, что происходило въ моей душѣ во время молитвы уединенной, и чѣмъ искреннѣе была молитва, тѣмъ легче удерживаюсь отъ дурного.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ о молитвѣ, чтобы вы не думали, что я отрицаю ее.

Братъ вашъ *Левъ Толстой.*

Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность.

Въ томъ, что преподается какъ ученіе Христа, такъ много страннаго, неправдоподобнаго, даже противорѣчиваго, что не знаешь, какъ надо понимать его.

Кромѣ того, понимается это ученіе не одинаково: одни говорятъ, что все дѣло въ искупленіи; другіе, что все дѣло въ благодати, пріобрѣтаемой черезъ таинства; третьи, что все дѣло въ повиновеніи церкви. Церкви же опять различныя, понимаютъ различно ученіе: католическая признаетъ происхожденіе Духа отъ Отца и Сына и непогрѣшимость папы и считаетъ спасеніе возможнымъ преимущественно черезъ дѣла; лютеранская не признаетъ этого и считаетъ спасеніе возможнымъ преимущественно вѣрою; православная признаетъ происхожденіе Духа только отъ Отца и для спасенія считаетъ необходимымъ и дѣла, и вѣру.

Англиканская, епископальная, пресвитерьянская и методистская, не говоря о сотнѣ разныхъ другихъ церквей, всѣ понимаютъ христіанское ученіе каждая по своему.

Ко мнѣ часто обращались и обращаются молодые и люди изъ народа, усумнившіеся въ истинѣ ученія церкви, въ которой они воспитаны, спрашивая меня, въ чемъ состоитъ *мое* ученіе, какъ *я* понимаю христіанское ученіе? Такіе вопросы всегда огорчаютъ и даже оскорбляютъ меня.

Христосъ—Богъ по ученію церкви—сошелъ на землю, чтобы открыть людямъ божественную истину для ихъ руководства въ жизни. Человѣкъ,—простой, глупый человѣкъ,—если онъ хочетъ передать людямъ важное для нихъ указаніе, всегда умѣетъ передать его такъ, что люди поймутъ его. И вдругъ Богъ пришелъ на землю только затѣмъ, чтобы спасти людей, и Богъ этотъ не съумѣлъ сказать то, что ему нужно было сказать такъ, чтобы люди не перетолковывали его слова такъ, что всѣ разошлись въ ихъ пониманіи.

Не можетъ этого быть, если Христосъ былъ Богъ.

Не можетъ этого быть и тогда, если Христосъ не былъ Богъ, а великій учитель. Великій учитель только потому и великій учитель, что онъ умѣетъ высказать истину такъ, что она ясна, какъ солнце, и уже нельзя ни скрыть, ни затемнить ее.

И потому въ обоихъ случаяхъ въ Евангеліяхъ, передающихъ намъ ученіе Христа, должна быть истина. И дѣйствительно, истина находится въ Евангеліяхъ для всѣхъ тѣхъ, кто съ искреннимъ желаніемъ познать истину и безъ предвзятой мысли и, главное, безъ мысли о томъ, что въ нихъ находится какая-либо особая, недоступная человѣческому уму мудрость, будутъ читать ихъ.

Такъ я читалъ Евангелія и нашелъ въ нихъ вполнѣ доступную, какъ и сказано въ Евангеліяхъ, младенцамъ истину. И потому, когда у меня спрашиваютъ; въ чемъ состоитъ *мое* ученіе и какъ *я* понимаю христіанское ученіе, я отвѣчаю: у меня нѣтъ никакого ученія, а понимаю я христіанское ученіе такъ, какъ оно изложено въ Евангеліяхъ. Если я писалъ книги о христіанскомъ ученіи, то только для того, чтобы доказать невѣрность тѣхъ объясненій, которыя дѣлаются толкователями Евангелій.

Для того, чтобы понять христіанское ученіе, каково оно въ дѣйствительности, нужно, главное, не толковать Евангелій, а понимать ихъ такъ, какъ они написаны. И потому на вопросъ о томъ, какъ надо понимать ученіе Христа, я отвѣчаю: если хотите понять ученіе Христа, читайте Евангелія, читайте, отрѣшившись отъ всякаго предвзятаго пониманія, съ однимъ желаніемъ понять то, что сказано въ Евангеліяхъ. Но именно потому, что Евангеліе есть священная книга, ее надо читать обдуманно, съ толкомъ и разборомъ, а не какъ попало, подрядъ, приписывая одинаковое значеніе всякому слову, которое въ ней находится.

Для того, чтобы понять всякую книгу, необходимо выдѣлить изъ нея все вполнѣ понятное отъ непонятнаго и запутаннаго, и изъ этого выдѣленнаго понятнаго составить себѣ понятіе о смыслѣ и духѣ всей книги, и тогда, на основаніи вполнѣ понятнаго, выяснить для себя мѣста не вполнѣ понятная и запутанная. Такъ мы читаемъ всякаго рода книги. Тѣмъ болѣе такъ необходимо читать Евангеліе, книгу, прошедшую черезъ многосложныя соединенія, переводы и переписки, составленную 18 вѣковъ тому назадъ людьми молообразованными и суевѣрными *).

*) Какъ это извѣстно всѣмъ, изучавшимъ происхожденіе этихъ книгъ, Евангеліе никакъ не есть непогрѣшимое выраженіе божеской истины, а произведеніе безчисленныхъ рукъ и умовъ человѣческихъ, исполненное погрѣшностей, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо, какъ произведеніе Св. Духа,—какъ это говорятъ церковники. Если бы это было такъ, то его бы открылъ самъ Богъ, какъ передается, что Онъ открылъ заповѣди на горѣ Синаѣ или какимъ-нибудь чудомъ передалъ бы эту готовую книгу людямъ, какъ это утверждаютъ мормоны о своемъ священномъ писаніи. Теперь же мы знаемъ, какъ записывались, собирались эти книги, какъ исправлялись, переводились, и потому не только не можемъ принимать ихъ, какъ непогрѣшимое откровеніе, а обязаны, если мы уважаемъ истину, исправлять встрѣчающіяся въ нихъ погрѣшности.

Такъ что для того, чтобы понять Евангелія, надо въ нихъ прежде всего выдѣлить то, что вполнѣ просто и понятно, отъ того, что запутано и непонятно, и, выдѣливъ это простое и понятное изъ того, что запутано и непонятно, прочесть это ясное и понятное нѣсколько разъ сряду, стараясь усвоить смыслъ этого простого, яснаго ученія, и тогда уже, на основаніи смысла всего ученія, постараться уяснить себѣ значеніе и тѣхъ мѣстъ, которыя показались сложными и неясными. Такъ я поступилъ при чтеніи Евангелій, и смыслъ ученія Христа открылся мнѣ съ такою ясностью, при которой не могло быть никакого сомнѣнія. И потому совѣтую всякому человѣку, желающему понять истинный смыслъ ученія Христа, сдѣлать то же.

Пусть каждый, читая Евангеліе, подчеркнетъ все то, что ему покажется вполнѣ простымъ яснымъ и понятнымъ,—синимъ карандашемъ, отмѣтивъ, кромѣ того, краснымъ карандашемъ изъ отмѣченнаго синимъ слова самого Христа, въ отличіе отъ словъ евангелистовъ, и пусть перечтетъ эти отмѣченныя краснымъ мѣста нѣсколько разъ. И только послѣ того, какъ онъ хорошо пойметъ эти мѣста, пусть снова перечтетъ и остальныя, раньше непонятыя имъ и потому не отмѣченныя имъ, мѣста изъ рѣчей Христа и пусть подчеркнетъ краснымъ и тѣ изъ нихъ которыя стали ему понятны. Мѣста же, содержащія слова Христа, оставшіяся совершенно непонятными, а также непонятныя слова писателей Евангелій, пусть оставитъ совсѣмъ неотмѣченными. Отмѣченныя такимъ образомъ краснымъ мѣста дадутъ читателю сущность ученія Христа,—дадутъ читателю то, что нужно всѣмъ людямъ, и что поэтому Христосъ сказалъ такъ, чтобы всѣ могли понять. Мѣста, отмѣченныя только однимъ синимъ, дадутъ то, что писатели Евангелій говорятъ понятнаго отъ себя.

Очень можетъ быть, что при отмѣткахъ вполнѣ и не вполнѣ понятнаго, различные люди отмѣнятъ различное, такъ что понятное для одного покажется темнымъ для другого; но въ самомъ главномъ всѣ люди непремѣнно сойдутся, и для всѣхъ одно и то же покажется вполнѣ понятнымъ. Вотъ это то, вполнѣ понятное всѣмъ, и составляетъ сущность ученія Христа.

Въ моемъ Евангеліи отмѣтки сдѣланы мною соотвѣтственно моему пониманію.

Въ казематѣ*).

Въ это самое время въ одномъ изъ казематахъ, въ разованнномъ на груди платьѣ, растрепанная, съ выпученными глазами женщина визжала отчаяннымъ голосомъ и билась головой то о стѣну, то о дверь. Часовой взглядывалъ въ дырку, отходилъ и продолжалъ ходить. И какъ только глазъ его показывался въ дыркѣ, визгъ усиливался.

— Не смотри, лучше убей меня, дай ножъ, дай, яду. Не могу, не могу!

Послышались шаги. Дверь въ корридоръ отворилась, и вошелъ человѣкъ въ офицерскомъ мундирѣ съ двумя сторожами. Въ сосѣднихъ камерахъ появились глаза въ дыркахъ дверей, но офицеръ, проходя, защелкивалъ ихъ.

— Разбойники, мучители!—послышалось изъ одной; въ другой—колотили въ дверь кулаками.

Офицеръ былъ блѣденъ. Хотя это повторялось часто, всегда это было страшно и тяжело. Какъ только дверь къ истерической женщинѣ отворили, она бросилась къ ней и хотѣла выйти.

— Пустите меня, пустите!—визжала она одной рукой схватывая растерзанное платье на груди, другой откидывая за ухо пряди жидкихъ волосъ съ пробивавшейся въ нихъ сѣдиною.

— Вы, вѣдь, знаете, что нельзя; глупости не говорите,—сказалъ офицеръ, стоя въ дверяхъ.

— Пустите или убейте!—кричала она, отталкивая его.

— Оставьте,—строго сказалъ офицеръ, но она не слушалась.

Офицеръ кивнулъ сторожамъ, и они схватили ее. Она савизжала еще громче.

— Перестаньте, хуже будетъ.

Она продожала кричать.

— Замолчите!

— Не замолчу. А-а-а!..

Но тутъ крикъ ея вдругъ замѣнился мычаніемъ и потомъ совсѣмъ затихъ. Одинъ сторожъ схватилъ ее за руки

*) Выпущенный отрывокъ изъ 19-й главы II ч. романа „Воскресеніе“.

и связалъ ихъ, другой всунулъ ей въ ротъ жгутъ полотна и завязалъ его сзади головы, чтобы она не сорвала его.

Выскакивавшими изъ орбитъ глазами она смотрѣла на сторожей и на офицера, все лицо ея дергалось, изъ носа ея вырывалось шумное дыханіе, плечи ея поднимались до ушей и спускались.

— Нельзя такъ скандалить, говорено было. Сама виновата,—сказалъ офицеръ и ушелъ.

Куранты тонкимъ голосомъ выводили: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Часовые смѣнялись. Въ соборѣ у гробницъ царей горѣли свѣчи, и стоялъ караулъ.

№ 12. 10 Октября 1906.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Полное собраніе сочиненій
ГРАФА
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.
(ДО СИХЪ ПОРЪ ПЕЧАТАВШИХСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ).

Выпускъ 31—33.

Половой вопросъ.

Подписная цѣна на еженедѣльный журналъ „ЯСНАЯ ПОЛЯНА“ со всѣми приложеніями на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., 7 мѣсяцевъ 1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 50 к. безъ приложенія на годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 1 мѣсяцъ 40 к.

Отвѣт. Ред.-Изд. **В. А. Максимовъ.**

Къ сему № для подписчиковъ съ приложеніями прилагается общедоступная хрестоматія выпускъ 1—4.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
„ЯСНАЯ ПОЛЯНА“.
Спб. Лиговская ул., № 65.

О половомъ вопросѣ.

Послѣсловіе къ „Крейцеровой Сонатѣ".

Я получилъ и получаю много писемъ отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, просящихъ меня объяснить въ простыхъ и ясныхъ словахъ то, что я думаю о предметѣ написаннаго мною разсказа подъ заглавіемъ „*Крейцерова Соната*". Попытаюсь это сдѣлать, т. е. въ короткихъ словахъ выразить, насколько это возможно, сущность того что я хотѣлъ сказать въ этомъ разсказѣ, и тѣхъ выводовъ, которые, по моему мнѣнію, можно сдѣлать изъ него.

Хотѣлъ я сказать, *во-первыхъ*, то что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложной-наукой убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе есть дѣло, необходимое для здоровья и что такъ какъ женитьба есть дѣло не всегда возможное, то и половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчинъ ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемымъ, Убѣжденіе это до такой степени стало общимъ и твердымъ, что родители, по совѣту врачей, устраиваютъ развратъ для своихъ дѣтей; правительства, единственный смыслъ которыхъ состоитъ въ заботѣ о нравственномъ благосостояніи своихъ гражданъ, учреждаютъ развратъ, т. е. регулируютъ цѣлое сословіе женщинъ, долженствующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія мнимыхъ потребностей мужчинъ; а холостые люди съ совершенно спокойной совѣстью предаются разврату.

И вотъ я хотѣлъ сказать, что это нехорошо, потому что не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было губить тѣла и души другихъ людей, такъ же, какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ.

Выводъ же, который, мнѣ кажется, естественно сдѣлать изъ этого, тотъ, что поддаваться этому заблужденію и обману не нужно. А для того, чтобы не поддаваться, надо, во-первыхъ не вѣрить безнравственнымъ ученіямъ, какими бы они ни поддерживались мнимыми науками: а во-вторыхъ, пони-

мать, что вступленіе въ такое половое общеніе, при которомъ люди или освобождаютъ себя отъ возможныхъ послѣдствій на женщину, или предупреждаютъ возможность рожденія дѣтей,—что такое половое общеніе есть подлость и что потому холостымъ людямъ, не хотящимъ жить подло, надо не дѣлать этого.

Для того же, чтобъ они могли воздержаться, они должны кромѣ того, что вести естественный образъ жизни: не пить не ѣсть мяса и не избѣгать труда (не гимнастики, а утомляющаго, не игрушечнаго труда)—не допускать въ мысляхъ своихъ возможности общенія съ чужими женщинами, такъ же, какъ всякій человѣкъ не допускаетъ такой возможности между собой и матерью, сестрами, родными женами друзей.

Доказательствъ же того, что воздержаніе возможно и менѣе опасно и вредно для здоровья, чѣмъ невоздержаніе, всякій мужчина найдетъ вокругъ себя сотни.

Это первое.

Второе то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе не только какъ на необходимое условіе здоровья и на удовольствіе, но и какъ на поэтическое, возвышенное, благо жизни, супружеская невѣрность сдѣлалась во всѣхъ слояхъ общества (въ крестьянскомъ особенно благодаря солдатству) самымъ обычнымъ явленіемъ.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать.

Для того же, чтобы не дѣлать этого, надо, чтобы измѣнился взглядъ на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины воспитывались въ семьяхъ и общественнымъ мнѣніемъ такъ, чтобы они и до и послѣ женитьбы не смотрѣли на влюбленіе и связанную съ нимъ плотскую любовь, какъ на поэтическое и возвышенное состояніе, какъ на это смотрятъ теперь, а какъ на унизительное для человѣка животное состояніе, и чтобы нарушеніе обѣщанія вѣрности, даваемаго въ бракѣ, казнилось бы общественнымъ мнѣніемъ, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ казнятся имъ нарушенія денежныхъ обязательствъ и торговые обманы, а не воспѣвались бы, какъ это дѣлается теперь въ романахъ, стихахъ, пѣсняхъ, операхъ и т. д.

Это второе.

Третье то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ, и вмѣсто того, чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало помѣхою для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній и что потому и внѣ брака, и въ бракѣ, по совѣту служителей врачебной науки, стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣторожденія, или стало входить въ обычай, привычку то, чего не было прежде и теперь еще нѣтъ въ патріархаль-

ныхъ крестьянскихъ семьяхъ: продолженіе супружескихъ отношеній при беременности и кормленіи. И полагаю я, что это нехорошо.

Нехорошо употреблять средства противъ рожденія дѣтей, во-первыхъ, потому, что это освобождаетъ людей отъ заботъ и трудовъ о дѣтяхъ, служащихъ искупленіемъ плотской любви, а во-вторыхъ потому, что это нѣчто весьма близкое къ самому противному человѣческой совѣсти дѣйствію—убійству. И нехорошо невоздержаніе во время беременности и кормленія, потому что это губитъ тѣлесныя, а главное—душевныя силы женщины. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать. А для того, чтобы этого не дѣлать, надо понять, что воздержаніе, составляющее необходимое условіе человѣческаго достоинства при безбрачномъ состояніи, еще болѣе обязательно въ бракѣ.

Это третье.

Четвертое то, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти представляются или помѣхою для наслажденія, или несчастной случайностью, или своего рода наслажденіемъ, когда ихъ рождается впередъ опредѣленное количество, эти дѣти воспитываются не въ видѣ тѣхъ задачъ человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ. И что, вслѣдствіе этого, дѣти людей воспитываются, какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ (въ чемъ поддерживаются родители ложной наукой, называемой медициной), чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми (если въ низшихъ классахъ этого не дѣлаютъ, то только по необходимости, а взглядъ одинъ и тотъ же). И въ изнѣженныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неестественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробкахъ, до романовъ и повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого самые ужасные половые пороки и болѣзни дѣлаются обычными условіями выростанія дѣтей обоего пола и часто остаются и въ зрѣломъ возрастѣ.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого, тотъ, что надо перестать воспитывать дѣтей людей, какъ дѣтей животныхъ, а для воспитанія людскихъ дѣтей поставить себѣ другія цѣли, кромѣ красиваго, выхоленнаго тѣла.

Это четвертое.

Пятое то, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ влюбленіе между молодымъ мужчиной и женщиной, имѣющее въ основѣ, все-таки, плотскую любовь, возведено въ высшую поэтическую цѣль стремленій людей, свидѣтельствомъ чего служитъ все искусство и поэзія нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящаютъ: мужчины — на выглядываніе, пріискиваніе и овладѣваніе наилучшими предметами любви въ формѣ любовной связи или брака; а женщины и дѣвушки — на заманиваніе и вовлеченіе мужчинъ въ связь или бракъ.

И отъ этого лучшія силы людей тратятся не только на непроизводительную, но на вредную работу. Отъ этого происходитъ большая часть безумной роскоши нашей жизни, отъ этого—праздность мужчинъ и безстыдство женщинъ, не пренебрегающихъ выставленіемъ по модамъ, заимствованнымъ отъ завѣдомо развратныхъ женщинъ, вызывающихъ чувственность частей тѣла.

И я полагаю, что это нехорошо.

Нехорошо это потому, что достиженіе цѣли соединенія въ бракѣ или внѣ брака съ предметомъ любви, какъ бы оно ни было опоэтизировано, есть цѣль недостойная человѣка, такъ же, какъ недостойна человѣка, представляющаго многимъ людямъ высшимъ благомъ, цѣль пріобрѣтенія себѣ сладкой и изобильной пищи.

Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого, тотъ, что надо перестать думать, что любовь плотская есть нѣчто особенно возвышенное, а надо понять, что цѣль, достойная человѣка — служеніе ли человѣчеству, отечеству, наукѣ, искусству ли, (не говоря уже о служеніи Богу)—какая бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойной человѣка, не достигается посредствомъ соединенія съ предметомъ любви въ бракѣ или внѣ его, а что, напротивъ, влюбленіе и соединеніе съ предметомъ любви (какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ) никогда не облегчаетъ достиженія достойной человѣка цѣли, но всегда затрудняетъ его.

Это пятое.

Вотъ то существенное, что я хотѣлъ сказать и думалъ, что сказалъ въ своемъ разсказѣ. И мнѣ казалось, что можно разсуждать о томъ, какъ исправить то зло, на которое указывали эти положенія, но что не согласиться съ ними никакъ нельзя. Мнѣ казалось, что не согласиться съ этими положеніями нельзя, во-первыхъ, потому, что положенія эти вполнѣ согласны съ прогрессомъ человѣчества, всегда шедшимъ отъ распущенности къ большей и большей цѣломудренности, и съ нравственнымъ сознаніемъ общества, съ нашей совѣстью, всегда осуждающей распущенность и цѣнящей цѣломудріе; и во-вторыхъ, потому, что эти положенія суть только неизбѣжные выводы изъ ученія евангелія, которое мы или исповѣдуемъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя и

безсознательно, признаемъ основой нашихъ понятій о нравственности.

Но вышло не такъ.

Никто, правда, прямо не оспариваетъ положеній о томъ, что развратничать не надо до брака, не надо и послѣ брака, что не надо искусственно уничтожать дѣторожденія, что не надо изъ дѣтей дѣлать забавы, и не надо ставить любовное соединеніе выше всего остального,—однимъ словомъ, никто не споритъ о томъ, что цѣломудріе лучше распущенности. Но говоритъ; „Если безобразіе лучше брака, то очевидно, что люди должны дѣлать то, что лучше. Если же люди сдѣлаютъ это, то родъ человѣческій прекратится, и потому не можетъ быть идеаломъ рода человѣческаго—уничтоженіе его“. Но, не говоря уже о томъ, что уничтоженіе рода человѣческаго не есть понятіе новое для людей нашего міра, а есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры, для научныхъ же людей неизбѣжный выводъ наблюденій объ охлажденіи солнца,—въ возраженіи этомъ есть большое, распространенное и старое недоразумѣніе. Говорятъ: „Если люди достигнутъ идеала полнаго цѣломудрія, то они уничтожатся, и потому идеалъ этотъ не вѣренъ“. Но тѣ, которые говорятъ такъ умышленно или неумышленно, смѣшиваютъ двѣ разнородныя вещи—правилопредписаніе и идеалъ.

Цѣломудріе не есть правило или предписаніе, а идеалъ, или скорѣе—одно изъ условій его, а идеалъ только тогда идеалъ, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности, и когда поэтому возможность приближенія къ нему—безконечна. Если бы идеалъ не только могъ быть достигнутъ, но мы могли бы представить себѣ его осуществленіе, онъ пересталъ бы быть идеаломъ. Таковъ идеалъ Христа, установленіе царства Бога на землѣ; идеалъ, предсказанный еще пророками о томъ, что наступитъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, перекуютъ мечи на орала, копья на серпы, левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, когда всѣ существа будутъ соединены любовью. Весь смыслъ человѣческой жизни заключается въ движеніи по направленію къ этому идеалу, и потому стремленіе къ христіанскому идеалу во всей его совокупности, и къ цѣломудрію, какъ къ одному изъ условій этого идеала, не только не исключаетъ возможности жизни, но, напротивъ того, отсутствіе этого христіанскаго идеала, уничтожило бы движеніе впередъ, и, слѣдовательно, возможно жизни.

Сужденіе о томъ, что родъ человѣческій прекратится, если люди всѣми силами будутъ стремиться къ цѣломудрію, подобно тому, которое сдѣлали бы (да и дѣлаютъ), что родъ человѣческій погибнетъ, если люди, вмѣсто борьбы за существованіе, будутъ всѣми силами стремиться къ осуществленію любви къ друзьямъ, къ врагамъ, ко всему живущему.

Сужденія такія вытекаютъ изъ непониманія различія двухъ пріемовъ нравственнаго руководства.

Какъ есть два способа указанія пути путешественнику, такъ есть два способа нравственнаго руководства для ищущаго правды человѣка. Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что человѣку указываются предметы, долженствующіе встрѣтиться ему, и онъ направляется по этимъ предметамъ.

Другой способъ состоитъ въ томъ, что человѣку дается только направленіе по компасу, который человѣкъ несетъ съ собой и на которомъ онъ видитъ, всегда одно неизмѣнное направленіе и потому всякое свое отклоненіе отъ него.

Первый способъ нравственнаго руководства есть способъ внѣшнихъ опредѣленій правилъ: человѣку даются опредѣленные признаки поступковъ, которые онъ долженъ и которыхъ не долженъ дѣлать.

„Соблюдай субботу, обрѣзывайся, не кради, не пей хмѣльного, не убивай живого, отдавай десятину бѣднымъ, омывайся, и молись пять разъ въ день, крестись, причащайся и т. п.“. Таковы постановленія внѣшнихъ религіозныхъ ученій: браминскаго, буддійскаго, магометанскаго, еврейскаго и церковнаго, ложно называемаго христіанскимъ.

Другой способъ есть способъ указанія человѣку никогда недостижимаго имъ совершества, стремленіе къ которому человѣкъ сознаетъ въ себѣ: человѣку указывается идеалъ, по отношенію къ которому онъ всегда можетъ видѣть степень своего удаленія отъ него.

„Люби Бога твоего всѣмъ сердцемъ и всей душой твоей, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго какъ самого себя.— Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“.

Таково ученіе Христа.

Повѣрка исполненія внѣшнихъ религіозныхъ ученій есть совпаденіе поступковъ съ опредѣленіями этихъ ученій, и совпаденіе это возможно.

Повѣрка исполненія Христова ученія есть сознаніе степени несоотвѣтствія съ идеальнымъ совершенствомъ. (Степень приближенія не видна: видно только одно отклоненіе отъ совершенства).

Человѣкъ, исповѣдующій внѣшній законъ, есть человѣкъ, стоящій въ свѣтѣ фонаря, привѣшеннаго къ столбу. Онъ стоитъ въ свѣтѣ этого фонаря, ему свѣтло, и идти ему дальше некуда. Человѣкъ, исповѣдующій Христово ученіе, подобенъ человѣку, несущему фонарь передъ собой на болѣе или менѣе длинномъ шестѣ: свѣтъ всегда впереди его, и всегда побуждаетъ его идти за собой и вновь открываетъ ему впереди его новое, влекущее къ себѣ, освѣщенное пространство.

Фарисей благодаритъ Бога за то, что онъ исполняетъ все. Богатый юноша тоже исполнилъ все съ дѣтства и не

понимаетъ, чего можетъ недоставать ему. И они не могутъ думать иначе: впереди ихъ нѣтъ того, къ чему бы они могли продолжать стремиться. Десятина отдана, суббота соблюдена, родители почтены, прелюбодѣянія, воровства, убійства — нѣтъ. Чего же еще? Для исповѣдующаго же христіанское ученіе достиженіе всякой ступени совершенства вызываетъ потребность вступленія на высшую ступень, съ которой открывается еще высшая, и такъ безъ конца. Исповѣдующій законъ Христа всегда въ положеніи мытаря. Онъ всегда чувствуетъ себя несовершеннымъ, не видя позади себя пути, который онъ прошелъ, а видя всегда впереди себя тотъ путь, по которому ему надо идти, и который онъ не прошелъ еще.

Въ этомъ состоитъ различіе ученія Христа отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ ученій, различіе, заключающееся не въ различіи требованій, а въ различіи способа руководства людей. Христосъ не давалъ никакихъ опредѣленій жизни, онъ никогда не устанавливалъ никакихъ учрежденій, никогда не устанавливалъ и брака. Но люди, не понимающіе особенности ученія Христа, привыкшіе къ внѣшнимъ ученіямъ и желающіе чувствовать себя правыми, какъ чувствуетъ себя правымъ фарисей, противно всему духу ученія Христа, изъ буквы его сдѣлали внѣшнее ученіе правилъ, называемое церковнымъ христіанскимъ ученіемъ, и этимъ ученіемъ подмѣнили истинное Христово ученіе идеала.

Церковныя, называющія себя христіанскими, ученія по отношенію ко всѣмъ проявленіямъ жизни вмѣсто ученія идеала Христа поставили внѣшнія опредѣленія и правила, противныя духу ученія. Это сдѣлано по отношенію власти, суда, войска, церкви, богослуженія, это сдѣлано и по отношенію брака: несмотря на то, что Христосъ не только никогда не устанавливалъ брака, но ужъ если отыскивать внѣшнія опредѣленія, то скорѣе отрицалъ его („оставь жену и иди за мной“); церковныя ученія, называющія себя христіанскими, установили бракъ, какъ христіанское учрежденіе, т. е. опредѣлили внѣшнія условія, при которыхъ плотская любовь можетъ для христіанина, будто бы, быть безгрѣшною, вполнѣ законною.

Такъ какъ въ истинномъ христіанскомъ ученіи нѣтъ никакихъ основаній для учрежденія брака, то и вышло то, что люди нашего міра отъ одного берега отстали и къ другому не пристали, т. е. не вѣрятъ, въ сущности, въ церковныя опредѣленія брака, чувствуя, что это учрежденіе не имѣетъ основанія въ христіанскомъ ученіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, невидя передъ собой закрытаго церковнымъ ученіемъ идеала Христа, стремленіе къ полному цѣломудрію, остаются по отношенію брака безъ всякаго руководства. Отъ этого-то и происходитъ то кажущееся сначала страннымъ явленіе, что у Евреевъ, магометанъ, ламаистовъ и другихъ.

признающихъ религіозныя ученія гораздо низшаго уровня, чѣмъ христіанское, но имѣющихъ точныя, внѣшнія опредѣленія брака, семейное начало и супружеская вѣрность несравненно тверже, чѣмъ у такъ называемыхъ христіанъ.

У тѣхъ есть опредѣленное наложничество и многоженство, и многомужество, ограниченное извѣстными предѣлами. У насъ же существуетъ полная распущенность и наложничество, многоженство и многомужество, не подчиненное никакимъ опредѣленіямъ, скрывающееся подъ видомъ воображаемаго единобрачія.

Только потому, что надъ нѣкоторой частью соединяющихся совершается духовенствомъ за деньги извѣстная церемонія, называемая церковнымъ бракомъ, люди нашего міра наивно или лицемѣрно воображаютъ, что живутъ въ единобрачіи.

Христіанскаго брака быть не можетъ и никогда не было, какъ никогда не было и не можетъ быть ни христіанскаго богослуженія (Мѳ. VI, 5—12; Ін. IV, 21), христіанскихъ учителей и отцовъ (Мѳ. XXIII. 8—10), ни христіанской собственности, ни христіанскаго войска, ни суда, ни государства.

Такъ и понималось это всегда христіанами первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ.

Идеалъ христіанина есть любовь къ Богу и ближнему, есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему: плотская же любовь, бракъ, есть служеніе себѣ, и потому есть во всякомъ случаѣ препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому съ христіанской точки зрѣнія — паденіе, грѣхъ.

Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ случаѣ, еслибы вступающіе въ бракъ имѣли цѣлью продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ вмѣсто того чтобы вступать въ бракъ для произведенія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ милліоны дѣтскихъ жизней, которые гибнутъ вокругъ насъ отъ недостатка, не говорю уже духовной, но матеріальной жизни.

Только въ томъ случаѣ могъ бы христіанинъ безъ сознанія паденія грѣха вступить въ бракъ, если бы онъ видѣлъ и зналъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены.

Можно не принимать ученія Христа, того ученія, которымъ проникнута вся наша жизнь, и на которомъ основана вся наша нравственность, но принимая это ученіе, нельзя не признавать того, что онъ указываетъ идеалъ полнаго цѣломудрія.

Въ евангеліи вѣдь сказано ясно и безъ возможности какого-либо перетолкованія—во-первыхъ, то, что женатому не должно разводиться съ женой съ тѣмъ, чтобы взять

другую, а должно жить съ той, съ которой разъ сошелся (Матѳ. V, 31; 32. XIX. 8); во-вторыхъ, то, что человѣку вообще, и слѣдовательно, какъ женатому, такъ и не женатому, грѣшно смотрѣть на женщину, какъ на предметъ наслажденія (Матѳ. V, 28—29), и въ-третьихъ, то, что не женатому лучше не жениться вовсе, т. е. быть вполнѣ цѣломудреннымъ. (Матѳ. XIX. 10—12).

Для многихъ и многихъ мысли эти покажутся странными и даже противорѣчивыми. И онѣ дѣйствительно противорѣчивы, но не между собой, а мысли эти противорѣчатъ всей нашей жизни,—и невольно является сомнѣніе: кто правъ?—мысли ли эти, или жизнь милліоновъ людей и моя? Это самое чувство испытывалъ и я въ сильнѣйшей степени, когда приходилъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя теперь высказываю: я никакъ не ожидалъ, что ходъ моихъ мыслей приведетъ меня къ тому, къ чему онъ привелъ меня. Я ужасался своимъ выводамъ, хотѣлъ не вѣрить имъ, но не вѣрить нельзя было. И какъ ни противорѣчатъ эти выводы всему строю нашей жизни, какъ ни противорѣчатъ тому, что я прежде думалъ и высказывалъ даже, я долженъ былъ признать ихъ.

„Но все это общія соображенія, которыя, можетъ быть, и справедливы, но относятся къ ученію Христа и обязательны для тѣхъ, которые исповѣдуютъ его; но жизнь есть жизнь, и нельзя, указавъ впереди недостижимый идеалъ Христа, оставить людей въ одномъ изъ самыхъ жгучихъ, общихъ и производящихъ наибольшія бѣдствія вопросовъ, съ однимъ этимъ идеаломъ безъ всякаго руководства.

„Молодой, страстный человѣкъ сначала увлечется идеаломъ, но не выдержитъ, сорвется, и, не зная и не признавая никакихъ правилъ, попадетъ въ полный развратъ!“

Такъ разсуждаютъ обыкновенно.

Христовъ идеалъ недостижимъ, поэтому не можетъ служить намъ руководствомъ въ жизни; о немъ можно говорить, мечтать, но для жизни онъ неприложимъ, и потому надо оставить его. Намъ нуженъ не идеалъ, а правило, руководство, которое было бы по нашимъ силамъ, по среднему уровню нравственныхъ силъ нашего общества: церковный честный бракъ, или хоть даже не совсѣмъ честный бракъ, при которомъ одинъ изъ брачущихся, какъ у насъ мужчина, уже сходился со многими женщинами, или хотя бы съ возможностью развода, или хотя бы гражданскій, или (идя по тому же пути) хотя бы японскій на срокъ,—почему же не дойти и до домовъ терпимости?—Говорятъ, это лучше, чѣмъ уличный развратъ.

Въ томъ-то и бѣда, что, позволивъ себѣ принижать идеалъ по своей слабости, нельзя найти того предѣла, на которомъ надо остановиться.

Но вѣдь это разсужденіе съ самаго начала невѣрно; невѣрно прежде всего то, чтобы идеалъ безконечнаго со-

вершенства не могъ быть руководствомъ въ жизни, и чтобы нужно было, глядя на него, или махнуть рукой, сказавъ, что онъ мнѣ не нуженъ, такъ какъ я никогда не достигну его, или принизить идеалъ до тѣхъ ступеней, на которыхъ хочется стоять моей слабости.

Разсуждать такъ—все равно, что мореплавателю сказать себѣ, что такъ какъ я не могу идти по той линіи, которую указываетъ компасъ, то я выкину компасъ или перестану смотрѣть на него, т. е. отброшу идеалъ, или прикрѣплю стрѣлку компаса къ тому мѣсту, которое будетъ соотвѣтствовать въ данную минуту ходу моего судна, т. е. принижу идеалъ къ моей слабости.

Идеалъ совершенства, данный Христомъ, не есть мечта или предметъ риторческихъ проповѣдей, а есть самое необходимое, всѣмъ доступное руководство нравственное жизни людей, какъ компасъ необходимое и доступное орудіе руководства морехода; только надо вѣрить какъ въ то, такъ и въ другое. Въ какомъ бы ни находился человѣкъ положеніи, всегда достаточно ученіе идеала, даннаго Христомъ, для того, чтобы получить самое вѣрное указаніе тѣхъ поступковъ, которые должно и не должно совершать. Но надо вѣрить этому ученію вполнѣ, этому одному ученію,— перестать вѣрить во всѣ другія, точно такъ же, какъ надо мореходу вѣрить въ компасъ, перестать приглядываться и руководиться тѣмъ, что видитъ по сторонамъ. Надо умѣть руководствоваться христіанскимъ ученіемъ, какъ умѣть руководствоваться компасомъ, а для этого, главное, надо понимать свое положеніе, надо умѣть не бояться съ точностью опредѣлять свое отклоненіе отъ идеальнаго даннаго направленія. На какой бы ступени ни стоялъ человѣкъ, всегда есть для него возможность приближенія къ этому идеалу, и никакое положеніе для него не можетъ быть такимъ, въ которомъ бы онъ могъ сказать, что онъ достигъ его, и не могъ бы стремиться къ еще большему приближенію. Таково стремленіе человѣка къ христіанскому идеалу вообще, и таково же къ цѣломудрію въ частности. Если представить себѣ по отношенію полового вопроса самыя различныя положенія людей, отъ невиннаго дѣтства до брака, въ которомъ не соблюдается воздержаніе, на каждой ступени между этими двумя положеніями, ученіе Христа съ выставляемымъ имъ идеаломъ будетъ всегда служить яснымъ и опредѣленнымъ руководствомъ того, что должно и не должно на каждой изъ ступеней дѣлать человѣку.

Что дѣлать чистому юношѣ, дѣвушкѣ?

Соблюдать себя чистыми отъ соблазновъ и для того, чтобы быть въ состояніи всѣ свои силы отдать на служеніе Богу и людямъ, стремиться къ большему и большему цѣломудрію мыслей и желаній.

Что дѣлать юношѣ и дѣвушкамъ, подпавшимъ соблазнамъ, поглощеннымъ мыслями о безпредметной любви или

о любви къ извѣстному лицу, и потерявшимъ отъ этого извѣстную долю возможности служить Богу и людямъ?

Все то же: не попускать себя на паденіе, зная что такое попущеніе не освободитъ отъ соблаза, а только усилитъ его, и все такъ же стремиться къ большему и большему и большему цѣломудрію для возможности болѣе полнаго служенія Богу и людямъ.

Что дѣлать людямъ, когда они не осилили борьбы и пали?

Смотрѣть на свое паденіе не какъ на законное наслажденіе, какъ смотрятъ теперь, когда оно оправдывается обрядомъ брака, не какъ случайное удовольствіе, которое можно повторять съ другими, не какъ на несчастіе когда паденіе совершается съ неровной и безъ обряда, а смотрѣть на это первое паденіе, какъ на единственное, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ.

Вступленіе это въ бракъ, своимъ вытекающимъ изъ него послѣдствіемъ—рожденіемъ дѣтей, опредѣляетъ для вступившихъ въ бракъ новую, болѣе ограниченную форму служенія Богу и людямъ. До брака человѣкъ непосредственно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ могъ служить Богу и людямъ; вступленіе же въ бракъ ограничиваетъ его область дѣятельности и требуетъ отъ него возращенія и воспитанія происходящаго отъ брака потомства, будущихъ служителей Богу и людямъ.

Что дѣлать мужчинѣ и женщинѣ, живущимъ въ бракѣ и исполняющимъ то ограниченное служеніе Богу и людямъ, черезъ возращеніе и воспитаніе дѣтей, которое вытекаетъ изъ ихъ положенія?

Все то же: стремиться вмѣстѣ къ освобожденію отъ соблазна, очищенію себя и прекращенію грѣха замѣной отношеній, препятствующихъ и общему, и частному служенію Богу и людямъ, замѣной плотской любви чистыми отношеніями сестры и брата.

И потому неправда то, что мы не можемъ руководиться идеаломъ Христа, потому что онъ такъ высокъ, совершенъ и недостижимъ. Мы не можемъ руководиться имъ только потому, что мы сами себѣ лжемъ и обманываемъ себя.

Вѣдь если мы говоримъ, что нужно имѣть правила болѣе осуществимыя, чѣмъ идеалъ Христа, а то иначе мы, не достигнувъ идеала Христа,—впадемъ въ развратъ, мы говоримъ не то, что для насъ слишкомъ высокъ идеалъ Христа, а только то, что мы въ него не вѣримъ, и не хотимъ опредѣлять своихъ поступковъ по этому идеалу.

Говоря, что разъ павши, мы впадаемъ въ развратъ, то вѣдь этимъ говоримъ только, что мы впередъ уже рѣшили, что паденіе съ неровней не есть грѣхъ, а есть забава, увлеченіе, которое необязательно поправить тѣмъ, что мы называемъ бракомъ. Если же мы бы понимали, что паденіе есть грѣхъ, который долженъ и можетъ быть искупленъ

только неразрывностью брака и всей той дѣятельностью, которая вытекаетъ изъ воспитанія дѣтей, рожденныхъ отъ брака, то паденіе никакъ не могло бы бы причиной впаденія въ развратъ.

А это, вѣдь, все равно, какъ если бы земледѣлецъ не считалъ посѣвомъ тотъ посѣвъ, который не удался ему, а сѣя на другомъ и третьемъ мѣстѣ, считалъ бы настоящимъ посѣвомъ тотъ, который удается ему. Очевидно, что тотъ человѣкъ испортилъ бы много земли и сѣмянъ и никогда бы не научился сѣять. Только поставьте идеаломъ цѣломудріе, считайте, что всякое паденіе кого бы то ни было, съ кѣмъ бы то ни было, есть единственный, неразрывный на всю жизнь бракъ, и будетъ ясно, что руководство, данное Христомъ, не только достаточно, но единственно возможно.

„Человѣкъ слабъ, надо дать ему задачу по силамъ", говорятъ люди. Это все равно, что сказать: „руки мои слабы, и я не могу провести линію, которая была бы прямая, т. е. кратчайшая между двумя точками; потому, чтобы облегчить себя, я, желая проводить прямую, возьму за образецъ себѣ кривую или ломаную". Чѣмъ слабѣе моя рука, тѣмъ совершеннѣе мнѣ нуженъ образецъ.

Нельзя, познавъ христіанское ученіе идеала, дѣлать такъ, какъ будто мы не знаемъ его, и замѣнять его внѣшними опредѣленіями. Христіанское ученіе идеала открыто человѣчеству именно потому, что оно можетъ руководить его въ теперешнемъ возрастѣ. Человѣчество уже выжило періодъ религіозныхъ внѣшнихъ опредѣленій, и никто уже не вѣрилъ въ нихъ.

Христіанское ученіе идеала есть то единое ученіе, которое можетъ руководить человѣчествомъ. Нельзя, не должно замѣнять идеалъ Христа внѣшними правилами, а надо твердо держать этотъ идеалъ передъ собой во всей чистотѣ его и, главное вѣрить въ него.

Плавающему недалеко отъ берега можно было говорить: „держись того возвышенія, мыса башни и т. п."

Но проходитъ время, когда пловцы удалились отъ берега, и руководствомъ имъ должны и могутъ служить только недостижимыя свѣтила и компасъ, показывающіе направленіе, а то и другое дано намъ.

Объ отношеніяхъ между полами.

Въ числѣ писемъ, полученныхъ мною изъ разныхъ мѣстъ по поводу „Крейцеровой сонаты" и „Послѣсловія", показывающихъ, что необходимость измѣненія взгляда на отношенія между полами сознана не мною однимъ, а большимъ количествомъ мыслящихъ людей, голоса которыхъ неслышны и незамѣтны потому только, что они заглушаемы

крикомъ людей толпы, съ упорствомъ и задоромъ отстаивающихъ привычный и потакающій ихъ страстямъ порядокъ вещей,—въ числѣ этихъ писемъ получено мною 7-го октября 1890 года слѣдующее письмо, съ приложеніемъ брошюры, подъ заглавіемъ „Діана», о которой въ немъ упоминается *). Вотъ это письмо:

New-York, 7 окт. 1890 г.

„Мы имѣемъ удовольствіе послать вамъ маленькую брошюру, подъ заглавіемъ: «*Діана, психо-физіологическій опытъ о половыхъ отношеніяхъ женатыхъ мужчинъ и женщинъ*», которую, надѣемся, вы получите.

„Съ тѣхъ поръ, какъ ваше произведеніе „Крейцерова соната“ появилось въ Америкѣ, многіе говорили: „Діана исполняетъ, объясняетъ и дѣлаетъ возможными теоріи Толстого“. Итакъ, мы рѣшаемся послать вамъ эту брошюру, чтобы вы могли сами судить.

„Молясь объ исполненіи желанія вашего сердца, остаемся преданные вамъ Burns-Co.

„Мы будемъ рады, если вы почтите насъ извѣщеніемъ о полученіи брошюры“.

Раньше этого получено было мною изъ Франціи письмо Angèle Françoise и ея брошюра.

Въ письмѣ г-жа Angèle сообщала мнѣ о существованіи двухъ обществъ, имѣющихъ цѣлью поощренія чистоты половой жизни: одного—въ Англіи и другого—во Франціи, „Société d'amour pur“. Въ статьѣ г-жи Angèle были выражены тѣ же мысли, какъ и въ статьѣ „Діана“, но только менѣе ясно и опредѣленно съ оттѣнкомъ мистицизма.

Мысли, выраженныя въ брошюрѣ „Діана“, хотя и имѣющія въ основѣ не христіанское, а скорѣе языческое, Платоновское міросозерцаніе, настолько новы и интересны и такъ очевидно показываютъ неразуміе установившейся распущенности какъ въ холостой, такъ и въ женатой жизни нашего общества, что мнѣ хочется подѣлиться этими мыслями съ читателями.

Основная мысль брошюры, эпиграфомъ которой поставлены слова «И будутъ два одною плотью“, слѣдующая:

Разница въ организаціи мужчины и женщины существуетъ не только въ физіологическомъ отношеніи, но еще и въ другихъ, нравственныхъ свойствахъ, въ мужчинѣ называемыхъ мужественностью, въ женщинѣ—женственностью, Влеченіе между полами основано не на одномъ стремленіи къ физическому общенію, но и на взаимномъ протяженіи, которое оказываютъ другъ на друга эти противоположныя

---

*) Подлинное заглавіе брошюры слѣдующее: «Diana. A psychological essay on sexual relations for married men and women. New-York»

свойства половъ: женственность на мужчину и мужественность на женщину. Одинъ полъ стремится пополнить себя другимъ, и потому влеченіе между полами производитъ одинаково стремленіе къ духовному, какъ и къ физическому общенію. Стремленія къ физическому и духовному общенію суть два проявленія одного и того же источника влеченія, находящіяся въ такой зависимости одно отъ другого, что удовлетвореніе одного стремленія всегда ослабляетъ другое. Насколько удовлетворено стремленіе къ духовному общенію, настолько ослабѣваетъ или вовсе уничтожается стремленіе къ физическому, и наоборотъ: удовлетвореніе физическаго влеченія ослабляетъ или уничтожаетъ духовное. И потому влеченіе между полами не есть только физическое стремленіе, производящее дѣторожденіе, но есть влеченіе различныхъ половъ другъ къ другу, могущее принимать форму самаго духовнаго общенія только мысли, самаго животнаго общенія, производящаго дѣторожденіе, и всѣхъ самыхъ различныхъ ступеней между тѣмъ и другимъ. Вопросъ о томъ, на какой изъ этихъ ступеней сближеніе разныхъ половъ, рѣшается тѣмъ, какое общеніе соединяющіеся считаютъ въ данное время или навсегда—хорошимъ, должнымъ и потому желательнымъ. (Замѣчательной иллюстраціей того, до какой степени отношеніе между полами подчиняется представленію о томъ, что считается хорошимъ, должнымъ и желательнымъ, служитъ поразительный обычай малороссійскаго жениханья, состоящаго въ томъ, что сосватанные парни годами проводятъ ночи вмѣстѣ съ своими невѣстами, не нарушая ихъ дѣвственности).

Полное удовлетвореніе для отдѣльныхъ соединяющихся лицъ составляетъ та ступень, которую эти лица считаютъ хорошей, должной и потому желательной, и зависитъ отъ ихъ личнаго взгляда. Но независимо отъ этого, само по себѣ, объективно, для всѣхъ одна ступень общенія должна давать болѣе удовлетворенія, чѣмъ другая. Какое же общеніе даетъ это наибольшее удовлетвореніе само по себѣ, для всѣхъ, независимо отъ личнаго взгляда соединяющихся: то ли, которое приближается къ духовному, или то, которое приближается физическому? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясный несомнѣнный, хотя и противорѣчащій всему тому, что привыкли думать въ нашемъ обществѣ, состоитъ въ томъ, что чѣмъ форма общенія ближе къ крайнему физическому предѣлу, тѣмъ больше разжигается желаніе, и тѣмъ меньше получается удовлетвореніе. Чѣмъ ближе къ первому, тѣмъ разрушительнѣе для жизненной силы; чѣмъ ближе къ второму, къ духовному, тѣмъ спокойнѣе, радостнѣе и сильнѣе общее состояніе.

Соединеніе мужчины и женщины „въ плоть едину“ въ формѣ неразрывнаго единобрачія авторъ считаетъ необходимымъ условіемъ высшаго развитія человѣка. Бракъ поэтому, по мнѣнію автора, составляющій естественное и

желательное условіе для всѣхъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста, не есть необходимо физическое соединеніе, но можетъ быть и духовнымъ. Смотря по условіямъ и темпераменту, а главное по тому что соединяющіеся считаютъ, должнымъ, хорошимъ и желательнымъ, для однихъ бракъ будетъ болѣе приближаться къ духовному общенію, для другихъ къ физическому; но чѣмъ больше общеніе будетъ приближаться къ духовному, тѣмъ полнѣе будетъ удовлетвореніе.

Такъ какъ авторъ признаетъ то, что тѣ же половыя стремленія могутъ вести къ духовному общенію—любовности, и къ физическому—производительности, дѣторожденію, и то, что одна дѣятельность переходитъ въ другую въ зависимости отъ сознанія, то, естественно, онъ не только не признаетъ невозможности воздержанія, но считаетъ его естественнымъ и необходимымъ условіемъ разумной половой гигіены, какъ въ бракѣ, такъ и внѣ его.

Вся статья обставлена богатымъ подборомъ примѣровъ и иллюстрацій къ тому, что въ ней говорится, и физіологическими данными о процессахъ половыхъ отношеній, ихъ воздѣйствіи на организмъ и возможности сознательнаго направленія ихъ по тому или другому пути — любовности или производительности. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ слова Герберта Спенсера: «Если какой-либо законъ,—говоритъ Спенсеръ,—содѣйствуетъ благу человѣческаго рода, то природа человѣческая непремѣнно подчинится ему, такъ что повиновеніе ему сдѣлается для человѣка радостнымъ». И потому мы не должны, говоритъ авторъ, слишкомъ полагаться на установившіяся привычки и условія, теперь окружающія насъ, но должны смотрѣть скорѣе на то, чѣмъ долженъ быть и можетъ быть человѣкъ въ предстоящемъ ему блестящемъ будущемъ.

Сущность всего сказаннаго авторъ излагаетъ такъ. Основная теорія „Діаны“ та, что отношенія между полами имѣютъ двѣ функціи: производительную и любовную, и что половая сила, если только не имѣется сознательнаго желанія имѣть дѣтей, должна быть всегда направляема на путь любовности. Проявленіе, которое приметъ эта сила, зависитъ отъ разума и привычки, вслѣдствіе чего постепенное приведеніе разума въ согласіе съ изложенными здѣсь принципами и постепенное образованіе привычекъ, согласныхъ съ ними, избавитъ людей отъ многихъ страданій и дастъ имъ удовлетвореніе ихъ половыхъ стремленій.

Въ концѣ книги приложено замѣчательное „письмо“ къ родителямъ и наставникамъ“ Элизы Борнсъ. Письмо это, несмотря на то, что трактуетъ о предметахъ, считающихся неприличными (называя, какъ это нельзя иначе и сдѣлать, вещи по имени), можетъ имѣть такое благодѣтельное вліяніе на несчастную молодежь, страдающую отъ эксцессовъ и неправильностей, что распространеніе этого письма между

взрослыми мужчинами, губящими такъ напрасно свои лучшія силы и свое благо, и главное между бѣдными, гибнущими только отъ незнанія, мальчиками въ семьяхъ, училищахъ, гимназіяхъ и въ особенности корпусахъ и закрытыхъ заведеніяхъ, было бы истиннымъ благодѣяніемъ.

Отрывки изъ дневниковъ и частныхъ писемъ.

Касательно полового общенія я выразилъ мой взглядъ, насколько могъ, въ послѣсловіи *„Крейцеровой Сонаты“*. Весь вопросъ рѣшается однимъ словомъ: человѣкъ долженъ всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ — женатъ ли онъ или холостой — быть по возможности, цѣломудреннымъ, какъ это Христосъ, а послѣ него Павелъ высказалъ. Если онъ можетъ быть настолько сдержаннымъ, что не знаетъ женщины вообще, то это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать. Если же онъ не можетъ удержать себя, то онъ долженъ по возможности рѣдко поддаваться этой слабости, а никакъ не смотрѣть на половое общеніе какъ на „jouissance“. Я думаю, что всякій искренній и серьезный человѣкъ не можетъ иначе смотрѣть на дѣло, и что всѣ такого рода люди въ этомъ согласны.

* * *

Еще письмо отъ редактора „The Adult“ о свободной любви. Если бы было время, хотѣлось бы написать объ этомъ предметѣ. Должно быть, и напишу. Главное показать, что все дѣло въ выгораживаніи для себя возможности большаго наслажденія безъ думы о послѣдствіяхъ. Кромѣ того, они проповѣдуютъ то, что уже есть и очень дурно. И почему отсутствіе внѣшней restraint поправитъ все дѣло? Я, разумѣется, противъ всякой регламентаціи и за полную свободу, но только идеалъ есть цѣломудріе, а не наслажденіе.

* * *

Всѣ бѣдствія, порождаемыя половыми отношеніями — влюбленностями, происходятъ только отъ того, что мы смѣшиваемъ плотскую похоть съ духовной жизнью, съ — страшно сказать—съ любовью; употребляемъ разумъ не на то, чтобы осудить и опредѣлить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить ее павлиными перьями духовности.

Вотъ гдѣ les extremes se touchent. Приписывать всѣ влеченія между полами половой похоти кажется очень матеріальнымъ, а напротивъ, это самое духовное отношеніе — выдѣлить изъ области духовной все, что не принадлежитъ ей, чтобы мочь высоко оцѣнить ее.

* * *

Страсть, источникъ величайшихъ бѣдствій, мы не то, унижаемъ, умѣряемъ, а разжигаемъ всѣми средствами, а потомъ жалуемся, что страдаемъ.

Женщина, наряжаясь, сама на себя разгарается похотью. Наряжая другихъ даже, она живетъ воображеніемъ въ похоти. Отъ этого-то наряды такъ властны надъ женщинами.

* * *

Блудникъ есть не ругательство, но состояніе (думаю тоже и блудница), состояніе безпокойства, любопытства и потребности новизны (какъ пьяница), происходящее отъ общенія ради удовольствія не съ одной, а съ многими. Можно воздерживаться, но пьяница — пьяница, и блудникъ—блудникъ, при первомъ послабленіи падаетъ.

* * *

Ослабляетъ насъ въ нашей борьбѣ съ искушеніемъ то, что мы задаемся впередъ мыслью о побѣдѣ, задаемъ себѣ задачу сверхъ силъ, задачу, которую исполнить или не исполнить не въ нашей власти. Мы, какъ монахъ, говоримъ себѣ впередъ: я обѣщаюсь быть цѣломудреннымъ, подразумѣвая подъ этимъ внѣшнее цѣломудріе. И это, вопервыхъ, невозможно, потому что мы не можемъ себѣ представить тѣхъ условій, въ которыхъ мы можемъ быть поставлены, и въ которыхъ мы не выдержимъ соблазна. И кромѣ того, дурно; дурно потому, что не помогаетъ достиженію цѣли—приближенія къ наибольшему цѣломудрію, а напротивъ.

Рѣшивъ, что, задача въ томъ, чтобы соблюсти внѣшнее цѣломудріе, или уходятъ изъ міра, бѣгутъ женщинъ, какъ Аѳонскіе монахи, или скопятся и пренебрегаютъ тѣмъ, что важнѣе всего, внутренней борьбой съ помыслами въ міру, среди соблазновъ. Это все равно, какъ воинъ, который сказалъ бы себѣ, что онъ пойдетъ на войну, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы навѣрно побѣдить. Такому воину придется уходить отъ враговъ настоящихъ и воевать съ воображаемыми врагами. Такой воинъ не выучится воевать и будетъ всегда плохъ.

Кромѣ того, это поставленіе себѣ задачей внѣшняго цѣломудрія и надежда, иногда увѣренность осуществить его невыгодны еще оттого, что, стремясь къ этому, всякое искушеніе, которому подпадаетъ человѣкъ, и тѣмъ болѣе паденіе сразу уничтожаетъ все, заставляетъ усомниться въ возможности, даже законности борьбы. „Такъ стало быть, нельзя быть цѣломудреннымъ, и я поставилъ себѣ ложную задачу“. И, конечно, и человѣкъ отдается весь

похоти и погрязаетъ въ ней. Это все равно, что воинъ съ амулетомъ, который въ его изображеніи обезпечиваетъ его въ томъ, что онъ не будетъ ни убитъ, ни раненъ. Такой воинъ теряетъ послѣднее мужество и бѣжитъ при малѣйшей ранѣ—царапинѣ.

Задачей можетъ быть одно: достиженіе наибольшаго по моему характеру, темпераменту, условіямъ прошедшаго и настоящаго, цѣломудрія—не передъ людьми, которые не знаютъ того, съ чѣмъ мнѣ надо бороться, а передъ собой и Богомъ. Тогда ничто не нарушаетъ, не останавливаетъ движенія, тогда искушеніе, паденіе даже, все ведетъ къ одной вѣчной цѣли—удаленія отъ животнаго и приближенія къ Богу.

* * *

Христіанское ученіе не опредѣляетъ формъ жизни, а только во всѣхъ отношеніяхъ человѣка указываетъ идеалъ, направленіе; то же и въ половомъ вопросѣ. Люди же не христіанскаго духа хотятъ опредѣленія формъ. Для нихъ выдуманъ церковный бракъ, не имѣющій въ себѣ ничего христіанскиго. А въ половыхъ сношеніяхъ, какъ и въ другихъ: насиліе, гнѣва, нельзя и не не должно спускать идеала, кривить его. А это сдѣлали церковники по отношенію къ браку.

* * *

Вслѣдствіе непониманія духа христіанства обыкновенно дѣлятъ людей на христіанъ и нехристіанъ. Самое грубое дѣленіе состоитъ въ томъ, чтобы крещенаго только считать христіаниномъ; но дѣленіе, хотя и менѣе грубое, человѣка на основаніи ученія Христа живущаго чистой семейной жизнью, не убійцу и т. п. называть христіаниномъ въ противоположность живущимъ иначе,—также невѣрно. Въ христіанствѣ нѣтъ черты, отдѣляющей христіанина отъ нехристіанина. Есть свѣтъ, идеалъ, Христосъ; и есть мракъ, животное, и — движеніе во имя Христа, къ Христу на этомъ пути.

Такъ вотъ и по отношенію половъ, идеалъ—цѣломудріе полное, совершенное. Человѣкъ, служащій Богу, такъ же мало можетъ желать жениться, какъ и напиться: но на пути къ цѣломудрію есть разныя стадіи. И одно можно сказать для тѣхъ, которые хотятъ отвѣта: что же жениться или нѣтъ? это то, что если вы не видите идеала цѣломудрія, не чувствуете потребности отдаться ему, то идите къ цѣломудрію, сами не зная того, нецѣломудреннымъ путемъ брака. Какъ не могу я, будучи высокъ ростомъ и видя передъ собой колокольню, указать ее идущему подлѣ меня невысокому человѣку, не видящему ея,—какъ направленіе пути, а я долженъ указать ему ка-

какую-либо другую вѣху на томъ же пути: такая вѣха есть бракъ честный для тѣхъ, кто не видитъ идеала цѣломудрія. Но это могу указывать я, вы, но Христосъ ничего иного не указывалъ и не могъ указывать, какъ цѣломудріе.

* * *

Бороться — это самая и жизнь, она только и жизнь. Отдыха нѣтъ никакого. Идеалъ всегда впереди, и никогда я не спокоенъ, пока не то что не достигну, а не движусь къ нему.

Хоть бы идеалъ безбрачія. Не насыщеніе физическаго чувства, успокоивъ на время похоть, удовлетворитъ меня, какъ накормленіе всѣхъ голодныхъ вокругъ меня не удовлетворитъ меня, въ экономическомъ отношеніи. Удовлетворитъ васъ только ясное созерцаніе идеала во всей его высотѣ, такое же ясное созерцаніе своей слабости во всей отдаленности отъ идеала и стремленіе приблизиться къ идеалу. Удовлетворитъ только это, а не поставленіе себя въ такое положеніе, въ которомъ я, прищурившись, могу не видать различія своего положенія отъ требованія идеала.

* * *

Борьба съ половой похотью самая трудная борьба, и нѣтъ положенія и возраста, кромѣ перваго дѣтства и самой глубокой старости, когда человѣкъ былъ бы свободенъ отъ этой борьбы, и потому не надо тяготиться этой борьбой, надѣяться на то, что можно прійти въ такое положеніе, въ которомъ ея не будетъ, и ни на минуту не ослабѣвать, а помнить и употреблять всѣ тѣ мѣры, которыя ослабляютъ врага: избѣгать возбуждающаго и тѣло, и душу, и стараться быть занятымъ. Это одно. Другое: если видишь, что не осилишь борьбы, — жениться, т. е. избрать женщину, которая согласилась бы на бракъ, и сказать себѣ, что если не можемъ не падать, то падать только съ этой женщиной и съ нею воспитывать дѣтей, если будутъ, и съ нею вмѣстѣ, поддерживая ее, прійти къ цѣломудрію — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Другихъ средствъ я не знаю. Главное же для того, чтобы быть въ состояніи и съ успѣхомъ употреблять и то, и другое средство, — усилить свою связь съ Богомъ, чаще вспоминать, что отъ Него пришелъ и къ Нему пойдешь, и что смыслъ и цѣль всей этой жизни только въ томъ, чтобы исполнять Его волю.

Чѣмъ больше будете помнить Его, тѣмъ больше Онъ поможетъ намъ.

Еще одно: Не унывайте, если падете: не думайте, что вы пропали, и что вамъ нечего беречься послѣ этого, а надо распуститься. Напротивъ, если пали, тѣмъ съ большей энергіей вновь боритесь.

* * *

Приступы половой похоти порождаютъ путаницу мыслей, скорѣе отсутствіе мыслей. Весь міръ потемнѣетъ: теряется отношеніе къ міру. Случайность, мракъ, безсиліе.

* * *

Очень вы, бѣдный, много пострадали отъ этой ужасной страсти, особенно, когда она разнуздана, т. е. ей данъ уже ходъ. Знаю, какъ она все застилаетъ; уничтожаетъ на время все, чѣмъ жило сердце и разумъ. Но одно спасеніе противъ нея—это знать, что это сонъ, навожденіе, которое пройдетъ, и я вернусь къ настоящей жизни, къ тому мѣсту, съ котораго она схватила меня. Это можно знать даже въ минуты ея власти. Помогай вамъ Богъ.

* * *

Не забывать, что ты никогда не былъ и не будешь вполнѣ цѣломудренъ, а что ты находишься на извѣстной степени приближенія къ цѣломудрію, и потому никогда не унывать въ этомъ приближеніи: въ минуты искушенія, въ минуты паденія даже, не переставай сознавать то, къ чему стремишься, и говорить себѣ: падаю, а ненавижу паденіе, и знаю, что, если не теперь, то послѣ побѣда будетъ не за нимъ, а за мною.

* * *

Не цѣломудрія задачу долженъ себѣ задавать человѣкъ, а приближенія къ цѣломудрію. Цѣломудреннымъ живой человѣкъ, строго говоря, не можетъ быть. Живой человѣкъ можетъ только стремиться къ цѣломудрію, именно потому, что онъ не цѣломудренъ, а похотливъ. Если бы человѣкъ не былъ похотливъ, то для него не было бы никакого цѣломудрія и понятія о немъ. Ошибка въ томъ, чтобы задавать себѣ задачу цѣломудрія (внѣшняго состоянія цѣломудрія), а не стремленія къ цѣломудрію, внутренняго признанія всегда во всѣхъ условіяхъ жизни преимущества цѣломудрія передъ распущенностью, преимущества большей чистоты передъ меньшей.

Ошибка эта очень важная. Если человѣка, поставившаго задачей внѣшнее состояніе цѣломудрія, отступленіе отъ этого внѣшняго состоянія, паденіе разрушаетъ все и прекращаетъ возможность дѣятельности и жизни; для человѣка, поставившаго себѣ задачей стремленіе къ цѣломудрію, нѣтъ паденія могутъ не прекращать стремленія къ цѣломудрію, часто даже усиливаютъ его.

* * *

Когда люди не знаютъ другого блага, кромѣ личнаго наслажденія для одного себя, любовь—влюбленье представляется подъемомъ на высоту; но, извѣдавъ чувства любви къ Богу и къ ближнему, ставши христіаниномъ хоть въ самой слабой степени, если только это чувство искренне, нельзя не смотрѣть на влюбленность сверху внизъ, какъ на чувство, отъ котораго желательно быть свободнымъ. И почему вамъ было не удовольствоваться этой христіанской братской любовью? И потому, простите меня, то, что вы говорите, что ваша любовь къ ней поддержитъ васъ въ чистотѣ,—оскорбительно для женщины. Всякій человѣкъ, особенно христіанинъ, хочетъ быть орудіемъ духовнаго воздѣйствія, а не физическаго. Чистоту блюдите сами своими силами, а любовь давайте уже чистую и свободную отъ всякихъ выгодъ. Не мѣняйте Бога на человѣка; Богъ несравненно больше дастъ вамъ всего самаго неожиданнаго и любовь того человѣка дастъ еще въ придачу. Вы пишете, что ее надо спасти. Я рѣшительно не понимаю,—отъ чего? И почему и въ чемъ вы ее жалѣете? Среди насъ часто повторяется та ошибка, что люди хотятъ жениться какъ-то по-особенному, по-новому. Какъ Христосъ сказалъ, и подтвердилъ Павелъ, и подтверждаетъ нашъ разумъ, кто можетъ вмѣстить быть цѣломудреннымъ, да вмѣститъ; кто же не можетъ, пусть женится. Жениться же нельзя по-новому, а жениться нельзя иначе, какъ такъ же, какъ всѣ, т. е., избравъ супруга, рѣшить быть ему вѣрнымъ, не покидать его до гроба и стараться съ нимъ вмѣстѣ возстановить потерянное цѣломудріе. Если мы не приписываемъ значенія совершенію обряда и разныхъ обычаевъ, то самый бракъ мы не можемъ понимать иначе, какъ всѣ понимаютъ его. И замѣшивать въ бракъ какое-нибудь высшее религіозное соображеніе не слѣдуетъ и нельзя. А какъ совершался бракъ естественно, вслѣдствіе взаимнаго влеченія, такъ всегда и будетъ совершаться. А если нѣтъ этого взаимнаго влеченія, то бракъ, какъ бракъ, нехорошее дѣло.

* * *

Я понимаю, мнѣ кажется, васъ обоихъ и очень желалъ бы помочь вамъ тѣмъ, чтобы извлечь изъ вашихъ отношеній то, что въ нихъ мучительно и тревожно, оставивъ то, что въ нихъ хорошаго и радостнаго. Она совершенно права, говоря о томъ, что исключительная любовь не только не есть любовь къ Богу, но мѣшаетъ любви къ Богу. Но эта исключительная любовь, та, которую вы испытываете къ ней, есть фактъ и такой же несомнѣнный и съ которымъ такъ же нельзя не считаться, какъ съ присутствіемъ тѣла и свойствами характера, которыхъ нельзя уничтожить.

Надо, признавъ существованіе факта, сдѣлать такъ, чтобы взять отъ него все хорошее и откинуть все дурное. Хорошее есть сознаніе любимости того, что любимъ, любима, и любимъ, любима не эгоистически, а для того, чтобы помогать другъ другу, служить дѣлу Божію. Это радость. Но чтобы это была радость, надо хорошенько стерилизировать ее отъ преувеличенія влюбленности (а вы въ этомъ грѣшны), отъ исключительной и вытекающей изъ нея требовательности, ревности и всякой гадости, прикрывающейся хорошими именами. Практическій мой совѣтъ: не копайтесь въ своихъ чувствахъ, не передавайте все другъ другу (это не скрытность, а воздержанность), а пишите о себѣ, объ общемъ дѣлѣ. То же, что вы любите ее исключительно, и она васъ, — она знаетъ и вы знаете, и потому знаете всѣ мотивы вашихъ поступковъ и словъ. Есть предѣлъ высказыванія чувствъ, который не надо переходить, а вы перешли его. Предѣлъ этотъ такой, за которымъ всякая передача чувствъ становится не радостью, а тягостью.

Пользуйтесь той радостью любви, которую вамъ послалъ Богъ, не забывая, что это — любовь, т. е. желаніе блага не себѣ, а другому. И какъ скоро это будетъ точно любовь, т. е. желаніе блага ей, такъ и уничтожится все то, что въ этомъ чувствѣ есть мучительнаго и для васъ, и для нея.

Любовь не можетъ быть вредной, но только бы она была любовь, а не волкъ эгоизма въ овечьей шкурѣ любви. Только стоитъ спросить себя: готовъ ли я для его, ея блага никогда не видать его, прекратить съ нею, съ нимъ сношенія. Если нѣтъ, то это волкъ, и его надо бить и убить. Я знаю вашу религіозную и любящую душу и потому увѣренъ, что вы побѣдите волка, если онъ есть.

Да, всѣхъ любить нельзя равно. И большое счастье полюбить хоть одного особенно, но только полюбить его, ее, а не себя, не свое наслажденіе, испытываемое при общеніи съ нимъ, съ нею.

* * *

Я часто думалъ о влюбленіи и не могъ найти ему мѣста и значенія. А мѣсто это и значеніе очень ясное и опредѣленное: оно въ томъ, чтобы облегчать борьбу похоти съ цѣломудріемъ. Влюбленіе должно у юношей, не могущихъ выдержать полнаго цѣломудрія, предшествовать браку и избавить юношей въ самые критическіе годы, отъ 16 до 20 лѣтъ и больше, отъ мучительной борьбы. Тутъ и мѣсто влюбленія. Когда же оно врывается въ жизнь людей послѣ брака, оно неумѣстно и отвратительно.

Споръ о томъ, хорошо ли влюбленіе. Для меня рѣшеніе ясно.

Если человѣкъ живетъ уже человѣческой, духовной

жизнью, то влюбленіе, любовь, бракъ, будетъ для него паденіе; онъ долженъ будетъ отдавать часть своихъ силъ женѣ, семьѣ, или хоть только предмету влюбленія. Если же онъ на степени животной, ѣстъ, работаетъ, служитъ, пишетъ, играетъ, то влюбленіе будетъ для него подъемъ, какъ для животныхъ, для насѣкомыхъ.

* * *

Не думаю, чтобы вамъ нужно было сближеніе съ женщинами, особенное духовное общеніе съ ними. Съ ними только тогда общеніе хорошо и радостно, когда въ сознаніи своемъ ничѣмъ не отличаешь ихъ по ихъ полу отъ всѣхъ людей.

Нужно вамъ, мнѣ кажется, больше всего трудъ, трудъ, который поглотилъ бы всѣ ваши силы.

Мнѣ понравилась недавно присланная брошюрка Стокгэмъ о „*Творческой жизни*", какъ она озаглавила ее. Она говоритъ, что, когда у человѣка проявляется, кромѣ всѣхъ его обычныхъ отправленій, еще потребность половая, что онъ долженъ знать, что эта потребность творческая, которая только въ самомъ низшемъ проявленіи выражается половой похотью; это есть творческая способность, и отъ воли и старанія, упорнаго старанія зависитъ перевести ее въ въ другую, физическую или, лучше всего, духовную дѣятельность.

Я думаю, что дѣйствительно это есть сила, участвующая въ дѣлѣ Божіемъ, установленіи Царства Божія на землѣ, при половомъ актѣ это есть только передача другимъ—дѣтямъ возможности участія въ дѣлѣ Божіемъ; при воздержаніи дѣятельности прямой служенія Богу это есть высшее проявленіе жизни. Переходъ труденъ, но онъ возможенъ и совершается на нашихъ глазахъ сотнями и тысячами людей.

Осилите—будетъ хорошо, не осилите—женитесь,—будетъ не такъ хорошо, но не дурно.

Дурно, какъ Павелъ говоритъ, разжигаться, дурно носиться съ этимъ ядомъ, всасывая его всею кровью.

Не вѣрьте только себѣ въ томъ, что въ сближеніи съ женщинами есть что-то особенно хорошее, смягчающее. Все это обманъ похоти. Въ сближеніи съ женщиной, какъ и со всякимъ человѣкомъ, много радостнаго, но особенно радостнаго въ женскомъ сближеніи ничего нѣтъ; а что есть, то обманъ чувственности, очень скрытый, но все-таки чувственности,

* * *

Вы спрашиваете, какое средство для борьбы со страстью? Въ числѣ маленькихъ средствъ, въ родѣ труда, поста, самое дѣйствительное средство есть бѣдность, неимѣніе де-

негъ, внѣшній видъ нищеты, такое положеніе, при которомъ очевидно, что ты не можешь быть привлекателенъ для никакой женщины. Главное же и единственное средство, которое я знаю, есть неустанность борьбы, сознаніе того, что борьба не есть случайное, временное состояніе, а постоянное, неизмѣнное условіе жизни.

* * *

Вы спрашиваете меня о скопцахъ: о томъ, справедливо ли сужденіе о скопцахъ, что они дурные люди, и справедливо ли скопцы понимаютъ Евангеліе, 19 гл. Матѳ., на основаніи этой главы стиха 12 оскопляя себя и другихъ.

На первый вопросъ мой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что дурныхъ людей нѣтъ, и всѣ люди одного Отца дѣти и всѣ братья и всѣ равны—не лучше и не хуже одни другихъ. Судя же потому, что я слышалъ о скопцахъ, то живутъ они нравственною и трудовою жизнью. На второй же вопросъ о томъ, вѣрно ли они понимаютъ Евангеліе, на основаніи его оскопляя себя и другихъ, съ полною увѣренностью отвѣчаю, что понимаютъ они Евангеліе невѣрно и, оскопляя себя и въ особенности другихъ, совершаютъ поступки, прямо противные истинному христіанству. Христосъ проповѣдуетъ цѣломудріе, но цѣломудріе достойно, какъ и всякая добродѣтель, когда оно достигается усиліемъ воли, поддержаннымъ вѣрою, а не тогда, когда оно достигается невозможностью грѣха. Все равно, если бы человѣкъ, для того, чтобы не объѣдаться, произвелъ въ себѣ болѣзнь желудка или, чтобы не драться, связалъ бы себѣ руки или, чтобы не ругаться, вырѣзалъ бы себѣ языкъ. Богъ сотворилъ человѣка, какимъ онъ есть; вдунулъ божественную душу въ плотское тѣло для того, чтобы эта душа покоряла себѣ похоти тѣла (въ этомъ вся жизнь человѣческая), а не для того, чтобы уродовать тѣло, поправляя дѣло Божье.

Если люди влекутся къ полному общенію, то это происходитъ для того, чтобы то совершенство, котораго не достигло одно поколѣніе, было бы возможно достигнуть въ слѣдующемъ. Удивительная въ этомъ отношеніи премудрость Божія: человѣку предписано совершенствоваться: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“. Вѣрный признакъ совершенства есть цѣломудріе—истинное цѣломудріе,—не на дѣлѣ только, но и въ душѣ, т. е. и полное освобожденіе отъ половой похоти. Если бы люди достигли совершенства и стали цѣломудренны, родъ человѣческій прекратился бы и не за чѣмъ ему было бы жить на землѣ, потому что люди стали бы, какъ ангелы, которые не женятся и замужъ не идутъ, какъ сказано въ евангеліи. Но пока люди не достигли совершенства, они производятъ потомство, и потомство это совершенствуется и достигаетъ того, чего велѣлъ достигать Богъ, и все ближе и ближе

приближаются къ совершенству. Если же люди поступали бы такъ, какъ скопцы, то родъ человѣческій прекратился бы и никогда не достигъ бы совершенства, не исполнилъ бы воли Бога.

Это одна причина, по которой я считаю, что скопцы поступаютъ неправильно; другая—та, что евангельское ученіе даетъ людямъ благо, и Христосъ говоритъ: „иго мое благо, и бремя мое легко“, и запрещаетъ всякое насиліе надъ людьми; и потому нанесеніе ранъ и страданій, даже хоть бы и не другимъ (что уже есть явный грѣхъ), а себѣ есть нарушеніе христіанскаго закона.

Третья причина въ томъ, что скопцы явно неправильно толкуютъ 12 ст. 19 гл. Матѳ. Вся рѣчь съ начала 19 гл. идетъ о бракѣ, и Христосъ не только не запрещаетъ бракъ, но запрещаетъ разводъ, т. е. перемѣну женъ. Христосъ и въ бракѣ требуетъ наибольшаго цѣломудрія — того, чтобы люди держались одной жены. Когда же ученики (ст. 10) сказали ему, что этакъ очень трудно воздерживаться, т. е. обходиться одной женой, онъ говоритъ имъ, что, хотя и не всѣ могутъ такъ воздерживаться; какъ воздерживаются тѣ, которые родились скопцами, или тѣ, которые, какъ евнухи, оскоплены людьми, но что есть такіе, которые сами сдѣлали себя скопцами для царства небеснаго, т. е. духомъ побѣдили въ себѣ похоть, и что вотъ такими-то надо стараться быть. То, что подъ словами: такіе, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго, надо разумѣть духовную побѣду надъ плотью, а не тѣлесное оскопленіе, видно изъ того, что, гдѣ говорится про тѣлесное оскопленіе, говорится: оскоплены отъ людей, а гдѣ говорится о побѣдѣ духа надъ плотью, говорится: сдѣлали сами себя скопцами.

Такъ я думаю и такъ понимаю стихъ 12, но долженъ прибавить, что если бы даже вамъ казалось неубѣдительно толкованіе буквы, надо помнить, что только духъ живитъ. Насильственное или даже добровольное оскопленіе противно всему духу христіанскаго ученія.

* * *

Я бы хотѣлъ написать ему въ томъ смыслѣ, какъ и я понимаю, что дѣторожденіе въ бракѣ не есть блудъ; но хотѣлось бы лучше обдумать это, чтобы написать основательно, потому что и въ мнѣніи о томъ, что плотское общеніе, хотя бы и съ женой, ради одной похоти грѣховно,— есть правда. Я думаю, что оскопленіе себя есть такой же грѣхъ, какъ и плотское общеніе ради похоти. Такъ же, какъ я думаю, что одинаковый грѣхъ объѣдаться, какъ и уморить себя голодомъ или отравиться. Законна пища для тѣла такая, при которой человѣкъ можетъ служить другимъ людямъ, и законное плотское общеніе такое, при которомъ продолжается родъ человѣческій.

Скопцы правы, когда они говорятъ, что сожитіе съ женой, если оно дѣлается безъ духовной любви, только для похоти, и потому не во-время, — что это блудъ, но они не правы въ томъ, что обращеніе съ женою для рожденія дѣтей и въ духовной любви — грѣхъ. Это не грѣхъ, а воля Божья.

Оскопленіе, по моему, въ родѣ вотъ чего. Скажемъ, жилъ бы человѣкъ невоздержно, и имѣлъ бы привычку изъ своего хлѣба курить вино и варить пиво и напиваться и почувствовалъ бы человѣкъ, что это дурно и грѣхъ, и вмѣсто того, чтобы бросить дурную привычку и научиться на дѣло — на кормъ людей и животныхъ — употреблять свой хлѣбъ, — рѣшилъ бы, что одно средство избавиться отъ грѣха—это сжечь свой хлѣбъ, и такъ бы и сдѣлалъ. И вышло бы то, что грѣхъ въ немъ остался бы тотъ же, и сосѣди его все такъ же варили вино и пиво, а только бы онъ не могъ кормить ни себя, ни семью, ни добрыхъ людей.

Не даромъ Христосъ хвалилъ дѣтей, говорилъ, что ихъ Царство небесное, что то, что скрыто отъ мудрыхъ, открыто имъ. Мы и сами это знаемъ: не было бы дѣтей, не рожались бы вновь дѣти,—не было бы и надежды на Царство Божіе на землѣ. Только на нихъ вся надежда. Мы уже изгажены и трудно намъ очиститься, а вотъ съ каждымъ поколѣніемъ, въ каждой семьѣ — новыя невинныя чистыя души, которыя могутъ остаться такими. Мутна и грязна рѣка, да ключей много чистыхъ вливаются въ нее, и есть надежда, что вода очистится.

Вопросъ этотъ большой, и я радъ подумать о немъ. Знаю только одно, что одинаково скверно и грѣховно похотливый блудъ и оскопленіе. Но второе—оскопленіе—хуже. Въ блудѣ нѣтъ гордости, а есть стыдъ, а въ оскопленіи нѣтъ стыда у людей, а они еще гордятся тѣмъ, что сразу нарушили законъ Божій для того, чтобы не подпасть соблазну и не бороться. Сердце свое надо оскопить, тогда внѣшнее оскопленіе не спасаетъ отъ соблазна. Попадаются на этотъ обманъ люди потому, что уничтожить въ сердцѣ похоть блудную одну—никакъ нельзя, надо уничтожить всякую похоть, надо возлюбить Бога такъ, чтобы возненавидѣть всю прелесть міра, и это путь длинный; а тутъ какъ будто сразу короткимъ путемъ можно избавиться отъ самаго явнаго и постыднаго грѣха, да горе-то въ томъ, что короткимъ путемъ этимъ часто никуда не придешь, а только въ болото.

* * *

Инстинктъ половой это стремленіе, если не исполнить весь законъ, то обезпечить возможность его исполненія своимъ потомствомъ. Истинность этого подтверждается и

на отдѣльныхъ лицахъ: чѣмъ больше человѣкъ приближается къ исполненію закона, тѣмъ болѣе онъ отвращается отъ половой страсти, и наоборотъ.

* *
*

... Какъ человѣкъ вмѣстѣ со всѣми животными подчиняется закону борьбы за существованіе, такъ онъ подчиняется, какъ животное, и закону полового размноженія; но человѣкъ, какъ человѣкъ, находитъ въ себѣ другой законъ, противный борьбѣ, законъ любви, и—противный половому общенію для размноженія—законъ цѣломудрія.

* *
*

... По церковному вѣрованію долженъ наступить конецъ свѣта; по наукѣ точно такъ же должна кончиться и жизнь человѣка на землѣ, и сама земля; что же такъ возмущаетъ людей, что нравственная, добрая жизнь тоже приведетъ къ концу рода человѣческаго? Можетъ быть, это совпадаетъ. Въ статьѣ Шекеровъ говорится: почему же людямъ воздержаніемъ не избавить себя отъ насильственной смерти? Прекрасно.

* *
*

Есть расчетъ Гершеля, по которому выходитъ, что если бы человѣчество удваивалось каждыя 50 лѣтъ, какъ теперь, то, считая 7000 лѣтъ отъ первой пары, теперь людей было бы столько, что, если бы ихъ ставить другъ на друга по всей землѣ, то эта пирамида достала бы не только до солнца, но перешло бы это разстояніе въ 27 разъ. Какой изъ этого выводъ?

Только два вывода: или допускать и желать моровъ, войнъ,—или стремиться къ половой чистотѣ. Только стремленіе къ чистотѣ можетъ уравновѣсить...

Интересна бы статистика войнъ и моровъ и безбрачія. Навѣрно въ обратномъ отношеніи, т. е., что чѣмъ меньше губящихъ условій, тѣмъ больше безбрачныхъ: одно уравновѣшиваетъ другое.

Другой, невольно представляющійся, выводъ, который я еще не умѣю ясно формулировать, — тотъ, что забота умственная, расчеты о сокращеніи жизни людской неправильны. Правильна только любовь; а любовь не бываетъ одна, а всегда соединяется съ чистотой. Представить себѣ человѣка, который плодилъ бы людей и заботился бы о сокращеніи ихъ жизней: оба дѣла вмѣстѣ безумны. Правильно бы было, въ такомъ случаѣ, родить одно и, по крайней мѣрѣ, убить одно. Разумно одно: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ. Совершенство же это—въ чистотѣ и потомъ въ любви.

Всѣ молодые люди вашего возраста, живущіе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ вы живете, всѣ находятся въ очень опасномъ положеніи. Опасность это состоитъ въ томъ, что въ томъ возрастѣ, когда складываются привычки, которыя останутся навсегда, какъ складки на бумагѣ, вы живете безъ всякой нравственной, религіозной узды, не видя ничего, кромѣ тѣхъ непріятностей ученія, къ которому васъ принуждаютъ, и отъ котораго вы стараетесь такъ или иначе избавиться, и тѣхъ самыхъ разнообразныхъ удовлетвореній похоти, которыя васъ привлекаютъ со всѣхъ сторонъ и которыя вы имѣете возможность удовлетворять. Такое положеніе вамъ кажется совершенно естественнымъ и не можетъ казаться инымъ, и вы никакъ не виноваты, что оно кажется вамъ таковымъ, потому что вы въ немъ выросли, и въ такомъ же положеніи находятся ваши товарищи,—но положеніе это совершенно исключительно и ужасно опасно оно потому, что если поставить всю цѣль жизнь въ такомъ удовлетвореніи, какъ она у васъ, у молодыхъ людей, когда похоти эти вновѣ и особенно сильны, то непремѣнно, по очень извѣстному и несомнѣнному закону,—выйдетъ то, что для того, чтобы получать то удовольствіе, которое привыкъ получать отъ удовлетворенія похоти: сладкой ѣды, катанья, игры, нарядовъ, музыки, надо будетъ все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, разъ уже удовлетворенна, въ другой и третій разъ не доставляетъ уже того наслажденія, и надо удовлетворять новыя и болѣе сильныя. (Существуетъ даже законъ, по которому извѣстно, что наслажденія увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, тогда какъ средства для произведенія этого наслаженія должны быть увеличены въ квадратахъ)...

И такъ какъ изъ всѣхъ похотей самая сильная половая, выражающаяся въ влюбленіи, ласкахъ, онанизмѣ и совокупленіи, то всегда очень скоро доходитъ до этого, всегда одного и того же. Когда эти наслажденія уже нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь новымъ, болѣе сильнымъ, то начинается искусственное увеличеніе этого самого наслажденія посредствомъ одурманенія себя — виномъ, табакомъ, чувственной музыкой. Это путь такой обычный, что по немъ, за рѣдкими исключеніями, идутъ всѣ молодые люди, и богатые, и бѣдные, и если во-время останавливаются, то отправляются къ настоящей жизни болѣе или менѣе искалѣченные, или погибаютъ совершенно, какъ погибли на моихъ глазахъ сотни молодыхъ людей...

Спасеніе отъ вашего положенія есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти себѣ идеалы, т. е. то, чѣмъ хочешь быть, и жить такъ, чтобы достигнуть того, чѣмъ хочешь быть.

* * *

Все дѣло въ воздержаніи, въ школѣ, въ воспитаніи воздержанія. Какъ скоро благо будутъ находить въ воздержаніи, то умѣрятся и браки.

* * *

Жениться, чтобы веселей было жить, — никогда не удастся. Поставить своей главной, замѣняющей все другое цѣлью—женитьбу—соединеніе съ тѣмъ, кого любишь,—есть большая ошибка. И очевидная,—если вдумаешься. Цѣль—женитьба. Ну женились, а потомъ что? Если цѣли жизни другой не было до женитьбы, то потомъ, вдвоемъ, ужасно трудно, почти невозможно найти ее. Даже навѣрное, если не было общей цѣли до женитьбы, то потомъ ужъ ни за что не сойдетесь, а всегда разойдетесь. Женитьба только тогда даетъ счастіе, когда цѣль одна; люди встрѣтились по дорогѣ и говорятъ: „давай пойдетъ вмѣстѣ". „Давай", и подаютъ другъ другу руку; а не тогда, когда они, притянутые другъ къ другу, оба свернули съ дороги.

Все это—потому, что одинаково ложно понятіе, раздѣляемое многими, что жизнь есть юдоль плача, какъ и то понятіе, раздѣляемое огромнымъ большинствомъ, понятіе, къ которому и молодость, и здоровье, богатство васъ склоняютъ, что жизнь есть мѣсто увеселенія. Жизнь есть мѣсто служенія, при которомъ приходится переносить иногда и много тяжелаго, но чаще испытывать очень много радостей. Только радости-то настоящіе могутъ быть только тогда, когда люди сами понимаютъ свою жизнь, какъ служеніе: имѣютъ опредѣленную внѣ себя, своего личнаго счастія, цѣль жизни, Обыкновенно женящіеся люди совершенно забываютъ это. Такъ много предстоитъ радостныхъ событій женитьбы, рожденіе дѣтей, что, кажется, эти событія и составятъ самую жизнь, но это опасный обманъ. Если родители проживутъ и нарожаютъ дѣтей, не имѣя цѣли въ жизни, то они отложатъ только вопросъ о цѣли жизни и то наказаніе, которому подвергаются люди, живущіе, не зная зачѣмъ, — они только отложатъ это, а не избѣгутъ, потому что придется воспитывать, руководить дѣтей, а руководить нечѣмъ. И тогда родители теряютъ свои человѣческія свойства и счастье, сопряженное съ ними, и дѣлаются племенной скотиной. Такъ вотъ я и говорю: людямъ, собирающимся жениться, именно потому, что ихъ жизнь кажется имъ полною, надо больше, чѣмъ когда-нибудь, думать и уяснять себѣ, во имя чего живетъ каждый изъ нихъ. А чтобы уяснить себѣ это, надо думать, обдумать условія, въ которыхъ живете, свое прошедшее, расцѣнить въ жизни все, что считаете важнымъ, что неважнымъ, во что вѣрите, т. е. что считаете всегдашней несомнѣнной истиной и чѣмъ будете руководствоваться въ жизни. И не только узнать, уяснить себѣ, но испытать на

дѣлѣ, провести или проводить въ свою жизнь, потому что, пока не дѣлаете того, во что вѣрите, сами не знаете, вѣрите или нѣтъ. Вѣру нашу я знаю, и вотъ эту вѣру или тѣ стороны ея, которыя выражаются въ дѣлахъ, вамъ надо, больше чѣмъ когда-нибудь, именно теперь уяснить себѣ, проводя ее въ дѣло. Вѣра въ томъ, что благо въ томъ, чтобъ любить людей и быть любимымъ ими. Для достиженія же этого я знаю три дѣятельности, въ которыхъ я постоянно упражняюсь, въ которыхъ нельзя достаточно упражняться, и которыя вамъ теперь особенно нужны. Первое, чтобы быть въ состояніи любить людей и быть любимымъ ими, надо пріучать себя какъ можно меньше требовать отъ нихъ, потому что, если я многаго требую, у меня много лишеній, а много лишеній, — я склоняюсь не любить, а упрекать,— тутъ много работы.

Второе, — чтобы любить людей не словомъ, а дѣломъ, надо выучить себя дѣлать полезное людямъ. Тутъ еще больше работы, особенно для васъ, въ ваши годы, когда человѣку свойственно учиться.

Третье,—чтобы любить людей и быть любимымъ ими, надо выучиться кротости, смиренію и искусству переносить непріятныхъ людей и непріятности; искусству всегда такъ обращаться съ ними, чтобы не огорчить никого, а въ случаѣ невозможности не оскорбить никого, умѣть выбрать наименьшее огорченіе. И тутъ работы еще больше всего и работа постоянная отъ пробужденія до засыпанія. И работа самая радостная, потому что день за днемъ радуешься на успѣхи въ ней и, кромѣ того, получаешь незамѣтную сначала но очень радостную награду въ любви людей.

Такъ вотъ я совѣтую какъ можно серьезнѣе и думать, и жить, потому что только этимъ средствомъ вы узнаете, точно ли вы идете по одной дорогѣ, и вамъ хорошо подать другъ другу руки или нѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если вы искренни, то приготовить себѣ будущее. Цѣль ваша въ жизни должна быть не радость женитьбы, а та, чтобы своей жизнью внести въ міръ больше любви и правды. Женитьба же затѣмъ, чтобы помогать другъ другу въ достиженіи этой цѣли. Les exttémes se touchent. Самая эгоистическая и гадкая жизнь есть жизнь двухъ людей, соединившихся для того, чтобы наслаждаться жизнью, и самое высокое призваніе людей, живущихъ для того, чтобы служить Богу, внося добро въ міръ и для этого соединившихся другъ съ другомъ. Такъ вы не спутайтесь: то, да не то. Почему же человѣку не избрать высшаго? Но только избравъ высшее, надо всю душу положить въ него, а немножко—ничего не выйдетъ.

* * *

Жениться надо никакъ не по любви, а непремѣнно съ

расчетомъ, только понимая эти два слова какъ разъ наоборотъ тому, какъ они обыкновенно понимаются, т. е. жениться не по чувственной любви, а по расчету, не тому, гдѣ и чѣмъ жить (всѣ живутъ), а по тому расчету насколько вѣроятно, что будущая жена будетъ помогать, а не мѣшать мнѣ жить человѣческою жизнью.

* * *

Главное, подумайте двадцать, сто разъ о женитьбѣ. Связать свою жизнь съ жизнью другого человѣка половою связью для правстеннаго, чуткаго человѣка есть самый значительный и чреватый послѣдствіями поступокъ, который только можетъ совершить человѣкъ. Жениться надо всегда такъ же, какъ мы умираемъ, т. е. только тогда, когда невозможно иначе.

Послѣ смерти по важности, и прежде смерти по времени, нѣтъ ничего важнѣе, безвозвратнѣе брака. И такъ же, какъ смерть только тогда хорошая, когда она неизбѣжна, а всякая нарочная смерть—дурно, такъ же и бракъ. Только тогда бракъ не зло, когда онъ непреодолимъ

* * *

Дѣло брака не такъ просто само по себѣ, какъ оно кажется. Влюбленіе есть отступленіе въ одну сторону, но холодный расчетъ еще худшее отступленіе въ другую. Если, какъ вы говорите, слѣдовало бы обратиться къ первой дѣвушкѣ, т. е. не слѣдуетъ выбирать для своего счастія, то слѣдуетъ отдаться той случайности, судьбѣ, которая руководитъ внѣшними, подчиняя свой выборъ, выбору меня. Чувство спутаетъ, но разсудокъ напутаетъ еще больше, а это самое великое дѣло въ жизни. По моему, какъ и во всемъ въ жизни и больше, чѣмъ во всемъ другомъ, надо не задавать себѣ задачу жениться, а задавать себѣ одну всегдашнюю задачу—жить хорошо и терпѣть и ждать, и тогда придетъ время и обстоятельства сдѣлаютъ то, что нельзя не жениться. Такъ вѣрнѣе не ошибешься и не согрѣшишь.

* * *

Сужденіе княгини Марьи Алексѣевны о женитьбѣ извѣстное; „жениться молодымъ людямъ безъ достаточнаго состоянія,—пойдутъ дѣти, нужда, прискучатъ другъ другу черезъ годъ, два... десять лѣтъ, пойдутъ ссоры, недостатки—адъ“. И во всемъ этомъ княгиня Марья Алексѣевна совершенно права и предсказываетъ вѣрно, если только у женящихся людей нѣтъ другой одной единственной цѣли, неизвѣстной княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ.—

И цѣли не головной, не разсудкомъ признаваемой, а составляющей свѣтъ жизни, достиженіе которой волнуетъ болѣе, чѣмъ все другое. Есть это—хорошо, и княгиня Марія Алексѣевна останется въ дурахъ. А нѣтъ этого, — изъ 100 шансовъ 99, что кромѣ несчастья, отъ брака ничего не выйдетъ.

* * *

Люди, которые женятся такъ, мнѣ представляются людьми, которые падаютъ, не споткнувшись... Если упалъ, то что же дѣлать? А если не споткнулся, то зачѣмъ же нарочно падать.

* * *

Васъ связываютъ двѣ вещи: убѣжденія — вѣра и любовь. По-моему, и одной довольно. Настоящая, истинная связь—это любовь человѣческая, христіанская; если эта будетъ, и на ней еще вырастаетъ любовь—влюбленье, то прекрасно и твердо. Если будетъ любовь одна—влюбленье, то это не то что дурно, но и хорошаго нѣтъ, но все-таки возможно. И при честныхъ натурахъ съ большими борьбами можно прожить и съ этой. Но если ни того, ни другого, а только prétexte того и другого, то это навѣрно плохо. Надо быть какъ можно строже къ себѣ и знать, во имя чего ты дѣйствуешь.

* * *

Романы кончаются тѣмъ, что герой и героиня женятся. Надо начинать съ этого, а кончать тѣмъ, что они разженились, т. е. освободились. А то описывать жизнь людей такъ, чтобы обрывать описаніе на женитбѣ, это все равно, что, описывая путешествіе человѣка, оборвать описаніе на томъ мѣстѣ, гдѣ путешественникъ попалъ къ разбойникамъ.

* * *

Да, въ Евангеліи нѣтъ указанія на бракъ, есть отрицаніе его, есть противодѣйствіе разврату, вожделѣнію и разводу для тѣхъ, которые уже находятся въ бракѣ; но объ учрежденіи брака, какъ говоритъ это церковь, нѣтъ и помина. Ничего, кромѣ нелѣпаго чуда Каны, которое утверждаетъ бракъ столько же, сколько посѣщеніе Закхея утверждаетъ собираніе податей.

* * *

Да, я думаю, что бракъ есть нехристіанское учрежденіе. Христосъ никогда не женился, не женились и его ученики, и онъ никогда не учреждалъ брака, а обращаясь къ людямъ, изъ которыхъ одни были женатые, а другіе нѣтъ—говорилъ: женатымъ, чтобы они не перемѣняли своихъ женъ (разводясь), какъ это можно было по закону Моисея (Мѳ. V, 32), а неженатымъ, чтобы, если они могутъ, то лучше не женились бы. (Мѳ. XIX, 10—12). И тѣмъ, и другимъ говорилъ, чтобы они понимали, что главный грѣхъ состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на женщину, какъ на предметъ наслажденій (Мѳ. V, 28). (Само собой разумѣется, что то же надо понимать и со стороны женщины по отношенію къ мужчинѣ).

Изъ этого положенія естественно вытекаютъ слѣдующіе практическіе нравственные выводы:

1. Не смотрѣть, какъ теперь смотрятъ, что каждому человѣку—мужчинѣ и женщинѣ—нужно непремѣнно вступить въ бракъ; а напротивъ, смотрѣть такъ, что каждому человѣку — мужчинѣ и женщинѣ — лучше всего соблюсти свою чистоту для того, чтобы ничто не мѣшало отдать всѣ свои силы на служеніе Богу.

2. Не смотрѣть, какъ теперь, на паденіе человѣка — мужчины или женщины — т. е. на вступленіе въ половое общеніе—какъ на ошибку, которую можно исправить вступленіемъ въ новое половое общеніе (въ видѣ брака) съ другимъ лицомъ, или даже какъ на простительное удовлетвореніе потребности, или даже удовольствіе; а смотрѣть на первое вступленіе въ половое общеніе кого бы то ни было, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ (Мѳ. XIX, 4—6), обязывающій брачущихся къ опредѣленной дѣятельности, служащей искупленіемъ совершеннаго грѣха.

3). Не смотрѣть на бракъ, какъ теперь, какъ на разрѣшеніе удовлетворенія плотской похоти; а какъ на грѣхъ, требующій своего искупленія.

Искупленіе же грѣха состоитъ: во-первыхъ, въ освобожденіи себя, помогая въ этомъ другу другу — обоимъ супругамъ, отъ похоти и достиженіи, насколько возможно, установленія между собой отношеній не любовниковъ, а брата и сестры; и, во-вторыхъ, въ воспитаніи тѣхъ дѣтей, будущихъ служителей Богу, которыя возникнутъ отъ брака.

Разница такого взгляда на бракъ отъ того, который существуетъ, очень большая: точно такъ же будутъ жениться и выходить замужъ, точно такъ же родители будутъ заботиться о томъ, чтобъ женить и выдавать замужъ дѣтей, но разница большая въ томъ, когда удовлетвореніе похоти считается позволеннымъ, законнымъ и самымъ большимъ счастьемъ на свѣтѣ, или — когда оно считается грѣхомъ. Человѣкъ, слѣдуя христіанскому ученію, женится только тогда, когда онъ будетъ чувствовать, что не мо-

жетъ поступить иначе, и, женившись, будетъ не предаваться похоти, а стремиться къ укрощенію ея (мужчина такъ же, какъ и женщина); родители заботясь о духовномъ благѣ своихъ дѣтей, не будутъ считать необходимымъ женить каждаго и выдавать замужъ, а женятъ и выдадутъ замужъ, — т. е. посовѣтуютъ или облегчатъ имъ паденіе, — только тѣхъ, которыя не въ силахъ удержать чистоту, и только тогда, когда будетъ ясно, что дѣти не могутъ жить иначе. Супруги не будутъ желать, какъ это бываетъ теперь, большого количества дѣтей, а, напротивъ, стремясь къ чистотѣ жизни, будутъ радоваться тому, что у нихъ мало дѣтей, и они могутъ посвятить всѣ свои силы на воспитаніе тѣхъ своихъ дѣтей, которыя уже есть, и тѣхъ чужихъ дѣтей, которымъ они могутъ служить, если они хотятъ служить Богу воспитаніемъ будущихъ служителей Ему.

Разница будетъ та, которая есть между людьми, которые употребляютъ пищу, потому что не могутъ обойтись безъ этого, и потому стараются какъ можно меньше тратить времени и вниманія на приготовленіе и потребленіе пищи, и тѣми, которые кладутъ въ придумываніи, приспособленіи, увеличеніи вкуса и въ потребленіи пищи главный интересъ жизни, увеличеніи вкуса и въ потребленіи пищи главный интересъ жизни, какъ это до послѣдней степени доводили римляне, которые принимали рвотное *), чтобы быть опять въ состояніи ѣсть.

* * *

Первое, что мнѣ нужно сказать объ этомъ, это то, что я, говоря о томъ, какъ должно жить супругамъ, не только не подразумѣваю, того, что я жилъ или живу, какъ должно, но, напротивъ, знаю твердо, своими боками, какъ должно;—только потому, что жилъ, какъ не должно.

Я не отказываюсь ни отъ чего, что я сказалъ; напротивъ, старался бы усилить все, что сказалъ, но дѣйствительно необходимо разъяснить. Необходимо, потому что мы такъ далеки въ своей жизни отъ того, что должно и по нашей совѣсти, и по ученію Христа, что истина въ этомъ отношеніи такъ же поражаетъ насъ (я это знаю по опыту), какъ поразило бы уѣзднаго богатѣющаго купца указаніе о томъ, что надо не собирать для своей семьи и колоколовъ, а отдавать все, что есть, только чтобъ избавиться отъ зла.

Вы говорите: „не спать вмѣстѣ“. Разумѣется, нѣтъ. Я объ этомъ самомъ уже и думалъ. Буду писать, какъ попало, все, что я объ этомъ думаю.

Есть самое могущественное надъ человѣкомъ чувство

*) Совершенно то же самое употребляется у насъ для нерожденія дѣтей.

влюбленія, которое сначала зачинается между не познавшими другъ друга людьми разныхъ половъ и которое приводитъ къ браку; бракъ же тотчасъ имѣетъ послѣдствіемъ ребенка. Начинается беременность и вслѣдствіе ея—плотское охлажденіе другъ къ другу супруговъ,—охлажденіе, которое было бы очень замѣтно и которое прерывало бы плотское общеніе, какъ оно прерываетъ его между животными, если бы люди не считали плотское общеніе удовольствіемъ законнымъ. Такое охлажденіе, замѣненное заботой о ростѣ и кормѣ ребенка, продолжается до отнятія ребенка, и въ хорошемъ бракѣ (вотъ въ этомъ-то отличіе человѣка отъ скота) съ отнятіемъ ребенка опять начинается влюбленное чувство *между тѣми же супругами.*

Какъ ни далеки мы отъ этого, все-таки несомнѣнно, что такъ должно быть. И вотъ почему:

Во-первыхъ, половое общеніе тогда, когда женщина не готова къ дѣторожденію, т. е. когда у ней нѣтъ мѣсячныхъ, не имѣетъ никакого разумнаго смысла и есть только плотское наслажденіе и—наслажденіе очень скверное, постыдное, какъ знаетъ совѣстливый человѣкъ, — подобное самымъ гнуснымъ неестественнымъ половымъ уродствамъ. Человѣкъ, предаваясь этому, становится неразумнѣе животнаго, т. е. разумъ свой употребляетъ на отступленіе отъ законовъ разума.

Во-вторыхъ, всѣ знаютъ и согласны, что половое общеніе ослабляетъ, истощаетъ человѣка и ослабляетъ въ самой сущности человѣческой дѣятельности—въ духовной дѣятельности. „Умѣренность", скажутъ защитники теперешняго порядка, но умѣренности не можетъ быть, какъ только преступлены законы, поставленные разумѣніемъ. Но вредъ излишества (а общеніе внѣ свободнаго періода есть излишество) для мужчины еще можетъ быть не великъ при умѣренности (отвратительно даже произносить это слово о такомъ предметѣ), если онъ знаетъ одну женщину; но то, что будетъ умѣренность для мужа, будетъ страшною неумѣренностью для жены, находящейся въ періодѣ беременности и кормленія.

Я думаю, что отсталость женщинъ и истеричность ихъ происходитъ въ большей степени отъ этого. Вотъ въ чемъ должна быть освобождена женщина для того, чтобы она стала единымъ тѣломъ съ мужчиной и слугой не дьявола, какою она теперь, а Бога. Идеалъ, далекій, но великій. И отчего же не стремиться къ нему?

Мнѣ представляется, что бракъ долженъ быть такимъ: пара сходится плотски подъ непреодолимымъ давленіемъ влюбленія, зачинается ребенокъ, и супруги, избѣгая всего того, что можетъ нарушить для нея ростъ или кормленіе ребенка, избѣгая всякаго плотскаго соблазна, а не такъ, какъ теперь, вызывая ихъ, живутъ, какъ братъ съ сестрой.

А то мужъ, развращенный прежде, свои пріемы раз-

врата переноситъ на жену, заражаетъ ее той же чувственностью и налагаетъ на нее невыносимую тягость быть въ одно и тоже время любовницей, измученной матерью и больнымъ, раздраженнымъ истеричнымъ человѣкомъ. И мужъ любитъ ее, какъ любовницу, игнорируетъ ее, какъ мать, и ненавидитъ ее за ея раздражительность, истеричность, которыя онъ самъ производитъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ ключъ ко всѣмъ страданіямъ, скрытымъ во всѣхъ семьяхъ въ огромномъ большинствѣ.

Такъ мнѣ представляется, что мужъ съ женой живутъ, какъ братъ съ сестрой, она спокойно носитъ, ненарушимо кормитъ и при этомъ нравственно растетъ, и только въ періодѣ свободные они оба поддаются вновь влюбленью, продолжающемуся недѣли, и опять—успокоеніе.

Мнѣ представляется, что влюбленье это то напряженіе пара, при которомъ паровозъ разорвало бы, если бы не поднялся спасительный клапанъ. Клапанъ отрывается только при этомъ сильномъ напряженіи, но онъ всегда закрытъ старательно закрытъ, и цѣль наша должна быть въ томъ, чтобы сознательно закрыть его какъ можно плотнѣе и наложить на него гирь, сколько можемъ, желая того, чтобы онъ не открылся. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и не понимаю: „кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“, т. е. пусть каждый не стремится никогда не жениться, а не женившись—жить съ женой, какъ братъ съ сестрой. Но паръ набирается и открываетъ клапаны, но не сами мы должны ихъ открывать, какъ мы это дѣлаемъ, глядя на половое общеніе, какъ на законное наслажденіе. Оно законно только тогда, когда мы не можемъ воздержаться отъ него и когда оно прорывается помимо нашего желанія.

Какъ же опредѣлить, когда мы не можемъ воздержаться отъ него?

Какъ много именно такихъ вопросовъ, какъ они кажутся не разрѣшимы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не какъ они просты, когда рѣшаешь для себя и за себя, а я для другихъ и за другихъ. Для другихъ знаешь то [illegible] казалъ вѣстную постепенность: старикъ предается пол[illegible]димо, [illegible]ю съ проститутой—ужасно противно; молодой [illegible]го, [illegible]же.—менѣе противно. Старикъ чувственно любезн[illegible], [illegible]ой—довольно противно, но менѣе, чѣмъ молодой [illegible]чкой. Молодой чувственно относится къ женѣ—[illegible] и ми[illegible] противно, но противно. Такая постепенность [illegible] мы всѣ, особенно не испорченныя дѣти, [illegible]тобъ изб[illegible]віемъ: „[illegible] очень хорошо знаемъ. Но для себя [illegible]ѣстѣ“. [illegible] у каждаго дѣвственника или дѣвст[illegible]лъ. Буду[illegible] главное, то очень затуманенное ложными вз[illegible]едметѣ, о [illegible]ороженить своей чистотой, желаніе сохранить [illegible]ую вопрос[illegible]дъ при потерѣ ея, въ какихъ то бы ни бы[illegible] у[illegible] Радости[illegible] голосъ совѣсти, который всегда ясно говоритъ [illegible]ворит[illegible] всегда, что это дурно, стыдно. Все дѣло въ соз[illegible] разумѣні

Въ мірѣ считается, что очень хорошо наслаждаться любовью, все равно, какъ считалось бы хорошо открыть спасительные клапаны и выпускать изъ нихъ пары; по-Божьему же хорошо только жить истинной жизнью, работать на свой талантъ для Бога, т. е. любить людей, души ихъ, и изъ нихъ перваго, самаго близкаго—свою жену и помогать ей въ уразумѣніи истины, а не заглушать ея способность воспріятія, дѣлая ее орудіемъ своего наслажденія, т. е.—работать паромъ и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не уходилъ въ спасительные клапаны.

„Да этакъ родъ человѣческій прекратился". Во-первыхъ, какъ бы мы строго ни старались о томъ, чтобы не имѣть полового общенія, спасительные клапаны есть, пока они нужны, и будутъ—дѣти. Да и зачѣмъ лгать? Развѣ, защищая половое общеніе, мы заботимся о продолженіи рода? Мы заботимся о своемъ наслажденіи. Такъ и говорить надо. Родъ человѣческій прекратится? Прекратится животное-человѣкъ. Экая бѣда какая! Выродились допотопныя животныя, выродится и человѣческое животное навѣрное (если судить по внѣшности и въ пространствѣ и времени). Пускай его прекращается. Мнѣ такъ же мало жаль этого двуногаго животнаго, какъ и ихтіозавровъ и т. п., только бы прекратилась жизнь истинная, любовь существъ, могущихъ любить. А это не только не прекратится отъ того, что люди изъ любви отрекутся отъ наслажденій похоти, но увеличится въ безчисленное количество разъ, такъ увеличится эта любовь, и существа, испытывающія ее, сдѣлаются такими, что продолженіе рода человѣческаго для нихъ не нужно будетъ. Плотская любовь только затѣмъ и нужна, чтобы не прекратилась возможность выработки изъ людей такихъ существъ.

* * *

Животныя [illegible] половому общенію, только когда можетъ родиться. [illegible] человѣкъ непросвѣщенный, каковы мы всѣ, готовъ [illegible] всегда и даже выдумалъ, что это потребность. [illegible] мнимой потребностью губитъ женщину, вызывая [illegible] время, когда она носитъ или кормитъ—[illegible] неестественную работу—дѣятельность [illegible] и загубили въ женщинѣ этимъ требова[illegible] природу, а потомъ или жалуемся на ея н[illegible] развиваемъ ее книгами и курсами. Да, во[illegible] вѣку еще надо сознательно дойти [illegible] то само собою дѣлается, когда разумѣніе на[illegible] а то дѣятельность разума направляется [illegible] но пр[illegible]вращеніе животной жизни.

* * *

Вопросъ о половыхъ отношеніяхъ между супругами, о томъ, въ какой мѣрѣ они законны, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ практическихъ христіанскихъ, въ родѣ вопроса собственности, и не перестаетъ занимать меня. И какъ всегда, вопросъ этотъ разрѣшенъ въ Евангеліи, и какъ всегда, жизнь наша такъ далека была отъ того рѣшенія, которое даетъ Христосъ, что мы не только не могли и не можемъ приложить христіанскаго рѣшенія, но даже не можемъ понять его. Мѳ. XIX, 11, 12. Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева материнскаго родились такъ; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ.

Вѣдь столь много и ложно перетолковываемое мѣсто это ничего другого не значитъ, какъ то, что если человѣкъ спрашиваетъ, что ему по отношенію полового чувства надо дѣлать, къ чему стремиться, въ чемъ, на нашемъ языкѣ, идеалъ человѣка,—онъ отвѣчаетъ: сдѣлаться скопцомъ для Царства небеснаго. И тотъ, кто достигнетъ этого, тотъ достигнетъ наивысшаго, а кто и не достигнетъ, то и тому будетъ хорошо, что онъ къ этому стремился. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ.

Я думаю, что для блага человѣка, ему, мужчинѣ и женщинѣ, должно стремиться къ полной дѣвственности, и тогда выйдетъ изъ человѣка то, что должно быть. Мѣтить дальше цѣли, чтобы попасть въ цѣль. Если же человѣкъ сознательно будетъ стремиться, какъ это среди насъ, къ половому общенію, хотя бы въ бракѣ, то онъ неизбѣжно попадетъ въ противозаконіе, въ развратъ. Если человѣкъ сознательно будетъ стремиться къ тому, чтобы жить не для брюха, а для духа, тогда его отношеніе къ пищѣ будетъ такое, какое должно быть. Если же человѣкъ впередъ будетъ устраивать себѣ вкусные обѣды, то онъ неизбѣжно впадаетъ въ противозаконіе и развратъ.

* * *

О брачной жизни я много думалъ [illegible]маю,—и какъ всегда бывало со мной, какъ я о чемъ [illegible]инаю думать серьезно, такъ извнѣ меня подстрекаютъ и [illegible] помогаютъ. Третьяго дня я получилъ изъ Америки кни[illegible]ной женщины-доктора (она писала мнѣ) подъ заглавіемъ: „[illegible]ekology" (наука о рожденіи дѣтей) Стокгэнъ, книгу, [illegible]обще превосходную въ отношеніи гигіеническомъ, но [illegible]главное, трактующую въ одной главѣ о томъ самомъ пре[illegible]метѣ, о которомъ мы съ вами переписывались, и рѣшающую вопросъ, разумѣется, въ томъ же смыслѣ, какъ и мы [illegible]ости видѣть, что вопросъ давно поднятъ, и научные а[illegible]ты рѣшаютъ его въ томъ же смыслѣ. Ужасно радост[illegible]стать себя въ темнотѣ и далеко впереди увидать св[illegible]нѣ по эгоизму

моему грустно думать, что я прожилъ свою жизнь по-скотски и что мнѣ нельзя уже исправить свою жизнь, грустно, главное, что скажутъ: „Хорошо тебѣ, умирающему старику, говорить это, а жилъ-то ты не такъ. Мы состарѣемся, тоже будемъ говорить“. Вотъ въ чемъ главная казнь за грѣхи— чувствуешь, что ты недостойное орудіе для передачи воли Бога, испорченное, загрязненное. Но зато есть утѣшеніе, что другіе будутъ таковыми. Помогай вамъ и другимъ Богъ.

* * *

Думалъ между прочимъ для послѣсловія: Бракъ былъ прежде—пріобрѣтеніе жены для обладанія ею. Опять отношеніе къ женщинѣ установилось войною, плѣномъ. Мужчина себѣ устроилъ возможность своей похоти, не думая о женщинѣ,—гаремъ. Единобрачіе измѣнило количество женъ, но не отношеніе къ ней. Отношеніе же истинное— совсѣмъ обратное. Мужчина можетъ всегда имѣть женщину и всегда можетъ воздерживаться; женщина же (особенно, познавшая мужа) съ гораздо большимъ трудомъ можетъ воздерживаться тогда, когда можетъ имѣть общеніе, что съ ней бываетъ въ два года разъ. И потому, если уже кто можетъ требовать удовлетворенія, то никакъ не мужчина, а женщина. Женщина можетъ требовать этого, потому что для нея это не Genuss [1]), какъ для мужчины, а напротивъ, она и съ болью отдается, и боли ожидаетъ,—и боли и страданій, и заботъ. Кажется, что такъ формулировать надо бракъ: сходятся, любя духовно другъ другу, что если они будутъ имѣть дѣтей, то только другъ съ другомъ. Требованіе же плотскаго общенія должно итти отъ нея, а не отъ него.

* * *

Я думаю, во-первыхъ, что вы совершенно неправильно судите о томъ, что вамъ не должно обращаться къ отцу вашихъ дѣтей (вы пишете: не хочу и не могу). Связь между мужчиной и женщиной, отъ которыхъ родились дѣти, есть связь неразрывная, независимо отъ того, освящена ли эта связь внѣшнимъ образомъ, церковнымъ бракомъ. И потому я думаю, что кто бы такой ни былъ отецъ вашихъ дѣтей, женатъ онъ или холостъ, богатъ или бѣденъ, дуренъ или хорошъ, оскорбилъ ли васъ или не оскорбилъ, вы должны обратиться къ нему и указать ему, если онъ пренебрегъ ею, его обязанность служить своей жизнью своимъ дѣтямъ и ихъ матери. Если бы онъ отвѣтилъ на это не только равнодушіемъ, но презрѣніемъ и оскорбленіемъ, вы все-таки

---

[1]) Наслажденіе Р. е. д.

обязаны передъ Богомъ, передъ собой, передъ дѣтьми и, главное, передъ нимъ обратиться къ нему, напомнить ему, просить его для него же самого исполнить свою обязанность,—просить кротко, любовно, но упорно, какъ евангельская вдова судью. Это мое обдуманное и искреннее мнѣніе; можете оставить его безъ вниманія или послѣдовать ему. Я же чувствовалъ себя обязаннымъ—высказать его вамъ.

* * *

Физическая связь съ случайнымъ супругомъ *) есть одно изъ установленныхъ Богомъ средствъ для распространенія Его истины: для испытанія, укрѣпленія сильнѣйшаго и для просвѣщенія слабѣйшаго.

* * *

Въ библіи и Евангеліи сказано, что мужъ и жена не два существа, а одно, и это справедливо не потому, что это будто бы сказано Богомъ, а потому, что есть утвержденіе несомнѣнной истины о томъ, что половое общеніе двухъ существъ, имѣющее послѣдствіемъ дѣторожденіе, соединяетъ эти существа какимъ-то особеннымъ отъ всѣхъ другихъ соединеній, таинственнымъ образомъ, такъ что эти двое въ извѣстномъ отношеніи перестаютъ быть двое, а становятся однимъ существомъ.

И потому я думаю, что стремиться къ цѣломудрію, прекращенію таковыхъ отношеній можетъ и должно это совокупное существо, т. е. оба супруга вмѣстѣ, и тотъ, кто впереди въ этомъ отношеніи,—стараться воздѣйствовать на другого всѣми находящимися въ его рукахъ средствами: простотою жизни, примѣромъ, убѣжденіемъ. До тѣхъ же поръ, пока оба не сошлись въ одномъ желаніи,—нести вмѣстѣ тяжесть грѣховъ своего совокупнаго существа.

Вѣдь дѣлаемъ же мы по своимъ страстямъ дѣла намъ противныя, противныя нашей совѣсти; точно также приходится дѣлать дѣла, противныя нашей совѣсти, если только не считать себя отдѣльнымъ существомъ, а частью совокупнаго существа двухъ супруговъ. Дѣло только въ томъ, чтобы, какъ при своихъ личныхъ соблазнахъ, такъ и въ этомъ соблазнѣ этого совокупнаго существа, ни на минуту не признавать грѣхъ не грѣхомъ—не переставать бороться.

Вы правы, говоря, что есть обязанности къ самому себѣ, образу и подобію Божію, и человѣкъ не можетъ и не долженъ допускать оскверненія своего дѣла; но это относится не къ тѣмъ брачнымъ отношеніямъ, отъ которыхъ были и могутъ быть дѣти. Рожденіе дѣтей и воспитаніе,

*) Т. е. съ такимъ супругомъ, съ которымъ сближеніе состоялось не на почвѣ духовнаго единенія. Ред.

кормленіе ихъ уничтожаетъ большую долю тяжести и преступности этихъ отношеній и, кромѣ того, на долгое время беременности и кормленія освобождаетъ отъ нихъ.

Разсуждать о томъ, благо или не благо рожденіе дѣтей, не наше дѣло. Тотъ, кто установилъ это искупленіе за грѣхъ нарушенія цѣломудрія, зналъ, что Онъ дѣлаетъ.

Да и простите меня, если то, что я скажу, покажется вамъ непріятнымъ: въ томъ, что вы говорите о томъ, что, рожая дѣтей, становишься все нервнѣе и нервнѣе, выражается нехорошая, грубо эгоистическая черта. Вы живете не за тѣмъ, чтобы вамъ быть веселой и здоровой, а за тѣмъ, чтобы дѣлать то дѣло, къ которому вы приставлены. Дѣло же это состоитъ въ томъ, кромѣ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ вашей внутренней жизни,—чтобы, если вы впереди своего мужа въ дѣлѣ цѣломудрія, помогать ему двигаться на этомъ пути, и въ томъ, чтобы, если вы сами не исполнили всего, что отъ васъ требуется,—дать міру другія существа, которыя будутъ имѣть возможность исполнить это.

Кромѣ того, если существуютъ между супругами извѣстныя отношенія, то участвуютъ въ нихъ непремѣнно оба. Если одинъ изъ супруговъ болѣе страстенъ, то другому уже кажется, что онъ совершенно цѣломудренъ; но это несправедливо.

Я думаю—несправедливо и въ вашемъ случаѣ. Вамъ только не видно своего грѣха изъ-за болѣе замѣтнаго грѣха другого. Если бы вы были совершенно чисты въ этомъ отношеніи, вы бы были равнодушны къ тому, гдѣ будетъ искать вашъ мужъ удовлетворенія своей страсти, — равнодушны въ смыслѣ ревности, а только жалѣли бы его за его паденіе: но этого нѣтъ.

Если бы вы потребовали отъ меня практическаго совѣта, какъ поступить, я сказалъ бы: выберите лучшую минуту чистаго любовнаго настроенія въ вашемъ мужѣ и скажите ему, какъ тяжелы, мучительны для васъ эти отношенія, и какъ страстно вы желаете избавиться отъ нихъ. Если, какъ вы пишете, онъ не согласенъ съ вами, что цѣломудріе хорошо, и будетъ настаивать,—покоритесь и, если вы будете беременны, чего вы должны желать, потребуйте своей свободы во все время беременности и кормленія. И опять дѣлайте то же и не заботьтесь о томъ, что выйдетъ изъ этого.

Кромѣ хорошаго, изъ этого ни для васъ, ни для вашего мужа, ни для вашихъ дѣтей ничего выйти не можетъ, потому что, поступая такъ, вы будете искать не своего счастья и спокойствія, а исполненія того, чего хочетъ отъ васъ Богъ.

Простите, если что нехорошо написалъ; старался передъ Богомъ высказать то, что пережилъ и передумалъ объ этомъ вопросѣ.

* * *

Тяжелыя отношенія съ женой (или мужемъ) можетъ распутать только смиренная жизнь, какъ узелъ — только покорное слѣдованіе всѣмъ клубкомъ за ниткой.

* * *

Повѣрьте, что хорошихъ самихъ по себѣ внѣшнихъ условій нѣтъ, и неразумный человѣкъ, женатый на ангелѣ и другой, женатый на дьяволѣ, одинаково недовольны, и что много, не только много, но почти всѣ недовольные своимъ супружествомъ люди (а они всѣ недовольны), всѣ считаютъ, что хуже ихъ положенія не можетъ быть. Стало быть, все равно.

* * *

Глядишь на женщину, какъ на предметъ наслажденія хотя бы то была, и даже тѣмъ болѣе если это твоя жена то ты прелюбодѣйствуешь и грѣшишь. При исполненіи закона хлѣбнаго труда, совокупленіе имѣетъ цѣль внѣличнаго наслажденія, помощника, продолжателя: но при избыткѣ,— одинъ развратъ.

* * *

... Садовница опять родила, опять пріѣхала старуха и увезла ребенка неизвѣстно куда.

Всѣ страшно возмущены. Употребленіе средствъ для нерожденія—ничего, а для этого нѣтъ достаточно осудительныхъ словъ.

Нынче узналось, что бабка вернулась и привезла назадъ ребенка. Дорогой бабка съѣхалась съ другими, везшими такихъ же дѣтей. Изъ этихъ дѣтей одному дали слишкомъ глубоко въ ротъ рожокъ. Онъ втянулъ его въ себя и задохся. Въ одинъ день привезли въ Москву 25 дѣтей. Изъ этихъ 25-ти девятерыхъ не приняли, потому что законныя или больныя.

N. ходила утромъ усовѣщевать садовницу. Садовница, горячо выгораживая своего мужа, говорила, что при ихъ бѣдности и неопредѣленности жизни ей нельзя имѣть дѣтей. И грудь не беретъ. Однимъ словомъ ей неудобно...

Передъ самымъ же этимъ я на качеляхъ качалъ трехъ дѣтей, заброшенныхъ, и встрѣтился мнѣ еще мальчикъ, Васичъ племянникъ. Вообще кишитъ дѣтвора. Родятся, растутъ, чтобы сдѣлаться пьяницами, сифилитиками, дикарями.

При этомъ толкуютъ о спасеніи жизни людей и дѣтей и объ уничтоженіи ихъ. Да зачѣмъ плодить дикарей? Что тутъ хорошаго? Не убивать ихъ, не перестать плодить ихъ надо, а надо всѣ силы употреблять на то, чтобы изъ дика-

рей дѣлать людей. Только это одно доброе дѣло [illegible] не одними словами, но примѣромъ жизни.

* * *

Если же палъ или пала, то знать, что искупленія этого грѣха нѣтъ иного, какъ: 1) освободиться вмѣстѣ отъ соблазна похоти и 2) воспитать дѣтей, слугъ Богу.

* * *

Будьте оба (мужъ и жена) осторожны, внимательны больше всего другого къ взаимнымъ отношеніямъ, чтобы не закрались привычки раздраженія, отчужденности. Не легкое дѣло стать одною душою и однимъ тѣломъ. Надо постараться. Но и награда за старанье большая. А средство я знаю одно главное: ни на минуту изъ-за любви супружеской не забывать, не утрачивать любви и уваженія какъ человѣка къ человѣку. Чтобы были отношенія какъ мужа съ женою,—но въ основѣ всего, чтобъ были отношенія какъ къ постороннему, къ ближнему—это то отношеніе главное. Въ нихъ держава.

* * *

Не усиливайте своей привязанности другъ къ другу, но всѣми силами усиливайте осторожность въ отношеніяхъ, чуткость, чтобы не было столкновеній. Это привычка ужасная. Ни съ кѣмъ, какъ съ женой и мужемъ, нѣтъ такихъ близкихъ всесторонныхъ отношеній, и мы всегда отъ этого самаго забываемъ думать о нихъ, сознавать ихъ, какъ перестаемъ сознавать свое тѣло. И это-то бѣда.

* * *

... Для того, чтобы двумъ супругамъ быть счастливыми, какъ это пишется въ романахъ и какъ этого желаетъ всякое сердце человѣческое, нужно, чтобы было между ними согласіе. Для того же, чтобы было согласіе, нужно, чтобы мужъ и жена совершенно одинаково смотрѣли на міръ и на смыслъ жизни (это особенно нужно по отношенію дѣтей). То же, чтобы мужъ и жена одинаково понимали жизнь, стояли бы на одной и той же степени пониманія, такъ же рѣдко можетъ случиться, какъ то, чтобы одинъ листъ де- рева вполнѣ покрывалъ другой. А такъ какъ этого нѣтъ, то единственная возможность согласія, и потому счастіе, состоитъ въ томъ, чтобы одинъ изъ двухъ подчинилъ свое пониманіе другому.

И вотъ тутъ-то главное затрудненіе, супругу съ выс-

шимъ пониманіемъ, несмотря на все желаніе, нельзя [illegible] согласія не чинить его низшему. Можно для [illegible] спать, не ѣсть, копать [illegible] для цвѣтовъ и т. п., но невозможно дѣлать то, что считаешь дурнымъ, грѣховымъ, не только неразумнымъ, но прямо противнымъ разуму и не добрымъ. Несмотря на все сознаніе того, что счастіе обоихъ зависитъ отъ согласія, — что это согласіе нужно для счастія и правильнаго воспитанія дѣтей, не можетъ жена содѣйствовать пьянству или картежной игрѣ мужа, и не можетъ мужъ содѣйствовать баламъ жены и обученію дѣтей танцамъ и фехтованію, закону Божью по катехизису Филарета.

Для соблюденія согласія и не только счастія, но истиннаго блага, которое совпадаетъ съ любовью и единеніемъ, нужно тому, кто, стоя на низшей степени пониманія, чувствуетъ болѣе высокое пониманіе другого, — покориться, и не то чтобы покориться въ дѣлахъ житейскихъ, практическихъ, въ томъ, что ѣсть, какъ ѣсть, какъ одѣваться, помѣщаться, а покориться въ правленіи жизни, въ цѣляхъ дѣятельности.

Если бы оказалось, что я люблю больше, чѣмъ своихъ дѣтей, игру на билліардѣ, или скачки, или свое тщеславіе, тогда бы еще это могъ быть упрекъ; или если бы оказалось, что я трусъ и боюсь итти противъ существующаго порядка, чтобы не нарушить своего спокойствія, тогда бы еще эти упреки могли тронуть меня. Но если я люблю Бога, т. е. добро и истину, то я навѣрно наилучшимъ образомъ, люблю дѣтей и для нихъ дѣлаю самое лучшее, что могу сдѣлать.

... Для счастья, больше—для истиннаго блага двухъ супруговъ и дѣтей, которыя живутъ съ ними, и для блага всѣхъ близкихъ имъ нужно согласіе супруговъ; разъединеніе, ссоры, — это несчастіе для нихъ, для дѣтей, это соблазнъ для людей, это самый ужасный адъ. Для того, чтобы этого не было, нужно только одно: одному изъ двухъ супруговъ покориться.

... Мнѣ кажется, что тому изъ двухъ супруговъ, который чувствуетъ, что другая его половина стоитъ выше его, понимаетъ что-то не вполнѣ доступное ему, но хорошее, божеское,—это всегда чувствуется,—такъ легко и радостно покориться, что удивляешься когда не дѣлаютъ этого...

* * *

Нужно соединить служеніе людямъ и служеніе семьѣ, не механически распредѣляя время на то и другое, а химически, придавъ заботѣ о семьѣ, воспитанію дѣтей идеальное, служебное людямъ значеніе. Бракъ настоящій бракъ появляющійся въ рожденіи дѣтей, есть въ своемъ

истинномъ значеніи только непосредственное служеніе Богу, служеніе Богу черезъ дѣтей. Отъ этого-то бракъ, супружеская любовь, всегда испытывается нами, какъ нѣкоторое облегченіе, успокоеніе. Это есть моментъ передачи своего дѣла другому. „Если я, молъ, не сдѣлалъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, такъ вотъ на мою смѣну — мои дѣти, они будутъ дѣлать.“

Но въ томъ-то и дѣло, чтобы они дѣлали, чтобы ихъ воспитать такъ, чтобы они были не помѣхой дѣла Божія, а работниками его; чтобы, если я не могъ, или не могла служить тому идеалу, который стоялъ передо мною, то сдѣлать все возможное для того, чтобы дѣти служили ему. И это даетъ цѣлую программу и весь характеръ воспитанія, даетъ воспитанію религіозный смыслъ; и это-то химически и соединяетъ въ одно лучшія, самоотверженныя стремленія юности и заботу о семьѣ.

* * *

Вновь прибывшаго Ивана *) привѣтствую. Откуда онъ? зачѣмъ онъ? куда онъ? и кто онъ? Хорошо тѣмъ, для кого протоплазма составляетъ достаточный отвѣтъ на эти вопросы; кого же не удовлетворяетъ этотъ отвѣтъ, тѣмъ неизбѣжно надо вѣрить въ то, что есть глубокій смыслъ въ появленіи и жизни Ивана, и что смыслъ этотъ мы поймемъ настолько, насколько мы сдѣлаемъ все, что должно по отношенію къ нему—къ Ивану.

* * *

Семейнымъ людямъ надо или бросить женъ и дѣтей, а этого нельзя сдѣлать, или жить осѣдло. А то это кочеванье должно быть мучительно женамъ, которыя большею частью (да простятъ онѣ меня), въ лучшемъ случаѣ, ведя христіанскую жизнь, ведутъ ее не для мужей. И имъ, бѣднымъ, это трудно. И потому, мнѣ кажется, ихъ надо беречь и жалѣть. Еле-еле у мужа съ женою установится кое-какое равновѣсіе, кое-какъ они стапутъ на ноги, а тутъ трудность переселенія, новаго устройства. И имъ не посиламъ, и все съ трудомъ воздвигнутое зданіе заваливается. Я знаю, вы скажете, что и не нужно жить съ семьей: оставь жену, дѣтей,—что это сказано Христомъ; но я думаю, что это можно сдѣлать только по взаимному согласію, и есть другое слово Христа, и болѣе обязательное: мужъ и жена не двое, а одна плоть, и что кого Богъ соединилъ, человѣкъ не можетъ разъединить. Надо не жениться, какъ вы и другіе счастливые и сильные, но, женившись и имѣя дѣ-

---

*) По поводу рожденія ребенка въ семьѣ друга. Ред.

тей, нельзя нарушить того, что сдѣлано, нельзя стереть грѣхъ, а надо нести послѣдствія его. И я думаю, что требовать или совѣтовать мужьямъ бросать женъ — большой грѣхъ. Правда, кажется, что дѣло Божье выиграетъ отъ этого, что безъ жены я сдѣлаю много больше того, что теперь, но вѣдь часто это кажется только. Если бы я могъ быть вполнѣ чистъ, вполнѣ безъ грѣха, тогда бы такъ. Не надо этого требовать и совѣтовать еще и потому, что при такомъ взглядѣ люди согрѣшившіе, т. е. женатые, представляются самимъ себѣ и другимъ отпѣтыми, и это нехорошо. Я думаю, что и грѣшные, и слабые люди могутъ служить Богу.

Разъ согрѣшивъ бракомъ, надо нести послѣдствія своего грѣха наилучшимъ, наихристіаннѣйшимъ образомъ, а не освобождаться отъ него, дѣлая новый грѣхъ, и надо въ этомъ положеніи всѣми силами служить Богу.

* * *

Вы слишкомъ прямолинейно понимаете слова Евангелія: оставь отца и мать, и жену, и дѣтей и иди за мной. О значеніи этихъ словъ,—главное, о томъ, какъ должно разрѣшать тѣ столкновенія и противорѣчія, которыя происходятъ между семейными связями и требованіями Христа, т. е. истины,—думаю, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ не можетъ быть извнѣ; посредствомъ правила или предписанія, а каждый рѣшаетъ ихъ по своимъ силамъ. Идеалъ, разумѣется, остается всегда одинъ и высказанъ въ Евангеліи: оставь жену и иди за мной. Но до какой степени можетъ человѣкъ это сдѣлать, это знаетъ только онъ самъ и Богъ.

Вы спрашиваете, что значитъ „оставь жену". Значитъ ли это уйти отъ нея или перестать спать съ ней и перестать производить дѣтей? Разумѣется, оставить значитъ сдѣлать такъ, чтобы жена была, какъ не жена, а какъ всякая другая женщина—сестра. Въ этомъ идеалъ. И сдѣлать это надо такъ, чтобы не раздражать жену, не соблазнить ее, не ввергнуть ее въ злобу и соблазнъ. И это ужасно трудно. И женатый человѣкъ, стремящійся къ христіанской жизни, чувствуетъ сердцемъ всю трудность залѣчиванія этой имъ самимъ сдѣланной раны. Одно я думаю и говорю... это то, чтобы, будучи женатымъ, всю жизнь свою и всѣ силы свои напрягать на то, чтобы разжениться, не увеличивъ грѣха.

* * *

Да, идеалъ Христова служенія Отцу, это служеніе, прежде всего исключающее заботу какъ о жизни, такъ и о продолженіи рода. До сихъ поръ попытка отказа отъ этихъ

заботъ не прекратила рода человѣческаго. Что дальше будетъ, не знаю.

* * *

Я не люблю говорить про особенности нашего времени, но въ отношеніяхъ мужей и женъ, мужчинъ и женщинъ, во всѣхъ христіанскихъ странахъ, среди богатыхъ и бѣдныхъ есть что-то особенное. Такъ, отношенія мужей съ женами, мнѣ кажется, портятся тѣмъ духомъ не только непокорности, но враждебности женщинъ къ мужчинамъ, задора, желанія показать, что онѣ не хуже ихъ, что онѣ могутъ дѣлать все то же, что и мужчины и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ того нравственнаго, религіознаго чувства, замѣняющагося у женщинъ, когда оно раньше и было, материнскимъ чувствомъ. Я думаю, что женщины совершенно равны мужчинамъ, но какъ скоро онѣ выходятъ замужъ и становятся матерями, въ супружской четѣ естественно происходитъ раздѣленіе труда. Материнскія чувства поглощаютъ такъ много энергіи, что ея уже не достаетъ для нравственнаго руководства, и нравственное руководство это естественно переходитъ къ мужу. Такъ это и было съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ міръ. Теперь же, послѣ злоупотребленія этимъ естественнымъ порядкомъ вещей, — когда руководство мужчины утверждалось грубымъ насиліемъ, и женщины были освобождены христіанствомъ... — женщина перестала повиноваться мужчинѣ изъ страха, или предоставлять ему руководительство жизни изъ сознанія того, что такъ лучше; и началась путаница и разстройство жизни, которое замѣтно во всѣхъ слояхъ общества и при всякихъ условіяхъ.

* * *

Мода умственная — восхвалять женщинъ и утверждать, что онѣ не только равны по духовнымъ способностямъ, но выше мужчинъ,—очень скверная и вредная мода.

То, что женщины не должны быть ограничены ни въ какихъ правахъ, то, что къ женщинѣ надо относиться такъ же, съ тѣмъ же уваженіемъ и любовью, какъ и къ мужчинѣ, что она равна въ правахъ съ мужчиной,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но утверждать, что женщина, въ среднемъ, одарена тою же духовною силою, какъ и мужчина, ожидать встрѣтить въ каждой женщинѣ то же, что ожидаешь встрѣтить въ каждомъ мужчинѣ, значитъ умышленно обманывать себя, и—обманывать себя во вредъ женщинѣ.

Если мы будемъ ждать отъ женщины того, чего ждемъ отъ мужчины, то и будемъ требовать этого; а не встрѣтимъ

требуемаго, — будемъ раздражаться, будемъ приписывать злой волѣ то, что происходитъ отъ невозможности.

Такъ что признаніе женщины тѣмъ, что она есть,— болѣе слабымъ духовно существомъ,—не есть жестокость къ женщинѣ; признаніе ихъ равными есть жестокость.

Слабостью или меньшей силой духовной я называю меньшую покорность плоти духу, въ особенности—главная черта женская—меньшую вѣру велѣніямъ разума.

* * *

Наибольшее число страданій, вытекающихъ изъ общенія мужчинъ и женщинъ, вытекаетъ отъ [illegible]шеннаго непониманія одного пола другимъ.

Рѣдкій мужчина понимаетъ, что значитъ для женщинъ дѣти, какое мѣсто они занимаютъ въ ихъ жизни; и еще болѣе рѣдкая женщина понимаетъ, что значитъ для мужчины долгъ чести, долгъ общественный, долгъ религіозный.

* * *

Мужчина можетъ понять, хотя самъ носилъ и не рожалъ, что и носить, и рожать—и тяжело, и больно, и что это дѣло важное; но женщина рѣдкая можетъ понять, что носить и рожать духовно новое жизнепониманіе и тяжело, и дѣло важное. Онѣ поймутъ это на минутку, но сейчасъ же забываютъ. И какъ только на сцену выступаютъ заботы ихъ, хоть хозяйство, наряды, такъ онѣ не могутъ уже помнить о реальности убѣжденій мужчинъ, и все это кажется имъ выдумками нереальными въ сравненіи съ пирогами и ситчиками.

* * *

Поразила меня мысль о томъ, что одна изъ главныхъ причинъ враждебнаго чувства мужей и женъ это соперничество ихъ въ дѣлѣ веденія семьи.

Женѣ нужно не признавать мужа разумнымъ и практичнымъ, потому что, если бы она признавала его таковымъ, то бы надо было дѣлать его волю, и наоборотъ.

Если бы я теперь писалъ «Крейцерову сонату», я бы выдвинулъ это.

* * *

Нелѣпость нашей жизни происходитъ отъ власти женщинъ; власть же женщинъ происходитъ отъ невоздержанія мужчинъ; такъ что причина безобразія жизни — невоздержаніе мужчинъ.

* * *

Женщина привлекательная говоритъ себѣ: «онъ умный, онъ ученый, онъ славный, онъ богатый, онъ великій, онъ нравственный, святой; а онъ мнѣ—глупой, невѣжественной, бѣдной, ничтожной, безнравственной, — покоряется; стало быть, и умъ, и ученость... и все—пустяки». Это ихъ губитъ и дѣлаетъ ихъ дурными.

* * *

Въ концѣ концовъ всегда властвуютъ тѣ, надъ которыми производится насиліе, т. е. тѣ, которые исполняютъ законъ непротивленія. Такъ, женщины ищутъ правъ, а онѣ властвуютъ и [illegible] потому что онѣ подчинены и были, и суть—силѣ. Рожденія во власти мужчинъ, а общественное мнѣніе во власти женщинъ. И общественное мнѣніе въ милліонъ разъ сильнѣе всякихъ законовъ и войска. Доказательство того, что общественное мнѣніе въ рукахъ женщинъ,—то, что не только устройство жилищъ, пищи опредѣляется женщинами,—расходуютъ богатства, слѣдовательно, руководятъ работами людей—женщины; успѣхъ произведеній искусства, книгъ, даже назначеніе правителей опредѣляется общественнымъ мнѣніемъ, а общественное мнѣніе опредѣляется женщинами.

Хорошо кто-то сказалъ, что мужчинамъ надо искать эмансипаціи отъ женщинъ, а не наоборотъ.

* * *

Женщинамъ свойственно поддерживать жизнь рожденіемъ, воспитаніемъ дѣтей, поставленіемъ новыхъ силъ, вмѣсто потраченныхъ; мужчинамъ свойственно направлять эти силы, т. е. самую жизнь. И тотъ, и другой можетъ дѣлать и то, и другое; но—свойственно.

* * *

Что можетъ быть глупѣе и вреднѣе для женщинъ модныхъ толковъ о равенствѣ половъ, даже о превосходствѣ женщинъ надъ мужчинами. Для человѣка съ христіанскимъ міросозерцаніемъ не можетъ быть, само собою разумѣется, вопроса о томъ, чтобы предоставить какія-нибудь права исключительно мужчинѣ, о томъ, чтобы не уважать и не любить женщину такъ же, какъ и всякаго человѣка; но утверждать, что женщина имѣетъ тѣ же духовныя силы, какъ и мужчина,—особенно то, что женщина можетъ быть такъ же руководима разумомъ — можетъ такъ же вѣрить ему, какъ и мужчина, это значитъ требовать отъ женщины того, чего она не можетъ дать (я не говорю объ исключеніяхъ, а о средней женщинѣ и среднемъ мужчинѣ), и вызывать къ ней раздраженіе, основанное на предположеніи,

что она не хочетъ дѣлать того, чего она не можетъ дѣлать, не имѣя для этого категорическаго императива въ разумѣ.

* * *

Если вопросъ въ томъ, что устраненіе себя мужчиной отъ тѣхъ заботъ и трудовъ, которые вытекаютъ изъ воспитанія, или скорѣе изъ ухода за маленькими дѣтьми: отъ укладыванія ихъ спать, мытья ихъ и вообще всякаго бѣлья, отъ приготовленія имъ, да и всѣмъ пищи, отъ шитья имъ одежды и т. п.,—то это въ высшей степени не только не христіански, не добро, но несправедливо.

Женщина и такъ неизбѣжно несетъ самую большую долю труда ношенія и вскормленія грудью дѣтей, а потому, казалось бы, естественно, что всѣ остальныя заботы мужчина долженъ бы брать на себя въ той мѣрѣ, въ которой это возможно безъ помѣхи его дѣлу, тоже нужнаго для семьи. И такъ бы это непременно было, если бы варварскій обычай взваливать всю тяжесть работы на болѣе слабыхъ и потому покоренныхъ такъ прочно не установился въ нашемъ обществѣ. Обычай этотъ такъ въѣлся въ наши привычки, что, несмотря на признаваемое мужчинами равенство женщины, самый либеральный мужчина, такъ же какъ и самый рыцарскій учтивый, будетъ горой стоять за право женщины быть профессоромъ, священникомъ или съ опасностью жизни бросится поднимать платокъ, уроненный женщиной, и т. п., но не догадается пойти выстирать пеленки, которыя загадилъ ихъ общій ребенокъ, или сшить портки сынишкѣ, когда жена беременна, кормитъ или просто устала, или просто хочетъ за то пропущенное время въ ношеніи и кормленіи почитать или подумать.

Общественное мнѣніе такъ извращено въ этомъ направленіи, что такія поступки найдутъ ridicules, и нужно много мужества, чтобы совершать ихъ.

* * *

Вотъ гдѣ настоящая эмансипація женщины:

Не считать никакого дѣла бабьимъ дѣломъ, такимъ, къ которому совѣстно притронуться, и всѣми силами, именно потому, что онѣ физически слабѣе, помогать имъ, брать отъ нихъ всю ту работу, которую можно взять на себя.

Точно такъ же и въ воспитаніи дѣвочекъ, имѣя въ виду то, что имъ, вѣроятно, придется родить, и потому меньше будетъ досуга, именно въ виду этого, устраивать для нихъ школы не хуже, но лучше мужскихъ, чтобы онѣ впередъ набрали силъ и знаній. А онѣ на это способны.

* * *

То, что по отношенію женщинъ и ихъ труда существуетъ много очень вредныхъ, изъ древности укоренившихся предразсудковъ, совершенно справедливо, и еще болѣе справедливо, что надо бороться противъ нихъ. Но не думаю, чтобы общество, которое будетъ устраивать читальни и помѣщенія для женщинъ, было бы средствомъ борьбы. Меня не то возмущаетъ, что женщина получаетъ меньше жалованья, чѣмъ мужчина,—цѣны устанавливаются достоинствомъ труда,—меня возмущаетъ то, что на женщину, которая носитъ, кормитъ, воспитываетъ маленькихъ дѣтей, наваленъ еще трудъ кухни, жариться у печи, мыть посуду, стирать бѣлье, шить одежды, мыть столы, полы, окна. Почему весь этотъ трудъ, страшно тяжелый, наваленъ исключительно на женщину? Мужику, фабричному, чиновнику и всякому мужчинѣ бываетъ дѣлать нечего, но онъ будетъ лежать и курить, предоставляя женщинѣ (и женщина покоряется) часто беременной, больной, съ дѣтьми,—жариться у печи или нести страшный трудъ стирки бѣлья или ночного ухаживанья за больнымъ ребенкомъ. И все же это отъ суевѣрія, что есть какой-то бабій трудъ.

Это страшное зло, и отъ этого неисчислимыя болѣзни несчастныхъ женщинъ, преждевременная старость, смерть, отупѣніе самихъ женщинъ и ихъ дѣтей.

* * *

Для согласія супруговъ надо, чтобы во взглядѣ на міръ и жизнь, если они не совпадаютъ, тотъ, кто менѣе думалъ, покорился бы тому, кто думалъ болѣе.

* * *

Женщины всегда признавали надъ собою власть мужчины. И не могло быть иначе въ мірѣ нехристіанскомъ. Мужчина сильнѣе и мужчина властвовалъ. Такъ было во всемъ мірѣ (исключая сомнительныхъ амазонокъ и закона материнства), и такъ и теперь среди 0,999 рода человѣческаго. Но явилось христіанство и признало совершенно не въ силѣ, а въ любви, и тѣмъ освободило всѣхъ покоренныхъ и плѣнныхъ, и рабовъ, и женщинъ. Но для того, чтобы свобода рабовъ и женщины не была бѣдствіемъ, нужно, чтобы освобожденные были христіанѣ, т. е. полагали жизнь свою въ служеніи Богу и людямъ, а не въ служеніи себѣ... Что же нужно дѣлать? Дѣлать нужно одно: привлекать людей къ христіанству, обращать ихъ въ христіанъ. Дѣлать же это можно, только исполняя въ жизни законъ Христа.

Я, между прочимъ, еще много думалъ о женщинахъ, о бракѣ, и хотѣлось бы высказать. Разумѣется, не о современныхъ кумушкахъ нашего времени—курсахъ, а о вели-

комъ вѣчномъ назначеніи женщины. Много превратнаго въ этомъ отношеніи проповѣдуется именно въ кружкахъ интеллигентныхъ женщинъ и именно вотъ, что напримѣръ, проповѣдуется, что женщина должна не быть исключительной—не должна любить своихъ дѣтей больше, чѣмъ другихъ. Проповѣдуется много разнаго туманнаго, неяснаго о развитіи, о равенствѣ съ мужчиной, но это положеніе о томъ, что женщина не должна любить своихъ дѣтей больше чужихъ, проповѣдуется всегда, вездѣ считается аксіомой и, какъ практическое правило, заключаетъ въ себѣ всю сущность ученія; а оно-то—это положеніе—совершенно ложно.

* * *

Призваніе всякаго человѣка [1])—и мужчины, и женщины—въ томъ, чтобы служить людямъ. Съ этимъ общимъ положеніемъ, я думаю, согласны всѣ небезнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами въ исполненіи этого назначенія есть большая по средствамъ, которыми они служатъ людямъ. Мужчина служитъ людямъ и физическимъ, и умственнымъ, и нравственнымъ трудомъ. Средства его служенія очень многообразны. Вся дѣятельность человѣчества, за исключеніемъ дѣторожденія и кормленія составляетъ поприще его служенія людямъ. Женщина же, кромѣ своей возможности служенія людямъ всѣми тѣми же, какъ и мужчина, сторонами своего существа, по строенію своему призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, которое одно исключено изъ области служенія мужчины. Служеніе человѣчеству само собой раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самого человѣчества. Къ первому призваны преимущественно мужчины, такъ какъ они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, такъ какъ онѣ исключительно способны къ нему. Этого различія нельзя, не должно и грѣшно (т. е. ошибочно) не помнить и стирать, какъ это стараются дѣлать. Изъ этого же различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ, обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Изъ того же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существенная въ съ[illegible] и теперь существующая и никогда не могущая[illegible]женъ только существовать, пока въ людяхъ будетъ ра[illegible]. И такимъ од-[illegible]й причинѣ, что, [illegible]мъ руководите-[illegible]ны? Нисколько. [illegible] равны. [illegible]ны требуютъ не [illegible] то, что семья [illegible]адается. Отно-

[1]) Считаемъ необходимымъ предупредить чит[illegible]дующій отрывокъ, какъ и другіе подобнаго же соде[illegible]саны авторомъ *раньше* окончательной выработки имъ половой вопросъ выраженнаго въ „*Послѣсловіи къ Кр*[illegible]О томъ, какъ можно примирить кажущееся противорѣ[illegible]нимъ и пос[illegible]дующимъ взглядами на этотъ вопрос[illegible] нашемъ пр[illegible]словіи къ настоящей брошюрѣ. *Ред.*

И всегда было, и будетъ то, что мужчина, проведшій свою жизнь въ мужскомъ многообразномъ трудѣ, и женщина, проведшая жизнь, въ рожденіи, кормленіи и возраженіи *своихъ* дѣтей, будутъ чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и будутъ возбуждать уваженіе и любовь людей, потому что оба исполнили свое несомнѣнное призваніе. Призваніе мужчины многообразнѣе и шире, призванія женщины однообразнѣе и уже, но глубже и потому всегда было и будетъ то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается не дурнымъ, не вреднымъ человѣкомъ исполнивъ $^{9}/_{10}$ своего призванія. Женщина же, имѣющая три обязанности, измѣнивъ одной изъ нихъ, исполняетъ только $^{2}/_{3}$ и, измѣнивъ двумъ, дѣлается уже отрицательной—вредной. Таково всегда было общее мнѣніе и таково всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла. Мужчина, для исполненія воли Бога, долженъ служить ему и области физическаго труда и мысли, и нравственности; онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначеніе; для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кромѣ нея, никто не можетъ этого сдѣлать)—дѣти.

Только черезъ дѣла свои призванъ служить Богу и людямъ мужчина, только черезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина.

И потому любовь къ своимъ дѣтямъ, вложенная въ женщину, исключительная любовь, съ которой совершенно напрасно бороться разсудочно, всегда будетъ и должна быть свойственна женщинѣ-матери. Любовь эта къ ребенку въ младенчествѣ есть вовсе не эгоизмъ, какъ это ложно учатъ, а это есть любовь работника къ той работѣ, которую онъ дѣлаетъ въ то время, какъ она у него въ рукахъ. Отнимите эту любовь къ предмету своей работы—и невозможна работа.

Пока я дѣлаю сапогъ, я его люблю больше всего, какъ мать ребенка; испортятъ мнѣ его, я буду въ отчаяніи; но я люблю его такъ до тѣхъ поръ, пока работаю. Когда сработалъ—остается привязанность, предпочтеніе слабое и незаконн[illegible] то же и съ матерью.

[illegible]ваніи [illegible]на призванъ служить людямъ черезъ многообраз-н[illegible] онъ любитъ эти работы, пока ихъ дѣлаетъ; [illegible]ача служить людямъ черезъ своихъ дѣтей, [illegible]не любить этихъ своихъ дѣтей, пока она [illegible] растить, воспитываетъ.

Женщина,—легей[illegible] глупа, но дьяво[illegible] вижу совершенное равенство мужчины и когда она на нег[illegible] цему призванію служить Богу и людямъ, дальновидности, [illegible]личіе въ формѣ этого служенія. Равенство только нужна н[illegible] и въ томъ, что одно столь же важно, какъ вещи, не сооб[illegible]но не мыслимо безъ другого, что одно обу-ни выдержки, [illegible]гое, и что для достиженія призванія какъ живанія). [illegible]ому, необходимо знаніе истины, что безъ

этого знанія дѣятельность какъ мужчины, такъ и женщины, становится не полезной, но вредной для человѣчества.

Мужчина призванъ исполнять свой многообразный трудъ, но трудъ его только тогда полезенъ, и его работа (хлѣбъ пахать или пушки дѣлать) и его умственная дѣятельность (облегчать жизнь людей или считать деньги) и его религіозная дѣятельность (сближать людей или пѣть молебны) тогда только плодотворно, когда они совершаются во имя высшей доступной человѣку истины.

То же и съ призваніемъ женщины: ея рожденіе, кормленіе, возвращеніе дѣтей будетъ полезно человѣчеству, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества, когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя высшей доступной ей истины, т. е. она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были способны брать какъ можно меньше отъ людей и какъ можно больше давать имъ. Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе—вѣру, которая ей будетъ доступна,—отдастся своему женскому непреодолимо вложенному въ нее призванію—родитъ выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей способныхъ работать для людей, по усвоенному ею міросозерцанію. Міросозерцаніе же это не почерпается на курсахъ, а пріобрѣтается только незакрываніемъ глазъ и ушей и умиленіемъ сердца.

Ну, а тѣ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, которыя не вышли замужъ, вдовы? Тѣ будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ, многообразномъ трудѣ...

И всякая женщина, отрожавшись, если у нея есть силы, успѣетъ заняться этой помощью мужчинѣ въ его трудѣ, и помощь эта очень драгоцѣнна...

* * *

Хорошая семейная жизнь возможна только при сознанномъ, воспитанномъ въ женщинахъ убѣжденіи въ необходимости всегдашняго подчиненія мужу. Я говорилъ, что это доказывается тѣмъ, что такъ было съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ жизнь людей, и тѣмъ, что семейная жизнь съ другими есть переѣздъ на утлой лодочкѣ, который возможенъ только тогда, когда ѣдущіеся подчиняются одному. И такимъ однимъ признавался всегда мужчина по той причинѣ, что, не нося, не кормя, онъ можетъ быть лучшимъ руководителемъ жены, чѣмъ жена мужа.

Но неужели женщины всегда ниже мужчины? Нисколько. Какъ только тотъ и другой дѣвственны, они равны.

Но что же значитъ то, что теперь жены требуютъ не только равенства, но и главенства? А только то, что семья эволюируетъ, и потому прежняя форма распадается. Отъ-

шенія половъ ищутъ новой формы, и старая форма разлагается.

Какая будетъ новая форма, нельзя знать, хотя многое намѣчается. Можетъ быть большее количество людей, держащихся цѣломудрія; могутъ быть браки временными и послѣ рожденія дѣтей прекращаться, такъ что оба супруга послѣ родовъ дѣтей расходятся и остаются цѣломудренными; могутъ дѣти быть воспитываемы обществомъ. Нельзя предвидѣть новыя формы. Но несомнѣнно то, что старая разлагается, и что существованіе старой возможно только при подчиненіи жены мужу, какъ это было вездѣ и всегда, и какъ это происходитъ тамъ, гдѣ семья еще держится.

* * *

Вчера читалъ „Безъ Догмата". Очень тонко описана любовь къ женщинѣ,—нѣжно, гораздо тоньше, чѣмъ у французовъ, гдѣ чувственно,—у англичанъ, гдѣ фарисейно, и—у нѣмцевъ—напыщенно; и думалъ: написать романъ любви цѣломудренной... такой, для которой невозможенъ переходъ въ чувственность, которая служитъ лучшимъ защитникомъ отъ чувственности. Да, не это ли единственное спасеніе отъ чувственности? Да, да, оно и есть. Затѣмъ и сотворенъ человѣкъ мужчиной и женщиной. Только съ женщиной можно потерять цѣломудріе, только съ нею и можно соблюсти его. Хорошо написать это.

* * *

Человѣкъ, какъ животное, подчиняется закону борьбы и половому стремленію для усиленія рода; какъ разумное, любящее, божественное существо, онъ подчиняется закону обратному—не борьбы съ соперниками и врагами,—а смиренія перенесенія обидъ и любви къ нимъ, и не полового стремленія, а цѣломудрія.

* * *

Одно изъ нужнѣйшихъ дѣлъ человѣчества состоитъ въ воспитаніи цѣломудренной женщины.

* * *

Женщина,—легенда говоритъ,—орудіе дьявола. Она вообще глупа, но дьяволъ даетъ ей на поддержаніе свой умъ, когда она на него работаетъ. Смотришь, сдѣлала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сдѣлать гадости; а какъ только нужна не гадость, не можетъ понять самой простой вещи, не соображаетъ дальше настоящей минуты, и нѣтъ ни выдержки, ни терпѣнія (кромѣ дѣторожденія и дѣтоухаживанія).

Все это относится къ женщинѣ-нехристіанкѣ. нецѣломудренной женщинѣ... Охъ, какъ хотѣлось бы показать женщинѣ все значеніе цѣломудренной женщины. Цѣломудренная женщина (недаромъ, легенда Маріи) спасетъ міръ.

* * *

Назначеніе женщины есть прежде и важнѣе всего назначеніе человѣка, то самое, о которомъ я и говорилъ. Замужество и дѣти въ сравненіи съ безбрачіемъ—это то же, что условія деревенской жизни въ сравненіи съ городской, роскошной: условія жизни—безбрачіе или семья — сами по себѣ не могутъ вліять на человѣка. Можетъ быть святое и грѣховное безбрачіе. можетъ быть грѣховная и святая семья.

Дѣвушкѣ же всякой, и вамъ въ особенности, какъ человѣку, въ которомъ начинается внутренняя и духовная работа, совѣтую какъ можно больше удаляться отъ всего, что въ нашемъ обществѣ поддерживаетъ въ дѣвушкѣ мысль о необходимости, желательности брака и располагаетъ къ нему: романы. музыка, праздная болтовня, танцы, игры, карты, даже наряды. Право, пріятнѣе выстирать себѣ рубаху (а ужъ для души насколько полезнѣе), чѣмъ проиграть вечеръ въ secretaire даже съ остроумными людьми. Главное же, то распространенное въ свѣтѣ понятіе, что не выйти замужъ, остаться въ дѣвкахъ стыдно, такъ же совершенно противоположно истинѣ, какъ и всѣ свѣтскія сужденія о вопросахъ жизни. Безбрачная жизнь, наполненная дѣлами добра, безбрачная потому, что дѣла, наполняющія эту жизнь, всѣ выше брака (а такія дѣла — всѣ дѣла любви къ ближнему, напоенія чашей воды), въ безконечное число разъ выше всякой семейной жизни. Мѳ. XIX. 11. Не всѣ вмѣщаютъ слово это, но кому дано. И такъ и смотрѣли всегда всѣ люди всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ съ величайшимъ уваженіемъ и умиленіемъ на безбразныхъ не поневолѣ, но ради Бога, людей, мужчинъ и женщинъ. А въ нашемъ мірѣ это самые смѣшные люди. Оно и правда. Это такъ же, какъ бѣдные ради Бога, и такіе, которые не умѣли нажить. Всякой дѣвушкѣ и вамъ совѣтую поставить себѣ идеаломъ служеніе Богу, т. е. соблюденіе и возвращеніе въ себѣ искры Божьей, и потому—безбрачіе, если бракъ мѣшать этому служенію; если бы же случилось, поддавшись себя любивому чувству къ одному человѣку, выйти замужъ, такъ не радоваться и не гордиться, какъ это обыкновенно бываетъ, своимъ положеніемъ жены и матери и, не упуская изъ виду главной цѣли жизни, служенія Богу, всѣми силами стараться о томъ, чтобы исключительная и эгоистичная привязанность къ семьѣ не мѣшала бы служенію Богу.

* * *

Я всегда думалъ, что одинъ изъ вѣрнѣйшихъ призна-

ковъ серьезности отношенія къ нравственнымъ вопросамъ— это строгость къ себѣ въ полномъ вопросѣ...

Соблазнъ, въ который N. впалъ, очень понятный и свойственъ именно такимъ честнымъ и правдивымъ натурамъ. какимъ я его воображаю. Отношенія установились, и ему хотѣлось ничего не скрывать, а прямо и открыто признать ихъ, придавъ имъ характеръ духовности.

Я вполнѣ понимаю его мысль: воспользоваться тѣмъ душевнымъ подъемомъ который даетъ влюбленность, для того, чтобы этотъ подъемъ употребить на дѣло Божіе. Это возможно, и я думаю, что энергія людей, находящихся въ этомъ положеніи, можетъ значительно повыситься и дать неожиданно кажущіеся намъ большіе результаты. Я даже не разъ видалъ это и знавалъ такіе случаи; но тутъ страшно то, что, при уничтоженіи влюбленности (что очень возможно и вѣроятно), вдругъ не только можетъ упасть этотъ подъемъ энергіи, но всякій интересъ къ дѣлу Божьему, чего тоже я видалъ примѣры. А что это случается и можетъ случиться, доказываетъ то, что дѣло Божіе, служеніе Ему не можетъ и не должно опираться ни на что, а все остальное должно опираться на сознаніе необходимости и радости этого служенія.

Такъ можно (что тоже часто дѣлается) усилить энергію служенія Богу—славой людской. И опять та же опасность охлажденія къ дѣлу Божью, какъ только уничтожается одобреніе людей.

Все это вы знаете и высказали, но я хотѣлъ только прибавить одно къ тому, что писалъ къ вамъ въ послѣднемъ письмѣ о томъ, что я согласенъ съ N. въ томъ, что союзъ женщины и мужчины хорошъ, когда онъ имѣетъ цѣлью совокупное служеніе Богу и людямъ. А именно то, что союзъ брачный тѣлесный не то, что прибавляетъ силы для служенія, а для нѣкоторыхъ людей, одержимыхъ безпокойствомъ потребности влюбленія, устраняетъ это безпокойство, препятствующее отдачѣ всѣхъ своихъ силъ на служеніе; и потому, хотя цѣломудріе, если оно полно, есть самое выгодное условіе для служенія,—для нѣкоторыхъ людей бракъ, успокоивая ихъ устраняя препятствіе, усиливаетъ въ нихъ способность служенія. Но при этомъ, — вотъ это главное я хотѣлъ сказать,—надо, чтобы люди понимали и признавали и внѣ брака, и въ бракѣ, что способность влюбчивости и того душевнаго подъема, который при этомъ совершается, предназначена не на забаву, не на наслажденіе; не на художественное творчество (многіе такъ думаютъ), не на увеличеніе энергіи для служенія Богу, какъ думаетъ N.,— а только на половое, брачное соединеніе съ однимъ мужемъ и одной женой для произведенія дѣтей и взаимнаго освобожденія отъ похоти. Всякое же направленіе этой способности на что-либо другое можетъ только затруднять путь жизни человѣка, а не облегчать и не услаждать его.

И потому я совершенно согласенъ съ вами, что это самый опасный соблазнъ, противъ котораго нельзя быть достаточно осторожнымъ. „Ну“, говорятъ, „почему же не быть дружнымъ съ лицами другого пола, такъ же какъ и съ лицами одного пола“? Нѣтъ никакой причины, и чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ лучше. Но искренній и серьезный въ нравственномъ дѣлѣ человѣкъ сейчасъ замѣтитъ, какъ это сдѣлалъ X., что такія отношенія съ женщинами бываютъ особенныя. Если человѣкъ не будетъ себя обманывать, онъ всегда замѣтитъ, что сближеніе совершается легче, чѣмъ обыкновенно; что велосипедъ ѣдетъ очень легко и скоро, и что не нужно тѣхъ усилій, которыя нужны обыкновенно; и что потому должна быть этому причина. А какъ только серьезный въ нравственномъ дѣлѣ человѣкъ замѣтить это и не желаетъ съѣхать подъ гору, зная, что движеніе это все будетъ увеличиваться и приведетъ къ браку или исключительному чувству, то онъ остановится.

* * *

Бракъ, разумѣется, хорошо и необходимо для продолженія рода, но если для продолженія, то надо, чтобы родители чувствовали въ себѣ силы воспитать дѣтей не дармоѣдами, а слугами людямъ и Богу. А для этого нужно быть въ силахъ не трудами другихъ—а своими, больше давая, чѣмъ беря отъ людей.

У насъ же буржуазное правило, что жениться можно только тогда, когда крѣпко сидишь на шеѣ людей, т. е. имѣешь средства. Нужно какъ разъ обратное: можетъ жениться только тотъ, кто можетъ жить и воспитать ребенка, не имѣя средствъ. Только такіе родители могутъ хорошо воспитать дѣтей.

Книжку просмотрѣлъ *).

Писать объ этомъ и возражать нельзя, какъ нельзя возражать на то, что человѣкъ будетъ доказывать, что пріятно и безвредно совокупленіе съ трупами. Человѣку, который не чувствуетъ того, что чувствуютъ слоны **), что совокупленіе вообще есть актъ, унижающій и себя, и сообщницу, и потому отвратительный, въ которомъ человѣкъ отдаетъ невольную дань своей животности и который искуп-

---

*) Въ этомъ отрывкѣ Л. Н. Толстой высказывается по поводу англійской брошюры, пропагандирующей предупредительные пріемы противъ зачатія и дѣторожденія, которую мы ему послали для того, чтобы получить отъ него болѣе обстоятельное мнѣніе объ этомъ вопросѣ, на предыдущихъ страницахъ затронутомъ имъ только вскользь. Мы получили отвѣтъ уже тогда, когда набирался послѣдній листъ этой книги. Ред.

**) Естествоиспытатели замѣтили, что слоны отличаются чрезвычайной умѣренностью въ половыхъ сношеніяхъ, а въ неволѣ и особенной застѣнчивостью въ этомъ отношеніи. Ред.

ляется только тѣмъ, что исполняетъ ту цѣль (дѣторожденія), для которой непреодолимая въ извѣстное время потребность этого отвратительнаго, унизительнаго акта вложена въ его природу,—такому человѣку, несмотря на свою способность разсуждать; стоящему на уровнѣ животнаго, невозможно объяснить и доказать этого. Не говорю уже о лживости мальтузіанства, которое соображенія объективныя (да еще ложныя) кладетъ въ основу дѣла нравственности, всегда субъективнаго. Не говорю и о томъ, что между убійствомъ, умерщвленіемъ плода и этимъ пріемомъ нѣтъ качественнаго различія,

Простите: стыдно и отвратительно серьезно говорить про это. Надо говорить и думать о томъ, какая извращенность или тупость нравственнаго чувства могла привести людей къ этому. И не спорить съ ними, а лѣчить ихъ. Ну, право, русскій безграмотный, пьяный мужикъ, вѣрящій въ „пятницу", который съ ужасомъ отнесся бы къ такому поступку и который всегда на актъ совокупленія смотритъ, какъ на грѣхъ,—стоитъ неизмѣримо выше людей, прекрасно пишущихъ и имѣющихъ дерзость приводить философію въ подтвержденіе своей дикости.

* * *

Никакой родъ преступленій людскихъ противъ нравственнаго закона не скрывается съ такою тщательностью людьми другъ передъ другомъ, какъ преступленія, вызываемыя половой похотью: и нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, которое было бы такъ обще всѣмъ людямъ, захватывая ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ видахъ; нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, на которое смотрѣли бы такъ негласно люди,—одни считая извѣстный поступокъ страшнымъ грѣхомъ, другіе—тотъ же поступокъ самымъ обычнымъ удобствомъ или удовольствіемъ; нѣтъ преступленія, на счетъ котораго было бы выказываемо столько фарисейства; нѣтъ преступленія, отношеніе къ которому показывало бы такъ вѣрно нравственный уровень человѣка; и нѣтъ преступленія болѣе губительнаго для отдѣльныхъ людей и для движенія впередъ всего человѣчества.

Мысли эти очень просты и ясны для того, кто мыслитъ для того, чтобы познать истину. Странными, парадоксальными, даже несправедливыми эти мысли кажутся только тому, кто разсуждаетъ не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы свою жизнь со всѣми ея пороками и заблужденіями считать истинной.

* * *

Этому дѣлу никогда не бываетъ конца. Я и теперь думаю о томъ же (о половомъ вопросѣ), и все кажется, что

нужно бы еще много уяснить и прибавить. И это понятно, потому что дѣло такой огромной важности и новизны, а силы, безъ ложной скромности говоря, такъ слабы и несоотвѣтственны значительности предмета.

Поэтому я думаю, что всѣмъ надо работать, тѣмъ, кого это интересуетъ сердечно,—всѣмъ надо разрабатывать этотъ предметъ по мѣрѣ силъ своихъ. Если каждый съ своей личной точки зрѣнія скажетъ искренно то, что онъ думаетъ и чувствуетъ объ этомъ предметѣ, то многое темное уяснится, привычно ложно скрытое откроется, кажущееся страннымъ по непривычности видѣть это перестанетъ казаться такимъ, и многое, кажущееся естественнымъ по привычкѣ жить дурно, перестанетъ казаться такимъ. По счастливой случайности, я больше, чѣмъ другіе, имѣлъ возможности обратить вниманіе общества на этотъ предметъ. Надо, чтобы другіе продолжали дѣло съ разныхъ сторонъ.

II.

Внѣшнее и внутреннее единеніе.

(Изъ письма Л. Н. Толстого къ Х.).

Я внимательно перечелъ два раза оба ваши письма и понимаю все отдѣльно, но не понимаю общаго духа всего, не понимаю мотива вашего недовольства. Вы говорите: единеніе; но единеніе возможно только въ истинѣ. Для того, чтобы найти единеніе съ людьми, не нужно идти навстрѣчу другъ другу, навстрѣчу людямъ, а нужно всѣмъ идти къ Богу или истинѣ. Тамъ только единеніе и не съ тѣмъ, съ кѣмъ я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единеніе, а съ тѣми, кто пришелъ туда же, куда и я.

Я себѣ представляю міръ огромнымъ храмомъ, въ которомъ свѣтъ падаетъ сверху, въ самой серединѣ. Чтобы сойтись, надо всѣмъ идти на этотъ свѣтъ, и тамъ мы всѣ, приходя съ разныхъ сторонъ, всѣ сойдемся и съ совсѣмъ неожиданными людьми. И въ томъ-то и радость.

Такъ вотъ этого единенія и этими средствами мы можемъ и должны искать, и помогать въ этомъ другъ другу нельзя. То же, что вы говорите о необходимости формы жизни, совершенно справедливо, но мало сказать—необходимость, надо сказать неизбѣжность формы. Если кто живетъ отдѣльно или люди живутъ вмѣстѣ матерьяльно, или только духовно вмѣстѣ (какъ я понимаю, что живу со всѣми и вы съ другими), то непремѣнно есть форма этой жизни. И смотрѣть на эту форму, опредѣлять ее очень неудобно, да и вредно. Другіе пускай смотрятъ и опредѣляютъ форму, въ которой я живу, а мнѣ надо жить.

Еще вы не хорошо говорите, что когда придетъ нищій, некогда справляться, увеличивается ли любовь и т. д. Вѣдь вы знаете, что я сказалъ это не для того, но, чтобы, если есть сомнѣніе въ своей дѣятельности, по этой мѣркѣ прикинуть свою дѣятельность. И потому скажу, взявъ вашъ же примѣръ, что если насыпать ковшъ съ досадой или если тотъ, кому насыпать ковшъ, ожидаетъ не ковшъ, а мѣру и принимаетъ его съ досадой, то дѣятельность эта неправильная.

Не пойму, почему вы недовольны собой и другими и чего вы хотите. Недовольство собой—не другими, мнѣ кажется, должны быть и я часто утѣшаюсь тѣмъ, что не совсѣмъ еще пропалъ, что постоянно недоволенъ собой; но я знаю, чѣмъ я недоволенъ—своими опредѣленными гадостями, въ избавленіи отъ которыхъ никто мнѣ помочь не можетъ, и работа надъ которыми составляетъ мою жизнь. О средѣ же, въ которой я живу, о внѣшнихъ условіяхъ моей жизни я не забочусь, потому что знаю опытомъ, что та или другая среда, тѣ или другія условія вытекаютъ изъ моей большей или меньшей близости къ Христу, къ истинѣ.

Я живу такъ, какъ я живу, не потому, что меня застало просвѣтленіе въ тяжелыхъ, трудныхъ условіяхъ (какъ я думалъ прежде), а отъ того, что я дуренъ. Насколько лучше я буду и бываю, настолько лучше среда и внѣшнія условія. Если бы я былъ святъ, среда и внѣшнія условія были бы идеальныя, я бы жилъ такъ, какъ я представляю себѣ жизнь ученика Христа—нищимъ, бродягою, слугою всѣхъ, и я не отчаиваюсь и теперь достигнуть этого, потому что это все-таки въ моей власти. Стать лучше, ближе къ истинѣ вслѣдствіе внѣшнихъ условій также нельзя, какъ нельзя сѣсть на палку, взявшись за нее руками и поднять себя. Внѣшнія условія, форма жизни, единеніе—все это послѣдствіе внутренняго совершенствованія—приближенія къ Христу. „Ищите Царства Божія“, которое внутрь васъ есть, и правды его, а остальное приложится вамъ. Можетъ быть, я ошибаюсь и отвѣчаю вамъ на то, что вы не спрашиваете. Тогда простите. Писалъ любя, думая о васъ и желая, если бы могъ, быть вамъ полезенъ.

Левъ Толстой.

Много-ли человѣку земли нужно?

—

I.

Пріѣхала изъ города старшая сестра къ меньшой въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая чваниться, свою жизнь въ городѣ выхвалять: какъ она въ городѣ просторно и чисто живетъ и ходитъ, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ѣстъ и пьетъ и какъ на катанья, гулянья и въ театры ѣздитъ.

Обидно стало меньшой сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою, крестьянскую, возвышать.

— Не промѣняю я,—говоритъ,—своего житья на твое. Даромъ, что сѣро живемъ, да страху не знаемъ. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живетъ: барышу накладъ—большой братъ. Бываетъ и то—нынче богатъ, а завтра—подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ, да дологъ; богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить:

— Сытость-то какая,—со свиньями да телятами! Ни убранства, ни обращенья! Какъ ни трудись твой хозяинъ, какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что-жъ,—говоритъ меньшая,—наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всѣ въ соблазнахъ живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, глядь, и соблазнитъ хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И пойдетъ все прахомъ. Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакаютъ.

— Правда это,—говоритъ,—истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не пойдетъ. Одно горе—земли мало! А будь земли вволю, такъ я никого, и самого чорта не боюсь!

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и полегли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была-бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

„Ладно,—думаетъ,—поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму“.

II.

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у нея 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужиками смирно, не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами. Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжитъ, либо корова въ садъ забредетъ, либо телята въ луга уйдутъ—за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала—хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю и что ладитъ купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. „Ну,—думаютъ,—достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя: мы всѣ у нея въ кругу“. Пришли мужики къ барынѣ міромъ, стали просить, чтобы не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дороже заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить міромъ всю землю купить; сбирались и разъ, и два на сходки—не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилитъ. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому: „Раскупятъ,—думаетъ,—всю землю, останусь я ни при чемъ“. Сталъ съ женою совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо,—говоритъ,—и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчелъ половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю, 15 десятинъ съ лѣсочкомъ, и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по рукамъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги половину отдалъ, остальныя въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землею. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей землѣ сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣть, не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растетъ и цвѣты-то цвѣтутъ на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ,—земля какъ земля, а теперь совсѣмъ земля особенная стала.

III.

Живетъ такъ Пахомъ, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью просилъ, все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И сгонялъ Пахомъ, и прощалъ, все не судился, потомъ наскучило, сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлаютъ мужики, а думаетъ: „Нельзя же и спускать, этакъ они все вытравятъ. Надо поучить“.

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать: стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзалъ. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ, глядь—бѣлѣется. Подъѣхалъ, лутошки брошены лежатъ и пенышки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайнія срѣзалъ, одну оставилъ, а то подъ рядъ, злодѣй, всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. „Ахъ,—думаетъ,—вызнать бы, кто это сдѣлалъ: ужъ я бы ему выместилъ“. Думалъ, думалъ кто, больше некому,—думаетъ,—какъ Семкѣ. Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашелъ, только поругались. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семенъ сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили, оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Пахомъ; со старшиной и судьями разругался. „Вы,—говоритъ,—воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ“. Поссорился Пахомъ и съ судьями, и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому на землѣ жить просторнѣе, а въ міру тѣснѣе.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: „Самому мнѣ отъ своей земли итти не зачѣмъ, вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то все тѣснота“.

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ прохожій. Пустили ночевать мужика, накормили, разговорились: откуда, молъ, Богъ несетъ? Говоритъ мужикъ, что идетъ снизу, изъ-за Волги, тамъ въ работѣ былъ. Слово-за-слово, разсказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Разсказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество и нарѣзали имъ по десять десятинъ на душу. А земля такая,—говоритъ,—что посѣяли ржи, такъ солома—лошади не видать, а густая, что горстей пять—и снопъ. Одинъ мужикъ,—говоритъ,—совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками пришелъ, а теперь шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: „Что-жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить. Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведеніе все заведу. А здѣсь въ этой тѣснотѣ—грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо“.

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плылъ по Волгѣ внизъ на пароходѣ, потомъ пѣшій верстъ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просторно, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано и принимаютъ въ общество съ охотою. А коли кто съ денежками, покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продалъ землю съ барышемъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

IV.

Пріѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Попоилъ старшиковъ, бумаги все выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построился Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало. И земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли, и кормовъ вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился—и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой, хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть, не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣютъ. Посѣютъ годъ-два и запускаютъ, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много, на всѣхъ и не хва-

таетъ. Тоже изъ-за пея споры; побогаче кто—хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ побольше. родилось хорошо; да далеко отъ села: верстъ за 15 возить надо. Видитъ, въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ. „То-ли дѣло,—думаетъ Пахомъ,—коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ. Все бы въ кругу было". И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу сѣялъ. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить. да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая землица есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не поспѣлъ укупить и не на чемъ сѣять. А то купилъ на 3-й годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ, и вспахали ужъ, да засудились мужики, такъ и пропала работа. „Кабы своя земля была,—думаетъ,—никому бы не кланялся, и грѣха бы не было".

И сталъ Пахомъ разузнавать. гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинъ. да разорился онъ и продаетъ задешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ—сладился за 1.500 руб., половину денегъ обождать. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Разсказываетъ купецъ, что ѣдетъ онъ изъ дальнихъ башкиръ. Тамъ, разсказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячъ пять десятинъ. И стало всего тысячу рублей. Сталъ разспрашивать Пахомъ. Разсказалъ купецъ, „Только,—говоритъ,—стариковъ ублаготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздарилъ рублей на 100, да цыбикъ чаю, да попоилъ винцомъ, кто пьетъ, и по 20 коп. за десятину взялъ". Показываетъ купчую. „Земля,—говоритъ,—по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная". Сталъ разспрашивать Пахомъ. какъ и что. „Земли,—говоритъ купецъ,—тамъ не обойдешь и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышленый. какъ бараны. Можно почти даромъ взять". Ну,—думаетъ Пахомъ,—что жъ мнѣ за мои 1.000 руб. 500 десятинъ купить. да еще долгъ на шею забрать. А тутъ я за 1.000 руб. чѣмъ завладаю".

V.

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводилъ купца, собрался самъ ѣхать. Оставилъ домъ на жену, самъ собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ, купили чаю цыбикъ, подарковъ, вина, все какъ ку-

нецъ сказалъ. Ѣхали, ѣхали, верстъ 500 отъѣхали. На седьмыя сутки пріѣхали на башкирскую кочевку. Все такъ, какъ купецъ говорилъ. Живутъ всѣ въ степи, надъ рѣчкой, въ кибиткахъ войлочныхъ. Сами не пашутъ и хлѣба не ѣдятъ. А въ степи скотина ходитъ и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны и къ нимъ два раза въ день матокъ пригоняютъ, кобылье молоко доятъ и изъ него кумысъ дѣлаютъ. Бабы кумысъ болтаютъ и сыръ дѣлаютъ, а мужики только и знаютъ—кумысъ и чай пьютъ, баранину ѣдятъ, да на дудкахъ играютъ. Гладкіе всѣ, веселые, всѣ лѣто празднуютъ. Народъ совсѣмъ темный и по-русски не знаетъ, а ласковый.

Только увидали Пахома, повышли изъ кибитокъ башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчикъ. Сказалъ ему Пахомъ, что онъ о землѣ пріѣхалъ. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его въ кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили подъ него подушекъ пуховыхъ, сѣли кругомъ, стали угощать чаемъ, кумысомъ. Барана зарѣзали и бараниной накормили. Досталъ Пахомъ изъ тарантаса подарки, сталъ башкирцамъ раздавать. Одарилъ Пахомъ башкирцевъ подарками и чай раздѣлилъ. Обрадовались башкирцы. Лопотали, лопотали промежъ себя, потомъ велѣли переводчику говорить.

— Велятъ тебѣ сказать,—говоритъ переводчикъ,—что они полюбили тебя, и что у насъ обычай такой,—гостю всякое удовольствіе дѣлать и за подарки отдаривать. Ты насъ одарилъ: теперь скажи, что тебѣ изъ нашего полюбится, чтобъ тебя отдарить?

— Полюбилась мнѣ,—говоритъ Пахомъ,—больше у васъ земля. У насъ,—говоритъ,—въ землѣ тѣснота, да и земля выпаханная, а у васъ земли много и земля хороша. Я такой и не видывалъ.

Передалъ переводчикъ. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимаетъ Пахомъ, что они говорятъ, а видитъ, что веселы, кричатъ что-то, смѣются. Затихли потомъ, смотрятъ на Пахома, а переводчикъ говоритъ: „Велятъ,—говоритъ, — они тебѣ сказать, что за твое добро рады тебѣ, сколько хочешь, земли отдать. Только рукой покажи какую—твоя будетъ“.

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросилъ Пахомъ, о чемъ спорятъ. И сказалъ переводчикъ: „Говорятъ они, что надо о землѣ старшину спросить, а безъ него нельзя. А другіе говорятъ и безъ него можно“.

VI.

Спорятъ башкирцы, вдругъ идетъ человѣкъ въ шапкѣ лисьей. Замолчали всѣ и встали. И говоритъ переводчикъ: „Это старшина самый“. Сейчасъ досталъ Пахомъ луч-

шій халатъ и поднесъ старшинѣ и еще чаю 5 фун. Принялъ старшина и сѣлъ на первое мѣсто. И сейчасъ стали говорить ему что-то башкирцы. Слушалъ, слушалъ старшина, кивнулъ головой, чтобъ они замолчали и сталъ говорить Пахому по-русски.

— Что жъ,—говоритъ,—можно. Бери, гдѣ полюбится. Земли много.

„Какъ же я возьму, сколько хочу,—думаетъ Пахомъ.— Надо же, какъ ни есть, закрѣпить. А то скажутъ твоя, а потомъ отнимутъ".

— Благодаримъ васъ,—говоритъ,—на добромъ словѣ. Земли вѣдь у васъ много; а мнѣ немножко надо. Только бы мнѣ знать, какая моя будетъ. Ужъ какъ-нибудь все-таки отмѣрить и закрѣпить за мной надо. А то въ смерти-животѣ Богъ воленъ. Вы, добрые люди, даете, а придется—дѣти ваши отнимутъ.

— Правда твоя, — говоритъ старшина, — закрѣпить можно.

Сталъ Пахомъ говорить: „Я вотъ слышалъ, у васъ купецъ былъ. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сдѣлали; такъ и мнѣ бы тоже".

Все понялъ старшина.

— Это все можно,—говоритъ.— У насъ и писарь есть, и въ городъ поѣдемъ, и всѣ печати приложимъ.

— А цѣна какая будетъ?—говоритъ Пахомъ.

— Цѣна у насъ одна: 1000 руб. за день.

Не понялъ Пахомъ. Какая же это мѣра—день? Сколько въ ней десятинъ будетъ?

— Мы этого,—говоритъ,—не умѣемъ считать. А мы за день продаемъ; сколько обойдешь въ день, то и твое, а цѣна дню 1.000 руб.

Удивился Пахомъ.

— Да вѣдь это,—говоритъ,—въ день обойти, земли много будетъ:

Засмѣялся старшина.

— Вся твоя!—говоритъ.—Только одинъ уговоръ: если назадъ не придешь въ день къ тому мѣсту, съ какого возмешься, пропали твои деньги.

— А какъ же,—говоритъ Пахомъ,—отмѣтить, гдѣ я пройду?

— А мы станемъ на мѣсто, гдѣ ты облюбуешь: мы стоять будемъ, а ты иди, дѣлай кругъ: а съ собой скребку возьми и, гдѣ надобно, замѣчай, на углахъ ямки рой, дернички клади, потомъ съ ямки на ямку плугомъ проѣдемъ. Какой хочешь кругъ забирай, только до захода солнца приходи къ тому мѣсту, съ какого взялся. Что обойдешь—все твое.

Обрадовался Пахомъ. Порѣшили наранѣ выѣзжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поѣли, еще чаю напились: стало дѣло къ ночи. Уложили Пахома спать

на пуховикѣ. и разошлись башкирцы. Обѣщались завтра къ зорькѣ собраться, до солнца на мѣсто выѣхать.

VII.

Легъ Пахомъ на пуховики и не спится ему, все про землю думаетъ. „Отхвачу,—думаетъ,—палестину большую. Верстъ 50 обойду въ день-то. День-то нынче. что годъ; въ 50 верстахъ будетъ земли-то что! Какую похуже, продамъ или мужиковъ пущу, а любенькую отберу, самъ на ней сяду. Плуга два быковъ заведу, человѣка два работниковъ принайму: десятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану.

Не заснулъ всю ночь Пахомъ. Передъ зарей только забылся. Только забылся и видитъ онъ сонъ. Видитъ онъ, что лежитъ, будто, онъ въ этой самой кибиткѣ и слышитъ снаружи гогочетъ кто-то. И будто захотѣлось ему посмотрѣть, кто такой смѣется, и всталъ онъ, вышелъ изъ кибитки и видитъ—сидитъ тотъ самый старшина башкирскій передъ кибиткой, за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, гогочетъ на что-то. Подошелъ онъ и спросилъ: „Чему смѣешься?“ И видитъ онъ, будто это не старшина башкирскій, а купецъ намеднишній, что къ нимъ заѣзжалъ, о землѣ разсказывалъ. И только спросилъ у купца: „Ты давно ли тутъ?“ А это уже и не купецъ, а тотъ самый мужикъ, что на старинѣ снизу заходилъ. И видитъ Пахомъ, что, будто, и не мужикъ это, а самъ дьяволъ съ рогами и съ копытами сидитъ, хохочетъ, а передъ нимъ лежитъ человѣкъ босикомъ, въ рубахѣ и порткахъ. И, будто, поглядѣлъ Пахомъ пристальнѣй, что за человѣкъ такой? И видитъ, что человѣкъ мертвый, и что это—онъ самъ. Ужаснулся Пахомъ и проснулся. Проснулся. „чего не приснится!“ думаетъ. Оглядѣлся; видитъ въ открытую дверь, уже бѣло становится, свѣтать начинаетъ „Надо,—думаетъ,—будить народъ, пора ѣхать“. Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ, велѣлъ запрягать и пошелъ башкирцевъ будить. „Пора,—говоритъ,—на степь ѣхать, отмѣрять“. Повставали башкирцы, собрались всѣ, и старшина пришелъ. Зачали башкирцы опять кумысъ пить, хотѣли Пахома угостить чаемъ, да не сталъ онъ дожидаться. „Коли ѣхать, такъ ѣхать,—говоритъ,—пора“.

VIII.

Собрались башкирцы, сѣли—кто верхами, кто въ тарантасы, поѣхали. А Пахомъ съ работникомъ на своемъ тарантасикѣ поѣхали и съ собой скребку взяли. Пріѣхали въ степь, заря занимается. Въѣхали на бугорокъ, по-баш-

кирски—на шиханъ. Вылѣзли изъ тарантасовъ, послѣзали съ лошадей, сошлись въ кучу. Подошелъ старшина къ Пахому, показалъ рукой.

— Вотъ,—говоритъ,—вся наша, что глазомъ окинешъ. Выбирай любую.

Разгорѣлись глаза у Пахома; земля вся ковыльная, ровная, какъ ладонь, черная, какъ макъ, а гдѣ лощина, такъ разнотравье, трава по груди.

Снялъ старшина шапку лисью, поставилъ на землю.

— Вотъ,—говорилъ,—мѣтка будетъ. Отсюда поди, сюда приходи. Что обойдешь—все твое будетъ.

Вынулъ Пахомъ деньги, положилъ на шапку, снялъ кафтанъ, въ одной поддевкѣ остался, перепоясался потуже подъ брюхо кушакомъ, подтянулся, сумочку съ хлѣбомъ за пазуху положилъ, баклажку съ водой къ кушаку привязалъ, подтянулъ голенища, взялъ скребку у работника, собрался идти. Думалъ, думалъ, въ какую сторону взять,—вездѣ хорошо. Думаетъ—все одно; пойду на восходъ солнца. Сталъ лицомъ къ солнцу, размялся, ждетъ, чтобы показалось оно изъ-за края. Думаетъ—ничего, времени пропускать не стану. Холодкомъ и идти легче. Только брызнуло изъ-за края солнце, вскинулъ Пахомъ скребку на плечо и пошелъ въ степь.

Пошелъ Пахомъ не тихо, но скоро. Отошелъ съ версту; остановился, вырылъ ямку и дернички другъ на дружку положилъ, чтобы примѣтнѣй было. Пошелъ дальше, сталъ разминаться, сталъ и шагу прибавлять. Отошелъ еще, вырылъ еще другую ямку.

Оглянулся Пахомъ. На солнцѣ хорошо видно шиханъ и народъ стоитъ, и у тарантасовъ на колесахъ шины блестятъ, Угадываетъ Пахомъ, что верстъ пять прошелъ. Согрѣваться сталъ, снялъ поддевку, вскинулъ на плечо, пошелъ дальше. Тепло стало. Взглянулъ на солнышко,—ужъ время объ завтракѣ.

„Одна упряжка прошла,—думаетъ Пахомъ.—А ихъ четыре во дню, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь“. Присѣлъ, разулся, сапоги за поясь, пошелъ дальше. Легко идти стало. Думаетъ: „дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше“. Пошелъ еще напрямикъ. Оглянулся—шиханъ уже чуть видно и народъ, какъ мураши, на немъ чернѣется и чуть блеститъ что-то.

„Ну,—думаетъ Пахомъ.—въ эту сторону довольно забралъ: надо загибать. Да и разопрѣлъ—пить хочется“. Остановился, вырылъ ямку побольше, положилъ дернички, отвязалъ баклажку, напился и загнулъ круто влѣво. Шелъ онъ, шелъ, трава пришла высокая и жарко стало.

Сталъ Пахомъ уставать; поглядѣлъ онъ на солнышко, видитъ—самый обѣдъ. „Ну,—думаетъ,—отдохнуть надо“. Остановился Пахомъ, присѣлъ. Поѣлъ хлѣбца съ водою, а

ложиться не сталъ: думаетъ—ляжешь, да и заснешь. Посидѣлъ немного, пошелъ дальше. Сначала легко пошелъ. Отъ ѣды силы прибавилось. Да ужъ жарко очень стало, да и сонъ клонить сталъ, однако, все идетъ, думаетъ—часъ терпѣть, а вѣкъ жить.

Прошелъ еще и по этой сторонѣ много, хотѣлъ уже загибать влѣво, да глядь—лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думаетъ—ленъ тутъ хорошъ уродится. Опять пошелъ прямо. Захватилъ лощинку, выкопалъ ямку за лощиной, загнулъ второй уголъ. Оглянулся Пахомъ на шиханъ отъ тепла затуманилось, качается что-то въ воздухѣ и сквозь мару чуть виднѣются люди на шиханѣ. „Ну—думаетъ Пахомъ,—длинны стороны взялъ, надо эту покороче взять". Пошелъ третью сторону, сталъ шагу прибавлять. Посмотрѣлъ на солнце, ужъ оно къ полднику подходитъ, а по третьей сторонѣ всего версты двѣ прошелъ. И до мѣста все тѣ же верстъ 15. „Нѣтъ,—думаетъ,—хоть кривая дача будетъ, а надо прямкомъ поспѣвать. Не забрать бы лишняго. А земли и такъ ужъ много". Вырылъ Пахомъ поскорѣе ямку и повернулъ прямикомъ къ шахану.

IX.

Идетъ Пахомъ прямо на шиханъ, тяжело ужъ ему стало. Разопрѣлъ и ноги боскомъ изрѣзалъ и отбилъ, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя, не поспѣешь дойти до заката. Солнце не ждетъ, все спускается, да спускается. Ахъ,—думаетъ,—не ошибся ли, не много ли забралъ? Что, какъ не поспѣешь?" Взглянетъ впередъ на шиханъ, взглянетъ на солнце: до мѣста далеко, а солнце ужъ недалеко отъ края.

Идетъ такъ Пахомъ, трудно ему, а все прибавляетъ, да прибавляетъ шагу. Шелъ, шелъ—все еще далеко: побѣжалъ рысью. Бросилъ поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросилъ, только скребку держитъ, ею опирается. „Ахъ,—думаетъ,—позарился я, все дѣло погубилъ; не добѣгу до заката". И еще хуже ему отъ страха духъ захватываетъ. Бѣжитъ Пахомъ, рубаха и портки отъ пота къ тѣлу липнутъ, во рту пересохло. Въ груди какъ мѣхи кузнечные раздуваются, а въ сердцѣ молоткомъ бьетъ и ноги, какъ не свои,—подламываются. Жутко стало Пахому: думаетъ,—какъ бы не помереть съ натуги.

Помереть боится, а остановиться не можетъ. „Сколько,—думаетъ,—пробѣжалъ, а теперь остановиться,—дуракомъ назовутъ". Бѣжалъ, бѣжалъ, подбѣгаетъ ужъ близко и слышитъ: визжатъ: гайкаютъ на него башкирцы, и отъ крика ихняго у него еще пуще сердце разгорается. Бѣжитъ Пахомъ изъ послѣднихъ силъ, а солнце ужъ къ краю подходитъ, въ туманъ зашло; большое красное, кровяное

стало. Вотъ-вотъ закатываться станетъ. Солнце близко, да и до мѣста ужъ вовсе недалеко. Видитъ ужъ Пахомъ и народъ на шиханѣ, на него руками махаетъ, его подгоняетъ. Видитъ шапку лисью на землѣ и деньги на ней видитъ и старшину, какъ онъ на землѣ сидитъ, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сонъ. „Земли,—думаетъ,—много, да приведетъ ли Богъ на ней жить. Охъ, погубилъ я себя!—думаетъ.—Не добѣгу.

Взглянулъ Пахомъ на солнце, а оно до земли дошло, ужъ краешкомъ заходить стало и дугой къ краю вырѣзалось. Наддалъ изъ послѣднихъ силъ Пахомъ, навалился напередъ тѣломъ, насилу ноги поспѣваютъ подставляться, чтобъ не упасть. Подбѣжалъ Пахомъ къ шихану, вдругъ темно стало. Оглянулся,—ужъ зашло солнце. Ахнулъ Пахомъ. „Пропали,—думаетъ,—мои труды“. Хотѣлъ ужъ остановиться, да слышитъ, гайкаютъ все башкирцы, и вспомнилъ онъ, что снизу-то ему кажетъ, чтозашло, а съ шихана не зашло еще солнце. Надулся Пахомъ, вбѣжалъ на шиханъ. На шиханѣ еще свѣтло. Взбѣжалъ Пахомъ, видитъ—шапка. Передъ шапкой сидитъ старшина, гогочетъ, руками за пузо держится. Вспомнилъ Пахомъ сонъ, ахнулъ, подкосились ноги и упалъ онъ напередъ, руками до шапки досталъ.

— Ай, молодецъ!—закричалъ старшина.—Много земли завладѣлъ!

Побѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изо рта кровь течетъ, а онъ мертвый лежитъ.

Пощелкали языками башкирцы, пожалѣли.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно—насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ—три аршина, и закопалъ его.

№ 13. 17 Октября 1906.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Полное собраніе сочиненій

ГРАФА

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

(ДО СИХЪ ПОРЪ ПЕЧАТАВШИХСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ).

Выпускъ 34—40.

Подписная цѣна на еженедѣльный журналъ „ЯСНАЯ ПОЛЯНА“ со всѣми приложеніями на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., 7 мѣсяцевъ 1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 50 к. безъ приложенія на годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 1 мѣсяцъ 40 к.

Отвѣт. Ред.-Изд. **В. А. Максимовъ.**

Къ сему № для подписчиковъ съ приложеніями прилагается общедоступная хрестоматія выпускъ 5—7.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
„ЯСНАЯ ПОЛЯНА“.
Спб. 8 Рождественская д. 52.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЯСНАЯ ПОЛЯНА“.

С.-Петербургъ, 8 Рождественская д. № 52.

I.

Восемдесять выпусковъ сочиненій графа Л. Н. Толстого печатавшихся до сихъ поръ заграницею высылаются за 4 р. Судебная палата оправдала редактора „Ясной Поляны“ и сняла арестъ съ № 1, въ которомъ помѣщено знаменитое произведеніе „Возстановленіе ада“. Такимъ образомъ всѣ 80 выпусковъ разсылаются безпрепятственно.

Вышло сорокъ выпусковъ, остальныя печатаются.

II.

Двадцать выпусковъ сочиненій знаменитыхъ писателей печатавшихся до сихъ поръ заграницею и избранные разсказы русскихъ писателей высылаются за 1 р. 50 к. Для ознакомленія можно выписать первые 10 выпусковъ за 75 к. заключающія въ себѣ сочиненія Кеннана. Записки декабриста Князя Трубецкаго. „Убійство Императора Павла“. Неизданныя сочиненія Герцена, Тургенева, Некрасова, Пушкина и разсказы Максима Горькаго, Леонида Андреева и мн. др. послѣдніе 10 выпусковъ заключаютъ въ себѣ календарь гр. Л. Н. Толстого на каждый день года. При подпискѣ на оба изданія платится 5 р., при чемъ допускается разсрочка; на каждый рубль высылается 20 выпусковъ. Можно также высылать почтовыя и гербовыя марки. Наложеннымъ платежемъ на 20 к. дороже. Книжнымъ магазинамъ для розничной продажи выгодныя условія. Подписавшіеся на 80 выпусковъ Толстого и уплатившія сполна 4 р. могутъ подписаться на 20 выпусковъ знаменитыхъ писателей уплачивая вмѣсто 1 р. 50 к. только 1 р.

Печатается и въ скоромъ времени разошлется подписчикамъ № 1 журнала

„ОБО ВСЕМЪ“

въ которомъ, между прочимъ, будутъ помѣщены: Не изданныя пѣсни Л. Н. Толстого. Воззваніе къ народу бывшихъ членовъ Государственной Думы. Не смѣйте убивать! (Сборникъ статей В. Соловьева, свящ. Г. Петрова и др.). Бесѣды читателей обо всемъ (въ этомъ отдѣлѣ подписчики задаютъ вопросы и получаютъ отвѣты) и много другихъ. Приложеніе: полное собраніе словъ Императора Николая Второго. Подписная цѣна за 2 года, въ теченіи которыхъ подписчики получатъ 24 №№ журнала и 24 книжки приложеній 1 руб. съ пересылкою. Для широкаго распространенія нашего журнала мы временно для опыта назначаемъ баснословно дешевую плату и хотя въ будущемъ цѣна повысится, но всѣ подписавшіеся теперь за 1 руб. получатъ 24 №№ журнала и 24 №№ приложеній. Подписка принимается въ Петербургѣ, 8 Рождественская д. № 52. Редакція „ОБО ВСЕМЪ“.

О смыслѣ жизни.

Мысли Л. Н. Толстого.

Я съ удовольствіемъ постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ, такъ какъ вижу, что онъ сдѣланъ совершенно искренно, и вопросъ самой первой важности и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который большинство людей не задаютъ себѣ, предполагая, что отвѣтъ на него или уже давно данъ, или невозможенъ. А вопросъ простой, необходимый, безъ котораго, казалось бы, жить нельзя. Вы спрашиваете, — какая цѣль человѣческой жизни, зачѣмъ человѣкъ живетъ, или, иначе, зачѣмъ живу я?

Вы правы, что на вопросъ этотъ отвѣчаетъ только религія. Религія—истинная религія есть не что иное, какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. И религія, которую я исповѣдую,—христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ, даетъ на этотъ вопросъ такой же простой и ясный отвѣтъ, какъ и самый вопросъ, если только слово *цѣль* замѣнить словомъ *смыслъ*.

Цѣль, конечная цѣль человѣческой жизни въ безконечномъ по времени и пространству мірѣ, очевидно, не можетъ быть доступна человѣку въ его ограниченности. Но смыслъ человѣческой жизни, т. е. зачѣмъ онъ живетъ и что онъ долженъ дѣлать, непремѣнно должно быть понятно человѣку, такъ же понятно, какъ понятно его назначеніе работнику на большомъ заводѣ.

Смыслъ человѣческой жизни, понятный человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать Царство Божіе на землѣ, т. е. содѣйствовать замѣнѣ себялюбиваго, ненавистническаго, насильническаго, неразумнаго устройства жизни, устройствомъ жизни любовнымъ, братскимъ, свободнымъ и разумнымъ.

Средство же достиженія этого, т. е. отвѣтъ на вопросъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, состоитъ въ томъ, что, какъ сказано въ евангеліи, составляетъ весь законъ и пороки: „поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою“.

Отвѣтъ, какъ видите, очень простъ, но намъ кажется неясенъ, потому что и наша животная природа, и воспита-

ніе, и ложное религіозное ученіе пріучаютъ насъ къ тому, что смыслъ жизни не въ служеніи Богу и ближнему, а въ нашемъ личномъ счастіи. Привыкнувъ жить только для себя и своего личнаго счастія, намъ кажется трудно перенести цѣль своей жизни изъ себя въ служеніе Богу. Но какъ ни трудно это, это возможно, и чѣмъ больше мы пріучаемъ себя къ этому, тѣмъ это становится естественнѣе, тѣмъ болѣе, что, исполняя волю Бога, мы тѣмъ самымъ достигаемъ наивысшаго личнаго блага, которое мы прежде ставили цѣлью своей жизни; какъ то же сказано въ евангеліи: „Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ". Живя личною жизнью, мы ищемъ только этого остального, т. е. личнаго счастія, и не достигаемъ его и не содѣйствуемъ установленію Царства Божія и правды его, мы получаемъ это остальное, т. е. счастіе, если только подъ счастіемъ мы разумѣемъ не какія-либо нами излюбленныя внѣшнія блага, а духовныя—спокойствіе, свободу и радость.

Пишу вамъ не то, до чего я дошелъ разсужденіями, а то, до чего дошелъ опытомъ: жить для исполненія воли Бога возможно. Если не можешь жить такъ всегда, то все-таки можешь жить такъ въ нѣкоторыя лучшія минуты. Если же въ этомъ положишь смыслъ жизни, то все чаще и чаще будешь жить такъ. А чѣмъ чаще будешь жить такъ, тѣмъ больше будешь испытывать разумность и радость такой жизни. И, само собой, будешь привлеченъ къ такой жизни.

* * *

Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть, и никакія знанія не могутъ найти ее. Законъ направленія, путь жизни? Да. На это отвѣчаетъ религія, мудрость, если хотите. Отвѣчаетъ тѣмъ, что показываетъ ложность всѣхъ тѣхъ путей, которые не совпадаютъ съ однимъ истиннымъ. Отрицаніемъ ложныхъ направленій она указываетъ и освѣщаетъ единый, истинный. На этомъ пути кое-что видно, есть ближайшія цѣли, которыя укажетъ наука, но никакъ не она покажетъ этотъ путь.

* * *

По слабости своей, по неполнотѣ подчиненія своей всей жизни разуму, я ставлю и ставилъ себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣчать на него. Если бы я вполнѣ слился съ жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ закономъ міра, я бы и не подумалъ объ этомъ. Но, не приписывая имъ важности, долженъ сказать, что это мечтанія, которыя волей неволей приходятъ въ голову.

Мнѣ представлялось такъ: законъ жизни органической

есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе, любовь. На жизни органической, жизни борьбы рождается жизнь разумная и связана съ ней. Цѣль очевидная: уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ былъ раздоръ, Сначала между людьми, потомъ между людьми и животными, потомъ между животными и растеніями.

Цѣль давно уже такая поставлена. Еврейскій Мессія есть не что иное. Чтобъ перековать копья на орала и чтобъ ягненокъ лежалъ со львами.

Вотъ цѣль, подобная этой, мерещится мнѣ, но я не дорожу ею; знаю, что она далеко не исчерпываетъ всего. Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути. А для вѣрности пути я знаю, что первое условіе то, чтобы итти по немъ существомъ.

* * *

Поддержаніе и размноженіе жизни не можетъ быть цѣлью жизни —это несомнѣнно. Но тутъ-то и являются двѣ различныя точки зрѣнія: одна та, что знаніе въ человѣкѣ, въ человѣчествѣ—наука руководитъ жизнью, и что потому *цѣль* жизни, руководимой знаніемъ, должна быть извѣстна этому знанію; и другая: что человѣкъ есть орудіе разума для совершенія его (разума) неизвѣстнаго вполнѣ человѣку дѣла, и *цѣль* его, разума, не можетъ быть извѣстна, а извѣстенъ человѣку только *путь*, направленіе, по которому ведетъ его живущій въ человѣкѣ разумъ. (Христосъ все сказалъ, и я не перестаю удивляться строгости, точности его философскихъ опредѣленій).

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть *цѣль* для жизни міра и жизни людей (когда они сливаютъ свою жизнь съ жизнью міра)? Понятіе—*цѣль* есть понятіе ограниченности человѣческаго разума, вродѣ понятій награды и наказанія, и потому понятіе, не приложимое къ жизни міра. Если есть цѣль, то она должна быть достигнута, и тогда конецъ. Для міра вообще есть только жизнь, для участниковъ въ жизни міра есть и можетъ быть только направленіе, путь.

Кромѣ того: при первой точкѣ зрѣнія предполагается, что вся дѣятельность человѣка состоитъ или, по крайней мѣрѣ, руководима знаніемъ, и что для достиженія цѣли необходима преимущественно (исключительно думаютъ часто) дѣятельность умственная. При второй же точкѣ зрѣнія человѣкъ, зная только направленіе, идетъ за то по этому направленію весь съ своими и нервами, и мускулами, и ногтями, т. е. весь подчиняется тому направленію, которое одно онъ знаетъ, и съ каждымъ шагомъ видитъ новыя вѣхи на пути, но никогда не видитъ и не можетъ видѣть цѣли.

И только при этомъ условіи человѣкъ можетъ вѣрить вполнѣ тому направленію, по которому онъ идетъ, и испол-

нять то, что требуетъ отъ него разумъ. Только ставъ въ условія поддержанія и размноженія жизни, согласныя съ разумомъ, только съ начала пути и всѣмъ существомъ избравъ единственное истинное направленіе, путь, онъ можетъ съ полной увѣренностью итти дальше и сознавать себя въ согласіи и единеніи съ разумомъ: чѣмъ ближе эти условія, тѣмъ вѣрнѣе; чѣмъ дальше, тѣмъ сомнительнѣе.

* * *

Не увидать той обѣтованной земли, куда ввелъ другихъ,—хотя содѣйствовалъ сколько-нибудь введенію другихъ,—есть неизмѣнный законъ истинной жизни. Дѣло истинной жизни, чѣмъ настоящѣе оно, тѣмъ отдаленнѣе его послѣдствія истинной жизни, и потому увидать ихъ нельзя. Видишь даже того, чѣмъ проживешь. Домъ увидишь, какъ отстроится, и генеральскій чинъ доживешь, а не увидишь не только освобожденія отъ рабства государства, но и отъ рабства земельнаго.

Самое очевидное доказательство того, что жизнь не въ достиженіи цѣли, а въ исполненіи посланничества.

* * *

Съ особенной новой силой понялъ, что жизнь моя и всѣхъ только служеніе, а не имѣтъ цѣли въ самой себѣ.

* * *

Всякая жизнь безсмысленна, исключая той, которая имѣетъ цѣлью служеніе Богу, служеніе совершенію недоступнаго намъ дѣла Божія.

* * *

Очень обычная ошибка полагать цѣль жизни въ служеніи людямъ, а не въ служеніи Богу. Только служеніемъ Богу, т. е. дѣлая то, что Онъ хочетъ, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что не дѣлаешь пустого, и нѣтъ невозможности выбора: кому служить.

* * *

Богъ далъ намъ духъ свой, любовь, разумъ, чтобы служить Ему; а мы этотъ духъ употребляемъ на служеніе себѣ, употребляемъ топоръ на то, чтобы строгать топорище.

* * *

Смыслъ жизни нашей, единственный, разумный и радостный—въ томъ, чтобы служить и чувствовать себя служащимъ дѣлу Божію, установленію царства Его. Иногда бываетъ, что не чувствуешь этого служенія, кажется, что вышелъ изъ хомута, или ослабли постромки, но иногда это кажется оттого, что привыкъ къ хомуту, что втянулся въ работу и не чувствуешь ее. Во всякомъ же случаѣ, если и не чувствуешь внѣшнимъ образомъ своего служенія, если только знаешь въ глубинѣ души, что не отказывался служить, не снималъ хомута, можно быть увѣреннымъ, что служишь, а видно дѣло подъ гору или хозяинъ хочетъ дать вздохнуть.

* * *

Смыслъ жизни для меня сталъ уже исключительно въ томъ, чтобы служить Богу, спасая людей отъ грѣха и страданій.

Страшно только то, что захочешь угадать тотъ путь, которымъ хочетъ сдѣлать это Богъ, и ошибешься и поспѣшишь и, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, помѣшаешь, задержишь.

Одно средство не ошибиться—не предпринимать, а ждать призыва Бога, такого положенія, въ которомъ нельзя не поступить такъ или иначе: для Бога или противъ него; и въ этихъ случаяхъ всѣ силы души напрягать на то, чтобы дѣлать первое.

* * *

Человѣкъ употребляетъ свой разумъ на то, чтобы спрашивать зачѣмъ и отчего?—прилагая эти вопросы къ жизни своей и жизни міра. И разумъ же показываетъ ему, что отвѣтовъ нѣтъ. Дѣлается что-то вродѣ дурноты, головокруженія при этихъ вопросахъ. Индѣйцы на вопросъ *отчего* говорятъ: Маія соблазнила Брама, существовавшаго въ себѣ, чтобы онъ сотворилъ міръ; а на вопросъ *зачѣмъ*—не предумываютъ даже и такого глупаго отвѣта. Никакая религія не придумала, да и умъ человѣка не можетъ придумать отвѣтовъ на эти вопросы.

Что же это значитъ? А то, что разумъ человѣку не данъ на то, чтобы отвѣчать на эти вопросы; что самое заданіе такихъ вопросовъ означаетъ заблужденіе разума. Разумъ рѣшаетъ только основной вопросъ *какъ*. И для того, чтобы знать *какъ*, онъ рѣшаетъ въ предѣлахъ конечности вопросы: *отчего* и *зачѣмъ*.

Что же *какъ*? Какъ жить. Какъ же жить? Блаженно.

Этого нужно всему живущему и мнѣ. И возможность этого дана всему живущему и мнѣ. И это рѣшеніе исключаетъ вопросы *отчего* и *зачѣмъ*.

Но отчего и зачѣмъ не сразу расходится блаженство? Опять ошибка разума. Блаженство есть *дѣланіе* своего блаженства, другого нѣтъ.

* * *

Живой человѣкъ—тотъ, который идетъ впередъ туда, гдѣ освѣщено впереди его двигающимся фонаремъ, и который никогда не доходитъ до конца освѣщеннаго мѣста, а освѣщенное мѣсто идетъ впереди его. И это жизнь. И другой нѣтъ; и только при такой жизни нѣтъ смерти, потому что фонарь освѣщаетъ *туда*, и туда уходишь за нимъ такъ же спокойно, какъ и во все продолженіе жизни.

Если же человѣкъ заслонитъ фонарь или станетъ освѣщать вокругъ себя или назади, а не впереди, и перестанетъ итти, то будетъ остановка жизни.

* * *

Но если нѣтъ смысла въ моей жизни, то его и нѣтъ въ жизни человѣка и человѣчества? Такъ и говорятъ древніе буддисты и новые пессимисты. То же говоритъ и евангеліе, но съ тою разницею, что буддисты и пессимисты говорятъ это какъ послѣдній выводъ, изъ котораго слѣдуетъ отрицаніе жизни; христіанство же говоритъ это, какъ указаніе на ложное пониманіе жизни языческой и на необходимость иного пониманія ея—христіанскаго и утвержденія жизни.

Жизнь не имѣетъ цѣли, понятной человѣку—это самое и говоритъ христіанство. Но не имѣя такой доступной человѣку цѣли, она имѣетъ ее, и служеніе этой недоступной человѣку цѣли и составляетъ назначеніе человѣка. Цѣль, доступная человѣку, была бы цѣлью конечной.

Цѣль же, поставленная теперь передъ человѣкомъ, безконечна. И въ приближеніи къ ней—смыслъ жизни человѣка. Достижимая только въ безконечности цѣль, поставленная передъ человѣкомъ, недоступна ему, но направленіе къ достиженію ея доступно.

* * *

„Какъ же можно жить, не зная, что будетъ; не зная, въ какихъ формахъ будешь жить?“

Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что будетъ. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. *Онъ* знаетъ. Только такая дѣятельность служитъ свидѣтельствомъ вѣры въ Бога и въ Его законъ. Только тогда и свобода, и жизнь.

* * *

Надо быть по отношенію воли Бога какъ добрая, породистая кобылка, которую я выѣзжалъ; она не вырваться хотѣла, не перестать служить, а только хотѣла догадаться, чего, какой работы я хочу отъ нея. Она пробовала то съ той, со съ другой, то съ третьей ноги, то вправо, то влѣво, то голову внизъ, то вверхъ.

Такъ и намъ надо.

* * *

Для меня ученіе Христа болѣе всего стало понятно, болѣе всего завладѣло мной, когда я ясно понялъ, что жизнь моя—не моя, а Того, кто далъ ее. и что цѣль жизни не во мнѣ, а въ Его волѣ, и надо узнать и дѣлать ее. Это перевернуло меня.

* * *

Только бы избавилъ насъ Богъ отъ лукаваго, отъ дьявола, онъ же „я“ во мнѣ и въ васъ. Только бы не забывать, что жизнь моя не завтра, не на будущій годъ, не въ Ясной, не въ Москвѣ, не съ X, не безъ нея, а въ служеніи Отцу вездѣ, всегда и со всѣми, и хорошо...

* * *

Вотъ чѣмъ надо быть,—какъ говоритъ Лаодзе,—какъ вода. Нѣтъ препятствій, она течетъ; плотина—она остановится; прорвется плотина—она снова потечетъ; въ четырехугольномъ сосудѣ она четвероугольна; въ кругломъ—она кругла. Оттого-то она нужнѣе всего и сильнѣе всего.

* * *

Сила съ которой мы убѣждены въ чемъ-нибудь, полная, совершенная, непоколебимая, бываетъ не тогда, когда доводы логически неотразимы, и не тогда даже, когда чувство совпадаетъ съ требованіями ума, а только тогда, когда человѣкъ опытомъ убѣждается, испытавъ противоположное, что есть только одинъ путь...

Такое убѣжденіе намъ дается о томъ, что жизнь есть только одна: слѣдованіе волѣ Бога.

* * *

Представь себѣ, что любимая женщина обѣщала тебѣ свиданіе вечеромъ. Какъ ты проведешь этотъ день, какъ будешь готовиться къ этому свиданію? Какъ будешь бояться умереть, бояться, чтобы не кончился міръ до этого

свиданія. А совершись свиданіе, и послѣ пусть будетъ, что будетъ.

Вотъ что значитъ желать. Вотъ такъ-то желать я бы хотѣлъ исполнять волю Бога. Такъ же страстно только одного желать—исполненія ея. Возможно-ли это?

Возможно-ли это? Да, возможно. Для этого нужно только, чтобы такъ же ясно знать, въ чемъ дѣло, нужно сознавать трудъ свой, нужно, чтобы была жертва.

* * *

Помогай вамъ Богъ не переставая радоваться тому, чему никто, никогда, нигдѣ не можетъ помѣшать—радости исполненія воли Его, если только исполнять ее въ чистотѣ, смиреніи и любви.

* * *

Вы спрашиваете: *для чего жить, какъ жить и что дѣлать, чтобы имѣть право на жизнь*? Прежде всего надо переставить вопросы и прежде отвѣчать на вопросъ: какъ жить, а потомъ уже постараться понять, для чего? Жить надо: прежде всякаго разсужденія мы жили и живемъ: каждыя сутки спимъ, нѣсколько разъ ѣдимъ, движемся, мыслимъ. Мы всѣ, какъ лошадь на топчакѣ, колесо котораго вертится подъ нами и заставляетъ насъ двигаться, не можемъ не жить, и потому первый и главный вопросъ, по моему, единственный разумный, въ томъ, какъ жить? Отвѣтъ первый мы всѣ знаемъ, и вы знаете: *какъ можно получше*. Такъ всѣ люди жили, т. е. стремясь къ этому, такъ живутъ и такъ будутъ жить.

Второй вопросъ: что значитъ лучше? Въ чемъ лучше? Отвѣтъ для человѣка, знающаго только себя,—ясенъ: какъ можно больше наслажденій. Но какъ только человѣкъ понялъ, что онъ не одинъ, почувствовалъ страданія другихъ людей, такъ первый отвѣтъ уже не удовлетворяетъ, является противорѣчіе личныхъ стремленій къ наслажденію и совѣсти. Вотъ въ этомъ противорѣчіи вы и находитесь. И чтобы разрѣшить его, надо отдаться одной изъ этихъ двухъ силъ: стремленіе къ благу личному, или—совѣсти, и отдаться совершенно, безъ исключенія и отговорокъ и компромиссовъ.

Отдаться же стремленію къ личному счастью или совѣсти не значитъ то, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти или личнаго счастья, но значитъ то, чтобы въ сознаніи своемъ признать *жизнью, истинной жизнью* только одно изъ двухъ. Страданія, сомнѣнія происходятъ отъ нерѣшенности вопроса въ сознаніи. Если бы было то, что ваши требованія правды не суть требованія вашей совѣсти, а навѣянное вамъ извнѣ, то, отрекшись отъ совѣсти, вы

успокоитесь и будете жить и наслаждаться, пока можете. (Разумѣется, это кончится страданіемъ, я знаю это. Но вы не можете повѣрить этому на слово, если требованія совѣсти въ васъ еще не проснулись пока). Но они должны проснуться, потому что движеніе всего человѣчества идетъ отъ стремленія къ личному благу, къ требованіямъ совѣсти (И все это я говорю только какъ очень невѣроятную возможность). Если же совѣсть проснулась въ васъ, то признайте разъ навсегда, что жизнь только въ удовлетвореніи требованій этой совѣсти, и тогда вы опять будете спокойны, и жизнь получитъ для васъ смыслъ. Потому что, что такое совѣсть? Совѣсть есть тотъ высшій законъ всего живущаго, который каждый сознаетъ въ себѣ не только признаніемъ правъ этого всего живущаго, но любовью къ нему. Требованія совѣсти суть то, что на христіанскомъ языкѣ называется волей Бога, и потому смыслъ жизни и отвѣтъ на оба вопроса: *для чего жить и какъ сдѣлать, чтобы имѣть право жить*?—состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Бога, сознаваемую нами въ нашей совѣсти. Къ чему приведетъ васъ это? Я не знаю, но знаю, что ясное сознаніе этого измѣнитъ всю вашу внѣшнюю жизнь и приведетъ къ тому, что дастъ вашей жизни постоянный, все болѣе и болѣе уясняющійся, радостный и разумный смыслъ. Если же вамъ не ясно, чего требуетъ совѣсть, то отвѣтъ на это даетъ евангеліе.

* * *

Для того, чтобы отвѣтить на вашъ вопросъ: зачѣмъ жить?—надо прежде всего, отвѣчая на этотъ вопросъ, отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ соображеній, отъ вопросовъ о такихъ или иныхъ курсахъ, о томъ, что можетъ быть пріятно или непріятно мнѣ или моимъ родителямъ, а живо представить себѣ свое положеніе одинокаго, отдѣльнаго человѣческаго существа, недавно, лѣтъ 20—30, откуда-то явившагося и нынче, завтра, черезъ 10, 20, 30 лѣтъ долженствующаго куда-то исчезнуть.

Зачѣмъ можетъ быть нужно жить такому существу и милліонамъ, милліардамъ такихъ же существъ, находящихся совершенно въ такомъ же положеніи? Очевидно, все это сдѣлано не для этихъ существъ, такъ же, какъ всѣ гайки, винты, колеса, поршни большой машины сдѣланы не для нихъ, а для служенія общей цѣли машины.

То же и съ нами: мы орудія той высшей воли, которая черезъ насъ творитъ свое, нужное ей дѣло. Различіе только въ томъ, что мы сознаемъ себя живыми и можемъ, не признавая себя орудіями высшей воли, страдать отъ своего положенія, и можемъ, сознавая себя нужными орудіями жизни, чувствовать радость участія въ безконечно великомъ дѣлѣ, совершаемомъ жизнью міра.

Но вы спросите, въ чемъ это дѣло? На это я отвѣчу, что мы не можемъ знать всего его, но всегда можемъ знать, когда мы содѣйствуемъ и когда противимся ему. Любовныя отношенія ко всему живущему—прежде всего, разумѣется, къ человѣку, къ ближайшимъ изъ нихъ,—испытываніе любви и возбужденіе въ другихъ этого чувства есть признакъ участія въ общемъ дѣлѣ; возбужденіе въ себѣ и въ другихъ вражды, ненависти—есть признакъ противодѣйствія общему дѣлу.

* * *

Письмо ваше не только заинтересовало меня, но и привлекло къ вамъ.

Я думаю, что вы ищите того, чего долженъ искать каждый человѣкъ, и безъ чего не могутъ жить люди, несмотря на то, что вся жизнь среди высшихъ достаточныхъ классовъ сложилась такъ, чтобы люди могли жить безъ этого. Это то, что вы ищете и къ чему васъ раньше, чѣмъ обыкновенно влечетъ людей, влекутъ ваши исключительныя условія, а можетъ быть и ваша болѣе серьезная, чѣмъ у большинства, натура: это ясно сознанный смыслъ своей жизни: зачѣмъ я живу? Не для того же, чтобы мнѣ было весело; не для того, чтобы произвести, пустить на свѣтъ и воспитать такихъ же, какъ я, не знающихъ, зачѣмъ они живутъ, людей; и не для того же, чтобы дѣлать археологическія, очень сомнительно нужныя людямъ изысканія.

Безъ всего можно жить, но не безъ отвѣта на этотъ вопросъ. А между тѣмъ въ нашемъ quasi-просвѣщенномъ мірѣ считается даже нѣкоторымъ умственнымъ превосходствомъ не только не знать этого, но утверждать, что этого и нельзя знать.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ только религія. Если та религія, въ которую вы вѣрили, разрушена вашимъ критическимъ отношеніемъ къ ней, тотчасъ ищите другую, т. е. другой отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ вы живете? Какъ безъ короля, говорятъ, нельзя быть минуты: Le roi est mort, vive le roi, такъ, тѣмъ меньше, нельзя минуты быть безъ этого царя въ головѣ и сердцѣ. Только религія, т. е. отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ я живу?—дастъ такое дѣло, при которомъ можно забыть себя, свою ничтожную, гибнущую и надоѣвшую себѣ и столь несносно требовательную личность.

Въ моихъ запрещенныхъ въ Россіи книгахъ я писалъ только объ этомъ. Если вы прочтете ихъ, вы найдете тамъ тотъ отвѣтъ, который я нашелъ для себя. Но если вы не читали моихъ книгъ, или читали и не извлекли тамъ этого отвѣта, я могу въ трехъ строчкахъ сказать это.

Я живу затѣмъ, чтобы исполнять волю пославшаго меня въ жизнь. Воля же Его въ томъ, чтобы я довелъ

свою душу до высшей степени совершенства въ любви, и этимъ самымъ содѣйствовалъ установленію единенія между людьми и всѣми существами въ мірѣ.

* * *

Каждый разрѣшаетъ это по своему, и истина о мечѣ и раздѣленіи остается одинаково истиной для всѣхъ, какъ ни разрѣшай. Я одно хочу сказать вамъ—то, что я опытомъ извѣдалъ,—чѣмъ руководствоваться въ сложныхъ случаяхъ, въ тѣснотѣ жизни, когда попадешь въ нее и чувствуешь, что одинъ, только одинъ есть путь, и что будетъ все дурно, если не попадешь на него. Я вотъ что думаю:

Волю Отца, въ чемъ она состоитъ, что Ему нужно, зачѣмъ Онъ все сдѣлалъ и дѣлаетъ (если такъ по старой привычкѣ и для образности выразиться), какая цѣль вашей и моей жизни—этого не дано намъ знать, и когда мы воображаемъ, что знаемъ цѣль Отца, мы путаемся самымъ жестокимъ образомъ. Знать мы Его цѣли не можемъ уже потому, что она безконечна.

Но мы знаемъ и можемъ всегда знать, дѣлаемъ-ли мы Его волю,—то, зачѣмъ мы живемъ, то, чего Онъ отъ насъ хочетъ. Онъ, какъ на возжахъ, держитъ насъ, и мы, какъ лошадь, не знаемъ, куда придемъ, зачѣмъ; но знаемъ по боли, когда идемъ не туда, куда надобно, и по свободѣ, отсутствію стѣсненія, что идемъ, куда надо. И потому опытомъ и всѣмъ существомъ узнаемъ, что первый, главный и единственный (потому что остальные включены въ него) признакъ исполненія воли Божьей это то, что намъ легко, не больно, даже радостно. Онъ этого хотѣлъ, любя насъ, и мы знаемъ, что это нужно.

Второй признакъ, но въ зависимости отъ перваго, это то, чтобы другимъ было не больно, чтобы моя дѣятельность не вызывала стона страданія. Вотъ тутъ-то и задача: одно какъ будто исключаетъ другое. Но „какъ будто". Когда это кажется, это признакъ только того, что жизнь совершается въ тѣснотѣ, что безразличной ширины пути мало, что истинный путь тѣсенъ, тѣсенъ, какъ остріе ножа, но онъ есть. Чувствуя чужія страданія, какъ свои, что вы и дѣлаете, можно и должно найти тотъ путь, при которомъ будетъ легко. И это будетъ тогда, когда я сдѣлалъ *все*, зависящее отъ меня, для облегченія страданій другихъ. Есть, есть этотъ путь, милый другъ. Молиться надо, т. е. обращаться съ Богомъ, и путь этотъ находится. И чѣмъ труднѣе его отыскиваніе, тѣмъ онъ радостнѣе. Да, человѣкъ долженъ быть свободенъ и всемогущъ, и есть это одно направленіе, по которому онъ свободенъ и всемогущъ, и можно найти его.

Но есть и третій признакъ, который я нашелъ для

себя. Это не уменьшеніе. а увеличеніе души. Этотъ признакъ дорогъ тѣмъ, что онъ повѣряетъ выборъ. Если поступокъ, родъ жизни, путь принижаетъ и умаляетъ душу, это—не тотъ. Не то. чтобы можно было этотъ признакъ принять за руководство,—помилуй Богъ,—но всѣ силы употребить на отыскиваніе пути между страданіями другихъ отъ меня и стѣсненіемъ. испытываемымъ мною. и, намѣтивъ себѣ этотъ путь. можно провѣрить справедливость его этимъ признакомъ.

* * *

Пища жизни истинная состоитъ въ томъ. чтобы творить волю пославшаго насъ сюда и совершить дѣло Его. Воля же пославшаго и дѣло Его—то, чтобы. во-первыхъ, отдавать оброкъ за данную намъ жизнь добрыми дѣлами; добрыя же дѣла суть тѣ дѣла. которыя увеличиваютъ любовь къ людямъ; а дѣло Его то. чтобы увеличить, возрастить тотъ талантъ. нашу душу. который данъ намъ. И одно нельзя сдѣлать безъ другого. Нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ, увеличивающихъ любовь. безъ того. чтобы не увеличить свой талантъ, свою душу, не увеличить въ ней любовь; и нельзя увеличить свой талантъ. увеличить любовь въ своей душѣ безъ того. чтобы не дѣлать добро людямъ, увеличивая въ нихъ любовь. Такъ что одно зависитъ отъ другого. и одно повѣряетъ другое. Если ты дѣлаешь дѣло, которое считаешь добрымъ. но не чувствуешь увеличенія любви въ своей душѣ, если въ твоей душѣ при этомъ не радостно. то знай. что дѣло. которое ты дѣлаешь, не доброе. И если ты что-либо дѣлаешь для своей души. и при этомъ не увеличивается добро въ людяхъ. то знай. что безполезно то. что ты дѣлаешь для своей души.

* * *

Ищите царствія Божьяго и правды его. и остальное приложится. Ищите того. чтобы быть исполнителями воли Бога и больше ничего. ничего. Все будетъ: и праведность. и радость. и жизнь. не говоря о хлѣбѣ и одеждѣ. которые и не нужны. Нуженъ только хлѣбъ насущный—пища жизни. та. про которую Христосъ сказалъ: „Пища моя творить волю пославшаго“.

* * *

Исполненіе воли Бога—дѣло жизни: но въ чемъ воля Божья? Такой-ли. иной-ли поступокъ надо совершить, чтобы исполнить волю Бога? Въ такія-ли. въ иныя-ли условія себя поставить: отдать имѣніе, бросить семью. обличать

людей? Идти въ Неневію или Іерусалимъ? и т. п. И нѣтъ отвѣта.

Ни то, ни другое, ни третье не нужно, и никакое положеніе или дѣйствіе не соотвѣтствуетъ исполненію воли Бога; не только не соотвѣтствуетъ, но препятствуетъ, потому что всякое дѣйствіе по своей волѣ, всякая перемѣна положенія есть непокорность волѣ Божьей. Исполненіе же воли Бога, какъ и царство Его, внутри насъ: исполненіе не въ дѣйствіяхъ, а въ покорности, въ кроткомъ и смиренномъ отношеніи къ запросамъ жизни, въ которой находишься.

Ты скажешь: запросы бываютъ противные совѣсти, или нѣсколько противорѣчивыхъ, или вовсе нѣтъ запросовъ.

Только относись къ запросамъ, если они противны твоей совѣсти, съ кротостью и смиреніемъ, т. е. отказывайся отъ исполненія ихъ безъ хвастовства и озлобленія, а съ кротостью и смиреніемъ, или относись къ тѣмъ запросамъ, которые кажутся противорѣчивыми, съ кротостью и смиреніемъ, отвернувшись отъ своей воли, а только передъ Богомъ,—и противорѣчіе разрѣшится. Того же, чтобы запросовъ не было, не можетъ быть. Хоть однѣ потребности тѣла, и тѣ—запросы, и можно ѣсть и спать, и укрываться съ кротостью и смиреніемъ.

Да, воля Бога не въ томъ, *что* дѣлать (что дѣлать—показываетъ жизнь), а *какъ* дѣлать. *Какъ* и есть то, что творитъ истинную духовную жизнь.

* * *

Я недавно думалъ о томъ, что дѣло христіанина—творить волю Отца; но въ чемъ воля Отца? Какъ узнать, чтобы не ошибаться? А то начнешь думать, что воля Отца въ томъ, чтобы я проповѣдывалъ, или въ томъ, чтобъ жилъ такъ или этакъ, — въ томъ, чтобъ жилъ семьей или безъ семьи. И если начнешь такъ себя спрашивать, никогда не найдешь, въ чемъ воля Отца, и придешь въ сомнѣніе и смущеніе: затѣмъ велѣно дѣлать волю Отца, а не показано, въ чемъ она?

И вотъ объ этомъ я думаю такъ: что́ воля Отца намъ показана ясно, но мы не тамъ ищемъ ее, гдѣ она показана намъ. Мы все думаемъ, что воля Отца можетъ быть во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ-то, чтобы Аврааму идти въ чужую землю и т. п., а воля Отца только въ томъ, чтобы мы въ томъ ярмѣ, въ которое мы запряжены, были кротки и смиренны и, не спрашивая куда, зачѣмъ, что веземъ, везли бы, пока есть сила, останавливались бы, когда велятъ, и опять везли бы, когда велятъ, и поворачивали бы, куда велятъ, и не спрашивали бы зачѣмъ и куда. — „Возьмите

иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ".

Будь кротокъ и смиренъ сердцемъ, будь доволенъ всѣмъ, согласенъ на всякое положеніе и исполнишь волю Отца. Такъ что, воля Отца, чтобъ исполнять, надо узнать не что дѣлать, а надо узнать, *какъ* дѣлать то, что приходится дѣлать.

* * *

Жизнь въ исполненіи воли Бога. Въ чемъ эта воля Бога.

Все, что мы можемъ поставить цѣлью, какъ воля Бога, — все недостаточно, неполно, все только признать, но не самая воля Бога. Такъ же, какъ одинъ частный работникъ не можетъ понять всего дѣла предпринимателя (какъ ни жалко, мелко это сравненіе воли Бога, т. е. всего, съ волей предпринимателя, но оно именно этой несоразмѣрностью тѣмъ болѣе показываетъ невозможность человѣку понять волю Бога). Есть и для насъ признакъ того, что мы дѣлаемъ волю Бога, но самую волю Бога никогда не узнаемъ. По всѣмъ этимъ признакамъ мы можемъ узнавать то, что мы дѣлаемъ волю Его: то же, въ чемъ именно состоитъ Его воля, всегда останется для насъ тайною.

И такъ и должно быть. Не могло бы быть жизни, жизни вѣчной, если бы цѣль, къ которой мы стремимся, была понятная намъ,—слѣдовательно, конечная.

Признаки же того, что живемъ мы по Его волѣ, а не противъ нея, даны намъ самые несомнѣнные, какъ для лошади, которую возжи пускаютъ идти только въ одномъ направленіи.

Самый первый, главный, несомнѣнный признакъ, которымъ мы такъ склонны пренебрегать—это отсутствіе ощущенія духовнаго страданія (какъ у лошади отсутствіе ощущенія боли отъ удилъ). Если испытываешь полную свободу, ничѣмъ ненарушимую, то живешь по волѣ Божьей.

Другой признакъ, повѣряющій первый, это ненарушеніе любви съ людьми. Если не чувствуешь враждебности ни къ кому и знаешь, что къ тебѣ не чувствуютъ зла, ты въ волѣ Бога.

Третій признакъ, опять повѣряющій первый и повѣряемый ими, есть ростъ духовный. Если чувствуешь, что дѣлаешься духовнѣе, побѣждаешь животное, — ты въ волѣ Бога.

Мы знаемъ, вѣрно знаемъ, когда мы живемъ по волѣ Бога. Но не знаемъ мы самую волю Бога, и намъ надо помнить, надо знать, что мы не знаемъ и не можемъ знать ея; а не выставлять себѣ цѣли внѣшнія, отождествляя ихъ съ волей Божьей, какъ бы ни высоки казались намъ эти цѣли, какъ, напр., поученіе людей въ истинахъ вѣры, установле-

ніе на дѣлѣ Царства Божьяго на землѣ, указаніе примѣра жизни по Божьи и многое другое.

Лошадь вѣрно знаетъ, что она идетъ по волѣ хозяина, когда возжи не дергаютъ ее, но она не знаетъ воли хозяина, и горе ей, если она вообразитъ, что знаетъ эту волю. Хозяинъ воротитъ загрязшую кобылу съ шоссе въ грязь, заставляетъ ее войти въ грязный, тѣсный отъ другихъ лошадей дворъ. Кобылѣ кажется ясно, что воля хозяина въ томъ, чтобы везти тяжесть по шоссе, и она везетъ ее; сворачиваніе же въ грязь двора и общеніе съ другими лошадьми,—этого не можетъ хотѣть хозяинъ, по сужденію кобылы, и кобыла упирается и жалуется, и страдаетъ. Она не знаетъ, что хозяинъ сворачиваетъ на дворъ и затѣмъ, чтобы покормить лошадь, потому что онъ жалѣетъ ее, ожидая отъ нея приплода.

Такъ я сколько разъ опирался, жаловался на судьбу, на тѣ вожжи, которыя вели меня туда, куда вели, и страдалъ. А все оттого, что я себѣ представлялъ извѣстное осуществленіе въ мірѣ воли Божьей. Вотъ я отдалъ свое имѣніе, отказался отъ всякой роскоши и живу, своимъ примѣромъ, указывая, какъ можно и должно жить по волѣ Бога... И вдругъ меня воротятъ въ сторону, въ грязь, въ тѣсноту. Я думаю, что дѣло Божье задерживается, нарушается отъ этого. А оно, можетъ быть, этимъ-то и дѣлается, если на лицо признаки того, что я живу по волѣ Бога.

Я ищу ближайшихъ послѣдствій и огорчаюсь, что не вижу ихъ, а не знаю тѣхъ послѣдствій въ милліонъ разъ бо́льшихъ, которыя достигаются этими обходами.

* * *

Жить надо для того, чтобы исполнять волю Того, кто насъ послалъ въ жизнь. Жить же надо такъ, чтобы воля эта была исполняема. И исполненіе этой воли даетъ право на жизнь или, чтобы выразиться точнѣе, даетъ увѣренность въ томъ, что жизнь твоя не только имѣетъ мысль, но нужна, необходима для Того, кто послалъ тебя въ жизнь.

Но вы спросите: въ чемъ эта воля, и какъ знать, когда исполняешь и когда не исполняешь ее? Воля эта требуетъ отъ насъ два дѣла: постоянное совершенствованіе себя и постоянное же содѣйствіе установленію Царства Божія на землѣ, т. е. такого строя жизни, при которомъ всѣ люди сознавали бы себя равными братьями и любили бы другъ друга. Для того, чтобы узнать въ каждомъ дѣлѣ, исполняешь ли или нѣтъ волю пославшаго, надо спросить себя,—содѣйствуетъ ли это дѣло вмѣстѣ твоему совершенствованію (совершенствованіе же состоитъ въ увеличиваніи любви) и установленію Царства Божія, т. е. увеличенію любви въ людяхъ. Если дѣло удовлетворяетъ только одному: своему совершенствованію, но не служитъ людямъ, уве-

личивая въ нихъ любовь, если оно служитъ людямъ, но не вызываетъ въ самомъ тебѣ любовь, увеличивая ее,—это дѣло Божье, не исполненіе Его воли.

Коротко выраженный смыслъ жизни тотъ, что всякій живой человѣкъ есть орудіе Божье,—орудіе, черезъ которое высшая сила дѣлаетъ свое дѣло. И потому смыслъ жизни—въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ дѣлать то дѣло, которое отъ тебя требуетъ эта высшая сила. Знать же, дѣлаешь или не дѣлаешь это дѣло, всегда можно: совѣсть есть указатель этого. Надо только слушать ее и стараться дѣлать ее все болѣе и болѣе чуткою.

* * *

Очень часто случается слышать и читать споры и разсужденія о томъ, что должно быть цѣлью человѣческой жизни: внутреннее нравственное совершенствованіе или служеніе человѣчеству, установленіе Царства Божія. Споръ этотъ никогда не можетъ быть разрѣшенъ, потому что обѣ стороны справедливы: и та, и другая цѣль поставлены передъ человѣкомъ и человѣчествомъ. И одна цѣль не только не исключаетъ другую, но, напротивъ, обѣ совпадаютъ, и одна обусловливаетъ другую.

Какую цѣль долженъ ставить себѣ каменщикъ, участвующій въ работѣ зданія: наибольшее совершенство работы своего дня или постройку зданія? Только тогда достигнетъ каменщикъ наибольшаго совершенства работы своего дня, когда онъ будетъ имѣть цѣлью постройку зданія, и только тогда онъ можетъ содѣйствовать постройкѣ зданія, когда онъ будетъ стремиться совершить наилучшую работу своего дня.

Только поставивъ себѣ внѣшнею цѣлью установленіе Царства Божія, достигаетъ человѣкъ наивысшаго совершенства жизни, доступнаго ему, и только стремясь къ этому высшему совершенству жизни и, достигая его, содѣйствуетъ человѣкъ установленію Царства Божія.

Одинаково ошибается и не исполняетъ своего назначенія тотъ, кто стремится къ улучшенію жизни людской, къ установленію Царства Божія, не устанавливая его въ себѣ, какъ и тотъ, кто стремится къ такому личному самосовершенствованію, которое не имѣетъ цѣлью установленіе Царства Божія внѣ себя.

Человѣкъ поставленъ въ такія условія, что единственное возможное для него, истинное, разумное благо состоитъ въ стремленіи къ личному самосовершенствованію; личное же самосовершенствованіе таково, что оно достигается только тогда, когда человѣкъ признаетъ себя орудіемъ Божіимъ для установленія Его Царства.

„И не придетъ Царствіе Божіе видимымъ образомъ, и

не скажутъ: вотъ оно здѣсь или вотъ оно тамъ. Ибо вотъ: Царствіе Божіе внутрь васъ есть".

* * *

Въ той мѣрѣ, въ которой достигаетъ человѣкъ внутренняго совершенства, въ той мѣрѣ устанавливаетъ онъ Царство Божіе и только въ установленіи Царства Божія онъ подвигается къ внутреннему совершенству. Безъ сознанія того, что усиліе мое содѣйствуетъ установленію Царства Божія приближеніемъ совершенства Отца, не было бы жизни. И потому каждый изъ насъ живетъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ установляетъ Царство Божіе внѣ себя и совершенствуетъ себя внутри себя.

* * *

Утвержденіе того, что человѣкъ можетъ поступиться своими нравственными обязанностями въ виду достиженія общихъ цѣлей подобно тому, которое бы сдѣлалъ человѣкъ, спросивъ: какая должна быть цѣль кочегара или водовоза, или кузнеца на заводѣ: растапливать печь, привезти воду, сковать крюкъ, или забота о ходѣ всего завода?

Ни та, ни другая цѣль порознь не удовлетворяетъ требованіямъ жизни человѣческой, потому что и та, и другая цѣль вмѣстѣ поставлены передъ человѣкомъ и человѣчествомъ, и одна цѣль не только не исключаетъ другую, а напротивъ, обѣ совпадаютъ, и одна обусловливаетъ другую.

* * *

Чтобы исполнить волю Бога, нужно дѣлать дѣло Его; чтобы дѣлать дѣло Его, нужны двѣ вещи, и не порознь,— вмѣстѣ: нужны разумъ и любовь, нужна истина и добро, нужно, чтобы разумъ былъ любовенъ, т. е. чтобы дѣятельность его имѣла цѣлью любовь, или чтобы любовь была разумна, т. е. чтобы любовь не противна была разуму.

Примѣръ перваго—это дѣятельность разума научная: изслѣдованіе млечнаго пути, тонкости метафизики, естественныя науки, искусство для искусства; примѣръ второго—любовь къ женщинѣ одной, къ своимъ дѣтямъ, къ своему народу, любовь, имѣющая цѣлью благо не духовное, а животное.

Плодъ дѣятельности разума—истина, плодъ дѣятельности любви—добро. Но чтобы былъ плодъ, нужно, чтобы совпали обѣ дѣятельности. Добро произойдетъ только отъ разумной, провѣренной на истинѣ любви, и истина—только отъ дѣятельности любовнаго, имѣющаго цѣлью добро разума.

Все это я не выдумалъ, а это я увидалъ.

* * *

Мы все думаемъ, что наша обязанность, призваніе — это дѣлать разныя дѣла, воспитать дѣтей, нажить состояніе, написать книгу, открыть законъ въ наукѣ; а нужно только одно—чтобы жизнь была цѣльнымъ, хорошимъ, разумнымъ дѣломъ; и дѣломъ не передъ людьми, оставивъ послѣ себя память доброй жизни, а дѣломъ передъ Богомъ: представить Ему себя, свою душу, лучше, чѣмъ она была, ближе къ Нему, покорнѣе Ему, согласнѣе съ Нимъ. Думать такъ,— главное, чувствовать такъ очень трудно. Все сбиваешься на славу людскую, но это можно и должно. Помоги мнѣ, Богъ. Я иногда и вотъ сейчасъ чувствую это.

* * *

Думалъ о томъ, что надо помнить въ минуту упадка слуха, горя, страха, досады или гнѣва на людей:

Помни, что жизнь твоя только въ исполненіи воли Бога на землѣ, исполнять же волю Бога невозможно: ты можешь только возращать свою духовную сущность; возращать же свою духовную сущность ты можешь только соблюденіемъ чистоты въ твоей животной, смиренія въ твоей человѣческой (мірской) и любви въ твоей божеской жизни. Для соблюденія же чистоты тебѣ нужны лишенія, для смиренія нужны худая слава и униженія, для любви нужна враждебность къ тебѣ людей („и если любите любящихъ васъ, какая же вамъ... и т. д.). И потому — то, что ты называешь страданіями, то, на что ты жалуешься, чѣмъ тревожишься, о чемъ горюешь, чего боишься,—все это не что иное, какъ или лишенія и боли, или худая слава, оскорбленія, униженія, или враждебность къ тебѣ людей; а и то, и другое, и третье, необходимо тебѣ для соблюденія чистоты, смиренія, любви, для взращиванія своей духовной сущности, для служенія Царству Божію, для жизни. И потому не огорчаться, а радоваться я долженъ и лишеніямъ, и униженіямъ и враждебности.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели Богъ могъ поставить человѣка въ такое ужасное положеніе, чтобы онъ переносилъ лишенія, униженія и враждебность, не получая за это возмездія? Это не могло быть. И нѣтъ этого. Нельзя отвѣтить, будетъ-ли возмездіе на томъ свѣтѣ или нѣтъ. Вопросъ неправильно поставленъ. Надо исправить прежде ложный взглядъ, котораго не должно быть, при которомъ возникаетъ такой вопросъ. Въ родѣ того, какъ если бы люди лѣнившіеся, голодая отъ праздности, спрашивали, будетъ-ли имъ награда на томъ свѣтѣ за то, что они должны работать, чтобы прокормиться. Награды не будетъ; но надо

понять, что работа, дающая хлѣбъ, есть необходимое условіе животной жизни. Точно такъ же надо понять, что перенесеніе лишеній, униженій и враждебности есть необходимое условіе жизни духовной.

* * *

Главное заблужденіе жизни людей—то, что каждому отдѣльно кажется, что руководитель его жизни есть стремленіе къ наслажденію и отвращеніе отъ страданія. И человѣкъ одинъ, безъ руководства, отдается этому руководителю, ищетъ наслажденія и избѣгаетъ страданія, и въ этомъ полагаетъ цѣль и смыслъ жизни. Но человѣкъ никогда не можетъ жить наслаждаясь, и не можетъ избѣжать страданій. Стало быть, не въ этомъ цѣль жизни. А если бы была, то что за нелѣпость: цѣль—наслажденія—и ихъ нѣтъ и не можетъ быть. А если бы они и были—конецъ жизни—смерть, всегда сопряженная со страданіями. Если бы морякъ рѣшилъ, что цѣль его миновать подъемы волнъ,—куда бы онъ заѣхалъ? Цѣль жизни внѣ наслажденій и страданій. Она достигается проходомъ черезъ нихъ. Наслажденія, страданія—это дыханіе жизни: вдыханіе и выдыханіе, пища и отдача ея. Положить свою цѣль въ наслажденіи и избѣжаніи страданій—это значить потерять путь, пересѣкающій ихъ. Цѣль жизни общая или духовная.

* * *

„Покайтесь, опомнитесь", помните безуміе того смысла, который вы приписываете жизни, оглянитесь на себя и поймите себя, кто вы, что вы, и для чего вы живете? Не можетъ личное благо отдѣльнаго человѣка, или даже семьи, или государства быть цѣлью вашей жизни. Онъ не училъ ихъ чему-либо новому, а только открывалъ имъ глаза на то, что они сами не могутъ не видѣть, на то, что не можетъ быть смыслъ жизни людской въ томъ, чтобы каждый въ ущербъ другому пріобрѣталъ свое личное, шаткое, обманчивое и кратковременное благо. Смыслъ жизни вашей можетъ быть,—говорилъ онъ имъ,—только въ исполненіи той воли, которая для достиженія своихъ цѣлей послала васъ въ эту жизнь. Воля же эта, состоящая въ установленіи царства Божія, т. е. единенія и любви между всѣми тварями, совпадаетъ съ тѣмъ основнымъ стремленіемъ къ благу, которое лежитъ въ душѣ вашей. Поймите, что жизнь ваша—не ваша, не есть ваша собственность, а собственность Того, Кто произвелъ ее для своихъ цѣлей, и что только подъ условіемъ исполненія Его воли дано вамъ наиболѣе возможное вамъ благо. Ищите царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.

* * *

Будьте всегда готовы къ этому часу. Будьте готовы къ нему, какъ хозяинъ, стерегущій свой домъ, какъ дѣвы съ свѣтильниками, встрѣчающія жениха. И не только будьте всегда готовы для встрѣчи этого часа, но работайте изъ всѣхъ своихъ силъ для наступленія его, какъ должны были работать работники, которымъ уѣхавшій хозяинъ поручилъ, смотря по ихъ силамъ, различное количество талантовъ (Мѳ. XXIV, XXV).

* * *

Одна сторона ученія Христа, связанная со всѣмъ остальнымъ и даже основная, была совсѣмъ затемнена, даже скрыта отъ насъ обоготвореніемъ его, именно его ученіе о посланничествѣ. Вспомните, сколько разъ съ разныхъ сторонъ онъ говоритъ о томъ, что онъ творитъ волю пославшаго его, что онъ самъ ничего, но что онъ посланникъ и сливаетъ свою жизнь съ Тѣмъ, кто послалъ, что вся жизнь его, весь смыслъ ея, есть исполненіе посланничества. Только признаніе его особеннымъ существомъ, а не человѣкомъ, какъ мы, могло скрыть отъ насъ эту основу его ученія.

Я теперь пришелъ къ ней и понялъ ее боками, т. е. своей жизнью. Безконечныя сомнѣнія, неясности въ жизни при исполненіи ученія Христа, всегда мучили меня. Я разрѣшалъ ихъ, какъ умѣлъ, но всегда чувствовалъ неясность, нетвердость свою. И только теперь мнѣ ясно стало, что разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній и трудностей при исполненіи ученія въ этомъ—въ томъ, что мы не признали въ жизни тотъ смыслъ единственный, который она имѣетъ и который указалъ Христосъ: служеніе истинѣ (той высшей, которую ты понялъ) и вселеніе ея не только въ людей, но во весь міръ.

Жизнь на то только дана тебѣ съ твоимъ разумомъ, чтобы ты вносилъ этотъ разумъ въ міръ, и потому вся жизнь есть не что иное, какъ эта разумная дѣятельность, проявляющаяся во мнѣ. Христосъ себя понималъ, какъ посланника, и этому училъ насъ. Каждый изъ насъ—сила, сознающая себя, сознающая свою общую цѣль и потому радостно стремящаяся къ этой цѣли,—летящій камень, который знаетъ, куда онъ летитъ, и знаетъ, что самъ онъ ничто—камень, а что все его значеніе въ этомъ полетѣ.

Стоитъ только усвоить себѣ это воззрѣніе на жизнь (а именно силу ученія Христа), чтобы исчезли всякіе страхи и сомнѣнія. Дѣло мое главное—не только то, чтобы исполнять пять заповѣдей, не то, чтобы не имѣть собственности, не грѣшить—это все не дѣла, а это условія, при которыхъ я могу быть увѣренъ, что я исполняю свое призваніе и формы моего воздѣйствія на другихъ,—а дѣло

мое—жить, внося разумное начало въ міръ всѣми средствами, какія даны мнѣ.

Я могу падать, грѣшить, ошибаться—дѣло моей жизни не измѣнится отъ этого, и счастье, и спокойствіе моей жизни такъ же. Только при этомъ взглядѣ уничтожаются праздныя сожалѣнія и желанія и страхъ смерти, и вся жизнь переносится въ одно настоящее.

Если жизнь моя вся въ томъ, чтобы свѣтить тѣмъ свѣтомъ, какой есть во мнѣ, т. е. жизнь моя въ свѣтѣ, то смерть моя не только не страшна, но радостна, потому что каждый изъ насъ своей личностью затемняетъ тотъ свѣтъ, который носитъ. И умереть физически часто содѣйствуетъ тому свѣту, въ которомъ сосредоточена жизнь.

Практическое приложеніе — то, что каждый изъ насъ долженъ всѣ интересы своей жизни вложить въ пронесеніе черезъ жизнь истины и въ вселеніи ея въ другихъ, и тогда для него не будетъ сомнѣній и страданій, и не будетъ праздности. Каждый всегда съ людьми и потому всегда можетъ исполнять свое дѣло жизни.

* * *

Какъ бы помнить всегда свое достоинство посланника Божія, которому поручено его дѣло. Если бы я былъ посломъ царя въ Турціи, какъ бы я слѣдилъ за собой. А теперь посломъ Бога въ мірѣ—все ни по чемъ. А еще царь могъ бы чего-нибудь не узнать, а тутъ скрыть ничего нельзя.

* * *

Человѣкъ—посланникъ, какъ сказалъ Христосъ,—именно посланникъ, которому важно только исполнить данное ему порученіе, и все равно, что о немъ думаютъ. Пускай думаютъ дурно: иногда это нужно, только бы порученіе было исполнено.

* * *

Мы посланы пройти этотъ наклонный путь, пронеся черезъ него тотъ свѣтъ, который порученъ намъ. И все, что мы можемъ сдѣлать, это помогать на пути другъ другу въ несеніи этого свѣта, а мы задерживаемъ, сталкиваемъ другъ друга, тушимъ свой и чужой свѣтъ.

* * *

Если не смотрѣть на свою жизнь, какъ на посланничество, то нѣтъ жизни, а адъ. Надо помнить не только о томъ, что я посланникъ, которому поручено дѣло, но въ

томъ смыслѣ, что я посланникъ, который долженъ соблюсти и возвысить, возрастить себя. Оба одно и то же: возвысить себя можно только исполняя Его дѣло, и возвышая, возвращая себя, исполнять Его дѣло.

* * *

Жить по-Божьи значитъ желать того, чего желаетъ Богъ. Богъ же желаетъ благо міра. Благо же міра пріобрѣтается увеличеніемъ въ немъ любви.

* * *

Жить по-Божьи значитъ жить для блага себя, не отдѣленнаго отъ другихъ существъ.

* * *

Не значитъ-ли „жить по-Божьи"—давать жизнь другимъ, пробуждать въ другихъ жизнь духовную, истинную?

* * *

Жить можно только дурно—похотями, и хорошо—только однимъ: добротой, желаніемъ, усиліемъ быть добрымъ, добрѣе.

* * *

Жизнь моя—не моя—не можетъ имѣть цѣлью мое благо, а—Того, кто послалъ меня; и цѣль ея—исполненіе Его дѣла. И только черезъ исполненіе Его дѣла я могу получить благо.

Вы это знаете; но для меня это такъ важно, такъ радостно, что я радъ всякому случаю повторять это.

* * *

Цѣль жизни—благо. Благо—только въ служеніи Богу. Служеніе Богу—въ увеличеніи любви въ мірѣ. Увеличеніе любви въ мірѣ достигается только увеличеніемъ и проявленіемъ любви къ себѣ. Любовь же въ себѣ даетъ намъ то высшее благо, къ которому мы стремимся.

* * *

Цѣль жизни есть такъ же мало воспроизведеніе себѣ подобныхъ, продолженіе рода, какъ и служеніе людямъ—такъ же мало и служеніе Богу.

Воспроизводить себѣ подобныхъ — зачѣмъ? Служить

людямъ? А тѣмъ, кому мы будемъ служить, тѣмъ что дѣлать? Служить Богу? Развѣ Онъ не можетъ безъ насъ сдѣлать то, что Ему нужно? Да Ему не можетъ быть ничего нужно.

Если Онъ велитъ намъ служить себѣ, то только для нашего блага. Жизнь не можетъ имѣть другой цѣли, какъ благо, какъ радость. Только эта цѣль—радость—вполнѣ достойна жизни.

Отреченіе, крестъ, отдать жизнь, все это для радости.

И радость есть и можетъ быть ничѣмъ не нарушимая и постоянная.

И смерть—переходъ къ новой, неизвѣданной, совсѣмъ новой, другой, большей радости.

И есть источники радости, никогда неизсякающіе: красота природы, животныхъ, людей,—никогда не отсутствующіе. Въ тюрьмѣ—красота луча, мухи, звуковъ. И главный источникъ—любовь моя къ людямъ и людей ко мнѣ.

* * *

Красота, радость, только какъ радость, независимо отъ добра, отвратительна. Я уяснилъ это и бросилъ. Добро безъ красоты мучительно. Только соединеніе двухъ, и не соединеніе, а красота, какъ вѣнецъ добра.

* * *

Милль говоритъ: „Человѣчество получитъ большую долю счастья, когда каждый человѣкъ будетъ преслѣдовать свое счастье, подъ условіемъ соблюденія правилъ и условій, требуемыхъ для блага прочихъ, нежели когда человѣкъ поставитъ единственной цѣлью для блага всѣхъ прочихъ“.

Это справедливо; но только при томъ, чтобы подъ благомъ отдѣльнаго человѣка разумѣть его благо духовное, т. е. согласіе его съ волей Бога, или проще—удовлетвореніе требованій своей совѣсти (разума и любви).

Каждый человѣкъ пусть ищетъ Царства Божія и правды его, пусть въ этомъ положитъ свою жизнь, и получится наибольшее счастье всѣхъ. Но тогда выйдетъ то, что счастье человѣка будетъ состоять въ томъ, чтобы соблюдать тѣ правила и условія, при которыхъ достигается благо всѣхъ людей, т. е. получится то самое, что отрицаетъ Милль.

* * *

Мы всѣ въ жизни работники, приставленные къ дѣлу спасенія своей души,—можемъ сравнить съ блюденіемъ огня, даннаго съ неба и зажженнаго на очагѣ моего тѣла. Дѣло

мое только въ томъ, чтобы блюсти и разжигать въ себѣ этотъ огонь (не тратить матеріалъ этого огня не на горѣніе), не думая о томъ, что и какъ загорается отъ этого огня.

Не трудное дѣло молотить въ нѣсколько цѣповъ, а чтобы ладить, не спутаться (и не то, что молотить, а не мѣшать другимъ), надо только помнить о себѣ, о своемъ размѣрѣ, когда ударять. А только подумалъ о другихъ, поглядѣлъ на нихъ, и спутался. То же и въ жизни. Только помнить о себѣ, о своемъ дѣлѣ, а дѣло это одно: любить, увеличивать въ себѣ любовь,—и не думать о другихъ, о послѣдствіяхъ своего труда, и дѣло жизни идетъ плодотворно и радостно. Только подумалъ о томъ, что ты производишь, о послѣдствіяхъ своего труда, началъ соображать его съ этими послѣдствіями,—и дѣло путается и останавливается, и—сознаніе тщеты жизни.

Хозяинъ жизни далъ намъ такую работу, каждому отдѣльно, что совершеніе этой работы есть самое плодотворное дѣло. И Онъ самъ употребитъ, направитъ эту работу, дастъ ей мѣсто и значеніе. А какъ только я хочу найти и опредѣлить ей мѣста и сообразно съ этимъ видоизмѣнять ее, такъ я путаюсь, вижу тщету работы и отчаиваюсь. Мое дѣло дѣлать, а ужъ Онъ знаетъ, на что это нужно, и употребитъ. Человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ.

А дѣло одно: увеличивать въ себѣ любовь. Я—это самодвижущаяся сила, или лопата живая, и жизнь ея состоитъ въ томъ, чтобы держать свое лезвее чистымъ и острымъ, а работать уже оно будетъ, и работа будетъ нужна. Острымъ держать, и все острить и острить — это все дѣлать себя добрѣе и добрѣе.

* * *

Что казалось неопровержимымъ съ точки зрѣнія общественной, представляется безсмысленнымъ съ точки зрѣнія христіанской. Перемѣна эта происходитъ, вслѣдствіе измѣненія цѣли, которая ставится передъ человѣкомъ. Христіанское ученіе ставитъ иную цѣль, чѣмъ та, которая была поставлена общественнымъ ученіемъ.

Цѣль, которую ставитъ передъ людьми христіанство, не есть благо той или другой совокупности людей, достигаемое исполненіемъ воли и законовъ этой совокупности, но высшее благо всѣхъ людей и всего міра, достигаемое исполненіемъ воли и закона Бога.

* * *

Можно думать, что жить для Бога, содѣйствовать установленію царства Божія можно, главное, убѣждая людей

быть добрыми, воздерживаться отъ соблазновъ,—учреждая жизнь другихъ людей.

Это заблужденіе: жить для Бога можно только тѣмъ, чтобы любить людей, проявлять любовь, заражать любовью, заставлять ихъ вѣрить въ любовь.

Мнѣ это очень нужно знать теперь, и я рѣшаю такъ, что ничего не нужно устраивать, или внушать людямъ, а только съ лаской и любовью обращаться со всѣми. Это сильнѣйшее средство установленія Царства Божія.

* * *

Никакое положеніе такъ, очевидно, не оправдывалось для меня опытомъ, какъ то, что смыслъ жизни—въ увеличеніи любви. Покуда я помнилъ это и жилъ этимъ, мнѣ, не переставая, было радостно.

* * *

Жизнь наша, какъ стараго, такъ и молодого, подлежитъ возможности ежеминутнаго прекращенія, и поэтому нельзя откладывать исполненія своего дѣла жизни: служенія Богу и людямъ, а надо жить и служить Богу и людямъ сейчасъ, всякую минуту своей жизни. Служеніе же Богу и людямъ состоитъ въ увеличеніи любви въ себѣ и въ другихъ, и это дѣло мы можемъ дѣлать всегда во всевозможныхъ условіяхъ.

* * *

Задача человѣка—въ томъ, чтобы исполнить въ этой жизни то, для чего онъ посланъ въ нее Богомъ, отъ котораго онъ исшелъ и къ которому придетъ. Хочетъ же Богъ отъ человѣка того, чтобы онъ (человѣкъ) тратилъ свою жизнь, свое тѣло на служеніе благу міра, благу всѣхъ людей и всѣхъ существъ. Дѣлать же можетъ человѣкъ, отрекаясь отъ своей живой личности и вызывая въ себѣ любовь къ людямъ и всѣмъ существамъ.

Въ человѣкѣ есть духовная, безсмертная, божественная сущность, и есть его животная личность. Если человѣкъ будетъ думать, что жизнь его въ его тѣлѣ,—будетъ служить тѣлу, онъ погубитъ свою душу и не исполнитъ своей задачи, если же онъ будетъ считать собою свою божественную, духовную сущность и будетъ жить для нея, жить по-Божьи, будетъ желать того, чего желаетъ Богъ, т. е. не своего блага, а блага всѣхъ существъ, то онъ исполнитъ свою задачу и получитъ истинное благо.

* * *

Если есть въ тебѣ силы дѣятельности, то пусть она

будетъ любовная; если нѣтъ силъ, и ты слабъ, то *слабость* твоя пусть будетъ любовная.

* * *

Какъ слѣдитъ атлетъ за увеличеніемъ мускуловъ, такъ слѣди за увеличеніемъ любви или хоть, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ злобы и лжи, и будетъ полная радостная жизнь.

* * *

Сейчасъ думалъ, что надо помнить, что время для исполненія мною предназначеннаго мнѣ въ этомъ мірѣ дѣла на исходѣ, и грѣхъ тратить его непроизводительно, т. е. не служа дѣлу Божію.

Сколько не обдумывалъ я вопросъ объ отношеніи дѣла Божія къ внутреннему совершенствованію любви, я не могу выйти изъ того положенія, что задача жизни—исполненія дѣла Божія, уничтоженія разъединенія равно увеличенію любви; и что совершиться это дѣло можетъ только черезъ дѣла, въ которыхъ происходитъ внутреннее совершенствованіе въ любви.

Сейчасъ пишу и думаю такъ:

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленій любовью, — есть медленное, постепенное претвореніе злой жизни въ добрую, — есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная)— есть рожденіе истинной, т. е. любовной жизни.

* * *

Въ чемъ суть того дѣла, которое должно идти параллельно строго выдержанной жизни?—спрашиваете вы.

Дѣло, которое мы призваны дѣлать въ жизни,—двоякое, хотя и достигается однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ: внѣшнее дѣло состоитъ въ томъ, чтобы своей жизнью содѣйствовать установленію Царства Божія на землѣ, т. е. замѣна вражды, борьбы и разъединенія—согласіемъ, взаимной помощью и единеніемъ,—такое состояніе, при которомъ копья были бы перекованы на серпы... и т. д. Содѣйствовать этому мы можемъ правдивостью въ словахъ и дѣлахъ; внутреннее дѣло состоитъ въ совершенствованіи, въ приближеніи къ Богу „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный". Для того же, чтобы постоянно совершенствоваться, нужно увеличивать въ себѣ любовь, т. е. расширять кругъ своей любви, любить не за то, что намъ пріятно, а любить, какъ Богъ любитъ существа, только затѣмъ, чтобы желать и доставлять имъ благо. Для того же, чтобы увеличивать въ себѣ любовь, нужно только не мѣшать ей

проявляться и расти. Она всегда сама собой стремится къ увеличенію. Мѣшаютъ же проявленію любви соблазны. Соблазны же состоятъ въ томъ, чтобы считать своимъ благомъ и цѣлью своей жизни благо животной личности, а не увеличеніе любви. Увеличеніе любви и есть то дѣйствіе, посредствомъ котораго достигаются обѣ цѣли: и содѣйствія установленію Царства Божія, и достиженія наивысшаго совершенства... Такая жизнь имѣетъ за себя болѣе вѣроятій счастія даже земного, чѣмъ жизнь мірская, имѣющая цѣлью благо животной личности. Такая жизнь не исключаетъ всѣхъ самыхъ доступныхъ всѣмъ радостей, доставляемыхъ и природой, и весельемъ, и пѣніемъ, и дружбой, и общеніемъ съ людьми и животными.

* * *

Жизнь для себя—муки, потому что хочется жить для иллюзіи, для того, чего нѣтъ, и это не можетъ быть не только счастливо, но не можетъ быть. Все равно, какъ одѣвать и кормить тѣнь. Жизнь только внѣ себя, въ служеніи другимъ и не въ служеніи близкимъ, любимымъ—это опять для себя, а въ служеніи тѣмъ, кого не любишь, еще лучше—въ служеніи врагамъ.

* * *

Вся та жизнь, которую я веду, вѣдь только tatonement, а надо твердо поставить всю жизнь на это, искать, желать, дѣлать одно добро людямъ—любить и увеличивать въ нихъ любовь, уменьшать въ нихъ нелюбовь. Доброе людямъ? Что доброе? Одно: любовь. Я это по себѣ знаю и потому одного этого желаю людямъ, для одного этого работаю. Не нащупывая, а смѣло жить этимъ значитъ то, чтобы забыть то, что ты русскій, что ты баринъ, что ты мужикъ, что ты женатъ, что ты отецъ и т. п., а помнить одно: вотъ передъ тобой живой человѣкъ; пока ты живъ, ты можешь сдѣлать то, что дастъ тебѣ и ему благо, и исполнить волю Бога, того, кто послалъ тебя въ міръ, — можно связать себя съ нимъ любовью.

* * *

Испыталъ радостное чувство перенесенія смысла жизни въ желаніе служенія Богу черезъ служеніе людямъ, желаніе блага всѣмъ, съ кѣмъ встрѣтишься.

И такая жизнь возможна и радостна.

* * *

Спроси себя хорошенько, чего ты хочешь изъ двухъ:

чтобы тебя сейчасъ возвеличили, чтобы ты видѣлъ плоды своихъ дѣлъ, но было бы возможно сомнѣніе въ твоемъ дѣлѣ: или чтобы ты былъ не понятъ, поруганъ до конца, но дѣло твое было бы навѣрно дѣло Божье?

* * *

Какъ странно это забыть Бога! А это дѣлается незамѣтно. Дѣла для Бога подмѣняются дѣлами для людей, для славы, а потомъ для себя, для своего скверпаго себя. И когда трешься объ эту скверпость, хочется опять подняться.

* * *

Часто тратишь свои душевныя силы безполезно. Это грѣхъ. Силы эти даны на служеніе. Только на это они и должны быть расходуемы. А то изъ приличія, изъ тщеславія, изъ апатіи тратишься такъ, что не остается силъ и времени на служеніе.

* * *

То-ли ты дѣлаешь, что тебѣ нужно дѣлать,—получаетъ огромную важность, потому что единственный смыслъ жизни твоей только въ томъ, то-ли ты дѣлаешь въ этотъ короткій данный тебѣ срокъ жизни, чего хочетъ отъ тебя Тотъ или То, что послано тебя въ жизнь.

То-ли ты дѣлаешь?

* * *

Языческое пониманіе говоритъ тебѣ, что жизнь твоя—твоя плотская собственность; христіанство говоритъ тебѣ, что жизнь твоя есть тотъ садъ, который данъ былъ виноградарямъ со всѣми деревьями и колодцемъ, и плодами только для того, чтобы виноградари, пользуясь садомъ отдавали бы хозяину плоды его.

* * *

Намъ данъ коротенькій срокъ для пребыванія тутъ, вотъ-вотъ насъ всѣхъ или поодиночкѣ уберутъ опять туда—и на нашихъ глазахъ уже убираютъ нѣкоторыхъ—и намъ дано на выборъ: провести этотъ короткій неопредѣленный срокъ радостно, отдаваясь вложенному въ насъ чувству состраданія и любви другъ къ другу, или спорить, ссориться, драться и всякими жестокостями устанавливать такой порядокъ вещей, который, мы знаемъ, не продолжится и нѣсколькихъ лѣтъ, который мы сами не

одобряемъ; провести данное намъ мгновеніе, любя другъ друга и пользуясь взаимной лаской и любовью, или употребить всѣ свои силы на то, чтобы въ это короткое время сколь возможно больше измучить, озлобить другъ друга и съ злобой, упреками и проклятіями быть убраннымъ опять туда, откуда насъ выпустили.

* * *

Въ постиженіи тобой истины, т. е. того, чего хочетъ отъ тебя Тотъ, кто дѣлаетъ черезъ тебя свое дѣло— только въ этомъ твоя жизнь.

Ищите царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.

Заботясь о мірскомъ, о томъ, что кажется тебѣ нужнымъ для обезпеченія твоей плотской личности и жизни другихъ связанныхъ съ тобою людей, ты не достигаешь ни блага этой личности, ни блага тѣхъ другихъ людей, которое ты себѣ ставишь цѣлью; заботясь же о правдѣ царствія Божія, которое достигается признаніемъ и исполненіемъ той степени истины, которая открылась тебѣ, ты достигаешь и своего блага, и блага другихъ людей, и исполняешь то, что вложено тебѣ въ разумъ и сердце. Какъ же ты можешь не дѣлать этого?

* * *

Люди увѣрили себя, что это не важно, что важно другое. А между тѣмъ важнѣе того, чтобы дѣлать правду, ту правду, которая открыта человѣку, важнѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ.

То самое, чѣмъ мы пренебрегаемъ, тѣмъ исполненіемъ въ малыхъ дѣлахъ сейчасъ той правды, которую мы знаемъ, это-то одно только и нужно. Исполненіе правды каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и есть самое важное дѣло.

* * *

Жизнь человѣческая, страдальческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того, чтобы не быть самой грубой насмѣшкой, должна имѣть смыслъ такой, при которомъ значеніе жизни не нарушалось бы продолжительностью или кратковременностью.

* * *

Если бы человѣкъ зналъ навѣрное, что жизнь его кончается этой жизнью, то что бы сталъ онъ дѣлать на закатѣ жизни, какъ я? Дѣла всѣ здѣшнія перешли уже въ другія, болѣе молодыя руки, а что же дѣлать ему?

Только когда вѣришь, что жизнь не кончается здѣсь, остается всегда самая важная и всегда интересная и нужная работа надъ своей душой, которая не пропадетъ, а окажется нужной тамъ.

* * *

Я послѣднее время часто думалъ объ одномъ давно извѣстномъ соображеніи, но которое съ особенной живостью мнѣ приходитъ все это время въ голову и бодритъ меня; а именно: если выразить только однимъ наипростѣйшимъ и яснѣйшимъ предложеніемъ смыслъ, сущность, цѣль жизни, то я для себя ее выражаю такъ, какъ сказано Ін. VI, 38 и въ особенности 39: возрастить въ себѣ, довести ее до высшей возможной степени божественности ту искру, то разумѣніе, которое дано, поручено мнѣ, какъ дитя нянькѣ. Это опредѣленіе смысла жизни шире всѣхъ другихъ, включаетъ всѣ другія.

Что же нужно для того, чтобы исполнить это, возрастить это дитя? Не нѣга, а трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, то самое, что сказано много разъ въ Евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и въ малыхъ, и въ большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принять это, какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а не какъ нѣчто досадное, нарушающее нашу столь хорошо устроенную жизнь.

Обыкновенно дѣлается такая ошибка. Говорятъ: „вотъ обстоятельства, которыя нарушаютъ или грозятъ нарушить нашу хорошую жизнь; надо какъ-нибудь поскорѣе обойти, превозмочь эти обстоятельства, съ тѣмъ, чтобы продолжать свою хорошую жизнь“. Въ дѣйствительности же, надо смотрѣть на дѣло совершенно обратно: „Вотъ была жизнь, которую мы установили съ большой внутренней борьбой и трудами, и жизнь эта удовлетворяла нашимъ нравственнымъ требованіямъ; но вотъ являются новыя обстоятельства, заявляющія новыя нравственныя требованія: давайте же постараемся отвѣтить наилучшимъ образомъ на эти требованія“. Эти обстоятельства не случайность, которую можно устранить, но требованія новыхъ формъ жизни, въ которыхъ я долженъ испытать себя и къ которымъ долженъ приготовить себя, какъ я готовилъ себя къ предшествующей формѣ жизни.

* * *

Богу, по моему понятію, не нужно никакихъ жертвъ. Богу нужно одно то, чтобы мы соблюли и возрастили тотъ талантъ, ту божественную сущность, которая дана намъ которая поручена намъ, какъ дитя нянѣ, разумѣя подъ,

этимъ талантомъ не какое-либо увеличеніе умственное или образованіе, а увеличеніе только нашей любви къ Богу и его твари. Такъ что человѣкъ, исполняющій это дѣло Божіе, всегда неизбѣжно исполнитъ и все остальное и будетъ, самъ не зная того, многообразно полезенъ всѣмъ людямъ.

* * *

Жизнь дана мнѣ только подъ условіемъ дѣланія дѣлъ любви. И жизнь дана мнѣ, какъ талантъ, для роста; расти же жизнь не можетъ иначе, какъ дѣлами любви. И моя жизнь истинная есть только та, которая возращена мною. Такъ что, не сохраняя эту жизнь и только тратя ее, я пріобрѣтаю жизнь истинную, вѣчную.

* * *

Главное, понимать то, что сказано (Мѳ. XXV), что жизнь наша не дана намъ для нашего увеселенія или радости, а мы—рабы, орудія, органы Бога, которымъ предназначено дѣлать Его дѣло (а дѣло, кажущееся незамѣтнымъ, которое вы сдѣлаете, можетъ быть въ тысячу разъ важнѣе громкихъ дѣлъ, намъ извѣстныхъ), и ежели мы дѣлаемъ это дѣло, намъ хорошо, гдѣ бы ни были, въ какихъ бы условіяхъ ни были, больные или здоровые, старые или молодые. Дѣло же Его есть одно: возрастить порученный мнѣ талантъ, божественную искру; возращать же ее нельзя иначе, какъ любя ближнихъ и служа имъ, какъ и сказано въ концѣ той же главы.

* * *

Для того, чтобы быть твердымъ и не унывать, нужно, главное, ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смыслъ нашей жизни, состоящій въ томъ, чтобы не только пронести черезъ эту жизнь, не потушивъ ее, ту искру божественной любви, которая вложена въ насъ и составляетъ нашу душу, но разжечь ее, сколько хватитъ нашихъ силъ, чтобы внести и въ ту жизнь, уже не искрой, а пламенемъ.

* * *

Всѣ не могутъ не признать того, что всѣ произошли и находятся въ зависимости отъ одного и того же начала, которое Христосъ называетъ Отцомъ, и что смыслъ нашей жизни въ томъ, чтобы исполнять Его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дѣло, для котораго она дана намъ. Дѣло же это, мы всѣ несомнѣнно знаемъ,

состоитъ въ томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ этой жизни становиться самому добрѣе, т. е. самоотверженнѣе, любовнѣе, и участвовать въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ міръ лучше хоть на крупинку, чѣмъ онъ былъ, когда мы вступили въ жизнь. Самимъ сдѣлаться лучше и міръ сдѣлать лучше: въ томъ, что въ этомъ задача жизни человѣка,—въ этомъ, я думаю, всѣ согласны. Все же другое, если въ этомъ согласиться, можно уступить или, по крайней мѣрѣ, просить позволенія не высказывать никакого мнѣнія ни о Троицѣ, ни о революціи, ни о папѣ, ни о Марксѣ, и т. п. Я, молъ, отъ васъ не требую никакой вѣры ни во что, кромѣ какъ въ то, что намъ надо стараться дѣлаться лучше и міръ дѣлать лучше.

* * *

То, что цѣль жизни есть самосовершенствованіе, совершенствованіе безсмертной души, есть единственная цѣль жизни человѣка, справедливо уже потому, что *всякая другая* цѣль, въ виду смерти, безсмысленна.

* * *

Всѣ эти послѣдніе дни, особенно вчера, чувствую, примѣняю къ жизни сознаніе того, что цѣль жизни одна: быть совершеннымъ, какъ Отецъ, дѣлать то же, что Онъ, то, чего Онъ хочетъ отъ насъ, т. е. любить, любовь чтобы руководила въ минуты самой энергичной дѣятельности, и чтобы одною ею дышать въ минуту величайшей слабости. Какъ только что-нибудь тяжело, больно, такъ стоитъ только вспомнить это, и все тяжелое, больное исчезаетъ, и остается одно радостное.

Человѣку, серьезно, искренне пользующемуся своимъ разумомъ, очевидно, что всѣ цѣли закрыты ему; одна только разумна: жить для удовлетворенія требованій Бога, своей совѣсти, своей высшей природы (все одно и то же). Если выразить это во времени, то—жить такъ, чтобы готовить свою душу къ переходу въ лучшій міръ; если выразить это точно внѣ времени—слить свою жизнь съ ея безвременнымъ началомъ, съ добромъ, съ любовью, съ Богомъ.

Боюсь только одного: чтобы это такъ сильно и благотворно дѣйствующее на меня сознаніе единственной разумности и свободы, радостности жизни въ Богѣ не притупилось, не потеряло свое возносящее меня отъ дрязгъ жизни, освобождающее дѣйствіе. Ахъ, кабы всѣмъ! Кабы всегда такъ! Нынче ночью при этомъ свѣтѣ обдумывалъ разныя явленія жизни, и такъ было хорошо и радостно. Подожду экзамена, буду готовиться къ нему.

* * *

Во снѣ нынче думалъ, что самое короткое выраженіе смысла жизни такое: міръ движется, совершенствуется; задача человѣка участвовать въ этомъ движеніи и подчиняться и содѣйствовать ему.

* * *

Служить Богу и людямъ, но какъ? чѣмъ? Можетъ быть, нѣтъ этой возможности? Неправда, эта возможность всегда дана тебѣ—дѣлаться лучше.

Смыслъ жизни только одинъ: самосовершенствованіе—улучшать свою душу. Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный. Когда тяжело, когда мучаетъ что, вспомни, что въ жизни только ты—жизнь, и сейчасъ станетъ легко и радостно. Какъ радуется богачъ, собирая свое богатство, такъ радуешься и ты, если только положилъ въ этомъ одномъ жизнь. А для достиженія этого — преградъ нѣтъ. Все, что кажется горемъ, преградой въ жизни, — широкая ступень, сама подставляющаяся тебѣ подъ ноги, чтобы ты поднялся.

* * *

Каждый изъ насъ—это свѣтъ, божественная сущность, любовь, сынъ Божій, заключенное въ тѣло, въ предѣлы, въ цвѣтной фонарь, который мы же разрисовали нашими страстями, привычками, такъ что все, что мы видимъ, мы видимъ только черезъ этотъ фонарь. Подняться, чтобы видѣть черезъ него, нельзя; наверху такое же стекло, сквозь которое и Бога мы видимъ, сквозь нами же разрисованное стекло. Одно, что мы можемъ, это не смотрѣть сквозь стекло, а сосредоточиться въ себѣ, сознавать свой свѣтъ и разжигать его. И это одно спасеніе отъ обмановъ жизни, отъ страданій, соблазновъ. И это радостно—и всегда возможно.

* * *

Ясно представилъ себѣ, какая радостная, спокойная и вполнѣ свободная могла бы быть жизнь, если вполнѣ отдать себя Богу, т. е. во всѣхъ случаяхъ жизни искать только одного: сдѣлать то, чего Онъ хочетъ, сдѣлать это въ болѣзни, въ оскорбленіи, въ униженіи, въ страданіи, во всѣхъ соблазнахъ и въ смерти, которая тогда только перемѣна назначенія.

Слабость, неисполненіе того, чего хочетъ Богъ? Что же тогда? Ничего: возвращеніе къ сознанію того, что жизнь только въ этомъ исполненіи. Минуты слабости это промежутки между муками жизни—не жизнь.

* * *

Главное то, что мы работники, отъ которыхъ скрытъ результатъ работы, которымъ не дано воспользоваться работой. Дано одно: возможность участія въ работѣ, сліянія интересовъ съ хозяиномъ.

Удивительно, какъ этотъ послѣдній выводъ, до котораго доходишь, опредѣленно и именно въ этой самой формѣ выраженъ Христомъ. Вѣдь это даже не сравненіе,—это само дѣло. Вся жизнь людей есть работа: работа на хозяина (фабричные и др.), работа пахоты и посѣва, уборки и опять посѣва, улучшеніе земли, породъ, построекъ, умственныя изобрѣтенія,—все не для себя, всѣмъ пользоваться не дано, а во всемъ есть благо въ самой работѣ. Такова вся жизнь. Дано пользоваться только благомъ самой работы. И еще дано перенесеніе своего интереса въ интересъ другихъ, внѣ себя, въ интересъ хозяина или дѣла; и это перенесеніе интереса, это освобожденіе себя отъ интереса своего для гибнущаго себя возможно только черезъ работу.

Такъ въ работахъ жизни. И точно то же во всей жизни, когда на всю жизнь свою временную, плотскую, на направленіе своимъ произволомъ этой жизни смотрѣть (а иначе и смотрѣть нельзя), какъ на работу для дѣла Божьяго или, короче, для Бога. Только проводя свою жизнь всю для исполненія воли Бога и установленія царства правды, гдѣ его видишь, и въ соблюденіи истины, въ смиреніи и любви, гдѣ и не видишь,—въ работѣ Божьей можно отрѣшиться отъ своего интереса тѣмъ, чтобы найти интересъ въ дѣлѣ Божьемъ. Сказать, что воспользуешься въ будущемъ этимъ дѣломъ, рисковано, не точно: нельзя доказать. Да и зачѣмъ? Когда участіе въ работѣ уже даетъ благо. Только начинаешь участвовать, и уже чувствуешь благо; что же будетъ, если отдашься весь этой работѣ, сдѣлаешь привычку къ ней? Тогда благо настоящее будетъ такъ велико, что не нужно будетъ воображать себѣ никакого другого въ будущемъ.

Да, молитва, которую напишу на ногтѣ: помни, что ты работникъ дѣла Божьяго.

* * *

Думалъ все тоже о вредѣ избранія внѣшней цѣли для жизни. „Ищите царства Божьяго и правды его, а остальное приложится". Морякъ, руководись тѣмъ компасомъ, который на твоемъ кораблѣ, — крошечной стрѣлкой, которая меньше въ тысячу разъ корабля,—а не видимымъ предметомъ, даже не звѣздами: все обманываетъ, кромѣ того, что въ тебѣ. Ни заботься ни о томъ, чтобы написать важное сочиненіе, ни о томъ, чтобы люди познали истину, ни о томъ, чтобы ты оставался чистымъ въ глазахъ людей; заботься о томъ только, чтобы исполнить волю пославшаго тебя. Воля же пославшаго тебя та, чтобы ничего

не погибло изъ того, что Онъ тебѣ далъ, а чтобы, напротивъ, воскресло, ожило, распустилось, очистилось все, что можетъ.

* * *

Вѣрно, что мнѣ поручены и дѣло Твое, и сила Твоя. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы проявить Тебя въ себѣ и въ мірѣ. Въ одномъ этомъ моя жизнь.

* * *

Вѣрно, что во мнѣ сила Твоя, данная для исполненія дѣла Твоего. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы преувеличить силу Твою въ себѣ и во всемъ мірѣ.

* * *

Бросилъ щепку въ водоворотъ ручья и смотрю, какъ она крутится. Пароходъ только побольше немного, такая же щепка; земля—пылинка, 1000 лѣтъ—минута. Все ничто, все матеріальное ничто; одно реальное, несомнѣнное—законъ, по которому все совершается, и малое, и большое — воля Божія.

И потому хочешь жить не мечтательно, а реально—жить по волѣ Бога.

* * *

Наборщикъ, не знающій языка, лучше набираетъ, не догадываясь по-своему смысла. Такъ надо и жить, не догадываясь о смыслѣ того, что дѣлаешь,—не угадывать дѣла, будто бы нужнаго Богу, а дѣлать одно за другимъ то, что велитъ Богъ—набирать букву за буквой. А смыслъ всему далъ не я, а Онъ.

* * *

Чтобы узнать волю Отца, надо узнать истинную, основную свою волю. Она, сыновняя воля, всегда совпадаетъ съ отцовской.

* * *

Одна тайна всегда останется для человѣка, только одна: зачѣмъ я живу? Отвѣтъ разумный одинъ: затѣмъ, что этого хочетъ Богъ. Зачѣмъ Онъ этого хочетъ? Это—тайна. И эта тайна покрывается только вѣрой Богу, вѣрой въ то, что Онъ, добрый, сдѣлалъ это и меня для добра.

* * *

Ясно думалъ и радостно о томъ, что жизнь моя, а потому я заключаю, и всего, есть сила Божія, есть *вся* сила жизни, которая проходитъ черезъ меня, (черезъ ограниченное и органическое) *часть* всего, и я могу пропускать черезъ себя эту силу и могу задерживать ее. Вотъ вся моя роль въ жизни: задержать я не могу, но могу задерживать.

Жизнь міра мнѣ представляется такъ: черезъ безчисленныя и разнообразныя трубочки стремится жидкость, или газъ, или свѣтъ. Свѣтъ этотъ есть все сила жизни—Богъ. Трубочки эти—мы всѣ, существа. Однѣ трубочки неподвижны совсѣмъ, другія чуть-чуть, третьи больше, и, наконецъ, мы совсѣмъ подвижныя трубочки. Мы можемъ совсѣмъ пропускать свѣтъ, и можемъ загораживать его на время.

То, что мы называемъ своею жизнью, личной жизнью—это способность стать поперекъ свѣту—не пропускать его; истинная же жизнь есть способность стать такъ, чтобы пропускать свѣтъ вполнѣ, не задерживая его. Но когда человѣкъ сталъ такъ, движеніе его жизни кончается. Оно кончается, когда человѣкъ уже начинаетъ устанавливаться такъ. Движеніе жизни кончается, и тогда человѣкъ чувствуетъ, что онъ только тогда сдѣлалъ все, что должно, когда онъ устранился такъ, что его какъ будто нѣтъ. Когда человѣкъ познаетъ эту отрицательность своего личнаго существованія, тогда онъ переноситъ свою жизнь въ то, что проходитъ черезъ него, въ Бога.

Хотѣлъ я выразить яснѣе словами то, что вѣрно, что во мнѣ сила Божья, дѣлающая дѣло Божье; и потомъ убѣдился, что это не нужно. Довольно того, что я—не я, а сила Божья, дѣлающая во мнѣ. Какъ и сказалъ Іоаннъ—V, 19: „Сынъ ничего не можетъ творить самъ отъ себя, если не увидитъ Отца творящаго, ибо что творитъ Онъ, то и сынъ творитъ также“.

* * *

То, что намъ кажется движеніемъ нашей личной жизни, есть движеніе нашей формы жизни, когда мы становимся подъ угломъ по направленіи жизни Божеской. Когда же мы станемъ по направленію воли Божьей, то та проходитъ черезъ насъ, переставая насъ двигать, и тогда иллюзія пропадаетъ, и тогда мы сознаемъ, что мы, наша жизнь, не что иное, какъ сила Божья. И тогда представляется необходимость перенести свое сознаніе изъ оболочки формы въ силу ея направленія. Эта трудность однако побѣждается сама собой, и устраняется вопросъ о безсмертіи и будущей жизни. Сознаніе жизни перенесено изъ движущейся формы въ источникъ силы, въ самую волю Божью вѣчную, безконечную. Я изъ сознанія формы перешелъ къ сознанію са-

мой жизни. Такъ какъ же мнѣ усомниться, что то, что есть одно, было и будетъ, что оно не умретъ?

Я сознаю себя самого силою жизни, которая проходитъ черезъ меня; движеніе моей жизни есть колебаніе этой формы, стоявшей подъ угломъ къ направленію силы и понемногу устанавливающейся въ томъ же направленіи. Устанавливается одинаковость направленія, движеніе прекращается, плотская, личная жизнь кончается, я перехожу въ силу, проходящую черезъ меня.

Но что же эта сила безконечная *вся?* Тайна вѣчная, и не нужно дальше знать. Знаю только, что мнѣ не страшна смерть при этомъ. „Въ руки Твои предаю духъ мой". Обособленность его, составлявшаяся формой, черезъ которую я проходилъ, кончается, и я соединяюсь со *всѣмъ*. Я недавно сталъ это чувствовать—то, что, когда я умру, то я нисколько не умру, но буду живъ во всемъ другомъ.

О вѣротерпимости.

Льва Толстого.

Въ Россіи существуютъ миссіонеры, обязанность которыхъ состоитъ въ обращеніи въ православіе всѣхъ неправославныхъ.

Въ концѣ 1901 г. собрался въ городѣ Орлѣ съѣздъ такихъ миссіонеровъ—и, въ концѣ этого съѣзда, губернскій предводитель дворянства г. Стаховичъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ предлагалъ съѣзду признать полную свободу совѣсти, подразумѣвая, какъ онъ выразился, подъ этими словами не только свободу вѣрованія, но и свободу исповѣданія, включающую въ себя свободу отпаденія отъ православія и даже совращенія съ несогласія съ православіемъ вѣроисповѣданія. Г. Стаховичъ полагалъ, что такая свобода можетъ только содѣйствовать торжеству и распространенію православія, котораго онъ признавалъ себя вѣрующимъ исповѣдникомъ.

Члены съѣзда не согласились съ предложеніемъ г. Стаховича и не стали обсуждать его. Впослѣдствіи же начался оживленный обмѣнъ мнѣній и споръ о томъ, должна или не должна христіанская церковь быть вѣротерпима: одни—большинство православныхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, — въ газетахъ и журналахъ были противъ вѣротерпимости и признали по тѣмъ или инымъ причинамъ невозможность прекращенія гоненій противъ отпадающихъ членовъ церкви. Другіе же — меньшинство — соглашались

съ мнѣніемъ г. Стаховича, одобряли его и доказывали желательность и даже необходимость для самой церкви признанія свободы совѣсти.

Несогласные съ предложеніемъ г. Стаховича говорили, что церковь, дающая людямъ вѣчное благо, не можетъ не употреблять всѣ зависящія отъ нея средства для того, чтобы спасти своихъ малосмысленныхъ членовъ отъ вѣчной погибели, и что одно изъ этихъ средствъ есть поставляемыя властью преграды противъ отпаденія отъ истинной церкви и совращенія ея членовъ. Главное же, говорили они, церковь, получившая отъ Бога власть вязать и рѣшать, всегда знаетъ, что она дѣлаетъ, когда употребляетъ насиліе противъ своихъ враговъ.

Разсужденія же мірскихъ людей о правильности и неправильности ея мѣропріятій только показываютъ заблужденія мірскихъ людей, позволяющихъ себѣ осуждать дѣйствія непогрѣшимой церкви.

Такъ говорили и говорятъ противники вѣротерпимости.

Сторонники же ея утверждаютъ, что несправедливо силою препятствовать исповѣданію вѣръ, несогласныхъ съ православіемъ, что употребляемое противниками вѣротерпимости подраздѣленіе между вѣрованіемъ и внѣшнимъ исповѣданіемъ не имѣетъ основанія, такъ какъ всякое вѣрованіе неизбѣжно проявляется во внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Кромѣ того, говорили они, для истинной церкви, имѣющей во главѣ своей Христа и обѣщаніе его, что никто не одолѣетъ его церкви, не можетъ быть никакой опасности отъ проповѣданія лжи малымъ числомъ еретиковъ или отступниковъ, тѣмъ болѣе, что самыя гоненія не достигаютъ цѣли, такъ какъ мученичество только ослабляетъ нравственный авторитетъ гонящей церкви и увеличиваетъ силу гонимыхъ.

II.

Сторонники вѣротерпимости говорятъ, что церковь ни въ какомъ случаѣ не должна употреблять насилія противъ несогласныхъ съ нею членовъ и исповѣдниковъ другихъ вѣръ. Церковь не должна употреблять насилія! Но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: какъ можетъ церковь употреблять насиліе?

Церковь христіанская, по тому опредѣленію, которое она сама даетъ себѣ, есть *отъ Бога установленное общество людей, имѣющее цѣлью передавать людямъ спасающую ихъ и въ этомъ вѣкѣ, и въ будущемъ истинную вѣру.*

Какимъ же образомъ можетъ такое общество людей, имѣющихъ своимъ орудіемъ благодать и проповѣдь, желать и въ дѣйствительности совершать насилія надъ людьми, не принимающими ея вѣрованій?

Совѣтовать церкви не преслѣдовать людей, отпада-

ющихъ отъ нея или совершающихъ ея членовъ, все равно, что совѣтовать академіи ученыхъ не совершать гоненій, казней, ссылокъ и т. п. надъ людьми, не соглашающими съ ихъ мнѣніями. Академія ученыхъ не можетъ хотѣть этого, а если бы и хотѣла, то не можетъ дѣлать этого, такъ какъ не имѣетъ для этого орудій. То же и съ церковью. Христіанская церьковь, по самому своему опредѣленію, не можетъ хотѣть употреблять насилія противъ несогласныхъ съ нею, а еслибы и хотѣла, не можетъ этого дѣлать, не имѣя для этого орудій.

Что же такое означаютъ тѣ гоненія, которыя со временъ Константина совершались христіанскою церковью, продолжаются до сихъ поръ, и оставить которыя совѣтуютъ церкви сторонники вѣротерпимости?

III.

Г-нъ Стаховичъ, цитируя въ своей рѣчи слова Гизо о необходимости свободы совѣсти для христіанской религіи, приводитъ вслѣдъ за этими хорошими и ясными словами Гизо нехорошія и путанныя слова Аксакова, который подставляетъ понятіе *церкви* подъ понятіе *христіанской религіи* и, сдѣлавъ эту подставку, пытается доказать возможность и необходимость вѣротерпимости для христіанской церкви. Но христіанская религія и христіанская церковь не есть одно и то же, и мы не имѣемъ никакого права предполагать, что то, что свойственно христіанской религіи, свойственно и христіанской церкви.

Христіанская религія есть, то высшее сознаніе человѣка своего отношенія къ богу, до котораго, восходя отъ низшей къ высшей ступени религіознаго сознанія, достигло человѣчество. И потому христіанская религія и всѣ люди, исповѣдующіе истинную христіанскую религію, зная, что они дошли до извѣстной степени ясности и высоты религіознаго сознанія, только благодаря непрестанному движенію человѣчества отъ мрака къ свѣту, не могутъ не быть вѣротерпимы. Признавая себя въ обладаніи только извѣстной степени истины, которая все болѣе и болѣе уясняется и возвышается общими условіями человѣчества, они, встрѣчая новыя для нихъ, несогласныя со своими, вѣрованія, не только не осуждаютъ и не отбрасываютъ ихъ, но радостно привѣтствуютъ, изучаютъ, вновь провѣряютъ по нимъ свои вѣрованія, откидываютъ то, что несогласно съ разумомъ, принимаютъ то, что уясняетъ и возвышаетъ исповѣдуемую ими истину, и еще болѣе утверждаются въ томъ, что одинаково во всѣхъ вѣрованіяхъ.

Таково свойство христіанской религіи вообще, и такъ поступаютъ люди, исповѣдующіе христіанство. Но не то съ церковью. Церковь, признавая себя единственной хранительницей полной, божеской, вѣчной, неизмѣнной на всѣ вре

мена, открытой людямъ самимъ Богомъ истины, не можетъ не смотрѣть на всякое—иначе чѣмъ какъ въ ея догматахъ выраженное — религіозное ученіе, какъ на лживое, зловредное или даже злонамѣренное. (когда оно исходитъ отъ знающихъ положеніе церкви).—ученіе, влекущее людей въ вѣчную погибель. И потому, по самому опредѣленію своему церковь не можетъ быть вѣротерпима и не употреблять противъ всѣхъ исповѣданій, какъ и противъ проповѣдниковъ, несогласныхъ съ собою вѣроученій, всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя она считаетъ согласными съ своимъ ученіемъ. Такъ что христіанская религія и христіанская церковь суть понятія совершенно различныя. Правда, всякая церковь утверждаетъ, что она есть единственная представительница христіанства, но христіанская религія, т. е. исповѣдники христіанской религіи, никакъ не признаютъ того, чтобы церковь была представительницей христіанства. Исповѣдники христіанской религіи даже и не могли бы этого сдѣлать, такъ какъ церквей много, и каждая считаетъ себя единственной носительницей всей божеской истины.

Вотъ это-то смѣшеніе двухъ различныхъ понятій, постоянно для различныхъ цѣлей употребляемое церковниками, и дѣлаетъ то, что всѣ разсужденія ихъ о желательности вѣротерпимости для церкви страдаютъ общей всѣмъ имъ неясностью, напыщенностью, недоказанностью и потому полною неубѣдительностью.

Таковы всѣ разсужденія объ этомъ у насъ въ Россіи Хомяковыхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ и др., и тѣмъ же страдаетъ рѣчь г-на Стаховича.

Все это есть не только пустая, но и вредная болтовня, напускающая вновь ладоннаго дыма въ глаза тѣмъ, которые начинаютъ освобождаться отъ обмана.

IV.

Такъ что отвѣтъ на вопросъ о томъ, какимъ образомъ церковь, опредѣляющая себя обществомъ людей, имѣющихъ цѣлью проповѣданіе истины, и не имѣющая и не могущая имѣть никакихъ орудій насилія, можетъ однако употреблять насиліе противъ несогласныхъ съ нею вѣроученій.—только одинъ тотъ, что учрежденіе, называющее себя христіанскою, не есть христіанское учрежденіе, а мірское учрежденіе, несогласное съ христіанствомъ и скорѣе враждебное ему.

Когда мнѣ въ первый разъ пришла эта мысль, я не повѣрилъ ей, такъ твердо съ дѣтства внушено всѣмъ намъ благоговѣніе къ святости церкви. Я думалъ сначала, что это парадоксъ, что въ такомъ опредѣленіи церкви есть какая-нибудь ошибка. Но чѣмъ дальше съ разныхъ сторонъ я разсматривалъ этотъ вопросъ, тѣмъ несомнѣннѣе

становилось мнѣ, что опредѣленіе церкви учрежденіемъ не христіанскимъ, но враждебнымъ христіанству, есть опредѣдѣленіе совершенно точное и такое, безъ котораго невозможно объяснить себѣ всѣ тѣ противорѣчія, которыя заключены въ прошедшей и настоящей дѣятельности церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое церковь? Исповѣдники церкви говорятъ, что это есть установленное Христомъ общество, которому вручено исключительное храненіе и проповѣданіе несомнѣнной божеской истины, засвидѣтельствованной сошествіемъ на членовъ церкви святого духа, и что это свидѣтельство святого духа передается отъ поколѣнія къ поколѣнію рукоположеніемъ, установленнымъ Христомъ.

Но стоитъ только внимательно разсмотрѣть тѣ данныя, которыми это доказывается, для того, чтобы убѣдиться, что всѣ эти утвержденія, совершенно произвольны. Тѣ два текста (того писанія, которое церковь считаетъ священнымъ), на которыхъ опираются доказательства установленія церкви самимъ Христомъ, не имѣютъ совершенно того значенія, которое приписывается имъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ означать установленія церкви, такъ какъ самое понятіе церкви во время написанія Евангелій, а тѣмъ болѣе во время Христа, вовсе не существовало. Третій же текстъ, на которомъ основываютъ исключительное право преподавать божескую истину, заключительные стихи Марка и Матѳея, всѣми изслѣдователями священнаго писанія признается подложнымъ. Еще менѣе можетъ быть доказано то, что сошествіе языковъ огненныхъ, сошедшихъ на головы учениковъ и видѣнныхъ только учениками, означаетъ то, что все, что сказано будетъ не только этими учениками, но и всѣми тѣми, на кого эти ученики наложили руки, будетъ сказано Богомъ, т. е. святымъ духомъ, и потому всегда несомнѣнно истинно.

Главное же то, что если бы это и было доказано (что совершенно невозможно), то нѣтъ никакой возможности доказать того, что этотъ даръ непогрѣшимости живетъ именно въ той церкви, которая утверждаетъ это про себя. Затрудненіе главное и неразрѣшимое въ томъ, что церковь не одна, и что каждая церковь утверждаетъ про себя, что она одна въ истинѣ, а другія всѣ во лжи. Такъ что собственно утвержденіе всякой церкви о томъ, что она одна въ истинѣ, имѣетъ ровно столько же вѣса, какъ и утвержденіе всякаго человѣка, говорящаго: „ей Богу, я правъ, а неправы всѣ несогласные со мной“.

„Ей Богу, мы одни составляемъ истинную церковь“— въ этомъ и только въ этомъ заключаются всѣ доказательства непогрѣшимости всякой церкви. Такая основа, и очень шаткая, и лживая, имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что исключая всякую повѣрку всего того, что проповѣдуетъ

признающая себя непогрѣшимою церковь, она открываетъ безграничное поле для всякихъ самыхъ спутанныхъ фантазій, выдаваемыхъ за истину. Когда же неразумныя и фантастическія утвержденія выдаются за истину, то естественно являются люди, протестующіе противъ такихъ утвержденій. Для принужденія же людей вѣрить въ неразумныя и фантастическія утвержденія есть только одно средство—насиліе.

Весь Никейскій символъ есть сплетеніе неразумныхъ и фантастическихъ утвержденій, которыя могли возникнуть только у людей, которые признавали себя непогрѣшимыми, и могли распространяться только насиліемъ.

Богъ-отецъ родилъ прежде всякаго времени сына-бога, отъ котораго произошло все. Сынъ этотъ посланъ въ міръ для спасенія людей и тамъ вновь родился отъ дѣвы и распятъ и воскресъ и вознесся на небеса, гдѣ и сидитъ одесную Отца. Въ концѣ же міра сынъ этотъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.—и все это есть несомнѣнная, открытая самимъ Богомъ истина.

Если мы въ 20-мъ вѣкѣ не можемъ принять всѣ эти, противные и здравому смыслу, и человѣческому знанію, догматы, то и во времена Никейскаго собора люди не были лишены здраваго смысла и не могли соглашаться со всѣми этими странными догматами и выражали свое съ ними несогласіе.

„Церковь же употребляла самое быстро дѣйствующее противъ этого несогласія и его распространенія средство—насиліе„:

„Церковь, соединенная съ властью, всегда употребляла насиліе,—скрытое насиліе,—но тѣмъ не менѣе самое опредѣленное и дѣйствительное! она собирала подати со всѣхъ насильно, не справляясь съ ихъ согласіемъ или несогласіемъ съ государственнымъ вѣрованіемъ, но требовала отъ нихъ исповѣданія его.

Собравъ насиліемъ деньги, она этимъ путемъ устраивала сильнѣйшую гипнотизацію, для утвержденія только своей вѣры среди дѣтей и взрослыхъ. Если же этого средства не доставало, она употребляла прямо насиліе власти. Такъ что въ церкви, поддерживаемой государствомъ, не можетъ быть иначе до тѣхъ поръ, пока церкви будутъ церквами.

Скажутъ: церкви, вродѣ квакеровъ, веслеянцевъ, шекеровъ, мормоновъ и въ особенности теперь католическія конгрегаціи — безъ насилія власти собираютъ деньги со своихъ членовъ и потому, поддерживая свои церкви, не употребляютъ насилія. Но это несправедливо: тѣ деньги, которыя собраны богатыми людьми, а въ особенности католическими конгрегаціями въ продолженіе вѣковъ гипнотизаціи посредствомъ денегъ, не суть свободныя жертвы членовъ церкви, — а результатъ самаго грубаго насилія.

Деньги собираются посредствомъ насилія и всегда суть орудія насилія. Для того, чтобы церковь могла считать денежныхъ вліяній. „Даромъ получили,—даромъ и давайте“.

V.

Въ сущности же церковь и не имѣетъ орудій насилія. Насиліе, если употребляется, то употребляется не самой церковью, а властью, съ которой оно соединено, и потому является вопросъ: для чего правительство и правящіе классы соединяются съ церковью, поддерживаютъ ее? Казалось бы, вѣрованія, проповѣдуемыя церковью, должны бы быть безразличны для правительствъ и правящихъ классовъ. Казалось бы, правительствамъ и правящимъ классамъ должно бы быть совершенно все равно, во что вѣруютъ управляемые ими народы: реформаты ли, католики, православные ли, магометане ли они. Но это не такъ.

Во всякое время религіозныя вѣрованія соотвѣтствуютъ общественному устройству, т. е. общественное устройство слагается по религіознымъ вѣрованіямъ. И потому, каковы религіозныя вѣрованія народа, таково и его общественное устройство. Это знаютъ правительства и правящіе классы и потому всегда поддерживаютъ то религіозное ученіе, которое соотвѣтствуетъ ихъ выгодному положенію. Правительства и правящіе классы знаютъ, что истинная христіанская религія отрицаетъ власть, основанную на насиліи, отрицаетъ различіе сословій, накопленіе богатствъ, казни, войны,—все то, вслѣдствіе чего правительство и правящіе классы занимаютъ свое выгодное положеніе, и потому считаютъ необходимымъ поддерживать ту вѣру, которая оправдываетъ ихъ положеніе. А извращенное церквами христіанство дѣлаетъ это, представляя ту выгоду, что, извративъ истинное христіанство, скрываетъ отъ людей доступъ къ нему.

Правительство и правящіе классы не могли бы существовать безъ этого извращенія христіанства, которое называется церковной вѣрой. Церковь съ своей ложью не могла бы существовать безъ прямого или косвеннаго насилія правительствъ или правящихъ классовъ. Въ однихъ государствахъ это насиліе проявляется гоненіями, въ другихъ—исключительнымъ покровительствомъ богатымъ классамъ, владѣющимъ богатствомъ. Владѣніе же богатствомъ обусловливается только насиліемъ. И потому церковь, правительство и правящіе классы взаимно поддерживаютъ другъ друга. Такъ что противники вѣротерпимости совершенно правы, отстаивая право насилія и гоненій для церкви, на которомъ держится ея существованіе. Сторонники же вѣротерпимости были бы правы только тогда, когда бы обращались не къ церкви, а къ государству и требовали того, что неправильно называется *отдѣленіемъ церкви отъ государ-*

ства. но что въ сущности есть только прекращеніе исключительной правительственной поддержки прямымъ насиліемъ, или косвеннымъ — субсидированіемъ одного какого-либо вѣрованія.

Требовать же отъ церкви, чтобы она отказалась отъ насилія въ какой бы то ни было формѣ—это все равно, что требовать отъ осажденнаго со всѣхъ сторонъ врага, чтобы онъ сложилъ оружіе и отдался въ руки враговъ.

Вѣротерпимость можетъ быть только истинное, свободное христіанство, не связанное ни съ какими мірскими учрежденіями и потому ничего и никого не боящееся и имѣющее цѣлью только все большее и большее познаніе божеской истины и большее и большее осуществленіе ея въ жизни.

IV.

Изъ частныхъ писемъ и бумагъ Л. Н—ча разнаго времени.

„Безъ вѣры нельзя жить. Вѣра состоитъ въ томъ, чтобы знать, зачѣмъ мы живемъ. Вотъ это постарайтесь узнать. Это важнѣе всего на свѣтѣ. Но постарайтесь найти это сами, а не повѣрить кому-нибудь на слово. Для того же, чтобы узнать самому, надо испытывать вѣру, какъ говорилъ Христосъ: „испытайте ученіе, и тогда увидите, правда ли оно".

„Мою вѣру я высказываю во всѣхъ моихъ писаніяхъ послѣднихъ лѣтъ, сущность ея опишется здѣсь:

„Вѣра моя—въ томъ, что жизнь наша принадлежитъ не намъ, а Богу, который насъ послалъ въ жизнь, и потому цѣль нашей жизни должна состоять въ томъ, чтобы дѣлать Его волю. Воля же Его — въ томъ, чтобы любовно поступать съ другими, такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою, для того, чтобы въ мірѣ борьба и ненависть замѣнялись согласіемъ и любовью.

„Вотъ и все. Испытайте жить по этой вѣрѣ, и вы увидите, справедлива ли она.

„Дай вамъ Богъ истиннаго блага, а другого нѣтъ, какъ жить по Его волѣ. И благо это большое,—больше всѣхъ другихъ благъ".

„Нравственный законъ и счастіе не имѣютъ ничего общаго, если подъ словомъ „счастіе" разумѣть благо животной личности. Благо же духовнаго „я" возможно только при соблюденіи и по мѣрѣ соблюденія нравственнаго закона. Христіанское ученіе въ томъ и состоитъ, чтобы перенести сознаніе своего „я" изъ животной личности въ свою духовную: разумную и любвную сущность".

„На-дняхъ была дѣвушка, спрашивая (такой знакомый

фальшивый вопросъ), что мнѣ дѣлать, чтобы быть полезной? И разговорившись съ нею я, самъ себѣ уяснилъ.

Великое горе, отъ котораго страдаютъ милліоны, это не столько то, что люди живутъ дурно, а то, что люди живутъ не по совѣсти, не по *своей* совѣсти. Люди возьмутъ себѣ за совѣсть чью-нибудь другую, высшую противъ своей совѣсти (напримѣръ Христову, самое обыкновенное), и очевидно, не въ силахъ будучи жить по чужой совѣсти, живутъ не по ней, не по своей, и живутъ безъ совѣсти.

А она, бѣдняжка, и не знаетъ есть ли у нея какая-нибудь своя совѣсть.

Это великое зло. И самое нужное людямъ—это выработать, выяснить себѣ свою совѣсть, а потомъ и жить по ней, а не такъ, какъ выбрать себѣ за совѣсть совсѣмъ чужую, недоступную, и потомъ жить совсѣмъ безъ совѣсти, и—лгать, лгать, лгать, чтобы имѣть видъ живущаго по избранной чужой совѣсти.

Потому-то я истинно предпочитаю кутилу, весельчака, не разсуждающаго и отталкивающаго всякія разсужденія,—умствователю, живущему по чужой совѣсти, т. е. безъ нея. У перваго можетъ выработаться совѣсть, у второго никогда,—до тѣхъ поръ, пока не вернется къ состоянію перваго".

„Мы дожили до того, что человѣкъ просто добрый и разумный не можетъ быть участникомъ государства, т. е. быть солидарнымъ, не говоря про нашу Россію, но — быть солидарнымъ въ Англіи съ землевладѣніемъ, эксплуатаціей фабрикантовъ, капиталистовъ, съ порядками Индіи, съ сѣченіемъ, съ торговлей опіумомъ, съ истребленіемъ народностей въ Африкѣ, съ приготовленіями войны и войнами.

И точка опоры, при которой человѣкъ говоритъ: я не знаю, что и какъ государства, и не хочу знать; но знаю, что я не могу жить противно совѣсти, — эта точка зрѣнія непоколебима, и на этой—должны стоять люди нашего времени, чтобы двигать впередъ жизнь. Я знаю, что мнѣ велитъ совѣсть; а вы, люди, занятыя государствомъ, устраивайте какъ вы хотите, государство—такъ, чтобы оно было соотвѣтственно требованіямъ совѣсти людей нашего времени.

А между тѣмъ люди бросаютъ эту непоколебимую точку опоры и становятся на точку зрѣнія исправленія, улучшенія государственныхъ формъ, и этимъ теряютъ свою точку опоры, признавая необходимость государства, и потому сходятъ съ своей непоколебимой точки зрѣнія.

„Три есть средства облегченія положенія рабочихъ и установленія братства между людьми:

1) Не заставлять людей работать на себя ни прямо, ни косвенно, не требовать отъ нихъ работы, не нуждаться въ той работѣ, которая требуетъ излишка труда: во всѣхъ предметахъ роскоши.

2) Самому дѣлать для себя (и, если можешь, и для другихъ) ту работу, которая тяжела и непріятна.

и 3) Собственно не средства, а послѣдствіе и приложеніе второго: изучать законы природы и придумывать пріемы для облегченія работы: машины, паръ, электричество. Только придумаешь настоящее и не придумаешь лилишняго, когда будешь придумывать для облегченія *своей* или, по крайней мѣрѣ, лично испытанной работы.

И вотъ люди заняты только приложеніемъ 3-го средства, то не правильно, потому что устраняются отъ второго и не только не хотятъ употреблять настоящихъ средствъ перваго и второго, но и слышать не хотятъ о нихъ.

„Часто огорчаешься, что безсиленъ противъ людей, не можешь дать имъ истину, не можешь воздѣйствовать на нихъ.

Это отъ того, что видишь одно зло ихъ, — не видишь ихъ *добра*. Вѣдь только добро своей души покоряетъ зло своей души; стало быть, для того, чтобы воздѣйствовать на человѣка, надо вызвать въ его душѣ его добро и вооружить его противъ его же зла. А какъ же это сдѣлать, когда видишь въ немъ одно зло?

На зло дѣйствуютъ еще насиліемъ и страхомъ: но дѣйствуя такъ, достигаютъ только *подобія* добра, т. е. лицемѣрія. Дѣйствовать же не насиліемъ нельзя иначе, какъ вызвавъ добро.

Зло производитъ всегда зло, таковъ законъ. Не объ этомъ ли сказано: Лк. II, гл. 7—26“.

V.

Выдержки изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ Л. Н—ча послѣдняго времени.

„Письма съ угрозами [1]), разумѣется, не дѣйствуютъ; только непріятно въ томъ смыслѣ, что есть люди, напрасно ненавидящіе. А умирать постоянно готовишься, и это *дѣло*. Я недавно думалъ (и это рекомендую вамъ), что когда здоровъ, то стараешься *жить во внѣ*, а когда нездоровъ, то учишься получше *умирать*. Впрочемъ, эти письма не имѣютъ даже и того достоинства: они такъ глупо написаны, что, очевидно, предназначены только для пуганья“.

„Все хочется *написать*, и все забываешь, что надо написать на сердцѣ своемъ, и что, если *тамъ* будетъ твердо написано, то ужъ отпечатается тамъ, гдѣ нужно“.

„Ужъ очень важно, нужно передъ Богомъ изъ послѣднихъ силъ тянуть тотъ возъ, въ который мы подпряглись,

---

[1]) Весною 1898 года Л. Н. получилъ два анонимныхъ письма съ угрозой убить его за его вредное для православной церкви дѣяніе.

вслѣдъ за Христомъ. Надѣюсь, что вы не припишете это самомнѣнію, а тому, что въ этомъ только жизнь—нести это иго и бремя по мѣрѣ своихъ силишекъ. И „силишки“ говорю не изъ ложной скромности, а для того, чтобы знать, что все дѣло огромно, что я не только не увижу осуществленія его, но даже, можетъ быть, и не почувствую что возъ тронулся, а все-таки, только въ этомъ мое и всѣхъ насъ дѣло, и дѣло это больше, чѣмъ большое или малое,— это дѣло Божіе, Главное, говорю это для того, чтобы не руководиться внѣшнимъ успѣхомъ, котораго, вѣроятно, не увидишь, а внутреннимъ сознаніемъ, которое не обманетъ“.

„Огорчаетъ и заставляетъ страдать все больше и больше равнодушіе, жестокость, озлобленіе людей... Одно мучительно ужасно видѣть—это раздоръ, нелюбовь существъ, на минутку соединившихся въ этой жизни; а болѣзнь, близость смерти (спасибо ей за это) уничтожаетъ эти нелѣпые раздоры, непониманіе другъ друга и сближаетъ людей“.

„Знаю, что у васъ есть то, что поддерживаетъ въ трудныя минуты жизни,—вѣра въ жизнь вѣчную, крошечную часть которой составляетъ эта жизнь, важная только тѣмъ, чтобы въ ней не измѣнить признанной нами волѣ Божіей. Знаю это, но знаю и то, что не возможно всегда поддерживать себя въ томъ духѣ, въ которомъ видишь и помнишь только Бога и Его законъ; знаю, что послѣ подъема духовнаго бываютъ упадки. И вотъ въ эти-то минуты упадка духа хотѣлось бы быть съ вами, чтобы вмѣстѣ страдать и вмѣстѣ подниматься и помогать другъ другу.

Всегда мнѣ въ тяжелыя минуты памятны слова Христа: *„не на этотъ ли часъ я пришелъ?“* И эти слова всегда поддерживаютъ меня, если удается вспомнить ихъ во-время. Трудныя минуты тѣмъ должны быть дороги намъ, что для нихъ-то,—для того, чтобы мы какъ должно пережили ихъ,— для нихъ-то мы и жили и набирались силы всю предыдущую жизнь. „Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“.

„Меня всегда очень поддерживаетъ мысль о томъ что то, что мнѣ трудно, и есть та ступень, до которой я дошелъ, и на которую мнѣ надо поставить ногу, чтобы подняться“.

„Я слава Богу, живу хорошо, т. е. лучше чѣмъ прежде: больше согласія и любви съ людьми и больше покорности волѣ Божіей. Нелюбовь вѣдь только отъ не покорности“.

VI.

Изъ писемъ Л. Н. Толстого послѣдняго времени.

По поводу „Толстовскаго Общества“.

На просьбу одного англійскгао кружка (въ Манчестерѣ) почитателей Л. Н. Толстого, наименовавшаго себя „Тол-

стовскимъ Обществомъ", о томъ, чтобы онъ откликнулся нѣсколькими словами на ихъ дѣятельность, Л. Н. Толстой отвѣтилъ имъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 15 августа прошлаго года, которое мы переводимъ въ переводѣ съ англійскаго:

„Дорогой другъ, вы правы, предполагая, что я долженъ быть заинтересованъ „Толстовскимъ Обществомъ". Но я жалѣю, что во мнѣ еще сохранилось достаточно тщеславія для того, чтобы быть заинтересованнымъ имъ. Я всегда былъ того убѣжденія,—и оно не можетъ измѣниться,—что быть членомъ стараго общества, учрежденнаго Богомъ при началѣ сознательной жизни человѣчества, болѣе производительно для себя и для человѣчества, чѣмъ быть членомъ ограниченныхъ обществъ, организуемыхъ намъ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя мы въ состояніи сознать. Я думаю, что предпочтеніе оказываемое нами нашимъ собственнымъ обществамъ, происходитъ оттого, что роль, которую мы играемъ въ нихъ, представляется намъ гораздо болѣе важною, чѣмъ та, которую мы исполняемъ въ великомъ Божьемъ обществѣ. Но это только самообманъ: всѣ три вида дѣятельности, упомянутые вами въ вашемъ письмѣ, вѣрнѣе достижимы человѣкомъ, считающимъ себя членомъ великаго Божьяго общества, нежели членомъ „Толстовскаго Общества". Такой человѣкъ, если онъ искренепъ,—какъ я знаю, что вы искренни,—будетъ, во-первыхъ, распространять, насколько можетъ, тѣ мысли, которы доставили ему душевное удовлетвореніе и энергію жизни, не заботясь о томъ, Толстого ли онѣ или кого-либо другого. Во-вторыхъ, онъ будетъ всѣми силами стараться вызывать людей къ высказыванію ихъ мнѣній о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. Въ-третьихъ, онъ будетъ стремиться доставлять каждому, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, столько радости и счастья, сколько онъ въ состояніи; а такъ будетъ помогать тѣмъ, которые впадаютъ въ затрудненія отъ твердаго слѣдованія ученію Христа. Человѣкъ, принадлежащій къ великому Божьему обществу, кромѣ того, исполнитъ и много другихъ христіанскихъ поступковъ, которые не были ни предвидѣны, ни опредѣлены ни „Толстовскимъ Обществомъ", ни какимъ бы то ни было другимъ. Я допускаю, что существуютъ нѣкоторыя выгоды въ соединеніи людей одинаковыхъ мыслей въ общества: но думаю, что невыгоды такихъ организацій гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ удобства. И потому я сознаю, что для меня было бы большой потерей перемѣнить свое членство великаго Божьяго общества на кажущееся полезнымъ участіе въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ.

Мнѣ жаль, дорогой другъ, расходиться съ вами во мнѣніи; но я не могу думать иначе".

* * *

От издателя.

Предлагаемая книга не была предназначена авторомъ для печати въ настоящемъ ея видѣ. Проработавъ надъ нею около двухъ лѣтъ и оставшись неудовлетвореннымъ формой изложенія, Л. Н. Толстой отложилъ эту книгу, надѣясь когда-нибудь въ будущемъ вернуться къ ней со свѣжими силами. Но другія работы захватили все его вниманіе, и, не предвидя возможности скоро взяться за окончательную обработку этого труда, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ далъ мнѣ свое согласіе на его изданіе въ теперешнемъ его видѣ:

„Разумѣется, я считаю это писаніе неоконченнымъ и далеко не удовлетворяющимъ тѣмъ требованіямъ, которыя тотъ же „я“ предъявилъ бы ему 20 лѣтъ тому назадъ. Но теперь я знаю, что кончить его, довести до той степени ясности, которую я бы хотѣлъ, я не успѣю; а между тѣмъ думаю, что все-таки и въ этомъ видѣ найдется въ немъ кое-что полезное людямъ, и потому печатайте и издавайте такъ, какъ есть. А велитъ Богъ, и освобожусь отъ другихъ дѣлъ, и будутъ еще силы, вернусь къ этому писанію и постараюсь сдѣлать его проще, яснѣе и кратче“.

(2 сентября 1897 г.).

Читатель, поэтому, долженъ имѣть въ виду неокончательную обработку изложенія и стараться понимать не вполнѣ ясныя мѣста,—если таковыя ему встрѣтятся,—въ смыслѣ, наиболѣе выгодномъ для общей мысли и согласно духу всего содержанія.

Мы же, съ своей стороны, были бы сердечно благодарны читателю за всякое указаніе замѣченныхъ имъ въ изложеніи неточностей или неясностей, и съ радостью воспользуемся для слѣдующаго изданія тѣми изъ подобныхъ поправокъ, которыя будутъ одобрены авторомъ.

В. Чертковъ.

Пэрлей.
21 апрѣля 1898 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жилъ я до 50-ти лѣтъ, думая, что та жизнь человѣка, которая проходитъ отъ рожденія и до смерти, и есть вся жизнь его, и что потому цѣль человѣка есть счастье въ этой смертной жизни, и я старался получить это счастье, но чѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что счастья этого нѣтъ и не можетъ быть. То счастье, которое я искалъ, не давалось мнѣ, то же, котораго я достигалъ, тотчасъ же переставало быть счастіемъ. Несчастій же становилось все больше и больше, и неизбѣжность смерти становилась все очевиднѣе и очевиднѣе, и я понялъ, что послѣ этой безсмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидаетъ, кромѣ страданія, болѣзни, старости и уничтоженія: я спросилъ себя: зачѣмъ это? и не получилъ отвѣта. И я пришелъ въ отчаяніе.

То, что говорили мнѣ нѣкоторые люди и въ чемъ я самъ иногда старался увѣрить себя, что надо желать счастья не себѣ одному, но другимъ, близкимъ и всѣмъ людямъ, не удовлетворяло меня, во-1-хъ, потому, что я не могъ искренно такъ же, какъ себѣ, желать счастья другимъ людямъ, во-2-хъ, и главное потому, что другіе люди точно такъ же, какъ и я, были обречены на несчастье и смерть. И потому всѣ мои страданія объ ихъ благѣ были тщетны.

Я пришелъ въ отчаяніе. Но я подумалъ, что мое отчаяніе можетъ происходить отъ того, что я особенный человѣкъ, что другіе люди знаютъ, зачѣмъ живутъ, и потому не приходятъ въ отчаяніе.

И я сталъ наблюдать другихъ людей, но другіе люди точно такъ же, какъ и я, не знали, зачѣмъ они живутъ. Одни старались суетой жизни заглушить это незнаніе, другіе же увѣряли себя и другихъ, что они вѣрятъ въ разныя вѣры, которыя съ дѣтства внушены имъ; но вѣрить въ то, во что они вѣрили, невозможно было, такъ это было глупо. Да и многіе изъ нихъ, мнѣ казалось, только притворялись, что они вѣрятъ, но въ глубинѣ души не вѣрили.

Продолжать суетиться я уже не могъ: никакая суета не скрывала непрестанно стоящаго передо мною вопроса, и такъ же не могъ вновь начать вѣрить въ ту вѣру, которая была преподана мнѣ съ дѣтства и которая, когда я возмужалъ умомъ, сама собой отпала отъ меня. Но чѣмъ

больше я изучалъ, тѣмъ больше я убѣждался, что тутъ и не можетъ быть истины, что тутъ одно лицемѣріе и корыстные виды обманывающихъ и слабоуміе, упрямство и страхъ обманутыхъ.

Не говоря уже о внутреннихъ противорѣчіяхъ этого ученія, о низменности, жестокости его, признающаго Бога, карающимъ людей вѣчными мученіями *), главное, что не позволяло мнѣ повѣрить въ это ученіе, было то, что я зналъ, что рядомъ съ этимъ православнымъ христіанскимъ ученіемъ, утверждавшимъ, что оно одно въ истинѣ, было другое христіанское—католическое, третье—лютеранское, четвертое—реформатское, и всѣ различныя христіанскія ученія, изъ которыхъ каждое про себя утверждало, что оно одно въ истинѣ; зналъ я и то, что рядомъ съ этими христіанскими ученіями существуютъ еще нехристіанскія религіозныя ученія—буддизма, браманизма, магометанства, конфуціанства и др., точно также считающія только себя истинными, всѣ же другія ученія—заблужденіемъ.

И я не могъ вернуться ни къ той вѣрѣ, которой былъ наученъ съ дѣтства, ни повѣрить въ какую-либо изъ тѣхъ, которыя исповѣдывали другіе народы, потому что во всѣхъ были одни и тѣ же противорѣчія, безсмыслицы, чудеса, отрицающія всѣ другія вѣры, а главное, ихъ обманъ требованія слѣпого довѣрія своему ученію.

Итакъ, я убѣдился въ томъ, что въ существующихъ вѣрахъ я не найду разрѣшенія моего вопроса и облегченія моихъ страданій. Отчаяніе мое было таково, что я былъ близокъ къ самоубійству.

Но тутъ и пришло мнѣ спасеніе. Спасеніе было въ томъ, что я съ дѣтства удержалъ смутное представленіе о томъ, что въ Евангеліи есть отвѣтъ на мой вопросъ. Въ ученіи этомъ, въ Евангеліи, не смотря на всѣ извращенія, которымъ оно подверглось въ ученіи христіанской церкви, я чуялъ истину. И я сдѣлалъ послѣднюю попытку: откинувъ всякія толкованія евангельскаго ученія, я сталъ читать и изучать Евангелія и вникать въ смыслъ ихъ. И чѣмъ больше я вникалъ въ смыслъ этой книги, тѣмъ больше мнѣ уяснялось нѣчто новое, совсѣмъ не похожее на то, чему учатъ христіанскія церкви, не отвѣчающее на вопросъ моей жизни. И, наконецъ, отвѣтъ этотъ сталъ совершенно ясенъ.

И отвѣтъ этотъ былъ не только ясенъ, но и несомнѣненъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ вполнѣ совпалъ съ требованіями моего разума и сердца, во-вторыхъ, тѣмъ, что когда я понялъ его, то я увидалъ, что отвѣтъ этотъ не есть исключительное мое толкованіе Евангелія, какъ это

*) Всѣ противорѣчія эти, безсмыслицы и жестокости я изложилъ подробно въ книгѣ: „Критика догматическаго богословія“, въ которой положеніе за положеніемъ разсмотрѣны всѣ церковные догматы православнаго сбоголовія.

могло показаться. и не есть даже исключительно откровеніе Христа, но что этотъ самый отвѣтъ на вопросъ жизни болѣе или менѣе ясно высказывали всѣ лучшіе люди человѣчества и до и послѣ Евангелія. начиная съ Моисея, Исаіи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы. Фихте, Фейербаха и всѣхъ тѣхъ. часто незамѣтныхъ и не прославленныхъ людей, которые искренно, безъ взятыхъ на вѣру ученій, думали и говорили о смыслѣ жизни. Такъ что въ познаніи почерпнутой мной изъ Евангелій истины. я не только не былъ одинъ, но былъ со всѣми лучшими людьми прежняго и нашего времени. И я утвердился въ этой истинѣ. успокоился и радостно прожилъ послѣ этого 20 лѣтъ своей жизни и радостно приближаюсь къ смерти.

И вотъ этотъ отвѣтъ на смыслъ моей жизни, давшій мнѣ полное успокоеніе и радость жизни, я и хочу передать людямъ.

Я стою по своему возрасту, состоянію здоровья одной ногой въ гробу, и потому человѣческія соображенія не имѣютъ для меня значенія, и ежели бы имѣли какое-либо значеніе, то я знаю, что это изложеніе моей вѣры не только не будетъ содѣйствовать ни моему благосостоянію, ни доброму мнѣнію обо мнѣ людей, но, напротивъ. только можетъ возмутить и огорчить какъ людей невѣрующихъ. требующихъ отъ меня литературныхъ писаній, а не разсужденій о вѣрѣ, такъ и вѣрующихъ, возмущающихся всякими моими религіозными писаніями и бранящими меня за нихъ. Кромѣ того по всѣмъ вѣроятіямъ писаніе это станетъ извѣстно людямъ только послѣ моей смерти *). И потому побуждаетъ меня къ тому, что я дѣлаю, не корысть. не слава, не мірскія соображенія, а только страхъ не исполнить того, чего отъ меня хочетъ Тотъ, Кто послалъ меня въ этотъ міръ, къ Которому я каждый часъ жду своего возвращенія.

И потому я прошу всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать и понимать мое писаніе. откинувъ такъ же, какъ и я, всѣ свѣтскія соображенія. имѣя въ виду только то вѣчное начало истины и добра. по волѣ котораго мы пришли въ этотъ міръ, и очень скоро. какъ тѣлесныя существа. исчезнемъ изъ него, и безъ поспѣшности и раздраженія понимать и обсуждать то, что я высказываю, и въ случаѣ несогласія не съ презрѣніемъ и ненавистью. а съ сожалѣніемъ и любовью поправлять меня; въ случаѣ же согласія со мной помнить, что если я говорю истину. то истина это не моя, а Божія, и что только случайно часть ея проходитъ черезъ меня, точно такъ же, какъ она проходитъ черезъ каждаго изъ насъ, когда мы познаемъ истину и передаемъ ее.

---

*) См. предисловіе издателя.

Христіанское ученіе.

ЧАСТЬ I.

Древнія вѣроученія и новое жизнепониманіе.

1.

Древнія вѣроученія.

1. Всегда, съ самыхъ древнихъ временъ, люди чувствовали бѣдственность, непрочность и безсмысленность своего существованія и искали спасенія отъ этой бѣдственности, непрочности и безсмысленности въ вѣрѣ въ Бога или боговъ, которые могли бы избавлять ихъ отъ различныхъ бѣдъ этой жизни и въ будущей жизни давали бы имъ то благо, котораго они желали и не могли получить въ этой жизни.

2. И потому съ древнѣйшихъ временъ среди разныхъ народовъ были и разные проповѣдники, которые учили людей о томъ, каковы тотъ Богъ или тѣ боги, которые могутъ спасать людей, и о томъ, что нужно было дѣлать для того, чтобы угодить этому Богу или богамъ, для того, чтобы получить награду въ этой или будущей жизни.

3. Одни религіозныя ученія учили тому, что Богъ этотъ есть солнце и олицетворяется въ разныхъ животныхъ; другіе учили, что боги—это небо и земля; третьи учили тому, что Богъ создалъ міръ и избралъ изъ всѣхъ народовъ одинъ любимый народъ; четвертые учили, что есть много боговъ, и что они участвуютъ въ дѣлахъ людей; пятые учили тому, что Богъ, принявъ образъ человѣка, сошелъ на землю.

И всѣ эти учители, перемѣшивая истину съ ложью, требовали отъ людей, кромѣ воздержанія отъ поступковъ, считавшихся дурными — и исполненіе дѣлъ, считавшихся дурными, еще и таинства, и жертвы, и молитвы, которыя больше всего другого должны были обезпечивать людямъ ихъ благо въ этомъ мірѣ и въ будущемъ.

2.

Недостаточность древнихъ вѣроученій.

4. Но чѣмъ больше жили люди, тѣмъ меньше и меньше удовлетворяли эти вѣроученія требованіямъ души человѣческой.

5. Люди видѣли, во-первыхъ, то, что счастье въ этомъ мірѣ, къ которому они стремились, не достигалось, несмотря на исполненіе требованій Бога или боговъ.

6. Во-вторыхъ, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, довѣріе къ тому, что проповѣдывали религіозные учители о Богѣ, о будущей жизни и о наградахъ въ ней, не совпадая съ уяснившимися понятіями о мірѣ, все ослабѣвало и ослабѣвало.

7. Если прежде люди безпрепятственно могли вѣрить тому, что Богъ сотворилъ міръ 6.000 лѣтъ тому назадъ, что земля есть центръ вселенной, что подъ землей находится адъ, что Богъ сходилъ на землю и потомъ улетѣлъ на небо и т. п., то теперь уже этому нельзя вѣрить, потому что люди вѣрно знаютъ, что міръ существуетъ не 6.000 лѣтъ, а сотни тысячъ лѣтъ, что земля не есть центръ міра, а только очень маленькая планета въ сравненіи съ другими небесными тѣлами и знаютъ, что подъ землей ничего не можетъ быть, такъ какъ земля шаръ; знаютъ, что улетѣть на небо нельзя, потому что неба нѣтъ, а есть только кажущійся сводъ небесный.

8. Въ-третьихъ, главное—подрывалось довѣріе къ этимъ различнымъ ученіямъ тѣмъ, что люди, вступая въ болѣе близкое общеніе между собой, узнавали про то, что въ каждой странѣ религіозные учителя проповѣдуютъ свое особенное ученіе, признавая одно свое—истиннымъ, и отрицаютъ всѣ другія.

И люди, зная про это, естественно дѣлали выводъ о томъ, что ни одно изъ этихъ ученій не болѣе истинно, чѣмъ другое, и что потому ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято за несомнѣнную и непогрѣшимую истину.

2.

Необходимость новаго вѣроученія, соотвѣтствующаго степени просвѣщенія человѣчества.

9. Недостижимость счастья въ этой жизни, все распространяющееся просвѣщеніе человѣчества и общеніе людей между собой, вслѣдствіе котораго они узнали вѣроученія другихъ народовъ, дѣлали то, что довѣріе людей къ преподаннымъ имъ вѣроученіямъ все ослабѣвало и ослабѣвало.

10. А между тѣмъ, потребность объясненія смысла жизни и разрѣшенія противорѣчія между стремленіемъ къ счастью

и жизни съ одной стороны, и все болѣе и болѣе уяснявшимся сознаніемъ неизбѣжности бѣдствія и смерти съ другой—становилась все настоятельнѣе и настоятельнѣе.

11. Человѣкъ желаетъ себѣ блага, видитъ въ этомъ смыслъ своей жизни, и чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ болѣе видитъ, что благо это для него невозможно; человѣкъ желаетъ жизни, продолженія ея, и видитъ, что и онъ, и все существующее вокругъ него обречено на неизбѣжное уничтоженіе и исчезновеніе; человѣкъ обладаетъ разумомъ и ищетъ разумнаго объясненія явленій жизни, и не находитъ никакого разумнаго объясненія ни своей, ни чужой жизни.

12. Если въ древности сознаніе этого противорѣчія между жизнью человѣческою, требующей блага и продолженія ея—и неизбѣжностью смерти и страданій было доступно только лучшимъ умамъ, какъ Соломону, Буддѣ, Сократу, Лао-Дзи и др., то въ позднѣйшее время это стало истиной, доступной всѣмъ; и потому разрѣшеніе этого противорѣчія стало нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

13. И вотъ именно въ то время, когда разрѣшеніе противорѣчія стремленія къ благу и жизни, съ сознаніемъ невозможности ихъ, стало особенно мучительно необходимымъ для человѣчества,—оно и дано было людямъ христіанскимъ ученіемъ въ его истинномъ значеніи.

4.

Въ чемъ состоитъ разрѣшеніе противорѣчія жизни и объясненіе ея смысла, даваемое христіанскимъ вѣроученіемъ въ его истинномъ значеніи.

14. Древнія вѣроученія своими увѣреніями о существованіи Бога-творца, промыслителя и искупителя, старались скрыть противорѣчіе жизни человѣческой; христіанское же ученіе, напротивъ, показываетъ людямъ это противорѣчіе во всей силѣ; показываетъ имъ то, что оно должно быть, и изъ признанія противорѣчія выводитъ и разрѣшеніе его. Противорѣчіе состоитъ въ слѣдующемъ:

15. Дѣйствительно, съ одной стороны—человѣкъ есть животное и не можетъ перестать быть животнымъ, пока онъ живетъ въ тѣлѣ, съ другой стороны—онъ есть духовное существо, отрицающее всѣ животныя требованія человѣка.

16. Человѣкъ въ первое время своей жизни живетъ, не зная о томъ, что онъ живетъ, такъ что живетъ не онъ самъ, но черезъ него живетъ та сила жизни, которая живетъ во всемъ, что мы знаемъ.

17. Человѣкъ начинаетъ жить самъ только тогда, когда знаетъ, что онъ живетъ. Знаетъ же онъ, что живетъ, когда знаетъ, что желаетъ блага себѣ и что другія суще-

ства желаютъ того же. Это знаніе даетъ ему пробудившійся въ немъ разумъ.

18. Узнавъ же то, что онъ живетъ и желаетъ блага себѣ и что того же желаютъ другія существа, человѣкъ неизбѣжно узнаетъ и то, что благо, котораго онъ желаетъ для своего отдѣльнаго существа, недоступно ему и что вмѣсто того блага, котораго онъ желаетъ, ему предстоятъ неизбѣжныя страданія и смерть. То же самое предстоитъ и всѣмъ другимъ существамъ. И является противорѣчіе, которому человѣкъ ищетъ разрѣшенія такого, при которомъ его жизнь такая, какая она есть, имѣла бы разумный смыслъ. Онъ хочетъ, чтобы жизнь продолжала бы быть тою, какою она была до пробужденія его разума, т. е. совсѣмъ животною, или чтобы она была уже совсѣмъ духовною.

19. Человѣкъ хочетъ быть звѣремъ или ангеломъ, но не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ.

20. И тутъ-то является то разрѣшеніе этого противорѣчія, которое даетъ христіанское ученіе. Оно говоритъ человѣку, что онъ ни звѣрь, ни ангелъ, но ангелъ, рождающійся отъ звѣря,—духовное существо, рождающее изъ животнаго. Что все наше пребываніе въ этомъ мірѣ есть ничто иное, какъ это рожденіе.

5.

Въ чемъ состоитъ рожденіе духовнаго существа.

21. Какъ только человѣкъ пробуждается къ разумному сознанію, сознаніе это говоритъ ему, что онъ желаетъ блага; а такъ какъ разумное сознаніе его пробудилось въ его отдѣльномъ существѣ,—то ему кажется, что его желаніе блага относится къ его отдѣльному существу.

22. Но то самое разумное сознаніе, которое показало ему себя отдѣльнымъ существомъ, желающимъ себѣ блага, показываетъ ему и то, что отдѣльное существо это не соотвѣтствуетъ тому желанію блага и жизни, которыя онъ ему приписываетъ, онъ видитъ, что отдѣльное существо это не можетъ имѣть ни блага, ни жизни.

23. „Что же имѣетъ истинную жизнь?“ спрашиваетъ онъ себя и видитъ, что истинной жизни не имѣетъ ни онъ, ни тѣ существа, которыя окружаютъ его, а только то, что желаетъ блага.

24. И, познавъ это, человѣкъ перестаетъ признавать собою свое отдѣльное отъ другихъ тѣлесное и смертное существо, а признаетъ собою то нераздѣльное отъ другихъ духовное и потому не смертное существо, которое открыто ему его разумнымъ сознаніемъ.

Въ этомъ состоитъ рожденіе въ человѣкѣ новаго духовнаго существа.

6.

Что такое то существо, которое рождается въ человѣкѣ?

25. Существо, открываемое человѣку его разумнымъ сознаніемъ, есть желаніе блага, есть то же самое желаніе блага, которое и прежде составляло цѣль его жизни, но съ той разницей, что желаніе блага прежняго существа относилось къ отдѣльному одному тѣлесному существу и не сознавало себя, теперешнее же желаніе блага сознаетъ себя и потому относится не къ чему-либо отдѣльному, а къ всему существующему.

26. Въ первое время пробужденія разума человѣку казалось, что желаніе блага, которое онъ сознаетъ собою, относится только къ тому тѣлу, въ которое оно заключено.

27. Но чѣмъ яснѣе и тверже становился разумъ, тѣмъ яснѣе становилось, что истинное существо, истинное *я* человѣка, какъ скоро онъ сознаетъ себя, есть не его тѣло, не имѣющее истинной жизни, а желаніе блага само въ себѣ, другими словами—желаніе блага всему существующему.

28. Желаніе же блага всему существующему есть то, что даетъ жизнь всему существующему, то, что мы называемъ Богомъ.

29. Такъ что существо, которое открывается человѣку его сознаніемъ, рождающееся существо,—есть то, что даетъ жизнь всему существующему,—есть Богъ.

7.

Богъ, по христіанскому ученію познаваемый человѣкъ въ себѣ самомъ.

30. По прежнимъ ученіямъ для познанія Бога человѣкъ долженъ былъ вѣрить тому, что ему другіе люди говорили о Богѣ, о томъ, какъ Богъ сотворилъ будто бы міръ и людей и потомъ проявилъ себя людямъ; по христіанскому же ученію человѣкъ непосредственно познаетъ Бога своимъ сознаніемъ въ самомъ себѣ.

31. Въ самомъ себѣ сознаніе показываетъ человѣку, что сущность его жизни есть желаніе блага всему существующему, есть нѣчто необъяснимое и невыразимое словами, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое близкое и непонятное человѣку.

32. Начало желанія блага появилось въ человѣкѣ сначала, какъ жизнь его отдѣльнаго животнаго существа; потомъ какъ жизнь тѣхъ существъ, которыя онъ любилъ; потомъ, съ тѣхъ поръ какъ пробудилось въ немъ его разумное сознаніе, оно проявилось, какъ желаніе блага всему существующему. Желаніе же блага всему существующему есть начало всякой жизни, есть любовь, есть Богъ, какъ и сказано въ Евангеліи, что Богъ есть любовь.

8.

Богъ, по христіанскому ученію познаваемый человѣкомъ внѣ себя.

33. Но кромѣ Бога, познаваемаго по христіанскому ученію въ самомъ себѣ, какъ желаніе блага всему существующему—любовь,—человѣкъ, по христіанскому ученію, познаетъ Его еще и внѣ себя,—во всемъ существующемъ.

34. Сознавая въ своемъ отдѣльномъ тѣлѣ духовное и нераздѣльное существо Бога и видя присутствіе того же Бога во всемъ живомъ, человѣкъ не можетъ не спрашивать себя—для чего Богъ, существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка.

35. Для чего существо духовное и единое какъ бы раздѣлилось само въ себѣ? Для чего божественная сущность заключена въ условія отдѣльности и тѣлесности? Для чего безсмертное заключено въ смертное? связано съ нимъ?

36. И отвѣтъ можетъ быть только одинъ: есть высшая воля, цѣли которой недоступны человѣку. И эта-то воля поставила человѣка и все существующее въ то положеніе, въ которомъ оно находится. Эта-то причина, которая для какихъ-то недоступныхъ человѣку цѣлей заключила себя, желаніе блага всему существующему—любовь—въ отдѣльныя отъ остального міра существа,—есть тотъ же Богъ, котораго человѣкъ сознаетъ въ себѣ,—познаваемый человѣкомъ внѣ себя.

Такъ что Богъ, по христіанскому вѣроученію, есть и та сущность жизни, которую человѣкъ сознаетъ въ себѣ и познаетъ во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага; и вмѣстѣ съ тѣмъ и та причина, по которой сущность эта заключена въ условія отдѣльно и тѣлесной жизни.

Богъ, по христіанскому ученію, есть тотъ отецъ, какъ это и сказано въ Евангеліи, который послалъ въ міръ своего подобнаго Себѣ сына для исполненія въ немъ своей воли,—блага всего существующаго.

9.

Подтвержденіе истинности христіанскаго пониманія жизни внѣшнимъ проявленіемъ Бога.

37. Богъ проявляется въ разумномъ человѣкѣ желаніемъ блага всему существующему, и въ мірѣ—въ отдѣльныхъ существахъ, стремящихся къ своему благу.

38. Хотя неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно человѣку, для чего нужно было единому духовному существу—Богу—проявить себя въ разумномъ человѣкѣ желаніемъ блага всему существующему и въ отдѣльныхъ существахъ желаніемъ блага каждаго себѣ, человѣкъ не можетъ не ви-

дѣть, что и то и другое сходится къ одной ближайшей опредѣленной, доступной и радостной человѣку цѣли.

39. Цѣль эта открывается человѣку и наблюденіемъ, и преданіемъ, и разсужденіемъ. Наблюденіе показываетъ, что все движеніе въ жизни людей,—насколько оно извѣстно имъ,—состояло только въ томъ, что прежде раздѣленные и враждебные другъ другу существа и люди — все болѣе и болѣе соединяются и связываются согласіемъ и взаимодѣйствіемъ. Преданіемъ показываетъ человѣку, что всѣ мудрецы міра всегда учили тому, что человѣчество должно отъ раздѣленія переходить къ единенію, какъ говорилъ пророкъ, что всѣ люди должны быть научены Богомъ, копья и мечи перекованы на серпы и плуги, и, какъ говорилъ Христосъ, чтобы всѣ были едины, какъ я единъ съ Отцомъ. Разсужденіе показываетъ человѣку, что наибольшее благо людей, къ которому стремятся всѣ люди, можетъ быть достигнуто только при наибольшемъ единеніи и согласіи людей.

40. И потому, хотя конечная цѣль жизни міра и скрыта отъ человѣка, онъ все-таки знаетъ, въ чемъ состоитъ ближайшее дѣло жизни міра, въ которомъ онъ призванъ участвовать, дѣло есть замѣна раздѣленія и несогласія въ мірѣ единеніемъ и согласіемъ.

41. Наблюденіе, преданіе, разумъ показываютъ человѣку, что въ этомъ состоитъ то дѣло Божіе, въ которомъ онъ призванъ участвовать, и внутренне стремленіе его рождающагося въ немъ духовнаго существа—любви—влечетъ его къ тому же самому.

42. Внутреннее влеченіе рождающагося духовнаго существа человѣка только одно: увеличеніе въ себѣ любви. И это-то увеличеніе любви есть то самое, что оно содѣйствуетъ тому дѣлу, которое совершается въ мірѣ: замѣны разъединенія и борьбы — единеніемъ и согласіе, то, что въ христіанскомъ ученіи называется установленіемъ Царства Божія.

43. Такъ что, если бы и могло быть для человѣка сомнѣніе въ истинности христіанскаго опредѣленія смысла жизни, совпаденіе внутренняго стремленія человѣка по христіанскому ученію съ ходомъ жизни всего міра подтверждало бы эту истинность.

10.

Въ чемъ состоитъ открываемая человѣку христіанскимъ ученіемъ жизнь въ этомъ мірѣ?

44. Рождаясь къ новой жизни, человѣкъ сознаетъ, что въ его отдѣльномъ отъ всѣхъ другихъ существъ существѣ заключено желаніе блага не себѣ одному, а всему существующему—любовь.

45. Если бы это желаніе блага всему существующему, эта любовь, находилась не въ отдѣльномъ существѣ, оно бы

не знало про себя и осталось бы всегда равнымъ самому себѣ, но будучи заключено въ предѣлы отдѣльнаго существа—человѣка, оно сознаетъ себя въ свои предѣлы и стремится разорвать то, что связываетъ его.

46. По свойству своему любовь, желаніе блага, стремится обнять все существующее. Естестественнымъ путемъ оно расширяетъ свои предѣлы, любовью – сначала къ семейнымъ—женѣ, дѣтямъ, потомъ къ друзьямъ, соотечественникамъ; но любовь не довольствуется этимъ и стремится обнять все существующее.

47. Въ этомъ не перестающемъ расширеніи предѣловъ области любви, составляющему сущность рожденія духовнаго существа и заключается сущность истинной жизни человѣка въ этомъ мірѣ. Все пребываніе человѣка въ этомъ мірѣ отъ рожденія и до смерти есть ничто иное, какъ рожденіе въ немъ духовнаго существа. Это неперестающее рожденіе есть то, что въ христіанскомъ ученіи называется жизнью истинной.

48. Можно себѣ представить, что то, что составляетъ наше тѣло, которое теперь представляется, какъ отдѣльное существо, которое мы любимъ предпочтительно передъ всѣми другими существами, когда-нибудь въ прежней, низшей жизни было только собраніе любимыхъ предметовъ, которые любовь соединила въ одно такъ, что мы его въ этой жизни уже чувствуемъ собою; и что точно также наша любовь теперь къ тому, что доступно намъ, составить въ будущей жизни одно цѣльное существо, которое будетъ также близко къ намъ, какъ теперь наше тѣло (у Отца вашего обителей много).

11.

Чѣмъ разнится истинная жизнь, открываемая христіанскимъ ученіемъ отъ жизни прежней.

49. Разница между личной жизнью и жизнью истинной заключается въ томъ, что цѣль личной жизни состоитъ въ увеличеніи наслажденій внѣшней жизни и продолженіи ея, и цѣль эта, не смотря на всѣ усилія, никогда не достигается, потому что человѣкъ не властенъ надъ внѣшними условіями, препятствующими наслажденію, и надъ всякаго рода бѣдствіями, всегда могущими постигнуть его; цѣль же истинной жизни, состоящая въ расширеніи области любви и увеличеніи ея, ничѣмъ не можетъ быть воспрепятствована, такъ какъ всѣ внѣшнія, причины какъ то: насиліе, болѣзни, страданія, которыя мѣшаютъ достиженію цѣли личной жизни, содѣйствуютъ достиженію цѣли духовной.

50. Разница въ томъ, въ чемъ разница между тѣми рабочими, которые, будучи посланы въ хозяйскій садъ, какъ это сказано въ Евангельской притчѣ, рѣшили, что садъ

принадлежитъ имъ, и потому не отдавали плодовъ хозяину, и тѣми, которые признаютъ себя работниками и исполняютъ порученное хозяиномъ.

ЧАСТЬ II.

О грѣхахъ.

12.

Что мѣшаетъ человѣку жить истинной жизнью.

51. Для исполненія своего назначенія человѣкъ долженъ увеличивать въ себѣ любовь и проявлять ее въ мірѣ,— и это увеличеніе любви и проявленіе ея въ мірѣ есть то самое, что нужно для совершенія дѣла Божія. Но что же можетъ дѣлать человѣкъ для проявленія любви?

52. Основа жизни человѣка есть желаніе блага всему существующему. Любовь въ человѣкѣ заключена въ предѣлы отдѣльнаго существа и потому естественно влечется къ расширенію своихъ предѣловъ, такъ что человѣку ничего не нужно дѣлать, чтобы проявлять въ себѣ любовь: она сама собой стремится къ своему проявленію, человѣку нужно только устранять препятствія къ ея продвиганію. Въ чемъ же состоятъ эти препятствія?

53. Препятствія, мѣшающія человѣку проявлять любовь, заключаются въ тѣлѣ человѣка, въ отдѣльности его отъ другихъ существъ: въ томъ, что, начиная свою жизнь младенчествомъ, во время котораго онъ живетъ одною животною жизнью своего отдѣльнаго существа, человѣкъ и впослѣдствіи, когда ужъ въ немъ пробуждается разумъ, не можетъ никогда вполнѣ отрѣшиться отъ стремленія къ благу своего отдѣльнаго существа и совершаетъ поступки, противуположные любви.

13.

Значеніе препятствій къ проявленію любви.

54. Желаніе блага всему существующему — любовь, стремясь къ своему проявленію, встрѣчаетъ препятствія къ этому проявленію въ тѣлѣ человѣка и въ особенности въ томъ, что разумъ человѣка, освобождающій любовь, пробуждается въ человѣкѣ не при появленіи человѣка на свѣтъ, а послѣ извѣстнаго времени, тогда, когда человѣкъ ужъ усвоилъ себѣ привычки животной жизни. Для чего это?

55. Человѣкъ не можетъ не спрашивать себя объ этомъ. Для чего духовное существо — любовь — заключено въ отдѣльное существо человѣка? И на вопросъ этотъ различныя ученія отвѣчали и отвѣчаютъ различно. Одни, пессимисти-

ческія, отвѣчаютъ тѣмъ, что заключеніе духовнаго существа въ тѣло человѣка есть ошибка, которая должна быть исправлена уничтоженіемъ тѣла, уничтоженіемъ животной жизни. Другія ученія отвѣчаютъ тѣмъ, что предположеніе о существованіи духовнаго существа есть ошибка, которая должна быть исправлена тѣмъ, чтобы признавать дѣйствительно существующимъ одно тѣло и его законы. И то, и другое ученіе не разрѣшаетъ противорѣчій, а только не признаетъ—одно: законности тѣла; другое: законности духа. Только христіанское ученіе разрѣшаетъ его.

56. На совѣтъ, который даетъ соблазнитель Христу уничтожить жизнь, если нельзя по своей волѣ удовлетворять всѣмъ требованіямъ животной природы, Христосъ говоритъ, что нельзя противиться волѣ Бога, пославшаго насъ въ жизнь въ видѣ отдѣльнаго существа, но что въ этой жизни отдѣльнаго существа надо служить одному Богу.

57. По христіанскому ученію нужно для разрѣшенія противорѣчія жизни не уничтожить самую жизнь отдѣльнаго существа, что было бы противно волѣ Бога, пославшаго ее, и не покоряться требованіямъ животной жизни отдѣльнаго существа, что было бы противно духовному началу, составляющему истинное *я* человѣка, а должно въ томъ тѣлѣ, въ которое заключено это истинное *я* человѣка, служить одному Богу.

58. Истинное *я* человѣка есть живущая въ немъ, постоянно стремящаяся къ увеличенію, безпредѣльная любовь, составляющая основу его жизни. Любовь эта заключена въ предѣлы животной жизни отдѣльнаго существа и всегда стремится къ освобожденію себя отъ нея.

59. Въ этомъ освобожденіи духовнаго существа отъ животной личности, въ этомъ рожденіи духовнаго существа и состоитъ истинная жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества.

60. Любовь въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и въ человѣчествѣ подобна пару, сжатому въ паровикѣ—паръ, стремясь къ расширенію, толкаетъ поршни и производитъ работу.

Какъ для того, чтобы паръ производилъ свою работу, должны быть препятствія стѣнъ, такъ и для того, чтобы любовь производила свою работу, нужно препятствіе предѣловъ отдѣльнаго существа, въ которое она заключена.

14.

Чего не долженъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы жить истинной жизнью?

61. Человѣкъ во время своего младенчества, дѣтства, иногда и позже, живетъ какъ животное, исполняя волю

Бога, познаваемую имъ какъ желаніе блага своему отдѣльному существу, и не знаетъ никакой другой жизни.

62. Пробудившись къ разумному сознанію, человѣкъ, хотя и знаетъ, что жизнь его—въ его духовномъ существѣ, продолжаетъ чувствовать себя въ отдѣльномъ тѣлѣ и, по усвоенной имъ привычкѣ животной жизни, совершаетъ поступки, имѣющіе цѣлью благо отдѣльной личности и противные любви.

63. Поступая такъ, человѣкъ лишаетъ себя благо истинной жизни и не достигаетъ той цѣли блага отдѣльнаго существа, къ которой онъ стремится, и потому, поступая такъ, совершаетъ грѣхи. Въ этихъ то грѣхахъ и заключаются прирожденныя препятствія проявленію любви въ человѣкѣ.

64. Препятствія эти усиливаются еще тѣмъ, что прежде жившіе люди, дѣлавшіе грѣхи, передаютъ привычки и пріемы своихъ грѣховъ слѣдующимъ поколѣніямъ.

65. Такъ что каждый человѣкъ—и потому, что онъ усвоилъ въ дѣтствѣ привычку личной жизни отдѣльнаго существа, и потому, что эти же привычки личной жизни передаются преданіями ему отъ предковъ, всегда подлежитъ грѣхамъ, препятствующимъ проявленію любви.

15.

Три рода грѣховъ.

66. Есть три рода грѣховъ, мѣшающихъ любви: а) грѣхи, вытекающіе изъ неискоренимаго влеченія человѣка, пока онъ живетъ въ тѣлѣ, къ благу своей личности,—грѣхи прирожденные, естественные; в) грѣхи, вытекающіе изъ преданія человѣческихъ учрежденій и обычаевъ, направленныхъ на увеличеніе блага отдѣльныхъ лицъ,—грѣхи наслѣдственные, общественные и с) грѣхи, вытекающіе изъ стремленія отдѣльнаго человѣка къ большему и большему увеличенію блага своего отдѣльнаго существа—грѣхи личные, придуманные.

67. Грѣхи прирожденные состоятъ въ томъ, что люди полагаютъ благо въ сохраненіи и увеличеніи животнаго блага своей отдѣльной личности. Всякая дѣятельность, направленная на увеличеніе животнаго блага своей личности, есть такой прирожденный грѣхъ.

68. Грѣхи наслѣдственные—это тѣ грѣхи, которые дѣлаютъ люди, пользуясь существующими установленными людьми, жившими прежде нихъ, пріемами увеличенія блага отдѣльной личности. Всякое пользованіе учрежденіями и обычаями, установленными для блага своей личности, есть такой наслѣдственный грѣхъ.

69. Грѣхи личные, придуманные—это тѣ грѣхи, которые дѣлаютъ люди, придумывая кромѣ наслѣдственныхъ

пріемовъ. еще новыя средства увеличенія блага своей отдѣльной личности. Всякое придуманное человѣкомъ новое средство увеличенія блага отдѣльнаго своего существа есть грѣхъ личный.

16.

Раздѣленіе грѣховъ.

70. Есть шесть грѣховъ. препятствующихъ проявленію любви въ людяхъ:

71. Грѣхъ похоти, состоящій въ томъ, чтобы приготавливать себѣ удовольствія отъ удовлетворенія потребностей.

72. Грѣхъ праздности, состоящій въ томъ, чтобы освобождать себя отъ труда. нужнаго людямъ для удовлетворенія потребностей.

73. Грѣхъ корысти, состоящій въ томъ, чтобы приготавливать себѣ возможность удовлетворенія своихъ потребностей въ будущемъ.

74. Грѣхъ властолюбія, состоящій въ томъ, чтобы покорять себѣ подобныхъ.

75. Грѣхъ блуда, состоящій въ томъ. чтобы устраивать себѣ наслажденія изъ удовлетворенія половой похоти.

76. Грѣхъ опьяненія. состоящій въ томъ, чтобы производить искусственное возбужденіе своихъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ.

17.

Грѣхъ похоти.

77. Человѣку нужно удовлетворять своимъ тѣлеснымъ потребностямъ и въ безсознательномъ состояніи онъ. какъ и всякое животное, вполнѣ удовлетворяетъ имъ. не воздерживаясь и не усиливая ихъ, и въ этомъ удовлетвореніи потребности находитъ благо.

78. Но пробудившись къ разумному сознанію, человѣку въ первое время кажется, что благо его отдѣльнаго существа заключается въ удовлетвореніи его потребностей и онъ придумываетъ средства увеличенія удовольствія отъ удовлетворенія своихъ потребностей. и старается поддержать придуманныя прежде жившими людьми средства пріятнаго удовлетворенія потребностей, и самъ придумываетъ новыя, еще болѣе пріятныя средства удовлетворенія ихъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ похоти.

79. Когда человѣкъ ѣстъ или пьетъ, не будучи еще голоденъ, когда одѣвается не для того, чтобы защитить тѣло отъ холода, или строитъ домъ не для того, чтобы укрыться въ немъ отъ непогоды. а для того, чтобы увеличить удовольствіе отъ удовлетворенія потребностей, онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ похоти.

80. Когда же человѣкъ родился и выросъ въ привычкахъ излишества въ питьѣ, ѣдѣ, одеждѣ, жилищѣ и продолжаетъ пользоваться своимъ излишествомъ, поддерживая эти привычки, то такой человѣкъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ похоти.

81. Когда же человѣкъ, живя въ роскоши, придумываетъ еще новыя, не употребляемыя людьми вокругъ него, болѣе пріятныя средства удовлетворенія потребностей: вмѣсто прежней простой пищи и питья вводитъ новыя, болѣе утонченныя, вмѣсто прежней, прикрывавшей его тѣло одежы, добываетъ новую, болѣе красивую; вмѣсто прежняго меньшаго, простого дома, строитъ новый, съ новыми украшеніями и т. п.,—такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ похоти.

82. Грѣхъ похоти, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что стремясь къ благу своего отдѣльнаго существа посредствомъ удовлетворенія своихъ потребностей, человѣкъ, усиливая эти потребности, препятствуетъ своему рожденію къ новой духовной жизни.

83. Кромѣ того человѣкъ, поступающій такъ, не достигаетъ той цѣли, къ которой стремится, такъ какъ всякое усиленіе потребностей дѣлаетъ менѣе вѣроятною возможность удовлетворенія похоти и ослабляетъ самое наслажденіе отъ удовлетворенія. Чѣмъ чаще человѣкъ утоляетъ голодъ, чѣмъ утонченнѣе употребляемыя имъ кушанья, тѣмъ меньше онъ получитъ наслажденій отъ ѣды. Тоже самое и по отношенію удовлетворенія всѣхъ другихъ животныхъ потребностей.

18.

Грѣхи праздности.

84. Человѣку, также какъ и животному, нужно упражнять свои силы. Силы эти естественно направляются на приготовленіе предметовъ, нужныхъ для удовлетворенія потребностей. Послѣ направленнаго на это труда человѣку, какъ и всякому животному, нуженъ отдыхъ.

85. И въ безсознательномъ состояніи человѣкъ, также какъ и животное, приготовляя для себя предметы, нужные для жизни, чередуетъ трудъ съ отдыхомъ и въ этомъ естественномъ отдыхѣ находитъ благо.

86. Но пробудившись къ разумному сознанію, человѣкъ раздѣляетъ трудъ отъ отдыха и, находя отдыхъ болѣе пріятнымъ, чѣмъ трудъ, старается уменьшить трудъ и продлить отдыхъ, заставляя силой или хитростью другихъ людей служить своимъ потребностямъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ праздности.

87. Когда человѣкъ, пользуясь трудами другихъ людей,

отдыхаетъ тогда, когда онъ еще могъ бы трудиться, онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ праздности.

88. Когда же человѣкъ родился и живетъ въ такомъ положеніи, что онъ пользуется трудами другихъ людей, не будучи поставленъ въ необходимость трудиться самому и онъ поддерживаетъ такой порядокъ вещей, не трудясь, пользуясь трудами другихъ, то такой человѣкъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ праздности.

89. Когда же человѣкъ, родясь и живя въ средѣ людей, привыкшихъ безъ труда пользоваться трудомъ другихъ людей, самъ придумываетъ средства еще освободить себя отъ трудовъ, которые онъ прежде самъ исполнялъ и накладываетъ эти труды на другихъ, когда человѣкъ, самъ чистившій себѣ одежду, заставляетъ это дѣлать другого или самъ писавшій письма или дѣлавшій свои счеты, или самъ ходившій по своимъ дѣламъ, заставляетъ это дѣлать другихъ, а самъ употребляетъ свободное время на отдыхъ или забаву, то такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ праздности.

90. То, что каждый человѣкъ не можетъ сдѣлать все для себя самъ, а часто раздѣленіе труда совершенствуетъ и облегчаетъ трудъ, не можетъ служить оправданіемъ освобожденія себя отъ труда вообще или отъ тяжелаго труда, замѣнивъ его легкимъ. Всякое произведеніе труда, которымъ человѣкъ пользуется, требуетъ отъ него соотвѣтствующаго труда, а не облегченія своего труда или совершеннаго освобожденія отъ него.

91. Грѣхъ праздности, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что, прекращая свой трудъ и пользуясь трудомъ другихъ, человѣкъ дѣлаетъ противное тому, на что онъ предназначенъ, такъ какъ истинное благо пріобрѣтается только дѣятельностью служенія.

92. Кромѣ того, человѣкъ, поступающій такъ, не достигаетъ и того, къ чему стремится, такъ какъ наслажденіе отъ отдыха получаетъ только послѣ труда. И чѣмъ меньше труда, тѣмъ меньше наслажденій отдыха.

19.

Грѣхъ корысти.

93. Положеніе человѣка въ мірѣ таково, что тѣлесное существованіе его обезпечено законами общими, которыми человѣкъ подчиненъ вмѣстѣ со всѣми животными. Человѣкъ, отдаваясь своему инстинкту, долженъ работать, и естественная цѣль его работы есть удовлетвореніе своихъ потребностей, и эта работа всегда съ излишкомъ обезпечиваетъ его существованіе. Человѣкъ есть общественное животное и плоды его работы накопляются въ обществѣ такъ,

что если бы только не было грѣха корысти, всякій человѣкъ, не могущій работать, всегда могъ бы имѣть то, что ему нужно для удовлетворенія его потребностей. И потому евангельское изрѣченіе о томъ, чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ, а жить, какъ птицы небесныя,—не есть метафора, а утвержденіе существующаго закона всякой животной общественной жизни. Точно то же сказано въ Коранѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного животнаго, которому Богъ не далъ бы пропитанія.

94. Но человѣку и послѣ пробужденіе его къ разумному сознанію еще долго продолжаетъ казаться, что жизнь его заключается въ благѣ его отдѣльнаго существа, а такъ какъ существо это живетъ во времени, то человѣкъ и заботится объ особенномъ обезпеченіи удовлетворенія своихъ потребностей въ этомъ будущемъ для себя и свой семьи.

95. Особенное же обезпеченіе въ будущемъ удовлетворенія потребностей себя и своей семьи возможно только при удержаніи отъ другихъ людей предметовъ потребленія, того, что называется собственностью. И вотъ на это пріобрѣтеніе, удержаніе и увеличеніе собственности и направляетъ человѣкъ свои силы. Въ этомъ состоитъ грѣхъ корысти.

96. Когда человѣкъ считаетъ исключительно свою приготовленную имъ или полученную отъ кого-либо пищу на завтра, или одежду, или кровъ на зиму для себя или для своей семьи, то онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ корысти.

97. Когда же человѣкъ съ пробудившимся сознаніемъ находитъ себя въ такихъ условіяхъ, что онъ считаетъ извѣстные предметы исключительно своими, не смотря на то, что предметы эти не нужны для обезпеченія его жизни, и удерживаетъ эти предметы отъ другихъ, то онъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ корысти.

98. Когда же человѣкъ, имѣющій уже предметы, нужные ему для обезпеченія потребностей въ будущемъ его и его семьи, и владѣетъ предметами излишними для поддержанія жизни, пріобрѣтаетъ еще новые и новые предметы и удерживаетъ ихъ отъ другихъ, то человѣкъ этотъ совершаетъ личный грѣхъ корысти.

99. Грѣхъ корысти, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что стараясь обезпечить въ будущемъ благо своего отдѣльнаго существа и для этого пріобрѣтая предметы и удерживая ихъ отъ другихъ, человѣкъ дѣлаетъ противное тому, на что онъ предназначенъ; вмѣсто того, чтобы служить людямъ, отнимаетъ отъ нихъ то, что имъ нужно.

100. Кромѣ того человѣкъ, поступающій такъ, никогда не достигаетъ той цѣли, къ которой онъ стремится, такъ какъ будущее не во власти человѣка, а человѣкъ каждую минуту можетъ умереть. Потративъ же на неизвѣстное и

могущее не наступить будущее — несомнѣнное настоящее, онъ дѣлаетъ очевидную ошибку.

20.

Грѣхъ властолюбія.

101. Человѣкъ, какъ животное, поставленъ въ такія условія, что всякое удовлетвореніе его потребностей заставляетъ его вступать въ борьбу съ другими существами.

102. Животная жизнь человѣка поддерживается только въ ущербъ другихъ существъ. Борьба есть естественное свойство и законъ животной жизни. И человѣкъ, живя животной жизнью до пробужденія въ немъ сознанія, въ этой борьбѣ находитъ благо.

103. Но когда въ человѣкѣ пробуждается разумное сознаніе, ему въ первое время этого пробужденія кажется, что благо его увеличится, если онъ покоритъ и побѣдитъ какъ можно больше существъ, и человѣкъ употребляетъ свои силы на покореніе себѣ людей и существъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ властолюбія.

104. Когда человѣкъ, для того, чтобы отстоять свое личное благо, считаетъ нужнымъ бороться и борется противъ тѣхъ людей и существъ, которые хотятъ покорить его, то такой человѣкъ совершаетъ прирожденный грѣхъ властолюбія.

105. Когда же человѣкъ родился и выросъ въ извѣстныхъ условіяхъ власти, родился ли онъ сыномъ царя, вельможи, купца, зажиточнаго мужика, и, оставаясь въ этомъ положеніи, не прекращаетъ борьбу, иногда незамѣтную, но всегда необходимую для поддержанія своего положенія, то онъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ властолюбія.

106. Когда же человѣкъ, находясь въ извѣстныхъ постоянныхъ условіяхъ борьбы, желая увеличить свое благо, вступаетъ еще въ новыя столкновенія съ людьми и другими существами, желая увеличить свою власть, когда онъ нападаетъ на сосѣда, чтобы завладѣть его имуществомъ, его землями, или старается посредствомъ пріобрѣтенія правъ, диплома, чина, занять болѣе высокое, чѣмъ онъ занимаетъ положеніе, или желая увеличить свое имѣніе, вступаетъ въ борьбу съ соревнователями и рабочими или вступаетъ въ борьбу съ другими народами, — такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ властолюбія.

107. Грѣхъ властолюбія, какъ прирожденный, какъ и наслѣдственный и личный состоитъ въ томъ, что употребляя свои силы на достиженіе блага своего отдѣльнаго существа посредствомъ борьбы, человѣкъ дѣлаетъ прямо обратное тому, что свойственно истинной жизни. — Вмѣсто того, чтобы увеличить въ себѣ любовь, т. е. уничтожить преграды, отдѣляющія его отъ другихъ существъ, онъ увеличиваетъ ихъ.

108. Кромѣ того, вступая въ борьбу съ людьми и существами, человѣкъ достигаетъ обратнаго тому, къ чему онъ стремится. Вступая въ борьбу, онъ увеличиваетъ вѣроятіе того, что другія существа будутъ нападать на него и что вмѣсто того, чтобы покорить другія существа, онъ будетъ покоренъ ими. Чѣмъ больше успѣваетъ человѣкъ въ борьбѣ, тѣмъ больше требуетъ напряженія въ ней.

21.

Грѣхъ блуда.

109. Въ человѣка вложена потребность поддержанія рода: половая потребность, и человѣкъ въ животномъ состояніи, отдаваясь ей, совокупляясь, исполняетъ этимъ свое назначеніе и въ этомъ исполненіи своего назначенія находитъ благо.

110. Но при пробужденіи сознанія, человѣку представляется, что удовлетвореніе этой потребности можетъ увеличить благо его отдѣльнаго существа и онъ вступаетъ въ половое общеніе не съ цѣлью продолженія рода, но съ цѣлью увеличенія своего личнаго блага. Въ этомъ состоитъ грѣхъ блуда.

111. Грѣхъ блуда отличается отъ всѣхъ другихъ грѣховъ тѣмъ, что тогда какъ при всѣхъ другихъ грѣхахъ полное воздержаніе отъ прирожденнаго грѣха невозможно, а возможно только уменьшеніе прирожденнаго грѣха, въ грѣхѣ блуда возможно полное воздержаніе отъ грѣха. Происходитъ это отъ того, что полное воздержаніе отъ удовлетворенія потребности личности, пищи, одежды, крова уничтоженія самую личность, точно также уничтожаетъ личность отсутствуетъ всякаго отдыха, всякой собственности и всякой борьбы, но воздержаніе отъ половой потребности, цѣломудріе — одного или нѣсколькихъ — не уничтожаетъ рода человѣческаго того, что должна поддерживать половая потребность, такъ какъ воздержаніе одного, нѣсколькихъ и многихъ людей отъ половаго общенія не уничтожаетъ рода человѣческаго. Такъ что удовлетвореніе половой потребности не обязательно для каждаго человѣка: каждому отдѣльному человѣку предоставлена возможность воздержанія отъ этой потребности.

112. Людямъ какъ бы предоставленъ выборъ двухъ способовъ служенія Богу: или, оставаясь свободнымъ отъ брачной жизни и ея послѣдствій, самому исполнять своею жизнью въ этомъ мірѣ все то, что предназначено Богомъ исполнить человѣку, или, сознавъ свою слабость, передать часть исполненія или, по крайней мѣрѣ, возможность исполненія неисполненнаго своему рождаемому, вскармливаемому и воспитываемому потомству.

113. Изъ этой особенности половой потребности отъ всѣхъ другихъ вытекаютъ и двѣ различныя степени грѣха блуда, смотря по тому, какое изъ двухъ назначеній избираетъ человѣкъ.

114. При первомъ назначеніи, когда человѣкъ хочетъ, оставшись цѣломудреннымъ, всѣ свои силы посвятить на служеніе Богу, грѣхомъ блуда будетъ всякое половое общеніе, хотя бы и имѣющее цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, самый чистый и цѣломудренный бракъ будетъ прирожденнымъ грѣхомъ для человѣка, избравшаго назначеніе дѣвственности.

115. Наслѣдственнымъ же грѣхомъ для такого человѣка будетъ всякое продолженіе такихъ половыхъ сношеній, хотя и въ бракѣ, имѣющихъ цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, освобожденіе отъ наслѣдственнаго грѣха будетъ для такого человѣка прекращеніе половаго общенія.

116. Личнымъ, придуманнымъ грѣхомъ для такого человѣка будетъ вступленіе въ половое сношеніе съ другимъ лицомъ, кромѣ того, съ которымъ онъ уже находится въ бракѣ.

117. При избраніи человѣкомъ назначенія служенія Богу продолженіемъ рода, прирожденнымъ грѣхомъ будетъ всякое половое общеніе, не имѣющее цѣлью продолженіе рода, какъ это бываетъ при проституціи, случайныхъ связяхъ, при бракахъ, заключаемыхъ по расчету, по связямъ, по любви.

118. Наслѣдственнымъ же грѣхомъ для человѣка, избравшаго назначеніе продолженіе рода, будетъ такое половое общеніе, отъ котораго не могутъ родиться дѣти или при которомъ родители не могутъ или не хотятъ воспитывать рождающихся отъ ихъ брака дѣтей.

119. Когда же человѣкъ, избравшій второе назначеніе служенія продолженію рода, будетъ ли то мужчина или женщина, находясь уже въ половомъ общеніи съ однимъ лицомъ, вступаетъ въ такое же общеніе съ другими лицами, но не для произведенія семьи, а для увеличенія наслажденія отъ половаго общенія или стараясь предотвратить дѣторожденіе или предается неестественнымъ порокамъ, то такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ блуда.

120. Грѣхъ, т. е. ошибка блуда, для человѣка, избравшаго назначеніе дѣвственности, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, могшій избрать высшее назначеніе и всѣ силы свои употреблять на служеніе Богу, слѣдовательно на продленіе любви и достиженіе высшаго блага, спускается на низшую степень жизни и лишается этого блага.

121. Для человѣка же, избравшаго назначеніе продолженіе рода—грѣхъ, ошибка блудъ въ томъ, что, лишаясь дѣторожденія или по крайней мѣрѣ семейнаго общенія, люди лишаются лучшаго блага половой жизни.

122. Кромѣ того люди, старающіеся увеличить благо

отъ полового общенія, какъ и во всѣхъ удовлетвореніяхъ потребностей, тѣмъ больше уменьшаютъ естественное наслажденіе, чѣмъ больше предаются этой похоти.

22.

Грѣхъ опьяненія.

123. Въ естественномъ состояніи своемъ человѣку, какъ и всякому животному, свойственно приходить отъ внѣшнихъ причинъ въ состояніе возбужденія и это временное возбужденіе даетъ блага человѣку, находящемуся въ животномъ состояніи.

124. Пробудившись же къ сознанію, человѣкъ замѣчаетъ тѣ причины, которыя приводятъ его въ это возбужденное состояніе и старается воспроизвести и усилить эти причины съ тѣмъ, чтобы вызывать въ себѣ это состояніе; и для этой цѣли приготовляетъ себѣ и принимаетъ въ желудокъ или вдыхаетъ вещества, производящія такое возбужденіе, или устраиваетъ для себя ту обстановку, или дѣлаетъ тѣ особенныя усиленныя движенія, которыя приводятъ его въ это состояніе. Въ этомъ состоитъ грѣхъ опьяненія.

125. Особенность этого грѣха въ томъ, что, тогда какъ всѣ тѣ грѣхи только отвлекаютъ рожденнаго къ новой жизни человѣка отъ свойственной ему дѣятельности, усиливая въ немъ его стремленіе къ продолженію животной жизни и не ослабляютъ и не нарушаютъ дѣятельности разума, грѣхъ опьяненія не только ослабляетъ дѣятельность разума, но на время, а иногда совершенно, уничтожаетъ ее; такъ что человѣкъ, приводящій себя въ возбужденное состояніе куреніемъ, виномъ, извѣстной торжественной обстановкой или усиленными движеніями, какъ это дѣлаютъ дервиши и другіе религіозные фанатики, при этихъ условіяхъ совершаетъ часто поступки, не только свойственные животнымъ, но такіе, которые по неразумію и жестокости своей, несвойственны животнымъ.

126. Естественный прирожденный грѣхъ опьяненія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, получивъ удовольствіе отъ извѣстнаго состоянія возбужденія, производится ли оно пищей или питьемъ, обстановкой, воздѣйствующей на зрѣніе и слухъ, или извѣстными движеніями, не воздерживается отъ того, что производитъ это опьяненіе. Когда человѣкъ, самъ не замѣчая того, безъ намѣренія возбудить себя, ѣстъ пряности, пьетъ чай, квасъ, брагу, украшаетъ себя или жилище, или пляшетъ, или играетъ, онъ совершаетъ прирожденный, естественный грѣхъ опьяненія.

127. Когда же человѣкъ родился и воспитанъ въ извѣстныхъ привычкахъ опьяненія: привычкахъ употребленія табаку, вина, опіума, привычкахъ торжественныхъ зрѣлищъ,

общественныхъ, семейныхъ, церковныхъ, или привычкахъ извѣстнаго рода движенія: гимнастики, пляски, поклоновъ, прыжковъ и т. п.; и поддерживаетъ эти привычки, человѣкъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ опьяненія.

128. Когда же человѣкъ, воспитанъ въ извѣстныхъ привычкахъ періодическаго опьяненія и привыкъ къ нимъ, и вводитъ, подражая другимъ или самъ придумывая, новые пріемы опьяненія: послѣ табака начинаетъ курить опіумъ, послѣ вина пьетъ водку, вводитъ новыя торжественныя празднованія съ новымъ усиленнымъ воздѣйствіемъ картинъ, танцевъ, свѣта, музыки, или вводитъ новые пріемы тѣлесныхъ возбуждающихъ движеній, гимнастики, велосипедной ѣзды и т. п., то человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ опьяненія.

129. Грѣхъ опьяненія, какъ прирожденный, такъ наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто того, чтобы всѣ силы своего вниманія употребить на то, чтобы устранить все то, что можетъ затуманить его сознаніе, открывающее ему смыслъ его истинной жизни, старается, напротивъ, ослабить и затемнить это сознаніе внѣшними средствами возбужденія.

130. Кромѣ того человѣкъ, поступающій такъ, достигаетъ обратнаго тому, къ чему онъ стремился. Производимое внѣшними средствами возбужденіе слабѣетъ съ каждымъ новымъ пріемомъ возбужденія и, не смотря на усиленіе пріемовъ возбужденія, разрушающее здоровье, сама способность возбужденія все болѣе и болѣе слабѣетъ.

23.

Послѣдствія грѣховъ.

131. Грѣхи служатъ препятствіемъ проявленію любви.

132. Но мало того, что грѣхи, служатъ препятствіемъ

139. Не будь опьяненія табакомъ, виномъ, опіумомъ, возбуждающими усиленными движеніями и торжествамъ— це было бы распущенности людей въ грѣхахъ. Не было бы одной сотой тѣхъ ссоръ, дракъ, грабежей, прелюбодѣяній, убійствъ, которыя происходятъ теперь, особенно подъ вліяніемъ ослабленія духовныхъ силъ людей; не было бы той напрасной траты энергіи не только на не нужныя, но на прямо вредныя дѣла; не были бы одурены, изуродованы часто лучшія люди, проживающіе въ жизни безъ пользы другимъ и въ тягость себѣ.

ЧАСТЬ III.

О соблазнахъ.

24.

Соблазны.

140. Губительныя послѣдствія грѣховъ для отдѣльныхъ

лицъ, совершающихъ ихъ, такъ же, какъ и для общества людей, среди которыхъ совершаются грѣхи, такъ очевидны, что съ самыхъ древнихъ временъ люди видѣли происходящія отъ нихъ бѣдствія и проповѣдывали и издавали законы противъ грѣховъ и наказывали за нихъ: запрещалось воровать, убивать, развратничать, клеветать, опьяняться, но несмотря на запрещеніе и казни люди продолжали и продолжаютъ грѣшить, губя жизни свои и ближнихъ.

141. Происходитъ это отъ того, что существуютъ для оправданія грѣховъ такія лживыя разсужденія, по которымъ выходитъ, что существуютъ такія исключительныя обстоятельства, по которымъ грѣхи не только простительны, но необходимы. Лживыя оправданія эти суть то, что называется соблазнами.

142. Соблазнъ по гречески scandalos—означаетъ западню, ловушку. И дѣйствительно, соблазнъ есть ловушка, въ которую заманивается человѣкъ подобіемъ добра и, попавъ въ нее, погибаетъ въ ней. Поэтому то и сказано въ Евангеліи, что соблазны должны войти въ міръ, но горе міру отъ соблазновъ, и горе тому, черезъ кого они входятъ.

143. Вотъ отъ этихъ-то соблазновъ лживыхъ оправданій грѣховъ люди не исправляются отъ грѣховъ, а продолжаютъ краснѣть въ нихъ и, что хуже всего, воспитываютъ въ нихъ молодыя поколѣнія.

25.

Происхожденіе соблазновъ.

144. Рожденіе человѣка къ новой жизни совершается не вдругъ, а постепенно, точно также, какъ и рожденіе плотское: усилія рожденія смѣняются остановками и возвращеніями къ прежнему положенію: проявленія духовной жизни проявленіями жизни животной; человѣкъ то отдается служенію Богу и въ этомъ служеніи видитъ благо, то возвращается къ личной жизни и ищетъ блага своего отдѣльнаго существа и совершаетъ грѣхи.

145. Совершивъ же грѣхъ, человѣкъ сознаетъ несоотвѣтствіе поступка съ требованіемъ совѣсти. Пока человѣкъ желаетъ только совершить грѣхъ, несоотвѣтствіе это еще не вполнѣ ясно. Но какъ скоро грѣхъ совершенъ, несоотвѣтствіе отличается и человѣкъ желаетъ уничтожить его.

146. Уничтожить же несоотвѣтствіе поступка и положенія, въ которое вступаетъ человѣкъ вслѣдствіе грѣха, можно только тѣмъ, чтобы употребить свой разумъ на оправданіе совершеннаго поступка и положенія.

147. Оправдать же противорѣчіе грѣха съ требованіями духовной жизни можно только тѣмъ, чтобы объяснить свой грѣхъ требованіями духовной жизни. Это самое и дѣлаютъ люди и эта умственная дѣятельность людей и есть то, что называютъ соблазномъ.

148. Съ тѣхъ поръ, какъ проявилось въ людяхъ сознаніе противорѣчія между ихъ животной и духовной жизнью, съ тѣхъ поръ какъ стали люди совершать грѣхи, стали люди и придумывать оправданіе имъ, т. е. соблазны и потому между людьми установились преданія все однихъ и тѣхъ же оправданій грѣховъ, т. е. соблазновъ, такъ что человѣку не нужно самому придумывать оправданій своихъ грѣховъ,—они уже придуманы раньше него и ему нужно только принять готовые, составленные соблазны.

26.

Раздѣленіе соблазновъ.

149. Есть пять соблазновъ, погубляющихъ людей: соблазнъ личный или соблазнъ приготовленія; соблазнъ семейный, или соблазнъ продолженія рода; соблазнъ дѣла или соблазнъ пользы; соблазнъ товарищества или соблазнъ вѣрности; соблазнъ государственный или соблазнъ общаго блага.

150. Соблазнъ личный, или соблазнъ приготовленія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, дѣлая грѣхи, оправдывается тѣмъ, что онъ готовится къ дѣятельности, которая въ будущемъ должна быть полезна людямъ.

151. Соблазнъ семейный или продолженія рода состоитъ въ томъ, что человѣкъ, дѣлая грѣхи, оправдываетъ ихъ благомъ своихъ дѣтей.

152. Соблазнъ дѣла или пользы состоитъ въ томъ, что, человѣкъ оправдываетъ свои грѣхи необходимостью веденія и окончанія начатаго имъ и полезнаго для людей дѣла.

153. Соблазнъ товарищества или вѣрности состоитъ въ томъ, что человѣкъ оправдываетъ свои грѣхи благомъ тѣхъ людей, съ которыми онъ вступилъ въ исключительныя отношенія.

154. Соблазнъ государственный или общаго блага состоитъ въ томъ, что люди оправдываютъ совершаемые ими грѣхи благомъ многихъ людей, народа, человѣчества. Это тотъ соблазнъ, который выраженъ Каіафой, требовавшимъ убійства Христа во имя блага многихъ.

27.

Соблазнъ личный или соблазнъ приготовленія.

155. „Я знаю, что смыслъ жизни моей не въ служеніи себѣ, а въ служеніи Богу или людямъ; но для того, чтобы служеніе людямъ было успѣшно“, говоритъ человѣкъ, который подпалъ этому соблазну, „я могу допустить нѣкоторыя отступленія отъ требованій совѣсти, если онѣ необходимы для моего совершенствованія, приготовляющаго меня къ будущей полезной людямъ дѣятельности: мнѣ нужно прежде выучиться, нужно прежде отслужить срокъ службы, нужно

прежде поправить свое здоровье, нужно прежде жениться, нужно прежде обезпечить средства жизни въ будущемъ. и пока я достигаю этого, я не могу вполнѣ слѣдовать требованіямъ своей совѣсти, а когда же я окончу это, тогда я начну жить уже совершенно такъ, какъ этого требуетъ моя совѣсть".

156. И, признавъ необходимость заботиться о своей личной жизни для наиболѣе дѣйствительнаго служенія людямъ и проявленія любви впослѣдствіи, человѣкъ служитъ своей личности, совершая грѣхи—и похоти, и праздности, и собственности, и власти, и раврата даже, и опьяненія, не считая эти грѣхи важными потому, что онъ разрѣшаетъ ихъ себѣ только на время, на то время, когда всѣ силы его направлены на приготовленіе себя къ дѣятельному служенію людямъ.

157. Начавъ же служить своей личности, сохраняя, усиливая и совершенствуя ее, человѣкъ естественно забываетъ ту цѣль, для которой онъ дѣлаетъ это и лучшіе годы, а иногда и всю жизнь отдаетъ на такое приготовленіе къ служенію, которое никогда не наступаетъ.

158. Между тѣмъ разрѣшенные себѣ грѣхи ради благой цѣли, становятся все привычнѣе и привычнѣе, и человѣкъ, вмѣсто предполагаемой полезной дѣятельности для людей, проводитъ всю жизнь въ грѣхахъ, губящихъ его собственную жизнь и соблазняющихъ другихъ людей и вредящихъ имъ. Въ этомъ состоитъ соблазнъ приготовленія.

28.

Соблазнъ семейный, продолженія рода.

159. Люди, вступая въ семейную связь, преимущественно женщины, бываютъ склонны думать, что ихъ любовь къ своей семьѣ, къ дѣтямъ и есть то самое, чего требуетъ отъ нихъ ихъ разумное сознаніе и что поэтому, если въ семейной жизни и приходится совершать грѣхи для удовлетворенія потребностей семьи, то эти грѣхи простительны.

160. Признавъ же это, такіе люди считаютъ возможнымъ во имя любви къ семьѣ не только освобождать себя отъ требованій справедливости къ другимъ людямъ, но и съ увѣренностью въ томъ, что они поступаютъ хорошо, совершать для блага своихъ дѣтей величайшія жестокости противъ чужихъ.

161. „Если бы у меня не было жены, мужа или дѣтей", говорятъ себѣ люди, подпавшіе этому соблазну, „я бы жилъ совсѣмъ иначе, и не дѣлалъ этихъ грѣховъ, теперь же, для того, чтобы воспитать дѣтей, я не могу жить иначе. Если бы мы не жили такъ, не дѣлали бы этихъ грѣховъ, не могъ бы продолжаться и родъ человѣческій".

162. И, сдѣлавъ такое разсужденіе, человѣкъ спокойно

отнимать у людей ихъ трудъ, заставляетъ ихъ трудиться въ ущербъ ихъ жизни, отнимаетъ у людей ихъ землю и, самый поразительный примѣръ—отнимаетъ у ребенка молоко для того, чтобы мать этого ребенка кормила его дитя, и не видитъ того зла, которое онъ дѣлаетъ. Въ этомъ состоитъ соблазнъ семейный или продолженія рода.

29.

Соблазнъ дѣла.

163. Человѣкъ, по свойству своей природы, долженъ упражнять свое умственныя и тѣлесныя силы, и для упражненія ихъ избираетъ какое-либо дѣло.

164. Дѣло же всякое требуетъ въ извѣстное время извѣстныхъ поступковъ, такъ что, если поступки эти не сдѣланы въ свое время, то разрушается полезное людямъ дѣло, не принося никому никакой пользы.

165. „Мнѣ нужно допахать пашню съ посѣянными сѣменами. Если я не сдѣлаю этого, пропадутъ не принося никому пользы, и сѣмяна, и работа. Мнѣ надо кончить къ такому то сроку работу, если я не кончу ее, работа, которая могла быть полезна, пропадетъ даромъ. У меня въ ходу фабрика, произведящая нужные людямъ предметы и дающая возможность труда десятку тысячъ рабочихъ: если я перерву работу, предметы не будутъ изготовлены и люди лишатся труда“, — говорятъ люди, подпавшіе этому соблазну.

166. И, сдѣлавъ такое разсужденія, человѣкъ не только не бросаетъ недопаханную пашню, чтобы помочь вытащить изъ трясины завязшую лошадь сосѣда, не только не бросаетъ срочную работу для того, чтобы просидѣть день у постели больного, не только не прекращаетъ фабрику, работа на которой губитъ здоровье людей, но готовъ воспользоваться несчастьемъ сосѣда, чтобы допахать пашню, готовъ оторвать человѣка отъ ухода за больнымъ съ тѣмъ, чтобы только кончить работу къ сроку, готовъ губить здоровье нѣсколькихъ поколѣній людей, только бы производились хорошо обработанные предметы.

Въ этомъ состоитъ соблазнъ дѣла или пользы.

30.

Соблазнъ товарищества.

167. Случайно или искусственно становясь въ извѣстныя одинаковыя условія, люди склонны выдѣлять себя вмѣстѣ съ находящимися въ тѣхъ же условіяхъ людьми изъ всѣхъ остальныхъ и считать себя обязанными для соблюденія выгодъ этихъ стоящихъ въ исключительныхъ условіяхъ людей, отступать отъ требованій своей совѣсти и не только предпочитать выгоды этихъ своихъ выгодамъ другихъ, но даже

дѣлать зло людямъ, только бы не нарушить вѣрности къ своимъ.

168. Люди дѣлаютъ явно дурное дѣло, но это наши товарищи и потому надо скрыть, оправдать ихъ дурное дѣло. То, что мнѣ предлагаютъ дѣлать—дурно, безсмысленно, но всѣ товарищи рѣшили это и мнѣ нельзя отстать отъ нихъ. Для постороннихъ это можетъ быть страданіемъ, несчастьемъ, но для насъ и нашего товарищества это будетъ пріятно, и потому надо поступать такъ.

169. Товарищества такія бываютъ самыя разнообразныя. Таково товарищество двухъ убійцъ или воровъ, идущихъ на свое дѣло и считающихъ болѣе обязательной свою вѣрность товарищамъ для совершенія предпринятого дѣла, чѣмъ вѣрность совѣсти, осуждающей предпринятое дыло,—таковы же товарищества учениковъ учебныхъ заведеній, рабочихъ артелей, полковъ, ученыхъ, духовныхъ лицъ, королей, національностей.

170. Всѣ эти люди считаютъ вѣрность установленію своего товарищества обязательнѣе вѣрности требованіямъ своей совѣсти по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Въ этомъ состоитъ соблазнъ товарищества или вѣрности.

171. Особенность этого соблазна состоитъ въ томъ, что во имя его совершаются самыя дикіе и безсмысленные поступки, въ родѣ наряженія себя въ особенныя странныя одежды и приписыванія этимъ одеждамъ особеннаго значенія, и поступки въ родѣ отравленія себя виномъ, пивомъ и очень часто во имя этого соблазна, вызывающаго враждебность однихъ товариществъ къ другимъ, совершаются страшно жестокіе поступки—драки, дуэли убійства и т. п.

31.

Соблазнъ государственный.

172. Люди живутъ въ извѣстномъ общественномъ устойствѣ, и устройство это, какъ и все въ мірѣ, постоянно измѣняется соотвѣтственно росту сознанія въ людяхъ.

173. Но люди, въ особенности тѣ, для которыхъ существующій порядокъ болѣе выгоденъ, чѣмъ для другихъ (а всегда для однихъ людей существующій порядокъ выгоднѣе, чѣмъ для другихъ), считаютъ, что существующій порядокъ есть благо для всѣхъ людей, и потому для поддержанія этого блага для всѣхъ людей не только считаютъ возможнымъ нарушать любовь по отношенію къ нѣкоторымъ людямъ, но и считаютъ справедливымъ и хорошимъ совершать величайшія злодѣянія для поддержанія этого существующаго порядка.

174. Люди, установили право собственности, и одни владѣютъ землями и орудіями труда, а другіе не имѣютъ ни того, ни другого. И это несправедливое обладаніе одними, не работающими людьми, землями и орудіями труда счи-

тается тѣмъ порядкомъ, который долженъ быть охраняемъ и ради которого считается справедливымъ и хорошимъ запирать, казнить людей, нарушающихъ этотъ порядокъ. Точно также, въ виду опасности того, что сосѣдній народъ или властитель можетъ напасть на нашъ народъ и завоевать, и уничтожить, и измѣнить установившійся порядокъ, считается справедливымъ и хорошимъ не только содѣйствовать учрежденію войска, но и самому быть готовымъ на убійство людей другого народа и итти убивать ихъ.

175. Особенность этого соблазна та, что тогда какъ во имя тѣхъ четырехъ первыхъ соблазновъ люди отступаютъ отъ требованій своей совѣсти и совершаютъ отдѣльныя дурныя дѣла, во имя этого государственнаго соблазна совершаются самыя ужасныя массовыя злодѣянія, какъ казни и войны и поддерживаются самыя жестокія преступленія противъ большинства, какъ прежнее рабство и теперешнее отнятіе земли у рабочихъ.—Люди не могли бы совершать эти злодѣянія, если, бы не были придуманы пріемы, посредствомъ которыхъ отвѣтственность за эти совершаемыя злодѣянія такъ распредѣляются между людьми, что никто не чувствуетъ тяжести ея.

176. Пріемъ распредѣленія этой отвѣтственности такъ, чтобы никто не чувствовалъ тяжести, состоитъ въ томъ, что признается необходимость власти, которая для блага подданныхъ людей должна приписывать эти злодѣянія; подданные же для блага всѣхъ должны исполнять предписанія власти.

177. „Я очень сожалѣю о томъ, что долженъ предписывать отобраніе произведенія, труда, заключеніе въ тюрьму, изгнаніе, каторгу, казнь, войну т. е. массовое, убійство, но я обязанъ поступить такъ, потому что этого самого требуютъ отъ меня люди, облекшіе меня властью“, говорятъ люди, находящіеся во власти. Если я отнимаю у людей собственностью, хватаю, ихъ отъ семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, раззоряю ихъ, стрѣляю въ города по женщинамъ и дѣтямъ, то я дѣлаю это не на свою отвѣтственность, а потому, что исполняю волю высшей власти, которой я обѣщался повиноваться для блага общаго. Въ этомъ состоитъ соблазнъ государственный или общаго блага.

32.

Послѣдствія соблазновъ.

178. Грѣхи суть послѣдствія привычекъ (инерціи, животной жизни). Разбѣжавшаяся животная жизнь не можетъ остановиться и тогда, когда въ человѣкѣ уже пробудился разумъ и онъ понялъ безсмысленность животной жизни. Человѣкъ знаетъ уже, что животная жизнь безсмысленна и не можетъ дать ему блага, но по старой привычкѣ ищетъ

смысла и блага въ радостяхъ животной жизни: удовлетвореніе усложненныхъ искусственныхъ потребностей, въ постоянномъ отдыхѣ, въ увеличеніи собственности, въ властовованіи, въ развратѣ, въ опьяненіи и употребляетъ свой разумъ на достиженіе этихъ цѣлей.

179. Но грѣхи казнятъ сами себя: очень скоро человѣкъ чувствуетъ, что то благо, которое онъ ищетъ этимъ путемъ, недоступно ему. И грѣхъ теряетъ свою привлекательность. Такъ что не будь оправданій грѣховъ — соблазновъ, люди не коснѣли бы въ грѣхахъ и не доводили бы ихъ до того предѣла, до котораго они доведены теперь.

180. Не будь соблазновъ приготовленія, соблазна семейнаго, соблазна дѣла, соблазна государственаго, ни одинъ самый жестокій человѣкъ не могъ бы среди нуждающихся, умирающихъ отъ нужды людей, воспользоваться тѣми излишествами, которыми пользуются теперь богатые люди, не могли бы придти богатые люди къ тому положенію полной физической праздности, въ которой, скучая, проживаютъ теперь они свою жизнь, заставляя, часто старыхъ, малолѣтнихъ, слабыхъ, дѣлать нужную умъ работу. Не будь этихъ соблазновъ, не могли бы люди безъ смысла, безъ цѣли тратить всѣ силы своей жизни на все большее и большее пріобрѣтеніе имущества, которое не можетъ быть употреблено, не могли бы люди, страдая отъ борьбы, вызывать ее въ другихъ. Не будь соблазна, товарищества не было бы и сотой доли того разврата, который существуетъ теперь, не могли бы люди такъ очевидно и безсмысленно губить свои тѣлѣсныя и умственныя силы опьяняющими веществами, не увеличивающими но уменьшающими въ нихъ энергію.

181. Отъ грѣховъ людскихъ нищета и задавленность трудомъ однихъ и пресыщенность и праздность другихъ; отъ грѣховъ и неравенство имуществъ, борьба, ссоры, суды, казни, войны; отъ грѣховъ бѣдствія раврата и озвѣренія людей, но отъ соблазновъ установленіе, освященіе всего этого: узаконеніе нищеты и задавленности однихъ и пресыщенности и праздности другихъ, узаконеніе насилія, убійствъ, войнъ, разврата, пьянства и доведеніе ихъ до тѣхъ страшныхъ размѣровъ, до которыхъ они дошли теперь.

ЧАСТЬ IV.

Обманы вѣры и освобожденіе отъ нихъ.

33.

Обманы вѣры.

182. Не будь соблазновъ, люди не могли бы продолжать жить въ грѣхахъ, такъ какъ каждый грѣхъ казнитъ самъ

себя: люди прежнихъ поколѣній указали бы послѣдующимъ губительность грѣха, а послѣдующія поколѣнія воспитывались бы, не впадая въ привычку грѣха.

183. Но человѣкъ употребилъ данный ему разумъ не на познаніе грѣха и избавленіе отъ него, а на оправданіе его и явился соблазнъ, и грѣхъ узаконился и укоренился.

184. Но какимъ же образомъ могъ человѣкъ съ пробудившимся разумомъ признать ложь истиной? Для того, чтобы человѣкъ могъ не видѣть лжи и принять ее за истину, разумъ его долженъ былъ быть извращенъ, потому что неизвращенный разумъ безошибочно отличаетъ ложь отъ истины, въ чемъ и состоитъ его назначеніе.

185. И дѣйствительно разумъ людей, воспитанный въ человѣческомъ обществѣ, никогда не бываетъ свободенъ отъ извращенія. Всякій человѣкъ, воспитанный въ человѣческомъ обществѣ неизбѣжно подвергается извращенію, состоящему въ обманѣ вѣры.

186. Обманъ вѣры состоитъ въ томъ, что люди прежнихъ поколѣній внушаютъ послѣдующимъ поколѣніямъ различными искусственными способами пониманіе смысла жизни, основанное не на разумѣ, а на слѣпомъ довѣріи.

187. Сущность обмана вѣры состоитъ въ томъ, что умышленно смѣшивается и подставляется одно подъ другое понятіе вѣры и довѣрія: утверждается, что безъ вѣры человѣкъ не можетъ жить и мыслить, что совершенно справедливо и на мѣсто понятія вѣры, т. е. признанія того, что существуетъ то, что сознается, но не можетъ быть опредѣлено разумомъ, какъ Богъ, душа, добро,—подставляется понятіе довѣрія въ то, что существуетъ Богъ, именно такой-то, въ трехъ лицахъ, тогда-то сотворившій міръ, и то-то, тогда-то и черезъ такихъ-то пророковъ.

34.

Происхожденіе обмановъ вѣры.

188. Человѣчество медленно, но не останавливаясь, движется впередъ, т. е. все къ большему и большему уясненію сознанія истины о смыслѣ и значенія своей жизни, и установленію жизни сообразно съ этимъ уясненнымъ сознаніемъ. И потому пониманіе людьми своей жизни и самая жизнь человѣческая постоянно измѣняются. Люди, болѣе чуткіе къ истинѣ понимаютъ жизнь сообразно тому высшему свѣту, который появился въ нихъ, соотвѣтственно этому свѣту устраиваютъ свою жизнь; люди, менѣе чуткіе держатся прежняго пониманія жизни и прежняго строя жизни и стараются отстоять его.

188. Такъ что въ мірѣ всегда есть рядомъ съ людьми, указывающими передовое послѣднее выраженіе истины и старающимися жить соотвѣтственно этому выраженію истины,

люди, отстаивающіе прежнее, отжившее и уже ненужное пониманіе ея и прежніе порядки жизни.

35.

Какимъ образомъ совершаются обманы вѣры.

190. Истина не нуждается во внѣшнемъ подтвержденіи и принимается свободно всѣми тѣми, которымъ она передается, но обманъ требуетъ особенныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы передаваться людямъ. и усваиваться ими; и потому для совершенія обмана вѣры употребляются тѣми, которые ихъ совершаютъ, во всѣхъ народахъ всегда одни и тѣ же пріемы.

191. Такихъ пріемовъ пять: 1) перетолкованіе истины, 2) вѣра въ чудесное, 3) установленіе посредничества между человѣкомъ и Богомъ, 4) воздѣйствіе на внѣшнія чувства человѣка и 5) внушеніе ложной вѣры дѣтямъ.

192. Сущность перваго пріема обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы на словахъ признать не только справедливость открытой людямъ послѣдними проповѣдниками истины, но признать самого проповѣдника святымъ, сверхъестественнымъ лицомъ, обоготворить проповѣдника, приписавъ ему совершеніе разныхъ чудесъ и скрыть самую сущность открытой истины такъ, чтобы она не только не нарушала прежняго пониманія жизни и установившагося въ немъ строя жизни, но напротивъ, подтверждала бы его.

Такое перетолкованіе истины и обоготвореніе проповѣдниковъ ея совершалось во всѣхъ народахъ, при всякомъ проявленіи новаго религіознаго ученія. Такъ было перетолковано ученіе Моисея и пророковъ еврейскихъ. И въ этомъ самомъ перетолкованіи и упрекалъ Христосъ фарисеевъ, говоря имъ, что они сѣли на сѣдалищѣ Моисеевомъ и сами не входятъ на царство Божіе и другихъ не впускаютъ. Также были перетолкованы ученія Будды, Лао-дзи, Заратустры. Такое же перетолкованіе совершилось съ христіанскимъ ученіемъ въ первыя времена его принятія Константиномъ, когда языческіе храмы и божества были передѣланы на христіанскіе и возникло магометанство, какъ отпоръ отъ мнимо христіанскаго многобожія. Такому же перетолкованію подвергалось и подвергается магометанство.

193. Второй пріемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы внушать людямъ то, что слѣдованіе въ познаніи истины данному намъ отъ Бога разуму—есть грѣхъ гордости, что существуетъ другое, болѣе надежное орудіе познанія: откровеніе истины, передаваемое Богомъ непосредственно избраннымъ людямъ при извѣстныхъ знаменіяхъ, чудесахъ, т. е. сверхъ-естественныхъ событіяхъ, подтверждающихъ вѣрность передачи. Внушается, то, что надо вѣрить не разуму, а чудесамъ, т. е. тому, что противно разуму.

194. Третій пріемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы

увѣрить людей, что они не могутъ имѣть того непосредственнаго отношенія съ Богомъ, которое чувствуетъ всякій человѣкъ и которое особенно уяснилъ Христосъ, признавъ человѣка сыномъ Бога, а что для общенія человѣка съ Богомъ необходимъ посредникъ или посредники. Такими посредниками ставятъ пророковъ, святыхъ, церковь, писаніе, старцевъ, дервишей, Ламъ, Буддъ, пустынниковъ, всякое духовенство. Какъ ни различны всѣ эти посредники, сущность посредничества та, что между человѣкомъ и Богомъ не признается прямой связи, а напротивъ предполагается, что истина прямо не доступна человѣку, а можетъ быть принята только черезъ вѣру въ посредниковъ между нимъ и Богомъ.

195. Четвертый пріемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, что подъ предлогомъ совершенія требуемыхъ будто бы Богомъ дѣлъ: молитвъ, таинствъ, жертвъ, собираютъ вмѣстѣ много людей и, подвергнувъ ихъ различнымъ одуряющимъ воздѣйствіямъ, внушаютъ имъ ложь, выдавая ее за истину. Поражаютъ людей красотой и величіемъ храмовъ, великолѣпіемъ украшеній, утварью, одеждами, блескомъ освѣщенія, звуками пѣнія, органовъ, куреніями, возгласами, представленіями и въ то время, какъ люди находятся подъ этимъ обаяніемъ, стараются запечатлѣть въ душахъ ихъ обманъ, выдаваемый за истину.

196. Пятый пріемъ самый жестокій потому, что онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ, жившихъ прежде его и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ, отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе, а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ и во что никто изъ большихъ уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Вмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой проситъ ребенокъ, ему дается губящій его духовное здоровье ядъ, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями.

197. Ребенокъ, пробуждаясь къ сознательной жизни съ яснымъ, ничѣмъ не засореннымъ разумомъ, готовый принять, и въ глубинѣ души, хотя и смутно, но сознающій истину жизни, т. е. свое положеніе и назначеніе въ ней (душа человѣческая по природѣ христіанка, по выраженію Тертуліана, отца церкви)— ребенокъ спрашиваетъ у пожившаго уже родителя: что такое его жизнь? какое отношеніе его къ міру и началу его? И отецъ его, или учитель его не говоритъ ему то малое и несомнѣнное, что онъ знаетъ о смыслѣ жизни, а съ увѣренностью говоритъ то, что онъ въ глубинѣ души признаетъ не истиннымъ,—говоритъ ему, если онъ еврей, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней и открылъ всю истину Моисею, написавъ пальцемъ на камнѣ то, что надо держать клятвы, помнить день субботній, обрѣ-

зываться и т. п.; если онъ православный, католическій, протестантскій христіанинъ, — что Христосъ, второе лицо, творилъ міръ и сошелъ на землю, чтобы кровью искупить грѣхъ Адама, и т. п.; если онъ буддистъ,—что Будда улетѣлъ на небо и научилъ людей уничтожать въ себѣ жизнь; если онъ магометанинъ,—что Магометъ леталъ на седьмое небо и узналъ тамъ законъ, по которому вѣра въ пятикратную молитву, посѣщеніе Мекки доставляютъ человѣку раи въ будущей жизни.

198. И, зная, что другіе люди своимъ дѣтямъ внушаютъ другое, родители и учители передаютъ каждыя свои особенныя суевѣрія, зная въ глубинѣ души, что это только суевѣріе,—передаютъ невиннымъ, довѣрчивымъ дѣтямъ въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣнія такъ сильны, что никогда уже не изглаживаются.

36.

Зло, происходящее отъ обмана вѣры.

199. Грѣхи, заставляя человѣка временами совершать дѣла, противныя его духовной природѣ, противныя любви, задерживаютъ его рожденіе къ новой истинной жизни.

200. Соблазны вводятъ человѣка въ грѣховную жизнь, оправдывая грѣхи, такъ что человѣкъ уже совершаетъ не отдѣльные грѣховные поступки, а живетъ животною жизнью, не видя противорѣчія этой жизни съ жизнью истинной.

201. Такое положеніе человѣка возможно только при извращеніи истины совершающимся обманомъ вѣры. Только человѣкъ съ извращеннымъ обманомъ вѣры разумомъ можетъ не видѣть лжи соблазновъ.

202. И потому обманъ вѣры есть основа всѣхъ грѣховъ и бѣдствій человѣка.

203. Обманы вѣры суть то, что въ Евангеліи названо хулой на святаго духа и про которую сказано, что это дѣйствіе не можетъ проститься, т. е. что никогда, ни въ какой жизни не можетъ не быть губительно.

37.

Что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы жить по ученію Христа?

204. Для того, чтобы жить по ученію Христа, человѣкъ долженъ уничтожить препятствія, мѣшающія истинной жизни, т. е. проявленію любви.

205. Препятствія этому составляютъ грѣхи. Но грѣхи не могутъ быть уничтожены, пока человѣкъ не освободится отъ соблазновъ. Освободиться же отъ соблазновъ можетъ только человѣкъ, свободный отъ обмановъ вѣры.

206. И потому для того, чтобы жить по ученію Христа, человѣку нужно прежде всего освободиться отъ обмановъ вѣры.

207. Только освободившись отъ обмановъ вѣры, человѣкъ можетъ освободиться отъ лжи соблазновъ; и только познавъ ложь соблазновъ, можетъ человѣкъ освободиться отъ грѣховъ.

38.

Освобожденіе отъ обмановъ вѣры.

208. Для того, чтобы освободиться отъ обмановъ вѣры вообще человѣку, надо понимать и помнить, что единственное орудіе познанія, которымъ владѣетъ человѣкъ, есть его разумъ, и что поэтому всякая проповѣдь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обманъ, попытка устраненія единственнаго, даннаго Богомъ человѣку орудія познанія.

209. Для того, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры, человѣку надо понимать и понимать, что у него нѣтъ и не можетъ быть никакого другаго, кромѣ разума, орудія познанія,—что хочетъ онъ или не хочетъ того, всякій человѣкъ вѣритъ только разуму, и что поэтому люди, говорящіе, что они вѣрятъ не разуму, а Моисею, Буддѣ, Христу, Магомету, церкви, Корану, Библіи,—обманываютъ себя, потому что, чему бы они ни вѣрили, они вѣрятъ не тому, кто передаетъ имъ тѣ истины, въ которыя они вѣрятъ—Моисею, Буддѣ, Христу, Библіи,—но вѣрятъ разуму, который говоритъ имъ, что имъ надо вѣрить Моисею, Христу, Библіи, и надо не вѣрить Буддѣ и Магомету, Библіи и наоборотъ.

210, Истина не можетъ войти въ человѣка помимо разума, и потому человѣкъ, который думаетъ, что онъ познаетъ истины вѣрою, а не разумомъ, только обманываетъ себя и неправильно употребляетъ свой разумъ на то, на что онъ не предназначенъ,— на рѣшеніе вопросовъ о томъ, кому изъ передающихъ ученія, выдаваемыя за истину, надо вѣрить и кому не вѣрить. Разумъ же предназначенъ не на то, чтобы рѣшать кому нужно, а кому не нужно вѣрить, этого онъ и не можетъ рѣшить, а на то, чтобы провѣрять справедливость того, что предлагается ему. Это онъ всегда можетъ и на это онъ и предназначенъ.

211. Лжетолкователи истины говорятъ обыкновенно о томъ, что разуму нельзя вѣрить потому, что разумъ разныхъ людей утверждаетъ разное, и что поэтому для единенія людей лучше вѣрить въ откровеніе, подтверждаемое чудесами. Но такое утвержденіе прямо противуположно истинѣ. Разумъ никогда не утверждаетъ различнаго. Онъ всегда во всѣхъ людяхъ утверждаетъ и отрицаетъ одно и то-же.

212. Только вѣры, утверждая—одна, что Богъ открылъ себя на Синаѣ и что онъ Богъ евреевъ, а друга, что Богъ есть Брама, Вишну и Сива, а третья что Богъ есть Троица,

Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; а четвертая, что Богъ есть небо и земля; а пятая, что истина открыта вся Буддою; а шестая, что вся она открыта Магометомъ — только вѣры эти раздѣляютъ людей, разумъ же, будетъ ли это разумъ еврея, японца, китайца, араба, англичанина, русскаго, всегда и у всѣхъ говоритъ одно и то-же.

213. Когда говорятъ, что разумъ можетъ обманывать, и въ подтвержденіе приводятъ не согласныя утвержденія различныхъ людей о томъ, что есть Богъ и какъ нужно служить ему, то тѣ, которые говорятъ это, дѣлаютъ умышленную или не умышленную ошибку, смѣшивая разумъ съ разсужденіями и вымыслами. Разсужденія и вымыслы дѣйствительно могутъ быть и бываютъ безконечно разнообразны и различны, но рѣшенія разума всегда одинаковы для всѣхъ людей и во всѣ времена. Разсужденія и вымыслы о томъ, какъ произошелъ міръ или грѣхъ, и что будетъ послѣ смерти, могутъ быть безконечно различны, но рѣшенія разума о томъ, правда ли то, что три Бога вмѣстѣ составляютъ одного, правда ли то, что человѣкъ умеръ и потомъ воскресъ, правда ли, что человѣкъ ходилъ по водѣ или улетѣлъ въ тѣлѣ на небо, что съѣдая хлѣбъ и вино я съѣдаю тѣло и кровь—рѣшенія разума объ этихъ вопросахъ всегда одни и тѣ же для всѣхъ людей и во всемъ мірѣ и всегда несомнѣнно вѣрны. Говорятъ ли о томъ, что Будда поднялся на лучахъ солнца или Магометъ леталъ на небо, или Христосъ ходилъ по водѣ и т. п., разумъ всѣхъ людей всегда и вездѣ отвѣчаетъ одно и тоже: это неправда. На вопросы же о томъ, справедливо ли поступать съ другими также, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой? Хорошо ли любить и прощать имъ ихъ обиды и быть милосерднымъ? Разумъ всѣхъ людей и во всѣ времена говоритъ: да, справедливо, хорошо.

214. И потому, чтобы не подпасть обманамъ вѣры, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина открыта ему только въ его разумѣ, данномъ Богомъ человѣку для познанія воли Бога, и что внушеніе недовѣрія къ разуму имѣетъ въ своей основѣ желаніе обмана, и есть величайшее кощунство.

215. Таково общее средство для освобожденія себя отъ обмановъ вѣры. Но для того, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры, надо знать всѣ виды этихъ обмановъ и остерегаться ихъ, противодѣйствовать имъ.

39.

Освобожденіе отъ обмана вѣры, внушеннаго съ дѣтства.

216. Для того, чтобы человѣкъ могъ жить по ученію Христа, ему прежде всего нужно освободиться отъ обмана вѣры, въ которой онъ воспитывался,—все равно будетъ ли

это обманъ вѣры еврейскій, буддійскій, японскій, конфуціанскій или христіанскій.

217. Для того же, чтобы освободиться отъ обмановъ вѣры, въ которыхъ человѣкъ бываетъ воспитанъ съ дѣтства, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что разумъ данъ ему непосредственно отъ Бога и Онъ одинъ только можетъ соединить всѣхъ людей, тогда какъ преданія человѣческія не соединяютъ, а раздѣляютъ людей, и потому долженъ не только не бояться сомнѣній и вопросовъ, вызываемыхъ разумовъ при провѣркѣ внушенныхъ съ дѣтства вѣрованій, а напротивъ старательно подвергать разсмотрѣнію и сличенію съ другими вѣрованіями всѣ тѣ вѣрованія, которыя переданы ему съ дѣтства, признавая справедливымъ только то, что не противорѣчитъ разуму, какъ бы ни было торжественно обставлено и старо передаваемое преданіе.

218. Подвергнувъ же внушенныя ему съ дѣтства вѣрованія суду разума, человѣкъ, желающій освободить себя отъ обмана вѣры, внушеннаго ему съ дѣтства, долженъ смѣло и безотговорчиво откидывать все, что противно разуму, ни минуты не сомнѣваязь въ томъ, что то, что противно разуму и не можетъ быть истинно.

319. Освободившись же самъ отъ обмана вѣры, внушеннаго съ дѣтства, человѣкъ желающій жить по ученію Христа, долженъ не только самъ словомъ, примѣромъ, или умолчаніемъ не содѣйствовать обману дѣтей, но всѣми средствами разоблачать этотъ обманъ, по словамъ Христа, жалѣвшаго дѣтей за тѣ обманы, которымъ они подвергаются.

40.

Освобожденіе отъ обмана вѣры, производимаго воздѣйствіемъ на внѣшнія чувства.

220. Освободившись отъ обмана вѣры, внушаемаго съ дѣтства, человѣкъ долженъ остерегаться обмана, производимаго обманщиками всѣхъ народовъ посредствомъ воздѣйствія на внѣшнія чувства.

221. Для того, чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина для своего распространенія и усвоенія людьми не нуждается ни въ какихъ приспособленіяхъ и украшеніяхъ, что только ложь и обманъ для того, чтобы быть восприняты людьми, нуждаются въ особенныхъ условіяхъ передачи ихъ, и что поэтому всякія торжественныя службы, шествія, украшенія, благовонія, пѣніе и т. п. не только не служатъ признакомъ того, что при этихъ условіяхъ передается истина, но какъ разъ наоборотъ служатъ вѣрнымъ признакомъ того, что тамъ, гдѣ употребляются эти средства, передается не истина, а ложь.

222. Чтобы не подпасть обману воздѣйствія на внѣш-

нія чувства, человѣкъ долженъ понимать слова Христа, что Богу нужно служить не въ какомъ-либо извѣстномъ мѣстѣ, а духомъ и истиной и что тотъ, кто хочетъ молиться, долженъ итти не въ храмъ, а запереться въ уединеніи своей комнаты, зная, что всякое великолѣпіе въ богослуженіи имѣетъ цѣлью обманъ, тѣмъ болѣе жестокій, чѣмъ великолѣпнѣе служеніе, и потому не только самому не участвовать въ одуряющихъ богослуженіяхъ, но и гдѣ возможно обличать обманъ ихъ.

41.

Освобожденіе отъ обмана посредничества.

223. Освободившись и отъ второго обмана воздѣйствія на внѣшнія чувства, человѣкъ долженъ еще беречься обмана посредничества между человѣкомъ и Богомъ, которое, если онъ только допуститъ его, непремѣнно скроетъ отъ него истину.

224. Чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что Богъ открывается только непосредственно сердцу человѣка и что всякое посредничество, будетъ ли то одно лицо, собраніе лицъ, книга или преданіе, не только скрываетъ Бога отъ человѣка, но дѣлаетъ самое страшное зло, которое можетъ постигнуть человѣка, а именно то, что человѣкъ считаетъ Богомъ то, что не есть Богъ.

225. Какъ только человѣкъ допустилъ вѣру въ какое бы то ни было посредничество, такъ онъ лишилъ себя единственной возможности достовѣрности знанія и открылъ возможность воспринятія всякой лжи, вмѣсто истины.

226. Только благодаря посредничеству людей могли совершаться и совершаются тѣ страшные обманы, вслѣдствіе которыхъ разумные и добрые люди молятся, какъ Богу, Христу, Богородицѣ, Буддѣ, Магомету, святымъ, мощамъ, иконамъ.

227. Чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина открыта ему прежде и вѣрнѣе всего не въ книгѣ, не въ преданіи, не въ какомъ нибудь собраніи людей, а въ его собственномъ сердцѣ и въ разумѣ, какъ это и говорилъ еще Моисей, объявившій народу, что законъ Бога не надо искать ни за моремъ, ни на небѣ, а въ своемъ сердцѣ, и, какъ говорилъ это Христосъ евреямъ, говоря, что вы не знаете истины, потому что вѣрите преданіямъ человѣческимъ, а не тому, кого Онъ послалъ. Послалъ же Богъ въ насъ разумъ—одно и непогрѣшимое орудіе познанія, которое дано намъ.

228. Чтобы не подпасть обману посредничества, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина никогда не можетъ быть открыта вся, что она постепенно открывается людямъ и открывается только тѣмъ, которые ищутъ ее, а

не тѣмъ, которые, вѣруя въ то, что имъ передаютъ непогрѣшимые посредники, думаютъ, что обладаютъ ею, и потому, чтобы не подвергать себя опасности впасть въ самыя страшныя заблужденія, человѣкъ не долженъ признавать никого непогрѣшимымъ учителемъ, а искать истины вездѣ, во всѣхъ преданіяхъ человѣческихъ, провѣряя ихъ своимъ разумомъ.

42.

Освобожденіе отъ вѣры въ чудеса.

229. Но и освободившись отъ обмана, внушеннаго съ дѣтства и не подпадая обману внушенія лжи посредствомъ торжественности и не признавая посредничества между собою и Богомъ, человѣкъ все таки не будетъ свободенъ отъ обмана вѣры и не будетъ въ состояніи познать ученіе Христа, если не освободится отъ вѣры въ сверхъестественное, въ чудесное.

230. Говорятъ, что чудеса, т. е. сверхъестественное, совершается для того, чтобы соединить людей, а между тѣмъ ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ чудеса, потому что каждая вѣра утверждаетъ свои чудеса и отвергаетъ чудеса другихъ вѣръ. Оно и не можетъ быть иначе: чудеса, т. е. сверхъестественное безконечно разнообразно, только естественное всегда и вездѣ одно и то же.

231. И потому, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры въ чудесное, человѣкъ долженъ признавать истиннымъ только то, что естественно, т. е. согласно съ его разумомъ, и признавать за ложь все то, что неестественно, т. е. противорѣчитъ разуму, зная, что все, что выдается за таковое, есть обманъ людской, какъ обманы всякихъ современныхъ чудесъ, про которыя разсказывается въ библіи, въ евангеліяхъ, въ буддійскихъ, магометанскихъ, таосійскихъ и другихъ книгахъ.

43.

Освобожденіе отъ обмановъ вѣры ложнаго перетолкованія.

230. Освободившись отъ обмана посредничества, человѣку нужно освободиться отъ обмана ложнаго перетолкованія истины.

231. Въ какой бы вѣрѣ ни воспитывался человѣкъ, въ магометанской, христіанской, буддійской, еврейской или конфуціанской, во всякомъ ученіи вѣры человѣкъ встрѣчаетъ утвержденіе несомнѣнной истины, признаваемой его разумомъ и рядомъ съ нимъ утвержденія противныя разуму, выдаваемыя за одинаково достовѣрныя.

232. Для того, чтобы освободиться отъ этого обмана вѣры, человѣкъ долженъ не смущаться тѣмъ, что истины, признаваемыя разумомъ и не признаваемыя имъ, выдаются

за одинаково достовѣрныя по своему одинаковому происхожденію и какъ будто неразрывно связаны между собой, а долженъ понимать и помнить, что всякое откровеніе людямъ истины (т. е. всякое пониманіе новой истины однимъ изъ передовыхъ людей) всегда такъ поражало людей, что облекалось въ форму сверхъестественную, что къ каждому проявленію истины неизбѣжно примѣшивались суевѣрія, и что поэтому для познанія истины не только не обязательно принимать все, что передается о появленіи истины, а напротивъ, обязательно отдѣлять въ передаваемомъ ложь и вымыселъ отъ истины и дѣйствительности.

233. Отдѣливъ же истину отъ присоединенныхъ къ ней суевѣрій, пусть человѣкъ понимаетъ и помнитъ, что суевѣрія, примѣшиваемыя къ истинѣ, не только не также священны, какъ сама истина, какъ это проповѣдуется людьми, находящими свою выгоду въ этихъ суевѣріяхъ, а напротивъ составляетъ самое пагубное и вредное явленіе, скрывающее истину и на уничтоженіе котораго человѣкъ долженъ употребить всѣ свои силы.

ЧАСТЬ V.

Освобожденіе отъ соблазновъ.

44.

Какъ избѣжать соблазновъ.

234. Освободившись отъ соблазновъ вѣры, человѣкъ былъ бы способенъ къ воспринятію ученія Христа, если бы не было соблазновъ. Но и будучи свободнымъ отъ обмановъ вѣры и понимая смыслъ ученія Христа, человѣкъ всегда находится въ опасности впаденія въ соблазны.

235. Сущность всѣхъ соблазновъ въ томъ, что человѣкъ, пробудившійся къ сознанію, испытывая раздвоеніе и страданіе отъ совершеннаго грѣха, хочетъ уничтожить раздвоеніе и происходящее отъ него страданіе не борьбой съ съ грѣхомъ, а оправданіемъ его.

236. Оправданіе же грѣха не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ ложью.

237. И потому, чтобы не впасть въ соблазнъ, человѣку прежде всего нужно не бояться признать истину, зная, что такое признаніе не можетъ удалить его отъ блага, тогда какъ обратное—ложь, есть главный источникъ грѣха и удаленія отъ блага.

240. Такъ что для того, чтобы избѣжать соблазновъ, человѣкъ долженъ, главное, не лгать и не лгать, главное, передъ самимъ собою, и не столько заботиться о томъ, чтобы не солгать передъ другими, сколько о томъ, чтобы не

солгать передъ самимъ собою, скрывая отъ самого себя цѣли своихъ поступковъ.

241. Для того, чтобы не впадать въ соблазны и въ вытекающую изъ соблазновъ привычку отъ грѣховъ и погибели, человѣкъ долженъ не бояться каяться въ своихъ грѣхахъ, зная, что покаяніе есть единственное средство освобожденія отъ грѣховъ и вытекающихъ изъ нихъ бѣдствій.

242. Таково одно общее средство для того, чтобы человѣкъ не впадалъ вообще въ соблазны. Для того, чтобы умѣть избѣжать каждаго отдѣльнаго соблазна, необходимо ясно понимать, въ чемъ ложь и вредъ ихъ.

45.

Ложь соблазна приготовленія (личнаго).

242. Первый и самый обычный соблазнъ, который захватываетъ человѣка, есть соблазнъ личный, соблазнъ приготовленія къ жизни вмѣсто самой жизни. Если человѣкъ не самъ придумаетъ себѣ это оправданіе грѣхамъ, то онъ всегда найдетъ это оправданіе, уже впередъ придуманное людьми, жившими прежде него.

244. „Теперь мнѣ можно на время отступить отъ того, что должно и чего требуетъ моя духовная природа, потому что я не готовъ“, говоритъ себѣ человѣкъ. „А вотъ я приготовлюсь, наступитъ время и тогда я начну жить уже вполнѣ сообразно съ своей совѣстью“.

245. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что человѣкъ отступаетъ отъ жизни въ настоящемъ, одной дѣйствительной жизни, и переноситъ ее въ будущее, тогда какъ будущее не принадлежитъ человѣку.

246. Ложь этого соблазна отличается тѣмъ, что если человѣкъ предвидитъ завтрашній день, то онъ долженъ предвидѣть и послѣзавтрашній и послѣ, послѣ... Если же онъ предвидитъ все это, то онъ предвидитъ и свою неизбѣжную смерть. Предвидя же свою неизбѣжную смерть, онъ не можетъ готовиться на будущее въ этой кончающейся жизни, потому что смерть разрушаетъ смыслъ всего того, къ чему готовится человѣкъ въ этой жизни. Человѣкъ, давшій ходъ своему разуму, не можетъ не видѣть, что жизнь его отдѣльнаго существа не имѣетъ смысла и потому готовить для этого существа ничего нельзя.

247. Съ другой стороны ложь этого обмана видна потому, что человѣкъ не можетъ готовить себя къ будущему проявленію любви и служенію Богу: человѣкъ не есть орудіе, которымъ пользуется другой. Можно наточить топоръ и не успѣть рубить имъ, имъ воспользуется другой; но человѣкомъ никто не можетъ воспользоваться, кромѣ какъ онъ самъ, потому что онъ самъ есть орудіе, постоянно работающее и совершенствующееся только на работѣ.

248. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что человѣкъ,

подпавшій ему, не живетъ не только истинной, но даже и временной жизнью въ настоящемъ и переноситъ свою жизнь въ будущее, которое никогда не приходитъ. Думая же совершенствовать себя для будущаго, человѣкъ упускаетъ единственное, подлежащее каждому человѣку совершенствованіе въ любви, которое можетъ быть только въ настоящемъ.

249. Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что готовиться некогда, что онъ долженъ жить лучшимъ образомъ сейчасъ, такой, какой онъ есть, что совершенствованіе нужное для него, есть только одно совершенствованіе въ любви, а это совершенствованіе совершается только въ настоящемъ.

250. И потому долженъ не откладывая жить всякую минуту всѣми своими силами, настоящимъ, для Бога, т. е. для всѣхъ тѣхъ, кто предъявляетъ требованія къ его жизни, зная, что всякую минуту онъ можетъ быть лишенъ возможности этого служенія и что для этого то ежечаснаго служенія онъ и пришелъ въ міръ.

46.

Ложь и вредъ соблазна дѣла.

251. Всякій человѣкъ, занимаясь какимъ-нибудь дѣломъ, невольно увлекается имъ и ему кажется, что ради дѣла онъ можетъ не дѣлать того, что требуетъ отъ него его совѣсть, т. е. Богъ.

252. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что всякое дѣло человѣческое можетъ оказаться безполезнымъ, можетъ перерваться и не быть конченнымъ; дѣло же Божье, совершаемое человѣкомъ, исполненіе воли Бога, никогда не можетъ быть безполезнымъ и ничѣмъ не можетъ быть прервано.

253. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что, допустивъ то, что какое-либо дѣло—будетъ ли это запахиваніе разсѣянныхъ сѣмянъ или освобожденіе цѣлаго народа отъ рабства — важнѣе того, часто самаго ничтожнаго на людской судъ, дѣла Божія, т. е. сейчасной помощи и служенія ближнему, всегда найдутся дѣла, которыя нужно прежде закончить, чѣмъ исполнить требованіе дѣла Божія, и человѣкъ навсегда освободитъ себя отъ служенія Богу, т. е. исполненія дѣла жизни, замѣнивъ служеніемъ мертвому—служеніе живому.

254. Вредъ въ томъ, что допустивъ этотъ соблазнъ, люди всегда будутъ откладывать служеніе Богу до тѣхъ поръ, пока они будутъ свободны отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ. Отъ дѣлъ же мірскихъ люди никогда не бываютъ свободны. Для того, чтобы не впадать въ этотъ соблазнъ, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что всякое дѣло человѣческое, имѣющее конецъ, не можетъ быть цѣлью мое истин-

ной безконечной жизни, и что такой цѣлью можетъ быть только участіе въ безконечномъ дѣлѣ Божьемъ, состоящемъ въ наибольшемъ проявленіи любви.

255. И потому, для того, чтобы не впадать въ соблазнъ дѣла, человѣкъ не долженъ никогда дѣлать такое свое дѣло, которое нарушаетъ дѣло Божье, т. е. любовь къ людямъ, долженъ быть всегда готовымъ бросить всякое дѣло, какъ скоро его призываетъ совершеніе дѣла Божія: быть какъ работникъ, стоящій на хозяйской работѣ и могущій дѣлать свои дѣла только тогда, когда его силъ и вниманія не требуетъ хозяйское дѣло.

47.

Ложь и вредъ соблазна семейнаго.

256. Соблазнъ этотъ болѣе всѣхъ другихъ оправдываетъ грѣхи людей. Если человѣкъ свободенъ отъ соблазна приготовленія къ жизни, соблазна дѣла, то рѣдкій человѣкъ, въ особенности женщина, бываетъ свободенъ отъ соблазна семейнаго.

257. Соблазнъ этотъ состоитъ въ томъ, что люди, во имя исключительной любви къ своимъ семейнымъ, считаютъ себя свободными отъ обязанности къ другимъ людямъ и спокойно совершаютъ грѣхи корысти, борьбы, праздности, похоти, не считая ихъ грѣхами.

258. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что животное чувство, влекущее къ продолженію рода, которое законно только въ той мѣрѣ, въ которой оно не нарушаетъ любви къ людямъ, принимается за добродѣтель, оправдывающую грѣхъ.

259. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что онъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой соблазнъ, усиливаетъ грѣхъ собственности, ожесточаетъ борьбу между людьми, возводя въ заслугу и добродѣтель животное чувство любви къ своимъ семейнымъ; отводитъ людей отъ возможности познанія истиннаго смысла жизни.

260. Чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ не только не воспитывать въ себѣ любовь къ своимъ семейнымъ, не только не считать эту любовь добродѣтелью и не отдаваться ей, а, напротивъ, зная соблазнъ, всегда быть на сторожѣ противъ него, чтобы не пожертвовать любовью Божеской для любви семейной.

261. Любить враговъ, любить немилыхъ, любить чужихъ можно безъ осторожности, вполнѣ отдаваясь этой любви, но нельзя такъ любить семейныхъ, потому что такая любовь ведетъ къ ослѣпленію и оправданію грѣховъ.

262. Чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что любовь только тогда истинная любовь, дающая жизнь и блага, когда она не ищетъ, не ждетъ, не надѣется на награду, также какъ всякое проя

вленіе жизни, которая не ждетъ награды за то, что она есть; а что любовь къ своимъ семейнымъ есть животное чувство и хорошо только до тѣхъ поръ, пока оно въ предѣлахъ инстинкта и человѣкъ не жертвуетъ для него своими духовнымыми требованіями.

263. И потому, чтобы не подпадать этому соблазну человѣкъ долженъ для всякаго чужого человѣка стараться дѣлать то же, что онъ хочетъ сдѣлать для своего семейнаго, а для своихъ семейныхъ не дѣлать ничего того, чего не готовъ и не можетъ сдѣлать для всякаго чужого.

48.

Ложь и вредъ соблазна товарищества.

264. Людямъ кажется, что если они, выдѣлившись отъ другихъ людей и связавшись между собой исключительными условіями, соблюдаютъ эти условія, то они дѣлаютъ такое доброе дѣло, которое освобождаетъ ихъ отъ общихъ требованій ихъ совѣсти.

265. Ложь этого соблазна въ томъ, что, вступая въ товарищества съ однимъ малымъ количествомъ людей, люди выдѣляютъ себя изъ естественнаго товарищества всѣхъ людей и поэтому нарушаютъ самыя важныя естественныя обязанности во имя искусственныхъ.

266. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что люди, ставшіе въ условія товарищества, руководясь въ жизни не общими законами разума, а своими исключительными правилами, все болѣе и болѣе удаляются отъ общихъ всѣмъ людямъ разумныхъ основъ жизни, становятся нетерпимѣе и жесточе ко всѣмъ не принадлежащимъ къ ихъ товариществу и тѣмъ лишаютъ себя и другихъ истиннаго блага.

267. Чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что правила товарищества, устанавливаемыя людьми, могутъ быть безконечно разнообразны, безконечно измѣняемы и противуположны другъ другу, что всякое правило искуственно установленное людьми, не должно связывать его, если оно можетъ быть противно закону любви, что всякая исключительная связь съ людьми ограничиваетъ кругъ общенія и тѣмъ лишаетъ человѣка главнаго условія его блага, возможности любовнаго общенія со всѣми людьми міра.

268. И потому не только не вступать ни въ какія общества, товарищества, согласія, а напротивъ избѣгать всего того, что можетъ выдѣлить вмѣстѣ съ другими и всѣхъ остальныхъ людей міра.

49.

Ложь и вредъ соблазна государственнаго.

296. Соблазнъ этотъ самый жестокій передается лю-

дямъ такъ же, какъ ложная вѣра — посредствомъ двухъ пріемовъ обмана: внушенія лжи дѣтямъ и воздѣйствія на чувства людей внѣшней торжественностью. Почти всѣ люди, живущіе въ государствахъ, какъ только пробуждаются къ сознанію, застаютъ себя уже запутанными въ государственныхъ соблазнахъ и живутъ въ убѣжденіи о томъ, что ихъ народъ, ихъ государство, ихъ отечество суть лучшій, особенный народъ, государство, отечество, для блага и преуспѣянія котораго должно слѣпо повиноваться существующему правительству и по повелѣнію этого правительства мучить, ранить и убивать своихъ ближнихъ.

270. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что человѣкъ будто бы во имя блага народа можетъ отказаться отъ требованіи своей совѣсти и своей нравственной свободы.

271. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что какъ только человѣкъ допустить возможность понять и узнать, въ чемъ добро многихъ людей, нѣтъ предѣловъ предположеніямъ о томъ добрѣ многихъ людей, которое можетъ вытечь изъ какого бы то ни было поступка и потому всякій поступокъ можетъ быть оправданъ и какъ только человѣкъ допустилъ, что для блага многихъ въ будущемъ можно пожертвовать благомъ и жизнью одного человѣка, то нѣтъ предѣловъ того зла, которое можетъ быть совершено во имя такого соображенія. По первому предположенію о томъ, что люди могутъ знать будущее благо многихъ, поддерживались въ прежнія времена пытки, инквизиціи, рабство, поддерживаются въ наше время суды, тюрьмы, земельная собственность. По второму предположенію Каіафы въ прежнее время убитъ Христосъ и теперь въ казняхъ и войнахъ гибнутъ милліоны.

272. Для того, чтобы не впадать въ этотъ соблазнъ, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что онъ, прежде чѣмъ принадлежатъ къ какому-либо государству или народу, принадлежитъ Богу, какъ членъ всемірнаго царства, и онъ ни на кого не можетъ сложить отвѣтственность за свои поступки и всегда только самъ отвѣтственъ за нихъ.

273. И потому человѣкъ долженъ никогда, ни при какихъ обстоятельствакъ предпочитать людей своего народа или государства—людямъ другого народа или государства, не долженъ никогда совершать зла своимъ ближнимъ въ виду какихъ бы то ни было соображеній о будущемъ благѣ многихъ, не долженъ считать себя обязаннымъ повиноваться кому бы то ни было, преимущественно передъ своей совѣстью.

ЧАСТЬ VI.

Борьба съ грѣхами.

50.

Борьба съ грѣхами.

274. Но, освободившись отъ обмана вѣры и уберегшись отъ соблазновъ, человѣкъ все таки впадаетъ въ грѣхи. Человѣкъ съ пробудившимся сознаніемъ знаетъ, что смыслъ его жизни только въ служеніи Богу. и все таки по привычкѣ совершаетъ грѣхи, мѣшающіе и проявленію любви и достиженію истиннаго блага.

275. Какъ человѣку бороться съ привычкой грѣха?

276. Для борьбы съ привычкой грѣха есть два средства: первое—ясно понимать послѣдствія грѣховъ,— то, что грѣхи не достигаютъ той цѣли, для которыхъ они совершаются, и не увеличиваютъ, а скорѣе уменьшаютъ животное благо отдѣльнаго человѣка; во вторыхъ—знать съ какими грѣхами надо начинать бороться, съ какими прежде и съ какими послѣ.

277. И потому, во первыхъ, надо всегда ясно понимать и помнить, что положеніе человѣка въ мірѣ таково, что всякое исканіе имъ личнаго блага послѣ того, какъ въ немъ пробудилось разумое сознаніе, лишаетъ его этого самого блага и что напротивъ онъ получаетъ благо только тогда, когда не думаетъ о личномъ благѣ, отдавая всѣ свои силы на на служеніе Богу. Ищите царства и правды его а осталюное приложится вамъ.

278. И, во вторыхъ, то, что, для успѣшности борьбы съ привычками грѣха надо знать, на какой грѣхъ прежде всего надо направлять свое вниманіе: не начинать борьбу съ грѣхомъ, который имѣетъ корень въ другомъ непобѣжденномъ грѣхѣ, знать связь и послѣдовательность грѣховъ между собой.

51.

Послѣдовательность борьбы съ грѣхами.

279. Есть связь и послѣдовательность между грѣхами, такъ что одинъ грѣхъ порождаетъ другіе или мѣшаетъ освобожденію отъ нихъ.

280. Нельзя человѣку освободиться отъ какого либо изъ грѣховъ, если онъ предается грѣху опьяненія и нельзя освободиться отъ грѣха борьбы, если человѣкъ предается грѣху собственности, и нельзя освободиться отъ грѣха собственности, если человѣкъ предается грѣху праздности и нельзя освободиться отъ грѣха блуда, если человѣкъ предается грѣху похоти и праздности, и нельзя человѣку

освободиться отъ грѣха борьбы и собственности, если онъ предается грѣху похоти.

281. Это не значитъ того, что не надо бороться со всякимъ грѣхомъ во всякое время, но значитъ то, что для успѣшности борьбы съ грѣхомъ надо знать, съ какого надо начинать или, скорѣе, съ какого нельзя начинать, чтобы борьба была успѣшна.

282. Только отъ этой непослѣдовательности борьбы съ грѣхами происходитъ неуспѣшность этой борьбы, приводящей часто борящагося въ отчаяніе.

283. Грѣхъ, предавясь которому невозможна борьба ни съ какимъ изъ грѣховъ, есть опьяненіе, какое бы то ни было; опьяненіе одурманивающими веществами, торжественностью и быстрыми, усиленными движеніями; опьяненный человѣкъ не поборется ни съ праздностью, ни съ похотью ни съ блудомъ, ни съ властолюбіемъ. И потому для того, чтобы бороться съ другими грѣхами, человѣкъ долженъ прежде всего освободиться отъ грѣха опьяненія.

284. Слѣдующій грѣхъ, отъ котораго долженъ освободиться человѣкъ для того, чтобы быть въ силахъ бороться съ похотью, корыстью, властолюбіемъ, блудомъ, есть грѣхъ праздности. Чѣмъ свободнѣе будетъ человѣкъ отъ грѣха праздности, тѣмъ легче ему воздѣржаться отъ грѣха похоти, корысти, блуда и властолюбія: человѣкъ трудящійся не нуждается въ усложненіи средствъ удовлетворенія потребностей, не нуждается въ собственности, мѣнѣе подлежитъ искушеніямъ блуда и не имѣетъ ни поводовъ, ни досуга для борьбы.

285. Слѣдующій за этимъ есть грѣхъ похоти. Чѣмъ больше воздерживается человѣкъ въ пищѣ, одѣждѣ, жилищѣ, тѣмъ легче ему освободиться отъ грѣха корысти, властолюбія, блуда: человѣку, довольствующемуся малымъ не нужно собственности, воздержаніе помогаетъ борьбѣ съ блудомъ и не нуждаясь во многомъ ему нѣтъ поводовъ борьбы.

286. Слѣдующій за этими грѣхами есть грѣхъ корысти. Чѣмъ свободнѣе будетъ отъ этого грѣха человѣкъ, тѣмъ легче ему будетъ воздержатья отъ грѣха блуда и грѣха борьбы. Ничто такъ не поощряетъ грѣха блуда, какъ излишекъ собственности и ничто не вызываетъ такой борьбы между людьми.

287. Слѣдующій за этими и послѣдній грѣхъ есть грѣхъ борьбы включенный во всѣ грѣхи и вызываемый всѣми другими грѣхами и наибольшее освобожденіе отъ котораго возможно только при освобожденіи отъ всѣхъ предшествующихъ.

52.

Какъ бороться съ грѣхами.

288. Бороться съ грѣхами вообще можно только зная послѣдовательность грѣховъ такъ, чтобы начинать борьбу

прежде съ тѣми, безъ освобожденія отъ которыхъ нельзя бороться съ другими.

289. Но и въ борьбѣ съ каждымъ отдѣльнымъ грѣхомъ надо начинать съ тѣхъ проявленій грѣховъ, воздержаніе отъ которыхъ во власти человѣка, къ которымъ человѣкъ не сдѣлалъ еще привычки.

290. Такіе грѣхи во всѣхъ родахъ грѣховъ—и опьяненія, и праздности, и похоти, и корысти, и власти, и блуда,—суть грѣхи личные, тѣ, которые дѣлаетъ человѣкъ въ первый разъ, не имѣя еще привычки къ нимъ. И потому прежде всего отъ нихъ то и долженъ освобождаться человѣкъ.

291. Только освободившись отъ этихъ грѣховъ,—т. е. преставъ придумывать новыя средства увеличенія личнаго блага, долженъ человѣкъ начать бороться съ привычками, преданіемъ, установленнымъ въ его средѣ грѣхами.

292. И только поборовъ эти грѣхи можетъ человѣкъ начинать борьбу съ грѣхами прирожденными.

53.

Борьба съ грѣхомъ опьяненія.

293. Назначеніе человѣка есть проявленіе и увеличеніе любви. Увеличеніе это совершается только вслѣдствіи сознанія человѣкомъ своего истиннаго божественнаго *я*. Чѣмъ больше человѣкъ сознаетъ свое истинное *я*, тѣмъ больше его благо. И потому все что противодѣйствуетъ этому сознанію (какъ противодѣйствуетъ ему всякое возбужденіе), усиливающее ложное сознаніе отдѣльной жизни и ослабляющее сознаніе истиннаго я (какъ это дѣлаетъ всякое опьяненіе), препятствуетъ истинному благу человѣка.

294. Но, кромѣ того, что всякое опьяненіе препятствуетъ истинному благу человѣка, пробудившагося къ сознанію, всякое опьяненіе обманываетъ человѣка и не только не достигаетъ того увеличенія своего отдѣльнаго блага, котораго ищетъ человѣкъ, предаваясь какому либо возбужденію, но всегда лишаетъ человѣка и того животнаго блага, которое онъ имѣлъ.

295. Человѣкъ находящійся еще на степени животной жизни или ребенокъ съ еще не пробудившимся сознаніемъ, предаваяся какому либо возбужденію: куренію питію, торжественности, пляскѣ, получаетъ полное удовлетвореніе отъ произведеннаго возбужденія и не нуждается въ повтореніи этого возбужденія. Но человѣкъ съ пробудившимся разумомъ замѣчаетъ, что, всякое возбужденіе заглушаетъ въ немъ дѣятельность разума и уничтожетъ болѣзненность противорѣчія между требованіе животной и духовной природы и потому требуетъ повторенія и усиленія опьяненія и требуетъ его все болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока со-

вершенно не заглушатся пробудившійся въ немъ разумъ, что возможно сдѣлать только уничтоживъ вполнѣ или по крайнѣй мѣрѣ отчасти тѣлесную жизнь. Такъ что человѣкъ разумный, начавъ предаваться этому, не только не получаетъ ожидаемаго блага, но впадаетъ въ самыя разнообразныя и жестокія бѣдствія.

296. Человѣкъ, свободный отъ опьяненія, пользуется для мірской жизни всѣми тѣми силами ума, которыя даны ему и можетъ разумно избирать лучшее для блага своего животнаго существованія, человѣкъ же, продающійся опьяненію, лишается даже и тѣхъ умственныхъ силъ, которыя свойственны животному для избѣжаніе вреда и полученія удовольствія.

297. Таковы послѣдствія грѣха опьяненія для согрѣшающаго, для окружающихъ же послѣдствія его особенно вредныя, во-первыхъ, тѣмъ, что для произведенія дѣйствія опьяненія нужны огромныя затраты силъ, такъ что большая доля труда человѣчества тратится на производство опьяняющихъ веществъ и на приготовленія и постройки опьяняющихъ торжественныхъ дѣйствій, процессій, служеній, памятниковъ, храмовъ, всякаго рода празднованій; въ-вторыхъ, тѣмъ, что какъ куреніе, вино, усиленныя движенія и въ особенности торжественности заставляютъ мало думающихъ людей совершать въ то время, какъ они находятся подъ обяніемъ этихъ воздѣйствій самые нелѣпые, грубые, губителяные и жестокіе поступки. Вотъ это-то долженъ знать и всегда имѣть въ виду человѣкъ, подвергающійся искушенію какого-либо опьяненія.

298. Уничтожить въ себѣ вполнѣ возможность возбужденія временнаго опьяненія отъ принятія пищи, питья или особенныхъ внѣшнихъ условій, или усиленныхъ, движеній, и усиленія вслѣдствіе этого своего животнаго сознанія и ослабленія сознанія духовнаго *я*, не можетъ ни одинъ человѣкъ, пока онъ живетъ въ тѣлѣ. Но если человѣкъ и не можетъ вполнѣ уничтожить въ себѣ эту склонность къ возбужденію, то всякій можетъ довести ее въ себѣ до самой меньшей степени. И въ этомъ-то и состоитъ предстоящая всякому человѣку борьба съ грѣхомъ опьяненія.

299. Чтобы избавиться отъ грѣха опьяненія, человѣку надо понимать и помнить, что извѣстная степень возбужденія въ извѣстныя времена и при извѣстныхъ условіяхъ свойственна человѣку, какъ животному, но что при пробудившимся въ немъ сознаніи человѣкъ долженъ не только не искать этихъ возбужденій, но стараться избѣгать ихъ, и искать состоянія наиболѣе спокойнаго, такого, при которомъ могла бы во всей своей силѣ проявляться дѣятельность его разума, та дѣятельность, слѣдуя которой возможно достиженіе наибольшаго блага, какъ своего, такъ и людей и существъ, связанныхъ съ нимъ.

300. Для того же, чтобы достигать этого состоянія, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать для себя того грѣха опьяненія, къ которому онъ привыкъ и который сталъ обычаемъ его жизни. Если въ обычай жизни чаловѣка вошли уже извѣстныя привычки опьяненія, повторяющійся въ извѣстныя времена и признаваемыя всѣми окружающими необходимыми, пусть онъ продолжаетъ эти привычки, но не вводитъ новыхъ, подражая другимъ или самъ придумывая ихъ: если онъ привыкъ курить папиросы, пусть не пріучается къ сигарамъ или опіуму; если привыкъ къ пиву или вину, пусть не пріучается къ болѣе опьяняющему; если привыкъ къ поклонамъ на молитвѣ, дома или въ церкви, или къ прыганію и скаканію на радѣніи, пусть не пріучается къ новымъ; если привыкъ праздовать одни праздники, пусть не празднуетъ новыхъ. Пусть не увеличиваетъ тѣхъ средствъ возбужденія, къ которымъ онъ привыкъ, и онъ уже сдѣлаетъ много сдѣлаетъ очень много для избавленія себя и другихъ отъ грѣха опьяненія. Только бы люди не вводили новыхъ пріемовъ грѣха, грѣхъ бы уничтожился, потому что начинается грѣхъ, когда еще въ немъ нѣтъ привычки и легко побѣдить его, и всегда были, есть и будутъ люди, освобождающійся отъ грѣха.

301. Если же человѣкъ уже твердо созналъ безуміе грѣха опьяненія и твердо рѣшилъ не увеличивать тѣхъ обычаевъ опьяненія, которые стали ему привычными, — пусть перестаетъ курить, пить, если онъ имѣетъ уже эти привычки; пусть перестаетъ принимать участіе въ торжествахъ и празднествахъ, въ которыхъ онъ прежде участвовалъ; пусть перестаетъ дѣлать возбуждающія движенія, если онъ привыкъ ихъ дѣлать.

302. Если же человѣкъ освободился отъ тѣхъ искусственныхъ привычекъ опьяненія, въ которыхъ онъ уже живетъ, пусть онъ начинаетъ освобождаться и отъ тѣхъ состояній возбужденія, которыя производятъ въ немъ: извѣстная пища, питье, движеніе и обстановка, которымъ подлежитъ всякій человѣкъ.

303. Хотя и никогда человѣкъ, пока онъ въ тѣлѣ, не освободится вполнѣ отъ состоянія возбужденія и опьяненія, производимыхъ пищей, питьемъ, движеніями, обстановкой,— степень этихъ состояній можетъ быть уменьшена до самаго малаго. И чѣмъ больше освободится человѣкъ, пробудившійся къ сознанію, отъ состоянія опьяненія, чѣмъ яснѣе будетъ его разумъ, тѣмъ легче ему будетъ бороться со всѣми другими грѣхами, тѣмъ больше получитъ человѣкъ истиннаго блага, и тѣмъ больше приложится ему блага мірскаго и тѣмъ больше онъ будетъ содѣйствовать благу другихъ людей.

54.

Борьба съ грѣхомъ праздности.

304. Человѣкъ съ пробудившимся въ немъ сознаніемъ не есть самобытное, само себя удовлетворяющее существо, могущее имѣть свое независимое благо, а есть посланникъ Бога, для котораго возможно благо только въ той мѣрѣ, въ которой онъ исполняетъ волю Его. И потому человѣку служить своей отдѣльной личности такъ же неразумно, какъ неразумно работнику служить своему орудію труда, беречь свою лопату или косу, а не тратить ее на предназначенной работѣ; какъ это сказано въ евангеліи: кто сохраняетъ свою плотскую жизнь, тотъ теряетъ жизнь истинную; и только тратя жизнь плотскую, можно получить жизнь истинную.

305. Заставлять другихъ людей работать для удовлетворенія своихъ потребностей такъ же неразумно, какъ неразумно было бы работнику разрушать или портить орудія работы своихъ сотоварищей для того, чтобы сохранить или улучшить то орудіе, которымъ онъ, тратя его, долженъ производить ту работу, къ которой приставленъ и онъ, и его товарищи.

306. Но кромѣ того истиннаго блага, котораго лишаетъ себя человѣкъ, освобождая себя отъ труда и накладывая его на другихъ людей, такой человѣкъ лишаетъ себя и того мірскаго животнаго блага, которое предназначено человѣку при естественномъ тѣлесномъ трудѣ, нужномъ ему для удовлетворенія своихъ потребностей.

307. Наибольшее благо своего отдѣльнаго существа человѣкъ получитъ отъ упражненія своихъ силъ и отдыха, когда онъ будетъ жить инстинктивно какъ животное, трудясь и отдыхая ровно столько, сколько это нужно для его животной жизни. Но какъ скоро человѣкъ искуственно перенесетъ на другихъ трудъ, устроивъ себѣ искусственный отдыхъ, онъ не получитъ наслажденія отъ отдыха.

308. Человѣкъ трудящійся получаетъ истинное наслажденіе отъ отдыха; человѣкъ же праздный, вмѣсто отдыха, который онъ хочетъ себѣ устроить, испытываетъ постоянное безпокойство и, кромѣ того, этой искусственной праздностью уничтожаетъ самый источникъ наслажденія — свое здоровье, такъ что разслабляя свое тѣло, лишаетъ себя возможности труда, а слѣдовательно и послѣдствій труда, истиннаго отдыха и порождаетъ въ себѣ жестокія болѣзни.

309. Таковы послѣдствія праздности для согрѣшающаго: для окружающихъ пагубны послѣдствія этого грѣха во 1-хъ, въ томъ, что какъ говоритъ китайское изрѣченіе, если есть одинъ человѣкъ неработающій, то есть другой, умирающій съ голода; во 2-хъ, то, что люди мало думающіе, не зная того недовольства, которое испытываютъ люди праздные, стараются подражать имъ и вмѣсто добрыхъ

чувствъ испытываютъ къ нему завистливыя, не добрыя чувства. Вотъ это то долженъ знать всякій человѣкъ, желающій бороться съ грѣхомъ праздности.

310. Для того, чтобы избавиться отъ грѣха праздности, человѣкъ долженъ ясно понимать и помнить, что всякое освобожденіе себя отъ труда, который онъ дѣлалъ, не увеличитъ, а уменьшитъ благо его отдѣльной личности, и произведетъ не нужное зло другимъ людямъ.

311. Уничтожить въ отдѣльномъ животномъ существѣ человѣка стремленіе къ отдыху и отвращеніе къ труду (по библіи праздность была блаженство, а трудъ наказаніе) — невозможно, но уменьшеніе этого грѣха и доведеніе его до наименьшей степени есть то, къ чему долженъ стремиться человѣкъ въ избавленіе себя отъ этого грѣха.

312. Для избавленія же себя отъ привычки грѣха, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не освобождать себя ни отъ какого труда, какой онъ дѣлалъ прежде: если самъ чистилъ свое платье, мылъ бѣлье—не заставлять это дѣлать другого; если обходился безъ вещей произведенія труда другихъ людей—не покупать ихъ; если ходилъ пѣшкомъ—не садиться на лошадь; если носилъ свой чемоданъ, не давать его носильщику и т. п. Все это кажется такъ ничтожно, а если бы люди не дѣлали этого, они бы избавились отъ большаго количества своихъ грѣховъ и вытекающихъ изъ нихъ страданій.

313. Только когда человѣкъ уже умѣетъ воздерживаться отъ освобожденія себя отъ совершаемаго имъ прежде труда и перенесенія его на другихъ, можетъ человѣкъ съ успѣхомъ начать борьбу съ наслѣдственнымъ грѣхомъ праздности. Если онъ крестьянинъ, то не заставлять слабую жену дѣлать то, что онъ имѣетъ досугъ сдѣлать самъ, не нанимать работника, котораго онъ нанималъ прежде, не покупать предмета произведенія труда, который онъ покупалъ раньше, но безъ котораго обходятся другіе; если онъ богатъ—отпустить камердинера и убирать свои вещи самому и не покупать, какъ прежде, дорогихъ платьевъ если онъ привыкъ къ этому.

314. Если же человѣкъ съумѣлъ побѣдить праздность, къ которой онъ привыкъ съ дѣтства и спустился на ту степень труда, на которой живутъ люди, окружающіе его, то только тогда можетъ такой человѣкъ начать успѣшно борьбу съ прирожденнымъ грѣхомъ праздности, т. е. трудиться для блага другихъ людей и тогда, когда другіе отдыхаютъ.

315. То, что жизнь человѣческая такъ усложнилась вслѣдствіе раздѣленія труда, что человѣку невозможно самому удовлетворять всѣмъ своимъ и своей семьи потребностямъ, и что нельзя обойтись въ нашемъ мірѣ безъ того, чтобы не пользоваться произведеніями чужого труда, — не можетъ помѣшать человѣку стремиться къ такому положе-

нію, при которомъ онъ давалъ бы людямъ больше того, что беретъ отъ нихъ.

316. Для того же, чтобы быть увѣреннымъ въ этомъ, человѣку надобно, во-первыхъ, исполнять самому для себя своей семьи то, что можетъ успѣть сдѣлать, и во-вторыхъ, въ служеніи другимъ людямъ выбирать дѣла не тѣ, которыя мнѣ нравятся и на которыя много охотниковъ, какъ это бываетъ со всякими дѣлами управленія людьми, поученія, увеселенія ихъ, а тѣ, которыя настоятельно необходимы, которыя не привлекательны и отъ которыхъ всѣ отказываются, какъ это бываетъ со всякимъ грубымъ и грязнымъ трудомъ.

55.

Борьба съ грѣхомъ похоти.

317. Назначеніе человѣка есть служеніе Богу увеличеніемъ въ себѣ любви. Чѣмъ меньше будетъ у человѣка потребностей, тѣмъ легче ему будетъ служить Богу и людямъ, и потому тѣмъ больше онъ получитъ истиннаго блага увеличеніемъ въ себѣ любви.

318. Но кромѣ того блага истинной жизни, котораго человѣкъ получаетъ тѣмъ больше, чѣмъ свободнѣе онъ будетъ отъ грѣха похоти, положеніе человѣка въ мірѣ таково, что если онъ отдается своимъ потребностямъ только въ той мѣрѣ, въ которой онѣ требуютъ своего удовлетворенія, а не направляетъ свой разумъ на увеличеніе наслажденій отъ удовлетворенія ихъ, то это удовлетвореніе даетъ ему наибольшее въ этомъ отношеніи доступное благо. При всякомъ же увеличеніи своихъ потребностей, все равно удовлетворяются ли онѣ или нѣтъ, благо мірской жизни неизбѣжно уменьшается.

319. Наибольшее благо отъ удовлетворенія своихъ потребностей ѣды, питья, сна, одежды, крова, человѣкъ получитъ тогда, когда онъ будетъ удовлетворять ихъ, какъ животное, инстинктивно и не для того, чтобы получить наслажденіе, а для того, чтобы уничтожить начинающееся страданіе—наибольшее наслажденіе отъ пищи человѣкъ получитъ не тогда, когда у него будетъ утонченная пища, а тогда, когда онъ проголодается, и отъ одежды не тогда, когда она будетъ очень красива, а когда онъ озябнетъ, и отъ дома, не тогда, когда будетъ роскошенъ, а когда онъ укроется въ него отъ непогоды.

320. Человѣкъ, пользующійся богатымъ обѣдомъ, одеждой, домомъ безъ нужды, получитъ меньше удовольствія, чѣмъ человѣкъ, пользующійся самой бѣдной пищей, одеждой, кровомъ, но послѣ того, какъ онъ проголодался, озябъ, измокъ, такъ что усложненіе средствъ удовлетворенія потребностей и изобиліе ихъ не увеличиваетъ блага личной жизни, а уменьшаетъ его.

321. Излишество въ удовлетвореніи потребностей лишаетъ человѣка самаго источника наслажденія при удовлетвореніи потребностей: оно разрушаетъ здоровье организма: никакая пища не доставляетъ удовольствія больному разслабленному желудку, никакая одежда и никакіе дома не согрѣваютъ бѣдныя кровью тѣла.

322. Таковы послѣдствія грѣха похоти для согрѣшающаго, для окружающихъ же людей послѣдствія его тѣ, что, во-первыхъ, нуждающіеся люди лишены тѣхъ предметовъ, которые потребляются роскошествующими; во вторыхъ, всѣ тѣ малодушные люди, которые видятъ излишества роскошествующаго, но не видятъ его страданій, соблазняются его положеніемъ и влекутся къ тому же грѣху и вмѣсто естественныхъ ко всѣмъ, радостныхъ братскихъ чувствъ, испытываютъ мучительную зависть и не любовь къ роскошествующимъ. Вотъ это долженъ знать человѣкъ для того, чтобы успѣшно бороться съ грѣхомъ похоти.

323. Уничтожить въ отдѣльномъ существѣ человѣка стремленіе къ увеличенію наслажденія отъ удовлетворенія потребностей невозможно, пока человѣкъ живетъ въ тѣлѣ, но человѣкъ можетъ довести въ себѣ это стремленіе до наименьшей степени, и въ этомъ состоитъ борьба съ этимъ грѣхомъ.

324. Для наибольшаго освобожденія себя отъ этого грѣха похоти человѣкъ долженъ прежде всего ясно понимать и помнить, что всякое усложненіе удовлетворенія своихъ потребностей не увеличитъ, а уменьшитъ его благо и произведетъ ненужное зло въ другихъ людяхъ.

325. Для освобожденія себя отъ привычки грѣха человѣкъ долженъ начинать съ того чтобы не увеличивать свои потребности, не измѣнять того, къ чему онъ привыкъ, не перенимать и не передумывать новаго; не начать пить чай, когда жилъ и былъ здоровъ безъ чая; не строить новый дворецъ, когда жилъ въ старомъ. Не дѣлать этого кажется такъ мало, а если бы люди только не дѣлали этого, то уничтожилось бы 0.992 грѣховъ и страданій людскихъ.

326. Только твердо воздерживаясь отъ внесенія новой роскоши въ свою жизнь, можетъ человѣкъ начать борьбу съ грѣхами наслѣдственности; можетъ человѣкъ, привыкшій пить чай и ѣсть мясо, или человѣкъ, привыкшій къ шампанскому и рысакамъ, понемногу отвыкать отъ того, что лишнее и переходитъ отъ привычекъ болѣе роскошныхъ къ привычкамъ болѣе скромнымъ.

327. И только отвыкнувъ отъ привычекъ роскошествующихъ и спустившись на ступень самыхъ бѣдныхъ людей, можетъ человѣкъ начать бороться съ природными грѣхами похоти, т. е. уменьшать свои потребности въ сравненіи даже съ самыми бѣдными и воздержными людьми.

56.

Борьба съ грѣхомъ корысти.

328. Истинное благо человѣка состоитъ въ проявленіи любви, и при этомъ человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ никогда не знаетъ, когда онъ умретъ и что каждый часъ его жизни можетъ быть послѣднимъ, такъ что разумный человѣкъ никакъ не можетъ ради заботы обезпеченія будущаго, которое можетъ не наступить, нарушать любовь въ настоящемъ. А это самое дѣлаютъ люди, стараясь пріобрѣсти собственность и удержать ее отъ другихъ людей для обезпеченія будущаго своего и своей семьи.

329. Но кромѣ того, что люди, поступая такъ, лишаютъ себя блага истиннаго, они и не достигаютъ и того блага отдѣльной личности, которое всегда обезпечено человѣку.

330. Человѣку свойственно своимъ трудомъ удовлетворять своимъ потребностямъ и даже заготовлять предметы своихъ потребностей, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя животныя, и, поступая такъ, человѣкъ получаетъ наибольшее доступное благо своего отдѣльнаго существа.

331. Но какъ скоро человѣкъ начинаетъ заявлять исключительныя права на эти заготовленные или инымъ способомъ пріобрѣтенные предметы, такъ благо его отдѣльнаго существа не только уменьшается, но замѣняется страданіемъ этого существа.

332. Человѣкъ, полагающійся въ обезпеченіи своего будущаго на свой трудъ, взаимную помощь людей, а главное на такое устройство міра, при которомъ люди также обезпечены въ жизни, какъ птицы небесныя или цвѣты полевые, можетъ спокойно отдаваться всѣмъ радостямъ жизни, человѣкъ же, начавшій самъ обезпечивать свое будущее имущество, не можетъ имѣть ни минуты покоя.

333. Во-первыхъ, онъ никогда не знаетъ, насколько ему нужно себя обезпечить: на мѣсяцъ, на годъ, на десять лѣтъ, на слѣдующее поколѣніе? Во-вторыхъ, заботы объ имуществѣ все больше и больше отвлекаютъ человѣка отъ простыхъ радостей жизни; въ-третьемъ, онъ всегда боится захватовъ другихъ людей, всегда борется для удержанія и увеличенія пріобрѣтеннаго и, отдавая всю жизнь заботѣ о будущемъ, теряетъ жизнь настоящую.

334. Таковы послѣдствія грѣха собственности для согрѣшающаго, для окружающихъ же послѣдствія его: лишенія вслѣдствіе захватовъ.

335. Уничтожить въ себѣ стремленіе къ удержанію исключительно для себя необходимыхъ предметовъ одежды, орудія, куска хлѣба на завтра почти невозможно, но довести это стремленія до наименьшей степени—возможно, и въ этомъ доведеніи грѣха собственности до наименьшей степени и состоитъ борьба съ этимъ грѣхомъ.

336. И потому, для того, чтобы избавится отъ грѣха

собственности. человѣкъ долженъ ясно понимать и помнить, что всякое обезпеченіе будущаго посредствомъ пріобрѣтенія и удержанія имущества. не увеличитъ блага жизни его отдѣльнаго существа, а уменьшитъ его и произведетъ большое, ненужное зло тѣмъ людямъ, среди которыхъ пріобрѣтается и удерживается имущество.

337. Для того же, чтобы бороться съ привычкой грѣха, нужно начинать съ того, чтобы не увеличивать того имущества, обезпечивающаго будущее, которое имѣешь, —будутъ ли это милліоны или десятки мѣшковъ ржи на пищу въ продолженіе года. Только бы люди поняли, что ихъ благо и жизнь, даже животная жизнь. не обезпечивается имущестоотъ и не увеличивали бы на счетъ другого того, что каждый считаетъ своимъ и тогда бы исчезла большая часть бѣдствій, отъ которыхъ страдаютъ люди.

338. Только когда человѣкъ уже умѣетъ воздерживаться отъ увеличенія своего имущества, можетъ онъ съ успѣхомъ начать освобожденіе себя отъ того, что онъ имѣетъ. и только освободившись отъ всего наслѣдственнаго, можетъ начать бороться съ грѣхами прирожденными, т. е, отдавать другимъ то, что считается необходимымъ для поддержанія самой жизни.

57.

Борьба съ грѣхомъ властолюбія.

339. „Цари царствуютъ надъ народами и величаются, но между нами да не будетъ такъ,—кто хочетъ быть первымъ, тотъ да будетъ всѣмъ слуга“—говоритъ христіанское ученіе. По христіанскому ученію человѣкъ посланъ въ міръ для того. чтобы служить Богу; служеніе же Богу совершается проявленіемъ любви. Любовь же можетъ проявиться только черезъ служеніе людямъ и потому всякая борьба человѣка, пробудившагося къ разумному сознанію. съ другими существами—борьба, т. е. насиліе. желаніе заставить другого совершить поступокъ, противный его волѣ,—противны назначенію человѣка и препятствуетъ его истинному благу.

340. Но, кромѣ того, что человѣкъ, пробудившійся къ разумному сознанію и вступающій въ борьбу съ другими существами. лишаетъ себя этимъ блага истинной жизни, онъ не достигаетъ и того блага отдѣльнаго существа, къ которому стремится.

341. Человѣкъ, живущій еще одною животною жизнью, какъ ребенокъ или животное. борется съ другими существами только до тѣхъ поръ, пока этой борьбы требуютъ его животные инстинкты: отнимаетъ кусокъ у другого только, пока онъ голоденъ и сгоняетъ другого съ мѣста только до тѣхъ поръ, пока ему самому нѣтъ мѣста, употребляетъ на эту борьбу только физическую силу и, побѣдивъ или будучи

побѣжденъ въ борьбѣ, прекращаетъ ее. И, поступая такъ, получаетъ наибольшее благо, которое доступно ему, какъ отдѣльному существу.

342. Но не то бываетъ съ человѣкомъ съ пробудившимся разумомъ, вступающимъ въ борьбу: человѣкъ съ пробудившимся разумомъ, вступая въ борьбу, употребляетъ на это весь свой разумъ и ставитъ цѣль свою въ борьбѣ и потому никогда не знаетъ, какъ прекратить ее и, побѣдивъ, увлекается желаніемъ дальнѣйшихъ побѣдъ, вызывая въ побѣжденныхъ ненависть, отравляющую его жизнь, если онъ побѣдитель,—будучи же побѣжденъ, самъ страдаетъ отъ униженія и ненависти. Такъ что человѣкъ разумный, вступающій въ борьбу съ существами, не только не увеличиваетъ благъ своего отдѣльнаго существа, но уменьшаетъ его и замѣняетъ его имъ самимъ произведенными страданіями.

343. Человѣкъ, избѣгающій борьбы, смиряющійся, во-первыхъ, свободенъ и можетъ отдавать свои силы на то, что привлекаетъ его, во-вторыхъ, любя другихъ и смиряясь передъ ними, вызываетъ въ нихъ любовь, и поэтому можетъ пользоваться тѣми благами мірской жизни, которыя выпадаютъ на его долю, тогда какъ человѣкъ разумный, вступающій въ борьбу, неизбѣжно отдаетъ уже всю жизнь на усилія борьбы и, во-вторыхъ, вызывая борьбой отпоръ и ненависть въ другихъ людяхъ, не можетъ спокойно пользоваться тѣми благами, которыя онъ завоевалъ борьбой, такъ какъ долженъ не переставая защищать ихъ.

344. Таковы послѣдствія грѣха борьбы для согрѣшающаго, для окружающихъ его послѣдствія грѣха во всякаго рода страданіяхъ, лишеніяхъ, которыя терпятъ побѣжденные, главное въ тѣхъ чувствахъ ненависти, которая они вызываютъ въ людяхъ вмѣсто естественнаго или любовнаго братскаго чувства.

345. Хотя и никогда, пока онъ въ жизни, человѣкъ не освободится отъ условій борьбы, но чѣмъ больше соотвѣтственно своимъ силамъ освободится отъ нихъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ достигаетъ истиннаго блага, тѣмъ больше приложится ему блага мірского и тѣмъ больше онъ будетъ содѣйствовать благу міра,

346. И потому, для того, чтобы избавиться отъ грѣха борьбы, человѣкъ долженъ ясно понимать и помнить, что какъ истинное и духовное, такъ и временное животное благо его будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше будетъ его борьба съ людьми и всѣми другими существами, и чѣмъ больше будетъ его покорность и смиреніе, чѣмъ больше онъ пріучится подставлять другую щеку тому, кто ударитъ, и отдавать кафтанъ тому, кто беретъ рубаху.

347. Для того же, чтобы не впасть въ привычку грѣха, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать въ себѣ того грѣха борьбы, въ которомъ онъ находится: если человѣкъ уже находится въ борьбѣ съ животными или

людьми, такъ что вся жизнь его плотская поддерживается этой борьбой, пусть онъ продолжаетъ эту борьбу, не усиливая ее и не вступаетъ въ борьбу съ другими существами,—и онъ сдѣлаетъ уже много для избавленія себя отъ грѣха борьбы. Если бы люди только не усиливали борьбы, борьба все болѣе и болѣе бы уничтожалась, такъ какъ всегда есть люди все болѣе и болѣе отказывающіеся отъ борьбы.

348. Если же человѣкъ достигъ до того, что живетъ, не увеличивая борьбу съ окружающими существами, тогда пусть трудится надъ тѣмъ, чтобы уменьшить, ослабить то состояніе наслѣдственной борьбы, въ которомъ находится всякій человѣкъ, вступая въ жизнь.

349. Если же человѣкъ успѣетъ освободится отъ той борьбы, въ которой онъ воспитанъ, пусть онъ пытается освободиться и отъ тѣхъ природныхъ условій борьбы, въ которыхъ находится каждый человѣкъ.

58.

Борьба съ грѣхомъ блуда.

350. Назначеніе человѣка есть служеніе Богу, состоящее въ проявленіи любви ко всѣмъ существамъ и людямъ; человѣкъ же, отдающійся похоти любви, ослабляетъ свои силы и отвлекаетъ ихъ отъ служенія Богу и потому, предаваясь половой похоти, лишаетъ себя блага истинной жизни.

351. Но кромѣ того, что человѣкъ, предающійся половой похоти въ какой бы то ни было формѣ, лишаетъ себя блага истиннаго, онъ не достигаетъ и того блага, котораго ищетъ.

452. Если человѣкъ живетъ въ правильномъ бракѣ, вступая въ половое общеніе только тогда, когда могутъ быть дѣти, и воспитываетъ дѣтей, то неизбѣжно наступаютъ для матери страданія и заботы, для отца заботы о матери и ребенкѣ, взаимныя охлажденія и частыя ссоры между супругами и родителями и дѣтьми.

353. Если же человѣкъ вступаетъ въ половое общеніе безъ цѣли возращенія и воспитанія дѣтей, старается не имѣть ихъ, а имѣя не заботится о нихъ и мѣняетъ предметы любви, то еще менѣе становится возможнымъ благо отдѣльнаго существа и человѣкъ несомнѣнно подвергается страданіямъ тѣмъ болѣе жестокимъ, чѣмъ болѣе онъ предается половой страсти: является разслабленіе физическихъ и духовныхъ силъ, ссоры, болѣзни. И нѣтъ того утѣшенія, которое имѣютъ живущіе въ правильномъ бракѣ супруги—семьи и всей ея помощи и радости.

354. Таковы послѣдствія грѣха блуда для совершающаго, для другихъ же людей они состоятъ въ томъ, во первыхъ, что то лицо, съ которымъ совершается грѣхъ, несетъ тѣ же послѣдствія грѣха; лишеніе истиннаго и вре-

меннаго блага и тѣ же страданія и болѣзни: для окружающихъ ее: уничтоженіе дѣтей въ зародышѣ, дѣтоубійство, оставленіе дѣтей безъ призрѣнія и воспитанія и ужасающее зло, губящее души людскія—проституція.

355. Уничтожить къ себѣ стремленіе къ похоти не можетъ ни одно живое существо, не можетъ и человѣкъ если не принимать въ расчетъ исключенія. Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ похоть эта обезпечиваетъ существованіе рода человѣческаго и потому пока высшей волѣ нужно будетъ существованіе человѣческаго рода, будетъ въ немъ и блудъ.

356. Но блудъ этотъ можетъ быть доведенъ до наименьшей степени и нѣкоторыми людьми можетъ быть доведенъ до полнаго цѣломудрія. И въ этомъ то уменьшеніи и доведеніи его до наименьшей степени и даже до цѣломудрія для нѣкоторыхъ, какъ это сказано въ евангеліи, и состоитъ борьба съ грѣхомъ блуда.

357. И потому, для того, чтобы избавится отъ грѣха блуда, человѣку надо понимать и помнить, что блудъ есть необходимое условіе жизни всякаго животнаго и человѣка, какъ животнаго, но что пробудившееся въ человѣкѣ разумное сознаніе требуетъ отъ него обратнаго, т. е. полнаго воздержанія, полнаго цѣломудрія, и что чѣмъ больше онъ будетъ предаваться блуду, тѣмъ меньше онъ получитъ не только истиннаго, но и временнаго животнаго блага и тѣмъ больше онъ доставитъ страданія и себѣ и другимъ людямъ.

358. Для того же, чтобы противодѣйствовать привычкѣ грѣха, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать съ себѣ того грѣха блуда, въ которомъ онъ находится. Если человѣкъ цѣломудренъ, пусть не нарушаетъ своего цѣломудрія; если онъ женатъ, пусть остается вѣренъ своему супругу; если онъ имѣетъ общеніе со многими, пусть продолжаетъ жить такъ, не придумывая неестественныхъ пріемовъ разврата. Пусть не измѣняетъ своего положенія и не увеличиваетъ своего грѣха блуда. Только бы люди исполняли это и уничтожались бы большія страданія ихъ.

359. Если же человѣкъ достигъ того, что не дѣлаетъ новаго грѣха, тогда пусть трудится надъ тѣмъ, чтобы уменьшить тотъ грѣхъ блуда, въ которомъ онъ находится: пусть цѣломудренный на дѣлѣ берется съ мысленнымъ грѣхомъ блуда, пусть женатый старается уменьшить и упорядочить половое общеніе. Пусть знающій многихъ женщинъ и женщина, знающая многихъ мужчинъ станутъ вѣрны избраннымъ супругамъ.

360. Если же человѣкъ сумѣетъ освободится отъ тѣхъ привычекъ блуда, въ которомъ онъ уже находился, тогда пусть стремится освободится и отъ тѣхъ прирожденныхъ условій блуда, въ которыхъ родится каждый человѣкъ.

361. Хотя только рѣдкіе люди могутъ вполнѣ быть цѣломудренны, пусть всякій человѣкъ понимаетъ и помнитъ,

что онъ всегда можетъ быть болѣе цѣломудренъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и можетъ вернуться къ нарушенному цѣломудрію, и что чѣмъ больше соотвѣтственно своимъ силамъ приблизится человѣкъ къ полному цѣломудрію, тѣмъ больше онъ достигаетъ истиннаго блага, тѣмъ больше приложится ему блага мірскаго и тѣмъ больше онъ будетъ содѣйствовать благу людей.

ЧАСТЬ VII.

О молитвѣ.

59.

Особенныя средства борьбы съ грѣхами.

362. Для того, чтобы не впадать въ обманъ, надо не довѣрять никому и ничему, а только одному разуму; для того, чтобы не впадать въ соблазнъ, надо не оправдывать поступковъ, противныхъ истинѣ, жизни; для того, чтобы не впадать въ грѣхъ надо ясно понимать, что грѣхъ есть зло и лишаетъ человѣка не только его истиннаго блага, но и блага лишняго и производитъ зло въ людяхъ, и, кромѣ того, знать ту послѣдовательность грѣховъ, въ которой надо бороться съ ними,

363. Но люди знаютъ это и все таки впадаютъ въ грѣхъ. Происходитъ это отъ того, что люди или не знаютъ вполнѣ ясно, кто они такіе, что такое ихъ я, или забываютъ это.

364. Для того, чтобы больше и больше, яснѣе и яснѣе узнавать себя и помнить о томъ, кто такое человѣкъ—есть одно могущественное средство. Средство это есть молитва.

60.

О молитвѣ.

365. Съ древнихъ временъ признано, что для человѣка есть необходимость молитвы.

366. Для людей прежняго времени молитва была и теперь остается для большинства людей обращеніемъ при извѣстныхъ условіяхъ: въ извѣстныхъ мѣстахъ, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ и словахъ—къ Богу или богамъ для умилостивленія ихъ.

367. Христіанское ученіе не знаетъ такихъ молитвъ, но учитъ тому, что молитва необходима не какъ средство избавленія отъ мірскихъ бѣдствій и пріобрѣтеній мірскихъ благъ, а какъ средство укрѣпленія человѣка въ борьбѣ съ грѣхами.

368. Для борьбы съ грѣхами человѣку нужно понимать и помнить о своемъ положеніи въ мірѣ и при совершеніи

каждаго поступка оцѣнивать его для того, чтобы не впасть въ грѣхъ. Для того и другого нужна молитва.

369. И потому молитва христіанская бываетъ двоякая: та, которая уясняетъ человѣку его положеніе въ мірѣ,— молитва временная, и другая та, которая сопутствуетъ каждому его поступку, представляя его на судъ Богу, провѣряя его—молитва ежечастная.

61.

Молитва временная.

370. Молитва временная это такая молитва, которою человѣкъ въ лучшія свои минуты, отвлекаясь отъ всего житейскаго, вызываетъ въ себѣ наиболѣе ясное сознаніе Бога и свое отношеніе къ нему.

371. Это та молитва, про которую говоритъ Христосъ въ 6-й главѣ Матвѣя, противополагая его многословнымъ и публичнымъ молитвамъ фарисеевъ и для которой необходимымъ условіемъ ставитъ уединеніе. Слова эти показываютъ людямъ, какъ не надо молиться.

372. Молитва же „Отче нашъ", также какъ и та молитва, которой Христосъ молился въ Гефсиманскомъ саду, показываетъ намъ, какъ надо молиться и въ чемъ должна состоять та истинная временная молитва, которая, уясняя сознаніе человѣка объ истинѣ его жизни, объ его отношеніи къ Богу и его назначеніи въ мірѣ, укрѣпляетъ его духовныя силы.

373. Такою молитвою можетъ быть выраженіе своими словами своего отношенія къ Богу; но такою же молитвой было и всегда будетъ для всѣхъ людей повтореніе выраженій и мыслей прежде насъ жившихъ людей, высказывавшихъ свое отношеніе къ Богу и единеніе душой съ этими людьми и съ Богомъ. Такъ Христосъ молился, повторяя слова псалма, и мы истинно молимся, повторяя слова Христа, и не только Христа.—Сократа, Будды, Лао-дзи, Паскаля и др., если мы переживаемъ то духовное состояніе, которое переживали эти люди, и выразили въ своихъ дошедшихъ до насъ выраженіяхъ.

374. И потому истинная временная молитва будетъ не та, которая будетъ совершаться въ опредѣленные часы и дни, а только та, которая совершается въ минуты высшаго душевнаго настроенія, такія минуты, которыя находятъ на каждаго человѣка, которыя иногда вызываются страданіями или близостью смерти, иногда же приходятъ безъ всякаго внѣшняго повода и которыми человѣкъ долженъ дорожить какъ высшей драгоцѣнностью и пользоваться ими для все большаго и большаго уясненія своего сознанія, потому что только въ эти минуты совершается наше движеніе впередъ и приближеніе къ Богу.

375. Совершаться такая молитва не можетъ ни въ со-

браніяхъ, ни при внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, а непремѣнно при совершенномъ уединеніи и свободѣ отъ всякаго внѣшняго, разсѣивающаго вліянія.

376. Молитва эта есть та молитва, которая движетъ человѣка отъ низшей ступени жизни къ высшей; отъ животнаго къ человѣку, отъ человѣка къ Богу.

377. Только благодаря этой молитвѣ человѣкъ познаетъ самого себя, свою божественную природу и чувствуетъ тѣ предѣлы, которые связываютъ его божественную природу и, чувствуя ихъ, стремится разорвать ихъ и этимъ стремленіемъ расширяетъ ихъ.

378. Это та молитва, которая, уясняя сознаніе, дѣлаетъ для человѣка невозможными грѣхи, въ которые онъ впадалъ прежде и представляетъ ему грѣхомъ то, что прежде и не казалось ему грѣховнымъ.

62.

Молитва ежечасная.

379. Въ своемъ движеніи отъ животной жизни къ жизни истинной и духовной, въ своемъ рожденіи къ новой жизни, въ борьбѣ своей съ грѣхомъ, всякій человѣкъ всегда находится къ грѣху въ трехъ различныхъ отношеніяхъ; одни грѣхи побѣждены человѣкомъ, они какъ пойманные звѣри сидятъ на цѣпи и только изрѣдко своимъ рычаніемъ напоминаютъ о себѣ, о томъ, что они еще живы. Эти грѣхи назади. Другіе грѣхи такіе, которые онъ дѣлалъ всю жизнь, не считая ихъ грѣхами и грѣховность которыхъ только что увидалъ вслѣдствіе уясненія своего сознанія въ временной молитвѣ. Человѣкъ видитъ грѣховность этихъ поступковъ, но онъ такъ привыкъ ихъ совершать, такъ недавно и неясно еще увидалъ грѣховность этихъ дѣлъ, что еще и не пытается бороться съ ними. И есть третій родъ дѣлъ, грѣховность которыхъ человѣкъ ясно видитъ, съ которыми уже борется, и которые иногда совершаетъ, поддаваясь грѣху, иногда не совершаетъ, побѣждая грѣхъ.

380. Для борьбы съ этими то грѣхами и нужна молитва ежечасная. Молитва ежечасная состоитъ въ томъ, что она напоминаетъ человѣку во всѣ минуты его жизни, при всѣхъ поступкахъ его, въ чемъ его жизнь и благо, и потому въ тѣхъ дѣлахъ жизни, въ которыхъ человѣкъ еще властенъ побѣдить животную природу духовнымъ сознаніемъ, содѣйствуетъ ему въ этомъ.

381. Молитва ежечасная есть постоянное сознаніе присутствія Бога, есть постоянное во время посланничества сознаніе посланникомъ присутствія Пославшаго.

382. Рожденіе къ новой жизни, освобожденіе себя отъ узъ животной природы, освобожденіе себя отъ грѣха, совершается только медленными усиліями. Временная молитва, освѣщая сознаніе человѣка, открываетъ ему его грѣхъ.

Грѣхъ сначала кажется ему не важнымъ, переноснымъ, но чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость освободится отъ грѣха. И если человѣкъ только не подпадаетъ соблазну, скрывающему грѣхъ, онъ неизбѣжно вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ.

383. Но съ первыхъ же попытокъ преодолѣть грѣхъ, человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе: грѣхъ влечетъ къ себѣ всей сладостью привычки грѣха; противопоставить же грѣху человѣкъ ничего не можетъ, кромѣ сознанія того, что грѣшить не хорошо, и человѣкъ, зная, что то, что онъ дѣлаетъ, дурно, продолжаетъ дѣлать это дурное.

384. Выходъ изъ этого положенія одинъ. Одни религіозные учителя видятъ его въ томъ, что существуетъ особенная сила, называемая благодатью, поддерживающая человѣка въ его борьбѣ съ грѣхомъ, которая пріобрѣтается черезъ извѣстныя дѣйствія, называемыя таинствами. Другіе учители выходъ изъ этого положенія видятъ въ вѣрѣ въ искупленіе, совершившееся смертью за людей Христа Бога. Третьи видятъ этотъ выходъ въ молитвѣ къ Богу о подкрѣпленіи силъ человѣка въ борьбѣ его съ грѣхомъ.

385. Но ни то, ни другое, ни третье средство не облегчаетъ человѣку борьбу съ грѣхомъ: несмотря на благодать таинства, на вѣру въ искупленіе, на просительную молитву, всякій человѣкъ, искренно начавшій бороться съ грѣхомъ, не можетъ не чувствовать всей своей слабости передъ могуществомъ грѣха и безнадежности борьбы съ нимъ.

386. Безнадежность борьбы представляется въ особенности потому, что человѣкъ, понявъ неправду грѣха, желаетъ сразу освободиться отъ него, въ чемъ поддерживаютъ его разныя лжеученія объ искупленіи, таинствахъ и т. п. и, чувствуя безсиліе освобожденія, сразу пренебрегаетъ тѣми ничтожными усиліями, которыя онъ можетъ сдѣлать для освобожденія себя отъ грѣха.

387. А между тѣмъ, какъ всѣ великіе перевороты въ матеріальномъ мірѣ совершаются не вдругъ, а медленнымъ и постепеннымъ отпаденіемъ или наростаніемъ, такъ и въ духовномъ мірѣ освобожденіе отъ грѣха и приближеніе къ совершенству совершается только медленнымъ противодѣйствіемъ грѣху.—уничтоженіемъ одной за другой мельчайшихъ частицъ его.

388. Не во власти человѣка избавиться отъ грѣха, набиравшаго привычку впродолженіе многихъ годовъ, но совершенно во власти человѣка не дѣлать поступка, которые вовлекаютъ во грѣхъ, уменьшать привлекательность грѣха, поставить себя въ невозможность сдѣлать грѣхъ, отсѣкать руку и глазъ, которые соблазняютъ его. И дѣлать это каждый день и каждую минуту, и чтобы быть въ состояніи дѣлать это нужна ежечастная молитва.

ЧАСТЬ VIII,

Заключеніе.

63.

Чего можетъ ожидать человѣкъ, живущій христіанской жизнью въ настоящемъ?

389. Есть религіозныя ученія, которыя обѣщаютъ людямъ, слѣдующимъ имъ, полное и совершенное благо въ жизни не только въ будущей, но и въ этой. Есть даже такое пониманіе и христіанскаго ученія. Люди, понимающіе такъ христіанское ученіе, говорятъ, что стоитъ только человѣку слѣдовать ученію Христа: отрекаться отъ себя, любить людей и жизнь его будетъ неперестающей радостью. Есть другія религіозныя ученія, которыя въ жизни человѣческой видятъ нескончаемыя необходимыя страданія, которыя человѣкъ долженъ переносить, ожидая награды въ будущей жизни. Есть такое пониманіе и христіанскаго ученія: одни видятъ въ жизни постоянную радость, другіе—постоянное страданіе.

390, Ни то, ни другое пониманіе не вѣрно. Жизнь не есть радость и не есть страданіе. Она можетъ представляться радостью или страданіемъ только тому человѣку, который своимъ я считаетъ свое отдѣльное существо; только для этого я можетъ быть радость или страданіе. Жизнь же по христіанскому ученію въ его истинномъ смыслѣ не есть ни радость, ни страданіе, а есть рожденіе и ростъ истиннаго духовнаго я человѣка, при которомъ не можетъ быть ни радости, ни страданія.

391. По христіанскому ученію жизнь человѣческая есть постоянное увеличеніе его сознанія любви. И такъ какъ ростъ души человѣческой—увеличеніе любви—непрестанно совершается, и непрестанно совершается въ мірѣ то дѣло Божіе, которое совершается этимъ ростомъ, то человѣкъ, понимающій свою жизнь, какъ учитъ понимать ее христіанское ученіе, какъ увеличеніе любви для установленія Царства Божія, никогда не можетъ быть несчастливъ и неудовлетворенъ.

392. На пути его жизни могутъ встрѣчаться радости и страданія для его животной личности, которой онъ не можетъ не чувствовать, которымъ не можетъ не радоваться и которымъ не можетъ не страдать, но никогда онъ не можетъ испытывать полнаго счастья (и потому и не можетъ желать его) и никогда не можетъ быть несчастливъ (и потому и не можетъ бояться страданій и желать избѣжать ихъ, если они стоятъ на пути его).

393. Человѣкъ, живущій христіанской жизнью, не приписываетъ своимъ радостямъ большого значенія, не смотритъ на нихъ, какъ на осуществленіе своихъ желаній, а только

какъ на случайныя, встрѣчающіяся на пути жизни явленія, какъ на то, что само собой прикладывается тому, кто ищетъ царства Божія и правды его, и на страданія свои смотритъ не какъ на то, чего не должно быть, а какъ на столь же необходимое въ жизни явленіе, какъ треніе при работѣ, зная, напротивъ, что какъ треніе признакъ совершающейся работы, такъ и страданія признакъ совершающагося дѣла Божія.

394. Человѣкъ, живущій христіанской жизнью, всегда свободенъ, потому что то самое, что составляетъ смыслъ его жизни—устраненіе препятствій, мѣшающихъ любви и, вслѣдствіе этого, увеличеніе любви и установленіе царства Божія и есть то самое, чего онъ хочетъ всегда и что неудержимо совершается въ его жизни; онъ всегда спокоенъ, потому что съ нимъ ничего не можетъ случиться того, чего онъ не хочетъ.

395. Не надо думать, что человѣкъ, живущій христіанскою жизнью, всегда испытываетъ эту свободу и спокойствіе, всегда принимаетъ радости, не увлекаясь ими, какъ нѣчто случайное, не желая удержать ихъ, и страданіе, какъ необходимое условіе движенія жизни. Христіанинъ можетъ временно увлекаться радостями, стараяся произвести удержать ихъ, можетъ временно мучиться отъ страданій, принимая ихъ за нѣчто ненужное, которое бы могло и не быть, но при потеряхъ радостей, при страхѣ и боли страданій христіанинъ тотчасъ же вспоминаетъ свое христіанское достоинство, свое посланничество, и радости и страданія становятся на настоящее мѣсто, и онъ опять становится свободенъ и спокоенъ.

396. Такъ что и въ мірскомъ отношеніи положеніе христіянина не хуже, а лучше положенія нехристіанина. „Ищите царства Божія и правды его, и все остальное приложится вамъ“, значитъ то, что всѣ мірскія радости жизни не закрыты отъ христіанина, но вполнѣ доступны ему, съ тою только разницею, что тогда какъ радости христіанина могутъ быть искусственны и переходятъ въ пресыщенія, въ страданія, и потому представляются ему ненужными и безвыходными,—для христіанина же радости болѣе простыя, естественныя и потому болѣе сильныя, никогда не производящія ни пресыщенія, и страданія,—никогда не могутъ быть такъ больны и казаться столь безсмысленными, какъ онѣ представляются нехристіанину.

Таково положеніе христіанина въ жизни настоящаго; но чего можетъ ожидать христіанинъ въ будущемъ?

64.

Чего можетъ человѣкъ ожидать въ будущемъ?

397. Человѣкъ, живя въ этомъ мірѣ въ своей тѣлесной оболочкѣ, не можетъ себѣ представить жизнь иначе, какъ въ пространствѣ и времени, и потому естественно спрашиваетъ, *гдѣ* онъ *будетъ* послѣ смерти.

398. Но вопросъ этотъ ошибоченъ: божественная сущность души нашей духовная, внѣвременная и внѣпространственная, въ этой жизни заключенная въ тѣло, выходя изъ него перестаетъ находиться въ условіяхъ пространства и времени и потому про сущность эту нельзя сказать, что она *будетъ*. Она *есть*. Какъ и сказалъ Христосъ: „Прежде чѣмъ былъ Авраамъ, я есмь". Такъ и всѣ мы. Если мы есмы, то мы всегда были и будемъ. Мы есмы.

399. Точно тоже и по вопросу *гдѣ* мы будемъ. Когда мы говоримъ *гдѣ*, мы говоримъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы будемъ. Но понятіе мѣста произошло только отъ того отдѣленія отъ всего остального, въ которое мы поставлены. При смерти отдѣленіе это уничтожится и потому мы будемъ для людей, живущихъ въ этомъ мірѣ, вездѣ или нигдѣ. Мы будемъ такими, для которыхъ нѣтъ мѣста.

400. Существуетъ много различныхъ гаданій о томъ, что и гдѣ будетъ послѣ смерти; но всѣ эти гаданія отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ утонченныхъ не могутъ удовлетворить разумнаго человѣка. Блаженство, сладострастіе Магомета слишкомъ грубо и очевидно несовмѣстимо съ истиннымъ понятіемъ о человѣкѣ и Богѣ. Точно также несовмѣстимо съ понятіемъ о Богѣ любви и церковное представленіе о раѣ и адѣ. Переселеніе душъ менѣе грубо, но точно также удерживаетъ представленіе объ отдѣльности существа: понятіе нирваны устраняетъ всю грубость представленія, но нарушаетъ требованія разума — разумности существованія.

401, Такъ что никакое представленіе о томъ, что будетъ послѣ смерти, не даетъ отвѣта, который бы удовлетворилъ разумнаго человѣка.

402. И оно не можетъ быть иначе. Вопросъ поставленъ ложно. Разумъ человѣческій, могущій мыслить только въ условіяхъ пространства и времени, хочетъ дать отвѣтъ о томъ, что будетъ внѣ этихъ условій. Разумъ знаетъ одно: что сущность божественная есть, что она росла въ этомъ мірѣ. И дойдя до извѣстной степени своего роста, вышла изъ этихъ условій.

403. Будетъ ли эта сущность опять продолжать дѣйствовать въ раздѣльности? Будетъ ли это увеличеніе любви причиною новаго дѣленія? Все это гаданія и такихъ гаданій можетъ быть еще много, но ни одно изъ нихъ не можетъ дать достовѣрность.

404. Одно достовѣрно и несомнѣнно — это то, что сказалъ Христосъ умирая: „Въ руки Твои отдаю духъ мой". Именно то, что умирая, я иду туда, откуда исшелъ. И если я вѣрю въ то, что то, отчего я исшелъ, есть разумная любовь (два эти свойства я знаю) — то я радостно возвращаюсь къ Нему, зная, что мнѣ будетъ хорошо. И не только не сокрушаюсь, но радуюсь тому переходу, который предстоитъ мнѣ.

Письма Л. Н. Толстого.

О непротивленіи злу зломъ.

(Письмо къ N. N.).

Дорогой мой N. N.! Пишу вамъ „дорогой“ не потому, что такъ пишутъ, а потому, что современи полученія вашего перваго, а особенно второго письма чувствую, что вы мнѣ очень близки, и я васъ очень люблю. Въ чувствѣ, которое я испытываю къ вамъ, есть много эгоистичнаго. Вы вѣрно не думаете этого; но вы не можете и представить себѣ, до какой степени я одинокъ, до какой степени то, что есть настоящій „я“, презираемо всѣми, окружающими меня. Знаю, что претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ; знаю, что только въ пустякахъ дано человѣку право пользоваться плодами своего труда, или хоть видѣть этотъ плодъ, а что въ дѣлѣ Божьей истины, которая вѣчна, а можетъ быть дано человѣку видѣть плодъ своего дѣла, особенно же въ короткій періодъ своей коротенькой жизни. Знаю все это и все-таки часто унываю; и потому встрѣча съ вами и надежда, почти увѣренность, найти въ васъ человѣка, искренно идущаго по одной дорогѣ со мной и къ одной и той же цѣли, для меня очень радостна.

Ну, теперь буду отвѣчать вамъ по порядку.

Письма ваши къ Аксакову мнѣ понравились, особенно послѣднее. Доводы ваши неотразимы, но для него не существуютъ. Все, что онъ говоритъ, давно мнѣ знакомо. Все это повторяется въ жизни, въ литературѣ, въ бесѣдахъ, все одно и одно. И именно вотъ что: вы говорите: я вижу, что эта истина, а это ложь, вотъ потому-то и потому-то, что это добро, а это зло, потому-то и потому. Аксаковъ и ему подобные видятъ, что это правда; даже, прежде, чѣмъ вы сказали имъ, они знаютъ правду. Но они живутъ во лжи, и имъ для того, чтобы человѣкъ, какъ и всякій другой съ сердцемъ, любящимъ добро и ненавидящимъ зло, и съ разумомъ, имѣющимъ одну цѣль—отличать ложь отъ истины, для того, чтобы человѣкъ могъ жить во лжи и злѣ, и слу-

жить имъ, онъ долженъ былъ уже прежде закрыть глаза на истину и продолжать дѣлать любимое имъ зло. А ширмы эти однѣ и тѣ же у всѣхъ; историческое воззрѣніе, объективный взглядъ, забота о другихъ и устраненіе вопроса о своемъ отношеніи къ добру и истинѣ. Это дѣлаетъ Аксаковъ, это дѣлаетъ Соловьевъ, это дѣлаютъ всѣ богословы, это дѣлаютъ всѣ государственные люди, политико-экономы, это дѣлаютъ всѣ, кто живетъ противно истинѣ и добру, и которымъ нужно оправдаться передъ самимъ собой.

Нельзя сказать этого яснѣе, чѣмъ это сказано у Іоанна 3, 19—21. Изъ этого я дѣлаю тотъ выводъ, что по отношенію къ этимъ людямъ не надо метать бисеръ, а надо выработать въ себѣ извѣстное отношеніе къ нимъ, при которомъ не тратились бы напрасно силы. Разсужденіе же съ ними не только праздное дѣло, но вредное для нашей цѣли. Они раздражатъ васъ вызовомъ на что-нибудь лишнее, неточное, и, забывая все главное изъ того, что вы сказали, привяжутся къ одному этому. Отношеніе къ нимъ, которое я стараюсь выработать въ себѣ и совѣтую другимъ, такое же, какъ мое отношеніе къ развращенному, пьяному ухарю, который хочемъ втянуть въ свой развратъ моего 16-го лѣтняго сына. Я жалѣю этого развратника, но не буду исправлять его, потому что знаю, что это невозможно. Онъ—отпѣтый и только меня же подниметъ на смѣхъ передъ сыномъ. Небуду тоже удалять моего сына насильно отъ него, потому что сыну моему неизбѣжно, не нынче, такъ завтра, встрѣтиться съ нимъ или съ подобными ему; я даже не буду стараться передъ сыномъ разоблачать его гадость. Надо, чтобы онъ самъ открылъ ее. А я буду стараться наполнить душу своего сына такимъ содержаніемъ, чтобы соблазны молодца не захватывали его, а то потратишь силы, которыхъ и такъ мало, на метаніе бисера, да еще затопчутъ и разстерзаютъ, не меня и васъ и N. N., а затушатъ маленькій брезжущій свѣтъ среди тьмы.

И вотъ этимъ отступленіемъ я прямо нечаянно подошелъ ко второму и главному пункту вашего письма. Но какъ же раскрывать глаза людямъ, спасать ихъ отъ соблазновъ распутниковъ, когда насиліе мѣшаетъ этому? Какъ добиться осуществленія евангельскаго ученія? Не долженъ ли я заступиться за людей, если они просятъ меня о помощи, хотя бы пришлось освобождать ихъ силою, если передъ моими глазами убиваютъ и мучатъ людей? Освобождать и заступаться за людей силой не должно, и не должно потому, что этого нельзя и потому что пытаться дѣлать добро насиліемъ, т. е. зломъ,—глупо.

Душа моя, пожалуйста, ради Бога, истины, котарой вы служите, не торопитесь, не горячитесь, не придумывайте доказательствъ справедливости вашего мнѣнія прежде, чѣмъ не вдумаетесь не въ то, что я напишу вамъ, а въ Евангеліе и не въ Евангеліе, какъ слово Христа или Бога и т. п.,

а въ Евангеліе, какъ самое ясное, простое, всѣмъ понятное и практическое ученіе о томъ, какъ надо жить каждому изъ насъ и всѣмъ людямъ.

Если на моихъ глазахъ мать засѣкаетъ своего ребенка,—что мнѣ дѣлать? Поймите, что вопросъ о томъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, т. е. что хорошо и разумно, а не въ томъ, какое будетъ мое первое побужденіе при этомъ. Первое побужденіе при личномъ оскорбленіи, это—отомстить; но вопросъ въ томъ, разумно ли это? И точно такой же вопросъ о томъ, разумно ли употребить насиліе противъ этой матери, которая сѣчетъ ребенка. Если мать сѣчетъ своего ребенка, то что мнѣ больно, и что я считаю зломъ? То, что ребенку больно, или то, что мать, вмѣсто радости любви, испытываютъ муки злобы? И я думаю, что зло въ томъ и другомъ. Одинъ человѣкъ не можетъ дѣлать ничего злого. Зло есть разобщеніе людей. И потому, если я хочу дѣйствовать, то могу только дѣйствовать съ цѣлью уничтожить разобщеніе и возстановить общеніе между матерью и ребенкомъ. Когда же мнѣ поступить? Насиловать мать? Я не уничтожу разобщеніе ея съ ребенкомъ, а только внесу грѣхъ еще новый, разобщеніе со мной. Что же можно? Однако—поставить себя вмѣсто ребенка; это не будетъ неразумно. То, что пишетъ Достоевскій, и что мнѣ очень противно, мнѣ говорили схимники и митрополиты, именно, что воевать можно, что это защита, душу положить за братьевъ. Я всегда отвѣчалъ на это; защищать грудью, поставляя себя—да; но самому стрѣлять людей изъ ружей, это не защищать, а убивать.

Вникните въ ученіе Евангелія и вы увидите, что коротенькая 4-я заповѣдь (Мѳ 5. 38. 39): не противиться злу, т. е. зломъ не отвѣчать на зло, есть не скажу главное, но есть смыкающее звено всего ученія, и то самое, которое старательно обходили и обходятъ всѣ ученія лжехристіанскія, и то самое положеніе, непризнаніе котораго послужило основой всему тому, что вы такъ справедливо ненавидите. Не говоря уже о Никейскомъ соборѣ, надѣлавшемъ столько зла и основанномъ на этомъ самомъ непониманіи ученія Христа, т. е. на насиліи во имя добра и Христа,—въ апостольскія времена, уже у Павла, въ Дѣяніяхъ, зараждается это насиліе во имя добра, и нарушается смыслъ ученія.

Какъ часто бывало мнѣ грустно въ бесѣдахъ моихъ съ попами и революціонерами, смотрящими не евангельское ученіе, какъ на орудіе достиженія цѣли внѣшней,—и тѣ, и другіе люди крайнихъ полюсовъ съ одинаковою яростію отрицали это основное положеніе ученія Христа. Первымъ нельзя гнать, душить разновѣровъ, благословлять побоища, казни; вторымъ нельзя насиліемъ разрушать существующій безобразный безпорядокъ, называемый порядкомъ. Очевидно, попы и власти не могутъ себѣ представить даже людской

жизни безъ насилія. Точно также и революціонеры. По плодамъ узнается дерево; не можетъ дерево доброе приносить плоды насилія. Ученіе Христа не можетъ служить ни тому, чтобы душить, ни тому, чтобы сковыривать. И потому и тѣ, и другіе, извращая ученіе, сами лишаютъ себя той единственной силы, которую даетъ вѣра въ истину, во всю, а не въ частичку ея. Поднявшіе мечъ—мечемъ погибнутъ; это не предсказаніе, а утвержденіе всѣмъ извѣстнаго факта.

Мѳ. 6. 22—24, въ особенности 23 стихъ. Если то, что ты считаешь добромъ—зло, то каково же будетъ зло твоей жизни и дѣлъ? Нальзя служить немножко Богу, немножко діаволу. И Евангеліе не такая глупая книга, какъ намъ ее расписали попы. И всякое положеніе сказано тамъ не на вѣтеръ, а такъ, что оно органически связано со всѣмъ ученіемъ. Такъ и заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ проходитъ черезъ все Евангеліе, и безъ нея ученіе Евангелія, для меня по крайней мѣрѣ, все распадается. Мало того, что оно выражено много разъ такъ ясно и прямо, что нельзя его скрасть; мало того, что все описаніе жизни и дѣлъ Христа есть приложеніе этой заповѣди; мало того, что у Іоанна выставленъ Каіафе непонимающимъ этой истины и, вслѣдствіе непониманія ея, во имя блага народа, губящій жизнь Христа;—тамъ указано прямо на то, что противленіе злу есть самый страшный и опасный соблазнъ, которому подпадаютъ не только ученики Христа, а чуть было не подпалъ и онъ самъ. Не мало того, мнѣ теперь кажется, что если бы и не было Христа и его ученія, я бы самъ открылъ эту истину, такъ она мнѣ теперь кажется проста и ясна: и я увѣренъ, что она такою покажется и вамъ. Мнѣ такъ ясно теперь, что допусти я для себя малѣйшее насиліе во имя исправленія огромнѣйшаго зла, другой на основаніи того же допустилъ и для себя маленькое насиліе, и третій, и четвертый—и милліоны маленькихъ насилій сложатся въ то ужасное зло, которое царствуетъ теперь и давитъ насъ.

Вотъ, если вы исполнили мою просьбу и дочли до сихъ поръ спокойно, воздерживаясь отъ доказательствъ подтвержденія вашего мнѣнія, а слѣдили за изложеніемъ моего, то, надѣюсь, вы согласитесь, что есть сильныя доказательства и для противнаго вамъ мнѣнія, и, надѣюсь, еще болѣе согласитесь со мной, когда прочтете краткое изложеніе и переводъ четвероевангелія которое посылаю вамъ. Сколько я догадываюсь, вы теперь вотъ въ какомъ положеніи: разумъ вашъ говоритъ вамъ, что я правъ, но сердце ваше возмущается противъ такого положенія о непротивленіи злу. Вы говорите себѣ: что нибудь тутъ не такъ, какая-нибудь тутъ есть ошибка разсужденія, я найду ее и докажу, потому что не можетъ быть, чтобы ученіе Христа, ученіе любви къ брату, вело къ тому, чтобы сидѣть сложа руки, глядя на зло, совершающееся въ мірѣ. Хо-

рошо—говорите вы—отжившему старику разводить лясы и увѣрять всѣхъ, что надо терпѣть зло. Ему хорошо, онъ сытъ, доволенъ, все у него есть, и ему осталось доживать немного. Весь жаръ жизни имъ уже выжитъ; но я безъ разсужденій чувствую, что во мнѣ заложена любовь къ добру и правдѣ и ненависть ко злу и лжи не даромъ; я не могу не выражать ее, не жить во имя ея, а каждый шагъ моей жизни есть борьба со зломъ. И я долженъ бороться и буду бороться съ нимъ тѣми средствами, которыя мнѣ уяснились уже и нѣкоторыя еще уяснятся и представятся. Нужна проповѣдь въ народѣ, сближеніе съ сектантами, воздѣйствіе на правительство и т. п.

Чувство, подсказывающее вамъ эти мысли, хорошее чувство, и за него-то я люблю васъ. Но это самое чувство побудило Петра запастись ножемъ и обрубить ухо рабу. Представьте себѣ, что было бы, если бы Іисусъ не удержалъ ихъ; сдѣлалась бы свалка, Іисусовы побѣдили бы и потомъ завоевали Іерусалимъ. Они бы порубили и ихъ бы порубили. Каково было бы христіанское ученіе? Его бы не было, и намъ бы не на что было упереться; мы были бы хуже Аксаковыхъ и Соловьевыхъ.

Для того, чтобы полнѣе выразить вамъ мою мысль, скажу вамъ, въ чемъ я полагаю ученіе Христа, значеніе не туманно-метафизическое, а значеніе ясное, жизненное.

Всѣ говорятъ, что значеніе христіанства—въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, какъ себя самого. Но что такое Богъ? Что такое любить? Что такое любить что-то непонятное, Бога? Что такое ближній? Что такое самъ я?

Слова эти имѣютъ для меня такое значеніе: любить Бога—значитъ любить истину; любить ближняго, какъ самого себя,—значитъ признавать единство своей сущности души и жизни со всякой другой человѣческою жизнью, съ вѣчною истиною, Богомъ. Такъ это для меня. Но мнѣ ясно что эти ничего не опредѣляющія слова могутъ быть понимаемы иначе, и что большинство не можетъ даже понимать ихъ такъ, какъ я. Главное же то, что слова эти ни для меня, ни для кого не обязываютъ ни къ чему и ничего не опредѣляютъ. Какъ это любить какого-то Бога, котораго каждый понимаетъ по своему, а другіе и вовсе не признаютъ, и—любить ближняго, какъ самого себя, тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ? Это такъ не ясно и неисполнимо, что остается пустою фразою. Мое мнѣніе то, что это положеніе метафизическое, очень важное какъ таковое; но когда это же положеніе понимается, какъ правило жизненное, какъ законъ, то оно просто глупо. А къ сожалѣнію его часто такъ понимаютъ.

Все это я говорю къ тому, чтобы выяснить то, что значеніе христіанства, какъ и всякой вѣры,—не въ мета-

физическихъ принципахъ (метафизическіе принципы во всемъ человѣчествѣ—Будда, Конфуцій, Сократъ—всегда были и будутъ одни и тѣ же), а въ приложеніи ихъ къ жизни, въ живомъ представленіи о томъ благѣ каждаго человѣка и всего человѣчества, которое достигается при приложеніи этихъ принциповъ къ жизни, въ выясненіи возможности приложенія ихъ и въ опредѣленіи тѣхъ правилъ, которыми оно достигается.

Еще во Второзаконіи сказано: люби Бога и ближняго, какъ самаго себя; но приложенія этого принципа по Второзаконію состояли въ обрѣзаніи, субботѣ и уголовномъ законѣ. Значеніе христіанства состоитъ въ указаніи возможности и счастія исполненія закона любви. Христосъ въ нагорной проповѣди очень ясно опредѣлилъ, какъ надо и можно, для счастія своего и всѣхъ людей, исполнять этотъ законъ. Въ нагорной проповѣди (которой если бы не было, то не было бы и ученія Христа, въ чемъ всѣ соглашаются), въ которой Христосъ обращается не къ мудрецамъ, а къ безграматнымъ, сиволапымъ,—въ проповѣди, которая обставлена вступленіемъ, что кто не исполнитъ единой изъ малыхъ заповѣдей сихъ (Мѳ. 5. 17—20), и заключеніемъ, что не говорить надо, а исполнять (Мѳ. 7. 21—27),—въ этой проповѣди все сказано, и дано пять заповѣдей о томъ, какъ ученіе. Въ нагорной проповѣди изложены самыя простыя, легкія, понятныя правила приложенія любви къ Богу и ближнему къ жизни, безъ признанія и исполненія которыхъ нельзя говорить о христіанствѣ. И, какъ ни странно сказать, что послѣ 1809 лѣтъ, мнѣ привелось открывать эти правила, какъ что-то новое. И только когда я понялъ эти правила, только тогда я понялъ значеніе ученія Христа. Правила эти такъ удивительно захватываютъ всю жизнь каждаго человѣка и всего человѣчества, что только представь себя человѣкъ исполненіе этихъ правилъ на землѣ, и на землѣ—царство правды. И потомъ разбери всѣ эти правила отдѣльно, прилагая ихъ себѣ, и увидишь, что это невообразимо блаженный и огромный результатъ получается отъ исполненія самыхъ простыхъ, естественныхъ, не только легкихъ, но пріятныхъ для исполненія правилъ. Подумаешь, нужно ли что-нибудь прибавить къ этимъ правиламъ для того чтобы осуществилось царство правды? Ничего не нужно. Подумаешь, можно ли отрицать одно изъ правилъ, чтобы не нарушилось царство правды? Нельзя. Если бы я ничего не зналъ изъ ученія Христа, кромѣ пяти правилъ, я и тогда бы былъ такимъ же христіаниномъ, какъ теперь. Не сердись не блуди, не кляйпсь, не судись, не воюй—вотъ въ чемъ для меня сущность ученія Христа.

И это-то ясное выраженіе ученія Христа было спрятано отъ людей, и потому человѣчество постоянно отступалось отъ него въ двѣ крайнія стороны. Одни видя въ ученіи Христа ученіе о спасеніи души для грубо представляемой

ими себѣ вѣчной жизни, устранялись отъ міра, заботясь только о томъ, что имъ самимъ для себя дѣлать,—какъ усовершенствоваться въ одиночку, что было бы смѣшно, если бы не было жалко. И страшныя силы потрачены этими людьми, ихъ много было, на невозможное и глупое—дѣлать добро для себя въ одиночку, безъ людей. Другія, напротивъ, не вѣря въ будущую жизнь, жили, лучшіе изъ нихъ только для другихъ, но не знали и не хотѣли знать, что нужно имъ для себя, и во имя чего они хотятъ добра другимъ и какого добра. Мнѣ кажется, что одно невозможно безъ другого; человѣкъ не можетъ дѣлать себѣ, своей душѣ добро, не дѣйствуя для другихъ и съ другими, какъ это дѣлали аскеты религіозные и лучшіе изъ нихъ, и не можетъ дѣлать добро людямъ, не зная, что ему самое нужно, и во имя чего онъ дѣйствуетъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ общественные дѣятели безъ вѣры. Я люблю людей перваго разряда, но всѣми силами души ненавижу ихъ ученіе, и люблю, очень люблю людей второго разряда, но тоже не навижу ихъ ученіе. Въ томъ только ученіи истина, которое указываетъ дѣятельность—жизнь, удовлетворящую потребностямъ души, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть постоянная дѣятельность для блага другихъ. Таково ученіе Христа. Оно одинаково далеко отъ квіетизма религіознаго, отъ заботы о своей душѣ и отъ революціоннаго задора (правительственная, поповская дѣятельность есть революціонная), желающаго облагодѣтельствовать другихъ, не зная вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чемъ состоитъ истинное, несомнѣнное благо. Христіанская жизнь такова, что нельзя сдѣлать добра людямъ иначе, какъ сдѣлавъ добро самому себѣ, своей разумной душѣ, и не сдѣлать добра себѣ иначе, какъ дѣлая добро братьямъ. Христіанская жизнь одинаково далека отъ квіетизма и отъ задора. Люди молодые и вашего строя мысли склонны смѣшивать христіанское ученіе истинное съ квіетизмомъ суевѣровъ. И имъ кажется, что отказаться отъ сопротивленія злу насиліемъ очень удобно и легко, и что отъ этого дѣло христіанское ослабѣваетъ и лишается силъ. Это невѣрно Вы поймите, что христіанинъ отрекается отъ насилія не потому, что онъ не любитъ того же, что вы желаете, не потому, что онъ ясно видитъ, что насиліе—первое, что напрашивается человѣку при видѣ зла, но онъ видитъ, что насиліе отдалитъ его отъ цѣли, а не приблизитъ къ ней, что оно неразумно, какъ неразумно человѣку желающему добраться до воды родника, палкой пробивать ту землѣ, которая отдаляетъ его отъ ключа. И человѣку, отвергающему насиліе, не легче—напротивъ; какъ не легче взять заступъ и копать, чѣмъ колотить коломъ землю. Ему легче только тѣмъ, что онъ твердо знаетъ, что, не противясь злу насиліемъ, а разсѣевая его добромъ и истиною, онъ дѣлаетъ, что можетъ, исполняетъ волю Отца, по выраженію Христа. Нельзя огнемъ тушить огонь, водой сушить

воду, зломъ уничтожать зло. Ужъ это дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, и вотъ додѣлали до того положенія, въ которомъ мы живемъ. Пора бы бросить старый пріемъ и взяться за новый. тѣмъ болѣе, что онъ и разумнѣе. Если есть движеніе впередъ, то только благодаря тѣмъ, которые добромъ платили за зло. Что если бы одна милліонная тѣхъ усилій. которыя употребляются людьми, на то, чтобы насиліемъ поборотъ зло, употреблялось на то, чтобы переносить зло, не участвуя въ немъ, и свѣтить тѣмъ свѣтомъ, который данъ каждому? Хоть просто съ опытной точки зрѣнія— тѣмъ ничего не добились, отчего же не попытаться другого тѣмъ болѣе, что это такъ ясно, очевидно и радостно. Хоть частный примѣръ: вспомнимъ Россію за послѣднія 20 лѣтъ Сколько истиннаго желанія добра, готовности къ жертвамъ, сколько потрачено нашей молодой интеллигенціей на то, чтобы установить правду, что сдѣлать добро людямъ! И что же сдѣлано? Ничего. Хуже, чѣмъ ничего. Погубили страшныя душевныя силы. Колья переломали и землю убили хуже, чѣмъ прежде, такъ, что и заступъ не беретъ. Вмѣсто тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыя принесены молодежью; вмѣсто выстрѣловъ, взрывовъ, типографій, что если бы эти, люди вѣрили въ ученіе Христа, т. е. считали бы, что христіанская жизнь есть одна разумная жизнь; что если бы, вмѣсто этого страшнаго напряженія силъ, одинъ, два десятки, сотни людей просто бы, на призывъ ихъ въ военную службу, сказали бы: мы не можемъ служить убійцами, потому что мы вѣримъ въ ученіи Христа,—то, которое вы исповѣдуете.—это запрещено его заповѣдью. То же бы они сказали по отношенію присяги; то же бы сказали по отношенію судовъ; то же сказали бы и исполняли но отношенію къ насилію. утверждающему собственность. Что было бы изъ этого, я не знаю; но знаю, что это подвинуло бы дѣло, и что это одинъ путь дѣятельности плодотворной— не дѣлать того, что противно ученію Христа, и прямо, открыто утверждать его, и не для достиженія только внѣшнихъ цѣлей, а для своего внутренняго удовлетворенія которое состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать зла другимъ, пока я еще не въ силахъ дѣлать добро имъ.

Вотъ мой отвѣтъ на ваши вопросы о томъ, чего нужно добиваться. Нужно добиваться того чтобы исполнять правила Христа для себя и открывать людямъ свѣтъ и радость исполненія ихъ. Все это. впрочемъ, лучше сказано въ Евангеліи: Мѳ. 5. 13—16.

Предвижу еще возраженіе. Вы скажете: не ясно. какъ исполнять эти правила и къ чему они приведутъ насъ? Какъ по этимъ правиламъ относиться къ собственности, къ власти. къ международнымъ отношеніямъ?

Не думайте, чтобы у Христа было бы что-нибудь не ясное. Все ясно. какъ день. Отношеніе къ власти выражено въ разсказѣ о динаріи Деньги, собственность есть дѣло

не христіанское. Оно идетъ отъ властей, власти и отдавай. Но душа твоя свободная отъ Бога истины; и потому твои дѣла, твою разумную свободу никому не отдавай, кромѣ Бога. Убить тебя могутъ, но заставить убивать и сдѣлать не христіанское дѣло не могутъ. Къ собственности—собственности по Евангелію нѣтъ, и у тѣхъ, у кого она есть, у тѣхъ—горе, т. е. имъ плохо. И потому, въ какомъ положеніи ни находился бы христіанинъ, онъ по отношенію къ собственности ничего другого не можетъ сдѣлать, какъ то, чтобы не участвовать въ насиліи, совершаемомъ во имя собственности, и то, чтобы разъяснять другимъ, что собственность есть миѳъ, что собственности нѣтъ, а есть извѣстное привычное насиліе по отношенію къ пользованію вещами, которыя люди называютъ собственностью и которое дурно. У человѣка, который будетъ отдавать кафтанъ, когда хотятъ снять рубаху, не можетъ быть рѣчи о собственности. Вопроса о международныхъ отношеніяхъ тоже не можетъ быть. Всѣ люди братья, одинакіе. И если пришли Зулу, чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать, это постараться внушить Зулу, что это ему невыгодно и нехорошо, внушить, покоряясь ему по силѣ;—тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣтъ расчета бороться съ Зулу. Или онъ одолѣетъ меня и еще больше дѣтей моихъ изжаритъ, или я одолѣю, а дѣти мои завтра заболѣютъ въ мученіяхъ худшихъ и умрутъ отъ болѣзни. Расчета нѣтъ, потому что, покоряясь, я навѣрно дѣлаю лучше, а сопротивляясь, я сомнительно дѣлаю лучше.

Такъ вотъ мой отвѣтъ: наилучшее, что мы можемъ сдѣлать, это—исполнять самимъ все ученіе Христа. А чтобы исполнять его, мы должны быть увѣрены, что оно есть истина и для всего человѣчества, и для каждаго изъ насъ. Имѣете ли вы эту вѣру?

Статью вашу, я думаю, лучше напечатать, хотя и съ сокращеніями.

Еще два возраженія или вопроса, которые, я воображаю, вы должны мнѣ сдѣлать. Первое, это то, что если покоряться такъ, какъ я говорю, и Зулу, и городовому, и отдавать злому человѣку все, что онъ захочетъ отнять у меня; если не участвовать въ государственныхъ учрежденіяхъ судовъ, учебныхъ заведеній, университетовъ, не признавать свою собственность, — то падешь на низшую ступень общественной лѣстницы, тебя затопчутъ, затрутъ, ты будешь бродяга—нищій, и свѣтъ, который есть въ тебѣ, пропадетъ даромъ, никто не увидитъ его, и потому, не лучше ли поддержать себя на извѣстной степени независимости отъ нужды и возможности образованія и общенія съ наибольшимъ кругомъ людей—печать. Дѣйствительно такъ кажется, но это только кажется. И кажется такъ потому, что намъ дороги наши удобства жизни, наше образованіе

и всѣ тѣ радости, мнимыя, которыя оно доставляетъ намъ, и мы кривимъ душой, говоря это.

Это несправедливо потому, что на какой бы низкой ступени человѣкъ не стоялъ, онъ всегда будетъ съ людьми, и потому въ состояніи дѣлать добро имъ. А лучше ли профессора университета, важнѣе ли они жителей ночлежнаго дома для христіанскаго дѣла, это—вопросъ, котораго никто рѣшить не можетъ. Въ пользу нищихъ говоритъ мое собственное чувство и примѣръ Іисуса. Только нищіе могутъ благовѣствовать, т. е. учить разумной жизни. Я могу разсуждать прекрасно и быть искреннимъ, но никто никогда не повѣритъ мнѣ, пока видитъ, что я живу въ палатахъ и проживаю съ семью въ день стоимость годовой пищи бѣдной семьи. А что касается нашего мнимаго образованія, то пора бы перестать говорить о немъ, какъ о благѣ. Испортить человѣка, оно испортитъ совсѣмъ изъ ста 99, но прибавить что-нибудь человѣку ужъ никакъ не можетъ. Вы вѣрно знаете про Сютаева. Вотъ вамъ безграмотный мужикъ, а его вліяніе на людей, на нашу интеллигенцію больше и значительнѣе, чѣмъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей со всѣми Пушкиными, Бѣлинскими вмѣстѣ взятыми, начиная отъ Тредьяковскаго и до нашего времени. Такъ потерять, ничего не потеряешь. И если кто оставитъ домъ, отца и мать, и братьевъ, и жену, и дѣтей, то найдетъ во сто разъ больше здѣсь, въ мірѣ этомъ, и домовъ, и отцовъ, и братьевъ и еще жизнь вѣчную. Многіе первые будутъ послѣдними (Мѳ. 10, 29).

Теперь другой вопросъ, прямо, невольно вытекающій изъ этого. Ну, а вы, Л. Н., проповѣдывать вы проповѣдуете, а какъ исполняете? Вопросъ этотъ самый естественный, и мнѣ его дѣлаютъ всегда, и всегда побѣдоносно зажимаютъ мнѣ ротъ. Вы проповѣдуете, а какъ вы живете? И я отвѣчаю, что не проповѣдую, и не могу проповѣдывать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдывать я могу дѣломъ, а дѣла мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а есть только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія. Значеніе его не въ томъ, чтобы во имя его насиліемъ перестраивать общество; значеніе его въ томъ, чтобы найти смыслъ жизни въ этомъ мірѣ. Исполненіе пяти заповѣдей даетъ этотъ смыслъ. Если вы хотите быть христіаниномъ, то надо исполнять эти заповѣди; а не хотите ихъ исполнять, то толкуйте о христіанствѣ внѣ исполненія этихъ заповѣдей. Но—говорятъ мнѣ—если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что виноватъ и гадокъ, и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю. Но при томъ не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и

теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и 1/100000, это правда, и я виноватъ въ этомъ; но я не исполнялъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого невѣренъ путь, по которому я иду? Если не вѣренъ, покажите мнѣ другой; если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вонъ онъ! говоритъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото. Да не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня.

Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе домой. Вѣдь я одинъ и вѣдь я не могу желать итти въ болото. Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились, и, когда я бьюсь всѣми силами, вы, при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть себя и меня, суете меня и съ восторгомъ кричите: смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болотѣ.

Такъ вотъ мое отношеніе къ ученію и исполненію. Всѣми силами стараюсь исполнить, и въ каждомъ неисполненіи не то, что только каюсь, но прошу помощи, чтобы быть въ состояніи исполнять, и съ радостью встрѣчаю всякаго, ищущаго путь, какъ и я, и слушаюсь его.

Если вы прочтете то, что я посылаю, вамъ будетъ понятнѣе и содержаніе этого письма. Пишите мнѣ. Я очень радъ общенію съ вами и съ волненіемъ буду ждать вашего отвѣта.

Предисловіе къ сочиненію Т. М. Бондарева:

о хлѣбномъ трудѣ.

Сочиненіе это предлагается здѣсь совершенно въ томъ же видѣ, какъ оно было написано. Различіе съ подлинникомъ только въ томъ, что особенная орѳографія его замѣнена той, которая обыкновенно употребляется въ книжкахъ; и еще—въ томъ, что все сочиненіе раздѣлено на двѣ части: самое изложеніе и дополненія. Въ дополненія я отдѣлилъ все то, что мнѣ казалось или повтореніемъ, или отступленіемъ отъ изложенія самаго предмета.

Сочиненіе это мнѣ кажется очень замѣчательнымъ и по силѣ и ясности, и по красотѣ языка, и по искренности убѣжденія, виднаго въ каждой строчкѣ, а—главное—по важности, вѣрности и глубинѣ основной мысли.

Основная мысль этого сочиненія слѣдующая:

Во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ важно бываетъ не то, что именно хорошо и нужно знать, а то, что изъ всѣхъ хорошихъ и нужныхъ вещей или дѣлъ — самой первой важности, что второй, что третьей и т. д. Если это важно въ житейскихъ дѣлахъ, то тѣмъ болѣе это важно въ дѣлѣ вѣры, опредѣляющей обязанности человѣка.

Татіанъ, учитель первыхъ временъ церкви, говоритъ, что несчаетіе людей происходитъ не столько оттого, что люди не знаютъ Бога, сколько оттого, что люди признаютъ ложнаго Бога, считаютъ Богомъ не то что есть Богъ.

То же можно сказать и про ученіе объ обязанностяхъ людей. Несчастіе и зло людей происходятъ не столько оттого, что люди не знаютъ своихъ обязанностей, столько оттого, что они признаютъ ложныя обязанности, что они признаютъ своею обязанностью не то, что есть ихъ обязанность и не признаютъ своей обязанностью того, что и есть главная ихъ обязанность.

Бондаревъ утверждаетъ, что несчастія и зло людей произошли оттого, что они признали своими религіозными обязанностями много пустыхъ и вредныхъ постановленій, а забыли и скрыли отъ себя и другихъ свою главную.

---

[1]) Перепечатывается изъ X т. соз. Л. Н. Толстого, изд. В. Г. Чертковымъ.

первую, несомнѣнную обязанность, выраженную въ 1-ой главѣ священнаго писанія: „въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой“.

Для людей, вѣрующихъ въ святость и непогрѣшимость слова Божьяго, выраженнаго въ Библіи, заповѣдь эта, данная самимъ Богомъ и нигдѣ не отмѣненная, есть достаточное доказательство ея истинности.

Для людей же, не признающихъ священнаго писанія, значеніе и истинность этого положенія, если мы только безъ предубѣжденія будемъ разсматривать его, какъ простое, не сверхъестественное выраженіе человѣческой мудрости, доказывается обсужденіемъ условій жизни людей, какъ и дѣлаетъ это Бондаревъ въ этомъ своемъ сочиненіи.

Duke University Libraries
D045500640